3 1761 08821251 9

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ВОСЕМЬСОТЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ.

(1821—1825)

(отрывки изъ неоконченнаго романа)

М. И. Анненковой.

КАМЕНКА.

I.

Михаилъ Павловичъ Бестужевъ-Рюминъ посѣтилъ Каменку впервые, осенью въ 1821 году, послѣ своего нежданнаго перевода въ южную армію, въ полтавскій полкъ, изъ распущеннаго, за неповиновеніе, семеновскаго гвардейскаго полка.

Никогда потомъ, въ немногіе годы молодой и бурной, рано погибшей жизни, Бестужевъ не могъ забыть ни своего заѣзда въ этотъ красивый уголокъ кіевской Украйны, ни его радушныхъ обитателей.

Это было въ концѣ ноября.

Его однополчанинъ по гвардіи и теперь ротный командиръ по полтавскому полку, Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, собирался тогда въ свое родовое, миргородское помѣстье, село Хомутецъ.

— Хочешь, Миша,—сказалъ онъ ему:—я по пути заѣду на именины въ Каменку... тамъ, въ екатерининъ день, весело,—барышни, танцы... а главное, увидишь общество замѣчательныхъ, истинно умныхъ русскихъ людей.

Ротный любилъ Мишеля, покровительствовалъ ему и былъ радъ доставить ему развлеченіе. Они поѣхали.

Дорога въ этой части чигиринскаго уѣзда шла извили-

стыми, лѣсистыми холмами. Погода была мглистая, съ небольшимъ морозомъ. Дубовыя, липовыя и грабовыя рощи, захваченныя раннимъ снѣгомъ, еще не потерявъ всѣхъ листьевъ, стояли то темными, то багрово-золотистыми островами, среди опустѣлыхъ, бѣлыхъ полянъ. Рѣдкіе села и хуторы, съ историческими именами: Суббо̀тово, Смѣла, Мотро̀нинъ и Лебединскій монастыри, напоминали гетманщину и недавніе, послѣдніе дни Запорожья.

Верстахъ въ сорока отъ Чигирина, извилистый проселокъ сталъ круто спускаться въ долину. Подъ пригоркомъ, пересѣкая Каменку на двѣ части, текла еще незамёрзшая рѣка Тясминъ. Сквозь морозную мглу блеснули маковки двухъ церквей, обозначились новые, вдаль уходящіе холмы и обширное, въ нѣсколько сотъ дворовъ, населенное малороссами и евреями, мѣстечко. На возвышенномъ взгорьѣ сталъ виденъ большой, двухъ-этажный, помѣщичій домъ, съ пристройками, — за нимъ старый садъ, красивыми уступами спускавшійся къ рѣкѣ. Барскій дворъ былъ уставленъ возками, санями. Кучера водили упаренныхъ лошадей. Прислуга суетилась межъ домовъ и дворовыми постройками.

— А знаешь ли, кого еще мы можемъ здѣсь встрѣтить?— сказалъ спутникъ Мишелю, при спускѣ въ улицу, называя ему обычныхъ каменскихъ гостей; сюда эти дни ждали гостя изъ Кишинева... онъ уже навѣщалъ Каменку минувшею весной...

— Кто такой?

— Пушкинъ...

— Можетъ ли быть?

— Увидишь.

Любопытство Мишеля было сильно возбуждено, и онъ не помнилъ, какъ въѣхалъ въ ворота и какъ ступилъ на крыльцо.

Восемнадцатилѣтній, темнорусый, голубоглазый и средняго роста юноша, Мишель въ это время съ виду былъ еще почти ребенокъ. Сильно впечатлительный, добраго и нѣжнаго сердца, онъ, подъ надзоромъ страстно его любившей матери, сперва воспитывался въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, въ пансіонѣ какого-то парижскаго эмигранта-аббата. Образованіе ему было дано въ духѣ того времени, чисто французское, такъ что, до поступленія въ гвардію, онъ даже съ трудомъ говорилъ по-русски.

Опредѣлясь въ полкъ, изящный, чувствительный и нѣж-

ный воинъ не могъ равнодушно видѣть мученій мухи, комара. Полковая учебная стрѣльба бросала его въ краску и приводила въ дрожь. Затянутый въ узкій офицерскій мундиръ, съ высокимъ, жесткимъ воротникомъ и острыми длинными фалдочками, онъ, когда былъ веселъ, своимъ звонкимъ, задорнымъ смѣхомъ и рѣзвостью, а когда скучалъ, — томностью робкихъ, разсѣянныхъ глазъ, красиво-вьющимися кудрями и вздохами, напоминалъ скорѣе дикую, несложившуюся дѣвочку, чѣмъ сына Марса. Не желая, впрочемъ, отстать отъ товарищей, онъ любилъ себя показать лихачемъ, гарцовалъ по Невскому на красивомъ скакунѣ, участвовалъ въ дружескихъ попойкахъ, въ карточной игрѣ и прочихъ холостыхъ кутежахъ. Но его любимымъ занятіемъ было чтеніе.

Западные и преимущественно французскіе историки, философы, романисты, поэты и экономисты были Мишелемъ съ жадностью прочитаны въ богатыхъ библіотекахъ его московской и петербургской родни. Съ книгой Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, съ разсужденіемъ о законахъ Монтескье, съ Вольтеромъ и Дидеро онъ ознакомился съ такимъ же наслажденіемъ, какъ и съ Плутархомъ, Гельвеціемъ, Кондильякомъ, Гольбахомъ, Вателемъ и Руссо. Изъ русскихъ писателей онъ увлекся фантастическими балладами Жуковскаго и плакалъ надъ «Лизой» Карамзина. Но его идеаломъ былъ Пушкинъ... Мишель зналъ наизусть почти всѣ его стихи, въ томъ числѣ его неизданныя, смѣлыя и пламенныя сатиры, ходившія въ то время въ безчисленныхъ спискахъ и читавшіяся на расхватъ: Лицинію, Деревня, Кинжалъ, Чаадаеву, на Аракчеева, Голицына и другія.

И вдругъ, этотъ Пушкинъ, этотъ идолъ молодежи, полубогъ, могъ быть дѣйствительно здѣсь же, въ Каменкѣ. Не шутитъ ли товарищъ? не издѣвается ли безъ жалости надъ юнымъ поклонникомъ любимца парнасскихъ боговъ?

Виновница имениннаго съѣзда, еще сохранившая слѣды былой, замѣчательной красоты, величественная и любезная семидесятилѣтняя старушка, Екатерина Николаевна Давыдова была урожденная графиня Самойлова, сестра извѣстнаго канцлера и племянница свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Отъ перваго брака у нея былъ сынъ,—извѣстный защитникъ Смоленска и герой Бородина и высотъ Парижа, гене-

раль Николай Раевскій, два сына котораго, ея внуки, были друзьями Пушкина. Ея сыновья отъ второго мужа, Давыдова, старшій—Александръ и младшій—Василій Львовичи, жили съ матерью. Высокій, тучный, свѣтлорусый и величавый, отъ природы неподвижный, лѣнивый и всегда полудремлющій Александръ Львовичъ, какъ и его мать, весьма схожій съ дѣдомъ Потемкинымъ, былъ женатъ на красавицѣ-француженкѣ, графинѣ Граммонъ. Василій Львовичъ, совершенная противоположность брату Александру, впослѣдствіи женатый на миловидной и доброй, дальней родственницѣ, Александрѣ Ивановнѣ, былъ съ виду въ покойнаго своего отца, — роста ниже средняго, съ курчавыми, темными волосами, веселый, со всѣми общительный, говорливый и живой.

Оба брата воспитывались въ петербургскомъ пансіонѣ аббата Николь, служили, какъ всѣ тогда, въ военной службѣ, одинъ въ кавалергардахъ, другой адъютантомъ князя Багратіона — въ гусарахъ, отличились въ двѣнадцатомъ году и теперь находились въ отставкѣ, старшій — генераломъ, младшій — полковникомъ. Александръ Львовичъ съ семьей жилъ въ нижней, лѣвой части каменнаго дома; Василій— въ особой пристройкѣ, въ правой. Средину нижняго этажа, съ своими домочадцами, занимала старушка-мать. Она вставала рано, обходила въ пристройкахъ разныя рукодѣлья, кружевницъ, коверщицъ и швей, навѣщала оранжереи, цвѣтники и свѣряла свой брегетъ по солнечнымъ часамъ, устроеннымъ на садовой полянѣ, передъ домомъ. Всѣ обѣдали, пили чай и ужинали внизу у старушки, бесѣдуя въ общей, огромной, увѣшанной фамильными портретами, нижней гостиной. Верхній этажъ и одинъ изъ флигелей служили для пріѣзда гостей.

Къ Каменкѣ принадлежали семнадцать тысячъ десятинъ земли, унаслѣдованной ея владѣлицей, благодаря дядѣ, свѣтлѣйшему Потемкину, то-есть чуть не половина Чигиринскаго уѣзда, и Екатерина Николаевна заранѣе рѣшала почти всѣ уѣздные выборы, говоря одному—ты, батюшка, будешь предводителемъ, другому—тебѣ быть исправникомъ, или судьей.

Въ семейные праздники въ Каменку съѣзжались, кромѣ другихъ сосѣдей, Лопухиныхъ, Орловыхъ, родные хозяевъ, изъ Кіева Александръ и Николай Раевскіе, Поджіо и др. А теперь здѣсь былъ и недавно женатый на сестрѣ Раев-

скихъ, служившій въ Кишиневѣ, генералъ Михаилъ Орловъ, съ своимъ адъютантомъ, Охотниковымъ, генералъ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій и московскій гость, также бывшій семеновецъ, капитанъ Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ.

Мишель съ товарищемъ подъѣхали къ началу молебна. Всѣ гости были въ сборѣ, отслушали исполненное пѣвчими многолѣтіе, поздравили именинницу и въ ожиданіи пирога, размѣстились вкругъ хозяйки въ гостиной и частью въ залѣ. Слуги разносили чай. Степенный и важный дворецкій, Левъ Самойлычъ, съ порога поглядывалъ, все ли въ порядкѣ въ залѣ и въ столовой.

Прерванный молебномъ разговоръ оживленно продолжался. Мишель разсѣянно прислушивался къ толкамъ лицъ, которымъ передъ тѣмъ былъ представленъ. Съ нимъ заговорилъ младшій Раевскій. Но онъ и его едва слушалъ, оглядываясь и ища кого-то счастливыми, смущенными глазами.

Французскій говоръ здѣсь преобладалъ, какъ и во всемъ тогдашнемъ обществѣ. До слуха Мишеля долетали слова:— «кортесы рѣшили» — «Меттернихъ опять» — «силы якобинцевъ» — «Аракчеевъ» — «карбонары»... Кто-то передавалъ подробности о недавнемъ, неудачномъ, хотя столько пророчившемъ вторженіи въ Турцію изъ Кишинева грека-патріота, русскаго флигель-адъютанта, князя Ипсиланти.

— Это сильно озадачило, смѣшало нашъ кабинетъ,—произнесъ въ гостиной молодой женскій голосъ: — добрая попытка не умретъ...

— Да, но бѣдная родина Гомера и Ѳемистокла!—возразилъ другой голосъ, и въ немъ Мишель узналъ своего ротнаго: — ждите... не скоро вернется законное наслѣдіе четырехвѣковой жертвѣ турецкихъ кинжаловъ и цѣпей...

— Австрійцы вторглись въ Неаполь и мы же, имъ въ помощь, стянули войско къ границѣ,—толковали въ залѣ.

— И все Меттернихъ, Аракчеевъ.

— Но у насъ Сперанскій, Мордвиновъ...

— Придетъ пора!

— Два года назадъ, Зандъ расправился съ предателемъ Коцебу...

— А вы знаете новую сатиру Пушкина на Аракчеева?— спросилъ кто-то Раевскаго, въ двухъ шагахъ отъ Мишеля.

— Какъ не знать!.. «Достоинъ лавровъ Герострата?»— отозвался тотъ.

— Нѣтъ, а эти:

«Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести,
Кто-жъ онъ, преданный безъ лести?»

— «Просто фронтовой солдатъ!»... еще бы!—да гдѣ же онъ самъ? ужли еще спитъ?—произнесъ Раевскій и, обратясь къ Мишелю, сказалъ: — вы желали съ нимъ познакомиться... хотите на верхъ?

— Постой, постой.—крикнулъ Раевскому младшій Давыдовъ, держа листокъ бумаги:—Омелько пошелъ будить Пушкина, а онъ ему сказалъ и записалъ въ постели вотъ этотъ экспромтъ...

Давыдовъ прочелъ стихи: «Мальчикъ, солнце встрѣтить должно».

— Мило! прелесть!—раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Мишель пошелъ за Василіемъ Львовичемъ.

Поднявшись изъ сѣней, по внутренней, круглой, полутемной лѣстницѣ, Мишель и его провожатый остановились вверху, у небольшой двери. Мишель почему-то предполагалъ увидѣть Пушкина не иначе, какъ демонически-растрепаннаго, въ странномъ и фантастическомъ нарядѣ, въ красной фескѣ и въ пестромъ, цыганскомъ плащѣ. Раевскій постучалъ въ дверь.

— Entrez! — раздался за порогомъ негромкій, пріятный голосъ.

Къ удивленію Мишеля, Пушкинъ оказался въ щегольски сшитомъ черномъ сюртукѣ и въ бѣлыхъ воротничкахъ. Его непокорныя, вьющіяся кудри были тщательно причесаны. Онъ сидѣлъ у стола. Свѣтлая, уютная комната, окнами въ садъ, на Тясминъ и зарѣчные холмы, была чисто прибрана. Ни безпорядка, ни сора, ни слѣдовъ воспѣваемаго похмелья.

— Бессарабскій... онъ же и бѣсъ арабскій!—сказалъ съ улыбкой Раевскій, представляя Мишелю пріятеля.

— Что, пора?.. развѣ пора?—торопливо спросилъ Пушкинъ, впопыхахъ подбирая на столѣ клочки исписанныхъ бумагъ, комкая ихъ и пряча въ карманы и столъ.

Мишель съ трепетомъ вглядывался въ эти клочки, въ этотъ столъ и въ знакомыя по наслышкѣ, выразительныя черты любимаго, дорогого писателя.

— Пирогъ простынетъ,—съ укоромъ сказалъ Раевскій.

— Ну, вотъ!—поморщился Пушкинъ, оглядываясь на дверь: — душенька, какъ бы безъ меня?

— Безъ тебя! да что ты? развѣ забылъ:

«Тебя, Раевскихъ и Орлова
И память Каменки любя...»

— Оставь, голубушка! ужъ лучше и впрямь о пирогѣ,— уныло отвѣтилъ Пушкинъ, посматривая, все ли спряталъ со стола.

— Нѣтъ, — вдругъ перебилъ, заикаясь, краснѣя и самъ себѣ удивляясь, Мишель: — нѣтъ, это неподражаемо, восторгъ... «Недвижный стражъ дремалъ»... я все знаю... или это:

«И неподкупный голосъ мой
Былъ эхомъ русскаго народа...»

Пушкинъ, надѣвая перчатки, радостно и ласково глядѣлъ на худенькаго и голубоглазаго офицерика, въ стянутомъ воротникѣ и со вздёрнутыми, въ видѣ крылышекъ, эполетами, неловко и съ нерусскимъ выговоромъ произнесшаго передъ нимъ его стихи.

— А это? — почти вскрикнулъ взволнованнымъ, дѣтски-сорвавшимся голосомъ Мишель:

«Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный,
И рабство, падшее по манію царя?»

Пушкинъ помолчалъ, взялъ шляпу.

— Не увидишь, милый, не увидишь, славный!— сказалъ онъ съ горечью и, обратясь къ Раевскому, прибавилъ: — объясни ему это, Николай.

— Да почему же? — спросилъ, замедлясь у двери, Раевскій:—развѣ тотъ, въ Грузинѣ, не допуститъ?..

— Малюта Скуратовъ! врагъ честныхъ Адашевыхъ!— проговорилъ Мишель.

— Да онъ съ искоркой! — вполголоса сказалъ пріятелю Пушкинъ, спускаясь по лѣстницѣ.

Мишель разслышалъ эти слова и былъ внѣ себя, на седьмомъ небѣ.

Въ теченіе всего того дня, за завтракомъ, обѣдомъ и чаемъ, Мишель не спускалъ глазъ съ дорогого гостя. Онъ любовался его шутками, остротами и шаловливымъ ухаживаньемъ за двѣнадцатилѣтнею, быстроглазою и хорошенькою Адель, дочерью старшаго Давыдова, которой Пушкинъ, какъ узналъ Мишель, передъ тѣмъ написалъ извѣстные стихи: «Играй, Адель».

Вечеромъ молодежь танцовала. Сосѣдія дамы и дѣвицы пѣли итальянскія аріи и французскія романсы. Въ карты

никто не игралъ, да и некогда было. Общая, дружеская и разнообразная бесѣда длилась далеко за полночь.

Лежа въ постели, въ комнатѣ, также отведенной наверху и случайно по сосѣдству съ Пушкинымъ, Мишель долго не могъ заснуть.

— «Какая разница!» — разсуждалъ онъ: — «этотъ домъ, это общество и тѣ, гдѣ я прежде бывалъ! Правду сказалъ товарищъ: вотъ истинно-умные русскіе люди... И какъ здѣсь все просто, безъ чопорности и праздныхъ затѣй... Ни лишней, толкущейся, напыщенной челяди, ни всѣхъ обычаевъ стараго барства... А разговоры? Давно ли, въ видныхъ, даже гвардейскихъ семьяхъ, какъ о чемъ-то обычномъ, шли пренія о томъ, какъ полезнѣе наказывать солдатъ? часто ли и понемногу, или рѣдко, но мѣтко? Давно ли, не на моихъ ли глазахъ, нечистые на руку офицеры жаловались начальству, что товарищъ этого назвалъ негодяемъ, тому нанесъ ударъ по лицу? А здѣсь — два генерала, Волконскій и Орловъ, у нихъ въ полкахъ, какъ говоритъ Сергѣй Ивановичъ, отмѣнены палки, солдатское хозяйство отдано самимъ солдатамъ, заведены батальонныя школы, библіотеки. И все у нихъ тихо, солдаты отъ нихъ безъ ума. Что̀ это значитъ? и почему во главѣ правленія стоитъ ненавистный всѣмъ Аракчеевъ, а не Мордвиновъ и не Сперанскій, которыхъ всѣ такъ любятъ и отъ которыхъ такъ много ждутъ? Боже, смилуйся надъ родиной. Вѣдь я такъ ее сильно, такъ горячо люблю. Ты—высшая правда, наше спасеніе и любовь!» Мишель заснулъ, вспоминая книгу Эккартсгаузена, которою нѣкогда такъ зачитывался: «Dieu est l'amour le plus pur».

На другой день, когда часть гостей разъѣхалась и, кромѣ двухъ-трехъ постороннихъ, остались близкіе друзья хозяевъ, Пушкинъ, исполняя желаніе дамъ, прочелъ вслухъ конченнаго весной въ Каменкѣ «Кавказскаго плѣнника» и наброски новой поэмы «Братья разбойники». Восторгъ слушателей, особенно Мишеля, былъ неописанный. «Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу!» шепталъ Мишель, забывая окружающихъ и мысленно слѣдя за узниками, разбивающими цѣпи. Онъ сильно обрадовался, когда узналъ, что его полковой товарищъ, по просьбѣ хозяевъ, рѣшилъ еще погостить въ Каменкѣ.

Тѣсный кругъ собесѣдниковъ, по вечерамъ, собирался на половинѣ младшаго Давыдова. Разговоръ сталъ еще увле-

кательнѣе, живѣе. Толковали о недавнихъ столичныхъ новостяхъ: объ удаленіи, по доносу Фотія, министра Голицына, о запрещеніи книги преосвященнаго Филарета и «естественнаго права» профессора Куницына, о голодѣ въ смоленской губерніи, откуда пріѣхалъ Якушкинъ, о пророческихъ радѣніяхъ модной сектантки Татариновой и о новыхъ движеніяхъ въ Испаніи и Пьемонтѣ. Кто-то сказалъ, что готовится распоряженіе о закрытіи всѣхъ масонскихъ и другихъ, тайныхъ и явныхъ, благотворительныхъ обществъ въ Россіи. Послѣдняя новость вызвала большіе споры.

Болѣе другихъ, горячо и съ сердцемъ объ этомъ говорили младшій хозяинъ, Василій Львовичъ, и его товарищъ по петербургскому пансіону аббата Николь, князь Волконскій. Старшій Давыдовъ, Александръ, слушалъ общіе толки нехотя и разсѣянно, то морщась, то снисходительно улыбаясь, куря сигару и лишь изрѣдка, хриплымъ, лѣнивымъ басомъ, вставляя свое слово.

II.

Въ памяти Мишеля особенно врѣзался послѣдній изъ тогдашнихъ вечеровъ въ Каменкѣ.

Мужчины, какъ всегда, пообѣдавъ, собрались покурить въ большомъ, съ мягкою мебелью, кабинетѣ Василія Львовича. Орловъ переглянулся съ Волконскимъ и, сказавъ что-то Якушкину, сѣлъ въ общій кругъ, къ столу, поглядывая на Пушкина. Они втроемъ какъ бы о чемъ-то между собою условились.

— Господа,—сказалъ Орловъ, какъ всегда, по-французски:—у меня къ вамъ просьба; мы каждый день толкуемъ, споримъ, и все, кажется, безъ толку. Говорятся умныя вещи, а не сходимся ни въ чемъ, и неизвѣстно, на чьей сторонѣ правда. Попробуемъ вести разговоръ по-парламентски.

— Это какъ?—спросилъ ничего не подозрѣвавшій младшій Раевскій.

— Выберемъ предсѣдателя... вотъ, кстати, на столѣ и колокольчикъ,—улыбнулся черноглазый и статный красавецъ Орловъ.

— Браво!—подхватилъ Пушкинъ, садясь съ ногами на диванъ:—будетъ старое вѣче...

— Республики въ Новгородѣ и Псковѣ процвѣтали семь вѣковъ!—не громко, но рѣшительно, проговорилъ Мишель.

— Искорка!—разсмѣялся Пушкинъ:—но кого же въ предсѣдатели?

— Вамъ, Николай Николаевичъ! васъ выбираемъ!—обратился Якушкинъ, очевидно по условію съ другими, къ младшему Раевскому.

— Тебѣ, тебѣ! — крикнулъ Пушкинъ, аплодируя другу.

— Избираемъ, просимъ!—подхватили остальные.

Всѣ тѣснѣе сдвинулись, съ трубками и сигарами, вкругъ большого, укрытаго ковромъ, стола. Тяжело изъ угла, съ своей гаванной, подвинулся въ креслѣ и старшій, какъ всегда, плотно поѣвшій, Давыдовъ.

— О чемъ же пренія?—полушутя и полуважно спросилъ, берясь за колокольчикъ, Раевскій.

— Да вотъ, — началъ Якушкинъ: — чего ни коснешься, рѣчь невольно заходитъ о томъ же незримомъ, безъ видимой должности и власти, человѣкѣ, который, между тѣмъ, теперь вся сила и власть... Вы, разумѣется, понимаете, о комъ говорю?

— Еще бы,—отозвался Василій Львовичъ.

— Протей-министръ,—произнесъ Волконскій.

— Діонисіево ухо, — сказалъ, поджимая подъ себя ноги, Пушкинъ.

— Онъ лазутчески, подъ личиной скромности, — продолжалъ Якушкинъ: — какъ змѣй, какъ тать вползаетъ всюду, все порочитъ и хулитъ, ловко сѣя недовѣріе въ монархѣ къ лучшимъ силамъ страны.

— Къ нему, въ Грузино, — подхватилъ Василій Давыдовъ: — уже ѣздятъ не только члены государственнаго совѣта, даже министры...

— А ты, Базиль, хотѣлъ бы, — хрипло прокашлявшись, перебилъ брата старшій Давыдовъ: — чтобъ всѣ ѣздили къ твоему краснобаю, Мордвинову, или къ этой раскаявшейся, семинарской Магдалинѣ,—къ Сперанскому?

— Не перебивать, не перебивать! къ порядку! — послышались голоса.

Раевскій позвонилъ. Александръ Львовичъ, брезгливо пыхтя, опустилъ спину въ кресло, а подбородокъ въ жабо.

— Такъ вотъ господа,—продолжалъ Якушкинъ:—слыша это, всѣ мы, между прочимъ, знаемъ, кто въ настоящее время противится и лучшимъ мыслямъ государя... въ томъ числѣ предположенію о волѣ крестьянъ... Поставимъ вопросъ: возможна ли, желанна ли эта воля?

— Еще бы,—живо отвѣтилъ Волконскій:—дарована сво-

бода, завоеваннымъ, прибалтійскимъ эстамъ и латышамъ... а сильная, древняя Россія...

— Побѣжденные ликуютъ, побѣдители порабощены! — произнесъ съ чувствомъ Орловъ.

— Гоняемся за славой освободителей и повелителей всей Европы, — проговорилъ младшій Давыдовъ:—а дòма—военныя поселенія, Татаринова, Фотій и Магницкій.

— Такъ тебѣ, Вася, хотѣлось бы освободить своихъ крѣпостныхъ?—спросилъ Александръ Львовичъ.

— Да, да, и тысячу разъ да!—съ жаромъ и твердо отвѣтилъ младшій братъ.

Александръ Львовичъ грузно повернулся лѣнивымъ, тучнымъ тѣломъ, попробовалъ опять прокашляться и привстать.

— А кто будетъ, Базиль, тебѣ дѣлать фрикандò, супъ а-ла тортю и прочее,—спросилъ онъ:—если дадутъ вольную Митькѣ? и чтò скажетъ Левъ Самойлычъ?

— Всѣхъ освобожу, и теперь Митѣ и Самойлычу я плачу жалованье! — отвѣтилъ Василій Львовичъ: — спроси, вонъ, Якушкина; ему графъ Каменскій давалъ четыре тысячи за двухъ крѣпостныхъ музыкантовъ его отца... а Иванъ Дмитріевичъ графу отвѣтилъ выдачей имъ обоимъ вольныхъ.

— Рисуетесь!—брезгливо прохрипѣлъ Александръ Львовичъ, сося полупогасшую сигару:—въ якобинцевъ играете... мода, жалкое подражаніе чужимъ образцамъ.

— Какъ мода? извините!—обратился къ спорщику Волконскій:—это постоянная мысль лучшихъ нашихъ умовъ.

— Гдѣ они? — кисло улыбнулся и зѣвнулъ Александръ Львовичъ.

— Екатерина думала, — отвѣтилъ Волконскій: — графъ Стенбокъ, двадцать лѣтъ назадъ, подавалъ мнѣніе о вольныхъ фермерахъ... Малиновскій совѣтовалъ объявить волю всѣхъ крестьянскихъ дѣтей, родившихся послѣ изгнанія Наполеона.

— Мордвиновъ предлагалъ планъ,—подхватилъ Орловъ:—чтобы каждый, кто внесъ за себя въ казну извѣстную сумму, по таксѣ, или пойдетъ охотой въ солдаты, былъ свободенъ.

— Опять Мордвиновъ! но вѣдь это все галиматья!—нетерпѣливо проговорилъ Александръ Львовичъ:—quelle idée! воля безъ земли, безъ права на свой уголъ, пашню, домъ... вѣдь фермеры...

— Отсталъ, отсталъ!—живо крикнули Давыдову Орловъ.

младшій братъ и Волконскій: — съ землею! рѣшаютъ дать землю!

— Кто рѣшаетъ? — удивленно спросилъ и даже приподнялся Александръ Львовичъ, глядя на собесѣдниковъ.

Тѣ странно замолчали.

— Охъ вы, кроители законовъ и жизни!.. скучно!.. Партіи! но вѣдь и Аракчеевъ партія... потягайся съ нимъ!

— Такъ по-твоему все хорошо? и военныя поселенія? — спросилъ брата младшій Давыдовъ.

— Нѣтъ, этого не хвалю.

— Наконецъ-то! но почему?

— Да какъ тебѣ это сказать? ну, просто нелѣпо и глупо устроено! ну, совсѣмъ глупо! — убѣжденно отвѣтилъ Александръ Львовичъ: — всѣ эти поселяне, во-первыхъ, никуда негодные солдаты, а во-вторыхъ, внѣ фронта, постоянно недовольные крестьяне... оттого и бунты...

Проговоривъ это, Александръ Львовичъ, сопя и сердито бурча себѣ подъ носъ, пересѣлъ въ глубь комнаты, на другой диванъ и, какъ бы рѣшивъ болѣе не спорить, закрылъ глаза.

Шли пренія о новомъ предметѣ. Сильно горячился Орловъ. Ему возражалъ Якушкинъ.

— Такъ какъ, по слухамъ, предполагаютъ закрыть масонскія и другія тайныя, благотворительныя общества, — сказалъ Орловъ: — я прошу слова и предлагаю вопросъ: насколько умѣстна и нужна эта мѣра? и можетъ ли самый способный, благомыслящій чиновникъ замѣнить, въ смыслѣ общей пользы, частнаго, свободнаго дѣятеля?

— Парадоксъ! — произнесъ, очевидно условно, Якушкинъ.

— Далеко не парадоксъ, — возразилъ Муравьевъ: — понятія народа грубы; насилія всякаго рода, продажность судей, воровство и грабительство снизу до верху и общая нравственная тьма, развѣ это не возмутительно?

— У насъ, кто смѣлъ — грабитъ, кто не смѣлъ — крадетъ, — сказалъ Василій Львовичъ.

— Отслужили когда-то честную службу масоны, — произнесъ Волконскій: — но ихъ ученіе перешло въ нѣчто — низшее нашего вѣка, въ мистицизмъ. Волтерьянство предковъ замѣнилось исканіемъ всемірной, слѣдовательно, опять не нашей, не насущной истины. А время не ждетъ.

— Именно такъ, — сказалъ Василій Львовичъ: — намъ надо отплатить низшимъ, страждущимъ слоямъ за все, что мы

черезъ нихъ имѣемъ, за наше богатство, почести, образованіе, за превосходство во всемъ...

— Такъ, такъ! — отозвались голоса.

— Поэтому-то и въ виду нашихъ просвѣщенныхъ сосѣдей—нѣмцевъ,—произнесъ Орловъ: — цѣня усилія и труды высоко-рыцарскаго общества Тугендбундъ, этого борца за права человѣчества, я, господа, предлагаю вопросъ: насколько было бы полезно и у насъ учрежденіе подобнаго... тайнаго общества?

Всѣ на мгновеніе замолчали. Старшій Давыдовъ раскрылъ глаза. Пушкинъ сидѣлъ блѣдный, взволнованный. Мишель отиралъ смущенное, раскраснѣвшееся лицо.

— Какія цѣли этого общества?—спросилъ, взглянувъ на Волконскаго, Якушкинъ.

— Благотворительность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ,—отвѣтилъ Орловъ:—ну, просвѣщеніе ближнихъ, облагороженіе службы на всѣхъ жизненныхъ ступеняхъ.

— Разумѣется, такое общество полезно!—сказалъ Василій Львовичъ.

Его поддержалъ Охотниковъ.

— О, еще бы! и скорѣе, господа!—съ жаромъ отозвался Пушкинъ:—не откладывайте! при избыткѣ силъ, при глухой и ничтожной нашей обстановкѣ... да это будетъ кладъ...

— Патріоты, члены такого общества,—прибавилъ младшій Давыдовъ:—обновятъ заглохшую жизнь, укрѣпятъ, зажгутъ любовь къ родинѣ у всѣхъ...

— Я противъ тайныхъ обществъ, — сказалъ, какъ бы дождавшись своей очереди, Якушкинъ.

— Почему?—удивились нѣкоторые.

— Да очень просто, — продолжалъ Якушкинъ:—буду говорить откровенно... Всѣ тайныя общества у насъ вскорѣ будутъ запрещены, а это, по существу своихъ цѣлей, высокихъ и сокровенныхъ, не можетъ быть явнымъ... И потому, вы меня поймете, учреждать такое общество,—значитъ прямо идти подъ грозный отвѣтъ Аракчееву...

— Не боюсь я вашего сатрапа! — запальчиво крикнулъ Пушкинъ:—ученикъ Лагарпа, ставъ императоромъ Европы, не переставалъ быть нашимъ царемъ... Онъ выслушаетъ насъ, пойметъ...

— А если графъ къ нему не допуститъ?—сказалъ, улыбаясь, Орловъ.

— Допустить!—произнес Пушкин, сверкнув глазами.

— Понимаю рѣшимость Курція и Винкельрида!—проговорилъ, охваченный дрожью, Мишель.

— Enfants perdus,—досадливо пробасилъ съ дивана Александръ Львовичъ.

— Такъ ты и въ этомъ противъ насъ? говори, противъ?—обратился къ нему младшій братъ.

— Еще бы... все фарсы! пересадка то нѣмцевъ, то Франціи...

— Какая?

— Да эти-то подземные рыцари... все игра въ конституцію, въ партіи... и все для успѣха толпы...

— Но эта толпа—родное общество,—убѣжденно сказалъ Орловъ:—мы же его ближайшіе, кровные вожди...

— А я не согласенъ,—подзадоривалъ Якушкинъ.

— Пора достроить старое, великое зданіе, — произнесъ Волконскій.

— Рано, князинька, захотѣли быть на виду, карнизомъ!—возразилъ старшій Давыдовъ:—не только наши стѣны, фундаментъ ползетъ по швамъ.

— Стыдно, слушай! Ужли не понимаешь?—обратился къ брату Василій Львовичъ:—вѣдь одно спасеніе въ такомъ обществѣ.

— Vous périrez, cher frère...

— Mais en honnête homme... voilà.

— Et moi, moi,—заговорилъ, горячась и сверхъ обычая сильно волнуясь, старшій братъ:—je vous dis... vous fairez bien du mal à la Russie,—съ этимъ вашимъ тайнымъ обществомъ!.. вы насъ отодвинете на пятьдесятъ лѣтъ назадъ...

Прошло нѣсколько мгновеній общаго молчанія.

— Такъ какъ же? поставимъ прямо вопросъ: полезно ли учрежденіе такого общества?—спросилъ Орловъ:—рѣшайте!

Стали собирать голоса. Большинство, въ томъ числѣ самъ предсѣдатель, отвѣтили утвердительно.

— Мнѣ же не трудно доказать противное, а именно, что вы всѣ здѣсь шутите,—вдругъ сказалъ Якушкинъ:—и первый намъ это докажетъ нашъ предсѣдатель.

— Какъ такъ?—спросилъ, краснѣя, Раевскій.

— Дѣло просто,—продолжалъ Якушкинъ:—ну, положимъ, мы васъ обманывали... или нѣтъ, иначе говоря... ну, представьте, что союзъ, или тамъ тайное политическое общество, о которомъ сейчасъ шла рѣчь... уже теперь существуетъ и что вы среди его членовъ...

— Ну, и что же? — спросилъ не совсѣмъ рѣшительно Раевскій.

Пушкинъ, Мишель и другіе впились глазами въ Якушкина.

— Такъ вотъ я къ вамъ, Николай Николаевичъ, обращаюсь, — проговорилъ Раевскому Якушкинъ: — если такое общество существуетъ, вы навѣрное отказались бы вступить въ его члены?

— Напротивъ, изъ первыхъ бы къ нимъ присоединился, — отвѣтилъ Раевскій.

— Ой ли? въ такомъ случаѣ, — торжественно произнесъ Якушкинъ:—знайте, общество существуетъ... вашу руку...

— Вотъ она!—нѣсколько подумавъ, сказалъ Раевскій.

— И моя!—съ жаромъ вскрикнулъ Пушкинъ.

— И моя!—радостно присоединился Мишель.

Волконскій тревожно, изъ-за спины Орлова, дѣлалъ, незамѣтные другимъ, знаки Якушкину. Послѣдній опомнился.

— Я пошутилъ,—сказалъ, смѣясь, Якушкинъ:—мы условились съ Орловымъ: неужели можно было принять это за правду? тайнаго общества въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ.

Орловъ, Василій Давыдовъ и Волконскій также смѣялись.

— Ну, и браво!—проговорилъ весело, поворачиваясь въ креслѣ, Александръ Львовичъ:—а то вы, господа, совсѣмъ было меня напугали... глупая мода — эти общества! пустая и опасная...

Пушкинъ всталъ.

— Какъ? такъ это и впрямь была только шутка?—вскрикнулъ онъ взволнованнымъ, обрывавшимся голосомъ: — вы издѣвались надъ нами? шутили!

Всѣхъ поразилъ видъ Пушкина. Въ его гнѣвно пылавшихъ глазахъ дрожали слезы. На блѣдномъ лицѣ выступили красныя пятна. Весь онъ былъ взбѣшенъ и раздраженъ.

— Я никогда... о, никогда,—произнесъ онъ съ чувствомъ и сбиваясь на каждомъ словѣ: — въ жизни я ни разу не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь...

Всѣ слушали молча...

— Я вѣрилъ,—продолжалъ Пушкинъ:—говорю среди честныхъ людей... я замѣчалъ, почти былъ убѣжденъ, что тайный союзъ патріотовъ уже учрежденъ, или здѣсь же, среди насъ, получитъ свое начало... Я видѣлъ высокую цѣль, видѣлъ жизнь мою облагороженною, нужною и полезною для другихъ...

— Александръ Сергѣичъ! Саша! полно, успокойся! — перебилъ его Раевскій:—да твоя слава, жизнь...

— И все это была только шутка! или я не стòю такой чести? — вскрикнулъ, дрожа и глотая слезы обиды, Пушкинъ:—идеалъ мой разбитъ! спасибо! зло шутите, господа...

Сказавъ это, онъ бросился изъ комнаты, надѣлъ въ передней шубу и шапку и вышелъ въ садъ. Видя его настроеніе, никто изъ друзей не рѣшился его остановить или слѣдовать за нимъ. Сдѣлалъ-было движеніе Волконскій. Князю было жаль Пушкина, хотѣлось ему чтò-то сообщить, чѣмъ-то его утѣшить. Но и онъ остановился подъ вліяніемъ тайнаго, грустнаго раздумья и почти священнаго благоговѣнія къ общему, пылкому другу.

Погода, попрежнему, была тихая, съ легкимъ морозомъ. Туманъ поднялся. Звѣздная ночь искрилась на оледенѣлыхъ деревьяхъ и кустахъ, на крышѣ дома и садовыхъ полянахъ. Окрестность молчала. Изрѣдка только снизу, черезъ садъ, доносился шумъ колесъ водяной, на Тясминѣ, мельницы, работавшей на всѣ камни, благодаря недавнему половодью пруда и рѣки.

Пушкинъ шагалъ сквозь кусты, по полянѣ, на шумъ мельницы.

Его ноги легко скользили по хрупкому, снѣжному насту. Не замѣчая бившихъ его вѣтвей и падавшихъ на него клочьевъ инея, онъ думалъ горькія и вмѣстѣ отрадныя думы. Въ его мысляхъ носился сѣверъ—шумъ и блескъ имъ оставленнаго столичнаго міра, и его молодые, праздно улетающіе годы. Слезы кипѣли въ его душѣ. Онъ чувствовалъ, какъ онѣ текли по его лицу, и не видѣлъ, что невдали отъ него, по темной, скрытой въ деревьяхъ, дорожкѣ, шелъ другой человѣкъ.

То былъ Мишель.

Самъ не сознавая, зачѣмъ онъ, безъ шинели и фуражки, также вышелъ изъ сада, Мишель, съ замираніемъ сердца, слѣдилъ дорогую тѣнь и думалъ: «Тайные союзы, общества!.. члены клянутся на шпагахъ, на ядѣ... и все для ближнихъ, для блага страждущаго человѣчества! Боже, какъ это страшно и вмѣстѣ какъ возвышенно! И какъ бы я былъ счастливъ, если бы удостоился этого выбора! Они смѣются... Нѣтъ, всякій обязанъ выполнить долгъ къ родинѣ, къ низшимъ, угнетеннымъ слоямъ. Опасность, гибель?.. Но, если я и безъ

того военный, а слѣдовательно, всегда готовый на смерть? И не все ли равно, какая и гдѣ смерть за другихъ? А это... о! подобный подвигъ — выше всѣхъ подвиговъ Наполеона...»

III.

Безумныя мечты Мишеля сбылись.

Черезъ четыре года онъ снова и не разъ навѣстилъ Каменку. Но подъ какими впечатлѣніями? Объ этомъ онъ не могъ думать безъ сладкаго и радостнаго трепета.

Это было въ 1825 году.

Мишель въ то время уже состоялъ членомъ тайнаго «Союза благоденствія», замѣнившаго прежній «Союзъ спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Болѣе того: онъ въ этомъ тогда уже прошелъ всѣ степени — братій, мужей и даже бояръ, имѣющихъ право принятія другихъ членовъ. Его бывшій ротный командиръ и покровитель, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, получилъ батальонъ черниговскаго полка, въ то время состоялъ предсѣдателемъ одной изъ южныхъ управъ союза, именно Васильковской, гдѣ Мишель также состоялъ чѣмъ-то въ родѣ товарища блюстителя. Предсѣдателями другой управы, собиравшейся въ Каменкѣ, были Василій Давыдовъ и, въ томъ году женившійся на другой сестрѣ Раевскихъ, князь Волконскій. Мишель зналъ теперь, что четыре года назадъ Волконскому, въ Каменкѣ, было поручено принять Пушкина въ члены тайнаго общества. Онъ вспоминалъ, какъ тогда, ничего не подозрѣвая, тотъ сидѣлъ среди вожаковъ союза, и ему было понятно великодушіе Волконскаго, скрывшаго отъ Пушкина роковое порученіе.

Мишель также зналъ, что въ «союзѣ благоденствія», будто бы распущенномъ въ Москвѣ, указанія всему давала Тульчинская или коренная дума. Предсѣдатель этой думы и всего южнаго союза не любилъ нерѣшительныхъ и малодѣятельныхъ. Мишель былъ дѣятеленъ и смѣлъ, но, по молодости лѣтъ, попадался въ необдуманныхъ выходкахъ и болтовнѣ, а недавно еще къ тому сильно влюбился.

Случилось это такъ. Ѣздивши въ Кіевъ по дѣламъ союза, Мишель на какой-то станціи перемѣнилъ лошадей и, едва миновалъ чей-то лѣсъ, услышалъ въ древесной чащѣ топотъ всадниковъ. На поляну изъ просѣки выскочили, повидимому, догоняя его, двѣ наѣздницы.

— Arretez vous, Paul!—кричали онѣ, махая платками:—что за глупости, воротитесь!

Мишель остановился. Въ разсѣявшемся облакѣ пыли ему предстали двѣ незнакомки: одна молоденькая, красивая, въ синей амазонкѣ, блондинка, другая—въ зеленой, постарше, очевидно ея гувернантка. Обѣ, разглядѣвъ остановленнаго, сильно смѣшались.

— Извините,—сказала гувернантка:—обѣ мы очень близоруки; здѣсь почтовая дорога, и мы васъ приняли за только-что уѣхавшаго кузена этой дѣвицы... Не я ли, Зина, тебя предостерегала?

Мишель, вставъ съ телѣги, вѣжливо поклонился.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—спросилъ онъ.

— Зинаида Львовна Витвицкая,—отвѣтила гувернантка, указывая на сопутницу:—я Элиза Шонъ...

Мишель назвалъ себя.

— Извините и меня, — сказалъ онъ, обращаясь къ гувернанткѣ: — какъ любитель верховой ѣзды, не могу утерпѣть... вашъ мундштукъ сильно затянутъ, лошадь деретъ голову, можетъ опрокинуться...

— Ахъ!—расхохоталась Зина, давно насилу сдерживавшая смѣхъ:—вотъ любезно!.. а безъ этого вы, Элизъ,—вы... упали бы!.. ха-ха!

Раскатистый, звонкій смѣхъ дѣвушки увлекъ и гувернантку, и Мишеля. Всѣ засмѣялись. Гувернантка встала съ лошади. Солнце свѣтило весело. Жаворонки рѣяли въ безоблачной синевѣ. Отъ лѣса несло душистою прохладой.

Пока Мишель возился съ мундштукомъ, изъ-за деревъ показался шарабанъ, въ немъ трое мужчинъ и между ними одинъ военный.

— Вотъ вы гдѣ... въ чемъ дѣло?—спросили подъѣхавшіе.

— Мишель, ты какими судьбами?—вскрикнулъ военный.

Въ послѣднемъ Мишель узналъ бывшаго товарища по семеновскому полку, Трепанина. Они дружески обнялись.

— Вотъ и кавалеръ! будетъ кадриль, — сказалъ Трепанинъ, представляя Мишеля прочему обществу.

— Отлично, милости просимъ къ намъ!—заговорили мужчины:—отдохнете, повеселитесь...

— Нельзя, спѣшныя дѣла, очень благодаренъ!—твердилъ Мишель.

— Полно тебѣ,—возразилъ Трепанинъ:—такъ давно не

видѣлись — а это у моего дяди... уѣхалъ подъ арестъ просрочившій мой братъ... нѣтъ кавалера: будь любезенъ... до Ракитнаго рукой подать. И тетушка будетъ такъ рада...

Новыхъ отговорокъ Мишеля не приняли. Онъ отпустилъ почтовыхъ. Его вещи сложили въ шарабанъ. Дамскихъ лошадей взяли на поводъ и все общество направилось въ Ракитное, черезъ лѣсъ, пѣшкомъ.

Въ тотъ же вечеръ Мишель танцовалъ въ домѣ Витвицкихъ, гдѣ было нѣсколько сосѣднихъ барышень. На другой день была прогулка верхомъ и въ экипажахъ, на пасѣку, въ какое-то лѣсистое займище, завтракъ на травѣ подъ стогами и рыбная ловля въ озерѣ. А вечеромъ опять гремѣлъ домашній оркестръ и снова танцовали. Мишель не отходилъ отъ Зины. Онъ забылъ и неотложныя порученія управы, и поѣздку въ Кіевъ, и весь союзъ. Такъ онъ здѣсь прогостилъ тогда съ недѣлю. Съѣздивъ въ Кіевъ, онъ на обратномъ пути вновь свернулъ въ Ракитное.—«Неужели?— твердилъ онъ себѣ,—и что̀ это значитъ? ни покоя, ни сна... все Зина, все она и ея свѣтлые, добрые, смѣющіеся глаза!»— Еще черезъ недѣлю Мишель сдѣлалъ предложеніе Витвицкой и сталъ ея женихомъ.

Свадьба была назначена въ январѣ слѣдующаго года. Въ наступающемъ декабрѣ Витвицкіе собирались, съ дочерью, въ Москву,—дѣлать приданое и познакомиться съ матерью жениха. Мишелю, какъ штрафному, бывшему семеновцу, въѣздъ въ столицы былъ воспрещенъ, и онъ все обдумывалъ, какъ бы исхлопотать отпускъ и побывать въ Москвѣ, вмѣстѣ съ невѣстой.

Въ коренной думѣ косились на молодого собрата, слали за него Васильковской управѣ замѣчанія и даже выговоры.— «Это безтолковый, невозможный мальчикъ,—говорилъ о немъ вожакъ южныхъ членовъ,—онъ рѣшителенъ до безумія, это правда; но у него голова не въ порядкѣ». Муравьевъ, умѣряя Мишеля, отстаивалъ его, ссылаясь на его искреннее служеніе общему дѣлу, и даже, по поводу его сватовства, указывалъ, что онъ болѣе посвящаетъ времени дѣламъ союза, чѣмъ своей невѣстѣ.

Мишель торжествовалъ: любовь и тайный союзъ!.. Романтическихъ клятвъ на кинжалѣ и ядѣ въ союзѣ онъ уже не засталъ. При вступленіи давалась простая, собственноручная росписка. Мишель помнилъ то сильное и страшное

волненіе, которымъ онъ былъ охваченъ при подписаніи подобной росписки. И хотя онъ зналъ, что, по уставу прочтенной имъ «зеленой книги», эта его росписка была, вслѣдъ за ея подписью, сожжена, но съ того мгновенія уже не считалъ себя жильцомъ этого міра, а самоотверженнымъ и вѣрнымъ слугой того, скрытаго для остальныхъ и сильнаго человѣка, который тогда руководилъ почти всѣмъ союзомъ. Онъ о немъ не говорилъ даже невѣстѣ, хотя, вздыхая, намекалъ, что жизнь—бурная волна, не всегда щадящая пловцовъ.

Наконецъ, Мишель увидѣлъ и этого вожака, два года назадъ, на съѣздѣ, въ Тульчинѣ, въ имѣніи Мечислава Потоцкаго. Члены съѣзда собрались въ квартирѣ генералъ-интенданта второй арміи, Юшневскаго, и всѣ были какъ бы не по себѣ. Говорили разсѣянно, вяло, посматривая то на дверь, то на часы. Мишель, впрочемъ, былъ въ духѣ. Онъ уже не боялся, что его, какъ случалось прежде, не знаютъ, и что о немъ могутъ обидно спросить сосѣда: «Qu'est ce que c'est que cet homme, qu'on ne voit nul part?» Онъ былъ всѣмъ извѣстенъ, и хотя казался все еще восторженнымъ мальчикомъ, его уже называли не просто Мишель, а Михаилъ Павловичъ.

Кромѣ предсѣдателя, ждали еще двухъ-трехъ запоздавшихъ товарищей. Въ назначенный часъ дверь отворилась.

Вошелъ невысокаго, даже нѣсколько ниже средняго, роста, плотный и на крѣпкихъ ногахъ, смуглый и съ пріятнымъ, строгимъ лицомъ, темноволосый, коротко-остриженный и черноглазый, тридцатидвухъ-лѣтній человѣкъ. Сдержанный и вмѣстѣ привѣтливый на видъ, онъ сразу приковалъ къ себѣ вниманіе.

— Здравствуйте, господа, не опоздалъ? — спросилъ онъ, пожимая руки направо и налѣво.

Мишель при этомъ голосѣ, съ внутреннею дрожью, сказалъ себѣ: это Пестель.

Сынъ бывшаго сибирскаго губернатора, воспитанникъ лучшихъ дрезденскихъ профессоровъ, потомъ пажескаго корпуса, Пестель въ двѣнадцатомъ году былъ раненъ въ ногу, двадцати лѣтъ уже имѣлъ шпагу за храбрость, былъ любимымъ адъютантомъ князя Витгенштейна, затѣмъ служилъ въ маріупольскихъ гусарахъ, во время греческаго возстанія былъ отряженъ для развѣдокъ въ Бессарабію и

оттуда прислалъ государю Александру замѣчательную записку, смыслъ которой выразился въ новыхъ и тогда смѣлыхъ словахъ: «нынѣшняя борьба грековъ противъ ига угнетателей то же, что нѣкогда была борьба русскихъ противъ ига татаръ». Теперь Пестель былъ командиромъ вятскаго пѣхотнаго полка, состояніемъ котораго, на послѣднемъ смотру, государь былъ такъ доволенъ, что сказалъ: «Superbe; c'est comme la garde!» и командиру вятцевъ подарилъ три тысячи душъ крестьянъ.

Пестель вошелъ, съ толстою портфелью подъ мышкой, выслушалъ привѣтствія сочленовъ, сказалъ «къ дѣлу, mes chers camarades» и разложилъ бумаги на столѣ.

— Это опытъ кодекса будущихъ законовъ, — произнесъ онъ самоувѣренно и просто: — я позволилъ себѣ назвать это... въ память другой попытки, при Ярославлѣ... Русской Правдой.

И онъ сталъ читать почти конченный трудъ, о которомъ въ союзѣ было столько говору и ожиданій. Введеніе, распредѣленіе страны на области, округи, волости, на русскихъ и подвластныя племена, статьи о правахъ гражданства и о свободѣ крестьянъ текли плавно и легко. Мишель слушалъ съ напряженіемъ, хотя вскорѣ былъ нѣсколько утомленъ. — «Однообразное и длинное чтеніе, — подумалъ онъ, — но предметъ первой важности, глубокій, хотя поневолѣ сухой». Онъ не безъ удивленія и съ нѣкоторымъ ужасомъ замѣтилъ, что кое-кто изъ слушателей морщился, какъ бы заглушая зѣвокъ, а иные даже усиленно мигали, стараясь отогнать непрошенную дремоту. «Такое дѣло — цѣлый подвигъ,— мыслилъ Мишель, — а мы относимся такъ легко...»

Чтеніе обширнаго, политико-юридическаго трактата было кончено. Его составитель попросилъ высказаться о своемъ многолѣтнемъ трудѣ, и на два-три замѣчанія, перебивъ другихъ, заговорилъ самъ.

— Я никому въ жизни не желалъ зла,—сказалъ, между прочимъ, Пестель:—ни къ кому не питалъ ненависти и ни съ кѣмъ не былъ жестокъ... Я бы желалъ, чтобы и эти мысли привились мирно къ каждому, чтобъ онѣ были приняты добровольно и безъ потрясеній. Вы, добрые товарищи, помогите мнѣ въ томъ...

«И какъ это ясно и просто!» — разсуждалъ Мишель, по-

нывъ то неотразимое и сильное вліяніе, какимъ Пестель пользовался въ средѣ союза. Умно и дѣльно, по его мнѣнію, говорили относительно прочитаннаго Юшневскій и Муравьевъ, Волконскій, Барятинскій и Басаргинъ. Но даръ слова блюстителя южнаго союза былъ выше всѣхъ. Пестель перешелъ къ обсужденію тогдашняго положенія Россіи.

— Мы не ищемъ потрясеній,—говорилъ тогда Пестель:—наше стремленіе исподволь подготовить, воспитать, своимъ примѣромъ пересоздать общество... Становясь на разныя поприща, будемъ лучшими, надежными людьми и вызовемъ къ дѣлу такихъ же другихъ...

Любуясь его голосомъ, смѣлымъ и яснымъ изложеніемъ задушевныхъ мыслей, Мишель невольно тогда вспоминалъ отзывы товарищей о суровомъ, почти отшельническомъ образѣ жизни Пестеля, о его богатой, классической библіотекѣ, о заваленномъ бумагами и книгами рабочемъ столѣ и о его упорномъ безпрерывномъ трудѣ. И ему становилось понятно, почему сухой, положительный и степенный Пестель вѣрилъ въ свои, казалось, неосуществимые выводы и мечты, какъ въ строго-доказанную, математическую истину.

— Мы воздухъ, нервы народа!—выразился, между прочимъ, Пестель.

— Свѣточи!—съ жаромъ прибавилъ Юшневскій:—насъ оцѣнятъ, особенно, Павелъ Ивановичъ, васъ...

Одно поражало Мишеля. Нѣкоторые изъ сочленовъ въ глаза Пестелю говорили одно пріятное, согласное съ его мнѣніями и рѣдко ему противорѣчили, а въ его отсутствіи не только оспаривали его философскіе, казалось, неопровержимые доводы, но говорили о немъ съ нерасположеніемъ, порочили его мѣры и тайкомъ издѣвались надъ нимъ. Отъ него, какъ, напримѣръ, на московскомъ съѣздѣ, даже просто хотѣли избавиться. По слухамъ, и Пушкинъ отзывался о Пестелѣ неладно.—«Не нравится мнѣ этотъ сухой, философскій умъ,—будто бы онъ сказалъ про него,—и я бы съ нимъ не сошелся никогда; умомъ я тоже матеріалистъ, но сердце противъ него...»

Самый проектъ уравненія крестьянъ съ прочими гражданами, составленный Пестелемъ, многіе изъ членовъ общества, особенно титулованные богачи, находили разорительнымъ для страны и невозможнымъ.

— Такъ быстро! это нелѣпость! по крайней мѣрѣ, десять

или двѣнадцать лѣтъ переходной барщины! — говорили нѣкоторые, забывъ, что по этому предмету повторяли мнѣніе динабургскихъ дворянъ, одобрявшееся, по слухамъ, тѣмъ же, ненавистнымъ имъ Аракчеевымъ.

Даже силу вліянія Пестеля на нѣкоторыхъ изъ членовъ союза, въ томъ числѣ на близкаго ему Сергѣя Муравьева-Апостола, въ средѣ союза объясняли постороннею причиной, а именно месмеризмомъ. Какъ многіе тогда, волтерьянецъ и энциклопедистъ, Муравьевъ былъ, по словамъ нѣкоторыхъ, не чуждъ мистическихъ увлеченій. Онъ, между прочимъ, вѣрилъ въ какую-то модную гадальщицу, близкую кругу Татариновой, которая ему предсказала «высокую будущность». Поклонникъ Канта и Руссо, Пестель въ глубинѣ души былъ также мистикомъ и, несмотря на свой матеріализмъ, не въ шутку считалъ себя одареннымъ силой месмеризма. Онъ допускалъ сродство душъ и ясновидѣніе и, подъ глубокой тайной, въ домашнемъ кругу, занимался магнетизированіемъ двухъ-трехъ изъ близкихъ друзей, въ томъ числѣ Муравьева. На этихъ усыпленіяхъ, по слухамъ, онъ провѣрялъ важнѣйшія изъ предположенныхъ мѣръ и будто бы узнавалъ чрезвычайныя указанія о будущемъ.

Мишель, наконецъ, услышалъ о своемъ предсѣдателѣ и такое выраженіе одного сочлена: «Нашъ вождь—невозможный самолюбецъ и деспотъ... онъ ищетъ покорныхъ сеидовъ, слугъ, а не преданныхъ друзей»...

«Зависть, соперничество,—мыслилъ Мишель, разбирая въ умѣ мнѣнія товарищей,—увы! недоброжелательство вкрадывается и въ нашу возвышенную среду... Что за причина? Павелъ Ивановичъ первый ясно и твердо опредѣлилъ нашу сокровенную, высокую цѣль и, кажется, неуклонно къ ней ведетъ. Все должно объясниться. Въ Каменкѣ назначены съѣзды южныхъ управъ. Тамъ все узнаю...»

Мишель посѣтилъ Каменку.

Это было въ августѣ 1825 года. Незадолго передъ тѣмъ, навѣстивъ свою невѣсту, Мишель побывалъ въ Кіевѣ и отъ тамошнихъ членовъ узналъ, что ихъ союзъ открылъ существованіе двухъ другихъ тайныхъ обществъ: — «Соединенныхъ славянъ» и «Варшавскаго патріотическаго». Славяне тотчасъ слились съ союзомъ. Польское общество колебалось. Здѣсь были громкія имена: князь Яблонскій, графъ Сол-

тыкъ, писатель Лелевель и членъ другого, виленскаго общества «Филаретовъ»—Мицкевичъ.

Патріоты-поляки, на первыхъ же совѣщаніяхъ съ русскими, основой общаго согласія выставили возвратъ Польшѣ границъ второго раздѣла, и самую подчиненность польскихъ земель Россіи желали отдать на свободное рѣшеніе своихъ губерній. Въ этихъ переговорахъ участвовалъ и Мишель.

— Никогда!—вскрикнулъ, услышавъ о польскихъ требованіяхъ, Пестель:—Россія должна быть нераздѣльна и сильна.

Мишель также съ этой поры сталъ за нераздѣльность Россіи.

Всѣ знали, что Пестель, изъ-за этого вопроса, недавно ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ, между прочимъ, долженъ былъ провѣдать о дѣятельности сѣверныхъ членовъ, и что теперь онъ былъ подъ Кіевомъ, на личномъ и окончательномъ свиданіи съ польскимъ уполномоченнымъ, Яблоновскимъ. Въ Каменкѣ нетерпѣливо ждали его съ отчетомъ объ этомъ свиданіи.

— Да не махнулъ ли нашъ президентъ опять на сѣверъ?—сказалъ гостямъ Василій Львовичъ:—а то, пожалуй, заѣхалъ опять на отдыхъ въ свое поэтическое Mon Bassy...

Такъ самъ Пестель называлъ въ шутку и въ память «Méditations poëtiques» Ламартина,—Васильево, небогатую и глухую смоленскую деревушку своей матери, гдѣ старикъ Пестель, нѣкогда грозный и неподкупный генералъ-губернаторъ Сибири, проживалъ теперь въ отставкѣ, въ долгахъ, и всѣми забытый. Между членами союза ходила молва, что въ Васильевѣ есть озеро, а на озерѣ укромный, зеленый островокъ, и будто Павелъ Иванычъ, этотъ новый русскій Вашингтонъ, какъ называли тогда Пестеля, навѣщая родителей, любилъ уединяться на этомъ островкѣ, мечтая о будущемъ пересозданіи Россіи, и даже, какъ увѣряли, писалъ французскіе стихи.

— Этакъ онъ своего соперника, Рылѣева, заткнетъ за поясъ!—говорили злые языки.

— Неронъ тоже служилъ музамъ,—прибавляли завистники.

Всѣ эти толки сильно смущали и бѣсили Мишеля, и онъ, съ неописанною радостью, узналъ, что въ «одну изъ субботъ» Пестель, наконецъ, явится на съѣздъ въ Каменку, съ послѣднимъ, рѣшительнымъ словомъ поляковъ.

Пестель пріѣхалъ.

Члены тульчинской, васильковской и каменской управъ были въ сборѣ. Субботнія засѣданія, по обычаю, происходили въ кабинетѣ Василія Львовича Давыдова. Александръ Львовичъ уже нѣсколько недѣль отсутствовалъ по дѣламъ другого имѣнія. Женская часть общества Каменки не подозрѣвала причины этихъ съѣздовъ. Гости Василія Львовича являлись, какъ бы на отдыхъ, въ концѣ недѣли, присутствовали при общемъ чаѣ и ужинѣ, бесѣдовали въ кабинетѣ хозяина или наверху, и на другой день, послѣ завтрака или обѣда, разъѣзжались.

Мишелю отводили наверху ту комнату, гдѣ, четыре года назадъ, гостилъ Пушкинъ, нынѣ находившійся въ ссылкѣ, въ псковской деревнѣ родителей. Изъ оконъ этой комнаты, обращенной въ тѣнистый, теперь роскошо зеленѣющій садъ, Мишель, въ безсонныя ночи, мечтая о Ракитномъ и о своей невѣстѣ, прислушивался къ шуму мельничныхъ колесъ, на Тясминѣ, но они молчали.

— Чтò съ вашей мельницей?—спросилъ онъ какъ-то Василія Львовича.

— Старый мельникъ умеръ,—отвѣтилъ тотъ:—колеса и весь ходъ разстроились; теперь ее починяетъ англичанинъ-механикъ.

— Откуда взяли?

— Гревсъ прислалъ изъ Новомиргорода... умѣлый и способный—изъ вольноопредѣляющихся солдатъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ, гуляя по саду, Мишель увидѣлъ этого воина-механика и сперва не обратилъ на него особаго вниманія: солдатъ, какъ солдатъ, вѣжливый, приличный, въ бѣломъ кителѣ, съ унтеръ-офицерскими погонами, и въ бѣлой же, безъ козырька, на-бекрень, фуражкѣ. Встрѣтясь съ офицеромъ, солдатъ снялъ фуражку и, вытянувшись во-фронтъ, прижался къ дереву, пока тотъ, кивнувъ ему, прошелъ мимо. Въ другой разъ Мишель замѣтилъ этого механика во дворѣ, черезъ который тотъ несъ въ кузницу какую-то желѣзную, мельничную вещь. Теперь онъ его разглядѣлъ лучше. Механикъ былъ, въ полномъ смыслѣ, красавецъ,—англійскаго образца: бѣлолицый, сильный и статный, съ рыжеватымъ отливомъ густыхъ, коротко-остриженныхъ волосъ, въ бакенбардахъ, веснушкахъ, съ нѣсколько длинными передними зубами и вздернутою верхнею губой. Его красивый, мясистый ротъ гордо улыбался, а большіе, свѣтло-сѣрые глаза смотрѣли смѣло, даже нагло.

женской части общества Каменки этотъ механикъ, оказавшійся образованнымъ человѣкомъ и даже любящимъ музыку, былъ знакомъ. Онъ починялъ хозяйкамъ замочки къ ридикюлямъ, выпиливалъ тамбурныя иголки и вязальные крючки, склеивалъ дѣтямъ игрушки и вообще оказывалъ разныя услуги, за что̀ бывалъ приглашаемъ на женскую половину къ чаю и кофе.

Мужчины, толкуя въ своихъ совѣщаніяхъ о міровыхъ задачахъ, о пересозданіи человѣчества вообще и родины въ особенности, кромѣ озабоченнаго дѣлами хозяина и случайно Мишеля, даже не подозрѣвали о существованіи этого лица въ Каменкѣ. А между тѣмъ, въ крошечномъ флигелькѣ, скрытомъ подъ тѣнистыми грабами, на заднемъ черномъ дворѣ, переживались, какъ и въ сокровенныхъ бесѣдахъ большого дома Каменки, такія острыя, жгучія думы...

Мишель, въ послѣднее время, невольно задумываясь о своемъ положеніи, старался быть съ виду покойнымъ, не мыслить ни о чемъ мрачномъ. Онъ понималъ, какая страшная опасность грозила ему; видѣлъ, что все, чѣмъ отнынѣ его манила жизнь, можетъ нежданно, какъ и самъ онъ, погибнуть, и отгонялъ эти сужденія. Въ собраніяхъ онъ особенно выдѣлялся, сыпалъ смѣлыми до крайности словами, предлагалъ дерзкія, безумныя мѣры. Его разсѣянно слушали. Всѣ ждали иного, болѣе призваннаго голоса.

У невѣсты Мишеля въ Петербургѣ жила пріятельница, ея бывшая гувернантка, француженка Жюстина Гёбль. Дочь убитаго испанскими гверильясами полковника, Жюстина теперь содержала въ столицѣ швейный магазинъ, и также собиралась выйти замужъ за члена союза, знакомаго Мишелю, кавалергардскаго поручика Анненкова. Пріятельницы дружно и весело переписывались, вовсе не думая ни о чемъ печальномъ, тяжеломъ и грозномъ.

— Какъ зовутъ вашего механика? — спросилъ однажды Мишель Василія Львовича.

— На что̀ вамъ?

— Вещь одна распаялась... онъ сумѣетъ починить.

— Иванъ Иванычъ Шервудъ.

IV.

Джонъ Шервудъ, или какъ его называли въ Россіи, Иванъ Иванычъ Шервудъ, былъ сыномъ извѣстнаго англичанина-механика, вызваннаго въ Россію при Павлѣ, для устрой-

ства обширныхъ суконныхъ фабрикъ въ селѣ Старой Купавнѣ, въ богородицкомъ уѣздѣ, близъ Москвы. Управляя купавинскими фабриками, отецъ Шервуда обогатился, нажилъ нѣсколько домовъ въ Москвѣ и далъ отличное, съ техническою практикой, воспитаніе своимъ сыновьямъ. Счастье Шервудамъ измѣнило. Ссора съ властями повела къ возбужденію слѣдствія, потомъ суда. Старикъ Шервудъ потерялъ мѣсто. Его дома были описаны, забракованный суконный товаръ опечатанъ, испортился въ фабричныхъ складахъ и проданъ потомъ за ничто. Шервуды обѣднѣли, впали въ нищету. Старшіе сыновья фабриканта кое-какъ пристроились на чужихъ заводахъ. Младшій — Джонъ сперва работалъ у мелкихъ ремесленниковъ, потомъ попытался поступить въ военную службу, но безъ связей ничего не добился, и, чуть не побираясь милостыней, шатался безъ дѣла по Москвѣ.

Однажды, въ то голодное, тяжелое время, онъ зашелъ къ земляку, московскому шорному торговцу. Къ лавкѣ, шестерней, въ богатой каретѣ, подъѣхалъ пожилой помѣщикъ. Купивъ два женскихъ сѣдла, онъ, при выходѣ, какъ бы что-то вспомнивъ, потеръ лобъ и спросилъ купца: нѣтъ ли, между его земляками, образованнаго и способнаго человѣка, который могъ бы давать его дѣтямъ уроки англійскаго языка? Шервудъ не вытерпѣлъ. Видя, что его землякъ молчитъ, онъ самъ предложилъ незнакомцу свои услуги. Помѣщикъ взглянулъ на купца. Этотъ поддержалъ Шервуда, сказавъ, что молодой человѣкъ, кромѣ природнаго англійскаго и французскаго языковъ, хорошо знаетъ также и нѣмецкій и нѣсколько музыку. Помѣщикъ сдѣлалъ по-англійски нѣсколько вопросовъ молодому человѣку, объявилъ свои условія и далъ визитную карточку. Шервудъ, узнавъ отъ купца, что это былъ извѣстный богачъ Ушаковъ, на другой день простился съ родителями, уложилъ свой убогій чемоданчикъ и, явясь къ Ушакову, уѣхалъ съ нимъ въ его смоленское помѣстье.

Шервудъ впослѣдствіи, и теперь въ Каменкѣ, часто вспоминалъ эту дорогу, пріѣздъ въ большой и роскошный барскій домъ, толпу слугъ и двухъ красивыхъ, взрослыхъ дочерей помѣщика, которыя съ любовью бросились навстрѣчу отцу. Баринъ отрекомендовалъ сиротамъ-дочерямъ и ихъ надзирательницѣ, пожилой экономкѣ-француженкѣ, новаго преподавателя. Дворецкій указалъ Шервуду помѣщеніе недавно уволеннаго французскаго учителя. Уроки англійскаго

языка начались успѣшно. Ретивый наставникъ былъ обворожительно услужливъ. За англійскимъ, начались упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, а по временамъ игра въ четыре руки на фортепьяно. Учитель, попавъ въ теплый уголъ, на сытый, даже роскошный столъ, обзавелся изъ перваго жалованья приличнымъ, моднымъ платьемъ. Дѣвицы были очень любезны и внимательны, особенно младшая, живая и рѣзвая, почти ребенокъ.

Надзирательница-экономка, страдавшая то нервами, то флюсомъ, болѣе сидѣла въ своей комнатѣ. Ученицы во время уроковъ говорили съ преподавателемъ на языкѣ, непонятномъ для нея и прочей прислуги. Отецъ былъ занятъ хозяйствомъ, выѣздами въ гости и охотой.

Прошелъ годъ. Шервудъ влюбился въ младшую ученицу. Послѣдняя страстно увлеклась красивымъ и угодливымъ наставникомъ.

Деревенская скука и глушь, отсутствіе надзора рано умершей матери и довѣрчивость наемной приставницы сдѣлали свое дѣло. Сперва робкія, письменныя признанія, вздохи, полуслова; потомъ прогулки въ полѣ, встрѣчи въ саду...

«Увлеклись и забылись», — сказалъ себѣ однажды, въ оправданіе, Шервудъ, когда уже было поздно. Что́ предпринять? Какъ и чѣмъ спастись? Медлить было нельзя. Ни отецъ, ни старшая сестра и никто въ домѣ пока еще не подозрѣвали ничего. «Ужасъ! Что̀, если догадаются? — мыслилъ онъ, — ей ли быть за мною, за ничтожнымъ, наемнымъ учителемъ, почти слугой? Никогда... Отецъ не вытерпитъ, не снесетъ позора. Изъ своихъ рукъ убьетъ меня и ее... Пока есть время, надо найти средство, скрыться куда-нибудь, бѣжать»...

Шервудъ обдумалъ рѣшеніе. Бракъ былъ возможенъ только съ ровней. Онъ рѣшилъ поступить въ военную службу, поскорѣе добиться офицерскаго званія и тогда искать руки дѣвушки. Строя радужныя грезы, полныя надеждъ, они простились. Шервудъ сослался на домашнія обстоятельства, сказалъ отцу дѣвушки, что перемѣняетъ родъ занятій, попросилъ у него разсчета и уѣхалъ.

Какъ иностранецъ и сынъ разночинца, Шервудъ могъ опредѣлиться въ армію только простымъ рядовымъ. Онъ придумалъ другое средство: поступилъ опять учителемъ къ дѣтямъ извѣстнаго, со связями, генерала Стааля, и заискалъ

его расположеніе. Воспользовавшись поѣздкой генерала по дѣламъ въ Одессу, онъ въ Елисаветградѣ обратился къ нему съ просьбой, помочь ему для поступленія вольноопредѣляющимся въ новомиргородскій уланскій полкъ. Командиръ полка Гревсъ былъ друженъ съ Стаалемъ, и Шервуда вскорѣ приняли, на тогдашнихъ правахъ — двѣнадцати-лѣтней выслуги на офицерскій чинъ.

Двѣнадцать лѣтъ солдатской, жесткой лямки!—да это цѣлая вѣчность для самолюбиваго и избалованнаго въ дѣтствѣ человѣка, который еще недавно вкушалъ спокойную и такъ хорошо обставленную жизнь иностранца-учителя въ богатыхъ, барскихъ домахъ. Шервудъ подумалъ:

«Ну, для меня будетъ исключеніе; очевидно, примутъ во вниманіе мою недюжинную образованность, знаніе приличій и внѣшній лоскъ. Двѣнадцать лѣтъ выслуги писаны для другихъ; меня скоро замѣтятъ, оцѣнятъ и отличатъ».

Но тянулись недѣли, мѣсяцы; прошелъ годъ, другой и третій. Шервуда не замѣчали. Онъ съ трудомъ, въ концѣ долгихъ усилій, добился одного: — изъ фронта, узнавъ его грамотность и хорошій почеркъ, его взяли писаремъ въ канцелярію полкового комитета. Вѣсти изъ смоленской губерніи приходили рѣдко, а вскорѣ и вовсе прекратились. Переписка шла черезъ экономку, которую теперь, очевидно, разсчитали. Изъ Москвы отъ родителей шли нерадостныя извѣстія: та же безпомощность, тѣ же горе и нищета. А тутъ еще строгое и требовательное начальство, вѣчное корпѣніе въ душной комнатѣ, съ перомъ, и ни проблеска лучшихъ надеждъ.

Шервудъ не вынесъ служебныхъ невзгодъ. При всей своей смѣтливости, пронырливомъ и вкрадчивомъ нравѣ, онъ потерялъ обычное спокойствіе духа, сталъ пренебрегать занятіями въ канцеляріи и, наконецъ, безобразно запилъ.

Небритый и нечесаный писарь, съ протертыми локтями и въ дырявыхъ, съ голыми пальцами, сапогахъ, случайно привлекъ къ себѣ вниманіе маіора, начальника канцеляріи... Арестъ и всякіе штрафы не помогли. Маіоръ, узнавъ о происхожденіи писаря, призвалъ его къ себѣ и сталъ усовѣщивать, стыдить.

— Да что съ тобой?—спросилъ онъ, послѣ долгихъ распеканій, вглядываясь въ заспанное и опухшее лицо писаря: — не знаешь развѣ? да я рапортомъ... да ты у меня...

Слезы брызнули изъ глазъ Шервуда. Вытянувшись передъ начальникомъ, онъ судорожно мялъ въ рукахъ фуражку и молчалъ.

— Ты, батенька, отличныхъ способностей, — произнесъ маіоръ, желая нѣсколько его ободрить: — шутка ли! знаешь ариѳметику, языки... ну, разныя тамъ ремесла... прежде велъ себя прилично, барышней... а теперь! откуда такая блажь?

Губы писаря дрогнули.

— Ваше высокоблагородіе! —проговорилъ онъ:—вы обратили на меня милостивый взоръ...

— Ну, да, да!

— Хотите знать причину... вотъ она...

И Шервудъ безъ утайки разсказалъ маіору все свое прошлое, въ томъ числѣ и роковой смоленскій случай.

Маіоръ развелъ руками.

— Пять лѣтъ я бился,—заключилъ Шервудъ:— извольте узнать, на смотрахъ обходили; что̀ было — издержался, а производства все не видать... Хотѣлъ я и руки на себя наложить, вотъ какъ передъ Богомъ! и дезертировать за границу, въ Грецію, гдѣ люди бьются за свою свободу... Горе сломило, не стерпѣлъ...

Шервудъ говорилъ съ чувствомъ, толково и умно. Маіоръ сперва было вспылилъ: «вотъ вы, головорѣзы! а! куда дернулъ! у меня, братецъ, тоже семья, дѣти»... Онъ не щадилъ доводовъ, укорялъ.

— Черезъ головы другихъ затѣялъ, вертунъ, перескочить! —горячился маіоръ, пыхтя и расхаживая по комнатѣ:— назначено двѣнадцать лѣтъ, ну, и терпи. Гдѣ твои такія заслуги, права̀? Теперь, батенька, не военное время. И родовые дворяне, вонъ, не тебѣ, иностранцу, чета, ждутъ, переносятъ! Я самъ, братецъ ты мой, не изъ богатыхъ, сколько тянулъ.

Мысль объ оставленной, страдающей дѣвушкѣ смягчила маіора.

— Изволь, помогу, — проговорилъ онъ, наконецъ, подумавъ:— но прежде самъ исправься, приведи себя въ должный видъ. О рюмкѣ болѣе ни-ни...

— Явите божескую милость.

— Попытаюсь, говорю; есть аудиторскія дѣла, кое-что, можетъ, найду и по механикѣ... А пока вотъ тебѣ приглашеніе,—заключилъ маіоръ: — приходи каждый день ко мнѣ обѣдать. Отличишься, то ли тебя, по способностямъ, ждетъ?

Слова маіора подѣйствовали. Шервудъ остепенился, сталъ исполнять казенныя и неурочныя частныя порученія, обзавелся инструментомъ, ободрился и принялъ прежній, приличный видъ. Ему дали унтеръ-офицерскіе погоны, и онъ ужъ запросто бывалъ у маіора.

Лѣтомъ 1825 года, въ Новомиргородѣ, къ полковнику Гревсу заѣхалъ его пріятель, Александръ Львовичъ Давыдовъ. За обѣдомъ разговорились о хозяйствѣ. У полковника въ это время сидѣлъ и маіоръ. Гревсъ подсмѣивался надъ помѣщичьими доходами. Ѣли устрицы.

— Полковые командиры, sher ami, хе-хе, не знаютъ неурожаевъ,—сказалъ онъ, попивая шабли:—сравни хоть бы меня... вѣдь я живу, какъ-бы владѣлъ восемнадцатью тысячами душъ.

— Хорошо тебѣ! — возразилъ Александръ Львовичъ:—у насъ съ братомъ въ Каменкѣ иное... Третье лѣто засуха, недородъ. Была отличная, доходная мельница и та теперь безъ дѣла.

— Почему?

— Мало у насъ ученыхъ механиковъ; купишь хорошую заграничную машину, испортилась и валяется, хоть брось. Мельницу намъ наладилъ нѣмецкій мастеръ; пока онъ жилъ, не было отбоя отъ помола, на весь околотокъ работала, а умеръ, некому поправить, стоитъ.

Маіоръ вспомнилъ о Шервудѣ. Онъ сказалъ о немъ полковнику.

— Какой это? — спросилъ Гревсъ: — бѣлолицый такой, смѣлые, красивые глаза?

— Онъ самый... отличный, могу сказать, знающій и способный механикъ... у меня по аудиторской, въ канцеляріи... вашу коляску намедни какъ починилъ...

— Ну, да, именно! — съ удовольствіемъ произнесъ полковой командиръ: — возьми его, Александръ Львовичъ; что ему тутъ мотаться... пусть этотъ годдемъ заработаетъ у тебя. Пришлю съ нимъ и устрицъ.

Шервудъ былъ отпущенъ въ Каменку. Тамъ ему дали помѣщеніе во флигелѣ дворецкаго, мастерскую, и вскорѣ онъ занялся исправленіемъ мельницы.—«Угожу Давыдовымъ, заслужу и у полковника!—разсуждалъ онъ,—маіоръ поддержитъ; скоро высочайшій смотръ. Авось, вывезетъ судьба».

Въ Каменкѣ смѣтливый и ловкій Шервудъ, ставъ опять на путь частныхъ отношеній и услугъ, ко всему внимательно прислушивался и все замѣчалъ. Возвращаясь съ мельницы на рабочій дворъ, гдѣ стоялъ флигель дворецкаго, онъ толковалъ съ барскими и пріѣзжими слугами: что̀ дѣлаютъ господа и куда ѣздятъ, кто барскіе гости, богаты ли, знатны ли и гдѣ живутъ? Угождая господамъ, Шервудъ не забывалъ и прислуги: тому оправлялъ женины серьги, этому лудилъ чайникъ для сбитня, паялъ колечко или починялъ сундучокъ. Пожилъ онъ такъ недѣли три. Ѣлъ опять сыто, спалъ вдоволь, въ работѣ на мельницѣ ничѣмъ не былъ стѣсненъ. Скучно бывало подъ-часъ и не предвидѣлось впереди ничего особеннаго, чѣмъ онъ могъ-бы сразу и неожиданно выбиться изъ тѣсной, обыденной колеи. Лучшее общество было недоступно. Въ барскій домъ хотя изрѣдка его пускали, но какъ рабочаго и съ чернаго крыльца. Сажали его и въ столовой, но особо въ углу, за перегородкой.

Былъ на исходѣ іюнь. Шервуду дали починить сѣдло старшей барышни. Онъ выпилилъ новый лѐнчикъ, поправилъ и щегольски, заново отдѣлалъ все сѣдло. Черноглазая, семнадцатилѣтняя красавица Адель, на глазахъ снявшаго фуражку механика, сѣла въ соломенной шляпкѣ съ алыми лентами, на сѣраго, съ куцымъ хвостомъ, скакуна и, въ сопровожденіи стараго берейтора, поскакала за Каменку, въ лѣсъ, на зеленѣющіе холмы. Шервудъ только вздохнулъ, вспоминая улетѣвшіе, былые годы, иную деревню, лѣса и холмы, и иную, теперь также недосягаемую красавицу. Онъ ушелъ на мельницу блѣдный, едва помнившій себя, и тамъ чуть не плакалъ, грызъ съ бѣшенства ногти и мысленно проклиналъ всѣхъ и все.

Шервуда уже давно поразило одно обстоятельство: онъ сталъ замѣчать, что въ Каменку, гдѣ, за отсутствіемъ старшаго брата, хозяйничалъ Василій Львовичъ Давыдовъ, въ опредѣленные дни, и именно по вечерамъ, каждую субботу, съѣзжались одни и тѣ же гости, почти исключительно военные. Онъ сталъ узнавать отъ прислуги ихъ имена. Тутъ были: генеральнаго штаба поручикъ Лихаревъ, штабъ-докторъ второй арміи Яфимовичъ, подпоручикъ полтавскаго пѣхотнаго полка Бестужевъ-Рюминъ, подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты Ентальцевъ, нынѣ батальонный командиръ черниговскаго полка—подполковникъ Му-

равьевъ-Апостолъ, отставной штабсъ-капитанъ гвардіи Поджіо и другіе. Шли толки, что ждутъ и другихъ гостей, въ томъ числѣ командира вятскаго пѣхотнаго полка, полковника Пестеля.

— «Что бы это значило?»—началъ разсуждать Шервудъ, прислушиваясь къ толкамъ семьи дворецкаго о посѣтителяхъ Каменки:—«въ карты они не играютъ, не кутятъ, не пьютъ... съ дамами видятся только за чаемъ, за ужиномъ, сидятъ въ пристройкѣ Василія Львовича, либо наверху, и на другой день разъѣзжаются... Военные! ужъ не затѣвается ли куда походъ? Что-то, по слухамъ, неладно въ Польшѣ и какъ-бы опять на австрійской границѣ... Что, если и впрямь, война, походъ? Очевидно, держатъ въ тайнѣ, готовятся... Узнать бы и заранѣе попроситься въ дѣйствующій отрядъ».

Однажды, въ субботу, Шервудъ послѣ ужина ходилъ по двору. Его мучили сомнѣнія, неизвѣстность. Таинственныя бесѣды пріѣзжихъ дразнили его любопытство. Онъ прошелъ въ садъ, миновалъ нѣсколько дорожекъ, возвратился къ калиткѣ и поднялъ голову. Часть верхняго этажа была освѣщена. Одно изъ оконъ было не совсѣмъ прикрыто занавѣской. Ночь была звѣздная, но безъ мѣсяца. Часть неба застилалась облаками.

Шервудъ оглянулся, примѣтилъ вблизи лѣстницу, служившую для закрытія ставень, прислонилъ ее къ стѣнѣ и полѣзъ къ верхнему окну. Онъ уже былъ невдали отъ подоконника, видѣлъ тѣни, колыхавшіяся по рамѣ, и готовился, изъ-подъ занавѣски, разглядѣть, что̀ происходитъ въ комнатѣ. На дворѣ, за калиткой, послышались шаги. Шервудъ быстро спустился на землю.

— «Нѣтъ», — сказалъ онъ себѣ: — «хоть отъ деревьевъ здѣсь и темно, на бѣлой стѣнѣ легко могутъ разглядѣть...» Онъ опять прошелъ въ садъ. Походивъ по ближней полянѣ, онъ долго приглядывался къ свѣту въ верхнихъ окнахъ. Его руки и ноги дрожали, любопытство было до крайности возбуждено.

Обычная вечерняя возня во дворѣ понемногу затихла. Перестали скрипѣть и хлопать двери въ домѣ, на кухнѣ и въ людскихъ. Прислуга, мало-по-малу, разбрелась по своимъ угламъ. У амбара перестилъ постукивать въ доску сторожъ. На деревнѣ все также смолкло. Наступила полная тишина.

Шервудъ вышелъ изъ сада, поднялся на переднее крыльцо

и, подождавъ съ минуту, бережно отперъ дверь въ сѣни. Осмотрѣвшись въ полу-тьмѣ, онъ нащупалъ крутую, каменную лѣстницу, подумалъ: «это наверхъ... если наткнусь на кого-нибудь, скажу, что по дѣлу къ хозяину!» и, чуть касаясь ступеней, сталъ медленно подниматься. Нѣсколько разъ онъ останавливался, прислушиваясь. Его тревожилъ скрипъ собственныхъ сапогъ. Въ верхней передней не было никого.—«Прислуга, очевидно, съ расчетомъ услана внизъ!»—мелькнуло въ умѣ Шервуда. Изъ смежной комнаты въ дверную щель передней пробивалась полоска свѣта; изъ-за двери ясно слышались оживленные голоса.

— «Такъ и есть,—подумалъ Шервудъ,—обсужденіе похода... готовится война... Но какъ бы не попасться, получше разслышать?»—Онъ осмотрѣлся, снялъ сапоги, чтобы не скрипѣли, взялъ ихъ подъ мышку, подошелъ на цыпочкахъ къ заманчивой двери и, замирая, приложилъ къ замочной скважинѣ сперва глазъ, потомъ ухо. Онъ наблюдалъ нѣсколько мгновеній, отрывался отъ двери и опять жадно къ ней припадалъ. Кровь бросилась ему въ голову. Сердце билось такъ сильно, что онъ схватился за грудь и едва устоялъ на ногахъ.

V.

Вокругъ большого, заваленнаго бумагами стола, какъ разглядѣлъ Шервудъ, помѣщались всѣ обычные посѣтители Каменки. Ближе другихъ, у лѣвой стѣны, сидѣлъ хозяинъ, Василій Львовичъ Давыдовъ. Вправо и бокомъ также у двери располагался пріѣхавшій въ тотъ день, коренастый и строгій лицомъ, полковникъ Пестель. За нимъ, съ перомъ въ рукѣ, надъ бумагой, сидѣлъ, въ свитскомъ мундирѣ, длинноволосый и худощавый, съ выразительными глазами, поручикъ Лихаревъ. Пестель, съ рѣшительно протянутою рукой, что-то кончилъ объяснять. Лихаревъ, взглядывая на говорившаго, наклонялся, быстро записывая.

Шервудъ затаилъ дыханіе и сталъ слушать. Первыя слова Пестеля бросили его въ холодъ и жаръ. «Онъ предсѣдатель, отбираетъ голоса... что за диво?»—подумалъ Шервудъ. Пестель кончилъ. Началось общее разсужденіе. Французскій, съ примѣсью русскихъ выраженій, говоръ то затихалъ, то обновлялся съ новою силой. Шервуду становилось понятно и ясно нѣчто совершенно неожиданное, изумительное, повергшее его въ нервную дрожь. До него долетали слова:

«да вѣдь такъ рѣшено»—«въ Польшу отвѣтить отъ имени союза»—«наше общее дѣло»—«Васильковская и Тульчинская управы»—«Мордвиновъ что? аристократъ!»—«Петербургу дать новый совѣтъ! къ чорту Аракчеева!»—«на голоса!»—Говорили рѣчи Поджіо, Бестужевъ-Рюминъ и Муравьевъ. Лихаревъ записывалъ рѣшенія.

— Цензъ избирателей,—произнесъ Юшневскій:—до пятисотъ фунтовъ серебра, избираемыхъ—до трехъ тысячъ фунтовъ... это дико! гдѣ у насъ серебро?

— Крестьянъ освободить съ землей,—кричалъ Яфимовичъ.

— Не всѣ согласятся! безъ земли, съ одними дворами!—возражали Поджіо и Ентальцевъ:—еще назовутъ грабежомъ.

— Къ чорту тупое меньшинство! вѣче! вспомните Новгородъ, Псковъ!—кричалъ, покрывая голоса прочихъ, Мишель.

Сомнѣнія не было. Передъ Шервудомъ происходило засѣданіе тайнаго, политическаго общества.

Онъ перевелъ дыханіе, хотѣлъ еще слушать. Но Василій Львовичъ всталъ и, со словами: «итакъ, воля крестьянъ, въ общемъ, рѣшена!» взялся за шнурокъ звонка. Остальные также, отодвигая кресла, встали. Шервудъ отпрянулъ отъ двери и опрометью, чуть помня себя, сбѣжалъ по лѣстницѣ. Въ сѣняхъ онъ въ ужасѣ прижался къ углу. Мимо его, зѣвая и охая, снизу прошелъ разбуженный звонкомъ Емельянъ.

Пропустивъ слугу, Шервудъ дрожащими руками надѣлъ сапоги, еще прислушался, выскользнулъ на крыльцо и стремглавъ бросился въ свой флигель. Не зажигая свѣчи, онъ быстро раздѣлся, легъ въ постель и старался заснуть. Сонъ отъ него бѣжалъ. — «Тайное общество! заговоръ противъ правительства!»—думалъ онъ, задыхаясь. Дрожа и не попадая зубомъ на зубъ, онъ разбиралъ свое невѣроятное открытіе.—«Такъ вотъ что — мыслилъ онъ, — не походъ, не война... вотъ цѣль этихъ собраній... и кто же? высшее офицерство, батальонные, полковые командиры. Недовольны, возмущены; строятъ тайные ковы. А я, затерянный въ этой глуши, безъ ихъ богатства и правъ, всѣми обходимый чужеземецъ... И мнѣ терпѣть еще семь долгихъ, унизительныхъ лѣтъ?..»

Тяжелыя, несбыточныя мысли вертѣлись въ головѣ Шервуда. Онъ неподвижно глядѣлъ съ кровати въ окно. Мухи жужжали и бились въ тѣсной, душной комнаткѣ. А за окномъ стояла тихая, звѣздная ночь. — «Бѣжать отъ этого

ужаса!— вдругъ подумалъ Шервудъ:—убить соблазнительный, дерзкій призракъ... А тамъ, вдали? тамъ вѣдь еще надѣются, ждутъ... Можно отличиться, возвратить потерянное счастье. Нѣтъ выслуги выше; почести, богатство... но вѣдь это предательство!»

Шервудъ вскочилъ, сталъ ощупью одѣваться.—«Тьфу, чортъ! да какъ же дрожатъ руки!—мыслилъ онъ съ отвращеніемъ,—точно укралъ что-нибудь»...—«Кончено, рѣшено!»—сказалъ онъ себѣ, выйдя на воздухъ и безсознательно вновь направляясь въ садъ,—о! подлая ловушка, выдача головой, за гостепріимство пріютившаго меня человѣка... И ужели я буду этимъ предателемъ, злодѣемъ, убійцей изъ-за угла?»

Долго Шервудъ бродилъ по темнымъ уступамъ и дорожкамъ сада, подходилъ къ рѣкѣ, ложился въ кусты, на полянахъ. Верхи деревъ посвѣтлѣли. Стали видны холмы и ближній лѣсъ за Тясминомъ. Чирикнула и съ куста на кустъ перелетѣла, разбуженная какимъ-то шорохомъ, птичка. Спящій, съ пристройками и крыльцами, бѣлый домъ отчетливѣе вырѣзался среди пирамидальныхъ тополей и развѣсистыхъ, старыхъ липъ.

«Сытые бѣсятся, что̀ имъ! изъ моды, отъ жиру!»—злобно стиснувъ зубы, подумалъ Шервудъ. Онъ даже плюнулъ запекшимися губами.—«Чужое вѣдь, не мое»...—прибавилъ онъ, съ блѣдной усмѣшкой, вставая и возвращаясь домой:—«отличія... награды засыпятъ... это вѣрно, ни колебанія, ни шагу назадъ!»

— Что, ваши ѣдутъ сегодня?—спросилъ онъ чьего-то кучера, ведшаго утромъ къ рѣкѣ лошадей.

— Ѣдемъ, будемъ въ ту субботу.

Въ слѣдующую субботу Шервудъ рѣшилъ получше и толкомъ все сдѣлать, смазать сапоги, выждать, когда все угомонится, вновь пробраться къ заманчивой двери, все терпѣливо выслушать, запомнить и записать въ особую тетрадь.—«Смѣльчаки!—на Аракчеева строятъ подкопы!»—разсуждалъ онъ,—«въ лагерѣ подъ Лещиномъ собираются все рѣшить... волю крестьянамъ хотятъ объявить!»

Въ ожиданіи этого дня, чтобъ не дать подозрѣній, Шервудъ притворился разсѣяннымъ, безпечнымъ; никого, какъ прежде, болѣе не разспрашивалъ и въ свободные часы хо-

дилъ, съ ружьемъ дворецкаго, по окрестностямъ и приносилъ хозяйкамъ дичь. А чтобы продлить свое пребываніе въ Каменкѣ, онъ даже нарочно нѣсколько испортилъ уже конченный мельничный ходъ.

Вторая суббота пришла. Шервудъ узналъ еще болѣе. Въ свою тетрадь онъ занесъ имена и адресы многихъ членовъ союза, ихъ тайныя намѣренія и цѣли, и даже вскользь кѣмъ-либо сказанныя, необдуманно-смѣлыя слова, въ родѣ ребяческой, безумной похвалы Мишеля, съ пѣной у рта: «убивать! рѣзать всѣхъ... нечего щадить враговъ!»

Собраніе на этотъ разъ окончательно обсуждало вопросъ о нѣкоторыхъ мѣрахъ, въ томъ числѣ чье-то предложеніе— не откладывать свободы крестьянъ. Шервудъ жадно слушалъ.

— Отдѣльныя, единичныя попытки каждаго изъ насъ не приведутъ ни къ чему,—сказалъ чей-то голосъ за дверью:— вонъ, Якушкинъ давно написалъ общую и безусловную вольную своимъ. Онъ даже возилъ ее въ Петербургъ, министру. И что̀ же вышло? Послѣ всякихъ отсрочекъ и мытарствъ, ему удалось добиться свиданія съ Кочубеемъ. Удивленный министръ его выслушалъ и отвѣтилъ: разсмотримъ, обсудимъ. И обсуждаютъ до сихъ поръ, скоро пять лѣтъ...

— Моего предположенія,—произнесъ Пестель:—о подаренныхъ мнѣ деревняхъ я ужъ никуда и не посылалъ.

— Да и не для чего!—отозвался Бестужевъ-Рюминъ:—еще сочтутъ нарушителемъ общаго спокойствія... вѣдь у насъ какъ!

— И будутъ правы! — сказалъ Поджіо: — строго говоря, какъ члены тайнаго общества, даже для такихъ возвышенныхъ цѣлей, мы все же заговорщики, преступники. Надо говорить правду... Какъ ни перебирай, а всѣ наши работы, подтвержденныя даже собственнымъ, доблестнымъ почином,—однѣ слабыя попытки непрошеннаго меньшинства... отвлеченные философскіе тезисы... отмѣна цензуры, шутка ли, сокращеніе воинской службы...

— Что̀ же предпринять?—спросилъ Яфимовичъ:—діагнозъ сдѣланъ, гдѣ лѣкарства? и какъ узнать мнѣніе большинства, если наши стремленія и здѣсь называютъ идеальными, идущими не изъ опыта, а изъ головы?

— Я такъ не говорилъ,—возразилъ Поджіо.

— Нѣтъ, вы это сказали...

— Совѣтуютъ,—произнесъ Пестель:—подать общее прошеніе отъ дворянъ.

— Съ сотнями, тысячами подписей, — вскрикнулъ Мишель:—можно все въ тайнѣ, не узнаетъ никто!

— Но не всѣ подпишутся,—возразилъ Поджіо: — многіе противъ дарового освобожденія: изъ нашихъ даже—Волконскій, Нарышкинъ, Трубецкой, да и другіе, — Александръ Барятинскій, стояли за выкупъ крестьянъ отъ казны.

— И вѣрно, если хотите,—произнесъ Яфимовичъ:—даже Мордвиновъ, помните, совѣтовалъ платить, смотря по возрасту, отъ пятидесяти до двухъ-сотъ рублей за душу.

— Алтынники!—вскрикнулъ Мишель.

— Но съ ними могутъ согласиться, и рядомъ съ нашимъ прошеніемъ пошлются другія, въ обратномъ смыслѣ. Да и какъ собирать подписи?

— Выбрать смѣлую когорту!—проговорилъ Мишель:—я и другіе возьмемся, въ мѣсяцъ, въ полгода объѣздимъ полъ-Россіи и привеземъ сто тысячъ подписей.

— Увлечемъ, заставимъ и Аракчеева,—сказалъ Ентальцевъ:—вѣдь онъ самъ предлагалъ особую комиссію и пять милліоновъ въ годъ дворянству на выкупъ крѣпостныхъ.

— Но онъ стоялъ за двѣ десятины надѣла всякой душѣ, и его мысль отвергли. Онъ противъ общиннаго управленія деревень...

— Къ чорту его! обойдемся и безъ него!—произнесъ кто-то.

— Нѣтъ, нельзя пренебрегать услугами и врага,—возразилъ Давыдовъ.

— Долой враговъ!—крикнулъ Поджіо:—имъ будетъ особый разсчетъ.

— Кинжалъ,—произнесъ Мишель.

— Позвольте,—опять вмѣшался Яфимовичъ:—не подготовимъ исподволь общаго мнѣнія, Кочубей введетъ ни то, ни сё... полумѣры восемьсотъ пятаго года...

— На голоса!

— Что же рѣшать?—спросилъ Пастель.

— Все рѣшать... нечего откладывать!

— Отложить, — сказалъ Ентальцевъ: — надо списаться, узнать.

— А публикація въ газетахъ о продажѣ людей?—проговорилъ Давыдовъ:—вѣдь это Африка, торгъ неграми!

— Отложить, не соберемъ подписей!

— Нечего откладывать, на голоса!

Обсуждались и другія мѣры, диктовались разныя бумаги.

«Какія открытія!»—разсуждалъ Шервудъ, пробираясь, въ эту вторую ночь, обратно во флигель:—«стремятся къ образованію простого народа, къ уменьшенію сроковъ военной службы, къ устройству общиннаго управленія, отмѣнѣ цензуры и къ освобожденію крестьянъ...—Прямо письмо къ государю—сказалъ онъ себѣ:—меня, разумѣется, вызовутъ, и я все объясню... Но спросятъ, гдѣ доказательства? и что, если эти люди отопрутся, спутаютъ, собьютъ? Все вѣдь такіе умники, тузы... Завтра воскресенье — всѣ разъѣдутся. Не ѣхать ли и мнѣ? Осталось только исправить шестерню и испытать ходъ колеса...»

Шервудъ то рѣшался исполнить задуманное, то падалъ духомъ и отступалъ. Рано утромъ онъ пошелъ на мельницу.

Погода стояла знойная. Пользуясь утренней прохладой, къ рѣкѣ на мельницу пришли купаться каменскіе гости. Степенный говоръ прерывался изрѣдка шутками. Слуга разостлалъ коверъ, положилъ мыло и простыни, поставилъ тазы съ водой и ушелъ. Шервудъ, припиливая стержень шестерни, сидѣлъ въ мельницѣ у окна. Ему было видно, какъ пришли гости, какъ они разсѣлись на коврѣ и по травѣ и стали раздѣваться. Кто-то пріятнымъ голосомъ запѣлъ французскую пѣсню.—«Марсельеза!»—съ дрожью подумалъ Шервудъ, услыша знакомый по Москвѣ напѣвъ. Онъ слѣдилъ за купающимися. Мишель съ размаха бросился въ рѣку. За нимъ медленно сошелъ къ водѣ плечистый, съ полосой загара вокругъ шеи, Пестель. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ сидѣлъ на обрывѣ берега, щуря противъ солнца усталые, добрые глаза. Его красивое, полное лицо, съ прямымъ носомъ, улыбалось.

— Tiens, cher ami,—сказалъ Муравьевъ Пестелю:—какъ загорѣла твоя шея...

— Точно ожерелье!—проговорилъ, плеская себѣ водой на грудь и бока, Поджіо.

— Типунъ вамъ на языкъ,—добродушно усмѣхнулся всегда чопорно-сдержанный Пестель.

«Петля!»—пронеслось въ головѣ Шервуда. Онъ видѣлъ, какъ довольный теплой погодой и купаньемъ, Пестель съ удовольствіемъ ступилъ въ воду.

— Странно,—сказалъ Пестель, собираясь погрузиться въ рѣку съ головой:—я всегда думалъ одно, какъ бы не утонуть... не плаваю...

— Наше не тонетъ и не горитъ—произнесъ Поджіо, оттолкнувшись отъ берега и плывя на спинѣ:—мужество и стойкость, не правда ли, нашъ девизъ?..

— А слышали о новомъ женскомъ подвигѣ! — отозвался Лихаревъ, покачиваясь на мельничномъ шлюзѣ и оттуда собираясь внизъ головой броситься въ рѣку.

— Нѣтъ, не слыхали.

— Дѣвица Куракина, увлекшись въ Москвѣ католицизмомъ, въ доказательство преданности къ новой вѣрѣ, сожгла себѣ палецъ въ каминѣ...

— Мишель, это по твоей части! любовь... женихъ! — крикнулъ, ныряя, веселый Поджіо. Всѣ засмѣялись.

— Какъ это у Шеридана о женщинахъ?—спросилъ Муравьевъ Давыдовъ:—твой отецъ перевелъ его «Облака»...

— И... «Школу злословія»,—тонко прибавилъ, въ защиту друга, Муравьевъ.

«Шутите, шутите!» думалъ у окна мельницы Шервудъ.

Къ рѣкѣ, въ это время, подошелъ только-что подъѣхавшій изъ другого имѣнія старшій Давыдовъ.

— Вотъ они, республиканцы! здравствуйте!—сказалъ онъ, дружески кланяясь и присаживаясь на берегу.

Часть купающихся уже одѣвалась.

— Что̀ новаго?—спросилъ Поджіо.

— Это у васъ спрашивать, вы перестроители судебъ.

— Какое! мы военные!

— Хороши воины... ну, да не вмѣшиваюсь,—пробурчалъ Александръ Львовичъ:—а не умолчу, побьютъ васъ за прожекты ваши же Фильки да Ваньки.

— Что̀ же, однако, новаго? — спросилъ брата младшій Давыдовъ:—ты писалъ, что думаешь быть въ Кіевѣ?

— Ну, былъ... скука, жара и отвратительно кормятъ.

— Не по кулинарной части... былъ же у кого-нибудь?

— А вотъ что̀,—вспомнилъ Александръ Львовичъ:—это касается васъ: ожидаемые смотры на югѣ отмѣнены.

— Почему? какая причина?—заговорили слушатели.

— Государыня нездорова; ей предписано ѣхать въ Таганрогъ. Государь располагаетъ ее провожать.

— А правда ли,—спросилъ Мишель:—что столицу, изъ-за прошлогодняго наводненія въ Петербургѣ, думаютъ обратно перенести въ Москву?

— Давно бы пора,—замѣтилъ Лихаревъ.

— И это говорите вы?—обратился къ нему Александръ Львовичъ:—да Москва глушь, спячка, орда! ни дышать, ни ѣсть, ни жить... Охъ, вы, простите, Сенъ-Жюсты, да Демулены.—крехтя прибавилъ онъ, вставая и идя за первыми одѣвшимися:—вы дѣти, не практики... Ну, хоть бы эти толки объ émancipation... все это, говорю откровенно, вздоръ! Вы подзадориваете изъ моды другъ друга и преждевременными задираніями только мѣшаете жить остальнымъ. Служи я, да поставь меня начальство съ полкомъ противъ васъ, я бы вамъ показалъ...

Часть купающихся ушла. Шервудъ опять услышалъ голоса. У шлюза замедлились Пестель и Муравьевъ.

— Да! я все думаю,—сказалъ Пестель:—такая разноголосица... ужъ не открыть ли всего государю?.. Право, онъ одинъ въ силѣ... Ему бы все наше передать...

«Такъ вотъ что!»—сказалъ съ дрожью себѣ Шервудъ,—«нѣтъ, опоздали... Я васъ предупрежу!»

Купанье кончилось. Рѣка опустѣла. «Завтра сдамъ работу и уѣду!» рѣшилъ Шервудъ.

Онъ обѣдалъ въ тотъ день въ своемъ флигелѣ, медленно доѣдая ломоть бараньей грудинки, принесенной изъ кухни дворецкаго, когда къ нему вошелъ офицеръ. То былъ Мишель.

— Извините, — сказалъ вошедшій: — вы опытный механикъ: не можете ли починить это?

Онъ подалъ Шервуду золотой, тѣльный крестикъ.

— У насъ, видите ли, въ штабѣ нѣтъ мастеровъ... жалкое мѣстечко... а это для меня дорого, отпаялось ушко.

Шервудъ отеръ влажныя, жирныя губы и поднялъ глаза на офицера.

— Крестъ,—проговорилъ онъ, въ раздумьѣ поворачивая поданную вещь.

— Да, память, благословеніе... моей maman, — несмѣло пояснилъ офицеръ.

— Помилуйте, ваше благородіе,—злобно нахмурился Шервудъ:—развѣ я золотыхъ дѣлъ мастеръ? у меня ни припая, ни инструментовъ для того...

— Но вы Самойлычу исправляли кольцо, мамзель Адель серьги.

— У васъ... матушка?—спросилъ Шервудъ.

— Да... и я ее такъ люблю,—съ счастливой улыбкой и искренно произнесъ Мишель.

Шервудъ задумался. Въ его мысляхъ мелькнуло его открытіе и все, что онъ такъ ловко подслушалъ и записалъ, въ томъ числѣ и объ этомъ юношѣ, смѣло поджимавшемъ палецъ за пальцемъ, при счетѣ намѣчаемыхъ жертвъ. Ему вспомнилось и утреннее купанье у мельницы, статныя, спокойныя и красивыя тѣла, марсельеза и шутка о загорѣлой шеѣ. Онъ безсознательно продолжалъ разсматривать крестикъ. Что ожидало стоявшаго передъ нимъ юношу и всѣхъ этихъ, повидимому, безпечныхъ и смѣлыхъ, сильныхъ духомъ и вѣрившихъ въ свою звѣзду? — «У него мать — подумалъ Шервудъ,—а у меня невѣста... да и онъ, кажется, женихъ... отъ одного шага, слова...»

Злобный огонь сверкнулъ въ глазахъ Шервуда.

— Извините, ваше благородіе, — сказалъ онъ нехотя, какъ бы еще пережевывая недоѣденный, вкусный кусокъ:— я не ювелиръ, но для васъ, какъ могу, смастерю... принесу вечеромъ...

— О, я вамъ буду очень благодаренъ!—сказалъ Мишель:— вы истинный джентльменъ... по-русски, это гражданинъ... вашу руку, гражданинъ Шервудъ.

И онъ горячо пожалъ мозолистую руку Шервуда, счастливый всѣмъ, и утреннимъ купаньемъ, и тѣмъ, какъ онъ смѣло «по-робеспьеровски» говорилъ въ ту ночь на засѣданіи, до того смѣло, что Поджіо ему сказалъ: вы—Маратъ!—и тѣмъ, наконецъ, что онъ скоро будетъ въ Ракитномъ, гдѣ жила его невѣста, Зина, и гдѣ въ концѣ августа, въ день рожденія ея матери, былъ назначенъ балъ, съ охотой на волковъ и дикихъ козъ.

Гости изъ Каменки вечеромъ разъѣхались. Утромъ слѣдующаго дня уѣхалъ и Шервудъ, щедро награжденный за исправленіе мельницы.

Полковникъ Гревсъ, получа благодарность Давыдова за Шервуда, далъ послѣднему порученіе къ своему брату, въ Вознесенскъ, откуда ловкій на всѣ руки техникъ былъ приглашенъ, для осмотра овечьихъ заводовъ и стадъ, къ сосѣднему помѣщику, Булгари. Шервудъ взглянулъ въ свой списокъ: Булгари былъ туда занесенъ въ числѣ членовъ союза.

Изъ Вознесенска Шервуду, въ концѣ іюля, было предложено съѣздить по дѣлу въ харьковскую губернію, въ ахтырское помѣстье родныхъ жены Гревса. Въ Ахтыркѣ онъ, по

порученію Булгари, отыскалъ офицера Вадковскаго. Взглянувъ въ свой списокъ, онъ убѣдился, что и Вадковскій также былъ членомъ тайнаго общества. Онъ его нашелъ у кого-то на крестинахъ.

Булгари, въ свиданіяхъ съ Шервудомъ, не проговорился ни въ чемъ. Намёки на Каменку, на общее дѣло и на общихъ будто бы товарищей, даже заставили осторожнаго Булгари, въ письмѣ къ Вадковскому, черезъ Шервуда, прибавить оговорку: «Берегись этого человѣка,—подозрителенъ; выдаетъ себя за нашего члена, но кѣмъ и гдѣ принятъ, не знаю». Шервудъ въ дорогѣ вскрылъ это письмо, прочелъ его и опять ловко подпечаталъ.

Подвижной и нервный, какъ женщина, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковскій воспитывался въ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, служилъ въ кавалергардахъ и теперь былъ сосланъ, за какую-то вольную пѣсню, въ нѣжинскій полкъ, стоявшій въ Ахтыркѣ. Прочтя письмо, привезенное Шервудомъ, онъ сдѣлалъ доставителю нѣсколько быстрыхъ, веселыхъ вопросовъ, предложилъ запросто позавтракать къ себѣ и, разговорившись за угощеніемъ, улыбнулся.

«Экіе трусы!—подумалъ онъ,—своей тѣни боятся... А это такой милый, дѣльный человѣкъ...»

— Оставимъ другъ друга обманывать, — сказалъ онъ вдругъ, протянувъ гостю отъ всего сердца руку:—вижу, мы союзники. Будемъ братьями общаго дѣла.

Вадковскій и Шервудъ чокнулись рюмками.

— Что̀ новаго въ Каменкѣ?—спросилъ Вадковскій:—что̀ предпринимаютъ дорогіе товарищи и нашъ новый, смѣлый Вашингтонъ?

— Вашингтонъ? — проговорилъ гость: — ошибаетесь. Пестель мѣтитъ въ Кромвели, въ Наполеоны.

— Ой ли?

Гость засыпалъ анекдотами. Чего онъ только по этой части не зналъ, а еще болѣе не придумалъ. Чувствительный, смѣшливый и простодушный Вадковскій, встрѣтивъ, въ богомольной и скучной, ахтырской глуши, собрата по общему дѣлу, былъ внѣ себя отъ радости. Выпили шампанскаго. Говорили долго, нѣсколько часовъ, и еще выпили. Съ анекдотовъ перешли къ важной сторонѣ дѣла. Перебирали послѣднія тревожныя вѣсти, общее недовольство, слухи о предстоящихъ перемѣнахъ къ худшему.

— И все Аракчеевъ! все онъ! — твердилъ, охмелѣвъ, въ искреннемъ негодованіи, быстроглазый, миловидный и съ чернымъ, распомаженнымъ и завитымъ въ колечко хохолкомъ, Вадковскій.

— И нѣтъ кары на этого злого, жаднаго и ядовитаго паука! — поддакнулъ, съ англійскимъ ругательствомъ, Шервудъ.

— Найдется! и скоро! — многозначительно качнувъ головой, проговорилъ Вадковскій: — здѣсь въ Ахтыркѣ, скажу вамъ, намъ не сочувствуютъ; все спитъ и даже враждебно смотрятъ на насъ... но мы имъ предпишемъ, ихъ вразумимъ!

Еще перекинулись словами.

— Я вижу, дорогой товарищъ, — сказалъ, пошатываясь, Вадковскій: — вы не знаете всѣхъ нашихъ членовъ... я васъ удивлю... таковъ мой нравъ... Я васъ принимаю въ бояре, и, въ знакъ моего къ вамъ довѣрія, извольте... готовъ вамъ сообщить даже списокъ всего нашего союза...

— Очень благодаренъ... позволите списать? я возвращу его черезъ часъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣтилъ Вадковскій, окончательно забывъ предостереженіе Булгари: — долго ли пробудете въ Ахтыркѣ?

— Надо покончить порученное дѣло; ѣду сегодня.

Списокъ былъ въ тотъ же день возвращенъ Вадковскому.

На обратномъ пути въ полкъ, Шервудъ остановился ночевать въ Богодуховѣ, заперся на постояломъ дворѣ и сталъ что-то писать. Онъ писалъ всю ночь, разрывая въ клочки бумагу, ходя по комнатѣ и опять садясь къ столу. На другой день отсюда отходила почта въ Харьковъ и далѣе на сѣверъ. Шервудъ утромъ написанное запечаталъ въ большой, форменный пакетъ, сунулъ его на грудь подъ мундиръ, застегнулся, сжегъ черновые наброски и пошелъ на почту.

Это было въ половинѣ августа.

День стоялъ сухой, съ знойнымъ вѣтромъ. Пыль носилась клубами по улицамъ бѣднаго, соломой крытаго, городка, разбросаннаго по песчанымъ болотамъ и буграмъ. Истомленный тряской на перекладной и безсонной ночью, проголодавшійся и мучимый сомнѣніями, Шервудъ сумрачно шагалъ вдоль пустынныхъ заборовъ. Усталыя ноги, въ побурѣвшихъ, жавшихъ сапогахъ, вязли въ пескѣ. Улицы были пусты. Свиньи хрюкали изъ грязныхъ лужъ, пересѣ-

кавшихъ дворы и улицы. Полунагіе и грязные ребятишки валялись подъ воротами, швыряя въ прохожаго комками навоза. Шервудъ остановился, прикрикнулъ, даже погнался-было за оборваннымъ шершавымъ мальчуганомъ. У кабака онъ встрѣтилъ пьянаго, сѣдого мѣщанина, шедшаго подъ руку съ пьяною бабой и оравшаго пѣсню на всю улицу.— «И этимъ гражданамъ они затѣяли свободу, права!»—трясясь отъ злости, подумалъ Шервудъ, отирая потное лицо. Онъ добрелъ до почтовой конторы, у которой уже стояла телѣга, запряженная тройкой исхудалыхъ клячъ. Толстый и заспанный почтмейстеръ принялъ поданный ему пакетъ. Прочтя на немъ надпись, онъ удивленно поднялъ глаза на Шервуда.

— Это ваше?—спросилъ онъ, вертя въ рукахъ пакетъ.

— Такъ точно... прошеніе о пособіи, заболѣлъ дорогою...

Почтмейстеръ вынулъ табакерку, опять взглянулъ на подателя, понюхалъ табаку, со вздохомъ приложилъ къ пакету печать и бросилъ его въ почтовую сумку.

Шервудъ вышелъ и сталъ на сосѣднемъ перекресткѣ. Изъ-за забора онъ видѣлъ, какъ вынесли сумку, какъ подтянутый ремнемъ почтальонъ сѣлъ, и тройка помчалась, поднимая клубы пыли. За спинку телѣги ухватился и повисъ, въ изорванной рубашонкѣ, мальчикъ; на толчкѣ его бросило лицомъ въ грязь. «Не удержишь! по дѣломъ!— усмѣхнулся искривленною улыбкою Шервудъ: — тѣ также думали остановить то грозное и имъ ненавистное чудовище».

На пакетѣ была надпись: «Новгородской губерніи, въ село Грузино, графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, въ собственныя руки».

Вадковскій, по отъѣздѣ Шервуда, опомнился, что погорячился и былъ черезчуръ откровененъ съ гостемъ. Онъ старался оправдаться въ собственныхъ мысляхъ: одиночество, скука, завтраки съ возліяніями...—«Экіе мы ребята, право!.. понравился и я принялъ его въ общество, — разсуждалъ онъ:—меня увлекъ его характеръ, вообще англійскій,—непоколебимый и полный чести (imbu d'honneur,— досказалъ онъ себѣ по-французски). Онъ съ виду холоденъ, но исполненъ горячей преданности и способенъ оказать важныя услуги нашему семейству. Если я преступилъ свои права, пусть ихъ отнимутъ у меня, такъ имъ и напишу, но пусть ихъ отдадутъ, для пользы дѣла, Шервуду».

Въ то время, когда изъ Богодухова было послано письмо Шервуда Аракчееву, Пестель съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ возвращался съ послѣдняго, въ то лѣто, съѣзда изъ Каменки. Оба они были скучны. Легкая вѣнская коляска Пестеля мягко катилась по зеленымъ полямъ. Сытая четверня полковыхъ саврасокъ бѣжала бодро. Бубенчики пріятно позванивали.

— Какъ твои стихи? — задумчиво спросилъ товарища Пестель:—ну тѣ, что ты, помнишь, написалъ въ Каменкѣ? Скажи еще разъ; я такъ ихъ люблю...

Неразговорчивый и робкій, нѣжный нравомъ, Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ помедлилъ, слегка покраснѣлъ и негромко, съ чувствомъ прочелъ желаемое шестистишіе:

«Je passerai sur cette terre,
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'ait connu
Ce n'est qu'à la fin de ma carrière
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu...»

— Превосходно и вѣрно!—сказалъ Пестель:—это напоминаетъ Ламартина... Ты въ душѣ поэтъ... Вѣрно выразился... всѣ мы одинокіе, неизвѣстные міру мечтатели, и только потомство намъ произнесетъ вѣрный судъ...

Путники нѣкоторое время проѣхали молча. Солнце клонилось къ закату. Душистая, вечерняя мгла понемногу застилала желтѣющія украинскія степи. Безчисленные кузнечики стрекотали въ травѣ, заглушая бубенчики лошадей.

Пестель сообщилъ, что, въ бытность въ Петербургѣ, онъ навѣстилъ сочлена по союзу, Анненкова, который собирается жениться на красавицѣ Жюстинѣ.

— Ты не повѣришь, какъ счастливы эти голубки!—сказалъ Пестель:—глядя на нихъ, я мыслилъ,—когда же кончатся наши бури?

Муравьевъ, слушая товарища, задумался о сватовствѣ Мишеля. Его сердце невольно сжималось при мысли: «угадываетъ ли возлюбленная этого горячаго и безразсудно-смѣлаго мальчика, принятаго имъ въ члены и, наконецъ, въ бояре, какая судьба можетъ его ждать и ему грозить?»

— Знаешь ли, я думаю, — вдругъ сказалъ, какъ всегда, по-французски, Пестель: — пожалуй, хорошо, что рѣшили оставить эти безумныя попытки въ лагеряхъ, подъ Бѣлой-

Церковью и Бобруйскомъ... Эти военныя заявленія... преторіанство! Охъ, не нравится все это мнѣ... какъ бы не напортили нетерпѣливые, особенно въ Петербургѣ...

Муравьевъ съ удивленіемъ взглянулъ на спутника.

— Слушай, — продолжалъ болѣе оживленно Пестель, высовываясь изъ коляски и какъ бы ища свѣжаго воздуха, простора:—я страстно любилъ и люблю отечество и всегда горячо желалъ ему счастія. Если бы мирно удались наши предположенія, если бы мирно... о! клянусь, я хоть не православный, удалился бы въ Кіевскую лавру и кончилъ бы жизнь, съ благодарностью Богу, монахомъ. Меня подозрѣваютъ въ честолюбивыхъ, суровыхъ замыслахъ. Говорятъ, что я противъ демократа Сперанскаго и за олигарха Мордвинова! Партіи!.. Дайте намъ только свободу мнѣній и рѣчи, — не будетъ ни Аракчеева, ни другихъ своекорыстныхъ, темныхъ силъ, — будетъ одна неподкупная и всѣмъ ясная истина. Ты, мой другъ, лучше другихъ знаешь, что во всѣхъ моихъ увлеченіяхъ и, подчасъ, не въ мѣру горячихъ словахъ, всему виной наша горькая, тяжкая доля. Клянусь, мое сердце не участвовало въ томъ, что̀ порою творила голова.

Муравьевъ горячо пожалъ руку товарища.

— Я всегда былъ противъ твоихъ враговъ, — сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ дрожали слезы:—ты не изъ тѣхъ слабосердыхъ, оставившихъ насъ, что̀, между тѣмъ, предлагали устройство тайныхъ типографій и выпускъ фальшивыхъ денегъ. Ты всегда ясно опредѣлялъ цѣль и шелъ къ ней прямо.

— Отъ меня, какъ слышу,—произнесъ Пестель:—нѣкоторые наши хотѣли избавиться... знаешь ли? тебѣ одному откроюсь, какъ другу... Я давно уже колеблюсь... и тебѣ о томъ намекалъ... Наши силы—обоюдоострый мечъ. Выскочатъ, прорвутся нетерпѣливые, и наши мирныя цѣли погибли... Во мнѣ зрѣетъ иное, высшее убѣжденіе... Правъ Николай Тургеневъ. Онъ пишетъ мнѣ: — ничто всѣ наши усилія передъ вопросомъ освобожденія крестьянъ; съ него надо начать, въ немъ спасеніе...

— Въ чемъ же ты колеблешься! — спросилъ Муравьевъ, удивленный необычайною откровенностью и волненіемъ товарища.

— Не поѣхать ли прямо къ государю? — проговорилъ и

замолчалъ Пестель: — не сознаться ли ему во всемъ, объявивъ, что мы покидаемъ свои замыслы и отдаемъ наши труды и цѣли на его судъ? Кто сильнѣе его? Онъ одинъ въ силахъ, никто болѣе его... А его умъ и доброта... Ты не вѣришь, думаешь, что я боюсь измѣны, гибели? Смерть приму съ радостью, съ наслажденіемъ. Меня пугаетъ иное: не дерзко ли, выходя изъ прямыхъ, положительныхъ правъ, такъ искушать Провидѣніе?

Муравьевъ не отвѣчалъ. Слова предсѣдателя союза подавили его, потрясли.

— Надо подумать,—сказалъ онъ:—часъ добрый! вопросъ очень важный... Только, ты слышалъ, государь ѣдетъ въ Таганрогъ и смотровъ не приметъ. Гдѣ его увидишь?

— Не удадутся наши стремленія,—насъ обвинитъ, предастъ и проклянетъ тотъ же общественный судъ, будутъ возмездія — скажутъ, вы отбросили общество въ глубь, во времена Анны, а то и далѣе... Отпрошусь въ Таганрогъ, поѣду туда и все передамъ государю; онъ спасетъ наши труды.

Коляска мчалась также плавно. Трещали кузнечики, гремѣли бубенцы. Вечеръ надвигался на темнѣвшія окрестности. На одномъ поворотѣ выглянула и опять скрылась Каменка.

Отвѣтъ Аракчеева послѣдовалъ скоро. Въ Богодуховъ прискакалъ фельдъегерь, нашелъ въ указанномъ мѣстѣ Шервуда и въ нѣсколько дней домчалъ его въ Грузино.

(1881 г.).

II.

ШЕРВУДЪ У АРАКЧЕЕВА.

Доносъ Шервуда объ открытіи тайнаго Союза благоденствія — будущихъ декабристовъ — сильно взволновалъ графа Аракчеева.

Посланный за доносчикомъ фельдъегерскій поручикъ Лангъ, безъ отдыха, на курьерскихъ, домчалъ его изъ Богодухова въ Грузино на третій день.

Аракчеевъ съ нетерпѣніемъ поглядывалъ въ окна, ожидая смѣльчака—уланскаго унтеръ-офицера, написавшаго графу, что имъ открытъ и выслѣженъ важный и несомнѣнный противъ правительства заговоръ.

Молчавшій и пившій всю дорогу, огромнаго роста, мрач-

ный, съ деревяннымъ, бѣлобрысымъ лицомъ, фельдъегерь, завидѣвъ Грузино, оживился. Толкнувъ локтемъ Шервуда, онъ къ нему нагнулся и что-то ему сказалъ вполголоса.

— Не слышу,—сердито отозвался Шервудъ.

— Шкапчикъ-капканчикъ, шкатулочка съ секретомъ,— проговорилъ еще тише Лангъ, указывая съ холма на открывшіеся верхи графской усадьбы.

— Какой шкапчикъ?.. что врете?

— Поселенскій Моголъ, — продолжалъ поручикъ, самодовольно осклабляя курносое, въ веснушкахъ, лицо: — силища! готовься, братецъ, пропишетъ...

— Дуракъ! — презрительно фыркнулъ Шервудъ, нестѣснявшійся съ пьянымъ, нечистымъ на руку, провожатымъ:— выпытываетъ!.. самъ берегись...

Фельдъегерь крякнулъ, подтянулся и сталъ глядѣть вдаль.

Тройка мчалась широкою, лѣсною просѣкой. Прогремѣлъ длинный, высокій мостъ. Далеко раскидывались луга, за ними — рѣка Волховъ. Длиннымъ, правильнымъ фронтомъ потянулись конченныя и начатыя разнообразныя постройки. Вездѣ копошились землекопы, каменщики, кровельщики; стучали топоры. Всюду были замѣтны непомѣрный порядокъ и чистота. Надъ каждымъ зданіемъ, надъ казармой, амбаромъ, даже ничтожнымъ хлѣвушкомъ, красовались надписи и нумера. Все лоснилось новою, въ большинствѣ желтою, либо сѣрою краскою. Березы и липы вдоль дороги были подстрижены; онѣ, какъ и строенія, стояли также на вытяжку, въ ранжиръ.

Завидѣвъ дворъ и церковь, фельдъегерь опять нагнулся къ Шервуду. Онъ ему указалъ на небольшой флигель, о-бокъ съ главнымъ домомъ.

— Графская душенька, Настасья Ѳедоровна,— проговорилъ онъ:—прими къ свѣдѣнію, если обратитъ око, съ дороги-то... какія наливки, пироги... Баба здоровенная, всему командиръ.

«Экая дрянь, болтунъ! — подумалъ Шервудъ, нервно содрогаясь отъ нечеловѣческой усталости и всякихъ дорожныхъ дрязгъ: — проклятая деревяшка! когда разговорился... мелетъ вздоръ...»

Было раннее утро. На улицѣ, кое-гдѣ, на звонъ колокольчика и громъ телѣги, выглядывали сонныя, испуганныя лица. За рѣшеткой, по двору шагалъ обходный рундъ. У главнаго подъѣзда шла смѣна часовыхъ.

Телѣга подскочила къ крыльцу, на фронтонѣ котораго красовалась бронзовая надпись: «Безъ лести преданъ».

— Прощай, Иванъ Иванычъ, не поминай лихомъ,—сказалъ дружески-тепло фельдъегерь, ссаживая Шервуда и подавая ему чемоданчикъ его и шинель.

Онъ ввелъ привезеннаго въ домъ и сдалъ дежурному адъютанту. Въ ту же минуту изъ графскаго кабинета послышался звонокъ.

— Ждалъ, увидѣлъ въ окно, — прошепталъ, робко озираясь, фельдъегерь.

— За мной!—сказалъ Шервуду адъютантъ:—не робѣй... прибылъ въ срокъ...

«Не робѣй! да нечего и трусить! — подумалъ Шервудъ, осиливая подступавшую дрожь: — еще посмотримъ, кому кланяться и кого просить...»

Ощупавъ боковой карманъ кителя, онъ по пути глянулъ въ зеркало, обтянулъ измятыя, запачканныя грязью фалды, оправилъ волосы и смѣло шагнулъ изъ коридора въ полуотворенную, невысокую дверь, у которой на лавочкѣ, съ чулкомъ въ рукахъ, сидѣла какая-то немолодая, но еще красивая женщина.

За дверью стояла ширма, за ширмой столъ. У стола сидѣлъ сгорбленный, коротко остриженный человѣкъ.

Шервудъ стоялъ у порога, на вытяжку, руки по швамъ. Предъ нимъ былъ графъ Аракчеевъ...

Сутуловатый, средняго роста, въ солдатской, нараспашку, сѣрой курткѣ поверхъ артиллерійскаго мундира, графъ сидѣлъ надъ кучей бумагъ, не удостоивъ взглядомъ вошедшаго. На его груди висѣлъ осыпанный брильянтами портретъ государя Александра I-го. Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

Шервудъ успѣлъ разглядѣть густую щетку темныхъ волосъ Аракчеева, жирными толстыми змѣйками падавшихъ на его виски, и низкій, тупой лобъ, разглядѣлъ его длинный, красноватый, въ видѣ груши, носъ, твердый, точно каменный, подбородокъ и плотно сжатыя, крупныя, до глянца выбритыя, губы. На столѣ лежали фуражка и трость. Графъ, очевидно, только-что возвратился съ прогулки.

Медленно сложивъ прочтенную бумагу, онъ поднялъ на Шервуда небольшіе, холодные и странно-мутные глаза.

«Вылитый старый писарь-кантонистъ!»—шевельнулось въ умѣ Шервуда.

— Ты донесъ объ открытіи какого-то тайнаго общества?— послышался негромкій, гнусливый голосъ:—заговоръ противъ правительства? такъ-ли?

— Точно такъ, ваше сіятельство! — отчетливо и громко отвѣтилъ Шервудъ.

— Понимаешь ли, на какое важное дѣло ты отважился?— еще тише и болѣе въ носъ спросилъ графъ:—и знаешь ли, чему подвергаются за лживый извѣтъ?

— Понимаю и знаю...

— Вѣдь доносчику, слышишь ли, первый кнутъ... Коли не докажешь, не пощадятъ... сообразилъ?

Графъ поднялъ тонкій, костлявый палецъ.

— По долгу присяги, ваше сіятельство, все взвѣшено напередъ.

— То-то... всѣ вы по долгу... легко и врать... А можешь ли доказать свои слова? подойди ближе... что стоишь, какъ пень?

Шервудъ, вытягиваясь въ струну и подбираясь. молодецки ступилъ отъ ширмы и, какъ вкопанный, сталъ у стола, глаза на графа, руки по швамъ.

— Ну, теперь говори,—произнесъ Аракчеевъ:—есть доказательства, свидѣтели, улики?

— Есть,—отвѣтилъ Шервудъ.

Аракчеевъ молча на него посмотрѣлъ.

— Гдѣ и какъ ты узналъ?

— Въ арміи графа Витта, въ кіевской губерніи, — проговорилъ Шервудъ:—открытое мною общество распространено по всей Россіи... въ Кіевѣ, Москвѣ, въ Петербургѣ, вездѣ, смѣю доложить, есть важныя сильныя лица.

— Ой ли?—насупился графъ.

— Такъ точно... Все открыто случайно, по божеской милости... и я могу не токмо словесно, письменно подтвердить...

— Давай доказательства,—произнесъ Аракчеевъ, похлопывая пальцами одной руки по пальцамъ другой:—увидимъ, изъ кого состоятъ эти важныя лица... ну, называй...

— Не могу, ваше сіятельство, — почтительно отвѣтилъ Шервудъ, глядя на графа.

— Какъ не можешь?—даже привскочилъ Аракчеевъ.

— Не въ правѣ... Могу все доложить токмо одному государю, и то лично.

Аракчееву показалось, что онъ ослышался.

— Какъ ты сказалъ? государю?.. повтори...

— Точно такъ.

— Да ты, да мнѣ...—началъ Аракчеевъ.

Недосказанныя слова замерли въ его горлѣ, щеки дрогнули, глаза изумленно и растерянно забѣгали по сторонамъ.

— Только его величеству, ему одному! — рѣшительно и твердо проговорилъ Шервудъ.

— Но развѣ ты, скотина, не знаешь, кто я?—заревѣлъ, вскакивая, трясясь и грозя кулаками, Аракчеевъ: — какъ, негодяй? ты не знаешь, что я въ особомъ, отмѣнномъ довѣріи монарха? что нѣтъ другого... слышишь ли? нѣтъ и быть не можетъ... и что мнѣ открыты всѣ тайны государства, весь ходъ!

— Знаю, ваше графское сіятельство,—не понижая голоса и еще болѣе вытягиваясь, отвѣтилъ Шервудъ: — всѣмъ вѣдомо... какъ не знать!

— Такъ говори же, дубинище, болванъ, говори!—кричалъ графъ, комкая въ рукѣ какую-то схваченную бумагу и стуча кулакомъ по столу.

— Убейте, не могу...

Аракчеевъ вырвался изъ-за стола, подскочилъ къ носу Шервуда и съ трясущимся, искривленнымъ ртомъ уставился на него мутными, точно мертвыми глазами.

Шервудъ молчалъ.

— Не скажешь?—прохрипѣлъ графъ, хватая его за горло:— арестантъ! арестантомъ будешь... въ кандалы, въ тюрьму... въ Сибирь...

«Шалишь, — подумалъ Шервудъ, сжимаемый твердыми пальцами взбѣшеннаго старика, — не поддамся... ты арестантъ, и видъ у тебя арестантскій! не я, вы у меня наклanяетесь... вся судьба на картѣ... чего захотѣлъ!..»

Злоба кипѣла въ душѣ Шервуда; но онъ не произнесъ ни слова, смѣло и нагло глядя на изуродованное гнѣвомъ, покрывшееся багровыми пятнами, лицо графа.

Аракчеевъ его выпустилъ, отошелъ пыхтя въ глубь комнаты и, будто пристально глядя куда-то, молча припалъ лицомъ къ окну.

— Изъ вольноопредѣляющихся? — спросилъ графъ, не оборачиваясь и раздумывая. — Вотъ отчаянный, чѣмъ его осилить?

— Такъ точно,—отвѣтилъ Шервудъ.

— Что же сразу не сказалъ... а?.. хотѣлъ подвести?

— Никакъ нѣтъ... не изволили спрашивать.

Аракчеевъ обернулся, ткнулъ ногой стулъ и сѣлъ у окна.— «У Витта всѣ они таковы!» пронеслось у него въ мысляхъ.

— Садись! — произнесъ онъ, указывая противъ себя на другой стулъ.

Шервудъ медлилъ.

— Садись!—повелительно крикнулъ графъ.

Шервудъ размѣреннымъ, фронтовымъ шагомъ приблизился, вѣжливо постоялъ на мѣстѣ и сѣлъ.

— Извините, сударь! — заговорилъ графъ, съ своей стороны усиливаясь быть не только вѣжливымъ, но и ласковымъ:—не предусмотрѣлъ, ваша милость... прозѣвалъ...

Грозное выраженіе лица Аракчеева исчезло, а его голосъ напоминалъ виноватое ворчаніе загнаннаго въ конуру, напроказившаго, злого цѣпного пса.

— Родители? прошлое? — спросилъ онъ: — удостойте доложить.

Шервудъ отвѣтилъ.

— Такъ-съ... дворянинъ... захотѣлось отлички... впрочемъ, уважаю! — проговорилъ графъ, медвѣжьи-неуклюже раскланиваясь со стула: — лямка пріѣлась, понятно... ремешокъ мозоли натеръ...

Сердито сопя носомъ, онъ опять похлопалъ пальцами по пальцамъ.

Шервудъ молчалъ.

— Такъ осчастливьте, что̀ знаете, для доклада государю!—проговорилъ еще ласковѣе графъ.

— Не могу, ваше сіятельство, казните—не могу!—отвѣтилъ, вставая, Шервудъ.

— Какъ ты смѣлъ безъ приказа встать? — закричалъ Аракчеевъ:—ослушаніе нижняго чина? бунтъ?

— Нижній чинъ, сидя, не смѣетъ отвѣтствовать начальнику.

— Да садись же, скотина... садись, коль приказываютъ.

Глаза Шервуда сверкнули. Поборая приливъ злобы, кипѣвшей въ его груди, онъ, со сжатыми кулаками, опять присѣлъ на кончикъ стула

«Звѣрь, лютый звѣрь,- пробѣгало въ его мысляхъ: - прихлопнуть, мокренько бы стало. Не то, сотретъ, проглотитъ какъ муху... Нѣтъ, чортъ, терпѣлъ, еще подожду! сдамся,

все выпытают, дороются, и я останусь въ томъ же ничтожествѣ, въ тѣни».

Аракчеевъ прокашлялся.

— Такъ вы, сударь, затрудняетесь, — спросилъ онъ: — иному повѣдать государеву тайну?

— Такъ точно-съ...

— Резонъ, сознаюсь... Гдѣ подначальному, хоть и преданному рабу ревновать царёвымъ правамъ?

Аракчеевъ помолчалъ.

— Постой, однако, какой нынче у насъ день? — произнесъ онъ:—да, тринадцатое число... чортова дюжина... Экъ въ какой день изволилъ пожаловать, нехорошо. Ну, да, впрочемъ, ладно... Ступай, пообѣдай, чай, проголодался, и будь готовъ. Можешь теперь встать.

Шервудъ поднялся.

— Ужъ такъ и быть, предоставлю тебѣ случай видѣть государя,—объявилъ Аракчеевъ:—только, молодецъ, берегись: при мнѣ будетъ свиданіе... посмотрю, что̀ ты тамъ станешь говорить.

Кивкомъ головы онъ указалъ гостю, что тотъ можетъ удалиться.

Шервудъ сдѣлалъ налѣво кругомъ и тѣмъ же пѣтушьимъ, размѣреннымъ шагомъ, вывертывая колѣни и вытягивая носки, двинулся къ ширмѣ.

За дверью его принялъ и провелъ въ особую комнату дежурный лакей. Здѣсь уже былъ накрытъ столъ.

Шервудъ принялся за миску съ борщемъ, жареную рыбу и подовые пироги. Голодъ, возбужденный трехсуточною ѣздой и объясненіемъ съ графомъ, былъ утоленъ. Потъ валилъ съ раскраснѣвшагося лица Ивана Ивановича.

Запивая явства холоднымъ мятнымъ квасомъ, онъ услышалъ стукъ подъѣхавшаго рессорнаго экипажа.

За окнами шла какая-то суета. Мелькнула казацкая пика, послышался барабанный бой, прискакалъ, въ высокомъ уланскомъ киверѣ, ординарецъ. Кто-то крикнулъ— «трогай». Карета, шестерней коренастыхъ воронопѣгихъ, съ кучеромъ въ солдатской шинели, быстро пронеслась у оконъ къ воротамъ.

Шервудъ услышалъ скрипъ двери въ сосѣднюю комнату. Онъ оглянулся. На порогѣ стояла видѣнная имъ въ коридорѣ, лѣтъ подъ сорокъ, статная женщина, въ бѣломъ чепцѣ

и въ такомъ же передникѣ. Ея большіе, черные, строгіе глаза заботливо оглядывали столъ, непринятыя кушанья и гостя.

«Графская фаворитка, Настасья Шумская! — подумалъ Шервудъ:—вотъ она грозная поселенская Бобелина».

— Покушалъ ли, батюшка, вдоволь?—спросила Настасья Ѳедоровна, переставляя посуду.

— Покорнѣйше благодарствую, — отвѣтилъ, кланяясь, Шервудъ.

Шумская присѣла у стола.

— Что это на тебя онъ такъ-то кричалъ? чѣмъ его прогнѣвилъ?—спросила она, оглядываясь.

— На то ихъ графская воля,—смиренно отвѣтилъ, утираясь, Шервудъ:—вѣникъ въ банѣ—всему господинъ.

— Такъ, такъ,—проговорила Шумская, недовѣрчиво поглядывая на гостя:—молодъ, а знаешь пословицы... на уздѣ и лошадь умна; съ горки, милый, виднѣе... А что, скажи, за дѣло ты открылъ?.. мнѣ можно, не выдамъ...

«Чортъ баба, все знаетъ — подумалъ Шервудъ, — допытала и такую тайну...»

— Худое, сударыня, дѣло,—сказалъ онъ.

— Бунтъ, заговоръ?

Шервудъ кивнулъ головой.

— Есть и большіе господа, генералы?—спросила, понижая голосъ, Шумская.

— Первые, можно сказать, люди.

— И графу грозятъ? опасно ему?

— Не могу, матушка... избавьте, далъ зарокъ...

— Да вѣдь все же открыто.

— То-то, что не все.

Шумская задвигалась на стулѣ. Ея щеки покрылись румянцемъ, носъ странно побѣлѣлъ. Въ рукахъ она мяла платокъ.

— Скажи, голубчикъ, вѣкъ не забуду,—проговорила она, всхлипывая:—опасно графу? не таи...

Шервудъ, пошевеливая носкомъ сапога, злорадно молчалъ.

— Да что же это? вѣдь живодёрамъ завидна наша доля,—растерянно шептала Настасья:—роются изверги, готовы разорвать, живыхъ въ гробъ уложить... Не сдается онъ, смѣлъ—да къ добру ли? Объясни, родной; спрячу, увезу графа въ вѣрное мѣсто, а тебя озолотимъ...

Она схватила Шервуда за руку, повторяя: «Скажи, милый, скажи...»

За дверью послышалось бряцанье сабли и звонъ шпоръ. Шумская торопливо встала.

— Подумай, батюшка, уважь! — прошептала она, уходя: — не токма кому, графу не скажу...

«Кланяются, чуютъ свой конецъ, — подумалъ онъ ей во слѣдъ: — а тѣ силы, ихъ жизнь и смерть... въ моей волѣ».

Вошелъ новый, черномазый, съ бакенбардами и еще болѣе рослый фельдъегерь.

— Графъ изволилъ отправиться въ Петербургъ, — пробасилъ онъ, неся подъ мышкой киверъ и натягивая перчатки: — лошади, пожалуйте, готовы и для васъ...

— Могу ли умыться, перемѣнить бѣлье? — спросилъ Шервудъ.

Фельдъегерь удивленно глянулъ на него черезъ губу, покрутилъ плечомъ и крикнулъ.

— Не велѣно! — сказалъ онъ: — нѣтъ приказа.

— Да чемоданчикъ тутъ, мигомъ перемѣню.

— Ни секунды...

Шервудъ двинулся. Въ концѣ коридора отворилась дверь.

— Нѣтъ ужъ, батюшка, извини, дозволь ему хоть глаза промыть! — сказала фельдъегерю Шумская, останавливая Шервуда: — грязищи на немъ съ пудъ.

— Иди, иди, — толкала она гостя въ какую-то боковушку: — не убудетъ его, подождетъ. Танька, Пашка, кто тутъ?

Вбѣжала испуганная дѣвушка Паша, безъ косы.

— Умываться, подлая, живо! — крикнула Шумская.

Паша принесла рукомойникъ и полотенце.

— Слей ему, да что хнычешь, идолъ! — шепнула, уходя, Настасья.

Шервудъ скинулъ китель, подставилъ руки.

— Что плачете? — спросилъ онъ, взглянувъ на миловидное, въ синякахъ, личико дѣвушку.

Та молчала, только ея плечи подергивало.

— Обижаютъ? — спросилъ Шервудъ.

— Нашенское житье что-съ? — произнесла дѣвушка: — лещу на сковородѣ легче; либо себѣ, либо иному кому ножъ...

Опять вошла Шумская.

— Это тебѣ на дорогу, — сказала она, тыкая Шервуду узелокъ съ съѣстнымъ: — а ужъ насчетъ того... отецъ родной, спаси, помоги...

Настасья низко кланялась.

У крыльца стояла запряженная телѣга. Чемоданъ и шинель Шервуда уже лежали на ней. Онъ и фельдъегерь сѣли. Тройка съ мѣста понеслась вскачь.

Ѣдучи опять фронтомъ раскрашенныхъ, съ надписями и нумерами, зданій, Шервудъ невольно вспомнилъ только-что видѣнную, плачущую, въ синякахъ, съ остриженной косой дѣвушку. Онъ вспомнилъ о ней и впослѣдствіи, когда разнеслась страшная вѣсть о насильственной смерти Шумской.

Къ вечеру того же дня, ругаясь, грозя и бѣшено гоня ямщиковъ, фельдъегерь довезъ Шервуда въ Петербургъ, прямо на Литейную, къ дому Аракчеева. Здѣсь привезеннаго заперли въ большой освѣщенной залѣ. Его даже не спросили, хочетъ ли онъ ѣсть, да ему было не до того; узелокъ Настасьи онъ бросилъ въ передней.

Прислушиваясь къ гулу и грохоту затихавшей столичной ѣзды и къ дребезжанію хрустальныхъ подвѣсокъ въ висящей зальной люстрѣ, Шервудъ мрачно шагалъ изъ угла въ уголъ по зеркальному паркету. Жаръ и холодъ пробѣгали по его тѣлу. Жгучія до боли, себялюбивыя, гордыя мысли о близкомъ счастьѣ, о достиженіи намѣченной цѣли роились, путались въ его воспаленной головѣ, смѣняясь раздумьемъ о возможности потерпѣть пораженіе, неуспѣхъ.

«Члены тайнаго, громкаго Союза благоденствія, столпы затѣяннаго переустройства страны,—разсуждалъ онъ:—и я, ничтожный, никому невѣдомый, жалкій унтеръ-офицеръ... Они упорно, во мракѣ трудились, созидали, надѣялись, вѣрили, клали въ дѣло всю душу... А я подошелъ... тронулъ—и все рухнетъ, пойдетъ ко дну... Вмѣсто Пестелей, Бестужевыхъ, Волконскихъ, Трубецкихъ и иныхъ, останется тотъ же батюшка Аракщей, да пожиже влей»...

Шервудъ не выдержалъ и въ полутемной, казарменно-пустынной залѣ, точно сорвавшись, злобно вполголоса захохоталъ.

Онъ примѣтилъ неуклюжій изразцовый каминъ, съ протянутой головатой трубой, въ концѣ залы.—«Тотъ же арестантъ—писарь, тотъ же Аракчей!—подумалъ онъ,—и растахнутыя дверцы... точно его куртка».—Фронтомъ разставленные жиденькіе стулья и ломберные столики напоминали длинную грузинскую улицу; клѣтка съ какою-то птицей—плачущую Пашу.

«Э, чортъ! лѣсъ рубятъ, щепки летятъ... — сказалъ онъ

себѣ, сердито отплевывая изъ пересохшаго горла липкую, досадную слюну:—хорошъ выборъ—острогъ или воля, плеть или отличія... Разумѣется, воля, счастіе... и... богатая, давно ожидающая тамъ, вдали, невѣста»...

Шервуду вспомнилось смоленское помѣстье Ушаковыхъ, его тамошнее учительство, кавалькады въ полѣ, прогулки въ паркѣ, объятія, клятвы.

Гдѣ-то послышался мѣрный, пріятно-протяжный, ласкающій бой Нортоновскихъ часовъ.

Шервудъ вспомнилъ такіе же часы въ другой, кіевской деревнѣ Давыдовыхъ, Каменкѣ. Эта Каменка теперь живо ему представилась, съ ея домомъ, роскошнымъ южнымъ садомъ, мельницей на рѣкѣ Тясминѣ, въ которой онъ работалъ, и таинственными давыдовскими субботами, въ одну изъ которыхъ онъ подслушалъ совѣщанія членовъ Союза благоденствія.

Было за полночь. Шервудъ ходилъ по залѣ.

«И черезъ часъ, можетъ-быть, ближе, черезъ минуту,—мыслилъ онъ:—я, никому неизвѣстный, съ своимъ открытіемъ, послѣдній нижній чинъ, предстану передъ лицомъ могущественнаго въ мірѣ монарха... Ужели это сбудется, не сонъ?..»

Замо̀къ въ двери тихо щелкнулъ. Дверь отворилась. Вошелъ щеголеватый, молодой, перетянутый рюмочкой генералъ, съ тоненькими и бѣлокурыми отъ ушей ко рту, въ видѣ ленточекъ, бакенбардами. То былъ безсмѣнный адъютантъ графа, начальникъ его штаба, Петръ Андреевичъ Клейнмихель.

Ступая мягко, съ особымъ гвардейскимъ перевальцемъ, и распространяя вокругъ себя запахъ модныхъ духовъ, Петръ Андреичъ остановился среди залы.

— Шервудъ?—спросилъ онъ въ носъ, подражая своему принципалу.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

Клейнмихель смѣрилъ глазами диковиннаго человѣка, который такъ понадобился графу.

— За мной... во дворецъ!—объявилъ Клейнмихель.

Шервудъ безсознательно двинулся впередъ.

Въ передней кто-то ему накинулъ на плечи шинель и подалъ его солдатскую фуражку. Клейнмихель усадилъ его съ собою въ карету.

Стекла задребезжали... Карета понеслась, по набережной Невы, въ Зимній, кое-гдѣ еще освѣщенный, дворецъ.

— Но развѣ, ваше превосходительство, государь не на дачѣ?—по пути спросилъ Шервудъ.

— Изволилъ нарочно прибыть изъ Царскаго, — соткровенничалъ Клейнмихель, ожидая, что увозимый имъ проговорится о чемъ-либо, что̀ не было ему извѣстно.

Шервудъ молчалъ.

Дверь салтыковскаго подъѣзда растворилась. Дворцовый лакей принялъ шинель съ Клейнмихеля. Шервудъ самъ снялъ и повѣсилъ свою.

Въ то время, когда они стали подниматься по лѣстницѣ, съ нея спускался пожилой, съ большой лысиной, сановникъ, въ синемъ фракѣ, съ золотыми пуговицами, въ звѣздѣ и лентѣ, и рядомъ съ нимъ красивый, съ моложавымъ, задумчиво-строгимъ лицомъ, гвардейскій полковникъ.

Клейнмихель, пропуская ихъ, вѣжливо остановился. Они, продолжая разговоръ, разсѣянно и сухо ему поклонились.

То были Сперанскій и членъ открытаго Шервудомъ тайнаго общества, князь Сергѣй Трубецкой.

(1881 г.).

III.

ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ.

Графъ Аракчеевъ предупредилъ императора Александра Павловича о тайномъ обществѣ «Союзѣ благоденствія», открытомъ Шервудомъ, на югѣ Россіи, и доставилъ послѣдняго въ Петербургъ.

Шервуду было велѣно явиться въ Зимній дворецъ. Онъ и его вожатый, генералъ Клейнмихель, прошли рядъ полуосвѣщенныхъ залъ дворца.

Они остановились въ небольшой пріемной залѣ, украшенной картинами изъ войны двѣнадцатаго года.

Заставленная цвѣтами, дверь налѣво вела во внутренніе государевы покои. Ее охранялъ, одѣтый въ расшитую золотомъ, красную куртку и въ тюрбанъ, съ страусовыми перьями, дежурный арапъ. На диванѣ дремалъ добродушный, гладковыбритый, въ чулкахъ на толстыхъ икрахъ и въ башмакахъ, нѣмецъ камеръ-лакей.

— Доложи, — вѣжливо шепнулъ по-нѣмецки послѣднему Клейнмихель.

Лакей молча исчезъ за дверью. Едва былъ слышенъ шорохъ его удаляющихся, беззвучныхъ шаговъ. Клейнмихель, сдвинувъ брови и тревожно подтянувъ поясной шарфъ, не шелохнувшись, вглядывался черезъ цвѣтущіе фукціи и геліотропы въ притворенную дверь.

Въ мысляхъ Шервуда пролетало недавнее прошлое: его учительство, невѣста, мамзель Ушакова, стремленіе выбиться изъ неизвѣстности, отличиться. Вспомнилось ему и его подслушиваніе заговорщиковъ въ Каменкѣ, ихъ купанье у мельницы, слова Пестеля и Бестужева, его доносъ въ Грузино и трехсуточная гоньба на фельдъегерскихъ.

Въ комнатѣ была полная тишина. На столѣ у зеркала лежала государева треуголка съ плюмажемъ и его смятыя замшевыя перчатки. — «Гдѣ же я, наконецъ? — подумалъ Шервудъ,—неужели это—вещи государя, его собственные, жилые покои? неужели я, послѣ столькихъ усилій, испытаній, въ Зимнемъ дворцѣ?»

Дверная ручка, въ видѣ спящаго льва, повернулась. Дверь тихо отворилась.

— Пожалуйте, — вполголоса сказалъ лакей, изъ-за цвѣточной заставки, указывая Шервуду дверь и пропуская его впередъ себя.

Клейнмихель хотѣлъ слѣдовать за нимъ; лакей отрицательно качнулъ ему головой. Клейнмихель, поднявшись на цыпочки, замеръ, въ почтительномъ смиреніи.

Шервудъ вошелъ за лакеемъ въ смежную комнату, уставленную книжными шкапами, со стеклами, задернутыми зеленою тафтой. Среди комнаты стоялъ бильярдъ. Миновавъ послѣдній, лакей остановился, помедлилъ, какъ бы къ чему-то прислушиваясь, взялся за ручку новой двери и, оглянувшись на Шервуда, сказалъ еще тише:

— Прямо ступайте... налѣво у камина.

Шервудъ вошелъ въ государевъ кабинетъ.

Восковыя свѣчи на рабочемъ столѣ и въ высокихъ канделябрахъ, у зеркала, не вполнѣ освѣщали высокую, увѣшанную портретами и оружіемъ, комнату.

Императоръ Александръ Павловичъ, въ разстегнутомъ мундирѣ, изъ-подъ котораго виднѣлся бѣлый пикейный жилетъ, стоялъ въ полоборота у темнаго, мраморнаго, погасавшаго камина, облокотясь лѣвой рукой о выступъ его карниза. Вправо, съ другой стороны камина, брезгливо сгор-

бившись и слушая государя, стояла мрачная, въ наглухо-застегнутомъ узкомъ мундирѣ, съ большими мясистыми ушами, торчавшими надъ коротко-остриженной головой, высокая и сутуловатая фигура Аракчеева. «Обезьяна въ мундирѣ!» — невольно подумалъ Шервудъ, увидя большую голову графа, съ длинной шеей, впалыми щеками и тусклыми, впалыми глазами, которыми графъ вяло всматривался въ вошедшаго.

Шервудъ не сразу разглядѣлъ государя. Его вниманіе привлекло ярко-освѣщенное канделябромъ, улыбающееся, съ вздернутымъ носикомъ и полными щечками, изображеніе надъ каминомъ миловидной молодой женщины.—«Кто она?»—подумалъ Шервудъ. Ему вспомнилось прощаніе съ невѣстой, клятвы, надежды. — «Любовь толкаетъ на злодѣянія, на убійства,—пронеслось въ его умѣ:—а здѣсь подвигъ, отличіе, безсмертная услуга Россіи, царю»...

На шорохъ шаговъ, государь повернулъ голову въ направленіи къ порогу.

— Подойди,—раздался ласковый, грудной, какъ бы женскій голосъ.

Шервудъ понялъ, что его зоветъ государь, тотъ государь, котораго такъ привѣтствовала когда-то освобожденная Европа. Онъ, вытянувшись, медленнымъ фронтовымъ шагомъ, осторожно минуя дремавшую собаку, прошелъ по ковру къ камину.

— Ты открылъ тайный заговоръ противъ правительства?—спросилъ государь, поднося къ носу флаконъ со спиртомъ и брызгая имъ себѣ на чуть прикрытую волосами, широкую, блѣдную лысину. Видъ государя былъ усталый, встревоженный.

— Точно такъ, ваше величество,—отвѣтилъ Шервудъ.

— Доказательства? ты знаешь, такъ нельзя, — сказалъ Александръ:—дѣло такой важности... и я говорилъ графу... Голословныя указанія въ подобномъ случаѣ опасны... ты касаешься такихъ вещей, арміи, долга присяги... быть не можетъ! не вѣрится...

Шервудъ задыхался и медлилъ, чувствуя, какъ кровь подступала къ его горлу, давила его, билась въ вискахъ. Изъ-за камина въ него впивались два круглые, тусклые глаза, точно двѣ свинцовыя пули. Шервудъ невольно оглянулся на Аракчеева, разглядѣвъ, какъ на длинной шеѣ

графа вздулись жилы и какъ судорожно морщился его гладко-выбритый, точно отшлифованный, каменный подбородокъ.

«Не докажу—все кончено! не удастся сразу убѣдить, пропалъ! — проносилось въ мысляхъ Шервуда: — выхода нѣтъ; о! будь что будетъ, пусть другимъ плаха, висѣлица... мнѣ надо счастья, жизни!»

Стоя на вытяжку передъ государемъ, въ перепачканной отъ дороги мундирной курткѣ, онъ какъ-то вдругъ передернулся, точно сломило его; дрожащими пальцами торопливо отстегнулъ пуговку на груди, съ искаженнымъ, испуганнымъ лицомъ вынулъ изъ бокового кармана сплюснутый листъ бумаги и протянулъ его государю.

— Что это?—нерѣшительно спросилъ Александръ, оглядываясь на Аракчеева.

— Списокъ заговорщиковъ... всѣ имена, вотъ... по губерніямъ и полкамъ,—прошептали бѣлыя губы Шервуда.

— Откуда ты получилъ?

— Изъ рукъ соучастника.

— Кто-нибудь раскаялся, выдалъ?

— Добылъ хитростью,—отвѣтилъ Шервудъ:—одинъ изъ заговорщиковъ, Вадковскій, довѣрилъ бумагу... я ее тайно списалъ.

Александръ развернулъ поданную бумагу, прочелъ первыя ея строки и невольно отвелъ отъ нихъ глаза; въ спискѣ мелькали имена крупныхъ чиновъ: генералъ-интендантъ, начальникъ штаба арміи, командиры эскадроновъ, дивизіоновъ, полковъ, оберъ-прокуроръ сената, Муравьевы, Пестель, князь Волконскій, князь Трубецкой.

— Богъ мой! какія открытія! — произнесъ съ содроганіемъ Александръ, обращая къ Аракчееву покрывшееся багровыми пятнами, встревоженное лицо:—Алексѣй Андреичъ, читай! ты и не ожидаешь, что здѣсь написано, кто названъ... думали ли мы дожить до такого позора, измѣны—и гдѣ же? среди первыхъ, ближнихъ защитниковъ.

Аракчеевъ, поднеся бумагу ближе къ камину, сталъ ее медленно читать. Жилы на его шеѣ вздулись еще болѣе. Тѣнь отъ его головы колыхалась на стѣнѣ,

— Какъ ты узналъ эту страшную тайну?—обратился Александръ къ Шервуду: — сообщи подробнѣе... говори смѣло, не таи ничего...

Шервудъ, оправясь и стараясь не проронить ни одной

важной подробности, началъ разсказъ. Онъ изложилъ до мелочи, какъ былъ посланъ изъ полка въ кіевское имѣніе Давыдовыхъ, Каменку, какъ тамъ исправлялъ водяную мельницу, случайно узналъ о субботнихъ съѣздахъ тайнаго общества, по ночамъ, подслушалъ ихъ совѣщанія; какъ, выслѣдивъ ихъ преступную, раскинутую по всей южной арміи, сѣть, рѣшилъ самъ проникнуть въ ихъ составъ, и какъ его замыселъ удался...

— Съ рискомъ жизни все это исполнено, — прибавилъ, переводя дыханіе, Шервудъ:—и все лишь съ одною мыслію— угодить вамъ, государь, въ надеждѣ на милостивое монаршее вниманіе.

Александръ давно уже какъ бы пересталъ слушать разсказчика. Въ его затуманенныхъ глазахъ виднѣлись слезы. Онъ смотрѣлъ въ погасшій каминъ; его мысли были далеко.

— Монаршая милость—лучшая награда вѣрныхъ слугъ,— произнесъ Шервудъ:—до послѣдняго издыханія, до послѣдней капли крови...

Государь очнулся, велѣлъ Шервуду выйти, подождать въ ближайшей комнатѣ.

— И за что̀? за что̀?—едва Шервудъ сталъ за дверью, проговорилъ Александръ Аракчееву, какъ бы въ отвѣтъ на волновавшіе его вопросы: — я ли не стремился къ благу отечества? я ли не отдавалъ всего себя?.. Забыто все, что̀ сдѣлано послѣ суровыхъ годовъ отца... сколько вольностей, льготъ! И развѣ Россія теперь та, чѣмъ была, когда оплакивали бабку Екатерину? Ты, Алексѣй Андреичъ, свидѣтель — новыхъ законовъ, процвѣтанія промысловъ, литературы, наукъ... а двѣнадцатый, тяжкій годъ...

— Имъ, кровопійцамъ, всего мало,—прохрипѣлъ, прокашливаясь, Аракчеевъ:—тутъ, государь-батюшка, одно врачеванье—кнутъ и веревка, веревка и кнутъ.

Говоря это, Аракчеевъ думалъ: — «Вотъ онъ — ученикъ Лагарпа, изъ русскаго царя ставшій повелителемъ освобожденной имъ Европы... Къ чему привели эти идеальныя стремленія, эта филантропія?»

Государь прошелся по комнатѣ, опять остановился у камина и сказалъ графу: — зови его. — Аракчеевъ, отворивъ дверь, кликнулъ Шервуда.

— Что̀ имъ нужно? скажи ты мнѣ... ты спрашивалъ ихъ? обратился Александръ къ Шервуду: — говорили они тебѣ, въ чемъ ихъ главныя домогательства?

— Воля... освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ.

— Но воля, Богъ мой, безъ образованія... развѣ это воля? — возразилъ, опять покраснѣвъ, государь: — нужно прежде подготовить, смягчить нравы, просвѣтить умы. Иначе сегодняшніе рабы завтра бросятъ работу, перестанутъ платить подати, слушаться властей. Примѣръ Франціи, Германіи... что же? они хотятъ крестьянскихъ бунтовъ, внутреннихъ войнъ?

Государь смолкъ и задумался. Въ его смущенныхъ, опечаленныхъ мысляхъ проносилось недавнее, свѣтлое прошлое — картины общей къ нему любви и преданности, торжество надъ врагами Россіи, міровая слава.

Онъ обратилъ глаза къ портретамъ отца и бабки. Одинъ на него смотрѣлъ изъ глубины комнаты холодно, точно съ укоромъ и недовѣріемъ; взглядъ второй былъ мягокъ и свѣтелъ. Александръ вертѣлъ въ рукахъ поданный ему графомъ списокъ заговорщикамъ и видимо колебался.

Вспомнился ему политическій погромъ Франціи, разсказы о немъ свидѣтелей и въ томъ числѣ его учителя Лагарпа.— «Тамъ это все кончилось военной диктатурой, — мыслилъ онъ,—Маратъ, Сенъ-Жюстъ и Робеспьеръ смѣнились Бонапартомъ. Но и самъ Наполеонъ чѣмъ кончилъ... Что же имъ, безумцамъ, надо?..»

— Благодарю за преданность мнѣ и престолу, — сказалъ Александръ Шервуду: — по чести, ты сдѣлалъ важныя открытія... И если сказанное тобою правда, ты будешь награжденъ.

Шервудъ упалъ на колѣни, цѣлуя руки государя.

— Твоей услуги не забуду, — продолжалъ Александръ, ласково поднимая его:—но я не ожидалъ, мнѣ и теперь не вѣрится, пойми—да... не хочется вѣрить...

Шервудъ взглянулъ на Аракчеева. Тотъ молча стоялъ съ опущеннымъ, сердитымъ, какъ бы почернѣлымъ лицомъ.

— Ваше величество, — проговорилъ Шервудъ: — я стремился, ночей не спалъ... имѣю неоцѣненное счастіе лично... Клянусь, все мною сказанное вѣрно... Отдайте приказъ, повелите —все откроется, повелите... вся ихъ адская измѣна... На смотру, подъ Бѣлою Церковью, заговорщики условились, поклялись нанести роковой ударъ... Они смѣлы, все ими задуманное разсчитано, распредѣлено...

Шервудъ произнесъ послѣднія слова громко, безъ за-

пинки, горячо. Аракчеевъ, слушая непривычно-возвышенный и, какъ онъ рѣшилъ въ умѣ, дерзкій голосъ смѣльчака унтеръ-офицера, судорожно сжималъ пальцы рукъ. Государь снова не слышалъ произнесеннаго Шервудомъ. Его мысли были не здѣсь, не въ этой его рабочей комнатѣ, гдѣ столько пережилось встрѣчъ, докладовъ и бесѣдъ. Передъ Александромъ проносились его дѣтскіе и юношескіе годы, воспитаніе у бабки, великой Екатерины, ея ласки, заботы — «бабушкина азбука» и «бабушкины» то трудовые у письменнаго стола, то пышно-торжественные дни, пріемы. выходы, пудренные, въ бархатѣ и позументахъ министры, острословы, докладчики, писатели, послы. Вспомнилась Александру его женитьба, путешествіе, знакомство съ Европой, смерть бабки, потомъ отца, первые годы его царствованія и первые молодые, пылкіе и свободолюбивые его сподвижники—Новосильцевъ, Чарторыжскій, Сперанскій и Кочубей, учрежденіе министерствъ, комиссіи составленія законовъ, появленіе басень Крылова и первыхъ томовъ исторіи Карамзина. Память подсказала ему въ этотъ мигъ и стихи Державина на его рожденіе:

«Геніи къ нему слетѣли—
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту»...

Вспомнилась императору Александру и смутная година нашествія Наполеона, паденіе Сперанскаго, парижскій миръ, сеймъ въ Варшавѣ, конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ, и Веронѣ, бунтъ въ семеновскомъ полку и закрытіе масонскихъ ложъ.

— Еще слово, ваше величество,—раздался передъ нимъ отчаянный, какъ бы о чемъ-то молившій, голосъ.

Александръ очнулся.

— Говори, — произнесъ онъ, опять разглядѣвъ передъ собою Шервуда.

— У южныхъ заговорщиковъ немало пособниковъ и въ Петербургѣ,—сказалъ Шервудъ:—здѣсь многое можно узнать, открыть.. нить въ этомъ спискѣ... повелите, государь! все откроется, все въ вашей волѣ...

— Но не вѣрится мнѣ, слушай ты, чтобъ въ Россіи нашлись измѣнники!—сказалъ, выпрямляясь, Александръ, и въ его голосѣ дрожали слезы острой скорби и обиды: — чѣмъ я, по-правдѣ, и кому вредилъ? Кого обидѣлъ, кѣмъ

пренебрегъ? Тяжелый страшный, невѣроятный сонъ... Графъ! ты видѣлъ, ты видишь мою душу...

Аракчеевъ, неуклюже-подобострастно склонивъ верхнюю часть своего туловища, что-то пробормоталъ, чего не разслышалъ Шервудъ.

— Ну, чему быть, того не миновать! — продолжалъ государь, тряхнувъ головой:—отпусти его, Алексѣй Андреичъ, къ мѣсту; дай ему на дорогу и всѣ средства къ дальнѣйшему раскрытію злодѣевъ, если только они дѣйствительно существуютъ не въ одномъ воображеніи этого преданнаго молодого человѣка... А ты, Шервудъ, дѣйствуй, какъ тебѣ укажетъ твоя совѣсть, и относись во всемъ прямо... къ графу, — заключилъ, помедливъ и какъ бы заикнувшись, государь.

Легкій поклонъ головы Александра показалъ Шервуду, что его аудіенція кончилась. Но слова, тысячи словъ еще рвались изъ его груди. Горло сжималось; губы и руки тряслись. Ему хотѣлось такъ много еще высказать, посовѣтовать государю, убѣдить его. Дѣлать нечего, надо было удалиться.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ, Шервудъ по правиламъ сдѣлалъ налѣво кругомъ, двинулся отъ камина къ выходу, взялся за ручку двери и на мгновеніе оглянулся. Государь безпомощно, прикрывъ рукой лицо, въ изнеможеніи упалъ въ кресло и, очевидно, плакалъ: его голова тряслась. Аракчеевъ, склонясь, что-то говорилъ ему въ утѣшеніе. — «Ахъ, забылъ, надо еще сказать важное, неотложное! —подумалъ вдругъ Шервудъ, остановясь въ полуосвѣщенной бильярдной,—но, что̀ сказать, не вспомню!» Онъ простоялъ съ минуту.

«Кончено безповоротно! ужели все потеряно или побѣда?» — мыслилъ Шервудъ, подходя къ цвѣточной перегородкѣ, у которой его поджидалъ дежурный лакей. Раздраженный долгою аудіенціей низшему чину, Клейнмихель встрѣтилъ его еще суше и надменнѣе и молча опять отвезъ его въ домъ Аракчеева, на Литейную. «Побѣда! обращено вниманіе!» — мелькнуло въ умѣ Шервуда, когда онъ, не раздѣваясь, упалъ на жесткую, въ родѣ больничной койки, желѣзную, пахнувшую новою краской, постель на антресоляхъ Аракчеева.

Рано утромъ Шервуда разбудили и снова позвали къ графу. Онъ снова увидѣлъ обширный, суровый и пустынный, рабочій кабинетъ грознаго временщика. У оконъ и кое-гдѣ вдоль стѣнъ стояла плетеная, неуклюжая мебель; большой письменный столъ, среди кабинета, былъ заваленъ грудами бумагъ. У стола сидѣлъ тотъ же холодно-каменный старикъ, съ каменнымъ лицомъ на длинной шеѣ и вялыми, арестантскими глазами.

— Насвистался соловей! доволенъ ли? — проговорилъ въ носъ, стараясь, впрочемъ, говорить мягко и даже ласково, Аракчеевъ: — ну, вотъ, батенька, не хотѣлъ мнѣ, малому, открывать, захотѣлось самому царю... анъ и удалось, что-жъ! да-ба! вотъ опять-таки все было при мнѣ, и ко мнѣ же пришло.

Шервудъ ждалъ, что̀ будетъ далѣе. Аракчеевъ зѣвнулъ и потянулся, потирая руки. Въ комнатѣ было прохладно. Шервудъ съ просонковъ и голода, также чувствовалъ позывъ къ дремотѣ и дрожь.

— Ну-съ, ты все открылъ, это похвально... вотъ и твой документъ! — продолжалъ графъ, похлопавъ костлявыми пальцами по грудѣ бумагъ, сверху которыхъ лежалъ доставленный Шервудомъ списокъ заговорщиковъ: — это уже называется не устный, а письменный доносъ. Теперь еще болѣе помни: не докажешь — кнутъ, а не то висѣлица. Понимаешь?

Шервуда начиналъ бѣсить этотъ грубый и насмѣшливый голосъ. «Скотина! солдафонъ!»—шевелилось на его поблѣднѣвшихъ, злобно сжатыхъ губахъ. Онъ чуть повелъ плечами и молча переступилъ съ ноги на ногу.

— Начнемъ по пунктамъ,—продолжалъ Аракчеевъ, расправляя передъ собою согнутый пополамъ листъ чистой бумаги: — у тебя тутъ стоитъ, во-первыхъ, командиръ вятскаго полка Пестель и далѣе генералъ-маіоръ князь Волконскій. Говори, что̀ вообще и въ приватномъ отношеніи ты дознагъ о нихъ?

Шервудъ началъ разсказывать. Аракчеевъ взялъ перо и принялся записывать показанія, задавая новые вопросы. При одномъ изъ именъ графъ искоса взглянулъ на допрашиваемаго.

— Анненковъ, говоришь ты? — сказалъ онъ: — какой Анненковъ? какъ звать?

— Иванъ Александровичъ, поручикъ.

— Гдѣ служитъ?

— Въ кавалергардахъ...

— Кто тебѣ о немъ сказалъ?

— Прапорщикъ Вадковскій.

— И ты это въ точности помнишь? получше сообрази.

— Помню вѣрно. Өедоръ Өедоровичъ, тотъ самый Вадковскій, передавая мнѣ въ Ахтыркѣ списокъ, сказалъ: премилая бабёнка у Анненкова въ Петербургѣ, то-есть бабёнка, или дѣвица, въ точности не припомню... — Жюстинъ или Полинъ, выскочило изъ памяти, но вѣрно, что француженка... и у нея въ Петербургѣ модный магазинъ.

— Да, да,—произнесъ задумчиво Аракчеевъ:—тутъ что̀-то есть... есть...

Шервудъ силился еще нѣчто вспомнить. Въ его лицѣ выражалась тревога. Со лба катился потъ.

— Не вспомнишь? ну-ка, сообрази, нѣтъ ли тутъ еще какихъ зацѣпъ? — ободрялъ его Аракчеевъ, поскребывая концомъ пера по небритой еще щекѣ.

— Вспомнилъ!—произнесъ, отирая лицо, Шервудъ.

— Говори, сударь, слушаю.

— Ближайшій соучастникъ Пестеля—Бестужевъ-Рюминъ, я его видѣлъ въ Каменкѣ; горячая, отчаянная голова... онъ на все вызывался, на образъ клялся...

— Это ты о немъ уже говорилъ... далѣе!

«Вотъ анаөемская память, какъ все примѣтилъ, затвердилъ!»—злобно подумалъ Шервудъ.

— Такъ что̀ же этотъ Бестужевъ?

— У него въ Ракитномъ, у помѣщиковъ Витвицкихъ, невѣста.

— Невѣста?—прогнусилъ Аракчеевъ.

— Да, — продолжалъ, оживляясь, Шервудъ: — когда прапорщикъ Вадковскій въ Ахтыркѣ, вы знаете, принялъ меня въ члены тайнаго союза, онъ сообщилъ мнѣ и объ этомъ сватовствѣ. Позвольте, ваше сіятельство, я вспомнилъ и имя невѣсты Бестужева.

Аракчеевъ, не глядя на говорившаго, что̀-то писалъ.

— Ее звать Зинаида,—сказалъ Шервудъ.

— Ну?

— Зинаида Львовна Витвицкая...

— Такъ что же?

— Въ концѣ этого августа у Витвицкихъ въ деревнѣ былъ назначенъ балъ, съѣздъ всей губерніи, охота на волковъ и дикихъ козъ... Ѳедоръ Ѳедоровичъ еще жалѣлъ, что ему, какъ высланному на житье въ Ахтырку, трудно попасть на всѣ эти веселости... А у невѣсты Бестужева въ деревнѣ гувернантка, тоже француженка, и она дружна и въ сокровенной, частной перепискѣ съ этой самой, здѣшней пріятельницей гвардейца Анненкова.

Аракчеевъ, презрительно зѣвнувъ, продолжалъ писать.

— Ну, вотъ, — процѣдилъ онъ: — не только рапортъ по формѣ, а и цѣлый, съ амурными придатками, романъ.

Онъ, тщательно выводя слова, что̀-то набросалъ на обрывкѣ бумаги, позвонилъ и отдалъ написанное ординарцу.

— Петру Андреичу!—сказалъ онъ, облокачиваясь о высокую и жесткую спинку кресла: — вотъ для тебя и зацѣпка,—обратился онъ къ Шервуду:—аріаднина въ этомъ лабиринтѣ нить.

Глаза Аракчеева сузились, точно растаяли отъ удовольствія. Шервудъ примѣтилъ, что на тонкой шеѣ графа еще болѣе вздулись жилы, какъ бы отъ смѣха, подпиравшаго его горло.

Шервудъ вздрогнулъ.

Онъ вдругъ сообразилъ, какъ далеко зашелъ съ своими признаніями: ни съ того, ни съ сего припуталъ къ доносу семью Витвицкихъ, указалъ на сношенія и переписку двухъ очевидно неповинныхъ ни въ чемъ француженокъ, наконецъ, назвалъ даже имя невѣсты Бестужева. А у него, доносчика, у самого была невѣста, и онъ такъ къ ней рвался, раздѣленный съ нею цѣпью роковыхъ, непреоборимыхъ событій.—«Другіе могутъ сказать, какая подлость, гадость! — подумалъ онъ, соображая, какъ другой на его мѣстѣ при этомъ плевалъ бы на себя: — экъ зарвался — и кой чортъ просилъ? а впрочемъ, нехудо...» Потъ, какъ вчера, прошибъ его и выступилъ на его лицѣ. Истомленный досаднымъ допросомъ, онъ съ усиліемъ переводилъ дыханіе и едва̀ стоялъ на ногахъ.

Ординарецъ подалъ графу записку Клейнмихеля и вышелъ.

— Такъ и есть, — сказалъ Аракчеевъ, пробѣжавъ записку: — она самая... Полина Гёбель! бѣлошвейный магазинъ, на углу Демидова переулка и Мойки...

— Кто такой? — спросилъ, теряя нить соображеній, Шервудъ.

— Пріятельница поручика Анненкова. Вотъ тебѣ и предлогъ... Уѣдешь, во всякомъ случаѣ, не сразу: будутъ нужны еще необходимыя показанія... вотъ ты могъ бы воспользоваться.

— Чѣмъ?

— А ты думаешь, донесъ и кончено?—сказалъ Аракчеевъ:—нѣтъ, братъ: нужны справки, подтвержденія. Вотъ ты выложилъ цѣлый ворохъ именъ, все немалые военные чины; почитай, вся южная армія. А есть въ подозрѣніи и штатскіе. Подобаетъ добраться и до нихъ; а все ли ты вѣрно сказалъ?

— Клянусь, по долгу присяги.

— То-то, любезный, всѣ вы и тѣ вонъ тоже присягнули, а играете на присягѣ, какъ на балалайкѣ. Поживи здѣсь, отдохни, получишь прогоны, подъёмныя. Подумай, можетъ, подвернется случай узнать и объ этомъ Анненковѣ... Онъ давно въ подозрѣніи за мысли и невоздержанность въ словахъ. Друженъ съ здѣшнимъ стихоплетомъ Рылѣевымъ. Слыхалъ про послѣдняго? Не слыхалъ? Рылѣевъ Кондратій... Вольныя вирши пишетъ и на меня дерзостный пасквиль сочинилъ, да я на псиный лай плюю... Такъ посуди объ Анненковѣ: онъ въ домахъ сенатора Мордвинова и у бывшаго министра Сперанскаго бываетъ. Все это разбери на досугѣ... Не откроешь ли чего по части и этой негоціи?

Получивъ обѣщанное на подъемъ, Шервудъ переѣхалъ на постоялый дворъ, заказалъ себѣ новую форменную пару, купилъ бѣлья, пріодѣлся и, въ ожиданіи командировки обратно на югъ и прогоновъ, сталъ прогуливаться по столицѣ. Между прочимъ, онъ обошелъ Зимній дворецъ, разглядывая его съ любопытствомъ и соображая съ улицы, гдѣ та комната, въ которой онъ удостоился говорить съ государемъ. У салтыковскаго подъѣзда онъ узналъ вахтера, снимавшаго въ дворцовыхъ сѣняхъ съ Клейнмихеля шинель. Вахтеръ выбивалъ въ это время на панели коврикъ. Онъ съ нимъ поздоровался.

— Узналъ, землячекъ?—спросилъ Шервудъ.

Вахтеръ на него покосился.

— Какъ не узнать, съ генераломъ въ каретѣ... еще кучера едва добудились...

— А кого, землякъ, тогда встрѣтили мы на лѣстницѣ, помнишь? полковникъ и штатскій со звѣздой сходили, когда мы поднимались вверхъ?

Вахтеръ молча выколачивалъ коверъ.

— Такъ, вспомнилъ!—проговорилъ онъ, подумавъ:—эка память, точно рѣшето... полковникъ былъ князь Трубецкой. а штатскій — постой, должно, сенаторъ Сперанскій... онъ и есть... въ сѣняхъ тутъ долго еще лопотали не по нашему... Сенаторы, сенатъ... а что̀ дѣется кругомъ?

— Что̀ же дѣется?

— Нешто не знаешь? Кто смѣлъ—грабитъ, не смѣлъ—крадетъ. Ворамъ только и житье...

Зайдя какъ-то въ трактиръ, на Литейной, закусить и послушать органъ, Шервудъ изрядно выпилъ, сыгралъ съ кѣмъ-то на бильярдѣ и опять хотѣлъ выпить, но одумался. Его недавній, съ отчаянья, почти годичный, запой въ Новомиргородѣ, послѣ бѣгства изъ имѣнія Ушаковыхъ, вспомнился ему во всемъ ужасающемъ безобразіи. Онъ бросился изъ трактира, прошелъ нѣсколько смежныхъ улицъ и очутился у Аничкова моста.

Былъ вечеръ.

Свѣжій осенній воздухъ съ Фонтанки, запруженной барками и лодками, освѣжилъ Шервуда. Онъ постоялъ на мосту, облокотясь о его каменную ограду и безсознательно поглядывая на веселыя и пестрыя кучи рабочихъ, выгружавшихъ дрова, доски и кирпичъ, оправилъ на себѣ мундиръ, отеръ лицо и направился обратно къ Лѣтнему саду.

Въ тотъ день онъ отъ кого-то допытался въ трактирѣ о стихахъ Рылѣева на Аракчеева и изумился смѣлой сатирѣ поэта, возбуждавшей въ обществѣ неслыханное сочувствіе и ужасъ за судьбу обличителя.

Вдругъ Шервудъ замѣтилъ, что встрѣчные прохожіе на набережной Фонтанки снимали почему-то шляпы, а рабочіе, глядя съ барокъ на мостъ, низко кому-то кланялись. Шервудъ обернулся по направленію этихъ поклоновъ.

По окраинѣ Аничкова моста, вдоль каменной ограды, у которой онъ стоялъ нѣсколько мгновеній тому назадъ, медленной рысью ѣхала высокая, открытая, запряженная четверней сѣрыхъ орловскихъ рысаковъ, коляска. Въ коляскѣ сидѣлъ рослый военный, въ шинели и треуголкѣ, съ бѣлымъ плюмажемъ: ѣхавшій добродушно глядѣлъ на рѣку, залитую заходящимъ солнцемъ, на барки и лодки, ласково кланяясь на привѣтствіе судорабочихъ, прохожихъ и проѣзжихъ.

Шервудъ узналъ императора Александра Павловича, снялъ фуражку, вытянулся и замеръ, усиливаясь выправленіемъ плечъ и глазами обратить на себя вниманіе государя. Но было далеко, болѣе ста шаговъ; между мостомъ и частью тротуара, гдѣ остановился Шервудъ, появились новые прохожіе, заслонившіе его. — «Нѣтъ, онъ меня и отсюда примѣтитъ, узнаетъ и подзоветъ, — пробѣгало въ мысляхъ у Шервуда:—не можетъ быть... онъ спроситъ и я ему скажу, что за него, за любимаго монарха, готовъ жизнь положить, умереть... О, пусть прикажетъ, брошусь на эту толпу съ моста, брошусь подъ его колеса. Онъ повелитъ не тянуть отсылки; дороги дни, часы...»

Коляска, плавно колыхаясь на высокихъ рессорахъ, съѣхала съ моста; кони прибавили рыси и понеслись по Невскому. Шервудъ, злобно толкая и чуть не сбивая съ ногъ удивленныхъ прохожихъ, бросился слѣдомъ за коляской, выскочилъ на мостъ, пробѣжалъ нѣсколько десятковъ шаговъ по улицѣ и, запыхавшись, путая несвязныя слова, сталъ нанимать извозчика.

— Куда, баринъ? — отозвался ванька на одиночной гитарѣ-дрожкахъ.

Шервудъ указывалъ путь, гдѣ чуть виднѣлся мелькавшій между другими проѣзжими бѣлый плюмажъ императора.

— Четвертачокъ, ваше сіятельство.

Шервудъ остановился.

«Тьфу ты, чортъ, глупости, безуміе!—сказалъ онъ себѣ, опомнившись, — развѣ можно? и кто рѣшился бы обгонять государя? Еще замѣтятъ, арестуютъ, потащатъ къ тому же Аракчееву...»—Онъ оглянулся: два другіе извозчика, подойдя съ развальцемъ, косились на него, перемигиваясь. Отъ ближней будки, важно опершись на рыцарскую алебарду и позѣвывая, щурился на него сонный, въ веснушкахъ и рыжій, чухонецъ-городовой.

Шервудъ бросился на другую сторону улицы, вмѣшался въ толпу, прошелъ мимо театра на набережную, добрался до Гороховой и снова безъ цѣли пустился по смежнымъ улицамъ и переулкамъ.

«Такой былъ счастливый, рѣдкій случай, — разсуждалъ онъ съ бѣшенствомъ:—и пропалъ, пропалъ безъ слѣда. Вотъ проклятая судьба! И изъ-за чего медлитъ этотъ Аракчеевъ? какіе еще нужны ему справки, допросы? и хоть бы звалъ;

нѣтъ, молчитъ. Или государь охладѣлъ къ моему важному открытію, раздумалъ, все по добротѣ забылъ? Вотъ она, невѣроятная, сонная страна, — все сноситъ... Въ другомъ мѣстѣ почтили бы, озолотили-бъ!»

Миновавъ Сѣнную и Мѣщанскую, Шервудъ направился къ Синему мосту, отсюда повернулъ опять вправо, по набережной Мойки. Темнѣло, зажигались фонари.

Сквозь рѣшетку небольшого двора онъ увидѣлъ уютный садикъ, красную черепичную кровлю одноярусна́го дома и подъ крыльцомъ вывѣску: «Магазинъ модъ мадамъ Полинъ». Онъ остановился у калитки и долго смотрѣлъ во дворъ и на растворенныя окна дома, изъ которыхъ глядѣли горшки съ цвѣтами и неслось щебетаніе канареекъ. Шервудъ разсуждалъ, войти или не войти? Но подъ какимъ предлогомъ и съ какою цѣлью? Причину выдумать не трудно; мало ли что̀ можно сказать? «Явился, молъ, для передачи поклона отъ соотечественницы». Ему вспомнилась даже фамилія гувернантки Витвицкихъ, мамзель Шонъ. Но онъ не видѣлъ этой семьи, ничего о нихъ не знаетъ.—«Пустяки... Все такъ ловко можно сплести, представиться подъ чужимъ именемъ, наговорить любезностей и, между тѣмъ, много разнюхать и узнать. Нѣтъ,—сказалъ себѣ, раздумавъ, Шервудъ:—много опасностей, да и дѣло такое; у другихъ и впрямь не повернулся бы языкъ... предательство противъ чуждыхъ заговору, постороннихъ женщинъ. Прочь, прочь отъ проклятаго новаго соблазна!—прибавилъ онъ, уходя:—вонъ изъ этого мертваго Петербурга, отъ этихъ каменныхъ, могильныхъ громадъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

Шервудъ ускорилъ шаги, дошелъ до Литейной, заперся у себя въ комнатѣ на постояломъ и старался заснуть. Сонъ бѣжалъ отъ него. Его мысли дразнилъ намекъ Аракчеева— еще что-либо провѣдать и разузнать въ Петербургѣ... «Вѣдь можно бы, отчего не попробовать?»

«И въ самомъ дѣлѣ,—разсуждалъ онъ,—не оттого ли замедлялось и мое отправленіе обратно на югъ? Почему, разбирая все поистинѣ, меня такъ долго не звали ни къ графу, ни въ штабъ? почему не снабжали прогонами и послѣдними инструкціями по открытому мною дѣлу? Неужели и по-правдѣ могли меня окончательно забыть, мною пренебрегли?»—Данныя ему подъемныя деньги были давно на исходѣ. Онъ немало потратился на обмундировку, еще болѣе разорилъ

безъ толку, проигралъ на бильярдѣ. Надо, однако, терпѣть, надо ждать.

И опять начались шатанія по Петербургу.

Шелъ однажды Шервудъ поздно вечеромъ, послѣ долгаго сидѣнія въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ спустилъ, за вкуснымъ обѣдомъ, съ приправой изрядной выпивки, немало изъ послѣднихъ денегъ. Онъ шелъ нехотя, тяжело. Въ головѣ былъ досадный туманъ. Пыльный воздухъ душныхъ улицъ тѣснилъ его дыханіе.

— Иванъ Иванычъ! отецъ родной! васъ ли имѣю удовольствіе видѣть?—послышался сзади его знакомый голосъ.

Шервудъ оглянулся. У его ногъ былъ спускъ въ винный подвалъ. На нижней ступенькѣ спуска стоялъ, съ шапкой въ рукѣ, сѣдой, сгорбленный старикашка, въ синемъ фракѣ, съ потертыми бронзовыми пуговицами. Въ другой рукѣ старика была связка копченой рыбы и еще какихъ-то припасовъ.

Шервуду вспомнилось что-то отдаленное, щемившее его сердце, и онъ вздрогнулъ отъ радости: передъ нимъ былъ, столько благоволившій къ нему, дворецкій Ушаковыхъ, Антипычъ.

— Какими судьбами?—спросилъ Шервудъ:—вотъ неожиданно... здѣсь?..

Маленькое, гладко выбритое лицо Антипыча, въ длинныхъ пушистыхъ, бѣлыхъ бакенахъ, блаженно улыбалось.

— Вотъ, сударь, Иванъ Иванычъ,—отвѣтилъ дворецкій, указывая шляпой на навьюченную бричку, стоявшую невдали у перекрестка двухъ улицъ: — на своихъ, батюшка, доморослыхъ прибылъ... баринъ съ порученіями и за покупками изволилъ прислать изъ деревни. Ну, справившись, запасся въ дорогу харчишками... выпилъ бутылочку пивца, да и еще захотѣлось вотъ на дорогу прихватить; анъ, гляжу, вы и шествуете... батюшка, отецъ родной!

— Очень радъ, Антипычъ, позволь мнѣ тебя на радости угостить!—сказалъ, спускаясь по стоптаннымъ ступенькамъ подвала, Шервудъ: — вотъ сюда, сюда... иди, поговоримъ, угощу!.. радъ...

Онъ ввелъ Антипыча въ особую заднюю горенку погреба, ощупалъ въ карманѣ нѣсколько уцѣлѣвшей мелочи, усадилъ ликующаго старика у столика и потребовалъ польскаго пива. Пиво со стойки подали теплое, пѣна брызнула на столъ и на платье Шервуда.

— Не вѣрится!—сказалъ онъ, вглядываясь въ знакомаго ушаковскаго пріятеля.

Столько дорогихъ, сладкихъ воспоминаній зароилось въ его мысляхъ.

— И я, сударь, Иванъ Иванычъ,—произнесъ Антипычъ, осушивая стаканъ и утираясь клѣтчатымъ, бережно-сложеннымъ платкомъ:—смотрю—анъ и правда, вы же; какъ здѣсь? Чай, въ гвардіи, скоро въ офицеры?

— Нѣтъ, еще не въ гвардіи, но есть, понимаешь, вѣрная надежда перейти... А ты, старина, ну-ка разскажи о вашихъ... что барышня? охъ, наболѣло сердце... ты вѣдь знаешь.

— Какъ, сударь, не знать! Изошли горемъ и мы всѣ по васъ съ нею... было барышнѣ отъ тятеньки такого, что Боже помилуй и упаси... натерпѣлась, сердечная!

Шервудъ молча и мрачно слушалъ. Онъ кое-что уже зналъ о роковой развязкѣ съ соблазненной имъ дѣвушкой, о гоненіяхъ, перенесенныхъ ею, о ея мукахъ и отчаяніи. Слова Антипыча били по немъ, какъ раскаленное желѣзо.

— Проклятая судьба,—вскрикнулъ онъ, стукнувъ рукой по столу:—чѣмъ поправить дѣло, какъ его повернуть? скажи, гдѣ она теперь?

— Дома-съ... гдѣ же барышнѣ и быть? Въ ту пору увозили ихъ къ тетушкѣ въ Москву, теперь на зиму собираются сюда, въ Питеръ. Я и квартиру барину нанялъ, въ Коломнѣ, если знаете, у Сухарнаго моста. Дяденька ихъ тутъ по близости на службѣ, въ морякахъ генераломъ. Думаютъ барышню вывозить, замужъ выдать; есть и женихъ,—прибавилъ Антипычъ хмелѣя.

Лицо Шервуда покрылось багровыми пятнами.

— Пей, голубчикъ, пей,—шепталъ онъ, слушая и подливая Антипычу.

Тотъ не отказывался и безъ умолку говорилъ. За бутылкой подали еще пару, и еще. Когда знакомцы вышли изъ погреба, было уже совсѣмъ темно. Нагруженная бричка Антипыча чуть виднѣлась въ глубинѣ улицы, со спавшимъ на козлахъ конюхомъ.

— Кланяйся барышнѣ, скажи ей,—проговорилъ Шервудъ и смолкъ,—скажи: нерадостно, плохо пока и мнѣ...

Злоба и бѣшенство душили его.

— Съ нашимъ удовольствіемъ... благодаримъ за угощеніе,—раскланивался Антипычъ, сѣвъ въ бричку и оттуда

помахивая шляпой:—очченно по васъ скучаютъ... и все ждутъ... скоро ли будете?

— Скоро, — крикнулъ Шервудъ, вслѣдъ за бричкой, загремѣвшей по опустѣлой улицѣ:—теперь ужъ скоро... такъ и скажи.

Антипычъ что-то отвѣтилъ, высунувшись изъ-подъ низкаго кузова и даже стукнувшись о него головой, но его голоса уже не было слышно.

«Такъ вотъ оно что!—сказалъ себѣ Шервудъ, оставшись на тротуарѣ: — сюда переѣзжаютъ, дядя сулитъ жениховъ... А я съ моими ожиданіями, замыслами, борьбой? Неужели же все кончено, и я, какъ глупый камень, иду ко дну? Нѣтъ, не поддамся, не быть ей за другимъ. Помѣряемся еще съ судьбой...»

Иванъ Иванычъ помедлилъ, какъ бы что-то соображая, разглядѣлъ мѣсто, гдѣ стоялъ, освѣдомился у прохожаго, озабоченнаго чиновника, который часъ, и повернулъ прямо къ недальней Мойкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова стоялъ у двора, съ садомъ и рѣшетчатой оградой, и взошелъ на крыльцо магазина модъ. Шервудъ позвонилъ, вышла горничная.

— Вамъ кого?—спросила она.

— Мадамъ Полинъ.

— Отъ кого вы?

— Изъ Малороссіи; скажите, съ поклономъ отъ знакомой пріятельницы вашей хозяйки.

Горничная скрылась. Въ окнѣ, ближнемъ къ крыльцу, поднялась занавѣска; окно отворилось. Изъ него, со свѣчей въ рукѣ, выглянула красивая, высокая и смуглая особа, съ живыми плутовскими черными глазами и съ черными усиками, лѣтъ двадцати пяти, въ нарядномъ чепчикѣ и модномъ бѣломъ капотѣ.

— Отъ кого?—спросила она по-русски, съ иностраннымъ выговоромъ.

— Отъ вашего друга, мамзель Шонъ, — отвѣтилъ, тоже раскланиваясь и старательно отчеканивая слова, Шервудъ:— я случайно въ Петербургѣ, мнѣ поручено передать вамъ поклонъ... и я съ особымъ удовольствіемъ...

— Прошу, войдите,—сказала хозяйка.

Шервудъ, не задумываясь, вошелъ. Мадамъ Полинъ передъ тѣмъ хлопотала у чайнаго стола.

— Какъ и гдѣ вы видѣли Элизъ Шонъ?—спросила она, поглядывая на гостя.

Шервудъ въ общихъ словахъ легко и весело передалъ ей цѣлую легенду о томъ, какъ онъ будто бы ѣхалъ по службѣ изъ Кіева въ Петербургъ, какъ у его телѣжки сломалась ось и какъ онъ, совершенно случайно попавъ въ деревню Витвицкихъ, засталъ у нихъ своего сослуживца Бестужева-Рюмина и прогостилъ тамъ цѣлыя сутки, причемъ познакомился съ невѣстой Бестужева и съ ея гувернанткой, мамзель Шонъ. — «Боже, какъ вру!» думалъ онъ, сыпля этими увѣреніями.

— Да, Витвицкая сговорена и скоро ихъ свадьба,—сказала Полинъ, наливая гостю чай: — вы отъ Элизъ вѣрно знаете—и я выхожу замужъ.

— Слышалъ и отъ души поздравляю, — произнесъ, вѣжливо кланяясь, гость.

— Вы сейчасъ, вѣроятно, увидите и моего жениха,—съ гордою радостью объявила хозяйка.

Шервудъ помертвѣлъ. Онъ не ожидалъ возможности встрѣтить здѣсь самого Анненкова, притомъ, съ ужасомъ, онъ сталъ замѣчать, что пиво, распитое съ Антипычемъ, начинало сильно въ немъ отзываться. Его голова кружилась, въ глазахъ прыгали огоньки. Веселая уютная комната колыхалась передъ нимъ и голосъ милой, болтливой хозяйки звучалъ гдѣ-то не здѣсь, далеко. Онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ, близъ котораго сидѣлъ: его лицо было блѣдно, волосы въ безпорядкѣ. Онъ съ улыбкой сталъ разглаживать себѣ виски, стараясь сидѣть прямо и не потерять сознанія.

— Что же тамъ, на югѣ, лучше, чѣмъ здѣсь? не правда ли, тамъ теплѣе?—спросила Полинъ.—Элизъ пишетъ мнѣ, что тамошнія мѣста напоминаютъ нашу Францію... Я, мосьё, изъ Нанси, — лепетала разговорчивая француженка, мой отецъ былъ полковникъ старой гвардіи, убитъ въ Испаніи, въ войнѣ съ гверильясами, когда мнѣ пошелъ четвертый годъ... онъ былъ храбрый, красивый офицеръ... И я помню моего отца... Такихъ храбрецовъ мало на свѣтѣ. Послѣ него мы обѣднѣли, я стала учиться шить, попала въ Россію, и въ Москвѣ поступила первою мастерицей въ магазинъ модъ Дюмонси, на Кузнецкомъ мосту.

Шервудъ, вглядываясь въ черные, сверкавшіе передъ нимъ глаза и красивые усики Полинъ, дѣлалъ невѣроятныя усилія,

чтобы слушать ее и не задремать.—«Кузнецкій мостъ, гверильясы... усики!»—вертѣлось въ его умѣ.

— О, я все это знаю! — вдругъ сказалъ онъ, странно улыбаясь: — знаменитая гвардія, великій императоръ, храбрые патріоты... Вамъ, вѣроятно, скучно здѣсь? такая дикая, холодная страна... ледъ, даже пиво здѣсь... теплое... право...

Гдѣ-то ему послышался звонкій, раскатистый хохотъ. Шервудъ въ удивленіи очнулся и раскрылъ глаза. Передъ нимъ, откинувшись на стулъ, заливалась смѣхомъ Полинъ.

— О, мой Богъ! — хохотала она: — вы устали, у васъ вѣрно было много хлопотъ?

— Нѣтъ, ничего... напротивъ... Но позвольте, гдѣ вы познакомились съ Иваномъ Александровичемъ Анненковымъ?

— Онъ былъ въ Москвѣ, за ремонтомъ... не хотите ли чаю? я бы послала за извозчикомъ, — произнесла Полинъ, подавляя смѣхъ и стараясь ободрить растерявшагося гостя: — о, какая я несносная, смѣшливая...

Шервудъ всталъ. — «Скорѣе отсюда, скорѣе! — думалъ онъ,—еще придетъ этотъ ея женихъ, догадается, уличитъ».

— Порученій какихъ не будетъ ли?—спросилъ онъ, вѣжливо раскланиваясь.

— Развѣ мосьё скоро ѣдетъ?

— Завтра же... экстренно... на фельдъегерскихъ.

— И вы опять будете тамъ, у Витвицкихъ?

— Сочту, сударыня, священнымъ долгомъ заѣхать.

Отъ природы добрая, Полинъ съ участіемъ смотрѣла на статнаго, утомленнаго и, какъ она угадывала, нѣсколько охмелѣвшаго, молодого воина.

Почему-то ей припомнился ея отецъ, также когда-то, какъ она слышала, особенно въ походахъ, любившій водить компанію и выпить съ друзьями.

— Зайдите завтра, — сказала она, подавъ руку гостю: — я приготовлю къ Элизъ письмо.

Шервудъ ловко шаркнулъ, даже поцѣловалъ протянутую ему руку и вышелъ. Отъ воротъ ему навстрѣчу показались двое, штатскій и офицеръ; они сошлись у угла палисадника. Свѣтъ отъ крылечнаго фонаря далъ имъ возможность нѣсколько разглядѣть другъ друга. Ночной воздухъ быстро освѣжилъ Шервуда. Увидѣвъ офицера, онъ снялъ фуражку и въ полъ-оборота сталъ во-фронтъ.—«Не Анненковъ»—подумалъ онъ, узнавъ въ офицерѣ того преображенскаго пол-

ковника, князя Трубецкого, котораго встрѣтилъ, въ памятный вечеръ, на лѣстницѣ Зимняго дворца и о которомъ ему сказалъ дворцовый сторожъ.

— Иванъ Александровичъ здѣсь? — спросилъ, отдавая честь, Трубецкой, видѣвшій, что стоявшій передъ нимъ унтеръ-офицеръ вышелъ съ крыльца Полинъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... ихъ ожидаютъ.

— Et vous, cher, vous attendrez? — проходя къ двери, спросилъ спутника князь Трубецкой.

— Могу, если недолго, — отвѣтилъ тотъ также по-французски: — впрочемъ, вѣдь здѣсь я сосѣдъ...

«Кто этотъ второй?—продолжалъ разсуждать о штатскомъ Шервудъ:—ужли оба они, какъ и Анненковъ, члены тайнаго общества, заговорщики? И этого преображенца допускаютъ во дворецъ! Какая неосторожность! но штатскій? Трубецкой тогда во дворецъ тоже шелъ съ штатскимъ... этотъ моложе, чернявый; то былъ лысый и въ звѣздѣ... Есть ли ихъ имена въ моемъ спискѣ? какъ узнать, кого спросить?»

Шервудъ перешелъ на другую сторону Мойки и сталъ бродить по набережной, отъ Синяго моста до Гороховой, поглядывая на оставленный домъ. Прошелъ часъ, другой. Мѣсяцъ взошелъ давно, но былъ въ облакахъ. Улицы болѣе и болѣе стихали; ни пѣшихъ, ни проѣзжихъ. Изрѣдка доносился грохотъ колесъ съ Невскаго проспекта.

Вдругъ стукнула калитка. Изъ наблюдаемаго двора вышли три фигуры. Шервуду черезъ рѣку было видно, что двое изъ вышедшихъ были въ военныхъ шинеляхъ, третій въ гражданской бекешѣ; одинъ изъ военныхъ направился вправо къ Гороховой, другой военный, въ сопровожденіи штатскаго, пошелъ влѣво, къ Синему мосту. — «Теперь узнаю» — рѣшилъ Шервудъ.

Онъ, съ забившимся сердцемъ, направился за послѣдними путниками и въ одномъ изъ нихъ опять разглядѣлъ Трубецкого. Они миновали, за Синимъ мостомъ, первый домъ отъ угла по набережной и у подъѣзда второго дома остановились. Военный пошелъ далѣе, а штатскій вошелъ въ дверь подъѣзда, надъ которымъ была вывѣска: «Россійско-американская компанія».

До слуха Шервуда донеслись лишь нѣкоторыя выраженія изъ разговора этихъ двухъ лицъ. — «Такъ онъ ѣдетъ?» — спросилъ штатскій. — «Уже уѣхалъ» — отвѣтилъ военный. «И

Діонисіево ухо?» «И онъ... уже вторыя сутки въ деревнѣ! но, вѣроятно, увидятся; тотъ заѣдетъ по пути».—«Надо разузнать фамилію штатскаго?»—рѣшилъ Шервудъ, увидя дворника, подметавшаго у крыльца набережную.

— Скажи, любезный, какъ отсюда пройти въ Коломну?— спросилъ онъ.

Дворникъ объяснилъ. Шервудъ вынулъ изъ кармана и далъ ему мѣдный пятакъ.

— Благодарствую... не здѣшніе? — спросилъ, кланяясь, дворникъ.

— На побывку, изъ лагеря, — отвѣтилъ Шервудъ: — дяденька тутъ у Сухарнаго моста... а кто этотъ баринъ?

— Какой?

— Чтó вошелъ сейчасъ на подъѣздъ.

— Вамъ на чтó?

Шервудъ смѣшался, но, принявъ добродушный видъ, даже поднялъ съ мостовой какую-то соринку и сталъ ее разсматривать.

— Такъ,—отвѣтилъ онъ:—его тоже хотѣлъ спросить про дорогу, да не посмѣлъ.

— Чего не смѣть?.. да-а-брѣющая душа! секлетарь нашъ... Рылѣевъ баринъ — проговорилъ дворникъ, подбрасывая на ладони пятакъ.

Шервудъ при этомъ имени чуть не вскрикнулъ отъ радости. Онъ вспомнилъ слова Аракчеева. Точно пукъ яркихъ лучей вдругъ вспыхнулъ передъ нимъ. Радужные горизонты, одинъ другого ярче и заманчивѣе, мгновенно встали, заволновались передъ его воображеніемъ.—«Наконецъ-то еще, и какое открытіе, какое!» — сказалъ онъ себѣ: «связь ясна... вотъ мѣсто ихъ сходокъ,—всѣ, и сатирикъ, и будущій диктаторъ. Теперь окончательно меня выслушаютъ и рѣшатъ!»

— Ты говоришь, Рылѣевъ? — спросилъ онъ дворника.

— Такъ точно.

— А имя?

— Кондратій Ѳедоровичъ... тутошный, питербургскій, изъ деревни Батово, чтó возлѣ Рожествина. Матушка у него тамъ, а онъ тутъ служитъ.

— Женатъ?

— Съ женою и махонькою дочкою.

— И баринъ хорошій? можно, коли надо, просить?

— Приди, увидишь... всякому помогаетъ, нищему, по дѣлу и такъ... Да-а-брѣющая душа...

Шервудъ далъ дворнику еще пятакъ и сперва тихо, потомъ шибче пошелъ къ Поцѣлуеву мосту, обогнулъ уголъ, пустился бѣгомъ, добрался до Офицерской, крикнулъ встрѣченному извозчику: «на Литейную, будетъ на водку!»—сѣлъ и помчался, полный радостныхъ надеждъ.

Сунувъ извозчику полтинникъ,—послѣдній и окончательно послѣдній, какъ онъ разсчиталъ въ умѣ, — Шервудъ вбѣжалъ въ свой нумеръ, не зажигая свѣчи, наскоро раздѣлся и легъ на жесткій продавленный диванъ, служившій ему постелью. Его мучила жажда. Онъ всталъ, ища воды, замѣтилъ какую-то бутылку и жадно изъ нея потянулъ. Ему обожгло горло. Въ бутылкѣ былъ остатокъ рома отъ пунша, которымъ онъ изрѣдка себя угощалъ.—«А, чортъ!»—подумалъ онъ и, еще вдоволь потянувъ изъ бутылки, опять легъ. Комната весь день не освѣжалась и воздухъ въ ней, отъ недалекой кухни и смежнаго коридора, полнаго заѣзжей прислуги, былъ спертый, душный. Шервудъ этого не замѣтилъ. Хмель туманилъ его отяжелѣвшую голову; въ рукахъ и ногахъ онъ чувствовалъ жаръ, а стиснутые зубы постукивали въ нервномъ ознобѣ, несмотря на давящее комнатное тепло.

Мѣсяцъ вышелъ изъ облаковъ. За тусклымъ, испачканнымъ мухами, окномъ виднѣлся трактирный дворъ, запруженный телѣгами, лошадьми у коновязей и всякимъ хламомъ.

Подъ окномъ торчала старая, съ обломанными вѣтвями, береза. Сквозь ея тощую, покрытую слоемъ пыли, листву, въ комнату наискось свѣтили блѣдные лунные лучи.

Шервудъ лежалъ съ закрытыми глазами. Онъ съ злобной досадой слѣдилъ, какъ билась кровь въ его вискахъ и какъ тяжелое, мучительное содроганіе леденящимъ гнетомъ пробѣгало по немъ съ головы до пятъ.

«Все кончено, все открылъ! провѣрилъ, уличилъ! — радостно думалъ онъ, съ трудомъ сдерживая трясущійся подбородокъ, — и, вѣдь, какъ успѣшно, безъ запинокъ, на чистоту! Имъ хотѣлось Сперанскаго, вотъ онъ; Трубецкой, съ этимъ Сперанскимъ, удостоился въ тотъ вечеръ быть во дворцѣ, а сегодня этотъ же Трубецкой у Полины, то-есть у Анненкова... Графъ золъ на Рылѣева за пасквиль... и этотъ попался здѣсь же... все свои... Ха, ха! вожаки, будущіе республиканскіе министры, Мараты, Робеспьеры... ха, ха!»

Шервудъ отрывисто и громко разсмѣялся, но вдругъ поднялся на диванѣ и сѣлъ. — «Вспомнилъ, вотъ когда вспомнилъ, о чемъ надо было тогда сообщить государю!»—сказалъ онъ себѣ съ досадой: — «этого самаго Трубецкого, да! именно его прочили въ Каменкѣ, на случай бунта войскъ, въ диктаторы... Пестель такъ именно и говорилъ. И его-то я тогда встрѣтилъ на лѣстницѣ! Завтра же, пораньше, чуть свѣтъ, все запишу и къ графу... Вотъ открытіе, вотъ сцѣпленіе счастливыхъ, рѣдкихъ обстоятельствъ... Только нѣтъ, кажется, и бумаги, и чернилъ, всѣ вышли... Придется будить этихъ олуховъ; пойдутъ въ контору, поднимутъ изъ-за такой мелочи хозяина, а я ему задолжалъ за комнату и харчи... Чернильница, впрочемъ, есть, но окончательно высохла; ткнешь перо, а оно сухое, только муха окаянная вылетитъ и жужжитъ, проклятая, такъ противно... Тьфу, сколько мухъ!» — мыслилъ Шервудъ, плюя и гадливо прислушиваясь къ шороху и неугомонной вознѣ мухъ, по обычаю толкавшихся въ духотѣ, у окна и подъ потолкомъ.

На секунду ему показалось, что онъ успокоился и заснулъ. Настала такая отрадная, ласкающая тишина. Мухи и собственныя назойливыя мысли исчезли.

Озаренная мѣсяцемъ комната, съ огромною изразцовою печью, комодъ, гдѣ торчало зеркальце, и допитая бутылка съ ромомъ, расшатанный стулъ, у двери, съ брошенною на него солдатскою шинелью, все это также будто застлалось туманомъ и куда-то скрылось. Шервудъ почувствовалъ, какъ выступалъ на его лицѣ потъ, медленно скатываясь крупными каплями по носу и щекамъ. Онъ думалъ: «Такъ капастъ теплая, свѣжая кровь».

Ему вдругъ представилось страшное зрѣлище казни, видѣнной имъ весною, въ бытность въ Новомиргородѣ.

Военный полевой судъ осудилъ тогда пойманнаго дезертира—поляка. Это былъ еще молодой, бѣлокурый и простодушный съ виду рекрутокъ. Его схватили гдѣ-то на границѣ съ Австріей и возвратили, для суда и наказанія, въ полкъ. Приговоръ аудиторіата къ разстрѣлянію былъ замѣненъ прогнаніемъ сквозь двѣ тысячи человѣкъ. Съ хмурыми, строго понуренными лицами, солдаты молча взмахивали рукой. Свѣжіе, съ зелеными почками, прутья лозы, нарѣзанной въ ближнихъ плавняхъ, притонахъ голосистыхъ иволгъ и соловьевъ, страшно взвизгивали въ тепломъ, пахучемъ

воздухѣ. Рекрутъ уже не шелъ. Его полумертваго, съ блѣднымъ, кротко-покорнымъ лицомъ и слипшимися. отросшими въ тюрьмѣ волосами, везли между рядовъ на какой-то двухколесной дыбѣ. Удары падали.

«Стой! — вдругъ раздался чей-то властный, громкій голосъ:—не такъ бьете! артиллерію, пушки сюда, картечь!»— Толпа разступилась. Шервудъ понялъ, что это скомандовалъ онъ самъ, и увидѣлъ на себѣ офицерскій мундиръ и красивые, торчавшіе крыльями, эполеты. Выдвинулись откуда-то двѣ полевыя пушчонки. Испуганные артиллеристы стали съ зажженными фитилями. Рекрута болѣе не было видно. На его мѣстѣ была кучка офицеровъ разнаго оружія, капитаны, полковники, интенданты, генералы. Они въ разстегнутыхъ мундирахъ, безъ шпагъ, шляпъ обнимались, что̀-то говорили другъ другу и что̀-то кричали удивленнымъ солдатамъ. Шервудъ узналъ между ними Муравьевыхъ, Вадковскаго, Пестеля и Бестужева.—«Предатель! вонъ онъ, измѣнникъ! — закричалъ изъ толпы, указывая на него товарищамъ, Вадковскій:—чрезъ него мы гибнемъ!» Шервудъ оглянулся на пушки и махнулъ рукой. Раздался визгъ картечи. Въ толпѣ офицеровъ упало нѣсколько человѣкъ. Чѣмъ-то теплымъ брызнуло въ глаза и на щеки Шервуда...

Онъ очнулся, хотѣлъ встать, раскрыть глаза и не могъ пошевелиться.—«Боже, хоть бы каплю воды!»—мучительно подумалъ онъ, томимый жаждой, будучи не въ силахъ отереть мокраго, потнаго лица. Съ усиліемъ онъ оглянулся по комнатѣ и не узналъ ея. Что̀-то странное, новое на мгновеніе обрисовалось передъ нимъ и опять исчезло.

Та же ночь. Но гдѣ это?.. Шервудъ увидѣлъ, что онъ лежитъ въ пріятно-сырой, росистой травѣ, между деревьевъ. Сквозь нависшія вѣтви чуть свѣтилъ мѣсяцъ. Пахло болотомъ, слышалось журчаніе студенаго лѣсного ключа. Шервуду и пить страшно хотѣлось, и онъ кого-то, съ замираніемъ сердца, какъ бы ожидалъ. Сюда въ лѣсную глушь должна была къ нему придти Зина Ушакова.—«Еще успѣю,— мыслилъ онъ, съ страстнымъ содроганіемъ:—а теперь хоть бы глоточекъ...» Онъ бросился сквозь чащу деревъ и очутился на круглой, чуть освѣщенной полянкѣ. Сверкала свинцовою зыбью одна поверхность ключа, оброснаго сочными, длинными травами и камышомъ. Онъ присѣлъ на корточки,

ухватился за траву, жадно припалъ ртомъ къ водѣ и увидѣлъ нѣчто ужасное, необъяснимое.

По зыбкой глади воды суетливо бѣгали какіе-то, съ мохнатыми лапами и брюхами, сѣрые проворные пауки. Они шныряли въ одну сторону; имъ навстрѣчу и наискось, шевелясь, скользили другіе. Шервудъ вспомнилъ, какъ солдаты на постоѣ у крестьянъ пьютъ квасъ съ тараканами. Онъ, усмѣхнувшись, подулъ на пауковъ; тѣ разбѣжались. Онъ еще ниже склонился къ ручью и въ ужасѣ замеръ.

То, что̀ онъ принималъ за воду, оказалось не водой, а сплошнымъ комомъ гадовъ, которыхъ онъ отъ рожденія такъ всегда боялся. Клубни сѣрыхъ, большихъ и малыхъ змѣй шевелились круглыми, лоснящимися спинами. Нѣкоторыя змѣи высовывались плоскими головками изъ кучи другихъ и шипѣли. Шервуду въ то же время послышался за деревьями голосъ Зины: «сюда, сюда! да гдѣ же ты?» Онъ рванулся, выпутался изъ травы и, въ дикомъ страхѣ, бросился бѣжать, но попалъ, очевидно, не туда. Деревья преграждали ему путь. Онъ пробирался сквозь ихъ цѣпкія вѣтви, явственно слыша настигавшій его противный шелестъ гадовъ. Плоскія головки мелькали въ листьяхъ, хрустѣли подъ ногами Шервуда; онъ съ бѣшенствомъ ихъ давилъ. Сдѣлавъ послѣднее усиліе, онъ вырвался на опушку темнаго лѣса.

Разсвѣтъ еще не начинался. Надъ болотистымъ полемъ кое-гдѣ висѣлъ туманъ. Шервудъ побѣжалъ — трусливымъ зайцемъ, какъ онъ самъ подумалъ въ это мгновеніе. Вода шлепала и брызгала изъ-подъ его ногъ. Ступни вязли въ тинѣ. Онъ завидѣлъ домъ Ушаковыхъ, домчался до лѣстницы, вскочилъ въ комнату, но негдѣ дѣться. Весь полъ укрытъ змѣями, по стѣнамъ ползаютъ пауки. Онъ взобрался на диванъ, поджалъ подъ себя мокрыя, испачканныя грязью, ноги и накрылся съ головой шинелью, даже для удобства прихватилъ край шинели зубами. Шелестъ гадинъ не прерывался.

«Въ коридоръ, на чердакъ!—подумалъ онъ,—тамъ у кухни лѣстница; заберусь на самый верхъ». Онъ бѣгалъ впотьмахъ по чердаку, ощупью забился въ уголъ, подъ печную трубу, и въ трепетѣ притаился. На чердакѣ была тьма. И вдругъ онъ почувствовалъ, что подъ его рубашку вползаетъ что̀-то холодное, скользкое и, расправляясь, шевелится по его спинѣ. На плечи ему упала какая-то безобразная, мертвящая тяжесть.

Шервудъ отчаянно, дико вскрикнулъ и проснулся. Начи-

налось утро. Передъ диваномъ стоялъ съ разносной книгой будочникъ, тереби Шервуда за плечо.

— Пакетъ вамъ, — произнесъ босой, въ одномъ бѣльѣ, заспанный половой, стоя возлѣ будочника.

Шервудъ опомнился, всталъ, протеръ глаза и поднесъ пакетъ къ окну. То была повѣстка изъ штаба явиться въ тотъ же день за полученіемъ подорожной и «экстраординарной суммы» на немедленный отъѣздъ.

Росписавшись въ книгѣ, Шервудъ отпустилъ будочника, прошелся по комнатѣ, надѣлъ шинель и взглянулъ на полового. Усталость и хмельный бредъ мигомъ бросили его.

— Видишь, братъ? будутъ деньги, и большія! — сказалъ онъ, тормоша озадаченнаго полового и смѣясь торжествующею, гордою улыбкой:—самоваръ, пуншику... бриться, мыться... мигомъ!

Въ чистомъ бѣльѣ и въ новой парѣ, Шервудъ, щеголемъ, къ началу присутствія, явился въ штабъ, получилъ заготовленныя бумаги, пересчиталъ пачку врученныхъ ему ассигнацій, росписался въ ихъ полученіи и съ легкимъ сердцемъ вышелъ въ переднюю, наполненную просителями и сторожами.

«Нѣтъ, шутишь, сразу не выѣду!—думалъ онъ, тыча деньги въ карманъ,—теперь прежде всего закусочка; ловится лососина; соляночку съ перцемъ и огурцами, изъ селедки форшмакъ... На углу Караванной вкусно дѣлаютъ, да рюмочку-другую полынной, да бальзамцу... а тамъ и къ графу съ новымъ, дорогимъ для него открытіемъ».

Въ кучкѣ сторожей-инвалидовъ въ передней штаба шелъ разговоръ.

— Позавчера онъ, сердечный, былъ — именинникъ, а нынче уже и въ путь.

— Кто именинникъ? — надѣвая перчатки и рисуясь въ перетянутомъ мундирчикѣ, шутливо и весело спросилъ Шервудъ:—можетъ, и я именинникъ, угощу.

Инвалиды молча и недовѣрчиво на него поглядѣли.

— Да кто же, братцы, именинникъ? — повторилъ Шервудъ, чувствуя, что ему особенно весело, и желая, чтобы такъ же весело было и другимъ.

— Тезоименитство его величества было третьяго дня,— отвѣтилъ старшій, въ сѣдыхъ бакенахъ, инвалидъ, вставая передъ молодцоватымъ унтеромъ: — да вотъ ребята маракуютъ, ѣдетъ уже нынче его величество.

— Куда?—удивился Шервудъ.

— Въ Таганрогъ.

— И это вѣрно?

— Второй день подстава готова до самаго Новгорода; сказывали намедни фельдъегеря, что къ графу заѣдетъ.

— Развѣ графъ не въ городѣ?

— Въ Грузинѣ. Со вчерашняго дня ему туда всѣ бумаги шлютъ.

— А его величество?

— Должно быть, въ Царскомъ.

Шервудъ вышелъ. Забывъ о закускѣ, онъ бросился на постоялый дворъ, расплатился съ хозяиномъ, уложилъ свои вещи, послалъ за тройкой, сѣлъ въ телѣгу и помчался, кратчайшимъ проселкомъ, въ Царское-Село.

«Безпосредственный корреспондентъ его величества, такъ имъ и скажу!—разсуждалъ онъ, подпрыгивая на телѣгѣ:—самъ государь соизволилъ,—должны допустить»...

Въ концѣ августа, въ Петербургѣ знали, что государь Александръ Павловичъ уѣзжаетъ съ больною императрицей на осень, въ Таганрогъ.

Подъ вліяніемъ вѣсти о болѣзни государыни, по городу ходило немало тревожныхъ толковъ. Многихъ смутилъ недавній пожаръ, истребившій церковь Спаса-Преображенія. На небѣ явились, одна вслѣдъ за другой, двигаясь съ сѣвера на югъ, двѣ кометы. Первая вскорѣ угасла. Въ этомъ увидѣли дурное предзнаменованіе.

Послѣдніе дни августа стояли, между тѣмъ, ясные, теплые. Въ Царскомъ-Селѣ все было давно готово къ отъѣзду, но государь почему-то медлилъ. Ему какъ-то не хотѣлось разставаться съ любимымъ царскосельскимъ дворцомъ, съ свѣтлыми прудами, тѣнистыми садами и рощами. Онъ кончалъ неотложныя дѣла, принималъ прощальные доклады министровъ и, переписываясь съ родными въ чужихъ краяхъ, былъ особенно пасмуренъ и неразговорчивъ.

Тридцать перваго августа, наканунѣ отъѣзда, государь всталъ рано, прошелся по ближнимъ аллеямъ, постоялъ у озера, подъ дубомъ, гдѣ любила отдыхать и читать его бабка Екатерина, бросилъ корму рыбамъ, полюбовался лебедями, сказалъ нѣсколько словъ старому садовнику, Ники-

тичу, и на докладъ камердинера Өедора: «кофій готовъ, пожалуйте»,—нехотя и медленно возвратился во дворецъ.

Послѣ кофе, государь, по обычаю, заперся въ кабинетъ, сѣлъ за письменный столъ и вынулъ изъ особой обложки пачку бумагъ. Онъ надъ ними задумался.

Изъ оконъ былъ виденъ край синяго неба, часть озера и развѣсистый старый дубъ, гдѣ государь только-что стоялъ; были видны одѣтыя красками осени, хотя еще въ листьяхъ, но уже кое-гдѣ тронутыя золотомъ и пурпуромъ, деревья сада.

Государь не смотрѣлъ ни на небо, ни на деревья и озеро. Онъ сталъ просматривать верхнюю изъ лежавшей передъ нимъ пачки бумагъ. То былъ роковой списокъ заговорщиковъ, привезенный Шервудомъ. Прочтя списокъ и дополнительныя замѣтки Аракчеева, государь взялъ перо и листъ бумаги и началъ писать.

Неразлучная съ нимъ датская собака, Лордъ, дремала у его ногъ. Исписавъ страницу, Александръ вздохнулъ и остановился. Перо падало изъ его рукъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что почему-то видитъ плохо: слова, которыя онъ набрасывалъ, сливались передъ нимъ и путались. Онъ поднялъ голову.

Внезапно нашедшія тучи закрывали весь небосклонъ. Государь позвонилъ.

— Огня,—сказалъ онъ вошедшему слугѣ, снова принимаясь писать.

Слуга ушелъ, но медлилъ возвращеніемъ. Александръ нетерпѣливо позвонилъ опять. Были принесены двѣ зажженныя восковыя свѣчи.

«Вотъ она, сѣверная природа и сѣверные порядки!—подумалъ Александръ, съ досадой продолжая писать и мысленно уносясь къ югу: — осень въ началѣ, завтра только первое сентября, а здѣсь уже темно, какъ зимой. И ѣхать за тепломъ, за свѣтомъ въ такую даль! Великая ошибка Петра... Отчего не быть столицѣ въ Одессѣ, въ Таганрогѣ, въ Крыму?»

Облака, между тѣмъ, разсѣялись. Солнце снова явилось и весело глядѣло въ окна. Александръ не видѣлъ солнца. Его рука скользила по листу.

Лежавшій у стола Лордъ сердито, какъ бы сквозь сонъ, зарычалъ. Государь оглянулся и увидѣлъ, что вошедшій въ кабинетъ слуга осторожно изъ-за него убиралъ свѣчи со стола.

— Что̀ это ты дѣлаешь, Ѳедоръ?—спросилъ Александръ.

— Такъ слѣдуетъ, ваше величество.

— Но ты, по крайней мѣрѣ, хоть бы подождалъ, пока кончу писать... мѣшаешь, опять могутъ найти тучи...

— Негодится днемъ, ваше величество, зажигать свѣчей.

— Право? а я и не зналъ. Почему?

— Днемъ зажигаютъ свѣчи только надъ покойниками.

Слуга ушелъ. Александръ сидѣлъ неподвижно. Очнувшись, онъ изорвалъ написанное, вложилъ заботившія его бумаги, безъ всякой резолюціи, въ пакетъ, сунулъ его въ портфель, приготовленный для пути въ Таганрогъ, и снова вышелъ къ озеру, къ развѣсистому дубу. Ни въ Грузинѣ, ни въ Таганрогѣ Александръ болѣе не касался рокового пакета. Онъ былъ найденъ, въ числѣ прочихъ бумагъ, безъ его помѣты, уже послѣ его кончины...

Часу въ третьемъ пополудни, перваго сентября, Шервудъ подъѣхалъ къ Царскому-Селу. Оставивъ извозчика съ чемоданомъ, онъ направился ко дворцу. У воротъ его остановили.

— Куда?—спросилъ часовой.

— Къ самому государю... дѣло важное...

— Нельзя.

— Почему?

— Спроси начальство.

Шервудъ увидѣлъ толстаго гусарскаго поручика, сидѣвшаго на крылечкѣ гауптвахты. Поручикъ удивилъ Шервуда: онъ былъ въ полотняномъ, нараспашку, кителѣ, курилъ изъ витого, въ бисерномъ чахлѣ, чубука и беззаботно забавлялся съ стоявшею передъ нимъ на заднихъ лапахъ, рыжею, лохматою и безхвостою собачонкой.

— Ваше благородіе,—громко сказалъ, подойдя къ поручику и снимая фуражку, Шервудъ: — важное дѣло — безпосредственный его величества корреспондентъ.

— Что-о?—разсмѣялся офицеръ, выпустивъ изо рта клубъ дыма и весело закашливаясь.

Шервудъ повторилъ свои слова.

— Ну, соколикъ, опоздалъ,— произнесъ поручикъ, принимаясь опять посасывать изъ чубука: — государь еще съ вечера уѣхалъ въ Петербургъ, а теперь ужъ чай и подъ Новгородомъ... А чтобъ безпо... тьфу!.. не выговоришь... безпо... средственному тебѣ, или какъ ты тамъ себя называешь, не наплести съ-пьяну еще какой чепухи, — ну-ка,

Кузьковъ, на покой его прохладиться!—крикнулъ поручикъ, полуобернувшись жирною, бѣлою шеей въ сѣни кордегардіи, откуда уже выглядывалъ усатый и черный, въ сажень ростомъ, гусарскій фельдфебель.

— Да я, ваше благородіе... тутъ вещи, важныя бумаги, помилуйте...

— Ну, тамъ уже рѣшатъ, — заключилъ поручикъ, опять подзывая рыжую, лохматую собачонку, которая тѣмъ временемъ вѣжливо усѣлась-было въ сторонѣ.

Къ ночи, осмотрѣвъ бумаги Шервуда, дѣло разобрали, подумали и отпустили его. Онъ уже не возвращался въ Петербургъ, а выѣхалъ на югъ прямо изъ Царскаго. Государь, на пути изъ Петербурга, заѣхалъ въ Невскую Лавру. Отслуживъ здѣсь панихиду, онъ навѣстилъ лаврскаго схимника, постелью для котораго служилъ обитый чернымъ, съ аттрибутами смерти, гробъ.

«Послушались бы меня, было бы иначе!—мыслилъ Шервудъ, ближе и ближе подвигаясь къ югу.—Успѣютъ ли прослѣдить, выловить виновныхъ?»

Пошли степи. Вотъ рѣка Сеймъ, города Харьковъ, Богодуховъ, Новомиргородъ. Вездѣ было тихо, жизнь катилась, повидимому, мирно, безъ заботъ.—«Эхъ, землица, страна!—злобно сказалъ себѣ Шервудъ, завидя длинные, знакомые заборы, пустынныя улицы и крышу полкового двора: — и этакой услуги, такого открытія не оцѣнить!»

Осенью, 1825 г., изъ Таганрога разнеслась печальная вѣсть о тяжкой болѣзни императора Александра Павловича. Девятнадцатаго ноября того же года онъ скончался. О доносѣ Шервуда заговорили уже послѣ четырнадцатаго декабря.

ЗНАКОМСТВО СЪ ГОГОЛЕМЪ.

(изъ литературныхъ воспоминаний.)

Впервые въ жизни я увидѣлъ Гоголя за четыре мѣсяца до его кончины.

Это случилось осенью, въ 1851 году. Находясь тогда, въ концѣ октября, въ Москвѣ, съ служебнымъ порученіемъ бывшаго въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, я получилъ отъ стараго своего знакомаго, покойнаго московскаго профессора, О. М. Бодянскаго, записку, въ которой онъ извѣщалъ меня, что одинъ изъ нашихъ земляковъ-украинцевъ, г. А—й, котораго передъ тѣмъ я у него видѣлъ, предполагалъ пѣть малорусскія пѣсни у Гоголя и что Гоголь, узнавъ, что и у меня собрана коллекція украинскихъ народныхъ пѣсенъ, съ нотами, просилъ Бодянскаго пригласить къ себѣ и меня.

Нежданная возможность выпавшаго мнѣ на долю свиданія съ великимъ писателемъ сильно меня обрадовала. Авторъ «Мертвыхъ душъ» находился въ то время на верху своей славы, и мы, тогдашняя молодежь (мнѣ въ то время было двадцать-два года), питали къ нему безграничную любовь и преданность. У меня съ дѣтства не выходило изъ головы добродушное обращеніе къ читателямъ пàсѣчника Рудàго-Панькà.—«Когда кто изъ васъ будетъ въ нашихъ краяхъ,—писалъ въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки» веселый пáсѣчникъ:—то заверните ко мнѣ; я васъ напою удивительнымъ грушевымъ квасомъ».

Это забавное приглашеніе, какъ я помню, необыкновенно заняло меня въ деревнѣ моей бабки, гдѣ ея слуга Абрамъ,

учившійся передъ тѣмъ въ Харьковѣ переплетному мастерству и потому знавшій грамотѣ, впервые прочелъ мнѣ, шестилѣтнему мальчику, украинскія повѣсти Гоголя; но я не могъ принять приглашенія Рудáго-Панькà. Въ 1835 году у меня былъ одинъ только конь — липовая вѣтка, верхомъ на которой я гарцовалъ по саду, и въ то время я отлучался изъ родного дома не далѣе старой мельницы, скрипъ тяжелыхъ крыльевъ которой слышался, съ выгона, въ моей дѣтской комнатѣ.

Я тогда былъ въ полной и искренней увѣренности, что на свѣтѣ, дѣйствительно, гдѣ-то, въ сельской, таинственной глуши, существуетъ старый пасѣчникъ, рудый, т.-е. рыжій Панькò, и что онъ, въ длинные зимніе вечера, сидитъ у печи и разсказываетъ свои увлекательныя сказки. Передъ моимъ воображеніемъ живо развертывалась дивная исторія «Красной свитки», проходила блѣдная утопленница «Майской ночи» и на высотахъ Карпатскихъ горъ вставалъ грозный мертвый всадникъ «Страшной мести».

А теперь, въ 1851 году, мнѣ предстояло увидѣть и автора не только «Вечеровъ на хуторѣ», но и «Мертвыхъ душъ», и «Ревизора».

Въ назначенный часъ я отправился къ О. М. Бодянскому, чтобы ѣхать съ нимъ къ Гоголю. Бодянскій тогда жилъ у Стараго Вознесенія, на Арбатѣ, на углу Мерзляковскаго переулка, въ домѣ нынѣ Е. С. Мещерской, № 243. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Ну, земляче, ѣдемъ; вкусимъ отъ благоуханныхъ, сладкихъ сóтовъ родной украинской музыки».—Мы сѣли на извозчичьи дрожки и поѣхали по сосѣдству на Никитскій бульваръ, къ дому Талызина, гдѣ, въ квартирѣ графа А. П. Толстого, въ то время жилъ Гоголь. Теперь этотъ домъ, № 314, принадлежитъ Н. А. Шереметевой. Онъ не перестроенъ, имѣетъ, какъ и тогда, 16 оконъ во дворъ и 5 на улицу, въ два этажа, съ каменнымъ балкономъ, на колоннахъ, во дворъ.

Было около полудня. Радость предстоявшей встрѣчи нѣсколько, однако, затемнялась для меня слухами, которые въ то время ходили о Гоголѣ, по поводу изданной, незадолго передъ тѣмъ, его извѣстной книги «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Я невольно припоминалъ злыя и ядовитыя нападки, которыми тогдашняя руководящая кри-

тика преслѣдовала эту книгу. Бѣлинскій въ ту пору былъ нашимъ кумиромъ, а онъ первый бросилъ камнемъ въ Гоголя за его «Переписку съ друзьями». По рукамъ въ Петербургѣ ходило въ спискахъ его неизданное письмо къ Гоголю, гдѣ знаменитый критикъ горячо и безпощадно бичевалъ автора «Мертвыхъ душъ», укоряя его въ измѣнѣ долгу писателя и гражданина.

Хотя обвиненія Бѣлинскаго для меня смягчались въ кружкѣ тогдашняго ректора петербургскаго университета, П. А. Плетнева, друга Пушкина и Жуковскаго, отзывами иного рода, тѣмъ не менѣе я и мои товарищи-студенты, навѣщавшіе Плетнева, не могли вполнѣ отрѣшиться отъ страстной и подкупающей своимъ краснорѣчіемъ критики Бѣлинскаго. Плетневъ, защищая Гоголя, дѣлалъ, что̀ могъ. Онъ читалъ намъ, студентамъ, письма о Гоголѣ жившихъ въ то время въ чужихъ краяхъ Жуковскаго и князя Вяземскаго, объяснялъ эти письма и совѣтовалъ намъ, не поддаваясь нападкамъ враговъ Гоголя, самостоятельно рѣшить вопросъ—правъ ли былъ Гоголь, издавая то, о чемъ онъ счелъ долгомъ открыто высказаться передъ родиной?—«Его зовутъ фарисеемъ и ренегатомъ,—говорилъ намъ Плетневъ:— клянутъ его, какъ нѣкоего служителя мрака и лжи; оглашаютъ его, наконецъ, чуть не сумасшедшимъ... И за что же? За то, что одаренный геніемъ творчества, родной писатель-сатирикъ дерзнулъ глубже взглянуть въ собственную свою душу, провѣрить свои сокровенные помыслы и самотоятельно, никого не спросясь, открыто о томъ повѣдать другимъ... Какъ смѣлъ онъ, создатель Чичикова, Хлестакова, Сквозника и Манилова, пойти не по общей, а по иной дорогѣ, заговорить о духовныхъ вопросахъ, о церкви, о вѣрѣ? Въ сумасшедшій домъ его! онъ—помѣшанный!»— такъ говорилъ намъ Плетневъ.

Молва о помѣшательствѣ Гоголя, дѣйствительно, въ то время была распространена въ обществѣ. Говорили странныя вещи: будто Гоголь окончательно отрекся отъ своего писательскаго призванія, будто онъ постится по цѣлымъ недѣлямъ, живетъ, какъ монахъ, читаетъ только ветхій и новый завѣтъ и житія святыхъ и, душевно болѣя и сильно опустившись, относится съ отвращеніемъ не только къ изящной литературѣ, но и къ искусству вообще.

Всѣ эти мысли, по поводу Гоголя, невольно проносились

въ моей головѣ въ то время, когда извозчичьи дрожки, по Никитскому бульвару, везли Бодянскаго и меня къ дому Талызина. Одно меня нѣсколько успокоивало: Гоголь пригласилъ къ себѣ пѣвца-малоросса; этотъ пѣвецъ долженъ былъ у него пѣть народныя украинскія пѣсни, — слѣдовательно, думалъ я, авторъ «Мертвыхъ душъ» не вполнѣ еще сталъ монахомъ-аскетомъ, и его душѣ еще доступны произведенія художественнаго творчества.

Въѣхавъ въ каменныя ворота высокой ограды, направо, къ балконной галлереѣ дома Талызина, мы вошли въ переднюю нижняго этажа. Старикъ—слуга графа Толстого—привѣтливо указалъ намъ дверь изъ передней направо.

— Не опоздали?—спросилъ Бодянскій, обычною своею, ковыляющею походкой проходя въ эту дверь.

— Пожалуйте, ждутъ-съ!—отвѣтилъ слуга.

Бодянскій прошелъ пріемную и остановился передъ слѣдующею, затворенною дверью въ угольную комнату, два окна которой выходили во дворъ и два на бульваръ. Я догадывался, что это былъ рабочій кабинетъ Гоголя. Бодянскій постучался въ дверь этой комнаты.

— Чи дòма, бràте Микòло?—спросилъ онъ по-малорусски.

— А дòма-жъ, дома!—негромко отвѣтилъ кто-то оттуда.

Сердце у меня сильно забилось. Дверь растворилась. У ея порога стоялъ Гоголь.

Мы вошли въ кабинетъ. Бодянскій представилъ меня Гоголю, сказавъ ему, что я служу при Норовѣ и что съ нимъ, Бодянскимъ, давно знакомъ черезъ Срезневскаго и Плетнева.

— А гдѣ же нашъ пѣвецъ?—спросилъ, оглядываясь, Бодянскій.

— Надулъ, къ Щепкину поѣхалъ на варèники! — отвѣтилъ съ видимымъ неудовольствіемъ Гоголь: — только-что прислалъ извинительную записку, будто забылъ, что раньше насъ далъ слово туда.

— А, можетъ-быть, и такъ,—сказалъ Бодянскій:—варèники не свой братъ.

Чтò еще, при этомъ, нѣкоторое время говорили Гоголь и Бодянскій, я тогда, кажется, не слышалъ и почти не сознавалъ. Ясно помню одно, что я не спускалъ глазъ съ Гоголя.

Мои опасенія разсѣялись. Передо мной былъ не только

не душевно-больной или вообще свихнувшійся человѣкъ, а тотъ же самый Гоголь, тотъ же могучій и привлекательный художникъ, какимъ я привыкъ себѣ воображать его съ юности.

Разговаривая съ Бодянскимъ, Гоголь то плавно прохаживался по комнатѣ, то садился въ кресло къ столу, за которымъ Бодянскій и я сидѣли на диванѣ, и изрѣдка посматривалъ на меня. Средняго роста, плотный и съ совершенно здоровымъ цвѣтомъ лица, онъ былъ одѣтъ въ темно-коричневое, длинное пальто и въ темно-зеленый, бархатный жилетъ, наглухо застегнутый до шеи, у которой, поверхъ атласнаго, чернаго галстука, виднѣлись бѣлые, мягкіе воротнички рубахи. Его длинные, каштановые волосы прямыми космами спадали ниже ушей, слегка загибаясь надъ ними. Тонкіе, темные, шелковистые усики чуть прикрывали полныя, красивыя губы, подъ которыми была крохотная эспаньолка. Небольшіе, каріе глаза глядѣли ласково, но осторожно и не улыбаясь, даже тогда, когда онъ говорилъ что-либо веселое и смѣшное. Длинный, сухой носъ придавалъ этому лицу и этимъ, сидѣвшимъ по его сторонамъ, осторожнымъ глазамъ что-то птичье, наблюдающее и вмѣстѣ добродушно-горделивое. Такъ смотрятъ съ кровель украинскихъ хуторовъ, стоя на одной ногѣ, внимательно-задумчивые аисты.

Гоголь въ то время, какъ я отлично помню, былъ очень похожъ на свой портретъ, писанный съ него въ Римѣ, въ 1841 году, знаменитымъ Ивановымъ. Этому портрету онъ, какъ извѣстно, отдавалъ предпочтеніе передъ другими.

Успокоясь отъ невольнаго, охватившаго меня смущенія, я сталъ понемногу вслушиваться въ разговоръ Гоголя съ Бодянскимъ.

— Надо, однакоже, все-таки, вызвать нашего Рубини,— сказалъ Гоголь, присаживаясь къ столу:—не я одинъ, и Аксаковы хотѣли бы его послушать... особенно Надежда Сергѣевна.

— Устрою, берусь,—отвѣтилъ Бодянскій: — если только тутъ не другая причина и если нашъ землякъ, отъ здѣшнихъ угощеній, не спалъ съ голоса... А что́ это у васъ за рукописи?—спросилъ Бодянскій, указывая на рабочую, краснаго дерева, конторку, стоявшую налѣво отъ входныхъ дверей, за которою Гоголь, передъ нашимъ приходомъ, очевидно, работалъ стоя.

— Такъ себѣ, мараю по временамъ!—небрежно отвѣтилъ Гоголь.

На верхней части конторки были положены книги и тетради; на ея покатой доскѣ, обитой зеленымъ сукномъ, лежали раскрытые, мелко исписанные и перемаранные листы.

— Не второй ли томъ «Мертвыхъ душъ?» — спросилъ, подмигивая, Бодянскій.

— Да... иногда берусь, — нехотя проговорилъ Гоголь:— но работа не подвигается; иное слово вытягиваешь клещами.

— Что же мѣшаетъ? у васъ тутъ такъ удобно, тихо.

— Погода, убійственный климатъ! Невольно вспоминаешь Италію, Римъ, гдѣ писалось лучше и такъ легко. Хотѣлъ было на зиму уѣхать въ Крымъ, къ Княжевичу, тамъ писать; думалъ завернуть и на родину, къ своимъ,—туда звали на свадьбу сестры, Елисаветы Васильевны...

Ел. В. Гоголь тогда вышла замужъ за сапернаго офицера Быкова.

— Зачѣмъ же дѣло стало?—спросилъ Бодянскій.

— Едва добрался до Калуги и возвратился. Дороги невозможныя, простудился, да и времени пришлось бы столько потратить на одни переѣзды. А тутъ еще затѣялъ новое, полное изданіе своихъ сочиненій.

— Скоро ли оно выйдетъ?

— Въ трехъ типографіяхъ началъ печатать, — отвѣтилъ Гоголь:—будетъ четыре большихъ тома. Сюда войдутъ всѣ повѣсти, драматическія вещи и обѣ части «Мертвыхъ душъ». Пятый томъ я напечатаю позже, подъ заглавіемъ «Юношескіе опыты». Сюда войдутъ нѣкоторыя журнальныя статьи, статьи изъ «Арабесокъ» и прочее.

— А «Переписка?»—спросилъ Бодянскій.

— Она войдетъ въ шестой томъ; тамъ будутъ помѣщены письма къ близкимъ и роднымъ, изданныя и неизданныя... Но это уже, разумѣется, явится... послѣ моей смерти.

Слово «смерть» Гоголь произнесъ совершенно спокойно, и оно тогда не прозвучало ничѣмъ особеннымъ, въ виду полныхъ его силъ и здоровья.

Бодянскій заговорилъ о типографіяхъ и сталъ хвалить какую-то изъ нихъ. Рѣчь коснулась и Петербурга.

— Что новаго и хорошаго у васъ, въ петербургской литературѣ?—спросилъ Гоголь, обращаясь ко мнѣ.

Я ему сообщилъ о двухъ новыхъ поэмахъ тогда еще

молодого, но уже извѣстнаго поэта Ап. Ник. Майкова: «Савонаролла» и «Три смерти». Гоголь попросилъ разсказать ихъ содержаніе. Исполняя его желаніе, я наизусть прочелъ выдержки изъ этихъ произведеній, ходившихъ тогда въ спискахъ.

— Да это прелесть, совсѣмъ хорошо!—произнесъ, выслушавъ мою неумѣлую декламацію, Гоголь:—еще, еще...

Онъ совершенно оживился, всталъ и опять началъ ходить по комнатѣ. Видъ осторожно-задумчиваго аиста исчезъ. Передо мною былъ счастливый, вдохновенный художникъ. Я еще прочелъ отрывки изъ Майкова.

— Это такъ же законченно и сильно, какъ терцеты Пушкина,—во вкусѣ Данта,—сказалъ Гоголь:—Осипъ Максимовичъ, а?—обратился онъ къ Бодянскому:—вѣдь это праздникъ! Поэзія не умерла. Не оскудѣлъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его... А выборъ сюжета, а краски, колоритъ? Плетневъ присылалъ кое-что̀, и я самъ помню нѣкоторые стихи Майкова.

Онъ прочелъ, съ оригинальною интонаціей, двѣ начальныя строки извѣстнаго стихотворенія изъ «Римскихъ очерковъ» Майкова:

«Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!
«Подъ этакимъ небомъ невольно художникомъ станешь!»

— Не правда ли, какъ хорошо?—спросилъ Гоголь.

Бодянскій съ нимъ согласился.

— Но *то*, что̀ вы прочли,—обратился ко мнѣ Гоголь:—это уже иной шагъ. Беру съ васъ слово—прислать мнѣ изъ Петербурга списокъ этихъ поэмъ.

Я обѣщалъ исполнить желаніе Гоголя.

— Да,—продолжалъ онъ, прохаживаясь:—я засталъ богатые всходы...

— А Шевченко?—спросилъ Бодянскій.

Гоголь на этотъ вопросъ съ секунду промолчалъ и нахохлился. На насъ изъ-за конторки снова посмотрѣлъ осторожный аистъ.

— Какъ вы его находите?—повторилъ Бодянскій.

— Хорошо, что̀ и говорить,—отвѣтилъ Гоголь: — только не обидьтесь, другъ мой... вы—его поклонникъ, а его личная судьба достойна всякаго участія и сожалѣнія...

— Но зачѣмъ вы примѣшиваете сюда личную судьбу?—съ неудовольствіемъ возразилъ Бодянскій:—это постороннее... Скажите о талантѣ, о его поэзіи...

— Дегтю много, — негромко, но прямо проговорилъ Гоголь:—и даже прибавлю, дегтю больше, чѣмъ самой поэзіи. Намъ-то съ вами, какъ малороссамъ, это, пожалуй, и пріятно, но не у всѣхъ носы, какъ наши. Да и языкъ...

Бодянскій не выдержалъ, сталъ возражать и разгорячился. Гоголь отвѣчалъ ему спокойно.

— Намъ, Осипъ Максимовичъ, надо писать по-русски,— сказалъ онъ: — надо стремиться къ поддержкѣ и упроченію одного, владычнаго языка для всѣхъ родныхъ намъ племенъ. Доминáнтой для русскихъ, чеховъ, украинцевъ и сербовъ должна быть единая святыня — языкъ Пушкина, какою является евангеліе для всѣхъ христіанъ, католиковъ, лютеранъ и гернгуттеровъ. А вы хотите провансальскаго поэта Жасмéна поставить въ уровень съ Мольеромъ и Шатобріаномъ!

— Да какой же это Жасмéнъ? — крикнулъ Бодянскій: — развѣ ихъ можно равнять? Что̀ вы? Вы же сами — малороссъ.

— Намъ, малороссамъ и русскимъ, нужна одна поэзія, спокойная и сильная, — продолжалъ Гоголь, останавливаясь у конторки и опираясь о нее спиной: — нетлѣнная поэзія правды, добра и красоты. Она не водевильная, сегодня только понятная, побрякушка и не раздражающій личными намеками и счетами, рыночный памфлетъ. Поэзія — голосъ пророка... Ея стихъ долженъ врачевать наши сомнѣнія, возвышать насъ, поучая вѣчнымъ истинамъ любви къ ближнимъ и прощенія врагамъ. Это — труба пречистаго архангела... Я знаю и люблю Шевченка, какъ земляка и даровитаго художника; мнѣ удалось и самому кое-чѣмъ помочь въ первомъ устройствѣ его судьбы. Но его погубили наши умники, натолкнувъ его на произведенія, чуждыя истинному таланту. Они все еще дожевываютъ европейскія, давно выкинутыя жваки. Русскій и малороссъ — это души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и одинаково сильныя. Отдавать предпочтеніе одной, въ ущербъ другой, невозможно. Нѣтъ, Осипъ Максимовичъ, не то намъ нужно, не то. Всякій, пишущій теперь, долженъ думать не о розни: онъ долженъ прежде всего поставить себя передъ лицо Того, Кто далъ намъ вѣчное человѣческое слово...

Долго еще Гоголь говорилъ въ этомъ духѣ. Бодянскій молчалъ, но, очевидно, далеко не соглашался съ нимъ. — «Ну, мы вамъ мѣшаемъ, пора намъ и по домамъ!» — сказалъ, наконецъ, Бодянскій, вставая.

Мы раскланялись и вышли.

— Странный человѣкъ,—произнесъ Бодянскій, когда мы снова очутились на бульварѣ:—на него какъ найдетъ! Отрицать значеніе Шевченка! вотъ ужъ, видно, не съ той ноги сегодня всталъ.

Вышеприведенный разговоръ Гоголя я тогда же сообщилъ на родину близкому мнѣ лицу, въ письмѣ, по которому впослѣдствіи и внесъ его въ мои начатыя воспоминанія. Мнѣніе Гоголя о Шевченкѣ я не разъ, при случаѣ, передавалъ нашимъ землякамъ. Они пожимали плечами и съ досадой объясняли его посторонними, политическими соображеніями, какъ и вообще все тогдашнее настроеніе Гоголя.

Вторично я увидѣлъ Гоголя вскорѣ послѣ перваго съ нимъ свиданія, а именно—31-го октября. Поводъ къ этому подала новая моя встрѣча у Бодянскаго съ украинскимъ пѣвцомъ и полученное мною, вслѣдъ затѣмъ, отъ Бодянскаго нижеслѣдующее письмо, сохраненное у меня въ цѣлости, какъ и другія, нижеприводимыя письма.

«*30 октября, 1851 года, вторникъ.*

«Извѣщаю васъ, что землякъ, съ которымъ вы на-дняхъ видѣлись у меня, поетъ и теперь, и охотно споетъ намъ у Гоголя. Я писалъ этому послѣднему; только пѣніе онъ назначилъ не у себя, а у Аксаковыхъ, которые, узнавъ объ этомъ, упросили его на такую уступку. Если вамъ угодно, пожалуйте ко мнѣ завтра, часовъ въ 6 вечера; мы отправимся вмѣстѣ. Вашъ—О. Б.»

Въ назначенный вечеръ, 31 октября, Бодянскій, получивъ приглашеніе Аксаковыхъ, привезъ меня въ ихъ семейство, на Поварскую. Здѣсь онъ представилъ меня сѣдому, плотному господину, съ бородой и въ черномъ, на крючкахъ, зипунѣ, знаменитому автору «Семейной хроники», Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову; его добродушной, полной и еще бодрой женѣ, Ольгѣ Семеновнѣ; ихъ молодой и красивой, съ привлекательными глазами, дочери, дѣвицѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ, и обоимъ ихъ сыновьямъ, въ то время уже извѣстнымъ писателямъ-славянофиламъ, Константину и Ивану Сергѣевичамъ. О моемъ дальнѣйшемъ знакомствѣ съ этою замѣчательною литературною семьей я разскажу когда-нибудь въ другое время. Здѣсь же ограничусь разсказомъ только о томъ, что касается моихъ встрѣчъ съ Гоголемъ.

Гоголь въ назначенный вечеръ пріѣхалъ къ Аксаковымъ значительно позже Бодянскаго и меня. До его пріѣзда, С. Т. Аксаковъ и его сыновья, разговорясь со мною о Петербургѣ, разспрашивали о Норовѣ, Плетневѣ, Срезневскомъ и другихъ знакомыхъ имъ писателяхъ. Всѣ посматривали на дверь, ожидая Гоголя и приглашеннаго пѣвца. Ни тотъ, ни другой еще не являлись. Пока Бодянскій говорилъ со стариками, ко мнѣ подсѣлъ Иванъ Сергѣевичъ. Сообщивъ ему о моемъ заѣздѣ съ Бодянскимъ къ Гоголю, я спросилъ его, что̀ слышно о второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ», который всѣхъ тогда занималъ. И. С. Аксаковъ отвѣтилъ мнѣ, что въ началѣ октября Гоголь былъ у нихъ въ деревнѣ, Абрамцовѣ, подъ Сергіевской лаврой, гдѣ читалъ отрывки изъ этого тома ихъ отцу и потомъ Шевырёву, но взялъ съ нихъ обоихъ слово — не только никому не говорить о прочитанномъ, но даже не сообщать предмета картинъ и именъ выведенныхъ имъ героевъ.

— Батюшка намъ передавалъ одно, — прибавилъ И. С. Аксаковъ:—что эта часть поэмы Гоголя, по содержанію, по обработкѣ языка и выпуклости характеровъ, показалась ему выше всего, что̀ донынѣ написано Гоголемъ. Надо думать, что Чичиковъ, въ концѣ этой части, вѣроятно, попадетъ за новыя продѣлки въ ссылку въ Сибирь, такъ какъ Гоголь у насъ и у Шевырёва взялъ много книгъ съ атласами и чертежами Сибири. Съ весны онъ затѣваетъ большое путешествіе по Россіи,—хочетъ на многое взглянуть самолично, собственными глазами,назвучаться русскими звуками, русскою рѣчью, и затѣмъ уже снова выступить на литературной сценѣ, съ своими новыми о̀бразами. Все твердитъ: «жизнь коротка, не успѣю»; встаетъ рано, съ утра берется за перо и весь день работаетъ; ночью, въ одиннадцать часовъ — уже въ постели.

— Мы видѣли у него груду исписанныхъ бумагъ, — сказалъ я.

— Онъ мараетъ цѣлыя дести,—сказалъ И. С. Аксаковъ:— передѣлываетъ, пишетъ и опять обрабатываетъ; какъ живописецъ съ кистью, то подойдетъ и смотритъ вблизи, то отходитъ и вглядывается, не бросается ли какая-либо частность слишкомъ рѣзко въ глаза? Его только смущаютъ несправедливыя нападки.

— За «Переписку съ друзьями»?—спросилъ я.

— Да, эти злобныя клеветы, будто онъ возгнушался искусствомъ, считаетъ его низкимъ и безполезнымъ! Вы его видѣли — это ли не истинный, преданный долгу художникъ? А его чуть не въ глаза называли, за его душевную исповѣдь, измѣнникомъ, обманщикомъ; приписывали ему низкія и подлыя цѣли. Жалкая, оторванная отъ родной почвы кучка западниковъ-либераловъ! имъ чужда Россія, чуждъ ея своеобразный, вѣрящій народъ.

Подошелъ старикъ Аксаковъ. Онъ передалъ, что Гоголь все ждетъ отъ него живыхъ «птицъ», говоря, что и свои «души» онъ постарается сдѣлать столь же живыми. Подъѣхалъ, наконецъ, Гоголь. Любезно поздоровавшись и пошутивъ насчетъ новаго запозданія пѣвца, онъ, послѣ перваго стакана чаю, сказалъ Над. С. Аксаковой: «Не будемъ терять дорогого времени», и просилъ ее спѣть. Она очень мило и совершенно просто согласилась. Всѣ подошли къ роялю. Н. С. Аксакова развернула тетрадь малорусскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были ею положены на ноты, съ голоса самого Гоголя.

— Что̀ спѣть?—спросила она.

— «Чо̀боты»—отвѣтилъ Гоголь.

Н. С. Аксакова спѣла «Чо̀боты», потомъ «Могилу», «Солнце низенько» и другія пѣсни.

Гоголь остался очень доволенъ пѣніемъ молодой хозяйки, просилъ повторять почти каждую пѣсню и былъ вообще въ отличномъ расположеніи духа. Заговорили о малорусской народной музыкѣ, вообще сравнивая ее съ великорусскою, польскою и чешскою. Бодянскій все посматривалъ на дверь, ожидая появленія приглашеннаго имъ пѣвца.

Помню, что спѣли какую-то украинскую пѣсню даже общимъ хоромъ. Кто-то въ разговорѣ, которымъ прерывалось пѣніе, сказалъ, что кучеръ Чичикова, Селифанъ, участвующій, по слухамъ, во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ», въ сельскомъ хороводѣ, вѣроятно, пѣлъ и только-что исполненную пѣсню. Гоголь, взглянувъ на Н. С. Аксакову, отвѣтилъ съ улыбкой, что несомнѣнно Селифанъ пѣлъ и «Чо̀боты», и даже при этомъ лично показалъ, какъ Селифанъ высоко - деликатными кучерскими движеніями, вывертомъ плеча и головы, долженъ былъ дополнять среди сельскихъ красавицъ свое «заливисто-фистульное» пѣніе. Всѣ улыбались, отъ души радуясь, что знаменитый гость былъ въ духѣ.

Но не прошло послѣ того и десяти минутъ, Гоголь вдругъ замолкъ, насупился, и его хорошее настроеніе безслѣдно исчезло. Усѣвшись въ сторонѣ отъ чайнаго стола, онъ какъ-то весь вошелъ въ себя и почти уже не принималъ участія въ общей длившейся бесѣдѣ. Это меня поразило. Зная его обычай, Аксаковы не тревожили его обращеніями къ нему и хотя, видимо, были смущены, покорно ждали, что онъ снова оживится.

Что̀ вызвало въ Гоголѣ эту нежданную перемѣну въ его настроеніи, новая ли, непростительная небрежность приглашеннаго пѣвца, который и въ этотъ вечеръ такъ и не явился, или случайное напоминаніе, въ дорогой ему семьѣ, о неоконченной и мучившей его второй части «Мертвыхъ душъ»,— не знаю. Только Гоголь пробылъ здѣсь еще съ небольшимъ полчаса, посидѣлъ молча, какъ бы сквозь дремоту прислушиваясь къ тому, о чемъ говорили возлѣ него, всталъ и взялъ шляпу.

— Въ Америкѣ обыкновенно посидятъ, посидятъ,— сказалъ онъ, черезъ силу улыбаясь:—да и откланиваются.

— Куда же вы, Николай Васильевичъ, куда?—всполошились хозяева.

— Насладившись столь щедрымъ пѣніемъ обязательнаго земляка,— отвѣтилъ онъ: — надо и восвояси. Нездоровится что-то. Голова—какъ въ тискахъ.

Его не удерживали.

— А вы долго ли еще здѣсь пробудете? — спросилъ Гоголь, обратившись, на пути къ двери, ко мнѣ.

— Еще съ недѣлю, — отвѣтилъ я, провожая его, съ Бодянскимъ и И. С. Аксаковымъ.

— Вы, по словамъ Осипа Максимовича, перевели драму Шекспира «Цимбелинъ». Кто вамъ указалъ на эту вещь?

— Плетневъ.

— Узнаю его... «Цимбелинъ» былъ любимою драмой Пушкина; онъ ставилъ его выше «Ромео и Юліи».

Гоголь уѣхалъ.

— Вотъ и вашъ пѣвецъ! это онъ причиной! — напустились дамы на Бодянскаго: второй разъ не сдержалъ слова.

Бодянскій не оправдывалъ земляка.

— Дѣйствительно, изъ рукъ вонъ, даже вовсе грубо и неприлично!—сказалъ онъ съ сердцемъ:—то я винилъ Щепкина и его вареники; а тутъ, вижу, нѣчто иное,—затесался,

вѣроятно, въ какую-нибудь невозможную компанію... Я же ему задамъ!

Былъ уже десятый часъ вечера. Подъѣхали еще нѣкоторые знакомые Аксаковыхъ, очевидно, также разсчитывавшіе услышать малорусское пѣніе и повидать здѣсь кстати лишній разъ Гоголя, который всѣхъ тогда занималъ. Въ числѣ послѣднихъ я впервые въ тотъ же вечеръ здѣсь увидѣлъ состоявшаго въ званіи адъюнкта философіи въ московскомъ университетѣ, бѣлокураго, съ небрежною прическою и оживленными глазами, скромнаго, моложаваго человѣка, въ синемъ университетскомъ вицмундирѣ, съ серебряными пуговицами. Онъ сюда пріѣхалъ съ какого-то засѣданія. То былъ близкій знакомый Аксаковыхъ, будущій знаменитый редакторъ-издатель «Русскаго Вѣстника», М. Н. Катковъ.

На другой день послѣ этого вечера, тогдашній сотрудникъ «Москвитянина», Н. В. Бергъ, пригласилъ меня, отъ имени С. П. Шевырёва, на вечеръ къ послѣднему. Здѣсь зашла опять рѣчь о Гоголѣ, и Шевырёвъ сообщилъ, что Гоголь, оставшись на-дняхъ недоволенъ игрою нѣкоторыхъ московскихъ актеровъ въ «Ревизорѣ», предложилъ, по совѣту Щепкина, лично прочесть главныя сцены этой комедіи Шумскому, Самарину и другимъ артистамъ.

Прошло еще два дня. Я уже со всѣми простился и собирался уѣхать изъ Москвы, когда получилъ отъ Бодянскаго слѣдующее письмо.

«*4-го ноября, 1851 года, воскресенье.* Мнѣ поручили просить васъ завернуть къ Аксаковымъ. Они имѣютъ къ вамъ просьбу о доставкѣ одного письма къ кому-то въ Малороссію. Вашъ весь—О. Б.»—Къ этому письму, доставленному мнѣ слугою Аксаковыхъ, была приложена слѣдующая записка, писанная, въ третьемъ лицѣ, Н. С. Аксаковою, отъ имени ея матери: «Ольга Семеновна Аксакова, узнавъ, что г. Данилевскій еще въ Москвѣ, проситъ его очень заѣхать къ ней, если только у него есть свободная минута». Я отвѣтилъ Бодянскому, что уѣзжаю 6-го ноября и что завтра постараюсь быть въ назначенное время у О. С. Аксаковой.

Вечеромъ 5-го ноября, въ понедѣльникъ, я подъѣхалъ на Поварской къ квартирѣ Аксаковыхъ. Вышедшій на мой звонокъ слуга объявилъ, что О. С. Аксакова очень извиняется, такъ какъ, по нездоровью, не можетъ меня принять,

а проситъ, отъ имени Сергѣя Тимоѳеевича и Ивана Сергѣевича, пожаловать къ Гоголю, куда они оба только-что уѣхали и куда, по желанію Гоголя, они приглашаютъ и меня. — «Что́-же тамъ? — спросилъ я слугу. — Чтеніе какое-то». — Я вспомнилъ слова Шевырёва о предположенномъ чтеніи «Ревизора» и, отъ души обрадовавшись случаю — не только снова увидѣть Гоголя, но и услышать его чтеніе, поспѣшилъ на Никитскій бульваръ.

Это чтеніе описано И. С. Тургеневымъ, въ отрывкахъ изъ его литературныхъ воспоминаній. Въ описаніе И. С. Тургенева вкрались нѣкоторыя невѣрности, особенно въ изображеніи Гоголя, на котораго онъ въ то время глядѣлъ, очевидно, глазами тогдашней, враждебной Гоголю и дружеской ему самому критики. Онъ не только въ лицѣ Гоголя усмотрѣлъ нѣчто хитрое, даже лисье, а подъ его «остриженными» усами рядъ «нехорошихъ зубовъ», чего въ дѣйствительности не было, но даже увѣряетъ, будто въ ту пору Гоголь «въ своихъ произведеніяхъ рекомендовалъ хитрость и лукавство раба». Вечеръ чтенія онъ, также ошибочно, отнесъ къ 22 октября; оно, какъ удостовѣряютъ сохраненныя у меня письма, было 5 ноября.

Чтеніе «Ревизора» происходило во второй комнатѣ квартиры гр. А. П. Толстого, влѣво отъ прихожей, которая отдѣляла эту квартиру отъ помѣщенія самого Гоголя.

Столъ, вокругъ котораго, на креслахъ и стульяхъ, усѣлись слушатели, стоялъ направо отъ двери, у дивана противъ оконъ во дворъ. Гоголь читалъ, сидя на диванѣ. Въ числѣ слушателей были: С. Т. и И. С. Аксаковы, С. П. Шевырёвъ, И. С. Тургеневъ, Н. В. Бергъ и другіе писатели, а также актеры М. С. Щепкинъ, П. М. Садовскій и Шумскій. Никогда не забуду чтенія Гоголя. Особенно онъ неподражаемо прочелъ монологи Хлестакова и Ляпкина-Тяпкина и сцену между Бобчинскимъ и Добчинскимъ. — «У васъ зубъ со свистомъ», — произнесъ серьезно и внушительно Гоголь, грозя кому-то глазами и даже пришепетывая при этомъ, будто и у него свистѣлъ зубъ. Неудержимый смѣхъ слушателей изрѣдка невольно прерывалъ его. Высоко-художественное и оживленное чтеніе подъ конецъ очень утомило Гоголя. Его силъ какъ-то вообще хватало не надолго. Когда онъ дочиталъ заключительную сцену комедіи, съ письмомъ, и поднялся съ дивана, очарованные слушатели долго стояли

группами, вполголоса передавая другъ другу свои впечатлѣнія. Щепкинъ, отирая слезы, обнялъ чтеца и сталъ объяснять Шумскому, въ чемъ главныя силы роли Хлестакова. Я подошелъ къ С. Т. Аксакову и спросилъ его, какое письмо онъ или его жена, по словамъ Бодянскаго, предполагали доставить черезъ меня въ Малороссію?

— Не мы, а вотъ Николай Васильевичъ имѣетъ къ вамъ просьбу,— отвѣтилъ С. Т. Аксаковъ, указывая мнѣ на Гоголя: — Бодянскій не понялъ словъ моей жены, ошибся. Намъ поручили васъ предупредить, если вы еще не уѣхали.

— Да,—произнесъ, обращаясь ко мнѣ, Гоголь:—повремените минуту; у меня есть маленькая посылка въ Петербургъ, къ Плетневу. Я не зналъ вашего адреса. Это васъ не стѣснитъ?

Я отвѣтилъ, что готовъ исполнить его желаніе, и остался. Когда всѣ разъѣхались, Гоголь велѣлъ слугѣ взять свѣчи со стола изъ комнаты, гдѣ было чтеніе, и провелъ меня на свою половину. Здѣсь, въ знакомомъ мнѣ кабинетѣ, онъ предложилъ мнѣ сѣсть, отперъ конторку и вынулъ изъ нея небольшой свертокъ бумагъ и запечатанный сюргучомъ пакетъ.

— Вы когда окончательно ѣдете изъ Москвы? — спросилъ онъ меня.

— Завтра; уже взято мѣсто въ мальпостѣ.

— Отлично; это какъ разъ устраиваетъ мое дѣло. Не откажите, — сказалъ Гоголь, подавая мнѣ пакетъ: — если только васъ не затруднитъ, вручить это лично, при свиданіи, Петру Александровичу Плетневу.

Увидѣвъ надпись на пакетѣ «со вложеніемъ», я спросилъ, не деньги ли здѣсь?

— Да, — отвѣтилъ Гоголь, запирая ключомъ конторку: — небольшой должокъ Петру Александровичу. Мнѣ бы не хотѣлось черезъ почту.

Видя усталость Гоголя, я всталъ и поклонился, съ цѣлью уйти.

— Вы мнѣ читали чужіе стихи, — сказалъ Гоголь, привѣтливо взглянувъ на меня, и я никогда не забуду этого взгляда его усталыхъ, покраснѣвшихъ отъ чтенія глазъ: — а ваши украинскія сказки въ стихахъ? Мнѣ о нихъ говорили Аксаковы. Прочтите что-нибудь изъ нихъ.

Я, смутясь, отвѣтилъ, что ничего своего не помню. Го-

голь, очевидно, желая, во что бы то ни стало, сдѣлать мнѣ что-либо пріятное, опять посадилъ меня возлѣ себя и сказалъ: «Кто пишетъ стихи, навѣрное ихъ помнитъ. Въ ваши годы, они у меня торчали изъ всѣхъ кармановъ».—И онъ, какъ мнѣ показалось, даже посмотрѣлъ на боковой карманъ моего сюртука. Я снова отвѣтилъ, что положительно ничего не помню наизусть изъ своихъ стиховъ.

— Такъ разскажите своими словами.

Я передалъ содержаніе написанной мною передъ тѣмъ сказки «Снѣгурка».

— Слышалъ эту сказку и я; желаю успѣха, пишите!—сказалъ Гоголь: — въ природѣ и ея правдѣ черпайте свои краски и силы. Слушайте Плетнева... Нынѣшніе не цѣнятъ его и не любятъ... а на немъ, не забывайте, почіетъ рукоположеніе нашего первоапостола, Пушкина...

Я простился съ Гоголемъ и болѣе въ жизни уже не видѣлъ его. Возвратясь въ Петербургъ, я въ тотъ же день вечеромъ отвезъ врученные мнѣ свертокъ и пакетъ къ Плетневу. О сверткѣ онъ сказалъ: «знаю», и положилъ его на столъ. Распечатавъ пакетъ и увидѣвъ въ немъ пачку депозитокъ, Плетневъ спросилъ меня: «а письма нѣтъ?»—Я отвѣтилъ, что Гоголь, передавая мнѣ пакетъ, сказалъ только: «должокъ Плетневу». Плетневъ заперъ деньги въ столъ, помолчалъ и съ обычною своею добродушною важностью сказалъ: «Какъ видите, онъ и здѣсь вѣренъ себѣ; это—его обычное, съ оказіями, пособіе черезъ меня нашимъ бѣднѣйшимъ студентамъ. Фицтумъ раздаетъ и не знаетъ, откуда эти пособія». — А. И. Фицтумъ былъ, въ тѣ годы, инспекторомъ студентовъ петербургскаго университета.

При отъѣздѣ изъ Москвы, мнѣ и въ голову не приходило, что дни Гоголя сочтены. Онъ на глаза мои и всѣхъ, видѣвшихъ его тогда и говорившихъ со мною о немъ, былъ на видъ совершенно здоровъ и только изрѣдка впадалъ въ недовольство собою и въ хандру и легко уставалъ.

Помня обѣщаніе, данное мною Гоголю при Бодянскомъ, а именно — о присылкѣ ему новыхъ произведеній А. Н. Майкова, я обратился къ послѣднему съ просьбою — дать мнѣ, для снятія вѣрной копіи, рукопись его поэмъ. А. Н. Майковъ, по совѣту общаго нашего ментора, профессора

А. В. Никитенко, рѣшилъ дать мнѣ эти вещи, для доставленія въ Москву, не прежде, какъ онъ ознакомитъ съ ними тогдашняго нашего общаго начальника, А. С. Норова. Онъ прибавилъ, что кстати въ это время займется и окончательною отдѣлкой поэмъ. Въ концѣ января 1852 года, я получилъ обѣщанное и извѣстилъ Бодянскаго, что на-дняхъ высылаю Гоголю обѣ поэмы А. Н. Майкова, которыя передъ новымъ годомъ, какъ я писалъ Бодянскому, были посылаемы отъ Плетнева Жуковскому и заслужили большія похвалы послѣдняго. Бодянскій на это отвѣтилъ мнѣ нижеслѣдующимъ письмомъ, которое лучше всего можетъ показать, какъ мало въ то время московскіе друзья Гоголя помышляли о близкой утратѣ послѣдняго. Это письмо писано за 19 дней до смерти Гоголя, и, упоминая о немъ «вскользь», — какъ объ «источникѣ сладостей», — тѣмъ самымъ какъ бы говорило, что въ обиходѣ этого источника все пока обстояло благополучно.

«*Москва, 1852 года, февраля 2.* — Да, почтеннѣйшій землякъ, время летитъ, а съ нимъ и мы летимъ и улетучиваемся. Славные часы были по осени у насъ, рѣдкіе часы! Хотя и тутъ же, у источника этихъ сладостей, а все съ тѣхъ поръ ни разу не привелось отвѣдать отъ него. Причина простая — семейство пѣвуньи (Н. С. Аксаковой) живетъ бо̀льшею частью въ подмосковной.—Что̀ до Гоголя, то онъ, какъ вы знаете, живетъ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талызина. Посылая ему произведенія Майкова, не обойдите и меня. Я такъ мало имѣю случаевъ отвѣдывать подобнаго плода. Вкусъ Жуковскаго хорошъ; стало-быть, вдвойнѣ наслажденіе—познакомиться съ хвалимымъ и провѣрить хвалителя. Не забывайте вашего земляка. О. Б—й».

Недѣли черезъ двѣ съ половиной, по полученіи мною этого письма, въ Петербургѣ нежданно, съ особымъ упорствомъ, заговорили о болѣзни Гоголя. Хотя этой болѣзни въ то время не придавали особаго значенія, 18-го февраля я обратился съ письмомъ къ И. С. Аксакову, прося его сообщить, чѣмъ именно заболѣлъ Гоголь и что̀ сталось съ его дальнѣйшею работой надъ «Мертвыми душами»? Отвѣтъ отъ Аксакова не приходилъ. И вдругъ, 24-го февраля, разнеслась потрясающая вѣсть, что Гоголь 21-го февраля скончался. Пораженный этимъ, я тогда же написалъ къ Бодянскому, прося его скорѣе сообщить хотя нѣкоторыя свѣ-

дѣнія объ этой нежданной великой утратѣ. Вотъ отвѣтъ Бодянскаго:

«28-го февраля 1852 года, Москва.—Вы желаете, чтобы я написалъ вамъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя, о моихъ послѣднихъ свиданіяхъ съ нимъ, о его смерти и бумагахъ на Москвѣ, потерявшей его. Не скажу, добродію, не скажу! И теперь я хожу, какъ угорѣлый, и на лекціи по сю пору не соберусь никоимъ путемъ. Все онъ, одинъ онъ—въ умѣ и въ глазахъ! Когда-нибудь, можетъ-быть, соберусь съ духомъ—поразсказать вамъ. Нынче же замѣчу только: недѣли за двѣ до смерти, покойникъ видимо чахъ; онъ предчувствовалъ недоброе и потому на масляной говѣлъ и пріобщился. Въ половинѣ первой недѣли поста соборовался, а 21-го, въ четвергъ, въ 8 часовъ утра, его не стало. Болѣзнь—несвареніе желудка, отъ которой онъ не хотѣлъ вовсе лѣчиться. Послѣдовало воспаленіе, за коимъ онъ впалъ въ безпамятство. Всѣмъ намъ едино — умрети. Но вотъ бѣда: онъ въ ночь, часу во 2—3-мъ, сжегъ всѣ свои бумаги до тла. Премного провинились окружавшіе его, изъ коихъ одному онъ отдавалъ весь свой портфель, туго набитый; а тотъ, разумѣется, поцеремонился, какъ самъ потомъ имѣлъ еще духъ разсказывать. Нема нашего Рудáго-Панькà больше, да и не буде, пòки свитъ стоять буде. Не забывайте вашего щираго земляка, О. Бодянскаго». — Послѣ я узналъ, что Гоголь свои бумаги отдавалъ-было хозяину своей квартиры, гр. А. П. Толстому, но тотъ, не желая показать виду, что считаетъ положеніе своего гостя опаснымъ, отказался ихъ принять.

И. С. Аксаковъ, на мои вопросы о болѣзни Гоголя, отвѣтилъ мнѣ въ томъ же февралѣ, но послалъ свой отвѣтъ уже въ началѣ марта. Вотъ этотъ отвѣтъ: «Ваше письмо, любезнѣйшій Г. П., было получено мною 21-го февраля, въ самый день смерти Гоголя. И какъ странно было мнѣ читать это письмо, въ которомъ вы безпрестанно о немъ говорите, въ которомъ вы просите матушку помолиться за Гоголя и за «Мертвыя души». Ни того, ни другого больше не существуетъ. «Мертвыя души» сожжены, самая жизнь Гоголя сгорѣла отъ постоянной душевной муки, отъ безпрерывныхъ духовныхъ подвиговъ, отъ тщетныхъ усилій—отыскать обѣщанную имъ свѣтлую сторону, отъ необъятности творческой дѣятельности, вѣчно происходившей

въ немъ и вмѣщавшейся въ такомъ скудельномъ сосудѣ. Сосудъ не выдержалъ. Гоголь умеръ безъ особенной болѣзни. Современемъ вы узнаете всѣ подробности его жизни, мученичества и кончины. Въ настоящее время едва ли прилично будетъ разсказывать о немъ печатно нашему языческому обществу. Гоголь былъ истинный мученикъ искусства и мученикъ христіанства. Художественная дѣятельность этого монаха-художника была истинно-подвижническая. Теперь намъ надо начинать новый строй *жизни — безъ Гоголя.*—Весь вашъ душою—*Ив. Аксаковъ*».

Началась жизнь — «безъ Гоголя»... Отлично помню тогдашнее наше настроеніе. Мы, искренніе поклонники великаго писателя, были въ неописанномъ горѣ — еще потому, что онъ умеръ, осыпаемый безсердечными, злыми укоризнами и клеветами, не успѣвъ довести до конца своей главной, завѣтной работы. Вышла литографія съ изображеніемъ Гоголя въ гробу. Ее раскупили на-расхватъ. Вслѣдъ за похоронами Гоголя, произошелъ извѣстный арестъ при полиціи И. С. Тургенева и его высылка въ деревню, за напечатаніе имъ въ Москвѣ замѣтки объ умершемъ Гоголѣ, непропущенной цензурою въ Петербургѣ. Нѣкоторые придавали этому объясненіе, будто бы Тургеневъ поплатился за то, что въ своей невинной замѣткѣ назвалъ «великимъ» Гоголя, котораго, какъ сатирика, не долюбливало тогда высшее начальство. Дѣло было нѣсколько иначе. Авторъ замѣтки поплатился не за ея содержаніе, а за несоблюденіе формальностей цензурнаго устава. Когда статью И. С. Тургенева цензура не пропустила въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», я получилъ отъ тогдашняго издателя послѣднихъ, А. А. Краевскаго, слѣдующее письмо: «Мнѣ бы очень нужно было сказать вамъ два слова, Г. П. Не можете ли вы завернуть ко мнѣ сегодня между 6 и 7 часами вечера? Пятница, 29-го февраля. Вашъ А. Краевскій». Навѣстивъ г. Краевскаго, я узналъ отъ него, что статью Тургенева, послѣ задержанія ея цензоромъ, не одобрилъ и М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, тогдашній попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа и предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета. Мусинъ-Пушкинъ, къ сожалѣнію, какъ и нѣкоторые другіе его сверстники, смотрѣлъ тогда на Гоголя глазами враждебной послѣднему «Сѣверной Пчелы» и потому не особенно высоко цѣнилъ произведенія автора «Мертвыхъ душъ»

и «Ревизора». А. А. Краевскій горячо возсталъ въ защиту какъ Гоголя, такъ и И. С. Тургенева, автора поминальной замѣтки о немъ. Онъ, вручивъ мнѣ оттискъ задержанной статьи Тургенева, обратился ко мнѣ съ просьбою—сообщить о ея задержаніи высшей инстанціи, а именно товарищу министра просвѣщенія А. С. Норову, при коемъ я тогда состоялъ на службѣ, и просить о его ходатайствѣ за пропускъ этой вполнѣ невинной статьи передъ министромъ просвѣщенія, княземъ П. А. Ширинскимъ-Шахматовымъ, которому въ то время былъ предоставленъ высшій надзоръ за цензурою. Норовъ, совершенно раздѣляя взглядъ г. Краевскаго, охотно взялся исполнить желаніе послѣдняго и, при первомъ же своемъ докладѣ, сообщилъ это дѣло министру, ходатайствуя о пропускѣ остановленной статьи. Князь Ширинскій-Шахматовъ не согласился на отмѣну распоряженія Мусина-Пушкина. Издатель «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» А. А. Краевскій и ихъ редакторъ А. Н. Очкинъ покорились этому рѣшенію. Но задержанная статья, однако, мимо ихъ, 13-го марта, явилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ ее пропустилъ къ печатанію попечитель московскаго учебнаго округа В. И. Назимовъ. Послали запросъ въ Москву. Назимовъ отвѣтилъ, что ему не было извѣстно о задержаніи статьи попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа и самимъ министромъ просвѣщенія. Начальство сочло себя обиженнымъ. Статья, остановленная въ одномъ цензурномъ округѣ, не могла явиться въ другомъ. Нашли, что авторъ замѣтки сознательно нарушилъ это цензурное правило, и ему, послѣ его ареста, въ половинѣ апрѣля, предложили даже выѣхать изъ Петербурга въ его орловское помѣстье. Я былъ тогда уже внѣ Петербурга. Эта высылка всѣхъ поразила. Толковали не о простомъ нарушеніи цензурныхъ формальностей, а о томъ, будто авторъ «Записокъ охотника» написалъ, по поводу кончины Гоголя, нѣчто невозможно рѣзкое. Его статья недавно помѣщена въ его «Воспоминаніяхъ». Въ ней, кромѣ нѣсколькихъ сердечныхъ, теплыхъ словъ о Гоголѣ, ничего болѣе нѣтъ.

Проѣздомъ въ отпускъ черезъ Москву, я навѣстилъ Бодянскаго и съѣздилъ съ нимъ въ Даниловъ монастырь, на могилу Гоголя.

— Вы ѣдете въ харьковскую губернію? — спросилъ меня при этомъ Бодянскій.

— Да, въ окрестности Чугуева.

— Что бы вамъ съ вашего Донца проѣхать въ Полтаву? Побывали бы въ деревнѣ Гоголя. Тамъ теперь его мать и сестры. Имъ будетъ пріятно услышать о немъ, вы лично видѣли его осенью.

— А и въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ я: — Рудый Панько не одного меня, съ нашего дѣтства, звалъ къ себѣ на хуторъ. Но какъ туда проѣхать?

Бодянскій вызвался справиться о пути на родину Гоголя, предупредить о моемъ заѣздѣ его мать и сестеръ и прислать мнѣ къ нимъ письмо, а также подробный туда маршрутъ, по почтовой дорогѣ и просёлкамъ. Онъ сдержалъ слово. Недѣли черезъ двѣ по прибытіи на родину, я получилъ отъ него обѣщанное письмо и маршрутъ и рѣшилъ навѣстить съ дѣтства меня манившій «хуторъ близъ Диканьки».

II.

Это было черезъ два съ половиною мѣсяца по кончинѣ Гоголя, въ маѣ 1852 года.

Изъ-подъ Чугуева, гдѣ я гостилъ у своей матери, я отправился на почтовой перекладной, черезъ Харьковъ, въ Миргородъ, а оттуда на Колонтай, Оплошно и Воронянщину, въ село Яновщину (Васильевка--тожъ), на родину Гоголя, близъ Диканьки. Дорога, отъ рѣки Ворсклы, шла Кочубеевскими степями. Поля въ ту весну еще не видѣли косы и пышно зеленѣли. Цвѣты пестрѣли роскошными коврами. Голова кружилась отъ ихъ благоуханія.

Былъ полдень. Лошади лѣниво тащились, срывая на ходу головки махровыхъ султанчиковъ. Изъ телѣжки, слегка нагибаясь, я нарвалъ цѣлый ихъ букетъ. Невольно вспоминались картины изъ «Тараса Бульбы». Тѣ же пышные кусты репейника, будто косари въ алыхъ шапкахъ, торчали надъ травой, съ своими колючими косами, тотъ же длинный, желтый дрокъ и бѣлая кашка. Огромная дрофа, какъ страусъ, поднявъ голову, осторожно пробиралась по зеленѣющей пшеницѣ, невдали отъ телѣги. Стаи кузнечиковъ, поднимаясь съ дороги, передъ лошадьми, летѣли и падали въ траву голубыми и розовыми, крылатыми ракетами.

— Гдѣ хуторъ Гоголя? — спрашивалъ я изрѣдка встрѣчавшихся путниковъ.

— Гоголя? не знаемъ! — отвѣчали они.

Я догадался объяснить, что хуторъ называется Васильевка или Янȯвщина.

— Янȯвщина? Знаемъ, пȧне, знаемъ!—Вотъ туда дорога.

И мнѣ указали просёлокъ къ Гоголю-Яновскому, въ село Васильевку «Рудȧго-Панькȧ».

Отъ Опошни до с. Вороня̀нщины я ѣхалъ, вслѣдствіе нестерпимаго жара, почти шагомъ. Всю дорогу за мною, сидя на возу съ корзинами спѣлой шелковицы, ѣхалъ на волахъ толстый поселянинъ-казакъ, свѣсивъ ноги съ воза, лѣниво сгорбясь, напѣвая и покачиваясь отъ одолѣвавшей его дремоты. Встрѣчавшіеся на пути толчки будили его; онъ просыпался и снова пѣлъ одно и то же.

Стало прохладнѣе. Я поѣхалъ рысью.

До села Янȯвщины оставалось версты три. Оно было спрятано за косогоромъ.

Я остановился въ сосѣднемъ хуторѣ Вороня̀нщина, вслѣдствіе соскочившей колѣсной гайки, которую ямщикъ пошелъ отыскивать. Я присѣлъ въ тѣни, на прѝзбѣ ближайшей хаты. Ея хозяйка, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, привѣтливо разговорилась со мною изъ сѣней, гдѣ въ прохладѣ сидѣли еще другія дѣти. Зашла рѣчь о ихъ сосѣдѣ, Гоголѣ-Яновскомъ.

— То не правда, чтȯ толкуютъ, будто онъ умеръ,—сказала она: — похороненъ не онъ, а одинъ убогій старецъ; самъ онъ, слышно, поѣхалъ молиться за насъ въ святой Іерусалимъ. Уѣхалъ и скоро опять вернется сюда.

Странная вещь. Сосѣдніе хуторяне, какъ я удостовѣрился въ то время, дѣйствительно, можетъ-быть, въ виду частаго и продолжительнаго пребыванія Гоголя за границей, долго были убѣждены, что онъ не умеръ, а находится въ чужихъ краяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, обязанные ему чѣмъ-нибудь въ жизни, даже гадали по немъ, ставя на ночь пустой поливянный горшокъ и сажая въ него паука. Объ этомъ мнѣ передала мать Гоголя, которую всѣ сосѣди близко знали и любили. По мѣстному повѣрью, если паукъ вылѣзетъ ночью изъ горшка съ выпуклыми, скользкими стѣнками, то человѣкъ, по которомъ гадаютъ, живъ и возвратится. Паукъ, на котораго хуторянами было возложено рѣшить, живъ ли Рудый-Панькȯ, ночью заткалъ паутиною бокъ горшка и по ней вылѣзъ; но Гоголь, къ огорченію гадавшихъ, не возвратился.

Хуторъ Яновщина выглянулъ, наконецъ, между двухъ зеленыхъ, отлогихъ холмовъ. Съ дороги стала видна на широкой полянѣ каменная церковь съ зеленою крышей. За церковью, спадая въ долину, виднѣлись бѣлыя избы хутора, вперемежку съ садами; слѣва отъ церкви — левàда, родъ огромнаго огорода, обсаженная со стороны хутора липами и вербами. Ограда церкви — сквозная, въ видѣ рѣшетки, изъ окрашенныхъ желтою и бѣлою краской кирпичей. На пути къ церкви, примыкая къ избамъ хутора, виднѣлась другая ограда. За нею показался господскій деревянный домъ, съ красною деревянною крышей, въ одинъ этажъ; направо отъ него — флигель, налѣво — хозяйскія постройки, кухня, амбаръ и конюшня. За домомъ, спускаясь къ болотистому лóгу, зеленѣлъ старый, тѣнистый садъ; за садомъ виднѣлись вырытые въ долинѣ пруды,— за ними — неоглядныя, зеленыя равнины украинской степи. Пруды вырылъ отецъ Гоголя, бывшій усерднымъ хозяиномъ.

Я въѣхалъ во дворъ. По его травѣ бѣгали дворовые ребятишки. Телѣга остановилась у крыльца. Я всталъ, отряхая съ себя густую дорожную пыль. Никто не слышалъ стука телѣги, и я тщетно посматривалъ, къ кому обратиться съ вопросомъ о хозяевахъ. Все было тихо. Чуть шелестѣли листья ясеней у садовой ограды. Звонко куковала кукушка въ деревьяхъ за церковью. Я вошелъ въ домъ. Меня встрѣтили въ трауре мать и двѣ дѣвицы — сестры покойнаго Гоголя, Анна Васильевна и Ольга Васильевна. Его третья сестра, Елисавета Васильевна, при его жизни, минувшею осенью, вышла замужъ за г. Быкова и тогда находилась въ Кіевѣ. Я вручилъ матери Гоголя письмо Бодянскаго. Послѣ первыхъ привѣтствій, мнѣ дали умыться, переодѣться, закусить. Въ гостиной, за чаемъ, меня осыпали вопросами о моихъ осеннихъ встрѣчахъ съ Николаемъ Васильевичемъ. Оказалось, что Шевырёвъ, видѣвшійся съ Бодянскимъ послѣ моего проѣзда черезъ Москву, предупредилъ мать Гоголя о моемъ заѣздѣ, и меня здѣсь уже ожидали. Эти черныя, шерстяныя платья, эти полныя горькой скорби лица и эти слезы близкихъ великаго писателя потрясли меня до глубины души. Марья Ивановна, мать Гоголя, говорила о сынѣ съ глубокимъ, почти суевѣрнымъ благоговѣніемъ.

— Моего сына, — сказала она, отирая слезы: — зналъ

самъ государь и, за его писательство, велѣлъ считать его на службѣ и отпускать ему жалованье. Не пожилъ покойный, не послужилъ родинѣ!

— Вашъ сынъ долго отсутствовалъ за границей?

— Почти восемнадцать лѣтъ; но онъ и тамъ служилъ перомъ своей родинѣ.

Мы прошли въ садъ. Но прежде опишу домъ. Гоголь, въ послѣдніе четыре года, въ свои пріѣзды къ матери, обыкновенно помѣщался во флигелѣ, направо отъ большого дома. Здѣсь онъ, по словамъ его близкихъ, работалъ и надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ», съ 20-го апрѣля по 22-е мая 1851 года, въ послѣднее свое пребываніе въ Яновщинѣ.

Флигель — низенькое, продолговатое строеніе, съ крытою галлереей, выходящею во дворъ. Ветхія ступени вели на крыльцо; изъ небольшихъ сѣней былъ входъ въ просторную комнату, родъ залы, а отсюда въ гостиную.

Въ этой гостиной и въ кабинетѣ поочередно работалъ и отдыхалъ Гоголь. Постоянно тревожное его настроеніе, по словамъ его матери, въ послѣдній его заѣздъ сюда, заставляло его нерѣдко мѣнять свои рабочія комнаты. Также точно онъ, по ея словамъ, не могъ нѣсколько ночей сряду и спать въ одной и той же комнатѣ. Трудно это приписать, какъ это объяснили впослѣдствіи, мухамъ, которыхъ на югѣ весною почти не бываетъ, или безпокойству отъ солнечныхъ лучей; во всѣхъ комнатахъ флигеля я засталъ въ мой заѣздъ на окнахъ занавѣски. Окна гостиной выходили въ особый палисадникъ у флигеля, огражденный высокими тополями. За ними былъ видъ на избы хутора и на степь.

Кабинетъ во флигелѣ былъ расположенъ въ другомъ концѣ зданія и имѣлъ особый выходъ въ садъ. Здѣсь болѣе всего оставался Гоголь. Въ послѣднее свое пребываніе въ Васильевкѣ, онъ отсюда не выходилъ иногда по цѣлымъ днямъ, являясь въ домъ только къ обѣду и вечернему чаю. Это — комната въ десять шаговъ длины и въ четыре шага ширины. Два небольшихъ ея окна выходятъ во дворъ, между ними зеркало. На окнахъ бѣлыя кисейныя занавѣски. Влѣво отъ двери—печь; вправо—дубовый шкапъ для книгъ. Этотъ шкапъ былъ заказанъ Гоголемъ лѣтомъ 1851 года и оконченъ уже безъ него. Влѣво отъ печи стояла деревянная,

простая кровать, покрытая ковромъ. Кромѣ писанія, во флигелѣ Гоголь усердно занимался въ послѣднее время улучшеніемъ фабрикаціи домашнихъ ковровъ, — самъ рисовалъ для нихъ узоры, — и это занятіе, съ разведеніемъ деревьевъ въ саду, составляло его главное удовольствіе въ немногіе часы его отдыха. Надъ кроватью въ углу висѣлъ образъ св. угодника Митрофанія. Рабочій столъ Гоголя помѣщался между печью и кроватью, у забитой, лишней двери. Это — на высокихъ ножкахъ конторка, изъ грушеваго дерева, съ косою доской, покрытою кожей. На верхней части конторки съ двухъ сторонъ вдѣланы чернильница и песочница. На стѣнѣ, надъ конторкою, висѣлъ привезенный Гоголемъ изъ Италіи Нерукотворенный образъ Спасителя, писанный масляными красками.

Домъ, гдѣ помѣщались мать и сестра Гоголя, выстроенъ удобно. По стѣнамъ были развѣшаны старинные портреты Екатерины Великой, Потемкина и Зубова и англійскія гравюры, изображающія рыночныя и рыбачьи сцены въ Англіи. Въ залѣ стоялъ рояль, за которымъ Гоголь, по словамъ его матери, иногда любилъ наигрывать и пѣть свои любимыя украинскія пѣсни, особенно—веселыя и плясовыя.

— Онъ иногда смѣшилъ насъ до упаду, — сказала мнѣ М. И. Гоголь: — самъ казался веселъ, хотя въ душѣ оставался постоянно задумчивымъ и печальнымъ.

Кстати о матери Гоголя. Она—урожденная Косяровская, дочь чиновника. Когда я впервые увидѣлъ ее, по пріѣздѣ въ Яновщину, меня поразило ея близкое сходство съ ея покойнымъ сыномъ: тѣ же красиво очерченныя, крупныя губы, съ чуть замѣтными усиками, и тѣ же каріе, нѣжно-внимательные глаза. Она была въ бѣломъ чепцѣ и безъ малѣйшей сѣдины. Ея полныя, румяныя, безъ морщинъ, щеки говорили, какъ была въ молодости красива эта еще и въ то время замѣчательно красивая женщина.

— Покойный братъ, — сказала мнѣ старшая сестра Гоголя, когда мы вышли въ садъ: — все затѣвалъ исправить, перестроить домъ — передѣлать въ немъ печи, перемѣнить двери, увеличить окна и перебрать полы. Зимою у васъ холодно, писалъ онъ, надо иначе устроить сѣни. Оштукатурили мы домъ особымъ составомъ, по присланному изъ-за границы рецепту. Самъ онъ не выносилъ зимы и любилъ лѣто,—ненатопленное тепло.

Старый, дѣдовскій садъ, гдѣ такъ любилъ гулять Гоголь, расположенъ во вкусѣ всѣхъ украинскихъ сельскихъ садовъ. Его деревья высоки и вѣтвисты. По сторонамъ тѣнистой дорожки, идущей вправо отъ садоваго балкона, Гоголь, въ послѣднее здѣсь пребываніе, посадилъ съ десятокъ молодыхъ деревцовъ клена и березы. Далѣе, на луговой полянѣ, онъ посадилъ нѣсколько желудей, давшихъ съ новою весной свѣжіе и сильные побѣги. Влѣво отъ балкона, другая, менѣе тѣнистая дорожка идетъ надъ прудомъ и упирается во второй, смежный съ нимъ прудъ. По этой дорожкѣ особенно любилъ гулять Гоголь. Возлѣ нея, на пригоркѣ, стояла деревянная бесѣдка, разрушенная бурею, вскорѣ за послѣднимъ отъѣздомъ Гоголя изъ Яновщины. Тутъ же, недалеко, въ тѣни нависшихъ липъ и акацій, былъ устроенъ небольшой гротъ, съ огромнымъ дикимъ камнемъ у входа. На этомъ камнѣ Гоголь, по словамъ его матери, игралъ, будучи еще ребенкомъ по третьему году. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этой поры, онъ любилъ садиться на этотъ камень, любуясь съ него видомъ прудовъ и окрестныхъ полей.

На дальнемъ прудѣ, за садомъ, стояла купальня. Къ ней ѣздили на небольшомъ, двухъ-весельномъ плотѣ. Купальню Гоголь устроилъ для себя, но пользовался ею не болѣе трехъ разъ. За прудомъ—широкая поляна, обсаженная надъ берегомъ вербами и серебристыми тополями, за которыми Гоголь ухаживалъ съ особымъ участіемъ.

— Вонъ туда, за церковь, — замѣтила Марья Ивановна, указывая за садъ: — сынъ любилъ по вечерамъ одинъ ходить въ поле.

Это былъ просёлокъ въ деревни Яворщину и Толстое, куда нерѣдко, въ прежнее время, бывая здѣсь, Гоголь хаживалъ пѣшкомъ въ гости, своеобразно разсказывая друзьямъ, какъ онъ совершалъ возвратный путь, пополамъ «съ подсѣдомъ на чужія телѣги», а потомъ опять «съ напускомъ пѣхондачка». За послѣдніе годы онъ почти никого не посѣщалъ изъ сосѣдей.

Гоголь въ деревнѣ вставалъ рано; въ воскресные дни посѣщалъ церковь; въ будни тотчасъ принимался за работу, не отрываясь отъ нея иногда по пяти часовъ сряду. Напившись кофе, онъ до обѣда гулялъ. За обѣдомъ старался быть веселымъ, шутилъ, разсказывалъ импровизованные анекдоты и все передвечернее время оставался въ кругу

семьи, хотя иногда среди близкихъ, какъ и среди знакомыхъ, любилъ и просто помолчать, слушая разговоры другихъ. Вечеромъ онъ опять гулялъ, катался на плоту по прудамъ или работалъ въ саду, говоря, что тѣлесное утомленіе, «рукопашная работа» на вольномъ воздухѣ — освѣжаютъ его и даютъ силу писательскимъ его занятіямъ. Гоголь въ деревнѣ ложился спать рано, не позже десяти часовъ вечера. Оставаясь среди семьи, онъ въ особенности любилъ приниматься за разныя домашнія работы; кромѣ рисованія узоровъ для любимаго его матерью тканья ковровъ, онъ кроилъ сестрамъ платья и принималъ участіе въ обивкѣ мебели и въ окраскѣ оштукатуренныхъ при его пособіи стѣнъ. Я засталъ гостиную въ домѣ его матери—раскрашенную его рукой, въ видѣ широкихъ голубыхъ полосъ по бѣлому полю, залъ—съ бѣлыми и желтыми полосами.

Изъ сосѣдей Гоголя немногіе посѣщали его. Иные боялись обезпокоить его среди литературныхъ занятій; другіе, изъ старыхъ друзей, въ то время не жили въ своихъ помѣстьяхъ; а третьи, по странному мнѣнію о характерѣ сатирическихъ писателей, просто боялись его. Вообще, соотечественники-полтавцы чуждались и недолюбливали его. Да и Гоголь, особенно послѣ изданной имъ «Переписки съ друзьями», упорно избѣгалъ свиданія съ сосѣдями, говоря въ шутку сестрамъ, что прежде, чѣмъ явится кто-либо изъ окрестныхъ знакомыхъ, того и гляди уже выскочитъ «длинноязыкая бестія—чортъ», распускающій сплетни. Посторонними собесѣдниками Гоголя изъ его сосѣдей изрѣдка были, бо̀льшею частью, простолюдины-хуторяне, убогіе и несчастные, которымъ онъ часто помогалъ. Оба священника села Васильевки, въ послѣдніе заѣзды сюда Гоголя, были отъявленные пьяницы. Поневолѣ онъ переписывался съ отдаленнымъ священникомъ города Ржева.

Къ украшеніямъ дома въ Яно̀вщинѣ, въ послѣднее здѣсь пребываніе Гоголя, прибавились: его чрезвычайно схожій портретъ, писанный въ 1840 году масляными красками Моллеромъ (этотъ портретъ былъ привезенъ Гоголемъ въ подарокъ матери изъ Петербурга), и трость изъ пальмовой вѣтви, съ которою Гоголь путешествовалъ по Святой Землѣ.

— Мы его съ прошлой осени ждали на всю зиму въ деревню, — сказала мнѣ мать Гоголя: — онъ сперва думалъ ѣхать въ Крымъ, хотя говорилъ, что Крымъ прелесть, но

безъ людей тамъ—тоска. Зимою онъ почти никогда не жилъ въ деревнѣ.

— Почему?

— Онъ это объяснялъ тѣмъ, что въ деревнѣ въ ненастную погоду онъ болѣе хвораетъ, чѣмъ въ городѣ. Ему каждый день были нужны прогулки, и онъ предпочиталъ Москву, гдѣ всѣ дома просторнѣе и теплѣе и гдѣ для прогулокъ пѣшкомъ устроены хорошіе тротуары.

— Онъ и при мнѣ выражалъ сожалѣніе Бодянскому, — сказалъ я: — что не попалъ на свадьбу сестры — по нездоровью и изъ-за осенней погоды.

— А ужъ какъ онъ этого хотѣлъ, — замѣтила мать Гоголя:—мечталъ въ подарокъ новобрачной купить небольшую коляску и въ ней пріѣхать на свадьбу. На покупку у него, очевидно, не хватило денегъ.

Гоголь, пославшій черезъ меня Плетнёву пособіе бѣднымъ студентамъ, дѣйствительно, самъ нуждался въ средствахъ къ жизни. Надо вспомнить, что въ то же время книгопродавцы, скупившіе остатки послѣдняго изданія его сочиненій, распускали слухъ, что новаго изданія почему-то не будетъ, и продавали каждый его экземпляръ по сто рублей.

Гоголь, по словамъ его матери, родился 19-го марта 1809 года, въ селѣ Сорóчинцахъ, въ двадцати верстахъ отъ Янóвщины. Черезъ три года исполнится восемьдесятъ лѣтъ со дня его рожденія. Марья Ивановна Гоголь имѣла до него другихъ дѣтей, изъ которыхъ ни одинъ не жилъ болѣе недѣли, вслѣдствіе чего появленія на свѣтъ новаго дитяти она ожидала съ грустнымъ и тяжелымъ раздумьемъ, будетъ ли ему суждено остаться въ живыхъ? Родился мальчикъ, котораго назвали Николаемъ. Новорожденный былъ необыкновенно слабъ и худъ. Долго опасались за его жизнь. Черезъ шесть недѣль онъ былъ перевезенъ въ родную Васильевку-Янóвщину. Несмотря на слабый организмъ, онъ, однако, скоро показалъ, что не въ тѣлѣ сила человѣка. Трехъ лѣтъ отъ роду, онъ уже сносно разбиралъ и писалъ слова мѣломъ, запомнивъ алфавитъ по рисованнымъ, игрушечнымъ буквамъ.

Пяти лѣтъ отъ роду Гоголь, по словамъ его матери, вздумалъ писать стихи. Никто не понималъ, какого рода стихи онъ писалъ. У его домашнихъ осталось воспоминаніе, что извѣстный украинскій литераторъ Капнистъ, заѣхавъ од-

нажды къ отцу Гоголя, засталъ его пятилѣтняго сына за перомъ. Малютка Гоголь сидѣлъ у стола, глубокомысленно задумавшись надъ какимъ-то писаніемъ. Капнисту удалось, просьбами и ласками, склонить ребенка-писателя прочесть свое произведеніе. Гоголь отвелъ Капниста въ другую комнату и тамъ прочелъ ему свои стихи. Капнистъ никому не сообщилъ о содержаніи выслушаннаго имъ. Возвратившись къ домашнимъ Гоголя, онъ, лаская и обнимая маленькаго сочинителя, сказалъ: «Изъ него будетъ большой талантъ, дай ему только судьба въ руководители учителя-христіанина!» Склонность Гоголя къ стихамъ проявлялась въ немъ впослѣдствіи еще не одинъ разъ. По словамъ его матери, онъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ написалъ стихотвореніе «Россія подъ игомъ татаръ». Эту никогда не напечатанную вещь Гоголь тщательно переписалъ въ изящную книжечку, украсилъ ее собственными рисунками и переслалъ матери изъ Нѣжина по почтѣ. Изъ всего содержанія этой поэмы, увезенной имъ впослѣдствіи изъ Яновщины и, вѣроятно, истребленной, мать покойнаго вспомнила мнѣ только окончаніе, а именно, слѣдующіе два стиха:

«Раздвинувъ тучки среброрунны,
«Явилась трепетно луна».

Гоголь, начавъ впослѣдствіи писать исключительно прозою, обыкновенно молчалъ о своихъ первыхъ стихотворныхъ попыткахъ. О сожженіи имъ изданной своей поэмы «Гансъ-Кюхельгартенъ» мнѣ разсказалъ свидѣтель этого аутодафе, его бывшій камердинеръ и поваръ, Якимъ, состоявшій во время моего пріѣзда въ Яновщину дворецкимъ и ключникомъ. Застѣнчивый и робкій Якимъ передалъ мнѣ, что его покойный баринъ однажды, въ Петербургѣ, пришелъ домой сильно не въ духѣ и послалъ его скупать и отбирать по книжнымъ лавкамъ отданныя на комиссію книгопродавцамъ синенькія книжки, на которыхъ было заглавіе: «Гансъ-Кюхельгартенъ». Были собраны, привезены и безъ всякаго сожалѣнія сожжены около шести сотъ этихъ книжекъ. Кстати объ этомъ Якимѣ. Узнавъ, въ 1837 году, о смерти Пушкина, онъ неутѣшно плакалъ въ передней Гоголя.

— О чемъ ты плачешь, Якимъ? — спросилъ его кто-то изъ знакомыхъ.

— Какъ же мнѣ не плакать... Пушкинъ умеръ.

— Да тебѣ-то что? развѣ ты его зналъ?

— Какъ что̀? и зналъ, и жалко. Помилуйте, они такъ любили барина. Бывало, снѣгъ, дождь и слякоть въ Петербургѣ, а они въ своей шинелькѣ бѣгутъ съ Мойки, отъ Полицейскаго моста, сюда, въ Мѣщанскую. По цѣлымъ ночамъ у барина просиживали, слушая, какъ нашъ-то читалъ имъ свои сочиненія, либо читая ему свои стихи.

Зная объ этомъ слугѣ Гоголя отъ Плетнева, я сталъ разспрашивать Якима о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ. По словамъ Якима, Пушкинъ, заходя къ Гоголю и не заставая его, съ досадою рылся въ его бумагахъ, желая знать, что̀ онъ написалъ новаго. Онъ съ любовью слѣдилъ за развитіемъ Гоголя и все твердилъ ему: «пишите, пишите», а отъ его повѣстей хохоталъ, и уходилъ отъ Гоголя всегда веселый и въ духѣ. Наканунѣ отъѣзда Гоголя, въ 1836 году, за границу, Пушкинъ, по словамъ Якима, просидѣлъ у него въ квартирѣ, въ домѣ каретника Іохима, на Мѣщанской, всю ночь на пролетъ. Онъ читалъ начатыя имъ сочиненія. Это было послѣднее свиданіе великихъ писателей. Въ 1837 году Пушкинъ скончался. Гоголь, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, уже не засталъ его въ живыхъ.

Мать Гоголя мнѣ передавала, что первые годы отрочества онъ провелъ со своимъ младшимъ, рано умершимъ братомъ Иваномъ. Отецъ Гоголя, ѣздя въ поле съ сыновьями, иногда задавалъ имъ дорогою темы для стихотворныхъ импровизацій: «солнце», «степь», «небеса». Старшій сынъ отличался находчивостью въ отвѣтахъ на такія задачи. Гоголь-отецъ самъ сочинялъ театральныя, комическія пьесы для домашней сцены въ семействѣ Трощинскихъ, которые оказывали особое вниманіе ему и его старшему сыну. Комедіи своего покойнаго отца Гоголь взялъ съ собою отъ матери при отъѣздѣ въ Петербургъ, для того, чтобы ихъ напечатать. Неизвѣстно, какой участи онѣ подверглись, такъ какъ впослѣдствіи никто ихъ не видѣлъ, за исключеніемъ выписокъ изъ нихъ, послужившихъ эпиграфами къ нѣкоторымъ изъ повѣстей Гоголя.

Смерть младшаго брата до того поразила отрока-Гоголя, что были принуждены отвезти его въ Нѣжинскій лицей, чтобы отвлечь мысли его отъ могилы брата. Здѣсь Гоголь вскорѣ оправился и изъ хилаго, болѣзненнаго ребенка сталъ сильнымъ, веселымъ и падкимъ до разныхъ потѣхъ и шалостей юношей. Страстный поклонникъ всего высокаго и

изящнаго, онъ на школьной скамейкѣ тщательно переписывалъ для себя на самой лучшей бумагѣ, съ рисунками собственнаго изобрѣтенія, выходившія въ то время въ свѣтъ поэмы «Цыгане», «Полтава», «Братья разбойники» и главы «Евгенія Онѣгина». По окончаніи курса въ Нѣжинскомъ лицеѣ, Гоголь у матери отпросился въ Петербургъ, гдѣ нѣкоторое время усердно занимался живописью и иностранными языками.

Въ 1829 году Гоголь неожиданно уѣхалъ за границу. Добравшись до Любека, онъ написалъ матери покаянное письмо (она мнѣ давала его читать), изложилъ въ немъ свои разочарованія въ мѣстахъ, къ которымъ онъ такъ жадно стремился, приложилъ къ письму очеркъ улицы, въ которой остановился, и, увидѣвъ близкій конецъ своихъ скудныхъ денежныхъ средствъ, съ грустью возвратился въ Петербургъ.

Мать Гоголя, на разставаньѣ со мной, узнавъ, что я ѣду въ Кіевъ, просила меня доставить туда письмо и небольшую посылку ея замужней дочери, Ел. В. Быковой, отъ которой она давно въ то время не получала извѣстій. Мѣстожительства г-жи Быковой въ Кіевѣ мнѣ помогъ найти тамошній, тогда уже извѣстный, профессоръ медицины, докторъ Ѳ. С. Цыцуринъ, знавшій и не однажды лѣчившій Гоголя, отъ котораго у него бережно хранился экземпляръ «Мертвыхъ душъ» съ дружескою на немъ надписью автора. У доктора Цыцурина, кстати сказать, я засталъ при этомъ молодого тогдашняго ученаго, впослѣдствіи кіевскаго профессора и нынѣшняго министра финансовъ, Н. Х. Бунге.

Прошло болѣе тридцати-четырехъ лѣтъ. Съ тѣхъ поръ изъ семейства Гоголя я никого не видѣлъ. Мнѣ, въ годъ смерти Гоголя, привелось набросать и напечатать въ одной изъ газетъ очеркъ его родной усадьбы. Другихъ, болѣе подробныхъ о ней свѣдѣній я послѣ того не встрѣчалъ въ печати. Часто думалось мнѣ съ тѣхъ поръ: «Что̀ нынѣ сталось съ Яно̀вщиною-Васильевкою? Цѣлы ли въ ней домъ и флигель, гдѣ въ послѣднее время жилъ великій писатель, сохраняются ли тамошніе садъ и пруды, и благополучно ли растутъ посаженныя руками Гоголя деревья?»

Набросавъ давно эти воспоминанія, я не рѣшался ихъ печатать, не собравъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ семей-

ства Гоголя. Меня также занималъ вопросъ, почему ни въ одномъ изъ нашихъ иллюстрированныхъ изданій донынѣ не помѣщено изображеній усадьбы знаменитаго автора «Тараса Бульбы» и «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»? Въ Полтавѣ и въ Кіевѣ, съ его смерти, перебывали многіе наши даровитые художники; фотографія въ этихъ городахъ развилась съ тѣхъ поръ и процвѣтаетъ. Неужели же никому изъ мѣстныхъ фотографовъ,—разсуждалъ я,—не пришло въ голову снять, для печати, виды Васильевки? Время не ждетъ и легко можетъ снести послѣдніе слѣды деревенскаго жилища дорогого писателя, которому, между тѣмъ, мы собираемся ставить памятникъ.

Лѣтомъ 1886 г. я узналъ, что въ полтавской губерніи благополучно здравствуютъ двѣ сестры Гоголя, которыхъ я, тридцать-четыре года назадъ, видѣлъ въ Яновщинѣ, а именно: Анна Васильевна Гоголь—въ городѣ Полтавѣ и Ольга Васильевна Головня—въ родномъ ихъ селѣ Васильевкѣ.

На мои обращенія съ вопросами въ Полтаву, я получилъ отъ почтенной Анны Васильевны Гоголь отвѣтъ, за который приношу ей глубочайшую признательность. Привожу отрывки изъ ея писемъ ко мнѣ, давшихъ мнѣ возможность значительно дополнить мою статью. Анна Васильевна Гоголь мнѣ сообщила, между прочимъ, слѣдующее:

«Какъ я вамъ благодарна, что вы прислали мнѣ прочесть ваши воспоминанія! Отвѣчаю по пунктамъ на ваши вопросы.

«Наша мать умерла, 76-ти лѣтъ, въ 1868 году, въ деревнѣ Васильевкѣ, скоропостижно, на первый день Свѣтлаго праздника; вѣроятно, не побереглась послѣ семинедѣльнаго поста. Она до смерти была очень моложава и бодра; у нея не было морщинъ и сѣдины. Съ нею тогда жила меньшая наша сестра Ольга, съ мужемъ, отставнымъ маіоромъ Головня, который держалъ наше имѣніе въ арендѣ. Сестра Ольга съ тѣхъ поръ овдовѣла и имѣетъ трехъ дѣтей, замужнюю дочь и двухъ сыновей, Николая и Василія Яковлевичей, служащихъ въ Ахтырскомъ драгунскомъ полку, въ Бѣлой Церкви. Наша деревня Васильевка раздѣлилась на двѣ части—сестрѣ Ольгѣ и старшему сыну покойной сестры Елисаветы Васильевны Быковой, Ник. Влад. Быкову, который женатъ на Марьѣ Александровнѣ Пушкиной, внучкѣ поэта.

«По жребію, старая усадьба (дворъ, садъ и пр.) досталась сестрѣ Ольгѣ, а племянникъ, Николай Быковъ, построилъ себѣ новую усадьбу, за прудомъ, въ другомъ саду, гдѣ теперь и живетъ, имѣя двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына Александра и дочь Елисавету. Онъ служилъ въ нарвскомъ гусарскомъ полку, во время командованія имъ А. А. Пушкинымъ (сыномъ поэта), гдѣ женился на его дочери.

«Старая наша усадьба въ запустѣніи, особенно флигель для гостей, въ которомъ братъ останавливался въ послѣднее время. Садъ запущенъ, заглохъ; гротикъ завалился. Старый поваръ Якимъ умеръ въ прошломъ 1885 году, въ деревнѣ, у женатаго своего сына, а его дочь Наталья, съ десятилѣтняго возраста, у меня въ услуженіи. Она была нѣкоторое время замужемъ, но, овдовѣвъ, опять поступила ко мнѣ.

«Портретъ брата масляными красками (работы Моллера) у меня; онъ попорченъ, и потому я никому его не даю. У меня же его шкапъ для книгъ и конторка. Изъ прочихъ вещей брата почти ничего не сохранилось. Имѣніе (Васильевка) не было во владѣніи брата. Мать владѣла имъ пожизненно, по завѣщанію свекрови. Крестьяне-сосѣди звали ее «барыня изъ Яновщины». Это имѣніе нѣкогда было заложено, но выкуплено уже давно. Въ немъ, за надѣломъ крестьянъ, осталось на двѣ части около 700 десятинъ. Я удовольствовалась частью выкупной ссуды и живу въ Полтавѣ, близъ племянницы М. В. Рахубовской. Ея меньшой братъ, Ю. В. Быковъ, въ Петербургѣ служитъ въ лейбъ-казакахъ (въ лейбъ-атаманскомъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полку).

«Н. П. Трушковскій, сынъ старшей нашей сестры, Марьи Васильевны, умершей въ 1844 году, остался круглымъ сиротой съ одиннадцати лѣтъ; учился въ гимназіи, потомъ въ казанскомъ университетѣ, по факультету восточныхъ языковъ; кончилъ курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ кандидатомъ. Онъ занимался изданіемъ сочиненій покойнаго брата, но заболѣлъ и умеръ въ помѣшательствѣ. Я съ моею матерью ѣздила за нимъ въ Москву. Это была славная личность! Я его очень любила.

«Изъ сосѣдей, знакомыхъ брата, никого уже нѣтъ въ живыхъ. Въ деревнѣ Толстое, въ шести верстахъ отъ насъ, жили Черныши, которыхъ братъ любилъ. Особенно же былъ

друженъ съ дѣтства съ А. С. Данилевскимъ *). Не знаю, живъ ли послѣдній. Онъ ослѣпъ и жилъ въ сумскомъ уѣздѣ, у родныхъ жены; у нихъ было трое дѣтей. Пріѣзжая въ деревню лѣтомъ, въ послѣдніе четыре года, братъ прежнихъ знакомыхъ уже не нашелъ, а новыхъ знакомствъ не любилъ, радъ былъ, что наша деревня въ глуши, не на большой дорогѣ.

«Сестра Елизавета Васильевна вышла замужъ, какъ вы знаете, при братѣ; она овдовѣла, послѣ его смерти, черезъ десять лѣтъ; прожила вдовою еще четыре года и умерла, оставивъ пятерыхъ дѣтей. Теперь самому меньшему изъ нихъ, Ю. В. Быкову, 25 лѣтъ.

«Братъ никогда не любилъ говорить о своихъ сочиненіяхъ: даже намека о нихъ не допускалъ. Если, бывало, кто-нибудь заговоритъ о нихъ, онъ хмурился, перемѣнялъ разговоръ или уходилъ. Въ послѣднее время его письма были всегда грустныя и строгія, а прежде въ институтъ онъ намъ писалъ веселыя письма и часто шутилъ, особенно съ сестрою Ел. В. Быковой. Письма брата къ намъ, потомъ въ деревню, были наполнены наставленіями. Онъ боялся, чтобы мы не скучали,—весь день были бы въ занятіяхъ и болѣе дѣлали бы моціона; боялся, чтобы насъ не занимали наряды, и внушалъ намъ, что очень стыдно при комъ-нибудь говорить о нарядахъ.

«Сестра Ел. Вас. Быкова, въ 1862 году, была у насъ съ дѣтьми въ деревнѣ, когда ея мужъ, подполковникъ, командовавшій сапернымъ баталіономъ въ Тифлисѣ, былъ назначенъ на такую же должность въ Гури-Кальварію, близъ Варшавы, куда и уѣхалъ заготовлять квартиру, чтобы взять свою семью. Вдругъ получаемъ извѣстіе, что онъ умеръ... Бѣдная сестра чуть не потеряла разсудка! Я съ нею переѣхала въ Полтаву. Ея старшая десятилѣтняя дочь Марья Влад. (впослѣдствіи Рахубовская) поступила въ полтавскій институтъ. Черезъ четыре года, сестра Елис. Васильевна умерла. По ея смерти, я съ ея дѣтьми жила въ Полтавѣ.

«Еще о старой усадьбѣ. На мѣстѣ теперешняго нашего деревенскаго дома былъ другой; тамъ братъ провелъ дѣтство.

---

*) Имя жены А. С. Данилевскаго, Юліи, Улиньки, дало Гоголю, какъ слышно, мысль назвать героиню второй части «Мертвыхъ душъ» — Улинькою. *Г. Д.*

Его рисунокъ, работы брата, хранится у меня. Теперешній домъ, гдѣ вы когда-то были, я помню, долго стоялъ недостроенный. На немъ былъ мезонинъ, который потомъ сняли. На этомъ мезонинѣ одна комната была наскоро отдѣлана, для пріѣзда брата изъ Нѣжина, и я помню, что мы, сестры, дѣтьми ходили къ нему туда, по узенькой лѣсенкѣ.

«Изъ посаженныхъ братомъ деревьевъ въ обоихъ садахъ сохранилось нѣсколько клёновъ. Это было его любимое дерево. Дубки онъ садилъ желудями; они почти всѣ пропали. Я рѣдко ѣзжу въ деревню. Грустно видѣть разрушеніе. Новая усадьба племянника Николая иногда интересуетъ; но я ѣзжу туда только съ кѣмъ-нибудь; одной скучно и сорокъ верстъ отъ Полтавы.

«Братъ считалъ насъ двухъ сестеръ (Елизавету и Анну) своими воспитанницами, потому что самъ помѣстилъ насъ въ институтъ въ Петербургѣ. Онъ заставлялъ насъ переводить. Далъ мнѣ разъ нѣмецкую статью, гдѣ сравнивали брата съ Погодинымъ. И когда я затруднилась перевести фразу: «Pogodin ist ein umgekehrter Gogol», онъ посовѣтовалъ мнѣ перевести такъ: «Погодинъ—вывороченный Гоголь». При этомъ онъ старался насъ увѣрить, что наши переводы «очень нужны», самъ ихъ поправлялъ и давалъ намъ награды за нихъ. Бумаги брата, бывшія въ его чемоданѣ, пропали; цѣлъ одинъ чемоданъ».

Желательно было бы видѣть въ печати тѣ «веселыя» письма Гоголя къ его сестрамъ, о которыхъ упоминаетъ почтенная Анна Васильевна. То была лучшая, свѣтлая пора Гоголя, когда онъ писалъ С. Т. Аксакову: «О себѣ скажу вамъ, что моя природа совсѣмъ не мистическая». Живя лѣтомъ близъ Петербурга, на Поклонной горѣ, на дачѣ Гюнтера, и избѣгая журнальной среды, онъ писалъ друзьямъ, что журнальныя занятія «вывѣтриваютъ душу», и стремился къ родному югу, къ южной веснѣ. «Чтò это такое весна?—писалъ онъ тогда:—я ее не знаю, не помню! позабылъ совершенно, видѣлъ ли ее когда-нибудь?» Въ свѣтлые часы Гоголь любилъ шутить не только съ сестрами, но и съ друзьями, утѣшая ихъ, по-своему, въ ихъ жизненныхъ неудачахъ: «Это все дѣло нашего общаго пріятеля—чорта,—писалъ онъ друзьямъ: — бейте эту длиннохвостую скотину по мордѣ. Дайте грусти киселя, да еще съ пидплеснемъ...»

(т.-е. съ пришлёпкой). Невольно вспоминается чернильница, пущенная Лютеромъ въ бѣса. Пріятелямъ-сверстникамъ Гоголь щедро раздавалъ шутливые совѣты и прозвища, оставшіяся необъясненными въ изданныхъ его письмахъ: Барончикъ, Доримòнчикъ, Фонъ-Фòнтикъ, Купидончикъ, Хòпцики и пр. «О, моя юность! о, моя свѣжесть!»—восклицалъ впослѣдствіи великій писатель объ этой своей веселой и свѣтлой порѣ.

Анна Васильевна Гоголь обязательно прислала мнѣ также фотографію дома и части усадьбы села Васильевки, исполненную В. А. Волковымъ, имѣвшимъ недавно собственную фотографическую мастерскую въ Полтавѣ. При этой фотографіи она доставила мнѣ, по моей просьбѣ, и исполненный Н. В. Гоголемъ акварельный рисунокъ «стараго дома» Васильевки, гдѣ Гоголь провелъ свое дѣтство. Оба эти рисунка переданы мною редакціи «Историческаго Вѣстника».

Русскіе читатели, безъ сомнѣнія, съ особымъ удовольствіемъ узнáютъ изъ вышеприведенныхъ мною писемъ Анны Васильевны Гоголь, что внучка великаго нашего поэта, Пушкина, сочеталась бракомъ съ племянникомъ Гоголя, бывшаго нѣкогда въ искренней дружбѣ съ Пушкинымъ. Послѣдній, какъ извѣстно, еще при жизни, уже духовно сроднился съ Гоголемъ: онъ далъ ему сюжеты лучшихъ его произведеній—«Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».

1886 г.

СТОРІЯ О ГОСПОДѢ И О ЗЕМЛѢ.

(КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О ГОГОЛѢ.)

Осенью 1851 года Гоголь въ разговорѣ со мной въ Москвѣ о собираніи народныхъ малорусскихъ пѣсенъ, преданій и былинъ, спросилъ меня, слышалъ ли я когда-нибудь любопытную украинскую легенду о томъ, какъ Господь создалъ землю? На мой отвѣтъ, что этого мнѣ не удавалось слышать, онъ сказалъ: «Интересно было бы найти и записать эту легенду. Въ моей памяти осталось о ней кое-что, совершенно отрывочное и смутное; а надо думать, что у народа объ этомъ сохранилась цѣлая, своеобразная космическая поэма. И если теперь, когда забывается многое, слышанное отъ дѣдовъ, трудно найти эту легенду цѣликомъ, то хорошо было бы записать ее хотя бы по частямъ». — На мой вопросъ, что̀ же именно осталось у него въ памяти изъ этой легенды, Гоголь отвѣтилъ: «Не спрашивайте; такъ, какіе-то осколки, труха, безъ связи, начала и конца... Что̀-то тутъ, помню, продѣлывалъ сатана, былъ уличенъ, и только...»

Послѣ смерти Гоголя, я не разъ вспоминалъ о своемъ разговорѣ съ нимъ и, въ разъѣздахъ по Новороссіи и Малороссіи, тщетно допытывался о занимавшей его легендѣ. Тѣ, кого я о ней спрашивалъ, отзывались невѣдѣніемъ. И вотъ, однажды, совершенно случайно, мнѣ удалось услышать простодушный народный разсказъ не только о томъ, какъ Господь сотворилъ землю, но и какъ онъ потомъ, въ видѣ нищаго, ходилъ по ней, — спасать грѣшныхъ людей. Я тогда же записалъ и переслалъ слышанное М. А. Максимовичу, извѣстному собирателю украинскихъ преданій, вскорѣ потомъ, къ сожалѣнію, умершему. Что̀ сдѣлалъ послѣдній съ

моимъ разсказомъ и куда попали его бумаги,—между которыми могъ сохраниться и записанный мною разсказъ,—мнѣ неизвѣстно.

Перебирая недавно свои старые письменные матеріалы, я среди нихъ нашелъ черновой набросокъ слышанной мною легенды. Привожу его здѣсь въ томъ видѣ, какъ я тогда его записалъ.

...Это случилось въ половинѣ апрѣля, во время половодья, у Екатеринослава. Мнѣ пришлось долго ожидать переправы черезъ Днѣпръ. Былъ канунъ Пасхи, — вечеръ страстной субботы. Стояла бурная, студеная погода. Вздувшаяся рѣка несла бѣлогривыя, пѣнистыя волны. По небу стремительно бѣжали сѣрыя, разорванныя клочками, облака. Изрѣдка срывался дождь, косыми полосами застилая окрестности. Смеркалось.

Кучка перезябшаго народа, съ котомками и топорами, пробиравшагося на другой, едва видный въ туманѣ берегъ, сидѣла у лоцманскаго куреня. Иные, грѣясь у костра, толковали и спорили, будетъ ли еще къ ночи, съ той стороны, паровой баркасъ или на веслахъ паромъ; другіе молча и сумрачно глядѣли на рѣку, въ неоглядномъ разливѣ катившую опустѣлыя, хмурыя воды.

Высокій, сѣдой и загорѣлый, коротко-остриженный лоцманъ, съ длинными бѣлыми усами, въ высокихъ сапогахъ и въ накинутой на плечи короткой сермягѣ, расхаживалъ по берегу, то подкладывая щепокъ и хвороста въ костеръ, то ворча на волны, хлеставшія въ бока его сторожевой лодки, привязанной, у песчанаго берега, къ вербѣ.

— А что, паноче, не погрѣлись бы въ куренѣ?—сказалъ, подойдя ко мнѣ, съ иззябшимъ и намокшимъ лицомъ, лоцманъ:—переправы сегодня уже не будетъ.

Я вошелъ въ курень, гдѣ сохранялась моя ручная поклажа, улегся на соломѣ и, отъ сильной усталости, скоро заснулъ...

Долго ли я спалъ, не помню. Меня разбудили какіе-то голоса. Я прислушался. Подъ куренемъ снаружи разговаривали двое. Кто-то спрашивалъ; ему отвѣчалъ другой. Въ послѣднемъ я узналъ густой и басистый голосъ лоцмана. Приподнявшись на локтѣ, я взглянулъ въ отверстіе куреня. Буря смолкла; вѣтеръ затихъ. Ночь была на исходѣ. Про-

яснившееся небо сверкало тысячами звѣздъ. Съ вечера, — когда я заснулъ, — очевидно, изъ города приплывало что-нибудь сюда, такъ какъ ожидавшихъ переправы здѣсь уже не было видно. Берегъ опустѣлъ. Съ лоцманомъ, пустившимъ меня въ курень, разговаривалъ кто-то изъ подошедшихъ позже.

— Боже милостивый, Боже правый, — слышалось изъ-за куреня: — шестой десятокъ живу... день-денской ма́ешься, всѣ поженьки отобьешь; а пришелъ, вотъ и домъ, рукой, кажется, подать, въ церквахъ божіе служеніе, всякъ разговѣться поспѣшаетъ, а самъ когда попадешь? Ты говоришь — конь; былъ, да покрали. Ну, и ходи... И все вода, вода! гдѣ ея нужно людямъ, въ степи, тамъ нѣту, а тутъ—сущій потопъ.

— Изъ воды, дру́же, Господь и землю сотворилъ,—возразилъ голосъ лоцмана:—не будь воды, не было бы и земли!

— Ну?! — удивился путникъ: — какъ же такъ изъ воды? то вонъ что, жидкое, а то земля...

— А также... Про то люди старые знаютъ; есть такая сто̀рія.

— Какая же она такая сто̀рія?

— Про Господа и про землю.

— Разскажи, Андрій Петровичъ.

Лоцманъ помолчалъ.

— Прежде, споконъ вѣку, — сказалъ онъ: — вездѣ была одна, какъ есть, вода. Богъ леталъ надъ тою водою, а за нимъ его главный, вѣрный ангелъ. И сказалъ Господь ангелу: нырни на дно, захвати въ горсть илу; пора быть землѣ. Ангелъ нырнулъ, долго былъ подъ водою, а какъ выплылъ, едва переводитъ духъ; говоритъ: «не досталъ, Господи, дна; очень глубоко!»—«Нырни еще разъ!»—Опять нырнулъ ангелъ, былъ подъ водою еще долѣе, и досталъ илу. Началъ Богъ сѣять землю. Куда, на восходъ солнца, ни кинетъ,—тамъ становятся горы, долины, поля. Такъ онъ леталъ и сѣялъ; а на тѣхъ поляхъ, горахъ и долинахъ выростали травы, деревья и зацвѣли цвѣты. Богъ оглянулся и видитъ, у ангела распухла губа. — «Что̀ это у тебя?»— спрашиваетъ Богъ.—«Ошкрябну́лся, Господи, какъ нырялъ».— Стало благословиться на свѣтъ: взошло и покатилось по небу солнце. Былъ первый на свѣтѣ день. Оглянулся Богъ, передъ вечеромъ, и видитъ, ангелъ изъ-за губы тоже выни-

маетъ что́-то, кидаетъ на западъ солнца, и изъ того киданья также становятся долины, горы и поля, только безъ травы, безъ цвѣтовъ и деревьевъ, голыя, какъ въ позднюю осень, пустыя и точно проклятыя.—«Что̀ это ты дѣлаешь, позади меня?» — спросилъ Господь ангела. Тотъ молчитъ. — «Признайся, ты укралъ илу, утаилъ отъ меня?» — Ангелъ клянется, что не кралъ и не утаилъ.—«Ну, будь же ты,—сказалъ Господь:—не моимъ первымъ и вѣрнымъ ангеломъ, а сатаніиломъ, и чтобъ тебѣ, отъ сего часу, опочину не было, до конца вѣка и земли!» — Богъ полетѣлъ выше и дальше. на восходъ солнца, а сатана низомъ, на западъ. Отъ божьяго сѣянья стали добрые люди и зёмли, а отъ дьяволова—злые и всякая неправда и грѣхи. Съ тѣхъ поръ сатана, съ своими подпомощниками, больше и держится надъ водою, въ омутахъ, у мельницъ и у переправъ; водяные—то все его дѣти.

— А кто ихъ видѣлъ?—усомнился собесѣдникъ:—можетъ, оно и не такъ...

— Были такіе... Вотъ хоть бы мой батько,—царство ему небесное,—видѣлъ, да не одного, а двухъ водяныхъ, молодшаго и старшаго.

— Гдѣ онъ ихъ видѣлъ?

— То было давно. Батько тоже держалъ перевозъ, только не тутъ, а въ Никополѣ. Погода,—разсказываетъ, бывало,—стояла тогда еще хуже,— дождь и буря, да такая, что онъ черпалъ, черпалъ воду изъ челна, да и руки опустилъ. И вдругъ видитъ, передъ нимъ выросъ незнакомый, черномазый такой человѣкъ, не то мѣщанинъ изъ города, не то приказный фертикъ. Дождь сыпалъ, какъ изъ рѣшета, а тотъ черномазый подошелъ чистый и сухой, точно съ иголки снятый. — «Добрый вечеръ, старче, — говоритъ: — перевези, будь ласковъ, на ту сторону».—«Да какъ же везти,—отвѣтилъ батько: — въ такую темень, не то, что я, самъ чортъ тебя не переправитъ, не намочивъ хвоста».—Черный усмѣхнулся.—«Не бойся,—говоритъ,—со мною не замочишься!» — Батько видитъ, буря, дождь еще сильнѣе, а черный стоитъ сухой, какъ порохъ, сапоги такъ и блестятъ, и еще пыль съ нихъ палочкой онъ сбиваетъ. Перекрестился батько и сталъ развязывать лодку; возился, копался, никакъ не раскрутитъ узла. Оглянулся, а возлѣ него уже не одинъ, а двое; откуда-то взялся еще сивенькій дѣдокъ, весь въ тинѣ, съ зеленою бородою и кнутикомъ. — «О чемъ, спрашиваетъ, гол-

куешь, рыбаче?»—«Да вотъ, человѣкъ просится на тотъ бокъ; только боюсь, не скупаться бы въ такую бурю и тьму» — Дѣдокъ посмотрѣлъ на фертика, да какъ крикнетъ: «А? такъ это ты? шебарда — барда! а на свое мѣсто, — пьяницъ въ шинки таскать,—не знаешь?»—и ну его чесать кнутомъ по бокамъ... Черный въ воду, дѣдъ за нимъ, и побѣжали оба, въ перегонку, по Днѣпру, точно по полю... То и были водяные!.. Шебарда!.. Съ тѣхъ поръ и батьку такъ всѣ и прозвали шебардой.

— Такъ, выходитъ, — отозвался голосъ за куренемъ: — гдѣ сѣялъ сатана, тамъ уже только грѣшные люди и земли?

— Такъ оно было и долго, пока милосердый Господь опять спустился съ неба и сталъ нищимъ ходить по землѣ.

— Для чего нищимъ?

— Узнать, кто праведный, кто грѣшный, какъ люди живутъ и кому что воздать по дѣламъ.

— Разскажи на милость... Сколько живу, немало внукамъ разсказывалъ, а про такое, о, Господи, не доводилось слышать.

Лоцманъ всталъ, подложилъ щепокъ въ костеръ и опять сѣлъ.

— Ходилъ это Богъ, съ апостоломъ Петромъ, — сказалъ онъ: — оба пѣшіе, съ котомками и клюками, какъ старцы-нищуны. И пришли они разъ, противъ ночи, въ большое село. Видятъ, стоитъ новая, богатая хата. Петръ и говоритъ: — «Господи! мы въ конецъ изморились, — попросимся тутъ ночевать». — Богъ отвѣтилъ: «Богачъ даромъ не пуститъ, еще заставитъ утромъ молотить снопы». — «Такъ пойдемъ на постоялый».—«И туда не слѣдъ, — сказалъ Господь: — тамъ навѣрное много всякаго народа; кто-нибудь хмельной еще чоботомъ подъ лавку подопхнетъ». — Не послушался Петръ, пошелъ въ хату къ богатому. Тотъ говоритъ:—«Пока жены нѣту дома, заходите, ложитесь за печкой, въ углу; жена у меня бѣдовая, гуляетъ въ гостяхъ; а можетъ, какъ вернется, и не замѣтитъ». — Господь улегся за печкой, подальше къ стѣнѣ, а Петръ съ краю, кнаружи. Середь ночи возвратилась жена, да хмельная. Напустилась, съ пьяну, на мужа:—«Такой—сякой, пускаешь всякихъ бродягъ!»— Ухватила метлу и давай ею стегать по спинѣ праведнаго Петра. Умаялась, заснула. Лежитъ, охаетъ Петръ:— «Господи, когда бы уже скорѣе развѣло!» — Рано утромъ старцы встали, поблагодарили хозяина и ушли. Имъ на-

встрѣчу мужикъ изъ шинка, а изъ церкви попъ. — «Боже правый, — говоритъ мужикъ: — еле бреду, упился, хоть вались!» —А попъ говоритъ: — «Вотъ до бѣса было дѣтей въ церкви! руки отбилъ, ихъ причащаючи» — И сказалъ Богу Петръ: — «Такая-то правда на свѣтѣ; мужикъ пьянъ и поминаетъ Господа, а попъ, только-что причащалъ, поминаетъ бѣса!»—«Молчи,—сказалъ Господь:—не то еще услышишь и увидишь». — Ходили они цѣлый день, къ ночи зашли на хуторъ. Тамъ жила бѣдная вдова. Хатенка у нея такая, что ни стать, ни сѣсть; сама хозяйка хворая лежитъ, а дѣтей куча, да все маленькія, — ползаютъ, пищатъ вокругъ нея. Обрадовалась вдова гостямъ; встала черезъ силу, затопила печку, достала въ торбочкѣ послѣдней муки, наварила варениковъ, накормила гостей, чѣмъ Богъ послалъ, и уложила ихъ спать на палатяхъ, а сама съ дѣтьми легла на земь. подъ лавку. Отдохнули старцы, поблагодарили утромъ хозяйку и ушли. Идутъ полемъ. Смотритъ Петръ, надъ Богомъ летитъ бѣлое кудрявое облако,—то былъ съ крыльями серафимъ. И говоритъ Богъ серафиму:—«Лети вонъ на тотъ хуторъ, гдѣ мы ночевали,—тамъ живетъ праведная, убогая вдова; вынь изъ нея и принеси мнѣ ея душу!»—Серафимъ полетѣлъ и воротился одинъ.—«Не могу,—говоритъ, — Господи! рука не поднялась! жалко бѣдной вдовы; дѣти такъ пищатъ и ползаютъ вокругъ нея, что приступу нѣтъ! что̀ будетъ съ малыми дѣтьми, какъ возьмемъ у нея душу?» — «И правда, Господи,—сказалъ Петръ: — ка̀къ ее не пожалѣть! Она такъ ласково насъ приняла и накормила; дай ей, милостивый, пожить, хоть нѣсколько годковъ, пока дѣти подрастутъ!»—Господь отвѣтилъ:—«Слушай, Пѐтре! ты еще не все знаешь, не все видишь! Узнаешь и увидишь послѣ. А теперь иди вонъ въ тотъ лѣсъ; тамъ стоитъ хата — еще хуже, чѣмъ у той вдовы, — дырявая и нетопленная, — и въ ней живетъ такая старая ста̀рица, что отъ старости совсѣмъ поцвѣла и мохомъ поросла. Коли она согласится теперь же померетъ, дамъ той вдовѣ жизни, — она еще поживетъ на землѣ для своихъ дѣтей!» Отправился Петръ, нашелъ непокрытую дырявую хату и въ ней старуху. «Здорово, — говоритъ,—бабуся!»—«Здоровъ будь и ты!»—«Тяжко тебѣ, бабуся, жить тутъ одной?»—«Охъ, тяжко!»—«Такъ ты бы, бабуся, лучше померла!» «О-ге,—говоритъ старая: — умирай лучше ты самъ; только еще лѣто подошло, солнышко

пригрѣло, цвѣтики зацвѣли, а ты о смерти!» — Доложилъ Господу Петръ.—«Ну, теперь видишь?» — сказалъ Господь и велѣлъ серафиму летѣть ко вдовѣ. Тотъ махнулъ крыльями, зашумѣлъ, понесся, вынулъ и принесъ Богу душу вдовы.— «Пусти ее въ рай,—сказалъ Господь: — она лучшее мѣсто заслужила!» — И полетѣла праведная душа въ рай; малыя дѣти осиротѣли. Удивился Петръ и осмѣлился укорить Бога: — «Не по правдѣ, Господи, ты рѣшилъ!» — «Не по правдѣ?—спросилъ Господь:—хорошо же; пойдемъ на судъ къ тому, кто не покривитъ душой, къ праведному Семіону!»— А тотъ Семіонъ долго былъ судьей, состарился и сказалъ людямъ:—«Ни сильному, ни богатому я не угождалъ; а вы все думали, что я потакалъ зажиточнымъ, да своимъ. Хотите, чтобъ я васъ еще судилъ, выжгите мнѣ глаза!»—Люди подумали, потолковали и согласились. Ослѣпъ Семіонъ. Петръ взялъ серебряный дукатъ, а Богъ хлѣбъ, и пошли къ Семіону. Сидитъ слѣпецъ за столомъ и спрашиваетъ: — «Что̀ вамъ, добрые люди, надо?» — «Мы пришли къ тебѣ, — говоритъ Петръ: — разсуди наше дѣло!»—и подсунулъ слѣпому дукатъ. Семіонъ ощупалъ его и отодвинулъ по столу прочь. Богъ положилъ на столъ хлѣбъ; Семіонъ ощупалъ хлѣбъ, поцѣловалъ его, но тоже отодвинулъ. Поклонился Петръ и сталъ говорить, ка̀къ неправедно божій серафимъ вынулъ у бѣдной вдовы душу и ка̀къ осиротилъ неповинныхъ передъ Богомъ ея малыхъ дѣтей. Семіонъ выслушалъ, задумался и отвѣтилъ:—«Вы пришли ко мнѣ судиться?» — «Такъ, честный о̀тче!» — «Вы заспорили?» — «Заспорили». — «Ну, слушайте же, добрые люди; не нужно мнѣ ни вашего сребра, ни злата, ни всякаго явства; а скажу вамъ, по чистой, по правдѣ; у отца — матери, а особливо еще съ достаткомъ, дѣти выходятъ иной разъ—куда хуже злыхъ, ненасытныхъ псовъ,—лѣнтяи, негодники и моты, — а какъ сами станутъ трудиться, въ потѣ лица добывать божій хлѣбъ,—куда скудное сиротство бываетъ лучше богатаго родства!» — Богъ отвѣтилъ: «Праведно разсудилъ ты, Семіоне! и какъ судъ твой свѣтелъ, чтобъ и ты такъ же увидѣлъ свѣтъ!» — Семіонъ тѣмъ же часомъ прозрѣлъ. А когда, спустя сколько лѣтъ, Богъ и Петръ опять шли по землѣ и завернули въ большое село, на ярмарку, смотрятъ, имъ навстрѣчу ѣдетъ судія, съ нимъ полковникъ и богатый купецъ. Передъ церковью они снимаютъ шапки, Богу молятся, нищимъ мило-

стыню подаютъ.—«Угадай,—сказалъ Господь Петру: —что это за люди ѣдутъ?»—«Важные, видно, господа.»—«Важные? то дѣти-сироты убогой той вдовы,—сказалъ Господь:—тебѣ думалось, я ихъ за добро матери покаралъ, а видишь, стали на свои ноги, трудились и въ люди вышли... могъ ли я помиловать ихъ лучше?»

Лоцманъ замолчалъ. Не отзывался нѣкоторое время и его собесѣдникъ.

— Сторія опять-таки важная,—проговорилъ онъ:—только какъ же это? Милосердный Господь сотворилъ землю, небо и весь великій міръ... Зачѣмъ же ему было о людяхъ узнавать отъ другихъ? развѣ и такъ онъ не знаетъ всего?

Лоцманъ не отвѣтилъ. Съ рѣки, въ это мгновеніе, донесся странный звукъ, точно вдали, въ темнотѣ, кто звалъ на помощь и тихо стоналъ. У берега, какъ бы отъ проплывшей гдѣ-то лодки, плеснула волна.

— Чайки уже проснулись!—сказалъ, вслушавшись, лоцманъ:—завтра будетъ тихо и тепло... Ты говоришь, зачѣмъ? и я такъ бы думалъ, — а знающіе толкуютъ не то... На что батько былъ разумный, а разъ тоже, какъ и мы теперь, передъ самою свѣтлою заутреней,—сидитъ это на берегу и думаетъ, — люди по божьимъ храмамъ, скоро «Христосъ воскресе» запоютъ, понесутъ кресты и свѣчи вкругъ церквей,—а онъ одинъ, какъ перстъ... и вдругъ видитъ... Одначе, стой! что-то, и въ самомъ дѣлѣ, плыветъ... такъ и есть... почта!

Лоцманъ направился къ берегу. Въ тишинѣ ясно слышался мѣрный плескъ веселъ. Что-то темное близилось и надвигалось отъ рѣки. У песчаной отмели обрисовался бортъ казеннаго баркаса. На берегъ стали выгружать почтовые тюки.

— А кому ѣхать? садись!—послышался окликъ отъ рѣки.

Я взялъ свою поклажу, вышелъ изъ куреня, поблагодарилъ лоцмана за ночлегъ и, въ передразсвѣтныхъ сумеркахъ, поплылъ черезъ стихшую, плавно-колыхавшуюся рѣку.

Баркасъ чуть переваливался. На палубѣ стоялъ низенькій, бородатый дѣдъ, очевидно, собесѣдникъ лоцмана. Оперишсь на посохъ, онъ пристально вглядывался за рѣку и крестился. На противоположномъ, еще невидномъ въ туманѣ, берегу, вправо и влѣво по взгорью, двигались огоньки церковныхъ крестныхъ ходовъ. Благовѣстъ воскресной заутрени торжественно гудѣлъ и далеко разносился надъ городомъ и по рѣкѣ.

1883 г.

ПОѢЗДКА ВЪ ЯСНУЮ ПОЛЯНУ.

(Помѣстье графа Л. Н. Толстого.)

Изъ письма къ редактору: «Вы мнѣ предложили разсказъ для читателей «Историческаго Вѣстника» о моемъ недавнемъ посѣщеніи Ясной Поляны, помѣстья графа Л. Н. Толстого. Охотно беру изъ моей записной книжки, относительно этой поѣздки, то, что въ правѣ былъ бы, не нарушая чужой скромности, разсказать всякій, посѣтившій жилище знаменитаго отечественнаго писателя».

Это было минувшею осенью. Стояла теплая, тихая погода. Легкія бѣлыя облачка рѣдѣли и таяли надъ зелеными холмами, долинами и желтѣющими лѣсами крапивенскаго уѣзда, тульской губерніи. Солнце готовилось выглянуть. Былъ полдень 22 сентября.

Скорый поѣздъ курской дороги, не доѣзжая Тулы, остановился на двѣ минуты у станціи Ясеньки. Я вышелъ изъ вагона и пересѣлъ въ тарантасъ.

Каждый, кому дорого имя любимѣйшаго изъ русскихъ писателей, творца «Войны и мира» и «Анны Карениной», пойметъ, съ какимъ чувствомъ, получивъ на пути пригласительную телеграмму, я ѣхалъ навѣстить хозяина Ясной Поляны.

Иностранцы, въ особенности англичане, съ особенною любовью встрѣчаютъ въ печати описанія жилищъ и домашней обстановки своихъ писателей, художниковъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. Въ «Graphic», «Illustrated London News» и другихъ изданіяхъ давно помѣщены пре-

восходныя фотогравюры и описанія деревенскихъ жилищъ Теннисcона, Диккенса, Гладстона, Вальтеръ-Скотта, Коллинза и друг. Здѣсь изображены не только «рабочіе кабинеты», «пріемныя» и «столовыя» лучшихъ слугъ Англіи, но и мѣста ихъ обычныхъ сельскихъ прогулокъ, скамьи подъ любимыми деревьями, виды на поля и пруды и проч. Нельзя не пожалѣть, что наши художники еще не ознакомили русскаго общества съ видами помѣстьевъ Гоголя, Аксаковыхъ, кн. П. А. Вяземскаго, Островскаго, Хомякова, Григоровича, Фета, Л. Н. Толстого и другихъ. Это въ особенности приходитъ въ голову при посѣщеніи Ясной Поляны.

Ѣдучи въ это помѣстье, я невольно вспомнилъ и другое обстоятельство, а именно, тѣ странные и противорѣчивые толки и слухи, которые въ послѣднее время возникли о гр. Л. Н. Толстомъ, не только въ обществѣ, но и въ печати. Еще недавно, въ изданной весною 1884 г., въ пользу литературнаго фонда, перепискѣ Тургенева, всѣ съ недоумѣніемъ прочли трогательное, предсмертное письмо карандашемъ автора «Дворянскаго гнѣзда» къ графу Л. Н. Толстому. Умирающій Тургеневъ обращался къ послѣднему (въ іюнѣ 1883 года, изъ Буживàля) съ такими загадочными, послѣдними словами: «Милый и дорогой Левъ Николаевичъ! другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности!.. Другъ мой, великій писатель Русской земли, внемлите моей просьбѣ...» Разнообразные толки и пересуды о графѣ Л. Н. Толстомъ, какъ извѣстно, выросли, наконецъ, въ цѣлыя легенды. Иностранная печать подхватила эти толки и пошла еще далѣе. Въ одномъ изъ выпусковъ извѣстнаго парижскаго журнала «Le Livre» (№ 70, 1885 г., стр. 549) подъ заглавіемъ «Россія» явилось даже такое чудовищное извѣстіе: «Увѣряютъ, что графъ Левъ Николаевичъ Толстой постигнутъ умопомѣшательствомъ и что его должны подвергнуть заключенію». Въ этомъ извѣстіи удостовѣряется, между прочимъ, будто Л. Н. Толстой «бросилъ перо писателя, чтобы лично заняться усовершенствованіемъ обуви и одежды», и проч., и проч.

Намъ, русскимъ, не въ диковину подобныя разглашенія о людяхъ съ самостоятельнымъ, сильнымъ умомъ, переживающихъ душевную борьбу. «Милліонъ терзаній» Чацкаго кончился извѣстною сценою:

«Съ ума сошелъ?—А, знаю, помню,' слышалъ!
«Какъ мнѣ не знать? примѣрный случай вышелъ...

Схватили, въ желтый домъ и на цѣпь посадили!
— Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ...
— Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили!»

Помню, что подъ впечатлѣніемъ подобныхъ же ложныхъ толковъ я ѣхалъ когда-то съ покойнымъ О. М. Бодянскимъ впервые къ Гоголю. Объ этомъ свиданіи я разскажу въ другое время. Надо надѣяться, что извѣстный, острый эпизодъ съ отношеніями русской критики пятидесятыхъ годовъ къ Гоголю, по поводу его «Переписки съ друзьями», будетъ когда-нибудь за-ново пересмотрѣнъ и рѣшенъ другимъ, болѣе спокойнымъ и безпристрастнымъ составомъ «присяжныхъ» цѣнителей. Былыя разглашенія о Гоголѣ, какъ и о Чаадаевѣ, въ сущности та же трагикомедія Чацкаго. Неудивительно, что злые пересуды коснулись и современнаго намъ, своеобразнаго русскаго писателя.

Рѣзвыя, сытыя лошадки, погромыхивая бубенцàми, весело неслись съ холма на холмъ, между жнивьевъ и свѣжихъ озимей, по которымъ паслись овцы и скотъ.

— Что это за поселокъ? — спросилъ я на пути возницу.

— Кочакú.

— Помѣщичій?

— Купцы.

— А та, вонъ, вдали деревня, на взгорьѣ? чей домъ за лѣсомъ, съ зеленой крышей?

— Ясная Поляна... домъ графа Льва Николаевича.

Тарантасъ свернулъ съ шоссе, понесся большою дорогой.

Скажу нѣсколько словъ о моей первой встрѣчѣ съ графомъ Л. Н. Толстымъ. Я съ нимъ познакомился въ Петербургѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ семействѣ одного извѣстнаго скульптора-художника. Тогда авторъ «Севастопольскихъ разсказовъ» только-что пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ молодымъ и статнымъ артиллерійскимъ офицеромъ. Его очень схожій портретъ того времени помѣщенъ въ извѣстной фотографической группѣ Левицкаго, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ изображены Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій и Дружининъ. Графъ Л. Н. Толстой, какъ теперь помню, вошелъ тогда въ гостиную хозяйки дома, во время чтенія вслухъ новаго произведенія Герцена. Тихо ставъ за кресломъ чтеца и дождавшись конца чтенія, онъ

сперва мягко и сдержанно, а потомъ съ такою горячностью и смѣлостью напалъ на Герцена и на общее тогдашнее увлеченіе его сочиненіями и говорилъ съ такою искренностью и доказательностью, что въ этомъ семействѣ впослѣдствіи я уже не встрѣчалъ изданій Герцена. Надо вспомнить, что это сужденіе было сказано задолго до поры, когда русское общество, а подъ конецъ и самъ Герценъ— разочаровались во многомъ, чему тогда такъ отъ души поклонялись.

Припоминается мнѣ и другой случай разногласія графа Л. Н. Толстого съ признанными авторитетами былого времени, гдѣ онъ опять явился побѣдителемъ. Это было лѣтъ десять спустя.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, сперва въ отрывкахъ,— въ «Русскомъ Вѣстникѣ», — потомъ отдѣльнымъ полнымъ изданіемъ, вышелъ въ свѣтъ знаменитый романъ графа Л. Н. Толстого «Война и миръ». Вскорѣ затѣмъ въ «Военномъ Сборникѣ» явился разборъ этого произведенія А. С. Норова, подъ заглавіемъ: «Война и миръ, 1805—1812 гг., съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника». Пріѣхавъ съ юга въ Петербургъ, я осенью 1868 года навѣстилъ въ Павловскѣ А. С. Норова, при которомъ, незадолго передъ тѣмъ, я служилъ въ качествѣ его секретаря. Онъ прочелъ мнѣ свой отзывъ о романѣ графа Л. Н Толстого.

Увлеченный достоинствами романа, я съ досадою слушалъ разборъ А. С. Норова и спорилъ съ нимъ чуть не за каждое его замѣчаніе. На мои возраженія Норовъ отвѣчалъ одно: — «Я самъ былъ участникомъ Бородинской битвы и близкимъ очевидцемъ картинъ, такъ невѣрно изображенныхъ графомъ Толстымъ, и переубѣдить меня въ томъ, что̀ я доказываю. никто не въ силахъ. Оставшійся въ живыхъ, свидѣтель Отечественной войны, я безъ оскорбленнаго патріотическаго чувства не могъ дочитать этого романа, имѣющаго быть историческимъ». На это я отвѣтилъ Норову, что не всегда отдѣльные участники и очевидцы крупныхъ историческихъ событій передаютъ ихъ вѣрнѣе позднѣйшихъ изслѣдователей, хотя бы и романистовъ, получающихъ доступъ къ болѣе всестороннимъ и разнообразнымъ источникамъ, и что, между прочимъ, художественная правда произведенія графа Толстого вовсе не зависитъ только отъ

того, стояла ли именно такая-то колонна, во время описаннаго имъ боя, направо или налѣво отъ полководца, и проч., и проч.

Болѣе всего Норовъ нападалъ на одно мѣсто въ романѣ.

— Графъ Толстой,—говорилъ онъ мнѣ:— разсказываетъ, какъ князь Кутузовъ, принимая въ Царевѣ-Займищѣ армію, болѣе былъ занятъ чтеніемъ романа Жанлисъ—«Les chevaliers du Cygne», чѣмъ докладомъ дежурнаго генерала. И есть ли какое вѣроятіе, чтобы Кутузовъ, видя передъ собою всѣ арміи Наполеона и готовясь принять рѣшительный, ужасный съ нимъ бой, имѣлъ время не только читать романъ Жанлисъ, но и думать о немъ?

— Но что же тутъ невозможнаго? — возразилъ я критику: — быть-можетъ, это былъ расчетъ со стороны Кутузова, чтобы видимымъ своимъ спокойствіемъ ободрить окружающихъ. Да, притомъ, такъ свойственно всякому человѣку стремленіе, подчасъ, чѣмъ-либо совершенно постороннимъ, чтеніемъ книги или неидущимъ къ дѣлу разговоромъ, успокоить потрясенныя свои чувства и, черезъ это внѣшнее отвлеченіе, хотя бы на мигъ оторваться отъ тяжелой и роковой дѣйствительности.

Я приводилъ Норову примѣры изъ жизни великихъ людей: Цезаря, Петра I, Александра Македонскаго и друг. При этомъ я ему напомнилъ, что Александръ Македонскій въ персидскомъ походѣ не разставался съ Гомеромъ и, среди столкновеній съ азіатскими кочевниками, переписывался съ своими друзьями въ Греціи, прося ихъ о высылкѣ ему произведеній греческихъ драматурговъ. Наконецъ, указывая Норову на описанія послѣднихъ дней приговоренныхъ къ смертной казни, я просилъ его вспомнить, что иные изъ нихъ, за нѣсколько часовъ до неминуемой смерти, искали бесѣды съ тюремщиками о театрѣ и другихъ новостяхъ дня или съ увлеченіемъ читали своихъ любимыхъ поэтовъ.

— Все это такъ, мой милый, все это могло случиться, но съ другими людьми и въ иныя времена!—возражалъ мнѣ Норовъ:—мы же въ двѣнадцатомъ году не были искателями приключеній, въ родѣ Цезаря или македонскаго героя, а тѣмъ паче производителями пышныхъ, шарлатанскихъ эффектовъ, на подобіе гильотинированныхъ во время французской революціи клубистовъ. До Бородина, подъ Бородиномъ и послѣ него, мы всѣ, отъ Кутузова до послѣдняго

подпоручика артиллеріи, какимъ былъ я. горѣли однимъ высокимъ и священнымъ огнемъ любви къ отечеству и, вопреки графу Льву Толстому, смотрѣли на свое призваніе, какъ на нѣкое священнодѣйствіе. И я не знаю какъ посмотрѣли бы товарищи на того изъ насъ, кто бы въ числѣ своихъ вещей дерзнулъ тогда имѣть книгу для легкаго чтенія, да еще французскую, въ родѣ романовъ Жанлисъ.

А. С. Норовъ, черезъ два мѣсяца послѣ напечатанія своего отзыва о романѣ гр. Толстого, скончался. Въ январѣ 1869 года, послѣ его похоронъ, мнѣ было поручено составить для одной газеты его некрологъ. Каково же было мое удивленіе, когда, собирая источники для некролога, я въ семействѣ В. П. Поливанова, родного племянника покойнаго, случайно увидѣлъ крошечную книжку изъ библіотеки Норова «Похожденія Родерика Рандома» («Aventures de Roderik Random, 1784») и на ея внутренней оберткѣ прочелъ слѣдующую, собственноручную надпись А. С. Норова: «Читалъ въ Москвѣ, раненый и взятый въ плѣнъ французами, въ сентябрѣ 1812 г.» («Lu à Moskou, blessé et fait prisonnier de guerre chez les français, au mois de septembre, 1812»).

То, что было съ подпоручикомъ артиллеріи въ сентябрѣ 1812 года, забылось черезъ сорокъ-шесть лѣтъ престарѣлымъ сановникомъ, въ сентябрѣ 1868 года, такъ какъ не подходило подъ понятіе, невольно составленное имъ, съ теченіемъ времени, о временахъ двѣнадцатаго года. Нельзя, разумѣется, утверждать, что романъ о Родерикѣ-Рандомѣ Норовъ держалъ подъ подушкой у Царёва-Займища, гдѣ Кутузовъ читалъ романъ Жанлисъ. Но нельзя отвергать и предположенія, что Норовъ могъ читать романъ о Рандомѣ даже подъ самымъ Бородинымъ, какъ впослѣдствіи раненый онъ дочиталъ его, во время занятія Москвы французами, въ голицынской больницѣ, изъ оконъ которой онъ, по его же словамъ, съ такимъ искреннимъ презрѣніемъ смотрѣлъ потомъ воочію на уходившаго изъ Москвы Наполеона.

Это обстоятельство я тогда же подробно записалъ и сообщилъ графу Л. Н. Толстому.

Тарантасъ, миновавъ поселокъ Ясной Поляны, повернулъ между двухъ кирпичныхъ сторожевыхъ башенокъ влѣво и въѣхалъ въ широкую аллею изъ красивыхъ развѣсистыхъ

березъ. На взгорьѣ, въ концѣ аллеи, обрисовалась графская усадьба.

Каменный въ два этажа яснополянскій домъ, въ которомъ теперь графъ Л. Н. Толстой живетъ почти безвыѣздно уже около двадцати-пяти лѣтъ (съ 1861 г.), передѣланъ имъ изъ отцовскаго флигеля. Большой же отцовскій домъ, въ которомъ родился авторъ «Войны и мира» (въ 1828 г.), былъ имъ сломанъ. Мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ старый домъ, лѣвѣе и невдали отъ новаго. Оно заросло липами, обозначаясь въ ихъ гущинѣ остаткомъ нѣсколькихъ камней былого фундамента. Здѣсь подъ липами стоятъ простыя скамьи и столъ, за которыми въ лѣтнее время семья графа собирается къ обѣду и чаю. Колоколъ, прицѣпленный къ стволу стараго вяза, созываетъ сюда, подъ липы, изъ дома и сада, членовъ графской семьи.

У этого вяза обыкновенно, между прочимъ, собираются яснополянскіе и другіе окрестные жители, имѣющіе надобность переговорить съ графомъ о своихъ деревенскихъ нуждахъ. Онъ выходитъ сюда и охотно бесѣдуетъ съ ними, помогая имъ словомъ и дѣломъ. Не всѣ, однако, сосѣди умѣютъ, какъ слышно, цѣнить вниманіе и щедрость графа. Онъ вдали отъ своего двора, лѣтъ пятнадцать назадъ, посадилъ цѣлую рощицу молодыхъ елокъ. Елки поднялись почти въ два человѣческихъ роста и немало утѣшали своего насадителя. Недавно графъ вздумалъ пройти въ поле, полюбоваться елками, и возвратился оттуда сильно огорченный: болѣе десятка его любимыхъ, красивыхъ елокъ оказались безжалостно вырубленными подъ корень и увезенными изъ рощи. Онъ досадовалъ и на происшествіе, и на свое неудовольствіе. — «Опять вернулось мое былое, старое чувство, досада за такую потерю!» — говорилъ онъ и, узнавъ, что, по домашнимъ развѣдкамъ, виновникомъ дѣла оказался домашній воръ, тайно свезшій елки, подъ праздникъ, въ городъ,—просилъ объ одномъ, чтобы этотъ случай не былъ доведенъ до свѣдѣнія графини—его жены.

Тарантасъ, обогнувъ лѣвый уголъ дома, остановился у небольшого крыльца, ведущаго въ сѣни нижняго этажа. Не успѣлъ я здѣсь, внизу, войти въ переднюю, въ нее отворилась дверь изъ смежнаго графскаго кабинета, и на ея порогѣ показался графъ Левъ Николаевичъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ.

Давно не видя графа, я, тѣмъ не менѣе, сразу узналъ его—по живымъ, ласково-задумчивымъ глазамъ и по всей его сильной и своеобразной фигурѣ, такъ художественно-схоже изображенной на извѣстномъ портретѣ Ив. Н. Крамского. Помню, какъ на парижской всемірной выставкѣ, восемь лѣтъ назадъ, въ отдѣлѣ русской живописи, всѣ любовались этимъ портретомъ, гдѣ графъ Л. Н. Толстой написанъ съ длинною темнорусою бородой и въ темной, суконной рабочей блузѣ. Съ такою же бородой и въ такой же точно блузѣ я увидѣлъ графа и теперь. Ему въ настоящее время пятьдесятъ-семь лѣтъ, но никто, несмотря на сѣдину, проступившую въ его окладистой, красивой бородѣ, не далъ бы ему этихъ годовъ. Лицо графа свѣжо; его движенія и походка живы, голосъ и рѣчь звучатъ юношескимъ жаромъ.

При входѣ въ яснополянскій домъ, невольно вспоминаются всѣмъ извѣстныя картины «Дѣтства» и «Отрочества» его владѣльца: его покойная мать, въ голубой косыночкѣ; жившій здѣсь когда-то его учитель Карлъ Ивановичъ, съ хлопушкой на мухъ; дворецкій Ѳока, ключница Наталья Саввишна и ея сундуки, съ картинками внутри крышекъ; дядька Николай, съ сапожною колодкой; учительница музыки Мими́, и юродивый Гриша, за ночною трогательною молитвой котораго дѣти, съ испугомъ и умиленіемъ, однажды наблюдали изъ темнаго чулана.

Графъ провелъ меня, черезъ переднюю часть своего кабинета, за перегородку изъ книжныхъ шкаповъ. Мы сѣли у его рабочаго стола,—онъ на своемъ обычномъ рабочемъ креслѣ, я — на другомъ креслѣ, противъ него, за столомъ, оба закурили папиросы и стали бесѣдовать.

Опишу вкратцѣ кабинетъ графа.

Это—свѣтлая, высокая и скромно убранная комната, аршинъ 12 длины и около 6-ти аршинъ ширины. Два большихъ книжныхъ шкапа, изъ лакированной, бѣлой березы, раздѣляютъ эту комнату пополамъ—на нѣчто въ родѣ пріемной и уборной графа и на его рабочій кабинетъ. Окна и стеклянная дверь этой комнаты выходятъ на невысокое садовое, покрытое каменными плитами, крыльцо. Мебель въ обѣихъ половинахъ—старинная и, очевидно, не только отцовская, но и дѣдовская.

Въ пріемной—мягкій, широкій и длинный диванъ, покры-

тый зеленою клеенкой, съ зеленою сафьянною подушкой. Передъ диваномъ—круглый столъ, съ грудою разбросанныхъ на немъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ книгъ. У стола и возлѣ стѣнъ—съ полдюжины креселъ. На этажеркѣ—опять книги. Между дверью въ садъ и окномъ—умывальный столъ. Вправо отъ окна, въ углу, березовый комодъ, съ зеркаломъ. Надъ нимъ—оленьи рога, съ брошеннымъ на нихъ полотенцемъ. На заднихъ стѣнахъ книжныхъ шкаповъ висятъ разныя вещи—верхнее платье, коса для кошенія травы и круглая мягкая шляпа графа. Въ углу, за этажеркой, нѣсколько простыхъ, необдѣланныхъ, съ суковатыми ручками, палокъ для прогулки. Стѣна надъ диваномъ увѣшана коллекціей гравированныхъ, фотографическихъ и акварельныхъ портретовъ родныхъ и знакомыхъ графа,—его жены, отца, братьевъ, старшей дочери и друзей. Между послѣдними—фотографическая группа Левицкаго, съ портретами Григоровича, Островскаго и др., и отдѣльные портреты Шопенгауэра, А. А. Фета, Н. Н. Страхова и другихъ. Въ стѣнной нишѣ—гипсовый бюстъ покойнаго старшаго брата графа, Николая. На окнѣ разбросаны сапожные инструменты; подъ окномъ—простой, деревянный ящикъ, съ принадлежностями сапожнаго мастерства,—колодками, обрѣзками кожи и проч.

Въ рабочемъ кабинетѣ, за перегородкою, направо—у другого окна въ садъ, письменный столъ графа, налѣво—желѣзная кровать съ постелью для гостей. Полки березовыхъ шкаповъ, съ стеклянными дверцами, обращенныя въ эту часть комнаты, снизу до верху уставлены старыми и новѣйшими, иностранными и русскими, изданіями. За рабочимъ кресломъ графа, въ большой стѣнной нишѣ—открытыя полки, съ подручными книгами, справочниками, словарями, указателями и проч. Остальныя свободныя стѣны этой части комнаты также заняты полками съ книгами. Здѣсь, какъ и въ шкапахъ и въ нишѣ, виднѣются,—въ старинныхъ и новыхъ переплетахъ и безъ переплетовъ,—изданія сочиненій Спинозы, Вольтера, Гёте, Шлегеля, Руссо, почти всѣхъ русскихъ писателей, затѣмъ—Ауэрбаха, Шекспира, Бенжамена-Констана, Де-Сисмонди, Іоанна Златоуста и другихъ, иностранныхъ и русскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ мыслителей. Житія святыхъ, «Четьи-Минеи», «Пролога»,—переводъ на русскій языкъ «Пятикнижія» Мандельштама, еврейскіе подлинники «Ветхаго Завѣта» и греческіе тексты

«Евангелія»,—«Мировоззрѣніе талмудистовъ» съ нѣмецкими французскими и англійскими комментаріями,—уставлены на полкахъ, рядомъ съ извѣстными русскими проповѣдниками и русскими и иностранными, духовно-нравственными, дешевыми изданіями для народа *).

Простой письменный столъ графа, аршина въ два длины и въ аршинъ ширины, покрытый зеленымъ сукномъ и обведенный съ трехъ сторонъ небольшою рѣшеткой, извѣстенъ обществу по новѣйшему, прекрасному портрету графа, работы профессора Н. Н. Ге. На этомъ портретѣ, бывшемъ на передвижной выставкѣ, графъ изображенъ пишущимъ за этимъ именно столомъ. Справа и слѣва чернильницы разбросаны рукописи, книги и брошюры. Здѣсь лежатъ — «Новый Завѣтъ» въ греческомъ переводѣ Тишендорфа и новѣйшее изданіе еврейскаго подлинника библіи. На окнѣ—нѣсколько портфелей, съ рукописями, и опять книги.

Верхъ окна прикрытъ зеленою шерстяною занавѣской. Передъ окномъ—лужайка, съ клумбами еще свѣжихъ, нетронутыхъ морозомъ цвѣтовъ. За цвѣтникомъ — столбъ, съ веревками, для такъ называемой игры «гигантскіе шаги». Кучка яснополянскихъ ребятишекъ, свободно проникая въ садъ, бѣгаетъ въ эту минуту у названнаго столба.

Изъ окна—видъ на садъ, спускающійся къ пруду, и на живописныя окрестности. Вправо изъ окна виднѣются вершины густой березовой аллеи, по которой дорога поднимается къ дому. Влѣво — аллея изъ старыхъ, громадныхъ липъ. Прямо—просторный, гладкій скатъ къ пруду, у котораго красиво зеленѣетъ нѣсколько высокихъ, живописно-разбросанныхъ елей. Между липовою и березовою аллеями, за низиной, въ которой прячется прудъ, видъ на шоссе, на дальнія поля, холмы и голубоватые лѣса, а между холмами и лѣсами — на полосу желѣзной дороги, по которой время отъ времени извивается дымъ и проносятся московско-курскіе поѣзда.

У этого окна, въ дѣдовскомъ креслѣ, работы XVIII-го вѣка, съ узенькими, ничѣмъ не обитыми подлокотниками и

*) Въ числѣ послѣднихъ виднѣются на полкахъ: «Progress and poverty, by Henry George» (1884); „God and the Bible, ly Matthew Arnold» (1885 г.), „Israel Sack» (1885 г.): «A discourse of matters, partaining to religion, by Theodore Parker» (1875 г.); „The twenty essays of Ralph W. Emersen» (1877 г.); «Litterature and Dorma, an essay towards a better apprehension of the Bible, by M. Arnold» (1877 г.) и др.

съ потертою, зеленою, клеенчатою подушкой, графъ Л. Н. Толстой писалъ свои знаменитыя произведенія. Здѣсь, на этомъ простомъ столѣ, днемъ, поглядывая на синѣющую даль, а вечеромъ и ночью — при свѣчахъ, въ старинныхъ, бронзовыхъ подсвѣчникахъ, — онъ писалъ исторію Наташи Ростовой, Андрея Болконскаго и Пьера Безухаго. Здѣсь же онъ разсказывалъ поэму любви Китти Щербацкой и Левина, рисовалъ образы Вронскаго и Стивы Облонскаго, набрасывалъ очерки лошади Фру-фру и собаки Ласки и съ такою глубиною разсказалъ полную трагизма судьбу Анны Карениной.

Бесѣду съ графомъ о прошломъ и настоящемъ прерываетъ, вбѣгая, красивая, рыжая, лягавая собака. Она ложится у ногъ хозяина.

— Это не Ласка?—спрашиваю я, вспоминая Анну Каренину.

— Нѣтъ, та пропала; эта охотится съ моимъ старшимъ сыномъ.

— А вы сами охотитесь?

— Давно бросилъ, хотя хожу по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ каждый день... Какое наслажденіе отдыхать отъ умственныхъ занятій за простымъ физическимъ трудомъ! Я ежедневно, смотря по времени года, копаю землю, рублю или пилю дрова, работаю косою, рубанкомъ или инымъ инструментомъ.

Я вспомнилъ о ящикѣ съ сапожными колодками, подъ окномъ пріемной графа.

— А работа съ сохой!—продолжалъ графъ:—вы не повѣрите, что за удовольствіе пахàть! Не тяжкій искусъ, какъ многимъ кажется,—чистое наслажденіе! Идешь, поднимая и направляя соху, и не замѣтишь, какъ ушелъ часъ, другой и третій. Кровь весело переливается въ жилахъ, голова свѣтла, ногъ подъ собой не чуешь; а аппетитъ потомъ, а сонъ? — Если вы не устали, не хотите ли пока, до обѣда, прогуляться, поискать грибовъ? Недавно здѣсь перепали дожди: должны быть хорошіе бѣлые грибы.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я.

Графъ надѣлъ свою круглую мягкую шляпу и взялъ лукошко; я тоже надѣлъ шляпу и выбралъ одну изъ палокъ за этажеркой. Мы, безъ пальто, вышли съ передняго крыльца, невдали отъ котораго, у воротъ на черный дворъ, стоялъ станокъ для гимнастики.

— Это также для васъ? — спросилъ я графа, указывая на станокъ.

— Нѣтъ, это для младшихъ моихъ дѣтей; у меня здѣсь другія упражненія, — отвѣтилъ онъ, поглядывая за ворота, гдѣ виднѣлась груда свѣже-нарубленныхъ дровъ.

Не удивительно, что, при постоянномъ физическомъ трудѣ, графъ такъ сохранилъ свое здоровье. Этому, въ значительной степени, помогло и то обстоятельство, что бо́льшую часть своей жизни Л. Н. Толстой провелъ въ деревнѣ. Лишившись въ ранніе годы матери, урожденной княжны Волконской, онъ 9 лѣтъ отъ роду, въ 1837 году, былъ увезенъ въ Москву, въ домъ бабки, потомъ опять жилъ въ деревнѣ, въ 1840 году поступилъ въ казанскій университетъ, гдѣ былъ по восточному, затѣмъ по юридическому факультету, съ 1851 по 1855 годъ провелъ въ военной службѣ на Кавказѣ, на Дунаѣ и въ Севастополѣ, и съ 1861 года почти безвыѣздно живетъ въ Ясной Полянѣ. Изъ 57 лѣтъ онъ, слѣдовательно, болѣе 35 лѣтъ провелъ въ деревнѣ.

Пройдя черезъ смежный съ усадьбой, молодой плодовый садъ, насаженный графомъ, мы вышли въ поле и направились въ ближній лѣсъ. Отъ этого лѣса, за небольшимъ ручьемъ, виднѣлись другіе лѣски и поляны. Отъ одной лѣсной чащи, то взгорьемъ, то долинкой, мы переходили къ другой, останавливаясь и разговаривая. Солнце выглянуло и опять спряталось за легкія, пушистыя облачка. Свѣжій воздухъ былъ напоенъ лиственнымъ, влажнымъ запахомъ. Золотившійся листъ медленно сыпался съ деревьевъ. Ни одна вѣтка не шелохнулась въ безвѣтренной тишинѣ.

Я шелъ рядомъ съ графомъ, любуясь его легкою походкой, живостью его рѣчи и простотою и прелестью всей его такъ сохранившейся, могучей природы. — «Боже мой, — думалъ я, глядя на него и слушая его, — его прославили потеряннымъ для искусства, мрачнымъ, сухимъ отшельникомъ и мистикомъ... Посмотрѣли бы на этого мистика!»

Графъ съ сочувствіемъ говорилъ объ искусствѣ, о родной литературѣ и ея лучшихъ представителяхъ. Онъ горячо соболѣзновалъ о смерти Тургенева, Мельникова-Печерскаго и Достоевскаго. Говоря о чуткой, любящей душѣ Тургенева, онъ сердечно сожалѣлъ, что этому, преданному Россіи, высоко-художественному писателю пришлось лучшіе годы зрѣлаго творчества прожить внѣ отечества, вдали отъ искреннихъ друзей и лишенному радостей родной, любящей семьи.

— Это былъ независимый, до конца жизни, пытливый

умъ,—выразился графъ Л. Н. Толстой о Тургеневѣ:—и я, несмотря на нашу когда-то мимолетную размолвку, всегда высоко чтилъ его и горячо любилъ. Это былъ истинный, самостоятельный художникъ, не унижавшійся до сознательнаго служенія мимолетнымъ потребамъ минуты. Онъ могъ заблуждаться, но и самыя его заблужденія были искренни.

Наиболѣе сочувственно графъ отозвался о Достоевскомъ, признавая въ немъ, какъ въ художникѣ-писателѣ, неподражаемаго психолога сердцевѣда и вполнѣ независимаго писателя, самостоятельныхъ убѣжденій которому долго не прощали въ нѣкоторыхъ слояхъ литературы, подобно тому, какъ одинъ нѣмецъ, по словамъ Карлейля, не могъ простить солнцу того обстоятельства, что отъ него, въ любой моментъ, нельзя закурить сигару.

Коснувшись Гоголя, котораго Л. Н. въ своей жизни никогда не видѣлъ, и нынѣ живущихъ писателей, Гончарова, Григоровича и болѣе молодыхъ, графъ заговорилъ о литературѣ для народа.

— Болѣе тридцати лѣтъ назадъ,—сказалъ Л. Н.:—когда нѣкоторые нынѣшніе писатели, въ томъ числѣ и я, начинали только работать,—въ стомилліонномъ русскомъ государствѣ грамотные считались десятками тысячъ; теперь, послѣ размноженія сельскихъ и городскихъ школъ, они, по всей вѣроятности, считаются милліонами. И эти милліоны русскихъ грамотныхъ стоятъ передъ нами, какъ голодные галчата, съ раскрытыми ртами, и говорятъ намъ: господа, родные писатели, бросьте намъ въ эти рты достойной васъ и насъ умственной пищи; пишите для насъ, жаждущихъ живого, литературнаго слова; избавьте насъ отъ все тѣхъ же лубочныхъ Еруслановъ Лазаревичей, Милордовъ Георговъ и прочей рыночной пищи. Простой и честный русскій народъ стòитъ того, чтобы мы отвѣтили на призывъ его доброй и правдивой души. Я объ этомъ много думалъ и рѣшился, по мѣрѣ силъ, попытаться на этомъ поприщѣ.

. . . .

Мы стали возвращаться изъ лѣса, гдѣ графъ разсчитывалъ найти много хорошихъ бѣлыхъ грибовъ и гдѣ они уже отошли.

— Какъ тепло и какъ пахнетъ листвòй — сказалъ онъ, подходя къ ветхому, полуразрушенному мостику черезъ узкій ручей:—удивительная сила непосредственныхъ впечатлѣній отъ природы. И какъ я люблю и цѣню художниковъ, чер-

пающихъ все свое вдохновенie изъ этого могучаго и вѣчнаго источника! Въ немъ единая сила и правда.

При этихъ словахъ графа, я вспомнилъ его разсказъ «Севастополь въ маѣ 1855 г.» — «Герой моей повѣсти, — сказалъ въ заключенie этого разсказа Л. Н., — котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—*правда*».

Мы разговорились о различныхъ художественныхъ прieмахъ въ литературѣ, живописи и музыкѣ.

— Недавно мнѣ привелось прочесть одну книгу,—сказалъ, между прочимъ, графъ Л. Н., останавливаясь передъ бревнышками, перекинутыми черезъ ручей:—это были стихотворенiя одного умершаго, молодого испанскаго поэта. Кромѣ замѣчательнаго дарованiя этого писателя, меня заняло его жизнеописанie. Его бiографъ приводитъ разсказъ о немъ старухи, его няни. Она, между прочимъ, съ тревогой замѣтила, что ея питомецъ нерѣдко проводилъ ночи безъ сна, вздыхалъ, произносилъ вслухъ какiя-то слова, уходилъ при мѣсяцѣ въ поле, къ деревьямъ, и тамъ оставался по цѣлымъ часамъ. Однажды, ночью, ей даже показалось, что онъ сошелъ съ ума. Молодой человѣкъ всталъ, прiодѣлся впотьмахъ и пошелъ къ ближнему колодцу. Няня за нимъ. Видитъ, что онъ вытащилъ ведромъ воды и сталъ ее понемногу выливать на землю, вылилъ, снова зачерпнулъ и опять сталъ выливать. Няня въ слезы: «спятилъ, малый, съ ума». А молодой человѣкъ это продѣлывалъ, съ цѣлью — ближе видѣть и слышать, какъ въ тихую ночь, при лунномъ сiянiи, льются и плещутся струйки воды. Это ему было нужно для его новаго стихотворенiя. Онъ въ этомъ случаѣ провѣрялъ свою память и заронившiяся въ нее поэтическiя впечатлѣнiя — тою же природой, какъ живописцы, въ извѣстныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ пособiю натурщиковъ, которыхъ они ставятъ въ нужныя положенiя и одѣваютъ въ необходимыя одежды. Читая своихъ и чужихъ писателей, я невольно чувствую, кто изъ нихъ вѣренъ природѣ и взятой имъ задачѣ, и кто фальшивитъ. Иного моднаго и расхваленнаго, особенно изъ иностранныхъ, не одолѣешь, съ первой страницы, какъ ни усиливаешься. Даже угроза тѣлеснымъ наказанieмъ, кажется, не могла бы заставить меня прочесть иного автора...

Въ одной изъ критическихъ статей Н. Н. Страхова о «Войнѣ и мірѣ» говорится, что если Достоевскій былъ психологъ-идеалистъ, то графа Л. Толстого слѣдуетъ назвать психологомъ-реалистомъ. «Война и миръ», по выраженію почтеннаго критика, «подымается до высочайшихъ вершинъ человѣческихъ мыслей и чувствъ, до вершинъ обыкновенно недоступныхъ людямъ. Графъ Л. Толстой — поэтъ, въ старинномъ и наилучшемъ смыслѣ слова. Онъ прозрѣваетъ и открываетъ намъ сокровеннѣйшія тайны жизни и смерти. Его идеалъ—въ простотѣ, добрѣ и правдѣ. Онъ самъ говоритъ: нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды. — Голосъ за простое и доброе противъ ложнаго и хищнаго—вотъ существенный, главнѣйшій смыслъ «Войны и мира». — Кто умѣетъ цѣнить высокія и строгія радости духа, кто благоговѣетъ передъ геніальностью и любитъ освѣжать и укрѣплять свою душу созерцаніемъ ея произведеній, тотъ пусть порадуется, что живетъ въ настоящее время».

Бесѣдующій съ графомъ Л. Н. Толстымъ объ искусствѣ невольно вспоминаетъ эти выраженія его лучшаго истолкователя.

Мы приблизились обратно къ усадьбѣ, мимо молодыхъ, собственноручныхъ насажденій графа. Красивыя, свѣжія деревца яблонь и грушъ, съ круглыми, сильными кронами вѣтвей, стояли въ шахматномъ порядкѣ на обширной плантаціи, невдали отъ усадьбы. Крестьянскія дѣвочки, съ серпами въ рукахъ, копались надъ чѣмъ-то въ бурьянѣ, у сосѣднихъ хлѣбныхъ скирдъ. Графъ разговорился съ ними, называя каждую по имени.

— Знаете ли, что́ онѣ дѣлаютъ?—спросилъ онъ:—жнутъ крапиву, для обставки на зиму стволовъ плодовыхъ деревьевъ; это лучшее средство противъ зайцевъ и мышей, которые не любятъ крапивы и бѣгутъ даже отъ ея запаха.

Вотъ и домъ. Я взглянулъ на часы. Мы провели въ прогулкѣ около трехъ съ половиною часовъ и прошли пѣшкомъ не менѣе шести-семи верстъ. Графъ, послѣ такого движенія, смотрѣлъ еще болѣе молодцомъ и, казалось, былъ готовъ идти далѣе. Но былъ уже шестой часъ: жена графа, Софья Андреевна, возвратилась изъ Тулы, куда возила на почту просмотрѣнныя графомъ и ею корректуры новаго полнаго собранія его сочиненій, и насъ ждали обѣдать.

— Вы не устали?—спросилъ Л. Н., весело посматривая

на меня и бодро всходя, по внутренней лѣстницѣ, въ верхній этажъ своего дома: — для меня ежедневное движеніе и тѣлесныя работы необходимы, какъ воздухъ. Лѣтомъ въ деревнѣ, на этотъ счетъ, приволье; я пашу землю, кошу траву; осенью, въ дождливое время, — бѣда. Въ деревняхъ нѣтъ троттуаровъ и мостовыхъ, — въ непогоду я крою и тачаю сапоги. Въ городѣ тоже одно гулянье надоѣдаетъ; — пахать и косить тамъ негдѣ,—я пилю и рублю дрова. При усидчивой, умственной работѣ, безъ движенія и тѣлеснаго труда, сущее горе. Не походи я, не поработай я ногами и руками, въ теченіе хоть одного дня, вечеромъ я уже никуда не гожусь: ни читать, ни писать, ни даже внимательно слушать другихъ, голова кружится, а въ глазахъ — звѣзды какія-то, и ночь проводится безъ сна.

Въ московскомъ, недавно купленномъ, своемъ домѣ (въ Долгохамовническомъ переулкѣ), Л. Н. обыкновенно съ утра самъ рубитъ для печей дрова и, вытащивъ воды изъ колодца, подвозитъ ее въ кадкѣ на саняхъ къ дому и къ кухнѣ.

— «А досужіе-то вѣстовщики, свои и чужіе, въ особенности свои? — подумалъ я, слушая эти простыя откровенія знаменитаго писателя, — чего они не наплели? и литературу-то онъ оставилъ, для шитья платьевъ и сапоговъ, и якшается съ черныю, подъ видомъ рубки дровъ на Воробьевыхъ горахъ!»

Верхній этажъ яснополянскаго дома занятъ семейнымъ помѣщеніемъ и столовою графа. По деревянной лѣстницѣ, на средней площадкѣ которой стоятъ старинные, въ деревянномъ футлярѣ, англійскіе часы, мы поднялись направо въ залъ. Здѣсь у двери стоитъ рояль, на пюпитрѣ котораго лежатъ раскрытыя ноты «Русланъ и Людмила». Между оконъ—старинныя, высокія зеркала, съ отдѣланными бронзой подзеркальниками. Посрединѣ залы— длинный обѣденный столъ. Стѣны увѣшаны портретами предковъ графа. Изъ потемнѣлыхъ рамъ глядятъ, какъ живые, представители восемнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ: мужчины — въ мундирахъ, лентахъ и звѣздахъ; женщины—въ робронахъ, кружевахъ и пудрѣ. Одинъ портретъ особенно привлекаетъ вниманіе посѣтителя. Это — портретъ, почти въ ростъ, красивой и молодой монахини, въ схимѣ, стоящей въ молитвенной задумчивости передъ иконой. На мой вопросъ, графъ

Л. Н. отвѣтилъ, что это—изображеніе замѣчательной по достоинствамъ особы, жены одного изъ его предковъ, принявшей постриженіе, вслѣдствіе даннаго ею обѣта Богу. Въ комнатѣ графини, смежной съ гостиною, мнѣ показали превосходный портретъ Л. Н—ча, также работы И. Н. Крамского. Этимъ портретомъ семья Л. Н. особенно дорожитъ.

Вошла жена графа; возвратился съ охоты его старшій сынъ, Сергѣй, кончившій въ это лѣто курсъ въ московскомъ университетѣ и нѣсколько дней назадъ пріѣхавшій изъ самарскаго имѣнія отца; собралась и остальная, наличная семья графа: взрослая, старшая дочь Татьяна, вторая дочь Марія и младшіе сыновья. Всѣ, въ томъ числѣ и маленькія дѣти, сѣли за обѣдъ. Всѣхъ дѣтей у графа нынѣ восемь человѣкъ (второй и третій его сыновья, въ мой заѣздъ въ Ясную Поляну, находились въ ученіи въ Москвѣ; младшій ребенокъ, сынъ, скончался въ минувшемъ январѣ). Нѣжный, любящій мужъ и отецъ, графъ Л. Н., среди своихъ взрослыхъ и маленькихъ, весело болтавшихъ дѣтей, невольно напоминалъ симпатичнаго героя его превосходнаго романа «Семейное счастье». Скромный въ личныхъ привычкахъ, Л. Н—чъ ни въ чемъ не отказываетъ своей семьѣ, окружая ее полною, нѣжною заботливостью. Занятія по домашнему хозяйству раздѣляютъ, между прочимъ, съ графиней и старшія дѣти графа.

Когда-то наша критика назвала великаго юмориста-сатирика Гоголя русскимъ Гомеромъ. Если кого изъ русскихъ писателей можно дѣйствительно назвать Гомеромъ, такъ это, какъ справедливо замѣтилъ А. П. Милюковъ, графа Л. Н. Толстого. Въ «Иліадѣ» воспѣтъ воинственный образъ древней Греціи, въ «Одиссеѣ» — ея мирная, домашняя жизнь. Графъ Л. Н. Толстой въ поэмѣ «Война и миръ» одновременно изобразилъ бурную и тихую стороны русской жизни. Но главная сила графа Л. Н. Толстого — въ изображеніи мирныхъ, семейныхъ картинъ. Въ отдѣльныхъ главахъ «Войны и мира» и «Анны Карениной» и въ цѣломъ романѣ «Семейное счастіе» онъ является истиннымъ и могучимъ поэтомъ тихаго семейнаго очага.

Начало вечера было проведено въ общей бесѣдѣ. Подвезли со станціи продолженіе корректуръ новаго изданія графа. Его жена занялась ихъ просмотромъ. Мы же съ Л. Н. спустились внизъ, въ его пріемную. На мой вопросъ онъ

съ увлеченіемъ разсказалъ о своихъ занятіяхъ греческимъ и еврейскимъ языками,—благодаря чему онъ въ подлинникѣ могъ прочесть Ветхій и Новый Завѣтъ,—о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ области христіанства и пр. Зашла рѣчь объ «истинной вѣрѣ, фанатизмѣ и суевѣріи». Сужденія объ этомъ Л. Н—ча не новость: они проходятъ и отражаются по всѣмъ его сочиненіямъ, еще съ его «Юности» и «Исповѣди Коли Иртеньева». Коснувшись современныхъ событій, графъ говорилъ о послѣдней восточной войнѣ, о крестьянскомъ банкѣ, податномъ, питейномъ и иныхъ вопросахъ, и снова—о литературѣ. Мы проговорили за полночь...

Я затруднился бы, на ряду съ доступными для каждаго внѣшними чертами Ясной Поляны, передать подробно, а главное—вѣрно, внутреннюю сторону любопытныхъ и своеобразныхъ сужденій графа Л. Н. Толстого по затронутымъ въ нашей бесѣдѣ вопросамъ.

Ясно и вѣрно вспоминаю одно, что я слушалъ рѣчь правдиваго, скромнаго, добраго и глубоко убѣжденнаго человѣка.

Онъ, между прочимъ, удивлялся одному явленію въ нашей общественной жизни. Привожу его мысли по этому поводу, не ручаясь за точность ихъ изложенія...

...Вслѣдъ за видимымъ и кореннымъ погромомъ стариннаго, дворянско-помѣстнаго землевладѣнія, въ нѣкоторой части общества особенно горячо и искренно усиливаются поощрять и навязывать крестьянамъ покупку дворянскихъ и иныхъ земель. Но для чего? для того ли, чтобы вовсе не было на свѣтѣ помѣщиковъ? Оказывается, что отнюдь не въ тѣхъ видахъ, а чтобы сейчасъ же выдумать, искусственно сдѣлать новыхъ помѣщиковъ-крестьянъ. И мало того,—сюда втянули, кромѣ бывшихъ крѣпостныхъ, и не думавшихъ о томъ государственныхъ крестьянъ, обративъ ихъ изъ вольныхъ пользователей, оброчниковъ свободныхъ казенныхъ земель—въ подневольныхъ земельныхъ собственниковъ, т.-е. опять-таки въ помѣщиковъ. Но кто поручится, что новымъ помѣщикамъ-крестьянамъ все это, съ теченіемъ времени, не покажется недостаточнымъ, и что они, за свой суровый сельскій трудъ и за свои деревенскія лишенія и тяготы, не станутъ справедливо добиваться былыхъ привилегій и, между прочимъ, стать дворянами?.. Забываютъ примѣръ Китая, Турціи и большей части древняго Востока. Тамъ вся земля казенная, государственная, и ею, за извѣстный оброкъ пра-

вительству, казнѣ, пользуются изъ всѣхъ сословій только тѣ, кто дѣйствительно, тѣмъ или другимъ способомъ, личнымъ трудомъ или капиталомъ, ее обработываетъ. Для такой цѣли выкупъ въ казну и при посредствѣ казны частныхъ земель имѣлъ бы скорѣе и свое оправданіе, и полезный для государства исходъ. На этотъ способъ пользованія землею давно обращено вниманіе западныхъ и въ особенности американскихъ ученыхъ, напримѣръ, Джорджа и другихъ. Это, безъ сомнѣнія, предметъ далекаго будущаго; но не слѣдуетъ, среди современныхъ европейскихъ доктринъ, забывать и того, чѣмъ живетъ и рядъ тысячелѣтій зиждется великій, древній Востокъ...

Я ночевалъ въ кабинетѣ графа, на кровати, за перегородкой изъ книжныхъ шкаповъ. Послѣ новой, утренней бесѣды, прогулки съ Л. Н. по парку и завтрака въ его семьѣ, я уѣхалъ въ его экипажѣ въ Тулу и далѣе по чугункѣ въ Москву.

Оставивъ Ясную Поляну, я съ отрадой разбиралъ и провѣрялъ свои впечатлѣнія. Графъ Л. Н. Толстой, послѣ этой новой нашей встрѣчи, остался въ моихъ мысляхъ тѣмъ же великимъ и моцнымъ художникомъ, какимъ его узнала и знаетъ Россія. Онъ вполнѣ здоровъ, бодръ, владѣетъ всѣми своими художественными силами и, внѣ всякаго сомнѣнія, можетъ еще подарить свою родину не однимъ произведеніемъ, подобнымъ «Войнѣ и миру» и «Аннѣ Карениной». Скажу болѣе. Какъ затишье и перерывъ, послѣ «Дѣтства», «Отрочества» и «Севастопольскихъ разсказовъ» (когда онъ занялся вопросами педагогіи и издавалъ «Яснополянскій журналъ»), были не апатіей и не ослабленіемъ его художественныхъ силъ, а только невольнымъ отдыхомъ, въ теченіе котораго въ его душѣ зрѣли образы «Войны и мира»,— такъ и теперь, когда графъ Л. Н. Толстой, изучивъ въ подлинникѣ Ветхій и Новый Завѣтъ и Житія святыхъ, посвящаетъ свои досуги разсказамъ для народа, — онъ, очевидно, лишь готовится къ новымъ, крупнымъ художественнымъ созданіямъ, и его теперешнее настроеніе—только новая ступень, только приближеніе къ инымъ, еще болѣе высокимъ образамъ его творчества.

1886 г.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Н. Ѳ. Щербина.

(Его письма и неизданныя стихотворенія.)

Осенью 1850 года, кончивъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ, я поѣхалъ въ Одессу и въ Крымъ. Было 6-е сентября. Близился вечеръ.

Послѣ долгаго, пыльнаго и душнаго пути на перекладныхъ, я завидѣлъ, наконецъ, съ обгорѣлой, возвышенной степи, Одессу и скоро спустился къ ней. Чистенькій, бѣлокаменный городъ, среди садиковъ изъ акацій, надъ розово-фіолетовымъ морскимъ заливомъ, произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе.

Покрытый съ головы до ногъ сѣрою пылью, я въѣхалъ въ ворота длинной, съ закрытыми зелеными жалюзи́, гостинницы Мазараки, наскоро умылся, переодѣлся, пообѣдалъ въ Палероялѣ, у описаннаго Пушкинымъ Оттона (ресторанъ «Au petit gourmand»), гдѣ на картѣ кушаньевъ пестрѣли незнакомыя имена мѣстныхъ морскихъ рыбъ, — скумбрія, кефаль, камбала, баламутъ, калканы, бычки и проч., — зашелъ въ погребъ, подъ вывѣской «Текущая рѣка», гдѣ выпилъ за шесть копеекъ, какъ теперь помню, стаканъ превосходнаго, безпошлиннаго хіосскаго вина (Одесса тогда еще была porto-franco) и пустился пѣшкомъ осматривать городъ. Мнѣ тогда пошелъ двадцать второй годъ и я былъ способенъ, безъ устали и съ наслажденіемъ, проходить огромныя пространства.

Улицы Одессы, сорокъ лѣтъ назадъ, мало походили на русскій городъ. Надъ магазинами вездѣ красовались италь-

янскія, греческія и французскія вывѣски. Молдаване, валахи, армяне, греки и татары, въ живописныхъ національныхъ одеждахъ, торговали въ палаткахъ, на площадяхъ и перекресткахъ улицъ. Мелькали фески турецкихъ матросовъ; какой-то алжирецъ, въ бѣлой чалмѣ, носилъ и продавалъ ручную, ученую обезьяну. Тысячи возовъ, телѣгъ и нѣмецкихъ гарбъ тянулись отъ взморья къ громаднымъ каменнымъ, пшеничнымъ амбарамъ и обратно. На площадяхъ, передъ амбарами, высыпали, лопàтили, вѣяли и снова насыпали пшеницу. Вездѣ слышался иноплеменный говоръ. Извозчики, на оклики иностранцевъ, отвѣчали, подавая дрожки: «си, синьоръ!»—«прèсто» и «тутсюйтъ». Нарядныя, съ восточными лицами, красавицы, подъ широчайшими бѣлыми, съ бахромой зонтиками, проносились по улицамъ на рысакахъ, въ богатыхъ колăскахъ и ландо. Гдѣ-то подкрѣпившись за три копѣйки рюмкой малаги съ бисквитомъ, конецъ вечера я провелъ въ театрѣ.

Давали оперу «Сомнамбула», съ знаменитой пѣвицей Брамбилла и съ нѣкіимъ замѣчательно-нѣжнымъ и сладко-пѣвучимъ теноромъ. Мастерски спѣвшіеся, оживленные и подвижные хоры, красивый дирижеръ,—худой и блѣдный еврей Буффé, съ длинными черными волосами, живописно падавшими на его большіе, отложные воротнички, необычайно шумный, съ перекликаньями черезъ сосѣдей, говоръ публики въ антрактахъ и масса хорошенькихъ женщинъ въ яркоосвѣщенныхъ ложахъ, отдѣланныхъ бронзой и инкрустаціей изъ зеркалъ,—все это на скромнаго путника, прибывшаго съ сѣвера, производило сильный эффектъ.

Въ антрактѣ, послѣ одного изъ дѣйствій, со мной заговорилъ сосѣдъ по креслу партера. Не помню, съ чего онъ началъ,—кажется, съ оперы,—въ родѣ того: «ну, какова опера и исполненіе? а за то слушатели?» Это былъ ниже средняго роста человѣкъ, смуглый, съ большими, черными, выразительными глазами и въ черныхъ, длинныхъ, тщательно-причесанныхъ кудряхъ. Ему было лѣтъ подъ тридцать, онъ нѣсколько заикался. На его шеѣ, на шнурѝкѣ, висѣла золотая лорнетка. Зло подсмѣиваясь надъ одесскою публикой, которая вся, по его словамъ, въ глубинѣ души, была меркантильно-невѣжественна и, не имѣя понятія объ искусствѣ, ѣздила въ театръ только изъ моды, — онъ указалъ на одну изъ ложъ въ бель-этажѣ.

— Вонъ сидитъ старый Крезъ,—сказалъ онъ:—какъ важенъ и съ какимъ достоинствомъ аплодируетъ! — а въ молодости былъ морскимъ разбойникомъ, звался капитаномъ Барбуни и разбогатѣлъ на контрабандѣ... Теперь называется иначе... И что̀ значатъ деньги! всѣ знаютъ его прошлое и никто его не трогаетъ.

Мы заговорили о Петербургѣ. Узнавъ, что я недавно былъ въ Москвѣ, сосѣдъ сказалъ мнѣ, что особенно любитъ этотъ городъ, и спросилъ меня, кого я тамъ видѣлъ. Я назвалъ нѣсколько именъ и, между прочимъ, Загоскина.

— Автора «Юрія Милославскаго»?—спросилъ оживленно сосѣдъ.

— Да.

— И вы знакомы съ нимъ?

— Давно, со школьной скамьи, — хаживалъ къ нему по праздникамъ.

— Что же онъ? пишетъ что-нибудь новое?

— Комедію въ стихахъ,—«Женатый женихъ».

— Въ стихахъ? — улыбнулся сосѣдъ: — и онъ вамъ ее читалъ?

— Познакомилъ изъ отрывковъ.

— Ну, и что же, хорошо?

— Мнѣ понравилось.

— Каковъ онъ, скажите? какъ вы его нашли, когда заѣхали, что̀ именно онъ въ то время дѣлалъ? очень старъ?

— Бодрый, какъ всегда, толстенькій, круглолицый, румяный и голубоглазый. А что онъ дѣлалъ, — когда я вошелъ, — разсматривалъ на столѣ, въ витринѣ, любопытную коллекцію лукутинскихъ табакерокъ съ картинками; взялъ бильбокѐ и, ловя его шарикъ, разговорился о риѳмахъ.

— Въ какомъ родѣ?

— Онъ сказалъ, — есть русскія слова, на которыя вовсе нѣтъ риѳмъ.

— Что̀ за пустяки! Любопытно, однако, знать, какія это слова?—заикаясь и какъ бы сердясь, проговорилъ сосѣдъ.

— Между прочимъ, онъ назвалъ «зеркало»—«жалоба» — «память» и еще, не помню, что̀.

Сосѣдъ нервно двинулся, хотѣлъ отвѣчать, но въ это время оркестръ кончилъ играть, взвился занавѣсъ, въ публикѣ послышалось шиканье говорунамъ, и онъ затихъ. Все дѣйствіе онъ сидѣлъ неспокойно, лорнируя ложи, при-

нужденно зѣвая и почти не глядя на сцену. Когда, послѣ новаго дѣйствія оперы, опять спустился занавѣсъ, онъ быстро обратился ко мнѣ.

— Риѳма на зе... зе... «зеркало» есть!—сильно заикаясь и сердито пуча глаза, громко проговорилъ онъ: — какъ не быть! мудрости тутъ нѣтъ никакой... «зеркало»—«исковеркало»... И на «жалоба» есть, въ другомъ хотя падежѣ— «жалобъ»—«узнало бъ»—или «жалобѣ»—«жало бы».

— А память?—спросилъ я.

— На это, положимъ, труднѣе, хотя тоже вздоръ, и, безъ сомнѣнія, есть, если подумать.

Сосѣдъ замолкъ. На нашъ разговоръ, изъ слѣдующаго ряда кресел къ намъ обернулся высокій, съ темнорусыми волосами, господинъ, сидѣвшій прямо противъ насъ.

— На «память», разумѣется, также есть риѳмы, — сказалъ онъ: — одна не вполнѣ созвучная — «за̀меть», другая не цензурная—«попа̀—мять»...

— И третья не бла-бла-говонная! «клопа—мять!»—еще сильнѣе заикаясь, точно выстрѣлилъ первый мой сосѣдъ:— вотъ и открытія! передайте ихъ Загоскину...

Музыка снова прервала нашъ разговоръ. Опера кончилась бурными оваціями Брамбиллѣ. Съ улицы слышались виваты и крики «ура». Пѣвицѣ не дали ѣхать. Ея поклонники отпрягли лошадей и, осыпая артистку цвѣтами, потащили ее въ коляскѣ на рукахъ. Свѣтила яркая луна. Публика, расходясь, наполняла оживленными группами бульваръ.

Прощаясь съ сосѣдями по театру, я сказалъ тому изъ нихъ, который заикался:

— Если Загоскинъ спроситъ, отъ кого я слышалъ риѳмы, какъ мнѣ васъ назвать?

— Щербина.

— Авторъ греческихъ стихотвореній?

— Онъ самый...

— А ваше, извините, имя?—обратился я къ другому.

— Полонскій.

— Авторъ «Гаммъ»?

— Къ вашимъ услугамъ.

Такъ случайно, въ одинъ день и часъ, произошло мое знакомство съ двумя высокодаровитыми поэтами, произведеніями которыхъ, уже въ то время, зачитывалась вся обра-

зованная Россія. Оставшись еще нѣсколько дней въ Одессѣ, я уѣхалъ на пароходѣ «Тамань» въ Крымъ, одновременно съ Я. П. Полонскимъ, который возвращался на Кавказъ, гдѣ онъ въ то время редактировалъ «Закавказскій Вѣстникъ». На пути мы вынесли сильный шквалъ; половину путешественниковъ укачало.

Въ Ялтѣ, Я. П. Полонскій, остановившись со мной въ одной гостиницѣ, прочелъ мнѣ и вписалъ карандашомъ въ мою памятную книжку новое свое стихотвореніе «Качка въ бурю», очевидно написанное имъ подъ впечатлѣніемъ перенесеннаго нами шквала, обозначивъ подъ нимъ: «Пароходъ «Тамань». Сентябрь 1850 г.».

Знакомство мое съ Щербиной, вскорѣ съ его переѣздомъ въ Москву и потомъ въ Петербургъ, перешло въ дружескія, близкія отношенія, которыя не прерывались до дня его кончины.

Въ бытность студентомъ харьковскаго университета, Щербина жилъ въ крайней бѣдности, изъ заработка грошей писалъ проекты проповѣдей семинаристамъ, искавшимъ мѣста священниковъ, и спалъ подъ такимъ изорваннымъ одѣяломъ, что его ноги просовывались въ прорѣхи. Слуга одного изъ моихъ знакомыхъ, А. Ѳ. Т., жившаго въ то время въ Харьковѣ, видя Щербину, приходившаго къ его господину, въ невѣроятномъ тепломъ костюмѣ, обернутаго шарфами, докладывалъ о немъ: «Щербина пришла», очевидно принимая его за женщину.

Мало оцѣненный критикой при жизни, частью, вѣроятно, вслѣдствіе черезчуръ злыхъ и подчасъ слишкомъ отзывавшихся личнымъ раздраженіемъ, стихотворныхъ и прозаическихъ его сатиръ и памфлетовъ на современныхъ дѣятелей, — Щербина и послѣ своей смерти не дождался еще вполнѣ вѣрной и безпристрастной оцѣнки своей поэтической дѣятельности. Въ родной литературѣ, какъ поэтъ антологическихъ стихотвореній, онъ несомнѣнно будетъ поставленъ рядомъ съ лучшими изъ своихъ современниковъ, съ Майковымъ, Фетомъ, Полонскимъ и Меемъ. Въ области сатиры онъ далъ также замѣчательные образцы, не потерявшіе своей соли и донынѣ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти.

Наслѣдникамъ Н. Ѳ. Щербины, его брату и сестрѣ, давно слѣдовало бы издать болѣе полное и провѣренное собраніе его произведеній, предпославъ ему обстоятельное его жизне-

описаніе. Съ цѣлью содѣйствовать тому и другому, привожу здѣсь, съ примѣчаніями, нѣкоторыя изъ сохранившихся въ моемъ литературномъ архивѣ его писемъ ко мнѣ и писемъ о немъ другихъ писателей, отрывки изъ неизданныхъ его стихотвореній и описаніе его кончины.

Щербина вѣрно опредѣлилъ свою жизнь слѣдующими стихами:

«Я въ жизни боролся не съ бурей великой,
«Не съ мощнымъ, разумнымъ врагомъ,
«Но съ мелочью горя, но съ глупостью дикой,
«Въ упорствѣ ея мелочномъ».

Н. Ѳ. Щербина родился 2-го декабря 1821 г.; умеръ на 48 году, 10-го апрѣля, въ 1869 году, въ 10 съ половиною часовъ вечера. По моей просьбѣ, онъ написалъ мнѣ за три дня до своей смерти (7-го апрѣля 1869 года) слѣдующія свѣдѣнія о своей жизни:

«*Записка о Николаѣ Щербинѣ.* — Онъ происходитъ съ отцовой стороны изъ дворянъ харьковской губерніи, а съ материнской изъ дворянъ Войска Донского. Родился въ концѣ 1821 года, въ степномъ помѣстьѣ матери своей, въ землѣ Войска Донского, находившемся близъ города Таганрога.

«Съ 8-ми-лѣтняго возраста началъ постоянно жить съ родителями въ Таганрогѣ и обучался въ тамошнемъ училищѣ и гимназіи. Будучи еще гимназистомъ, онъ напечаталъ первое свое стихотвореніе въ журналѣ «Сынъ Отечества» 1838 года, № 10.

«Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ поѣхалъ учиться частнымъ образомъ въ Москву, а оттоль въ Харьковъ, гдѣ чрезъ извѣстное время и поступилъ въ университетъ. По тяжелымъ житейскимъ обстоятельствамъ, въ которыя впали его родители, онъ вынужденъ былъ выдержать экзаменъ на учителя и преподавать въ деревняхъ у помѣщиковъ. По временамъ возвращался въ Харьковъ и занимался преподаваніемъ въ женскихъ пансіонахъ.

«Въ это время онъ печаталъ свои стихотворенія въ мѣстныхъ литературныхъ сборникахъ и въ нѣкоторыхъ столичныхъ журналахъ, а также и статьи въ прозѣ.

«Переѣхавъ изъ Харькова въ Одессу, онъ издалъ тамъ

собраніе своихъ стиховъ, подъ названіемъ: «*Греческія стихотворенія*». Эта книга была принята благосклонно и публикою, и критикою, и доставила автору извѣстность.

«Въ Одессѣ онъ былъ представленъ Л. С. Пушкинымъ, братомъ поэта, князю П. А. Вяземскому.

«Изъ Одессы онъ отправился въ Москву, въ 1850 году, гдѣ опредѣлился на государственную службу въ московское губернское правленіе, въ должность помощника редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ Москвѣ же онъ занимался преподаваніемъ уроковъ дѣвицамъ изъ высшаго тамошняго общества. Участвовалъ въ журналѣ «Москвитянинъ» и печаталъ стихи въ разныхъ петербургскихъ журналахъ. Собиралъ и записывалъ изъ устъ простонародья русскія народныя пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Переѣхавъ изъ Москвы въ Петербургъ, онъ поступилъ вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія — чиновникомъ по особымъ порученіямъ при товарищѣ министра, князѣ П. А. Вяземскомъ, и дѣлопроизводителемъ одного еврейскаго ученаго комитета.

«Въ это время онъ издалъ: 1) Полное собраніе своихъ стихотвореній въ 2-хъ томахъ; 2) «Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи», и 3) «Пчела», сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Этой книги напечатано уже 3-е изданіе. Кромѣ того, печаталъ статьи въ журналахъ и отдѣльными брошюрами по части простонароднаго образованія. Во французскомъ журналѣ «Le Nord» помѣстилъ статью о медали въ память 19 февраля 1862 г., исполненной графомъ Ѳ. П. Толстымъ.

«Путешествовалъ по Европѣ и помѣщалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» свои путевыя письма и стихотворенія, а также и въ «Днѣ». Въ настоящее время находится у него не напечатаннымъ довольно большое собраніе сатирическихъ стихотвореній.

«Пожертвовалъ 2 тысячи экземпляровъ своей народной книги «Пчела» на бѣдныя сельскія школы, учрежденныя при церковныхъ приходахъ, на сумму 2,225 рублей. Пожертвовалъ эту же книгу во всѣ воскресныя простонародныя школы при духовныхъ семинаріяхъ. Тоже пожертвовалъ и на славянъ.

«При новомъ преобразованіи министерства народнаго просвѣщенія, остался за штатомъ и былъ годъ безъ мѣста.

Потомъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ прикомандированъ къ главному управленію по дѣламъ печати для составленія «Обозрѣнія русскихъ газетъ и журналовъ», представляемаго ежедневно его величеству государю императору. Во время этой послѣдней службы, Щербина заболѣлъ тяжкою хроническою болѣзнію: но должность свою, однако, отправлялъ неукоснительно, какъ бы былъ совершенно здоровымъ. Болѣзнь же продолжается около 4-хъ лѣтъ. Состоитъ въ штабъ-офицерскомъ чинѣ».

«*Прибавленіе къ запискѣ о Щербинѣ*». Еще онъ писалъ, по порученію Академіи Наукъ, критическіе разборы сочиненій, поступающихъ на уваровскія преміи, и былъ награжденъ за это Академіею, которая присудила ему золотую медаль.

«Кромѣ того, онъ писалъ критическія статьи и рецензіи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ».

Онъ же за два дня до своей смерти написалъ лично и вручилъ мнѣ, для представленія князю П. А. Вяземскому, слѣдующее заявленіе:

«*Замѣтка относительно редакціи статей въ «Пчелѣ»* *). Что касается словъ, выраженій и образовъ, которые принято отстранять отъ дѣтскихъ и женскихъ сферъ, то составитель «Пчелы» въ редакціи статей своего сборника обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе.

«На 640 страницахъ книги, не болѣе какъ въ двухъ мѣстахъ находится подобное слово, да и то, въ статьяхъ, изложенныхъ только на церковно-славянскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, въ «Сказаніи келаря Авраамія Палицына» (стр. 116) слово «блудъ» и другія еще болѣе рельефныя выраженія и картины *выпущены* составителемъ изъ статьи, и только одинъ разъ было необходимо по редактивнымъ соображеніямъ удержать это слово.

«Въ другой разъ это слово упоминается въ «Словѣ святого Василія Великаго» (стр. 603), въ которомъ приводится текстъ изъ «Апостола Павла»: «не упивайтеся виномъ въ немже есть блудъ».

«Такъ какъ въ «Пчелѣ» болѣе 600 страницъ, то тѣ двѣ страницы, гдѣ по разу написано это слово, теряются «какъ капля въ море опущенна».

*) Объ этомъ сборникѣ Щербина говоритъ весьма подробно ниже, въ письмѣ XIII.

«И во всѣхъ другихъ хрестоматіяхъ для учебныхъ заведеній никакъ невозможно было избѣжать совершенно подобныхъ словъ.

«Въ катихизисѣ и священной исторіи ихъ болѣе всего. При богослуженіи они тоже слышатся и находятся также въ повседневныхъ молитвахъ.

«Къ этому вообще не излишне присовокупить, что редакція статей въ «Пчелѣ» до щепетильности обращала вниманіе на цѣломудренность выраженій, образовъ и ситуацій, а въ нравственномъ, духовномъ и политическомъ отношеніяхъ относилась къ статьямъ своимъ съ дипломатическою осторожностью, имѣя въ виду свойства читателей книги. Коллежскій асессоръ Николай Өедоровъ сынъ Щербина.— 8-го апрѣля 1869 года».

Друзья Н. Ө. Щербины и врачи совѣтовали ему оставить Петербургъ, столь вредно дѣйствовавшій на его здоровье и переселиться, хотя временно, на югъ Россіи; но покойный медлилъ и все собирался приступить къ этому переселенію. Въ мартѣ 1869 года онъ просилъ меня похлопотать о зачисленіи его въ распоряженіе новороссійскаго генералъ-губернатора въ Одессу. Князь П. А. Вяземскій принялъ въ этомъ случаѣ снова самое живое участіе для осуществленія желанія Н. Ө. Щербины, силы котораго съ каждою недѣлею падали. Министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевъ, въ вѣдомствѣ котораго Н. Ө. Щербина въ это время служилъ, изъявилъ полную готовность помочь въ осуществленіи его просьбы. Письмо о согласіи министра внутреннихъ дѣлъ перевести Н. Ө. Щербину въ Одессу, устроить его положеніе при генералъ-губернаторѣ Коцебу и испросить для переѣзда въ Одессу денежное пособіе, было мною доставлено Н. Ө. Щербинѣ, утромъ, въ день его смерти. Обрадованный этимъ письмомъ, онъ поручилъ мнѣ принять мѣры къ ускоренію этого дѣла, предполагая немедленно выѣхать изъ Петербурга, и назначилъ мнѣ свиданіе 11-го апрѣля, для окончательныхъ переговоровъ о способахъ выѣзда своего на югъ, а 10-го апрѣля вечеромъ уже его не стало. Утромъ, 10-го апрѣля, онъ былъ осмотрѣнъ лучшими хирургами, изъ которыхъ покойный Е. И. Богдановскій, профессоръ медико-хирургической академіи, предложилъ ему тутъ же (дѣло было въ два часа пополудни) сдѣлать операцію, т. е. вставить ему въ разрѣзъ горла дыхатель-

ную трубку и, затѣмъ, вырѣзать полипъ, начинавшій его душить. Н. Ѳ. Щербина на это не согласился, подшучивая надъ страстью хирурговъ къ ножу. Весь день онъ провелъ въ обычныхъ занятіяхъ, читалъ, занимался служебною работой и передалъ своему слугѣ Ивану, на всякій случай, адресы трехъ докторовъ, бывшихъ у него на консультаціи (Е. И. Богдановскій даже оставилъ у него свой инструментъ) и сказалъ, что слѣдовало дѣлать съ нимъ, если бъ у него паче чаянія начался приступъ удушенія, а именно: мочить горло теплою губкой, растирать грудь и проч. Въ девять часовъ вечера онъ напился чаю, — потомъ пилъ зельтерскую воду, и еще въ десять часовъ вечера говорилъ со слугой. Въ 10½ часовъ онъ вбѣжалъ въ кухню, разводя руками и показывая знаками, что съ нимъ началось удушье. Вслѣдъ затѣмъ, онъ молча бросился въ спальню, упалъ на кроватъ и черезъ нѣсколько минутъ умеръ. Слуга поѣхалъ за докторами; тѣ немедленно явились, употребляли всѣ средства къ его оживленію, искусственно возбуждая его дыханіе, и даже произвели сѣченіе его горла,—но жизнь покойнаго уже угасла. Онъ умеръ въ домѣ Карачарова, на углу Поварского переулка и Колокольной улицы, въ крошечной квартиркѣ четвертаго этажа, гдѣ лучшимъ его утѣшеніемъ были нѣсколько шкаповъ съ книгами и съ гипсовыми изображеніями греческихъ героевъ и героинь. Тѣло покойнаго погребено 13-го апрѣля 1869 г. на старомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, невдали отъ могилъ Даргомыжскаго и Сѣрова.

Письма Н. Ѳ. Щербины.

I.

«1850. Ноября 29. Москва. Милый Григорій Петровичъ. Съ чувствомъ особеннаго удовольствія читалъ я ваше письмо. Благодарю васъ за вниманіе и память обо мнѣ. Извините, что я никакъ не могъ увидѣться съ вами въ Москвѣ, не смотря на все мое искреннее желаніе: причиною тому было то̀, что разлилась рѣка въ селѣ Павловскомъ, гдѣ я былъ, и снесла мостъ, оттого мнѣ и нельзя было переѣхать, для свиданія съ вами въ Москвѣ. Не лишнимъ считаю сообщить вамъ, что я въ Москвѣ поступилъ на казенную службу, въ здѣшнее губернское правленіе, помощникомъ редактора «Мо-

сковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Это мѣсто штатное и классное. Я очень доволенъ, что наконецъ-таки добился до исполненія своего желанія — вступить въ казенную службу, которая одна только даетъ человѣку постоянное и вѣрное обезпеченіе въ жизни [1]); а частныя занятія такъ непостоянны и непрочны. Это я испыталъ на себѣ... Постараюсь же строго и законно исполнять свои служебныя обязанности, и благо мнѣ будетъ.

«Съ А. Н. Островскимъ я познакомился, былъ у А. О. Вельтмана раза два.

«Вы хотите знать: какія новости въ московской литературѣ? Я въ ней человѣкъ совершенно посторонній, и считаю—навѣдываться о такой литературѣ для себя нисколько не интереснымъ и безполезнымъ. «Греческія стихотворенія» всѣ у меня раскуплены книгопродавцами, я не имѣю ихъ ни одного экземпляра. Требуется второе изданіе. Мнѣ предлагалъ это одинъ здѣшній книгопродавецъ, изъявившій желаніе быть постоянно моимъ издателемъ.

«Въ «Сынѣ Отечества» было напечатано безъ вѣдома моего и согласія нѣсколько моихъ пьесъ: однѣ изъ нихъ въ исковерканномъ видѣ, другія двѣ изъ дѣтскихъ моихъ опытовъ, которыя я неохотно и очень неохотно вижу въ печати. Не знаю кѣмъ и какъ онѣ доставлены въ этотъ журналъ. Подобныя вещи могутъ меня компрометировать.

«Я имѣю цѣлую тетрадь, состоящую изъ 42 стихотвореній, готовыхъ къ напечатанію. Изъ рукописи этой если я и думаю печатать въ какомъ-нибудь порядочномъ, любимомъ публикою журналѣ, то не иначе, какъ за плату, разсчитывая на печатный листъ, или хоть поштучно. Впрочемъ, я охотнѣе готовъ отдать въ одинъ журналъ, за приличную плату, ужъ всю эту рукопись (42 пьесы), которая могла бы печататься въ продолженіи цѣлаго года въ журналѣ. Въ противномъ же случаѣ гораздо съ большимъ удовольствіемъ могу оставить ее не напечатанною въ своемъ портфелѣ, или издать особою книжкою, когда и какъ мнѣ заблагоразсудится [1]). Впрочемъ, это все vanitas vanitatum. Въ Одессѣ уже вышелъ въ свѣтъ литературный сборникъ «Литературные Вечера». Постарайтесь не медлить рецензіей на него въ пе-

---

[1]) Такъ думали русскіе люди 40 лѣтъ назадъ.

[1]) Эту тетрадь впослѣдствіи Щербина подарилъ мнѣ и изъ нея много ниже приводятся отрывки.

тербургскихъ журналахъ: это будетъ полезно для этого сборника. Вы, я думаю, скоро получите его въ Петербургѣ. Содержаніе его вы знаете. Адресъ мой: Въ Москву. За Прѣсненскими прудами, въ Грузинской ул., въ домѣ Никулина, гдѣ контора Павловской казенной суконной фабрики. Пріймите увѣреніе въ душевномъ къ вамъ расположеніи. Весь вашъ Н. Щербина».

Н. Ѳ. Щербина пріѣхалъ въ Петербургъ 22-го января 1851 г., и въ тотъ же день навѣстилъ меня. Утромъ слѣдующаго дня я повезъ его къ О. И. Сенковскому, а вечеромъ къ А. А. Краевскому. Съ этого началось его знакомство съ петербургскими литераторами.

II.

«3-го апрѣля 1853 года. Москва. Вы я думаю, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, никакъ не ожидали получить отъ моей лѣности это посланіе... Но на меня, какъ найдетъ, подъ какую минуту что пріидется: заснувшая, повидимому, дѣятельность возобновляется и даже дѣлается ровною и постоянною, смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ, меня окружающимъ. Зная вашу любезную обязательность и расположенность лично ко мнѣ, я рѣшился обезпокоить васъ моею покорнѣйшею просьбою. У насъ въ Москвѣ предполагается издать одинъ «*Альманахъ*», для чего собрана уже часть матеріаловъ, между которыми есть вещи очень порядочныя, и людей, имѣющихъ имя въ современной литературѣ. Онъ будетъ изданъ одною изъ особъ «Дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ». За редакціею относительно литературнаго comme il faut поручено присмотрѣть мнѣ. Можно ручаться, нѣкоторымъ образомъ, что онъ совершенно не будетъ похожимъ, по литературному достоинству, на такъ-называемый «Раутъ»—и это уже не малое, можно надѣяться, его достоинство. Нужно набрать побольше матеріаловъ для этого изданія, чтобъ было изъ чего выбрать «не борзяся, но со вниманіемъ». Я предполагаю получить статьи для этого изъ Одессы, Харькова, и другихъ пунктовъ нашей литературной дѣятельности, при статьяхъ Московскихъ и Петербургскихъ, почему и дано будетъ этому сборнику соотвѣтствующее названіе и физіономія. И такъ покорнѣйше прошу васъ, Григорій Петровичъ, попросите отъ моего имени стихотвореній у А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго и пришлите своихъ при этомъ. Не достанете ли хоть небольшихъ

статеекъ въ *прозѣ* у вашихъ или нашихъ общихъ знакомыхъ, словомъ, старайтесь пріобрѣсти побольше матеріаловъ для этого «Альманаха» отъ разныхъ лицъ. Да и вы, кромѣ стиховъ, еще такъ мило пишете въ прозѣ; расщедритесь-ка для насъ. Мы надѣемся на вашу любезность. Я многимъ обязанъ лично той дамѣ, которая издаетъ этотъ сборникъ, и не могу чѣмъ другимъ вознаградить ее за вниманіе ко мнѣ, какъ только стараніемъ собрать чрезъ своихъ добрыхъ знакомыхъ матеріалы для ея изданія, и лично присмотрѣть за изданіемъ. Надѣюсь, вы будете мнѣ въ этомъ содѣйствовать. Собирайте и пишите мнѣ. Жду отъ васъ письма. Васъ уважающій и преданный вамъ Н. Щербина».

«P. S. Вы, кажется, изъявили желаніе имѣть мой портретъ, по личной вашей расположенности ко мнѣ, наказывали объ этомъ чрезъ актера Домбровскаго и еще писали объ этомъ, въ числѣ другихъ вашихъ московскихъ литературныхъ знакомыхъ. Исполняю теперь желаніе ваше: посылаю вамъ при этомъ письмѣ *свой портретъ* (тотъ, который размѣромъ *побольше*) и книжечку послѣднихъ своихъ стихотвореній.

«Въ этой же посылкѣ находится *мой портретъ и семинарскіе аттестаты* [1]) съ иллюстраціями. Эти двѣ бездѣлки передайте отъ меня Виктору Павловичу Гаевскому. Онъ, вѣрно, *позабылъ меня*, что такъ давно не пишетъ мнѣ, не отвѣчая на письмо мое, и пусть хоть дагеротипная физіономія моя напоминаетъ ему обо мнѣ и когда-нибудь внушитъ ему мысль написать ко мнѣ. Я его очень люблю и посылаю ему портретъ, какъ упрекъ, какъ вещь *для напоминанія* ему обо мнѣ, надѣясь, что хоть это когда-нибудь заставитъ его написать и возродить прежнее его вниманіе.

«Живя прошлое лѣто въ деревнѣ, на досугѣ, я прибавилъ еще нѣсколько новыхъ пунктовъ къ «аттестатамъ»: это — изданіе дополненное, исправленное и умноженное».

III.

«10-го апрѣля 1851 г. Москва. Адресъ: Въ Москву. Н. Ѳ. Щ. На большой Дмитровкѣ, у Дворянскаго клуба, въ Салтыковскомъ переулкѣ, въ домѣ Талызина.

«Я опять рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ моею докучною просьбою, обязательный, любезный Григорій Петровичъ, и

---

[1]) Собственноручный списокъ этихъ аттестатовъ Щербина подарилъ также и мнѣ. Они изданы въ собраніи его сочиненій.

надѣюсь, что вы, по чувству расположенія ко мнѣ, не оставите ее исполнить. Вы уже не разъ обязывали меня вашимъ содѣйствіемъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

«Такъ какъ статьи сборника оказываются съ достоинствами и интересомъ, и сборникъ «Желѣзная Дорога», какъ можно надѣяться, выйдетъ comme il faut, то я имѣю предлогъ покорнѣйше просить васъ: будьте такъ обязательны, вышлите для этого сборника какую-нибудь беллетристическую статью вашу — разсказъ или повѣсть. Только поспѣшите это сдѣлать не мало не медля и, если можно, съ первою почтою, чтобы не задерживать изданія, и безъ того, по милости моей, долго задерживаемаго въ видахъ собранія хорошихъ статей и статей болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, такъ же и имѣющихъ интересъ *историческихъ матеріаловъ*, по преимуществу, для современныхъ вопросовъ. Если есть у васъ и стихи, то и стихи вышлите вмѣстѣ съ вашею прозаическою статьею, и, если можно будетъ, то достаньте еще стихотворенія другихъ авторовъ; особенно намъ нужна ваша статья въ прозѣ повѣствовательнаго рода, чтобы беллетристическій отдѣлъ былъ пополнѣе и получше. Не достанете ли чего-нибудь еще изъ повѣстей и разсказовъ у кого-либо другого? Пишите мнѣ побольше и подробнѣе обо всемъ, что взбредетъ на умъ, и новости, если есть какія, сообщите; я, какъ провинціальная барыня, отъ бездѣлья и скуки не прочь желать новостей и читать предлинныя письма съ любопытствомъ. Жду отъ васъ письма и статьи. Весь вашъ Н. Щербина».

IV.

«Москва. 1855 года, февраля 22. Вторникъ. Благодарю васъ, добрый Григорій Петровичъ, за пріятное письмо ваше: вы какъ-то умѣете сообщить всегда что-нибудь пріятное и въ пору, тѣмъ болѣе это теперь мнѣ было нужно при извѣстномъ моемъ расположеніи духа, когда предстоитъ мнѣ и перемѣна жизни, и перемѣна моихъ занятій: я даже всѣ свои, до этихъ поръ бывшія у меня, книги отослалъ къ себѣ домой въ Таганрогъ, и нѣтъ у меня ни одной книжонки изъ прежнихъ, которыя служили мнѣ этюдами для моихъ занятій: въ Петербургѣ ужъ буду собирать новыя книги, книги новаго рода, по части русской исторіи, русской старины, русской археологіи, народности и русской филологіи, хоть и буду еще заниматься преимущественно юридическими

предметами, думая держать экзаменъ на кандидата правъ, для улучшенія своей житейской участи и гражданской карьеры, но за всѣмъ тѣмъ мнѣ необходимо тотчасъ поступить на службу, и я постараюсь воспользоваться мѣстомъ службы, о которомъ говорилъ Л. А. Мей. Большое спасибо за доброе его стараніе обо мнѣ и память даже обо мнѣ отсутствующемъ. Я это такъ тепло и искренно цѣню въ сердцѣ своемъ. Благодарите и В. М. Лазаревскаго за его дружеское предложеніе и передайте ему всю полноту моей признательности за его ко мнѣ расположеніе. А. Н. Майкова благодарите за добрую память и доброе слово обо мнѣ кому слѣдуетъ: я въ свою очередь тоже не въ долгу передъ нимъ и плачу за чувство чувствомъ, за слово словомъ. Не забудьте передать мой поклонъ и прямое чувство искренняго уваженія Александру Васильевичу Никитенкѣ. Его всѣ полюбили и уважаютъ здѣсь въ Москвѣ. Да то же самое отъ меня передайте моимъ незабвеннымъ графу и графинѣ Толстымъ и Штакеншнейдерамъ и всѣмъ тѣмъ хорошимъ людямъ, которые такъ радушно меня принимали: я все это помню и глубоко признателенъ. За особенную честь почту поближе быть знакомымъ съ супругою А. С. Норова, и надѣюсь имѣть эту честь по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Въ Петербургъ я пріѣду или къ празднику или же на Ѳоминой недѣлѣ непремѣнно. Въ Москвѣ мнѣ рѣшительно нечего дѣлать. Я даже давно не посѣщаю своихъ знакомствъ, такъ что отсталъ здѣсь отъ всѣхъ и отъ всего, и живу въ квартирномъ своемъ уединеніи, да и друзья мои уѣхали отсюда. Это какой-то годъ для всѣхъ грустный и тяжелый. Я еще коекакъ живу мыслью о Петербургѣ: о будущей моей дѣятельности, о службѣ, объ другихъ занятіяхъ, хоть впрочемъ безъ всякихъ надеждъ, которыя я ужъ давно причислилъ къ самообольстительнымъ иллюзіямъ дѣтства, не имѣя на это никакихъ положительныхъ данныхъ, и мнѣ отъ этого куда какъ тяжело и постоянно носишь въ душѣ какую-то томительную тяжесть и никуда не убѣжишь отъ нея. Назадъ тому недѣли три я писалъ къ А. А. Краевскому объ статьѣ вашей «Основьяненко» и отнесся объ ней съ похвалою, что сдѣлано было мною по убѣжденію и положа руку на сердце, ибо я ее просматривалъ, да и вы читали мнѣ лично мѣста изъ нея. Притомъ же предметъ ея мнѣ извѣстенъ. Я въ Харьковѣ жилъ 7 лѣтъ и знаю о немъ

кое-что. И такъ я самъ, не спросясь васъ, написалъ о статьѣ вашей къ редактору «Отечественныхъ Записокъ», и написалъ все, что можно было лучшее. О «сказкахъ» же я не писалъ, по причинамъ, которыя я объясню вамъ при свиданіи, и которыя вы, надѣюсь, найдете достаточными.

«Одинъ изъ друзей моихъ, кажется, меня выдаетъ, и мнѣ это больно, какъ разубѣжденіе. Чѣмъ больше кто чувствовалъ пріязни, тѣмъ горше разубѣдиться ему въ предметѣ своего чувства. У меня въ квартирѣ только и былъ одинъ человѣкъ, бывающій въ обществѣ Панашки [1]), и больше никого, кто бы, кромѣ его, могъ передать о «персидскомъ халатѣ» изъ тармаламы и тому подобныхъ вещахъ, относящихся къ литературѣ. Вы поймете это, прочитавъ фельетонъ № 2 «Современника». Теперь я рѣшительный поводъ имѣю убѣдиться откуда и изъ какого источника являлись сплетни и намеки на мой счетъ въ извѣстномъ фельетонѣ, фразы изъ писемъ и тому подобное, такъ что я долженъ ожидать, что скоро явятся въ печати и всѣ мои интимные разговоры съ нимъ tête-à-tête въ низко извращенномъ видѣ, которые своею извращенною кистью могутъ скомпрометировать меня передъ нѣкоторыми лицами. Каково теперь литературное времячко! Самъ извѣстный Ѳаддюха (Булгаринъ) предъ этими безнравственными господами покажется греческимъ Аристидомъ честности.

«Поклонитесь Николаю Осиповичу Осипову: я чувствую къ нему много пріязни и за многое ему благодаренъ, также Ѳ. А. Бурдину. Старцу Якову [2]) мой поклонъ. «Аспазія» его всѣмъ мыслящимъ и чувствующимъ дамамъ, понимающимъ поэзію, *чрезвычайно нравится.* Когда въ одномъ обществѣ прочитали эту «Аспазію», я воскликнулъ: «Умри, Яковъ!» и дамы повторили: «Умри, Яковъ!»

«Многія изъ женской половины знаютъ эту пьеску наизусть.

«Вспомните — «Умри, Денисъ», и вы невольно скажите тоже: «умри, Яковъ!»

«Благодушному старцу Якову я лично доставлю книжку, у него мною занятую.

«Передайте мой поклонъ Н. А. Степанову (карикатуристъ) и супругѣ его. Сережу ихъ (сынъ) за меня разцѣ-

[1]) И. И. Панаевъ.
[2]) Я. П. Полонскій.

луйте.—Письмо отъ Николая Александровича Степанова я получилъ, равно и отъ Николая Осиповича Осипова. Пишите мнѣ, Григорій Петровичъ, поскорѣе и поподробнѣе, тѣмъ болѣе, что мнѣ ужъ недолго быть въ Москвѣ, и старайтесь тамъ въ пользу мою, ибо для меня настаетъ не совсѣмъ-то легкая минута перемѣнъ, перелома и тому подобныхъ вещей. Будьте на этотъ разъ моимъ корреспондентомъ! Вы человѣкъ необыкновенно дѣятельный на этотъ счетъ, — и первые написали мнѣ изъ Питера, за что васъ искренно благодарю,—кланяйтесь В. Р. Зотову.—Жду вашего письма съ нетерпѣніемъ. Вашъ Н. Щербина».

V.

«1856 г. Посылаю вамъ вашу корректуру. Насъ звалъ нынче Л. А. Мей, вечеромъ. Зайдите за мной, и отправимся. Жду васъ и такъ идемъ! «Подай костыль, Григорій!»—Щербина».

VI.

«Милый Григорій. Я вчера былъ у А. С. Норова, былъ принятъ имъ благосклонно и обѣдалъ вчера у него. И потому, бывши только лишь вчера, такъ недавно, не знаю: ловко ли будетъ мнѣ быть нынче на вечерѣ? Во всякомъ случаѣ, заѣзжайте къ 10 часамъ, ибо я буду въ 8 часовъ у цензора Фрейганга.—Вашъ Щербина».

VII.

«1856 г. Сентября 25-го *). — Страшно лежать въ казенной больницѣ, Григорій. Я думаю, что я сойду съ ума... а для этого есть всѣ благопріятствующія данныя. Голодъ свирѣпствуетъ въ этой юдоли плача и вздоховъ, и стоновъ. Я ночь всю не спалъ и такія страшныя мысли и фантазіи объ убитомъ мальчикѣ-братѣ, пилили мое сердце и зажигали мозгъ **). О, Григорій! Когда кончится подобное положеніе! а вопіющій голосъ попранныхъ правъ человѣческихъ. Неужели мозгъ мой снесетъ все это...

---

*) *Объясненіемъ этого письма служитъ сохранившаяся у меня слѣдующая бумага.*

1856 г. 22-го сентября. № 7929. Въ контору Петропавловской больницы. — Служащій въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія Николай Щербина, будучи одержимъ болѣзнію, не имѣетъ, по совершенно недостаточному состоянію, средствъ къ пользованію себя на квартирѣ, по уваженію сего Департаментъ Народнаго Просвѣщенія проситъ покорнѣйше о принятіи г. Щербины въ оную больницу.

**) См. далѣе письмо А. А. Солнцева объ этомъ убитомъ братѣ Щербины.

«Адресъ мой: Н. Ѳ. Щ. На Петербургской сторонѣ, въ Петропавловской больницѣ, въ операціонномъ отдѣленіи. Видѣть лично меня можно по вторникамъ, пятницамъ и воскресеньямъ отъ 1 часу до 4-хъ часовъ. — Извѣстите объ этомъ Зотова, Солнцева и Шилля, и поспѣшите извѣстить. — Напишите мнѣ по городской почтѣ побольше. Страшно мнѣ, Григорій. — Вашъ Щербина. — Петропавловская больница».

VIII.

«1856 г. 4-го ноября. Представляю при семъ вамъ, Григорій, широкое поле одолжать меня: предъ вами рукопись моихъ стихотвореній для представленія въ цензуру. Поступите въ этомъ случаѣ тако: 1) Поспѣшите этимъ дѣломъ. 2) Спросите у князя П. А. Вяземскаго позволеніе отдать эту рукопись прямо цензору Бекетову, чтобъ вы могли сказать ему, что его просилъ князь прочитать эту рукопись, не отлагая ее въ долгій ящикъ, ибо мнѣ скорость и въ этомъ случаѣ очень нужна. 3) Спросивъ у князя, поѣзжайте къ цензору сказать это; потомъ отъ цензора поѣзжайте въ Цензурный Комитетъ, гдѣ записавъ эту рукопись у секретаря и выставивъ на ней №, съ обозначеніемъ, гдѣ слѣдуетъ, что она поступила къ цензору Бекетову и оставьте ее у него для цензурнаго прочтенія, но въ Цензурномъ Комитетѣ не оставляйте. 4) Между прочимъ, слегка объясните ему, что почти всѣ пьесы въ рукописи были напечатаны уже въ журналахъ, и притомъ въ самое строгое цензурное время—особливо первый отдѣлъ весь. Попросите его поспѣшить прочитать ее. На рукописи я написалъ свой адресъ, въ случаѣ, если бы цензору нужно было въ чемъ-либо объясниться со мною. Все это дѣло не оставьте окончательно исполнить въ понедѣльникъ, т.-е. завтра. Вашъ Щербина.

«P. S. У князя я самъ лично, скажите, потому не былъ съ просьбой объ этой рукописи, что не выхожу изъ дому по болѣзни».

IX.

«Петербургъ. 27-го мая 1858 г. Благодарю васъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, что вы меня не забываете, и за то, что вы посѣтили мой убогій доминко въ Таганрогѣ. Несмотря на небольшое письмо ваше, вы мнѣ высказали больше о Таганрогѣ, чѣмъ братъ мой въ десяти письмахъ.

Письмо ваше я читалъ съ большимъ любопытствомъ, и много вамъ за него благодаренъ: братъ мой пишетъ всегда лаконически. Впрочемъ и я ему пишу также, да и никогда не имѣлъ ничего писать ему поподробнѣе, потому, что считалъ это неумѣстнымъ и чуждымъ интересовъ его круга дѣйствій и отношеній. Получивши письмо ваше, и руководимый чувствомъ благодарности къ вамъ, за разныя прежнія обязательныя содѣйствія мнѣ, я тотчасъ отправился къ Зотову и показалъ ваше письмо: — вотъ что я могу послѣ этого сказать вамъ!—послѣ вашего отъѣзда, вслѣдствіе переворота мнѣній свыше, въ высшихъ кругахъ администраціи, цензура стала гораздо строже, и потому вашъ разсказъ не можетъ быть напечатанъ въ настоящее время, а нужно выжидать для него времени. Даже вашъ разсказъ уже напечатанный въ «Иллюстраціи» не былъ дозволенъ къ напечатанію цензоромъ и пропущенъ только съ разрѣшенія попечителя университета и предсѣдателя Цензурнаго Комитета князя Щербатова.

«За біографію и портретъ Радищева, Зотовъ будетъ вамъ несказанно благодаренъ. Онъ старику Радищеву за біографію отца его (вмѣсто подписки въ пользу его, что неудобно) дастъ самую большую цѣну, какую только можетъ платить «Иллюстрація». Пришлите статью-біографію (или автобіографію) Радищева въ «Иллюстрацію»; и если ее дозволятъ напечатать, то можете получить деньги въ пользу бѣдняка Радищева, что будетъ служить ему вспомоществованіемъ, вмѣсто подписки въ пользу его.

«Дружининъ врядъ ли скоро можетъ напечатать вашъ разсказъ, ибо всѣ редакціи завалены статьями, да при томъ и цензура...

«К** назадъ тому годъ продалъ повѣсть въ «Библіотеку для чтенія», получилъ впередъ деньги сполна за нее по 60 или, кажется, по 70 рублей сер. за листъ, и повѣсть до этихъ поръ никакъ не попадаетъ въ печать. Между тѣмъ, какъ «Современникъ» съ жадностію за дорогую цѣну покупаетъ его повѣсти. Такъ все завалено въ редакціяхъ статьишками; жди, когда-то дойдетъ очередь. Пишите въ редакцію «Иллюстраціи« и присылайте все, что есть у васъ и у другихъ; а главное Радищева присылайте.

«Сборничишко мой, я скажу Давыдову, чтобъ вамъ отправилъ; а стихи мои я для васъ оставилъ было, но вы

ихъ не взяли, и теперь у меня нѣтъ ни одного экземпляра. Я ѣду послѣ-завтра въ отпускъ, въ деревню, до сентября, и вы мнѣ туда пишите побольше и поподробнѣе, какъ можно поподробнѣе, о Таганрогѣ, о Корсунѣ, о которомъ я ровно никакихъ свѣдѣній не имѣю, о братѣ моемъ, о Харьковѣ и о прочемъ.

«Адресъ мой: Въ Юрьевъ Польской, Владимірской губерніи, Н. Ѳ. Щербинѣ.—Въ Еснплевѣ, имѣніи г-жи Акинѳовой (оставить на почтѣ).

«Видите ли, все ѣзжу изучать Великую Русь на мѣстѣ, въ сердцѣ ея народности. Жилъ въ Костромской, Тверской и Московской губерніяхъ, а теперь ѣду во Владимірскую губернію.—Кланяйтесь вашей женѣ.—Вашъ Щербина.

«Новое начальство мое доброе, я имъ доволенъ. Хандра у меня прежняя, Божій свѣтъ не милъ, тоска отъ долго-тянущейся жизни. — Но, вѣрьте, все наше теперешнее vanitas vanitatum».

X.

«18-го сентября 1858 года. Петербургъ.—Милый Григорій Петровичъ. Письмо ваше я имѣлъ удовольствіе получить и отвѣчаю вамъ на всѣ его пункты.

«Я видѣлся съ соредакторомъ «Библіотеки для чтенія» А. Ѳ. Писемскимъ, говорилъ съ нимъ о статьѣ вашей и онъ сказалъ мнѣ положительно, что статья ваша о пребываніи Екатерины Второй на Днѣпрѣ будетъ напечатана въ октябрьской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» этого года. Она будетъ напечатана съ нѣкоторыми измѣненіями въ тонѣ, который редакція нашла «нѣсколько сладкимъ», какъ сказалъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ. Для васъ редакція тоже приготовитъ извѣстное число оттисковъ.

«В. Р. Зотовъ сказалъ, что онъ не можетъ опредѣлить времени напечатанія вашего очерка «Крестьянка ученица» равно какъ и видовъ Полтавы, по причинѣ множества накопившихся матеріаловъ, но при первомъ представившемся удобствѣ они будутъ напечатаны.

«Я. П. Полонскій возвратился изъ Парижа, гдѣ женился на премилой дѣвицѣ изъ русскихъ. Онъ живетъ теперь пока въ квартирѣ Штакеншнейдера.

«Мей Л. А. недавно переѣхалъ жить въ концѣ августа на дачу.

«Я недѣлю тому назадъ возвратился изъ Москвы сюда

въ Питеръ. Въ Москвѣ жилъ около мѣсяца, и въ восторгѣ отъ милой, доброй, благородной, разумной и мыслящей Москвы, предъ которой Петербургъ кажется мнѣ городомъ нравственно-ограниченнымъ, алтынно-практичнымъ, словомъ «скорбнымъ главою», выключая, разумѣется, дѣлъ, относящихся къ узкой практичности, къ обыденнымъ цѣлямъ и тому подобному, внѣшне, хоть и необходимо-житейскому... Но, вѣдь, Москва, за то, столица всего народа. Не даромъ всякая крестьянская дѣвушка поетъ, въ самомъ отдаленномъ захолустьѣ Великороссіи, и поетъ о «матушкѣ каменной Москвѣ».

«Но я боюсь не пристрастенъ ли я къ Москвѣ, потому что люблю и любилъ ее всею полнотою сердца и патріотическаго чувства, да при томъ и провелъ въ ней два года первой юности — 1839 и 1840-й... А это много значитъ... А потомъ опять жилъ въ ней постоянно отъ 1850 по 1855-й годъ.

«Сухомлиновъ на годъ или, кажется, на два уѣхалъ за границу.

«У Штакеншнейдеровъ я не бываю и потому вашего поклона передать не могу, у М—ъ тоже не бываю по причинѣ ихъ козней противъ меня и множества эпиграммъ, мною на нихъ написанныхъ.

«Что дѣлается въ литературѣ — я почти не знаю, ибо избѣгаю всячески столкновенія съ литературщиками.

«Я былъ во Владимірской губерніи, ѣздилъ по деревнямъ, жилъ съ народомъ, изучалъ великорусскую народность, собиралъ народныя пѣсни, изучалъ русскую исторію и древности, потомъ былъ въ деревняхъ Московской губерніи, потомъ жилъ въ Москвѣ. Теперь я пріѣхалъ сюда на службу, которою пока весьма доволенъ, да и денегъ есть довольно. Адресъ мой: на Литейной, близъ Невскаго проспекта, въ домѣ Ниротморцевой, въ квартирѣ Харламова.— Весь вашъ Н. Щербина.

«Поклонитесь вашей женѣ. Семейству гр. Ѳ. П. Толстого я передамъ вашъ поклонъ.

«P. S. Вотъ къ вамъ моя особенная и покорнѣйшая просьба. — У васъ есть подлинная рукопись моего «Сонника», писанная моей рукою. Заклинаю васъ всѣмъ святымъ, успокойте меня тѣмъ, что вырвите изъ этой рукописи мѣсто о «Русскомъ Вѣстникѣ». Я написалъ его въ

сильной ипохондріи, въ болѣзненномъ припадкѣ самаго чернаго взгляда на все.— М. Н. Катковъ — самый лучшій человѣкъ въ настоящее время въ Россіи и полезный гражданинъ для нашего отечества и здороваго его развитія.—Семейство его и кругъ его общества — прекрасные люди. — Я у него въ семействѣ оставилъ собраніе моихъ сатирическихъ сочиненій, эпиграммъ и сонникъ въ новой редакціи, сдѣланной по моемъ выздоровленіи.

«Итакъ, я надѣюсь на васъ, что вы вырвете выше означенное мѣсто изъ «Сонника» и сожжете это мѣсто.

«Порука въ этомъ ваша честь:
Я смѣло ей себя ввѣряю»...

«*Уничтожьте непремѣнно*».

XI.

«1859 года, января 1-го дня. Поздравляю васъ, Григорій Петровичъ, и жену вашу съ новымъ годомъ и благодарю васъ за память обо мнѣ, выраженную письмомъ вашимъ. Сохраняя постоянно благодарныя чувства къ вамъ въ душѣ моей за всѣ ваши старанія и содѣйствія личнымъ интересамъ моимъ, я все-таки долженъ рѣшиться просить васъ не дѣлать мнѣ никакихъ собственно литературныхъ порученій, ибо я стараюсь избѣгать всякихъ литературныхъ сношеній. Это въ послѣдній разъ, что я рѣшился удовлетворить васъ по этому предмету и только исключительно для васъ.

«Вчера я видѣлъ Полонскаго въ домѣ графа Ѳ. П. Толстого и говорилъ ему насчетъ напечатанія статьи вашей. Онъ сказалъ, что рѣшительно не знаетъ, когда можетъ напечатать ее, равно какъ и никакой редакторъ не можетъ знать времени и обстоятельствъ, когда именно придется напечатать какую-либо статью. У него сотни статей, присланныхъ изъ провинціи, какъ и во всякой другой редакціи,— и много, много нужно времени и лицъ редактивныхъ, чтобы прочитать всю эту массу, и потому редакціи печатаютъ большею частію статьи петербургскихъ и извѣстныхъ писателей, которыхъ статьи читать не нужно, ибо за достоинство ихъ отвѣчаетъ не журналъ, а имя самого автора. Это послѣднее относится къ г. Турбину, о которомъ Полонскій ничего не знаетъ и въ первый разъ отъ меня услышалъ его фамилію. Я также спрашивалъ о немъ одного изъ сотрудниковъ «Современника» — самыхъ близкихъ къ

редакціи, онъ тоже сказалъ, что не помнитъ этой фамиліи и статей подъ этой фамиліей, и что въ редакціи лежитъ многое множество, присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ, статей и ихъ не прочтешь и въ два года. Полонскій сказалъ, что у него многія сотни статей лежатъ грудами въ редакціи, и потому онъ не беретъ статьи г. Турбина изъ «Современника», а пусть, коли угодно, онъ распорядится такъ, чтобы статья доставлена была ему изъ «Современника» прямо въ редакцію «Русскаго Слова» безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны.

«О скорости же напечатанія статей отъ неизвѣстныхъ авторовъ и думать нечего, это чисто зависитъ отъ случая, а иногда нужно, чтобъ статья возвышалась надъ уровнемъ обыкновенныхъ журнальныхъ повѣстей, чтобъ ее напечатали... Кѣмъ журналисты изъ провинціальныхъ авторовъ нуждаются, они тому тотчасъ высылаютъ деньги и просятъ отъ него статей, которыя вскорѣ и печатаютъ, — и наоборотъ. Ихъ приводятъ въ негодованіе тысячи писемъ, которыми спрашиваютъ ихъ о *времени* напечатанія; они ихъ рѣдко читаютъ, а еще рѣже отвѣчаютъ на нихъ, ибо въ статьяхъ нисколько не нуждаются и сами не просятъ, чтобъ ихъ имъ присылали. Вольно же. Зотовъ сказалъ, что, когда выпадетъ удобный случай, онъ напечатаетъ вашу «Полтаву». Но статья ваша — повѣсть, что ли, врядъ ли удобна къ напечатанію. Вотъ все, что я могъ отъ него добиться. Итакъ, этимъ надѣюсь, что навсегда отстраняю себя отъ литературныхъ порученій.

«О «Русскомъ Словѣ» и журналахъ вообще не могу вамъ сообщить ничего новаго, ибо никогда о нихъ и не спрашиваю, не интересуюсь ими.

«Полонскій будетъ самъ писать къ вамъ. Онъ квартируетъ у Штакеншнейдеровъ.

«Пишите ко мнѣ почаще и подробнѣе,—только безъ литературныхъ порученій.—Вашъ Щербина».

XII.

«С.-Петербургъ, 2-го октября 1862 года. Внемли, о «старче Григоріе!» Письмо ваше я получилъ, и очень благодаренъ вамъ за память обо мнѣ. Я вотъ уже полтора мѣсяца, какъ нездоровъ, не выходя изъ дома и не видаясь ни съ кѣмъ, за то же и адски работаю, просиживаю за работою иногда до 4-хъ часовъ ночи... Да и сколько за этимъ трудомъ нужно

сообразить, ворочать мозгами, корпѣть!.. Но нынче моя работа ужъ окончена совершенно. Этотъ трудъ мой по «Читальнику» или книгѣ для народа, назначаемой какъ для народнаго чтенія вообще, такъ и для всякаго рода простонародныхъ школъ, въ смыслѣ настольной книги для чтенія всесторонняго, объяснительнаго, развивающаго и сообщающаго разнообразныя, нужныя въ извѣстномъ быту, свѣдѣнія... «Читальникъ»—это народно-русская энциклопедія въ хрестоматической формѣ, гдѣ все въ связи и болѣе или менѣе въ системѣ. Чего не было въ данныхъ нашей литературы, мнѣ нужно было написать самому,—и я написалъ это. «Читальникъ» составленъ изъ произведеній русской словесности, начиная отъ 12-го вѣка по сей день, и содержитъ въ себѣ отдѣлы: 1) богословскій, 2) историческій, 3) по естествознанію и по практическому быту, 4) изящную словесность и 5) лѣчебникъ, календарь и т. п. Все это собрано, расположено, редижировано, переправляемо, сокращаемо, видоизмѣняемо, въ соображеніи съ основами и характеромъ русской народности, ея духа, пошиба внѣшняго, историческаго и практическаго быта и настоящихъ потребностей. Писанныхъ листовъ этого сборника вышло у меня 400, если не болѣе. «Московское общество распространенія полезныхъ книгъ» берется его издать и меня требуетъ въ Москву лично. Я отдаю трудъ свой безвозмездно, только чтобъ заплатили мои денежныя издержки по составленію «Читальника»,—я тянулся на него изъ своего жалованья, стѣснялъ себя во всемъ, единственно имѣя въ виду пользу страстнолюбимаго и изучаемаго мною великорусскаго простонародья... Я тоже и даже дважды проѣхалъ Волгою отъ Твери до Астрахани.

«Платилъ я деньги и за нѣкоторыя спеціальныя статьи, которыхъ неоткуда взять, или по совершенно чуждому мнѣ отдѣлу знаній... Словомъ, много издерживался и терпѣлъ поэтому много скрытой, глухой, незнаемой никѣмъ нужды, прикрывая все это приличною comme-il-faut-ною внѣшностью.

«Все дѣлаю самъ, — никто мнѣ не помогаетъ и не обращаетъ вниманія на настоятельную, вопіющую потребность подобной книги въ настоящее время... Да и чего же можно ожидать отъ современнаго, политическаго и общественнаго хлыщовства, отъ петербургскаго пустозвонства и невѣже-

ства тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ... Все тупицы, мелкіе эгоистическіе плутишки, рутинно-модные (но отсталые вмѣстѣ съ тѣмъ) фразеры, безъ знанія своей страны и народа, общія мѣста, вычитанныя (или выслышанныя) европейскихъ идей и науки, или, лучше сказать, кое-какихъ взглядишекъ... Но sapienti sat.

«Мнѣ давно предстоитъ, по службѣ, поѣздка въ Москву, но я все оттягиваю ее по болѣзни. Кромѣ того, назначается командировка въ разное время въ 7 великорусскихъ губерній.

«Въ половинѣ этого октября я буду въ Москвѣ, если особенно что не помѣшаетъ. Квартира моя въ Москвѣ—въ Кудринѣ, въ приходѣ Покрова, въ домѣ княгини Несвитской, въ квартирѣ А. В. Кирѣевой.

«Повѣсть вашу я читалъ; мѣстами она мнѣ очень понравилась. При личномъ свиданіи поговорю съ вами о ней подробнѣе.

«Мой петербургскій адресъ слѣдующій: въ Троицкомъ переулкѣ, въ домѣ Гассе.

«Никому не могу передать вашихъ поклоновъ, ибо по обыкновенію да и по болѣзни ни съ кѣмъ не видаюсь. Я въ Петербургѣ живу какъ въ деревнѣ,—нигдѣ не показываясь, нигдѣ не бывая... Да и что съ дураками водить компанію.

«Эхъ, поѣхать бы въ любимую мною Москву, все-таки легче бы было!.. Вотъ ужъ полтора мѣсяца, какъ сижу въ своей квартирѣ, не видя людей—ко мнѣ никто не ходитъ, я словно въ казематѣ... Впрочемъ, все работаю, хоть себѣ и не въ корысть, зато для удовлетворенія души своей и сердца, которыя бьютъ въ набатъ, прося общеполезнаго труда, труда только по строгому убѣжденію, а не своекорыстно-хлыщовскаго, въ петербургскомъ вкусѣ, и въ томъ, что въ модѣ...

«Шутовства немудрый бѣсъ
«Намъ разставилъ сѣти;
«Въ свистѣ слышимъ мы прогрессъ,—
«Мы сурки и дѣти...
«Какъ сурковъ, насъ тѣшитъ свистъ,
«Какъ молокососовъ,
«Чернышевскій-публицистъ
«И Лавровъ-философъ!..»

«Прощайте, Григорій. Ждите меня въ Москвѣ... Вы мнѣ будете нужны. Вашъ Н. Щербина».

XIII.

1869 года 8-го марта, за мѣсяцъ до своей кончины, Н. Ѳ. Щербина писалъ мнѣ слѣдующее.

«Добрѣйшій Григорій Петровичъ. Гряди и дерзай! Прилагаю при семъ письмо къ князю П. А. Вяземскому по моему дѣлу. Оно написано, по возможности, кратко и опредѣлительно. Вновь передѣлывать его не-по-что. Кажется, все въ немъ, какъ должно. Еще прилагаю къ письму два изящно и роскошно отпечатанныхъ и переплетенныхъ экземпляра «*Пчелы*»: пусть поступитъ съ ними князь Петръ Андреевичъ по своему благоусмотрѣнію, да вы еще скажите кое-что отъ себя. Вы уже знаете, «многоопытный и хитроумный Одиссей», что сказать по части практической.

«Я вѣрю, Григорій, когда вы въ Петербургъ пріѣзжаете, то мои житейскія дѣла улучшаются. А это тѣмъ болѣе нужно мнѣ теперь, такъ какъ болѣзнь сдѣлала меня калѣкой: ни выйти, ни выѣхать, ни о себѣ похлопотать, словомъ, ни оказать себѣ самопомощи...

«Гряди же въ міръ, и дерзай, Григоріе! Весь вашъ Щербина».

«P. S. Да, мнѣ нужно было повидаться съ вами. Что стоитъ вамъ зайти ко мнѣ хоть на 1/4 часа».

По поводу переданнаго черезъ меня письма Н. Ѳ. Щербины, князь П. А. Вяземскій писалъ мнѣ 9-го марта 1869 года слѣдующее:

«Письмо ко мнѣ Щербины передалъ я министру Тимашеву, подкрѣпляя усерднѣйшимъ ходатайствомъ и убѣдительнѣйшею просьбою. Отвѣта еще не имѣю. Секретарь императрицы боленъ, и тутъ еще нѣтъ отвѣта. Надняхъ посылалъ я Щербинѣ, съ порученіемъ все это ему передать. Побывайте у меня завтра, или въ другой день, въ два часа. Совершенно вамъ преданный кн. Вяземскій. — Вторникъ, вечеромъ».

Письма Н. Ѳ. Щербины къ его брату Ив. Ѳ. Щербинѣ.

«21-го мая 1862 г. Спб. Мѣсто тебѣ по питейно-акцизному сбору я отыскалъ у пріятеля моего, управляющаго питейно-акцизными сборами въ Подольской губерніи и Бессарабской.

«Малѣйшее взяточничество, за выдачу, напримѣръ, свидѣтельства какого-либо, влечетъ за собою неизбѣжное выключеніе изъ службы и опубликованіе во всѣхъ газетахъ, даже за шкаликъ водки, взятый въ благодарность. Слѣдить будутъ зорко и явятся сотни доносчиковъ, желая получить мѣсто выгнаннаго.

«Разсуди хорошенько и обстоятельно, — можешь ли жить однимъ только содержаніемъ по этой должности, совершенно безъ всякихъ постороннихъ доходовъ по должности, и тогда опредѣлись, а не иначе. Подумай хорошо.

«По службѣ могутъ впереди быть повышенія, если будешь безкорыстно правдивъ, строгъ и честенъ—при открывшихся вакансіяхъ.

«Да не пиши провинціально-холопскихъ чиновническихъ писемъ съ разными хамскими титулами и величаньями невѣжественно-чиновничьяго быта и униженіями лестью.

«Чрезъ три недѣли я ѣду до осени въ Москву.

«Напиши о А. С. Сиротининѣ, полкомъ ли онъ командуетъ, или нѣтъ. Н. Щ.»

II.

«14-го декабря 1862 г. С.-Петербургъ. Любезный братъ! Письмо твое я получилъ. Строго и аккуратно исполняя обязанности новой твоей службы, придерживаясь во всемъ законности и вниканіемъ и изученіемъ пріобрѣтая надлежащую опытность въ новой службѣ, можно имѣть постоянно въ виду повышеніе по должности: ибо эта малая должность удовлетворить житейскимъ потребностямъ не совсѣмъ можетъ. Эта должность нужна будетъ покуда какъ начало, какъ вступленіе, а по временамъ могутъ впереди открываться высшія вакансіи по этой части, чѣмъ нужно будетъ, по возможности, пользоваться, пріобрѣвши усердною и честною службою доброе о себѣ мнѣніе. Лучше было бы перейти въ Подольскую губернію: ибо Аккерманскій уѣздъ, пограничный съ Турціею, наполненъ разными бродягами, бѣглыми и разбойниками, такъ что жизнь часто можетъ быть въ опасности, ѣздя по этимъ дикимъ и пустыннымъ степямъ. Есть ли съ тобою солдатъ по службѣ?.. Бродяги и разбойники могутъ нападать по преимуществу на акцизныхъ надзирателей, предполагая у нихъ собранныя деньги акциза. Нужно быть всегда и во всемъ осторожнымъ и предусмотрительнымъ, а тѣмъ болѣе въ такомъ краю, наполненномъ

бродягами, при пограничности съ Турціею. Съ тобою, я думаю, долженъ ѣздить всегда служащій при акцизѣ солдатъ. Есть ли это у васъ положеніе? а тѣмъ болѣе въ такомъ дикомъ и опасномъ краю. Тутъ даже въ самомъ городѣ нужно быть чрезвычайно осторожнымъ и на все предусмотрительнымъ и оберегательнымъ.

«Адресъ мой: въ Троицкомъ переулкѣ, въ домѣ Гассе.

«Пиши мнѣ подробно о своемъ житьѣ-бытьѣ на новомъ мѣстѣ и объ отношеніяхъ своихъ по новой службѣ и т. п. Твой Н. Щербина».

III.

Предсмертное письмо Н. Ѳ. Щербины (дрожащимъ слабымъ почеркомъ) къ его брату Ив. Ѳ. Щербинѣ и его сестрѣ.

«22-го марта 1869 г. Петербургъ. Любезный братъ и сестра. Послѣднее письмо ваше я получилъ сегодня и спѣшу отвѣчать на него, несмотря на то, что дней 5-ть тому назадъ отправилъ къ вамъ письмо. Дѣло въ томъ, что вы обо мнѣ не безпокойтесь. Надняхъ я обратился къ медику, спеціалисту горловыхъ болѣзней, профессору медицинской академіи. Онъ осмотрѣлъ меня подробно, постукивалъ и выслушивалъ, и нашелъ, что легкія у меня цѣлы и невредимы; но что сильное ослизненіе всѣхъ слизистыхъ оболочекъ, а въ дыхательномъ горлѣ опухоль, неровности, затвердѣнія горловыхъ связокъ. Отъ этихъ причинъ постоянный кашель и мокрота. Легкія мои цѣлы, потому что грудь необыкновенно развита природою; впрочемъ, чего добраго, со временемъ болѣзнь можетъ добраться и до легкихъ. Теперь мнѣ трудно спать: сопѣнье, свистъ и храпѣнье въ горлѣ и въ носу, да я еще ночью и задыхаюсь. Теперь я занимаюсь устройствомъ своихъ служебныхъ и денежныхъ дѣлъ,—ибо думаю года на два переселиться въ Одессу: меня только и лѣчитъ теплый климатъ; но я отнюдь не хочу жить въ Таганрогѣ; но это время въ августѣ, можетъ-быть, буду съ недѣлю въ Таганрогѣ, ибо поѣду изъ Нижняго-Новгорода Волгой пароходомъ въ Самару, гдѣ буду мѣсяца 2 пить кумысъ, а тамъ отправлюсь Дономъ и желѣзной дорогой въ Таганрогъ, а оттуда въ Одессу на жительство. Такъ по крайней мѣрѣ я теперь предполагаю, а можетъ и перемѣню намѣреніе. Я весной навѣрное окрѣпну: меня только и лѣ-

чить, что воздухъ, а потому жильцамъ въ своемъ большомъ домѣ ты не отказывай и за мной не пріѣзжай, а сиди себѣ въ Таганрогѣ: ибо это стоитъ большихъ денегъ. Я здѣсь въ Питерѣ имѣю особую свою квартиру, со всѣмъ хозяйствомъ и удобствами. За мной ухаживаютъ въ квартирѣ три человѣка,—и ухаживаютъ какъ нельзя лучше. Въ Одессѣ у меня близкіе люди—Н. А. Новосельскій и тамошній градоначальникъ. Вашъ Н. Щербина».

Кромѣ того, небезынтересны по отношенію къ Щербинѣ слѣдующія два письма:

I.

Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ П. В. Зиновьеву.

«1855 г. 15-го декабря. Милостивый государь, Павелъ Васильевичъ! Даровитый писатель нашъ, Н. Ѳ. Щербина, съ лучшей стороны извѣстный свѣту, по разстроенному здоровью долженъ оставить Петербургъ и поселиться въ Москвѣ. Не имѣя никакихъ средствъ для обезпеченія своей жизни, онъ желаетъ получить въ Москвѣ мѣсто, которое обезпечило бы хотя первыя потребности и въ свободные часы дало бы ему возможность посвятить свои силы продолженію литературныхъ трудовъ.

«Обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою, не изволите ли найти возможность исполнить желаніе г. Щербины? Онъ указалъ два мѣста, гдѣ бы совершенно сродно съ его занятіями онъ счастливъ былъ бы найти службу».

«1855 г. Домашній учитель русскаго языка и словесности, состоящій при дирекціи училищъ Московской губерніи, служившій передъ симъ въ гражданской службѣ помощникомъ начальника газетнаго стола въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи, т. е. помощникомъ редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», Николай Щербина, желаетъ имѣть мѣсто при редакціи «Московскихъ (Университетскихъ) Вѣдомостей». Именно при библіотекѣ университета. или по преимуществу при редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», въ званіи младшаго чиновника, тѣмъ болѣе, что въ послѣдней имѣется въ виду, съ новаго года, перемѣна издателя, и при успѣхѣ «Вѣдомостей» въ настоящее время могло бы имѣться

въ виду увеличеніе числа при нихъ чиновниковъ. Г. Щербина имѣетъ званіе домашняго учителя русскаго языка и словесности при дирекціи училищъ Московской губерніи и служилъ передъ этимъ помощникомъ начальника газетнаго стола въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи по изданію «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Надѣясь на благосклонное участіе ваше къ службѣ г. Щербины, прошу васъ покорнѣйше принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. 15-го декабря 1855 года. Его Высокородію П. Вас. Зиновьеву».

II.

Письмо ко мнѣ А. А. Сонцева *).

«Письмо твое глубоко поразило мою душу, я до полученія его не зналъ о смерти Щербины, а ты знаешь, какъ я его любилъ, какъ родного; мнѣ кажется, никто не зналъ его лучше меня; его напускная мизантропія и желчные сарказмы не закрывали отъ меня его прекрасныхъ и благородныхъ качествъ души. Онъ со мною часто говорилъ по-человѣчески и далъ мнѣ себя близко узнать. Въ жизни онъ долго былъ ребенкомъ, за которымъ надо было смотрѣть и ухаживать, и я пять лѣтъ былъ его нянькой. Когда на Кавказѣ былъ убитъ его братъ, котораго онъ уговорилъ отправиться туда, онъ чуть съ ума не сошелъ, ему казалось, что окровавленная тѣнь его стоитъ надъ нимъ, и много ночей я сидѣлъ около него и тайно отъ него давалъ лѣкарство, укрѣпляющее нервы, конечно, по совѣту медика; явно онъ ни за что не сталъ бы лѣчиться. Я долго не привыкну къ мысли, что его нѣтъ на свѣтѣ, что я его больше не увижу и не обниму. Когда онъ былъ боленъ завалами печени и ему приказано было дѣлать моціонъ, а онъ не вставалъ по цѣлымъ днямъ съ кровати, я съ человѣкомъ насильно подымалъ его, несмотря, что онъ дрался и ругался, или плакалъ, какъ дитя, его выносили на улицу и за руку я уводилъ его и по два часа заставлялъ ходить, и это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; только съ другомъ можно было такъ возиться, какъ я съ нимъ, и онъ мнѣ дѣйствительно былъ другомъ, его теплыя и искреннія письма ко мнѣ это доказываютъ. Разъ мы были на дачѣ у Штакеншнейдера;

*) Бывшаго впослѣдствіи вице-губернаторомъ въ таврической губерніи.

въ общемъ спорѣ онъ сказалъ мнѣ желчно дерзость, я тогда промолчалъ, но когда мы сѣли въ экипажъ и выѣхали на дорогу, я спросилъ его, всѣмъ ли онъ такъ платитъ за сердечную привязанность, какъ сегодня заплатилъ мнѣ; Щербина разрыдался, сталъ обнимать меня и цѣловать, а я едва могъ утѣшить его. Меня съ нимъ познакомилъ Сошальскій, тогда онъ жилъ въ какомъ-то чуланчикѣ; познакомившись ближе, я уговорилъ его переѣхать къ намъ, даромъ онъ не хотѣлъ это сдѣлать, и мы приняли его въ часть; онъ такъ былъ щекотливъ, что если обѣдъ готовился сколько-нибудь лучше вседневнаго, онъ ограничивался двумя блюдами, и эта церемонія долго продолжалась, пока съ нами жилъ Сошальскій, котораго онъ не любилъ за хвастливый и покровительственный характеръ. Онъ всю жизнь былъ горемычный труженикъ, только послѣдніе годы судьба ему улыбнулась для того, чтобы такъ безжалостно задушить его».

У меня хранится собственноручная тетрадь юношескихъ стихотвореній Н. Ѳ. Щербины, куда онъ внесъ и нѣсколько позднѣйшихъ пьесъ. Приготовивъ эту тетрадь для печати, онъ потомъ раздумалъ и выступилъ съ болѣе зрѣлыми произведеніями, озаглавивъ первую свою книгу: «Греческія стихотворенія». Привожу изъ упомянутой тетради слѣдующія восемь пьесъ:

I.

Деревня.

На пыльный небосклонъ лишь тучка набѣжитъ
И городъ влажною прохладой освѣжитъ,
И ближній садъ повѣетъ ароматомъ,
А нивы дальнія заблещутъ лѣтнимъ златомъ,
Люблю я вспоминать, за чашею вина,
Пріютъ спокойствія и тихой нѣги сна—
Деревню добрую, съ роскошными полями,
Съ рѣкою голубой, съ зелеными садами,
Съ малиной спѣлою, со сливой золотой,
И локонъ барышни, природой завитой,
Ея воздушныя, плѣнительныя ножки,
Обутыя — увы! — въ полусапожки...

* *
*

Сливаются вдали напѣвы соловья
Съ журчаньемъ трепетнымъ кристальнаго ручья;

Склонились сводами плакучія березы:
Съ нихъ падаютъ въ рѣку росы вечерней слёзы.
Со стадомъ молодымъ идетъ пастухъ къ рѣкѣ,
Играя весело на дѣдовскомъ рожкѣ.
Помѣщикъ пожилой, въ своемъ халатѣ давнемъ,
Отъ мошекъ затворять приказываетъ ставни.
Онъ говоритъ теперь о дочери своей,
Что старый бригадиръ въ мужья назначенъ ей,
Что будетъ онъ въ сей жизни ей попутчикъ,
А дочери все снится подпоручикъ!..

* * *

Люблю я отъ души тебя, уютный край,—
Деревня добрая, лѣнивца свѣтлый рай!..
Тамъ барыня свой станъ снуровкой не сжимаетъ,
Тамъ, удалясь она отъ тщетной суеты,
Свои наивныя до глупости черты
Подъ маской жалкою бѣлилъ не сокрываетъ;
И барышня твоя прелестна и стройна,
Хоть въ платьѣ ситцевомъ красуется она.
Люблю въ деревнѣ я житье-бытье простое,
И щечки полныя, и молоко густое.

II.

Фонтенебло.

Уныло и глухо подъ сводами залы:
　　Не слышно тяжелыхъ шаговъ,
Не слышно ни звона заздравныхъ бокаловъ,
　　Ни пѣсенъ веселыхъ бойцовъ.
Нѣтъ признака жизни; вокругъ запустѣнье,
　　Какой-то печалью глядитъ...
Въ дворцѣ позабытомъ, какъ даръ сокровенный,
　　Походная шляпа лежитъ.
Въ глубокую полночь тамъ носятся тѣни
　　Угасшихъ давно королей,
И поступью важной идутъ привидѣнья
　　Въ тотъ залъ изъ парадныхъ дверей...
На голову шляпу себѣ примѣряютъ:—
　　И всѣмъ не-по-мѣркѣ она!..
И тѣни одна за другой исчезаютъ,
　　Какъ въ утреннемъ блескѣ — луна...
Потомъ императоръ является въ залу...

Державныя руки скрестилъ...
Тревожная дума въ очахъ заблистала:
На шляпу онъ взоръ устремилъ.
Видна на той шляпѣ ничтожность земная,
Почило величье на ней,
И тѣнь, съ укоризной на шляпу взирая,
Груститъ о судьбинѣ своей...
Сирійское солнце ту шляпу палило,
Песокъ африканскій пылилъ,
Метели Россіи ее убѣлили,
И валъ океана кропилъ!..
Смотрѣлъ императоръ и грозно, и дико:
Унесть свою шляпу хотѣлъ.
Но вдругъ раздалися разсвѣтные клики,
И съ ночью онъ въ высь улетѣлъ...

III.

Пиръ въ Хіосѣ.

Напѣнимъ наксосомъ мастиковыя чаши,
Алоэ Индіи въ курильницахъ зажжемъ!..
Какъ этотъ дымъ, разсѣются печали наши,
И нектаръ радости смѣшается съ виномъ.
Сквозь тонкій паръ душистаго наксоса,
Сквозь ароматъ прозрачныхъ облаковъ,
Увидимъ васъ, красавицы Хіоса,
Въ вѣнкахъ изъ гроздій и цвѣтовъ.
Увидимъ мы, какъ по цвѣтамъ катится
Струя душистая кудрей,
Какъ виноградъ, колеблясь, золотится
На мраморѣ трепещущихъ грудей...

IV.

Янинская темница.

Небо Аттики прекрасной
Надо мною не блеститъ,
И съ Олимпа мѣсяцъ ясный
Сквозь рѣшетку не глядитъ.

* *
*

Знать, подъ сѣнью Пароенона
Я лобзалъ тебя въ уста,

Свѣтлоокая кукона,
Чтобъ проститься навсегда...

*
* *

Но зачѣмъ съ тобой такъ мало
На прощаньи говорилъ,
И вокругъ якѐты алой
Страстно рукъ я не обвилъ!

*
* *

Освѣти же мракъ темницы
Взоромъ пламенныхъ очей:
Мнѣ давно не шлетъ денница
Свѣтлорадужныхъ лучей!..

*
* *

Смерти жаждешь ты, Янина:
Слышу я, за мной идутъ...
Но альбанцы Тебелина
Крови грека не прольютъ!..

*
* *

Палъ, рыдая, на колѣни;
Онъ молитву сотворилъ
И о каменную стѣну
Буйну голову разбилъ.

V.

Русская колыбельная пѣсня.

Спи, мое дитятко,
Спи мое милое,
Спи, когда спится!..

*
* *

Скоро ты выростешь,
Съ теплаго гнѣздышка
Скоро слетишь...
Съ русой бородкою,
Дитятко милое,
Горе прійдетъ.
Съ первой красавицей,
Съ первой зазнобушкой
Сонъ пропадетъ,
Съ женкой румяною,
Съ малыми дѣтками
Много заботъ!..

Теща сварливая
Съ тестемъ затѣйливымъ
Съ толку собьютъ.
Пѣсня-ль старинная
Вспомнится радостно—
Хочешь запѣть...
Въ двери широкія
Явятся хлопоты,—
Пѣсня уйдетъ...
Сонъ ли украдкою
На изголовьецо
Ляжетъ порой, —
Дума житейская,
Злая кручинушка
Сгонятъ его...

*
* *

Спи, мое дитятко,
Спи мое милое...

VI.

*
* *

...И взвился тихій Донъ
Серебристой зміей,
По зеленымъ лугамъ
Покатился рѣкой;
Далеко полетѣлъ
Сизокрылымъ орломъ
И на землю упалъ
Безконечнымъ лучомъ.
Донъ живою водой
Хитрыхъ грековъ поилъ,
И хозаровъ лихихъ
Онъ на битвы носилъ;
Подъ ладьями славянъ
Онъ привѣтно шумѣлъ;
Громки пѣсни свои
Имъ съ гуслярами пѣлъ.

VII.

Кручина добраго молодца.

Разъ приглянулся яснымъ звѣздочкамъ
Свѣтелъ мѣсяцъ—добрый молодецъ

И пришли онѣ съ челобитьицемъ
Къ свѣтлу мѣсяцу—добру молодцу.

— «У тебя-ль, у мѣсяца, высокъ теремъ,
Изукрашенъ онъ лучше боярскаго,
Не изъ простого камня бѣлаго,
Изъ самоцвѣтной бирюзы состроенный,
Въ ширину, въ длину, не семи саженъ,
А надъ цѣлой землей онъ красуется.
Ты одинъ господинъ въ своемъ теремѣ,
Какъ Адамъ въ раю, похаживаешь,
Ясными очами посматриваешь,
Русую бородку поглаживаешь,
По плечамъ кудри разбрасываешь;
А постель у тебя—золоты облака:
Она мягче, пышнѣй невѣстиной.
Ты со сна встаешь—умываешься,
Съ твоихъ рукъ идетъ вода чистая
На поля росой серебристою;
Ты, умывшись, утираешься
Не ширинкой простой, а радугой,
Изукрашенной, разноцвѣтною,
Златомъ шитою, краснымъ солнышкомъ.
Много есть у тебя, добрый молодецъ,
Добра всякаго и угодьицевъ,
Только нѣтъ у тебя красной дѣвицы,
Нѣтъ подруженьки—ясной звѣздочки...
Выбирай себѣ изъ звѣздочекъ
Подруженьку, разлапушку,
Своему терему хозяюшку!..»

VIII.

Моя жизнь.

Какъ много надъ юной моей головою
Промчалось житейскихъ тревогъ
Въ тяжелой борьбѣ съ непокорной судьбою!..
Но пасть я духовно не могъ.

Я въ жизни боролся не съ бурей великой,
Не съ мощнымъ, разумнымъ врагомъ,
Но съ мелочью горя, но съ глупостью дикой
Въ упорствѣ ея мелочномъ.

Я брошенъ былъ рокомъ съ младенчества въ тину,
Не знаемъ никѣмъ изъ людей,
Но я въ ней нашелся, и въ ней не покину
Я мысли высокой моей.

И слышу отрадно я голосъ призывный
Въ житейской моей пустотѣ:
«Вся жизнь твоя будетъ одинъ непрерывный
И пламенный гимнъ красотѣ».

1850 г., октября 25.
Село Павловское.

Отрывки изъ неизданныхъ сатиръ и эпиграммъ Н. Ѳ. Щербины:

1.

Некрасовъ.

Отъ генерала Муравьева
Онъ въ клубѣ кару вызывалъ
На тѣхъ, кому онъ самъ внушалъ
Дичь направленія гнилого,
Кого плодилъ его журналъ...
Ну, словомъ: «нашъ» онъ «либералъ»,
Не говоря худого слова.

23 апрѣля.

2.

Лавровъ *).

Онъ Пиладъ студентской дружбы,
Онъ младенецъ въ цвѣтѣ лѣтъ;
Онъ полковникъ русской службы,
Русской мысли онъ кадетъ.

3.

Сѣверо-западный политикъ.

Квартальныхъ Зевсъ, Маккіавель пажей,
Теперь попалъ въ администраторы:
Такъ повелось на родинѣ моей,
Гдѣ мѣтитъ всякъ кадетъ въ новаторы...

---

*) Извѣстный въ свое время артиллерійскій полковникъ, авторъ философскихъ писемъ, либералъ, а затѣмъ эмигрантъ.

4.

Безъ названія.

Я на исторію сошлюся:
Отъ Рюрика и Синеуса
Тупѣй тѣхъ не было людей,
Что въ наши дни вертятъ дѣлами
И въ пропасть мчатся вмѣстѣ съ нами,
Во имя западныхъ идей.

10 декабря 1867 г.

5.

Р*** *).

Жалки намъ твои творенья,
Какъ германскій жалокъ Сеймъ.
Тредьяковскій обличенья,
Стихоборзый ***!

6.

Зараза.

Легче мнѣ бѣжать со свѣту
И въ глуши окончить вѣкъ,
Чѣмъ Корша́ читать газету;
Вѣдь, читая тупость эту,
Окорши́тся человѣкъ!

24 октября 1867 г.

7.

Еще о Валентинѣ **).

Я изъ міра сего многошумнаго
Помирился съ могильною сѣнью,
Зане́ Ко́рша тамъ нѣтъ скудоумнаго,
Съ либеральной его дребеденью...
Еще Коршъ вѣдь пока не преставился
(Ему жъ годы прожить за годами);
Мнѣ тотъ свѣтъ за одно бъ ужъ понравился,
Что съ такими не жить дураками.

30 марта.

---

*) Поэтъ М. П. Розенгеймъ.
**) Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ.

8.

Паки о ***.

Россійской пустотѣ, фразерству Петрограда
Всѣ города, смѣясь, даютъ свой контингентъ:
На что ужъ Чухлома,—и та куда какъ рада,
Пославъ *** въ нашъ Питерскій конвентъ!

16 января.

9.

Marquis de W***.

Рескриптъ тринадцатаго мая
Я, буква въ букву исполняя,
Тиблену разрѣшилъ журналъ:
Да поражаетъ онъ Каткова
Всей монтаньярской силой слова,
Чтобъ врагъ мой палъ и не возсталъ.

2 декабря 1867 г.

10.

Дополненіе къ „Русскому Толковому Словарю".

«Камо пойду отъ духа твоего и отъ взора твоего камо бѣжу?» Псаломъ 130-й.

Когда въ Россіи многопьющей
Вамъ скажутъ слово «вездѣсущій»,—
Не разумѣйте Бога въ немъ:
Такъ на̀чали, во время ***
(Сего грядущаго банкрота)
Именовать «питейный домъ».

14 ноября.

11.

Литія по усопшемъ рабѣ Божіемъ Г***.

Мы въ гербѣ орла уничтожаемъ,
Гербъ мѣняемъ, Г***, черезъ тебя!
Кабакомъ орла мы замѣщаемъ...
Чтобъ точнѣе выразить себя...

12.

1869 годъ.

Трущобнымъ зоиламъ.

Я говорю, когда меня ругаютъ
Какой-то «Зеть» и «Искра» и «Недѣля»: —

То на меня изъ подворотни лаютъ,
То расходился пьяный пустомеля.

2 января.

13.

XIX вѣкъ.

Вѣкъ девятнадцатый вѣкомъ бездарности
Долженъ въ Россіи прослыть,
Хоть за реформы его благодарности
И невозможно лишить.

Нижеслѣдующія три сатиры Н. Ѳ. Щербины, записанныя имъ для меня, хотя при жизни его ходили въ рукописныхъ копіяхъ, но не были включены въ печатное собраніе его сочиненій, а если были гдѣ-либо напечатаны, — въ спискѣ его сочиненій не значились:

14.

Наше время.

Когда былъ въ модѣ трубочистъ,
А генералы гнули выю,
Когда стремился гимназистъ
Преобразовывать Россію;
Когда, чуть выскочивъ изъ школъ,
Въ судахъ мальчишки засѣдали,
Когда фразистый произволъ
Либерализмомъ величали;
Когда могъ О . . . хинъ быть судьей,
Черняевъ же отъ дѣлъ отставленъ,
Катковъ преслѣдуемъ судьбой,
А Писаревъ зѣло прославленъ;
Когда сталъ чиномъ генералъ
Служебный якобинецъ С***
И Муравьева воспѣвалъ
Нашъ красный филантропъ Некрасовъ;
Когда бездарность и прогрессъ
Въ Россіи стали синонимомъ,
И здравый смыслъ совсѣмъ исчезъ,
Тургеневскимъ разсѣясь «Дымомъ»: —
Тогда въ бездѣйствіи влачилъ
Я жизни незамѣтной бремя,

И счастливъ, что незнаемъ былъ,
Въ сіе комическое время!..

20 ноября 1867 г.

15.

Французскій терроръ въ русскомъ духѣ.

Доморощеннымъ гигантамъ
Должный путь мы указали;
Сообразно ихъ талантамъ,
На мѣста ихъ разсажали.

Робеспьеровъ по акцизу,
А Маратовъ по контролю,
Пусть все рушатъ сверху, снизу—
Либеральничаютъ вволю!

Надѣлить крестьянъ землею
Мы Бабефовъ разослали,
А Барбесовъ всей душою
Въ мировые судьи взяли!

Терруань-де-Мирекýры
Школы женскія открыли,
Чтобъ оттуда наши дуры
Въ нигилистки выходили!

Клóцы нашимъ гимназистамъ
Проповѣдуютъ науку...
Словомъ, крайнимъ прогрессистамъ
Все теперь поплыло въ руку!

Но средь этой благостыни
Есть безъ жениха невѣста:
Только Разума богинѣ
Не нашлось въ Россіи мѣста!

1863 г.

16.

1861 годъ.

Вы зачѣмъ ихъ заключили
Въ стѣны крѣпости гранитной

И допросы имъ чинили,
Съ важной строгостью и скрытно?

Ихъ значенье такъ ничтожно,
Иль опасно такъ для трона,
Что допрашивать бы можно
Ихъ въ кондитерской Рабона...

Дать бы имъ конфектъ по фунту,
Воротить имъ ихъ воззванья—
Пусть идутъ, взывая къ бунту,
По Руси, безъ задержанья!

1861 г.

Привожу также изъ подлинной рукописи Н. Ѳ. Щербины, имъ подаренной мнѣ, слѣдующія: «*Дополненія къ Соннику современной русской литературы* (1856 г.)», — въ виду того, что въ печатномъ изданіи «Сонника» эти мѣста, касавшіяся еще живыхъ въ то время лицъ, издателемъ были опущены:

Б., *Бенедиктова* во снѣ видѣть предвѣщаетъ увидѣть наяву фигуру индѣйскаго пѣтуха.

Г., *Глинку Ѳеодора* во снѣ видѣть предвѣщаетъ побывать въ звѣринцѣ и смотрѣть тамъ на кривлянья обезьянки.

Д., *Дружинина* во снѣ видѣть предвѣщаетъ столкнуться въ Средней Мѣщанской съ Мефистофелемъ XIV класса, съ денди Выборгской стороны.

К., *Кукольника* во снѣ видѣть предвѣщаетъ изъ романтическаго трубадура превратиться въ черезчуръ классическаго чиновника и запивоху.

Л., *Л—ва Михайла* во снѣ видѣть предвѣщаетъ для мужчинъ припадки сатиріазиса, а для дамъ припадки нимфоманіи; иногда же предвѣщаетъ непріятно столкнуться съ грязной литературной тлей съ претензіями на лакейское остроуміе и циническій юморъ, отъ котораго, впрочемъ, всѣ невзыскательные цирюльники, сидѣльцы и холопы способны надорвать животики.

М., *М—а* во снѣ видѣть предвѣщаетъ проглотить аршинъ или оскопиться духомъ и тѣломъ; иногда предвѣщаетъ быть одержимымъ глистомъ-солитеромъ.

Н., *Некрасова* во снѣ видѣть предвѣщаетъ изъ житей-

ской необходимости войти въ связи съ пустымъ и пошлымъ человѣкомъ (въ родѣ Ивана Панаева).

С., *Ст—го А.*—во снѣ видѣть предвѣщаетъ: отца и мать въ грязь втоптать, лишь бы только плохую повѣстушку написать, или же увидѣть, какъ комически русская холопка корчитъ изъ себя эманципированную Жоржъ-Сандъ.

— *Соловьева*, московскаго профессора, и *Макарія епископа Винницкаго* во снѣ видѣть предвѣщаетъ увидѣть наяву первую занимающуюся зарю самобытной русской науки.

— *Соллогуба* графа во снѣ видѣть предвѣщаетъ взять и не отдать; иногда же предвѣщаетъ съ изумленіемъ увидѣть на мраморномъ пьедесталѣ роскошную севрскую вазу, наполненную болотной тиной и смраднымъ навозомъ и прикрытую сверху букетами камелій.

— *С**** академика во снѣ видѣть предвѣщаетъ все знать и ничего не знать, прикрыть недостатокъ всякаго содержанія эгидою сухого черстваго педантизма, безплоднаго буквоѣдства и шарлатанства, съ примѣсью хитрой злости, чѣмъ довольно выгодно для себя провести и облопошить дряхлый и выжившій изъ ума ареопагъ русской науки.

Х., *Хотинскаго* видѣть во снѣ . . . . сонъ нецензурный.

Ш., *Шестакова* (московскаго профессора во снѣ видѣть предвѣщаетъ — въ слѣдующую ночь увидѣть тоже во снѣ Василія Кирилловича Третьяковскаго, стоящаго на котурнахъ Софокла, закутаннаго въ софокловскій гиматій и добродушно выдающаго почтеннѣйшей публикѣ свою «Деидамію» за софоклова «Царя-Эдипа».

МОСКОВСКІЙ ДВОРЯНСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

(ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.)

Въ январѣ 1841 года меня, одиннадцатилѣтняго мальчика, отвезли изъ харьковскаго имѣнія покойнаго моего отца въ Москву, гдѣ опредѣлили въ дворянскій институтъ, бывшій университетскій благородный пансіонъ.

Въ институтъ принимались, по экзамену, только дѣти потомственныхъ дворянъ, уже достаточно подготовленныя домашнимъ воспитаніемъ, на которое въ дворянскихъ семьяхъ и тогда обращалось особенное вниманіе. Сужу по своимъ товарищамъ-одноклассникамъ и по себѣ.

До поступленія въ институтъ я учился у частныхъ наставниковъ. Русскую азбуку, по странной случайности, впервые объяснилъ мнѣ, по какому-то замасленному букварю съ картинками, семидесяти-лѣтній старикъ-еврей, Бѣрко Семеновичъ, какъ его звали у насъ, наѣзжавшій въ имѣнія моего отца и дѣда, для починки часовъ и другихъ вещей, изъ сосѣдней, военно-поселенской слободки Андреевки, гдѣ теперь пересыльно-каторжная тюрьма. Это былъ маленькій, худенькій, съ длинною бѣлою бородой и бѣлыми нѣжными руками, въ черной шелковой ермолкѣ, самоучка-ремесленникъ, сперва винокуръ, потомъ часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ. Какъ теперь вижу его въ большомъ, пустынномъ послѣ смерти дѣда, деревенскомъ залѣ, съ бѣлыми позолоченными столами и стульями и съ чучелами птицъ на круглыхъ, въ видѣ фигурчатыхъ колоннъ, печахъ. Разобравъ и разложивъ на столѣ, у окна, части большихъ столовыхъ, англійскихъ, или карманныхъ часовъ, добродушный Бѣрко, съ оловянными очками на носу, просиживалъ передъ этимъ

столомъ цѣлые дни, напѣвая унылые и пріятные синагогальные канты. Мнѣ было тогда пять лѣтъ. Обѣгавъ съ утра садъ, конюшни и огороды и врываясь въ залъ, гдѣ работалъ Бѐрко, я любилъ подсаживаться къ нему. Здѣсь онъ, работая и поглядывая на меня черезъ очки добрыми, ласковыми глазами, разсказывалъ мнѣ библейскія легенды, бо̀льшею частью примѣняя ихъ къ себѣ и къ своему зятю, еврею Розенбергу, который былъ моложе Бѐрки, но тоже съ сѣдою бородой, и въ то время жилъ въ сосѣднемъ хуторѣ дѣда, Курба̀товѣ, при винокурнѣ. Отъ Бѐрки я впервые узналъ объ Авраамѣ, Ноѣ и Давидѣ. Самсонъ и Авессаломъ въ особенности тогда заняли меня. И я помню, что, сочтя себя тутъ же Самсономъ, я долго не позволялъ нянѣ своей Аграфенѣ стричь себѣ волосъ, чтобы не потерять тѣлесной силы, и уступилъ ей, послѣ долгихъ споровъ и слезъ, только потому, что вспомнилъ о другомъ героѣ, Авессаломѣ, повисшемъ въ бѣгствѣ подъ деревомъ на длинныхъ волосахъ. Бѐрко, сколько помню, очень полюбилъ меня. Отдыхая среди работы, онъ вынималъ изъ кармана своего длиннополаго лапсердака разныя книжки, и медленно, тихо читалъ мнѣ изъ нихъ. Узнавъ, что я еще не знаю грамотѣ, онъ шутя сталъ объяснять мнѣ буквы и скоро научилъ меня разбирать по складамъ. Это сильно обрадовало моихъ родителей, рѣшившихъ, что пора, видно, браться за мою грамоту.

По шестому году ко мнѣ, для болѣе правильнаго обученія, моею матерью была приглашена Евгенія Ивановна Пчѣлкина, воспитанница перваго выпуска харьковскаго института, гдѣ кончила курсъ и моя мать. Это была необыкновенно кроткая, милая, религіозная особа, большая мастерица шить бисеромъ и гарусомъ по шелку и канвѣ. Невысокаго роста и слабаго здоровья, она, проснувшись съ зарей и поливъ на окнахъ любимые матушкины жасмины и левкои, становилась передъ образомъ въ своей комнаткѣ, смежной съ моею, изрѣдка крестилась и, медленно покачиваясь изъ стороны въ сторону, простаивала на молитвѣ по часу и болѣе. Она объяснила мнѣ первыя понятія о вѣрѣ, обучила молитвамъ, бѣглому чтенію, писанію съ прописей и таблицѣ умноженія; притомъ я выучился у нея шить гарусомъ и шелкомъ и вязать на рогулькахъ какіе-то шнурки. Въ послѣднемъ искусствѣ, сколько помню, я сдѣлалъ у нея болѣе успѣховъ, чѣмъ въ обученіи чтенію и письму. Ев-

генія Ивановна Пчёлкина скончалась недавно въ тульской губерніи.

Отецъ на воспитаніе мое не имѣлъ особаго вліянія, такъ какъ умеръ, когда мнѣ было восемь лѣтъ. По отзывамъ всѣхъ, знавшихъ его, это былъ въ высшей степени добрый, мягкаго и робко-застѣнчиваго нрава человѣкъ. Любя хозяйство и уединенную, простую, трудовую жизнь, онъ не имѣлъ склонности ни къ выѣздамъ, ни къ чтенію, и, сколько лично помню, заглядывалъ только въ изрѣдка доходившіе къ намъ отъ сосѣдей крошечные листы тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостей». Проходя ученіе въ Петербургѣ, въ Дворянскомъ полку, онъ, какъ потомъ самъ любилъ разсказывать, по праздникамъ навѣщалъ знакомаго своему родителю, по Чугуеву, грознаго временщика Аракчеева, который, освѣдомясь о музыкальныхъ способностяхъ своего гостя (отецъ игралъ на фортепіано и скрипкѣ), заставлялъ его, въ такія посѣщенія, строить свои клавикорды, но не помогъ ему, по окончаніи курса, пристроиться, согласно его желанію, въ Петербургѣ, а, напротивъ, настоялъ на переводѣ его въ глушь херсонскаго военнаго поселенія, въ бугскіе уланы. Отецъ не вынесъ этой службы. Выйдя вскорѣ въ отставку, онъ женился и нѣкоторое время служилъ депутатомъ, по выборамъ харьковскаго дворянства, между прочимъ, засѣдателемъ харьковской уголовной палаты. Крайне запутанное долгами состояніе дѣда принудило отца разстаться и съ этою службой. Поселясь въ деревнѣ, онъ до конца жизни занимался хозяйствомъ у себя и у родной сестры, всячески стараясь спасти разстроенное и едва не проданное съ молотка наслѣдственное свое имѣніе. Онъ вспоминается мнѣ не иначе, какъ съ постоянно озабоченнымъ, усталымъ, смугло-красивымъ лицомъ. Съ весны и до глубокой осени, онъ, буквально, не покидалъ верхового коня и бѣговыхъ дрожекъ, уѣзжая въ поля съ разсвѣтомъ и возвращаясь домой только къ вечеру. Въ ожиданіи поздняго обѣда, онъ, наскоро умывшись, бралъ иногда въ руки скрипку. И я помню, въ подобныя минуты, его статную, черноволосую, плечистую фигуру, въ одномъ жилетѣ, поверхъ рубахи, безъ сюртука, съ сильно загорѣвшимъ отъ солнца и вѣтра лицомъ, прижатымъ къ скрипкѣ, и съ темно-карими глазами, задумчиво устремленными въ садъ, пока его смычокъ выводилъ по струнамъ какую-либо грустную и, какъ онъ самъ, робко-мечтательную мелодію.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, на бѣговыхъ дрожкахъ, въ поле, во время спѣшной уборки хлѣба въ имѣніи сестры, отецъ внезапно заболѣлъ (какъ говорили потомъ, отъ солнечнаго удара). Погода стояла знойная. Степь замерла подъ палящими лучами полудня. Рабочіе, пообѣдавъ, спрятались подъ тѣнью копёнъ. Чувствуя необыкновенный упадокъ силъ, отецъ рѣшилъ скорѣе возвратиться домой. Среди опустѣлаго поля некому было ему помочь. Онъ снялъ съ лошади вожжи и, чтобы не свалиться на пути, кое-какъ привязалъ себя ими къ сидѣнью дрожекъ, и затѣмъ впалъ въ обморокъ. Вѣрный пѣгій конь — я помню его, онъ потомъ долго еще жилъ на свободѣ въ нашемъ имѣніи, дойдя до такой старости, что, барахтаясь на травѣ, не могъ уже перевернуться съ боку на бокъ—привезъ его въ безсознательномъ положеніи во дворъ моей тетки. Съ тѣхъ поръ отецъ уже не поправлялся. Явилось воспаленіе печени. Больного, въ сопровожденіи домашняго врача и друга нашей семьи, Ѳ. С. Цыцурина, повезли-было въ Харьковъ, для удобства лѣченія и совѣта съ другими врачами, но ему на дорогѣ подъ Чугуевомъ стало хуже. Привезенный обратно въ наше имѣніе, онъ почувствовалъ себя какъ бы лучше, но снова здѣсь заболѣлъ и вскорѣ, на тридцать шестомъ году жизни, скончался.

Моя мать (по второму мужу Иванчинъ-Писарева) была совершенною противоположностью отцу. Оставшись по второму году круглою сиротой, она кончила воспитаніе, подъ опекой своего дяди, въ харьковскомъ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ, гдѣ, по преданію, была одною изъ лучшихъ ученицъ извѣстнаго піаниста и композитора Борсицкаго. Хорошо знакомая съ русскою и французскою литературами, всегда оживленная, веселая, подвижная и впечатлительная, она любила общество, выѣзды, театры, балы, и, гдѣ ни появлялась, всюду вносила особый, свойственный ея даровитой природѣ, отпечатокъ радушной, свѣтской общительности и тонкаго, недюжиннаго ума. Въ стѣсненныхъ домашнихъ обстоятельствахъ, рядомъ съ вѣчно озабоченнымъ мужемъ, она въ семейной жизни находила отраду только въ чтеніи и въ музыкѣ. Въ моихъ ушахъ донынѣ раздаются звуки тѣхъ пьесъ, которыя она въ совершенствѣ исполняла, на приданомъ своемъ роялѣ, въ длинные, зимніе, деревенскіе вечера, какъ, напримѣръ, отрывки изъ «Фенеллы» и

«Цампы», аріи Беллини и концертныя пьесы Калькбреннера и Листа. Сохранивъ до кончины своей бодрость духа, симпатичный, живой нравъ и превосходную память, и обладая замѣчательнымъ для женщины красивымъ и четкимъ почеркомъ, она охотно вела съ родными и близкими оживленную переписку. По моей неотступной просьбѣ, за годъ до своей смерти, она начала писать мемуары и оставила мнѣ на память большую тетрадь своихъ воспоминаній, подъ именемъ «Моимъ внукамъ», хотя довела ихъ, къ сожалѣнію, только до первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ послѣ своего замужества.

По кончинѣ моего отца и отъѣздѣ отъ насъ заболѣвшей, первой моей наставницы, Пчёлкиной, ко мнѣ была приглашена другая учительница, также харьковская институтка, Вѣра Як. Будакòва, здравствующая понынѣ. У нея я выучился первымъ правиламъ ариѳметики, прошелъ съ нею часть русской грамматики Греча и кое-что изъ русской географіи Арсеньева и сталъ учиться французскому и нѣмецкому языкамъ. Первому одновременно меня обучалъ еще нѣкій, необыкновенно много курившій, харьковскій французъ А. Я. Пешъ, а второму — добродушная и толстая, чувствительная старушка-нѣмка, родственница сосѣдняго аптекаря Б. Б. Бодекъ, постоянно вязавшая шерстяные носки и горько плакавшая надъ чувствительными повѣстями, которыя она мнѣ читала вслухъ и которыхъ я тогда еще не понималъ, почему во время классовъ либо чертилъ карандашемъ домики и звѣрей, либо вырѣзывалъ изъ бумаги солдатъ, разсѣянно слѣдя за чтицей, какъ она—то плакала, вздыхая и повторяя: «Ахъ, герръ Готтъ! шре́клихъ, унваршéйнлихъ!», то истерически хохотала надъ веселыми разсказами, изъ которыхъ одинъ, помню, назывался «Путешествіе изъ Штòльпе въ Данцигъ». Благодаря совѣтамъ умной и дѣльной В. Я. Будакòвой, когда мнѣ исполнилось десять лѣтъ, меня рѣшили отдать въ какое-либо хорошее учебное заведеніе и, послѣ долгихъ сборовъ и соображеній, остановились на Москвѣ.

Въ институтъ я поступилъ въ одинъ день и часъ съ другимъ однолѣткомъ-новичкомъ, землякомъ по Малороссіи, И. И. Соколовымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ профессоромъ живописи Императорской академіи художествъ, авторомъ жанровыхъ картинъ изъ малорусскаго быта: «Гаданіе на

вѣнкахъ», «Ночь на Ивана Купала» и проч. Послѣ подписанія институтскимъ врачемъ, И. В. Георгіевскимъ, обычныхъ пріемныхъ свидѣтельствъ, насъ, изъ опустѣвшей, тихой учительской комнаты ввели въ наполненный бѣгавшими и кричавшими въ увлеченіи игрой учениками рекреаціонный залъ.

Шумъ и гамъ веселой толпы невольно ошеломилъ робкихъ новичковъ. Оба бѣлокурые, робкіе, съ загорѣвшими отъ степного воздуха лицами, мы сперва сильно терялись. Надъ нами, какъ и надъ прочими новичками, старшіе и болѣе сильные товарищи, въ первые дни, произвели всѣ установленные на такой случай опыты. Одни до одурѣнія, не переставая, махали кулакомъ передъ нашими носами, не давая сторониться и говоря: «не смѣй мѣшать, воздухъ казенный!» Другіе, будто обнимая насъ, брали наши головы подъ мышки, тискеая ихъ и спрашивая: «А что̀, заплачешь? пожалуешься?» Третьи, при ходьбѣ, давали намъ «подъножку», боролись съ нами и пр. Скоро, однако, послѣ невольной и поучительной сдачи съ нашей стороны, всѣ подобные опыты стали рѣже и вовсе прекратились. Нѣсколько уроковъ въ классахъ, репетиціи и шумныя рекреаціи окончательно ознакомили насъ съ своеобразною, внутреннею жизнью школы. Она намъ понравилась, и мы незамѣтно и быстро къ ней привязались.

Одно угнетало меня въ первое время—это сонъ въ огромной дортуарной палатѣ, наполненной рядами бѣлыхъ, чистенькихъ кроватей. Всѣ улеглись, подъ оклики надзирателей: «still, Kinder!»—«silence!»; всѣ приткнулись къ подушкамъ, поболтали вполголоса, посмѣялись и заснули. Полуосвѣщенный ночными лампочками дортуаръ окончательно затихъ. Слышится только переступаніе ногами дежурящихъ въ коридорѣ ночныхъ надзирателей и дядекъ, отставныхъ солдатъ, да пискъ мышей гдѣ-нибудь въ углу, у нагрѣтой съ вечера печки. Дортуаръ исчезаетъ передъ глазами. Въ мысляхъ иная, недавняя картина: деревенскій родной домъ, посеребренныя инеемъ дорожки сада, игра съ сельскими мальчиками въ снѣжки, ѣзда по степи съ приказчикомъ къ овчарнымъ сараямъ, охота съ дядей въ лѣсу, лай гончихъ, ружейные выстрѣлы. И едва, кажется, заснулъ, въ окнахъ еще темно, но уже звучитъ звонокъ урядника Кочурина. Шесть часовъ утра, и надзиратели — нѣмецъ Гаусманнъ,

или французъ Венсанъ — идутъ вдоль кроватей, стуча по нихъ желѣзнымъ прутьямъ и выкрикивая: «Stèhen sie auf, Kinder!» — «Levez-vous, messieurs! levez-vous!» — Мы въ классѣ, на репетиціи. Аккуратный Гаусманнъ, съ коленкоровыми чехлами на рукавахъ форменнаго вицмундира, для ихъ сбереженія, сидитъ на каѳедрѣ, передъ огромною кружкой душистаго кофе со сливками; мы слышимъ запахъ кофе, переводимъ Корнелія Нѐпота и думаемъ: «вотъ бы намъ, вмѣсто латыни, этого угощенія!»

Московскій дворянскій институтъ въ то время помѣщался на Тверской, въ приходѣ Успенія-на-овражкѣ. Его зданія, сооруженныя въ царствованіе Императрицы Екатерины II, были расположены въ видѣ печатной буквы Е, главнымъ фасадомъ—съ куполами по краямъ—на Тверскую, а боковыми флигелями—въ переулки Газетный и Долгоруковскій. Эти обширныя, до-нынѣ сохранившіяся зданія въ половинѣ XVIII вѣка принадлежали фельдмаршалу князю Трубецкому, потомъ межевой канцеляріи; въ восьмидесятыхъ же годахъ прошлаго столѣтія въ нихъ помѣщалась типографія знаменитаго мартиниста Новикова и печатались подъ его редакціей «Московскія Вѣдомости», почему и переулокъ, куда выходила его типографія, въ народѣ прозвали Газетнымъ.

Дворянскій институтъ былъ основанъ сто десять лѣтъ тому назадъ. Учрежденный въ 1779 году, подъ именемъ «Вольнаго университетскаго благороднаго пансіона», онъ, спустя 54 года, въ 1833 г., былъ названъ дворянскимъ институтомъ, черезъ десять лѣтъ послѣ того переведенъ съ Тверской на Моховую, въ купленный для него извѣстный домъ Пашкова, гдѣ нынѣ помѣщается Румянцевскій музей, и еще черезъ шесть лѣтъ, въ 1849 году (въ семидесятую годовщину своего существованія) окончательно закрытъ и преобразованъ въ IV-ю московскую гимназію. Послѣднюю потомъ съ Моховой перевели на Покровку, въ приходъ Воскресенія въ Барашàхъ, въ домъ, нѣкогда принадлежавшій графу А. К. Разумовскому, гдѣ она помѣщается и теперь.

Изъ шестилѣтняго институтскаго курса мнѣ пришлось первые три класса пробыть еще въ старомъ зданіи, на Тверской; остальные три класса я провелъ въ домѣ Пашкова, на Моховой. Директоромъ института, при мнѣ и до его закрытія, былъ извѣстный профессоръ московскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики,

товарищъ Грановскаго и Кудрявцева, Александръ Ивановичъ Чивилёвъ. Призванный впослѣдствіи въ Петербургъ, въ воспитатели покойнаго цесаревича Николая Александровича, онъ кончилъ жизнь трагически—задохнулся во время внезапнаго пожара въ своей казенной квартирѣ, въ Запасномъ дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ. Нашимъ инспекторомъ былъ І. М. Ронцѐвичъ; надзирателями — для практики въ новыхъ языкахъ—иностранцы: Дислѐнъ, Гаусманнъ, Пейшѐсъ, Шпангенбергъ, Вàрнекъ, Безеръ, С-нъ Маркъ, Вепсàнъ, Губò, Жоньò и др.

Институтъ былъ закрытымъ заведеніемъ, интернатомъ. Число воспитанниковъ, какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ его зданіи, колебалось отъ 150 до 200 человѣкъ. За обученіе и содержаніе каждаго воспитанника взималось по 300 рублей серебр. въ годъ. Классы, залы для отдыха и столовыя были внизу, дортуары вверху. Домашняя церковь, на Тверской помѣщалась подъ правымъ куполомъ главнаго фасада, съ улицы; на Моховой—въ особомъ церковномъ зданіи, во второмъ правомъ дворѣ. Будничная одежда воспитанниковъ состояла изъ темнозеленой куртки съ краснымъ воротникомъ и бронзовыми пуговицами, съ московскимъ гербомъ; праздничная — изъ мундира такого же цвѣта съ такими же пуговицами и съ золотыми петлицами по красному воротнику. Кормили насъ хорошо. Бѣлье, посуда, отопленіе, освѣщеніе и воздухъ въ комнатахъ, особенно въ огромномъ домѣ Пашкова, на Моховой, были прекрасные.

Будили насъ, по звонку урядниковъ Кочурина и Медвѣдева, въ 6 ч. утра. Послѣ туалета и общей молитвы, была утренняя репетиція уроковъ, отъ 6½ до 8¼ ч. утра; съ 8¼ до 9 часовъ — чай и утренняя рекреація; отъ 9 до 12 ч. классы—два урока; ровно въ полдень (отъ 12 ч. до 12¾ ч.)—обѣдъ. Послѣобѣденная большая рекреація—отъ 12¾ до 2½ ч.; съ 2½ до 3 ч. — послѣобѣденная репетиція; съ 3 до 6 ч. — вечерніе классы (два урока); съ 6 до 6½ ч. — вечерній чай, съ 6½ до 7 ч. — вечерняя рекреація; съ 7 до 8¼ ч.—вечерняя репетиція, съ 8¼ до 9 ч.—ужинъ; съ 9 до 9½ ч. рекреація послѣ ужина, и съ десяти часовъ вечера—сонъ. Такимъ образомъ, на слушаніе и объясненіе уроковъ употреблялось въ день 6 часовъ; на ихъ приготовленіе и повтореніе—3½ часа, на рекреаціи (отдыхъ)—около 3 ч. и на сонъ—8 часовъ. Рекреаціи вес-

ной и осенью, и въ хорошую погоду зимой, проводились обыкновенно на воздухѣ, на институтскомъ дворѣ. Здѣсь, а въ дурную погоду въ залахъ, воспитанники веселою, шумною гурьбой играли въ бары (пятнашки), въ лапту (мячъ), въ чехарду и другія игры.

Зимой, во дворѣ, для насъ, кромѣ приспособленій для гимнастики, постоянно устраивались ледяныя горы съ санками и ледяныя площадки для катанія на конькахъ. Все это—какъ и уроки танцевъ у знаменитаго Іогеля, — фехтованія у Трѐля и Иванова, а лѣтомъ уроки плаванія у Гòка и прогулки въ праздникъ, пѣшкомъ за городъ, въ Марьину рощу, на Воробьевы горы, въ Шелепи́ху или Нескучное, на берега Москвы-рѣки, гдѣ надзиратели, какъ французъ Губо̀, учили насъ ботанизировать и собирать окаменѣлости— поддерживало въ насъ отличное расположеніе духа и бодрость. Всѣ мы были, сколько помню, всегда здоровы и веселы. Особенно нравились намъ ледяныя горы и катанье на конькахъ. Бывало, вырвется шумная толпа изъ класса математики или латыни во дворъ, въ однѣхъ курткахъ и легкихъ фуражкахъ. Снѣгъ хруститъ подъ ногами, морозъ щиплетъ за уши. Крикъ, смѣхъ, бѣготня. Крошечныя санки на звонкихъ полозьяхъ летятъ вереницей съ горы. Конькобѣжцы попарно и вразсыпную мчатся по ледяной площадкѣ, обгоняя другъ друга и выписывая на-лету хитрые вензеля. Нѣкоторые умудрялись спускаться съ горы даже на конькахъ. Одного изъ такихъ искусниковъ я и теперь точно вижу передъ собою. Здоровый, румяный мальчикъ до того изловчился въ этомъ искусствѣ, что съ разбѣга, на полугорѣ, мгновенно оборачивался лицомъ къ вышкѣ горы и остальное пространство, по ледяному полотну, мчался спиной къ низу, на одной ногѣ. Это былъ нынѣшній предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія—А. И. Георгіевскій.

Дворянскій институтъ былъ такою же строго-классическою школой, какъ и его тогдашнія (уваровскія) гимназіи; но его воспитанники не были изнуряемы чрезмѣрнымъ зубреніемъ грамматическихъ тонкостей латинскаго и греческаго языковъ, въ ущербъ изученію русскаго языка и русской исторіи, а главное—въ ущербъ ихъ здоровью. Воспитанники этого института, въ шесть лѣтъ, съ успѣхомъ, безъ репетиторовъ и приготовительныхъ классовъ, проходили тотъ же

курсъ классическихъ гимназій, для котораго потомъ крайніе поборники классицизма прибавили въ гимназіяхъ, къ семилѣтнему курсу, еще «восьмой» классъ и подавали мнѣнія о необходимости введенія даже «девятаго»... Девять лѣтъ гимназическаго курса, а съ приготовительнымъ классомъ десять лѣтъ! Прибавьте четыре года университетскаго курса, а считая, что наилучшій питомецъ классицизма, въ гимназіи или въ университетѣ, можетъ, въ силу нездоровья или случайно-неудовлетворительной отмѣтки, остаться лишній годъ, и окажется, что для полученія университетскаго диплома надо пробыть въ ученіи пятнадцать лѣтъ—половину лучшей части жизни!

Воспитанники института не знали ни «переутомленія», ни вытекающихъ изъ него «нервныхъ» и другихъ страданій. Особенно выгодно отражались на нашемъ здоровьѣ гимнастика, катанье съ горъ и на конькахъ и уроки фехтованія.

Въ праздники, зимой, у насъ устраивались домашніе спектакли. Сверхъ того, насъ, на складчину, а иногда и на казенный счетъ, возили въ театръ смотрѣть Мочалова, Щепкина и Живокини. Остававшіеся, подобно мнѣ, на лѣтнихъ вакансіяхъ, у родныхъ и знакомыхъ, близъ Москвы, увлекались ружейною охотой и рыбною ловлей. Весну встрѣчали у насъ особенными стихотворными возгласами:

«Вотъ она,
Вотъ весна!
Птички радостно запѣли,
Книги къ чорту полетѣли!»

Гостя въ вакантные мѣсяцы въ бронницкомъ уѣздѣ, въ имѣніи родныхъ моего отчима (с. Чеплыгинѣ, на рязанскомъ шоссе), за недостаткомъ ружья, какъ помню, я цѣлые дни проводилъ въ охотѣ, съ сѣткой, на перепеловъ. Старый поваръ, Егоръ, ходившій со мной на эту охоту, зналъ и передалъ мнѣ множество сказокъ и старыхъ преданій, въ томъ числѣ о нашествіи Наполеона, котораго онъ когда-то лично видѣлъ, случайно оставшись въ сожженной Москвѣ.

Наши учителя въ классахъ не играли роли только экзаменаторовъ, не ограничивались однимъ лишь спрашиваніемъ и задаваніемъ уроковъ. Классы проходили въ ближайшемъ и подробномъ объясненіи, со стороны учителей, изучаемыхъ предметовъ, причемъ преподаватели постоянно старались о томъ, чтобы и слабѣйшіе изъ учениковъ могли

понять и усвоить проходимое. Учебниковъ, издаваемыхъ самими преподавателями, намъ, по протекціи ихъ авторамъ, не навязывали и, по чьему-либо капризу, безъ толку ихъ не мѣняли. При изученіи географіи не обременяли нашей памяти непомѣрнымъ грузомъ статистическихъ цифръ и сухимъ перечнемъ городовъ, мѣстностей и народовъ, а болѣе знакомили, въ общедоступной формѣ (учитель Соколовъ), съ общими картинами этихъ мѣстностей, городовъ и народовъ. Часть географіи, для практики въ нѣмецкомъ языкѣ, намъ преподавалась по-нѣмецки, какъ и для французскаго языка—естественная исторія—по-французски. Послѣдствіемъ такого порядка было то, что репетиціи представляли дѣйствительно только повтореніе, освѣженіе въ памяти преподаваемаго въ классахъ, и самостоятельно на нихъ обработывались лишь сочиненія на заданныя темы, переводы съ древнихъ и новыхъ языковъ, да провѣрялись, при помощи способнѣйшихъ учениковъ, рѣшенія наиболѣе трудныхъ математическихъ задачъ. Ненужными переводами съ русскаго на древніе, мертвые, языки насъ также не томили, а если это изрѣдка и требовалось, то лишь какъ исключеніе и только относительно способнѣйшихъ учениковъ. Вечерними репетиціями кончались всѣ наши занятія и, уходя послѣ ужина въ дортуары, никто болѣе не сидѣлъ надъ книгами, — подобнаго несвоевременнаго занятія не допускали и дежурные надзиратели. Къ 10-ти часамъ вечера въ институтѣ мирно засыпали всѣ 150—200 его питомцевъ.

Изъ этого правила допускалось единственное исключеніе, а именно — въ весенніе дни, во время нѣкоторыхъ, болѣе трудныхъ экзаменовъ въ старшихъ классахъ. Воспитанники и тогда не имѣли права проводить надъ книгами ночного времени; только во время экзаменовъ имъ дозволялось вставать и заниматься, при дневномъ свѣтѣ, ранѣе обыкновеннаго часа. Болѣзненныхъ, изнуренныхъ непосильными занятіями товарищей я не помню за все шестилѣтнее мое пребываніе въ институтѣ, какъ не помню, чтобы кто-либо изъ насъ, тайкомъ ли въ институтѣ, или въ праздники дома, просиживалъ, какъ это дѣлаютъ теперь, до 2—3 часовъ ночи надъ упражненіями въ экстемпораліяхъ изъ древнихъ языковъ. Изъ питомцевъ института вышли, между тѣмъ, такіе поборники классицизма, какъ старшій меня по выпуску, П. М. Леонтьевъ, и кончившій курсъ всего годомъ ра-

нѣе меня, А. И. Георгіевскій. Нельзя при этомъ сказать, чтобы ученіе у насъ было легкое. Несмотря на всю его осмысленность и отличныхъ преподавателей, изъ числа учениковъ, поступавшихъ въ институтъ, кончали курсъ обыкновенно не болѣе одной трети. Часть отставала съ третьяго и четвертаго классовъ, переходя въ другія учебныя заведенія (лицей, школу правовѣдѣнія и гимназіи), иные же поступали въ военную службу, черезъ годъ, черезъ два потомъ навѣщая институтъ и плѣняя своихъ былыхъ товарищей блестящею мундирною формой. Были между нами, какъ вездѣ, и большіе, дерзкіе шалуны. Ихъ, какъ это водилось тогда во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, подвергали и тѣлеснымъ наказаніямъ. Помню грозный взоръ и голосъ исполнителя послѣднихъ, толстаго, невысокаго и со скривленнымъ лѣвымъ плечомъ, нашего инспектора Ронцèвича и его помощника въ этомъ дѣлѣ, красноносаго урядника Кочурина. Живо вспоминаю тотъ ропотъ и то негодованіе, съ которыми мы всякій разъ встрѣчали эти наказанія, когда испытавшій ихъ мальчуганъ, а иногда и болѣе взрослый юноша, возвращаясь въ классъ «сверху» — со слезами, а то и съ похвальбой—разсказывали о томъ, чтò съ ними произошло и кàкъ они *это* вынесли. Намъ было жаль пострадавшихъ товарищей, но зато наказанія тѣмъ въ то время и ограничивались, и никто изъ моихъ соучениковъ не получилъ «волчьяго паспорта», не былъ исключенъ съ тѣмъ, чтобы впредь никуда, въ другія заведенія, его не принимали.

Насколько успѣшно проходили годы моего ученія въ институтѣ — теперь съ трудомъ помню. Одно могу сказать: мы, въ большинствѣ, очевидно, учились вообще недурно. Послѣ смерти моей матери, братъ мой и сестра, также покойные уже теперь, вручили мнѣ, по моей просьбѣ, ея бумаги и въ томъ числѣ всѣ мои письма, писанныя къ ней съ 1837 по 1877 годъ. Изъ этой, хранимой мною, сорокалѣтней хроники чуть не еженедѣльныхъ моихъ бесѣдъ съ матерью я особенно дорожу своими институтскими письмами. Послѣднія у нея сохранились съ 1843 года, когда мнѣ исполнилось 14 лѣтъ и я былъ въ 3-мъ классѣ. Перечитывая теперь эти письма и присланныя при нихъ, для прочтенія матери, классныя мои сочиненія на темы по русскому языку, съ отмѣтками учителей (за 1843 г.: «Пловецъ», «Чувства при видѣ Москвы»; за 1844 г.: «Зло-

умышленіе на жизнь Іоанна», «Московскій пожаръ»; за 1845 г.: «Дружба» и проч.), я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Мы, четырнадцатилѣтніе и пятнадцатилѣтніе мальчики, писали тогда, по совѣсти надо сказать, правильнѣе, чѣмъ теперь пишутъ нѣкоторые изъ молодыхъ людей, двадцати и болѣе лѣтъ, съ аттестатами зрѣлости, поступающихъ въ университетъ послѣ восьми и девятилѣтняго обученія въ гимназіяхъ. Въ слабыхъ познаніяхъ нынѣшней молодежи по русскому языку, надо думать, убѣдились не въ одной редакціи періодическихъ изданій, куда ищущіе умственнаго труда нерѣдко обращаются съ предложеніемъ своихъ работъ.

Что же было ближайшею причиной тому, что воспитанники былого московскаго дворянскаго института успѣвали такъ скоро достигать желаемаго успѣха въ столь важномъ дѣлѣ, какъ теоретическое и практическое изученіе отечественнаго языка? Находящіеся въ живыхъ, немногіе и большею частью уже убѣленные сѣдиной, питомцы этого заведенія (каждому изъ нихъ теперь, по малой мѣрѣ, не менѣе 55—60 лѣтъ, такъ какъ институтъ закрытъ въ 1849 году, т.-е. ровно сорокъ лѣтъ назадъ) могутъ, положа руку на сердце, отвѣтить на это слѣдующее: во-1-хъ, то, что насъ, въ ущербъ изученію русскаго языка, родной литературы, исторіи и географіи, не забивали сверхъ мѣры обязательнымъ изученіемъ обоихъ древнихъ языковъ, а требовали изученія одного изъ нихъ, латинскаго, предоставляя намъ добровольно учиться или не учиться другому (греческому), и, во-2-хъ, то, что у насъ былъ превосходный директоръ и отличные, стоявшіе на высотѣ своего призванія, подобранные имъ учителя, какъ, напримѣръ, по русскому языку — извѣстный въ педагогической литературѣ авторъ «Грамматики старославянскихъ языковъ», «Практической русской грамматики», «Русскаго стихосложенія» и другихъ сочиненій, Петръ Мироновичъ Перевлѣсскій († 1867 г.), по исторіи—Николай Васильевичъ Смирновъ, по римскимъ и греческимъ древностямъ—А. К. Фабриціусъ, П. И. Пѣвницкій, Громаннъ и Ю. К. Фелькель, авторъ перевода «Записокъ Цезаря» (съ объясненіями), по математикѣ — Саханскій и Оглоблинъ, по физикѣ — Мо̀хтинъ, по нѣмецкому языку — К. Зейдлицъ, по французскому — Пела̀нъ-д'Анжѐ и по закону Божію—отецъ Іоаннъ Рождественскій. Здѣсь же былъ ранѣе преподавателемъ греческаго языка знаменитый впо-

слѣдствіи профессоръ древностей московскаго университета Д. Л. Крюковъ.

Надъ дворянскимъ институтомъ въ Москвѣ, какъ и надъ родственнымъ ему во многихъ отношеніяхъ, хотя и болѣе молодымъ по времени открытія, Александровскимъ лицеемъ въ Петербургѣ, незримо какъ бы вѣяло знамя русской литературы, свѣдѣнія о которой, впрочемъ, у меня, при отъѣздѣ изъ деревни, были самыя ограниченныя. Наслушавшись въ дѣтствѣ народныхъ украинскихъ сказокъ отъ моей няни, старушки Аграфены, и ея мужа, Анисима, я отъ комнатнаго слуги бабки, Абрама, учившагося въ Харьковѣ переплетному мастерству и потому кое-что читавшаго, впервые, по пятому году, услышалъ о Гоголѣ. Добывъ изъ шкапа бабки «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», Абрамъ прочелъ мнѣ и нянѣ въ саду нѣсколько изъ повѣстей Рудаго-Панька, восхитивъ насъ этимъ до безконечности. Онъ же потомъ познакомилъ меня и съ фантастическими разсказами барона Брамбеуса. Помню свой неудержимый смѣхъ, при чтеніи Абрамомъ разсказа «Большой выходъ у Сатаны», когда царь чертей проглатываетъ, въ видѣ сухаря, романъ «Петръ Выжигинъ», запивая его, вмѣсто вина, дегтемъ. Впослѣдствіи, хотя мнѣ и удавалось раза два пробираться въ комнату матери, во время чтенія у нея вслухъ модныхъ тогдашнихъ романовъ «Рославлевъ» — Загоскина и «Мусташъ» — Поль-де-Кока, моя мать, замѣтивъ непрошенное мое присутствіе при этомъ чтеніи, меня тотчасъ же удаляла.

Вступавшимъ подъ кровлю института ученикамъ товарищи прежде всего указывали на золотую доску въ его рекреаціонномъ залѣ, гдѣ были написаны имена Жуковскаго, Грибоѣдова, кн. Шаховского и другихъ знаменитыхъ русскихъ писателей, кончившихъ здѣсь курсъ ученія. Подобно тому, какъ лицеисты въ Петербургѣ съ гордостью называютъ имена Пушкина, кн. А. С. Горчакова, гр. Д. А. Толстого, В. П. Безобразова, М. Е. Салтыкова, Я. К. Грота, Н. К. Гирса и другихъ писателей, ученыхъ и государственныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ Александровскаго лицея, воспитанники московскаго дворянскаго института называли и называютъ рядъ именъ, прославившихъ это дорогое для нихъ училище. Здѣсь прошли курсъ ученія, кромѣ Жуковскаго, Грибоѣдова и князя Шаховского, слѣдующіе, между прочимъ, русскіе писатели и ученые: А. Ѳ. Воейковъ, Д. Дашковъ,

П. В. Свиньинъ, С. П. Жихаревъ, А. С. Норовъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, С. П. Шевыревъ, Ѳ. И. Тютчевъ, Н. В. Калачовъ, А. Ѳ. Вельтманъ, — П. М. Леонтьевъ и С. А. Усовъ (профессора), А. А. Майковъ, А. В. Вышеславцевъ, В. И. Родиславскій (основатель общества драматическихъ писателей), С. Н. Шубинскій (редакторъ «Историческаго Вѣстника») и другіе; государственные дѣятели: А. П. Ермоловъ (извѣстный кавказскій герой), графъ Д. А. Милютинъ (бывшій министръ), В. П. Титовъ,—А. И. Георгіевскій, Е. А. Кожуховъ и Н. И. Рыжовъ (предсѣдатели высшихъ государственныхъ учрежденій въ Петербургѣ и Варшавѣ), Д. Н. Батюшковъ (нынѣшній екатеринославскій губернаторъ), В. А. Татариновъ (бывшій государственный контролеръ), А. Е. Тимашевъ (бывшій министръ), бар. А. П. Моренгеймъ (нынѣшній посолъ во Франціи), В. Х. Книперъ (нынѣшній директоръ Императорскаго стекляннаго завода), многіе губернскіе и уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели земскихъ управъ (Л. В. Вышеславцевъ), присяжные повѣренные (А. А. Кожуховъ, Тетéра), мировые посредники и судьи, и пр. Здѣсь же въ началѣ также учились: М. Ю. Лермонтовъ, С. А. Юрьевъ и — переведенные потомъ въ Александровскій лицей—гр. Д. А. Толстой (бывшій министръ), М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), В. П. Безобразовъ, А. М. Унковскій и др. Между институтцами въ мое время шло преданіе, что здѣсь же учился и даже былъ записанъ на золотую доску и несчастно-погибшій впослѣдствіи поэтъ К. Ѳ. Рылѣевъ, и что эту доску, послѣ арестовъ по дѣлу четырнадцатаго декабря, сожгли и замѣнили другою, гдѣ его имя было пропущено.

Жуковскій, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ... Какимъ восторгомъ бились наши сердца при упоминаніи только этихъ трехъ былыхъ воспитанниковъ института, въ которомъ хранились и повторялись преданія о нихъ! Учителя русскаго языка Архидіаконскій, Билевичъ и Перевлѣсскій, задавая намъ учить Жуковскаго, указывали тѣ первыя стихотворенія, которыя дебютантомъ-поэтомъ были написаны въ стѣнахъ института: «Ода на благоденствіе Россіи», «Майское утро», «Добродѣтель» и др. Встрѣчая весну, мы твердили изъ Жуковскаго:

«Бѣло-румяна
Восходитъ заря;

Фебъ златозарный
Все оживилъ;
Вся ужъ природа
Свѣтомъ одѣлась
И процвѣла...»

Безсмертную комедію Грибоѣдова, какъ и всего почти Лермонтова, мы знали наизусть. Перевлѣсскій познакомилъ насъ и съ первыми стихотвореніями Аполлона Ник. Майкова, незадолго передъ тѣмъ появившимися въ печати и ходившими въ спискахъ. Особенно нравились намъ антологическія пьесы: «Искусство», «Барельефъ» и «Вертоградъ», и мы повторяли:

«Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибрежія шумнаго моря;
Нѣмъ онъ, забытый, лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной...»

Или:

«Посмотри свой вертоградъ,
Въ немъ нарцисъ ужъ распустился;
Зеленъ кедръ, вокругъ обвился
Ранній, цѣпкій виноградъ....
Яблонь въ цвѣтѣ благовонномъ,
Будто въ снѣжномъ серебрѣ;
Рѣзвой змѣйкой по горѣ
Ключъ бѣжитъ къ долинамъ соннымъ...»

Въ 1844 году, когда мы были въ четвертомъ классѣ, Перевлѣсскій принесъ намъ однажды красиво-изданную книжку, на которой стояла надпись «Гаммы,—стихотворенія Я. Полонскаго». «Съ новымъ талантливымъ поэтомъ, господа!» сказалъ онъ, съ обычною своею шутливостью, мягкимъ развальцемъ всходя, съ книгой подъ мышкой, на классную каѳедру. И мнѣ помнится до нынѣ этотъ классъ, ярко освѣщенная весеннимъ солнцемъ комната, свѣжій румянецъ щекъ тогда еще молодого, любимаго нашего учителя, его густые, черные, какъ вороново крыло, волосы, красивыми скобками спадавшіе на синій бархатный воротникъ его всегда изящнаго, безъ пылинки, вицмундира, разогнутая въ рукахъ книга «Гаммъ» и темно-каріе, радостно съ каѳедры улыбавшіеся намъ его глаза. Онъ читалъ намъ «Въ дорогѣ», «Мѣсяцъ» и другія пьесы изъ принесенной книги,— о томъ, какъ «Ночью въ колыбель младенца мѣсяцъ лучъ свой заронилъ», о томъ, какъ «Священный благовѣстъ торжественно звучитъ,—во храмахъ ѳиміамъ, во храмахъ пѣснопѣнье», и о чудесахъ моря, подъ таинственною, водною пучиной:

«Тамъ, гдѣ груды перламутра,
При мерцающей лунѣ,
При лучахъ пурпурныхъ утра
Тускло свѣтятся на днѣ...»

Мы, замирая отъ восторга, радовались, что если безжалостный поединокъ унесъ Лермонтова, какъ недавно передъ тѣмъ онъ унесъ Пушкина, то на мѣсто погибшихъ любимцевъ нашихъ нарождались новые поэты. Сѣмя падало на подготовленную почву. Между институтцами стали появляться свои домашніе поэты. Прошла молва, что стихи пишутъ Н. П. Макаровъ, А. В. Вышеславцевъ и А. И. Рыжовъ; по рукамъ ходила цѣлая поэма Миклашевскаго. Она называлась «Баронъ Іоко» и, составляя сатиру на главнаго нашего педагога, начиналась такъ:

«Пою Іоко, онъ славный малый,
Философъ, риторъ и поэтъ,
Ловласъ и шутъ, какихъ немало,
И франтъ пятидесяти лѣтъ...»

Увы! всѣхъ этихъ поэтовъ давно нѣтъ на свѣтѣ; съ ними безъ слѣда исчезли и ихъ юношескія произведенія. Одного унесла чахотка, другой умеръ, не кончивъ труда объ искусствѣ въ Италіи, третьяго предательски убили... Но не исчезли изъ памяти живущихъ институтцевъ преданія о ихъ дорогой, вскорѣ затѣмъ закрытой и преобразованной подъ заурядный строй всѣхъ гимназій, родной школѣ.

Учитель русской и всеобщей исторіи въ институтѣ, Н. В. Смирновъ, скончавшійся вскорѣ по закрытіи этого заведенія, былъ небольшого роста, подвижной и худенькій человѣкъ, съ темнорусыми волосами. Обладая замѣчательнымъ даромъ слова, онъ умѣлъ, съ появленіемъ на классной каѳедрѣ, совершенно овладѣвать обыкновенно непосѣдливыми и разсѣянными слушателями. Негромкій, мягкій его голосъ, ясно отчеканивавшій слова, такъ и впивался въ душу. Порывисто нюхая зажатую въ пальцахъ, иногда въ теченіе цѣлаго класса, взятую у кого-либо изъ коллегъ въ учительской комнатѣ, щепотку табаку, онъ мастерски излагалъ преподаваемый предметъ. Не вдаваясь въ мелочи, въ педантическій перечень разныхъ войнъ и междоусобій и въ хронологію мелкихъ, давно исчезнувшихъ и забытыхъ народовъ, онъ болѣе старался объяснять и освѣщать главнѣйшія изъ историческихъ событій, въ связи ихъ съ общимъ теченіемъ вѣка. Обрисованныя имъ событія и лица изъ римской исторіи,

какъ Августъ и Калигула, крестовые походы, Лютеръ, тридцатилѣтняя война, кровавыя насилія французской революціи и нашествіе Наполеона на Россію—до нынѣ стоятъ въ моей памяти, какъ живыя. Излагая какое-либо крупное историческое событіе, Н. В. Смирновъ читалъ намъ, въ его поясненіе, отрывки изъ великихъ писателей, касавшихся той же эпохи,—Вальтеръ-Скотта, Шекспира, Шатобріана, Шиллера и родныхъ авторовъ. Объясняя однажды способъ рисовки типовъ у иностранныхъ писателей, онъ указалъ намъ на своеобразные въ этомъ отношеніи пріемы Гоголя, и тутъ же на лекціи прочелъ намъ изъ появившихся незадолго передъ тѣмъ и еще не всѣмъ намъ знакомыхъ «Мертвыхъ душъ», характеристики Манилова, Собакевича и Ноздрева.

Преподавателемъ Закона Божія въ институтѣ былъ о. Іоаннъ Рождественскій, донынѣ благополучно здравствующій (состоитъ священникомъ при церкви Черниговскихъ чудотворцевъ, за Москвой-рѣкой). Также невысокаго роста, съ сѣдою уже и тогда, пушистою и длинною бородой, Иванъ Николаевичъ Рождественскій неслышною, слабою походкой входилъ въ классъ, расправлялъ рукава темнокоричневой шелковой своей рясы, съ золотымъ наперснымъ крестомъ на лентѣ, медленно опускался въ кресло на каѳедрѣ и внимательно-ласково большими карими глазами окидывалъ стихавшій при его появленіи классъ. Отъ всей его благодушной и кроткой фигуры вѣяло чѣмъ-то неизъяснимо-привѣтливымъ и въ то же время строго вразумляющимъ и ободряющимъ. На своихъ питомцевъ онъ имѣлъ большое вліяніе, нравственно-поддерживая неособенно даровитыхъ, возбуждая къ труду лѣнивыхъ и укрощая черезчуръ рѣзвыхъ и шаловливыхъ и кротко-настойчиво дисциплинируя всѣхъ насъ вообще.—«Богохульники! скоморохи!»—останавливалъ онъ съ улыбкой или строго сдвинувъ брови, не въ мѣру иногда острившихъ и потѣшавшихъ классъ шалуновъ: «гдѣ вы? въ священной храминѣ наукъ, или въ стойлѣ?»

Къ говѣнью, на третьей или на четвертой недѣлѣ великаго поста, мы готовились обыкновенно съ искреннимъ благочестіемъ. Толковая и разумная исповѣдь и затѣмъ торжественное причащеніе у отца Іоанна всякій разъ оставляли въ душѣ необъяснимое ощущеніе радостнаго покоя и теплоты. Вечерни, обѣдни и длинныя всенощныя выстаивались въ маленькой институтской церкви во имя св. Николая чу-

дотворца, въ домѣ на Моховой, безъ особаго утомленія. Директоръ А. И. Чивилёвъ устроилъ и заботливо поддерживалъ у насъ собственный ученическій хоръ пѣвчихъ. Учителемъ церковнаго хора былъ преподаватель музыки Черновъ, а его помощникомъ регентомъ одинъ изъ учениковъ, нашъ одноклассникъ, Д. И. Георгіевскій. Однимъ изъ пѣвчихъ въ этомъ хорѣ состоялъ и я, начавшій въ то время брать уроки на фортепіано.

Время близилось къ выпуску. Институтъ при мнѣ былъ удостоенъ посѣщеніемъ, во время нашего обѣда, Государя Николая Павловича и вскорѣ потомъ, во время класса, его наслѣдника, Цесаревича Александра. Нашимъ радостямъ отъ этихъ посѣщеній не было границъ. Стали говорить, что институтъ предположено сравнять въ правахъ съ Александровскимъ лицеемъ и школой правовѣдѣнія. Эти слухи, впрочемъ, не подтвердились. Какъ теперь вижу статную и красивую фигуру Государя Николая, при прощаніи съ нами, благодарившаго попечителя графа Строганова и показывавшаго ему, съ улыбкой, на себѣ, что нашъ наружный видъ, особенно поступь, нѣсколько мѣшковаты. Уѣзжая, онъ приказалъ дать нашимъ дядькамъ московскій гербъ на ихъ гладкія, бронзовыя мундирныя пуговицы. Этимъ, впрочемъ, и кончились наши мечты объ увеличеніи правъ института.

По праздникамъ, въ первые годы ученія, меня отпускали къ роднымъ моего отчима, Смирновымъ, на Никитскій бульваръ и ко Вдовьеву дому, а также къ матери моего соученика и друга, И. И. Соколова, въ Барашовскій переулокъ, близъ Покровки. Въ высшихъ классахъ, по праздникамъ, я навѣщалъ знакомцевъ моихъ родныхъ, Наумовыхъ, Толстыхъ, Крёкшиныхъ и др. Но болѣе всего я стремился, какъ видно изъ сохранившихся моихъ писемъ къ матери, бывать у ея чугуевскаго знакомца, свитскаго офицера К. Ф. Саблера, жившаго съ 1844 года въ Фурманномъ переулкѣ, въ приходѣ Харитонія-въ-огородникахъ.

Мнѣ до мелочей памятны мои посѣщенія К. Ф. Саблера, такъ какъ онъ первый указалъ мнѣ на необходимость дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. Живо представляются мнѣ небольшія, чистенькія, красиво-убранныя комнаты квартиры К. Ф. Саблера, гдѣ съ утра, въ праздники, когда хозяинъ былъ еще въ церкви или съ визитами въ городѣ, я обыкновенно заставалъ въ гостиной, на кругломъ столѣ,

кучу книгъ, газетъ и журналовъ, и жадно принимался ихъ читать. Здѣсь я впервые прочелъ съ восхищеніемъ «Юрія Милославскаго», «Капитанскую дочку» и переводъ въ какомъ-то журналѣ «Монте-Кристо», потомъ сводившій насъ всѣхъ въ институтѣ съ ума. Высокій, темноволосый и стройный, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и серебрянымъ академическимъ аксельбантомъ, К. Ф. Саблеръ, заставая меня за этимъ занятіемъ и привѣтливо поглядывая на меня, говорилъ о свѣтломъ поприщѣ высшихъ научныхъ познаній и—спрашивая, неужели я, кончивъ курсъ института, закабалю себя тотчасъ на службу или въ деревню, на хозяйство, — объяснялъ мнѣ, что выше умственнаго, свободнаго труда нѣтъ наслажденій на свѣтѣ. Его слова часто потомъ вспоминались мною въ жизни, какъ и его восторженные отзывы о нашемъ директорѣ Чивилёвѣ и попечителѣ московскаго учебнаго округа, гр. С. Г. Строгановѣ, которыхъ, по его мнѣнію, мало цѣнили въ высшемъ правительствѣ, такъ какъ министръ просвѣщенія гр. Уваровъ видѣлъ въ Строгановѣ опаснаго себѣ соперника, а на Чивилёва смотрѣлъ, какъ на его любимца.

Чтобы обрисовать мое настроеніе передъ окончаніемъ курса въ институтѣ, позволяю себѣ здѣсь привести нѣсколько отрывковъ изъ моихъ писемъ того времени къ матери.

Стремясь расположить мать, не обладавшую достаточными средствами, къ разрѣшенію мнѣ продолжать ученіе въ университетѣ и переѣхать для того въ Петербургъ, я ей писалъ, между прочимъ (17-го марта 1846 года), слѣдующее:

«Вообще всѣ наши молодые люди, окончившіе курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, поступаютъ въ университетъ, откуда дорога на всѣ четыре стороны — свободна и богата. Мало ли что̀ въ будущемъ, если окончишь со славой курсъ? И путешествіе за границу для обширнѣйшихъ познаній, и лавры славной учености. О! кто не пожертвуетъ всѣмъ, чтобы только перейти эти привлекательныя ступени жизни? Вся молодежь тѣснится въ университетъ; но странно — бо̀льшая часть просится ѣхать либо въ Дерптъ, либо въ Петербургъ. Я видѣлъ недавно примѣръ, что вышедшій изъ нашего института, Х—въ, изъ любви къ своимъ родителямъ, остался въ харьковскомъ университетѣ, но не прошло и года, онъ возвратился въ Москву, съ больною головою отъ тамошнихъ профессоровъ, которые, какъ слышно, знаютъ не болѣе на-

шихъ институтскихъ учителей. Что касается до разницы между московскимъ и петербургскимъ университетами, то, по слухамъ, здѣсь чуть ли не такая же разница, какъ между Харьковомъ и Москвой. Послушайте, что говорятъ о петербургскихъ студентахъ. Ихъ тамъ всѣ ищутъ; тамошній университетъ любитъ и самъ государь, а что касается до одинокой жизни студента тамъ и здѣсь, то она почти та же. Притомъ-же Петербургъ—новый совершенно городъ, заграничный уже почти свѣтъ; тамъ все лучшее общество даже изъ Москвы, всѣ наши литераторы. И Богъ знаетъ, куда заводитъ меня мечта въ эти минуты! О, если бы вы нашли это возможнымъ? Взгляните, вѣрно ли я мечталъ, и справедливо ли будетъ мое разочарованіе. Свѣтъ идетъ впередъ, свѣтъ живетъ—не остается на мѣстѣ... а я? Иначе, къ чему эти свѣтлыя познанія, эти труды образованія, эти игривыя надежды, если будетъ нужно ихъ схоронить—подъ киверомъ солдата, во фронтѣ, подъ халатомъ украинскаго, мелкопомѣстнаго дворянина, или, наконецъ, подъ зеленымъ фракомъ писца... Нѣтъ, разочарованіе будетъ слишкомъ убійственно! Въ первый разъ я еще объ этомъ думаю, и, какъ свинецъ, эти думы тѣснятъ мою душу. Иные говорятъ, что пылъ юности проходитъ лѣтами; я же, напротивъ, себя чувствую, въ томъ, что касается до сердца и души, такимъ же, какъ чувствовалъ себя за два года и болѣе. Свою юность я поддержу на многіе годы. Мой духъ устарѣетъ тогда, когда я превращусь въ пыль, которую какой-нибудь франтъ, съ досадой, будетъ отчищать отъ сапоговъ своихъ».

Поступленіе мое въ петербургскій университетъ состоялось. Семнадцати лѣтъ, осенью 1846 года, я съ институтскимъ аттестатомъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ принятъ въ тамошній университетъ, безъ экзамена, на юридическій факультетъ.

Въ началѣ 1847 года (15-го февраля), вспоминая недавнее свое прошлое—дѣтскіе годы и курсъ ученія въ институтѣ—я писалъ слѣдующее объ этомъ прошломъ своей матери, которая всею душой сочувствовала моимъ стремленіямъ къ дальнѣйшему ученію и поддерживала меня въ этомъ всѣмъ, чѣмъ могла, особенно своими разумными совѣтами:

«Съ 10-ти лѣтъ у меня первою задушевною мыслью было—быть чѣмъ-нибудь, не какъ подобные мнѣ изъ окружающихъ. Я «все» хотѣлъ,—не то, чтобы выучить,—а разомъ выпить, въ одинъ глотокъ. Жить въ покоѣ, жить въ

глухой тишинѣ, но въ счастьи—это мнѣ не было по душѣ. Нѣтъ, меня что-то тревожило безпрестанно; я чувствовалъ въ душѣ что-то странное, и это все было у меня тогда смѣшано безотчетно, а романовъ я тогда еще не читалъ, и некому было мнѣ объ этомъ натолковать, кромѣ учителя Пе́ша (который все курилъ трубку) да брата ***, который все мечталъ объ усахъ и эполетахъ. Шалунъ я былъ страшный, пока не отвезли меня въ Москву.

«Въ институтѣ я учился, школьничалъ. Набравшись наукъ, я просвѣтлѣлъ головой и иначе посмотрѣлъ на жизнь. Правый взглядъ на вещи заставилъ меня рано подумать о будущности. Я рано — еще за два года — составилъ себѣ (въ мысляхъ) карьеру, особенно послѣ вакацій, послѣ вашихъ совѣтовъ. Я созналъ въ себѣ много силъ къ осуществленію мысли: быть другимъ, чѣмъ близкіе къ моей жизни, быть выше ихъ—это облагородило мои увлеченія. Я не связался съ молодежью Москвы; я рвался оттуда... Я до безумія влюбился въ поэзію. Когда я увѣрился въ себѣ, я написалъ къ вамъ первое письмо, въ которомъ просилъ васъ дать мнѣ возможность ѣхать учиться въ Петербургъ. Зачѣмъ именно въ Петербургъ? Москву слишкомъ хорошо я разглядѣлъ—эту беззаботную жизнь, это равнодушіе къ ученью, эту грязную мелочность молодежи—все я разглядѣлъ, вмѣстѣ съ чудною Москвой-матушкой, ея бѣлокаменнымъ Кремлемъ, который часъ отъ часу грустнѣе смотритъ на перемѣнчивое поколѣніе и ворчитъ, сверкая крестами. Харькова я не зналъ, но я его понималъ. Я боялся заразиться Москвой и Харьковомъ. Я боялся сдѣлаться такимъ человѣкомъ, который, вышедши изъ университета, поступитъ на службу, огрубѣетъ, пройдетъ для міра, какъ канетъ въ воду, и только послѣ него у иного почешется за ухомъ и тотъ скажетъ: «да, добрякъ былъ, чурбанъ лѣнивый! славная наливка у него бывала!» Вотъ чѣмъ я боялся тамъ заразиться... а это такъ искусительно для многихъ! Вѣрно много я ждалъ впереди, вѣрно чувствовалъ себя сильнымъ, когда рѣшился оставить это легкое и пустился одинъ, безъ совѣтника, за полторы тысячи верстъ. Я не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ; я не разрушилъ ни одного и изъ ожиданій вашихъ. Больно рвалась душа при разставаньи съ вами; я точно умеръ, когда повозка скрылась изъ виду вашего - - я даже было рѣшился вернуться... За эти жертвы Богъ меня не оставитъ!»

И тогда же, вспоминая свой проѣздъ изъ Чугуева, черезъ Москву, въ Петербургъ, я писалъ матери:

«Директоръ (Чивилёвъ) просто меня восхитилъ. Онъ велѣлъ придти за его письмомъ къ профессору петербургскаго университета, знаменитому Порошину, его близкому другу, и велѣлъ мнѣ самому ему сказать только слова: «мой директоръ, такой-то, прислалъ меня учиться въ этотъ университетъ» — и этого будетъ довольно съ его письмомъ. При выходѣ отъ директора встрѣтилъ я нашего учителя литературы (Перевлѣсскаго), который велѣлъ къ нему зайти тоже, по дорогѣ, за письмами рекомендательными къ Гребёнкѣ и Кукольнику...»

Юношески-восторженныя, хотя черезчуръ, быть-можетъ, поэтому, напыщенныя мои письма того времени къ матери показываютъ, однако, насколько благотворно для насъ, учениковъ института, было гуманитарное и возвышающее вліяніе послѣдняго. Большинство изъ насъ, несмотря на преподаваніе намъ, изгнанной потомъ изъ гимназій, естественной исторіи и на упражненія всякаго рода спортомъ (фехтованіе, плаваніе, гимнастика, катаніе на конькахъ и пр.)—были искреннѣйшіе идеалисты. Одни серьезно изучали иностранныхъ историковъ, другіе переводили стихами «Фауста»—Гёте (А. Рыжовъ), «Турандота»—Шиллера (Губчицъ), оды Горація (С. Анненковъ), я—Гёльти и Вольтера; третьи успѣшно рисовали (И. И. Соколовъ, Кардо-Сысоевъ), неподражаемо декламировали Гоголя и Грибоѣдова (Усовъ, Лашкевичъ), занимались скульптурною лѣпкой (А. и Е. Протасьевы) и музыкой (Н. Малово, Лопатинъ и Ладыженскій). Гуманитарное вліяніе школы, кромѣ занятій изящными искусствами, отражалось на насъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ мірoвой политикѣ было полное затишье. Россія не воевала ни съ одною изъ европейскихъ державъ, а потому, вѣроятно, горячихъ военныхъ головъ между нами тогда и не было. Военный патріотизмъ институтцевъ моего времени проявился позднѣе, въ восточную войну, когда многіе изъ моихъ товарищей поспѣшили въ военную службу (Н. Рыжовъ, С. Анненковъ, А. Маловъ, кн. Оболенскій, братья Арановы и др.). Въ сороковыхъ годахъ у Россіи, однако, шла кровавая пограничная борьба съ Кавказомъ. Горныя экспедиціи противъ Шамиля ежегодно поглощали множество жертвъ.

Проходя по Моховой, мимо сосѣдняго съ институтомъ военнаго экзерциргауза, мы, съ болью въ сердцѣ, видѣли здѣсь все новые и новые пѣхотные батальоны, которые отсюда, послѣ смотровъ, отправлялись въ то время на Кавказъ.

«На ўбой миленькихъ ведутъ! на погибель, свѣтиковъ родныхъ!» голосили, причитывая передъ нами, съ плачемъ, матери и жены, провожавшія уводимыхъ солдатъ. — «Ка́къ помочь ихъ бѣдѣ? и ка́къ облегчить родинѣ покореніе Шамиля, а съ нимъ и Кавказа?» мыслили мы тогда и толковали между собой. Разрѣшить эту загадку нашлась горячая голова, въ тайнѣ отъ всѣхъ задумавшая и рѣшившая привести въ исполненіе фантастическій замыселъ «безкровнаго замиренія и покоренія Кавказа». Это случилось въ 1843 году, когда я перешелъ въ четвертый классъ.

Между моими одноклассниками былъ пятнадцатилѣтній, чернокудрявый и черноглазый, худощавый юноша, И. П. Скюдери, сынъ извѣстнаго, всѣми уважаемаго московскаго врача. Однажды, осенью, уходя утромъ въ воскресенье къ знакомымъ своего отца, бывшаго въ то время въ богатомъ рязанскомъ своемъ помѣстьѣ, с. Ромодановѣ, Скюдери сказалъ мнѣ и другому своему однокласснику и другу, С. П. Анненкову: «Ну, товарищи, прощайте! не говорите никому— не скоро теперь увидимся... услышите обо мнѣ!» Болѣе онъ намъ ничего не объяснилъ, какъ мы ни допытывали его, и, пожавъ намъ, съ привѣтливою улыбкой, руки, ушелъ изъ института. До сихъ поръ вижу его красивую, кудрявую голову, всегда нѣсколько блѣдное лицо и оживленные, быстрые глаза, какъ бы говорившіе: «да! увидите и услышите обо мнѣ нѣчто замѣчательное!» Надо прибавить, однако, что слова Скюдери не особенно насъ удивили. Мы кое-что знали о его душевномъ настроеніи. Незадолго передъ тѣмъ онъ случайно увидѣлъ въ католической церкви, куда ходилъ съ знакомыми отца, нѣкую, неописанной красоты, княжну грузинскую и, какъ сообщилъ намъ по секрету, влюбился въ нее по уши. Вспомнивъ это, мы съ Анненковымъ рѣшили, что нашему другу, очевидно, посчастливилось вызвать въ его возлюбленной взаимное расположеніе къ себѣ, что они, по всей вѣроятности, положили болѣе не разставаться и для того, разумѣется, задумали бѣжать куда-либо изъ Москвы, за тридевять земель. Строя воздушные замки о будущемъ

блаженствѣ влюбленной пары, мы положили обо всемъ до времени молчать.

Былъ конецъ августа. Стояла превосходная, теплая и сухая погода. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было. «Если Скюдери съ его возлюбленною—думали мы —рѣшилъ уѣхать въ чужіе края, то письменное извѣстіе отъ него должно придти къ намъ изъ перваго пограничнаго города, никакъ не далѣе недѣли или десяти дней». Но прошло болѣе двухъ недѣль. Свѣдѣній о бѣглецахъ къ намъ не доходило. Невозвращеніе Скюдери изъ отпуска къ вечеру воскресенья и въ первую недѣлю послѣ того никого особенно не озаботило.—«Очевидно, заболѣлъ», рѣшило начальство: «выздоровѣетъ, явится». Но прошло еще одно воскресенье—Скюдери въ институтъ не возвращался. Начальство произвело дознаніе; оказалось, что Скюдери не было и у тѣхъ знакомыхъ, къ которымъ его отпускали по просьбѣ отца. Прошелъ еще день, другой, и дѣло стало объясняться. Заговорили, что Скюдери еще въ то воскресенье, когда былъ отпущенъ къ знакомымъ, пробылъ у нихъ до вечера, взялъ съ собою кое-какія вещи, какъ бы для отвоза ихъ въ институтъ, сѣлъ со слугой отца, Семеномъ, на извозчика, уѣхалъ куда-то и съ тѣхъ поръ безъ вѣсти пропалъ. Въ то время, какъ начальство предполагало, что онъ находится у знакомыхъ, послѣдніе были убѣждены, что онъ пребываетъ въ институтѣ; невозвращеніе же къ нимъ жившаго у нихъ Семена объясняли тѣмъ, что тотъ давно выказывалъ недовольство службой у нихъ, все просился обратно въ деревню и, очевидно, просто сбѣжалъ къ своему господину, въ Ромоданово, куда они и не замедлили написать. Отвѣтъ отца Скюдери, что Семенъ не появлялся и въ деревнѣ, совпалъ съ первыми справками институтскаго начальства. Поднялась общая тревога. Московскимъ генералъ-губернаторомъ были разосланы эстафеты объ исчезнувшемъ безъ вѣсти ученикѣ института во всѣ концы Россіи. Негласные и гласные розыски не привели, однако, ни къ чему.

Подъ напоромъ разспросовъ товарищей и убѣжденій начальства, знавшаго близость и дружбу Скюдери со мной и съ Анненковымъ, и, въ виду слуховъ о скорби и отчаяніи старика-отца Скюдери, немедленно поспѣшившаго изъ деревни въ Москву, мы съ Анненковымъ рѣшили слегка приподнять завѣсу надъ случаемъ съ товарищемъ.

Соображая, что бѣглецы, безъ сомнѣнія, уже въ недосягаемой дали, гдѣ-нибудь въ заоблачныхъ горахъ Швейцаріи, или на островахъ Атлантическаго океана, — когда директоръ сообщилъ намъ разсказъ знакомыхъ отца Скюдери о встрѣчѣ его сына, въ церкви, съ грузинскою княжной, и спросилъ насъ, не увлеченіе ли ею было причиной рокового и, быть-можетъ, гибельнаго исчезновенія нашего совоспитанника,—мы великодушно отвѣтили: «да, здѣсь несомнѣнно романъ! но успокойте отца Скюдери, бѣглецы несомнѣнно внѣ всякой опасности и вскорѣ, вѣроятно, пришлютъ о себѣ вѣсть». — «Но куда же они направились?» допрашивалъ директоръ. На это мы ничего не могли сказать вѣрнаго. Княжна была уроженкой Кавказа, куда, вскорѣ послѣ встрѣчи съ Скюдери, какъ говорили въ городѣ, и уѣхала съ теткой. Въ исходѣ сентября, въ институтѣ пронесся слухъ, что Скюдери, наконецъ, найденъ, но не въ горахъ Швейцаріи и не на островахъ Атлантическаго океана, какъ мы думали, а на пути къ Кавказу, въ городѣ Екатеринославѣ, причемъ объяснилось, что фантастическій свой побѣгъ онъ предпринялъ далеко не изъ одного увлеченія грузинскою княжной. Нашимъ товарищемъ двигала другая, болѣе возвышенная причина, о которой онъ, рѣшаясь на побѣгъ, не намекнулъ ни словомъ даже ближайшимъ изъ своихъ сотоварищей.

Дѣло было такъ. Житель Екатеринослава, какой-то еврей-торговецъ, встрѣтивъ на городскомъ базарѣ двухъ истомленныхъ, въ поношенной одеждѣ, необычнаго вида путниковъ, изъ которыхъ одному было пятнадцать, другому около двадцати лѣтъ, заподозрилъ въ нихъ опасныхъ бродягъ (тогда сильно преслѣдовали бѣглыхъ крестьянъ, стремившихся селиться на вольныхъ южныхъ, приморскихъ степяхъ) и донесъ на нихъ полиціи. На допросѣ у екатеринославскаго полицеймейстера Скюдери откровенно и безъ утайки изложилъ причину и способъ неудавшагося своего побѣга. Полицеймейстеръ подробно записалъ и прислалъ въ Москву его показанія.—Видя съ прискорбіемъ,—говорилъ въ этихъ показаніяхъ Скюдери, — что война съ Шамилемъ, обрекая на гибель столько жертвъ, такъ долго не приводитъ къ желаемому успѣху, онъ, Скюдери, рѣшился положить этому конецъ, для чего задумалъ тайно проникнуть на Кавказъ, при посредствѣ знакомой ему грузинской княжны, добро-

вольно передаться Шамилю, заслужить его расположеніе, войти въ полное его довѣріе, и такъ какъ онъ, Шамиль, очевидно, не знаетъ всего величія души и нрава царя Николая, то объяснить ему это величіе и склонить его къ мирной передачѣ Кавказа во власть Россіи, за что Государь несомнѣнно возвелъ бы его, Шамиля, въ санъ русскаго фельдмаршала и назначилъ бы его самого, съ потомствомъ, правителемъ Кавказа. Для этой цѣли онъ, Скюдери, уговоривъ слугу своего отца, Семена, слѣпо слушаться и помогать ему въ пути, выѣхать съ нимъ за Серпуховскія ворота, разсчиталъ тамъ извозчика и съ пятью рублями въ узелкѣ платка пустился съ Семеномъ пѣшкомъ по большой почтовой дорогѣ, черезъ Тулу, Орелъ, Харьковъ и Екатеринославъ, на Кавказъ. Сухая и теплая августовская погода благопріятствовала путникамъ. Днемъ они шли, ночью спали на поляхъ, вблизи дороги, или у опушки сосѣднихъ съ дорогой лѣсовъ. До курской губерніи питались, покупая съѣстные припасы; за Курскомъ послѣднія деньги были истрачены. Странники, однако, въ дальнѣйшемъ пути не голодали. Войдя вскорѣ въ малорусскіе предѣлы, они встрѣтили такое гостепріимство и такое вниманіе къ себѣ, что, угощаясь вездѣ вдоволь и даромъ, не замѣтили, какъ изъ двухтысячеверстнаго пути отъ Москвы миновали почти половину и бодрые, и веселые, обносившись сильно только обувью, вошли въ улицы Екатеринослава. Великодушный и смѣлый замыселъ безкровнаго пріобрѣтенія Кавказа рушился на 945-й верстѣ отъ Москвы. У его исполнителя, въ екатеринославской полицейской части, потребовали видъ о его личности. Скюдери спокойно вынулъ изъ кармана казенной куртки печатный отпускной институтскій билетикъ съ своимъ именемъ и тотчасъ же былъ арестованъ. Послѣ должной переписки мѣстныхъ властей съ Москвой, онъ былъ съ подобающимъ вниманіемъ благополучно препровожденъ на почтовыхъ къ его обрадованному, хотя и долго еще потомъ ворчавшему на него, родителю. Въ институтъ онъ уже болѣе, къ нашему огорченію, не возвращался. Поступивъ, черезъ два года, въ петербургскій университетъ, я узналъ, что Скюдери также въ Петербургѣ, въ медико-хирургической академіи, и когда я снова нашелъ его, въ его студенческой квартиркѣ на Кронверкскомъ проспектѣ, моей радости и разспросамъ о его странствованіи на Кавказъ не было конца.

О своемъ неудавшемся подвигѣ онъ, однако, говорилъ неохотно, объясняя и свое поступленіе въ медики однимъ желаніемъ принести въ будущемъ посильную пользу бѣднымъ раненымъ и искалѣченнымъ въ сраженіяхъ страдальцамъ. Служа потомъ во флотѣ и еще недавно въ арміи, въ войну за Болгарію, онъ вполнѣ достигъ исполненія своихъ юношескихъ мечтаній. Его заботливость о раненыхъ была такъ сильна, что онъ, въ качествѣ старшаго врача одного изъ пѣхотныхъ полковъ, умудрялся возить на передкѣ своихъ докторскихъ дрожекъ клѣтку съ живыми курами, чтобы, въ случаѣ нужды, опасно раненому всегда было возможно приготовить бульонъ, и велъ неутомимую борьбу съ интендантскими поставщиками, бракуя у нихъ безъ сожалѣнія партіи испорченныхъ сухарей.

Еще помню два случая съ моими товарищами-одноклассниками. Одинъ изъ нихъ, П. П. Макаровъ, подъ вліяніемъ чтенія житій св. отцовъ и мучениковъ за вѣру, сперва устроилъ изъ образковъ въ классномъ своемъ ящикѣ нѣчто въ родѣ крошечнаго иконостаса и усердно молился передъ нимъ, а потомъ, незадолго до окончанія курса, поступилъ въ монахи и долго жилъ у Троицы-Сергія въ особой кельѣ, собственноручно вырытой имъ въ лѣсу, у откоса холма, гдѣ я лично его навѣщалъ. Другой мой товарищъ, Н. Ѳ. Маловъ, увлекшись чарующими голосами заѣзжихъ итальянскихъ пѣвцовъ, Сальви и Ассандри, и втайнѣ стремясь вслѣдъ за ними въ Италію, сталъ прилежно брать уроки пѣнія, достигъ въ немъ замѣчательнаго искусства и позднѣе, подъ иностранною фамиліей, успѣшно дебютировалъ и пѣлъ на театрахъ въ Италіи.

Такими-то были питомцы нашего института. Много потомъ всѣми нами переживалось странныхъ и тяжелыхъ событій, которымъ, по возможности, подыскивались подходящія объясненія. Одного никто изъ насъ не могъ вполнѣ понять: въ силу какихъ обстоятельствъ и для чего, сорокъ лѣтъ назадъ (въ 1849 году), былъ закрытъ и преобразованъ въ одну изъ гимназій нашъ былой московскій дворянскій институтъ? На вопросъ объ этомъ мнѣ не дали тогда отвѣта и перешедшіе на другую службу въ Петербургъ —нашъ незабвенный директоръ Чивилёвъ и учитель нашъ Перевлѣсскій, который уѣхалъ изъ Москвы, подаривъ на память бывшимъ своимъ сослуживцамъ по институту литографированный свой

портретъ съ загадочнымъ собственноручнымъ надписаніемъ на этомъ портретѣ народной поговорки: «Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Закрыть же институтъ, въ виду какихъ-либо особыхъ правъ и привилегій, которыя онъ, будто бы, давалъ, никому не могло придти въ голову: кончавшіе въ немъ курсъ получали тѣ же права, что и питомцы всѣхъ тогдашнихъ гимназій. Закулисною причиной здѣсь, вѣроятно, было нѣчто, схожее съ тѣмъ, на что мнѣ намекалъ покойный К. Ф. Саблеръ, а именно, какіе-либо личные счеты между высшими дѣятелями въ тогдашнемъ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія.

Что же касается оффиціальныхъ данныхъ относительно закрытія московскаго дворянскаго института, то извѣстно лишь, что дальнѣйшее его существованіе, съ учрежденіемъ въ Москвѣ, въ іюнѣ 1849 г., втораго кадетскаго корпуса, было признано «безполезнымъ», и вслѣдствіе того сперва послѣдовало распоряженіе о его полномъ закрытіи, съ передачей воспитанниковъ меньшихъ его классовъ въ кадетскій корпусъ и съ оставленіемъ въ немъ высшихъ классовъ только до окончанія курса того года. При этомъ на волю родителей предоставлялось, если они не согласятся на переводъ своихъ дѣтей въ кадеты, взять ихъ къ себѣ обратно. Но къ исполненію этого перваго распоряженія встрѣтились неожиданныя препятствія. Въ институтѣ, въ томъ году, сказалось 167 воспитанниковъ, изъ которыхъ правомъ для замѣщенія 58 дворянскихъ вакансій въ корпусѣ могли, по возрасту (отъ $9^1/_2$ до $11^1/_2$ лѣтъ), воспользоваться всего только «трое» учениковъ, но и то лишь въ случаѣ полученія ожидавшагося на это согласія ихъ родителей. Въ окончательномъ же 6-мъ классѣ института тогда было 16 учениковъ. Слѣдовательно, около 150 питомцевъ института подлежали возвращенію родителямъ, изъ которыхъ бо̀льшая часть постоянно жила внѣ Москвы и преимущественно въ отдаленныхъ губерніяхъ. Встрѣтилось и еще одно немаловажное затрудненіе: изъ 45 преподавателей и чиновниковъ института 28 не имѣли иной службы, а во всѣхъ гимназіяхъ московскаго учебнаго округа, для размѣщенія ихъ, въ то время было всего «двѣ» соотвѣтствующихъ свободныхъ вакансіи. Самая, наконецъ, покупка, перестройка и должное обзаведеніе зданія, въ которое, всего за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, былъ переведенъ институтъ, обошлись послѣд-

нему болѣе чѣмъ въ 250.000 руб. сер., и изъ этой суммы институтъ, въ 1849 году, былъ еще долженъ московскому университету 75,000 р., а въ число ежегодной штатной суммы въ 53,000 руб. сер. на содержаніе института отъ государственнаго казначейства отпускалось только 8,000 р., причемъ остальные 45,000 р. пополнялись изъ платы за пансіонеровъ. Эти важныя справки заставили измѣнить первоначальное распоряженіе о полномъ закрытіи института, и послѣдній былъ упраздненъ, съ преобразованіемъ его въ четвертую московскую гимназію, которую въ 1850 году открыли въ томъ же зданіи, до сдачи послѣдняго подъ переведенный изъ Петербурга Румянцевскій музей.

1890 г.
30 января.

Оглавленіе

XIV тома.

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

(ПУГАЧЕВЩИНА.)

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РАЗОРЁННЫЙ УЛЕЙ.

— «Преданья русскаго семейства,
Да нравы нашей старины...»
Пушкинъ.

— «Черный годъ.—что туча,—не
ждешь, набѣжитъ!..»
Народная поговорка.

ОТЪ АВТОРА.

Нѣсколько лѣтъ назадъ я случайно узналъ, что въ одномъ старомъ домѣ въ Москвѣ, въ переулкѣ, у Чистыхъ-прудовъ, хранится много любопытныхъ бумагъ о двѣнадцатомъ годѣ.

При помощи мѣстныхъ рекомендацій, мнѣ удалось, проѣздомъ черезъ Москву, побывать у владѣлицы названнаго дома, вдовы сенатскаго секретаря NN. Деревянный, въ два этажа, обитый потемнѣлымъ тесомъ, съ покосившимися окнами и фронтонами, этотъ домъ былъ огороженъ съ переулка высокимъ заборомъ и окруженъ обширнымъ, стариннымъ садомъ. Деревянные, желтые львы, съ открытыми пастями, стояли на его запертыхъ воротахъ. Пройдя въ калитку, я былъ введенъ въ стеклянныя сѣни, оттуда въ большую, съ зеркалами, въ бронзовыхъ рамахъ и съ фамильными портретами, залу и, черезъ коридоръ, загроможденный шкапами, перинами и другою рухлядью, въ отдаленную комнату хозяйки. Я увидѣлъ передъ собою худенькую, лѣтъ подъ семьдесятъ, но еще бодрую старушку, въ черномъ шерстяномъ капотѣ и въ бѣломъ, съ оборками, чепцѣ. Она приняла меня, сидя на кровати, покрытой зеленымъ, шелковымъ, стеганымъ на ватѣ, одѣяломъ. Съ подножины мосекъ бросились на меня съ лаемъ.

Предупрежденная о цѣли моего заѣзда, владѣлица ласково привѣтствовала меня, усадила противъ себя и, потирая въ рукахъ серебряную табакерку, сказала: «Знаю, батюшка, знаю,—ты насчетъ нашествія двѣнадцатаго года... Охъ, старые мои годы! И что̀ тебѣ разсказать о томъ времени? Оно, точно, не токмо французовъ, и ихняго Бонапарта я видѣла тутъ своими глазами. Только что̀ же сказать тебѣ? Памятью совсѣмъ я ослабла... Не мало у меня всякихъ бумагъ, въ комодахъ, баулахъ, и по шкапамъ; не знаю, для чего покойный мужъ копилъ. А безъ него трудно рѣшиться, да врядъ ли и что̀ путное найдется. Больше, почитай, служебныя; онъ отъ французовъ много спасъ; нужное сдалъ, кое-что оставилъ. Развѣ вотъ что,— подумавъ, заключила старушка: — внуки давно все какого-то вводнаго листа искали; я намедни изъ Горокъ выписала вонъ этотъ сундукъ: кажись, тутъ тоже были какія-то бумаги, да гдѣ мнѣ искать? Я и печатное плохо уже разбираю. Не поможешь ли, развѣ, ты?»

Сундукъ открыли. Онъ былъ полонъ всякою всячиной—мужскими и женскими, старинными платьями, конца XVIII и начала XIX вѣка, париками, башмаками, обрѣзками цвѣтныхъ суконъ и холста, связками музыкальныхъ нотъ и счетныхъ, хозяйственныхъ тетрадей, ревизскихъ сказокъ и другихъ частныхъ документовъ и писемъ. Просматривая эти бумаги, я, между прочимъ, предлагалъ хозяйкѣ вопросы о старинѣ. Она оказалась очень словоохотливою и передала мнѣ нѣсколько нелишенныхъ любопытства подробностей о нашествіи Наполеона, о пожарѣ Москвы и о бѣдствіяхъ плѣнныхъ. Желаннаго листа въ сундукѣ, однако, не оказалось. Я сталъ откланиваться.—«Да ты, родной, не стѣсняйся,— сказала, отпуская меня, старушка:—заѣзжай на свободѣ еще; просмотришь и другіе мои спряты и укладки; можетъ, пособишь мнѣ найти и тотъ листъ! Ой, трудно намъ безъ него, трудно; заклюютъ внуковъ лиходѣи».—Я обѣщалъ еще навѣдаться къ старухѣ и сдержалъ слово. Ящики съ бумагами, во второй мой заѣздъ, для удобства ихъ просмотра, переносили мнѣ въ сосѣднюю съ хозяйскою, особую комнату, окнами въ садъ. Здѣсь было свѣтло и особенно привѣтливо. Французскія и англійскія гравюры XVIII вѣка украшали стѣны. Надъ письменнымъ, съ инкрустаціей, бюро висѣлъ потускнѣлый портретъ пожилой, но еще красивой, голубоглазой женщины, въ монашескомъ одѣяніи, съ четками въ рукахъ. На канапе́ лежала, искусно вышитая шелками и бисеромъ, подушка. На полукругломъ, отдѣланномъ бронзой, комодѣ стояло овальное зеркало, въ фарфоровой рамѣ, изъ блѣдно-розовыхъ, съ зеленью, цвѣтовъ. Въ комнатѣ было жарко. Я открылъ окно въ садъ, изъ котораго повѣяло запахомъ цвѣтущихъ розъ и липъ. Усѣвшись въ кресло, я принялся за разборку принесенныхъ бумагъ. Хозяйка дома, не желая мнѣ мѣшать, не покидала своей комнаты. Прислуга ходила мимо моей, притворенной, двери не иначе, какъ на цыпочкахъ. Мосекъ куда-то заперли.

Разсмотрѣвъ принесенныя бумаги, я принялся за послѣднюю связку, вынутую изъ ящика какого-то платяного шкапа. Здѣсь, между планами, тщетно отыскивая вводный листъ, я нашелъ обернутую въ обрѣзокъ желтаго атласа, объемистую, кое-гдѣ обгрызанную мышами, тетрадь синей, плотной бумаги, съ золотымъ обрѣзомъ, исписанную по-французски мелкимъ, но четкимъ, очевидно, женскимъ почеркомъ, конца прошлаго вѣка. На обрывкѣ заглавной, полуистлѣвшей страницы была

надпись: «A ma postérité», — а ниже, другимъ, позднѣйшимъ почеркомъ, было приписано карандашомъ, по-русски: «Совѣты и поученія потомкамъ покойной благодѣтельницы, Марьи Родіоновны Дугановой. Житія ея было шестьдесятъ лѣтъ, дни треволненные, а кончина тихая и праведная, въ саратовской женской пустыни, сего 2 февраля, 1809 года». — «Предисловіе» къ этой тетради было въ двухъ спискахъ. Къ французскому оригиналу кто-то приложилъ, на особомъ почтовомъ листѣ, русскій переводъ.

Вотъ это предисловіе:

«Мои внуки и правнуки и всѣ тѣ, кому попадутся эти страницы! Давно я собиралась изложить, въ поученіе и на память вамъ, видѣнное мною лично и слышанное въ жизни отъ другихъ. Я бралась за перо, приводила въ порядокъ свои мысли и пыталась набрасывать нить необычайныхъ, претерпѣнныхъ мною событій. Воля судьбы, невѣдомымъ путемъ ведущая смертныхъ, всякій разъ устраивала все это, противъ моей воли, иначе. Я оставляла начатое, разрывала или жгла исписанные листы.

«Слушая устные мои разсказы, примѣчательные и почтенные люди стараго забытаго нынѣ времени, — мыслители, сановники и свѣтскіе остроумцы, — говорили обо мнѣ: «Какъ жаль! эта милая Дуганова такъ много испытала на своемъ вѣку, видѣла, напримѣръ, лично Пугачова и такъ занятно, случается, все разсказываетъ, — а не ведетъ своихъ мемуаровъ».

«Сердце женщины, даже пожилой, друзья мои, не камень. Честь, оказанная мнѣ столь уважаемыми людьми, сильно повліяла на мое самолюбіе. А тутъ стали одолѣвать болѣзни и скука одинокой старости, — предѣлъ человѣческой жизни. Девять лѣтъ назадъ, именно въ 1800 г., — на границѣ двухъ вѣковъ, — въ унылый, дождливый, осенній день, въ тихой сельской обители, я впервые взялась за бумагу и перо, потомъ продолжала въ городѣ, а нынѣ, когда судьбой привелось доживать вѣкъ въ иной, еще болѣе уединенной и пустынной обители и я, ослабѣвъ отъ слезъ глазами, плохо вижу, даже въ очкахъ, — я диктую дополненія и нужныя вставки крестницѣ, дочери моей пріятельницы, непосѣдѣ — Фимочкѣ. Ей семнадцать, мнѣ вскорѣ шестьдесятъ лѣтъ, но память моя еще не ослабѣла, и я, грѣшная, люблю, среди молитвъ и приготовленій къ недальней кончинѣ, переноситься мыслями въ прошлое. О, это прошлое! о, золотые, недолгіе годы молодости, улетѣвшаго счастія!

«Мои дорогія внучки и правнучки! Къ вамъ, въ эти часы, взываю, въ особенности. Ваше сердце мягче, думы отзывчивѣе.

«Склоненіе къ близкой могилѣ сильнѣе всего понудило вашу бабку и прабабку оглянуться на свое прожитое и, безъ утайки, какъ передъ вѣковѣчнымъ Судіей, передать вамъ, сходя въ эту могилу, исповѣдь о своей жизни, о ея въ началѣ тихихъ и свѣтлыхъ радостяхъ и о грозныхъ потомъ испытаніяхъ, когда надъ нами пронесся страшный, кровавый метеоръ, чуть не пресѣкшій бѣдной, давно-истерзанной жизни.

«Кончу ли, нѣтъ ли, свои записки, прочтите, мои дорогія, этотъ разсказъ о нашемъ *черномъ годѣ*, эту семейную драму, среди которой я нежданно, когда-то, была унесена по иному, гибельному руслу появленіемъ безпощаднаго чудовища, алчнаго тигра, внезапно вставшаго передъ нами. Вы увидите, что я, передавая бумагѣ эти отрывочныя замѣтки и признанія о вашихъ дѣдахъ и прадѣдахъ, старалась обо

одномъ — быть правдивой, а иногда, какъ можетъ вамъ показаться, даже, въ ущербъ себѣ, и черезчуръ откровенной...»

Занятый въ то время другою эпохой, я не обратилъ-было должнаго вниманія на эту находку. Стряхнувъ съ тетради пыль, я прочелъ сперва ея предисловіе, а потомъ и всю рукопись. Безыскусственный разсказъ Дугановой объ испытанномъ ею семейномъ горѣ и другихъ треволненіяхъ невольно перенесъ меня въ далекіе, семидесятые годы прошлаго столѣтія, ознаменованные рядомъ, по-истинѣ, тяжелыхъ общественныхъ бѣдствій.

Солнце, ярко свѣтившее въ комнату черезъ верхи слабыхъ липъ, давно спряталось за уголъ дома. Въ окно повѣяло прохладой вечера. Стали надвигаться сумерки. Раздался звонъ къ вечернѣ. Я продолжалъ перелистывать тетрадь. Владѣлица дома присылала мнѣ варенья, потомъ фруктовыхъ, собственнаго издѣлія, водянокъ; все это осталось нетронутымъ.—«Барыня возвратились отъ вечерни и просятъ кушать чай»,—послышалось наконецъ за дверью.—«Сейчасъ, сейчасъ».—отвѣтилъ я, закрывъ дочитанную рукопись. Я всталъ и оглянулся по комнатѣ. Эта мебель, зеркало въ фарфоровой рамѣ, шитая шелкомъ подушка и портретъ монахини стали мнѣ понятны. Я, по стемнѣвшему коридору, возвратился въ комнату старушки. — «Что, батюшка, все еще не нашелъ моего листа?»—спросила NN.—«Нѣтъ, не нашелъ...» — «Что дѣлать! — сказала она со вздохомъ:— а намъ всѣмъ онъ такъ нуженъ...»— «Зато мнѣ удалось вотъ что́ найти»,—произнесъ я, указывая на завернутую въ желтый атласъ тетрадь:—«знаете ли вы это?» — Глаза старухи, при взглядѣ на этотъ атласъ и на давно, очевидно, забытую тетрадь, покрылись слезами.—«Богъ мой! гдѣ ты это выкопалъ? — вскрикнула она, крестясь и разглядывая тетрадь: — столько лѣтъ считала ее пропавшею, когда еще мы переѣхали изъ Горокъ... Знаю ли? да вѣдь Фимочка, о коей тутъ говорится,—коли ты читалъ,—это я сама... Половина этого мнѣ и диктована!» — «Не позволите ли воспользоваться, списать это хотя для себя?» — спросилъ я: — «не теперь, ну позднѣе. Тутъ не мало любопытнаго, и все это, притомъ, очевидно, разсказывалось для потомства, а ужъ столько времени прошло; никому не будетъ непріятно, а многихъ, пожалуй, и займетъ!»—Эхъ, батюшка, да что́ же тутъ занятнаго? — отвѣтила старуха, завернувъ тетрадь въ тотъ же атласный лоскутъ и засовывая ее подъ подушки, на кровать:—«во-первыхъ, въ тѣ поры, хотя всѣ, положимъ, говорили такъ же просто, какъ и теперь, но писали выспренно, подъ-часъ и витіевато,—еще смѣяться надъ нами будутъ, — а во-вторыхъ — тутъ одни домашнія, никому ненужныя и давно забытыя росказни!» — «Но здѣсь не одни семейныя событія, здѣсь столько, между прочимъ, и вообще о томъ вѣкѣ приведено!»—Старуха покачала головой.—«Все это, родной, давно и всѣмъ извѣстно и переизвѣстно... А, впрочемъ, коли ужъ хочешь,—заключила она, помолчавъ и какъ-то особенно глянувъ въ сторону:—какъ помру, изволь, — за твое вниманіе ко мнѣ, — бери... я надѣюсь, не осмѣешь дорогой мнѣ старины...»—«Но отъ кого же я это получу»?—спросилъ я.—«Душеприказчикомъ по мнѣ будетъ здѣшней церкви, коли знаешь, священникъ: я ему безпремѣнно накажу, и онъ все тебѣ, если пожелаешь, отдастъ.» — «Позволите ли взять, какъ автографъ, хотя приложенный къ рукописи переводъ предисловія?»—«Его, пожалуй, возьми.»—

«А кто эта монахиня, на портретѣ, въ той комнатѣ?»—«Благодѣтельница наша, моя крестная, Марья Родіоновна Дуганова; здѣшній домъ, много хорошихъ вещей и все у насъ, какъ есть, отъ нея...»

Прошло послѣ того около года. Я снова навѣстилъ Москву, гдѣ знакомые старушки мнѣ передали, что она умерла.—Заѣхавъ къ священнику ея приходской церкви, я отъ него узналъ, что всѣ бумаги покойной,—какъ въ сундукѣ, такъ и въ шкапахъ, и баулахъ,—вскорѣ послѣ ея смерти,—сгорѣли, вмѣстѣ съ ея домомъ, на пожарѣ, истребившемъ чуть не половину переулка, гдѣ она жила.

Въ нижеслѣдующемъ разсказѣ я постарался возстановить все то, что могъ припомнить изъ записокъ Дугановой — какъ о московскихъ, такъ и о иныхъ событіяхъ, за 115 лѣтъ назадъ.

I.

Было лѣто 1772-го года.

Марья Родіоновна Дуганова, урожденная Камынина, за три года передъ тѣмъ обвѣнчалась, по любви, съ адъютантомъ московскаго главнокомандующаго, графа Салтыкова, Глѣбомъ Андреевичемъ Дугановымъ.

Первую зиму послѣ брака, въ началѣ 1769 года, молодожены провели въ Москвѣ. Марьѣ Родіоновнѣ тогда исполнилось девятнадцать лѣтъ. Нѣсколько задумчиваго, сосредоточеннаго нрава, она со всѣми была привѣтлива и общительна. Всѣ любовались ея статнымъ ростомъ, граціозною походкой, тонкою таліей и цѣлыми волнами свѣтлопепельныхъ волосъ, падавшихъ на плечи.

Чувствительная сердцемъ, она до безумія любила умнаго, дѣльнаго и добраго мужа. Онъ также въ ней души не чаялъ, — дома не отходилъ отъ нея, а въ гостяхъ, на званыхъ обѣдахъ, вечеринкахъ и во время танцевъ не спускалъ съ нея глазъ. Да и какъ было не любоваться ею? Стройная, съ свѣтло-голубыми, нѣсколько близорукими глазами, она обворожала всѣхъ своимъ обхожденіемъ, ласковою, умною рѣчью и искусствомъ одѣваться къ лицу. Парикмахеры сооружали изъ ея пышной шевелюры цѣлые зàмки и фортеціи. Знакомые трунили надъ Дугановымъ, говоря, что онъ ревнуетъ жену чуть не къ каждому, кто съ нею заговоритъ. Въ избыткѣ радостей, Марья Родіоновна, разумѣется, не обращала на эти толки никакого вниманія.

Зима перваго года послѣ брака прошла для Дугановыхъ въ непрерывныхъ развлеченіяхъ, выѣздахъ, вечерахъ. Веселье, въ ту пору, въ Москвѣ било ключомъ. Воспитанная въ небогатой семьѣ служилыхъ самарскихъ дворянъ, Камы-

шныхъ. Марья Родіоновна хотя отъ души веселилась въ пышной и шумной Москвѣ, куда перенесла ее судьба, но втайнѣ съ любовью вспоминала родную Самару, тихую, широкую Волгу, и думала: «Выѣзжать, развлекаться надо, такъ принято... но когда бы уже скорѣе все это прошло!.. Поѣдемъ на югъ, въ Ракитное, къ матери Глѣба». Увеселенія, само собою, вскорѣ кончились. Весной и лѣтомъ 1771 года въ Москвѣ нежданно разыгралось страшное бѣдствіе: чума и бунтъ черни, убившей архіепископа Амвросія. Дугàновъ успѣлъ, до этихъ смутъ, заблаговременно отправить жену, уже бывшую въ тягости, въ Малороссію, въ изюмское помѣстье своей матери. Оттуда, въ началѣ весны того года, Марья Родіоновна извѣстила его, что у нихъ родился сынъ, Вася. Тамъ она оправилась, окрѣпла на сельскомъ покоѣ и, съ началомъ весны, опять расцвѣла, благодаря совѣтамъ и наблюденію опытнаго врача, котораго ея свекровь вызывала къ ея родамъ въ Ракитное изъ Москвы. Чума въ Москвѣ прекратилась. Новый начальникъ Дугàнова, князь Волконскій, какъ и прежній главнокомандующій, также оцѣнилъ и полюбилъ Глѣба, за его усердіе къ службѣ, и обѣщалъ ему отпускъ къ семьѣ. Въ маѣ 1772 года Глѣба Андреевича стали ожидать въ деревню.

Въ трехъ верстахъ отъ Ракитнаго, помѣстья его матери, было многолюдное село изюмскихъ слободскихъ казаковъ, Кабàнье. Черезъ него, въ то время, шла большая, почтовая и торговая, харьковская дорога на Изюмъ и Славянскъ. Марья Родіоновна часто, въ экипажѣ и верхомъ, одна или съ племянницей свекрови, Нинèтъ Ладыженцевой, выѣзжала на этотъ путь, въ надеждѣ увидѣть пыль завѣтной тройки, услышать почтовый колокольчикъ и встрѣтить тамъ дорогого гостя. Нинèтъ была некрасивая собой и уже немолодая, но умная и начитанная дѣвушка. Худая, съ длинною, какъ у осы, таліей, она и нравомъ своимъ напоминала осу; любя спорить и противорѣчить, она, въ сущности добрая, язвительно цѣплялась за всякое возраженіе и носила между своими прозваніе квакерки, чудачки и пуританки. Увезенная съ дѣтства богатыми родными въ чужіе края, она долго жила въ Швейцаріи, Англіи и Голландіи, откуда, между другими причудами, вывезла благоговѣніе къ простому народу,—хранителю, по ея мнѣнію, истинной нравственности и вѣры, и смѣло ставила его въ образецъ высшимъ классамъ. Когда

она, въ спорѣ на эту тему, сердито опускала вѣки и, то краснѣя, то блѣднѣя до синевы губъ, сыпала возраженіями, старуха Дуганова обыкновенно говорила: «Ну, завела, квакерка, проповѣдь! Открой, Нина, свои шторы, а то въ комнатѣ темно!» Ладыженцева, улыбаясь, поднимала глаза — и въ комнатѣ дѣйствительно становилось какъ бы свѣтлѣе, — такъ, при общей ея некрасивости, были ласковы и привѣтливы ея большіе, сѣрые глаза.

Дни шли за днями. Глѣба Андреевича не было. Коротая свои досуги, Марі съ Нинеть любила останавливаться у молодого рослаго дуба, при въѣздѣ въ Кабанье. Здѣсь онѣ давали лошадямъ отдохнуть, а сами садились на землю или рвали цѣлебныя травы и цвѣты. Степи тогдашняго харьковскаго намѣстничества были почти сплошною, вѣковѣчною цѣлиной. Свекровь научила невѣстку собирать и сушить цвѣты. Цѣлые вороха сушеныхъ зелій висѣли у нея въ особой, пахучей свѣтёлкѣ, куда допускали не всѣхъ, но гдѣ, съ нѣкотораго времени, невѣстка стала полною хозяйкой. Добрая ворчунья и хлопотунья свекровь, день-деньской суетясь по хозяйству и звеня связкою ключей у пояса, по вечерамъ, когда всѣ собирались съ работой къ чайному столу, съ довѣрчивою важностью преподавала невѣсткѣ заповѣдные способы лѣченія собранными травами, но настрого запретила ей самой ходить за недужными.

— Можешь, другъ Марьюшка, — говорила она: — пользовать всякаго, кого допускаю къ себѣ въ хоромы и кого сама тебѣ укажу: черезъ это дашь помощь и мнѣ. Но, Боже тебя упаси и помилуй, не вздумай сама посѣщать больныхъ. Ты, ма шеръ Марі, неопытна и подчасъ прытка; изъ-подъ пятокъ твоихъ иногда чуть не искры сыплются, когда ходишь. А мало ли какіе бываютъ больные изъ этого чернаго, бѣднаго мужичья? Они, какъ поросята, неопрятны: надо умѣючи. Берегись, Марі! еще заразишься ихъ болячками и въ конецъ погубишь себя...

Однажды Марі пришлось особенно долго замедлиться на большой дорогѣ. Она въ то время выѣхала туда верхомъ одна. Нинетъ осталась дома, дошивать гарусомъ по канвѣ подушку, сюрпризъ Марі Глѣбу. Привязавъ коня къ стволу знакомаго дуба, у крайнихъ дворовъ Кабаньяго, Марі усѣлась на землѣ, въ тѣни дерева, и задумалась.

Ея мысли были все о той же большой дорогѣ. Вѣтви дуба тихонько шелестѣли надъ ея головой. Каждый листикъ, каждая свѣтовая, между вѣтвями, прогалина точно говорили ей: «счастье! счастье! вотъ оно, смотри»... Она смотрѣла; но по дорогѣ тянулись обозы, шли пѣшеходы, — милаго гостя не было видно. Изъ-за сосѣдняго плетня къ ней незамѣтно подошла старая казачка, съ ближняго хутора.

— Панночка, голубочка! — сказала она ей, низко кланяясь: — вы собираете травы, Богъ вамъ помоги, и, мы знаемъ, лѣчите ими бѣдный народъ. Не прогнѣвайтесь, зайдите; у насъ въ хатѣ, сколько времени, гибнетъ, лежитъ безъ ногъ знакомый мужа, добрый человѣкъ.

— Кто, бабуся, твой мужъ и гдѣ живете?

— Осипъ Коровка; онъ вамъ рыбу съ Дона не разъ привозилъ. Вонъ нашъ хуторъ, у огородовъ.

— А кто этотъ знакомый твоего мужа?

— Бѣдный бурлакъ; помогалъ мужу, когда былъ на ногахъ, ѣздилъ съ нимъ весной за рыбой, да захворалъ и съ Пасхи лежитъ, какъ пласть, а мужа дома нѣтъ.

— Что же у него?

— Были раны отъ болячки, на груди и на лицѣ, теперь на ногахъ... не ходитъ.

Марй вспомнились слова свекрови о заразѣ. Она испугалась, не рѣшалась идти. Но мысль, что бѣдному рабочему человѣку — лишиться ногъ значило то же, что умереть съ голоду, тронула ее. Она подумала, предложила казачкѣ указать ея дворъ и поѣхала за нею. Казачка привязала лошадь Марй у забора, возлѣ своего крыльца, и ввела гостью въ чистую, прохладную, глиняную горенку, съ завѣшанными отъ мухъ окнами. Марй взглянула вокругъ себя и въ первыя мгновенія, со свѣта, ничего здѣсь не видѣла.

Въ просторной, съ землянымъ поломъ, избѣ, налѣво отъ входа, обозначилась бѣлая, съ красными и синими разводами, опрятная печь; рядомъ съ нею — поставецъ съ посудою и окованный желѣзомъ, разрисованный сундукъ; въ переднемъ углу—множество старинныхъ, темныхъ образовъ, съ лампадками передъ ними. Большинство казаковъ села Кабаньяго придерживались, какъ всѣ въ окрестности знали, раскола. На скамьѣ, подъ образами, лежало что-то блѣдное, прикрытое сѣрымъ, рванымъ зипуномъ. На Марй, изъ-подъ

зипуна, устремились черные, блестящіе, жалобно-молившіе глаза. Старуха приподняла оконную занавѣску.

— Помоги, ласковая боярышня, Богъ тебѣ поможетъ! — сказалъ сиповатымъ, глухимъ голосомъ и безъ украинскаго выговора, больной, очевидно, не здѣшній человѣкъ.

Онъ съ трудомъ приподнялся на скамьѣ, свѣсилъ и сталъ развязывать обвернутыя жалкимъ тряпьемъ, исхудалыя, костлявыя ноги. Съ виду ему было лѣтъ тридцать.

— Какъ это? гдѣ ты, голубчикъ, такъ заболѣлъ? — спросила Марú, подойдя къ больному и съ содроганіемъ осматривая его глубокія, зіяющія раны.

— Батракъ-сирота, бѣдолàга! — съ безнадежнымъ вздохомъ отвѣтилъ больной, перебирая ветхія тряпицы на изможденныхъ голеняхъ: — что̀ такому? мучиться въ потѣ лица и въ неволѣ добывать хлѣбъ святой. Волка, барышня, ноги кормятъ.

«Бродяга!» — невольно подумала Марú.

— Какъ тебя звать? — спросила она.

— Ивановъ... по имени Емельянъ...

— Здѣшній?

— Нѣтъ, сударынька, съ Дону... казакъ.

— Что же, случайно сюда зашелъ?

— Гдѣ только не хожено, не ѣзжено, какого только землепроходнаго вѣтра не пробовано! да вотъ, притулился у добраго человѣка, захворалъ, и аки псу, видно, приходится тутъ задаромъ пропадать. Спаси, будь ласкова, трудно такъ-то. Лежачъ камень мохомъ обростаетъ, стояча вода и та киснетъ...

— Ну, Ивановъ, — сказала Марú, подумавъ: — хотя и трудно, а постараюсь тебѣ, сколько могу, пособить. Все твоей хозяйкѣ передамъ...

Выйдя изъ избы, она приказала казачкѣ, промывъ больному раны, обвязать ихъ чистыми холщевыми лоскутьями и обѣщала доставить лѣкарство. На другой день, въ Кабáнье съѣздила Нинéтъ; она, по просьбѣ Марú, завезла казачкѣ травъ, объяснила ей, какъ ихъ приготовлять и прикладывать, и сказала, что вскорѣ навѣдается опять. Черезъ недѣлю, Марú снова вспомнила о больномъ, и Нинéтъ, вторично съѣздивъ въ Кабáнье, отвезла туда украдкой новый запасъ травъ и узнала, что больному стало замѣтно легче.

II.

Изъ Москвы, между тѣмъ, пришло письмо Глѣба. Онъ

извѣщалъ жену, что его путь замедлился, вслѣдствіе его поѣздки куда-то съ главнокомандующимъ, и что онъ будетъ въ Ракитное — не ближе двухъ недѣль. Ка́къ прошли эти двѣ недѣли, Марі́ уже и не помнила. Она не могла ничѣмъ заняться, какъ тѣнь, бродила изъ угла въ уголъ по дому и въ саду, ночи проводила безъ сна и съ нетерпѣніемъ считала не только дни, но часы и минуты.

Въ день, когда, по ея разсчету, окончательно долженъ былъ въ Ракитное пріѣхать Глѣбъ, она съ Нинéтъ, чуть не на зарѣ, когда въ домѣ всѣ еще спали, выѣхала въ колясцѣ на большую дорогу и, не утерпѣвъ, велѣла кучеру проѣхать далѣе, за Каба̀нье.

Коляска остановилась на возвышенномъ пригоркѣ. Было чудное, теплое, душистое утро. Съ пригорка, верстъ на пять и болѣе, была видна лента той же харьковской дороги, съ уходящими въ даль, зелеными холмами и перелѣсками, но и тамъ не было видно завѣтной, мчащейся тройки. Слезы душили Марі́. Видя ея разстройство, Нинéтъ уговорила ее ѣхать обратно. — «Ахъ, вѣдь, нельзя же! — увѣщевала она Марі́, по пути:—и какая ты, право, странная! ну, онъ не пріѣхалъ утромъ, можетъ пріѣхать послѣ обѣда, къ вечеру... Успокойся!» — А ужъ до покоя ли тутъ? — Марі́ не отрывала платка отъ глазъ, не слышала того, что̀ ей говорила подруга. Вдругъ коляска остановилась. Путницы оглянулись. Онѣ были среди улицы Кабаньяго.

У передняго колеса экипажа, почему-то пригнувшись къ нему, стоялъ въ бѣлой, посконной рубахѣ, въ синихъ, набойчатыхъ шароварахъ и въ сѣрой дерюгѣ, поверхъ широкихъ, исхудалыхъ плечъ, средняго роста, босой человѣкъ, съ черною бородой. Марі́ по глазамъ узнала въ немъ недавняго своего паціента, Иванова. Его ноги, выше ступней, были еще обвязаны, но онъ на нихъ держался уже свободно, слегка только опираясь на суковатую палку.

— Что это? почему стали?—спросила кучера Марі́.

— Постромку лѣвая заступила, я и кликнулъ его помочь,—отвѣтилъ кучеръ, указывая на мужика.

Мужикъ кланялся, держа шапку въ рукѣ.

— Спасибо вамъ, сударыньки,—сказалъ онъ:—за то, что помогли мнѣ, бѣдному, Богъ вамъ пособитъ! только вотъ, лихо,—прибавилъ онъ, шаря за пазухой:—сбираюсь въ дорогу, а отблагодарствовать вамъ нечѣмъ...

— Полно, полно,—отвѣтила, вспыхнувъ, Нинѐтъ:—выздоравливай, Господь съ тобой... ничего намъ не нужно... счастливаго пути...

— Не гоже, сударыня, не гоже,—сказалъ мужикъ, протягивая Нинѐтъ что-то въ грубой, заскорузлой рукѣ:—не обезсудь,—изъ Почаевской лавры... самъ принесъ!

Онъ подалъ мѣдный, на простой, плетенной тесемкѣ, лаврскій крестикъ. Крестъ былъ раскольничій. Нинѐтъ хотѣла его принять.

— Не бери,—сказала ей, по-французски, Марѝ.

— Почему же?—спросила ее, на томъ же языкѣ, Нинѐтъ: это все твое отвращеніе къ бѣдному простонародью? какъ глупо!

— Да нашъ паціентъ не вселяетъ мнѣ довѣрія,—отвѣтила Марѝ:—съ виду—ну, сущій разбойникъ; не желала бы я встрѣтиться съ нимъ въ дорогѣ, особенно ночью.

— Вотъ вздоръ какой,—отвѣтила Нинѐтъ:—по виду онъ какъ всѣ, и я его не боюсь.

Казакъ, очевидно, чутьемъ понялъ смыслъ разговора путницъ. Шевельнувъ плечомъ, онъ исподлобья вдругъ съ такою глубокою ненавистью взглянулъ на нихъ, что онѣ невольно смутились.

— Изъ Почаева, ты говоришь?—спросила Нинѐтъ, желая загладить произведенное на него впечатлѣніе;—ты былъ и въ Польшѣ?

Казакъ отвѣтилъ не сразу. Онъ тяжело дышалъ.

— Ходилъ на богомолье,—проговорилъ онъ, переминаясь:—и гдѣ послѣ того не былъ, а вотъ живъ! не своя воля,—безъ смерти не помрешь,—заключилъ онъ:—въ могилу, и въ ту, видно, надо допроситься.

Нинѐтъ приняла отъ него крестикъ, надѣла его, и путницы поѣхали, разсуждая, не безъ удовольствія, что все-таки вылѣчили бѣднаго больного.

Вечеромъ того же дня, Марѝ заслышала изъ цвѣтника звонъ колокольчика. Надъ вербами, за садомъ, у пруда, поднялась стая галокъ и воронъ. Выше и выше вздымались крылатыя полчища, горластымъ карканьемъ привѣтствуя кого-то, подъѣзжавшаго, въ облакахъ пыли, изъ околицы. Марѝ замерла. Что съ нею затѣмъ сталось, она уже и не помнила. Бросившись опрометью въ домъ, какъ буря, она промчалась чрезъ рядъ комнатъ, выскочила, уронивъ съ

себя косынку и шляпу, въ переднюю и на крыльцо, и черезъ секунду, обезумѣвъ отъ восторга, повисла на груди подъѣхавшаго мужа.

Въ Ракитномъ настали дни радостей и веселья. Дугановы непрерывно принимали родныхъ и знакомыхъ и ѣздили къ нимъ. Тучи галокъ и воронъ то-и-дѣло кружились надъ садомъ и дворомъ, громкимъ крикомъ, точно торжественнымъ ура, встрѣчая и провожая ракитинскихъ гостей. Глѣба разспрашивали о чумѣ, бывшей въ Москвѣ, о столичныхъ новостяхъ. Среди пріемовъ, званыхъ обѣдовъ и выѣздовъ, Марй, разумѣется, забыла поѣздки къ завѣтному дубу, жену казака Коровки и ихъ постояльца Иванова, котораго ей привелось лѣчить, вопреки предостереженіямъ свекрови. Но какъ часто потомъ, при другомъ, наставшемъ строѣ жизни, она вспоминала и этотъ дубъ, и больного казака, и свое тогдашнее, ничѣмъ невозмущаемое, молодое счастье!

Свекровь отъ кого-то, однако, провѣдала-таки о лѣчебныхъ экскурсіяхъ Марй и Нинѣтъ. Спустя недѣлю послѣ пріѣзда сына, она какъ-то, варя въ саду варенье, сказала Марй,—при мужѣ: «Ну, лакомка, казачій фершалъ, попробуй пѣнку,—готовы ли ягоды?»—Марй, не ожидавшая этого разоблаченія, вспыхнула и, отвѣдавъ варенья, объявила, что, по ея мнѣнію, ягоды готовы. А старуха Дуганова, лукаво грозя и улыбаясь на ея растерянность, прибавила: «Впрочемъ, главный гофъ-медикъ, на этотъ разъ, не ты, а вотъ она!»—и указала на Нинетъ.

Глѣбъ Андреевичъ, во время смутъ въ Москвѣ, такъ усталъ, а въ родной деревнѣ ему было такъ привольно и хорошо, что онъ написалъ къ главнокомандующему въ Москву, куда везти жену еще не рѣшался, и выхлопоталъ себѣ у князя новый, болѣе продолжительный отпускъ. Онъ съ Марй прогостилъ тогда у матери — вплоть до половины октября.

Настала чудная украинская осень. Марьѣ Родіоновнѣ долго были памятны эти тихіе и сухіе, то теплые, какъ въ маѣ, то слегка прохладные, хотя и солнечные дни, съ желтѣющими садами и дубравами и летящими, въ свѣтломъ воздухѣ опустѣлыхъ полей, прядями бѣлой паутины. Хлѣбныя нивы были убраны. Крестьяне праздновали сватанья и свадьбы. Окрестные богатые помѣщики,—Шидловскіе,

Донцы-Захаржевскіе и Квитки,— охотились, съ нарядными егерями и безчисленными сворами гончихъ и борзыхъ собакъ, въ лѣсахъ гористаго Донца. Въ дубовыхъ и липовыхъ трущобахъ раздавались звуки охотничьихъ роговъ, а надъ скачущими всадниками плыли, съ звонкими криками, стаи отлетающихъ за море гусей и журавлей. Марй также верхомъ выѣзжала на охоту. По вечерамъ усталые путники собирались у охотниковъ-сосѣдей. Подавался украинскій пуншъ, — душистая, съ пряностями, вишневая варенуха. Молодежь, подъ клавикорды, устраивала танцы. Марй очень не хотѣлось покидать этого простора, этихъ степей и особенно сада, съ полчищами кружившихся, надъ безлистыми уже деревьями, галокъ и воронъ: въ каждой аллеѣ и въ каждомъ тайникѣ этого сада столько переживала она съ Глѣбомъ счастливыхъ мгновеній, тихихъ бесѣдъ, надеждъ и ожиданій.

Съ начала октября Глѣбъ сталъ думать о возвращеніи въ Москву. Видя, что жена медлитъ со сборами, онъ началъ ее торопить.

— Да куда же, помилуй, ты такъ спѣшишь отъ этихъ прелестей?—спросила его Марй, обжившись въ Ракитномъ и съ смущеніемъ видя, что вскорѣ надо ѣхать:—здѣсь такъ еще хорошо?

— Развѣ ты забыла?—отвѣтилъ мужъ:—я же тебѣ говорилъ, что братъ Алексѣй рѣшилъ, наконецъ, начало этой зимы провести съ нами въ Москвѣ. У него важное дѣло по женниному имѣнію, и онъ, вѣроятно, пріѣдетъ не одинъ, а съ женой. Болѣе трехъ лѣтъ мы не видѣлись; надо все приготовить къ ихъ пріему, а главное - кое-что передѣлать въ домѣ, приспособить для нихъ мезонинъ... Вѣдь они, разумѣется, остановятся у насъ.

Алексѣй Андреевичъ Дугановъ былъ старшій, единокровный братъ Глѣба, отъ перваго брака ихъ отца. Четыре года назадъ онъ женился въ Москвѣ на круглой сиротѣ, единственной дочери нѣкогда богатаго, но разореннаго передъ кончиной, симбирскаго помѣщика, Серафимѣ Львовнѣ Туровцовой, съ которою Мари вмѣстѣ воспитывалась, съ дѣтства, въ самарскомъ пансіонѣ, и была съ тѣхъ поръ очень дружна. По выходѣ изъ пансіона, подруги на нѣкоторое время разстались. Мари въ то время уѣхала къ женатому брату, служившему въ одномъ изъ кавалерійскихъ

полковъ, близъ Самары, а Серафиму взяла къ себѣ въ Москву ея тетка, вдова генералъ-аншефа, Варвара Ивановна Туровцòва, бывшая ея опекуншей. Варвара Ивановна терпѣть не могла городской жизни и только на время поселилась въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, съ цѣлью вывозить племянницу и въ надеждѣ, что красивая и обаятельная своею веселостью, находчивая и живая Серафима долго не засидится въ невѣстахъ. Такъ и случилось. Выдавъ, въ 1768 году, племянницу за Алексѣя Дуганова, Туровцòва немедленно возвратилась въ свое богатое помѣстье, возлѣ Казани. Да и понятно,—это роскошное, снабженное всякими удобствами, имѣніе, по общимъ отзывамъ, было сущимъ раемъ, въ которомъ старая Туровцòва жила, какъ властительная королева.

Вслѣдъ за помолвкой съ Алексѣемъ Андреевичемъ Дугановымъ, Серафима извѣстила подругу о данномъ ею словѣ и пригласила ее на свою свадьбу, въ Москву. Здѣсь-то Марія впервые увидѣла своего будущаго суженаго, младшаго Дуганова, служившаго въ то время на границѣ Польши. Послѣ свадьбы, Алексѣй и Серафима уѣхали изъ Москвы на постоянное жительство въ наслѣдственное, саратовское имѣніе Серафимы, село Горки. Марія, проводивъ ихъ, возвратилась къ брату, въ окрестности Самары.

Дальнѣйшая ея жизнь у брата омрачилась нежданнымъ горемъ. Простудившись на одномъ изъ смотровъ, братъ ея опасно заболѣлъ и вскорѣ послѣ того умеръ. Марія была сражена этою смертью. Искренняя скорбь о преждевременной потерѣ близкаго родного, впрочемъ, смягчалась,—Марія изъ Москвы унесла съ собой ободряющую, свѣтлую мечту... Въ ея душу запалъ образъ Глѣба. Хотя, въ бытность на свадьбѣ въ Москвѣ, Глѣбъ не сдѣлалъ ей ни малѣйшаго намека на свои чувства, тайный голосъ шепталъ Маріи, что она встрѣтилась съ нимъ не даромъ. Привлекательный и зрѣлый, не по лѣтамъ, умъ младшаго Дуганова, его изящная наружность, красивые, большіе, темно-каріе глаза и робкое, невольное предпочтеніе, вездѣ имъ оказываемое Маріи, не покидали ея смущенныхъ мыслей.

III.

Единокровные братья, Алексѣй и Глѣбъ Дугàновы, представляли совершенную противоположность другъ другу. Рожденный отъ перваго брака родителя, Алексѣй былъ выли-

тый отецъ: огромнаго роста, сильно-близорукій, съ крупными руками и полными, красиво-очерченными губами, тучный, но молодцоватый, и небрежный въ одеждѣ и прическѣ русыхъ, вьющихся волосъ. Онъ ходилъ твердо, всею тяжелою ступней, лѣниво переваливаясь, говорилъ внушительнымъ, пѣвучимъ басомъ, любилъ деревню, отдыхъ и тихую бесѣду; въ душевномъ волненіи обыкновенно что-либо напѣвалъ, хотя сильно при этомъ фальшивилъ, а слыша что-нибудь смѣшное, заливался гомерическимъ хохотомъ и, обладая громадною физическою силою, былъ нѣженъ и до смѣшного робокъ съ женщинами. Рожденный отъ второго брака отца и всего двумя-тремя годами моложе Алексѣя, Глѣбъ былъ портретомъ матери,—такъ же, какъ и она, невысокъ ростомъ, худощавъ, черноволосъ и съ женоподобными, маленькими руками и ногами. Вертлявый и подвижной съ дѣтства, Глѣбъ ходилъ мягкою, легкою поступью, держался прямо и стройно, всегда щегольски, съ иголочки, одѣтый, и любилъ службу и вообще трудъ. Вспыльчивый отъ природы, онъ, при чемъ-либо непріятномъ, только блѣднѣлъ; что же до женщинъ, то, хотя онъ и нравился имъ болѣе брата, — относился къ нимъ обыкновенно сдержанно и сухо. Усмѣшка рѣдко виднѣлась на его худощавомъ, смугломъ лицѣ, съ тонкими нѣжными губами, изъ которыхъ нижняя нѣсколько, какъ бы презрительно, выдавалась впередъ; а когда онъ улыбался, черты его лица оставались неподвижны, и усмѣхались одни его большіе, ласковые, черные глаза. За эту-то улыбку его глазъ, добродушную и подчасъ дѣтски-кроткую, Марй втайнѣ такъ и полюбила Глѣба. Оба брата были питомцами кадетскаго корпуса, но, по окончаніи ученія, разошлись по разнымъ путямъ. Пробывъ нѣкоторое время, какъ и Глѣбъ, въ военной службѣ, Алексѣй вышелъ въ отставку, для помощи отцу въ хозяйствѣ, и поселился у него на югѣ, въ имѣніи второй жены отца, гдѣ старикъ Дугановъ вскорѣ умеръ. Глѣбъ, по желанію матери, не оставлялъ службы. Болѣе, чѣмъ Алексѣй, снабженный средствами къ жизни, Глѣбъ, въ началѣ, служилъ въ гвардіи и первый годъ службы ознаменовалъ шумными кутежами съ товарищами, карточною и бильярдною игрой. Особенно онъ въ то время увлекался нѣкіимъ родомъ азартной игры на бильярдѣ въ три шара. Проводя дни и ночи, напролетъ, въ излюбленныхъ моло-

дежью притонахъ бильярдныхъ схватокъ, онъ однажды, въ какомъ-то загородномъ трактирѣ, проигрался до того, что рѣшилъ поставить на конъ свои часы. Между партіями шли обильныя возліянія. Какъ ни былъ на-веселѣ Глѣбъ, онъ вдругъ случайно замѣтилъ, что его противникъ, очевидно, подкупилъ маркёра и плутовалъ, путая счеты. Глѣбъ тутъ же торжественно уличилъ его и заявилъ о томъ другимъ посѣтителямъ. Вышла бурная сцена. Противникъ, весь красный отъ вина и смущенія, вышелъ изъ себя и, думая напугать Глѣба, вызвалъ его на дуэль, которая тутъ же и должна была состояться, во второмъ этажѣ высокаго, деревяннаго, покосившагося трактира.

— Вы требуете драться? — сильно поблѣднѣвъ, спокойно отвѣтилъ Глѣбъ: — извольте, съ однимъ только условіемъ, — стрѣлять не иначе, какъ по жребію: кто выпетъ записку, со словомъ — мишень, становится въ открытое окно, — а тотъ, у кого на запискѣ окажется слово—пистолетъ, стрѣляетъ въ него. Если пуля попадетъ въ цѣль, раненый падаетъ за окно — и дуэли конецъ; а если промахъ, или вообще ожидающій выстрѣла устоитъ въ окнѣ, онъ ставитъ туда другого, беретъ самъ пистолетъ и стрѣляетъ, по командѣ!

Присутствовавшіе возстали-было противъ такихъ дикихъ условій; но охмелѣвшіе противники не уступили. Принесли чей-то пистолетъ, надписали бумажки, вынули жребій, и Глѣбу пришлось изображать мишень. Онъ сбросилъ мундиръ, бодро сталъ на подоконникъ, спиной къ раскрытому въ садъ окну, и безъ смущенія выдержалъ выстрѣлъ. Послѣдовалъ промахъ. Глѣбъ еще болѣе поблѣднѣлъ, подошелъ къ окончательно-растерявшемуся противнику и въ то время, когда тотъ, снявъ кафтанъ, также готовился взобраться на окно, бросилъ въ сторону пистолетъ и объявилъ, что онъ удовлетворенъ и стрѣлять болѣе не будетъ. Эта исторія огласилась,—молодежь прославляла Глѣба; но вмѣшались власти, и Глѣбъ долженъ былъ оставить Петербургъ и перейти въ армію. Прослуживъ тамъ около года, онъ получилъ переводъ на должность адъютанта къ главнокомандующему въ Москву, и послѣ того вскорѣ, на свадьбѣ брата, встрѣтилъ Мари.

Ближайшую зиму послѣ свадьбы Алексѣй и Серафима

провели въ Москвѣ. Переѣхавъ туда, Серафима стала настоятельно приглашать къ себѣ и подругу; но Марѝ въ то время только что лишилась брата и своимъ настроеніемъ, разумѣется, далеко не подходила подъ пару женѣ Алексѣя Андреевича, страстно любившей свѣтскій блескъ, выѣзды, театры и танцы. Нося трауръ по брату, Марѝ равнодушно читала письма пріятельницы, которая расхваливала то балы благороднаго клуба, то театры, съ Дмитревскимъ и Шушеринымъ, то концерты, съ заѣзжими знаменитостями, Компасси и Сакки.

«Ахъ, дорогая Машенька,—писала подругѣ Серафима:—развѣ сомнѣваешься? твое горе—горе и для меня! Но вѣрь мнѣ, никто тебя у насъ не потревожитъ и не смутитъ; будешь жить по своему желанію, не только уединенно, а хоть полной отшельницей. У насъ обширная квартира, въ томъ же домѣ, у ma tante, на Пятницкой, гдѣ мы праздновали свадьбу. Не откажи любящему другу въ неотступной просьбѣ; навѣсти меня, хоть на мѣсяцъ, ну, на самое короткое время. Дай расцѣловать твои чудные глазки и твои дивные, пышные локоны. Помнишь, кàкъ мы всѣ убирали ихъ въ пансіонѣ?»—Сама черноглазая брюнетка, Серафима потому, вѣроятно, особенно такъ и цѣнила пышные, бѣлокурые волосы подруги.

Марѝ въ слезахъ разсталась со вдовой брата и снова отправилась въ Москву, въ надеждѣ пробыть тамъ не болѣе недѣли. Судьба рѣшила иначе.

Въ глубокомъ трауръ, съ бѣлыми плерёзами, Марѝ сидѣла въ особой комнатѣ у Серафимы, раздумывая, что на-дняхъ, — какъ бы ни просили ее остаться, — она должна возвратиться въ Самару. Къ ней вбѣжала Серафима, вся раскраснѣвшаяся, ликующая, и, схвативъ ее за руку, стала увлекать за собой.

— Что такое? -спросила та, поблѣднѣвъ.

— Иди, иди! — говорила Серафима, таща ее по комнатамъ:—смотри, кто у насъ.

Въ залѣ стоялъ пріѣхавшій изъ арміи Глѣбъ Дугàновъ. Онъ тутъ же, при Серафимѣ, сдѣлалъ формальное предложеніе Марѝ. Залившись слезами, она молча упала на грудь Серафимы.

— Ты мнѣ всегда была родная по сердцу, —сказала ей Серафима:—неужели откажешься быть моею сестрой?

Марі дала слово, но свадьбу, до окончанія траура, онѣ отложили. Послѣ сговора и обрученія Марі уѣхала, съ Дугановыми, въ Горки, имѣніе Серафимы. Полгода прошло въ мучительныхъ ожиданіяхъ. Марі переписывалась съ Глѣбомъ чуть не ежедневно, хотя почту въ Горки изъ Саратова привозили не болѣе раза въ недѣлю, а иногда и того рѣже, и коротала время за клавесиномъ. Она страстно любила произведенія Баха и Генделя, заигрываясь ими иногда до разсвѣта.

Горки были расположены на правомъ, возвышенномъ берегу Волги. Видъ отъ усадьбы на рѣку и ея противоположный, низменный берегъ былъ восхитительный. Вообще дикіе и пустынные берега Волги въ то время здѣсь, ниже Саратова, были уже достаточно населены.

Алексѣй Андреевичъ, отъ природы склонный къ простой, деревенской жизни, усердно принялся за хозяйство. Отецъ Дугановыхъ происходилъ изъ небогатыхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ. Ракитное принадлежало его второй женѣ, матери Глѣба. Алексѣй у нея провелъ свою молодость, помогая ей по хозяйству. Теперь, получивъ за женою большое и разстроенное имѣніе, онъ съ увлеченіемъ отдался сельской, трудовой жизни и постоянно былъ то въ полѣ, то на гумнѣ, то при грузкѣ барокъ хлѣбомъ и лѣсомъ. Серафима видимо тяготилась деревенскою скукой; Марі же, съ своими сердечными волненіями и тоскою по женихѣ, мало ее развлекала.

Видя пріятельницу въ задумчивости и слезахъ, у клавесина, либо склоненною къ окну, выходившему на Волгу, или гдѣ-нибудь въ уединенной аллеѣ сада, съ книгой, которой та не читала, Серафима старалась утѣшить ее.

— Помилуй, Машенька,—говорила она:—не плачь, ободрись; подумай, вѣдь ты, — подожди только, — будешь много счастливѣе меня.

— Чѣмъ же?—спрашивала та, съ удивленіемъ.

— Какъ чѣмъ? Твой женихъ переводится адъютантомъ въ Москву. Ты станешь жить въ свѣтѣ, съ людьми; а здѣсь, въ этомъ глухомъ, медвѣжьемъ углу, — развѣ люди? Только и слышно,—брёвна, барки да кули. Это не жизнь, а ссылка... Господи! хоть бы Алексѣю выпало тоже какое-либо мѣсто, хоть бы провалилось это имѣніе! — прибавляла она, прини-

маясь плакать: — но нѣтъ, Алексѣй не хочетъ и слышать о службѣ; говоритъ: надо прежде устроить, спасти отцовское наслѣдіе, тогда думать и объ иномъ. А когда же я опять увижу театръ? Даютъ оперу *Альцесту*, и ее всѣ такъ хвалятъ... А балетъ *Діана и Эндиміонъ?* Въ немъ танцуетъ Анджолини! Открываются маскарады Локателли... И все это, все не для меня!

Глѣбъ явился. Въ началѣ осени 1769 года отпраздновали его свадьбу съ Марй. Онъ навѣстилъ съ нею Ракитное, принялъ отъ счастливой, растроганной матери благословеніе и поселился съ женою въ Москвѣ. Старая Дуганова была въ такомъ восторгѣ отъ красивой, приводившей всѣхъ въ умиленіе Марй, что, въ знакъ особаго своего благоволенія къ сыну, тутъ же укрѣпила за нимъ свой московскій весьма изрядный и помѣстительный домъ на Чистыхъ-прудахъ. Два года незамѣтно пролетѣли для Глѣба и Марй, въ полномъ, ничѣмъ невозмущаемомъ счастьѣ.

Одно кидалось нѣкоторымъ въ глаза: Глѣбъ не выносилъ, когда его жену кто-либо хвалилъ за миловидность и красоту. — «Красива? вотъ какъ! — говорилъ онъ, блѣднѣя: — ужъ извините... не ожидалъ! это лесть, и вы лучше обратили бы ваши похвалы на другіе предметы!» — Одного юнаго, свѣтскаго селадона, расточавшаго мадригалы всѣмъ хорошенькимъ женщинамъ, въ томъ числѣ и его женѣ, онъ отвелъ въ сторону, при разъѣздѣ съ какого-то бала, и сказалъ ему: «Вы ухаживаете за чужими женами? отлично! — учитесь же заранѣе владѣть шпагой или пистолетомъ... пригодится!..»

Серафима радовалась за Марй и чистосердечно высказывала ей невольную зависть. — «Ты молода, какъ и я, — писала ей она изъ Горокъ: — но ты веселишься, а я прямо въ заточеніи. У насъ обѣихъ — добрые и любящіе мужья; но твой служитъ въ столицѣ, на виду и, какъ слышно, у всѣхъ въ лестномъ почетѣ, а мой — въ этой вѣчной вознѣ съ мужиками, ссыщиками и барочниками, скоро обрастетъ, кажется, мохомъ. И что̀ изъ того, что у насъ земель, лѣсовъ и всякихъ угодій чуть не съ нѣмецкое герцогство? Дѣла наши такъ плохи. Ахъ, Маша, за что̀ такая напасть? И чѣмъ бы я, кажется, не пожертвовала, чтобы съ какимъ-нибудь бродячимъ, попутнымъ Эоломъ, или на коврѣ-самолетѣ, хоть на недѣльку, перелетѣть къ тебѣ, взглянуть на

васъ, побывать въ театрѣ—у Шереметевыхъ—или на балу, въ дворянскомъ клубѣ, забывшись, пронестись въ экоссезѣ или котильонѣ! Голова кружится при одной этой мысли. Недосягаемыя радости! Пожалѣй меня, Машенька! И хотѣла бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. У тетки, въ дѣвичествѣ моемъ, собирался все важный, но сухой народъ,—старики играли въ ломберъ и квинтичъ, молодые рѣзались въ фàро и въ кòнтру, а на мою страсть къ драмамъ, операмъ и баламъ никто тогда и вниманія не обращалъ».

Въ началѣ второго года замужества Серафимы, Богъ далъ ей дочь, черезъ годъ сына, а еще черезъ годъ и другого. Радуясь дѣтямъ, она не удерживалась отъ горькихъ жалобъ, что труды мужа нисколько не улучшаютъ ихъ дѣлъ и хозяйства. Рядъ неурожаевъ ввелъ обитателей Горокъ въ чрезмѣрные убытки; повальные падежи уничтожили рабочій скотъ у нихъ и у крестьянъ. Долги росли, а съ ними куча новыхъ непріятностей и хлопотъ.

«Ко всему этому, въ Бѣлокаменной, по слухамъ, чума,—писала золовкѣ Серафима: — а дòма — твой бѣдный другъ, чтò ни годъ, какъ и теперь опять, въ интересномъ положеніи... Нечего сказать, интересно! Дорогая Маша! посуди о моемъ горѣ-злосчастьѣ и рѣши, выносимо ли все это для человѣческой души?»

Чума наконецъ прекратилась, Марй снова переѣхала, съ Глѣбомъ, на жительство въ Москву, а къ концу осени 1772 года туда пріѣхали и давно жданные гости изъ Горокъ,—какъ выразился Алексѣй Андреевичъ,—«людей посмотрѣть и себя показать».

Памятна навсегда Глѣбу и Марй осталась эта роковая зима.

IV.

Передъ отъѣздомъ изъ Ракитнаго, Марй еще два раза привелось увидѣть вылѣченнаго ею и Нинѣтъ казака Иванова. Однажды, — случилось это въ ихъ усадьбѣ, — Марй услышала необычный шумъ и говоръ возлѣ флигеля, гдѣ жилъ приказчикъ и куда въ ту пору, какъ она знала, заѣхалъ, по какому-то дѣлу, становой комиссаръ. Выглянувъ на шумъ въ окно, Марй увидѣла на крыльцѣ флигеля красноносую и толстую фигуру комиссара, а передъ нимъ двухъ мужиковъ. Комиссаръ, размахивая руками, чтò-то имъ съ сердцемъ выговаривалъ, а они, безъ шапокъ, низко

ему кланялись, но въ чемъ-то, повидимому, упорно ему не уступали. — «Попомню вамъ, треклятые, все перечту!» — крикнулъ комиссаръ, уходя въ дверь флигеля. Мужики, не надѣвая шапокъ, медленно прошли мимо оконъ дома въ ворота. Одинъ изъ нихъ, пожилой и плотный, шелъ молча, въ раздумьѣ опустивъ длинноусую, коротко-стриженную голову на грудь. Другой, моложе и подвижной, порывисто продолжая что-то доказывать, такъ и метался на ходу и въ горячности билъ себя въ грудь рукою. Марі́ въ послѣднемъ узнала постояльца Коровки, Иванова.

— Зачѣмъ это мужики приходили къ комиссару?—спросила она приказчика, когда тотъ вечеромъ возвращался съ обычнаго приказа отъ старой барыни.

— Все насчетъ соли,—отвѣтилъ неохотно приказчикъ:— Богъ ихъ разберетъ.

— Да что же это за дѣло?

— Казакъ Коровка, — проговорилъ, озираясь, приказчикъ: — привезъ соль изъ Крыма и намъ вчера часть свалилъ; я расплачивался, а комиссаръ на нихъ и напалъ... Ваше, говоритъ, Кабанье не уважаетъ начальства; всѣ вы раскольники и воръ на ворѣ, да и ты, говоритъ Коровкѣ, давно у меня въ подозрѣніи, всякихъ бѣглыхъ передерживаешь. — «Какихъ бѣглыхъ?» — спрашиваетъ Коровка. — «А этотъ твой царскій крестникъ!»

— Это онъ о комъ?—спросила Марі́.

— Да о постояльцѣ Коровки, Ивановѣ, что ли; онъ выдавалъ себя за крестника, что ли, Петра Перваго. Комиссаръ потребовалъ полъ-воза соли, а тѣ уперлись, особенно ѣздившій съ ними за солью этотъ царскій крестникъ. Ну, извѣстное дѣло, власть; комиссаръ такъ осерчалъ, что чуть ихъ не побилъ.

Марі́ покачала на это головой и хотѣла передать про этотъ случай свекрови, но забыла.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, въ Кабаньемъ была большая ярмарка. Сюда, по пути въ Бѣлгородъ и Харьковъ, изъ Крыма, съ Дона и Кубани—пригоняли въ то время много рогатаго скота и цѣлые табуны дикихъ, вскормленныхъ на степной волѣ, коней. Глѣбъ, большой охотникъ до лошадей, уговорилъ всѣхъ прокатиться на ярмарку. Онъ, Марі́ и приказчикъ поѣхали въ коляскѣ, а старуха Дуга́нова, съ Нинетъ—на любимой своей широкобокой, спокойной долгушѣ.

Пестрая ярмарочная толпа, съ загорѣлыми и оборванными цыганами, узкоглазыми ногайцами и нарядными черкесами, въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, съ кинжалами у пояса, очень заняла Марй. Холщевыя палатки, рогожные навѣсы и ряды возовъ съ разною рухлядью покрывали площадь, близъ церкви. Скотская и конная ярмарки расположились невдали отъ знакомаго Марй одинокаго дуба, у окраины села. Цыгане и татары, продавая коней, вспрыгивали на нихъ и били ихъ босыми ногами по бокамъ, скача по полю. Старуха Дуга̀нова, Марй и Нинѐтъ накупили разныхъ разностей, шитыхъ яркими узорами полотенецъ и платковъ, дукатовъ, шерстяныхъ плахтъ и кораловъ, и уже собирались обратно домой. Глѣбъ тѣмъ временемъ сторговалъ и купилъ нѣсколько лошадей, но еще медлилъ, расхаживая по конскому торгу. Онъ высмотрѣлъ и уже рѣшилъ-было купить еще одного коня. Рыжій, рослый и сухой, съ тонкими ногами и широкою грудью, кабардинскій жеребецъ приковалъ къ себѣ вниманіе Глѣба. Жеребца продавалъ какой-то приземистый, криволапый ногаецъ съ Молочныхъ-водъ. Глѣбъ подошелъ къ нему и уже взялся-было за кошелекъ. Но продавецъ отрицательно покачалъ головою. Дуга̀нова предупредилъ комиссаръ, отсыпавшій передъ тѣмъ ногайцу за коня полсотни карбо̀ванцевъ.

— Ахъ, Марй, знаешь ли, — сказалъ Глѣбъ женѣ, подходя къ лавкамъ и садясь въ коляску:—поѣдемъ, я покажу тебѣ одну прелесть. Меня предупредили,—я ее утерялъ; но что̀ это за диво! Съ виду не казистъ, а увѣряютъ, представь, скачетъ въ сутки, безъ корму и воды, по сто верстъ. Вотъ бы для охоты...

Дуга̀новы вернулись къ конской ярмаркѣ. Уже вечерѣло. Торгъ кончался. Глѣбъ изъ коляски указалъ Марй на осѣдланнаго старымъ потертымъ сѣдломъ, кровнаго скакуна, котораго ногаецъ держалъ передъ комиссаромъ подъ уздцы. Цыгане, крупные и мелкіе барышники, и куча мужиковъ, окруживъ покупщика и продавца, слѣдили за исходомъ состоявшейся сдѣлки. Между ними Марй узнала казака Иванова. Послѣдній подошелъ къ коляскѣ.

— Не упускайте, ваше благородіе, перебейте коня,— сказалъ Глѣбу Ивановъ:—жалко,—ваша сударыня мнѣ помогла, такая добрая...

— «Кто это?»—спросилъ жену по-французски Глѣбъ.

— «Послѣ скажу»,—отвѣтила ему, смутясь, Марй.

— Будешь, бачка, помнить, будешь! птица, не конь!—твердилъ, между тѣмъ, ногаецъ, глядя то на Глѣба, то на комиссара и пересыпая похвалы коню непонятными, гортанными возгласами.

— Такъ и объѣзженный? — спросилъ комиссаръ, берясь за кошелекъ:—не врешь?

— Убей Богъ, князь! изъ руки ѣстъ, не конь, малое дитя!—клялся, бросая шапку ȯ-земь, ногаецъ.

— А дай-ка я испробую... были когда-то сами въ гусарахъ...

— Садись, князь, садись.

Ногаецъ, поглаживая и холя фыркавшаго жеребца, придержалъ его. Комиссаръ, подтянувшись и подбодрясь, подошелъ къ коню, ухватился за его гриву, вложилъ ногу въ стремя и навалился на сѣдло. Жеребецъ шарахнулся, подъ необычною тяжестью, взвился на дыбы, и всадникъ, съ розмаха, шлепнулся, по другой бокъ его, ȯ-земь. Толпа не выдержала и громко расхохоталась. Въ числѣ смѣявшихся, комиссару бросилось въ глаза лицо постояльца Коровки.

— А, царскій крестникъ! и ты тутъ?—сказалъ, прихрамывая и со злобой озираясь, комиссаръ:—привяжи-ка своего коня,—объявилъ онъ ногайцу:—а я вотъ съ нимъ поговорю.

Ногаецъ отвелъ жеребца въ сторону, привязалъ его къ дубу и, чуя грозу, спрятался за толпой.

— Теперь очередь за тобой, — обратился комиссаръ къ Иванову: — ну-ка, бродяга, подойди, сказывай, какіе цари тебя крестили?

— Напрасно обижаете бѣднаго человѣка, — отвѣтилъ, съ поклономъ, Ивановъ, не двигаясь съ мѣста и надѣвая, тѣмъ временемъ, въ рукава зипунъ, бывшій на немъ въ накидку: — извѣстно, чѣмъ мы тебѣ не любы стали...

— Чтȯ-о?—произнесъ, напирая на него, комиссаръ: — о чемъ намекаешь? говори!

— Соли тебѣ не дали, вотъ чтȯ! — громко проговорилъ побѣлѣвшими губами казакъ: — ваше благородіе, господинъ Дуга́новъ! вы здѣшній, хотя не живете здѣсь, помѣщикъ... защитите...

Комиссаръ побагровѣлъ и нѣсколько мгновеній не могъ выговорить ни слова.

— Слышали?—спросилъ онъ, не глядя на Глѣба и оборачиваясь къ толпѣ.

Всѣ молчали.

— Сотскіе, сторожа! вяжи его!—крикнулъ комиссаръ.

Народъ дрогнулъ, но не двинулся. Смѣлый казакъ спокойно и свободно стоялъ противъ растерявшагося комиссара; только уголъ его виска, съ небольшимъ шрамомъ у лѣваго глаза, судорожно вздрагивалъ.

— Да что же вы, разбойники, стоите? — еще громче крикнулъ комиссаръ:—оскорбленіе власти и чина! кто мнѣ воспретитъ? крути ему руки, бей его, въ мою голову!

Изъ толпы выдвинулось нѣсколько человѣкъ, за ними другіе. Нѣкоторые уже коснулись-было казака. Онъ быстро нагнулся, отскочилъ, какъ кошка, и, какъ бы ища чего-то на землѣ, присѣлъ на корточки. Теперь, казалось, легко было окружить его и связать. Глѣбу и Маріи изъ коляски было видно, какъ дѣйствительно передніе изъ народа навалились на него и смяли его. — «Пропалъ бѣдный»,— мыслила Марія. — «Задастъ ему, однако, комиссаръ», — подумалъ Глѣбъ. И вдругъ казакъ высвободился изъ толпы. Его зипунъ былъ разорванъ, шапка свалилась съ головы. Въ рукахъ у него что-то сверкнуло... Выхвативъ ножъ изъ-за голенища, онъ взмахнулъ имъ направо и налѣво, расчистилъ передъ собою дорогу и бросился въ сторону.

Не успѣли нападавшіе на него опомниться, онъ подбѣжалъ къ дубу, обрубилъ поводъ купленнаго комиссаромъ коня, вспрыгнулъ на него и, продолжая размахивать ножомъ, безъ шапки, со всклоченными волосами, поскакалъ въ поле, къ ближнему лѣсу.

— Лови, держи его! сто карбованцевъ тому, кто поймаетъ! — кричалъ комиссаръ, спѣша за толпою, гнавшеюся за бѣглецомъ.

Въ чаяніи заработка, поскакали въ поле и нѣкоторые всадники изъ ногайцевъ и цыганъ. Но было уже поздно. Окрестность стемнѣла. Рыжаго жеребца не догнали; бѣглецъ безслѣдно исчезъ. На утро въ Кабаньемъ не нашли и казака Коровки. Онъ также куда-то скрылся.

— Да кто вашъ постоялецъ?—допрашивали власти его жену.

— А Богъ его знаетъ! — звался казакъ Емельянъ Ивановъ, съ Дону, возилъ съ мужемъ соль, а куда дѣлся, развѣ я знаю?

Пріѣхавъ въ Москву, Серафима съ мужемъ, по приглашенію Глѣба и Мари, охотно поселились у нихъ въ мезонинѣ, гдѣ Глѣбомъ очень уютно и мило было отдѣлано для нихъ нѣсколько просторныхъ комнатъ. — «Нашъ дорогой, домашній улей имъ понравился! — говорилъ Глѣбъ женѣ о гостяхъ:—какіе они оба милые!»

Мари́, впрочемъ, не узнала Серафимы,—такъ послѣдняя измѣнилась за время ихъ разлуки, сильно какъ-то опустилась, похудѣла и, лишившись своей прежней оживленности и подвижности, даже какъ будто постарѣла. Мари удивлялась, что Серафима постоянно сидѣла у оконъ, какъ чистая провинціалка, никогда не видѣвшая столицы, глядя на улицу, на движеніе экипажей и пѣшеходовъ и безконечную городскую толкотню. Отставшій ли отъ своенравной моды нарядъ такъ измѣнилъ Серафиму, или она одичала отъ долгой разлуки съ обществомъ равныхъ ей по рожденію и воспитанію людей, только она, съ первой же встрѣчи съ золовкой, показалась ей до того жалкою и убитою, что Мари, глядя на нее, едва удерживалась отъ слезъ. На ея замѣчанія объ этомъ мужу, онъ, цѣлуя ее, только улыбался.

— Пустое,—говорилъ онъ:—ты ее знаешь; она добрая, но у нея все легко и не глубоко. Это дитя минуты. Снова повѣетъ на нее вѣтерокъ нашихъ увеселеній, и она оправится, оживетъ. Вотъ ихъ финансы — другое дѣло; тѣмъ уже врядъ ли когда-нибудь поправиться, — совсѣмъ испорчены... Кстати, въ Головинскомъ театрѣ идутъ *Бригадиръ* и балетъ *Китайцы въ Европѣ*, у Титовыхъ — комедія *Indiscret*, у Брамбиллы—забавныя арлекинады. Похлопочи вездѣ записаться впередъ и достать мѣста. У Мамоновыхъ, на той недѣлѣ, балъ; Вязмитиновы о томъ же извѣщаютъ. Увидишь, излѣчишь гостью такъ, что и не спохватишься... Одно неладно, у нихъ вообще на Волгѣ не совсѣмъ спокойно.

— Что же такое?—спросила Мари.

— Ничего пока серьезнаго. Но князь получилъ извѣстія и держитъ ихъ въ секретѣ... На Яикѣ взбунтовались казаки, убили начальника-генерала, и туда послали войско и новаго командира. Несомнѣнно, будутъ экзекуціи, — но что̀ скверно, — пущено много нехорошихъ и злыхъ толковъ... Среди волжской слѣпой черни нашелся самозванецъ, какой-то казакъ Богомоловъ. Онъ объявилъ себя императоромъ, Петромъ Третьимъ, и, хотя его поймали въ Царицынѣ,

наказали и сослали, но вообще, повторяю, на Волгѣ, въ ихъ краяхъ, очень неспокойно и ожидаются новыя смуты.

Алексѣй уже зналъ отъ брата объ этихъ вѣстяхъ, но не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія. Его сильно заботило устройство денежныхъ дѣлъ по Горкамъ, изъ-за которыхъ онъ, съ женою, собственно и пріѣхалъ въ Москву. Для спасенія Горокъ отъ продажи за долги съ публичныхъ торговъ, братья стали искать, подъ залогъ этого имѣнія, большой суммы денегъ. Сперва они думали прибѣгнуть къ займу, въ такъ-называвшемся, тогдашнемъ «двадцатилѣтнемъ банкѣ», гдѣ долги взносами погашались въ двадцать лѣтъ, но потомъ рѣшили обратиться къ частному кредиту. Съ утра до вечера, у нихъ внизу и наверху появлялись разнаго рода комиссіонеры и повѣренные столичныхъ капиталистовъ, банкировъ и купцовъ. Алексѣй и Глѣбъ запирались съ ними, по часамъ, судили-рядили, но, въ виду предлагаемыхъ тяжелыхъ условій, какъ примѣчала Мари, долгое время теряли всякую надежду устроить не только выгодный, а хотя бы мало-мальски подходящій и сносный заемъ. Крутыя въ ту пору, послѣ недавней чумы, были времена для баръ, навѣщавшихъ Москву. Алексѣй, еще пропитанный запахомъ деревни и ея заботъ, почти не сходилъ съ мезонина, провѣрялъ деревенскіе счеты, писалъ приказанія управляющему, составлялъ и самъ рисовалъ планы построекъ, клеилъ дѣтямъ изъ картона игрушки и дѣлалъ модель какого-то новаго, особенно удобнаго улья для пчелъ.—«Дѣлаю улей, ищу образцовъ,—сказалъ какъ-то при этомъ Алексѣй Глѣбу и Мари:—а что лучше? взять бы примѣръ, прямо съ вашего дома; ужъ вотъ настоящій, благодатный улей, — всѣ заняты, всѣ счастливы и полны довольствомъ».

V.

Поразмысливъ, Мари, съ согласія Глѣба, рѣшила заняться, между тѣмъ, костюмомъ Серафимы. Она и ея мужъ пріѣхали, какъ говорится, безъ гроша. Мари изъ щедраго подарка свекрови на зубокъ Васи (старой объемистой братины, полной червонцевъ), отдѣлила значительную долю и предложила свои услуги дорогой гостьѣ. Серафима обрадовалась этому до слезъ. Мари съ нею объѣхала Гостиный дворъ и лавки Кузнецкаго-моста, накупила разныхъ восхитительныхъ матерій и отдѣлки къ нимъ и отправилась въ

швейный магазинъ знаменитой французской мастерицы, Коллѐнъ. И когда, спустя недѣлю, къ Дуга́новымъ на Чистые-пруды, съ кучею коробокъ и бауловъ, явилась сама сѣдовласая, румяная и съ усиками, мадамъ Коллѐнъ, когда ее провели на вышку къ Серафимѣ и оттуда, черезъ часъ, она торжественно сошла, со своею заказчицей, — Марі̀ не узнала Серафимы.

Темно-пунцовое, перувьѐневое, шелковое платье, съ бусовыми прошвами, такъ шло къ ея чернымъ волосамъ и чернымъ глазамъ, а крохотные башмачки, на высокихъ выгибныхъ каблукахъ, съ розовыми чулками, такъ мило выказывали красоту ея стройныхъ, маленькихъ ножекъ, что Марі̀ бросилась цѣловать ее отъ души, а гордая своимъ успѣхомъ мадамъ Коллѐнъ даже прослезилась. Послѣ платьевъ, Марі̀ занялась прической Серафимы. Небрежно, безъ пудры, по-деревенски, зачесанныя на гребень ко̀сы замѣнились модною куафюрой. Мосьё Шарль, съ Кузнецкаго-моста, въ первый же выѣздъ Серафимы на вечеръ, соорудилъ изъ ея волосъ и цвѣтовъ какъ бы корзину, или роскошный букетъ, среди котораго, на тонкихъ стебляхъ, качались крохотные колибри и мотыльки.

Марі̀ съ Серафимой поѣхала къ Вязмитиновымъ, Архаровымъ, Смирновымъ и къ другимъ знакомымъ. Вездѣ Серафиму принимали радушно. Не прошло и мѣсяца, она, вновь освоясь съ столичными забавами, такъ оживилась, что уже плавала въ нихъ, какъ рѣзвая, золотоперая рыбка въ привольной и свѣтлой водѣ, а затѣмъ, убѣдивъ также пріодѣться по модѣ и своего мужа, окончательно преобразилась. Алексѣй Андреевичъ, тѣмъ временемъ, кстати, у нѣкоего купца Пря̀дышева успѣлъ достать, на короткій срокъ, изрядную сумму денегъ, причемъ этотъ же самый купецъ велъ съ нимъ послѣдніе переговоры и о ссудѣ, подъ залогъ Горокъ, болѣе крупнаго куша.

Серафима, день-денской, и безъ Марі̀, стала разъѣзжать съ визитами, бывать съ мужемъ, а въ виду его занятій — и одна, въ оперѣ, комедіяхъ, концертахъ и у общихъ знакомыхъ. Марі̀ сперва даже нѣсколько смутилась этими чрезмѣрными увлеченіями, но потомъ подумала: «Богъ съ нею; пусть веселится, пока молода! уѣдетъ къ веснѣ въ имѣніе, снова запрется и затоскуетъ въ глуши. Ея дѣти — въ деревнѣ, съ разумною, опытною няней; ихъ навѣщаетъ

преданный имъ, давній ихъ сосѣдъ-помѣщикъ и, дастъ Богъ, все у нихъ будетъ благополучно». Вышло, однако, иначе.

Въ числѣ московскихъ гостей, навѣщавшихъ издавна Глѣба и Марій, былъ тоже ихъ давній знакомецъ, московскій медикъ, Семенъ Захаровичъ Спесивцевъ. Это былъ оригинальный и во многомъ забавный человѣкъ. Онъ, собственно, только по званію, числился врачомъ и, хотя успѣшно прослушалъ курсъ медицины въ московскомъ университетѣ, у профессоровъ Эразмуса и Зыбелина, но съ выхода изъ университета не только почти не занимался практикой, а даже открыто высказывался противъ всѣхъ на свѣтѣ докторовъ и ихъ, какъ обыкновенно выражался, вреднаго ремесла.

Спесивцевъ былъ искренній и отъявленный врагъ медицины. Онъ всѣхъ врачей, чуть не въ глаза, называлъ шарлатанами и, сплошь отвергая всѣ аптечныя средства, вѣрилъ въ одно,—въ силу природы — vis medicatrix naturae, и, какъ исключеніе, какъ нѣкоторое, всѣмъ доступное ей пособіе, допускалъ только старинныя, простонародныя средства,—травы, растиранія и баню.

— Идите не ко мнѣ, не къ медикамъ, — говорилъ онъ удивлявшимся больнымъ: — зовите простую бабу, знахарку какую-нибудь, или шептуна. Они, если васъ и не вылѣчатъ, зато ужъ никакого ущерба вамъ не причинятъ.

Старуха Дуга́нова, сама занимавшаяся простою и немудрою сельскою медициной, особенно высоко цѣнила достоинства этого чудака. Онъ посѣщалъ ее въ ея пріѣзды въ Москву, черезъ нее познакомился съ Глѣбомъ и, когда приспѣло время родовъ Марі́, былъ вызванъ въ Ракитное, гдѣ и пробылъ мѣсяца полтора, балагуря съ утра до ночи и всѣхъ потѣшая своими выходками, пока все «само-собой», какъ онъ это объяснялъ, кончилось благополучно. Никто не зналъ ни прошлаго, ни средствъ Спесивцева. Считали его за человѣка обезпеченнаго; говорили, что онъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, много путешествовалъ по Европѣ и былъ въ Іерусалимѣ. Самъ онъ, съ виду лѣнивый и мѣшковатый, въ веснушкахъ и дѣтски-румяный, любилъ подчасъ разсказывать о своихъ странствованіяхъ, мало изъ видѣннаго хвалилъ и болѣе всего порицалъ пресловутую, по его мнѣнію, европейскую медицину, причемъ отдавалъ нѣкоторое уваженіе только немногимъ врачамъ, изъ такъ называемыхъ «виталистовъ», подобно ему, возлагавшихъ спасеніе больныхъ

на однѣ ихъ собственныя, жизненныя силы.—«Я никуда не гожусь, отжилъ свое!» — твердилъ онъ, увѣряя, что нигдѣ не бываетъ, и между тѣмъ не могъ жить безъ общества. Перешагнувъ уже за тридцать лѣтъ, онъ, по его словамъ, рѣшился остаться холостякомъ, единственно будто бы потому, что отъ одной изъ красивыхъ и милыхъ невѣстъ, за которыхъ онъ было, въ молодости, думалъ свататься, пахло вѣнскими каплями, а отъ другой—жизненнымъ элексиромъ Парацѐльза.

— Но, можетъ-быть, у вашихъ красавицъ болѣли зубы или давило подъ ложечкой? — спросила, подсмѣиваясь надъ нимъ, старая Дугàнова.

— То ли было, или другое, — отвѣчалъ Спесивцевъ: — только я бѣжалъ отъ нихъ и съ тѣхъ поръ, какъ видите, холостъ и одинокъ.

Злые языки иначе объясняли холостую жизнь доктора и его нападки на медицину. Увѣряли, будто по выходѣ изъ университета, гдѣ-то путешествуя, онъ страстно полюбилъ одну замужнюю женщину и, когда она чѣмъ-то сильно заболѣла, онъ сталъ ее лѣчить, но сдѣлалъ роковой промахъ: больная, послѣ пріема его лѣкарствъ, скоропостижно скончалась. Этихъ слуховъ никто, впрочемъ, не провѣрялъ.

Глѣбъ и Алексѣй охотно вели знакомство съ Спесивцевымъ. Онъ являлся къ нимъ всегда такимъ добродушнымъ и безъ затѣй. Замѣчали его — онъ, пыхтя, разговаривалъ, не замѣчали—по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, съ трубкой, въ кабинетѣ, читая книгу, либо устремивъ разсѣянные, полусонные глаза въ пространство и въ раздумьѣ ероша свою курчавую, нерѣдко совершенно растрепанную голову. Братья любили вызвать его на разговоръ и поспорить съ нимъ вечеромъ за чаемъ. Марѝ съ Серафимой также охотно слушали его рȯзсказни о новостяхъ и объ общихъ своихъ знакомыхъ. Не выносила его одна Нинéтъ Ладыженцева, тоже тогда гостившая у Марѝ. Ея споры съ Спесивцевымъ усилились особенно съ того времени, какъ въ Москвѣ распространились слухи о бунтѣ и о наказаніи мятежниковъ въ Яицкомъ-городкѣ. Всегда чувствительная и склонная къ гонимымъ и несчастнымъ, Нинѐтъ всѣхъ увѣряла, что виноваты не яицкіе, смиренные и добрые по природѣ казаки, а ихъ начальство; докторъ же, обсуждая злодѣйства извергов-бунтовщиковъ, убившихъ ни въ чемъ неповиннàго ге-

нерала, своего командира, доказывалъ, что казаки просто злые и кровожадные звѣри и что, если ихъ не укротятъ, далѣе будетъ хуже.—«Вѣдь, отрѣзываютъ же ваши медики члены, пораженные гангреной, — говорилъ онъ: — и медики тутъ, пожалуй, правы; а это развѣ не гангрена?»

Однажды, какъ впослѣдствіи вспоминала Марй, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Алексѣя и его жены, Серафима была съ Соймоновыми, въ ихъ ложѣ, въ оперѣ *Семира и Азоръ*. Оставшіеся дома Глѣбъ и Алексѣй, послѣ дневныхъ разъѣздовъ и хлопотъ, сидѣли въ столовой. Марй, разливая имъ чай, работала здѣсь же въ пяльцахъ. Подъѣхалъ Спѣсивцевъ. Усѣвшись, по обыкновенію, своею плотною, мѣшковатою фигурой поглубже въ кресло, онъ сообщилъ, что смуты отъ Яицка перешли и на Волгу и что, хотя казакъ Богомоловъ, объявившій себя въ Поволжьѣ императоромъ Петромъ Третьимъ, пойманъ и, сосланный въ Сибирь, на дорогѣ умеръ, народъ не вѣритъ этому и снова ждетъ его появленія.

— Не доставало еще этого!—сказалъ Спесивцевъ:—былъ у насъ самозванецъ-царь изъ шляхтичей, теперь пророчатъ царя-мужика.

— Ну, вы уже слишкомъ, — замѣтилъ, поморщившись, Глѣбъ, вообще не любившій у себя политическихъ разговоровъ:—не хотите ли чаю? вы устали?

— Вы желаете замять разговоръ? — вздохнулъ Спесивцевъ: — извольте; не будемъ вывѣдывать вашихъ тайнъ! Спрашиваете, не усталъ ли я? Неужели вы думаете, что врачи безъ практики только и дѣлаютъ, что лежатъ на боку, да созерцаютъ собственное достоинство?

— А чѣмъ же имъ еще заниматься? — спросилъ, ближе придвигаясь къ столу, Алексѣй.

Марй налила и подала доктору стаканъ чаю.

— Помилуйте, господа, — произнесъ съ важностью Спесивцевъ:—да у насъ, могу васъ увѣрить, болѣе дѣла, чѣмъ у любой вашей врачебной знаменитости, прописывающей рецепты для облегченія смертнымъ отправиться на тотъ свѣтъ. Я, напримѣръ, сегодня хоть и былъ огорченъ слухами о Волгѣ, бѣгалъ по всему городу для вразумленія одной сердечно-больной...

— Это любопытно,—произнесъ Глѣбъ: — въ чемъ же ея болѣзнь? утолщеніе сердечной перепонки, что ли?

— Ничуть,—отвѣтилъ Спесивцевъ:—милая бабенка просто вздумала топиться.

— По какой причинѣ?

— Предметъ ея страсти — женатый человѣкъ, а у его жены,—какъ бы вамъ точнѣе выразиться?—морское, семимильное зрѣніе. Она все выслѣдила, разгадала и теперь не спускаетъ своего шалуна ни на минуту съ глазъ.

— Ну, и что же съ этою вашею паціенткой?—спросилъ Глѣбъ.

— Сегодня утромъ, извѣщенный ея сестрой, я захватилъ ее у проруби, на Яузѣ, а вотъ только-что вечеромъ едва догналъ ее, на извозчикѣ, у Дорогомиловскаго моста и буквально всю измокшую вытащилъ изъ тамошней портомойни. Опоздай я на минуту, пошла бы ко дну.

— Какъ же вы узнали о второмъ покушеніи?

— Извѣстилъ сердобольный мужъ утопленницы, спокойно, между тѣмъ, измѣнившій своей женѣ.

— Да вы, извините, сочиняете,—сказалъ Глѣбъ:—что-то невѣроятно; вы ужъ очень великодушно и такъ все кстати поспѣваете для спасенія своей героини.

— Ничуть, Глѣбъ Андреевичъ, ей-ей! — отвѣтилъ Спесивцевъ: — я потому собственно и поспѣваю, что, въ качествѣ врача безъ практики, занимаюсь настоящимъ дѣломъ, то-есть бью баклуши... И ничего тутъ великодушнаго нѣтъ; вѣдь я, въ нѣкоторомъ родѣ, даже зло поступилъ,—возвратилъ несчастную жертву измѣннику-мужу... Великодушіе, доброта! А знаете ли, Нина Александровна, — обратился докторъ къ Нинѣтъ: — ваши добрые яицкіе казаки, по послѣднимъ слухамъ, предавая смерти своихъ начальниковъ, не только вѣшали ихъ внизъ головой и вбивали имъ въ голову гвозди, но еще рубили имъ ноги и руки и, въ такомъ видѣ, истекающихъ кровью, пускали ползать, для забавы толпы... это ли не доброта? Да здравствуетъ великодушный русскій народъ!

Нинѣтъ молча встала со стула и, уходя, такъ сердито двинула имъ, что пудра посыпалась съ ея волосъ и съ покрывшагося румянцемъ лица.

VI.

Всѣ разсмѣялись. Разговоръ коснулся вообще женщинъ, ихъ характеровъ и любви къ мужчинамъ, и перешелъ къ такъ называемой супружеской измѣнѣ. Спесивцевъ попро-

силъ еще стаканъ чаю, налилъ въ него сливокъ и, съ позволенія Марй, закурилъ трубку. Глѣбъ и Алексѣй курили рѣдко.

— А въ самомъ дѣлѣ, господа,—сказалъ докторъ, обратясь къ Глѣбу и къ Алексѣю:—какъ вы смотрите на измѣну?

— Кого?—спросилъ Алексѣй.

— Разумѣется, жены, — отвѣтилъ Спесивцевъ: — это для вашихъ братій, женатыхъ, интереснѣе, ближе.

— Вопросъ щекотливый,—произнесъ Алексѣй.

— Пустое толченіе воды,—прибавилъ, нахмурясь, Глѣбъ.

— Однакоже, скажите ваше мнѣніе,—обратился докторъ къ Глѣбу: — хотя бы для подтвержденія того, что это, по-вашему, пустяки.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Глѣбъ:—кто же изъ-за этого полѣзетъ на стѣну? Дѣло пустое, хоть и ужасное, и вотъ почему...

Онъ помолчалъ съ секунду и, не глядя на жену, спокойно облокотился о столъ. Сердце Марй невольно забилось.

«Что-то онъ скажетъ?»—мыслила она.

— Если бы моя жена мнѣ измѣнила,—произнесъ съ разстановкою Глѣбъ:—я, безъ сомнѣнія...

— Ну, ужъ уволь меня-то хоть слушать ваши признанія,— перебила Марй, вспыхнувъ и съ сердцемъ отодвигая пяльцы.

— Нѣтъ, ради Бога, останьтесь,—обратился къ невѣсткѣ Алексѣй.

Глѣбъ, съ улыбкой, придержалъ Марй за руку.

— Если бы мнѣ измѣнила моя жена,—сказалъ онъ спокойно:—я объ этомъ, разумѣется, никогда не помышлялъ... но, если бы это случилось, — полагаю и даже убѣжденъ, — что я на это взглянулъ бы какъ на Божью кару, и безропотно покорился бы ей.

Слезы негодованія кипѣли въ горлѣ Марй. Она готова была осыпать мужа укоризнами, жестокою бранью, и молчала, слѣдя за его, какъ ей показалось, не искреннимъ и лукавымъ лицомъ.

— И мнѣ думается, — продолжалъ Глѣбъ, не глядя на жену: — что тутъ, въ такой бѣдѣ, не правда ли, все уже непоправимо. Чужой души не осилишь. Чувства и совѣсть свободны. Полагаю, что я простилъ бы виновницѣ и, неся тяжкій крестъ, желалъ бы ей одного—счастья съ другимъ.

— Ну, ужъ это... ну, ужъ извини,—сорвавшимся, злымъ

голосомъ, крикнулъ Алексѣй: — все это, братецъ, вздоръ, оскорбительный бредъ у тебя—и только!

Всѣ удивленно взглянули на Алексѣя. Онъ сидѣлъ блѣдный, судорожно постукивая по столу костянымъ десертнымъ ножикомъ, и, сердито отдуваясь, растерянно смотрѣлъ на всѣхъ широко-раскрытыми глазами.

— Не согласны?—проговорилъ онъ, привставъ и какъ-то криво улыбаясь:—о, разумѣется, я не пѣлъ бы опцинальнымъ соловьемъ! Не пошелъ бы на такія нѣжныя и унизительныя тонкости! Скажу прямо... Убѣдясь въ измѣнѣ, я выслѣдилъ бы виновныхъ и спряталъ бы въ рукахъ увѣсистый желѣзный ломъ.

— И затѣмъ?—спросилъ, глядя на него, Глѣбъ.

— А ужъ извѣстно, что... уложилъ бы на мѣстѣ измѣнницу и ея счастливаго соблазнителя! — глухо выговорилъ Алексѣй, такъ сжавъ при этомъ въ рукахъ ножикъ, что тотъ хрустнулъ пополамъ.

— Да какой же вы азіатъ, право, трехбунчужный паша!—сказалъ, съ усмѣшкой, Спесивцевъ:—и вамъ не жаль? Двойное убійство!

— А ужъ какъ тамъ хотите! — рѣзко отвѣтилъ, все еще волнуясь, Алексѣй:—нашъ родъ не изъ податливыхъ; одинъ нашъ предокъ, слыхалъ я въ дѣтствѣ, подъ пьяную руку, не то засѣкъ, не то замуровалъ въ стѣну живую, невѣрную жену.

Глѣбъ также нахмурился.

— Не помню я что-то такой легенды о нашихъ предкахъ, — сухо сказалъ онъ: — впрочемъ, ты старше меня и всегда отличался сильною памятью... или это, можетъ-быть, предокъ со стороны твоей матери?

Алексѣй, ничего не отвѣтивъ на это, прошелся по комнатѣ. Его лицо омрачилось, губы судорожно вздрагивали.

Съ искреннимъ сочувствіемъ взглянувъ на него, Марй незамѣтно оставила столовую, добрела до спальни и, горячо рыдая, упала въ подушку лицомъ. Кто-то тихо вошелъ въ комнату, нагнулся надъ нею. Она почувствовала нѣжное прикосновеніе Глѣба. Онъ цѣловалъ ей голову, плечи.

— Прости меня, Маша, я обидѣлъ тебя,—говорилъ онъ, ставъ у ея изголовья на колѣни:—то была шутка, вздорная, дружеская болтовня... ну, сорвалось! Я хотѣлъ просто поддзадорить ревнивца-брата...

— Ахъ, оставь меня, недобрый, оставь!—отвѣтила Марі́, въ слезахъ, отстраняя его:—развѣ шутятъ такъ безпощадно и зло? и развѣ я... твоя жена... могла бы когда-нибудь...

Размолвка Марі́ съ мужемъ длилась недолго. Марі́ старалась забыть о ней, хотя происшедшее оставило въ ея душѣ какое-то смутное, ей самой непонятное ощущеніе, родъ гнетущаго предчувствія.

Близилась масляная недѣля, а съ нею увеличивались городскія удовольствія. Сдѣлка о лѣсѣ съ купцомъ Прядышевымъ также подходила къ счастливому концу. Въ началѣ поста, Алексѣй и Серафима располагали возвратиться въ деревню. Слухи изъ-за Волги стали спокойнѣе. Посланный на Яикъ новый начальникъ, по свѣдѣніямъ канцеляріи главнокомандующаго, окончательно усмирилъ бунтовщиковъ. — «Яицкая чума вырвана съ корнемъ, какъ и наша въ Москвѣ!» — сказалъ на одномъ изъ своихъ раутовъ князь Волконскій, укротитель московской чумы. Всѣ повторяли эти слова. Москва веселилась въ эту зиму, какъ никогда. Въ ней тогда считалось до пятнадцати театровъ и до десяти тысячъ музыкантовъ.

На масляной у Сойм́оновыхъ ожидались маскарадъ и домашній спектакль. Говорили, что здѣсь готовятъ новую парижскую оперетту *Rosière de Salençy* и веселый водевиль *Les moeurs du temps*. У Сойм́оновыхъ, въ то время, собиралось разнообразное и веселое общество, высшій свѣтъ и нѣкоторая доля средняго, богатаго московскаго круга, а главное — много молодежи. Хозяева незадолго передъ тѣмъ возвратились изъ-за границы, упоенные Парижемъ и его модами. То и дѣло въ Москвѣ говорили о ихъ вечерахъ, многочисленныхъ кавалькадахъ, катаньяхъ и шумныхъ пикникахъ. Серафима давно мечтала объ этихъ удовольствіяхъ и вотъ — ее не только пригласили на этотъ вечеръ, но и предложили ей взять на себя роль въ опереттѣ. У нея, еще въ пансіонѣ, былъ хорошій голосъ, и она очень мило и бойко могла спѣть предложенную ей каватину и участвовать въ дуэтѣ.

Въ числѣ другихъ любителей-артистовъ сойм́оновскаго спектакля были: гостившій въ Москвѣ, какой-то раненый морякъ и Ѳедоръ Прядышевъ, молодой сынъ купца, съ которымъ Алексѣй велъ переговоры о займѣ. Серафима при-

няла предложенную ей роль и трепетала, въ ожиданіи назначеннаго вечера. Благодаря Мари́, упросившей мужа, знакомый Глѣбу поставщикъ Шереметевскаго театра, Имберхъ, подрядился снабдить Серафиму костюмами для роли, а каватину и свою роль въ дуэтѣ она стала репетировать у знаменитаго Компа̀сси.

Дамскій кругъ Дуга̀новыхъ только и говорилъ объ этомъ, предстоящемъ вечерѣ, со всѣхъ сторонъ разбирая приглашенныхъ пѣвцовъ. Раненый морякъ пѣлъ весьма хорошо, но былъ мѣшковатъ и въ обществѣ застѣнчивъ. Ѳедоръ Пря̀дышевъ или Теодоръ, какъ его вездѣ звали, хотя былъ слабъ въ пѣніи, но зато представлялъ изъ себя, какъ говорятъ, вполнѣ интереснаго и милаго молодого человѣка. Его отецъ, имѣвшій на Уралѣ золотые пріиски, а подъ Москвою, за Рогожскою заставой, мѣдно-котельный заводъ, гдѣ изстари отливались колокола, былъ крутого нрава купецъ, изъ старообрядцевъ. Все его состояніе принадлежало женѣ, у отца которой онъ въ молодые годы служилъ простымъ приказчикомъ. Разбогатѣвъ женитьбой и увеличивъ заводское производство, онъ ни въ чемъ не прекословилъ женѣ, а та души не чаяла въ ихъ единственномъ сынѣ. Благодаря ея капризу и совѣтамъ Со̀ймоновыхъ, съ которыми Пря̀дышевъ имѣлъ денежныя дѣла, Теодоръ, крестникъ Со̀ймонова, учился нѣкоторое время у гувернера-француза, потомъ проходилъ науки въ одномъ изъ модныхъ московскихъ пансіоновъ и, наконецъ, съ семействомъ крестнаго отца, провелъ два года за границей, откуда, къ изумленію старика Пря̀дышева и къ неописанной радости его жены, возвратился истиннымъ петѝ-ме́тромъ: во французскомъ, бархатномъ кафтанѣ, въ башмакахъ, съ серебряными пряжками и съ напудренною косой. Любуясь нарядомъ и цвѣтущею наружностью Ѳеди, старуха Пря̀дышева, тайно отъ мужа, щедро снабжала сына деньгами и, довольная тѣмъ, что Ѳедя, возвратившись изъ заморскихъ краёвъ, водился не только съ сыновьями первыхъ богачей изъ купцовъ, но и съ высшею, знатною молодежью столицы, сквозь пальцы смотрѣла на его удалыя похожденія и подчасъ громкіе кутежи. — «Смотри, Аграфена, попадется Ѳедька, — говорилъ ей иногда мужъ: — не поглядитъ тогда начальство, что мы съ тобой первой гильдіи, живемъ въ эдакихъ хоромахъ и ходимъ въ соболяхъ, забрѣютъ окаянному лобъ!» — «Э,

Савва Ильичъ, — отвѣчала на это, позѣвывая и крестясь, жена: — молодо вино, перебродитъ; не киснуть ему этакъ-то, на печи»...

У Соймоновыхъ и въ домахъ другихъ баръ Теодоръ былъ принятъ, какъ толковали, не столько изъ пріязни къ нему самому, сколько изъ почтенія къ сундуку его папаши. Старый крѣпышъ Прядышевъ, пуская подъ шумокъ крупную часть доходовъ за большіе проценты, охотно ссужалъ деньгами разныхъ баръ. Но въ то время, какъ дикообразный и стриженный въ скобку старикъ Прядышевъ ходилъ въ длиннополомъ кафтанѣ и въ сапогахъ выше колѣнъ, румяный и стройный Теодоръ постоянно одѣвался, какъ куколка, — то въ синемъ демократическомъ сюртукѣ, то во фракѣ, съ круглою шляпой, тростью и часами, завитой, какъ пасхальный барашекъ, и съ огромнымъ золотымъ лорнетомъ. Въ театрѣ и маскарадахъ Ліона онъ обращалъ на себя вниманіе молодежи. Онъ по модѣ душился, румянилъ себѣ и безъ того румяныя губы, посыпалъ свои букли пудрою grise и пудрою blonde и, хотя не нюхалъ табаку, носилъ, однако, въ карманахъ табакерки, съ портретами красавицъ, или изображеніями въ родѣ сердца, пронзеннаго стрѣлой, причемъ также, ради моды, помышлялъ и о метрессѣ.

VII.

Теодоръ страстно любилъ цыганское пѣніе и нѣкоторое время, по слухамъ, до того увлекался красотой и пѣснями цыганки Луши, что, если бы хоръ удалого Пантюшки, въ которомъ она состояла, не уѣхалъ неожиданно куда-то изъ Москвы, онъ, вѣроятно, женился бы на ней. Это было до его поѣздки за границу. Съ тѣхъ поръ, какъ увѣряли, онъ нѣсколько остепенился. Увлеченіе цыганами вызвало въ юномъ Прядышевѣ склонность къ музыкѣ. Посѣщая концерты и оперу, онъ началъ брать уроки пѣнія у Добервиля, а спустя нѣкоторое время, рѣшился кое-гдѣ пѣть и самъ. Въ виду затѣяннаго у Соймоновыхъ театра, знакомыя дамы гурьбой пристали къ Теодору и, какъ онъ ни упирался, убѣдили его также принять участіе въ опереттѣ.

Съ тѣхъ поръ, для репетицій отдѣльныхъ арій и дуэтовъ, онъ не разъ посѣщалъ и Дугановыхъ. Серафима сперва безъ смѣха не могла смотрѣть на него, когда онъ, въ видѣ кудряваго, пасхальнаго купидона, разряженный и надушен-

ный, робко появлялся у нихъ, входилъ на цыпочкахъ, по знаку становился среди залы и, подъ аккомпаниментъ клавикордовъ, уморительно раскачиваясь и размахивая руками, вытягивалъ передъ зеркаломъ свои ноты.

— Ахъ, какой онъ забавный, смѣшной! — хохоча до слезъ, говорила Серафима, выскакивая въ гостиную, гдѣ Марі́ сидѣла за шитьемъ для Васи, и принимаясь тормошить ее и цѣловать:—ну, видѣла ли ты, Маша, другое подобное чудовище?

Марі́ серьезно отвѣчала, что не видѣла. Теодоръ служилъ безконечною темой для насмѣшекъ Серафимы.

До спектакля оставалось нѣсколько дней. Спѣвки и всякія приспособленія къ нему кончились. Послѣ театра, всему обществу, — артистамъ и зрителямъ, — Соймоновы готовили сюрпризъ, — поѣздку, на двадцати ямскихъ тройкахъ, за Серпуховскую заставу, на ихъ лѣтнюю красивую мызу, гдѣ гостей ожидалъ пышный ужинъ и танцы, подъ музыку рогового архаровскаго хора.

Былъ вечеръ субботы, канунъ масляной. Алексѣй повезъ Серафиму на послѣднюю спѣвку къ Соймоновымъ. Глѣбъ въ тотъ день дежурилъ у князя и еще не возвращался. Нинетъ также гдѣ-то была въ гостяхъ. Марі осталась дома одна, за неотложнымъ дѣломъ. По субботамъ она обыкновенно собственноручно мыла своего Васю. Пройдя въ его горенку, гдѣ уже была готова грѣтая вода и гдѣ няня, сѣдая Сысоевна, держала на рукахъ распеленатаго и нетерпѣливо-кричавшаго ребенка,—Марі́ переодѣлась въ ночной капотъ, завѣсилась передникомъ и только-что принялась мыть сына, какъ въ дверяхъ показался мужъ.

— Ты будешь на соймоновскомъ спектаклѣ? — спросилъ онъ, садясь поодаль, у окна.

— Разумѣется!—отвѣтила Марі, намыливая безволосую головку и пухлую спинку пріятно-замолкшаго Васи: — столько было приготовленій, хлопотъ; притомъ Серафима... а взгляни-ка на этого розоваго жука, какъ онъ шевелитъ щупальцами...

Глѣбъ посмотрѣлъ на сына, потомъ на Сысоевну, сердито и молча, съ готовыми пелёнками, стоявшую въ сторонѣ. Старуха Сысоевна, хотя нянчила когда-то самого Глѣба, терпѣть не могла, когда баринъ, въ неурочное время, вхо-

дилъ въ оберегаемое ею, заповѣдное царство ея поваго питомца.

— О Серафимѣ и рѣчь,—сказалъ по-французски, съ необычнымъ раздраженіемъ въ голосѣ, Глѣбъ:—твоя пріятельница, а теперь и сестра, начинаетъ, наконецъ, выводить меня изъ терпѣнія...

«Ну, тебѣ не нравится ея бѣготня съ визитами, а особенно это появленіе на театральныхъ подмосткахъ,—подумала Марй, продолжая въ теплой, мыльной водѣ мыть Васю: — вотъ ты и злишься; да что же, не всѣмъ сидѣть взаперти! воображаю, что было бы, — прибавила мысленно Марй, — если бъ и я вздумала участвовать въ спектаклѣ! вотъ поднялся бы ураганъ!»

— Что, же, однако, сдѣлала моя пріятельница и сестра? — спросила по-французски Марй, въ послѣдній разъ окачивая ребенка теплою, настоянною на травахъ водой, и готовясь вынуть его изъ корыта: — чѣмъ она предъ тобою провинилась?

— Она становится сказкой города,—произнесъ медленно Глѣбъ:—этотъ матушкинъ сынокъ, этотъ молокососъ Прядышевъ такъ откровенно и такъ нагло за нею ухаживаетъ.

— У мужчинъ всегда виноваты женщины, иной разъ не только правыя, но и совершенно-безупречныя! — небрежно отвѣтила Марй, подавая Васю въ нагрѣтыя, раскрытыя пелёнки Сысоевнѣ.

— Послушай, Маша, — сказалъ серьезно и съ особымъ удареніемъ Глѣбъ: — ты не ребенокъ, поймешь! Что этого недоросля вездѣ принимаютъ и что онъ за тою или другою изъ дамъ смѣетъ ухаживать, это возмутительно, но еще не особая бѣда, но толкуютъ о худшемъ, — будто Серафима... Ну, ты этому не повѣришь,—а говорятъ, что она къ нему неравнодушна и даже... раздѣляетъ его страсть...

Марй уже собралась-было расхохотаться на эти слова, но взглянула на мужа и остановилась. Его обыкновенно доброе и спокойное лицо было на этотъ разъ строго-озабоченно и печально.

— Пустая сплетня, пошлая выдумка! — сказала Марй, взявъ мужа за руку:—Серафима! да возможно ли это? мать троихъ дѣтей!

— Къ сожалѣнію, не сплетня, — съ тою же внушительностью и строгостью отвѣтилъ Глѣбъ: — и я прошу тебя,

Маша, ради брата Алексѣя, а особенно тѣхъ крошекъ, о которыхъ ты упомянула,—переговори объ этомъ, да прямо и безъ обиняковъ, съ Серафимой, вразуми ее и дай ей добрый, родственный совѣтъ...

— Какой?

— Немедленно бросить эту соймоновскую дребедень, а вслѣдъ затѣмъ и Москву.

— Но неужели это такъ важно? — спросила Марú, все еще не вѣря слухамъ о Серафимѣ.

— Настолько важно, — продолжалъ Глѣбъ: — что пока злыя вѣсти не дошли до Алёши, настой, чтобы она сегодня же, подъ предлогомъ боли горла, что ли, отказалась отъ участія въ спектаклѣ, а завтра — съ Богомъ — и въ Горки! Имъ помогъ, кстати, отецъ Прядышева, прямо купилъ у нихъ лѣсъ; Алёша получилъ деньги и будетъ радёшенекъ скорѣе уѣхать изъ Москвы. У нихъ въ деревнѣ многое еще не устроено и главное — сильно распущены крестьяне. При жизни отца Серафимы они состояли на оброкѣ, Алексѣй же, видя ихъ обѣднѣніе и желая имъ добра, возвратилъ ихъ на барщину. Не нравятся мнѣ вообще эти приволжскіе своевольцы; дерзки, отзывчивы на всякіе дикіе слухи, а въ Горкахъ притомъ половина села—старовѣры...

Утромъ слѣдующаго дня, Марú, съ невольнымъ смущеніемъ, прошла наверхъ къ невѣсткѣ. Серафима готовилась ѣхать на генеральную, въ полныхъ костюмахъ, репетицію спектакля, который долженъ былъ состояться черезъ два дня, и была въ красивомъ, такъ шедшемъ къ ней, нарядѣ арденской пастушки.

Она сидѣла передъ овальнымъ, въ фарфоровой рамѣ, зеркаломъ, полученнымъ Марú въ подарокъ отъ свекрови. Горничная кончала уборку головы Серафимы.

— Вышли свою дуэнью,—сказала Марú по-французски:— у меня къ тебѣ важное дѣло.

Серафима отпустила горничную, приколола къ волосамъ послѣдній цвѣтокъ и спокойно встала.

— Вотъ я и готова, — сказала она, цѣлуя Марú: — что̀ тамъ за важныя у тебя дѣла?

— Ma belle espagnole, — начала Марú, по возможности сдержанно:—ты не поѣдешь на эту репетицію и вообще на этотъ спектакль.

Серафима, съ удивленіемъ, подняла на нее глаза. Въ нихъ свѣтилась веселая, недовѣрчивая усмѣшка.

— Что за вздоръ?—сказала она:—ты шутишь... Москва, что ли, провалилась, или сгорѣлъ театръ?

— То и другое цѣло; но выслушай, ради Бога, и разсуди... вотъ что̀ случилось.

Торопясь и обрываясь, Марі́, на сколько могла, въ точности передала ей сообщенное Глѣбомъ. Серафима измѣнилась въ лицѣ, сильно поблѣднѣла.

— Это сказалъ тебѣ, выдумалъ Алексѣй! — произнесла она: — понимаю... какая злость! вѣчныя подозрѣнія, снаружи—кротость, а внутри—адъ.

— Да не онъ, помилуй, вовсе не твой мужъ! — спѣшила Марі́ успокоить ее: — во всякомъ же случаѣ — дѣло серьезное, надо принять мѣры.

— Такъ кто же, говори, кто это сообщилъ?

— Объ этомъ трубятъ всѣ.

Серафима замолчала.

— Какая низость!—проговорила она, ломая руки:—и съ какой стороны ударъ?.. здѣсь такъ трудно оправдываться...

— Такъ ты невиновна, правда? — обрадовалась Марі́: — о, скажи, ты равнодушна къ Теодору? все это клевета?

Серафима тихо обняла Марі́. Въ ея глазахъ стояли слезы; они горѣли оскорбленнымъ достоинствомъ.

— Чуть намъ кто-либо понравится, — сказала она: — ну, едва отведешь душу, забудешься въ невинномъ и простомъ разговорѣ,—сейчасъ кричатъ: измѣна, разбой...

— И онъ, не правда ли, чуждъ твоей душѣ? — спросила Марі́, стараясь побороть въ себѣ и тѣнь подозрѣнія:—еще недавно ты такъ надъ нимъ смѣялась!

— Ахъ, Машенька, да вѣдь это — сама жизнь! — произнесла Серафима, полузажмурясь, точно видя передъ собой нѣкое чудное видѣніе и сторонясь отъ его ослѣпительныхъ лучей:—и какъ чувствителенъ, пылокъ, какъ добръ!

Марі́ похолодѣла отъ ужаса.

— Такъ ты, слѣдовательно, влюблена?—вскрикнула она.

— О, нѣтъ, пустяки! но что̀ это за наивный, милый мальчикъ, ну, чисто дѣвичья непорочность! — стискивая руки Марі́, шептала, какъ во снѣ, Серафима: — что за самоотверженіе, преданность; а глаза — глаза... Прежде я этого не замѣчала.

— И онъ знаетъ твое мнѣніе о немъ?—съ ужасомъ спросила Марй, почти не сознавая, что̀ говоритъ:—а твой мужъ? тебѣ его не жаль?

Серафима очнулась, прошлась по комнатѣ.

— Ахъ, да... про какія, однако, чувства ты говоришь? ужъ вотъ вздоръ! — небрежно сказала она, оборотясь къ зеркалу и смотрясь въ него:—ничего этого не было и нѣтъ, нѣтъ! Все это я сочинила, а мужчины такіе гнусные и негодные ревнивцы!

— Такъ, честное слово, ничего между вами не было?

— Разумѣется... я надъ тобой просто подтрунила, прочла тебѣ свою роль изъ оперетки... Кромѣ шутокъ, это изъ нея... сама ты увидишь!

Марй отрадно вздохнула.

— А если ничего не было,—сказала она, вспомнивъ совѣтъ Глѣба и хватаясь за него, какъ за соломинку: — то тѣмъ лучше. Тебѣ сто̀итъ только послать къ Со̀ймоновымъ отказъ отъ ихъ спектакля, напиши, что заболѣла горломъ, и все разсѣется, какъ дымъ.

При этомъ, въ видѣ собственной мысли, Марй предложила Серафимѣ, для избѣжанія дальнѣйшихъ и возможныхъ пересудовъ, немедленно уѣхать изъ Москвы. Она высказала это рѣшительно и напрямикъ.

— Ну, выдумай что-нибудь иное, — прибавила она: — скажи Алексѣю Андреевичу, что ты видѣла сонъ, безпокоишься за него и за здоровье дѣтей.

— Ни за что, слышишь ли, ни за что!—отвѣтила ей съ сердцемъ Серафима: —какъ? чтобы я уступила городскимъ, гнуснымъ сплетнямъ? чтобы струсила, выставила себя смѣшною передъ всякими безмозглыми болтунами? никогда!

VIII.

Проговоривъ это, она сѣла, но не надолго, и опять стала ходить. Ея лицо раскраснѣлось, глаза горѣли. Во всей ея фигурѣ выражалась твердая и спокойная увѣренность въ себѣ.

— Повторяю тебѣ, ничего не было, нѣтъ и не будетъ!— заключила она, остановясь передъ Марй: — довольно тебѣ этого? вѣришь теперь, убѣждена?

— Вѣрю,—тихо отвѣтила Марй.

«И въ самомъ дѣлѣ,—думала она, глядя на Серафиму:— ну, съ чего ей такъ вдругъ обезумѣть, забыться въ конецъ

и еще съ кѣмъ? съ Өедоромъ Прядышевымъ! Да онъ ея мужу, этому превосходному человѣку, не годился бы въ лакеи... и она такъ недавно еще искренно и весело осмѣивала его...»

— А если вѣришь,—сказала, помолчавъ, Серафима,—то отнынѣ не говори пустяковъ; не мѣшай мнѣ, въ послѣдній разъ, повеселиться. Вѣдь ты знаешь, въ какую тину мнѣ предстоитъ снова окунуться.

Серафима дружески обняла Марй и, надѣвъ шляпку и мѣховой плащъ, прибавила.

— Нашъ театръ, на зло сплетникамъ и подозрительнымъ ревнивцамъ, непремѣнно состоится, и на немъ будешь, не правда ли, и ты? а за это заранѣе — вотъ тебѣ, вотъ и вотъ.

Она порывисто расцѣловала Марй, сбѣжала внизъ, сѣла въ экипажъ и уѣхала.

Марй, по возможности, откровенно передала Глѣбу свой разговоръ съ Серафимой, обойдя только и нѣсколько смягчивъ ея отзывъ о Теодорѣ.—«Уѣдутъ,—разсуждала Марй:—она снова увидитъ дѣтей, забудетъ мимолетную встрѣчу, и все обойдется благополучно». Глѣбъ остался недоволенъ ея сообщеніемъ.

— Бѣдный Алёша!—прошепталъ онъ:—добрякъ, очевидно, ничего и не подозрѣваетъ.

Онъ сердито теръ себѣ лобъ.

— Впрочемъ, братъ уже укладывается, — сказалъ онъ, оживясь:—взялъ сегодня наши чемоданы,—столько у нихъ накопилось всякихъ покупокъ; часть вещей отправляетъ завтра по почтѣ впередъ. Нечего дѣлать, — утромъ, послѣ этого театра и пикника, я самъ помягче намекну ему на необходимость прекратить скорѣе нелѣпые толки, а когда они уѣдутъ,—дастъ Богъ, все уладится, Серафима одумается въ деревенской тиши.

Съ невольнымъ, гнетущимъ чувствомъ Марй ожидала назначеннаго вечера. Дуга́новы отправились къ Соймоновымъ. Спектакль прошелъ очень удачно. Марй еще кормила сына, и потому, едва кончилась оперетта, въ которой пѣла Серафима, она подала знакъ мужу. Они незамѣтно оставили зрительную залу, пробрались къ выходу, подъ громомъ вызововъ и рукоплесканій, которыми публика искренно при-

вѣтствовала на сценѣ сіяющую торжествомъ успѣха и счастія Серафиму, и уѣхали.

Алексѣй Андреевичъ, неловко оглядываясь и растерянно принимая привѣтствія и поздравленія съ успѣхомъ жены, подозвалъ брата и шепнулъ ему, что онъ рѣшился остаться до конца вечера. — «Потянуть бѣднаго и на пикникъ!» — думала Марй, скользя по морозу на улетающихъ саняхъ. Потомъ она съ Глѣбомъ узнала, что у Алексѣя, отъ волненія за игру жены, сильно разболѣлась голова и что онъ возвратился, когда кончился водевиль, поручивъ жену хозяйкѣ дома, которая, встрѣтивъ его у выхода, молила, до конца этого послѣдняго вечера, не лишать ихъ общества такой милой и очаровательной гостьи. — «Вѣдь скоро постъ!» — говорила она, обмахиваясь вѣеромъ и молящими глазами глядя на Алексѣя.

«Ну, будетъ утромъ исторія! — размышляла Марй дома, накормивъ сына и, до невозможности усталая, собираясь спать: — Глѣбъ, пожалуй, сразу все скажетъ брату, тотъ Серафимѣ, она вспылитъ... и въ отвѣтѣ за все передъ нею буду, разумѣется, я!»

Глѣбъ всталъ довольно рано. Ему надо было ѣхать къ обычному пріему у главнокомандующаго, и онъ, выпивъ наскоро, безъ жены, стаканъ чаю, поспѣшилъ къ князю. Мари спала очень долго. Ее разбудила Сысоевна. — «Помилуйте, барыня, — говорила она, теребя подъ ея головой подушку: — Василій Глѣбычъ голодны... пора имъ завтракать». — «Какой Василій Глѣбычъ? кто это?» — соображала Марй сквозь сонъ, не понимая, гдѣ она и чтó съ нею.

Она открыла глаза. Сѣренькій день уныло глядѣлъ въ замороженныя окна. Падалъ снѣгъ и по крышамъ сосѣднихъ домовъ срывалась метель. Очнувшись и перекрестясь, Марй присѣла на кровати, приняла отъ няни дитя и стала его кормить. Сысоевна молча стояла возлѣ нея. Видно было, что старуха ею недовольна. Глядя на ребенка, въ полномъ блаженствѣ сопѣвшаго на ея рукахъ, Марй невольно думала о себѣ: «и по дѣлóмъ тебѣ, матушка, сама заслужила, забывъ свое дитя!»

— Который часъ? — спросила она няню.

— Двѣнадцатый.

Не поднимая глазъ, Марй переложила Васю на другой бочокъ.

— Глѣбушка гдѣ?—спросила она, помолчавъ.

— Извѣстно, гдѣ,—на службѣ,—отвѣтила Сысоевна.

— А наши, Серафима, Алексѣй?

— Что̀ имъ? нешто и у нихъ служба?

— Такъ еще спятъ?

— Не знаю,—сердито отвѣтила Сысоевна:—я къ нимъ не приставница, у нихъ не была.

«Побурчитъ и утихнетъ!» — утѣшалась Марй, отдавая нянѣ дитя. Наскоро одѣвшись, она прошла въ столовую, въ надеждѣ застать тамъ Алексѣя и Серафиму; но столовая оказалась пустою. Она вошла въ лакейскую. Слуга Сергѣй сидѣлъ тамъ съ книжкой.

— Что же это ты за чтеніемъ, а чай не готовъ?—сказала Мари:—Алексѣй Андреичъ всталъ?

— Встали.

— А барыня?

Сергѣй замялся.

— Спитъ, что ли?—спросила Мари.

— Онѣ-съ... ихъ нѣтъ дома... не ночевали.

«Вотъ закутила, — подумала Марй, — а впрочемъ, и хорошо сдѣлала, что послѣ танцевъ, по такому холоду и въ темнотѣ, не поѣхала, а осталась ночевать у Сойимоновыхъ».

— Гдѣ Алексѣй Андреевичъ?—спросила она слугу:—подавай самоваръ и скажи брату, что я жду его къ чаю.

— Ихъ тоже нѣтъ; ѣздили въ городъ и воротились, а теперь опять уѣхали,—отвѣтилъ какъ-то странно Сергѣй.

Марй, черезъ гостиную, медленно прошла въ дѣтскую. Сысоевна, укачавъ Васю и завѣсивъ его колыбель, стояла, нагнувшись, у окна во дворъ.

— Что ты, няня, смотришь?—спросила Марй.

— Климъ утромъ рано возилъ куда-то Алексѣя Андреевича и опять повезъ.

— За барыней?

— Вѣстимо.

— Она, вѣроятно, у Сойимоновыхъ?

— Въ городѣ нѣту-ти ихъ...

— Ну, значитъ, осталась на мызѣ,—сказала Марй.

«Къ завтраку, очевидно, не возвратятся,—подумала она,— успѣю, слѣдовательно, съѣздить въ ряды». Ей надо было еще кое-что купить, въ подарокъ дѣтямъ Алексѣя и Серафимы, и она на извозчикѣ уѣхала въ лавку, соображая,

что и Глѣбу сегодня, изъ-за разъѣздовъ брата, придется возвратиться со службы не на своихъ лошадяхъ.

Едва Marí, справясь съ покупками, пріѣхала обратно, обогрѣлась и, войдя въ спальню, зажгла свѣчи, въ дверяхъ показался Глѣбъ.

— Скверное, невозможное дѣло! — сказалъ онъ, бросая шляпу на столъ и потирая руки отъ холода: — нажили, нечего сказать... дождались.

— Чтò случилось?

— Неужели не знаешь?

— Почемъ мнѣ знать!

— И не догадываешься?

— Да говори же...

Глѣбъ помолчалъ.

— Серафима не ночевала дома,—сказалъ онъ.

— Я это слышала,—отвѣтила спокойно Marí:—она, за позднимъ временемъ, по-всей вѣроятности, осталась у Сóймоновыхъ,—и хорошо сдѣлала...

— Алеша былъ въ ихъ городскомъ домѣ, — сказалъ Глѣбъ: — они возвратились, но ея тамъ нѣтъ. Онъ навѣдался сюда, потомъ завернулъ на дежурство ко мнѣ и теперь поскакалъ на мызу. Чтò скажешь на это?

— Да о чемъ ты безпокоишься?—спросила Marí:—Серафима, безъ всякаго сомнѣнія, на мызѣ.

Глѣбъ горько улыбнулся.

— Полно, Машенька,—произнесъ онъ:—это могъ бы еще подумать такой простакъ и слѣпецъ, какъ Алексѣй, а не мы съ тобой.

— Такъ гдѣ же она?

Глѣбъ присѣлъ на софу, взялъ жену за руку.

— Поклянись, она тебѣ ничего по этому не говорила?—спросилъ онъ.

— Ничего... вотъ передъ образомъ.

— Такъ знай же,—объявилъ Глѣбъ:—Серафима, прямо съ пикника... бѣжала съ Ѳедоромъ Прядышевымъ.

Marí всплеснула руками.

— Не можетъ быть! кто тебѣ сказалъ?

— Справляться по полиціи,—отвѣтилъ Глѣбъ:—мнѣ, ты понимаешь, было бы не къ лицу. Я обратился къ обычному источнику въ подобныхъ дѣлахъ,—ты догадываешься, безъ сомнѣнія, — къ Спесивцеву. Онъ, какъ и слѣдовало

ожидать, все уже, разумѣется, зналъ. Сперва, по обычаю, кроткимъ, невиннымъ голосомъ, отвѣчалъ:—«дѣло щекотливое, — я, молъ, полагалъ, что вы сами давно подозрѣваете, и даже, если помните, слегка намекалъ, хотя ни за что еще нельзя поручиться! — а потомъ прибавилъ: — не я одинъ, и другіе замѣчали, что это готовилось уже давно».— «Что̀ готовилось?—спросилъ я его:—не томите, ради Бога, скажите прямо и откровенно, если вы истинно къ намъ расположены».—Но тонкій дипломатъ уперся и сталъ твердить одно:—«неудобно и отвѣтственно; извините,—спросите у другихъ». Тогда я самъ заѣхалъ къ Соймоновымъ.

— Такъ ты былъ у нихъ?—спросила Марй.

— Да... не входя въ домъ, я вызвалъ ихъ кучера и спросилъ, съ кѣмъ отъ нихъ уѣхала жена брата? Тотъ, ничего не подозрѣвая, спокойно отвѣтилъ, что, когда стали разъѣзжаться съ мызы, Серафима Львовна сѣла въ сани Ѳедора Саввича Прядышева и уѣхала съ нимъ, приказавъ сказать хозяйкѣ дома, что у нея болитъ голова. Теперь ясно тебѣ? Герой въ пьесѣ похищалъ героиню, ну, они, очевидно, и рѣшили, какъ видишь, разыграть эту пьесу наяву.

IX.

Какъ громомъ пораженная, Марй не находила ни мыслей, ни словъ. Глѣбъ ей еще что̀-то говорилъ, упоминалъ объ Алексѣѣ и о его положеніи, высказывалъ опасенія за здоровье брата, даже за его жизнь. Марй сидѣла, какъ въ туманѣ. Близилось время обѣда. Всѣ въ домѣ съ смущеніемъ ожидали возврата Алексѣя. Обѣдъ прошелъ безъ него; къ вечернему чаю онъ также не пріѣхалъ. Вечеромъ Глѣбу надо было снова отлучиться, для исполненія какого-то порученія главнокомандующаго, и онъ уѣхалъ.

Разбитая волненіями и нѣсколько недомогая, Марй легла спать ранѣе обыкновеннаго. Принеся ей кормить дитя, Сысоевна, вопреки своей обычной говорливости, опять не проронила ни слова и была туча-тучей. Марй понимала, что старая, преданная няня, простымъ чутьемъ, угадывала близость грозы и позора въ семьѣ своихъ господъ и, при всей своей наружной суровости, глубоко имъ сочувствовала. Она обыкновенно думала вслухъ: «туда-то надо вотъ пойти, то-то сдѣлать» — «охъ, затеряла иголку и не найду, — чулочки барчука надо выгладить!» Теперь же, подавая и затѣмъ унося дитя, она молчала и, только возвратясь изъ дѣтской

къ барынѣ, чтобы потушить у нея свѣчи, проговорила про себя: «Охъ-охъ! сѣчь бы нашу сестру, да приговаривать,— не бунтуй, слушай мужа... не было бы этакого окаянства и грѣха».

Мари долго не могла заснуть. Вспомнивъ слова Алексѣя о желѣзномъ ломѣ, она съ содроганіемъ прислушивалась, возвратился ли онъ. Глѣбъ потомъ ей сообщилъ, что и онъ, пріѣхавъ около полуночи домой и заставъ ее спящею, все думалъ о томъ же ломѣ и о неминуемости кровавой развязки.

Передъ утромъ, когда за окнами, въ морозной мглѣ, уже стало бѣлѣть, Мари сквозь дремоту померещилось, что къ наружному крыльцу быстро подкатили сани, кто-то вошелъ въ переднюю и медленно сталъ подниматься наверъ. Ступени деревянной, витой лѣстницы скрипѣли подъ тяжелыми шагами всходившаго. Въ спальнѣ за печкой уныло звенѣлъ сверчокъ. Но вотъ шаги затихли. Позваниванья сверчка охватили Мари нѣжною, музыкальною волной. Она забылась тихимъ, спокойнымъ сномъ.

Былъ восьмой часъ утра. Очнувшись и увидѣвъ, что Глѣба уже нѣтъ въ спальнѣ, Мари вскочила съ постели, пріодѣлась и прошла къ мужу въ кабинетъ.

— Ну, что? — спросила она, присѣвъ у стола, за которымъ мужъ брился.

— Заперся, — отвѣтилъ Глѣбъ, указывая бритвою наверхъ:—никого не звалъ,—вѣроятно, еще спитъ.

Подали чай. Прислуга ходила въ смущеніи, на цыпочкахъ. Глѣбъ и Мари тоже говорили вполголоса, полунамёками, боясь и думать объ исходѣ начавшейся драмы.

— Нѣтъ, я пойду къ нему,—сказалъ, наконецъ, вставая, Глѣбъ:—какъ бы онъ еще чего не натворилъ съ собой?

Онъ поднялся по лѣстницѣ. Мари возвратилась въ спальню и упала передъ кіотомъ на колѣни. Она горячо молила Бога вразумить Серафиму и дать ей снова миръ и тишину.

Нерѣшительно и въ раздумьѣ Глѣбъ взошелъ наверхъ, постоялъ у двери брата и постучалъ въ нее.

— Войдите, — отвѣтилъ ему изъ-за двери странный и грубый голосъ, котораго Глѣбъ сперва не узналъ.

Онъ вошелъ, думая, что Алексѣй еще въ постели. Послѣдній стоялъ, не оборачиваясь, у окна, уже одѣтый, въ какомъ-то старенькомъ, отрепанномъ мѣховомъ бешметѣ,

какого Глѣбъ еще не видѣлъ у него. Надъ его широкими, плотными плечами, точно чужая, торчала его большая, всклоченная голова.

— Здравствуй, Алеша,—сказалъ Глѣбъ, подойдя къ нему.

— Здравствуй, — отвѣтилъ Алексѣй, продолжая смотрѣть на улицу.

— Я думалъ, что ты еще спишь.

— Гдѣ спать! Знаешь развязку, конецъ?

— Собственно, вѣрно не знаю, а догадываюсь, — черезъ силу отвѣтилъ Глѣбъ.

— Какія догадки! ну, прямо, открыто, взяла да и бросила, какъ старый, негодный башмакъ... надоѣлъ, видно,— вотъ и все...

— Полно, дѣло еще поправимо,—сказалъ Глѣбъ, ласково тронувъ брата за плечо.

Алексѣй, съ блуждающимъ взоромъ, обернулся къ нему. По его опавшимъ, вздрагивавшимъ щекамъ текли слезы.

— И за что, за что?—вскрикнулъ онъ, кидаясь въ объятія брата.

Послышались судорожныя, глухія рыданія.

— Тебя ли слышу? — старался утѣшить его Глѣбъ:— стоитъ ли теперь эта особа твоего сожалѣнія, слезъ?

— О, какъ я мало зналъ себя, какъ я былъ самонадѣянъ и слѣпъ! — всхлипывая по-дѣтски, плакалъ на груди Глѣба этотъ большой и сильный, какъ казалось, человѣкъ:— что я буду теперь безъ нея? а дѣти? я погибъ... погибъ!

— Опомнись, братъ! обидчицѣ отнынѣ одно наказаніе— презрѣніе и забвеніе навсегда.

— Глѣбушка, родной мой! — вопилъ Алексѣй, хватая руки брата и цѣлуя ихъ:—спаси меня, помоги.

— Но чѣмъ же тутъ можно помочь?

— Найди ее, уговори! Ничего не жалѣй, слышишь ли, ничего!.. дѣти... О, теперь безъ нея, мнѣ одна участь—смерть.

— Да полно же, голубчикъ, полно.

Глѣбъ усиливался успокоить брата, позвалъ слугу, приказалъ подать стаканъ воды и напоилъ его.

— Не ты ли,—сказалъ онъ, усадивъ Алексѣя:—говорилъ еще недавно иначе? Вспомни, по поводу подобнаго же случая, ты высказывалъ такую твердость и рѣшимость... Ты готовъ былъ преслѣдовать виновныхъ, мстить. Не месть, хотя бы, а мужество въ твоемъ положеніи, разсудительный отпоръ!

— Ахъ, оставь меня, ради Бога... уйди! дай хоть забыться! — крикнулъ, въ отчаянiи, Алексѣй: — эти муки, эта пытка—выше силъ.

Онъ вырвался отъ брата и, упавъ на постель, обхватилъ руками подушку. Его плечи вздрагивали отъ рыданiй. Глѣбъ постоялъ надъ нимъ, помедлилъ и вышелъ. Передъ обѣдомъ и въ теченiе вечера Глѣбъ снова заходилъ къ брату: Алексѣй лежалъ неподвижно, лицомъ къ стѣнѣ.

— Послать бы за докторомъ,—сказала мужу Марй.

— Ему не того надо,—отвѣтилъ Глѣбъ, въ раздумьѣ: — нужно мягкое, женское слово; сходи,—не утѣшишь ли ты его?

Марй налила стаканъ чаю, велѣла отнести его наверхъ, зажечь свѣчи и сама пошла туда.

Услышавъ ея шаги, Алексѣй всталъ.

— Ахъ, это вы, сестра!—сказалъ онъ, цѣлуя ей руки:— что вы безпокоитесь? мнѣ, право, совѣстно... что-то болитъ голова.

— Полноте, присядьте, вотъ тутъ,—сказала ему Марй:— напейтесь горяченькаго чайку, да съ ромомъ.

Она усадила Алексѣя, придвинула ему стаканъ, налила рому и отложила ему любимыхъ печенiй.

— Какъ вы добры,—сказалъ Алексѣй, взглянувъ на себя и оправляя свой измятый нарядъ:—стòю ли я вашего вниманiя?

— Стòите, добрый, милый, все перемелется,—будете еще счастливы.

Алексѣй отпилъ чаю и задумался.

— Сестра,—сказалъ онъ:—не скрывайте, гдѣ Серафима?

Марй молчала.

— Она прiѣхала? не рѣшается сюда взойти?

— Прiѣдетъ, возвратится,—отвѣтила Мари: — вы только успокойтесь; вотъ вы какъ разстроены,—у васъ дѣти. Какая мать можетъ забыть дѣтей?

— Да, да,—радостно проговорилъ Алексѣй:—вы знаете... вотъ, если бы Глѣбушка тутъ вступился и отыскалъ бы ее... Онъ такой разумный, сразу усовѣстилъ бы ее... Вѣдь, увѣряю васъ, здѣсь просто какое-то навожденiе. Ее околдовали, можетъ-быть, опоили. Серафима! да развѣ возможно? Я такъ любилъ ее; ну, убѣжденъ, увидите, если только она встрѣтится съ кѣмъ-либо изъ своихъ, сейчасъ одумается, — пелена съ глазъ спадетъ. Ревновать хорошо безсердечному, крѣпышу,—мнѣ, вижу, не подъ силу... не могу.

«Вотъ она, истинная-то любовь!—подумала Мари̂,—бѣдный! куда дѣвались угрозы и похвальбы объ отместкѣ, даже о кровавой расправѣ?»

— Вѣдь я самъ бы поѣхалъ,—продолжалъ Алексѣй:—и, вѣрите ли, въ это время, клянусь, все думалъ,—гдѣ бы скрываться бѣглецамъ? но, сестра, вы посудите, здѣсь, въ Москвѣ, изъ этого такое поднимутъ и наплетутъ... невозможно! это только повредитъ Серафимѣ.

— Да вамъ, дорогой мой, добрый, и не приходится самому!—сказала Мари̂:—а вотъ Глѣба мы, пожалуй, попросимъ и, я надѣюсь, уговоримъ.

Въ это время вошелъ слуга. Онъ доложилъ, что пріѣхалъ Спесивцевъ и что баринъ проситъ барыню и Алексѣя Андреевича сойти внизъ.

— Вѣрно, какія-нибудь новости, — съ тревогой сказалъ Алексѣй:—вы, сестра, идите впередъ; а мнѣ вотъ надо пріодѣться, — неловко въ такомъ видѣ, — я тоже сошелъ бы внизъ... нѣтъ, останусь, не могу!

— Гдѣ баринъ?—спросила Мари̂ слугу.

— Были, съ няней и съ барчукомъ, въ гостиной, теперь пошли за чѣмъ-то въ кабинетъ.

— А докторъ?

— Остались въ гостиной.

Мари̂ вошла въ кабинетъ. Глѣбъ доставалъ гостю свѣжаго табаку.

— Ну, что? какъ Алёша? — спросилъ онъ: — успокоился ли онъ?

Мари̂ передала ему свой разговоръ съ Алексѣемъ.

— Бѣдная, жалкая тряпка,—проворчалъ Глѣбъ:—и ничто его не проймeтъ, даже такія испытанія.

— А что̂ новаго привезъ докторъ?—спросила Мари̂.

— Серафимы и ея похитителя въ Москвѣ, оказывается, нѣтъ; докторъ былъ у родныхъ Прядышева,—Θедора вчера и нынче искали, но безуспѣшно. И хорошъ, однако, этотъ докторъ,—всегда словоохотливый, а здѣсь едва цѣдитъ слова сквозь зубы, точно даритъ какими-то таинственными откровеніями.

X.

Изъ кабинета въ гостиную Глѣбъ и Мари̂ прошли черезъ залу, гдѣ еще не успѣли зажечь кенкетовъ, мимо большого, простѣночнаго зеркала. Въ зеркалѣ наискось отража-

лась освѣщенная гостиная и въ ней—сидѣвшій на диванѣ Спесивцевъ, передъ нимъ Сысоевна и на его рукахъ Вася.

— И зачѣмъ этотъ пролазъ беретъ на руки дитя?—съ досадой проговорилъ Глѣбъ:—вотъ ужъ терпѣть этого не могу.

— Чего ты сердишься!—прошептала Марй:—развѣ не знаешь, онъ вообще такъ любитъ дѣтей; и у Соймоновыхъ—съ ихъ Сашей, и у Смирновыхъ—съ ихъ внучкой—все возится.

— Вездѣ пострѣлъ поспѣетъ,—раздражительно прибавилъ Глѣбъ, замедляясь, какъ бы оправляя свертокъ съ табакомъ:—не люблю я этихъ трутней; бьютъ баклуши, такъ резонёрствуютъ о семейномъ счастьѣ, а втихомолку, чай, сами волокитствуютъ на сторонѣ.

Дуга́новы вошли въ гостиную.

— А у малаго-то вашего уже и зубъ прорѣзывается,—замѣтилъ Спесивцевъ, отдавая нянѣ дитя:—изъ молодыхъ, да ранній.

— Вотъ вамъ свѣжій табакъ,—сказалъ ему Глѣбъ, стараясь придать своему лицу и голосу спокойное выраженіе:—теперь потолкуемъ о нашей печальной авантюрѣ.

Онъ далъ знакъ нянѣ. Та унесла ребенка. Всѣ сѣли къ столу.

— Ваше, Марья Родіоновна, мнѣніе?—спросилъ Спесивцевъ:—извините, Глѣбъ Андреевичъ, начнемъ съ милой барыни; у барынь всегда лучше и тоньше, въ подобныхъ случаяхъ, соображеніе.

Глѣбъ опять поморщился. Ему не понравилось это небрежное обращеніе гостя къ его женѣ.

— Начинай,—сухо сказалъ Глѣбъ женѣ.

— Я думаю...—отвѣтила она и остановилась:—мнѣ кажется, вопросъ слишкомъ серьезный и въ немъ, прежде всего, необходимо твое участіе и содѣйствіе,—обратилась Марй къ мужу.

— Вѣрно, сударыня, вѣрно!—произнесъ, раскуривая трубку, Спесивцевъ:—и такихъ женъ,—простите, Глѣбъ Андреевичъ, за мою откровенность,—я вездѣ и всегда отъ души превозношу. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что въ настоящемъ дѣлѣ вы одинъ могли бы пособить.

— Но чѣмъ же я-то могу здѣсь быть полезенъ, не понимаю?—нѣсколько смягчившись, отвѣтилъ Глѣбъ:—эта купеческая среда, ихъ обычаи, пріемы... я вовсе съ ними не

знакомъ,—притомъ никогда не видѣлъ этого старика Прядышева... Братъ велъ съ нимъ переговоры о займѣ черезъ постороннее лицо.

— Да вѣдь это совершенно просто! ну, вамъ стóитъ только заѣхать къ нему, — сказалъ Спесивцевъ:— ваше положеніе при князѣ, ужъ одинъ вашъ офицерскій мундиръ, помилуйте...

— Мундиръ, мундиръ, — съ неудовольствіемъ опять нахмурился Глѣбъ: — наслышался я объ этихъ сиволапыхъ гордецахъ! много имъ дѣла до насъ...

— Струситъ, — произнесъ Спесивцевъ: — положительно струситъ и, если знаетъ, гдѣ его сынокъ, немедленно выдастъ.

Глѣбъ посмотрѣлъ на жену. Та умоляющимъ взоромъ слѣдила за нимъ.

— Гдѣ они живутъ?—спросилъ Дугáновъ:—гдѣ ихъ заводъ?

— За Рогожскою заставой.

— Подумаю,—если братнина бѣглянка не объявится сама.

Прошло нѣсколько дней послѣ исчезновенія Серафимы. Она не появлялась. Алексѣй сталъ самъ не свой; писалъ и рвалъ наверху какія-то письма или былъ въ непрерывныхъ разъѣздахъ и рѣдко обѣдалъ дома. Къ нему наверхъ, то и дѣло, ходили подозрительныя личности, въ чуйкахъ и армякахъ. Мари думала, что онъ собирается уже въ дорогу и что приходившіе къ нему люди—рядчики изъ ямщиковъ. Оказалось потомъ, что это были сыщики. Алексѣй уговорилъ-таки брата, и тотъ, съ разрѣшенія князя, предпринялъ черезъ полицію тайные розыски о Серафимѣ. Самъ Алексѣй, тѣмъ временемъ, посѣщалъ церкви и монастыри. Сысоевна, разговорясь, наконецъ, внушительно сообщила Мари, что Алексѣй Андреевичъ намедни ѣздилъ къ Неопалимой-Купинѣ, вчера утромъ былъ у Ѳедора Студита, а сегодня, послѣ ранней обѣдни, служилъ молебенъ у Никиты-мученика, и что теперь Господь, уже навѣрное, вразумитъ Серафиму Львовну и она, не нынче-завтра, «безпремѣнно объявится во-свояси». Слѣдовъ Серафимы, однако, нигдѣ не сказывалось, и она не возвращалась домой.

Шла первая недѣля поста.

— Ну, Машенька, займись съ братомъ, развлеки, успокой его!—сказалъ однажды вечеромъ Глѣбъ женѣ:—завтра я ѣду къ Прядышевымъ.

— Такъ ты рѣшился?

— Да, поиски полицiи оказались вполнѣ безуспѣшны.

Марй, съ мольбой и надеждой, взглянула на образъ.

Былъ полдень. Стояла морозная, тихая погода. Глѣбъ, на городскихъ санкахъ, миновалъ Рогожскую заставу и, обогнувъ безконечные огороды, подъѣхалъ къ воротамъ прядышевскаго завода. Хозяинъ оказался дома. Тяжелыя ворота со скрипомъ отворились; Глѣбъ въѣхалъ въ обширный дворъ. Въ рабочихъ деревянныхъ службахъ направо и налѣво слышались звуки молотовъ; густой дымъ валилъ изъ трубы надъ закоптѣлымъ, каменнымъ горномъ, гдѣ плавилась руда. Огромныя сторожевыя собаки злобно лаяли, на цѣпяхъ, у воротъ и у подъѣзда хозяйскихъ хоромъ.

Глѣбъ взошелъ на крыльцо. Изъ сѣней, черезъ переднюю, его ввели въ контору, оттуда, черезъ длинный, узкiй проходъ, въ небольшую, сильно натопленную комнату, съ горшками гераней на окнахъ, съ кроватью, подъ стеганнымъ, изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, одѣяломъ и горою подушекъ, и съ огромнымъ, окованнымъ сундукомъ, возлѣ кiота. Въ комнатѣ пахло мятой; на столѣ пыхтѣлъ самоваръ.

У самовара сидѣлъ самъ хозяинъ, толстый, румяный и лысый, въ мѣховой шубейкѣ и съ повязанной головой, очевидно, только-что пришедшiй изъ бани; а передъ нимъ — тощiй и длинный, старообрядческiй причётникъ, съ клинообразною бородкой, въ черной, бархатной скуфейкѣ и тоже съ краснымъ и лоснящимся лицомъ. Они пили чай. Глѣбъ, изъ-за двери, услышалъ сдержанный, наставительный басъ причётника: «Нонѣ всюду грѣхъ и царство сатаны,—и аще бы чинъ, — даже болѣе ангельскiй»... При видѣ офицера, хозяинъ и его собесѣдникъ встали.

— Савва Ильичъ?—спросилъ Глѣбъ, обращаясь къ Прядышеву.

— Такъ точно-съ,—отвѣтилъ тотъ, подвигая Глѣбу стулъ:— что угодно вашей чести?

— Есть дѣло.

Прядышевъ далъ знакъ своему собесѣднику. Тотъ вышелъ, крякнувъ и сердито поглаживая бороду. Прядышевъ не садился и молчалъ. Глѣбъ, опустясь на стулъ, тоже нѣкоторое время молча смотрѣлъ на него. Отецъ Теодора показался ему моложе, чѣмъ онъ ожидалъ. Сильно, ранѣе времени растолстѣвшiй, Савва Ильичъ, несмотря на свой ко-

роткій ростъ и пухлые, точно обрубленные пальцы, съ перваго раза даже понравился Глѣбу. Его нѣжное и, очевидно, нѣкогда красивое лицо было обрамлено шелковистою, темнорусою бородкой, а сѣрые, задумчивые глаза такъ покорно и кротко смотрѣли па гостя, что Глѣбъ даже подумалъ: «И за что я его такъ винилъ и такъ злился на этого добряка?»

— Вы, разумѣется, догадываетесь, — началъ Глѣбъ: — я пріѣхалъ по дѣлу вашего сына.

— Тэкъ-съ,—сказалъ Прядышевъ, приготовясь слушать.

Глѣбъ сталъ разсказывать. Пока онъ говорилъ, Савва Ильичъ, отеревъ лицо, налилъ ему чаю, придвинулъ ближе банку съ изюмомъ, отлилъ и себѣ изъ чашки на блюдце, взялъ это блюдце на концы обращенныхъ кверху, растопыренныхъ пальцевъ, положилъ въ ротъ изюменку, и, наклонивъ на бокъ голову, молча слушалъ.

Глѣбъ передалъ Прядышеву о томъ, какъ его сынъ познакомился съ нимъ, черезъ Соймоновыхъ, какъ онъ, Глѣбъ, и его семья радушно принимали Теодора и какъ, сверхъ всякаго ожиданія, молодой человѣкъ отблагодарилъ за вниманіе къ нему тѣмъ, что позволилъ себѣ дерзкую и возмутительную выходку.

— Совсѣмъ нестоющій!—замѣтилъ Прядышевъ.

— Онъ сталъ ухаживать,—продолжалъ Глѣбъ, едва сдерживая свое волненіе: — за женой человѣка, далеко не равнаго ему ни по его годамъ, ни по положенію.

— Тэкъ-съ,—вздохнулъ, не поднимая глазъ, Прядышевъ.

— Вашъ сынъ,—произнесъ Глѣбъ:—пользуясь довѣріемъ добраго человѣка, уговорилъ его жену и, какъ вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, тайно ее увезъ...

— Скалдырникъ-шельма! — тряхнулъ головой Прядышевъ:—на то Ѳедька мастеръ!

— Я говорю объ Алексѣѣ Андреевичѣ Дугановѣ,—заключилъ Глѣбъ:—сызранскомъ помѣщикѣ; онъ вамъ извѣстенъ, вы имѣли съ нимъ денежное дѣло.

— По конторѣ,—вставилъ Савва Ильичъ.

— Но этотъ Дугановъ—мой родной братъ,—чуть не крикнулъ, возмущенный хладнокровіемъ слушателя, Глѣбъ.

Прядышевъ снова утеръ себѣ лицо и шею, опрокинулъ чашку на блюдце и отстранилъ ее.

— Мы, ваше высокородіе, — сказалъ онъ съ достоинствомъ: — тутъ не причинны и не защитники сорванцу! Я

и допрежъ того говорилъ своей бабѣ: смотри, Аграфена, попадетесь; да что толку? вывела курка утя, значитъ—не по рангу! А коли-ежели, какъ передъ Богомъ, правду сказать, то можетъ мы и больше терпимъ. Такъ-то-съ... И хотѣлъ бы укусить локоть, да морда коротка. А гдѣ нонѣ Ѳедька, убей Богъ, не знаемъ.

— Въ чемъ вы терпите?—спросилъ Глѣбъ:—говорите прямо,—не понимаю.

Прядышевъ покосился на дверь.

XI.

— Отецъ Никодимъ, — изволили, чай, видѣть тутъ старичка,—произнесъ Прядышевъ:—мы съ нимъ, значитъ, по простотѣ, насчетъ этого грѣха-съ; такъ вонъ онъ что объявилъ... Коли, говоритъ, Ѳедька-окаянникъ не уважилъ Господа нашего Іисуса и пришедшаго нонѣ поста,—нѣтъ, говоритъ, силы, не токма человѣческой, даже ангельской, чтобъ сломить озорника. У него таперича руки не желѣзныя, а золотыя.

— Какія бы руки ни были, вы—отецъ!—отвѣтилъ Глѣбъ:—по вашему приказу,—объявите только, да безъ лукавства и напрямикъ,—васъ послушаютъ вездѣ.

Прядышевъ робко поднялъ глаза на Глѣба.

— Не шутишь, баринъ?

— Какія шутки!

— И коли-ежели, значитъ, къ городничему обращусь, или къ капитанъ-исправнику?

— Всѣ вамъ помогутъ. Повторяю — вы отецъ и право ваше велико. Я служу при князѣ главнокомандующемъ и тоже предупрежу его...

Прядышевъ поднялся и съ секунду нерѣшительно смотрѣлъ на Глѣба.

— Ваше высокородіе!—сказалъ онъ вдругъ, поднявъ руки и падая на колѣни:—не погубите,—знаю, гдѣ Ѳедька... Онъ сманилъ вашу невѣстку, а у меня, собачій сынъ, покралъ казну.

— Что вы говорите?

— Такъ именно-съ, какъ передъ Богомъ! — отвѣтилъ, вставая, Прядышевъ:—я это былъ по дѣлу въ Симоновомъ, а его, хмельнаго,—должно быть, послѣ попойки да картежной игры,—сволокли сюда незнакомые люди. Мать-потворщица спрятала его въ этой горницѣ. А онъ, дыволъ, при-

шелъ въ память, подобралъ ключъ да и вынулъ изъ того вонъ сундука, подъ образами.

— Много взялъ? — спросилъ Глѣбъ.

— Десять тысячъ!—отвѣтилъ Прядышевъ: — всю наличность ограбилъ; хоть бросай дѣло, сраму — навѣкъ!

— Вы заявили полиціи?

— Гдѣ намъ, ваша милость! Люди мы махонькіе... только тягали бы!—проговорилъ, вполголоса и оглядываясь, Савва Ильичъ.

Гость и хозяинъ помолчали.

— Что же вы намѣрены дѣлать? — спросилъ Глѣбъ.

— Сами это взялись за умъ... Женѣ не сказано,—баба дура только плакала бы. Свою полицію отправилъ на развѣдки.

— Какую?

— Есть у насъ вѣрные слуги, литейщики. Только, правду сказать, вездѣ искали, не токмо по знатнымъ гостиницамъ и домамъ,—по всѣмъ постоялымъ и харчевнямъ, гдѣ только Ѳедькѣ былъ притонъ.

— И нашли?

— Напали, то-есть, на слѣдъ.

— Гдѣ же онъ?

Прядышевъ вынулъ платокъ, посмотрѣлъ на него, свернулъ его жгутомъ и еще разъ отеръ имъ затылокъ и подбородокъ. Онъ хотѣлъ говорить и затруднялся.

— Что же вы молчите?—спросилъ Глѣбъ.

— Ваше высокородіе, скажу, не утаю! — отвѣтилъ, кланяясь, Прядышевъ: — одинъ сперва уговоръ.

— Какой? говорите, слушаю.

— Готовъ ѣхать, разыскивать, ну, ничего не пожалѣю; только ваша-то милость воспоможете ли мнѣ? что безъ васъ! одна будетъ трата казны и труда!

Глѣбъ подумалъ.

— Далеко ли? — спросилъ онъ.

— Не близкій свѣтъ; надо было гультяямъ спрятать концы. Верстъ за шестьсотъ будетъ, а то и далѣе.

— Гдѣ же это? въ Петербургъ уѣхали, или въ Нижній?

— Не примите во гнѣвъ, — отвѣтилъ, снова кланяясь, Савва Ильичъ: — опосля все доложу-съ.

— Хорошо, — сказалъ Глѣбъ:— надо взять отпускъ; надѣюсь, князь не откажетъ; завтра буду къ вашимъ услугамъ.

— Въ такомъ разѣ, дайте знать, — заключилъ Пряды-

шевъ: — только, ваше высокородіе, въ тайности держите, лиха выйдетъ бѣда, коли кто узнаетъ. А мы все изготовимъ и тихо выѣдемъ, какъ бы, такъ сказать, по дѣлу... Да оно и кстати; колоколъ на Симоновъ отлили и вчерась отправили, — начальству, молъ, надо будетъ, по заведенному показать.

«Дѣло, кажется, слажено, — разсуждалъ Глѣбъ, возвращаясь съ завода Прядышева домой: — и этотъ купчина правъ; ѣхать ему одному какая польза? Если онъ и уговоритъ сына оставить Серафиму и возвратиться домой, что̀ станетъ съ нею на чужой, незнакомой ей сторонѣ?»

Въ условленное время Глѣбъ получилъ отпускъ и доброе напутствіе отъ князя, которому онъ еще прежде все разсказалъ о событіи въ семьѣ брата, и снова поѣхалъ на прядышевскій заводъ.

— Смотри же, Глѣбушка, — говорилъ ему на разставаньѣ Алексѣй: — когда вы ихъ найдете... то главное — не горячись!.. ахъ, я тебя знаю, не горячись! Ну, вѣдь ты вспыльчивъ иногда, а съ женщинами высокомѣренъ и сухъ... такъ нельзя! не смѣйся, вѣдь онѣ жалкія, слабыя существа... дай мнѣ слово!

Простившись съ братомъ, Глѣбъ обнялъ жену и сказалъ:

— На заводѣ Прядышева, въ послѣдніе дни, усиленно работали; вотъ, Маша, тебѣ и предлогъ избавиться отъ лишнихъ разспросовъ. Скажи, что все это выдумки и вздоръ; льютъ, молъ, у Прядышевыхъ колокола; оттого, по повѣрью, столько въ городѣ и басенъ. Ну, что-нибудь въ этомъ родѣ.

Прядышевъ, встрѣтивъ Глѣба, предложилъ ему закусить на дорогу и, когда все было готово къ отъѣзду, они вышли на дворъ. Къ крыльцу подали широкую, на полозьяхъ, кибитку, запряженную тройкой, съ рогожанымъ верхомъ и нагруженную сѣномъ и подушками. Возлѣ кибитки стояли два рослыхъ и широкоплечихъ литейщика, въ бараньихъ полушубкахъ, перетянутыхъ ремеными кушаками, и съ шапками въ рукахъ. Прядышевъ, — въ волчьемъ балахонѣ и валенкахъ, и Глѣбъ, — въ медвѣжьей шубѣ и въ теплыхъ сапогахъ, — взобрались на подушки, подъ мѣховую полость. Литейщики усѣлись на ко̀злы съ ямщикомъ. — «Въ Симоновъ!» — объявилъ ямщику Прядышевъ, кланяясь провожавшимъ его домашнимъ. Кибитка выѣхала за ворота.

— Такъ-то, ваша честь, будетъ понадежнѣе!—произнесъ вполголоса Прядышевъ, указывая Глѣбу на плотныя спины литейщиковъ, сидѣвшихъ на козлахъ.

Кибитка, выбравшись на дорогу, направилась къ Симонову.

— Держи направо, на серпуховскій большакъ,—сказалъ ямщику Прядышевъ.

Литейщики переглянулись и только повели плечами.

Тройка понеслась по большой дорогѣ. Въ Подольскѣ перемѣнили лошадей. Проѣхали Серпуховъ и къ вечеру слѣдующаго дня были въ Тулѣ, гдѣ и ночевали. Прядышевъ вездѣ посылалъ на развѣдки литейщиковъ. Въ Тулѣ онъ самъ куда-то уходилъ и возвратился поздно вечеромъ. Заснувъ сильно не въ духѣ, онъ нѣсколько разъ ночью пробуждался, вздыхалъ и бормоталъ какъ бы молитву.

— Что, вамъ нездоровится? — спросилъ его изъ своей комнаты Глѣбъ.

— Да, должно, отъ этой самой капусты... да и масло у нихъ, не тово!

За утреннимъ чаемъ путники разговорились.

— Сгинулъ треклятый и отселева, — объявилъ о сынѣ Прядышевъ, тряся головой.

— Развѣ онъ былъ здѣсь?

— Былъ... сорилъ деньгами, какъ бѣшеный, и уѣхалъ.

— Давно ли?

— Два дня тутъ куражился; пилъ еще отъ Подольска.

— Гдѣ стоялъ?

— У Трёшнина; нашъ тоже купеческій сынъ и прежде съ нимъ загуливалъ въ Москвѣ. Ужъ и семейный теперь, а передерживалъ такую, сказать, мразь!

— И Серафима Львовна съ нимъ была? — нерѣшительно спросилъ Глѣбъ.

— На станціи оставалась; разглядѣла гуся, видно, па пути, не подпускала его.

— Гдѣ же они теперь? Уѣхали?

Прядышевъ возвелъ глаза къ потолку.

— Быдто на богомолье,—сказалъ онъ, разставивъ руки:— въ Кіевъ поѣхали, и онъ, быдто, къ слову ей проводникъ... А ужъ какое богомолье! Тамъ, сказываютъ, всю зиму польское веселье, цыгане, ахтеры, гульба! И далъ же Господь такую кару, смертный стыдъ! Повѣсить мало этого пса! Оттоль быдто за границу.

Путники снова пустились въ дорогу, свернули на Калугу и, мѣняя то сдаточныхъ, то почтовыхъ, на пятыя сутки достигли Кіева. Прядышевъ и его литейщики снова пустились на поиски блуднаго сына. Но ни въ первый, ни во второй день они о немъ ничего не узнали. Глѣбъ началъ терять терпѣніе. Ему казалось, что хлопоты его и Прядышева не приведутъ ни къ чему, что бѣглецы, имѣя большія средства, навѣрное уже не здѣсь, а ушли за границу. На третій день Прядышевъ возвратился съ развѣдокъ весь разбитый и еще болѣе сумрачный. При взглядѣ на него, Глѣбъ подумалъ: «Ну, дѣло окончательно потеряно, надо ѣхать назадъ!»

— Отыскался окаянникъ! — сказалъ Прядышевъ, усѣвшись и бросая на столъ шапку.

— Неужели нашли?

— Накрылъ, да чтò съ того толку?

— Какъ чтò? Это и было нужно.

Прядышевъ безнадежно опустилъ голову.

— Промоталъ, собачій сынъ, — сказалъ онъ: — а больше того, должно прямо проигралъ всѣ захваченныя деньги разнымъ шулерамъ! Въ Тулѣ рѣзался на постояломъ, а тутъ уже дернулъ во вся нелегкія! Натолкнулись они здѣсь, при въѣздѣ, на гурьбу саней съ цыганами, чтò пѣли это у насъ въ Москвѣ. Безпутный узналъ между ними Лушу; вызвался барыню угостить ихъ пѣніемъ, да въ таборѣ ихъ и застрялъ; пьетъ, безъ просыпу, шестой день.

— А Серафима Львовна, гдѣ она? — спросилъ Глѣбъ.

Прядышевъ разсѣянно-мутнымъ взоромъ взглянулъ на него, какъ бы не понявъ обращеннаго къ нему вопроса. Онъ гдѣ-то и кого-то, въ розыскахъ, очевидно, угощалъ и самъ, вѣроятно, съ горя, тоже выпилъ.

— И шутъ его знаетъ, — продолжалъ онъ, путаясь языкомъ и скидая съ себя, почему-то, кафтанъ и жилетъ: — ну, въ кого уродился? То-есть, вотъ въ труху стеръ бы, да стòитъ ли теперича руки марать?

— Какъ стòитъ ли? — чуть не вскрикнулъ Глѣбъ: — жена моего брата... вы же думаете только о себѣ.

— Ахъ, ваше высокородіе, — слезливо проговорилъ Прядышевъ, отирая глаза: — убилъ, осрамилъ въ конецъ. Подсылалъ я къ нему, и людей тоже спрашивалъ, гдѣ эта барыня?.. Скрылъ, шибеникъ, не говоритъ.

XII.

Въ это время въ комнату вошелъ старшій изъ провожатыхъ Прядышева. Нагнувшись къ хозяину, онъ сказалъ ему что-то на ухо.

— Какъ? — вскрикнулъ Прядышевъ: — и теперь у Пантюшки? да еще при капиталѣ? Извозчика!

Онъ наскоро опять одѣлся, позвалъ и второго литейщика, накинулъ на себя шубу и предложилъ Глѣбу ѣхать съ собой.

— Ну, ужъ теперь — помогите только, ваша милость, — признается Ѳедька, укажетъ все.

Глѣбъ и Прядышевъ отправились на Подолъ; литейщики провожали ихъ на другомъ извозчикѣ. По пути они заѣхали въ полицію, гдѣ, при содѣйствіи Глѣба, Прядышеву дали въ помощь квартальнаго поручика. Миновали городъ; потянулись переулки предмѣстья.

— Здѣсь, — объявилъ ѣхавшій на переднихъ саняхъ полицейскій, указывая Прядышеву большой, подъ тесовой крышей, домъ съ закрытыми ставнями.

Вечерѣло. Домъ, у котораго путники остановились, стоялъ за небольшимъ палисадникомъ, у окраины огороженнаго пустыря. Въ немъ, какъ объяснилъ Глѣбу полицейскій, съ начала масляной, помѣщался цыганскій хоръ Пантюшки, и сюда, каждый вечеръ, съѣзжались горожане и посторонніе гости, выпить цымлянскаго или польской запеканки, послушать пѣніе и посмотрѣть на пляску цыганъ. Главною приманкой посѣтителей слыла красавица Луша.

Путники постучались въ дверь дома. Удивленные раннимъ заѣздомъ гостей, цыгане нѣкоторое время не отворяли. На новый стукъ у крыльца, изъ-за угла выглянулъ кто-то, съ длинными усами. Завидѣвъ полицейскаго, онъ что-то гортанною рѣчью сердито сказалъ товарищу, стоявшему за нимъ, и скрылся. Черезъ минуту дверь снова отворилась. На ея порогѣ показался сѣдой и плотный, въ пестромъ архалукѣ и въ желтыхъ, мягкихъ туфляхъ, цыганъ; то былъ самъ содержатель хора, Пантюшка.

— Не прибрано у насъ, извините, — сказалъ онъ, поклонами приглашая гостей въ домъ.

Пріѣхавшіе вошли въ пріемную. Откуда-то неслись звуки гитары и пѣніе. Изъ внутреннихъ комнатъ, справа и слѣва, выглянули смуглыя, съ желтизной въ черныхъ глазахъ, лица заспанныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, бывшихъ еще въ утреннемъ,

домашнемъ нарядѣ. Звуки гитары вдругъ смолкли. За дверьми слышались смущенные возгласы. Прядышевъ, шедшій впереди, за полицейскимъ, остановился, съ секунду помолчалъ и обратился къ Глѣбу:

— Тутъ силкомъ ничего не сдѣлать, — сказалъ онъ ему вполголоса: — померекайте съ полицейскимъ, а я вотъ на иной ладъ съ Пантюшкой.

Онъ отвелъ стараго цыгана въ сторону, сталъ спиною къ прочимъ, вынулъ увѣсистую кису и началъ что-то шопотомъ объяснять Пантюшкѣ. Онъ тяжело дышалъ. Потъ крупными каплями падалъ съ его лица.

— Ѳедька Прядышевъ здѣсь,—говорилъ онъ:—и не упирайся... Знаешь колокольный заводъ, подъ Москвой, за Рогожской? Знаешь, ну, ладно! А я отецъ Ѳедьки... Говори, гдѣ онъ?

Пантюшка покосился на Глѣба Андреевича.

— Это кто?—спросилъ онъ, указывая на Глѣба.

— Въ адъютантахъ при московскомъ главнокомандующемъ, а Ѳедька покралъ у него золовку.

Цыганъ задумался. Онъ уже достаточно поживился отъ Теодора и даже прямо спряталъ часть его денегъ.

— Бери, Пантюшка, и Богъ съ тобой! — сказалъ Савва Ильичъ, подавая ему изъ кисы: — только по душѣ все говори и укажи.

Цыганъ нагнулся къ нему бокомъ, принялъ отъ него подачку и, сунувъ ее въ карманъ шароваръ, подошелъ къ полицейскому.

— Ваше благородіе,—сказалъ онъ, кланяясь:—у насъ съ вечера, значитъ, загулялъ гость; не гнать было, по морозу, со двора. А это, полагать надо, ихъ тятенька... Мы съ удовольствіемъ... не угодно ли, господа?

Пантюшка отворилъ дверь во внутреннія комнаты. Савва Ильичъ пошелъ за нимъ. Глѣбъ остался съ полицейскимъ. Черезъ минуту изъ дальней комнаты послышался окрикъ Прядышева: «Митричъ! Елисѣй!» Туда, черезъ черное крыльцо, вошли литейщики. Цыганъ, подведя Прядышева и его провожатыхъ къ полутемной, окнами выходившей во дворъ, боковушкѣ, остановился.—«Здѣсь!»—сказалъ онъ. Пришедшіе ступили за дверь. Въ комнатѣ, на кожаномъ диванѣ, лежало что-то неподвижное и длинное. Савва Ильичъ узналъ въ немъ своего бѣглеца.

Непроспавшійся съ ночной попойки, Теодоръ лежалъ, какъ былъ съ вечера, въ щегольскомъ, французскомъ кафтанѣ, изъ розоваго шелка, съ блестками, въ такомъ же камзолѣ и узорныхъ, со стрѣлами, чулкахъ. Его напудренные волосы, съ развившеюся косой, въ безпорядкѣ свѣшивались съ подушки. На отодвинутомъ отъ кровати столѣ были разбросаны карты, стояли съ догорѣвшими свѣчами подсвѣчники и недопитые бутылки и стаканы вина. По комнатѣ валялись пробки, конфетныя бумажки, табачный и всякій соръ. На стулѣ лежала брошенная гитара, увитая лентами. — «Лушка, это она!» — подумалъ Прядышевъ, снимая гитару и садясь возлѣ сына на стулъ.

Онъ тронулъ его за плечо, тотъ не шевелился; назвалъ его по имени, сталъ дергать за руки, за ноги, — тотъ лежалъ, какъ не живой.

— Ушатъ воды! — сказалъ Савва Ильичъ: — да мотри, ребята, похолоднѣй.

— Ваше степенство, — позволилъ себѣ замѣтить старшій изъ литейщиковъ:—не погнѣвалась бы Аграфена Марковна.

— Я тебѣ тутъ сказъ, не она!

— Не было бы какой обиды,—вмѣшался также цыганъ.

— Не твоя голова въ отвѣтѣ, моя! — отвѣтилъ Прядышевъ:—а ты, Пантюха, тащи сюда его шубу, шапку и прочее, коли цѣлы.

Цыганъ крикнулъ за дверь своимъ. Тѣ принесли шубу и шапку Ѳедора. Прядышевъ сталъ осматривать карманы сына; въ одномъ оказалась женская перчатка, въ другомъ—горсть серебряныхъ и двѣ золотыхъ монеты.

— Только-то!—сказалъ Савва Ильичъ, укоризненно качая головою Пантюшкѣ:—экую казну, дьяволъ, скопытилъ.

— Громъ побей! Землю буду ѣсть, больше и не было!— божился и крестился цыганъ, вспоминая немалый кушъ, переложенный изъ кармановъ Теодора въ свой сундукъ.

— Десять тысячъ слопалъ! Разбойники!—повторялъ Прядышевъ, глядя сквозь слезы на остатокъ сыновней казны, который онъ держалъ на ладони:—открой, Пантелѣй, можетъ знаешь, гдѣ что припрятано?.. Подѣлюсь!

— Лопни глаза, сказалъ бы! — клялся Пантюшка, кланяясь и цѣлуя полы кафтана Прядышева: — угрѣли гусары въ карты, убей Богъ, гусары...

Савва Ильичъ утеръ слезы кулакомъ и сунулъ найденныя деньги цыгану.

— Лушкѣ! Ей, урвȧнъ-ехидницѣ!—сказалъ онъ, махнувъ рукой: — эка козырь дѣвка! барынь даже стала отбивать... А теперича давай ножницы!—прибавилъ Прядышевъ, засучивъ рукава.

— На что̀ тебѣ?

— Увидишь...

Цыганъ принесъ ножницы. Въ сѣняхъ послышались шаги литейщиковъ, тащившихъ съ надворья ушатъ воды.

— Слушай, Пантюша, — сказалъ Савва Ильичъ, въ свой чередъ кланяясь цыгану:—уйди, сдѣлай милость! не мозоль глазъ! что̀ тебѣ глядѣть на экое горе и стыдъ?

— Не ввели бы малаго въ какой изъянъ?

— Что ты? да развѣ я ему не отецъ? вотъ те крестъ!— сказалъ, крестясь, Прядышевъ:—свое дѣтище, не искалѣчу!

Цыганъ вышелъ за дверь.

— Ну, ребята, теперь слушать, что̀ скажу! — обратился Прядышевъ къ литейщикамъ:—брызни ему въ рыло.

Тѣ брызнули. Ѳедоръ слегка зашевелился.

— Заноси, валяй!—объявилъ Прядышевъ.

Литейщики подняли ушатъ и, съ розмаха, окатили имъ спавшаго хозяйскаго сына. Ѳедоръ дико вскрикнулъ, вскочилъ и, какъ безумный, бросился-было бѣжать, но увидѣлъ передъ собой отца и въ ужасѣ присѣлъ на кровать.

Митричъ и Елисѣй связали его поясами по рукамъ и ногамъ. Прибѣжавшій на крикъ Пантюшка увидѣлъ, что Ѳедоръ сидитъ уже среди комнаты, на стулѣ, литейщики придерживаютъ его за плечи, а Савва Ильичъ, отрѣзавъ сыну косу, подстригаетъ въ скобку остатки его мокрыхъ, напудренныхъ волосъ.

— Былъ лѣпокудрый Авессаломъ, ходилъ, какъ картинка, соблазнялъ барынь и дѣвокъ-пѣвицъ!—приговаривалъ, щелкая ножницами, красный отъ волненія, Прядышевъ:—быть тебѣ опять Ѳедькой-мужикомъ, походить въ посконномъ зипунѣ, поработать отцу!

Цыганъ ушелъ сообщить Глѣбу о видѣнномъ. Вскорѣ за нимъ возвратился и Прядышевъ.

— Ваша милость, простите за все, —сказалъ онъ, отведя Глѣба въ сторону:—надѣлали мы, окаянники, вамъ хлопотъ.

— А братнина жена?—спросилъ Глѣбъ.

— Допытался у изверга!—отвѣтилъ Прядышевъ:—бросила его, чуть пріѣхала сюда... раскусила, сердечная, этакаго хама! и часу съ нимъ не осталась въ гостиницѣ.

— Гдѣ же она?

— Возлѣ Лавры, у вдовы-дьяконицы пріютилась; спросите домъ Михѣевой.

Провожаемый Пантюшкой, Глѣбъ вышелъ на крыльцо, спросилъ извозчика, знаетъ ли онъ домъ Михѣевой и какъ туда добраться, и велѣлъ ѣхать къ Лаврѣ. На углу ближайшаго переулка его обогнали двое саней. Въ однѣхъ сидѣли старикъ Прядышевъ и полицейскій, въ другихъ—литейщики, державшіе на колѣняхъ закутаннаго въ шубу Ѳедора. Послѣдній, вырываясь изъ ихъ объятій, повторялъ всхлипывая: «Прощай, упоительница! богиня! гибну, прощай навѣкъ!» На поворотѣ къ Крещатику онъ оглянулся и узналъ Глѣба. Рванувшись еще сильнѣе, онъ что-то озлобленно закричалъ. Глѣбъ разслышалъ только: «уважилъ, мерси! не будь живъ, попомню!..»

Сани мчались къ Лаврѣ. Показались верхи церквей, каменныя стѣны. У взгорья, надъ обрывомъ, стало видно нѣсколько домишекъ. Вдова Михѣева, у которой стояла Серафима, была просвирней. Молодая стряпуха, съ засученными рукавами и съ лицомъ, испачканнымъ мукой, провела Глѣба изъ сѣней въ чистую комнату, съ запахомъ свѣже-испеченнаго хлѣба.

— Вамъ матушку?—обратилась она къ Глѣбу.

— Да, побезпокойте.

XIII.

Изъ-за двери выглянула высокая, тощая старуха, въ мѣховой безрукавкѣ, повязанная чернымъ платкомъ.

— Просвирокъ, батюшка?—спросила она, кашляя и придерживая дверь.

— Дѣло, матушка, къ вамъ,—отвѣтилъ Глѣбъ:—здѣсь ли стоитъ Серафима Львовна Дуга̀нова?

— Вамъ, сударь, зачѣмъ?

— Скажите ей,—братъ ея мужа желаетъ видѣть ее.

Дьяконица недовѣрчиво взглянула на Глѣба, пошла и опять возвратилась къ нему.

— По правдѣ, сударь, говорите?—спросила она, не отходя отъ двери.

— Горе, матушка, тяжкое горе,—сказалъ Глѣбъ:—все ли объяснила вамъ ваша постоялка?

— И не говорите!—отвѣтила, озираясь, старуха.

Она указала гостю стулъ и сама сѣла возлѣ него.

— Какъ она у васъ очутилась?—спросилъ Глѣбъ.

— Увидѣла я ее въ церкви,—начала дьяконица:—молится, примѣчаю, необычно; упадетъ на колѣни, глядитъ на Пречистую, а слезы такъ и льются. Сталъ народъ подходить ко кресту; гляжу, гдѣ моя сердечная? а она припала въ уголку, гдѣ молилась, и лежитъ ничкомъ, какъ неживая. Я къ ней, она безъ гласа. Подняли мы ее, привели въ чувство. Гдѣ, сударыня, спрашиваю, живете и кто вы? Ни слова, смотритъ только на меня.

Дьяконица помолчала.

— Всякія бываютъ злосчастныя,—продолжала она:—что тутъ допытываться? отвела я ее сюда, да вотъ почти недѣлю и храню ее, Господь съ нею. Не спитъ, не ѣстъ... Вы бы, говорю, сходили къ начальству, или къ судящимъ; можетъ, что и посовѣтовали бы. Не идетъ, убивается, плачетъ.

— Говорила ли она что о себѣ?

— Не открыла, упорна.

— Что̀ же, полагаете, въ мысляхъ у нея?

— Ужъ очень ожесточилась. Какъ привела я ее сюда,—по васъ видно, говорю, не простая вы,—можетъ, какія вещи гдѣ оставили, послали бы подобрать? Она такъ и затряслась,—ничего, говоритъ, мнѣ теперь не надо; я пропала и всему, видно, конецъ!

— Помогите,—сказалъ Глѣбъ:—надо ее вывезти отсюда поскорѣй!

— Куда?—съ удивленіемъ спросила дьяконица.

— Къ мужу, къ дѣтямъ, въ родную семью.

— Такъ она и впрямь замужняя?

— Да, и мой братъ такой любящій, добрый: онъ все забудетъ, они примирятся.

Старуха сомнительно покачала головой.

— Богъ васъ разберетъ, — сказала она въ раздумьѣ: — только не о томъ, кажись, ея мысли; а впрочемъ, пойду, доложу.

Она ушла.

Глѣбъ, разглядывая снѣжный пустырь, стлавшійся передъ окнами убогаго домишки, думалъ: «Бѣдная Серафима! жал-

кая, заблудшая овца... Не смѣетъ и думать о прощеніи, — а я ей именно и привезъ его... вотъ обрадуется!»

За спиной Глѣба скрипнула половица. Онъ оглянулся; передъ нимъ стояла Серафима. Но какъ она измѣнилась! Глѣбъ, съ перваго взгляда, не узналъ ея. Куда дѣвалась сіяющая торжествомъ, миловидная и веселая вѣтреница, въ костюмѣ испанской пастушки, какою Глѣбъ, въ послѣдній разъ, видѣлъ ее, среди грома рукоплесканій, на подмосткахъ соймоновскаго театра? Передъ нимъ, съ скрещенными на груди руками, въ измятомъ дорожномъ капотѣ и съ пучкомъ кое-какъ подобранныхъ волосъ, стояла исхудалая и блѣдная тѣнь Серафимы. Ея глаза смотрѣли озлобленно.

— Вы зачѣмъ здѣсь?—спросила она, едва кивнувъ головой на привѣтъ Глѣба: — посмотрѣть на мое посрамленіе, позоръ? Что же, глядите! вотъ я—передъ вами.

— Сестра, дорогая, одумайтесь! кто Богу не грѣшенъ? братъ забудетъ все...

— Грѣшенъ? Ѣхать съ вами, возвратиться домой?

— Да.

— И вы думаете, что это, послѣ всего, возможно?

— Да, разумѣется... Клянусь вамъ, братъ смягчится, проститъ... знайте, наконецъ, — прибавилъ Глѣбъ: — онъ вамъ все простилъ!

— Простилъ?—страннымъ голосомъ спросила Серафима:— и это онъ, онъ уполномочилъ мнѣ объявить?

— Да, да!—твердилъ Глѣбъ:—вамъ остается только благодарить Бога и ѣхать со мной. Ѣдемъ, дорогая сестра, ѣдемъ...

Серафима ухватилась за сердце. Ея блѣдныя губы беззвучно двигались.

— Какая пытка!—вскрикнула она, всплеснувъ руками:— простилъ! да я-то простила ли его? какъ? четыре года каторги, въ трущобѣ, въ дикой глуши? А думалъ ли, соображалъ ли онъ, въ эти годы, что тамъ, въ той норѣ, рядомъ съ нимъ и съ его важными дѣлами, глохнетъ любившее его, молодое существо? Думалъ ли, что этому существу хочется жить?

— Но братъ, извините, — возразилъ Глѣбъ: — не сидѣлъ сложа руки; онъ заботился о вашемъ же достояніи.

— Будь оно проклято, это достояніе!—кричала Серафима, ходя по комнатѣ и ломая руки: — молодая женщина, — ну, легкомысленный, если хотите, вѣтреный ребенокъ,—жаждала

свѣта, веселья, забавъ,—а ее держали въ четырехъ стѣнахъ деревенской тюрьмы. Она стремилась, хоть на короткое время, вздохнуть въ обществѣ, порядиться, быть въ театрѣ, на вечерахъ,—ну, забыться, поплясать,—а вашъ братъ все откладывалъ,—дѣла, видите ли, плохи, денегъ нѣтъ... и довелъ... а теперь великодушно прощаетъ!

— Но, сестра, вѣдь дѣйствительно братъ былъ крайне стѣсненъ,—замѣтилъ Глѣбъ.

Серафима взглянула на него и опять ухватилась за сердце.

— Да, я грѣшница,— сказала она: — великая грѣшница, передъ Богомъ и людьми; измѣнила, скажутъ, мужу и нѣтъ мнѣ прощенія во вѣкъ. Наказана, дескать, по заслугамъ; ослѣпилъ Господь и не далъ тутъ же умереть, чтобъ казнилась вѣчно... Но я ни у кого не прошу прощенія и не принимаю его! Возвращайтесь домой; я съ вами не поѣду. Нѣтъ у меня болѣе ни мужа, ни семьи, ни родныхъ. Оправдываться не намѣрена! обвиняйте на всѣхъ перекрёсткахъ...

— Но ваши дѣти... вспомните о нихъ!

— Ахъ, оставьте меня, Глѣбъ Андреевичъ! я все вамъ сказала. Не приходите болѣе, не терзайте меня. Это мое окончательное рѣшеніе. Простилъ, ха-ха! благодарю!

Серафима зарыдала, бросилась къ двери и остановилась.

— Что же до дѣтей,— сказала она, оглянувшись:—пусть и они скорѣе меня забудутъ... какая я имъ мать? добра же я ихъ не трону, успокойтесь,—оно будетъ цѣло.

«Нѣтъ, это невозможно,— думалъ Глѣбъ, возвращаясь въ городъ,—она не въ своемъ умѣ. Надо принять мѣры, вразумить ее, обратиться къ опытнымъ врачамъ».

Глѣбъ вспомнилъ при этомъ о Спесивцевѣ. — «Недурной медикъ, находчивъ и уменъ,—размышлялъ онъ, но мало вселялъ довѣрія... О, этотъ навѣрное придумалъ бы выходъ...»

На постояломъ Глѣбъ уже не засталъ Прядышева.

— Савва Ильичъ,— сказалъ ему, на его разспросы, половой:—извиняются, что не дождались вашей милости.

— Гдѣ же онъ?

— Крѣпко шумѣлъ и буянилъ ихъ сынъ. Они одѣли его въ простую, какъ есть, одёжу,— ихній Митричъ на рынкѣ купилъ, — послали за почтовыми, да такъ его, сердечнаго, связаннаго, какъ теленка, и повезли.

Дугановъ еще разъ навѣстилъ Серафиму. Она не приняла

его. Глѣбъ вручилъ дьяконицѣ свертокъ денегъ, сказавъ, что это на необходимыя издержки для его родственницы, и предупредилъ, что видѣлся съ рекомендованнымъ ему врачемъ и что завтра тотъ явится къ ея услугамъ. Утромъ слѣдующаго дня Глѣбу принесли оставленныя имъ деньги обратно, съ запиской Серафимы, гдѣ та извѣщала его, что если она, въ день пріѣзда въ Кіевъ, промѣняла лучшую гостиницу на уголъ у бѣдной просвирни, то это еще не доказываетъ, чтобы она нуждалась,—у нея есть свои средства, взятыя изъ дому; будучи же совершенно здоровою, она благодаритъ за заботы и проситъ одного одолженія,—оставить ее въ покоѣ.—Глѣбъ, въ тотъ же день, уѣхалъ обратно въ Москву.

— Нѣтъ, это не женщина, демонъ,—сказалъ онъ Марй, возвратясь домой и, съ чувствомъ горькой досады и негодованія, передавая ей о неудачной поѣздкѣ въ Кіевъ и о свиданіи съ Серафимой:—не она оказалась виновною и подсудимою, а мы... Богъ съ нею! надо подготовить, убѣдить брата... Онъ долженъ, обязанъ забыть это бездушное, злое существо.

Разсказъ Глѣба произвелъ на Марй удручающее впечатлѣніе. Что же до Алексѣя, то онъ слова брата о жестокомъ и безповоротномъ рѣшеніи его жены принялъ съ полною покорностью волѣ Провидѣнія. Какъ ни старался Глѣбъ смягчить свой разсказъ, Алексѣй чутьемъ угадалъ и взвѣсилъ все недосказанное и прикрытое, изъ расположенія и жалости къ нему.—«Да, испытаніе, кара Божья!—твердилъ онъ: — Господь ее разсудитъ!» — Пробывъ въ Москвѣ еще нѣкоторое время, онъ, попрежнему, посѣщалъ храмы, на средо-крестной недѣлѣ отговѣлъ и рѣшился ѣхать въ деревню, но вдругъ наставшая распутица опять помѣшала ему. Алексѣй отложилъ поѣздку до конца поста, чтобы Пасху встрѣтить съ дѣтьми, о которыхъ ему изъ деревни писалъ сосѣдъ. Въ первый день страстной недѣли Глѣбъ и Марй съ нимъ простились.

— Ахъ да, я и забылъ тебѣ сообщить,—сказалъ Алексѣй, на разставаньѣ, брату: — моя-то благовѣрная чудачка... что̀ сдѣлала?.. Узнала, вѣроятно, что я еще въ Москвѣ, и, какъ бы ты думалъ, чѣмъ озадачила снова? выслала, представь, изъ кіевскаго суда, мнѣ дарственную на Горки.

— Чѣмъ же чудачка? — отвѣтилъ Глѣбъ: — во-первыхъ, Горки — не родовая у нихъ вотчина, и во-вторыхъ, ты ее,

разумѣется, сбережешь... Лучше оставить дѣтямъ, чѣмъ прокутить съ любовниками.

Этотъ рѣзкій, сухой отвѣтъ Глѣба болѣзненно отозвался въ душѣ Алексѣя. Онъ хотѣлъ возражать и не нашелъ словъ. Деревня не выходила изъ его головы; онъ самъ уложилъ въ чемоданы бѣлье, платье, игрушки дѣтямъ, нѣсколько книгъ по хозяйству и томъ Четій-Миней, мечтая хоть въ нихъ найти успокоеніе.

Вечеромъ, наканунѣ его отъѣзда, всѣ по обыкновенію пили чай, въ кругу немногихъ, общихъ знакомыхъ. Здѣсь былъ и Спесивцевъ. Онъ, за чайнымъ столомъ, игралъ съ Алексѣемъ въ шахматы. Алексѣй то мрачно молчалъ, то какъ-то порывисто становился веселъ, шутилъ и даже острилъ,—королеву звалъ—«зазнобушкой», короля—«Пантюшкой», пѣшекъ—«Ѳединькой».

— А что, въ самомъ дѣлѣ,—спросилъ Спесивцевъ:—гдѣ нашъ этотъ рыцарь блѣднаго образа, Теодоръ?

— Имѣю свѣдѣнія, — отвѣтилъ Глѣбъ: — отецъ привезъ его на заводъ, собралъ рабочихъ, далъ ему вдоволь лозановъ и поставилъ, подъ строгій надзоръ, въ рядовые литейщики.

Всѣ промолчали на эту вѣсть; Алексѣй, двинувъ шашечницу, разразился громкимъ, судорожнымъ хохотомъ.

— Вотъ такъ купчина!—заливался онъ, отирая слезы:—ай да молодецъ! ха-ха! лозановъ... парижскому пети-метру! надоумилъ, по старому обычаю поучилъ.

Смѣялся ли, плакалъ ли Алексѣй, трудно было разобрать. Мари же, на другой день, не могла безъ слезъ смотрѣть на него, когда онъ, какъ-то сиротливо и одиноко, сгорбившись, сѣлъ въ тотъ самый возокъ, въ которомъ еще такъ недавно съ Серафимой пріѣхалъ въ Москву, какъ выразился тогда: «людей посмотрѣть и себя показать».—«Боже! неужели скоро увижу Горки, дѣтей?—думалъ Алексѣй, вырвавшись наконецъ изъ Москвы,—а она-то, она?»

XIV.

Тяжелое время пережила Мари, вслѣдствіе всего, что соединилось съ неожиданнымъ побѣгомъ Серафимы и ея невѣроятною рѣшимостью—болѣе не возвращаться въ свою семью. Это обсуждалось между близкими бѣглянки на тысячу ладовъ. Мари болѣе всѣхъ терялась въ догадкахъ. Она пыталась-было писать Серафимѣ въ Кіевъ и послала

ей туда, въ мартѣ и въ апрѣлѣ, нѣсколько писемъ, адресуя ихъ въ домъ дьяконицы Михѣевой, но отвѣта ни на одно не получила. Теряясь въ соображеніяхъ, гдѣ она и что съ нею, Мари́ хотѣла-было, подъ видомъ богомолья, и сама съѣздить въ Кіевъ, чтобы тамъ подробнѣе все узнать о Серафимѣ, но мужъ возсталъ противъ этого. — «Не срамись, — сказалъ онъ ей: — видишь, какая она стала; ну, охота вязаться съ низкою, совсѣмъ потерянною женщиной! Братъ теперь спасенъ! онъ рожденъ для деревни, она—его воздухъ, его жизнь, и, вѣрь, тамъ онъ окончательно забудетъ эту тварь!»

Какъ ни разсуждалъ и ни доказывалъ Глѣбъ, Мари́ было жаль золовки. Она старалась убѣдить себя, что Серафима вовсе не такъ испорчена въ душѣ, какъ это могло казаться другимъ, и что здѣсь на нее просто нашло какое-то, непонятное на взглядъ другихъ, роковое затменіе. Ея добрыя мысли о Серафимѣ не находили себѣ, однако, ни въ чемъ подтвержденія.

Съ перваго года женитьбы Глѣба и Мари́, съ ними велъ дружескую переписку одинъ небогатый саратовскій помѣщикъ-старичокъ, сосѣдъ Алексѣя, Сила Ѳомичъ Травкинъ. Алексѣй и Глѣбъ вообще были чужды литературѣ, Алексѣй же не долюбливалъ и вообще писанія, а Сила Ѳомичъ, — напротивъ, — при всей скудости личныхъ средствъ, былъ весьма начитанъ и въ своемъ околоткѣ считался не только знатокомъ въ литературѣ, но и бойкимъ и умѣлымъ по части всякаго писанія. Глѣбъ давно хлопоталъ о какомъ-то тяжебномъ дѣлѣ Травкина въ московскомъ сенатѣ, куда послѣдній явиться не имѣлъ возможности. Сила Ѳомичъ зато усердно сообщалъ ему какъ о здоровьѣ его брата и дѣтей послѣдняго, такъ и вообще о дѣлахъ Алексѣя.

Травкинъ былъ невысокій, на согнутыхъ ножкахъ, добродушный и постоянно веселый толстякъ. Въ заѣздъ Глѣба женихомъ въ Горки, онъ потѣшалъ его разсказами изъ прочтенныхъ имъ модныхъ тогда романовъ — «Похожденій Жильблаза де-Сантилланы» и «Хромого бѣса» Лесажа. Кромѣ «Шутливыхъ повѣстей», Сила Ѳомичъ, впрочемъ, углублялся въ поэзію и философію. Онъ дамамъ, въ семьѣ Алексѣя, декламировалъ отрывки изъ «Мессіады» Клопштока и «Ночей» Эдварда Юнга, читалъ имъ «Штурмовыя

размышленія» и «О происхожденіи зла» Галлера и, какъ всѣ знали, выписывалъ по почтѣ изъ Москвы сатирическіе журналы мартиниста Новикова. Самъ въ душѣ мартинистъ и масонъ, бездѣтный и вдовый, Травкинъ обыкновенно говорилъ: «Не дѣлай зла другимъ, никто тебѣ его не причинитъ, — весь міръ — твоя семья, люби его и чти!» — Онъ былъ мягокъ и добръ со своими крестьянами, а изъ сосѣдей особенно любилъ Алексѣя и его семью. Дома у него было два развлеченія — гусли и пріемышъ-крестникъ Боря. Ему Травкинъ сберегалъ свое небольшое достояніе, такъ какъ родной братъ Силы Ѳомича, Павелъ, женатый на богатой яицкой казачкѣ, отказался отъ наслѣдства по отцѣ. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, котораго Травкинъ училъ грамотѣ и играть на скрипкѣ, не могъ по своему возрасту раздѣлять его умственно-возвышенныхъ досуговъ. Эти досуги Сила Ѳомичъ наполнялъ мелодическими фантазіями на лютнѣ.

Травкинъ сообщилъ Глѣбу о возвращеніи въ Горки его брата. Отъ него же Глѣбъ и Марі узнали, что Алексѣй, снова поселясь въ деревнѣ, впалъ еще въ бо̀льшее уныніе и скорбь. Видъ осиротѣлыхъ, безъ матери, дѣтей приводилъ его въ безысходное отчаяніе. Хозяйство болѣе не развлекало его. Онъ безъ толку слонялся по дому. Прежде любилъ охотиться, а теперь бросилъ собакъ и ружье. Въ одномъ онъ находилъ еще нѣкоторое утѣшеніе: сойдясь съ приходскимъ священникомъ, престарѣлымъ, набожнымъ и толковымъ, отцомъ Василіемъ, Алексѣй цѣлые дни проводилъ съ нимъ, запершись въ своемъ сельскомъ кабинетѣ и читая Священное Писаніе—«единое,—какъ выражался Сила Ѳомичъ,—утоленіе скорбящей его души».

«Вы представить себѣ не можете, — писалъ, между прочимъ, Глѣбу Травкинъ, — что̀ сталось съ вашимъ добронравнымъ и унылымъ братцемъ! Сидитъ, въ точности говорю, по вся дни, наединѣ, хотя и съ препочтеннымъ, но дряхлымъ попомъ, въ ночномъ шлафрокѣ, или въ извѣстномъ вамъ дорожномъ, драномъ архалучкѣ, не причесанъ, а нерѣдко по суткамъ и не умытъ. И что̀ дѣлаетъ? читаетъ о жизни Магдалины, Иродіады и иныхъ палестинскихъ женъ. Домочадцы съ скорбію слышатъ его вздохи, а часто и рыданія. Отецъ Василій неустанно вразумляетъ его, хотя, по видимости, и тщетно. Начавшіе было, отъ извѣстныхъ

вамъ причинъ, копошиться и грубить крестьяне, подданные вашего братца, благодареніе Богу, присмирѣли. Да оно и препонятно; съ Яика дошли вѣсти, что состоялась сентенція надъ главными бунтовщиками,—болѣе сорока человѣкъ повѣсить, дванадесять четвертовать, а остальнымъ—нещадныя плети».

Въ началѣ апрѣля 1773 года Глѣбъ и Мари́ получили краткое извѣстіе отъ самого Алексѣя. Онъ имъ писалъ, что, при постигшей его бѣдѣ, ему пришла благая мысль—перестроить въ Горкахъ ветхую деревянную церковь; что онъ началъ уже заготовлять для того нужные припасы и что вскорѣ, съ Божьею помощью, надѣется собраться со средствами и приступить къ обновленію этого храма. «Все предполагаю,—писалъ онъ:—окончить не далѣе лѣта», причемъ просилъ брата и невѣстку, на высланныя деньги, заказать и доставить ему изъ Москвы въ Саратовъ часть церковной утвари. О Серафимѣ, съ выѣзда своего изъ Москвы, Алексѣй не вспоминалъ ни единымъ словомъ.

Въ концѣ апрѣля Глѣбъ отъ Травкина получилъ слѣдующее письмо:

«Сообщаю вамъ нѣкую, особливую и любопытства достойную, вѣсть, — писалъ онъ: — наша извѣстная авантюрьéра, сирѣчь Серафима Львовна, подала, наконецъ, о себѣ вѣсть; она, заблудшая овца, объявилась, токмо уже не въ Кіевѣ, а близъ Казани, въ родовой вотчинѣ превосходительной своей тетушки, генеральши Туровцовой. И представьте, прямо о себѣ осмѣлилась написать, кому же?—самому Алексѣю Андреевичу, и притомъ такъ гордо, даже заносчиво! «Извѣстите, молъ, прошу васъ, милостивый государь мой, что̀ и какъ съ моими дѣтьми?»—Каковъ вопросъ и къ кому обращенъ? къ несчастному, брошенному ею же, мужу! Алексѣй Андреевичъ, разумѣется, на оное писаніе вовсе и не удостоилъ отвѣтомъ».

— И отлично сдѣлалъ! — сказалъ Глѣбъ, прочтя вслухъ это письмо женѣ:—давно бы такъ взяться за умъ! не было бы того, что̀ произошло.

Наступилъ май. Въ теченіе этого мѣсяца, по извѣщенію того же Силы Ѳомича, Серафима снова и уже не одинъ разъ, а въ двухъ подъ-рядъ письмахъ, адресовалась къ мужу съ тѣми же вопросами о дѣтяхъ.

«Пишетъ, вообразите, и паки пишетъ,—сообщалъ о ней сосѣдъ Алексѣя:—и ужъ собственною ли это персоной, или по выговорамъ и должному осужденію разумной своей тетушки-генеральши, только въ эти разы многажды мягче и въ подобающемъ приличіи. Сейчасъ и видать, жизнь-то въ постороннемъ, хотя бы и пріютившемъ ее углу, при всѣхъ о ней заботахъ и роскошахъ, ой, какъ солона, знать, пришлась оной, новой, выразиться такъ, Пентефріи. И извините меня, глубокочтимый Глѣбъ Андреевичъ, за такое сравненіе; къ слову привелось. Не соблазняй, сударушка, глупыхъ молокососовъ, не грѣши! Вашъ же препочтенный и всякаго сочувствія достойный братецъ, и на тѣ, болѣе искательныя, уловленія, не только вновь не отвѣтствовалъ, но, какъ и слѣдуетъ, не обратилъ ни малаго вниманія,— обоими письмами таковде пренебрегъ».

— Пентефрія,—съ досадою фыркнулъ Глѣбъ, прочтя и это письмо женѣ:—нечего сказать, по-дѣломъ, удостоилась твоя бывшая подруга клички! И отъ кого же? отъ Травкина, ничтожнаго и глупаго однодворца.

Глѣбъ выходилъ изъ себя. Мари́, съ болью въ сердцѣ, слушала его жестокіе и рѣзкіе отзывы о Серафимѣ, всячески стараясь возвратить къ ней хотя тѣнь снисхожденія мужа, но не достигла этого. Глѣбъ оставался при прежнемъ мнѣніи о Серафимѣ. Мари́, послѣ писемъ Серафимы къ мужу, пыталась заводить съ Глѣбомъ разговоры о невѣсткѣ, при постороннихъ, близкихъ имъ знакомыхъ. Тѣ, въ особенности Спесивцевъ, открыто держа̀ли ея сторону.

XV.

Однажды, это было въ серединѣ мая, Дуга̀новы бесѣдовали, въ обычномъ своемъ кругу, объ Алексѣѣ и его женѣ. Мари́ рѣшилась утверждать, что Серафима, не смотря на внѣшніе поводы къ ея обвиненію, въ душѣ не испорчена и, какъ добрая женщина, всегда искренно способна раскаяться.

— Марья Родіоновна права,—сказалъ внимательно слушавшій ее Спесивцевъ:—и вы, Глѣбъ Андреевичъ, увидите, вашъ братъ, насколько я его знаю, если не въ этомъ, то въ слѣдующемъ году, непремѣнно снова сойдется съ женой.

Глѣбъ, при этихъ словахъ, вспыхнулъ. Краска залила его лицо.

— Какъ? мой братъ?—спросилъ онъ, мѣряя Спесивцева глазами.

— Да-съ, Алексѣй Андреевичъ Дугановъ.

— И вы такого дурного мнѣнія о братѣ?

— Чѣмъ же дурного? онъ человѣкъ и притомъ съ добрымъ сердцемъ.

— Такъ вы допускаете,—продолжалъ, съ раздраженіемъ въ голосѣ, Глѣбъ:—что, послѣ всей грязи, запятнавшей его доброе, неповинное имя, онъ откроетъ свои двери и скажетъ этой женщинѣ, этой твари, милости просимъ, снова водворяйся у меня и, по былому, царствуй?

— Какое же униженіе, помилуйте? — возразилъ Спесивцевъ: — къ мужу придетъ грѣшная жена, въ двери родной семьи станетъ стучаться, моля о пощадѣ и примиреніи, опомнившаяся мать, и этой двери ей не отопрутъ?

— Вѣдь ты же допускаешь, нельзя же не допустить покаянія?—спросила мужа Мари́, сжимая и цѣлуя ему руку.

Глѣбъ вырвалъ у нея руку и всталъ.

— Все можно говорить, — сказалъ онъ, съ приливомъ острой непонятной злобы, смотря на доктора и на жену:— но этого... извините меня!.. считать моего брата за такое... жалкое ничтожество!.. воля ваша, этого я снести не могу!

— Но вы же, да и вашъ братъ, — произнесъ Спесивцевъ: — давно ли вы оба говорили, какъ разъ противное тому, что̀ проповѣдуете, повидимому, теперь? вѣдь онъ именно дѣлаетъ то, что̀ вы говорили... Вотъ она, жизнь! значитъ, не одно дѣло—говорить и дѣлать, значитъ...

Глѣбъ не дослушалъ доктора. Онъ всталъ и направился въ кабинетъ, но увидѣлъ въ залѣ свою шляпу, взялъ ее и вышелъ на улицу. Мари́ видѣла, какъ онъ подозвалъ перваго попавшагося извозчика, сѣлъ на дрожки и уѣхалъ. У него въ тотъ день, какъ Мари́ знала, было нужное дѣло въ городѣ, и обрадовалась, что мужъ проѣздится, а слѣдовательно, и успокоится.

— Ну-съ, милая барыня, а у васъ все ли благополучно? — спросилъ Спесивцевъ, тоже взявъ шляпу: — что̀ пишутъ изъ Ракитнаго? незабвенная Украйна!.. какъ здоровье вашей свекрови?

— Maman здорова, — отвѣтила Мари́: — но вотъ, право, мы толкуемъ о разныхъ разностяхъ, а я и забыла... съ Васей что-то неладно.

— Что̀ же у него?

— Головка горячая, все плачетъ.

— На зубки, Марья Родіоновна... очевидно, пустяки-съ, и вы о томъ не думайте... вырѣзался одинъ, пойдутъ, съ Богомъ, и другіе...

— Легко сказать, не думать!

— Да въ дѣтскихъ болѣзняхъ, сударыня моя, менѣе всего прибѣгайте къ медикамъ.

— Ахъ, Боже мой, у васъ все одна пѣсня!—сказала съ досадой Марй:—и помирать-то, кажется, мы станемъ, а вы будете толковать одно: не обращайтесь къ врачамъ. Не вы ли мнѣ говорили про какую-то чудовую травку для дѣтей,— материнку, что ли, — отъ которой будто даже умирающіе воскресаютъ?

— Это истинная-съ правда, только вы меня не поняли... Заболѣй дѣйствительно кто-нибудь, о, разумѣется, я первый... зовите тогда и меня, гдѣ бы я ни былъ и что̀ бы ни дѣлалъ, явлюсь, и не только для васъ стану медикомъ, пропишу и эту материнку.

Спесивцевъ поклонился и хотѣлъ уже идти.

— А кстати, однако,—сказалъ онъ:—дайте взглянуть на вашего наслѣдника, изъ-за чего онъ у васъ сталъ киснуть?

Няня принесла ребенка. Спесивцевъ внимательно осмотрѣлъ его.

— Малокровіе, — сказалъ онъ: — вы, впрочемъ, тоже не отличаетесь особымъ здоровьемъ. Мало питаетесь, черезъ васъ и онъ. Памятуйте, повторяю, великихъ виталистовъ Броуна, Бартэ и Сталя; я вамъ о нихъ говорилъ. Лучше питайте ребенка. Скорѣе отнимите его отъ груди и ставьте на общую пищу; а еще будетъ лучше, если и вы сами, съ мальчуганомъ, это лѣто, да и часть осени, проведете въ деревнѣ. Vis medicatrix naturae...

— Нельзя намъ на югъ къ maman; у мужа столько занятій.

— Такъ переѣзжайте здѣсь въ окрестности. Вы же говорили, что князь давно предлагаетъ вашему мужу свою здѣшнюю, казенную мызу, возлѣ Кунцова. Ребенокъ и вы скоро тамъ оправитесь.

Марй передала Глѣбу, какъ бы отъ себя, эту мысль. Онъ самъ ей не разъ, въ этомъ году, говорилъ о деревнѣ и былъ не прочь подышать сельскимъ воздухомъ. У нихъ же, кстати, постоянно были свои лошади, для поѣздки Глѣба на службу,—значитъ, можно было удобно устроиться,—

и Дугановы, около половины мая, переѣхали на казенную мызу, возлѣ Кунцова.

Вскорѣ послѣ этого переѣзда, Глѣбъ получилъ отъ Алексѣя письмо съ извѣщеніемъ, что перестройка церкви идетъ успѣшно и что на Петровъ день онъ проситъ и ждетъ брата и его жену на освященіе церкви. Ѣхать имъ въ Горки не пришлось. Марі, недавно передъ тѣмъ, отняла Васю отъ груди и хотя чувствовала себя на мызѣ, внѣ городской духоты и пыли, отлично и была вообще въ духѣ, хотя и ребенокъ, перейдя на собственные свои хлѣба, повеселѣлъ и сталъ оправляться, — не рѣшалась оставить его одного, на рукахъ няни, а брать его съ собою въ дорогу, да еще въ такую даль, сильно опасалась.

У Глѣба, около этого времени, тоже накопилось много неотложныхъ и важныхъ служебныхъ дѣлъ. Князь, охотно отпускавшій его, по дѣлу брата, въ Кіевъ, теперь безпрестанно звалъ его къ себѣ. Ѣздя по сильной жарѣ въ городъ и возвращаясь оттуда до-нельзя усталый, съ грудами бумагъ, Глѣбъ и дома, на мызѣ, просиживалъ надъ ними иногда за полночь и сталъ, наконецъ, поговаривать, что вскорѣ ему, пожалуй, предстоитъ новый, утомительный отъѣздъ въ какую-то дальнюю командировку. На настоятельный вопросъ жены, куда это и зачѣмъ, онъ нехотя и озабоченно отвѣтилъ:—Непріятная комиссія и пока секретъ. Одна знатная особа, нѣкто Коронина, подала жалобу самой государынѣ на неуваженіе и неповиновеніе своей вдовой дочери, а ея дочь въ Петербургѣ... Возились мы съ этою барыней, разбирали, судили, и теперь князь твердитъ одно, что безъ моей поѣздки въ Петербургъ дѣло не обойдется. О, какъ бы мнѣ не хотѣлось ѣхать! А нельзя, эта обиженная дочерью Коронина—близкая родня нашему князю.

Переносясь мыслію въ Малороссію, къ maman, Глѣбъ и Марі съ удовольствіемъ вспоминали Ракитное, его садъ и грачей, привольную жизнь въ деревнѣ и охоту на берегахъ Донца.—«А что-то нашъ паціентъ?—сказала какъ-то Марі, обратясь къ Нинетъ, послѣ одного изъ такихъ разговоровъ съ мужемъ, вспомнивъ ярмарку въ Кабаньемъ и случай съ конемъ комиссара:—поймали ли бѣглеца и возвращенъ ли похищенный имъ конь?»—По совѣту Нинетъ, она спросила о томъ, въ одномъ изъ писемъ къ приказчику свекрови, къ

которому изрѣдка обрѣцалась, по поводу внуковъ Сысоевны, дѣтей Якова, служившаго у нихъ садовникомъ въ Москвѣ.

«Оный казакъ Ивановъ, — отвѣтилъ приказчикъ:—объявился закоренѣлымъ бродягою и мутьяномъ, а сбѣжавшій съ нимъ въ прошломъ году житель Кабаньяго, Коровка, возвратился-было въ тайности къ женѣ и былъ изловленъ, но снова утёкъ, съ женою, изъ холодной, черезъ подкопъ. Вамъ, сударыня, вѣдомо, каковы наши сельскіе остроги. Что же до его постояльца, Иванова, то съ той поры о немъ ни слуху, ни духу. И даже, живъ ли онъ, въ настоящее время, никто про то не свѣдомъ, а скорѣе всего, что ускакалъ изъ нашихъ палестинъ въ иныя, воровскія мѣста, да притомъ, полагаю, загналъ до смерти неповиннаго коня, либо продалъ его въ какомъ-нибудь, сказать, притонѣ, а деньги пропилъ и гдѣ-нибудь, подъ заборомъ или на той воровской дорогѣ, самъ пропалъ, а по-просту, аки песъ, издохъ. Всѣ оные такъ, извините, кончаютъ».

Казакъ Ивановъ, однако, не пропалъ.

XVI.

Въ началѣ августа 1773 года, въ пустынной и дикой сызранской степи, у рѣчки Таловой, на перепутьѣ отъ рѣки Иргиза къ Яицкому-городку, стоялъ одинокій постоялый дворъ, по прозванію въ околоткѣ—Таловый-умётъ.

Это была невысокая, но обширная, въ два жилья, мазанка изъ плетня, съ сараемъ, погребомъ, баней-землянкой, камышевою огорожей и съ далеко-виднымъ колодезнымъ журавлемъ.

Былъ вечеръ субботы. Погода стояла тихая и сухая. На небѣ ни облачка.

Надъ пожелтѣвшими, скошенными жнивьями и выбитыми скотомъ травами медленно парили коршуны, въ терновыхъ кустахъ и уцѣлѣвшемъ ковылѣ высматривая дремлющихъ, съ открытыми, пересохшими ртами, дрохвъ и выводковъ-куропатокъ. Изрѣдка въ знойной, безвѣтренной тишинѣ, то здѣсь, то тамъ, сами-собой, по дорогѣ и по новой пахоти, срывались, кружа и неся густую пыль, высокіе, черные вихри.

Кругомъ было тихо. Издали слышалось только серебристое ржаніе жеребенка, потерявшаго на тощей пастьбѣ свою мать, да изъ скрытаго, за пригоркомъ, въ оврагѣ, дубоваго лѣса доносился клёкотъ степной орлицы, сзывавшей слёт-

ковъ-дѣтёнышей къ растерзанному зайцу или къ молодому сайгаку—дикой козѣ.

Хотя солнце клонилось къ вечеру, въ воздухѣ было еще знойно. На дорогѣ и вокругъ умёта не было видно ни души. Два сторожевыхъ пса-волкодава, одинъ—рыжій, куцый, другой—сѣрый, съ репейниками на бокахъ и въ сбитыхъ клубняхъ хвоста, спокойно спали у открытыхъ воротъ. Окрестные поселяне, въ ожиданіи праздника, заранѣе разбрелись съ поля по домамъ. Одни пастухи маячили въ опустѣлой степи, да и тѣ отъ духоты попрятались по рытвинамъ и оврагамъ, или въ тѣни кургановъ и одинокихъ терновыхъ кустовъ.

Старый хозяинъ-умётчикъ, отставной пѐхотный солдатъ, Степанъ Оболяевъ, былъ старовѣръ, безпоповскаго толка. Онъ сидѣлъ тоже въ холодкѣ, у задняго крыльца мазанки, своею тѣнью уже застилавшей почти половину двора, а въ виду того, что его хата и дворъ были пусты и что, передъ праздникомъ, не ожидалось прохожихъ, отъ скуки портняжничалъ. Надѣвъ на носъ большіе, оловянные очки и что-то бормоча себѣ подъ носъ, онъ заскорузлыми, мозолистыми руками чинилъ какую-то мѣховую одеженку. Онъ былъ высокаго роста, съ подстриженною сѣдою бородой, съ юношески-румянымъ, привѣтливо улыбающимся лицомъ и съ серьгой въ правомъ ухѣ. Набожный и добрый, онъ въ молодые годы много натерпѣлся, живя сиротою въ работникахъ, на Яикѣ, и теперь охотно давалъ у себя пріютъ всякимъ гонимымъ, бездомнымъ и утеклецамъ. По смерти жены, оставшись одинъ, съ малолѣтнимъ племянникомъ, онъ невольно втянулся съ тѣхъ поръ въ женское хозяйство, самъ стряпалъ и мылъ, не стыдясь, подвязывался передникомъ, мѣсилъ и пекъ хлѣбы, прялъ кудель и доилъ коровъ.

У него и теперь скрывались двое бродягъ, бѣжавшихъ съ дороги въ Сибирь. Кто они, за что ссылались и какъ бѣжали, онъ ихъ не спрашивалъ. За кровъ и пищу, бѣглецы свезли ему сѣно и теперь стерегли его скотину, носили ему изъ лѣсу валежникъ и исполняли всякія нужныя требы. Ихъ пребываніе здѣсь не тревожило старика; пора была глухая, да и его дворъ стоялъ тамъ далеко отъ всякаго надзора и полицейскихъ командъ. Племянника въ то время онъ куда-то услалъ, за солью и мукой.

Оболяева втайнѣ занималъ третій его постоялецъ, вто-

рично пришедшій къ нему на-дняхъ и особенно просившій его о пріютѣ. О немъ-то задумался теперь умётчикъ, изрѣдка поглядывая въ ворота и продолжая работать иглой въ холодкѣ крыльца.

«Странный человѣкъ, — разсуждалъ Оболяевъ о своемъ гостѣ:—чуть свѣтъ, ушелъ на охоту, съ ружьемъ, говоритъ,—надо бы, какъ слѣдъ, встрѣтить воскресный день, уважить хозяина, достать кой-какой дичины. Да вотъ, съ утра и нѣтъ его; взялъ сухарь хлѣба и не идетъ. Такъ-то приходилъ онъ сюда и недавно, да вдругъ и сгинулъ,—тоже пропалъ. Назвался тогда донскимъ казакомъ, нашей старой вѣры; сказывалъ, что прячется, страждетъ за истинный крестъ и бороду, и что хотѣлъ бы послужить единому, праведному, древлему Богу. Потомъ это вдругъ признался, что онъ не казакъ, а быдто богатый заморскій купецъ; что былъ онъ въ чужихъ странахъ, — въ Нѣметчинѣ, въ Египтѣ, въ Ерусалимѣ, а опосля въ Изюмѣ и на Яикѣ. И быдто лѣтось подговаривалъ донскихъ и нашихъ яицкихъ казаковъ, отъ гоненій за вѣру, переселиться въ Турцію, за Терекъ; что тамъ-де у него припасено для казачества сотни двѣ тысячъ рублями и больше, чѣмъ на полсотни тысячъ товаромъ, и что турскій паша встрѣтитъ нашихъ съ честью и лаской, дастъ всѣмъ вольную волю, — земли сколько хочешь, всяко жалованье и почетъ. Я его спрашиваю, откуда же, миленькій, у тебя этакое, аховое богатство?— а онъ: я, молъ, выходецъ изъ Польши, изъ тамошнихъ князей, да скрываюсь. А, князь, думаю, такъ и князь! Только попался это малый, съ подговорами, сперва на Терекѣ, потомъ на Дону; приковали его, въ Моздокѣ, на цѣпь къ стулу, да скоро, провора, бѣжалъ. А какъ изловили на Дону, оттолѣ уже, въ кандалахъ, прямо погнали его въ Казань. Плохо было сердечному въ казанскихъ черныхъ тюрьмахъ. Все разсказалъ онъ, даже плакалъ, какъ его тамъ мыкали и томили... Подговорилъ молодецъ товарища, оба отпросились съ конвойнымъ на молитву, къ знакомому попу; послали за угощеніемъ, напоили попа и солдата, а на пути сынъ товарища подхватилъ ихъ въ припасенную телѣгу— и поминай, какъ звали,—оба ушли изъ Казани сюда, на Иргизъ».

«Ловокъ, шустрый, бестія! подумалъ умётчикъ, съ удовольствіемъ вспоминая разсказъ постояльца о его смѣломъ побѣгѣ изъ Казани:—и вѣдь не попался, Ерёма, Ерёмкинъ—

курица те въ ротъ! А попъ-то, охъ, этотъ-то хмѣльной попъ! Видитъ онъ изъ окна, сѣли они съ конвойнымъ въ телѣгу, быдто договорили подводчика подвезти ихъ хмельныхъ въ острогъ, проѣхали этакъ малость, да вдругъ столкнули пьянаго солдатика на земь и поскакали».

Глаза Оболяева, при этихъ мысляхъ, весело прищурились; сквозь рѣдкіе, съѣденные зубы послышался кашель и смѣхъ, и все его тѣло пріятно заколыхалось. Нитка выпала изъ иглы. Отеревъ слезы, но еще смѣясь, онъ ссучилъ и прикусилъ нитку, только что нацѣлилъ ее въ иглу, какъ свѣтъ ему заслонило что-то бѣлое и лохматое. Умётчикъ поднялъ глаза.

Передъ нимъ стоялъ, съ ружьемъ въ рукѣ, придерживая на плечѣ убитую козу, средняго роста, сильно исхудалый, загорѣлый и широкоплечій, лѣтъ тридцати двухъ, мужикъ, съ рѣдкою, черноватою бородкой, въ которой уже пробивалась ранняя сѣдина, въ посконной, примаранной кровью рубахѣ, синихъ набойчатыхъ шароварахъ, сермяжномъ колпакѣ и въ худыхъ, на босу ногу, войлочныхъ котахъ. Лохматые псы пропустили подошедшаго безъ лая, какъ знакомаго человѣка.

— Освѣжуй-ка, надежа! — усталымъ, хриплымъ голосомъ сказалъ подошедшій, сбрасывая на земь дичину: — ужъ и походилъ же я, полазилъ за нею; сайгачòкъ хоть куда.

Онъ снялъ шапку, отбросилъ со лба слипшіеся темные волосы и рукавомъ отеръ сильно вспотѣвшее лицо. Его глаза раздражительно улыбались; у лѣваго виска отъ усмѣшки обозначалась бѣлая морщина.

— Молодецъ, Ерёма, Ерёмкинъ-курица! — воскликнулъ умётчикъ, радостно разглядывая молодую, свѣтло-желтую козочку, съ гладкою шерстью и красивыми глазами: — будетъ на праздникъ кашица; такъ-то! ждалъ тебя долго... навáримъ таперича и напечемъ.

Тотъ, кого Оболяевъ обзывалъ Ерёмой и Ерёмкинымъ-курицей, носилъ, какъ онъ зналъ, другое имя, эти же прозвища были любимыми присловьями умётчика, изъ-за которыхъ его самого звали въ околоткѣ «Ерёмкинымъ-курицей».

— Да ты какъ же это, Емельянъ Ивановичъ? — спросилъ Оболяевъ: — на пастьбѣ его стрѣлилъ, али такъ угодилъ, на бѣгу?

Охотникъ презрительно повелъ черными, наигранными, арестантскими глазами и молча сталъ опять поднимать козу.

— На бѣгу?—спросилъ онъ:—да нешто у меня, какъ у какого пана, готовые патроны при поясѣ и всякое снадобье? Всю картечь давеча разстрѣлилъ; вышелъ съ двумя пульками, самъ знаешь, и все... Панъ!.. Говорю тебѣ, выслѣдилъ въ гаю...

— Ну, думаю себѣ,—продолжалъ онъ:—пойдутъ онѣ къ вечеру въ лощинку, на водопой; опозналъ это я козьи слѣды, по грязи, у ключа, и поползъ. Каки-таки мы богачи? На заряды капиталовъ нѣту. Съ версту я лѣзъ въ гущинѣ, руки вб-какъ исцарапалъ, и залегъ. Вижу, жаръ отвалилъ. Идетъ это она, да сторожко такъ ступаетъ ножками; спустилась къ камышу, потянула студеной струйки, весело такъ дышитъ,— и глянула вверхъ на меня, а я въ травѣ лежу и цѣлюсь прямо ей въ морду... Да ласково такъ, треклятая, ну, точно человѣкъ, поглядѣла! я и стрѣльнулъ...

Уметчикъ замахалъ, отъ смѣха, руками и, старчески охая, поднялся на ноги.

— Иди же, родимый,—сказалъ онъ, ковыляя на крыльцо;— потрудись Богу, наруби дровецъ, истопимъ баню... И самъ ты у насъ еще не мылся... ишь, какъ окровянился... А я все изготовлю. Не хочешь ли щецъ? животы съ утра, чай, подвело? Тамъ оставилъ племяшку; хватитъ и тебѣ.

XVII.

Охотникъ, взваливъ козу на плечи, пошелъ отъ крыльца къ сараю. Солнце спустилось за дальніе, синѣющіе холмы. Степь покрылась мглою. Отъ сосѣдняго лѣсистаго оврага потянуло прохладой. Во дворѣ раздались звуки топора. У воротъ плетневаго база, скотскаго сарая, гость умётчика, сильнымъ взмахомъ худыхъ, загорѣлыхъ рукъ, рубилъ на осиновой колодѣ сучья валежника. Самъ Оболяевъ, въ сараѣ, противъ воротъ, сидѣлъ на корточкахъ, съ ножомъ въ рукахъ, свѣжуя висѣвшую съ перекладины дичину. Изъ трубы землянки-бани, вырытой о-бокъ съ сараемъ, валилъ дымъ.

— Такъ плохо нашимъ-то яицкимъ казакамъ?—спросилъ гость, останавливаясь рубить дрова.

— Еще бы, батюшка, не плохо. За убивство нѣмца-енарала сколько старшинъ сослано! а за пограбленное у него добро на всѣхъ рядовыхъ, войсковой руки, наложили пеню, да какую!—по полсотни и болѣе цѣлковыхъ. Опять казаки стали мутиться; сбираются всѣмъ войскомъ за море, въ

Астрабадъ, либо въ Золотую-Мечеть. Да какъ его идти? вездѣ караулы, начальство; кто и какъ проведетъ?

— Я проведу! — сказалъ гость и такъ при этомъ ударилъ топоромъ по сучьямъ, что сразу перерубилъ цѣлый ихъ пукъ.

— Можетъ, соколикъ, и проведешь,—отвѣтилъ, покачавъ головой, Оболяевъ:—да съ чѣмъ они, тамотко, бросивъ свое добро, возьмутся за дѣло?

— За границей, у турскаго паши,—проговорилъ гость:— моихъ пять милліоновъ оставлено... Надо, старикъ, ой, какъ надо, вызволить страждущихъ братій.

Оболяевъ чуть не выронилъ ножа. Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на гостя, соображая, шутитъ ли онъ, или говоритъ правду. А тотъ, попрежнему, сильными взмахами рубилъ дрова. «Чудны дѣла Твои, Господи,—набожно мыслилъ умётчикъ: — бываетъ всяко, Господь правитъ... И въ древности важные и чиновные мужи смиренно ходили промежду убогихъ и простецо̀въ, чиня всякую помощь угнетеннымъ и сиротамъ».

Баня была готова. Оболяевъ и его гость усердно выпарились и вымылись въ ней и оба оттуда вышли красные, въ чистомъ бѣльѣ и съ расчесанными на-двое головами и бородами. Умётчикъ далъ гостю, вмѣсто его грязной, замаранной кровью, рубахи, свою — чистую, изъ тонкой синей бя̀зи. Они закусили постными щами, съ лукомъ, въ ожиданіи на завтра козьей похлебки, и разошлись, умётчикъ—доить пришедшихъ съ поля коровъ, а гость—въ темный чуланъ, прилаженный въ углу скотскаго ба̀за.

Настала ночь. Въ банѣ еще свѣтилось. Тамъ мылись, пригнавшіе съ поля скотъ, бритые лбы. Но скоро и они, поужинавъ, напоили воловъ и коровъ и снова погнали ихъ на ночную пастьбу. Кругомъ опять стихло. Изрѣдка только раздавались ворчаніе и лай собакъ, лежавшихъ за воротами и чутко глядѣвшихъ на потемнѣвшую дорогу.

Умётчикъ возвратился въ избу и легъ на палатяхъ. Но ему не спалось. Изъ его головы не выходили слова гостя о пяти милліонахъ. Но болѣе этой суммы его занимало то, что онъ вдругъ разглядѣлъ на лицѣ и тѣлѣ гостя въ банѣ: бѣловатаго цвѣта шрамъ, подъ волосами, у лѣваго виска, и такого же вида, какъ бы вдавленные другъ въ друга, желобки или рубцы на плечѣ и на груди, ниже соска.

«Что бы это за знаки?—размышлялъ Оболяевъ:—откуда они у него? отъ золотухи или отъ иной болячки? или рубцы отъ ка́товыхъ плетей?.. Такъ нѣтъ, по его словамъ, онъ убѣжалъ отъ казни. Спросить, развѣ, да не скажетъ... Важный, шельма! хоть худой, а такой корпусный, проворный, да строгій, съ виду же совсѣмъ простой человѣкъ! Обинякомъ выпытать, что ли, пойти?»

Умётчикъ всталъ, накинулъ на плечи шубейку и вышелъ во дворъ. Ночи прошло не мало. Мѣсяцъ уже высоко стоялъ въ безоблачномъ небѣ. Кругомъ была мертвая тишина. Заслышавъ шаги, собаки съ лаемъ шарахнулись съ дороги къ припертымъ воротамъ.

— Цыма-те, треклятыя!—крикнулъ на нихъ умётчикъ:— цыцъ.

Онъ, однако, остановился, подумалъ: «Нѣтъ, лучше завтра! теперь ужъ, видно, спитъ!» и, покряхтывая отъ лома въ старыхъ костяхъ, возвратился въ хату, раздумывая: «Купецъ безтоварный, бродяга... а вышелъ вонъ что»...

Гость Оболяева также еще не спалъ. Раскинувшись подъ зипуномъ, на досчатомъ помостѣ, прилаженномъ въ углу чулана, онъ думалъ крѣпкую думу.

Мысли о молодыхъ годахъ, когда онъ жилъ еще подросткомъ на Дону, при отцѣ, смѣнялись въ его головѣ воспоминаніями о походѣ съ казаками въ Пруссію, гдѣ онъ на Одерѣ, на смотру, впервые увидѣлъ чужеземнаго вѣнценосца, прусскаго короля, окруженнаго генералами и пышною, въ золотѣ, свитой, и гдѣ, между тѣмъ, на утро, его самого нещадно высѣкли плетьми, за пропавшую на пастьбѣ лошадь полковника.

Вспоминались ему возвратъ съ границъ нѣметчины и краткое пребываніе на родинѣ, съ женою и дѣтьми, посылка съ командой, для ловли бѣглыхъ раскольниковъ, близъ Польши, походъ подъ Бендеры, новый возвратъ въ родную станицу, побѣгъ на Терекъ, арестъ и цѣпи, казанскій острогъ и новыя шатанья по степнымъ притонамъ. Все вспоминалъ онъ, — бѣдность и лишенія, тюрьмы и кандалы, зависть и злобу къ богатымъ и сильнымъ и неутомимое стремленіе къ волѣ и чему-то волшебному и сказочному, что такъ его манило и о чемъ онъ иной разъ боялся даже думать.

И какъ было не думать о лучшемъ, не завидовать другимъ, когда кругомъ всѣмъ было лучше? Многіе изъ каза-

ковъ родной станицы, бывшіе съ войскомъ въ Пруссіи, возвратились оттуда съ завидною прибылью. Тотъ вывезъ съ похода дорогое оружіе и лошадей, тѣ раздобыли женамъ и дочерямъ шелковыхъ и бархатныхъ нарядовъ, а этотъ, послѣ взятія завоеваннаго Берлина, уже прямо сталъ богачемъ, вывезъ кожаный поясъ, полный золотыхъ иноземныхъ дукатовъ. И по домашнему дѣло удалось многимъ. Тѣ небывало расторговались солью, эти рыбой, а ближній сосѣдъ даже, по слухамъ, нашелъ гдѣ-то цѣлый кладъ, по-просту же, какъ его подозрѣвали, убилъ и ограбилъ въ степи проѣзжаго съ Каспія купца. Всѣмъ былъ хорошо; у него только хата стояла съ продыравленною крышей и нечѣмъ было ее покрыть, а его жена и дѣти сидѣли голодныя, по мѣсяцамъ, питаясь прѣсными лепёшками, безъ сала и соли. Возвратился онъ въ прошломъ году изъ бѣговъ и самой хаты своей не нашелъ; ее продали за долги въ сосѣднюю станицу, семья же изъ милости жила у родичей, въ новыхъ долгахъ. Мельнику жена задолжала за муку шесть рублей, попу, за зимовлю коровенки, два съ полтиной. И опять онъ ушелъ бродить и шлялся, проживая то здѣсь, то тамъ, вспоминая укоры и брань голодной жены.

Болѣзнь застигла его въ изюмскомъ уѣздѣ, у казака Коровки. Излѣчась, онъ убѣжалъ оттуда, добрался до Царицына, услышалъ тамъ о появленіи, наказаніи и ссылкѣ самозванца, Ѳедота Богомолова; разспросилъ о немъ, переплылъ на челнѣ черезъ Волгу и, побывавъ въ Яицкомъ городкѣ, направился къ знакомцу Коровки, Оболяеву, на Иргизъ. Умётчикъ былъ также одно время въ Изюмѣ; служа въ солдатахъ, онъ водилъ туда какихъ-то бѣглыхъ и ночевалъ по пути у Коровки.

«Не сумѣлъ Ѳедотъ-простота!—разсуждалъ о Богомоловѣ гость Оболяева:—назвался, съ пьяну, царемъ Петромъ Ѳедоровичемъ и знаки какіе-то показывалъ на груди и плечахъ; всѣ ходили взглянуть на новоявленнаго, аки бы чудомъ спасеннаго, императора. Не его ума дѣло! Сплоховалъ, замучили, сгинулъ! Не такъ надо было начинать и не такъ кончать... А его дѣло, сказать правду, не умерло, далеко пошло и живетъ... Всѣ ждутъ, всѣ алчутъ видѣть новоявленнаго, общаго избавителя. Другого такого случая не было и не будетъ. Ротъ раскрыли, души раскрыли, ждутъ... Давно это думаю и я... Смѣлое дѣло; дьяволъ ма-

нитъ... Вѣдь и у меня знаки отъ болѣзни... Да какъ взяться?.. Иль настала пора?»

Гость Оболяева ворочался съ боку на бокъ въ темномъ чуланѣ. Смѣлыя мысли уносили его далеко.

Настало утро. Среди двора умётчика, на таганкѣ, кипѣлъ котелъ съ похлебкой, и тутъ же на лучинкахъ хозяинъ дожаривалъ нарѣзанный ломтиками козій бокъ. Запахъ вареннаго и жаренаго мяса пріятно распространялся по двору. За воротами скрипѣлъ рычагъ колодезнаго журавля. Постоялецъ Оболяева, оперпшись разутою, волосатою ногою въ срубъ колодца, мокрыми, покраснѣвшими руками подхватывалъ брызжащую бадью и выливалъ ее въ корыто, для пойла коней какимъ-то подошедшимъ подводчикамъ.

Накормивъ и отправивъ фурщиковъ, Оболяевъ и его гость постлали на-земь, въ холодкѣ, у сарая, скатерть, принесли туда миски съ ѣдой и усѣлись за праздничную трапезу. Умётчикъ былъ въ новомъ азямѣ; его гость тоже пріодѣлся и обулъ коты. Истово помолясь двуперстнымъ крестомъ на востокъ, оба они сперва принялись за мясную, съ чеснокомъ, похлебку, потомъ за жареный, съ солью и перцемъ, козій шашлыкъ. Ихъ лица отъ удовольствія раскраснѣлись и вспотѣли; глаза не поднимались отъ мисокъ; полные рты молча и старательно жевали. Утершись концомъ общаго ручника, Оболяевъ перевелъ духъ, протянулъ руку къ пузатой, поли́вяной флягѣ и налилъ изъ нея по стаканчику какой-то золотистой настойки. Хозяинъ и гость, перекрестясь, выпили и повторили еще по стаканчику.

— На тысячелистникѣ,—замѣтилъ Оболяевъ.

— Вижу.—отвѣтилъ постоялецъ:—знать, давняя—захватываетъ духъ.

XVIII.

— А скажи-ка, Пугачовъ. — обратился къ гостю Оболяевъ:—что́ это вечёръ за знаки я видѣлъ у тебя на груди?

Пугачовъ не отвѣтилъ.

— Бытто орлы, али кресты у тебя, — продолжалъ умётчикъ:—на плечѣ и на груди...

— Знаки государевы! — спокойно проговорилъ, утираясь другимъ концомъ общаго ручника, Пугачовъ.

— Какъ государевы знаки?—спросилъ, чуть не привскочивъ на землѣ, старикъ:—ахъ ты, Ерёмкинъ-курица, шут-

знакъ! и придумалъ же, матушка ты моя! Откуда на тебѣ быть царскимъ знакамъ?

— Ну, прямая же ты, вижу, курица, коли такъ! — небрежно зѣвнувъ, отвѣтилъ гость: — сколько лѣтъ живешь, былъ въ солдатахъ, а о царёвыхъ примѣтахъ даже не слыхалъ. Вѣдь, каждый государь, отъ рожденія, имѣетъ на себѣ тѣлесные, для отличія, знаки.

— Что ты это, Емельянъ Ивановичъ, помилуй!—въ страхѣ произнесъ умётчикъ:—опомнись! къ чему сказывать такія слова!

Пугачовъ помолчалъ. Онъ не глядѣлъ на умётчика. Пальцы его рукъ, перебирая утиральникъ, судорожно двигались.

— Экой ты безумный,—сказалъ онъ вдругъ, гордо оправляясь:—и догадаться не могъ! Полно съ тобой скрываться. Благодаримъ за хлѣбъ-соль и за пріютъ. Вѣдь я не донской казакъ и не заморскій купецъ, а только прикрывался, по нуждѣ, до времени... Я — государь вашъ Петръ Θедоровичъ.

Умётчикъ вздрогнулъ. Отъ испуга на немъ какъ бы подрало кожу и сперло дыханіе въ груди. Нѣсколько секундъ онъ не могъ выговорить ни слова.

— Господи! съ нами крестная сила! — проговорилъ онъ побѣлѣвшими губами:—государь! да, вѣдь, онъ уже двѣнадцатый годъ, какъ померъ! Панихиды мы, сорокоусты пѣли...

— Врешь ты, мужикъ!—презрительно и гнѣвно возразилъ Пугачовъ: — Петръ Θедоровичъ живъ... смотри, — вотъ онъ передъ тобою,—я самъ...

Умётчикъ окончательно растерялся и, разводя руками, только кланялся.

— Надёжа-государь! — произнесъ онъ, чуть не плача:— все бери, всѣ мы твои! не изволь гнѣваться; прости, коли чѣмъ, по незнанію, изобидѣлъ тебя, не помяни лихомъ, что обращались съ тобою, какъ съ простымъ.

Глаза Пугачова засвѣтились удовольствіемъ. Первый, признавшій за нимъ похищенное имя, обращался къ нему съ слѣпою, беззавѣтною преданностью.

— Ничего, ничего, старичокъ! — сказалъ онъ, съ снисходительнымъ одобреніемъ:—за что̀ гнѣваться, оченно тебѣ за все благодарны. Только ты, до времени, не моги насъ называть царемъ и главное, слышь, не проговорись. Пусть, пока, я буду для тебя и для всѣхъ, какъ былъ, донской казакъ Емельянъ Пугачовъ. Слышишь?

— Слушаю, батюшка.

— Благодарите Бога,—продолжалъ Емельянъ, разувшись и перестилая ветхія онучи, давившія ему ноги въ котахъ:—вамъ отнынѣ открывается благополучіе, а когда мнѣ объявиться народу, про то подумаемъ и рѣшимъ.

Совсѣмъ смутившійся Оболяевъ, поглядывая на босыя ноги и убогую, истоптанную обувь гостя, наскоро, дрожащими руками, убралъ посуду, скатерть и ручникъ и, отдавъ рабочимъ остатки козы, ушелъ въ хату, раздумывая: «вотъ нежданное, вотъ Господь сподобилъ! Да правда ли все это?» До вечера Пугачовъ не выходилъ изъ сарая. Думая, что онъ спитъ, Оболяевъ передъ ужиномъ заглянулъ въ его чуланъ. Пугачовъ, сидя на корточкахъ, чистилъ развинченное и положенное на помостъ ружье.

— Что это, батюшка, изволишь дѣлать? — спросилъ умётчикъ.

— Новая охота понадобится, нужно въ порядкѣ, а я люблю самъ.

— И все своими ручками?

— Въ потѣ лица, старикъ, сказано... и всему народу такъ слѣдъ!

— Ахъ-ахъ! — удивлялся Оболяевъ: — чудны дѣла твои, Господи!

— А вотъ я тебѣ, мужичокъ,—сказалъ Пугачовъ:—прочту изъ Писанія. Ты набожный, вижу,—слушай.

Онъ досталъ изъ мѣшечка, съ разною рухлядью, затасканную тетрадь, вынесъ ее изъ сарая, прошелъ съ умётчикомъ къ хатѣ и сѣлъ на крыльцѣ.

— Сонъ Богородицы, молитвы Пречистой и всѣхъ святыхъ за насъ грѣшныхъ!—сказалъ онъ, держа тетрадь низомъ вверхъ, и, какъ бы читая, сталъ наизусть перевирать то, что̀ помнилъ изъ Писанія.

Умётчикъ, не слушая и не понимая мнимаго чтенія, только отиралъ слезы отъ радости и вздыхалъ.

— «И спросила Богородица,—кто тѣ, что̀ стоятъ въ огнѣ по шею? — И сказалъ Архистратигъ: это тѣ, что̀ мучили и поѣдомъ ѣли безвинныхъ людей... И бысть слава велія гонимымъ и убогимъ!—читалъ глядя, въ тетрадь, Пугачовъ: — и всякому помощнику восхваленіе, честь и даръ, во вѣки...»

— Такъ, такъ,—говорилъ, кланяясь, Оболяевъ: — а скажи, ваше... то бишь, Емельянъ Иванычъ, какъ же ты спасся?

— Вездѣ не безъ добрыхъ людей,—отвѣтилъ Пугачовъ:— изволь, разскажу тебѣ... Отпустилъ меня въ Питерѣ изъ-подъ стражи вѣрный офицеръ, Масловъ, а похоронили тамотко, вмѣсто меня, другого, помершаго въ то время, простого солдата.

— Гдѣ же ты скрывался до сей поры?

— Не въ одномъ мѣстѣ, въ разныхъ, больше въ Еруса-лимѣ и въ Египтѣ, у тамошнихъ, преклонныхъ мнѣ царей, коли слышалъ.

— Потерпѣлъ же ты, родной, какъ подумаешь, вынесъ всякой тяготы.

— Да, старикъ, было всего. А теперь, вижу, вы и вся чернь до краю обижены моею женой.

— Это царицей-то Екатериной Алексѣевной?

— Ну, да! вотъ я не вытерпѣлъ, рѣшилъ заступиться и всѣмъ, какъ есть, васъ довольствовать. И, хотя не время еще, кажись бы, явиться, да ужъ Богъ, видно, привелъ.

Оболяевъ, отъ умиленія, сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ. «Экое благо открылось!—повторялъ онъ мысленно:—и у кого, поглядишь, царь-то объявился, изыдетъ отколь? Богоносные Акимъ и Анна... Симеонъ Богопріимецъ... молите о мнѣ, грѣшномъ рабѣ!»

— Таперича, значитъ, какъ ты узналъ и все, то-есть, должо̀нъ понимать, — сказалъ, помолчавъ, Пугачовъ:—надо начать самое дѣло... Такъ вотъ что̀, старина, завтра помой мнѣ бѣлье, нуженъ запасъ; да свинцу нѣтъ ли? нарубилъ бы картечи, жеребковъ.

— Все тебѣ, батюшка, будетъ; есть, кажись, завалялся и свинецъ. Вотъ вернется племянникъ, найдетъ.

— А потомъ, опять же, вижу, у тебя бываютъ знакомцы изъ Яицка-городка.

— Какъ же, самъ я сколько годовъ жилъ въ Яицкѣ и кого тамъ не знаю!

— Войсковой или старшинской руки?

— Больше нашей, войсковой.

— Ну, и ладно. Какъ подъѣдутъ это, выбери мнѣ кто понадежнѣе, да умнѣй и проворнѣй, и объяви имъ, по тайности, про меня.

— Все объявить?

— Придетъ пора, прикажу; только, смотри, скромненько, да умѣючи, держи языкъ на привязи и ухо востро. Поду-

май, высмотри и пригласи сюда. изъ разумныхъ старичковъ... Я бы съ ними тутъ погуторилъ, а тамъ,—Богъ благословитъ,—объявлюсь въ городѣ и вездѣ.

— Подумаю, выберу и позову.

Утромъ слѣдующаго дня умётчикъ у колодца старательно вымылъ государево бѣлье, развѣсилъ его по забору, между огородомъ и избой, а пока оно сохло, осмотрѣлъ телѣгу и сталъ ладить хомуты, на случай, если знатный гость пожелаетъ куда-либо ѣхать. Пугачова не было видно въ умётѣ. Возвратившійся племянникъ досталъ свинцу. Емельянъ нарубилъ картечи и, со словами: «мнѣ тутъ не-гоже, пока, на людяхъ!» взялъ сухарей, вскинулъ на плечи ружье и пошелъ въ степь на куропатокъ и трухтановъ.

Въ тотъ и въ слѣдующіе дни на постоялый заѣзжали изъ Яицка кое-какіе казаки. Они, по обычаю, жаловались на свое тяжкое житье и на притѣсненія вновь поставленныхъ надъ ними командировъ. Умётчикъ толковалъ съ ними, разспрашивалъ ихъ, но ни одному изъ нихъ не рѣшился открыть ввѣренной ему тайны.

Возвращаясь къ ночи на постоялый, Пугачовъ разспрашивалъ уметчика, добылъ ли онъ подходящихъ людей, чтобы черезъ нихъ вступить въ сношенія съ Яицкимъ городкомъ. Получая отрицательные отвѣты, онъ начиналъ терять терпѣніе и уже подумывалъ о новой перемѣнѣ мѣста. Послѣ своего признанія Оболяеву, онъ сталъ испытывать необычное ему чувство страха, мучился подозрѣніями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могъ побороть въ себѣ жажды смѣлаго и безумнаго подвига, вдругъ охватившаго всѣ его помыслы. Останавливаясь въ полѣ, у одинокихъ путниковъ, варившихъ себѣ близъ дороги кашицу, либо сталкиваясь съ такими же гулёбщиками-охотниками, какъ и онъ, Пугачовъ также начиналъ съ ними рѣчь о тяготахъ и бѣдствіяхъ чернаго люда и готовъ былъ сдѣлать имъ то же роковое признаніе. Слова рвались съ его языка, но онъ вспоминалъ недавнія свои бѣдствія и участь самозванца Богомолова, и молчалъ, выжидая болѣе удобнаго случая, который вскорѣ и представился.

XIX.

Недѣли полторы спустя, въ Таловый-умётъ завернулъ смышленный, среднихъ лѣтъ, знакомый умётчика, яицкій казакъ, за покупкой у Оболяева лошади, взамѣнъ украден-

ной у него. Это было вечеромъ, при Пугачовѣ. Емельянъ уговорилъ умётчика уступить бѣдному казаку лошадь въ долгъ, причемъ не вытерпѣлъ и, въ присутствіи Оболяева, объявилъ казаку, что онъ царь. Смущенный вѣстью, казакъ вызвался тайно сообщить надежнымъ изъ товарищей о важномъ гостѣ, явившемся на Та́ловой, и, въ радости, что пріобрѣлъ лошадь, ускакалъ въ Яицкъ. Прошло еще нѣсколько времени. Пугачовъ, попрежнему, проводилъ всѣ дни на охотѣ.

— А что, батюшка, Емельянъ Иванычъ,—сказалъ какъ-то Оболяевъ, когда Пугачовъ, усталый, возвратился къ ночи въ умётъ:—не лучше ли, чѣмъ здѣсь попусту ждать подхожихъ людей, ѣхать прямо въ городокъ и объявить старикамъ, а послѣ и всему народу?

Пугачовъ на это ничего не отвѣтилъ.

«Ужъ не прогнѣвилъ ли я его, непутный, лишнимъ словомъ?—мучился въ ту ночь сомнѣніями Оболяевъ:—вѣчно, лѣшій те въ горло, хочешь, какъ лучше, а выходитъ невпопадъ!»

— Ѣдемъ!—вдругъ объявилъ на утро Пугачовъ:—ты вчера ладно сказалъ! только не въ повозкѣ, а верхомъ; у тебя двое кони... оно легче, да и способнѣе, коли надо, каждому скрыться.

— Слушаю, надёжа... а куда?

— Увидишь.

— Старъ я сталъ,—сказалъ умётчикъ:—да для тебя, изволь, ужъ потружусь.

Онъ осѣдлалъ двухъ лошадей, навьючилъ въ ихъ торока сѣна, запасся хлѣбомъ и надѣлъ дорожный чапа́нъ. Гостю онъ далъ ненадѣванный верблюжій зипунъ и новые сапоги. Они выѣхали за ворота и направились на-прямикъ, глухою степью, къ Яику. Ѣхали цѣлый день. Вечерѣло. До Яика оставалось верстъ съ тридцать. Путь лежалъ по выжженному солнцемъ, пустынному и дикому бугру. Рѣшивъ остановиться и покормить лошадей въ долинѣ, бывшей за бугромъ, путники медленно плелись чуть видною проселочною тропинкой. Усталыя лошади, нагибаясь, пощипывали остатки изсохшихъ, скудныхъ травъ. Путники, дремля, покачивались на сѣдлахъ.

Вдругъ Пугачовъ, ѣхавшій сзади умётчика, приподнялся на стременахъ и тревожно сталъ вглядываться впередъ. Его

зоркіе глаза различили въ сумеркахъ, на концѣ бугра, двухъ всадниковъ.

— Берегись, — крикнулъ товарищу Пугачовъ: — какіе-то гулѐбщики; не старшинской ли стороны?

Дремавшій Оболяевъ вздрогнулъ, торопливо подобралъ поводья, тронулъ коня нагайкой и сдѣлалъ по склону бугра большой кругъ. Передній изъ всадниковъ, ѣхавшихъ навстрѣчу имъ, также сдѣлалъ вдали кругъ. Это, на языкѣ степныхъ мѣстъ, значило, что предстояла встрѣча своихъ, не враговъ. Всадники приблизились. Умётчикъ разглядѣлъ въ нихъ знакомыхъ яицкихъ казаковъ.

— Мы, батюшка, Степанъ Максимовичъ,—отвѣчали они:— для ловли лисичекъ.

Оболяевъ оглянулся; Пугачовъ исчезъ, точно въ воду канулъ. Недоумѣвая, какъ и куда онъ могъ такъ скоро и на ровномъ мѣстѣ скрыться, умётчикъ сталъ разспрашивать казаковъ о Яицкѣ.

— Что, дѣдушка,—отвѣтилъ старшій изъ охотниковъ:— народъ изморенъ до краю; то за̀ убитаго енарала сѣкли, рвали ноздри и сослали больше ста человѣкъ, а нонѣ на все войско, за разоръ и грабежъ начальства, наложена выть, да не поровну, съ бѣднаго больше, съ богатаго меньше, а вѣдь всѣ равны. Казаки упираются, а старшинамъ то и на руку: опять пошли бѣды, пытки; въ тюрьмахъ уже мѣста нѣтъ, и никто не спокоенъ, не токма за себя, а и за свою семью.

— Что̀ же вы намѣрены дѣлать?—спросилъ Оболяевъ.

— Всѣ ждутъ государя; сказываютъ, появился здѣсь гдѣ-то въ хуторахъ.

— Какъ же вы-то, братцы? экое диво и счастье выпало черни, а вы ѣздите по охотамъ.

— Обѣднѣли, надо выть сборщикамъ припасать. Закапка̀нили мы это и выкурили изъ норъ съ полдюжины лисицъ, да все мало.

— Эвось,—прибавилъ другой изъ охотниковъ, показывая на лисьи шкуры у сѣдла: — въ Пахоміевъ-скитъ отвеземъ, заказывалъ на шубейку старецъ Филаретъ.

— Дома ли старецъ-то?

— А гдѣ ему быть? видѣли, какъ ѣхали на ловлю, съ пасѣки шелъ.

Путники разминулись. Оболяевъ выждалъ, пока казаки

скрылись въ темнотѣ, осмотрѣлся во всѣ стороны, слѣзъ съ сѣдла и свистнулъ. Ему никто не отвѣтилъ. «Да куда же онъ дѣлся?—думалъ о своемъ гостѣ Оболяевъ,—или онъ, по какому слову, сквозь землю ушелъ, либо его крыла какія унесли?» Онъ хотѣлъ еще разъ свистнуть и обомлѣлъ. Въ темнотѣ послышался тихій шелестъ по сухой травѣ. — Съ нами крестная сила!—прошепталъ умётчикъ, собираясь снова вскочить на сѣдло и ускакать. На него лицомъ къ лицу надвинулось что-то высокое и косматое.

— Боже! да это ты, Емельянъ Ивановичъ!—проговорилъ онъ, разглядѣвъ подъѣхавшаго на конѣ Пугачова: — ну, и проворенъ же ты да ловокъ, точно вѣтромъ тебя сдуло; а я это съ охотничками толковалъ.

— Все я слышалъ, тутъ недалеко, изъ кустовъ,—въ раздумьѣ отвѣтилъ Пугачовъ: — пошла молва, не перенять ее теперь! Тотъ казакъ, видно, оповѣстилъ... Въ Яицкъ намъ уже не ѣхать, а навѣдаемся, значитъ, въ Мечетную, въ скиты; старецъ Филаретъ мнѣ давній благопріятель.

— Для чего, батюшка?

— Письменные люди теперь мнѣ нужны, бумаги, манифесты писать, а тамъ между старцами ихъ вдоволь. Туда же вызовемъ и главныхъ изъ войска.

Спустившись въ долину и переночевавъ тамъ, Оболяевъ и Пугачовъ утромъ напоили подкормленныхъ лошадей, взяли влѣво и тѣмъ же прямикомъ, черезъ пустынный Сыртъ, пустились въ Мечетную. Солнце еще не заходило, когда они увидѣли крылья мельницы и крайніе заборы раскольничьяго Пахоміева скита, стоявшаго на берегу Иргиза, возлѣ Мечетной.

Пугачовъ подъѣхалъ ко двору игумена Филарета, а Оболяевъ направился въ монастырскую слободку, на постоялый дворъ. Накрапывалъ дождь. Пугачова опозналъ шедшій навеселѣ изъ скита житель Мечетной, видѣвшій Емельяна прежде и знавшій, что его вездѣ ищутъ послѣ его бѣгства изъ Казани, особенно за толки о немъ въ Яицкѣ.

— Ба, куманекъ! откуда?—спросилъ мужикъ, остановясь.

— Въ городъ ѣду, по дѣлу.

— А паспортъ, Емеля, есть?—подумавъ, прибавилъ незнакомецъ.

— Какъ не быть!

— Гдѣ же онъ?

— Въ мѣшкѣ; видишь, дождь.

— Пойдемъ-ка лучше къ выборному.

— Ужо сходимъ, некогда, скоро вернусь!—отвѣтилъ Пугачовъ, стегнувъ по лошади.

Онъ ускакалъ и у слободки догналъ Оболяева.

— Бѣда, Максимычъ, — сказалъ онъ: — меня признали тутъ; дадутъ, я чай, знать выборному, надо скрыться, бѣжимъ.

— Да чего же я-то, батюшка, буду прятаться?—удивился умётчикъ:—коли ты рѣшилъ объявиться, и объявляйся прямо; всѣ за тобой пойдутъ... Развѣ знаешь что̀ за собой, а мнѣ нечего хорониться.

— Ну, какъ хочешь!—отвѣтилъ, отъѣзжая, Пугачовъ: — вѣдь и я ничего дурного имъ не сдѣлалъ.

Оболяевъ послѣдовалъ за нимъ. Оба они въѣхали въ ворота Пахоміева скита. Но едва Пугачовъ слѣзъ на-земь и началъ подъ навѣсомъ, близъ колодца, разсѣдлывать коня, съ околицы послышалась погоня. Монастырскіе старцы, съ тревогой, выходили изъ келій.

— Бѣги, хоронись, — сказалъ Пугачову вышедшій изъ трапезной знакомый ему пекарь: — слышишь топотню? это ищутъ тебя.

«Опознали! неужели конецъ?» —подумалъ Емельянъ.

Онъ бросилъ лошадь и только-что хотѣлъ уйти, его обхватили чьи-то сильныя руки.

— А, куманекъ!—произнесъ, выступивъ изъ-за колодца, хмельной мечетецъ, спрашивавшій его о паспортѣ:—теперь уже не уйдешь, выборный разсудитъ.

Пугачовъ изловчился, вырвался изъ его рукъ и такъ толкнулъ его въ грудь къ колодцу, что тотъ, съ розмаха, упалъ навзничь, черезъ срубъ. Пока упавшій барахтался въ неглубокой водѣ, Пугачовъ оглянулся, подбѣжалъ къ плетню, перескочилъ черезъ него въ скитскій огородъ и, какъ кошка, прыгая и мелькая бѣлою рубахой въ лопушникѣ и крапивѣ, добѣжалъ до спуска къ Иргизу, спрыгнулъ въ лодку, стоявшую у берега, переплылъ на другой бокъ рѣки, втащилъ лодку въ камышъ и скрылся въ прибрежномъ лѣсу. «Не робѣй, Емеля,— думалъ онъ, запыхавшись и едва переводя духъ,—твоя стёжка еще не исхожена».

Емельянъ слышалъ за собою крики выборнаго и мужиковъ, тщетно искавшихъ его по кельямъ, сараямъ и погребамъ. Углубясь въ лѣсъ, онъ залегъ въ его гущинѣ. Здѣсь

онъ дождался ночи, украдкой, въ темнотѣ, снова пробрался къ берегу, сѣлъ надъ крутизной въ травѣ и сталъ смотрѣть и слушать. Все стихло въ скиту и въ монастырской слободкѣ.

«Ушелъ, а чуть опять не попался! — разсуждалъ Пугачовъ:—близка была гибель... Нѣтъ, теперь уже дешево не продамся... Не съ старцами и не съ гулёбщиками вести дѣло.—надо звать выборныхъ, главарей всего войска, — да не въ такую толчею, какъ здѣсь, а сперва, по тайности, въ иное, укромное мѣсто... Нужно поднять все казачество. Время приспѣло; ждутъ царя старъ и младъ,—царствуй, Емеля! — смѣлому—скатертью путь!»

XX.

Пугачовъ вытащилъ лодку изъ камыша, снова переплылъ черезъ рѣку и пробрался въ монастырскій дворъ. Онъ въ темнотѣ прошелъ подъ навѣсъ, отыскалъ тамъ и осѣдлалъ своего коня, тихо вывелъ его, мимо спавшихъ конюховъ, за ворота, вскочилъ на сѣдло и ускакалъ въ степь. Едва разсвѣло, онъ подъѣхалъ къ Таловому умёту. Усталый, голодный, съ обвѣтреннымъ лицомъ и въ намокшей отъ пота рубахѣ, Емельянъ молча слѣзъ съ дымившейся, едва живой лошади и ввелъ ее во дворъ.

— А дѣдко гдѣ? — спросилъ его арестантъ, постоялецъ Оболяева, надъ чѣмъ-то копавшійся у сарая.

— Поймали, видно, Ерёмкину-курицу, да, чай, ощипали ей уже не токма перья, а и хохолокъ,—отвѣтилъ Пугачовъ, отплевываясь пересохшимъ ртомъ.

— Какъ такъ?

— А такъ же, малый; намъ самимъ нынѣ надо думать о себѣ. Были какіе гости безъ насъ?

— Были.

— Откелева?

— Изъ Яицка.

— Зачѣмъ? что дѣлали? спрашивали меня?

— Прибѣгали верхомъ со степи, увидѣли, что никого нѣтути дома, и отъѣхали.

— Угощали вы ихъ? о чемъ они пытали?

— Чѣмъ угощать? сами, безъ дѣда, на однихъ сухаряхъ... все онъ заперъ... а тѣ пытали о тебѣ.

— Что же спрашивали развѣдчики?

— Да какъ-то мудрено... тутъ ли, молъ, обрѣтается батюшка нашъ, государь Петра Ѳедоровичъ, и здоровъ ли?

— Что же имъ отвѣчено?

— Здоровъ, молъ, да уѣхалъ въ городокъ; ну, они померекали еще маленько, сказали: коли вернется онъ и будетъ дома, дайте намъ, ребята, какой знакъ, и уѣхали.

— Ну, карауль же, любезный, — сказалъ Пугачовъ:—не пропусти нужныхъ гостей. Да племяннику не говори, что дѣда поймали,—еще станетъ ревѣть, до времени разгласитъ.

Сильно задумался, узнавъ о развѣдчикахъ, Емельянъ.— «Пришла окончательно пора! — мыслилъ онъ: — въ Яицкѣ дѣло, видно, на всемъ уже ходу. Надо быть, ой-какъ, на сторожѣ... Знаю ихъ... Не нынче, завтра явятся и выборные отъ стариковъ. На что арестантъ, и тотъ догадался!»

Поставивъ лошадь къ корму, въ конюшню, онъ прошелъ въ избу и сталъ шарить въ печи и въ поставцахъ, отыскивая чего-нибудь съѣстного. Печь, съ отъѣздомъ умётчика, осталась нетопленной; на полкахъ и въ разныхъ закутахъ, гдѣ обыкновенно у дѣда хранился хлѣбъ, валялись только остатки сухарей. Пугачовъ прошелъ къ колодцу, напился, умылся и сѣлъ у воротъ. Онъ разсѣянно глядѣлъ въ степь. Голодныя, отощалыя, какъ и онъ, собаки, бродя по двору, уныло смотрѣли на него, помахивая отвисшими хвостами. Насталъ вечеръ.

— Да какъ же это, парень, чѣмъ вы тутъ живы?—спросилъ онъ арестанта, гнавшаго воловъ къ водопою.

— И не говори, кормилецъ, — отвѣтилъ тотъ:— то была еще мучица, болтушку стряпали, а нынче грыземъ послѣдніе сухари; дѣдкинъ племянникъ утекъ это на слободку, къ крестной, а землячокъ нашъ другой и вовсе помандровалъ на Узени... хоть бы молока, кайкаму! коровы разбрелись въ лѣсу, безъ помочи и не найдешь.

Озлобленный Емельянъ легъ въ сараѣ. Ему не спалось. — «Господи! да неужели же все такъ-то будетъ и далѣ? Неужели не рѣшусь? За тѣмъ-то, за Богомоловымъ, вѣдь шли же, вѣрили ему. А у меня знаки на тѣлѣ и на лицѣ почище будутъ... Скажу, что я-то, именно, а не онъ, и былъ въ Царицынѣ и ушелъ оттолѣ сюда. Нѣтъ, такъ просто нельзя; надо, ой, надо иное что,—похитрѣе! Сѣрому мужику, драному зипуну, сказано вѣрно, и не попасть въ царствіе Божіе; богатому, да сильному, вотъ кому легко... Нужны сила, да богатство... А Господь грѣхи-то проститъ».

Ворочаясь съ боку на бокъ, Емельянъ снова всю ночь

думалъ о скудости, убожествѣ и бѣдности своей семьи.— «Какъ-то имъ тамъ живется, безъ него? Исчахла еще, чай, болѣе жена Софьюшка; голодаютъ, видно, какъ и онъ, малыя дочки — Аграфена да Христина, и ни на что извелся сынъ, подростокъ Тришка».—И до утра грезились Емелькѣ душистыя и мягкія, пшеничныя пампухи, блины, съ конопляным маслом и съ лукомъ. Онъ мысленно глоталъ ихъ цѣлыя миски, запивая брагой и пивомъ.—«Да и что высоко мѣтить?—разсуждалъ онъ:—хоть бы ублажить скорѣе казачество, поднять и вывести его въ другія, вольныя мѣста, на иныя, турецкія, что ли, воды, да попасть притомъ, за заслугу, въ старшины. Зажилъ бы вотъ какъ! изба въ двѣ клѣти, съ рѣзнымъ конькомъ, ворота росписныя, круторогіе волы, да пара, а то и двѣ лихихъ коней. Раздышался бы вволю, на сытой ѣдѣ, на сладкомъ питьѣ... А выше? почему же, спросить, и не выше?»

И вспомнился Емельяну одинъ вечеръ. Онъ вторыя сутки скакалъ изъ Кабаньяго къ Дону, на похищенномъ у комиссара, ногайскомъ жеребцѣ. Лихой былъ конь; мчался съ малыми отдыхами, — гдѣ пощиплетъ травки, гдѣ хлебнетъ воды изъ тощей, степной рѣченки,— а крутыя ребра такъ и ходятъ, налитые кровью глаза пылко глядятъ,—скоро ли опять въ дорогу? На послѣднемъ перегонѣ долго скакали безъ воды. Конь шатался, измучился жаждой и сѣдокъ. День былъ знойный; въ степи, куда ни глянешь, ни признака жилья или рѣки. И увидѣлъ вдругъ Емельянъ, изъ-за холма, верхи зеленыхъ вербъ. Онъ направился туда. Подъѣхалъ— глубокій логъ, за логомъ—лѣсъ, а внизу его—ручей и невдали отъ берега—колодецъ. У колодца дѣвушка, только-что набравшая вёдра воды.

— Кормилица, красавица! дай испить, — крикнулъ ей, подъѣзжая, Емельянъ.

— Пей, родимый, спасетъ тебя Господь! — отвѣтила та, кланяясь:—напой и коня.

Соскочивъ съ жеребца, Емельянъ жадно припалъ къ ведру, напился и посмотрѣлъ на дѣвку. Она, полная, статная, чернобровая, съ длинною, русою косой, не поднимая глазъ, поила тѣмъ временемъ коня.—«Красавица и одна!»—подумалъ Пугачовъ, оглядываясь кругомъ. Дѣвушка исподлобья посмотрѣла на него. Давно бродяга не видѣлъ женщинъ,

да еще такихъ, — а былъ онъ къ нимъ падокъ, съ молодости,—жена часто журила его за то.

— Откуда, милая?—спросилъ онъ, утираясь.

— Съ пасѣки, — отвѣтила дѣвка, указывая обнаженною, полною рукой на лѣсъ и снова черпая ведрами воду.

— Одна водишь пчелъ? — охорашиваясь, улыбнулся Пугачовъ.

— Для̀-че одна? дѣдушка тамотко! въ пѣвчихъ, въ станицѣ, былъ, да одряхлѣлъ; воды у насъ нѣту-ти, а въ ручьѣ непитòма, горькà.

Ловкимъ взмахомъ она подняла ведра на плечи и, быстро отойдя отъ колодца, направилась къ ручью.

«До лѣсу далеко, пасѣка еще дальше,—мыслилъ Емельянъ, охваченный дрожью, — передъ лѣсомъ кусты... кругомъ ни души!»—Онъ вскочилъ на освѣженнаго коня. Дѣвка успѣла сойти въ ручей. Вода въ немъ была ей выше щиколокъ.

— Топко тутъ, душенька?—спросилъ Емельянъ съ коня.

— Не проѣдешь съ конемъ, загрузнешь, берегись!—отвѣтила дѣвка съ середины ручья. Она шла по руслу, до колѣнъ въ водѣ.

— Стой, красавица, слушай!—крикнулъ вдругъ Емельянъ, поскакавъ слѣдомъ за нею.

Конь, достигнувъ ручья, остановился и уперся; Пугачовъ понукалъ его уздой и ногами. Тотъ взвился на дыбы и ни шагу съ мѣста.

— Да загрузнешь, утопишь и коня, — смѣялась дѣвка, выйдя на другой берегъ и отирая мокрыя ноги о траву.

— Слово одно,—крикнулъ Емельянъ:—постой! скажи, ласковая, утѣшь словомъ... Гдѣ на землѣ воля и счастливое житье?

Изъ-за ручья на Емельяна смотрѣли сѣрые, усмѣхавшіеся глаза.

— Счастливъ, парень, только Богъ на небѣ, да царь на землѣ! — отвѣтила дѣвка, прилаживая гибкое коромысло на плечѣ:—у царя да у Бога—добра много.

— Будь же ты мнѣ царицей, прими, любушка, къ себѣ въ куренёкъ.

— Стань прежде самъ ты царемъ!—съ гордой усмѣшкой отвѣтила красавица, обернувшись такъ быстро, что заплескалась изъ ведеръ вода.

— Что ты! статочное ли говоришь?—укоризненно крикнулъ ей Емельянъ:—нешто захотѣлъ стать царемъ—и сталъ?

— Постарайся... всяко диво бываетъ, може еще и станешь! — звонко смѣялась, уходя и болѣе не оглядываясь, дѣвка.

«Напророчила, вѣдь, предсказала!—думалъ теперь Емельянъ, ворочаясь въ сараѣ, съ подведеннымъ отъ голода животомъ,— а впрочемъ, захотятъ и примутъ казаки,—остальные покорятся. Соберу отрядъ, да какой! двинусь, подъ именемъ покойнаго государя,—не одна Волга признаетъ, и Москва... Тамъ вóйска, по слухамъ, мало, даже вовсе, сказываютъ, никакого. Дѣло начато. Выборные отъ казачества вотъ-вотъ явятся... Такъ тому, видно, и быть. Надо ихъ поднять».

Ожиданія Пугачова сбылись. На другой день, передъ вечеромъ, въ степи, позади умёта, показались двое верховыхъ казаковъ. Выѣхавъ изъ-за чуть виднаго кургана, они двинулись къ умёту, остановились, какъ бы разглядывая окрестность, и стали подвигаться ближе. Второй день, впроголодь, Емельянъ мучился раздумьемъ, какъ онъ приметъ и чѣмъ будетъ подчивать гостей? Принимаетъ такой санъ, а на умётѣ, кромѣ воды, въ рѣдкость были бы и сухари.

XXI.

Въ концѣ іюня, вскорѣ по переѣздѣ на мызу въ Кунцово, Глѣбъ и Марú получили отъ Силы Ильича Травкина слѣдующее письмо:

«Милостивый государь и благодѣтель мой, Глѣбъ Андреевичъ! Приготовьтесь свѣдать отъ меня, нижайшаго, нѣчто необычайное и простому уму, каковъ мой, даже непостижимое. Съ вашимъ досточтимымъ братцемъ приключилось событіе, коему я случайно былъ персональнымъ свидѣтелемъ и все оное зрѣлъ собственными недостойными очесы. Алексѣй Андреевичъ вчера строгали сыну копьецо, въ портретной, а отецъ Василій сидѣлъ противъ нихъ и, по обычаю, читалъ о великомученицѣ Анастасіи. Камердинеръ Дронъ подалъ вашему братцу на подносѣ нѣкое письмо, съ почты, и самъ сталъ къ сторонѣ. Алексѣй Андреевичъ взглянули на конвертъ, отложили его на столъ и кивнули отцу Василію,—ничего, молъ, продолжай свое; а сами, вижу, все поглядываютъ на ту цидулку. Наконецъ, не вытерпѣли, вскрыли ее, прочли и измѣнились въ лицѣ.—Чтò такое?— спросилъ священникъ. — Читай! — отвѣтили они ему. Тотъ началъ честь письмо. Отъ кого же оно было? Отъ Сера

фимы Львовны, да какое! — «Прости, Алеша, прости, другъ,—писала она:—у ногъ твоихъ молю; забудь мои злыя прегрѣшенія, мой позоръ,—не отвергни; обрати меня, куда знаешь, хоть въ судомойки, или въ коровницы; на колѣняхъ къ тебѣ приползу, смилуйся только, не кляни! Сны меня, смертныя сомнѣнія замучили и въ конецъ истерзали. Жить безъ тебя и безъ дѣтей не могу. Не простишь, руки на себя, окаянная, непрощенная тобою, наложу!» — Выслушали всѣ мы, сильно смутились и, не зная, что̀ сказать, молчали. А вашъ братецъ какъ вскочитъ, вытянулись во весь ростъ и говорятъ: «Что же вы, государи мои, молчите? вѣдь, это она, моя жена, вѣнчанная со мною, молитъ; вѣдь, это—законная моя хозяйка, матерь нашихъ дѣтей!»—Тутъ Алексѣй Андреевичъ упали на колѣни, передъ образами, воздѣли руки, тихо и со слезами, стали молиться, паки поднялись и отвѣсили отцу Василію пренизкій поклонъ:—«благодарствуй, батюшка! наставилъ ты меня, слѣпаго, и вразумилъ; Господь даетъ всѣмъ намъ великую и благую милость».—Обратились они и къ плачущему тутъ, отъ радости, Дрону:—«Ну, Дрòнушка, сысканы мы Богомъ; готовь барину лучшій нарядъ, карету и все, какъ есть,—поѣдемъ въ Казань! Хозяюшка паки обращается къ намъ и къ дѣткамъ своимъ». — И, представьте, глубокочтимые Глѣбъ Андреевичъ и Марья Родіоновна, вашъ братецъ, какъ сказалъ, такъ и совершилъ; вчера всѣмъ парадомъ выѣхалъ въ Туровцòвскую вотчину, а насъ всѣхъ смиренныхъ сосѣдей оповѣстилъ, приглашая кстати и на посвященіе новозданнаго храма. А въ пригласительныхъ, отъ его милости, цидулахъ сказано: «Алексѣй и Серафима Дугàновы всепокорнѣйше просятъ и надѣются, что добрые сосѣди неукоснительно почтутъ прибытіемъ какъ оное торжество, день коего будетъ обозначенъ особо, такъ и радостный, по поводу того, семейный, въ Горкахъ обѣдъ». Слышно, что братцемъ приглашены и многіе сторонніе, даже изъ Саратова, въ томъ числѣ всѣми хвалимый, тамошній архимандритъ, Игнатій, коему уготовано совершить и освященіе храма. Пиръ, можно сказать, затѣянъ на славу, послано на пристань за первѣйшими рыбами, въ городъ — за лучшими винами и прочею бакалеей, а я почтенъ приглашеніемъ въ распорядители. Въ качествѣ же онаго и дабы во всемъ приспѣть и все, какъ подобаетъ, уладить, я осмѣ-

лился, при семъ случаѣ, указать братцу и лучшій день для семейнаго и церковнаго торжества, а именно — въ концѣ августа,—на честной праздникъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи. И замѣчу — въ ономъ, указуемомъ мною днѣ— нарочитое знаменіе. Въ древности, хитроумная и злая жена Иродіада, не милуя, усѣкла преподобному святителю Іоанну главу; наша же рекомая грѣшница, а нынѣ, по-моему,— почтенная и достохвальная госпожа, — Серафима Львовна, видимо смирясь, не погубила души неповиннаго, за что отъ мужа и отъ Бога сторицею будетъ награждена. Ждемъ и васъ, съ супругою и съ сынкомъ, на оный, всѣми нетерпѣливо ожидаемый и, сказать къ слову, небывалый, второбрачный вашего братца праздникъ. Чудны дѣянія свыше и да славится имя Господне, отнынѣ и до вѣка».

— Ни за что! — сказалъ Глѣбъ, прочтя и скомкавъ это письмо:—ужъ меня-то они не дождутся; ты же,—обратился онъ къ женѣ:—какъ знаешь, я умываю руки.

Мари́, видя раздраженіе мужа, промолчала.

— Да и вообще, — прибавилъ Глѣбъ, съ досадой: — всѣ точно рехнулись! Такое важное дѣло, цѣлый новый переворотъ въ семьѣ брата, а о немъ пишетъ гороховое чучело, этотъ Травкинъ, отъ самого же брата о томъ ни строки!

Какъ-то Мари́ и Глѣбъ были въ отличномъ настроеніи духа. Мари́, за клавесиномъ, играла отрывки изъ ораторіи Генделя. Глѣбъ, любуясь ею, припоминалъ подробности первыхъ лѣтъ женитьбы и счастія. Послѣ исторіи съ братомъ, онъ вдвое оцѣнилъ свой семейный покой, не зналъ, какъ за него благодарить Бога, и боялся лишь одного, какъ бы не исчезло это слишкомъ дорогое для него счастье. Принесли съ почты письмо Алексѣя. Тотъ писалъ кратко откуда-то, по пути къ Казани. — «Дорогой братъ, Глѣбушка,—извѣщалъ онъ:—я безъ ума отъ счастья; пролилъ его на мою недостойную голову Господь. Серафима нежданно обратилась ко мнѣ, съ полнымъ раскаяніемъ и такъ искренно, сердечно и совершенно просто. Никогда бы того и не придумалъ. Точно все это случилось во снѣ. Порадуйтесь за меня и пріѣзжайте, только не на Усѣкновеніе, какъ намъ совѣтовалъ-было добрякъ Травкинъ, а на Петровъ день: не откладывайте. Лечу къ ней, не помня себя».

— Тряпка и сущій дуракъ! — сказалъ Глѣбъ, прочитавъ это письмо брата.

Второе, болѣе пространное извѣстіе отъ Алексѣя получилось уже изъ-подъ Казани. — «Пріѣхалъ я, други мои, въ Туровцово, и увидѣлъ Серафиму,—сообщалъ онъ:—ахъ, что это была за встрѣча! Сколько трогательнаго и поучительнаго! Она вышла ко мнѣ, вся въ темномъ, какъ приговоренная къ казни преступница, и при всѣхъ пала мнѣ въ ноги. И какъ плакала, какъ молила меня,—простить ее и забыть все. Ты не узналъ бы, увидѣвъ ее. Изъ вѣтреной — стала разсудительною, изъ заносчивой, легкомысленной бабенки,—какихъ вездѣ не мало,—строгою и дѣльною женщиной, любящею и заботливою матерью. Я на нее гляжу, по часамъ, не спуская съ нея глазъ, а она торопитъ меня въ Горки, къ оставленнымъ птенцамъ.—«Дѣтки мои, дѣтки ненаглядныя!—повторяетъ она:—Петичка, Количка, Надя! Ангелочки мои, гдѣ вы?»—Ну, просто, какъ помѣшанная!»

Ожиданія Глѣба о командировкѣ сбылись. Недѣли черезъ полторы, по полученіи послѣдняго письма отъ брата, онъ былъ экстренно вызванъ къ князю, получилъ наставленія о Корониной, простился съ женою и на слѣдующій же день уѣхалъ въ Петербургъ. Для того же, чтобъ окончательно не обидѣть Алексѣя Андреевича отказомъ отъ поѣздки въ Горки, Глѣбъ и Мари предложили Нинѣтъ — поѣхать туда за нихъ, что Нинѣтъ вскорѣ и исполнила.

Невольное раздраженіе, овладѣвшее Глѣбомъ, при первыхъ извѣстіяхъ о новыхъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ брата, мало-по-малу, улеглось. Онъ подъ-конецъ, видимо, съ этимъ сталъ примиряться. Но Мари нежданно замѣтила въ немъ другую, новую и до тѣхъ поръ незнакомую ей черту. Ее поразила какая-то особенная сухость и сдержанность въ его обыкновенно мягкомъ и искреннемъ обращеніи и разговорахъ не только съ нею, но и съ прочими домашними.

Онъ вдругъ точно подтянулся и подобрался. Всегда предупредительный и въ существѣ несомнѣнно добрый, Глѣбъ куда-то точно ушелъ, а на мѣстѣ его, въ семьѣ, какъ-бы явился другой Глѣбъ. Онъ, казалось, радушно смотрѣлъ на всѣхъ, но въ его взглядахъ просвѣчивалась несвойственная ему до той поры пристальность, а особое вниманіе, съ которымъ онъ прислушивался къ каждому слову окружающихъ, точно ища въ немъ чего-то недосказаннаго и скрыт-

наго, невольно смущало Мари́. Глѣбу, видимо, было не по себѣ.

— Что съ тобою?—рѣшилась, наконецъ, Мари́ спросить его, глядя съ тревогой въ его грустные, потускнѣвшіе глаза: — здоровъ ли ты? Отложилъ бы свою поѣздку! Неужели нельзя этого уладить? Князь знаетъ и цѣнитъ тебя; позволь, я поѣду и попрошу его.

— Благодарю, милая, я здоровъ, а медлить не изъ-чего,—отвѣтилъ Глѣбъ, особенно горячо и нѣжно цѣлуя жену:—все это пустяки, пройдетъ и такъ... Вѣдь разлука, согласись, кого не смутитъ? При томъ мнѣ дано такое важное и отвѣтственное порученіе. Будь только ты внимательна къ себѣ и дитяти, все остальное пройдетъ и кончится благополучно.

Ласковый отвѣтъ Глѣба нѣсколько успокоилъ Мари́. Она старалась себя убѣдить, что онъ говоритъ искренно и отъ души. Ея сердце, однако, ныло. Да и какъ было не томиться о мужѣ? По ночамъ онъ ворочался съ-боку-на-бокъ, вздыхалъ и отъ мрачныхъ мыслей, видимо, почти не спалъ.

Глѣбъ уѣхалъ въ половинѣ іюня, и Мари́, только впослѣдствіи узнавъ, какая ехидна въ то время вползла въ сердце мужа и сосала его, убѣдилась, какъ были правы ея предчувствія. Все, что испытала она затѣмъ, оставило въ ея домашней жизни тяжелый и неизгладимый слѣдъ.

Событіе, повліявшее на Глѣба,—какъ потомъ довѣдалась Мари́,—случилось за нѣсколько дней до его отъѣзда въ Петербургъ. Онъ, какъ нерѣдко случалось, возвратился въ то время на мызу, особенно усталый, голодный и потому не въ духѣ. Пыль покрывала его платье и лицо. Обойдя комнаты и не видя жены, онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, потребовалъ воды, умылся и сталъ переодѣваться. При этомъ онъ примѣтилъ на столѣ письмо, запечатанное черною печатью и адресованное на его имя. Мари́ въ то время съ Сысоевной перебирала въ дѣтской бѣлье ребенка. О возвращеніи мужа никто ей не сказалъ. Озадаченный черною печатью и незнакомымъ почеркомъ на конвертѣ, Глѣбъ позвонилъ слугу. — «Не случилось ли чего, Боже сохрани, съ матушкой и не предупреждаетъ ли насъ о томъ кто-либо изъ сосѣдей?»—пришло ему въ голову.

— Кто доставилъ это письмо?—спросилъ онъ вошедшаго слугу Сергѣя.

— Садовникъ Яковъ.

— А онъ откуда его взялъ?

— Какой-то господинъ давеча подъѣхалъ къ воротамъ, а Яковъ воду на цвѣты качалъ; господинъ кликнулъ его, спросилъ, дома ли баринъ, и велѣлъ вамъ отдать.

— Знакомый? Онъ видѣлъ его когда-нибудь?

— Говоритъ, увидѣлъ впервые; должно, городской и богатый, своя коляска и такой нарядный.

— Хорошо, иди себѣ.

Глѣбъ вскрылъ письмо, прочелъ первыя строки и обмеръ, Марі лишь впослѣдствіи, и послѣ ряда многихъ другихъ. скорбныхъ испытаній, навалившихся на нее, узнала объ этомъ письмѣ.

XXII.

Письмо оказалось анонимнымъ и въ немъ, видимо, поддѣльнымъ, ломаннымъ почеркомъ, были написаны слѣдующія слова: «Горделивый слѣпецъ и фанфаронъ! Ты смотришь зорко, анъ ничего не видишь; лѣзешь въ чужія дѣла, а у себя подъ носомъ, — что? Ужели не свѣдомъ? Ай, какъ жалко! Знай же, несчастный, тебя ловко проводятъ; ты обманутъ и давно рогатъ. Приглядись получше, все тебѣ станетъ ясно».

«Обманутъ, рогатъ!»—прозвучали страшныя слова передъ Глѣбомъ. Первымъ его движеніемъ было идти къ женѣ и показать ей это подметное письмо; затѣмъ онъ хотѣлъ ѣхать въ городъ и, во что бы то ни стало, разыскать и притянуть къ отвѣту написавшаго эти строки. Но какъ и гдѣ найти? Зачѣмъ попусту тревожить жену? Ломая себѣ голову, Глѣбъ перебиралъ въ умѣ, кто могъ бы рѣшиться на такую низость и кому было бы на руку нанести ему этотъ ударъ? Ни въ обществѣ, ни по службѣ онъ, по совѣсти, не имѣлъ и не зналъ подобныхъ враговъ. — «Злая шутка пустоголовыхъ, клубныхъ блюдолизовъ!»—рѣшилъ онъ, вспомнивъ, что только въ клубѣ могли на него особенно злиться, такъ какъ онъ туда не ѣздилъ, въ карты съ его посѣтителями не игралъ и вообще держался вдалекѣ отъ тамошней среды. Затаивъ въ сердцѣ полученную вѣсть и никому о ней не намекнувъ, Глѣбъ нѣжно простился съ женой, съ сыномъ и домочадцами и уѣхалъ изъ Москвы.

Всю дорогу и первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ старался не думать о безыменномъ доносѣ и прилежно

переписывался съ женой. Не зная о происшедшемъ и грустя въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ, Мари́, разумѣется, ничего и не подозрѣвала, а нѣсколько мрачное настроеніе въ письмахъ Глѣба приписывала разлукѣ съ собой и тѣмъ же, огорчавшимъ его, извѣстіямъ о братѣ.

Прошелъ іюнь, наступила половина іюля. Жизнь на мызѣ шла благополучно. Мари́, за это время, получила съ Волги отъ Алексѣя и Серафимы и переслала мужу нѣсколько трогательныхъ писемъ. Оба они, хотя кратко, но радостно, извѣщали ее о счастливомъ своемъ возвратѣ въ Горки, объ освященіи, при этомъ, перестроенной церкви и объ общемъ мирѣ и довольствѣ, наставшихъ въ ихъ семьѣ.

Описывая званый свой обѣдъ, Алексѣй даже ударился въ шутки и остроты. — «Нашъ же главный распорядитель на ономъ торжествѣ, Сила Ѳомичъ Травкинъ, явился въ вишневомъ, матерчатомъ кафтанѣ и прикрывъ скудоволосый черепъ, съ сиво-бѣлою косичкой, чьимъ-то завитымъ и напудреннымъ, преогромнымъ парикомъ. На башмакахъ имѣлъ серебряныя, съ бантами, пряжки, а за камзоломъ на груди букетъ изъ лакфіолей и розъ. Когда же мы попарно стали шествовать изъ церкви, подъ звуки громогласнаго монастырскаго хора, мнѣ даже показалось, будто онъ, какъ нѣкій гвардейскій тамбурмажоръ, шагаетъ передъ нами съ золотою булавой».—Мари́ съ несказанною радостью читала эти письма изъ Горокъ. Уѣхавшая туда, съ іюня, Нинѐтъ также сочувственно описывала счастливую встрѣчу и искреннее примиреніе Алексѣя съ женой.

На вопросы Мари́, какъ удалась командировка, Глѣбъ въ началѣ писалъ, что все идетъ благополучно и ладно, что онъ часто видится не только съ приглашенными къ дѣлу, важными сенаторами, но и съ самимъ фаворитомъ государыни, Григоріемъ Орловымъ, а вскорѣ, вѣроятно, удостоится лицезрѣть и самую монархиню. Но потомъ онъ извѣстилъ, что дѣло снова запуталось, даже остановилось и что онъ возвратится теперь, по всей видимости, никакъ не ближе августа, а то, пожалуй, и позже.

Травкинъ, попрежнему, писалъ о событіяхъ въ Горкахъ. Въ одномъ изъ писемъ, передавая нѣкоторые мѣстные слухи, онъ сообщилъ и о новыхъ толкахъ между крестьянами, — будто гдѣ-то опять появился, считавшійся покойнымъ, государь Петръ Ѳедоровичъ. — «Разумѣется, то все глупыя и

дерзкія сплетни,—выразился при этомъ Травкинъ:—но что удивленія достойно, — ваша почтенная родственница, Нина Александровна, узнавъ о томъ, выразилась: «А почемъ знать? можетъ-быть, это и въ самомъ дѣлѣ настоящій, скрывавшійся гдѣ-нибудь донынѣ въ чужихъ земляхъ, нашъ государь?»—Мысль безумная и опасная, а ея держатся, вообразите, и другіе. Я же, навѣстивъ нѣкогда своего брата въ Питерѣ, былъ самолично на похоронахъ покойнаго государя. Оный мой братъ Павелъ нынѣ въ Яицкѣ, у больного тестя. Пишетъ,—опять тамъ неладно; казаки мутятся и слышать не хотятъ начальства».

Марй, порицая въ душѣ Нинѣтъ и не желая огорчить мужа, не послала ему этого письма Травкина; остерегаясь за послѣдствія, она даже сожгла его.

Въ исходѣ іюля, въ Москвѣ пошли проливные дожди. Ребенокъ Марй, на мызѣ, снова расхворался. Видя, что приглашенный къ нему извѣстный дѣтскій врачъ-нѣмецъ мало помогаетъ, Марья Родіоновна предложила ему позвать на совѣтъ другого медика. Тотъ привезъ на мызу какого-то француза; ни нѣмецкія, ни французскія пилюли, однако, не помогли. Вася продолжалъ хирѣть. Измученная тревогой, Марй подумала и рѣшилась позвать Спесивцева. Послѣдній долго отнѣкивался. Онъ обмѣнялся съ Марй нѣсколькими письмами. — «Я, какъ вы знаете, не практикую, — писалъ онъ: — пріѣхать по знакомству готовъ, но какой же я медикусъ, коли вы знаете мой взглядъ на медицину?» Марй шутками и ласками старалась убѣдить его, приводила разныя доказательства и, наконецъ, уговорила его. Онъ смиловался и пріѣхалъ.

Осмотрѣвъ ребенка и найдя у него новый упадокъ питанія и отъ того общее разстройство здоровья, Спесивцевъ посовѣтовалъ ему хорошій бульонъ, ароматическія ванны и втиранія, и сталъ бывать на мызѣ чуть не каждый день. Ребенокъ началъ чувствовать себя лучше. Марй отрадно вздохнула. Даже Сысоевна, вообще не любившая Спесивцева за его насмѣшливый нравъ и за то, что онъ, ни при звонѣ благовѣста, ни при ударѣ грома, не крестился—выразилась о немъ: «Не дохтуръ, чистый вѣдунъ; его бабка, видно, знала все и ему въ ладонку свое вѣдовство зашила».—Старая Дуганова, узнавъ отъ Марй объ отъѣздѣ Глѣба въ Петербургъ и о болѣзни своего внука, собралась-было изъ Ракит-

наго въ Москву, съ цѣлью — помочь невѣсткѣ и затѣмъ, когда внуку станетъ лучше, проѣхать кстати на Волгу къ своему пасынку. Но и она, въ то время, разнемоглась и отложила свою поѣздку до болѣе удобнаго времени.

Въ хлопотахъ о ребенкѣ, Марі бросила чтеніе и музыку и вообще мало обращала вниманія на постороннія вещи. Даже извѣстіе о болѣзни свекрови она приняла, какъ обычное недомоганіе вообще слабой здоровьемъ старухи. Изъ числа знакомыхъ горожанъ, Марью Родіоновну въ Кунцовѣ навѣщали изрѣдка — жена одного изъ сослуживцевъ Глѣба, ихъ домашній врачъ-нѣмецъ, лѣчившій и князя-главнокомандующаго, неизмѣнный Спесивцевъ и одна дальняя родственница Марі, вдова бѣднаго чиновника, умершаго во время чумы, Надя Шимкова. Послѣдняя жила въ крайне стѣсненномъ положеніи. Узнавъ, съ полгода назадъ, о ея нуждѣ, Марі пособляла ей, чѣмъ могла, и радовалась, что Надя, навѣщая ее, хоть нѣсколько отдыхала отъ своей тяжкой доли. Глѣбъ вызвался похлопотать для нея о казенномъ мѣстѣ. По праздникамъ названныя лица иногда обѣдали у Марі, причемъ она, имѣя собственныхъ лошадей и пользуясь снова наставшею хорошею погодой, иногда угощала ихъ прогулками въ окрестностяхъ Кунцова. Эти поѣздки, впрочемъ, обыкновенно предпринимались болѣе для Васи, котораго, по совѣту Спесивцева, Марі почти безвыходно держала на воздухѣ. Видя, что ребенокъ снова сталъ оправляться, Марі не тревожила мужа извѣстіемъ о его болѣзни, а чтобы еще болѣе быть спокойною, рѣшила, по возможности, скорѣе возвратиться въ городъ.

Однажды Спесивцевъ, по обычаю, заѣхалъ на мызу. Любуясь поздоровѣвшимъ Васей, онъ взялъ его на руки отъ няни и сталъ его цѣловать.

— Не дѣлайте этого,—сказала ему Марі, по-французски...

— Почему? — удивился онъ.

Марі покраснѣла.

— Мужъ не любитъ, когда ребенка ласкаютъ посторонніе, — отвѣтила она.

— Но вашего мужа здѣсь нѣтъ,—улыбнулся Спесивцевъ:— а я развѣ посторонній?.. я для васъ сдѣлалъ невозможное,— медикомъ сталъ.

— Вздоръ, вздоръ, — сказала Марі, не помня себя отъ смущенія: — оставьте его!

— Да почему же?

— Боюсь, что сглазите.

Взявъ отъ него ребенка, она отослала его съ Сысоевной и въ досадѣ на себя замолчала. Спесивцевъ грустно вздохнулъ, угнѣздился въ уголъ софы и, по обычаю, когда онъ начиналъ о чемъ-нибудь усиленно и съ недовольствомъ думать, засопѣлъ носомъ. Марй расхохоталась.

— Смѣйтесь, смѣйтесь,—сказалъ онъ:—собственно вѣдь и я веселъ, потому что почти счастливъ; все идетъ хорошо въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

— Чѣмъ же вы особенно довольны?

— А какъ же? вашему сыну, во-первыхъ, лучше, недолго при томъ ждать осени,—настанетъ слякоть, вы переберетесь снова въ городъ, и мнѣ не зачѣмъ будетъ сюда трястись, на нашихъ гитарахъ, отбивающихъ бока.

— Ну, и не ѣздите больше,—сказала Марй:—я вамъ очень благодарна, но не желаю вамъ дурного.

— А во-вторыхъ,—продолжалъ Спесивцевъ:—подъѣдетъ вашъ мужъ, и опять мы съ нимъ сядемъ за шахматы; и въ такомъ простомъ видѣ кончится весь мой вѣкъ. Скажутъ, былъ когда-то лѣкарь, безъ практики, хотя кое-кому иногда помогая, избавляя людей отъ ядовъ латинской кухни, и умеръ, сожалѣя, что ровно нечѣмъ ему было заняться подъ конецъ жизни.

— Какъ нечѣмъ? вы же такой охотникъ до общества, особенно... до семейныхъ драмъ...

— Въ томъ-то и дѣло, что драмъ болѣе нѣтъ. Вашъ вонъ своякъ нежданно примирился и отъ души, какъ увѣряютъ, вновь сошелся съ своею женою; ну, драма и кончилась, а другихъ не нарождается. Что же мнѣ дѣлать, о чемъ думать и что̀ говорить? Меня соблазняютъ на разныя кондиціи, въ отъѣздъ; одинъ помѣщикъ даже обѣщаетъ отказать мнѣ, по смерти, свое состояніе, лишь бы я переѣхалъ къ нему въ деревенскую трущобу... великій чудакъ и масонъ...

— И что же?

— Да развѣ можно промѣнять на что-нибудь Москву? здѣсь все-таки люди, увидишь и услышишь кого-нибудь. Потомъ, этотъ господинъ уже очень довѣрчивъ, не видитъ риска,—отказываетъ доктору состояніе, а тотъ каждый день можетъ, по всѣмъ правиламъ искусства, отправить его къ праотцамъ.

Марі съ улыбкой, молча слушала балагура. Онъ надулся.

— Вижу, вы мысленно разбираете и опредѣляете меня,— произнесъ онъ:—скажите откровенно, кто я такой, по-вашему?

— Вы? — спросила, смѣясь, Марі.

— Да.

— Трутень! — отвѣтила она, снова и уже громко расхохотавшись.

Спесивцевъ былъ озадаченъ.

— За этотъ, милая барынька, сюрпризъ,—сказалъ онъ:— позвольте...

Онъ схватилъ и быстро поцѣловалъ ея руку. Марі не замѣтила, что въ это время въ комнату вошла и стояла у двери Сысоевна.

— Что̀ тебѣ?—обратилась къ ней, не глядя на нее, Марі.

— Василію Глѣбычу готовить и сегодня купель?

— Не надо, — отвѣтилъ Спесивцевъ, вставъ и откланиваясь Марі:—лѣченіе кончено; твой барченокъ здоровъ.

XXIII.

Онъ пошелъ въ залъ и на порогѣ встрѣтился съ подъѣхавшею изъ города Надей Шимковой. Они поздоровались.

— А вы, извините, все также блѣдны, — сказалъ, кланяясь ей, Спесивцевъ.

Надя, съ грустною улыбкой, молча подошла къ Марі. Онѣ обнялись.

— Кстати, Захаръ Семеновичъ, — сказала Марі Спесивцеву:—вотъ я все убѣждаю ее. Здѣшняя мыза намъ уступлена до зимы; я думаю на - дняхъ переѣхать въ городъ и предлагаю Надѣ остаться здѣсь. Одобряете ли вы это?

— Совѣтъ полезный,—отвѣтилъ Спесивцевъ:—Марья Родіоновна лучше придумать не могла... Школа виталистовъ умножается! Сельскій воздухъ, молоко и прогулки,—что̀ можетъ быть лучше? Вы теперь худы и блѣдны, — здѣсь навѣрное и быстро еще оправитесь.

— Я при томъ не одна,—произнесла Шимкова:—у меня дѣвочка и тоже хворая. Одного здѣсь боюсь,—безъ докторовъ.

— Да бросьте ихъ, ради Бога.

— Ее лѣчитъ Лельѐвръ, — сказала Марі.

— Оттого она и хвораетъ, — отвѣтилъ Спесивцевъ.

— А вы насъ навѣстите, если будетъ нужно? — спросила Надя.

— Съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ; ужъ хоть бы,

въ тѣхъ видахъ, чтобы вылѣчить вашу дѣвочку отъ принятыхъ ею лѣкарствъ.

Въ двадцатыхъ числахъ августа Марѝ возвратилась въ городъ, о чемъ и извѣстила мужа. Погода держалась еще теплая и ясная. На мызѣ, въ Кунцовѣ, поселилась Надя Шимкова. Марѝ оставила ей часть прислуги и мебели, провизіи и водовозку, съ запасными дрожками, для поѣздокъ въ городъ, гдѣ Надя въ нѣкоторыхъ домахъ брала себѣ шитье бѣлья и другую работу. Марѝ навѣщала ее изъ Москвы.

Было,—какъ часто потомъ вспоминала Марі,—двадцать-восьмое августа. Передъ вечеромъ, въ сумерки этого дня, Глѣбъ совершенно неожиданно возвратился въ Москву. Письмо Марі о ея переѣздѣ въ городъ уже не застало его въ Петербургѣ. Ѣдучи въ Москву, онъ также никого не предупредилъ о своемъ возвратѣ. Марѝ не было въ тотъ вечеръ дома. Глѣбъ обошелъ комнаты и, не видя жены, заглянулъ въ дѣтскую.

— Гдѣ же барыня?—спросилъ онъ Сысоевну, поцѣловавъ Васю, котораго та держала.

— На мызѣ.

— Развѣ вы не совсѣмъ переѣхали оттуда?

— Тамъ осталась пріятелька барыни, съ дитемъ.

— Кто?

— А какъ ее, право?.. Шимкова, что ли.

— Надежда Павловна?

— Она.

— Зачѣмъ же Маша туда поѣхала?

— Навѣщаетъ ее.

— Давно сами вы въ городѣ?

— Денъ съ пять.

— А барыня скоро думала быть назадъ?

— Что имъ тамъ? сейчасъ, должно, будутъ. А вашей милости какъ ѣздилось? всѣ ли вы въ добромъ здоровьѣ?

— Ничего, няня, спасибо. Все хорошо.

Глѣбъ зашелъ въ кабинетъ, развязалъ часть своихъ вещей, покопался въ рабочемъ столѣ и въ шкапахъ, что-то началъ-было писать, но изорвалъ написанное и, надѣвъ шинель и шляпу, вышелъ на крыльцо.

— Будете, сударь, пить чай?—обратился къ нему слуга.

— Не буду.

— Что сказать барынѣ, коли пожалуютъ безъ васъ? — спросилъ Сергѣй.

— Скажи, что поѣхалъ по дѣлу и вернусь позднѣе...

Пройдя Чистые-пруды, Глѣбъ на Покровкѣ кликнулъ знакомаго извозчика Фролку, обыкновенно стоявшаго здѣсь у богатаго трактира, сѣлъ на его дрожки и велѣлъ ѣхать въ Кунцово.

— Съ пріѣздомъ, ваше сіятельство!—сказалъ румяный и кудрявый Фролъ, снявъ шапку.

— Благодарю.

Красивый фролкинъ рысакъ медленно двинулся.

— Гони, любезный, смеркается,—сказалъ Глѣбъ:—нужное дѣло, ничего не пожалѣю... а конь у тебя еще, вижу, сталъ рѣзвѣй.

Польщенный Фролъ подобралъ вожжи и пустилъ своего сѣраго полнымъ ходомъ. Онъ скоро домчалъ Глѣба въ Кунцово. На дворѣ, между тѣмъ, совсѣмъ стемнѣло. Миновавъ крайніе домишки Кунцова, за которыми, у края лѣсной просѣки, начинались паркъ и садъ — при мызѣ главнокомандующаго, Глѣбъ велѣлъ извозчику, вдоль просѣки, ѣхать шагомъ.

— Придержи коня,—сказалъ онъ:—пусть отдохнетъ.

— Помилуйте, сударь, ничего! радъ стараться.

— Нѣтъ, лучше шагомъ...

Въ узкой просѣкѣ было еще темнѣе. Вправо бѣлѣла крашеная рѣшетка парка, огражденная отъ дороги глубокою канавой. Поверхъ рѣшетки, въ прогалинѣ между деревьями, былъ виденъ свѣтъ. Глѣбъ узналъ окна княжеской мызы. Разглядѣвъ въ темнотѣ рядъ высокихъ тополей, онъ вспомнилъ, что противъ нихъ изъ парка на просѣку была калитка.

— Стой здѣсь,—сказалъ онъ извозчику:—я пройду садомъ; когда будетъ нужно, кликну тебя; вотъ обрадуется жена.

— Вѣстимо, сударь.

Глѣбъ отыскалъ и отперъ калитку. Войдя въ паркъ, онъ шелъ сперва бережно, опасаясь, въ лѣсной мглѣ, наткнуться на вѣтви, потомъ пошелъ скорѣе. Дорога отъ тополей вела прямо къ дому. Паркъ кончался широкимъ прудомъ; за берегомъ послѣдняго начинался плодовый и цвѣточный садъ. Отъ пруда сталъ виденъ домъ. Нѣсколько оконъ въ лѣвой его сторонѣ были освѣщены. На прудѣ послышался плескъ.

— Кто здѣсь?—спросилъ Глѣбъ.

— Садовникъ.

— А, это ты, Яковъ?

Садовникъ узналъ голосъ барина и подбѣжалъ къ нему.
— Съ пріѣздомъ, сударь... Вотъ не ожидали.
— Что ты дѣлаешь тутъ?
— Привязываю лодку.
— Развѣ на ней кто теперь ѣздилъ?
— Наша сударыня, Марья Родіоновна.
— Она еще здѣсь?
— Въ комнатахъ.
— Съ кѣмъ плавала на лодкѣ?
— Съ дохтуромъ.
— Съ какимъ?
— Съ Захаромъ Семеновичемъ.
Глѣбъ помолчалъ.
— Одни они плавали?
— Одни-съ.
— А барыня, что здѣсь гоститъ?
— Ихъ не было.
— Дома ли она?
— Что-то не видѣлъ... Надо полагать, дома, а може еще въ городѣ; послѣ обѣда куда-то ѣздили.
— Наша барыня ожидаетъ ее здѣсь, что ли?
— Полагать должно. Барынины и дохтурскіе кони еще на конюшнѣ; я эвоси туда носилъ овесъ, а рыжаго не видѣлъ.
— Какого рыжаго?
— А водовозки... имъ барыня, для надобностей, оставила. Да позвольте, сударь, я сбѣгаю, узнаю.
— Не надо, ступай себѣ, Яковъ, но никому не говори: я самъ туда, черезъ балконъ...
— Вотъ, сударь, барыня обрадуется.— сказалъ Яковъ.
Отпустивъ садовника и выждавъ, пока затихли его шаги, Глѣбъ остановился, увидѣлъ подъ деревомъ скамью и безпомощно опустился на нее.
— «Обрадуется! — сказалъ онъ себѣ съ горечью: — такъ вотъ оно что, вотъ разлука! Кто могъ думать и ожидать? у Маши въ гостяхъ, tête a tête. Спесивцевъ... она ѣздитъ сюда... Неужели условленныя свиданія?» —Глѣбъ съ горечью посмотрѣлъ черезъ прудъ на освѣщенныя окна. Онъ уже приподнялся и рѣшился было пройти туда, смутить виновныхъ, по его мнѣнію, и потребовать отъ своего соперника отвѣта. Ему уже мерещилась грозная сцена, запирательства соблазнителя, вопли жены и роковой домъ, о которомъ го-

ворилъ при немъ Алексѣй. — «Нѣтъ, быть не можетъ!» — сказалъ себѣ съ отвращеніемъ Глѣбъ: «тутъ непонятное стеченіе случайныхъ обстоятельствъ, не болѣе... Но если?..» — Онъ оставилъ скамью и паркомъ пошелъ назадъ.

— Фролушка, ты здѣсь? — окликнулъ онъ у калитки извозчика.

— Здѣсь.

— Ѣдемъ назадъ.

— Не застали, значитъ, хозяюшки?

— Уже уѣхала.

Дрожки помчались обратно въ Москву.

— «Невѣроятное, безобразное событіе! — повторялъ мысленно Глѣбъ, разглядывая впотьмахъ заборы и домишки предмѣстья, въ которое въѣхали дрожки: — а, впрочемъ, чего съ женщиной не можетъ приключиться? на что̀ онѣ не способны? Серафима... казалась тоже такою невинною, смиренницей, а что̀ натворила!» — Острая боль щемила сердце Глѣба. Шумъ и движеніе городскихъ улицъ, по которымъ несся Глѣбъ, нѣсколько развлекли его. У одной изъ площадей онъ узналъ двухъ-этажный, съ колоннами и садомъ, домъ Туровцовой, гдѣ на свадьбѣ Алексѣя онъ впервые увидѣлъ Марй.

Глѣбу вспомнились первые годы послѣ его женитьбы, его пребываніе съ женой у матери въ Ракитномъ, рожденіе тамъ, въ его отсутствіе, сына и собственныя радостныя слезы, когда онъ впервые увидѣлъ ребенка и взялъ его на руки. Нежданная, жгучая мысль потрясла его... Онъ вдругъ припомнилъ, что Спесивцевъ гостилъ въ Ракитномъ, во время родовъ Марй, что онъ пріѣхалъ туда заблаговременно и уѣхалъ значительно позже, когда все благополучно кончилось.

— «Нѣтъ, нѣтъ! не можетъ быть! — твердилъ онъ себѣ, съ дрожью: — матушка писала мнѣ тогда, что сама задержала этого гостя!» — Глѣбъ доѣхалъ до угла Покровки и Чистыхъ-прудовъ, остановилъ извозчика, расплатился съ нимъ и, чтобы хоть нѣсколько разсѣяться, пошелъ, вдоль прудовъ, домой пѣшкомъ.

XXIV.

Пугачовъ сидѣлъ въ воротахъ сарая, набивая обручъ на походный боченокъ, въ то время, когда подъѣхавшіе казаки приблизились къ огороду, бывшему за дворомъ. Они привязали коней подъ вербами и остановились у забора, за кото-

рымъ копалъ грядку узнавшій ихъ бродяга-арестантъ. Они съ нимъ разговорились черезъ заборъ. Емельянъ искоса наблюдалъ, какъ прибывшіе нерѣшительно спрашивали о чемъ-то арестанта и какъ тотъ отвѣчалъ имъ, поворачивая бритую голову къ сараю.

— Такъ это и есть нашъ батюшка-царь? — спрашивали казаки.

— Онъ самый.

Казаки, снявъ шапки, съ крайнимъ любопытствомъ смотрѣли, черезъ заборъ, въ ворота сарая, гдѣ въ простой, мужичьей рубахѣ и въ набойчатыхъ штанахъ, новоявленный царь, отесавъ обручъ, собственноручно набивалъ его обухомъ на днище боченка.

— И въ какой скудости, простотѣ! — невольно умиляясь, разсуждали между собой казаки: — претерпѣлъ, сердечный, — до времени, аки подъ спудомъ, былъ сокрытъ!.. Можно, миленькій, къ нему?

— Приметъ ли еще? — съ важностью замѣтилъ бродяга.

— А что? — гнѣвенъ, что ли, бываетъ?

— Всяко случается. Ждалъ васъ, а, все-таки, надо спросить.

— Иди, спасетъ тебя Господь! — отвѣтили, кланяясь, казаки.

Арестантъ подошелъ къ Пугачову. Тотъ, оправясь, проговорилъ: зови! — Казаки перелѣзли черезъ заборъ, прошли огородомъ и приблизились къ сараю. Это были еще не женатые, безхозяйные парни, малолѣтки.

— Ты ли, надёжа, нашъ государь, Петръ Ѳедоровичъ? — спросили они съ низкимъ поклономъ.

— Я самый. Отъ кого обо мнѣ извѣстны вы стали?

— Тотъ казакъ объявилъ, что добылъ тутъ коня. Въ городѣ, кормилецъ, всѣ баютъ, ждутъ и не дождутся тебя, нашего избавителя.

— Кто васъ прислалъ? войско? — съ недовѣріемъ спросилъ Пугачовъ.

— Всѣ, какъ одинъ, всѣмъ міромъ, старъ и младъ! — врали казаки.

Пугачовъ на мигъ просіялъ, хотя въ его глазахъ еще виднѣлось сомнѣніе и какъ бы испугъ.

— Войсковой, стало быть, не старшинской руки? — спросилъ онъ, разглядывая безусыя, простодушныя лица молодыхъ казаковъ.

— Вѣстимо, батюшка; за тебя вся убогая чернь, обижен-

ная, бездомная сѣрома, голяки... Что брюханамъ, да богачамъ? они, воры, и безъ тебя всѣмъ довольны.

«Такъ вотъ что. старшіе еще не за меня!» — подумалъ Пугачовъ.

— Знаю я брюхановъ!— сказалъ онъ, помолчавъ:—садитесь, поговоримъ.

Казаки переглянулись.

— Мы, твое царское величество,—отвѣтили они:—и постоять передъ тобой охочи.

— Приказываю, такъ садитесь, — съ досадой объявилъ Пугачовъ:—не въ ногахъ только служба!

Казаки сѣли на-земь у воротъ сарая. Пугачовъ положилъ недодѣланный боченокъ на край колоды, на которой сидѣлъ, и сбросилъ съ нея стружки.

— Ну, яицкіе казаки,—началъ онъ:—я точно вашъ государь, Петръ Ѳедоровичъ. Коли вы рѣшили, такъ примите меня и защитите, а не угодно, уйду на Узени и въ дальнія, дикія степи,—буду ждать другой пособки и иныхъ временъ.

— Не токма примемъ, на все готовы!—отвѣчали казаки, вставъ и кланяясь до земли: — старики баютъ, всѣ наши достатки и животы положимъ за тебя.

— По-правдѣ?

— Какъ передъ Господомъ Богомъ.

— Поклянитесь мнѣ, своему государю.

Казаки обратились на востокъ и, крестясь двуперстнымъ крестомъ, клятвенно подтвердили свои слова. Глаза Емельяна засвѣтились снова довольствомъ. Отъ радостной усмѣшки на вискѣ у него сложилась морщинка.—«Такъ и есть царскій знакъ!»—подумали казаки, разглядывая морщину, о которой уже слышали.

— Слышалъ я вашу клятву и вамъ вѣрю теперь! — сказалъ Пугачовъ: — вижу, объявиться мнѣ приспѣло время. Помогайте же, дѣтушки, соколы ясные, не покидайте... Что надумали, говорите.

— Не намъ, батюшка, рѣшать, пуще насъ есть!—отвѣтили, съ новымъ поклономъ, казаки:—мы только провѣдчики, подростки-ходаки.

— Гдѣ же ваши старшіе? — спросилъ Пугачовъ: — что медлятъ? говорю, время пришло.

— Насъ впередъ послали, сами ждутъ зова.

— Оробѣли, что ли?—кличьте, съ честью приму.

— Не твоего величества боязно, злыхъ супостатовъ сколько!
— Гдѣ ждутъ старшіе, далеко-ль?
— За тѣмъ, эвоси, курганомъ, въ логу̀.
— Что же медлите? зовите.
— Мы, батюшка, знакъ дадимъ.
— Давайте.

Одинъ изъ подростковъ, помоложе, взобрался на крышу сарая и сталъ оттуда махать палкой. Вдали показались три новые вершника. Они тихо приблизились къ умёту, объѣхали огородъ и дворъ и показались въ воротахъ. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, худой, съ окладистою русою бородой; другой— приземистый, черноволосый, скуластый и смуглый; третій— средняго роста, плотный, рябой и съ узенькими, на калмыцкій ладъ, глазами. То были уполномоченные отъ яицкаго войска,—Мясниковъ, Зарубинъ-Чи̂ка и Шигаевъ. Они слѣзли съ лошадей, привязали ихъ у воротъ, къ забору, и достали изъ тороко̀въ какія-то то̀рбы. На нихъ были нарядные, китайскіе азя̂мы, — на двухъ синіе, на третьемъ зеленый, — у каждаго ружье и сабля или кинжалъ у пояса.

— Дозволишь ли, батюшка, имъ подойти?—спросилъ подростокъ, махавшій съ крыши.

— Зови. Только вотъ что̀... Никто изъ васъ, вижу, не бывалъ въ Питерѣ и не знаетъ этихъ придворныхъ дѣловъ. Какъ подойдутъ, вы, мальцы, станете въ сторонкѣ, а они пусть упадутъ на колѣни и поцѣлуютъ мою руку.

Уполномоченные, оправясь и неся съ собою торбы, подошли безъ шапокъ къ сараю, опустились передъ Пугачовымъ на колѣни и, по очереди, поцѣловали протянутую имъ, мозолистую и загорѣлую его руку. Сильное волненіе охватило Емельяна. — «Вотъ, наконецъ, настоящіе первачи̂, рукода̀нники войска! —мыслилъ онъ, стараясь сохранить строгій и спокойный видъ,—зачѣмъ-то явились и что-то объявятъ мнѣ?»

Понимая, что передъ нимъ настоящіе, матерые казаки, а не мелкота, онъ готовился сказать имъ нѣчто важное и рѣшительное, подбиралъ въ умѣ слова, чтобы вышло торжественно и вмѣстѣ милостиво, какъ, по его понятію, должны были говорить высокіе властители-цари.

— Здравствуйте, войско яицкое!—сказалъ онъ, чуть кивнувъ головой на привѣтствіе казаковъ:—чай, удивляетесь? ваши отцы и дѣды ѣзжали къ моимъ предкамъ въ Москву и въ Питеръ; а нынѣ самъ монархъ пожаловалъ къ вамъ...

— Помилуй, отецъ! осиротѣли мы, страждемъ! помилуй, кормилецъ!—восклицали уполномоченные, припадая къ землѣ.

— Не кланяйтесь, дѣтушки, встаньте; садитесь противъ меня, поговоримъ.

Уполномоченные сѣли. Емельянъ внимательно вглядывался въ ихъ, какъ ему показалось, до-нельзя растерянныя и оробѣлыя лица. Казаки послѣ перваго смущенія, смотрѣли, однако, болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ робостью.—«Царь, а глядитъ, какъ есть, мужикомъ!»—думалъ длинный Мясниковъ.—«Одёженка совсѣмъ плоха, бородатъ и рыломъ какъ бы точно не вышелъ!»—мыслилъ, искоса поглядывая на царя, и черномазый Чика.

— Не вамъ, говорю, дѣтушки, кланяться мнѣ!—началъ, замѣтивъ пытливые взгляды казаковъ, Емельянъ:—за меня заступитесь! плохо мнѣ; погубили-было въ конецъ бояре, жена и начальство.

— Не прогнѣвайся и не обезсудь,—произнесъ, вставъ и кланяясь, рябой Шигаевъ:—время обѣденное, а живешь ты, видимъ, въ скудости, пока мальцы покормятъ и напоятъ коней, дозволь угостить,—прими отъ нашей нуждишки хлѣбъ-соль.

Шигаевъ вынулъ изъ торбы свѣжій пшеничный каравай и нѣсколько арбузовъ; Чика досталъ паляницъ, съ саломъ, и дынь; Мясниковъ—соленой рыбы, объемистую флягу, съ водкой, и стаканъ, завернутые въ войлочную полсть.

— Что-жъ,—отвѣтилъ, бывшій, все время, безъ Оболяева, впроголодь, Пугачовъ:—мы не брезгаемъ подданными,—угощайте.

XXV.

Казаки разостлали въ воротахъ сарая полсть, нарѣзали хлѣба и арбузовъ и разложили рыбу. Всѣ, помолясь, усѣлись за трапезу. Пугачовъ разспрашивалъ гостей о послѣднихъ событіяхъ въ войскѣ, о нуждахъ казаковъ и о притѣсненіяхъ новыхъ, поставленныхъ надъ ними, командировъ. Собесѣдники, закусывая, выпили за здравіе государя по стакану и по другому. По третьему онъ самъ предложилъ выпить.

— Здравствуй я, царь Петръ третій!—сказалъ онъ при этомъ:—пью и за здравіе маво сына, наслѣдника Павла Петровича. Разумный онъ и жаль мнѣ Павлушу... надо его скорѣе ослобонить! Царицу мою запру въ монастырь, пусть замаливаетъ грѣхи.

Пятна румянца выступили на лицахъ сотрапезниковъ. Языки ихъ развязались.

— Дѣтушки мои, соколы вы ясные!—воскликнулъ Пугачовъ, переставъ ѣсть, хотя вновь разрѣзанная, душистая дыня еще привлекала его къ себѣ: — претерпѣлъ я, охъ, много! пѣшъ нынѣ сталъ сизый орелъ; подправьте орлу крылья, — вотъ какъ васъ обряжу и вознесу. Бояре, офицерство умничаютъ, стоятъ за жену; надо истребить эту всю царицыну офицерщину, всѣ ея порядки.

— Благодарствуемъ отецъ!—говорили, кланяясь, казаки:— видимъ, стоишь ты за насъ, сиротъ.

— Всѣмъ васъ одарю,—продолжалъ Пугачовъ:—Яикомъ, съ притоками и рыбными ловлями, землями, всякими угодьями, солеными озерами,—вези рыбу и соль, куда хошь,—безданно и безпошлинно, торгуй на всѣ четыре стороны... Пожалую васъ древнимъ крестомъ и бородой! Яицкій городъ сдѣлаю Питеромъ, Астрахань—Москвой! Казакамъ быть надо всѣми!

— Очень благодарны! Такъ ѣдешь, что ль, съ нами?

— Оставивъ царство,—говорилъ Емельянъ:—я принялъ странствіе, скрывался и претерпѣлъ — за кого? за народъ! Дай Богъ до Питера, скорѣе сына сваво Павла повидать здорова. Мало будетъ войска, скроюсь опять; много пристанетъ, прямо пойду къ Москвѣ и далѣе...

Казаки, покачиваясь и продолжая жевать, молча слушали его. За трапезой прошло болѣе часа.

— А теперь, перво-наперво, — объявилъ Емельянъ:—гдѣ же это видано? Обносился я вонъ какъ, одёжишка у меня совсѣмъ негодящая.

— Это можно, для-че нельзя? — перебилъ болѣе другихъ охмелѣвшій Мясниковъ: — насъ уважь и мы свое дѣло докажемъ, такъ-то...

— Припасите платье подхожее, шалевый, али парчевой бешметъ, — говорилъ Емельянъ: — бархатную также шапку, краснаго, либо желтаго сафьяну на сапоги, чтобъ все было, какъ слѣдъ.

— А ты ѣзжай съ нами и дай указъ,—вставилъ на это Мясниковъ.

— Опять же нужны будутъ знамена,—продолжалъ Пугачовъ, какъ бы не разслышавъ сказаннаго ему: — накупите голи разныхъ цвѣтовъ, шелку, позументу и шнура. Да какъ бы пушекъ добыть? антирелія нужна...

— А ты дай намъ на все то бумагу! — повторилъ Мясниковъ.

— Какой же вамъ, дѣтушки, указъ или бумагу, когда нѣту еще писаря? Вѣдь, я своей руки не должо̀нъ казать, до времени, вплоть до самой Москвы, пока не верну царства и вѣнца. На то великая причина. Ворвалась въ душу смѣлость, дольше терпѣть не могу; изныло сердце, да вижу, надо быть еще, ой какъ, на-сторожѣ.

Казаки молча глядѣли на самозванца.

— Ну, ладно, — сказалъ, вставъ и крестясь, Чи̇ка: — все, ваше величество, будетъ тебѣ... Только уже не рано, лошади готовы; коли ѣдешь съ нами, не откладывай. Не налетѣли бы отъ коменданта гонцы.

Пугачовъ нехотя тоже поднялся. Ему хотѣлось еще поговорить, допытаться яснѣе о числѣ и силахъ единомышленниковъ и поставить напередъ свои условія. Солнце клонилось къ землѣ. Надо было торопиться. Выборные отослали впередъ малолѣтковъ и стали сѣдлать лошадей. Емельянъ зашелъ въ чуланъ, уложилъ въ мѣшокъ кое-какіе свои пожитки, налилъ водой исправленный имъ походный боченокъ и прицѣпилъ его къ сѣдлу подведеннаго ему коня. Всѣ сѣли верхомъ и выѣхали за ворота.

Сердце Емельяна сжалось, когда онъ, съ спутниками, поднялся на косогоръ и оттуда издали, у рѣчки Та̀ловой, въ отблескѣ догоравшаго заката, увидѣлъ покинутые имъ, очевидно, уже навсегда, бѣлую мазанку, камышевый заборъ и сарай дѣдки Оболяева. — «Что-то теперь съ Ерёмкинымъ-курицей? — мыслилъ онъ, — чай, заперли бѣднаго въ темную, пытаютъ; промедлилъ бы я, то же было бы и со мной».

Путники ѣхали молча.

Тѣни отъ лошадей и всадниковъ становились длиннѣе. Близились сумерки, а за ними скоро должна была настать и ночь. Казаки подъѣхали къ отвершку лѣсистаго оврага и рѣшили здѣсь подождать ночи и восхода мѣсяца. Они стреножили и пустили лошадей на траву, а сами сѣли на склонѣ оврага, подъ деревомъ, и разговорились.

— Куда же это везете вы меня? — спросилъ Пугачовъ спутниковъ.

— На хутора, на Усиху, либо на Узени̇, — отвѣчалъ Шигаевъ: — тамъ скроемъ тебя у старцевъ, либо въ иномъ потайномъ мѣстѣ; подождемъ! все уладимъ и явимся всему

народу, въ городокъ, какъ соберется казачество на багренье, либо и скорѣй!

— Поддержите, ребятушки! — сказалъ Пугачовъ: — дѣдъ мой, Петръ первый, восемь годовъ странствовалъ, въ чужихъ земляхъ, а я двѣнадцать... Много, ой, какъ много претерпѣлъ я бѣдности и всяческаго труда... За меня заколотъ и схороненъ другой, вѣрный мнѣ, коли слыхали, казакъ Пугачовъ... ой, жаль, дѣтушки, его!

— Что, батюшка, старое вспоминать!—перебилъ его молча глядѣвшій въ землю Чи́ка: — на хутора̀ нѐ успѣли мы, а теперь еще видно... предъяви-ка ты намъ лучше свои царскіе знаки.

Пугачовъ вздрогнулъ. — «Что̀ это? — подумалъ онъ: — нѐ успѣли выѣхать, а ужъ хотятъ мною помыкать?»

— Да, кормилецъ, покажи!—прибавилъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ Мясниковъ:—николи мы того, слѣпцы, не видѣли...

Онъ отрезвился нѣсколько въ дорогѣ и съ умиленіемъ готовился убѣдиться въ подлинности найденнаго ими государя.

— Рабъ ты мой!—отвѣтилъ съ сердцемъ Пугачовъ:—мой подданный, а восхотѣлъ мнѣ повелѣвать! Что же, коли сумнѣваетесь, изволь, глядите.

Онъ выхватилъ изъ-за пояса ножъ и хотѣлъ имъ распороть воротъ рубахи.

— Зачѣмъ портить рубаху! — возразилъ Чи́ка:—и такъ ты въ какой еще скудости; спусти ее, мы и этакъ-то просто поглядимъ.

«Спина!.. битую спину увидять!» — подумалъ, колеблясь, Емельянъ.

— Не гоже простымъ людямъ, — сказалъ онъ: — видѣть всю мою наготу... Вотъ вамъ одна грудь, смотри... вотъ они прирожденные царскіе знаки...

Онъ взрѣзалъ воротъ рубахи. Несмотря на сумерки, казаки ясно разглядѣли на его груди два бѣловатыхъ пятна.

Эти знаки снова отуманили Мясникова. Мысленно повторяя: «святъ-пересвятъ! избави, Господи, и помилуй!» и молча пощипывая свою бороду, онъ подобострастно смотрѣлъ на сидѣвшаго передъ нимъ Пугачова и удивлялся, какъ онъ такъ смѣло требовалъ отъ него указа на доставку платья и знаменъ.

— Всѣ ли цари такъ родятся?—осмѣлился онъ спросить.

— Не ваше дѣло то знать! — грубо отвѣтилъ Пугачовъ:— а кто не повѣритъ, песъ ему въ ротъ, о тѣхъ разсудится опосля.

— Да ты что же, милостивый, гнѣваешься?—проговорилъ Шигаевъ, также не зная, куда дѣться отъ страху.

Чика тоже старался показаться смущеннымъ. Емельянъ съ удовольствіемъ замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе. Чика, впрочемъ, лукавилъ; онъ прежде, уже не разъ, видѣлъ мнимаго царя, и близко зналъ, что онъ не царь, а донской казакъ.

— А впрочемъ, чада мои, коли желаете видѣть, какъ еще узнаютъ царей,—глядите!—сказалъ онъ, откидывая со лба волосы.

Казаки увидѣли на вискѣ шрамъ.

— Вѣримъ, кормилецъ, вѣримъ! — заговорили они: — не оставь только насъ и обряди, какъ слѣдъ, а ужъ мы тебя не кинемъ до конца живота.

Собесѣдники еще нѣсколько поговорили и прилегли. Степь и оврагъ окончательно стемнѣли. До восхода мѣсяца было еще далеко. Все стихло. Слышалось только постукиваніе копытъ, да фырканье спутанныхъ коней, пасшихся по склону оврага. Свѣжая августовская ночь давала себя чувствовать. Путники укрылись, съ головой, попонами. Чика лежалъ рядомъ съ Пугачовымъ; остальные двое поодаль отъ нихъ. Прошло часа два. Высунувъ голову изъ-подъ попоны, Чика прислушался. Мясниковъ и Шигаевъ храпѣли, Пугачовъ лежалъ молча.—«Навѣрное не спитъ,— подумалъ о немъ Чика:—да и какъ ему теперь спать,—то ли въ головѣ?»

— Ваше величество, ты не спишь?—спросилъ онъ, вполголоса, тронувъ Пугачова.

Емельянъ приподнялся, зѣвнувъ и протирая глаза. Чика возлѣ него сѣлъ на корточки.

— А что, батюшка, о чемъ я тебя спрошу,—произнесъ онъ, также вполголоса: — не прогнѣвайся и не поставь въ укоръ.

— Говори, не бойся, что тамъ?

— Не въ опаскѣ дѣло, а вотъ,—началъ Чика и помолчалъ.

«Что онъ затѣваетъ?»—подумалъ Емельянъ.

— Насъ только двоечко теперь, — продолжалъ Чика,—и никто, какъ есть, насъ не слышитъ... Скажи, только по истинной правдѣ, кто ты, въ самомъ дѣлѣ, такой?

— Извѣстно кто... вашъ государь.

— Прости, кормилецъ! мы вѣдь, людишки темные, не знаемъ, какъ слово молвить, какъ сѣсть и встать. Видѣли тебя иные и опознали въ городѣ и въ скиту, да и баютъ совсѣмъ уже несуразное.

— Что же говорятъ?

— Быдто ты не царь, — проговорилъ Чика: — а донской казакъ, ну, просто сказать, какъ всѣ мы, мужикъ, — Емельянъ Пугачовъ.

— Врешь, дуракъ! — вскрикнулъ, не помня себя, Емельянъ.

— Тише, батюшка, что ты! еще побудишь товарищей, — спокойно произнесъ Чика: — а лучше скажи ты мнѣ, поистинѣ... Отъ людей схоронишься, отъ Бога не утаишь.

Сильное волненіе охватило Пугачова. Онъ остолбенѣлъ и рѣшительно не зналъ, что отвѣтить. «Такъ и есть, — думалъ онъ, — этотъ скуластый все спозналъ и обсудилъ... Высмотрѣлъ, выслѣдилъ, стоглазый, и теперь я у него въ рукахъ. Не захочетъ — погубитъ, захочетъ — вознесетъ»... Емельянъ робко осмотрѣлся кругомъ. Золоторогій мѣсяцъ началъ вырѣзываться изъ-за вершинъ деревьевъ. Степь далеко освѣтилась голубоватымъ, мягкимъ блескомъ.

— Никому не скажешь? — прошепталъ, нагнувшись къ Чикѣ, Емельянъ.

— Вотъ-те крестъ.

— Побожись Иванъ!

— Убей Богъ! — отвѣтилъ, мучимый любопытствомъ, Чика.

— На образъ поклянись... чтобы ни на семъ свѣтѣ, ни на томъ коли что, счастья, молъ, не было бы тебѣ.

Чика вынулъ изъ-за пазухи тѣльный крестъ и, повторяя слова Емельяна, поклялся на немъ.

— Ну, ладно, — проговорилъ Емельянъ: — помни... я точно не царь, а донской казакъ Пугачовъ... принялъ на себя государево имя, чтобы помочь вамъ же, казакамъ, и всей черни...

— А намъ, кормилецъ, того вѣдь и надо! — сказалъ Чика: — день мой, вѣкъ мой! хоть на часъ, да наша власть! намъ кака нужда, царь ты, али названецъ-мужикъ? Изъ грязи слѣпимъ князя, и ужъ за тебя, Емельянъ Ивановичъ, тоже попомни, вотъ какъ постоимъ! Одежа, знамена ли нужны, — все тебѣ снарядимъ; писаря — указы, да манифесты писать и того, не печалься, найдемъ. Такъ согласенъ намъ вѣрой и правдой служить?

— Согласенъ!

Чика медленно всталъ и подошелъ къ спавшимъ Мясникову и Шигаеву.

— Максимъ, Тимоха!—громко сказалъ онъ, расталкивая товарищей:—вставайте други! его величество, нашъ свѣтлый государь, изволитъ ѣхать въ путь.

Казаки растреножили, взнуздали отдохнувшихъ лошадей и сѣли на нихъ. По передразсвѣтному, острому холодку, всадники быстро понеслись по пути къ Малому-Чапану и далѣе къ Усихѣ, гдѣ и рѣшили до времени скрываться въ дикихъ, пустынныхъ мѣстахъ.

О томъ, что̀ случилось на Та̀ловомъ-умётѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ степныхъ тайникахъ, не доходило еще въ то время вѣстей не только до Петербурга или до Москвы, но даже до ближайшихъ мѣстностей по Волгѣ. Жизнь вездѣ шла своимъ чередомъ. Начинавшійся пожаръ тлѣлъ еще, въ видѣ крохотной искры, подъ пепломъ.

XXVI.

Глѣбъ подошелъ къ своему дому и позвонилъ.

— Барыня пріѣхала?—спросилъ онъ слугу, забывъ, что оставилъ ее въ Кунцовѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣтилъ Сергѣй, — должны скоро быть.

Подъ предлогомъ нездоровья, отказавшись отъ чая и ужина, Глѣбъ сказалъ, что заснетъ въ кабинетѣ, отпустилъ слугу, заперся, легъ, не раздѣваясь, на софу и потушилъ свѣчи. Сонъ бѣжалъ отъ него. Мрачныя представленія вертѣлись въ его головѣ. Дремота казалась дѣйствительностью. То ему видѣлось, что Марй бросила его, бѣжала съ кѣмъ-то за границу, и онъ все усиливался вспомнить и угадать, кто ее увезъ. То онъ видѣлъ себя въ Москвѣ, на какомъ-то общественномъ гуляньѣ, гдѣ встрѣтилъ жену подъ руку съ незнакомымъ человѣкомъ. Неописанной красоты незнакомецъ, въ бархатномъ черномъ плащѣ и въ широкой тирольской шляпѣ, съ краснымъ перомъ, велъ Марй, а она что-то громко и весело говорила. Глѣбъ, подойдя къ женѣ, поклонился; но она, прищуривъ удивленные глаза и, съ улыбкой, указывая на него своему спутнику, спросила: «Что̀ это за господинъ? я его не знаю!» Слезы душили Глѣба.

Было уже девять часовъ утра, когда онъ проснулся. Не

вставая и сквозь грезы прислушиваясь къ домашнему движенію, онъ старался угадать, дома ли и проснулась ли жена. Наконецъ, онъ всталъ, оправилъ на себѣ платье, порылся въ портфелѣ, взялъ что-то оттуда и вышелъ изъ кабинета. Слуга въ залѣ обметалъ пыль.

— Барыня встала?—спросилъ онъ.

— Одѣлись.

— Гдѣ она?

— Въ уборной.

— Кушаютъ чай?

— Пишутъ.

Глѣбъ вошелъ въ уборную, гдѣ Мари, къ неописанной тревогѣ, сидѣла у рабочаго столика, перебирая пачку писемъ, полученныхъ въ послѣднее время отъ мужа. Она еще съ вечера узнала отъ садовника о пріѣздѣ Глѣба на мызу и о внезапномъ, необъяснимомъ его возвращеніи оттуда, безъ свиданія съ нею. Пораженная этою вѣстью, она тогда же опрометью понеслась съ мызы обратно въ городъ, но уже не догнала мужа и пріѣхала домой, когда онъ, отпустивъ слугу, заперся въ кабинетѣ и, повидимому, уже спалъ. «Что же это такое?—говорила она себѣ,—неужели опять ревность? какъ это глупо! или случилось что̀ непріятное по службѣ?.. Онъ не хотѣлъ огорчить меня, при постороннихъ, и потому, узнавъ, что я не одна, такъ внезапно уѣхалъ. Или, наконецъ, что-нибудь другое? — пришло ей въ голову:—не писалъ ли онъ мнѣ какія-нибудь распоряженія, на которыя я, въ суетѣ, не обратила вниманія?» И она старательно просматривала его письма.

Заслышавъ, наконецъ, на порогѣ шаги мужа, Мари вскочила и, со слезами радости и тревоги, бросилась къ нему навстрѣчу.

— Здоровъ ли ты?—вскрикнула она, обнимая его:—что случилось? Какъ ты вчера меня смутилъ и напугалъ!..

Глѣбъ тихо отвелъ ея руки.

— Что̀ произошло? — повторяла Мари: — да говори же... отчего ты вчера былъ на мызѣ, узналъ, что я въ домѣ, и не зашелъ туда?

Глѣбъ взглянулъ пристально въ глаза женѣ, вынулъ изъ кармана какую-то смятую бумажку и молча положилъ ее передъ нею на столъ.

— Что̀ это?—спросила Мари, глядя на мужа и не понимая, что онъ дѣлаетъ

— Прочти,—сказалъ сухо Дугановъ, отвернувшись къ окну.

Марі прочла безыменный доносъ, полученный Глѣбомъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Низкія и грубыя выраженія этого пасквиля съ первыхъ словъ глубоко возмутили ее. Но когда она прочла выраженіе: «ты давно обманутъ, рогатъ, — ищи и легко узнаешь своего соперника» — кровь бросилась ей въ голову и она ухватилась за сердце.

— Боже! да что же это, Глѣбушка, родной?—вскрикнула она:—за что такая обида? неужели допустишь?

— Тебѣ лучше все знать,—холодно отвѣтилъ Глѣбъ.

— Какъ? что?—спросила Марі:—что ты сказалъ?

— Обманутый мужъ, всѣмъ уже извѣстно, послѣдній обыкновенно узнаетъ объ измѣнѣ жены,—съ дрожью проговорилъ Глѣбъ, думая между тѣмъ:—«И какъ я могъ, въ то время, когда братъ стоялъ за кровавую расправу, такъ великодушничать насчетъ всепрощенія?»

— Безсовѣстный!—крикнула Марі:—и тебѣ не жаль? да какъ ты смѣешь такъ подозрѣвать и оскорблять меня? какой я подала поводъ?

Слезы хлынули у нея изъ глазъ. Она, внѣ себя, рыдая, опустилась на стулъ. Все передъ нею кружилось. Обида была слишкомъ тяжела. Глѣбъ нѣсколько мгновеній молча постоялъ возлѣ нея. Жалость прокрадывалась въ его сердце.

— Послушай,—сказалъ онъ, тихо обнявъ жену: — я готовъ не вѣрить гнусному извѣту. Но если ты... скажу откровенно... пойми меня, если тебѣ болѣе близокъ другой... не терзай меня. Маша, скажи правду, сущую правду. Она будетъ мнѣ менѣе мучительна, чѣмъ эти невыносимыя сомнѣнія, это постыдное, унизительное незнаніе.

— Да ты съ ума сошелъ?—возразила Марі,—сознаешь ли ты, что говоришь?

Мысли возвратились къ ней. Она осыпала Глѣба укоризнами. Всего сказаннаго ему, своего негодованія и горькихъ упрековъ, она не помнила впослѣдствіи. Ей представлялось одно, что ея слова, ея негодованіе и слезы какъ бы усовѣстили Глѣба, смутили его. Это ей, впрочемъ, показалось на мгновеніе, но и того ей было достаточно. Она отрадно вздохнула и, отеревъ слезы, молча протянула мужу руку. Ей не хотѣлось вѣрить тому, что вдругъ такъ неожиданно принижало въ ея глазахъ и отталкивало отъ нея любимое существо.

Общіе знакомые, считая Глѣба Дуганова за умнаго, честнаго и дѣльнаго человѣка, находили его, однако, не то чтобы холоднымъ и черствымъ, а нѣсколько сухимъ, не въ мѣру себялюбивымъ, утверждали, что его эгоизмъ иногда въ немъ пересиливаетъ обычную ему мягкость нрава и доброту. Марй съ этимъ не соглашалась. «Можетъ-быть, тонкая чувствительность къ собственному достоинству,— разсуждала она о мужѣ: — къ возрожденной ему честности и чести, у него иногда и выходила изъ мѣры и казалась, пожалуй, излишнею; но холодности и сухости въ немъ нѣтъ и я не вижу». Теперь она, съ горечью, втайнѣ сознавала, что толки другихъ были какъ бы правы. Но чтобы эгоистическое раздраженіе и сухость могли въ мужѣ дойти до такихъ болѣзненныхъ размѣровъ, до подозрѣнія ея, такой любящей жены, въ невѣрности, въ измѣнѣ, этого она никогда не могла себѣ представить, даже во снѣ. Лучъ раскаянія, блеснувшій въ глазахъ Глѣба, снова расположилъ Марй къ нему.

— Слушай, недобрый,—сказала она ему:—ты, какъ вижу, наконецъ, ревнивецъ по природѣ. Зачѣмъ же было тогда жениться? зачѣмъ было оставлять такъ долго безъ себя ту, которой ты не довѣряешь и которую теперь такъ коришь?

Она обняла мужа, нѣжно прижалась къ нему.

— Вселить недовѣріе къ неповинному, близкому существу,—продолжала она, глядя ему въ глаза:—могутъ только злые люди, изъ ненависти и холоднаго разсчета, или несчастныя роковыя обстоятельства. Но у разумнаго, уважающаго себя человѣка—есть средства провѣрить подозрѣнія.

Марй поцѣловала мужа.

— Ты разумный,—сказала она:—и у тебя много всякихъ средствъ... какъ ни обидно для меня, прошу тебя, справляйся вездѣ,—провѣряй.

Глѣбъ, ухватясь за голову, опустился въ кресло.

— О, что бы я далъ,—проговорилъ онъ:—если бы могъ найти гнуснаго клеветника, написавшаго этотъ безыменный извѣтъ! Мало дуэли... я нашелъ бы его и, при первой встрѣчѣ, безъ сожалѣнія убилъ бы на мѣстѣ, какъ собаку.

Слезы текли по его щекамъ.

— Успокойся,—сказала Марй, взявъ его за руку и цѣлуя ее:—не стоитъ того... общее презрѣніе—вотъ что будетъ возмездіемъ обидчику.

— Да, тебѣ это легко говорить,—отвѣтилъ Глѣбъ:—мнѣ

же иначе не смыть обиды; ты не знаешь нашего общества... огласка, очевидно, уже пущена, мнѣ не простятъ.

Въ это время въ уборную вошла няня съ Васей. Она объявила, что пріѣхала Шимкова — принять ли ее? Глѣбъ взялъ ребенка на руки и, нѣжно приникнувъ къ нему, сказалъ женѣ: «Выйди, прими гостью», а самъ, черезъ коридоръ, направился въ кабинетъ. Тамъ, какъ узнала впослѣдствіи Марій, онъ нѣкоторое время, не выпуская ребенка и лаская его, смотрѣлъ въ окно, потомъ притворилъ дверь и сѣлъ у стола.

— Вотъ, Сысоевна, какъ я счастливъ, — произнесъ онъ, качая ребенка на ногѣ: — и какая у меня разумная и добрая жена.

— Спасетъ васъ Господь, — отвѣтила няня, кланяясь.

— Да красивая какая!

— Еще бы, краля писанная, полновидная, кровь съ молокомъ... а косища! идетъ, всѣ не наглядятся; а у постороннихъ-то слюнки даже текутъ.

Сказавъ это, старуха заколыхалась отъ смѣха, прикрывъ ротъ рукой. Усмѣхнулся и Глѣбъ.

— А скажи, няня, — обратился онъ къ Сысоевнѣ: — дѣйствительно Маша заботилась безъ меня о ребенкѣ?

— Просто убивалась, особенно, какъ занемогъ.

— Ну, а гости у насъ часто бывали безъ меня?

— Какіе тамъ гости, при больномъ дитяти! его лѣчили, а тутъ мы и переѣхали сюда.

— Переписывалась барыня съ кѣмъ-нибудь, кромѣ меня?

— Съ кѣмъ же? къ этой самой барынькѣ посылали записки, къ дохтуру, къ Семену Захарычу.

— Кто доставлялъ письма, когда жили на мызѣ?

— Яковъ садовникъ, а больше Сергѣй, когда ѣздили за провизіей.

— Ну, а по секрету, скажи, такъ откровенно, — тебя, вѣдь, приставила старая барыня, — ухаживалъ Семенъ Захарычъ за Машей?

— И не говори, — отвѣтила, оглядываясь, няня: — все ей ручки, блюдолизъ, цѣловалъ.

— А она?

— Извѣстно, ни-ни, не позволяла, даже вотъ какъ серчала.

Глѣбъ отрадно вздохнулъ.

XXVII.

Онъ отдалъ дитя Сысоевнѣ. Когда она вышла, онъ нѣкоторое время еще побылъ въ кабинетѣ. Рой странныхъ, тяжелыхъ мыслей кружился въ его головѣ. Онъ не могъ дать себѣ отчета, на что рѣшиться и что̀ предпринять. Слуга напомнилъ ему, что онъ не умывался. Глѣбъ распаковалъ остальныя вещи, умылся, тщательно выбрился и надѣлъ все чистое. Подали завтракъ. Марій пригласила Шимкову въ столовую и, заваривъ на спиртовой лампочкѣ кофе, послала слугу звать мужа. Глѣбъ прибралъ разбросанныя бумаги въ столъ, заперъ его и взялъ головной гребень.

— Скажи, Сергѣй,—спросилъ онъ слугу, оправляясь передъ зеркаломъ:—часто къ вамъ ѣздили доктора?

— Какъ же, сударь, не часто? барченокъ такъ хворали!—отвѣтилъ Сергѣй.

— Кто болѣе ѣздилъ?

— Семенъ Захаровичъ,—они, сказать, только и помогли ему. Ужъ и мы, рабы, за нихъ молимся, спаси ихъ Господь. Вотъ и въ Писаніи, сударь, сказано-съ, барыня книжку такую давали... чти не токмо, выходитъ, отца, но и благодѣющаго ти.

— Ну, а самъ докторъ являлся или посылали за нимъ?

— Какъ случалось; иной разъ и меня отряжали.

— Ты куда за нимъ ѣздилъ? онъ живетъ на прежней квартирѣ?

— У Покрова въ Левшинѣ-съ, домъ Сусѣкиной, на верху, гдѣ и жили.

— Всегда онъ охотно ѣздилъ, или иногда и отказывался письменно? вѣдь у докторовъ капризы...

— Не ѣздили, когда сами хворали; а разъ было некогда, у нихъ шла, должно, спѣвка... и было то въ постный день...

— Какая спѣвка?—спросилъ Глѣбъ.

Сергѣй усмѣхнулся. Онъ когда-то самъ готовился въ пѣвчіе и кое-что въ этомъ понималъ.

— Тальянцы, что ли, на арфахъ, или нѣмцы какіе-то играли,—отвѣтилъ онъ:—таталакали, по-своему... да вовсе плохо-съ.

— У доктора—итальянцы?

— Такъ точно-съ.

— И онъ тутъ былъ?

— А какъ же-съ,—слуга ихъ сказывалъ,—по ихъ при-

глашенію, былъ и эфтотъ, значитъ, сборъ. О, Господи, люди, сказать, постятся, а у нихъ, почитай, содомъ.

«Вотъ не ожидалъ!—подумалъ Глѣбъ,—искусствомъ тоже, мусикійствомъ, гороховый шутъ, занимается! Какая, подумаешь, нѣжность у доктора! И эту черту также осторожно отъ всѣхъ таилъ... даже не подозрѣвали... Съ виду такъ простъ, а оказывается... и вдругъ попался. Не люблю я этого Сергѣя,—ученикъ Маріи, начётчикъ и ханжа, а за это открытіе награжу»...

Мысленно усмѣхаясь надъ докторомъ, Глѣбъ прошелъ въ столовую, подсѣлъ къ Шимковой и былъ такъ внимателенъ къ гостьѣ, такъ угощалъ ее кушаньями и виномъ и, самъ съ удовольствіемъ закусивъ, такъ искренно и спокойно подъ конецъ шутилъ съ женой и Шимковой, что Марія не замѣтила въ немъ и слѣда давешняго его настроенія.

Шимкова собралась уѣзжать.

— Куда же вы, Надежда Павловна?—спросилъ, точно очнувшись, Дугановъ:—еще посидѣли бы съ нами.

— Надо купить гродетура и цѣлую штуку фландрскаго холста,—отвѣтила Шимкова:—получила заказъ на новую работу... приданое богатой невѣстѣ.

— Холста?—спросилъ Глѣбъ:—какого? есть у васъ образецъ? позвольте, и цвѣтъ гродетура... Я къ князю, мнѣ по дорогѣ, и я счелъ бы за особую пріятность...

— Помилуйте, что̀ вы!—отвѣтила Надежда Павловна, смутясь отъ такой нежданной любезности:—мнѣ, право, совѣстно... я сама поѣду.

— Нѣтъ, нѣтъ, я этотъ холстъ куплю выгоднѣе, у меня знакомые, хорошіе купцы,—настаивалъ Глѣбъ:—побудьте съ Машей, а мнѣ, увѣряю васъ, по дорогѣ... гдѣ образцы?

Надя, покраснѣвъ до корней волосъ, стала неловко рыться въ дорожномъ ридикюлѣ, достала оттуда и медлила подать ему образцы. Онъ, съ улыбкой, тихо высвободилъ ихъ изъ рукъ Шимковой, завернулъ въ карманъ и направился въ прихожую.

— Лошади еще не готовы,—сказала Сысоевна, встрѣтивъ его въ залѣ.

— Я пѣшкомъ,—голова что-то тяжела!—отвѣтилъ Глѣбъ, надѣвая шляпу и шинель.

«Холстъ,—думалъ онъ, выйдя на крыльцо,—зачѣмъ, бишь,

онъ нуженъ? Да! этой блѣдной и милой Надѣ, пріятельницѣ жены. А какая она, бѣдняжка, худая... Я зато какъ счастливъ!.. Конечно, объяснено! Марі, разумѣется, ни въ чемъ не виновата. Неосторожность праздныхъ шатуновъ и городскія сплетни, вотъ и все! Да иначе и быть не могло... Жена Цезаря должна быть безъ единаго упрека, безъ тѣни подозрѣнія... а Мари моя жена; честность и честь выше всего».

У крыльца Дугановъ увидѣлъ свою водовозку и Якова-садовника, сидѣвшаго на козлахъ расхожихъ дрожекъ.

«Это онъ Шимкову привезъ», — подумалъ Глѣбъ, сперва удивясь, зачѣмъ Яковъ явился съ мызы.

— А рыжій-то опять, кажется, захромалъ?—сказалъ онъ, нагибаясь къ лошади:—ишь, какъ ногу отставляетъ.

— Заковали, полагать надо, маленечко,—отвѣтилъ Яковъ, снимая шапку.

— То-то, гоньбы, видно, было не мало... Ты тоже ѣздилъ съ письмами къ доктору?

— Ѣздилъ.

— Онъ, попрежнему, живетъ у Покрова въ Левшинѣ?

— Такъ точно-съ.

— Эка даль...

Глѣбъ перешелъ улицу и направился вдоль прудовъ. Кое-гдѣ уже тронутый утренникомъ, желтѣющій листъ сыпался съ деревьевъ. Солнце весело и ярко свѣтило въ прохладномъ и тихомъ воздухѣ.

«Такъ вотъ что, однако,—мыслилъ Глѣбъ, идя тропинкой по берегу пруда:—она съ докторомъ, дѣйствительно, сносилась письменно. Интимная переписка молодой замужней женщины съ холостымъ врачомъ, — какъ это мило! поздравляю, дружище,—проѣздился въ командировку»...

Сердце Глѣба сильно забило тревогу. Глаза застилалъ туманъ, земля точно колебалась подъ его ногами. Онъ остановился, прислонясь къ дереву. Мимо прудовъ шли выпачканные известкой каменщики и плотники съ топорами. Споря и размахивая руками, спѣшили какія-то бабы въ кумачныхъ передникахъ. «Ань, дьяволы, ломятъ, галдятъ,—говорила одна изъ нихъ: — а я, касатка моя, ластовка, — что мнѣ? вѣстимо, какъ на грѣхъ»... Сморщенная, красная и вспотѣвшая старушонка, пыхтя беззубымъ ртомъ и едва переваливаясь, тащила передъ собой увѣсистый узелъ съ бѣльемъ. Она его уронила на тропинку и, безсильно охая,

никакъ не могла снова его поднять. Глѣбъ помогъ ей справиться съ ношей.

— Для чего, бабушка, сразу-то? — сказалъ онъ ей: — снесла бы по частямъ.

— Урвушкѣ, родименькій, свѣтику, ей! — съ слезливымъ кашлемъ и новымъ оханьемъ, отвѣтила старушонка, шамкая и еще что-то бормоча подъ носъ, чего Глѣбъ уже не разобралъ.

«И у нея свое близкое существо, — подумалъ онъ: — какая-то Урвушка... урываетъ, видно, этотъ свѣтикъ остатки ея силъ. А моя-то?..»

Глѣбъ миновалъ пруды, оглянулся и нѣсколько мгновеній не могъ понять, гдѣ онъ. То была Покровка. Съ сосѣдняго перекрестка кто-то, снявъ шапку, кланялся ему, встряхивая русыми кудрями. Чье-то веселое, съ рыжею бородкой, лицо улыбалось ему, скаля бѣлые, красивые зубы. Онъ узналъ вчерашняго извозчика Фролку.

— Подвезти, что ли, ваше сіятельство?

— Подавай,—разсѣянно отвѣтилъ Глѣбъ.

— Куда прикажете?

— Прямо!—сказалъ, сѣвъ на дрожки, Глѣбъ.

Фролъ оправился, вѣжливо перегнулся, вытянулъ руки и подобралъ вожжи. Отдохнувшій съ вечера, сѣрый рысакъ, забирая хода, понесся къ Кремлю, оттуда по Никитской и Арбату.

«Да, нехорошее, скверное дѣло,— думалъ Глѣбъ, разглядывая вывѣски харчевень, трактировъ и лавокъ: — холстъ!.. нужно купить хорошаго, это непремѣнно, я обѣщалъ... А посудить, дѣйствительно, Маша женщина молодая, красивая, притомъ неопытная... Этимъ подлипаламъ, глотающимъ слюнки,—сущая находка... Мало ли чѣмъ не изловчатся? могутъ увлечь, того и гляди, — ну, и все пропало... Фу, какая, однако, гадость — эта ревность, и неужели я, какъ сказала Маша, дѣйствительно, ревнивецъ? Глупости, бредъ разстроеннаго случайностями воображенія!»

Сѣрый мчался. Мелькали улицы, площади, переулки.

— Стой, однако, свороти! — вдругъ сказалъ Дуга̀новъ, опомнясь, извозчику: — я и забылъ, надо въ городъ... коечто купить...

Фролъ повернулъ снова къ Кремлю и сталъ близиться къ рядамъ. Подъ кремлевской стѣной, у моста черезъ рѣку

Неглинную, послышались крики. На перекресткѣ, возлѣ кабака Агашки, Заверняйка-тожъ, шумѣла хмельная толпа рабочихъ.

«Праздникъ сегодня! — вспомнилъ Глѣбъ:— такъ и есть; лавки, пожалуй, закрыты».

— Какъ думаешь, — обратился онъ къ извозчику: — не вездѣ торгуютъ сегодня?

— Должно, сударь... нонче воскресенье.

— Ну, такъ ступай на Кузнецкій; у заморскихъ достанемъ скорѣе... у нихъ всегда торгъ.

Дрожки понеслись мимо Курятнаго ряда, на Кузнецкій-мостъ. Замелькали вывѣски нарядныхъ модныхъ магазиновъ, кондитерскихъ, брадобрѣевъ и винныхъ погребовъ. У знакомаго магазина Глѣбъ остановился, вошелъ, купилъ по образцу, не торгуясь, штуку лучшаго фландрскаго холста и потребовалъ гродетура. Услужливый купецъ, торговавшій холстомъ и кружевами, объявилъ, что у него шелковыхъ товаровъ нѣтъ и что желаемую матерію можно купить въ сосѣднемъ магазинѣ, у Дюкрò. Глѣбъ зашелъ къ Дюкрò, купилъ гродетура и, выйдя снова на улицу, увидѣлъ у дверей слѣдующей лавки, на складномъ стулѣ, толстаго, красноносаго, въ восточномъ архалукѣ и въ фескѣ, торговца-армянина.

— Есть канаусъ? — спросилъ онъ, вспомнивъ, что еще въ Петербургѣ собирался и не успѣлъ купить краснаго канауса на рубашку сыну.

— Первый сортъ,—отвѣтилъ, входя въ лавку, армянинъ.

Канаусъ былъ также купленъ. Въ лавкѣ, загроможденной разнообразнымъ пестрымъ хламомъ, высвистывалъ въ клѣткѣ черный, съ длиннымъ желтымъ носомъ, дроздъ и пахло чѣмъ-то пріятнымъ и прянымъ. Глѣбъ остановился, соображая, чѣмъ это пахнетъ, и разглядывая товары. За стеклами, въ ящикахъ и шкапахъ, виднѣлись куски яркихъ штофовъ и парчей, расшитые золотомъ кисеты и туфли, янтарные мундштуки для трубокъ, кальяны, фески и въ чеканномъ серебрѣ кинжалы, а по стѣнамъ, на коврахъ, были развѣшены ружья, бердыши и ятаганы.

XXVIII.

— Какъ у васъ хорошо пахнетъ! — сказалъ Глѣбъ.

— Масло, розовый мускатъ—желаешь?

— И оружіе у васъ, какъ вижу?—сказалъ Глѣбъ разсѣянно.

— Первый сортъ, лучшаго не найдешь.

— Кажется, и пистолеты? — произнесъ Глѣбъ, взявъ покупку и собираясь идти.

Армянинъ подставилъ лѣсенку и быстро поднялся по ней къ стѣнѣ.

— Нѣтъ, не надо, — отвѣтилъ, не оглядываясь, Глѣбъ, уже съ порога.

— Есть, скажу тебѣ, штучка, только не парная, — сказалъ съ лѣсенки армянинъ: — за эту, гляди, вотъ какъ дешево возьму.

Онъ снялъ со стѣны небольшой, двухствольный, въ простой отдѣлкѣ, пистолетъ и подалъ его, отирая съ него слой пыли. Глѣбъ возвратился, поднесъ покупку къ окну. На стволахъ пистолета красовался штемпель знаменитаго Кухенрейтера.

— Цѣна? — спросилъ Глѣбъ.

— Два червонца... убей Богъ, и то дешево, одинъ князь два давалъ.

— Мнѣ, впрочемъ, не нужно... А зарядить, попробовать въ цѣль можно.

— Только не тутъ, душа-баринъ, не тутъ... Я слабъ желудкомъ, стука боюсь.

— Разумѣется, у себя можно испробовать или за городомъ.

Армянинъ прочистилъ дула пистолета, зарядилъ ихъ пулями, оправилъ кремни и насыпалъ на полки пороху.

— На двадцать-пять шаговъ вотъ какую доску пробьетъ! — показалъ онъ на большой, съ насурмленнымъ ногтемъ, палецъ своей руки и хотѣлъ завернуть пистолетъ въ бумагу.

Глѣбъ что-то вспомнилъ; ему казалось, что онъ долженъ былъ еще что-то сдѣлать, что-то немедленно рѣшить.

— Не трудитесь заворачивать, я и такъ возьму, — вдругъ сказалъ онъ, вынимая и подавая продавцу деньги: — некогда, спѣшу.

Онъ быстро сунулъ пистолетъ въ карманъ брюкъ и вышелъ.

— Искупили сударушкѣ-хозяйкѣ обновокъ? — съ добродушною улыбкой спросилъ Фролъ, придерживая коня.

— Да, теперь уже, Фролушка, прямо домой, — отвѣтилъ Глѣбъ, садясь и укладывая въ ноги свертки покупокъ.

«Обновки сударушкѣ! — думалъ онъ, уносясь съ Кузнецкаго по Мясницкой, — о, если бы этотъ добрякъ зналъ про

мою хозяюшку? Нѣтъ, простыя женщины, ихъ нежеманныя, скромныя жены, въ кумачныхъ передникахъ, лучше. Не мучать такъ хитро и тонко, не терзаютъ исподтишка! Блаженъ братъ Алеша, счастливы невзыскательные и мягкіе сердцемъ слѣпцы... Но неужели же ежедневно и ежечасно такъ мучиться, ревновать? Неужели змѣя ревности такъ ненасытна и безумно-зла?»

Глѣбъ вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ; до обѣда еще было далеко. Вдругъ онъ вспомнилъ, что отправляясь изъ дому, предполагалъ заѣхать къ главнокомандующему. Онъ еще не представлялся ему съ дороги. Надо было безотлагательно сообщить князю о результатѣ порученія, о петербургскихъ высшихъ и иныхъ новостяхъ; но онъ выѣхалъ изъ дому запросто, не въ полной формѣ. — «Завертѣла эта глупая исторія,—подумалъ онъ,—не бѣда, впрочемъ, успѣю завтра».—Миновавъ Мясницкую, Фролъ своротилъ вправо.

— Нѣтъ, бери налѣво,—подумавъ, сказалъ ему Глѣбъ:— я вспомнилъ одно нужное дѣло... Знаешь Денежный переулокъ, у Покрова?

— Какъ, сударь, не знать! Сколько разъ дохтура туда возилъ отъ вашей милости.

— Когда?

— Прошлою зимой.

«Всѣмъ извозчикамъ пролазъ извѣстенъ! — сердито подумалъ Глѣбъ,—пожалуй, и все прочее о немъ знаютъ»...

Мучимый взрывомъ новыхъ, дикихъ предположеній и догадокъ, Глѣбъ подъѣхалъ къ церкви Покрова и остановился у дома купчихи Сусѣкиной, гдѣ жилъ Спесивцевъ. Зачѣмъ онъ неожиданно рѣшилъ направиться сюда и навѣстить доктора, Глѣбъ, впослѣдствіи, обдумывая этотъ заѣздъ, не могъ дать себѣ отчета. Помня изъ разсказовъ Спесивцева, что послѣдній обиталъ во второмъ этажѣ, Глѣбъ осмотрѣлъ этотъ небольшой деревянный домъ и вошелъ въ ворота. Со двора, надъ балкономъ второго этажа, онъ увидѣлъ парусинный навѣсъ, а подъ нимъ горшки цвѣтущихъ розъ, азалій и геліотроповъ. Глѣбъ опять нахмурился.

«Новое открытіе, медикусъ — поклонникъ жизненныхъ удобствъ и цвѣтовъ! — презрительно подумалъ онъ, взбираясь со двора, отъ палисадника, по лѣстницѣ, — и опять мы ничего этого не знали! Казался такимъ стоикомъ и простакомъ!»—Дойдя до верхней площадки лѣстницы, Глѣбъ

замедлился. Изъ-за полуотворенной, обитой клеенкой двери, на которой была выдвинута дощечка съ надписью «нѣтъ дома», слышались мелодическіе аккорды клавесина, которымъ аккомпанировалъ чей-то пріятный, грудной голосъ. Глѣбу послышались звуки женскаго контральто.—«Mia cara, carissima diva!» — выводилъ кто-то нѣжную итальянскую канцонету, разливаясь въ плавныхъ и тонкихъ, какъ паутина, «dòlce» и ласкающихъ, трепетныхъ «trémolo».

«Войти ли? — подумалъ Глѣбъ, — еще нарушу романическое свиданіе. А, впрочемъ, дверь не заперта; тайны, очевидно, нѣтъ. Если нельзя, скажутъ; если же можно, окончательно увижу вкусъ этого селадона!»

Онъ вошелъ въ прихожую. Она была пуста. Не видя прислуги, Глѣбъ сбросилъ на окно шинель, отворилъ слѣдующую дверь, ступилъ и невольно остановился. Среди комнаты, уставленной раскрытыми ящиками, чемоданами и сундуками, спиной къ двери и лицомъ къ окну, безъ кафтана и камзола, у клавесина, сидѣлъ, перебирая клавиши, Спесивцевъ. Болѣе въ комнатѣ не было никого. — «Такъ вотъ кто пѣлъ! — подумалъ Глѣбъ, — къ нѣжнымъ привычкамъ, вдобавокъ, голосъ и склонности трубадура». — Глѣбу почему-то въ это мгновеніе, до крайности, вдругъ показалась смѣшна и красивая вообще фигура доктора, его полный, нѣжный затылокъ, съ завитками бѣлокуро-рыжеватыхъ волосъ, и его тонкая, батистовая рубаха, съ кружевнымъ воротникомъ, и приподнятыя въ послѣдней страстной руладѣ, плотныя плечи. Онъ чуть не расхохотался на порогѣ.

— Браво, браво!—сказалъ онъ, подходя.

— А, это вы! — вскрикнулъ, смущенный окликомъ, докторъ, вставая и надѣвая скинутое платье: — извините, застали врасплохъ.

— Не безпокойтесь! что̀ вы...

— Собрался, какъ видите, въ дорогу,—продолжалъ Спесивцевъ: — да сталъ раздумывать и засидѣлся. Не легко разставаться съ Москвой.

— Куда въ дорогу?—удивился Глѣбъ.

— Да тотъ же все чудакъ-помѣщикъ, масонъ и садово̀дъ, устроилъ у себя богадѣльню и при ней больницу, и меня все зоветъ къ себѣ. Не его наслѣдство,—дѣло хорошее способно увлечь. А васъ давно ли Богъ принесъ?

— Какъ видите, пріѣхалъ, — сказалъ, спокойно усаживаясь, Глѣбъ:—и дома не ожидали... Впрочемъ, я на время.

— Все ли благополучно въ вашей семьѣ? — спросилъ Спесивцевъ.

Глѣбъ не нашелся сразу отвѣтить. — «Что онъ, издѣвается, что ли, надо мной?—пронеслось въ его мысляхъ,—ахъ ты, рыжій пѣвунъ!» —Бѣшенство вдругъ охватило его. Онъ готовъ былъ броситься на Спесивцева, раскроить ему голову шандаломъ, стоявшимъ на столѣ.—«Нѣтъ, еще успѣю, подожду! — съ дрожью сказалъ онъ себѣ, — и какъ я могъ тогда такъ легко отнестись къ мысли о возмездіи за обиду?»

— Вы спрашиваете о моей семьѣ? о, у меня все и вполнѣ благополучно:—отвѣтилъ онъ съ легкимъ поклономъ.

— А наслѣдникъ? вотъ прелесть-мальченка! а, вѣдь, хворалъ-съ, да еще какъ?

— И онъ совершенно оправился, — прибавилъ Глѣбъ, опять кланяясь.

— Да-съ, пришлось-таки и мнѣ измѣнить принятому обычаю,—прибавилъ Спесивцевъ:—вѣроятно, изволили слышать? рискнулъ-съ, практиковалъ... да и втянулся; кажется, окончательно поѣду къ тому чудаку.

— Какъ же, слышалъ,—честь вамъ и хвала за сына,—отвѣтилъ Глѣбъ: — а главное — отмѣнная благодарность отъ матери...

— А отъ отца? — улыбнулся Спесивцевъ, лукаво глядя, мимо гостя, въ открытую дверь балкона, на цвѣтущія розы, азаліи и геліотропы.

Глѣбъ промолчалъ. Спесивцевъ удивленно оглянулся на него.

— Что же вы, слѣдовательно, не довольны? — спросилъ онъ.

— О, помилуйте... сына спасли, еще бы! — отвѣтилъ Глѣбъ, покачивая ногою, перекинутой на ногу: — но скажите, милѣйшій...

Онъ откашлялся и повелъ головой, какъ бы освобождаясь изъ воротника, давившаго ему шею.

— Скажите, Семенъ Захаровичъ, — повторилъ онъ: — вы переписывались, за это время, съ моею женою?

— Что за вопросъ?

— Нѣтъ, такъ откровенно, — для меня,—отвѣтьте: писали вы ей, а она вамъ?

— Разумѣется; было нужно, были и письма.

Глѣбъ опять повелъ головой.

— Нужно, вы говорите? — спросилъ онъ, съ тѣмъ же привѣтливымъ вниманіемъ, спокойно разглядывая доктора.

— Безъ сомнѣнія; встрѣчалась надобность, меня приглашали.

— Не будете ли вы столь добры, не покажете ли мнѣ этихъ писемъ моей жены къ вамъ?

— То-есть, какъ же это?—удивился докторъ.

— А очень просто: вѣдь, у васъ все такъ въ порядкѣ, хотя вы и собираетесь уѣзжать, вещицы и прочее на мѣстѣ, — сказалъ Глѣбъ, осматриваясь по комнатѣ: — откройте хотя бы вонъ тотъ шифоньѐръ или это вонъ бюрò, и достаньте письма: согласитесь сами, не всякому мужу пріятно знать, что у посторонняго человѣка хранятся письма его жены...

Спесивцевъ вспыхнулъ.

— Послушайте, — сказалъ онъ, нахмурясь: — вы или въ шутку это говорите, или неделикатно глумитесь надо мной. Развѣ можно такъ? Вспомните, если бы Марья Родіоновна сама еще пожелала; но подумайте, какъ я могу? письма женщины...

— Позвольте и вамъ напомнить, — отвѣтилъ, глядя на доктора, Глѣбъ: — Марья Родіоновна мнѣ, согласитесь, нѣсколько ближе, чѣмъ вамъ... Я настоятельно прошу письма.

«О-го,—подумалъ Спесивцевъ,—да онъ, чортъ его возьми, настаиваетъ, требуетъ»...

— Чтò бы вы ни говорили,—произнесъ онъ:—это рѣшительно невозможно... притомъ, вы въ такомъ тонѣ...

— Даю вамъ еще двѣ минуты,—ну, три!—сказалъ Глѣбъ, не спуская глазъ съ доктора.

— Никогда, ни за чтò!—отвѣтилъ Спесивцевъ:—я васъ, наконецъ, не понимаю!.. Хотя бы, повторяю, она сама...

XXIX.

Глѣбъ медленно всталъ со стула. Его лицо мгновенно поблѣднѣло.

— Никогда? — спросилъ онъ дрожащими губами: — ни за чтò?

— Да, это письма не мои, — отвѣтилъ Спесивцевъ: — и если вы, Глѣбъ Андреевичъ, подумаете спокойно... если все это...

Въ глазахъ Глѣба сверкнулъ злой огонекъ. Онъ вы-

хватилъ изъ кармана пистолетъ, быстро щелкнулъ его куркомъ и навелъ его въ упоръ на доктора.

— Немедленно, слышите ли! — сказалъ онъ: — или, видите, я васъ положу на мѣстѣ.

Глаза Спесивцева удивленно раскрылись. Онъ отшатнулся и не могъ произнести ни слова.

— Такъ вотъ вы какъ, — проговорилъ онъ, наконецъ: — насиліе сумасшедшаго? не поздравляю! А, впрочемъ, Господь васъ разберетъ...

Онъ подошелъ къ бюрò, вынулъ изъ ящика портфель, порылся въ немъ и, отдѣливъ изъ него пачку писемъ, зажегъ свѣчу, запечаталъ пачку въ пакетъ и, надписавъ на немъ имя Марьи Родіоновны, подалъ его Глѣбу.

— Я уступилъ грубому натиску, вотъ вамъ письма вашей жены! — сказалъ онъ: — но ваша совѣсть воздастъ... Я всегда и вездѣ къ вашимъ услугамъ... сочтемся!

— Мою совѣсть, господинъ Спесивцевъ, оставьте въ покоѣ, — отвѣтилъ Глѣбъ, пряча въ карманъ поданную ему пачку: — что же до моихъ правъ, то ихъ никто не оспоритъ... А если вы въ чемъ-нибудь остаетесь недовольны, я тоже къ вашимъ услугамъ.

Онъ взялъ шляпу, не кланяясь, вышелъ и уѣхалъ.

Желаніе немедленно, безотлагательно ознакомиться съ письмами жены къ доктору поглощало Глѣба. Онъ сперва приказалъ-было извозчику ѣхать прямо на Чистые-пруды, но раздумалъ и велѣлъ сперва завернуть къ кондитерской, мимо которой, въ ту минуту, они ѣхали по Тверскому бульвару.

— Стаканъ шоколаду! обратился Глѣбъ къ слугѣ, войдя въ кондитерскую и садясь поодаль, въ углу общей комнаты.

Пока приготовляли и подали шоколадъ, онъ склонился къ окну, вынулъ письма и сталъ ихъ одно за другимъ просматривать. Фразы въ первыхъ же изъ нихъ, — гдѣ Мари, испуганная болѣзнью сына, молила доктора пріѣхать: «дорогой мой» — «голубчикъ, Семенъ Захаровичъ» — «свѣтикъ, золотой!» — «пріѣзжайте же, милый, добрый, жду» — бросили Глѣба въ краску и онъ, сжимая кулаки, мысленно восклицалъ: «Какая необдуманность, какое легкомысліе! молодой, замужней женщинѣ такъ обращаться къ постороннему человѣку!»

Въ письмахъ были и другія, искреннія и задушевныя выраженія; на нихъ Глѣбъ и не обратилъ уже особаго вниманія. Но вдругъ онъ остановился читать. Строки запрыгали въ его глазахъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ прочелъ нѣчто, какъ ему показалось, невозможное. Потрясающая, убійственная истина вдругъ какъ бы предстала передъ нимъ, во всей своей наготѣ. Ему бросилось въ глаза сперва выраженіе: «мужъ не знаетъ, молю, пріѣзжайте» и далѣе: «я одна,—вся утѣха теперь, всѣ надежды въ васъ».—«Да что̀ же это?»—мысленно восклицалъ Глѣбъ. Письмо дрожало въ его рукѣ. Багровыя пятна выступали на лицѣ. Онъ, съ болью въ сердцѣ, принудилъ себя перевернуть страницу и на ней прочелъ уже нѣчто, по его мнѣнію, превосходящее всякія мѣры, нѣчто безобразно-наглое и циническое.—«Нашъ сынъ, нашъ Вася»—было сказано на этой страницѣ: «дважды обязанъ вамъ жизнью,—родившись и снова теперь».

Глѣбъ въ бѣшенствѣ бросилъ это письмо.—«Боже,—повторилъ онъ:—еще открытіе... такъ вотъ чей это ребенокъ! но какая низость и каковъ ударъ!»—Онъ хотѣлъ немедленно возвратиться къ Спесивцеву и покончить съ нимъ.—«Нѣтъ, нужна очная ставка, надо провѣрить, доказать!»—Тысячи жгучихъ мыслей и рѣшеній кружились въ головѣ Глѣба. Онъ снова бралъ письма, пробѣгалъ ихъ и опять бросалъ, не понимая уже ни прочитаннаго, ни того, гдѣ онъ находился.

— Сударь, простынетъ-съ!—раздался надъ нимъ голосъ слуги, подавшаго ему шоколадъ.

— Ахъ, да! извини, братецъ,—проговорилъ Глѣбъ:—я и забылъ... Что слѣдуетъ?

Не прикоснувшись къ стакану, онъ расплатился, сунулъ смятыя письма въ карманъ и уѣхалъ.—«Прости, мой дорогой, нынѣ злодѣйски разоренный улей!»—думалъ Глѣбъ, подъѣзжая къ Чистымъ-прудамъ и издали видя свой домъ.

Марья Родіоновна сидѣла за работой, въ той же уборной комнатѣ, какъ и утромъ. Шимкова, не дождавшись обѣщанныхъ покупокъ и, въ качествѣ большой трусихи, боясь возвращаться на мызу въ сумерки, по дурной дорогѣ, давно уѣхала. Заслышавъ на улицѣ стукъ колесъ, Мари рѣшила, что, наконецъ, возвратился Глѣбъ, сложила работу и собралась уже сказать прислугѣ, чтобъ подавали обѣдъ,—но въ

домѣ было тихо, никто не появлялся въ немъ. Часы мѣрно тикали на каминѣ. Ей стало грустно. Она такъ давно не была вмѣстѣ съ мужемъ. Глѣбъ вечеромъ не видѣлся съ нею на мызѣ, а съ утра у нихъ былъ этотъ непріятный разговоръ по поводу анонимнаго письма. Хотя они искренно, повидимому, тогда объяснились, но не вполнѣ; пріѣхала Шимкова, и они прекратили неоконченный разговоръ.

На улицѣ снова загремѣлъ экипажъ. Онъ остановился у крыльца. Марí узнала шаги мужа въ залѣ и въ гостиной.

— А, наконецъ-то и покупки!—сказала она, участливо и ласково подходя къ Глѣбу:—потрудился, голубчикъ, усталъ, зато мы тебя подкормимъ... твои любимыя перепелки и уха изъ ершей.

Глѣбъ молча бросилъ покупки на диванъ, притворилъ дверь въ гостиную и дверь въ коридоръ, заперъ ихъ обѣ на ключъ и сталъ передъ женой.

— Что это? что снова съ тобой?—спросила Марí, томимая какимъ-то неяснымъ, тяжелымъ предчувствіемъ.

Глѣбъ тихо взялъ ее за руку и нѣсколько секундъ молчалъ.

— Такъ ты ни въ чемъ не виновна? — спросилъ онъ, пристально глядя въ глаза Марí.

Опять глупости! да перестань, пожалуйста! — сказала она:—довольно шутить!

— Не глупости и не шутки,—проговорилъ Глѣбъ упавшимъ и, какъ показалось Марí, молящимъ голосомъ:—дѣло идетъ о моей... о нашей чести... Ты, Маша, безжалостно поступила. Все мое дорогое погибло, разорено...

— Да что же это, наконецъ, за темные намеки и укоры?—не вытерпѣла Марí, чувствуя, какъ нѣчто страшное и холодное въ ту минуту становилось между нею и Глѣбомъ:—перестанешь ли ты, безсовѣстный, злой, терзать и мучить меня?

— Злой?—прошепталъ Глѣбъ, стискивая до боли руку жены: — темные намеки? изволь... Скажи мнѣ,—я слышалъ прежде мелькомъ, а въ Ракитномъ Сысоевна, какъ-то хваля мнѣ тебя, сообщила подробнѣе,—правда ли, что до меня у тебя были другіе ухаживатели и между ними одинъ даже сильно былъ въ тебя влюбленъ?

— Вотъ когда спохватился! — сказала Марí, невольно краснѣя: — надо было бы ранѣе наводить справки. Кто же, однако, ухаживалъ? кого тебѣ называли? это любопытно...

— Спесивцевъ—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Придумай кого-нибудь лучше и позавиднѣе для твоей жены,—сказала Мари́:—пока слышу однѣ басни.

Глѣбъ молча вынулъ изъ кармана пачку скомканныхъ писемъ Мари́ къ доктору и поднесъ ихъ къ ея глазамъ. Сперва она не поняла, что̀ нужно Глѣбу, и нѣсколько мгновеній растерянно смотрѣла на письма и на него; наконецъ, догадалась, въ чемъ дѣло. «Онъ, очевидно, не доволенъ, что я переписывалась съ докторомъ! — подумала она:—это, впрочемъ, еще не бѣда, надо было»...

— Въ чемъ же ты коришь меня? что доказываютъ эти письма?—спросила Мари́.

— Ты... неравнодушна къ Спесивцеву! — проговорилъ Глѣбъ, пряча письма: — ясно!.. ты была съ нимъ близка прежде и стала еще ближе теперь, безъ меня.

XXX.

Мари́ помертвѣла. Слова мужа, какъ обухомъ, ударили ее по головѣ. Полъ заходилъ подъ ея ногами. Она силилась крикнуть о незаслуженной обидѣ, о пощадѣ и не могла. «Слушай, — думала она сказать мужу: — вѣдь я знаю, ты благороденъ... твоя мать и всѣ близкіе считали и считаютъ тебя рыцаремъ добра и чести. За что̀ же такіе убійственные и несправедливые укоры?» Рой мыслей съ страшною быстротою кружился въ головѣ Мари́. Она теряла сознаніе.

— Да, да!—продолжалъ, глядя на ея смущеніе, Глѣбъ:— и ваши амуры увѣнчались успѣхомъ, даже принесли желанный плодъ... и — какъ и подобаетъ мужу — я, разумѣется, узналъ объ этомъ послѣдній.

Все это онъ сказалъ, какъ потомъ вспомнила Мари́, особенно отчетливо ясно.

— Что̀ тебѣ, наконецъ, нужно? договаривай, мучитель!— произнесла Мари́, все еще не вполнѣ понимая всей тяжести падающихъ на нее позорныхъ обвиненій.

— Договаривать? о, такъ слушай!—съ незнакомымъ для нея, язвительнымъ спокойствіемъ, произнесъ Глѣбъ: — я только что допытался, узналъ... Вася не мой, а *вашъ* сынъ... твой и Спесивцева!

Безобразно-дикое обвиненіе, брошенное въ глаза Мари́, окончательно взорвало ее. Мысли ея помутились. «А! такъ вотъ что̀, вотъ награда за мою безграничную любовь и преданность!—пронеслось въ ея головѣ: и въ своихъ укорахъ ты, гордый себялюбецъ, даже не допускаешь сомнѣній, —

сталъ сразу безжалостнымъ судіей и палачомъ?» Злая, страшная мысль невольно охватила ее. «Ты казнишь невиноватое передъ тобою, безпомощное существо, — сказала она себѣ: — казнись же до конца и самъ, неправедный и безчеловѣчный судія!»

Мари вдругъ почувствовала облегченіе въ душѣ. Пришедшее ей въ голову соображеніе охватило ее восторгомъ. Ей показалось, что она вдругъ вырвалась изъ какихъ-то душныхъ потемокъ и, съ стремительною, поражающею быстротой, неслась къ воздуху и свѣту. Она скрестила на груди руки, отступила на шагъ и, съ презрительною усмѣшкой, взглянула на Глѣба.

— Если такъ... если ты, какъ говоришь, въ самомъ дѣлѣ, до всего допытался и все узналъ, — сказала она: — смотри только, не раскайся, что и меня вызвалъ на сознаніе...

Мари помолчала. «Остановись, безумная! — шепталъ ей внутренній голосъ: — будетъ поздно, все погибнетъ, улетитъ навсегда!» Ея глаза горѣли бѣшеною местью. Она дрожала, какъ дикій конь, закусившій удила.

— Ты спрашиваешь? — проговорила она: — изволь, не скрою; какъ ни тяжело, а дѣйствительно... ты самъ сказалъ...

Она не кончила.

Передъ нею мелькнули чьи-то исковерканныя гнѣвомъ, странныя и незнакомыя ей черты. То былъ Глѣбъ, а некто-то иной, кого она здѣсь увидѣла впервые. Чьи-то покосившіеся отъ злобы и ненависти глаза приблизились къ ея лицу. Она почувствовала нестерпимую боль въ крѣпко стиснутой рукѣ. Въ комнатѣ раздался звѣрскій, хриплый крикъ. Что-то рвануло ее, что-то возлѣ нея затрещало... Мари, какъ подкошенная, упала къ углу софы, уронивъ съ нея вышитую гарусомъ подушку, ея подарокъ, въ Ракитномъ, мужу. Былъ опрокинутъ столъ, разсыпалась въ осколкахъ китайская ваза. Надъ нею стоялъ блѣдный, съ искривленнымъ отъ бѣшенства лицомъ и поднятыми кулаками, Глѣбъ. Онъ дрожалъ, осыпая ее проклятіями...

Никому и никогда впослѣдствіи Марья Родіоновна Дугáнова не говорила о томъ, что̀ произошло, въ тѣ мгновенія, въ отдаленной отъ прочихъ комнатъ уборной. Въ ея «Запискахъ», вмѣсто всякаго разсказа, были здѣсь написаны только слова: «Власть Господня на все! А что̀ случилось,

о томъ знаютъ только рабыни, жалкія паріи востока, да ихъ грубые, безсердечные палачи».

Мари́ опомнилась на верху, въ антресоляхъ, куда она вбѣжала безсознательно и дрожа всѣмъ тѣломъ. Въ слезахъ обиды и стыда, она безпомощно опустилась на тотъ диванъ, на которомъ минувшею зимой, плача и дергая плечами, лежалъ Алексѣй, узнавшій о бѣгствѣ жены. «Но, вѣдь, та ему дѣйствительно измѣнила, бѣжала отъ него, — твердила Мари́ себѣ, собираясь съ мыслями:—а я? за что̀ же это, за что̀?» Вотъ и то фарфоровое зеркало, передъ которымъ она, о масляной, допрашивала Серафиму. Думалось ли тогда, что вскорѣ случится съ нею самой?

Прошло болѣе часа. Мари́ не думала объ обѣдѣ и никто не звалъ ее внизъ. «Значитъ, всѣ въ домѣ знаютъ!»—ужасалась она. Надвинулись сумерки. На лѣстницѣ послышались шаги. На антресоли вошла Сысоевна, носившая ребенка, по обычаю, передъ вечеромъ, гулять и ничего, казалось, не знавшая о происшествіи въ уборной.

— Пора бы ужъ Васенькѣ ужинать и бай-бай,—сказала она и остановилась.

Измученное лицо Мари́, упавшая на грудь, въ безпорядкѣ разсыпавшаяся ея коса и пальцы, судорожно перебиравшіе эту косу, сказали Сысоевнѣ болѣе, чѣмъ могли бы объяснить слова Мари́. Слезы навернулись на глазахъ старухи.

— Эхма́, барынька, молодой ты мой птенчикъ! — проговорила она, всхлипывая:—все перемелется, будетъ мука. Суровъ-отъ, бываетъ, хозяинъ, да отходчивъ,—молись!

«Всѣ знаютъ, всѣ»!—подумала Мари́, мертвѣя отъ стыда.

— Да что, милая,—продолжала няня:—нашимъ сестрамъ-отъ и косы за провинность рѣжутъ, а, пока гнѣвъ на милость склонится, какія еще отрастутъ.

— Такъ и ты, няня, и ты?—вскрикнула Мари́, заливаясь слезами:—безбожные вы всѣ, безбожные! съ вами не жить... Уйди, ради Бога, уйди!

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НА ВОЛГѢ.

— «Руби столбы,—заборы сами повалятся!»
Слова Пугачова.

— «Маркизъ Пугачовъ, какъ его зоветъ г. Вольтеръ, мнѣ надѣлалъ много хлопотъ. Послѣ Тамерлана, не было никого, кто бы такъ истреблялъ человѣчество». *(Письма Екатерины II къ барону Гримму и Вольтеру.—1774 г.).*

I.

Едва няня удалилась, Марй быстро подошла къ окну, распахнула его и взглянула внизъ на улицу. Ее охватилъ злой, мучительный трепетъ. «Броситься черезъ это окно, разбиться!—думала, замирая, Марй,—«пусть онъ увидитъ мертвую, съ изломанными членами, съ размозженною головой!» Опомнившись черезъ секунду, Марй съ ужасомъ отвернулась отъ окна. Ея голова кружилась. Мысли путались. «О, ему будетъ, разумѣется, пріятно! пусть такъ, пусть насладится!»—шептала она. Ухватясь за сердце, она помедлила, тихо сошла по лѣстницѣ во дворъ и направилась въ садъ при домѣ. Нѣсколько минутъ она ходила по саду. Въ концѣ его былъ глубокій, старый колодецъ. Изъ него рѣдко черпали воду. «Да, да, здѣсь утопиться! — вдругъ подумала Марй, — не скоро спохватятся, не скоро найдутъ!» И она, припавъ къ колодцу, стремительно нагнулась надъ нимъ. «Вѣдь мигъ

одинъ, мигъ,—мыслила она, держась за срубъ,—и ты будешь счастлива, покойна навѣкъ!» «Мама, мама:»—послышался сзади ея знакомый голосъ. Мари оглянулась. Сысоевна несла къ ней по аллеѣ Васю, махавшаго издали пухлыми ручонками. Мари, судорожно зарыдавъ, обхватила ребенка. «Спасибо, няня, что ты его принесла, — сказала она: — мнѣ легче такъ; гуляйте». Отеревъ слезы, Мари тихо возвратилась въ домъ, прошла въ спальню, заперлась на ключъ и бросилась на колѣни передъ образами. Долго она молилась, никого къ себѣ не звала, а ночь на-пролётъ провела въ новыхъ мукахъ сомнѣній и безысходной тоски. «Онъ-то онъ! — восклицала она мысленно,—Глѣбушка мой! да за что же? о, Господи!» Мари представлялось, что совѣсть должна укорять Глѣба, что онъ вскорѣ одумается, придетъ и съ раскаяніемъ попроситъ о мирѣ и забвеніи всего, что было. Въ домѣ, какъ казалось Мари, слышались торопливые шаги, необычная возня. Сердце въ ней сильно билось. «Вотъ идутъ къ двери!» — думала она... Ея ожиданія не сбылись. Глѣбъ не являлся. Сталъ брезжить разсвѣтъ, когда до-нельзя измученная Мари припала головой къ подушкѣ и забылась тяжелымъ, прерывистымъ сномъ.

Мари проснулась поздно. Открывъ глаза, она съ ужасомъ вспомнила все, бывшее съ нею. «Нѣтъ, этого не было, это привидѣлось мнѣ!—старалась она себя убѣдить.—Это невозможно!.. А если дѣйствительно все то было, какой позоръ! Этого не прощаютъ... съ такимъ мужемъ не живутъ...»

Мари встала, не торопясь одѣлась, снова помолилась передъ любимымъ кіотомъ и съ проясненною душой стала вынимать и откладывать особенно ей дорогія вещи. Все до бездѣлицы она разобрала и положила по мѣстамъ, присѣла къ столу и взялась за перо. Она написала Надѣ Шимковой, прося ее немедленно снова пріѣхать, чтобы выслушать отъ нея одно важное дѣло, позвонила и отправила, черезъ поваренка, письмо на мызу. До пріѣзда Шимковой, она, по прежнему, не выходила изъ своей комнаты. «Ты не идешь ко мнѣ,—думала Мари о мужѣ,—не пойду и я!» Сысоевна принесла ей въ спальню чай и завтракъ. Отъ всего она отказалась.

— Нездорова, матушка?—спросила няня.

— Да, болитъ голова.

— Принести Васеньку?

— Нѣтъ, Бога ради, уйди теперь... послѣ!

Старуха еще какъ бы хотѣла что-то сказать и вышла, жалобно качая головой.

«Не утѣшишь теперь!»—мыслила ей вслѣдъ Марй.

Она продолжала укладывать вещи въ послѣднемъ изъ ящиковъ комода, когда послышался наконецъ знакомый стукъ расхожихъ дрожекъ. Мари подошла къ окну и увидѣла на крыльцѣ Надю и Сысоевну. Старуха, очевидно, поджидала здѣсь Шимкову и что-то передавала ей, разводя руками. Сердце Марй сжалось и заныло. «Боже! о чемъ это еще онѣ?—подумала она, замирая,—неужели глупая старуха, если что̀ и узнала, рѣшилась передать Надѣ? Нѣтъ, она слишкомъ предана мнѣ». Въ спальню постучались.

— Войдите,—сказала Марй, присѣвъ снова къ столу и стараясь быть какъ можно спокойнѣе.

Вошла Шимкова. На ней не было лица. Испуганные ея глаза смотрѣли странно. Снимая шляпу и мантилью, она съ трудомъ переводила дыханіе. «Да, и она, очевидно, все знаетъ!—подумала Марй.—Старуха выдала ей секретъ».— Она молча поцѣловала Надю.

— Ты всегда была мнѣ близка,—сказала она, усадивъ гостью возлѣ себя:—не правда ли, ты не оставишь меня въ тяжелую пору?

Надя тихо пожала ей руку.

— Я приняла рѣшеніе, и оно безповоротно,—продолжала Марй:—если не знаешь причины, объясню послѣ... Такъ долѣе нельзя... Либо надо окончательно переговорить,—онъ обязанъ извиниться,—либо подумать и... разстаться навѣкъ... да навѣкъ!

— Но ты не знаешь,—проговорила, вглядываясь въ нее, Надя:—ахъ, Боже мой, ка̀къ мнѣ это тебѣ передать, объяснить?..

— Что̀ такое?

Надя медлила отвѣтомъ.

— Да говори же, что̀ еще? все какія-то неожиданности.

— Ты еще только думаешь,—прошептала блѣдными губами Надя:—а другіе уже и рѣшили... все кончено, и тебѣ, какъ я узнала, запрещено это сообщать.

— Что̀ запрещено?—допытывала Марй:—да брось, ради Бога, загадки, говори...

— Ахъ, Маша, помнишь, что̀ я, потерявъ мужа, гово-

рила тебѣ? Нѣтъ въ свѣтѣ прочнаго счастья... все шатко, все тлѣнъ и прахъ... Я сію минуту узнала,—Глѣбъ Андреевичъ съ вечера началъ дѣлать распоряженія... Онъ, очевидно, уѣзжаетъ...

— Ну, уѣзжаетъ, такъ что же?

— Да вѣдь онъ въ Петербургъ, слышишь ли, ѣдетъ и, кажется, навсегда...

Мари́ вскрикнула и, въ безпамятствѣ, упала со стула.

Съ трудомъ придя въ себя, она не хотѣла слушать никакихъ увѣщаній пріятельницы. Когда Ши́мкова, по возможности успокоивъ ее, уѣхала, она рѣшила немедленно бросить мужа и разорвать съ нимъ всякія сношенія. «Но куда ѣхать?»—терялась въ догадкахъ Мари́. Въ Ракитное, имѣніе свекрови? это было, по ея мнѣнію, немыслимо. Если Глѣбъ еще не извѣщалъ матери о своемъ разрывѣ съ женой, то навѣрное скоро долженъ былъ ее о томъ извѣстить. Мари́ не могла разсчитывать на покровительство и помощь свекрови, такъ любившей своего сына и вѣрившей въ правоту всѣхъ его дѣйствій. Оправдываться передъ нею значило—обвинять ея кумира, любимца. И какую цѣну старуха Дуга́нова могла бы дать ея голословнымъ объясненіямъ? Обиженная гордость не дозволяла Мари́ и думать о Ракитномъ. Она вспомнила о вдовѣ своего брата; послѣдняя, незадолго передъ тѣмъ, вторично вышла замужъ и находилась въ Петербургѣ, гдѣ ея мужъ служилъ въ сенатѣ. Но, поѣхавъ къ ней, Мари́ могла тамъ встрѣтиться съ Глѣбомъ, и онъ, пожалуй, подумалъ бы, что она ищетъ его прощенія и примиренія съ собой. Она безуспѣшно перебирала разныя предположенія.

На Уси́хѣ Емельянъ и его сообщники остановились на плоской, безлюдной равнинѣ, подъ высокимъ яворомъ, одиноко стоявшимъ у обрывистаго берега. Сюда не было никакихъ дорогъ. Мѣсто за то было «караўлисто». Съ полузасохшаго дерева, на которомъ чернѣло нѣсколько опустѣлыхъ коршуньихъ гнѣздъ, далеко виднѣлась пустынная степь, съ синѣющими холмами и курганами.

Распоряжавшійся государевымъ станомъ и всѣмъ его обиходомъ, Чи́ка разбилъ для Пугачова, подъ яворомъ, палатку изъ конскихъ попонъ. Сами казаки расположились подъ открытымъ небомъ. Отсюда, по одиночкѣ, они сдѣлали нѣ-

сколько развѣдокъ въ окрестные хутора и въ Яицкій-городокъ. Добывъ съѣстныхъ припасовъ, а также цвѣтныхъ тканей, позументовъ и шнура для знаменъ, они привезли изъ городка нѣсколько новыхъ охотниковъ послужить государю, въ томъ числѣ и столь желаннаго для него грамотѣя.

Это былъ почти еще мальчикъ, весьма смышленный и наторѣлый въ войсковой канцеляріи, сынъ богатаго яицкаго казака, Ивашко Почиталинъ. Бѣлокурый и румяный, не по лѣтамъ высокій, сутуловатый и съ неуклюжими крупными руками, онъ сильно трусилъ, когда впервые его подвели къ государевой ставкѣ. Въ рукахъ Ивашко держалъ подарки отъ старика-отца, благословившаго его на служеніе царю, новый, синій, китайчатый зипунъ, персидское, съ вышивками, сѣдло, бешметъ изъ бухарской, зеленой термаламы, малиновую бархатную шапку и желтые сафьяновые сапоги. Мясниковъ объяснилъ Пугачову, что это грамотный человѣкъ.

— А это что?—указалъ Емельянъ на подарки, оглядывая сгорбленную и длинную фигуру Ивашки, у котораго на поясѣ висѣла мѣдная чернильница, а изъ кармана выглядывали пучекъ бумаги и перо.

— Отъ тятеньки, — отвѣтилъ Ивашко, кланяясь и подавая гостинцы.

— Ростомъ хоть и въ гвардію,—сказалъ Емельянъ, принимая дары: — а что такъ сутулишься? въ школѣ, чай, изогнули?

Ивашко только моргалъ бѣлесоватыми, испуганными глазами. Прочіе казаки громко разсмѣялись.

— Ну, оставайся, будь при мнѣ секлетаремъ,—объявилъ Пугачовъ: — служи вѣрно и пиши, что̀ велю.

— Худо, ваше величество, пишу,—отвѣчалъ Почиталинъ.

— Ничего, письма будетъ мало, больше дѣло̀въ!

Емельянъ одѣлся въ платье, привезенное Ивашкой. Казаки собрали сухого бурьяна, разложили въ разсѣлинѣ берега огонь и стали въ походномъ котелкѣ варить на обѣдъ кашу. Но едва запылалъ костеръ, вдали показалась какая-то движущаяся точка. Сталъ виденъ скакавшій къ Усихѣ всадникъ. Онъ близился, маяча надъ собой пикой. То былъ гонецъ, посланный къ Пугачову, окольными путями, изъ Яицка. Казаки узнали въ немъ посланца отъ войсковой руки и пропустили его къ ставкѣ царя.

— Бѣги, государь! — проговорилъ гонецъ, доскакавъ къ

ставкѣ и спрыгнувъ съ измореннаго коня:—о твоемъ прибытіи сюда провѣдано и за тобой послана сильная погоня.

— На-конь, ребята!—крикнулъ Емельянъ:—спасайтесь, да вызволяйте, дѣтушки, и меня.

Онъ растерялся и, блѣдный, бѣгалъ по берегу. Казаки мигомъ осѣдлали лошадей. Бросивъ палатку, костеръ и съѣстные припасы, всѣ стремглавъ ускакали внизъ по Усйхѣ. Столбъ пыли несся за ними пустынною степью по пути на Толкачевы хутора. Скакали до ночи и всю ночь. Вечеромъ отдыхали на растàхѣ, у какого-то провалья. Пока провожатые пасли лошадей, Пугачовъ подозвалъ Почиталина.

— Доставай свою бумагу, пиши манифестъ! — сказалъ онъ ему·—да проворь, чадо мое, не люблю мѣшкоты...

Ивашко присѣлъ на землѣ, вынулъ бумагу и перо, откупорилъ походную свою чернильницу и, на снятомъ лѐнчикѣ сѣдла, сталъ писать то, чтò ему говорилъ Пугачовъ. Выслушавъ написанное, Емельянъ сказалъ: «Дòбре, — проба хороша».

На Толкачевы хутора пріѣхали рано утромъ. Чи́ка разослалъ гонцовъ по сосѣднимъ зимовникамъ и умётамъ. Къ избѣ, гдѣ остановился Пугачовъ, стали собираться бездомные казаки, бродяги и калмыки съ ближнихъ кочевокъ. Вечеромъ, на сборномъ пунктѣ, среди хутора, гудѣла уже толпа, человѣкъ въ триста. Чи́ка объявилъ, что вскорѣ выйдетъ государь. Всѣ почтительно смолкли, съ жаднымъ любопытствомъ глядя на низенькую, покосившуюся дверь, изъ которой долженъ былъ, наконецъ, объявиться народу давножданный императоръ. Тутъ же сидѣлъ отбитый казаками по пути, изъ-подъ стражи, въ сосѣднемъ хуторѣ, пересылавшійся изъ Мечетной въ Яицкъ, старикъ Оболяевъ. Умётчика трудно было узнать. На немъ былъ снятый съ убитаго старшины новый, зеленый, тонкаго сукна, кафтанъ, съ позументомъ, и новая, черная смушковая шапка. Изъ избы на крыльцо вышелъ широкоплечій, бородатый и дюжій человѣкъ, въ зеленомъ бешметѣ и красныхъ сапогахъ, съ саблей у пояса. Онъ, исподлобья, медленно оглянулъ толпу и направился къ ней. «Батюшка! сильный, да статный какой!—шептали въ толпѣ, снимая шапки,—кормилецъ нашъ! вотъ оно, царское-то древо!» «Экъ, брешутъ! да развѣ можно? слѣпые вы! въ бородѣ-то развѣ бываютъ цари?— толковали другіе. «И впрямь, — прибавляли третьи: — не

царь, а нашъ братъ, казакъ, либо, какимъ обманомъ купецъ!» «Дурни вы, дурни!—перебивали первые, вѣрившіе, что къ нимъ выйдетъ царь:—былъ бы обманъ, развѣ долго побриться?»—«Да, дѣлать нечего,—вздыхали старики:—допустили, такъ надо принять; иначе, коли оплошаемъ, бабы засмѣютъ!»—Емельянъ вошелъ въ кругъ. Всѣ пали передъ нимъ на колѣни.

— Здравствуйте, други мои, войско яицкое!—сказалъ Емельянъ, самъ не снимая шапки.

Потъ крупными каплями выступилъ у него на лицѣ. Лѣвый глазъ подергивался судорогой.

— Опознайте меня, дѣтушки, смотрите!—продолжалъ онъ:—вотъ я весь теперь тутъ,—вашъ государь; не умеръ, а живъ... Одиннадцать годовъ странствовалъ... Богъ, за старую, прямую мою вѣру, опять вручаетъ мнѣ царство. Служите по правдѣ,—будете у меня первые люди... Держитесь за мою правую полу, соколята, орлами будете.

— Рады, батюшка! до послѣдней капли крови... бери всѣ наши животы, родимый, ваше величество!

Пугачовъ оглянулся къ избѣ.

— Иванушка!—крикнулъ онъ стоявшей тамъ своей свитѣ:—читай имъ манифестъ; слушайте, братцы-станичники.

Почиталинъ подошелъ къ кругу, досталъ изъ-за пазухи заготовленную на растахѣ бумагу, развернулъ ее и сталъ читать.

Толпа, съ любопытствомъ и страхомъ, слушала то, что̀ на-распѣвъ, по-дьячковски, произносилъ писарь. «Самодержавнаго ампиратора... какъ вы, други мои, прежнимъ царямъ служили»—вычитывалъ Иванушка:—«и ни источитъ ваша слава... и которые мнѣ, ампираторскому величеству, винные были, прощаю... и жалoваю я васъ—рякòю, съ вершинъ и до усья, и порахомъ, и провіянтамъ, я великій ампираторъ,—жалoваю васъ, Петръ Ѳедоровичъ... 1773 года, 18-го сентября».

— Веди насъ, государь, куда хочешь!—крикнули всѣ:—мы твои; отстоимъ, поможемъ тебѣ!

II.

Пугачовъ подозвалъ Чику.

— На-конь, ребята, походъ!—объявилъ онъ молодецки и громко, вспоминая, какъ при немъ точно также, на стоянкахъ въ Пруссіи, командовали его бывшіе полковники:—а

ему,—крикнулъ онъ, подзывая Еремкина-курицу:—вручаю мою походную икону и главный штандартъ. Ты, старикъ, потрудился; заслужи еще, береги то и другое!

Казаки засуетились, развернули пять смятыхъ, заготовленныхъ въ торбахъ, знаменъ, съ нашитыми на нихъ восьмиконечными крестами, преклонили ихъ передъ новоявленнымъ царемъ, сѣли на коней и направились вверхъ по Яику. Впереди, на небольшомъ, пѣгомъ иноходцѣ, ѣхалъ самъ Пугачовъ. За нимъ, недавно еще кряхтѣвшій, при взлѣзаніи на коня, бодрымъ скокомъ поспѣвалъ теперь Оболяевъ, со значкомъ въ рукѣ и съ небольшою, на лентѣ, иконкой, поверхъ кафтана.—«Господи, Боже Ты нашъ,—думалъ, сквозь радостныя слезы, старый умётчикъ:—кто явился и обрященъ кѣмъ? Обѣщаетъ семиглавыя церкви строить, потрудиться Богу, миловать и жаловать всѣхъ! какъ за такого не положить жизни, не пострадать?»—Казаки приблизились къ Яицку.

У Чаганскаго моста ихъ встрѣтилъ высланный противъ нихъ, для развѣдки, комендантомъ Яицкой крѣпости, небольшой отрядъ пѣхоты и казаковъ, съ пушками. Емельянъ, засѣвшій въ обрывѣ, подъ мостомъ, бросился изъ засады и охватилъ часть этой команды; остальные ушли. Отрядъ Емельяна усилился до семисотъ человѣкъ. Его сообщники связали одиннадцать плѣнныхъ и стали усиленно просить Емельяна казнить пойманныхъ.—«То все твои супротивники,—говорили они:—великіе злодѣи, кумовья и посланцы старшинъ. Веревокъ! на надолбы ихъ!»

«Что-жъ, надо ихъ довольствовать!—подумалъ Емельянъ, оглядывая запыленныя и потныя лица плѣнныхъ, испуганно смотрѣвшихъ на него,—таперича на всякъ грѣхъ не намолишься!»

Онъ далъ знакъ Чикѣ и отъѣхалъ съ нимъ въ сторону.

— Какъ думаешь?—спросилъ онъ, перебирая въ рукахъ уздечку.

— Да что, батюшка,—отвѣтилъ Чика:—между плѣнными попался непричастный, сторонній офицеръ... ѣхалъ по своему дѣлу изъ Яицка, его, значитъ, и схватили.

Говоря это, Чика поглядывалъ на бриченку, въ которой сидѣлъ связанный офицеръ и гдѣ было не мало цѣнной поклажи. Плѣнный офицеръ былъ братъ Травкина, Павелъ.

— Такъ что же?—спросилъ Емельянъ.

— Барина слѣдовало бы помиловать,—отвѣтилъ Чи́ка, сообразивъ, что за свое ходатайство заработаетъ съ офицера хорошій бакшишъ.

— Барина?—сердито спросилъ Емельянъ, вспыливъ и покраснѣвъ до поту:—меня учить? да не за алтынъ всякаго удавлю! Надъ самими виситъ петля, а ты о господахъ? бей ихъ, дави, полосуй, отъ прапорнаго до енерала! чего жалѣть проклятый родъ дворянъ? Руби столбы,—заборы сами повалятся...

Пугачовъ отдалъ приказъ. Чи́ка отошелъ къ мосту.

На старыхъ па̀ляхъ и на̀долбахъ, изъ конскихъ о̀бротей, устроили первыя рѐли. На нихъ повѣсили всѣхъ одиннадцать плѣнныхъ. Особенно долго боролся и бился повѣшенный офицеръ. Болѣе другихъ надъ нимъ положилъ труда Оболяевъ, такъ недавно еще мыслившій о милованіяхъ и печалованіяхъ найденнаго имъ царя. Отдавъ подручному значекъ, Ерёмкинъ-курица, съ болтающеюся на груди иконкой, лихорадочно копошась у почернѣвшей мостовой па̀ли, торопливо наладилъ веревку и, шепча побѣлѣвшими губами: «О, Господи-Іисусе! о, Господи, помилуй грѣшныхъ!»—первый дрожащими руками затянулъ петлю надъ связаннымъ Травкинымъ и пинкомъ столкнулъ его съ моста. И когда повисшій надъ омутомъ, нѣсколько секундъ, еще вертѣлся на веревкѣ, Оболяевъ, глядя на его побагровѣвшее лицо и въ ужасѣ широко-раскрытые глаза, не переставалъ твердить: «Господи, Пречистая... ой, грѣхъ! помилуй насъ, Іисусе, и спаси!»

Раздѣливъ по-ровну, межъ всѣми, одежду казненныхъ, Пугачовъ двинулся къ Яицкому-городку. Въ коляскѣ повѣшеннаго офицера нашли ящикъ съ виномъ; у сосѣдняго кабатчика прихватили къ нему еще увѣсистый боченокъ съ водкой. Всѣ дружно выпили. Въ передней кучкѣ казаковъ оказалось нѣсколько бѣглыхъ малороссовъ. Сильно подвыпивъ водки и вина, кто-то изъ нихъ затянулъ пѣсню, подъ которую запорожцы, въ недавнемъ набѣгѣ за Днѣпръ, громили, жгли и били польскія села. Запѣвало началъ:

«Да прибье́мо па́на
До стѣны плечі́ма.
Щобъ на насъ дивівся
Черными очі́ма»...

Хоръ подхватилъ. Густая пыль столбомъ понеслась вслѣдъ

за отрядомъ, скакавшимъ къ виднѣвшимся вдали мельницамъ и предмѣстьямъ Яицкаго-городка.

Марí терзалась, не находя выхода изъ томительныхъ колебаній. Переходя отъ одного предположенія къ другому, она рѣшилась-было ѣхать въ Самару, гдѣ когда-то жилъ ея отецъ, небогатый отставной офицеръ, имѣвшій подъ городомъ небольшую деревеньку, Свиблово. Въ этой деревнѣ родились Марí и ея покойный братъ, въ ней была похоронена ихъ мать и здѣсь же теперь доживала вѣкъ старая ихъ тетка, сестра покойнаго отца. Марí изрѣдка переписывалась съ нею и знала, что старуха еще бодра и что въ Свибловѣ есть небольшой уютный домикъ, гдѣ Марí провела однажды цѣлое лѣто, въ бытность свою въ самарскомъ пансіонѣ. Но Марí могла бы найти пріютъ и въ Горкахъ, у Алексѣя и Серафимы. Они же, кстати, такъ убѣдительно, послѣ отказа Глѣба ѣхать къ нимъ, упрашивали Марí навѣстить ихъ въ это лѣто непремѣнно. — «Мы сильно огорчены вашимъ отказомъ,—писалъ ей еще недавно Алексѣй:— но, милая сестра, помните, что нашъ кровъ и все наше всегда къ вашимъ услугамъ. Братъ Глѣбъ, какъ мы знаемъ, теперь не съ вами; онъ въ Петербургѣ, и вы навѣрное скучаете въ одиночествѣ. Пріѣзжайте къ намъ въ Горки, да не только, какъ говорится, собакъ подразнить, а если осчастливите заѣздомъ, то со всѣми домочадцами, и по искренней къ вамъ пріязни, просимъ васъ пробыть хоть и вплоть до возвращенія брата въ Москву. Тогда даемъ слово и лично васъ проводить туда, если братъ не явится самъ, вслѣдъ за вами, въ наши мѣста».

«И кстати,—подумала Марí, вспомнивъ это письмо Алексѣя: — ѣхать прямо въ Свиблово, съ дитятею, не совсѣмъ удобно, — осень, дожди не за горами, да и хорошо ли еще теперь прилаженъ тамошній домъ? Предупрежу тетку, она такая добрая, — будетъ навѣрно рада мнѣ и внуку; а по пути сперва заѣду въ Горки, и оттуда уже все устрою и всѣмъ распоряжусь».

Марí снова вызвала къ себѣ Шимкову, съѣздила съ нею къ знакомому ювелиру и заложила у него алмазный браслетъ и ожерелье, свадебный подарокъ свекрови. По отъѣздѣ Шимковой, она написала большое письмо въ Свиблово, предупредивъ тетку, что отвѣта будетъ ждать въ Горкахъ, на-

скоро уложилась и, въ слѣдующее утро, узнавъ, что Глѣбъ у князя, отправилась въ извозчичьей коляскѣ, съ няней и сыномъ, за городъ, въ Донской монастырь. Помолясь тамъ въ церкви и, со слезами, приложась къ иконамъ, она, не заѣзжая домой, проѣхала на мызу въ Кунцово. Тамъ она оставила Шимковой, для передачи мужу, слѣдующія строки: «Ты оскорбилъ меня, повѣривъ гнусной клеветѣ и моей умышленной неправдѣ, которою я хотѣла тебя окончательно испытать, и рѣшилъ бросить меня. Предупреждаю твое намѣреніе. И если ты, какъ я теперь убѣждена, послѣ всего происшедшаго между нами, начнешь и доведешь до конца дѣло развода,—не мнѣ когда-нибудь придется о немъ пожалѣть». — Городской извозчикъ былъ отпущенъ. Пока гости Шимковой закусывали, къ крыльцу мызы подъѣхалъ заранѣе приготовленный, синій берлинъ, подарокъ свекрови Дугановой. Марья Родіоновна простилась съ Надей, сѣла съ Васей, няней и Сергѣемъ въ берлинъ и, выѣхавъ просѣкой парка на рязанскую дорогу, отправилась, на Тамбовъ и Саратовъ, въ Горки.

Послѣ утомительной ѣзды на долгихъ, съ отдыхами въ пыльныхъ городахъ и на душныхъ, постоялыхъ дворахъ,— путники приблизились къ окрестностямъ Волги, поздно вечеромъ. Въ воздухѣ посвѣжѣло. До Горокъ еще оставалось верстъ десять. Лошади, по гористому проселку, тянулись медленно. Темнота сгущалась. Мѣсяцъ еще не всходилъ. Сѣрая, туманная мгла покрывала небо. Выѣхавъ съ послѣдняго постоялаго двора, Мари сперва то и дѣло торопила ямщика; теперь же, боясь, чтобы лошади вовсе не пристали, сидѣла молча, прижимая къ себѣ спавшаго у нея на рукахъ ребенка и высматривая, скоро ли мелькнутъ вдали знакомыя плёса Волги.

— Мѣсяцъ всходитъ! — сказала, полуоборотясь, сонная Сысоевна, сидѣвшая на передкѣ берлина, спиной къ кучеру:—теперь будетъ виднѣе...

Мари взглянула туда, куда смотрѣла няня. Нѣсколько влѣво отъ берлина, между невысокихъ песчаныхъ холмовъ, стали видны бѣлесоватыя заводи Волги, а надъ ними вдругъ дѣйствительно засвѣтилось что-то круглое и яркое, только не мѣсяцъ. Нѣчто красно-огненное и ослѣпительное, съ поражающею быстротой, понеслось по небу, бороздя туманъ и оставляя за собою какъ бы кровавый, длинный слѣдъ.

Пролетѣвъ надъ рѣкой, огненный шаръ съ оглушительнымъ трескомъ лопнулъ и разлетѣлся надъ головами путниковъ. Мари́ въ ужасѣ вскрикнула, невольно закрывъ ослѣпленные глаза.

— Съ нами крестная сила!—шептала, крестясь, Сысоевна.

— Полыхаетъ, — произнесъ, подбирая вожжи, ямщикъ:— сказываютъ, къ вёдру! эхъ вы, дѣтки!

Онъ ударилъ по лошадямъ. Четверня, спустившись на равнину, побѣжала крупною, дружною рысью. Кровавый метеоръ не покидалъ смущенныхъ мыслей Дуга̀новой... «Что̀-то онъ пророчитъ?»—невольно думалось ей.

Пріѣздъ Марьи Родіоновны въ Горки былъ всѣми встрѣченъ съ искреннимъ сочувствіемъ. Алексѣй и Серафима всячески старались ей угодить. Въ огромномъ деревянномъ домѣ Горокъ, Дуга́новой, съ сыномъ и прислугой, отвели лучшую и удобнѣе устроенную половину нижняго этажа. Сами хозяева, съ своими дѣтьми, перебрались для того въ верхній этажъ, спускаясь внизъ, въ общую столовую, только къ чаю, обѣду и ужину. Въ нижнѐмъ этажѣ по другую сторону столовой, дѣлившей эту часть дома пополамъ, помѣстилась гостившая въ Горкахъ, со дня освященія церкви, Нинѐтъ Ладыженцева.

Въ день пріѣзда Мари́, для нея и ея спутни́ковъ вытопили баню. Послѣ бани всѣ сошлись къ Мари́ пить чай и застали ее въ дорожной блузѣ и въ чепцѣ поверхъ еще мокрыхъ волосъ, среди кучи полуразвязанныхъ, нагроможденныхъ по столамъ, стульямъ и диванамъ, укладокъ, корзинъ и узловъ. Посыпались новыя привѣтствія, поцѣлуи и разсказы.

— Такъ вы, душенька сестра, говорите, что ко̀мандировка Глѣба еще не кончилась? — спросилъ Алексѣй, усаживаясь возлѣ канапѐ, на которомъ, кутаясь поданною шалью, полулежала раскраснѣвшаяся Мари́.

— Да, не кончилась.

— И онъ отъ этого васъ не провожалъ?

— Вслѣдъ за моимъ отъѣздо̀мъ, вѣроятно, на другой же день, уѣхалъ въ Петербургъ.

— Жаль, жаль, а мы васъ обоихъ ожидали.

— Порученное ему дѣло очень важное. Имъ интересуется сама государыня.

Марі все это говорила и объясняла такъ спокойно, что никому въ то время и въ голову не могла придти мысль о печальной драмѣ, которая разыгралась въ Москвѣ между ею и мужемъ и привела ихъ къ неожиданному и, какъ убѣдилась Марі, полному разрыву. «Узнаютъ отъ другихъ,—думала она,—можетъ статься, съ первою же почтой, напишетъ онъ и самъ, это въ его духѣ, тогда по-неволѣ все разскажу и я».

— Ну, какъ же ты ѣхала?—спросила Серафима:—вотъ воображаю... эта пыль, духота, остановки на постоялыхъ дворахъ.

— И такой дальній путь вы ѣхали однѣ, только съ прислугой,—удивлялся Алексѣй, ероша волосы и счастливо улыбаясь радостными, близорукими глазами:—вотъ какая храбрая!... а ужъ подарокъ намъ, никогда не забудемъ!

И онъ рыцарски-вѣжливо, нагибая свою богатырскую фигуру, цѣловалъ маленькія руки покраснѣвшей еще болѣе свояченицы. Марі едва успѣвала отвѣчать на разспросы.

— Ромку, сестра, въ чай!—вскрикнулъ Алексѣй:—Нина Александровна, прикажите.

— Да мнѣ и такъ жарко, уфъ!—отвѣчала Марі, обмахиваясь концомъ шали.

Нинётъ принесла флаконъ съ ромомъ.

— Кушай, Маша, это полезно съ дороги!—сказала она, подливая въ чашку дорогой гостьи.

— А мнѣ можно войти?—раздался голосъ за дверью.

— Кто это?—въ смущеніи прошептала Марі, кутаясь въ шаль по горло.

— Не лишите узрѣть нашу залетную пташку! — молилъ голосъ за дверью:—очаровательная богиня, дозволь...

— Нельзя, нельзя!—отрицательно качала головой Марі.

— Да это Сила Ѳомичъ,—произнесъ Алексѣй:—это Травкинъ... ему можно... уже провѣдалъ селадонъ, прискакалъ съ хутора.

III.

Дверь отворилась. Вошелъ и среди комнаты замеръ кругленькій, румяный и подвижной старичокъ. Онъ былъ въ суконномъ кафтанѣ свѣтло-песочнаго цвѣта, въ голубомъ камзолѣ и въ завитомъ парикѣ. Поднявъ руки къ потолку, онъ нѣсколько секундъ, въ безмолвномъ умиленіи, смотрѣлъ на нежданную гостью, почтительно шаркнулъ ножкой и подкатился къ канапе Марі.

— Какое счастье! какое!—вскрикнулъ онъ, отирая искреннія, радостныя слезы:—послѣ одиночества—такое свиданіе, послѣ бѣдъ—утѣшеніе... и я притомъ не одинъ. Позволите ли, милая путница? здѣсь за дверью птенецъ, которому вы первая вселили любовь къ прекрасному, къ музыкѣ и стихамъ... помните, въ вашъ первый пріѣздъ сюда? онъ былъ еще вотъ какой шарикъ... а теперь ужъ самъ играетъ на флейтѣ и лихо танцуетъ... Боря! входи!

Травкинъ отворилъ дверь и ввелъ въ нее своего крестника. Двѣнадцатилѣтній Боря, въ коричневой драдедамовой курточкѣ, съ бронзовыми пуговками, и въ большихъ, бѣлыхъ, отложныхъ воротничкахъ, войдя, смущенно и робко поцѣловалъ руку Маріи. Его умные, черные глаза также блестѣли счастьемъ и радостью. Общій разговоръ сталъ еще оживленнѣе. Вспоминали прошлое. Марія разспрашивала о другихъ дальнихъ и ближнихъ сосѣдяхъ. Тѣ умерли, тѣ поженились.

Пришли на поклонъ гостьѣ старые слуги: сѣдой, главный слуга Дронъ и сморщенная, подъ пару ему, сѣдая буфетчица и чайница, Софьюшка. Они кланялись, вспоминая, какъ гостила и горевала здѣсь Марья Родіоновна, еще дѣвушкой-невѣстой. «А теперь вы, спаси васъ Господь, уже барыня, да какая красивая и съ дитемъ!»

Остановили, съ привѣтомъ, и вошедшаго за чѣмъ-то сюда, слугу Маріи, Сергѣя, родомъ изъ Свиблова. «Поѣдешь туда, закормятъ тебя родичи!» — шутилъ Алексѣй. Обласкали и вошедшую съ ребенкомъ Сысоевну. Васю познакомили съ дѣтьми хозяевъ. Послѣднія, широко раскрывъ на гостя глаза, сперва молча и съ суровымъ любопытствомъ разглядывали тоже въ началѣ строгое и озадаченное личико незнакомаго имъ Васи, который молча, даже какъ бы враждебно слѣдилъ за ихъ странными для него лицами и движеніями. Но кто-то изъ дѣтей крикнулъ: «А у насъ котенокъ и повозочка!» — и всѣ шумною гурьбой увели Сысоевну съ Васей къ себѣ наверхъ.

Растроганная общими ласками, Марія чуть не расплакалась. За обѣдомъ не прерывались новые разспросы. Послѣ ужина, передъ сномъ, всѣ собрались въ кабинетѣ Алексѣя Андреевича и такъ снова здѣсь заговорились и засидѣлись, что когда опомнились, было уже недалеко до разсвѣта. Травкинъ, съ племянникомъ, даже заночевалъ въ Горкахъ, хотя

отсюда до его хутора считали не болѣе трехъ-четырехъ верстъ. То же повторялось и въ слѣдующіе дни. Алексѣй и Серафима водили Марй осматривать передѣланную церковь. Марй любовалась ея благолѣпіемъ и въ первое же воскресенье, послѣ обѣдни, отслужила въ ней благодарственный, за счастливый свой путь, молебенъ.

Разспросы и толки обо всемъ, что̀ могло на первыхъ порахъ особенно занимать хозяевъ и гостью, изсякли. Вспоминались еще кое-какія семейныя и посторонніе событія, о которыхъ не успѣли подробно поговорить. Но и всѣ подробности, наконецъ, были изложены и обсуждены до мелочей. Марй, тѣмъ временемъ, все установила и по-своему распредѣлила въ отведенныхъ ей комнатахъ. Въ свободные часы, между общими сборами въ столовой или наверху у хозяевъ, она осмотрѣла садъ, гдѣ такъ давно не была, и даже заглянула въ сосѣдній, прилегающій къ саду, лѣсъ. Дорожной усталости и душевнаго волненія у Марй не осталось и слѣда. Ея мысли приняли обычное, спокойное теченіе. Упрошенная не торопиться съ отъѣздомъ, она рѣшилась долѣе погостить въ Горкахъ. Такъ прошелъ мѣсяцъ.

Еще въ первое время по пріѣздѣ въ Горки, Марй, въ разговорахъ Алексѣя съ Травкинымъ и съ Нинѐтъ, нѣсколько разъ слышала имя «Пугачовъ». Оно при ней упоминалось вполголоса и какъ бы неохотно. Видя, что отъ нея нѣчто скрываютъ, повидимому, не желая на первыхъ порахъ тревожить ее, она вспомнила, что это имя мелькомъ она уже слышала въ Москвѣ, и рѣшилась при удобномъ случаѣ разспросить о всемъ Серафиму.

— Скажи, дорогая, я все собиралась и забывала у тебя узнать,—обратилась она къ Серафимѣ, когда та послѣ ужина, однажды, проводила ее наверхъ и присѣла у нея въ спальнѣ:—этотъ, какъ его, Пугачовъ, что ли,—что̀ слышно о немъ?

— Ахъ, ужъ и не говори,—отвѣтила недовольно Серафима:—сколько вѣсти о немъ испортили крови! Въ первое время, когда прослышали о немъ, мы не спали по нѣскольку ночей. Положимъ, отсюда до мѣста, гдѣ появился и дѣйствуетъ этотъ звѣрь, далеко, болѣе трехсотъ верстъ... а все-таки, жутко! Alexis ѣздилъ въ Саратовъ, справлялся; воевода и всѣ увѣряютъ, что неопасно,—а какъ подумаешь...

— Гдѣ онъ и что съ нимъ?—спросила Марй, расчесывая и свертывая на ночь, передъ зеркаломъ, распущенную косу.

— Нѣтъ, уволь, разспроси лучше мужа.

— Ну, полно, разскажи.

— Но я могу спутать... мало ли что толкуютъ! Охота объ этомъ говорить на ночь?

— Ахъ, нѣтъ, за меня не бойся... лучше знать, быть готовой.

— Да что̀ готовой? Говорятъ тебѣ, что̀ здѣсь неопасно... Ну, этотъ бунтовщикъ поднялъ на Яикѣ казаковъ и часть мужиковъ, увѣряетъ, что онъ государь Петръ Ѳедоровичъ... только сюда ему не дойти, кругомъ войско и приняты мѣры.

— А тамъ на Яикѣ?

Серафима не отвѣчала.

— На Яикѣ, надѣюсь, его одолѣли, разбили?—спросила Марі̀, оглядываясь на нее.

— Нѣтъ, онъ тамъ усилился, взялъ какую-то крѣпостцу или двѣ, казнилъ нѣсколько офицеровъ, истиранилъ ихъ семьи и теперь, по слухамъ, обложилъ Оренбургъ.

— Какъ? цѣлый городъ? И это считаютъ пустяками?— спросила, снова обернувшись отъ зеркала, Марі̀.

— Да и я говорю, — дождетесь вы его здѣсь, — смѣются надо мной. Онъ въ лагерѣ подъ Оренбургомъ устроилъ себѣ настоящій дворецъ; стѣны оклеилъ золотою бумагой, отдѣлалъ зеркалами и на-показъ всѣмъ тутъ же помѣстилъ гдѣ-то отбитый портретъ цесаревича Павла, — вотъ, молъ, мой первенецъ, — дойду до Питера, посажу его съ собой на престолъ.

— Ловкій враль!—сказала, двинувъ плечами, Марі̀.

— Это еще что̀! На знаменахъ у него Святой Спасъ и угодникъ Николай, — сказала Серафима: — а едва одолѣетъ какое мѣсто, хуже всякаго людоѣда.

— Что̀ же онъ дѣлаетъ?

— Да нѣтъ, не спрашивай,—говорили страшныя вещи,— можетъ-быть, этого и не было...

— Даромъ не станутъ сочинять.

— И я спорила и доказывала то же. Помилуй, аптекарша изъ Саратова пріѣзжала, также здѣшній землемѣръ,— передавали слышанное отъ бѣглецовъ изъ того края, множество дворянъ онъ убилъ прямо дубьемъ, другихъ повѣсилъ, застрѣлилъ, засѣкъ... тѣхъ казаки пришибли кистенемъ, закололи пиками, либо заживо сожгли, а съ какого-то офицера съ живого сняли кожу. Считаютъ злодѣйства сотнями... Страшно!

— Да, небывалые ужасы! — сказала Марѝ: — что же начальство? посланы ли туда войска?

— Посланы, но ничего не подѣлаютъ; самозванецъ поднялъ помѣщичьихъ, дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. Слѣпой народъ вѣритъ и помогаетъ ему; да и какъ не слушаться его, онъ считаетъ его за настоящаго государя; а чтò велитъ государь, то, по мнѣнію народа, должно исполнять.

— Согласна, народъ,—но какъ могла вооруженная крѣпость сдаться нестройной черни?

— Это дѣйствительно ужасно,—сказала Серафима:—случайность все погубила. Жители, городскіе мѣщане взлѣзли на колокольню и зазвонили въ колокола; гарнизонные солдаты съ испуга повѣрили, что и впрямь со степи идетъ, съ войскомъ, самъ государь, не послушались офицеровъ, растворили ворота и вышли навстрѣчу злодѣю, съ знаменами, хлѣбомъ-солью и съ распущенными по плечамъ волосами. Ждали, что онъ всѣхъ помилуетъ и наградитъ за вѣрность. Да и какъ было этого не ждать гарнизоннымъ инвалидамъ, когда вслѣдъ за ними вышло духовенство и встрѣтило злодѣевъ съ иконами и крестами?

— И самозванецъ всѣхъ помиловалъ? — спросила Марѝ.

— Какое! Съ солдатъ снялъ мундиры, обрѣзалъ имъ косы, остригъ ихъ въ скобку и всѣхъ обратилъ въ казаковъ, а офицеровъ, торговцевъ и кто случился тамъ изъ дворянъ—безъ жалости повѣсилъ... Нѣтъ не могу, ты лучше спроси Алексѣя или Силу Ѳомича; они все знаютъ.

— Но какъ же вы тутъ живете такъ спокойно? — спросила Марѝ:—далеко-то, далеко, но злодѣи могутъ нагрянуть и сюда.

Серафима не знала, чтò отвѣчать.

— Успокойся, — сказала она: — какъ это ни страшно, Alexis да и всѣ говорятъ, что эти скопища скоро разсѣютъ; туда форсированнымъ маршемъ пошли свѣжіе отряды, а мы, сверхъ того, имѣемъ защиту въ гарнизонѣ и пушкахъ Саратова.

Несмотря на завѣренія золовки, Марѝ въ ту ночь спала очень плохо. Въ первый же заѣздъ Травкина она сказала ему: «Вы давно такъ любезно предлагаете мнѣ взглянуть на вашу усадьбу, — сегодня я готова, ѣдемъ» — и, когда обра-

дованный Травкинъ, послѣ обѣда, объявилъ ей, что его одноколка подана, она сѣла съ нимъ безъ кучера и, выѣхавъ изъ Горокъ въ поле, спросила его: «Скажите, Сила Ѳомичъ, что̀ это толкуютъ о Яикѣ? невѣроятные ужасы какіе-то, ничего не пойму...»

— Да, дорогая Марья Родіоновна, — отвѣтилъ, подгоняя савраску, Травкинъ: — посѣтила насъ лютая, политическая чума. Шутка сказать, сбродъ всякой голытьбы, самомерзостныхъ каналій охватилъ, взбудоражилъ цѣлый край и держитъ въ тискахъ, какъ въ нравственномъ лавиринтѣ... И этой гидрѣ, стоглавому змѣю, нѣтъ до-нынѣ конца; звѣрояростная сволочь, къ позору и огорченію всѣхъ истинныхъ патріотовъ, держитъ нынѣ въ осадѣ, что же? губернскій городъ Оренбургъ!

— Да, я слышала. Говорятъ о неистовствахъ злодѣя, о замученныхъ имъ офицерахъ, помѣщикахъ; именъ мнѣ не называли...

— Тамъ погибъ мой братъ Павелъ, я оплакалъ его, жалѣю, но его мало знали въ свѣтѣ... а вотъ храбрый комендантъ Харловъ, трагическая судьба взятой въ плѣнъ красавицы его жены!

— Какъ? погибъ Павелъ Ѳомичъ? гдѣ, когда?—въ ужасѣ спросила Марі̀.

— А вы этого не знали? что же, однако, я? Алексѣй Андреевичъ вѣдь запретилъ безпокоить васъ...

— Разскажите, гдѣ, когда и какъ погибъ вашъ братъ?— сказала Марі̀, отирая слезы:—Боже мой, давно ли онъ былъ у насъ въ Москвѣ?

Травкинъ поникъ головой и нѣсколько мгновеній молчалъ. Савраска шла въ гору шагомъ.

IV.

— Павелъ былъ у тестя въ Яицкомъ-городкѣ, — началъ Травкинъ, стараясь говорить спокойно, и разсказалъ переданное бѣглецами съ Яицка о Харловыхъ и о томъ, какъ его братъ Павелъ, при возвращеніи оттуда, встрѣтился съ Пугачовымъ, былъ имъ схваченъ и только потому, что онъ дворянинъ и офицеръ, повѣшенъ.

Въ концѣ разсказа Травкинъ не осилилъ себя и, тихо всхлипнувъ, отвернулся.

— Но какая причина этого бунта? — спросила Марі̀,

чтобы хотя нѣсколько развлечь его: — что тянетъ темный народъ къ самозванцу?

— Здѣсь, сударыня моя,—отвѣтилъ Сила Ѳомичъ:—дѣло понятное, а если хотите, такъ и совершенно простое,—возстаніе мужика-армяка противъ боярина, сѣраго порваннаго зипунишки—противъ шелка и пудры, кабацкой голи—противъ всякаго порядка и властей,—чья, молъ, возьметъ?

— Слѣдовательно, возстаютъ недовольные. Но чѣмъ же? Нынѣшняя государыня такая милостивая, о помѣщичьихъ былыхъ насиліяхъ не слышно.

— Чернь, народъ всегда недоволенъ властью, какъ бы она ни была справедлива и добра.

— Но почему же такія неистовыя злодѣйства: висѣлицы, убійства кистенями, дубинами, сдираніе кожъ съ живыхъ людей?

— Какъ повелѣваетъ самозванецъ, народъ такъ и дѣйствуетъ. Злодѣй отлично знаетъ, что дворяне, офицеры и духовенство — противники ему, какъ врагу порядка, и разсылаетъ пріятные черни приказы — не отбывать барщины, не платить и казнѣ, а истреблять дворянъ и всякія власти. Кто разоритъ десять дворянскихъ усадебъ и домовъ, объявилъ онъ, да еще убьетъ столько же помѣщиковъ, въ награду тому онъ обѣщаетъ тысячу рублей и генеральскій чинъ.

— Но какъ же, Сила Ѳомичъ, не пойму я, — отвѣтила Мари: — народъ нашъ религіозенъ, а слѣпо слушается такихъ варварскихъ приказаній и исполняетъ ихъ! гдѣ же его христіанскія вѣрованія, совѣсть?

— Да какъ же, Марья Родіоновна, и не слушаться ему! Вѣдь, повторяю вамъ, это, по мнѣнію его, то-есть по убѣжденію, хотя и ложному, повелѣваетъ ему самъ императоръ, государь... Какъ же ослушаться? Живъ, молъ, идетъ къ вамъ царь Петръ Ѳедоровичъ!

— Да народъ-то нашъ, вѣдь, добрый, — не могла успокоиться Мари:—онъ вѣрующій, повторяю вамъ, знаетъ, слышалъ, наконецъ, что неповинныхъ ни въ чемъ не казнятъ, не истязуютъ... Этого я не могу взять въ толкъ!

— Хороши вѣрующіе!—сказалъ Травкинъ:—большинство бунтовщиковъ, вѣдь, раскольники. Что о нихъ говорить? налетаютъ они на церковь, рвутъ съ иконъ оклады, поповскія ризы отдаютъ женамъ на исподницы, на дискосахъ мясо ѣдятъ, утираются антиминсами, какъ полотенцами. Это ли христіане?

— Но что же имъ нужно? чего они добиваются? — спросила Марй.

Одноколка въ это время въѣхала въ лѣсъ.

— Казаки, знающіе, что самозванецъ не государь,—отвѣтилъ Травкинъ, снова придерживая коня: — думаютъ, дай, молъ, на престолъ посадимъ мужика-царя... всякой голытьбѣ будетъ благодать! Мужичье царство оснуемъ... Потому-то въ помощь къ нимъ и къ самозванцу охотно шествуетъ такая же всякая подлость, все холопство и чернь, какъ они сами, и всѣ они, съ своимъ вождемъ, ждутъ не дождутся растерзать всѣхъ чиновниковъ, офицерство и дворянъ. И какіе у него подобраны помощники палачи!—однѣ клички, поистинѣ сказать, чего стоятъ! Въ камергерахъ у злодѣя состоитъ казакъ Давилинъ, а въ капитанахъ Мертвецовъ.

Травкинъ смолкъ. Марй въ волненіи обдумывала все роковое и ужасное, слышанное отъ него.

— Скажите откровенно, Сила Ѳомичъ, — спросила она его: — здѣсь не безопасно? не за себя боюсь, за ребенка... не уѣхать ли отсюда?

Травкинъ подумалъ.

— Оно точно, — отвѣтилъ онъ: — Алексѣй Андреевичъ и другіе не раздѣляютъ моихъ сомнѣній. И надо прибавить, въ здѣшнихъ разсказахъ и письменныхъ ремàркахъ отъ сторонних лицъ немало всякихъ преувеличеній и авантюрьèрскаго вранья. Что же до здѣшнихъ мѣстъ, то по совѣсти скажу, во-первыхъ, наши палестины далеко отъ того края, а во-вторыхъ, и народъ здѣсь въ полной еще тихости и не таковъ сумнителенъ и зломысленъ, какъ въ тѣхъ дикихъ, степныхъ пустыряхъ, по этому Яику и хоть бы по Узенямъ. Здѣшняя чернь спокойна, и неслышно еще промежъ нея бездушныхъ и крови жаждущихъ мутьяновъ. Да и чего нашимъ-то здѣшнимъ мутиться? Алексѣй Андреевичъ, по чести сказать, не владѣлецъ, а отецъ своимъ подданнымъ, — и всѣ подтвердятъ, добрѣйшій; воды не замутитъ и скорѣе послѣднюю рубашку отдастъ мужику, чѣмъ обидитъ его. Таковы и прочіе помѣщики въ здѣшней окольности... не говорю о себѣ, но и другіе—Шихматовы, Толпыгины, Болòтины, вы ихъ знаете, Лаптевъ, ну, всѣ... ни насилій, ни стѣсненія подданнымъ. Скажу, наконецъ, болѣе: и тамъ, въ той дикой глуши, если бы не колеблемость нерегулярныхъ, сирѣчь казачества, коего

непорядочное житье правительство рѣшило нынѣ ограничить,—не было бы открытаго мятежа и тамъ.

— Странно, — сказала Марі: — мой мужъ служитъ при главнокомандующемъ въ Москвѣ, а тамъ объ этомъ почти не знаютъ, и если говорили, то вскользь, увѣряя, что смуты вскорѣ будутъ прекращены.

Одноколка, миновавъ лѣсъ, стала спускаться съ холма въ долину.

— Вонъ мое жилье, — указалъ Травкинъ съ холма: — то мой садъ, а среди него домишко... Надеждъ, сударыня, и у насъ не мало, а на дѣлѣ что-то не такъ; злодѣй открыто разсылаетъ манифесты, грозитъ взять Оренбургъ и двинуться оттуда къ Волгѣ и къ Москвѣ. Всѣ мы давно погибли бы, извините, аки черви капустные, и злодѣй перебилъ бы и передушилъ бы насъ всѣхъ, если бы не такіе патріоты, какъ князь Голицынъ и Мансуровъ. Тѣ уже двигаются къ нему...

— Манифесты, вы говорите? что̀ же онъ въ нихъ оповѣщаетъ?

— Казакамъ сулитъ на Яикѣ поставить главное царство и Яикъ объявить на мѣсто Петербурга и Москвы, а всей вообще черни, на многія лѣта, обѣщаетъ разныя льготы и перевѣсъ надъ прочими сословіями. Въ Саратовѣ ходила письменная ремарка съ одного изъ такихъ его воровскихъ листовъ.

— Ну, и что̀ же это за произведеніе? вы его читали?— спросила Марі, когда одноколка уже въѣзжала во дворъ, обсаженный вербами.

— Безграмотно-съ и совсѣмъ дѣтски-грубо, — сейчасъ видно, что у него нѣтъ еще знающихъ, толковыхъ секретарей... народу же это, разумѣется, невдомекъ.

Травкинъ ввелъ гостью въ домъ. Они обошли его и садъ и сѣли на крыльцѣ, у котораго крестникъ Травкина Боря держалъ подъ уздцы савраску.

— Видѣлъ ли кто этого Пугачова?—спросила Марі Травкина:—каковъ онъ изъ себя? Похожъ ли на покойнаго императора Петра Ѳедоровича?

— Ничуть,—отвѣтилъ Травкинъ:—злодѣй средственнаго роста, сутулый, рябоватый и невзрачный мужичонка, пьяница, грубіянъ и притомъ волокита, похитилъ въ разныхъ мѣстахъ и держитъ при себѣ нѣсколько не только простыхъ дѣвокъ, но и боярскихъ дочерей. А какъ сядетъ на коня,

сущая, говорятъ, картина, — молодецъ и безстрашенъ, кидается прямо въ огонь; не только мужики,—солдаты, глядя на него, говорятъ: и впрямь онъ царь,—его, молъ, и пуля не беретъ... Одно, впрочемъ, дѣло толки, а другое—настоящее войско; онъ его еще не видѣлъ, а какъ встрѣтитъ, всѣмъ его шайкамъ не сдобровать.

Марі̆и встала, прощаясь.

— Такъ вы думаете, во всякомъ случаѣ, здѣсь еще нечего опасаться?—спросила она.

— По совѣсти спрашиваете?

— Да, вамъ я повѣрю отъ души.

Травкинъ радостными глазами взглянулъ на Дуганову.

— Для васъ, Марья Родіоновна, — сказалъ онъ, снова подсаживая гостью въ одноколку: — за вашъ лестный для меня визитъ, не только услуги, жизнь готовъ отдать... Да-съ, густой, безпросвѣтный туманъ, нечего сказать, еще носится надъ нами. Но, голубушка вы моя, дорогая барынька, велика милость Господня... надо именно думать, что зло не пойдетъ далеко,—здѣшніе крестьяне еще спокойны, и сѣмя бунта, смѣю думать, въ скорости, на общее благо, будетъ истреблено.

Савраска весело помчалась обратно въ Горки.

Травкинъ былъ правъ: не только горѣцкіе, но и всѣ окрестные крестьяне вели себя вполнѣ смирно, охотно исполняли свои работы, съ барщины возвращались съ пѣснями, а идя мимо господскихъ хоромъ, вѣжливо снимали шапки и кланялись, хотя бы въ окнахъ никого не видѣли изъ баръ.—«Что, ребята, слышно о злодѣѣ?»—спрашивалъ ихъ иногда на работахъ Алексѣй.—«О комъ, батюшка?»—«Да о Пугачовѣ...»—«А Господь его знаетъ, далеко онъ и ничего мы о немъ не слыхамши».—«Сказываютъ, въ цари мѣтитъ»,—улыбался Алексѣй.—Мужики строго смотрѣли на барина.—«Шутишь, сударь, — отвѣчали они: — куда сиволапому до царя!.. вонъ Ѳедька въ старосты норовилъ, да и то шею ему добре набили».—Толпа громко хохотала. Алексѣй, успокоенный, возвращался домой.—«Ну, наши еще надежны,—ихъ скоро не собьешь!»—разсуждалъ онъ и старался еще болѣе угождать крестьянамъ,—далъ имъ лѣсу на избы, инымъ съ весны обѣщалъ отвести лишняго сѣнокоса, бабамъ къ посту простилъ срочный взносъ холстовъ, куръ и яицъ. Въ Гор-

кахъ и кругомъ въ окрестныхъ деревняхъ все, дѣйствительно, было вполнѣ спокойно.

Какъ ни старалась также быть спокойной, Марі не находила въ себѣ желанной, душевной тишины. Она стала раскаяваться, что, вмѣсто тихой, далекой Малороссіи, пріѣхала сюда. Раздумывая о предположенной поѣздкѣ въ Свиблово, она пришла къ убѣжденію, что, поселясь въ той, еще болѣе глухой деревушкѣ, она будетъ менѣе безопасна, чѣмъ въ Горкахъ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ такимъ большимъ городомъ, какъ Саратовъ, гдѣ, по слухамъ, было достаточно войска и всякихъ средствъ къ оборонѣ, не говоря уже о лучшихъ удобствахъ къ жизни. Рѣшивъ поэтому еще пробыть въ Горкахъ, она послала въ Свиблово, съ письмомъ къ теткѣ, слугу Сергія, который кстати просился туда, такъ какъ его сестра была замужемъ за кѣмъ-то изъ тамошнихъ крестьянъ. Давъ ему письмо и денегъ на дорогу, она снабдила его наставленіями, какъ получше и не возбуждая подозрѣній осмотрѣть тамошній домъ, удобенъ ли онъ для зимы, есть ли тамъ особая теплая комната для Васи, да съ лежаночкой, не дуетъ ли въ окна и чѣмъ топится домъ,— дровами или гречаною трухой, отъ которой заводится много мышей.

— Тебя жду обратно черезъ три недѣли,—сказала Марі Сергѣю:—а тетушкѣ кланяйся и передай, что если не захвораю и все будетъ благополучно, мы съ Богомъ двинемся и пріѣдемъ къ ней по первому санному пути.

Шли недѣли; прошелъ мѣсяцъ и начался другой. Настала половина октября. Сергѣй не возвращался. Марі написала теткѣ въ Самару; отвѣтъ пришелъ, что Сергѣй, съ родными сестры, ѣздилъ на богомолье въ какой-то монастырь, возлѣ Самары, гдѣ свихнулъ ногу, хотя началъ уже оправляться. Тетка просила Марі скорѣе обрадовать ее пріѣздомъ. Новыхъ слуховъ о самозванцѣ въ Горки не приходило. Знали только, что онъ все еще подъ Оренбургомъ, гдѣ, по саратовскимъ свѣдѣніямъ, ожидалось полное его истребленіе отрядомъ шедшаго туда Голицына. Кстати настала ранняя стужа, степи замело.

Съ первымъ снѣгомъ жизнь въ Горкахъ потекла уютнѣе и веселѣе. Алексѣй не стѣснялся въ домѣ расходами. Въ теплыхъ и свѣтлыхъ комнатахъ просторнаго дома чуть не

каждый день были гости. Кромѣ Травкина, вблизи проживалъ другой, тоже страстный любитель музыки, старикъ-вдовецъ, изъ отставныхъ военныхъ, Лаптевъ, прозванный, за жизнь въ лѣсномъ своемъ хуторѣ, Волкомъ. Онъ игралъ на скрипкѣ. Двѣ его дочери обучались въ пансіонѣ, въ Саратовѣ, и тоже на праздники посѣщали Горки. На одиночествѣ Лаптевъ, кромѣ скрипки, коротал время охотой, хотя уже плохо видѣлъ, и въ шутку говорилъ, что на охотѣ надо такъ выпить, чтобы изъ одного взлетѣвшаго вальдшнепа казались три... «бей въ средняго, и навѣрное попадешь!» — Сосѣди цѣлыми семьями съѣзжались съ утра поиграть въ карты, побесѣдовать и послушать музыку. Радушное гостепріимство состоятельной и домовитой, стародворянской семьи охватывало всѣхъ, въ томъ числѣ и Марѝ, своими ласкающими, мягкими волнами. Короткіе дни и длинные вечера пролетали незамѣтно. Гости въ этомъ, искони радушномъ, пріютѣ, среди общаго довольства, жизни нараспашку, искренняго смѣха и веселостей безъ затѣй, чувствовали себя, какъ дома. Свѣтлое настроеніе сошло и на душу Марѝ. Ничто въ окружающемъ болѣе не волновало и не тяготило ея. Вася окрѣпъ и поздоровѣлъ; дѣти хозяевъ были также здоровы. Цѣлый день весело раздавались по комнатамъ ихъ голоса. Одно подчасъ смущало Марѝ: она съ ужасомъ стала замѣчать, что никогда, до сей поры, не сознавала она себя настолько спокойною и счастливою, какъ теперь. Образъ мужа невольно воскресалъ и оживлялся въ ея душѣ.—«Что̀, если бы онъ увидѣлъ меня теперь?»—разсуждала она:—«если бы перенесся, заглянулъ сюда? Что же, самъ ты, подозрительный, злой и неправый, оттолкнулъ отъ себя это тихое счастіе, эту мирную, искреннюю жизнь; ты далеко, даже не подозрѣваешь этого,—ну, и казнись...»

Слушая пѣніе Серафимы подъ арфу, на которой та въ послѣднее время выучилась играть у сосѣдки, Баратàевой, Марѝ и сама вспомнила свою временно-забытую любовь къ музыкѣ, отыскала въ нотахъ Серафимы нѣсколько пьесъ Скарлàтти, Паскѝни и Баха, которыя когда-то здѣсь разучивала, и съ увлеченіемъ занялась игрой на клавикордахъ. Съ ея легкой руки, въ Горкахъ стали исполняться не только итальянскія рондо̀ и пасторàли, сонаты и фуги Баха, но и кантаты и цѣлыя аріи изъ гайдновскихъ оперъ и ораторій. Здѣсь, благодаря Серафимѣ и Марѝ, начали устраиваться

даже тріо и квартеты. Серафима пѣла, Марй играла на клавикордахъ, Травкинъ на віолончели, его крестникъ на флейтѣ, а Лаптевъ-Волкъ на скрипкѣ. Послѣ успѣшнаго опыта съ баховскими прелюдіями и санктусами, въ Горкахъ, наконецъ, задумали къ Рождеству исполнить цѣлый концертъ изъ ораторіи Гайдна «Сотвореніе міра».

Небольшое, дружно-сплоченное общество не замѣчало въ этихъ занятіяхъ, какъ текло время.

V.

Однажды, послѣ ужина, когда ближніе изъ гостей разъѣхались, а болѣе дальніе разошлись по отведеннымъ имъ комнатамъ, Серафима, разговаривая съ Марй и доведя ее со свѣчей въ спальню, собралась уже съ нею проститься и остановилась. Выславъ горничную и продолжая какой-то обычный разсказъ, начатый наверху, она подождала, пока Марй раздѣлась и легла въ постель,—сказала: «Ну, пора, однако, мнѣ и тебѣ спать»,—и поцѣловала Марй, но вмѣсто того, чтобы уйти, сѣла на кресло у ея кровати и задумалась.

— Что̀ странно,—произнесла она: — ты, Маша, ни единымъ словомъ до сихъ поръ не намекнула мнѣ объ одномъ обстоятельствѣ.

— О какомъ?—спросила, вспыхнувъ, Марй.

«Это о Глѣбѣ, навѣрно о немъ!»—подумала она, замирая.

— Послушай, будемъ откровенны, — проговорила Серафима:—отчего ты такъ недовѣрчива со мной? относишься ко мнѣ, какъ бы съ какимъ-то снисходительнымъ... не то, что прощеніемъ, а даже—презрѣніемъ.

— Что̀ ты, дорогая? да развѣ я могу, смѣла бы?—вскрикнула Марй, вскакивая и садясь на кровати.

— Нѣтъ, нѣтъ, не отпирайся... Почему ты ни полусловомъ не намекнула, не спросила меня о томъ печальномъ прошломъ... о кіевскомъ событіи?

На душѣ Марй отлегло.

— Да о чемъ же спрашивать?—сказала она:—ну, развѣ непонятно? было мимолетное, легкомысленное увлеченіе... ну, глупая и, разумѣется, невинная вспышка безумной и слѣпой молодости, не больше... о чемъ же спрашивать?

Серафима схватила руку Марй и съ чувствомъ пожала ее.

— Такъ ты вѣришь мнѣ, допускаешь,—спросила она:— что я, при всемъ безобразіи этого поступка, осталась... могла остаться непорочной?

— Успокойся, милая, дорогая,—клянусь тебѣ, я ни въ началѣ, ни потомъ, когда все это произошло и огласилось, иначе не думала и не могла думать о тебѣ...

Серафима взглянула на кіотъ съ образами, передъ которымъ, заботами Сысоевны, въ комнатѣ Марй постоянно горѣла лампада.

— Слушай, — сказала она, вставъ и съ чувствомъ простирая руки къ кіоту:—моими дѣтьми и всѣмъ святымъ я клянусь тебѣ, — я дѣйствительно, благодаря Промыслу Господню, осталась правою и чистою передъ совѣстью и мужемъ... Alexis, этотъ дивный, божественно-добрый человѣкъ,— продолжала, сдерживая слезы, Серафима:—отъ сердца простилъ мою глупость, далъ слово все забыть и забылъ... Я боялась одного, — да, да!—день и ночь я мучилась, что̀ подумаешь и скажешь обо мнѣ ты?

Марй обхватила Серафиму и нѣжно привлекла ее къ себѣ, осыпая поцѣлуями.

— Ахъ, Марй, что̀ я пережила и что̀ испытала, — продолжала, удерживая рыданія, Серафима:—это было какое-то дикое, слѣпое, необъяснимое безуміе. Начать съ того... Пріѣздъ тогда отсюда, изъ тихой деревни, въ шумную Москву... началось какое-то нравственное опьянѣніе, вѣчные выѣзды въ театры, на концерты и балы... Масса новыхъ знакомыхъ вскружила голову. То и дѣло мелькали новыя лица. Меня хвалили, льстили мнѣ. А тутъ этотъ домашній спектакль. Я ночей не спала, твердя роль и думая, ка̀къ это я выйду,— сотни глазъ на меня глядятъ... И вотъ, я очутилась, сама не своя, на сценѣ передъ публикой. Помню, ка̀къ охватилъ меня трепетъ, ка̀къ я была потрясена собственною игрой и пѣніемъ. Гдѣ-то далеко гремѣли шумные аплодисменты; я чуть не упала въ обморокъ отъ восхищенія и боязни за себя. Потомъ поѣздка съ факелами на мызу, танцы тамъ чуть не до зари, ужинъ съ шампанскимъ, а кстати, притомъ, всѣ упрашивали меня пить и, вѣроятно, усердно подносили. Этотъ несчастный Прядышевъ, сильно влюбленный въ меня, давно молилъ меня съ нимъ бѣжать; я, разумѣется, на это только смѣялась... а пастушка, которую я играла, тоже,—какъ помнишь, въ пьесѣ, на сценѣ,—куда-то бѣжала съ обожателемъ... Ну, я въ непонятномъ забытьѣ, недолго думая, сѣла въ сани, — бѣшеная тройка помчалась; хмельная молодежь все это устроила... Мнѣ грезилось, что я ѣду

обратно въ Москву, и только утромъ я увидѣла, что это не Москва и что мы уже въ Подольскѣ... Ты спросишь, почему я не возвратилась? Одно скажу—меня охватывало то же безуміе, тотъ же полусонъ... Мнѣ мерещилось, что мы несемся въ какой-то опьяняющей сказкѣ; спать хотѣлось и было такъ весело, а мой спутникъ все твердилъ мнѣ завѣренія, что вотъ-вотъ снѣгъ, ухабы, тройки кончатся, мы промчимся черезъ холодную Россію и скоро очутимся въ невиданныхъ, теплыхъ, райскихъ странахъ, съ пальмами и вѣчно-цвѣтущими розами, подъ небомъ роскошной Италіи. Мысль о Москвѣ не пугала, а смѣшила меня... Вотъ,—думала я, наслаждаясь бѣшеною ѣздой:—тамъ ахаютъ, бьютъ тревогу, ищутъ! пускай...

— Чудеса ты разсказываешь! — не утерпѣла замѣтить Марй.

— Безумный мальчикъ,—продолжала Серафима:—платилъ двойные и тройные прогоны; мѣняя лошадей и едва успѣвая обогрѣваться на станціяхъ чаемъ, мы неслись, какъ на крыльяхъ. Въ Серпуховѣ, пока мнѣ подали обѣдать, Прядышевъ вдругъ какъ бы что-то вспомнилъ, ушелъ куда-то и возвратился самъ не свой. Я въ ужасѣ чуть не лишилась чувствъ: — взглянула, онъ былъ навеселѣ... ласковый, такой же вѣжливый, но едва стоялъ на ногахъ. Гдѣ? спрашиваю:-- какъ? молчитъ. Что же тутъ было еще говорить или дѣлать? Возвратиться? я и молила его... онъ обѣщалъ взять обратную подорожную изъ ближайшаго города—и обманулъ... А ужъ что было потомъ—и не спрашивай:—далѣе онъ просто напивался! Этой страсти мнѣ и въ голову не могло придти, а онъ, появляясь въ Москвѣ, среди лучшаго общества, тайно кутилъ и пилъ въ грязныхъ притонахъ, о чемъ никто тогда и не зналъ. На остальномъ пути я уже не позволяла ему садиться рядомъ съ собой; онъ ѣхалъ либо на облучкѣ, либо отъ станціи до станціи безпробудно спалъ у меня въ ногахъ, на днѣ саней. Опять порывалась я бросить его, ѣхать назадъ, но у меня не было ни паспорта, ни обратной подорожной, ни денегъ.

Серафима закрыла руками глаза.

— Воображаю, бѣдная, твое положеніе.—сказала Марй.

— Ужасъ! а лошади мчатся, мѣняются станціи. Да еслибы и удалось какъ-нибудь достать денегъ и лошадей, какъ было бросить его, среди незнакомыхъ людей, на дорогѣ? онъ пока

велъ себя тихо, а увидя мою попытку къ бѣгству, съ-пьяну могъ бы поднять шумную исторію, безобразничать... Спасъ меня Кіевъ... При въѣздѣ въ него, Прядышевъ увидѣлъ нѣсколько троекъ съ цыганами и цыганками, узналъ между ними свою прежнюю Дульцинею и пришелъ въ неописанный восторгъ:—вотъ, кричитъ, услышишь божество, соловья: что за голосъ, душа!.. Едва мы прибыли въ гостиницу и помѣстились,—разумѣется, порознь, — онъ наскоро умылся, нарядился и вылетѣлъ... сейчасъ, говоритъ, буду, привезу ее сюда!.. Остальное ты знаешь; болѣе мы не видѣлись. Пріѣзжалъ звать меня Глѣбъ... но не будемъ вспоминать! Онъ такъ нежданно и такъ сухо, свысока, объявилъ мнѣ о прощеніи мужа... ахъ, могла ли я вдругъ тогда опомниться, принять это великодушное прощеніе?

Кончивъ разсказъ, Серафима склонила голову. Ея щеки пылали, грудь тяжело дышала.

— И вотъ все мое горе, мой бывшій грѣхъ! — сказала она, щипля конецъ мокраго отъ слезъ платка:—долго я не рѣшалась писать мужу, думала покончить съ собой, либо скрыться навсегда, идти въ монастырь... да и теперь иной разъ совѣстно людямъ въ глаза смотрѣть... а вѣдь и въ помыслахъ, клянусь, и въ помыслахъ не было у меня тѣни грѣховной...

Марі быстро спустила ноги на коврикъ у кровати, поймала ими туфли, обула ихъ и, накинувъ на плечи кофту, сѣла на краю постели, рядомъ съ Серафимой.

— О, да, ты чиста, повторяю тебѣ, чиста, и твой дѣтски-взбалмошный проступокъ тебѣ прощенъ не однимъ мужемъ, всѣми!—сказала она:—но ты, все-таки, подала поводъ, необдуманно бѣжала... Вѣдь, правда же, ты открыто пренебрегла приличіями—съ постороннимъ человѣкомъ бѣжала въ такую даль? другія ничего подобнаго не дѣлали...

Серафима вспыхнула. Ея глаза съ изумленіемъ устремились на Марі.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросила она:—я недостойна, по-твоему, прощенія?

— Не о тебѣ, дорогая, ахъ, не о тебѣ! — отвѣтила Марі:—есть другія... ты меня также поймешь и можетъ быть пожалѣешь.

Она ломала руки, не находя словъ.

— Слушай, Серафима, — сказала она: — ты все мнѣ от-

крыла, а я была неискренна съ тобой. Тебѣ не все извѣстно; я стѣснялась, не имѣла духа все тебѣ объяснить. Между тобой и твоимъ мужемъ былъ хоть какой-нибудь, по существу, пустой, внѣшній, но все-таки поводъ къ разладу. Ты откровенно сознала свою вину; великодушный, честный, добрый мужъ понялъ дѣло и все тебѣ простилъ, все забылъ; вы снова живете въ полномъ согласіи и счастьѣ. А я... знаешь ли ты?—сказала Мари, ухвативъ Серафиму за руку:—между мною и Глѣбомъ все кончено... Да, я бросила его, мы разстались навсегда!

Серафиму, какъ громомъ, поразило это признаніе. Она безъ движенія, безъ словъ, молча смотрѣла на золовку широко открытыми глазами.

— Какъ? разстались? когда? почему? — выговорила она наконецъ.

— Изъ дикой, слѣпой ревности Глѣбъ придрался къ ничтожному поводу, — отвѣтила Мари: — и глубоко оскорбилъ меня, неповинную ни въ чемъ.

— Но ты могла же оправдаться, доказать?

— Мнѣ доказывать?—вскрикнула Мари: — кому? въ тѣ часы, — когда я умирала отъ страха за жизнь ребенка, а онъ былъ въ отсутствіи... когда я по цѣлымъ днямъ молилась, прибѣгая къ помощи врачей... сперва онъ получилъ безыменный извѣтъ, а потомъ угрозой вытребовалъ отъ Спесивцева мои письма... и рѣшился обвинять меня по нимъ.

Слезы не дали продолжать Мари. Осиливъ себя, обрываясь и снова плача, путаясь въ словахъ и забывая подробности, она кое-какъ разсказала исторію своего столкновенія и разрыва съ Глѣбомъ.

— И это за пять лѣтъ брака, честный мужъ и семьянинъ!—сказала, кончивъ, Мари:—осыпать позорными укорами и ни слова, ни признака раскаянія. Что же, буду, по волѣ его, вдовой живого мужа!

— Пустяки, забудется! — старалась утѣшить ее Серафима:—посуди, наконецъ, сама... вѣдь между вами ничего же въ сущности не было, даже тѣни какихъ-либо сердечныхъ съ твоей стороны увлеченій. Я знаю тебя... ты осмотрительна, горда, всегда любила мужа, а рыжій и лысый Спесивцевъ- ну, развѣ могъ онъ явиться соперникомъ — и кому же?—Глѣбу!

— Да, да,—вскричала Мари: — это-то и возмутительно!

Никогда и ни за что̀ я не прощу ему этого. Такое возмутительное обхожденіе; безпощадный укоръ въ измѣнѣ, въ развратномъ поведеніи... онъ даже посягнулъ на неповиннаго ребенка!—бѣшено кричала Марѝ:—въ глаза мнѣ бросилъ упрекъ, что это не его дитя... Вася-то, Васенька!

Марѝ, рыдая, упала головой въ подушку.

— И все это, повѣрь мнѣ, кончится миромъ и раскаяніемъ,—успокоивала ее Серафима: — завтра же я ему напишу.. мы объяснимъ ему, онъ явится, и ты охотно простишь ему злую, ревнивую выходку.

— Никогда! ни за что̀! на всю жизнь, кончено, слышишь ли?—вопила, глядя на образъ, Марѝ:—ты не знаешь этого самолюбиваго, сухого чудовища... Онъ сразу высказался... Языкъ отсохни, если я позволю себѣ хоть единымъ словомъ намекнуть ему о примиреніи. Пусть помнитъ, если смотрѣлъ на меня, какъ на рабыню, пусть знаетъ, что есть самолюбіе и у рабы!

«Ну, ты сердишься, еще зла на него, — подумала Серафима:—а мы съ Alexis все-таки ему напишемъ, чтобы онъ не дурилъ и скорѣе пріѣзжалъ бы сюда. А тутъ ужъ устроимъ примиреніе. Она клянетъ его, осыпаетъ обвиненіями, — и онъ сто̀итъ ихъ, — но и въ гнѣвѣ видно, ка̀къ онъ дорогъ ей и ка̀къ горячо, попрежнему, она любитъ его!»

Серафима еще посидѣла у Марѝ. По возможности успокоивъ ее, она уложила ее, поправила ей подушки, прикрыла одѣяломъ, даже перекрестила и, съ облегченнымъ сердцемъ, поднялась къ себѣ наверхъ, гдѣ утромъ все и разсказала мужу. Въ тотъ же день они оба написали и послали по почтѣ письма Глѣбу въ Петербургъ.

VI.

Узнавъ объ отъѣздѣ жены изъ ея письма черезъ Надю Шимкову, Глѣбъ впалъ въ крайнее смущеніе и раздраженіе. Послѣ рѣзкаго и до неприличія грубаго объясненія съ нею, онъ самъ, рѣшившись бросить ее, могъ ожидать и отъ нея всякаго, крайняго поступка, новой бурной сцены съ нимъ, присылки къ нему, съ требованіемъ объясненій, Спесивцева, но столь рѣшительнаго, быстраго и открытаго разрыва онъ никакъ не ожидалъ. Тѣнь нѣкотораго раскаянія и даже жалости къ женѣ шевельнулась въ душѣ Глѣба. Избѣгая всякой огласки и чтобы не дать домашнимъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣніямъ и пересудамъ, онъ по-

звалъ слугу, спокойно приказалъ ему отложить запряженный и поданный уже къ крыльцу экипажъ, вышелъ какъ бы прогуляться, крикнулъ на Покровкѣ того же извозчика Фролку, сѣлъ въ его дрожки и велѣлъ везти себя къ Покрову въ Левшинѣ. Глѣбъ увидѣлъ знакомый домъ и взошелъ по лѣстницѣ къ Спесивцеву.—«Удивится этотъ гусь, да чортъ его возьми!—думалъ онъ:—нечего церемониться! допрошу его,—навѣрное знаетъ и скажетъ, куда уѣхала жена».—Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ, что передняя и кабинетъ доктора были совершенно пусты; валявшійся на полу соръ и клочки бумажекъ показывали, что жилецъ оставилъ эту квартиру. Въ полуотворенную дверь изъ коридора выглянулъ, съ метлой въ рукахъ, старикъ-дворникъ, изъ отставныхъ солдатъ.

— Вамъ кого?—спросилъ онъ.

— Гдѣ докторъ?

— Съѣхали.

— Куда?

— Не могимъ знать.

— На новую квартиру, что ли?

— Должно, совсѣмъ изъ города.

— Но куда же?

— Не могимъ, ваше благородіе, знать.

— Послушай, ты мнѣ скажи; я требую, — возвысилъ голосъ Глѣбъ: — я служу при главнокомандующемъ, — не можетъ-быть, чтобъ ты не зналъ отъ его прислуги.

— Извольте, ваше сіятельство, спросить у хозяйки; мы что? они съ нею разсчитывались, а мы, сейчасъ померетъ, въ томъ непричинны.

Глѣбъ пошелъ къ хозяйкѣ. Его приняла больная и полуглухая старуха, давно не встававшая съ постели. То и дѣло кашляя и оправляя сползавшій съ сѣдой головы платокъ, она спросила, что ему нужно. Глѣбъ объяснилъ.

— Семенъ Захарычъ, извѣстное дѣло, — отвѣтила старуха:—былъ жилецъ изъ жильцовъ, тихій, аккуратный и не токмо платилъ въ срокъ, жилъ безъ всякаго окаянства, а еще лѣчилъ, сказать, даромъ... Куда же выѣхалъ, не знаю, не то къ сродственникамъ куда-то, не то на кондиціи въ деревню, къ какому-то богатому человѣку, за Тверь.

— На-время?

— По видимости, надолго, если не навсегда... распродалъ мебель и прочее... дешево распродалъ, спѣшилъ...

— На почтовыхъ онъ уѣхалъ или на долгихъ?

— Кажись, батюшка, на почтовыхъ,—я хворая, не встаю,—входилъ ямщикъ, въ армякѣ и съ орломъ на шапкѣ.

«Такъ вотъ оно что̀, теперь ясно, — разсуждалъ Глѣбъ, выйдя на улицу: — они, очевидно, условились и все заранѣе обдумали; выѣхали порознь, а гдѣ-нибудь далѣе и встрѣтятся».

Бѣшенство овладѣло Глѣбомъ. Онъ, едва помня себя, возвратился домой, упалъ на диванъ, стоналъ, билъ себя кулакомъ въ голову и до крови грызъ себѣ ногти. Онъ было рѣшилъ ѣхать въ Кунцово, допытаться, кто изъ ямщиковъ и на какую дорогу вывезъ его жену съ мызы? Предполагалъ обратиться и въ полицію, также на почту, чтобы узнать, по какому виду и куда именно выѣхалъ изъ Москвы Спесивцевъ,—но тутъ же безнадежно и злобно махнулъ на все рукой.—«Какая польза,—сказалъ онъ себѣ:—освѣдомляться, слѣдить и раскапывать эту грязь? Не все ли равно? такъ или иначе, но я одураченъ и проведенъ... Проклятіе измѣнницѣ и ея соблазнителю! пусть будетъ, чему быть суждено. А съ нею отнынѣ исторія разъ навсегда кончена!»

На другой день Глѣбъ явился къ главнокомандующему. Онъ доложилъ ему, что устроилъ домашнія дѣла, для которыхъ пріѣзжалъ, и что, если князь разрѣшитъ, онъ готовъ немедленно снова возвратиться въ Петербургъ. Получивъ согласіе князя, онъ откланялся, взялъ нужныя бумаги, заѣхалъ къ себѣ домой, все заперъ тамъ на замки, сдалъ подъ охрану оставленной прислугѣ, уложился, послалъ за почтовыми и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ обратно въ Петербургъ. Расписываясь въ Клину объ уплатѣ прогоновъ и въ полученіи лошадей, онъ хотѣлъ было освѣдомиться, отсюда куда проѣхалъ Спесивцевъ, и уже сталъ перелистывать книгу, но остановился и съ презрѣніемъ отбросилъ ее на конецъ стола.— «Нѣтъ, Господь съ ними! — рѣшилъ онъ: — забыть ихъ, забыть окончательно и скорѣй. Украденной души не воротишь! Начать новую, спокойную жизнь... Служба—вотъ отнынѣ моя задача, вотъ удѣлъ! она спасала не разъ меня прежде, спасетъ и теперь!»

Въ первое время, по возвращеніи въ Петербургъ, Глѣбъ былъ сильно не въ духѣ. Одинокая жизнь въ нумерѣ гостиницы тяготила его, и онъ очень обрадовался, когда ему представилась возможность устроиться на квартирѣ съ давнимъ своимъ знакомымъ, гвардейскимъ офицеромъ Галахо-

вымъ, состоявшимъ также и при канцеляріи фаворита государыни, князя Орлова. Покойный отецъ Галахова былъ въ молодости друженъ съ отцомъ Глѣба. Возлагая теперь всѣ свои надежды на Орлова, какъ по дѣлу, порученному ему Волконскимъ, такъ и относительно своей дальнѣйшей карьеры, Глѣбъ былъ радъ, что и Галаховъ, близкій къ Орлову, могъ ему пособить. Но его сожитель, откровенный съ нимъ во всемъ, лично объ Орловѣ и о поручаемыхъ ему дѣлахъ молчалъ. Выбравъ удобный часъ, Глѣбъ навѣстилъ Орлова. Князь милостиво и ласково встрѣтилъ его.

— Очень радъ, Дуга̀новъ, что ты возвратился,—сказалъ онъ:—государыня склоняется окончательно къ мнѣнію моему и твоего шефа, по жалобѣ обиженной матери на непослушную дочь; отъ сената ожидаются послѣднія справки. Вотъ тебѣ экстрактъ изъ производства; составь изъ него краткую ремарку для меня, на случай, если потребуется для послѣдняго доклада ея величеству; дѣло во всякомъ случаѣ теперь уже не затянется, о чемъ можешь отписать и князю Михаилу Никитичу... Обрадуй его, — хотя, по-правдѣ сказать, государынѣ теперь не до того... По случаю пріѣзда невѣсты цесаревича Павла Петровича и предстоящаго ихъ обрученія, а затѣмъ и свадьбы, при дворѣ будетъ цѣлый рядъ торжествъ. Ты здѣсь будешь скучать, но что же дѣлать, — служба! могу, впрочемъ, посовѣтовать,—заключилъ съ улыбкой князь: — ремарку составляй скорѣе, а затѣмъ — вмѣстѣ со всѣми — веселись и ты.

«Не до веселья мнѣ», хотѣлъ отвѣтить Глѣбъ. Онъ, въ смущеніи, молча сталъ откланиваться.

— Вѣдь, кстати, и ты получишь доступъ на всѣ торжества, тебя не забудемъ, велю записать!—сказалъ Орловъ, по-своему объяснивъ растерянность и смущеніе своего гостя:— ты хоть не вышелъ рангомъ, удостоишься доступа, какъ москвичъ, разскажешь тамъ всѣмъ впечатлѣнія, какъ очевидецъ.

Польщенный такою любезностью, Глѣбъ не рѣшился въ этотъ разъ безпокоить князя просьбой о покровительствѣ ему на дальнѣйшемъ служебномъ пути. Обѣщаніе Орлова касательно придворныхъ торжествъ вскорѣ осуществилось: Глѣбу прислали форменный ордеръ съ разрѣшеніемъ ему, въ качествѣ адъютанта московскаго главнокомандующаго, присутствовать на всѣхъ придворныхъ выходахъ, раутахъ,

балахъ и иныхъ собраніяхъ, по случаю ожидаемаго бракосочетанія наслѣдника-цесаревича.

Лѣтніе маневры гвардіи, въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, въ 1773 году, были окончены въ половинѣ августа. Дворъ возвратился изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Въ день обрученія цесаревича и его невѣсты, 16-го августа, на придворной сценѣ Эрмитажа давали итальянскую оперу «Антигона». Здѣсь впервые, въ теченіе цѣлаго вечера, Дугàновъ имѣлъ случай видѣть вблизи императрицу Екатерину, ея сына, его невѣсту и всю ближнюю свиту государыни. Вскорѣ ему удалось быть на представленіи во дворцѣ и другой итальянской оперы «Псишè и Купидонъ». Блескъ роскошно убранной залы, раззолоченные мундиры гвардіи и высшихъ гражданскихъ чиновъ ослѣпили Глѣба. Но его взоры были обращены на государыню.

Не смѣя изъ креселъ, какъ и другіе, наводить на царскую ложу зрительной ручной трубки, Глѣбъ восторженно вглядывался въ лицо Екатерины, приподнимаясь изъ-за высокихъ дамскихъ прическъ и шляпъ, мѣшавшихъ ему вдоволь на нее смотрѣть. «Боже, какъ бы я желалъ услужить ей чѣмъ-либо особеннымъ, пожертвовать для нея жизнью, совершить передъ нею какой-либо, выходящій изъ ряду, высокій подвигъ»—думалъ Глѣбъ, замирая и почти не слыша арій и нѣжныхъ руладъ, которыми заморскіе пѣвцы и пѣвицы плѣняли и потрясали слушателей, переполнявшихъ залу. При вызовѣ, подъ громъ рукоплесканій, артистамъ апплодировали, какъ видѣлъ Глѣбъ, сама императрица и стоявшій за ея кресломъ, въ пудрѣ и голубой лентѣ, счастливо-улыбающійся, худенькій и стройный цесаревичъ Павелъ. Дугàновъ слѣдилъ за небольшими, обтянутыми въ длинныя перчатки, руками императрицы и, когда она, улыбаясь на сцену, хлопала ими, думалъ: «И эти маленькія, въ перчаткахъ по локоть, руки правятъ судьбою милліоновъ! по ихъ мановенію, созидаются и разрушаются союзы, движутся громадныя арміи... О, если бы этотъ взоръ, хотя бы случайно, упалъ когда-нибудь на меня, если бы судьба избрала меня для принесенія ей жертвы моимъ умомъ, силами, жизнью!» Опера кончилась, занавѣсъ опустился, публика, среди послѣднихъ вызововъ, разъѣзжалась. Дугàновъ, на котораго никто не обращалъ вниманія, возвращался домой взволнованный, съ чувствомъ необъяснимой досады и душевной

пустоты. Нехотя и сухо отвѣчая на разспросы своего сожителя, которому, вслѣдствіе порученныхъ ему, неотложныхъ работъ по канцеляріи, не удавалось попадать на эрмитажные спектакли, онъ долго не засыпалъ, обуреваемый разнообразными и тягостными мыслями. Проситься въ дѣйствующую армію, въ Турцію? — думалъ онъ: — но что изъ того толку? Тамъ достаточно такихъ же заурядныхъ, малопомѣстныхъ дворянчиковъ и безъ меня, да и не предвидится особыхъ дѣлъ. Войска стоятъ на Дунаѣ, въ выжидательномъ положеніи; вмѣсто боевого подвига, попадешь еще въ лапы гнилой горячки или чумы, безвѣстно околѣешь въ какомъ-нибудь голодномъ и грязномъ госпиталѣ. А главное — все это будетъ невѣдомо ей, великой монархинѣ, вдали отъ нея»

Приходя затѣмъ въ себя и зрѣло обдумывая свои мысли, Глѣбъ иной разъ даже зло смѣялся надъ собою. «Чего захотѣлъ,—разсуждалъ онъ:—заслуги, подвига передъ лицомъ самой государыни! да это въ цѣлой міровой исторіи если и выпадетъ, то рѣдко и на долю одного, много двухъ счастливцевъ изъ милліоновъ подданныхъ монарха. Несбыточныя грезы, пустыя надежды жалкаго мечтателя. Ниже, ниже, у ногъ твоихъ, на землѣ, ищи обычной людской доли!»

Въ началѣ сентября Дуганову снова удалось близко увидать государыню и весь ея близкій штатъ, при посѣщеніи ею работъ, заложеннаго тогда, мраморнаго Исаакіевскаго собора. Фундаментъ собора былъ въ то время уже конченъ и начали класть на немъ цоколь. Дугановъ не зналъ о предстоявшемъ заѣздѣ сюда государыни. Идя отъ сената мимо изгороди, окружавшей эту постройку, онъ вдругъ увидѣлъ четверню сѣрыхъ цугомъ, открытую, высокую коляску императрицы и ѣхавшаго за нею, на дрожкахъ, запряженныхъ тройкой, князя Орлова. Князь подбѣжалъ къ коляскѣ, отворилъ дверцу, откинулъ складныя ступеньки и подалъ государынѣ руку. Не успѣла она сойти съ послѣдней ступеньки, пристяжная коляски испугалась чего-то и, бросаясь въ сторону, поднялась на дыбы. Глѣбъ успѣлъ ухватить ее за узды и придержалъ. «Теперь увидятъ, замѣтятъ меня!» — подумалъ онъ, замирая и продолжая держать испуганную лошадь. Но князь Орловъ, грозно взглянувъ на кучера, посиѣшилъ къ калиткѣ, къ которой шла, улыбаясь и кланяясь столпившимся прохожимъ, императрица Екатерина. Свита послѣдовала за нею. Калитка захлопнулась. «И чего я ищу,

чего мнѣ надо?—горько усмѣхнулся Глѣбъ, возвращаясь домой:—мнѣ поручены ремарки; надо получше заняться ими». Онъ засѣлъ за окончательное изготовленіе выборокъ изъ дѣла.

Въ Петербургѣ всѣ заговорили о предстоявшей 13-го сентября поѣздкѣ двора на дачу Нарышкина, гдѣ государыня изъявила готовность принять предложенную охоту на оленей и обѣдъ въ лѣсу. Дуга́новъ также получилъ разрѣшеніе ѣхать туда, но раздумалъ и рѣшилъ сказаться больнымъ. «Лишнія развлеченія и лишняя трата времени!»—сказалъ онъ себѣ, сидя надъ сенатскими бумагами.

VII.

Наканунѣ назначенной охоты поднялся сильный вѣтеръ съ моря. Нева къ утру вздулась, началось наводненіе, изъза котораго цугъ придворныхъ каретъ, шарабановъ и линеекъ не могъ переѣхать по Калинкину мосту, черезъ разливпуюся Фонтанку. Императорскій поѣздъ по-неволѣ возвратился назадъ. Въ городѣ по этому поводу прошла молва, будто государыня, подъѣхавъ къ мосту и увидѣвъ, что вода бушевавшей Фонтанки доходила уже до осей колесъ, открыла окно и сказала кучеру: «Что же, на мосту будетъ не выше дна кареты, мы подожмемъ ноги, ступай!»—но въ это мгновеніе порывомъ вѣтра сорвало съ головы государыни поярковую, съ соколинымъ перомъ, охотничью шляпу, которая улетѣла за ограду набережной и понеслась по волнамъ. Всѣ и больше всѣхъ сама императрица много смѣялась этому на возвратномъ пути. «Гляжу, она уже, какъ корабль, на водѣ, — покатывалась со смѣху императрица: — перо точно парусъ... а вы, какъ слѣдуетъ рыцарю, и не вздумали броситься въ рѣку, спасать мой нарядъ!» — сказала она толстому Нарышкину, сидѣвшему противъ нея въ каретѣ. «И зачѣмъ меня тамъ не было? — съ досадой думалъ, слыша разсказъ объ этомъ, Дуга́новъ, — я не Нарышкинъ; я не задумался бы броситься вплавь и спасъ бы шляпку государыни». «Сумасшествіе! безумныя, несбыточныя мечты! — сказалъ онъ себѣ черезъ минуту: — въ этотъ прозаическій, холодный вѣкъ, такимъ поступкомъ только навлечешь на себя насмѣшки, разыграешь роль общаго забавника, шута! Нѣтъ, кончу работу, сдамъ ее князю и стану проситься на Дунай; тамъ Суворовъ,—онъ какъ-то зналъ отца, вспомнитъ и меня... тамъ поле чести, не все же будутъ даромъ стоять наши войска».

Наступилъ день бракосочетанія цесаревича. Вѣнчаніе совершилось, 29-го сентября, въ Казанскомъ соборѣ. Императрица выѣхала изъ дворца въ раззолоченной, сквозной каретѣ, запряженной восемью бѣлыми, разубранными въ страусовыя перья, лошадьми. Въ каретѣ передъ государыней сидѣлъ цесаревичъ, рядомъ съ нимъ его невѣста, великая княжна Наталья Алексѣевна. Государыня была одѣта въ русскомъ платьѣ, изъ алаго атласа, расшитаго жемчугомъ, и въ горностаевой мантіи. Карету сопровождали верхомъ командиры кавалергардскаго конвоя, князь Григорій и его братъ, графъ Алексѣй, Орловы; впереди, также верхомъ, гарцовали, въ шляпахъ съ плюмажемъ и въ залитыхъ золотомъ мундирахъ, камергеры и камеръ-юнкеры. Въ концѣ вѣнчанія раздалась пушечная пальба. Площади и улицы города оглашались радостными кликами.

Послѣ торжественнаго обѣда, въ тронной залѣ, съ новою салютаціонной пальбой, всѣ перешли въ боковыя залы, гдѣ начались танцы. Императрица, новобрачные и всѣ гости были веселы. Дуга̀новъ въ новомъ, съ иголочки, сшитомъ для этого бала мундирѣ, стоялъ у одного изъ оконъ. Изъ-за цвѣтущихъ азалій и олеандровъ, онъ любовался толпой разряженныхъ красавицъ, подъ пѣвучій стонъ и ревъ струннаго оркестра, то граціозно присѣдавшихъ и медленно плывшихъ въ менуэтѣ, то рѣзво уносившихся въ веселомъ котильонѣ.

Между танцующими болѣе всѣхъ выдѣлялась, въ бѣломъ, тяжеломъ серебряномъ платьѣ, усыпанномъ алмазами, и въ серебряной, унизанной жемчугомъ, коронѣ, утомленная и блѣдная новобрачная. Императрица въ особой ложѣ, на возвышеніи, радостно слѣдила за общимъ оживленіемъ и веселостью. Въ промежуткахъ, среди менуэтовъ, гавотовъ и котильона, скрытый за колоннами, въ глубинѣ залы, хоръ придворныхъ пѣвчихъ, въ алыхъ кафтанахъ, съ золотомъ, возглашалъ канта̀ту, написанную къ этому торжеству:

«Пойте, музы восхищенны,
«Родъ Петровъ воскреснетъ днесь!»

Другой хоръ пѣвчихъ, въ голубыхъ кафтанахъ, съ серебромъ, подхватывалъ этотъ стихъ, на другомъ концѣ залы, и потрясая густыми басами слухъ, выкрикивалъ: «Родъ Петровъ, родъ Петровъ воскреснетъ... воскреснетъ днесь!»

Любуясь танцами, музыкой и пѣніемъ, отуманенный всѣмъ, что происходило въ этомъ пышномъ, горѣвшемъ тысячами свѣчей, царскомъ чертогѣ, Дуга̀новъ вдругъ замѣтилъ, что общее веселье и общая торжественность какъ бы стихли и мгновенно стали блѣднѣть. Онъ услышалъ за собою странный, сперва сдержанный шопотъ.

— А каково? на Яикѣ-то? — вполголоса сказалъ кто-то камергеру, стоявшему возлѣ Глѣба, за боскѐтомъ изъ живыхъ цвѣтовъ:—слышали? разсказываютъ страхи.

— Нѣтъ, не слыхалъ,—отвѣтилъ камергеръ.

— За Волгой, на Яикѣ, появился самозванецъ,—продолжалъ вѣстовщикъ: — и представьте, дерзнулъ принять имя покойнаго государя, собралъ войско и взялъ уже нѣсколько крѣпостей... Сейчасъ прибылъ курьеръ изъ Москвы, государыня очень опечалена и удалилась во внутренніе покои.

Дуга̀новъ оглянулся: ложа императрицы, дѣйствительно, опустѣла.

Говоръ въ разныхъ группахъ гостей сталъ явственнѣе, толки громче.

— Да, батюшка, вотъ тебѣ и «родъ Петровъ воскресъ!»— сказалъ важный сановникъ, въ александровской лентѣ, съ толстыми икрами ногъ, туго обтянутыми въ бѣлые, съ золотымъ лампасомъ, панталоны, проходя съ худымъ и тощимъ, трясущимъ головою, адмираломъ, мимо цвѣтовъ, за которыми продолжалъ стоять Дуга̀новъ: — днесь, днесь... а грозная тѣнь покойника воскресла-таки изъ гроба.

— Saluez les morts! saluez!—насмѣшливо шамкалъ адмиралъ, двигаясь къ выходу на тонкихъ, слабыхъ ножкахъ.

Начался общій разъѣздъ. Внизу, въ сѣняхъ, Глѣбъ впервые изъ группы уѣзжавшихъ услышалъ и прозвище того, кто дерзко принялъ на себя имя покойнаго императора. «Донской казакъ, Емельянъ Пугачовъ», — повторяли гости, разъѣзжавшіеся изъ дворца.

На другой и въ слѣдующіе дни, Дуга́новъ старался болѣе подробно узнать о самозванцѣ. Къ кому онъ ни обращался, всѣ оказывались знающими не болѣе его. Сожитель его, Галаховъ, бывшій наканунѣ дежурнымъ при гауптвахтѣ, у военной коллегіи, даже видѣлъ того фельдъегеря, который прискакалъ съ первою вѣстью изъ Москвы, но и отъ фельдъ-

сгеря, снова усланнаго съ бумагами въ Москву, онъ не довѣдался, будто бы, ничего.

Новыя торжества и веселости, послѣ брака цесаревича, продолжались, впрочемъ, безъ перерыва, еще около двухъ недѣль. Подъ ихъ впечатлѣніемъ, въ городѣ хотя и говорили о событіяхъ за Волгой, но уже безъ особаго вниманія и тревоги. Нѣкоторые еще утверждали, что бунтъ на Яикѣ дѣло нешуточное, что волненіе и мятежъ тамъ разрастаются съ неимовѣрною быстротой и что, если государыня еще показывается на придворныхъ празднествахъ, то либо она это дѣлаетъ съ цѣлью, наружнымъ спокойствіемъ, хотя нѣсколько ослабить толки общества, либо сама не знаетъ важности событія, такъ какъ министры скрываютъ отъ нея истинное положеніе дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ стало слышно о посылкѣ свѣжихъ войскъ за Волгу, къ осажденному Оренбургу.

— Карръ назначенъ!—радовалась нѣмецкая партія:—онъ примѣрный служака, неутомимъ и честенъ; къ нему присоединили Фреймана; зададутъ они этой казацкой сволочи!

— Но отчего же не русскіе?—ворчали патріоты.

— Да гдѣ же ихъ, отцы вы наши, взять?

— Какъ гдѣ? а Суворовъ, Бибиковъ?—возражали русскіе.

— Но первый за Дунаемъ, а второй, будто не знаете, въ опалѣ.

— Какая тутъ, сударь, опала, когда повторяются времена Разина и Дмитрія царевича и всѣмъ грозятъ смертныя бѣды? Увидите, увидите.

Толки о самозванцѣ стали затихать среди дальнѣйшихъ брачныхъ торжествъ, завершившихся пышнымъ придворнымъ маскарадомъ, на три съ половиною тысячи гостей.

Иностранные принцы, родичи цесаревны и ихъ свита разъѣхались въ чужіе края. Императрица съ семействомъ, въ началѣ ноября, возвратилась въ Царское-Село. О событіяхъ подъ Оренбургомъ болѣе не говорили. Жизнь Петербурга, съ началомъ зимы, пошла обычнымъ порядкомъ. Въ частныхъ домахъ, попрежнему, собирались для игры въ бостонъ, макао и въ вистъ, по десять копеекъ партія. Въ видѣ отзвука недавнимъ придворнымъ баламъ и маскарадамъ, высшій и средній круги столицы наперерывъ стали также давать балы и маскарады. Молодежь, по утрамъ, гуляла по дворцовой набережной и носилась на рысакахъ

по Невской перспективѣ, а вечеромъ толпилась въ италья скихъ и швейцарскихъ кондитерскихъ, гдѣ пѣли арфянки, и въ бильярдныхъ модныхъ гостиницахъ, гдѣ игра кончалась шумными попойками. Кромѣ придворной итальянской оперы и русской комедіи, столичное общество посѣщало также представленія заѣзжихъ эквилибристовъ Прòни и Брамбѝлла, поражавшихъ всѣхъ невиданнымъ дотолѣ и изумительнымъ балансированіемъ на тугонатянутой проволокѣ, причемъ, одѣтая Коломбиной, красавица Брамбѝлла, по словамъ видѣвшихъ ее, такъ быстро вертѣлась на проволокѣ, что совершенно, казалось, исчезала въ воздухѣ.

Близилось, наконецъ, къ рѣшенію и дѣло Корòниной, порученное Дугàнову. Его раза два вызывали въ сенатъ для дачи послѣднихъ разъясненій, о чемъ онъ и поспѣшилъ сообщить въ Москву главнокомандующему. Но встрѣтилась новая затяжка. Сенаторы, какъ предполагалъ Глѣбъ, подъ вліяніемъ небезгрѣшнаго тутъ оберъ-секретаря, потребовали дополнительныхъ справокъ. Послѣднія были затребованы не только изъ Москвы, но, по жительству отвѣтчицы, даже изъ Калуги, и дѣло, сверхъ всякаго ожиданія, опять очутилось подъ сукномъ. Оставшись, въ ожиданіи затребованныхъ справокъ, снова безъ всякихъ занятій, Дугàновъ рѣшительно не зналъ, чтò ему дѣлать, и сильно скучалъ. Возвратиться на время въ Москву онъ не рѣшался,— справки могли придти безъ него. Отъ скуки онъ посѣтилъ нѣсколько разъ театръ, заглянулъ и къ эквилибристамъ, но все это мало развлекало его. Зайдя какъ-то съ Галаховымъ въ гостиницу, гдѣ тотъ условился съ кѣмъ-то сыграть на бильярдѣ, Глѣбъ усѣлся въ общей залѣ и около часа пробылъ здѣсь, съ давно-неиспытаннымъ удовольствіемъ слѣдя за состязаніемъ игроковъ. Самъ браться за кій онъ не рѣшался, боясь увлечься игрой, когда-то чуть не разорившей его. Около двухъ недѣль, послѣ того, онъ не только не посѣщалъ гостиницъ, но даже далеко обходилъ подъѣзды, надъ которыми красовались вывѣски съ изображеніемъ бильярда и шаровъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Дугàновъ изрѣдка переписывался только съ матерью. Къ брату, послѣ своего разрыва съ женой, онъ не писалъ ни разу, довольный и тѣмъ, что и Алексѣй, вообще бòльшой неохотникъ до корреспонденцій, также не напоминалъ ему о себѣ. «И о чемъ я буду ему

писать? — разсуждалъ, желчно усмѣхаясь, Глѣбъ: — что нежданно сталъ рогатъ и что безъ вѣсти пропала моя благовѣрная? есть о чемъ оповѣщать и чѣмъ хвастать!»

Идя однажды по Гороховой, Глѣбъ увидѣлъ Галахова, подъѣхавшаго къ какому-то трактиру.

— Ты сегодня дома обѣдаешь?—спросилъ онъ его.

— Врядъ ли, обѣдай безъ меня,—отвѣтилъ Галаховъ:— тутъ проявился восточный какой-то искусникъ на бильярдѣ, всѣхъ обыгрываетъ наповалъ... какъ я ни занятъ, хочу посмотрѣть, зайдемъ!

— Нѣтъ, уволь,—я далъ зарокъ никогда болѣе не брать кія въ руки.

— Вздоръ, зайдемъ, погляди только.

Глѣбъ зашелъ съ Галаховымъ и увидѣлъ въ небольшой, наполненной табачнымъ дымомъ комнатѣ нѣсколько игроковъ, напряженно слѣдившихъ за невысокимъ, тощимъ и лысымъ человѣкомъ, въ красной восточной фескѣ, неумѣло въ то время садившимъ въ лузы свой шаръ, вмѣсто шаровъ противниковъ. «Плутъ,—подумалъ о немъ присматривавшійся къ игрѣ Дугановъ,—заманиваетъ, поддается! и удивительно, какъ это не замѣчаютъ другіе!» Онъ кивнулъ многозначительно Галахову: — «берегись, молъ, дѣло не чистое!» — и ушелъ.

Возвратясь домой, онъ нашелъ у себя на столѣ два письма, съ почтовыми клеймами. Онъ прежде всего узналъ руку брата и вскрылъ его письмо. Алексѣй поздравлялъ его съ днемъ рожденія, о которомъ Глѣбъ и забылъ, и вскользь прибавилъ:—«что же до Марй, то она и Вася совершенно здоровы, а съ ихъ пріѣздомъ и у насъ все благополучно». «И ужъ какъ было бы хорошо, — приписалъ къ концу письма Алексѣй,—если бы и дорогой нашъ Глѣбушка скорѣе покончилъ свои служебныя комиссіи и также пожаловалъ бы къ намъ. Какіе у насъ составляются музыкальные вечера! Марья Родіоновна вспомнила свои дѣвическія упражненія на клавикордахъ, Серафимочка свое пѣніе, а при помощи окольныхъ доморощенныхъ виртуозовъ на віолончели, скрипкѣ и даже на флейтѣ, у насъ происходятъ, говоря не въ шутку, цѣлые концерты преизрядной камерной музыки. Другое коротенькое письмо было отъ Серафимы. Оно заключалось только въ слѣдующихъ словахъ: «Дорогой братъ! Не все то вѣрно, что̀ кажется. И неужели

всякое рѣшеніе безупречно? Ахъ, спросите ваше сердце,— оно вамъ скажетъ: любившее васъ существо не достойно ли васъ и теперь?»

VIII.

«Такъ вотъ гдѣ она! — сказалъ себѣ Дуга́новъ, дочитавъ письма и озадаченно потирая лобъ:—пріютилась у нашихъ и, очевидно, не все имъ открыла... Что жъ, и съ Богомъ! Живи, матушка, хоть и тамъ; ѣзди, куда знаешь и хочешь,— скатертью дорога. Сокровенный же другъ, счастливый соблазнитель, вѣроятно, вскорѣ гдѣ-нибудь устроится по близости, въ Саратовѣ или въ иномъ мѣстѣ, уладятся тайныя свиданія, нежданныя будто бы встрѣчи. Въ городъ легко съѣздить, голубки и увидятся. Меня же ты, сударыня, разумѣется, уже никогда болѣе не увидишь!» Глѣбъ еще разъ пробѣжалъ письма брата и невѣстки, скомкалъ ихъ, разорвалъ и бросилъ въ печь.

Не обѣдавшій дома Галаховъ возвратился въ тотъ день поздно. Зайдя въ комнату Глѣба, онъ засталъ его сидящимъ, съ ногами, на канапе́ и спокойно читающимъ у канделябра модный французскій романъ, который онъ ему откуда-то привезъ и чтеніемъ котораго давно уговаривалъ его развлечься.

— А я, дружище, проигрался,—сказалъ Галаховъ, сѣвъ въ кресло возлѣ Глѣба и позѣвывая:—зато этотъ искусникъ въ фескѣ, хоть обобралъ насъ, угостилъ превосходнымъ обѣдомъ, то-есть, собственно, ужиномъ... Какіе вина, ликеры! Только что изъ-за стола.

— Такъ ты-таки отдалъ дань? — спросилъ Глѣбъ, не отрываясь отъ книги.

— Да, обыгранъ, но счастливъ! Что за удары, что за ходы, быстрота зрѣнія, а сперва... какъ бы нарочно уступалъ...

Дуга́новъ на это не отвѣчалъ. Прошло нѣсколько минутъ общаго молчанія.

— И тебѣ не скучно?—спросилъ съ сожалѣніемъ Галаховъ, когда Глѣбъ, дочитавъ страницу, закрылъ книгу:— удивляюсь тебѣ, жить въ одиночествѣ, въ холостой обстановкѣ, когда есть и свой домъ, и милая, достойная подруга жизни, есть, наконецъ, семья... ты извини меня, но такія блага... я давно хотѣлъ тебѣ сказать...

— Слушай, Александръ Павловичъ,—отвѣтилъ Глѣбъ:—

и я давно собирался тебѣ объяснить... Много счастья не желаю, да лучшаго, пожалуй, и нѣтъ на землѣ.

— Какъ? жить въ разлукѣ съ ближними, бобылемъ?

— Да, бобылемъ.

Галаховъ удивленно взглянулъ на Дуганова.

— Ты шутишь, или я тебя не понимаю,—сказалъ онъ.

— Не понимаешь? Изволь, поясню. Я потому несказанно счастливъ, именно здѣсь, въ одиночествѣ, въ этой нашей холостой конурѣ,—сказалъ Глѣбъ, указывая кругомъ по комнатѣ:—что я здѣсь свободенъ, какъ воздухъ, ничѣмъ не связанъ и, главное, ничѣмъ не смущенъ, а еще болѣе потому, что тамъ,—прибавилъ онъ, указывая за дверь, на прочія комнаты квартиры:—живешь только ты и нѣтъ за этою дверью ни тѣни какой-либо, по твоему, очаровательной Клеопатры или Пентефріи Николаевны.

— Что ты этимъ хочешь сказать?—смущенно спросилъ Галаховъ, даже покраснѣвъ при мысли о томъ, какъ могъ его сожитель такъ выразиться о своей женѣ.

— Да, да, милый мой!—продолжалъ Глѣбъ:—ты самъ тронулъ этотъ вопросъ, буду откровененъ до конца. Ты холостъ, никогда не былъ связанъ рабскими цѣпями гименея,—а въ бракѣ, да будетъ тебѣ извѣстно,—непремѣнно одна сторона является злосчастною, искупительною жертвой. Не испытавъ брачныхъ оковъ, ты не можешь вѣрно и судить о семейныхъ событіяхъ, драмахъ, комедіяхъ, а подчасъ и трагедіяхъ. Одиночество... да что можетъ быть выше его? Знать, что никакая въ мірѣ Пентефрія, или тамъ Клеопатра, сейчасъ вотъ, каждую секунду, не появится изъ-за этой вотъ двери,—злобно указывалъ худымъ, длиннымъ пальцемъ Глѣбъ:—что она, эта обольстительница, не зашуршитъ своимъ очаровательнымъ платьемъ, не склонится къ тебѣ лебяжьей шейкой, съ надушенными локонами, и при этомъ не станетъ тебя безпощадно, разными милыми попреками, да экивоками, пилить, пилить и пилить,—да развѣ, милый, это не великое благо на свѣтѣ, не своего рода земной эдемъ?

Проговоривъ это, Глѣбъ всталъ и нервно захохоталъ.

— Именно эдемъ, и тѣмъ болѣе истинно благодатный и вѣчный, что безъ Евы!—сказалъ онъ, прохаживаясь по комнатѣ и продолжая смѣяться:—удивляешься? Не уди-

вляйся — поживешь, увидишь... Эхъ ты, простота! Кстати, у меня вышли сигары, есть у тебя лишняя?

«Онъ рехнулся!» — подумалъ Галаховъ, торопливо вынувъ и подавая Дуга́нову свертокъ сигаръ.

— А, впрочемъ, не думай, я говорю не о себѣ, а вообще, — продолжалъ, закуривая сигару и какъ бы спохватясь, Глѣбъ: — холостяку все это кажется въ идеалѣ, въ розовомъ свѣтѣ; отъ женатаго ничто не ускользнетъ, нѣтъ, нѣтъ! Повторяю, рѣчь не обо мнѣ. Я счастливъ, да иначе не можетъ и быть. Ты вѣрно выразился, — у меня молодая, умная и, прибавлю, красивая жена. Но представь себѣ такой милый случай, что въ одно прекрасное утро безмѣрно-блаженный и совершенно спокойный мужъ вдругъ очнется и во-очію убѣждается, что своимъ счастьемъ онъ пользуется не одинъ, а что оно, съ добраго согласія его жены, раздѣляется еще другимъ, что онъ, этотъ феноменально-довѣрчивый мужъ, такъ-сказать, состоитъ въ долѣ, на паяхъ, еще съ такимъ-то! Не о себѣ говорю, а тебѣ надо знать... вотъ и въ этомъ романѣ то же.

Проговоривъ это, Дугановъ замолчалъ и какъ-то осунулся, точно истомясь отъ подъёма непосильной тяжести. Галаховъ тоже молчалъ.

— Да, подолѣе береги свое одиночество, — сказалъ Глѣбъ: — тебѣ оно кажется убійственнымъ, а въ немъ бываютъ свои прелести. Углубляешься въ свою душу, перебираешь... Кстати, что̀ новаго? Я эти дни не видѣлъ никого.

«Не рехнулся, а блажитъ не даромъ! — подумалъ, глядя на него, Галаховъ, — надо его какъ-нибудь развлечь!»

— У князя Орлова, подъ Гатчиной, затѣвается большая охота, — сказалъ онъ: — облава на медвѣдей.

— Да, знаю.

— Будешь на ней?

— Получилъ приглашеніе, но врядъ ли поѣду.

— Отчего?

— Будетъ толпа всякаго люда, выпивка, суета; намерзнешься, а толку мало... я не пью, и хотя стрѣляю, но какой же я охотникъ?

— Что касается меня, — сказалъ Галаховъ: — то я бы тоже очень желалъ туда попасть, но отъ князя привезли новую кучу бумагъ, весь столъ заваленъ, — прибавилъ онъ

указывая на свой кабинетъ, дверь въ который онъ обыкновенно держалъ на запорѣ.

— Не спрашиваю тебя, что̀ за дѣла, но скажи, что̀ слышно о самозванцѣ?

— Да что, Оренбургъ, попрежнему, въ осадѣ,—отвѣтилъ Галаховъ:—жители терпятъ голодъ и между ними большая смертность.

— Все это, разумѣется, скоро кончится, — возразилъ Глѣбъ:—туда подходятъ усиленными маршами и, вѣроятно, уже подошли свѣжія войска... Осаду не сегодня, завтра отобьютъ.

— Нѣтъ, Дуга́новъ, ошибаешься, — отвѣтилъ, подумавъ, Галаховъ: — говорятъ... этотъ, между прочимъ, восточный кудесникъ вынулъ французскую газету и намъ за обѣдомъ прочелъ кое-какія вѣсти... Нашему сермяжному Аттилѣ охотно несутъ присягу не только села и мѣстечки, чуть не цѣлые уѣзды. И онъ ошеломляетъ народъ; безъ сожалѣнія передъ нимъ вѣшаетъ и разстрѣливаетъ помѣщиковъ, офицеровъ, чиновниковъ и купцовъ. Женъ ихъ мучитъ, обращаетъ въ своихъ стряпухъ, то-есть, попросту въ любовницъ.

Глѣбъ измѣнился въ лицѣ. Онъ вспомнилъ, что его жена была теперь на Волгѣ, а шайки самозванца могли проникнуть и туда.

«Что же, — пронеслось въ его головѣ, — не жилось тебѣ, измѣнница-сударушка, въ мирѣ и честномъ согласіи съ мужемъ, испытаешь, можетъ-быть, долю и стряпухи самозванца-мужика». — Злобная вспышка мстительной мысли смѣнилась инымъ раздумьемъ: «Сынъ... Вася!.. что̀ будетъ съ нимъ? Неужели братъ не спохватится и во̀-время не вывезетъ всѣхъ изъ Горокъ?»

— Твои вѣсти прискорбны, — сказалъ Глѣбъ: — но Богъ не безъ милости, а наше войско таково, что если только ему дадутъ настоящаго вождя, оно разобьетъ и развѣетъ полчища какого-угодно Аттилы.

Однажды въ декабрѣ, незадолго до новаго года, Галаховъ, послѣ новаго крупнаго проигрыша, вовсе прекратившій игру на бильярдѣ, ѣдучи съ Дуга́новымъ по Гороховой, указалъ ему на трактиръ, гдѣ онъ проигрался.

— А представь,—сказалъ онъ при этомъ:—тотъ восточный магъ, что обобралъ насъ, исчезалъ-было куда-то, а

теперь, какъ говорятъ, вновь появился въ Петербургѣ и царитъ у Шлейеля.

— Гдѣ это?

— На углу Вознесенскаго и Мѣщанской.

— Да онъ просто шулеръ, если только въ бильярдной игрѣ бываютъ шулера,—сказалъ Глѣбъ.

— Ну?—удивился Галаховъ.

— А ты и не подозрѣвалъ?

— Да, не вѣрится...

— Не плутъ, не картежникъ, такъ, ночной подорожникъ, и всѣ его ухватки—чисто-мошенническія; знаю я ихъ, испыталъ, меня не проведешь.

— Что же полиція? отчего его не вышлютъ?

— А вотъ поди же,—многозначительно замѣтилъ Глѣбъ:—хорошо, что ты сказалъ; увижу оберъ-полицеймейстера и сообщу ему, надо принять мѣры.

И Дугáновъ ихъ принялъ. Онъ вечеромъ того же дня взялъ полный кошелекъ золота, зашелъ въ трактиръ Шлейеля, засталъ тамъ человѣка въ фескѣ, съ полчаса послѣдилъ за его игрой и, подойдя къ нему съ кіемъ, небрежно предложилъ ему партію въ три шара. Игроки сразились; ставка была небольшая. Глѣбъ подъ-рядъ выигралъ двѣ партіи. Его противникъ предложилъ увеличить ставку. Глѣбъ проигралъ. И пошло... Его глаза горѣли, руки дрожали. Соперникъ его также, повидимому, горячился. Посторонніе зрители тѣсною толпой окружили бильярдъ. Ставки увеличивались. Глѣбъ опомнился за полночь.

— Не прекратить ли игру? — спросилъ его противникъ (разговоръ между партнерами шелъ по-французски).

Глѣбъ вспыхнулъ. Онъ вспомнилъ, что въ опустѣломъ его кошелькѣ осталось на днѣ только два червонца. Онъ взглянулъ на своего партнера; тотъ, съ невинной улыбкой, щурясь на свой кій, молча намѣливалъ его.

— Да,—отвѣтилъ Глѣбъ, вынувъ часы и глядя на нихъ:—поздно... кончимъ завтра.

Противникъ вѣжливо поклонился ему. Игроки разстались.

— Нѣтъ, онъ не шулеръ,—объявилъ Галахову блѣдный, съ измученнымъ лицомъ, Дугáновъ, возвратясь домой: — это, по-истинѣ, магъ какой-то, истинный кудесникъ! Такого я еще и не видывалъ... Завтра условились снова... о, я отыграюсь, разобью!

— Увы! — улыбнулся на это Галаховъ: — отложи попеченіе; безъ тебя привезли изъ Гатчины повѣстку; завтра у князя сборъ на охоту... приглашенъ и я, отказываться нельзя, надо ѣхать... Утромъ займемся приготовленіями. Я досталъ тебѣ и себѣ отличные штуцера, даже испробовалъ ихъ, бьютъ превосходно... кромѣ того, почистилъ свои и твои пистолеты.

— Ну, ладно, голубчикъ, — отвѣтилъ со вздохомъ Дуга̀новъ, все еще въ туманѣ отъ впечатлѣній того вечера: — спасибо за все! теперь давай спать, а свой проигрышъ я наверстаю!

Онъ легъ, погасилъ свѣчу, но сонъ не скоро сошелъ на его усталую голову.

Давно-условленная охота состоялась въ гатчинскихъ лѣсныхъ дачахъ князя Орлова. Сборнымъ мѣстомъ для охотниковъ былъ назначенъ лѣсной домъ арендатора главной изъ дачъ. Старикъ-арендаторъ, отставной гвардеецъ, былъ записной хлѣбосолъ, любитель компанства и весельчакъ. Онъ когда-то оказалъ услугу бывшему еще въ бѣдности и неизвѣстности князю и съ тѣхъ поръ, состоя при его частныхъ дѣлахъ, былъ однимъ изъ его любимцевъ. Онъ встрѣтилъ съѣзжавшихся съ вечера охотниковъ роскошнымъ ужиномъ и обильною выпивкой. Для гостей, въ лѣсномъ домѣ и въ нѣсколькихъ при немъ флигеляхъ, приготовили отлично-натопленныя комнаты, мягкія постели и отъ главнаго управителя Гатчины вдоволь прислуги.

— Ну, господа, — сказалъ гостямъ, въ концѣ ужина, арендаторъ, строго соблюдавшій правила охоты: — обойдено въ трехъ мѣстахъ пять медвѣдей; надо вставать и выѣзжать на линію до разсвѣта. Князя знаете, онъ и спать не будетъ, и явится, какъ снѣгъ на голову, прямо на мѣсто. А потому, не угодно ли приказать снести къ себѣ недопитыя бутылки и стаканы — и за мною! удостойте по своимъ аппартаментамъ...

— Вѣрно, вѣрно, отецъ командиръ! надо знать егерскіе порядки! — заговорили гости и, поднявшись, веселою гурьбой, въ сопровожденіи слугъ, несшихъ за ними напитки, разошлись, по двое и по трое, въ отведенныя имъ комнаты.

Всѣ раздѣлись и улеглись, но долго еще, попивая англійскій портеръ, бишофъ и другіе напитки, бесѣдовали, передавая другъ другу обычные и, какъ всегда, на половину

преувеличенные и даже неправдоподобные разсказы о своихъ и чужихъ охотничьихъ подвигахъ. Дуга̀нову съ Галаховымъ ночлегъ былъ отведенъ во флигелѣ, невдали отъ дома арендатора.

IX.

Осмотрѣвъ еще разъ, передъ сномъ, оружіе, пріятели зарядили по одному стволу въ штуцерахъ пулями, а другіе— картечью, обмѣнялись нѣсколькими словами о предстоящей облавѣ и стали раздѣваться. Изъ сосѣдней комнаты, вблизи которой стояла кровать Дуга̀нова, сквозь тонкую перегородку слышались оживленные голоса другихъ охотниковъ. Кто-то тамъ, очевидно, смѣшилъ зашедшихъ къ нему соночлежниковъ, покрывавшихъ его слова взрывами дружнаго хохота. Скоро голоса въ этой комнатѣ стали тише; въ ней, какъ надо было полагать, остались, наконецъ, и продолжали разговаривать только двое.

— А этотъ весельчакъ-арендаторъ, нашъ хозяинъ, поистинѣ предусмотрительный человѣкъ, — сказалъ Галаховъ, улегшись въ постель и завертываясь въ одѣяло.

— Почему?

— Да какъ же, и лѣкаря съ инструментами, на всякій случай, добылъ отъ Тарбѣева; говоритъ, медвѣдь не свой братъ, выскочитъ на иного, всяко случится.

— Отъ какого Тарбѣева? — спросилъ Глѣбъ, тоже уже лежавшій на кровати, задувая свѣчу.

— Здѣшній по сосѣдству помѣщикъ, масонъ, богачъ и замѣчательный чудакъ. У него въ помѣстьѣ школа для мужиковъ, больница и какія-то особыя правила насчетъ барщины.

— Не слышалъ,—отвѣтилъ Дуга̀новъ:—онъ тоже будетъ здѣсь на охотѣ?

— О, нѣтъ, онъ въ параличѣ, съ весны собирается куда-то въ теплые края и для того выписалъ этого доктора изъ Москвы, такого же, говорятъ, какъ и самъ онъ, чудака.

Глѣбъ навострилъ уши.

— Ты видѣлъ этого лѣкаря?—спросилъ онъ.

— Не видѣлъ; за нимъ посылали съ утра, но онъ пріѣхалъ въ концѣ ужина, усталый, — отвѣтилъ Галаховъ: — и прошелъ прямо во флигель спать.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Нашъ хозяинъ; видя, что мой сосѣдъ по ужину мало

ѣстъ, почти ничего не пьетъ и все кашляетъ, онъ подошелъ къ нему, освѣдомился о его здоровьѣ, не простудился ли онъ, и предупредилъ его, что, если бы встрѣтилась надобность, у нихъ и докторъ къ его услугамъ.

«Докторъ-чудакъ и изъ Москвы! — не безъ волненія подумалъ Дуга̀новъ:—да неужели же такая странная случайность? неужели это Спесивцевъ? быть не можетъ!» — Онъ завернулся съ головой въ одѣяло, закрылъ глаза и старался, не думая о дикой мысли, пришедшей ему на умъ, скорѣе заснуть. Но голоса за стѣнной перегородкой не унимались и, въ виду общей тишины, мало-по-малу наставшей въ комнатахъ флигеля, стали еще слышнѣе. Явственно раздавались два голоса. Глѣбъ не вытерпѣлъ и освободилъ голову изъ-подъ одѣяла.

Одинъ изъ говорившихъ въ сосѣдней комнатѣ былъ, очевидно, тотъ охотникъ, который за ужиномъ ничего не ѣлъ и не пилъ; онъ и теперь изрѣдка покашливалъ, разсказывая своему соночлежнику о какихъ-то своихъ страданіяхъ. Ему коротко и вразумительно отвѣчалъ другой голосъ, по всей видимости, доктора; за стѣной слышались медицинскіе термины и обстоятельныя порицанія принятаго больнымъ способа лѣченія. И вдругъ Дуга̀новъ вскочилъ, какъ ужаленный, и присѣлъ на постели. Его охватила дрожь. Зубы его стучали... Онъ вполнѣ разслышалъ и узналъ голосъ Спесивцева: тѣ же пріемы и тѣ же знакомыя поговорки.

— Бросьте вы, батенька, всѣхъ этихъ нашихъ врачей! — сказалъ, между прочимъ, голосъ за перегородкой: — всѣ-то мы, не исключая и меня, никуда не годимся; пейте то, что̀ вамъ совѣтуетъ эта ваша знахарка, Степанидушка,—свѣжій морковный сокъ, по стаканчику утромъ, днемъ побольше теплаго, парного молока, ѣшьте разварную кашу, съ гусинымъ сальцемъ, и запивайте рюмочкой-другой хорошей настойки, да избѣгайте простуды, — словомъ, все, какъ говоритъ ваша Степанидушка. Это вамъ никоимъ образомъ не повредитъ и ужъ во всякомъ случаѣ, какъ другія ваши лѣкарства, не отправитъ васъ на тотъ свѣтъ.

«Онъ, онъ! — говорилъ себѣ въ волненіи Дуга̀новъ, отыскивая ногами у кровати сапоги и на̀скоро ихъ обувая: — судьба,—странная и загадочная судьба! и ею надо воспользоваться безотлагательно!» Затаивъ дыханіе, онъ бережно ощупалъ сосѣдній стулъ, нашелъ на немъ свое платье и.

не зажигая свѣчи, наскоро одѣлся. Галаховъ уже спалъ. Съ другого конца комнаты, впотьмахъ, доносилось его мѣрное, тихое дыханіе. Глѣбъ взглянулъ къ сторонѣ выходной двери. Изъ-подъ нея, у порога, виднѣлась слабая полоса свѣта; коридоръ, слѣдовательно, былъ еще освѣщенъ. Дугановъ помедлилъ. Голоса за перегородкой затихли.—«Заснули тоже,—подумалъ онъ,—ну, да ничего, увидимъ.»

Онъ на цыпочкахъ, беззвучно, подошелъ къ двери, тихо отворилъ ее и коридоромъ приблизился къ сосѣдней комнатѣ. Его сердце сильно билось. Онъ минуты двѣ постоялъ у входа въ эту комнату; голоса въ ней дѣйствительно смолкли; тамъ была полная тишина,—«Отворить ли? войти ли?—колебался Дугановъ,—если дверь заперта на замокъ, придется постучать — и кто первый очнется? разумѣется, этотъ больной... объясненія, переговоры, нежелаемый свидѣтель... Но, можетъ-быть, у нихъ еще горитъ свѣча, этотъ гусь не спитъ и сразу меня узнаетъ... что̀ я ему скажу?»—Горло Дуга̀нова сжалось судорогой; онъ едва не раскашлялся:—«Безуміе!—сказалъ онъ себѣ,—приходъ, объясненіе ночью,—какая чепуха! надо уйти...».

Въ коридорѣ, также какъ и въ комнатахъ, было сильно тепло; пахло сѣномъ, изъ котораго вечеромъ устраивали постели для гостей. Гдѣ-то мирно позванивалъ сверчокъ. Глѣбъ съ минуту подумалъ, отошелъ въ сторону, сталъ лицомъ къ стѣнѣ, постоялъ такъ минуты двѣ, круто обернулся, подошелъ опять къ двери, которую оставилъ, и тихо тронулъ ея ручку. Дверь оказалась запертой снутри на задвижку. Онъ еще помедлилъ и осторожно стукнулъ въ дверь. За нею никто не отзывался. Онъ еще разъ постучалъ. За дверью было тихо. — «Ну, не судьба, — подумалъ Глѣбъ, — время есть, объяснюсь и завтра; а то и впрямь, крадусь, точно воръ!»—Онъ ступилъ шагъ отъ двери. Дверная задвижка щелкнула.

На порогѣ темной комнаты, въ мерцаніи коридорнаго ночника, обрисовалась босая, и въ одномъ бѣльѣ, знакомая фигура. Передъ Дугановымъ стоялъ Спесивцевъ.

— Это вы? что̀ вамъ?—спросилъ тотъ, въ изумленіи разглядывая Глѣба.

— Да... вы, разумѣется, не ожидали?

Докторъ молчалъ.

— Прошу безъ шума и отказа,—сказалъ Глѣбъ:—время дорого... одѣньтесь, на пару словъ.

Спесивцевъ растерянно смотрѣлъ на него.

— Я только сію минуту узналъ, что мы, то-есть, что вы,—проговорилъ, путаясь, Дугановъ:—и надѣюсь, вы не откажетесь поэтому объясниться.

Спесивцевъ съ секунду подумалъ, оглянулся въ полураскрытую дверь, скрылся за нею и вскорѣ вновь показался оттуда одѣтый. Дугановъ знакомъ пригласилъ его и провелъ въ глубь коридора, куда свѣтъ ночника едва достигалъ слабою, трепетною полоской.

— Послушайте,—началъ, приблизясь къ нему, Дугановъ:—не вамъ удивляться,—мнѣ! Вы исчезли изъ Москвы такъ неожиданно быстро, безъ слѣда.

— Вы слышали ранѣе... я, сколько помню, васъ предупреждалъ...

— Никто, рѣшительно никто не зналъ, куда вы скрылись,—продолжалъ, не слушая возраженій, Дугановъ:—а между тѣмъ—дѣло такъ просто и ясно...

— Что̀ же вамъ угодно отъ меня?—спросилъ Спесивцевъ.

— Марья Родіоновна, моя жена, одновременно съ вами, тоже скрылась... И если она, какъ я убѣдился, не съ вами еще пока, то, согласитесь, никто не поручится, что послѣ всего, что̀ совершилось, вы оба впослѣдствіи...

— Не понимаю,—перебилъ Спесивцевъ:—какъ все это можетъ относиться ко мнѣ?

— Не понимаете? вамъ не ясно?—торопясь и обрываясь, продолжалъ Дугановъ:—извольте-съ, поясню. Но зачѣмъ отговорки, зачѣмъ комедію ломать? Вы тогда выразились, что всегда будете къ моимъ услугамъ. Я это помню; а вы, какъ честный человѣкъ, скажите, помните ли это?

— Отлично помню.

— О, такъ извольте,—заговорилъ, еще болѣе торопясь и глядя въ уголъ, Дугановъ,—только никому, слышите ли, ни слова... Утромъ, черезъ нѣсколько часовъ, здѣсь охота. Медвѣди обойдены въ трехъ или четырехъ мѣстахъ. У меня планъ и вы, надѣюсь, поймете меня... Вамъ починъ... Не угодно ли выбрать болѣе отдаленное, поглуше мѣсто и покончить тамъ между нами, прямо и безъ свидѣтелей, разъ навсегда?

Глѣбъ смолкъ. Зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ.

— То-есть, какъ же покончить? — спросилъ, не совсѣмъ понявъ его, Спесивцевъ:—дуэль предполагаете, что ли?

— Именно, дуэль-съ... и одинъ-на-одинъ.

— Но какъ же безъ свидѣтелей?

— О, разумѣется, не изъ-за угла же васъ или меня убить,—лепеталъ, странно улыбаясь, Глѣбъ: — а впрочемъ, если хотите, то, пожалуй, и даже именно почти изъ-за угла, то-есть... ну, изъ-за дерева... изъ-за куста...

Удивленіе Спесивцева возрастало. Едва улавливая несвязныя слова Дуганова, онъ старался въ полусвѣтѣ разсмотрѣть его лицо. Передъ нимъ мелькали только странно-расширенные глаза и блѣдныя губы Глѣба.

— Объясните, прошу васъ, подробнѣе,—сказалъ Спесивцевъ: — вы говорите, безъ свидѣтелей, слѣдовательно, безъ секундантовъ?

— Да-съ, безъ нихъ! — отрѣзалъ, вспыливъ, Глѣбъ:—на что̀ они, въ нашемъ положеніи? лишняя только огласка! Вы же человѣкъ безъ предразсудковъ... Мы съ вами проѣдемъ туда, станемъ, понимаете, невдали другъ отъ друга, ну, съ краю какой-либо линіи, взведемъ курки, — даже цѣлить заранѣе дозволяется,—если хотите... и, вслѣдъ за криками гонцовъ, съ первымъ чьимъ-либо выстрѣломъ на нашей линіи,—такъ это уже и положимъ, условимся,—пустимъ другъ въ друга пули. Повторяю, съ криками гонцовъ—цѣлиться, а при первомъ выстрѣлѣ въ цѣпи—спускать курки...

— Дуэль на пистолетахъ? — спросилъ, какъ бы просыпаясь отъ тяжелаго сна, Спесивцевъ.

— Разумѣется, не на охотничьихъ же длинныхъ штуцерахъ.

— Но мнѣ дали здѣсь штуцеръ, у меня нѣтъ пистолета.

— Выберите изъ моихъ, я приготовлю,—сказалъ Глѣбъ.

«Онъ рѣшительно съ ума сошелъ,—мыслилъ Спесивцевъ, глядя на дико-сверкавшіе глаза и блѣдныя, странно-шевелившіяся губы Дуганова:—доказать ему его безуміе, неправоту? но развѣ это теперь возможно? Отъ помѣшаннаго, безумнаго — нигдѣ не уйти! да при этомъ его раздраженіе, и все равно,—не здѣсь, въ другомъ мѣстѣ,—даже здѣсь же въ лѣсу, на этой самой охотѣ, онъ нарвется вдругъ или подкараулитъ и подстрѣлитъ также изъ-за угла. Впрочемъ, и терять-то особенно нечего, хотя тутъ еще роковой вопросъ, жребій, — я или онъ? Чего мнѣ жалѣть въ жизни?

жаль вонъ кого — бѣдную, брошенную имъ, превосходную женщину... А она и не подозрѣваетъ, въ эту минуту, что за нее рѣшается судьба двухъ жизней. Если онъ свернется, въ видѣ подстрѣленнаго бекаса, — самъ заслужилъ такую собачью судьбу!.. Ну, а если я?..»

— Вы этого настоятельно требуете? — спросилъ, помолчавъ, Спесивцевъ.

— Безповоротно и окончательно,—сказалъ Глѣбъ:—притомъ, не далѣе сегодняшняго утра... Надѣюсь, все до времени останется въ полномъ секретѣ. Выстрѣлъ окажется потомъ какъ бы случайный... Охотники вѣдь нерѣдко сами въ себя, по неосторожности, пускаютъ зарядъ, — не только въ грудь, но часто и въ животъ... и это бываетъ очень мучительно,—съ злою улыбкой прибавилъ Дугановъ:—намъ съ вами, впрочемъ, не такъ ли, все равно...

Сердце Спесивцева било тревогу. Онъ боролся съ собой.

— Извольте, я согласенъ, — отвѣтилъ онъ, наконецъ: — справлюсь о мѣстѣ, сообщу вамъ при отъѣздѣ, мы и встрѣтимся тамъ.

Дугановъ и Спесивцевъ, поклонясь другъ другу, разошлись по своимъ комнатамъ. Возвратясь въ раздумьѣ къ себѣ, Спесивцевъ зажегъ у ночника свѣчу, раскрылъ походную шкатулку, съ инструментами въ суконномъ чехлѣ, досталъ оттуда клочекъ бумаги и карандашъ, и нѣсколько минутъ съ разстановками что-то писалъ. Кончивъ письмо, онъ сложилъ его, надписалъ надъ нимъ адресъ, снова заперъ шкатулку, положилъ письмо возлѣ себя, на столъ и, задувъ свѣчу, улегся въ постель. Онъ лежалъ, не смыкая глазъ. Тяжелыя мысли носились передъ нимъ. Ему вспоминалось прошлое, годы ученія, путешествіе въ чужихъ краяхъ, молодая женщина, которую онъ когда-то страстно любилъ и которая, лѣчась у него, нежданно скончалась на его рукахъ, возвратъ въ Москву, горькое одиночество и отрадные часы, проведенные въ кругу Дугановыхъ. И вдругъ такой случай, это невозможное подозрѣніе и дикая месть озлобленнаго слѣпою ревностью человѣка. — «О, его не переубѣдить, не разувѣрить! —мыслилъ Спесивцевъ: — такъ тому и быть! значитъ, судьба!»—Во дворѣ послышались голоса. Фыркали лошади. — «Запрягаютъ, скоро ѣхать!» — подумалъ Спесивцевъ. Въ окнахъ сосѣднихъ зданій замелькали свѣчи. Коридоръ огласился шагами прислуги, подымавшей господъ и выносив-

шей вещи. Спесивцевъ разбудилъ своего соночлежника. То былъ морской офицеръ.

— Не откажите, — сказалъ онъ ему: — доставить въ городъ по адресу это письмо.

— Запечатано?—спросилъ тотъ съ просонья.

— Сейчасъ попрошу въ конторѣ сургуча, запечатаю.

— Такъ положите въ карманъ моей шинели; вонъ она на стулѣ...

— Да пора и вамъ, вставайте, всѣ уже одѣты, ѣдутъ!— сказалъ Спесивцевъ, выходя въ коридоръ: — а если хотите знать мое искреннее мнѣніе, то еще лучше, вовсе не вставайте и спите себѣ, не рискуя въ конецъ простудиться.

Соночлежникъ перелегъ на другой бокъ и, съ мыслью: «а и въ самомъ дѣлѣ, чего я поѣду туда на толкотню и морозъ, когда еще такъ рано, а здѣсь такъ уютно и тепло?»— укрылся получше одѣяломъ и снова заснулъ.

X.

— Мы ѣдемъ вмѣстѣ?— спросилъ припоздавшій съ одѣваніемъ Галаховъ, увидѣвъ уже одѣтаго Дуганова, который, въ высокихъ сапогахъ и въ теплой на енотѣ шинели, укладывалъ свой штуцеръ не на вчерашнія, городскія извозчичьи сани, въ которыхъ они пріѣхали, а на крестьянскія дровни, съ намощенной на нихъ соломой.

— Нѣтъ, голубчикъ, поѣзжай съ другими, — отвѣтилъ Глѣбъ: — я приглашенъ тутъ однимъ знакомымъ, на дальнюю цѣпь.

Охотничій поѣздъ двинулся. Скоро ожидался разсвѣтъ, но было еще темно. Вереница саней, скрипя по крѣпкому морозу, двинулась изъ усадьбы, миновала паркъ и понеслась къ ближнему лѣсу. Едва охотники въѣхали въ его просѣку, сзади раздалось звяканье серебристыхъ бубенчиковъ и мимо поѣзда, въ клубахъ снѣга, летѣвшаго изъ-подъ четверки сѣрыхъ жеребцовъ, промчались широкія, крытыя персидскимъ ковромъ пошевни, на которыхъ сидѣлъ, кланяясь обгоняемымъ гостямъ, закутанный въ соболя и въ высокой куньей шапкѣ, съ заломленнымъ бархатнымъ верхомъ, весь опушенный инеемъ, князь Орловъ.—«Останусь живъ,— думалъ Дугановъ, провожая его глазами,—отличный случай,—здѣсь же попрошу его о переводѣ на Дунай»...

Гости и княжескіе стрѣлки устанавливались на назначен-

ныхъ мѣстахъ. Сани сворачивали съ дороги то въ одну, то въ другую просѣку. Между посеребренными деревьями, въ начинавшемся, блѣдномъ разсвѣтѣ, виднѣлись копошившіеся, съ рогатинами и дубинами, гонцы, разставленные съ ночи вокругъ обойденныхъ медвѣжьихъ берлогъ.

— А гдѣ же докторъ? — спросилъ кто-то управляющаго, подъѣхавшаго къ ближайшей линіи стрѣлковъ.

— О, у него на все особыя соображенія; онъ пробрался на самый край, къ лѣсной сторожкѣ.

— Почему?

— Туда, говоритъ, всѣмъ сходиться; въ началѣ всѣ будутъ осторожны, а въ концѣ разгорячатся и онъ тамъ будетъ, по его мнѣнію, полезнѣе.

Цѣпь стрѣлковъ, въ концѣ лѣса, у сторожки, была расположена на песчаномъ взгорьѣ, у непролазной гущины сосенъ, кустарниковъ и березъ, спадавшихъ къ небольшому, круглому озерку. Узкій, чуть виднѣвшійся въ снѣгу, проселокъ шелъ вдоль этого мѣста къ озеру. Дугановъ и Спесивцевъ расположились у лѣваго края послѣдней линіи стрѣлковъ, ставшихъ за деревьями, лицомъ къ озеру, изъ-за котораго ожидался выходъ звѣрей.

Когда охотники заняли мѣста и Дугановъ вправо, за можжевеловымъ кустомъ, разглядѣлъ бѣлую, барашковую шапку и сѣрый, на лисьемъ мѣху, бешметъ Спесивцева, онъ, нѣсколько подумавъ, подошелъ къ нему.

— Выбирайте,—сказалъ онъ, протягивая ему пистолеты.

— Заряжены?—спросилъ Спесивцевъ.

— За кого же вы меня принимаете?—отвѣтилъ, презрительно пожавъ плечами, Дугановъ:—вотъ вамъ и патроны.

Спесивцевъ сталъ заряжать выбранный имъ пистолетъ. Дугановъ занялся своимъ. Его руки дрожали. Докторъ, повидимому, былъ совершенно спокоенъ. Только его лицо было нѣсколько блѣдно, да глаза отъ безсонницы красноваты.

«Это, наконецъ, вѣдь, чортъ знаетъ, что̀ такое!—думалъ, глядя на Дуганова, Спесивцевъ,—ну, хоть бы словомъ его образумить, показать ему все безобразіе этого дикаго и безсмысленнаго рѣшенія. Будь свидѣтели, секунданты, какъ у другихъ, я все разъяснилъ бы, остановилъ... А такъ... какое возмутительное безуміе! И ничего не подѣлаешь; все онъ перетолкуетъ въ гнусную сторону, огласитъ, ославитъ трусомъ, подлецомъ».

Пистолеты были заряжены. Спесивцевъ взвелъ курокъ, насыпалъ на затравку пороха, снова прикрылъ затравку, и въ раздумьѣ поглядывалъ на пистолетъ, какъ бы не зная, что̀ далѣе съ нимъ надо дѣлать.—«Скажу я ему: слушайте!— мыслилъ онъ;—не страхъ смерти, не сожалѣніе о чемъ-либо изъ прожитаго останавливаетъ меня... Но согласитесь, вѣдь это злая нелѣпость и чепуха!.. Мы съ вами не глупые люди, разберите, наконецъ, хладнокровно!»

— А теперь, можете, для практики, и цѣлиться въ дерево, а то и въ меня,—объявилъ Дугановъ, спокойно уходя на свое мѣсто:—не забывайте главнаго, при первыхъ окрикахъ гонцовъ—наводить пистолеты, а при первомъ выстрѣлѣ въ нашей цѣпи, кто бы ни выстрѣлилъ, спускать курки.

Окраина лѣса, гдѣ за деревьями и кустами размѣстились охотники, болѣе и болѣе свѣтлѣла. Къ Спесивцеву съ линіи, промежъ кустовъ, подошелъ, съ огромною старомодною винтовкой черезъ плечо, высокій и румяный старикъ-помѣщикъ, въ мѣховой курткѣ и шапкѣ съ наушниками. Въ его рукахъ были дорожная фляга и серебряный стаканчикъ.

— Не хотите ли?—сказалъ онъ, показывая на флягу.

Дугановъ, поблагодаривъ, отказался. Спесивцевъ съ удовольствіемъ выпилъ.

— Да у васъ тутъ и вполнѣ безопасно, — сказалъ, проходя мимо Глѣба, помѣщикъ: — докторъ подъ рукой... вѣдь вашъ сосѣдъ—докторъ, кажется?

Дугановъ утвердительно кивнулъ головой.

— И отлично, на всякій случай... изранитъ медвѣдь, помощь и готова.

— Ну, ужъ и изранитъ, почему же,—сказалъ Глѣбъ.

— Медвѣжій ходъ, государи мои, какъ разъ сюда съ озера, — сказалъ, затыкая флягу, старикъ: — въ прошломъ году, на этомъ самомъ мѣстѣ одного гонца медвѣдица свалила и такъ изгрызла, что пока подоспѣли сосѣди-стрѣлки, онъ и душу Богу отказалъ... Берегитесь, миленькіе; да цѣльте подъ лопатку, вотъ сюда... а ножи, пистолеты, кромѣ ружей, припасли?

— Ножей нѣтъ, а пистолеты есть,— отвѣтилъ Дугановъ, показывая свой.

Старикъ, переваливаясь, пошелъ на свое мѣсто. Лѣсъ, впереди за озеромъ и вокругъ стрѣлковъ, замолкъ. Гонцы, очевидно, приближались къ мѣсту, съ котораго долженъ былъ

начаться общій гонъ. Въ мертвой тишинѣ, вдругъ наставшей кругомъ, слышался только лай собакъ въ какомъ-то дальнемъ поселкѣ, да осторожное, едва уловимое ухомъ, переступаніе, въ кустахъ, зябнувшихъ ногъ сосѣднихъ стрѣлковъ. Съ высокой ели беззвучно сыпался снѣгъ отъ прыгнувшей съ вѣтки на вѣтку бѣлки. Сухой валежникъ предательски хрустѣлъ подъ чьими-то валенками, а сосѣдъ, въ отчаяньѣ присѣвъ, укоризненно махалъ неосторожному руками. Дугановъ покосился на то мѣсто, гдѣ стоялъ Спесивцевъ. Онъ, поверхъ невысокихъ, можжевеловыхъ кустовъ, явственно разглядѣлъ его плотную фигуру, сѣрый бешметъ и бѣлую барашковую шапку. Опершись о стволъ сосны, докторъ былъ виденъ до пояса. Пистолетъ торчалъ у него изъ-за лацкана бешмета. Штуцеръ онъ держалъ въ рукѣ и, казалось, разсѣянно смотрѣлъ прямо, изъ-за березы, на озеро.

«О чемъ онъ мыслитъ?— подумалъ Дугановъ, — спокойно ли обсуждаетъ, что вотъ, молъ, жалкій, обманутый мужъ предложилъ ему безразсудную, короткую раздѣлку, и презрительно въ душѣ издѣвается надъ нимъ? или спокойно разсуждаетъ о томъ, какъ онъ, обстоятельный и сдержанный человѣкъ, спокойно прицѣлится въ этого бѣднаго мужа, спуститъ, въ условленное мгновеніе, курокъ и влѣпитъ ему пулю прямо въ лобъ?»

Порывъ злобной ненависти и жажды мщенія охватилъ Дуганова. Руки его тряслись, ознобъ пробѣгалъ по спинѣ. Онъ положилъ ружье на землю и взялся за пистолетъ. Вдали какъ бы что-то ахнуло. «Начинается!»—подумалъ онъ, взглянувъ на Спесивцева. Докторъ не измѣнилъ своего положенія. Звуки росли; гонъ становился явственнѣе. «Да, участь моя рѣшена, — мыслилъ Глѣбъ,— я волнуюсь, а онъ совершенно спокоенъ, обдумалъ, какъ видно, все и ждетъ... Бей же! погаси эту мятущуюся, никому ненужную, жалкую жизнь».

За озеромъ, въ ближайшей линіи, послышалось нѣсколько выстрѣловъ: пафъ-пафъ въ одной сторонѣ, пафъ въ другой. «Разомъ вышли два звѣря», — подумалъ Дугановъ. Голоса кричанъ раздавались по всему лѣсу. Послышалось постукиваніе дубинъ о деревья, ближе и ближе. Гонцы, огибая послѣднюю изъ обойденныхъ берлогъ, надвигались къ линіи, стоявшей передъ озеромъ. На берегъ выскочило и робкими прыжками пронеслось по льду нѣсколько зайцевъ. Выбѣжала, остановилась, нюхая воздухъ, и наискось, вдоль цѣпи

стрѣлковъ, помчалась, разстилая хвостъ, спугнутая лисица. По нимъ, въ ожиданіи медвѣдя, положено было не стрѣлять. Крики гонцовъ стали раздаваться у окраины озера. «Да гдѣ же берлога?—думалъ Дугановъ, глядя изъ-за куста навстрѣчу гонцовъ,—или звѣрь ушелъ ранѣе?» Онъ взвелъ курокъ пистолета и оглянулся на то мѣсто, гдѣ стоялъ Спесивцевъ.

Тамъ, за кустомъ, у высокой, суховерхой сосны, онъ увидѣлъ хмурое лицо и пристально-устремленные на него глаза какого-то, точно незнакомаго ему, человѣка. Этотъ человѣкъ, держа въ протянутой рукѣ пистолетъ, цѣлился прямо въ него. За озеромъ, въ это мгновеніе, мелькнуло и выкатилось на ледъ что̀-то рыжевато-черное и косматое. «Медвѣдь!»—сообразилъ Дуга̀новъ: «но почему же въ него не стрѣляютъ? А, понимаю! онъ вышелъ между мною и Спесивцевымъ, а намъ не до него»... Отведя глаза отъ косматой фигуры, которая, сбивая снѣгъ съ кустовъ, катилась на мягкихъ лапахъ по льду, Дуга̀новъ подумалъ: «Неужели время настало и мы должны стрѣлять? и также навелъ пистолетъ на Спесивцева. «Бумъ! бумъ!» раздалось, въ это мгновеніе, нѣсколько оглушительныхъ выстрѣловъ по линіи. Одновременно съ ними, послышались два негромкіе, пистолетные выстрѣла...

Отъ опушки лѣса на озеро, пересѣкая полосы бѣловатаго дыма, сбѣгались съ ружьями ближайшіе стрѣлки. Гонцы, справа и слѣва, тащили по льду огромныя медвѣжьи туши.

— Кто убилъ?—слышались голоса.

— Двухъ, на-повалъ... Одного князь, медвѣдицу Семенъ Васильевичъ. Побѣжали, ловятъ медвѣжатъ.

«Боже! что̀ я надѣлалъ! что̀ случилось?—подумалъ Глѣбъ, быстро кинувшись съ своего мѣста, сквозь цѣпкіе, колючіе кусты,—неужели Спесивцевъ упалъ, умретъ, и я, я его убійца?» Онъ ясно впослѣдствіи вспомнилъ, что вслѣдъ за выстрѣлами по линіи, его рука нажала пружину, спустила курокъ, впереди его тоже мгновенно что̀-то сверкнуло и онъ, услышавъ трескъ вѣтокъ и паденіе чего-то тяжелаго, нѣсколько секундъ не сознавалъ, что̀ именно упало. Онъ приблизился... Передъ нимъ, безъ движенія, лежалъ тотъ, котораго онъ за секунду такъ глубоко ненавидѣлъ. Сердце Глѣба дрогнуло, онъ наклонился къ лежавшему и припод-

нялъ его за плечи. Глаза Спесивцева были закрыты; блѣдное и спокойное лицо его какъ бы говорило: «Все кончено; чего еще нужно тебѣ, мой ожесточённый, слѣпой и счастливый, въ своей злобѣ и мести, врагъ?» Острое, жгучее раскаяніе, презрѣніе къ себѣ и стыдъ за исполненное дѣяніе охватили Глѣба. Къ раненому сбѣжались другіе стрѣлки. «Бешметъ разстегните, что̀ вы? голову сюда, повыше!»— слышались голоса. «Кто раненъ?» «Да самъ докторъ»... «Къ князю скорѣе»...

Охотники, столпясь вокругъ князя на озерѣ, разсматривали добычу. Счастливо улыбавшійся Орловъ, отирая вспотѣвшее лицо, въ распахнутой шубѣ и съ шапкой на затылкѣ, стоялъ въ ко̀шевняхъ. Егеря угощали гонцовъ. Толстый и важный дворецкій держалъ передъ княземъ за спину пойманнаго, забавно-рычавшаго медвѣжонка.

— Да, господа,—произнесъ Орловъ:—удача разлюбезная; и второй разъ... на томъ же самомъ мѣстѣ.

Къ князю подбѣжалъ, запыхавшись, безъ шапки, его любимый егерь.

— Ваше сіятельство,—сказалъ онъ:—раненъ одинъ изъ охотниковъ... и опасно-съ!

— Зови лѣкаря, скорѣе!

— Да лѣкарь-то и раненъ.

— Какой? тарбѣевскій?

— Онъ самый.

— По неосторожности?

— Должно статься.

— Вотъ они, эти торопыги. Гдѣ?

— Эвоси, въ тѣхъ кустахъ, ваше сіятельство, подъ тою вонъ сосной.

— Пошелъ туда!

XI.

Княжескія сани, окруженныя гурьбой охотниковъ, двинулись по направленію къ указанному мѣсту. Здѣсь между можжевеловыхъ кустовъ, оперись головой о стволъ сосны, лежалъ на снѣгу, поддерживаемый старикомъ-помѣщикомъ, блѣдный, съ закрытыми глазами, Спесивцевъ. Возлѣ него валялся штуцеръ и пистолетъ. Кровь, сквозь разстегнутый бешметъ, сочилась изъ груди его, окрашивая подъ нимъ притоптанный снѣгъ.

Орловъ всталъ къ нему изъ саней.

— Перевязку, бинтовъ! еще сани сюда!—обратился онъ къ окружающимъ раненаго и разстегивая свой кафтанъ.

— Простудитесь, ваше сіятельство,—говорилъ дворецкій:—мы, помилуйте, и сами!

Князь сорвалъ съ себя батистовое жабо; другіе подали ему платки. Сдѣлавъ на̀скоро перевязку раненому, его бережно подняли и уложили въ сани. Онъ медленно открылъ глаза и вздохнулъ. Странный хрипъ слышался изъ его груди.

— Что съ тобою, голубчикъ?—спросилъ его Орловъ, угадывая, что докторъ раненъ въ грудь.

— Пустяки-съ... второпяхъ уронилъ пистолетъ,—чуть слышно проговорилъ Спесивцевъ:—падая, онъ served курком, вѣроятно, задѣлъ за кустъ... и выстрѣлилъ... а́рники надо бы, корпіи...

«О лѣкарствахъ, о корпіи вспомнилъ!—презрительно подумалъ Глѣбъ,—куда дѣлась vis medicatrix naturae?»

— Не безпокойся,—сказалъ раненому Орловъ:—послали въ городъ за твоимъ коллегой.

Сани тихо двинулись. Спесивцевъ махнулъ дворецкому рукой. Тотъ подбѣжалъ и нагнулся къ нему.

— Этотъ господинъ,—прошепталъ черезъ силу раненый, указывая на Дуга̀нова, неподвижно и молча стоявшаго поодаль, среди другихъ стрѣлковъ.

— Позвать ихъ?—спросилъ дворецкій.

— Нѣтъ, зачѣмъ? отдайте ему... пистолетъ... я выпросилъ у него, на всякій случай,—онъ ссудилъ и, какъ видите...

— Все будетъ исполнено,—отвѣтилъ дворецкій, укрывая раненаго полстью:—главное, сударь, будьте спокойны.

— Ничего не жалѣть!—сказалъ дворецкому Орловъ, провожая глазами увозимаго доктора:—дать помѣщеніе и все... непріятная оказія, да, авось, Богъ помилуетъ. А, Дуга̀новъ!—произнесъ князь, увидя Глѣба, среди прочихъ охотниковъ:—у меня къ тебѣ дѣло, садись со мной.

Дуга́новъ, не помня еще себя отъ всего рокового, что̀ совершилось передъ нимъ, поклонился и сѣлъ рядомъ съ княземъ.

— Каковъ случай,—замѣтилъ Орловъ:—и надо было, какъ вспомню, все это почти предвидѣть... съ вечера, вчера, мой комнатный меделянскій песъ, ну, вѣришь ли, вылъ, какъ по покойнику!

«И въ этой смерти, если ей быть суждено,—думалъ, замирая, Дуга́новъ:—я виноватъ!»

— Ты стоялъ въ этой же цѣпи?—спросилъ князь.

— Въ этой,—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Далеко отъ него?

— Почти рядомъ, въ десяти, пятнадцати шагахъ.

— Какъ онъ еще не прострѣлилъ тебя самого? Охъ, ужъ эти штафирки! его позвали, какъ врача; такъ нѣтъ, не вытерпѣлъ, тоже сталъ съ оружіемъ, покажу, молъ, свою ловкость и храбрость.

Глѣбъ молчалъ. Ему вспоминались глаза Спесивцева и протянутый, въ направленіи къ нему, пистолетъ.

— Кстати, однако,—продолжалъ Орловъ:—медвѣдь медвѣдемъ, а я могу тебя поздравить и съ другой, убитой тоже на повалъ, добычей, — съ медвѣдицей! Государыня вчера подписала резолюцію по дѣлу той московской барыни. Согласно съ прошеніемъ старухи Коро̀нниной, велѣно всѣ имѣнія, подаренныя ею обидчицѣ-дочери, отписать обратно за дарительницей, а ей самой, за дерзости и обиды, нанесенныя матери, отправиться отсюда, подъ строгій надзоръ и отвѣтъ князя, въ Москву. Дѣлать тебѣ здѣсь болѣе поэтому нечего... Понимаю твое нетерпѣніе. Можешь обрадовать жену... Завтра или послѣ завтра выдадутъ тебѣ всѣ нужныя бумаги, и поѣзжай, съ Богомъ. Къ князю буду писать самъ; передъ отъѣздомъ, впрочемъ, зайди,—напишу черезъ тебя князю.

— Слушаю, ваше сіятельство, и приношу глубокую благодарность,—отвѣтилъ Глѣбъ:—но могу ли при этомъ побезпокоить васъ еще объ одной милости?

— Говори, слушаю.

«Ну, къ чему я буду проситься на Дунай?—подумалъ Дуга̀новъ,—дѣло тамъ, того и гляди, скоро кончится; попрошусь лучше на службу лично къ нему»...

— Такъ ка́къ порученіе князя теперь исполнено и если на то будетъ его согласіе, могу ли утруждать ваше сіятельство о зачисленіи, переводомъ меня, въ штатъ лично служащихъ при вашей особѣ?

Орловъ разсѣянно слушалъ его.

— Хорошо, милый, хорошо!—отвѣтилъ онъ, оглядываясь на сани доктора, которыя показались въ это время изъ

лѣсу:—жаль этого лѣкаря; говорятъ, веселый, хорошій человѣкъ, и вдругъ такой случай.

Болѣе Орловъ, до Гатчины, не говорилъ. Онъ думалъ вообще о превратностяхъ судьбы, предвидя роковыя перемѣны и для себя.

Въ Гатчинѣ Дугáновъ отыскалъ Галахова и съ нимъ возвратился въ Петербургъ. За закуской, которую, отъ имени князя, предложилъ охотникамъ гатчинскій управитель, всѣ толковали о печальномъ приключеніи съ докторомъ.

— Пустяки,—сказалъ кто-то:—легкая рана въ плечо.

— Не умѣешь обращаться съ оружіемъ, лучше и не берись за него.

— Да почемъ вы знаете,—возразилъ сидѣвшій тутъ старикъ-помѣщикъ, въ сѣрой курткѣ:—да онъ, можетъ-быть, прирожденный охотникъ? какъ выпилъ ромъ! сейчасъ видно... да я съ нимъ, за секунду передъ тѣмъ, говорилъ. Случай, не больше; сорвалось и все... Да-съ, докторъ раненъ, за то мы вотъ всѣ цѣлехоньки... выпьемъ!

И всѣ выпили.

«И я уцѣлѣлъ, благодаря случайности, не болѣе!» думалъ, слушая общіе разговоры, Дугàновъ.

На пути въ Петербургъ, Галаховъ замѣтилъ смущеніе Глѣба.

— Чтò, и тебѣ жаль этого господина?—спросилъ онъ.

— Еще бы, старый знакомый, нежданно встрѣтились.

— Да, вѣдь, у тебя и пистолетъ онъ, кажется, взялъ?

— Стояли рядомъ.

— Толкуютъ, пустое,—сказалъ Галаховъ:—хороши пустяки!

— А что, развѣ?..

— Его осмотрѣлъ другой докторъ; говоритъ, пуля пробила плечо и задѣла легкое... ну, а ты знаешь, чѣмъ это пахнетъ... фью!..

— Кто это тебѣ сказалъ?—спросилъ Глѣбъ.

— Управляющій.

— И что же?

— Говоритъ, рана тяжелая и, по всей видимости, безнадежная.

Дугàновъ помертвѣлъ.

«И неужели я, именно я желалъ его смерти, вызывалъ и торопилъ его къ ней?—думалъ Дугановъ, войдя, въ су-

мерки, въ свою комнату,—но зачѣмъ я молчалъ, какъ трусъ, тамъ въ лѣсу и за завтракомъ? почему не объявилъ всѣмъ, что я ранилъ его?.. Нельзя было иначе! Такъ было рѣшено, дѣло шло о чести женщины... Но возстановлена ли этимъ чья-либо честь? Можетъ ли быть, послѣ этого, близка для меня та, изъ-за которой гибнетъ онъ, дорогой ей человѣкъ, а мнѣ, очевидно, по ненавистной и несчастной для нея случайности, суждено жить? Безумное рѣшеніе, безумный конецъ»...

Черезъ нѣсколько дней, получивъ нужныя бумаги по дѣлу Коро̀ниной, Дугановъ воспользовался общимъ пріемомъ у князя Орлова и поѣхалъ къ нему въ городскую квартиру—откланяться.

— Что̀ скажешь?—спросилъ князь, увидѣвъ его, среди другихъ посѣтителей.

— Ѣду обратно въ Москву.

— Когда отправляешься?

— Завтра.

— Ну, вотъ что̀,—сказалъ, подумавъ, князь:—теперь некогда; заѣзжай, по пути, ко мнѣ въ Царское Село,—я туда возвращусь сегодня же; у меня будетъ письмо, съ однимъ документомъ, къ твоему шефу, князю Волконскому,—тотъ документъ въ Царскомъ, и мнѣ нужно, чтобы ты лично передалъ его въ руки князя Михаила Никитича.

Глѣбъ отвѣтилъ, что онъ исполнитъ желаніе князя. Ѣхать въ Царское онъ рѣшилъ также въ тотъ же день, съ вечера, чтобы, переночевавъ тамъ, пораньше явиться къ Орлову. Вещи давно были уложены. Послѣ ранняго обѣда, Глѣбъ послалъ за почтовыми лошадьми, и когда ихъ подали, зашелъ проститься къ своему сожителю. На дворѣ шумѣлъ вѣтеръ, шелъ снѣгъ.

— Ну, до свиданія, Александръ Павловичъ,—сказалъ онъ, входя, въ дорожномъ нарядѣ, въ комнату Галахова.

Послѣдній, по обычаю, сидѣлъ у письменнаго стола, передъ грудою бумагъ, которыя онъ, при входѣ Глѣба, прикрылъ портфелью.

— Какъ? ты уже ѣдешь?—удивился Галаховъ.

— Да, необходимо, мнѣ назначенъ срокъ.

Пріятели дружески обнялись.

— До скораго, надѣюсь, свиданія,—сказалъ Галаховъ:—

но зачѣмъ ѣдешь противъ ночи? лучше бы завтра, съ утра... смотри, какая непогода, будетъ метель.

— Нельзя,—отвѣтилъ Глѣбъ:—князь Григорій Григорьевичъ, отпуская меня сегодня, пожелалъ, чтобы я завтра, по пути, заѣхалъ къ нему въ Царское:—ну, лучше, не правда ли, заранѣе прибыть туда и, тамъ обождавъ, явиться во-время?

— Разумѣется, — отвѣтилъ, какъ бы что-то обдумывая, Галаховъ: — видно, что-нибудь очень нужное, если князь, чуть не при ежедневной отправкѣ фельдъегерей, пользуется оказіей съ тобой.

— А какъ полагаешь, гдѣ мнѣ придется его видѣть тамъ? тебѣ это должно быть извѣстно.

— Въ собственномъ, разумѣется, его флигелѣ,—справа отъ дворца.

— Въ которомъ лучше часу?

— Пораньше явись; встаетъ же онъ въ разное время— то съ разсвѣтомъ, а иногда и въ полдень.

— Хорошо, значитъ, что ѣду наканунѣ... Кстати, однако,—прибавилъ Глѣбъ:—столько времени мы прожили вмѣстѣ и я тебя не спрашивалъ... Скажи, если это не особый секретъ, по части какихъ вообще бумагъ ты работаешь для князя? военныхъ, придворныхъ или политическихъ? Если тайна, не смѣю спрашивать, и ты мнѣ не говори.

— О, пустяки! — отвѣтилъ, улыбнувшись, Галаховъ: — частныя дѣла князя, — ну, больше по его имѣніямъ,—онъ плохой хозяинъ и считать почти не умѣетъ,—кромѣ того, семейная переписка... Ничего, увѣряю тебя, о чемъ бы стоило говорить, ни важнаго, ни любопытнаго.

— Ну, будь же здоровъ, не поминай лихомъ,—сказалъ, протянувъ руку, Дугановъ.

— Прощай, Глѣбъ Андреевичъ! не забывай и ты, да хоть изрѣдка пиши о себѣ.

Пріятели простились. Доѣхавъ до Царскаго Села, Глѣбъ переночевалъ тамъ на постояломъ и рано утромъ отправился къ князю Орлову. Дежурный камердинеръ объявилъ ему, что князь, возвратясь изъ Петербурга, вспоминалъ о немъ и приказалъ принять его, но съ вечера игралъ долго во дворцѣ въ карты и еще не вставалъ. Глѣбъ, по совѣту камердинера, пришелъ черезъ часъ. Передъ подъѣздомъ дворца и флигелемъ Орлова стоялъ уже рядъ придворныхъ и городскихъ экипажей.

— Князь только-что ушли во дворецъ и просили васъ явиться туда,—сказалъ камердинеръ Глѣбу.

— Куда же это? какъ пройти?—спросилъ Глѣбъ.

Камердинеръ указалъ парадное крыльцо.

— Идите, сударь, прямо, — сказалъ онъ: — доложитесь тамъ,—князь, молъ, лично приказалъ.

XII.

Дугановъ вошелъ въ обширныя теплыя сѣни, наполненныя ливрейными слугами, дневальными и вѣстовыми. Придворный скороходъ, въ золотой шапкѣ, съ страусовыми перьями, провелъ его черезъ небольшую пріемную залу, гдѣ сидѣло нѣсколько лицъ, представлявшихся въ тотъ день государынѣ, и длиннымъ, полуосвѣщеннымъ коридоромъ нижняго яруса, потомъ рядомъ небольшихъ, внутреннихъ комнатъ, достигъ правой стороны дворца, окнами выходившей въ садъ. Дугановъ очутился въ угольной комнатѣ, съ китайскимъ бильярдомъ, зеркаломъ между оконъ и диванами вдоль стѣнъ. Предложивъ ему сѣсть, скороходъ сказалъ: «Здѣсь приказано подождать» — и ушелъ. — «Государынинъ бильярдъ! — подумалъ Глѣбъ, съ благоговѣніемъ осматривая комнату,—она развлекается здѣсь, въ минуты отдыха, для моціона».—Стѣны комнаты были увѣшаны картинами, изображавшими сцены морскихъ и сухопутныхъ сраженій. На одной изъ нихъ масляными красками былъ нарисованъ бой подъ Полтавой, на другой—взятіе Нарвы. Прочія изображали походы и битвы крестоносцевъ. Дугановъ сталъ разсматривать ихъ. Кругомъ было тихо. Только отъ движенія экипажей, подъѣзжающихъ ко дворцу, изрѣдка слышалось позвякиванье стеклянныхъ призмочекъ, висѣвшихъ подъ потолочною, бронзовою люстрой. — «Гдѣ же теперь князь?— раздумывалъ Глѣбъ,—въ пріемной большею частью не важныя лица, а у подъѣзда столько придворныхъ экипажей. Не совѣтъ ли какой-либо собрался у государыни? и скоро ли освободится князь?» — Прошло полчаса, часъ и болѣе. На дворѣ вдругъ стемнѣло. Нашла туча, ворохами повалилъ снѣгъ. Съ вершинъ деревьевъ поднялась и стала кружиться, въ снѣжной пеленѣ, туча воронъ и галокъ. Глѣбу вспомнились пернатыя полчища надъ садомъ въ Ракитномъ. Онъ перенесся мыслію къ матери. —«Здорова ли она,—думалось ему,— знаетъ ли о моемъ разрывѣ и разлукѣ съ женой? Надо бы провѣдать ее,—едва сдамъ дѣло главнокомандую-

щему, отпрошусь въ отпускъ, навѣщу ее». Еще прошло нѣсколько минутъ. За дверью, противоположною той, въ которую вошелъ Дуга̀новъ, послышались неспѣшные, тяжелые шаги. Дверь отворилась, на порогѣ показался князь Григорій Григорьевичъ. Лицо Орлова было возбуждено. Пятна румянца проступали на гладко-выбритыхъ щекахъ. Глаза были отуманены.

— А, ты здѣсь?—сказалъ онъ разсѣянно, мелькомъ взглянувъ въ зеркало и оправляя на себѣ кружевное жабо́ и манжеты:—очень радъ; иди за мной. Вотъ тебѣ письмо къ князю Михаилу Никитичу,—сказалъ онъ, подавая Глѣбу пакетъ:—но это не все... Государыня, узнавъ, что я пишу съ тобой къ князю, также пожелала лично, черезъ твое посредство, послать письмо къ князю и отъ себя...

Орловъ повернулся и пошелъ обратно. Дуга́новъ, замирая, молча послѣдовалъ за нимъ. Они миновали нѣсколько пустыхъ комнатъ. Одна изъ нихъ показалась Глѣбу уборною, другая была, очевидно, библіотекой, третья—нѣчто въ родѣ оранжереи, съ цвѣтущими растеніями на окнахъ и вдоль стѣнъ.

— Я за тебя, сударь, поручился, — строго сказалъ, идя далѣе и не оборачиваясь, Орловъ:—аттестовалъ, помни, тебя какъ скромнаго и усерднаго человѣка, способнаго соблюсти монаршее порученіе.

— Не знаю, ваше сіятельство, чѣмъ я удостоился и могу ли въ жизни хоть чѣмъ-либо заслужить столь великую милость?—отвѣтилъ, кланяясь, Дуга̀новъ.

— Не я, впрочемъ, тебя указалъ, сама государыня услышала о тебѣ и рѣшила.

«Теперь уже князь не откажетъ взять меня къ себѣ,—подумалъ, слѣдуя за Орловымъ, Дуга̀новъ, — исполнивъ порученіе, напишу ему изъ Москвы».

Шаги Орлова вдругъ затихли, точно куда-то исчезли, хотя онъ продолжалъ идти впередъ. Глѣбъ подъ ногами почувствовалъ нѣжный и мягкій, какъ пухъ, коверъ. Въ комнатѣ, куда они вошли, окна, въ виду наступившей, передъ тѣмъ, отъ падавшаго снѣга темноты, были закрыты гардинами и комнату освѣщали восковыя розовыя свѣчи, въ красивыхъ фарфоровыхъ кенкѐтахъ, висѣвшихъ по стѣнамъ. Слѣва, у двери въ слѣдующія комнаты, стоялъ высокій, съ коричнево-бронзовымъ лицомъ и такими же руками, арабъ,

въ ярко-пунцовой курткѣ, расшитой золотыми шнурками, въ зеленыхъ шараварахъ, желтыхъ туфляхъ и въ бѣлой, огромной чалмѣ.

— Побудь здѣсь, тебя позовутъ,—произнесъ Орловъ, указавъ Дуганову мягкую шелковую кушетку, у двери, возлѣ которой стоялъ стражъ.

Арабъ, склонясь, отворилъ дверь. Орловъ скрылся за нею. — «Такъ вотъ что, — съ невольнымъ трепетомъ подумалъ, усѣвшись, Глѣбъ: — сама государыня удостоиваетъ меня высокой чести доставить ея строки главнокомандующему. Но вѣдь это, дѣйствительно, простая случайность; она узнала, что ѣдетъ нарочный, и пожелала воспользоваться оказіей. Гдѣ въ эту минуту государыня? неужели невдали, даже, быть-можетъ, прямо за этою стѣною? И что здѣсь рядомъ за комната? пріемная для немногихъ, ближайшихъ къ государынѣ особъ, или собственный ея рабочій кабинетъ? Вотъ взглянуть бы, если тамъ нѣтъ никого... Каково убранство этой комнаты? Увидѣть бы ея кресло, рабочій столъ, за которымъ она рѣшаетъ дѣла великой имперіи».

Изъ-за двери, между тѣмъ, Глѣбъ разслышалъ звуки голоса. По сосѣдству кто-то, казалось, говорилъ или что-то читалъ, смолкалъ и снова говорилъ. Кто говорилъ и о чемъ? докладчикъ ли излагалъ какое-либо сообщеніе, или изволила говорить сама императрица?—«Вотъ пріотворить бы дверь, посмотрѣть бы въ нее, хоть секунду, послушать бы!—пришло на мысль Дуганову: — нельзя! это губатое чудовище тутъ на-сторожѣ!»—Арабъ, между тѣмъ, прислонясь плечомъ къ притолку двери, стоялъ какъ вкопанный, не шелохнувшись и такъ спокойно, точно дремалъ.—«Неужели и впрямь дремлетъ?—досадливо мыслилъ Глѣбъ. Онъ обернулся къ нему. Черные, круглые глаза араба, съ желтыми бѣлками, пристально глядѣли на него. — «Попросить его? — подумалъ Глѣбъ,—а какъ откажетъ, да еще передастъ князю дерзкую мою просьбу?»

За дверью послышался серебристый звонокъ крохотнаго колокольчика. Арабъ встрепенулся, беззвучно шагнулъ за дверь и, вновь появясь обратно, съ бумагами, направился съ ними въ другую дверь. Дрожь охватила Дуганова... Голоса за дверью, изъ которой арабъ вынесъ бумаги, стали вдругъ до того явственны, что Глѣбъ слышалъ чуть не каждое слово говорившихъ тамъ. Арабъ, уходя съ бумагами,

очевидно, неплотно притворилъ дверную половинку. Глѣбъ тихо всталъ, подошелъ на цыпочкахъ къ двери и взглянулъ сквозь ея щель. Его сердце сильно забилось.

Онъ увидѣлъ круглый широкій столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. На столѣ стоялъ канделябръ съ зажженными свѣчами. За столомъ, лицомъ къ двери, сидѣла императрица, въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, съ жемчугомъ въ напудренныхъ волосахъ. Справа, возлѣ нея, помѣщался канцлеръ графъ Никита Ивановичъ Панинъ; слѣва—генералъ-прокуроръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій; далѣе, въ полуоборотъ къ двери, сидѣли, — съ одной стороны князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, съ другой — Григорій Александровичъ Потемкинъ и—уже спиной къ двери—бывшій гетманъ, графъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій и фельдмаршалъ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ. Дугàновъ узналъ не только старыхъ, всему Петербургу извѣстныхъ, давнихъ пособниковъ Екатерины, но и новое, восходившее надъ придворнымъ міромъ, яркое свѣтило,—Потемкина, котораго онъ не разъ видѣлъ, въ проѣзды послѣдняго черезъ Москву.—«Тайный совѣтъ ея величества! экстренное собраніе!—пронеслось молніей въ мысляхъ Глѣба,—и я его вижу, услышу, можетъ-быть!»—Онъ оглянулся, прислушался, не возвращается ли усланный стражъ, и, съ восхищеніемъ и ужасомъ за свою рѣшимость, припалъ глазомъ къ двери. Онъ слушалъ, мысленно повторяя: «Боже мой, Господи! и я дѣйствительно это вижу и слышу!» Черезъ минуту онъ опомнился.—«Но зачѣмъ я, безумный, такъ рискую? — подумалъ онъ,—арабъ можетъ каждую секунду возвратиться, застать меня здѣсь... вѣдь будетъ слышно и такъ!» — Онъ, въ неодолимомъ волненіи, опустился на ту же кушетку, у двери. И точно, каждое слово говорившихъ въ сосѣдней комнатѣ явственно, попрежнему, долстало до него изъ-за порога.

— Такъ вы, господа, не одобряете? — слышался, съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, голосъ Екатерины: — не совѣтуете, чтобы я, какъ мнѣ хотѣлось, сама ѣхала для спасенія государства въ Москву и лично стала бы во главѣ войскъ, посылаемыхъ для истребленія злодѣя Пугачова? Чтò скажете, но откровенно, вы, графъ Никита Иванычъ? не слѣдуетъ, по-вашему, нехорошо?

— Не только нехорошо, но, въ разсужденіи достоинства

и цѣлости имперіи, даже бѣдственно, — отвѣтилъ негромкій и вмѣстѣ твердый голосъ Панина: — эта поѣздка, увеличивъ небольшую еще въ общемъ опасность, только ободритъ и умножитъ мятежную чернь. А! скажутъ, вотъ какъ, сама государыня бросила столицу и сына и уѣхала къ войску, значитъ совсѣмъ неладно... она и въ Турцію къ Румянцеву, противъ самого султана, лично не выступала, а тутъ—противъ мужика... значитъ, и впрямь онъ вовсе не мужикъ!

Екатерина помолчала. Молчали и остальные.

— Согласна, уступаю, такъ и запишите, господинъ секретарь,—сказала Екатерина, обращаясь къ какому-то, кого Дугàновъ не разглядѣлъ въ дверь, за секретарскимъ столомъ: — назначимъ, когда понадобится, изберемъ для того иное, съ полною силою и властью, лицо. А теперь объ иномъ, не менѣе важномъ... Вы слышали, — продолжала императрица:—князь Григорій Григорьевичъ считаетъ, что нынѣшній за Волгой, обширный и безпримѣрный, по дерзости и жестокостямъ, бунтъ черни главнѣйше выросъ и усилился, вслѣдствіе многихъ бѣдствій крѣпостного народа, угнетаемаго помѣщиками, монастырями и казной, и предложилъ мнѣ частно, а здѣсь при васъ и вторично—отмѣну крѣпостного состоянія... Что скажете на это?

— Мѣра гибельная и бѣдственная,—произнесъ, подумавъ, генералъ-прокуроръ Вяземскій: — къ смутѣ одной губерніи прибавятся смуты въ остальныхъ, сказать проще — бунтъ цѣлой имперіи.

— Лучше умножить число войска за Волгой, — сказалъ фельдмаршалъ Чернышовъ:—послать въ распоряженіе князя Волконскаго еще нѣсколько полковъ пѣхоты, пушекъ и кавалерію.

— Именно, прежде надо истребить мятежъ, и тогда уже подносить монархинѣ прожекты новыхъ законовъ,—отозвался бывшій гетманъ, графъ Разумовскій:—не въ бурю и не въ хозяйскую страду перестраиваются дома и хижины, а въ пору отдыха и полной тишины.

— Матушка, мудрая монархиня!—не вытерпѣвъ, вскрикнулъ князь Орловъ:—не слушай ихъ, слушай своего сердца! Въ чемъ колебанія? Скажи одно слово — и цѣпи народнаго рабства рухнутъ, распадутся! Всѣ мы, владѣльцы крѣпостныхъ душъ, — и я, каюсь, не послѣдній изъ ихъ числа, — грѣшны и виновны передъ тобой и закономъ за подданныхъ

своихъ. Не мы ли проигрывали дарованныхъ намъ тобою и твоими предками крѣпостныхъ людей въ карты, мѣняли ихъ на рѣзвыхъ скакуновъ и роскошныя мебели? Не мы ли, стыжусь повторить, закладывали ихъ, какъ движимость, продавали, разлучая семьи, на переводъ,—въ дальнія окраины и въ зачетъ рекрутовъ? Скажи слово—и все высшее, все знатное, среднее и мелкое дворянство, какъ истые патріоты, ударятъ тебѣ челомъ, многомилостивая, своими вотчинами, селами и хуторами... Бери ихъ, для спасенія и замиренія отечества, обратно! Объявляй неотлагательно общую вольность нашихъ и твоихъ собственныхъ, казенныхъ рабовъ; церковь, съ монастырями, послѣдуетъ за тобой! Не будетъ у стѣсненнаго народа причины къ мятежамъ, бунтъ за Волгой утихнетъ, и сами крамольники приведутъ и выдадутъ тебѣ головой своего вождя, на твое рѣшеніе и правый судъ.

Общее молчаніе было отвѣтомъ на слова Орлова. Всѣ ждали, чѣмъ выразится мнѣніе самой государыни, относительно небывалаго, по смѣлости, даже дерзости, предложенія, которымъ, какъ думали нѣкоторые, терявшій свое значеніе фаворитъ, очевидно, стремился съ этой стороны возстановить свое значеніе и силу.—«Тебѣ легко вольнодумствовать, на чужой счетъ! — мыслили противники Орлова, — ты, выскочка, давно ли снисканъ помѣстьями и всякими благами, безъ числа? У тебя возьмутъ, наверстаешь втрое... а мы, наслѣдственные, исконные дворяне, — намъ не до твоихъ акробатскихъ, головоломныхъ фокусовъ и скачковъ!»

Видя смущеніе, вызванное въ главныхъ членахъ совѣта словами Орлова, Екатерина молча вынула изъ кармана крохотную табакерку, раскрыла ее и поднесла къ носу, глядя на Потемкина, съ хмурымъ лицомъ нагнувшагося и недовольно сопѣвшаго надъ листомъ бѣлой, чистой бумаги, лежавшей передъ нимъ на столѣ.

— Смѣло и дѣльно, какъ всегда, выразились вы, князь Григорій Григорьевичъ,—сказалъ Потемкинъ, слегка склонясь въ сторону Орлова и продолжая смотрѣть на листъ бумаги:—кто возразитъ противъ святой истины, что рабство недостойно нашего вѣка и славы свободолюбивой и великодушной нашей монархини? Нѣтъ спора, всѣ мы сочувствуемъ вамъ... не правда ли? — обратился Потемкинъ къ прочимъ членамъ совѣта.

Всѣ, нѣсколько смущенно, молча поклонились ему.

— Но кто поручится, — продолжалъ Потемкинъ: — что ваше добро не станетъ худшимъ зломъ для того же народа?

— Какъ это? почему?—опять не вытерпѣвъ, съ горячностью возразилъ Орловъ.

— А такъ, батюшка, ваше сіятельство, очень просто!— отвѣтилъ спокойнымъ, твердымъ голосомъ Потемкинъ:—неразвитая, слѣпая и дикая чернь,—разнуздайте вы только ее, дайте ей вольную волюшку, и вы увидите, — она броситъ неблагодарный и тяжкій трудъ земледѣльца и бурнымъ потокомъ хлынетъ изъ селъ въ города̀. Что̀ вы сдѣлаете въ то время? Кто будетъ воздѣлывать хлѣбныя нивы, платить оброки, давать рекрутовъ? Деревни опустѣютъ, поля зарастутъ сорными травами и лѣсомъ. Что̀ скажетъ отечество, когда ему станетъ грозить голодъ, а преступленія всякаго рода, кражи, грабежи, насилія и убійства обратятъ великую имперію въ страну ирокѐзскихъ дикарей, чуть не людоѣдовъ? Кѣмъ вы станете укрощать буйства и мятежи? Войска̀ нечѣмъ будетъ комплектовать, — вольные люди не дадутся, чтобъ имъ брили лобъ... Не на манеръ ли Англіи станете вербовать охотниковъ на базарахъ и площадяхъ? О прочихъ, въ столь важномъ дѣлѣ, потеряхъ государства и частныхъ лицъ не говорю,—онѣ всякому извѣстны...

XIII.

«Ай да мастеръ!—думали, слушая Потемкина, старѣйшіе изъ членовъ совѣта, — такъ говорить и мыслить подъ-стать хоть бы и многоопытному дѣльцу, убѣленному сѣдиной. Угадалъ, забилъ вольнодумца! далеко пойдетъ!»

— Не спорю о потеряхъ, не спорю! — вскрикнулъ Орловъ:—всѣ мы, отъ богачей до бѣдныхъ, сильно потерпимъ отъ предлагаемой мною мѣры, даже, быть-можетъ, разоримся въ конецъ. Но надо, государи мои, думать не о насъ лично, а объ отечествѣ и о славѣ великой монархини, которой мы обязаны служить до послѣдней капли крови. Не она ли, первая въ государствѣ, внявъ голосу и нуждамъ народа, еще недавно созывала, на вѣчную память о себѣ, коммиссію для начертанія проекта новаго уложенія? и не тамъ ли, не въ этой ли коммиссіи, впервые передъ всѣми, раздались заглушенные, впрочемъ, недальновидными слѣпцами, голоса, что назрѣло время подумать, коли не о полной отмѣнѣ, то хотя бы о сокращеніи унизительнаго рабства? Говорите противъ меня, возражайте; я остаюсь при своемъ: ранѣе подумали бы

о моей мысли, не было бы ни бунта за Волгой, ни Пугачова...

— Не было бы! не случилось бы! вотъ какъ! — произнесъ, глядя на Орлова, Потемкинъ: — все это, извините, ваше сіятельство, такія же загадки, какъ и этотъ чистый листъ бумаги... написать на немъ можно все, что̀ угодно, какъ легко составить и издать всякій законъ... Да что̀ вычитаетъ изъ этого писанія народъ? готовъ ли онъ ко всякой, хотя бы и мудрой, мѣрѣ? Вотъ вы тоже упомянули о комиссіи... но знаете ли...

— Позвольте, — возразила императрица, видя растерянность и затрудненіе остальныхъ членовъ совѣта, молча слушавшихъ препирательства соперниковъ-фаворитовъ:—лучше намъ о комиссіи здѣсь не упоминать... Вы, князь Александръ Алексѣевичъ, знаете, — обратилась Екатерина къ генералъ-прокурору Вяземскому, бывшему предсѣдателю той комиссіи:—каковы, по истинѣ сказать, плоды упомянутаго здѣсь собранія? Всѣмъ извѣстно, депутатъ столь важнаго учрежденія, яицкій сотникъ, Падуровъ, не только не останавливалъ и не вразумлялъ бунтовщиковъ, а самъ изъ первыхъ передался самозванцу и нынѣ, по слухамъ, командуетъ у него цѣлымъ полкомъ! Это ли не утѣшительный даръ нашего перваго опыта съ русскими парламентами?

Екатерина, опять поднеся къ носу табакерку, помолчала.

— Благодарю васъ, князь Григорій Григорьевичъ, и васъ, Григорій Александровичъ,—сказала она, обращаясь къ Орлову и Потемкину: — благодарю и всѣхъ васъ, — взглянула она на остальныхъ:—никогда я не сомнѣвалась въ вашихъ чувствахъ и въ вашей преданности отечеству и мнѣ, — но съ столь важнымъ дѣломъ, какъ предложеніе князя Григорія Григорьевича, надо, какъ я полагаю и какъ убѣждена, повременить.

— Но этотъ шагъ прославитъ и вознесетъ ваше величество на неизмѣримую высоту! — воскликнулъ князь Орловъ:—всѣ препятствія геній вашъ преодолѣетъ, какъ всегда, и затмитъ...

— Александръ Македонскій,—отвѣтила съ улыбкой Екатерина:—укорялъ память своего отца, Филиппа, говоря, что его родитель такъ много прославился и столько совершилъ великаго, что почти ничего не оставилъ для своего на-

слѣдника. Не все же дѣлать современникамъ, надо кое-что оставить на долю и своимъ преемникамъ, потомкамъ!

— Сама истина глаголетъ вашими устами! — произнесъ, склоняясь, князь Вяземскій.

— Немало чести подготовить славныя дѣла и для потомства!—прибавилъ канцлеръ Панинъ.

— Что же, повторяю, до выбора главнаго полномочнаго лица, по укрощенію бунта за Волгой,—сказала Екатерина:— то я, забывъ личное неудовольствіе, изберу и назначу достойнѣйшаго, и князю Волконскому я на этотъ предметъ напишу инструкціи...

Далѣе Дугàновъ ничего не слышалъ. Мимо его, въ это мгновеніе, незамѣтно скользнулъ по ковру и опять сталъ у порога возвратившійся арабъ. Замѣтивъ, что дверь въ совѣтскую комнату пріотворена, онъ плотно закрылъ ее, и, по-прежнему, неподвижно замеръ у ея притолка. Голосà за порогомъ разомъ стихли. Такъ прошло еще нѣсколько минутъ. Дугáновъ, пораженный тѣмъ, чтò дошло до его слуха, сидѣлъ, не помня, гдѣ онъ и чтò съ нимъ. Въ совѣтской комнатѣ снова раздался звукъ колокольчика. Арапъ вошелъ туда.

— Пожалуйте, васъ просятъ, — сказалъ онъ, возвратясь, Дугàнову.

Глѣбъ вступилъ въ совѣтскую комнату, сдѣлалъ шагъ отъ порога и, вытянувшись, сталъ неподвижно. Прямо передъ нимъ была государыня. Справа за нею, близъ окна, у особаго столика, сидѣлъ тотъ, кого именовали секретаремъ и лицо котораго теперь ясно было ему видно. Глѣбъ взглянулъ на него и не вѣрилъ своимъ глазамъ. У столика, передъ зажженной свѣчой, сидѣлъ его недавній сожитель, Галаховъ, съ которымъ онъ простился только вчера. — «Такъ вотъ твои тайныя занятія у князя Орлова!» — подумалъ Глѣбъ, въ волненіи ожидая, кто и чтò ему скажутъ теперь.

— Адъютантъ московскаго главнокомандующаго? — спросила Екатерина.

— Поручикъ Дугàновъ, ваше величество, — отвѣтилъ Орловъ.

— Подойдите, господинъ поручикъ, и станьте ближе!— сказала императрица.

Глѣбъ мѣрнымъ, форменнымъ шагомъ обошелъ столъ и приблизился къ креслу государыни.

— Вотъ письмо, господинъ Дуга́новъ,—произнесла Екатерина, протягивая ему запечатанный пакетъ:—отдайте его лично князю Михаилу Никитичу. Кланяйтесь ему и скажите, что я съ особымъ удовольствіемъ рѣшила дѣло его родственницы. Вамъ, кажется, княземъ спеціально было поручено это дѣло?

— Точно такъ, ваше величество,—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Очень рада, — князю будетъ пріятно ваше усердіе... счастливаго пути!—сказала Екатерина, ласковою улыбкой и чуть замѣтнымъ склономъ головы показывая Глѣбу, что онъ можетъ удалиться.

Всѣ глаза были, какъ чувствовалъ Глѣбъ, обращены на него, когда онъ, повернувшись налѣво кругомъ, направился тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ къ двери и скрылся за нею. Спрятавъ на грудь, подъ кафтанъ, пакетъ императрицы, онъ въ сопровожденіи араба, не слыша подъ собою ногъ, прошелъ тѣмъ же рядомъ внутреннихъ комнатъ до парадныхъ сѣней, одѣлся и вышелъ на крыльцо. Снѣгъ прекратился. Солнце ярко и весело свѣтило, красиво золотя розовымъ отблескомъ крыши дворцовыхъ зданій и опушенныя серебристымъ инеемъ вершины садовыхъ деревьевъ. Дуга́новъ ничего этого не видѣлъ, не любовался ничѣмъ. Отъ его глазъ не отходила чудная улыбка, а въ ушахъ раздавался нѣжный и ласковый голосъ императрицы. Не помня себя, на верху блаженства, онъ поспѣшилъ на постоялый, приказалъ подавать обѣдъ и послалъ за почтовыми лошадьми.

«А Спесивцевъ? что̀ съ нимъ?» — вдругъ пришло ему на мысль, когда онъ, наскоро закусивъ, узналъ, что лошади поданы уже. «Въ Гатчину! надо видѣть его, навѣстить! это кстати, почти и по дорогѣ!»—сказалъ онъ себѣ и, выѣхавъ изъ Царскаго, приказалъ ямщику свернуть въ Гатчину.

Доѣхавъ туда, онъ отыскалъ врача, лѣчившаго Спесивцева, и узналъ отъ него, что раненый, заботами князя, помѣщенъ въ сосѣднемъ домѣ.

— Вонъ, черезъ улицу,—указалъ врачъ въ окно:—красная крыша и зеленыя ставни.

— Могу ли я его видѣть?—спросилъ Глѣбъ: —хотя на минуту; мы старые знакомые, и я ѣду надолго, далеко.

— Больной въ безпамятствѣ, бредитъ,—сказалъ врачъ:—все равно, не узнаетъ васъ, да и опасно тревожить его.

Глѣбъ помолчалъ.

— Есть надежда на спасеніе?—спросилъ онъ

Докторъ поднялъ надъ головою палецъ.

— Тамъ на небѣ все, разумѣется, возможно, — сказалъ онъ:—а здѣсь,—докторъ опустилъ палецъ къ полу: — здѣсь могу сказать одно, рана такого рода, что вашъ знакомый, или даже можетъ быть пріятель, врядъ ли дотянетъ до весны.

Дуга́новъ постоялъ еще съ минуту передъ докторомъ, молча пожалъ ему руку, поклонился и уѣхалъ, въ смущеніи поглядывая на невысокій деревянный домишко, съ красною крышей и зелеными ставнями, гдѣ лежалъ, бредя, вѣроятно, о чемъ-либо счастливомъ и свѣтломъ изъ прожитаго, приговоренный къ печальному исходу Спесивцевъ.

«Да, судьба! — мыслилъ Глѣбъ, выѣхавъ изъ Гатчины на московскій почтовый трактъ: — но вѣдь такая же точно судьба могла постигнуть и меня!» И, невольно радуясь, что онъ во всякомъ случаѣ былъ цѣлъ и невредимъ, что его грудь, сердце и все его крѣпкое, пышащее жизнью тѣло было здорово, Глѣбъ плотнѣе усѣлся въ кибиткѣ, съ головой укутался въ теплую шубу и, изморенный суетой и тревогами послѣднихъ тяжелыхъ дней, крѣпко заснулъ. Почтовая тройка понеслась.

На третьи сутки безостановочной ѣзды, Дуга́новъ благополучно возвратился въ Москву.

Довольный успѣшнымъ окончаніемъ дѣла, главнокомандующій отъ души благодарилъ Глѣба и, давъ ему отдохнуть нѣкоторое время, сказалъ, что приготовилъ для него другое важное порученіе въ одинъ изъ уѣздовъ московской губерніи, гдѣ предстояло произвести слѣдствіе о поддѣлкѣ фальшивой монеты на фабрикѣ богатаго раскольника-купца Суслова. Въ этомъ же уѣздѣ были имѣнія Коро́новой, присужденныя государыней ко взятію въ опеку. «Ты помогъ рѣшенію этого дѣла, — сказалъ князь: — ты же наблюдешь и за приведеніемъ его къ концу».

Москва охватила Дуга́нова скукой и тоской. Осиротѣлый, пустой домъ у Чистыхъ-прудовъ, гдѣ еще такъ недавно все было полно жизни, гдѣ царила женская, прямая предупредительность и раздавался смѣхъ и звонкій голосъ ребенка, былъ теперь для Глѣба невыносимъ. Онъ обѣдалъ въ клубѣ, домой едва заглядывалъ. Объѣздивъ кос-кого изъ знакомыхъ, онъ написалъ короткія письма къ матери и къ брату,

извѣстивъ ихъ, что едва кончилъ одну командировку, какъ пришлось ѣхать на другую, и сильно обрадовался, когда, дѣйствительно, наконецъ, выѣхалъ съ порученіемъ князя изъ Москвы.

Слѣдствіе о поддѣлкѣ монеты Дугановъ повелъ настойчиво и умѣло. Начались розыски и допросы на фабрикѣ Сусловыхъ и въ уѣздномъ городѣ, гдѣ пало подозрѣніе въ подкупѣ и въ укрывательствѣ виновныхъ не только на полицію, но и на земскій судъ. Пришлось воевать съ исправникомъ и съ весьма ловкимъ и вліятельнымъ уѣзднымъ судьей, который, по слухамъ, былъ долженъ по горло заподозрѣнному Суслову и потому особенно мирволилъ ему. Все это Глѣбъ разслѣдовалъ и разобралъ, а въ промежуткахъ розысковъ составилъ опись имѣніямъ Корониной и сдалъ ихъ въ опеку. Кончивъ слѣдствіе, онъ написалъ князю рапортъ, съ требованіемъ уличеннаго Суслова арестовать и доставить на судъ, не иначе, какъ въ Москву, вслѣдствіе того, что мѣстныя власти относительно его не безъ грѣха.

При одномъ изъ послѣднихъ допросовъ, собирая на фабрикѣ свѣдѣнія о прошломъ и настоящемъ образѣ жизни и о родныхъ вдругъ разбогатѣвшаго Суслова, онъ неожиданно услышалъ фамилію Прядышева, съ которымъ Сусловъ оказывался въ близкомъ родствѣ.

Это имя кольнуло Глѣба. Онъ вспомнилъ бѣгство Серафимы въ Кіевъ, свою поѣздку туда, переговоры съ нею, а затѣмъ и собственный разладъ съ женой.

— Какой это Прядышевъ? — спросилъ онъ сусловскаго приказчика, стоявшаго передъ нимъ на допросѣ.

— Савва Ильичъ,—отвѣтилъ свидѣтель.

— Развѣ онъ родня твоему хозяину?

— Свояки - съ. Аграфена Марковна, супруга Саввы Ильича, выходитъ, двоюродная сестрица нашему Доримедонту Кузьмичу.

— Не отъ свояка ли Суслова, въ такомъ случаѣ, пошло и все состояніе самого Прядышева?—спросилъ Глѣбъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, — отвѣтилъ свидѣтель: — тятенька Аграфены Марковны изстари былъ первостатейный московскій купецъ, а онѣ у него состояли единственною дочкой; и у ихняго тятеньки не гокма первый подъ Москвой изстари колокольный заводъ, а за Ураломъ еще богатѣйшіе рудные пріиски.

— Кстати, почтенный,—сказалъ, подумавъ, Дугановъ:—у Прядышевыхъ, помнится, былъ тоже единственный сынъ,—не знаешь ли, что̀ съ нимъ и гдѣ онъ нынче?

Свидѣтель помолчалъ.

— Вѣрно-съ, изволите говорить, — есть сынъ, Ѳедоромъ звать, — отвѣтилъ онъ: — и мы сами видали ихъ, вотъ еще какимъ махонькимъ, когда оттуда колоколъ брали сюда на соборъ... Не наша сторона хозяйскія дѣла... а жаль...

— Что̀ же именно?

— Свертѣли молодца гулянки да колобродства, и попалъ онъ родителю на искусъ, поставленъ былъ въ простые, какъ есть, чернорабочіе, въ молотобойцы... этакого богача-магòга сынъ и въ такой чернотѣ!

— Онъ и теперь на этой работѣ?—спросилъ Глѣбъ.

— Мать увидѣла его, оборваннаго, да въ сажѣ, въ окно,—возрыдала сердечная и заступилась; слышно, отослали его, нонѣ зимой, въ дальнюю поправку, на ихніе Куршавинскіе заводы, за Уралъ. Да что̀? сильно, сказываютъ, огорчился малый вообще, запилъ тамъ и въ горести чуть рукъ на себя не наложилъ. Наши сильно жалѣютъ его.

— Отчего же отецъ не держитъ его при себѣ?

— Видно, думка такая, исправится, молъ, на дальней работѣ.

Въ концѣ великаго поста Дугановъ возвратился въ Москву. Князь Волконскій одобрилъ всѣ его дѣйствія, Суслова вытребовалъ къ себѣ и посадилъ въ московскій острогъ. Дугановъ, за успѣшное веденіе слѣдствія о поддѣлкѣ монеты, былъ представленъ къ наградѣ крестомъ.

— Твоя жена еще у родныхъ?—спросилъ князь.

— Такъ точно.

— Гдѣ она? въ Малороссіи?

— Нѣтъ, на Волгѣ, у брата.

— Не хочешь ли проѣхать туда?

Глѣбъ промолчалъ.

— Постоянно, какъ знаешь, туда оказіи теперь, — продолжалъ князь, не замѣтивъ смущенія Глѣба:—недавно посланы гусары, а на-дняхъ отправляю пѣхоту и пушки... ты могъ бы проводить ихъ до Казани, а оттуда завернулъ бы и къ своимъ.

— Усерднѣйше благодарствую, ваше сіятельство,—отвѣ-

тилъ Дугановъ: — но моя жена, какъ полагаю, вскорѣ выѣдетъ оттуда.

— Ну, какъ знаешь, любезный. Во всякомъ же случаѣ, встрѣтится нужда, просись, — не откажу. Пріемъ имѣній будетъ не ближе іюня; тогда опять поѣдешь въ уѣздъ.

Близилась Пасха. Въ воздухѣ потемнѣло. Настало водополье.

Возобновивъ свои обычныя занятія у князя, Дугановъ не замѣчалъ, какъ текло время. Переписываясь иногда съ матерью, онъ зналъ, что въ Ракитномъ все благополучно. О Горкахъ и ихъ обитателяхъ онъ старался не вспоминать. «Не пишутъ оттуда, стало быть, все хорошо! — съ горечью думалъ онъ, — а не спрашиваютъ, почему мы разстались, значитъ, жена не смѣетъ признаться, что у насъ вышло. Ну, и Господь съ нею».

Вернувшаяся въ Петербургѣ, былая страсть къ азартной бильярдной игрѣ болѣе не напоминала о себѣ Глѣбу. Все прошлое въ немъ, казалось, успокоилось, заснуло и какъ бы умерло. Въ домѣ у себя онъ уже не томился, проводя время здѣсь только въ кабинетѣ и въ столовой. Въ спальню, уборную жены и дѣтскую онъ болѣе совсѣмъ не заглядывалъ, и двери туда были постоянно на замкѣ. Портретъ жены, висѣвшій въ гостиной и когда-то съ такою любовью заказанный знаменитому живописцу Тишбейну, онъ покрылъ кисеей и перенесъ въ запертую на ключъ уборную. Но все это наружное спокойствіе далеко не соотвѣтствовало внутреннему состоянію. Нѣчто въ родѣ раскаянія начинало сказываться въ его душѣ. Правъ ли онъ былъ въ своемъ рѣшеніи насчетъ жены? Не увлекся ли онъ ошибочнымъ подозрѣніемъ? И дѣйствительно ли была измѣна, или только совпаденіе уликъ, въ сущности не доказывающихъ ничего? Неувѣренность въ правотѣ, относительно разрыва съ женой, начинала тяготить его; ну, какъ она невинна ни въ чемъ и онъ все это сдѣлалъ въ порывѣ раздраженія, не имѣя на то права? Передъ Пасхой Глѣбъ получилъ письмо, въ нѣсколько строкъ, отъ брата, съ поздравленіемъ и извѣщеніемъ, что всѣ живы и здоровы, что зима была студеная и что наступило тепло. На это онъ отвѣтилъ столь же краткою отпиской, что, молъ, также живъ и здоровъ и что думаетъ перемѣнить службу. Онъ дѣйствительно написалъ въ Петербургъ Орлову; отвѣта не приходило.

Въ концѣ Вербной недѣли, на обычномъ утреннемъ пріемѣ у главнокомандующаго, Глѣбъ получилъ отъ Волконскаго порученіе—съѣздить къ митрополиту, и лично у него испросить указаніе и совѣтъ по одному духовному дѣлу. Дугановъ поѣхалъ, долго дожидался владыки, въ то время служившаго гдѣ-то въ дальнемъ монастырѣ, а когда возвратился, съ нужными указаніями отъ митрополита, пріемъ у князя уже кончился.

Дугановъ прошелъ въ кабинетъ князя, доложилъ ему справку, принялъ отъ него для передачи въ канцелярію накопившіяся безъ него бумаги и откланялся. Проходя изъ кабинета князя опустѣлыми залами, онъ въ сторонѣ, въ боковомъ коридорѣ, услышалъ странный шумъ, какъ бы споръ. Заглянувъ туда, Глѣбъ увидѣлъ растрепанную и лысую фигуру невысокаго, пожилого купца, въ долгополомъ кафтанѣ и съ медалью на шеѣ, стоявшаго передъ княжескимъ слугой. Размахивая руками, купецъ о чемъ-то, съ поклонами, просилъ; оффиціантъ заграждалъ ему дорогу.

— Да вотъ ихъ милость, господинъ адъютантъ, рѣшатъ,— сказалъ оффиціантъ, указывая просителю на Дуганова:—и какъ это можно безпокоить князя, когда объявлено болѣе не принимать никого?

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ, подходя, Дугановъ.

Купецъ оглянулся. Дугановъ узналъ въ немъ Савву Ильича Прядышева, — но въ какомъ видѣ? Сытой, презрительной чванливости и дерзости, съ которою онъ когда-то въ Кіевѣ, у цыганъ, обливалъ водою сына и стригъ ему косу, не было и слѣда. Куда дѣлись складки жирнаго подбородка, красный, плотный затылокъ и объемистый животъ? Худыя, костлявыя плечи уныло торчали изъ-подъ широкаго, точно чужого кафтана. Борода была всклочена. Потускнѣлые глаза умоляюще и жалобно смотрѣли на Глѣба.

— Ваше... ваше высокородіе, — вскрикнулъ онъ, хватая Дуганова за руки и вдругъ падая передъ нимъ на колѣни:— спасите, не погубите.

— Что съ вами, Савва Ильичъ? Успокойтесь!—произнесъ Глѣбъ, поднимая его:—вы, вѣроятно, о родственникѣ вашемъ, о Сусловѣ, насчетъ монеты?

— Господь съ нимъ, — отвѣтилъ, отирая слезы, Прядышевъ:—Сусловы не подростки; коли не по винѣ угодилъ въ острогъ, сами себя отстоятъ.

— Въ чемъ же ваше дѣло?—спросилъ Глѣбъ:—пріемъ у князя, дѣйствительно, конченъ; если у васъ неотложная, важная нужда, скажите, я передамъ ему, онъ приметъ васъ завтра.

— Поздно будетъ, поздно! — простоналъ Пря̀дышевъ: — коли милость князя, штафетъ бы или иное что̀, да не отъ всякаго берутъ. Только, вотъ, нынче извѣстилъ по почтѣ.

— О комъ говорите?

— Ѳедоръ-то мой, Ѳедя... что въ Кіевѣ, помните...

— Знаю; онъ, слышно, у васъ за Ураломъ?

— Тамъ-то окаянный, тамъ, да спятилъ, какъ есть, съ ума. Охъ, матушки вы мои, охъ, родные! — всхлипывая, бормоталъ Пря̀дышевъ: — и кто ожидалъ экаго божескаго наказанія? Прогнѣвали мы Господа. Мать съ горя захворала, померла; нынѣ срамитъ весь нашъ родъ...

— Да что̀ сталось съ вашимъ сыномъ? Сядьте, разскажите.

Глѣбъ увелъ Пря̀дышева въ залу и усадилъ его на софѣ. Руки старика тряслись, губы силились что̀-то выговорить и не могли. Онъ безпомощно поникъ головой.

— Отступился окаянный,—проговорилъ онъ:—извѣщаютъ, задумалъ передаться злодѣю, Пугачу!.. Да что, баринъ, на, читай!—заключилъ Пря̀дышевъ, вытаскивая изъ кармана и подавая Дуга̀нову скомканный обрывокъ толстой синей бумаги:—сорокъ дёнъ не прошло со смерти покойницы, а тутъ такая напасть.

Глѣбъ сталъ читать письмо къ Пря̀дышеву его заводскаго приказчика. «А нашъ отъ Ѳедоръ Саввичъ,—выводилъ каракулями приказчикъ:—забылъ Божескія заповѣди и отцово наставленіе; какъ узналъ о смерти родительницы, пуще запилъ, а въ прошлую среду, супротивъ ночи, отбилъ замо̀къ въ каморѣ, гдѣ, по приказу вашему, его хмѣльнаго держивали взаперти; тайно забралъ пожитки, казну и соболью твою новую, данную ему на дорогу, шубу, да съ Апронькой, да съ Борькой-кривымъ, запрегъ лучшихъ, ѣздовыхъ жеребцовъ и сбѣжалъ съ завода. Сказываютъ, подался въ горы, къ демидовскимъ, да бѣлорѣцкимъ заводамъ, рѣшилъ передаться оному окаянному ироду и злодѣю, самозванцу Пугачову. Апронька, дьячій сынъ, съ нимъ и остался, а кривой чортъ, Борька, вернулся нонѣ на зарѣ, быдто въ совѣсть пришелъ, а въ тайности—сманивать остальныхъ заводскихъ, и мы его, изловимши, связали и держимъ взаперти. И ска-

зываетъ Борька-паршивецъ, быдто Ѳедоръ-то нашъ Саввичъ, забывъ оныя Господни заповѣди, въ точности поѣхалъ, невѣдомо для какой нужды, сирѣчь, къ тому, окаяннику и злодѣю, и повезъ ему казну, да твою шубу, и быдто тому отступнику всѣ уже присягаютъ и цѣлуютъ руку, а самъ иродъ отошелъ намедни отъ Оренбурга къ Магнитной и скоро-де объявится на заводахъ и въ нашихъ мѣстахъ. Мы день и ночь, батюшка, Савва Ильичъ, на-сторожѣ, рвы порыли и огородились рогатками; да ружей мало, пушчонка была одна, и ту, намеднись,—чаю, вѣдомо тебѣ,—о масляной, какъ салютъ въ твою честь чинили, — разорвало на части. Просимъ, милостивецъ, о присылкѣ защиты. Войска тутъ и въ поминѣ нѣту-ти. Ой, плохо намъ, грѣшнымъ, свѣтъ не милъ. До дна, благодѣтель, дошли, гибнемъ въ конецъ!»

— Что же вамъ нужно отъ князя?—спросилъ Дугановъ, дочитавъ письмо.

— Хоть бы штафетъ въ Куршавино, на заводъ, пытался, не берутъ,—твердилъ, кланяясь, Прядышевъ:—граматку бы къ Ѳедору, не одумается ли? Дай охрану, или такой листъ, не токма изъ своихъ кого послалъ бы, одно дѣтище, — самъ бы поѣхалъ туда.

Глѣбъ прошелъ къ князю. Волконскій, уже въ шлафрокѣ и вмѣсто парика, въ бѣломъ, съ розовою лентой, колпакѣ, сидѣлъ за чтеніемъ новыхъ нѣмецкихъ газетъ. Дугановъ доложилъ ему о просьбѣ Прядышева.

— Гони его, голубчикъ!.. съ ума онъ сошелъ!—вскрикнулъ князь:—сынъ дерзнулъ измѣнить,—не далеко, знать, ушелъ и его батюшка; подъ надзоръ его! Боже, Господи, что за дѣла! Взгляни, что печатаютъ о насъ берлинскіе газетиры! Мерзавцы! Не даромъ ихъ сѣкъ, на унтеръ-денъ-Линденъ, Чернышевъ, по взятіи Берлина! теперь публично завѣряютъ, будто этотъ приговоренный къ плетямъ каторжникъ, этотъ казакъ-воришка, и впрямь... Да нѣтъ, что же это? свѣтопреставленіе!

Князь закрылъ лицо руками. Глѣбъ сталъ просить за старика Прядышева.

— Ну, ты правъ, милый, правъ!—одумался князь, бросая подъ столъ газеты:—этого сына навѣрно спьяна совратили, иначе какъ же?.. Вѣдь, я, помню, своими глазами видѣлъ его у Архаровыхъ, Мелецкихъ, — смирный такой, менуэты

отплясывалъ... Ступай, Глѣбъ Андреичъ, устрой тамъ, что̀ можно, для отца.

Дня черезъ три, Пря̀дышеву, за скрѣпой главнокомандующаго, выдали охранный листъ и письмо къ казанскому губернатору, фонъ-Брандту. Савва Ильичъ рѣшилъ ѣхать за Уралъ лично. Собравшись и распорядившись по заводу, онъ засунулъ за пазуху изрядный свертокъ денегъ, отслужилъ напутственный молебенъ, сѣлъ въ пошевни, съ тѣми же двумя здоровенными литейщиками, съ которыми, годъ назадъ, ѣздилъ въ Кіевъ, и завернулъ проститься на Чистые-пруды.

— Въ опасный путь пускаетесь,—сказалъ ему Дуга́новъ:— что ни день, какія извѣстія! Пугачовъ усиливается... все Зауралье въ возстаніи...

— Богъ милостивъ, доѣду, сына спасу.

Въ Казани Пря̀дышева нагнала эстафета московской его конторы. Онъ вскрылъ ее, прочелъ и упалъ безъ чувствъ. Контора извѣщала его, что сынъ, какъ стало нынѣ извѣстно, окончательно бѣжалъ къ самозванцу, съ жалобой на родителя за захватъ, будто бы, материнскихъ заводовъ и другихъ имѣній. «Господь взялъ жену, — подумалъ, придя въ себя, Пря̀дышевъ,—надо ѣхать, охранить хоть заводъ, горное начальство просить; а Ѳедькѣ, каторжному искаріоту, вспомянется, видно, на томъ свѣтѣ и тутъ!..»

Губернаторъ, однако, остановилъ его. Къ Уральскимъ горамъ уже не было свободнаго проѣзда. Пугачовъ, грабя и выжигая все по пути, близился лѣсами по сю сторону горъ.

Настала пасхальная недѣля. Москва, несмотря на слухи о Пугачовѣ, веселилась. Главнокомандующій, въ раззолоченной, голубой коляскѣ, выѣхалъ съ племянницами подъ качели, на Дѣвичье поле. Увидѣвъ здѣсь, среди гуляющихъ, Дуга́нова, онъ подозвалъ его къ себѣ. Глѣбъ протискался мимо знакомыхъ и незнакомыхъ, толпившихся вокругъ князя, и подошелъ къ нему.

— Ну, что, довольны въ народѣ нашею нынѣшнею публикаціей?—спросилъ Волконскій, нагнувшись къ Глѣбу изъ коляски, стоявшей въ это время противъ балагана, гдѣ на балконѣ кувыркались и смѣшили зрителей акробаты.

— Еще бы, ваше сіятельство, — отвѣтилъ Дуга̀новъ: —

только и слышно, прославляютъ новую, славную побѣду Михельсона надъ злодѣемъ.

— Да! разбитъ подъ Магнитною, притомъ какъ счастливо! — улыбнулся князь, обратясь къ племянницамъ: — избавилъ Господь! исчезъ, разсѣянъ безъ слѣда. Ну, да вамъ это не любопытно... Брамбилла и арлекины у васъ въ головѣ.

— Mon oncle! можно ли! развѣ мы не патріотки? — обидѣлась старшая изъ племянницъ, лорнируя публику, тѣснившуюся передъ балаганомъ, гдѣ акробатовъ смѣнили пьеро и коломбина.

— Такъ иди же, голубчикъ, — обратился князь къ Дуга́нову: — всѣмъ говори, — злодѣя, молъ, гонимъ, — скоро и въ конецъ его истребимъ. А тебѣ съ Ѳоминой въ отъѣздъ; барыня извѣстила, будетъ въ имѣніи къ концу Пасхи, она желаетъ быть при ихъ сдачѣ.

Коляска главнокомандующаго двинулась далѣе. Дуга́новъ снова зашелъ за канатъ, ограждавшій пѣшихъ отъ экипажей; но, едва онъ вмѣшался въ толпу, кто-то, слѣдившій за нимъ глазами, пока онъ говорилъ съ княземъ, тронулъ его за плечо. Глѣбъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ высокій и тощій, съ впалыми, блѣдными щеками, морской офицеръ, въ отставномъ мундирѣ.

— Извините, — сказалъ, касаясь шляпы, морякъ: — вы состоите при князѣ?

— Такъ точно.

— Дуга́новъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

Незнакомецъ сильно закашлялся.

— Отойдемъ къ сторонѣ, здѣсь такъ тѣсно, — сказалъ онъ: — у меня къ вамъ личное дѣло. Вчера, какъ пріѣхалъ, я былъ у князя на дежурствѣ, но пріемъ, по поводу праздниковъ, былъ отмѣненъ.

Глѣбъ и морякъ вышли изъ толпы.

XV.

— Въ Петербургѣ, — продолжалъ морякъ: — то-есть, подъ Гатчиной, минувшею зимой, если помните, была охота... и я находился тамъ...

— Охота, дѣйствительно, была, — отвѣтилъ Дугановъ: — но, извините, васъ я не помню.

— Да, мы не видѣлись, — продолжалъ морякъ: — я былъ съ другимъ, съ докторомъ. Спесивцева изволите знать?

— Знаю... онъ раненъ тамъ, — отвѣтилъ Глѣбъ.

Морякъ промолчалъ.

— Живъ онъ? — спросилъ Дугановъ.

— Живъ-то еще живъ, только вотъ что — отвѣтилъ, сдерживая порывы кашля, морякъ: — я, видите ли, мало его знаю, но пришлось тогда спать въ одной комнатѣ... Уѣзжая на охоту, онъ разбудилъ меня и оставилъ мнѣ записку, я спросонья сунулъ ее куда-то и о ней совсѣмъ позабылъ. Охоту проспалъ. О ранѣ доктора услышалъ уже въ Гатчинѣ, когда всѣ туда возвратились, да не до того было самому: слуга въ суетѣ, видно, не притворилъ, какъ слѣдуетъ, двери, или охватило отъ плохо вставленнаго окна, только кашель усилился, пошла кровь горломъ, — ну, и все, какъ слѣдуетъ, — очутился въ гошпиталѣ. Да уже тамъ сунулъ руку въ карманъ шинели, вижу письмо, и на немъ надпись — Дуганову. Какой такой, извините, Дугановъ? Насилу вспомнилъ и то, кто и когда далъ мнѣ это письмо. Хотѣлъ обратиться къ тому доктору, сталъ о немъ разспрашивать, говорятъ, его уже нѣтъ...

— Гдѣ же онъ?

— Чахотка, что ли, развилась у него, отъ раны въ груди, или вообще плохо стало, только тотъ больной богачъ, Тарбѣевъ, у котораго онъ жилъ, взялъ его и увезъ съ собой въ чужіе края.

— Что же съ нимъ теперь?

— А Господь его знаетъ... должно, померъ! рана въ это самое мѣсто, на-вылетъ, — показалъ морякъ на свою тощую впалую грудь: — тутъ, батюшка, запоешь поневолѣ...

Онъ снова закашлялся.

— Какъ же вы узнали обо мнѣ?

— Думаю, докторъ умеръ, а въ письмѣ-то, пожалуй, что нибудь важное. Другъ онъ вамъ?

— Да, мы были знакомы...

— Ну, передъ выходомъ изъ гошпиталя, я и написалъ въ Гатчину, къ управляющему князя Орлова, кто, молъ, такой Дугановъ, что былъ тогда на охотѣ? онъ и отвѣтилъ. Меня посылаютъ въ Кіевъ, на поправку, къ отцу; думаю, буду ѣхать черезъ Москву и лично отдамъ. Вчера васъ не нашелъ, а сегодня — тепло прелесть, не утерпѣлъ — взглянуть

на гулянье,—Богъ и привелъ. Сейчасъ съѣзжу за письмомъ... гдѣ живете?

— Очень вамъ благодаренъ,— отвѣтилъ Глѣбъ:—но зачѣмъ же вамъ безпокоиться? я и самъ къ вамъ заѣду завтра, надняхъ.

— О, нѣтъ, если уже вы сами, такъ ѣдемъ теперь. Я завтра уже въ Кіевъ, нашелъ и попутчика... И что, представьте, странно,—я совсѣмъ здоровъ,—добавилъ морякъ, закашливаясь до синевы лица:—иногда вотъ только еще першитъ; а доктора увѣряютъ, Богъ знаетъ что.

Глѣбъ отыскалъ свою лошадь и поѣхалъ съ морякомъ. Дрожки остановились въ переулкѣ, за Сухаревою башней. Войдя, по черной, узкой лѣстницѣ, на антресоли закоптѣлаго деревяннаго дома, стоявшаго въ глубинѣ двора, наполненнаго извозчиками, неразгруженными возами и всякимъ хламомъ, морякъ отворилъ низенькую дверь и вошелъ въ душную, крошечную комнату.

— Это я у того попутчика, что договорились до Кіева,—сказалъ онъ, въ одышкѣ, опускаясь на стулъ:—блаженный край, солнце, зелень, молоко... ребенкомъ бѣгалъ тамъ... Ну, и признаться, невѣста... это уже родитель приготовилъ. Вы сами, извините, женаты?

— Да, я семейный человѣкъ.

— Великое счастье и нѣтъ выше его!—произнесъ, надрываясь отъ кашля, морякъ:—однако, что же я это балясы точу?

Онъ пересилилъ себя, вытащилъ изъ-подъ кровати чемоданъ, досталъ изъ него свертокъ бумагъ и, порывшись въ немъ, подалъ Глѣбу смятое, съ полусломанною печатью, письмо.

— Извините,—сказалъ онъ:—долго вездѣ таскалъ его, ну и примаралъ.

Глѣбъ узналъ руку Спесивцева. Поблагодаривъ моряка и пожелавъ ему счастливаго пути и скораго выздоровленія, онъ вышелъ за ворота, сѣлъ на дрожки, вскрылъ письмо и прочелъ слѣдующее:—«Вы меня вызвали на поединокъ,—писалъ Спесивцевъ:—такъ тому и быть; я принялъ вашъ необычный вызовъ. Черезъ часъ, черезъ два, раздадутся два выстрѣла, и одного изъ насъ, какъ надо полагать, не станетъ на свѣтѣ. Оставить безумное рѣшеніе, образумить васъ,—я не въ силахъ, да и къ чему? Избранный вами способъ и предлогъ къ этой раздѣлкѣ останутся тайной для всѣхъ. Если погибнуть суждено вамъ, клянусь въ эту минуту,

я всю жизнь буду о томъ жалѣть. Шевельнется ли, однако, въ васъ сожалѣніе, если погибну я, не думаю. Но есть еще одно существо — ваша жена. Слышалъ я и скорбѣлъ, — вы съ нею разошлись. Зная васъ, думаю, что этотъ разрывъ не шуточный; вы порвали душевныя связи навсегда. Но правы ли вы? Становясь подъ вашу пулю, рискуя съ разсвѣтомъ умереть, я рѣшилъ не себя оправдывать, а сказать вамъ: вы преступникъ передъ вашею женой. Да, да! и вы это узнаете, если я не останусь въ живыхъ и не возьму обратно у случайнаго своего сосѣда этихъ своихъ строкъ. Жертва недостойной ревности, либо злонамѣренной клеветы, вы не задумались бросить и тѣмъ заклеймить передъ свѣтомъ любящее, безгранично вамъ преданное, существо. Знайте же, злой, ослѣпленный ревнивецъ: ваша жена, клянусь, неповинна передъ вами. Она достойна одного—глубокаго, безмѣрнаго вашего уваженія. За нее некому отомстить. Вашъ вызовъ принимаю, какъ возмездіе вамъ. И если *мнѣ* суждена смерть, охотно прощаю васъ, моего убійцу. За меня, праваго передъ вами, и за вашу неповинную передъ вами жену воздастъ вамъ ваша совѣсть! Клянусь, говорю въ этотъ мигъ святую истину.—*З. Спес—въ*».

«Да что̀ же это такое? — мысленно воскликнулъ Дуга̀новъ, дочитавъ письмо, — или новый обманъ? Нѣтъ, онъ писалъ это, готовясь умереть. Но ея письма къ нему? въ нихъ говорилось другое... Тамъ прямо, безповоротно сказаны страшныя, позорныя слова»... — Рой мучительныхъ сомнѣній, съ новою силою, поднялся въ душѣ Глѣба, терзалъ и жегъ его. Онъ понукалъ кучера, глядя на прохожихъ, на вывѣски и дома, и не узнавалъ, гдѣ онъ ѣдетъ.

Очутившись у своего крыльца, Глѣбъ быстро прошелъ въ сѣни, въ кабинетъ, открылъ потайной ящикъ рабочаго стола, гдѣ лежала пачка, угрозой когда-то вытребованныхъ у Спесивцева, писемъ Маріи. Онъ, задыхаясь отъ волненія, дрожащими руками сорвалъ ленточку, которою они были связаны, сѣлъ къ окну и снова сталъ ихъ читать. Прочелъ одно, другое и отшатнулся на спинку кресла. Комната заходила въ его глазахъ. Онъ опять сталъ перечитывать письма и не узнавалъ ихъ. То, что̀ когда-то, подъ вліяніемъ подозрѣній, казалось постыдною измѣной, преступленіемъ, теперь являлось въ другомъ видѣ; что̀ тогда раздражало, мучило и жгло его, было теперь такъ просто и такъ

объяснимо. Любящая мать молила доктора, въ котораго вѣрила, о спасеніи сына; подразумѣвая мужа, выражалась этому доктору «нашъ сынъ», то-есть, сынъ ея и мужа. Гдѣ же тутъ измѣна, гдѣ явныя, проклятыя улики, гдѣ оправданіе жестокой семейной бѣды.

«О, я, безумный, злой слѣпецъ!»—воскликнулъ Дугановъ, хватаясь за голову. Онъ рвалъ на себѣ волосы, глядѣлъ на письма и силился сообразить, что̀ именно, въ тѣ безобразныя, тяжелыя минуты, произошло между нимъ и его женой. Забытая сцена вспоминалась ему до мелочей.—Ты хочешь знать, злой человѣкъ,—сказала тогда Мари̂:—виновата ли я? изволь, узнай... ты самъ это сказалъ!—Глѣбъ вскочилъ съ кресла, сталъ ходить по комнатѣ.—«Ясно, ясно,—повторялъ онъ себѣ:—это она, огорченная, несправедливо обиженная, такъ говорила отъ отчаянія, въ отместку! О, все теперь понятно—и мое нравственное передъ нею ничтожество, и ея душевная непорочность и чистота! Какъ теперь поправить дѣло? какъ воротить потерянное счастье? Проститъ ли она?»

Глѣбъ прошелъ рядъ комнатъ и повернулъ ключъ въ дверяхъ уборной. Ключъ звонко щелкнулъ въ тишинѣ. Глѣбъ вошелъ въ уборную, поднялъ опущенную оконную штору, сдернулъ кисею съ портрета жены и сѣлъ передъ нимъ. Заходящее солнце золотило миловидное лицо, съ розой въ свѣтло-пепельныхъ волосахъ. Большіе голубые глаза привѣтливо и ласково смотрѣли съ этого портрета. Глѣбъ не помнилъ, гдѣ онъ и что̀ съ нимъ. Радостныя, горячія слезы текли по его лицу... «Она великодушнѣе, чище меня,—говорилъ онъ себѣ:—она все забудетъ, все проститъ! Злой я, сухой, это правда, и не стою этой дивной, безконечной доброты... Но,—если все забудется,—Боже, какъ я буду снова лелѣять ее и любить!»

Въ началѣ апрѣля, Травкинъ рано утромъ пріѣхалъ въ Горки. Торопливо освѣдомясь въ прихожей, гдѣ господа, и узнавъ, что всѣ были внизу, за чаемъ, онъ, не снимая верхняго платья, быстро прошелъ туда и, въ волненіи, замеръ на порогѣ. Всѣ съ изумленіемъ взглянули на него.

— Ура!—крикнулъ онъ, не помня себя и отъ радости размахивая шляпой:—ура!

— Да говорите, что̀ такое?—спросили его.

— Ура! Пугачовъ разбитъ,—кричалъ и махалъ шляпой Травкинъ: — поздравляю, Оренбургъ спасенъ отъ осады... спасены и мы всѣ!

Крики общаго восторга встрѣтили эту радостную вѣсть. Всѣ бросились обнимать и цѣловать ликующаго старика.

— Кто сообщилъ? гдѣ узнали? да говорите же скорѣе!— приставали къ нему и тормошили его.

— Дайте отдохнуть, уфъ! — отвѣтилъ онъ, опускаясь въ изнеможеніи на стулъ и обмахизаясь платкомъ: — верхомъ прискакалъ... Одно вѣрно и точно: злодѣй разбитъ и бѣжалъ, въ самый день Благовѣщенія... вотъ ужъ именно благая вѣсть,—праздникъ изъ праздниковъ, чудо!

— Да откуда же, не мучьте, вы это узнали?

— Изъ Саратова, родные мои, изъ города, становой нынче, чуть разсвѣло, промчался мимо меня; встрѣтились мы съ нимъ подъ садомъ, у мельницы,—сукновальню это я пустилъ, — онъ все и объяснилъ... Къ губернатору вчера утромъ гонецъ прискакалъ изъ Оренбурга... Охъ, не могу, соколики, духъ замираетъ, дайте отдохнуть... А вѣдь Сергѣй-то вашъ,—обратился Сила Ѳомичъ къ Алексѣю:—раньше пронюхалъ; говорю моимъ на мельницѣ, а они, — знаемъ, молъ, вчера еще Серёжка дуга̀новскій сказывалъ, не устояли казаки, за горы ушли.

— Какъ Сергѣй? да развѣ онъ возвратился?—съ удивленіемъ спросили Алексѣй и Марѝ.

Травкинъ недоумѣвающимъ взглядомъ окинулъ присутствующихъ.

— Но развѣ вы не знаете? — произнесъ онъ: — Сергѣй, возвращаясь изъ Свiблова, шелъ вчера вечеромъ отъ Саратова пѣшій, притомился и отдыхалъ у насъ на сукновальнѣ... Да неужели его еще нѣтъ?

Послали справиться. Оказалось, что Сергѣй возвратился еще къ ночи, но ждалъ у ключника, пока господа кончатъ чай.

— Сюда его, сюда!—приказали хозяева.

Сергѣй вошелъ, низко всѣмъ поклонился и подалъ Марѝ письмо. При взглядѣ на его огрубѣлое, обросшее бородой лицо и на потертый дорожный зипунъ, трудно было узнать его. Онъ походилъ теперь скорѣе на рыбака или хлѣбнаго ключника, чѣмъ на недавняго столичнаго слугу, и держался тоже не по прежнему, а какъ-то понуро и мужицки-тупо.— «Отъ болѣзни»—подумала, взглянувъ на него, Марѝ.

— Что̀ тетушка?—спросила она, прочитавъ поданное ей письмо.

— Здоровы-съ, кланяются вамъ, сударыня, и всѣмъ, и просятъ къ себѣ.

— Гдѣ же ты такъ долго пропадалъ?—спросилъ, вглядываясь въ него, Алексѣй.

— Еще бы, судьба-съ! всю зиму, почитай, хворый пролежалъ на печи,—отвѣтилъ Сергѣй, не поднимая глазъ:—ознобился, полагать надо; думалъ—пришелъ смертный часъ.

Онъ, заложа руки за спину, тихо вздохнулъ.

— Разскажи-ка, милый, — обратился къ нему Травкинъ:—какъ это ты, говорятъ, слышалъ насчетъ самозванца? вѣдь его разбили? правда, вѣдь, прогнали Пугачова? онъ бѣжалъ?

Сергѣй молча глянулъ на господъ.

— Это точно-съ, въ Саратовѣ, на постояломъ, у Давыдыча, и на базарѣ сказывали,—отвѣтилъ онъ, переступивъ съ ноги на ногу:—будто онъ и все казачество отступили... А въ Свиблово, тоже правда-съ, приходили съ Бѣлой мужички; ну, они толковали вовсе иное... Жить — Богу служить... а кто велій-съ яко Богъ?

— Ну, оставь поговорки; что̀ же именно они говорили?—спросилъ, впиваясь глазами въ слугу, Травкинъ.

Сергѣй посмотрѣлъ на свои сапоги.

— Разное слышно, а главное, будто у него уже сто двадцать тысячъ войска и сто пушекъ.

— Ну, и что̀ же изъ того? — спросилъ, привскочивъ, Травкинъ:—и все-таки его разбили!

— Разное толкуютъ,—загадочно отвѣтилъ Сергѣй:—другъ по другѣ-съ, а Богъ, значитъ, по всѣхъ.

— Иди себѣ, иди, отдыхай,—сказала Мари.

— Да эту бороду свою соскобли,—прибавилъ Алексѣй.

Сергѣй пошелъ, но остановился у порога.

— Монашка тоже одинъ сказывалъ,—прибавилъ онъ:—будто его, Пугачова-то, и пули не берутъ, ружья въ него не стрѣляютъ... Безъ Бога-то, видно, и червякъ сгложетъ...

— Да уходи же, полно пустяки-то болтать,—съ сердцемъ крикнулъ Алексѣй:—вотъ, дуралей, наслушался вранья.

Сергѣй вышелъ. Всѣ нѣкоторое время, по уходѣ его, молчали.

XVI.

— А что̀, господа?—произнесъ Травкинъ:—вѣдь, мы главное забыли... не послать ли за отцомъ Василіемъ, да не отслужить ли благодарственный молебенъ?

— И правда! именно!—отозвались всѣ.

Дали знать священнику. Онъ послалъ звонить и отперъ церковь. Всѣ радостно и торжественно направились туда. Молча подошли молельщики и изъ деревни. Алексѣй объявилъ всѣмъ радостную вѣсть и, послѣ молебна, подозвавъ старосту, приказалъ все село на три дня избавить отъ работъ. Къ вечеру и на другой день стали съѣзжаться сосѣди. Всѣ толковали о счастливомъ событіи, передавали много подробностей и пророчили близкій конецъ бунту и смутамъ. Время катилось незамѣтно. А тутъ, кстати, настали теплые, ясные, безоблачные дни. Весна вдругъ разыгралась со всѣми своими прелестями.

Марі̀, получивъ письмо отъ тетки, думала было, черезъ день—два, укладываться и ѣхать въ Свѝблово. Убѣждаемая хозяевами Горокъ, она рѣшила, однако, остаться еще на время въ Горкахъ. Серафима и Алексѣй, еще съ осени, предполагали совершить поѣздку къ крестной матери Серафимы, къ Варварѣ Ивановнѣ Туровцо̀вой, въ ея помѣстье подъ Казанью, Красный-Кутъ. Туровцо̀ва въ каждомъ письмѣ напоминала объ ихъ обѣщаніи. Въ виду прибытія Марі̀, они рѣшили навѣстить ее съ дѣтьми, ко дню ея рожденія, въ началѣ іюля.—«Мы отправимся въ Красный-Кутъ,—убѣждала Серафима Марі̀:—тогда и ты съѣздишь въ Свѝблово; а теперь погости еще, дорогая, пробудь съ нами». — Мари согласилась. Да ей, кстати, было здѣсь такъ хорошо. Погода стояла превосходная. Всюду начинала проявляться зелень и луговины запестрѣли цвѣтами. Еще непокрывшійся листьями садъ наполнился птицами. Толкаясь между оголённыхъ вѣтвей жимолости и сирени, скворцы, малиновки, сѣрые и черные дрозды вили гнѣзда въ незримыхъ затишьяхъ. Звонкою свирѣлью отзывалась зелено-желтая иволга, взлетая и ныряя между зацвѣтавшихъ яблонь и грушъ. По мшистой, корявой березѣ, отыскивая ожившихъ червей, прыгалъ и долбилъ носомъ дятелъ, то складывая, то распуская вѣеромъ свой хохолокъ. Съ вершины могучаго, еще безлистаго дуба, на всѣ садовые заросли и тайники куко-

вала кукушка, и съ утра до ночи въ нижнемъ, а частью и въ верхнемъ саду гремѣли соловьи.

— Ахъ, Серафимочка, какъ у васъ здѣсь хорошо!—вскрикивала Мари, вслушиваясь въ эти свисты и крики:—хорошо и въ Ракитномъ; но тамъ степь, мало воды, а здѣсь, эта Волга...

Накинувъ на голову косынку, Мари, безъ мантильи, выходила съ Серафимой на просохшія аллеи верхняго сада и спускалась, по набитой щебнемъ дорожкѣ, къ обрыву надъ рѣкой.

— Смотри, какая прелесть! — указывала она на синіе подснѣжники и желтые одуванчики, выглядывавшіе изъ-подъ старыхъ листьевъ и мха: — вотъ восторгъ... А воздухъ... такъ и опьяняетъ, — а этотъ видъ отсюда... Волга, бѣгущія суда...

Присѣвъ на дерновую скамью, Мари по часамъ любовалась широкимъ разливомъ Волги, подошедшей къ Горкамъ и далеко затопившей противоположные, синѣющіе берега.

— Что̀ это?—спрашивала она, указывая Серафимѣ чуть видныя точки за рѣкой.

— Прямо—рыбацкая слободка,—отвѣчала Серафима:—вправо, видишь маковку церкви?—то на холмѣ монастырь.

— А это будто лѣсъ, или горы?

Серафима объясняла. Мари едва слушала.

Ея мысли носились далеко.

«Все обняла и все потопила могучая рѣка,—думала она,—нѣтъ другимъ мѣста, одна она. Но пригрѣетъ солнце, воды спадутъ, обсохнутъ берега... Горе людское злѣе; оно неукротимо, топитъ все на пути и не отступаетъ...» — Вспомнилось Мари недавнее прошлое, жизнь въ Ракитномъ, ожиданіе мужа, встрѣча съ нимъ, возвратъ изъ Ракитнаго и тихая, радостная жизнь въ Москвѣ. Гдѣ же все это теперь? Откуда взялся страшный и грозный потокъ и куда онъ унесъ всѣ эти радости, все счастье?—«О, этому горю, одиночеству не будетъ конца!»—мыслила она:—«счастье, какъ молодость, приходитъ разъ въ жизни и больше не повторяется».

— О чемъ думаешь?—спрашивала ее, въ такія минуты, Серафима.

— Такъ, вспомнила, что давно пора ѣхать въ Свиблово... да вотъ кончится половодье, просохнутъ дороги, тогда и въ путь.

— Полно, Машенька, выкинь эти мысли изъ головы, оставайся у насъ, іюнь не за горами... тогда разомъ и уѣдемъ.

— Ахъ, дорогіе мои, не то,—отвѣчала Мари̂, утирая катившіяся слезы:—не то въ мысляхъ... Правъ былъ великій писатель, изъ котораго читалъ Сила Ѳомичъ:—нѣтъ полнаго счастья на землѣ, оно только поманитъ и скроется; ищешь его и видишь — оно уже не здѣсь, а въ загробной жизни, въ небесахъ.

— Да полно отчаяваться,—утѣшала ее Серафима:—всякому горю бываетъ конецъ... посуди сама, ты молода, безупречна. То, что̂ совершилось, какой-то странный, невѣроятный сонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня, ни слова!—отвѣчала Мари̂:—донесу крестъ до гроба, а счастья не воротить.

Въ такія минуты Серафима смолкала и незамѣтно оставляла Мари̂.

«Пусть выплачетъ подступившія слезы», думала она, возвращаясь въ домъ. Проходилъ часъ-другой. У балкона мелькала кисейная косынка. Мари̂ медленно всходила на крыльцо. Вскорѣ, изъ раскрытаго въ садъ окна ея комнаты, доносились звуки клавикордовъ. Тихая и нѣжная мелодія народной итальянской канцонѐты переходила въ бурную фугу Баха и завершалась страстною, точно плачущею, серенадой Моцарта.

— Старается успокоиться, бѣдная! — говорила Серафима мужу, указывая на комнату Мари̂:—ужъ я ей и то, и другое, толкуетъ одно—горе мое безъ конца! Не ожидала я и отъ Глѣба... Ты знаешь ихъ размолвку; вѣдь чистые пустяки; какъ молчать столько времени? не говорю о насъ, о женѣ, хоть бы о ребенкѣ ласково вспомнилъ... написалъ два раза по пяти строкъ, да и то—словно на казенный запросъ отвѣтилъ.

— Да, онъ упоренъ и не по лѣтамъ суровъ,—отвѣтилъ, почему-то краснѣя, Алексѣй:—бываютъ такія натуры. И это не зло и не черствость души; скорѣе—чрезмѣрное самолюбіе, мнительность.

Серафима нѣжно, съ любовью, слушала мнѣніе этого огромнаго, со всклоченною головой, человѣка, близорукими глазами смущенно глядѣвшаго въ это время въ раскрытую передъ нимъ книгу, и думала: «такъ, милый, добрый, такъ! ты великодушно, честно простилъ когда-то меня... Все ли

способны быть такимъ возвышеннымъ и прощающимъ, какъ ты?»

Садъ окончательно зазеленѣлъ. Старыя липовыя и березовыя аллеи стемнѣли. Мари̂ брала зонтикъ и книгу и ходила на любимую лужайку, надъ спускомъ въ нижній садъ; здѣсь она ежедневно сидѣла, читая и любуясь выходившими изъ воды полянами и холмами зарѣчной, луговой стороны. Тамъ теперь ясно виднѣлись очертанія пристаней, овраговъ и лѣсовъ. Серебристо-голубыми лентами между луговъ извивались еще полные весеннихъ водъ ручьи и озера. У берега и по окрестнымъ холмамъ паслись стада. Сѣрые дымки, пророча долгое вёдро, медленно поднимались надъ чуть видными посёлками. Съ плывущихъ на Волгѣ барокъ доносились пѣсни и крики рабочихъ, сплавлявшихъ лѣсъ и хлѣбъ на низъ.

Однажды Мари̂, кончивъ чтеніе, съ книгой подъ мышкой, медленно возвращалась по саду домой. Вечерѣло. Въ росистомъ, тепломъ воздухѣ пахло отцвѣтавшей въ то время сиренью. Соловьи перекликались со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ нихъ, въ концѣ верхняго сада, пѣлъ особенно восхитительно. Мари̂, остановясь, послушала его и рѣшила подойти къ нему ближе. Она, осторожнымъ шагомъ, миновала одну дорожку, другую. Плодовый садъ смѣнился рощей дикихъ деревьевъ, растущихъ на его краю. Пройдя по мосту черезъ ручей, отдѣлявшій садъ отъ рощи, Мари̂ взяла вправо и очутилась у остатковъ ветхой изгороди, окружавшей поляну, гдѣ когда-то стоялъ пчельникъ. Это мѣсто теперь было заброшено и заросло кустами, крапивой и лопухомъ. Дорога отъ моста въ рощу шла лѣвѣе. Соловей, такъ чудно гремѣвшій здѣсь гдѣ-то, за минуту назадъ, смолкъ, очевидно, перелетѣвъ въ другое мѣсто. Мари̂ остановилась, глядя на этотъ дикій, пустынный уголъ, и невольно вздрогнула. Въ гущинѣ кустовъ, за изгородью, ей послышался странный шорохъ, какъ бы кто-нибудь рылъ и тихо отбрасывалъ землю. Мари̂ замерла. — «Вѣрно собака роется за кротомъ, — подумала она, слушая, — а что̀, если не собака, а волкъ? здѣсь, можетъ-быть, его нора...» — Она уже хотѣла опрометью бѣжать обратно, какъ явственно разслышала вздохъ и чьи-то слова. Она обошла кусты, за которыми слышался шорохъ, и увидѣла бѣлую шапку и худыя плечи кого-то, согнувшагося у изгороди надъ травой. Мари̂ узнала стараго кучера Корнея,

давно жившаго, при горецкой усадьбѣ, на покоѣ. Возлѣ него, кроясь за кустомъ, стояла сѣдая, сгорбленная старуха. Двинувшись къ изгороди, Мари въ этой старухѣ узнала хворавшую въ теченіе всей зимы, тоже отставную, птичницу Дарью, жену Корнея. Она ласково окликнула ихъ.

— Что вы это копаете?—спросила Мари, подходя къ нимъ.

— Ой, какъ вы, барыня-матушка, испугали насъ,—отвѣтила Дарья, крестясь и опуская какой то узелъ въ траву.

Корней, снявъ шапку, смущенно почесывалъ въ бородѣ.

— Зелье какое или грибы?—спросила Мари.

— Какое зелье! а грибамъ время ли?—отвѣтилъ Корней:—не выдай, матушка-сударыня, добро свое закапываемъ.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ, барыня ты наша хорошая? антихристъ народился; сколько губитъ, калѣчитъ и грабитъ неповинныхъ душъ! Былъ въ оны годы, сказываютъ, сто лѣтъ назадъ, въ тутошнихъ мѣстахъ душегубъ-разбойникъ, Стенька Разинъ, — тоже всѣхъ истязалъ. Да вѣдь на то онъ и былъ разбойникъ, бурлакъ, по-разбойничьи и жилъ. А вѣдь этотъ, спаси, Господи, и помилуй, эко дѣло затѣялъ, царское имя на себя взялъ... не по просту жить хочетъ. Ему все мало, все подай.

— Что же, Корней, его бояться? слышно, его уже разбили, прогнали за горы, за Уралъ.

— Не разобьютъ такого, болѣзная, и не прогонятъ,—отвѣтилъ, покачавъ головою, Корней:—онъ по всему царству тайно ходилъ, все развѣдывалъ; бѣлый да черный порохъ дѣлалъ... черный бы еще ничего, у солдатъ есть, а бѣлый, сказываютъ, тайно палитъ, а огня не даётъ.

Мари улыбнулась.

— Не смѣйтесь, барыня, — укоризненно сказалъ Корней, глянувъ на Дарью: — въ него и пушки не стрѣляютъ; это наведутъ на него, фитиль къ затравкѣ приложатъ, а бонба хоть вылетитъ, да къ ногамъ, какъ яичко, и прикатится!

— Полно, Корней, это все глупыя росказни, нарочно сбиваютъ народъ.

— Не нарочно... Не токмо мы, рабы, многіе господа и попы уже признали его, крестъ ему цѣлуютъ, а на ектеніяхъ, не царицу нашу, Катерину Ликсѣвну, а уже супружницу его, какую-то, прости, Господи, Устинью поминаютъ.

— Откуда ты все это знаешь?—удивилась Марѝ.

Корней опять глянулъ на Дарью; та сердито отвернулась.

— Какъ не знать? оно точно, мы тутъ сидимъ, какъ въ норѣ, — отвѣтилъ старикъ: — а спросите хоть Сергѣя; онъ былъ въ людяхъ и наслышался. И сказываетъ всѣмъ тотъ Пугачъ: разорю и покорю — не токмо Яикъ и Каму, всю Волгу; пойду къ Москвѣ, какъ глава къ главѣ, и всѣ ко главѣ моей преклонятся и мнѣ присягнутъ. Охъ, матушка, явится злодѣй, антихристъ, и въ нашихъ мѣстахъ... Какъ не бояться и не хоронить добра? Только ты-то, барыня, никому не сказывай.

— Не губи, милостивая,—обратилась къ Марѝ и Дарья, кланяясь ей въ поясъ:—всяко бываетъ; хорони до случнòго часа, свои пожитки, добро.

XVII.

Задумалась Марья Родіоновна надъ тѣмъ, что̀ увидѣла и услышала, и до времени рѣшила объ этомъ помолчать. А дня черезъ два увидѣла, что и другіе слуги, въ сумерки, тайкомъ уходили съ узлами въ рощу и на деревню, съ цѣлью, очевидно, припрятать болѣе цѣнныя вещи. Примѣтила она, наконецъ, что и Сысоевна, долго засидѣвшись за чаемъ, въ каморкѣ ключницы, прійдя отъ нея, стала какъ-то особенно внимательно копаться въ хламѣ своего дорожнаго сундука. Она отбирала и откладывала изъ него въ особый свертокъ разныя вещи: два шерстяныхъ, праздничныхъ цвѣтныхъ платка, шелковое платье, свадебный подарокъ матери Глѣба, парадный кисейный чепецъ, съ оборками и бархатною лентой, мѣшочекъ ладану, которымъ она любила въ праздники курить, и складной походный образокъ.

— Что̀ это, няня, ты дѣлаешь? — спросила Марѝ, входя въ дѣтскую.

Сысоевна тяжело вздохнула и, продолжая копаться, ничего не отвѣтила.

— Развѣ и ты собираешься что̀ прятать?—спросила Марѝ.

Старуха обернулась.

— А ты, матушка, думаешь, — сердито отвѣтила она:— что такъ-то имъ, извергамъ, и оставлять на показъ всѣ наши похорòнки, какъ сюда налетятъ?

— Да неужели, няня, ты думаешь, что злодѣи могутъ явиться и въ эти мѣста? Такая, во-первыхъ, даль, а они бѣжали еще за семьсотъ верстъ отъ Оренбурга, въ Башки-

рію, и во-вторыхъ, чтобы добраться сюда, имъ надо вновь пройти мимо крѣпостей, гдѣ уже ихъ разбили и куда посланы новыя войска.

— Эхъ, матушка, птенчикъ ты молодой,—отвѣтила старуха, прикрывъ сундукъ и присѣвъ на него: — тутошніе старики не то говорятъ; есть промежъ ихъ вонъ какіе древніе, хоть бы Романъ Сухдня, или охотника Пармёна дѣдъ, по сту лѣтъ и болѣе живутъ. Они царя перваго Петра видѣли и помнятъ, а отъ отцовъ - дѣдовъ слышали о Разинѣ. Тотъ, сказываютъ, леталъ по низу, какъ черный воронъ, падалью не брезгалъ; этотъ же летаетъ высоко, какъ орелъ. Тотъ грабилъ барки, да купцовъ, по-мужицки жилъ; этотъ норовитъ — на царство сѣсть. Ты пойми, матушка: съ чего ему, царю-то мужику, надо было начать? — спросила Сысоевна, понизивъ голосъ и оглядываясь:—разсуди сама... Онъ объявилъ черни, всѣмъ мужикамъ — не быть за помѣщиками, не быть за монастырями, дворцами и казной, а всѣмъ стать вольными. А черни того и надо. Стали убивать старостъ, приказчиковъ, а нынѣ, прости, Боже, и господъ!..

— И, няня! бываютъ тяжкія времена, да милостивъ Богъ... Будемъ молиться; бунтъ, слышно, совсѣмъ затихъ. Воевода на-дняхъ самому Алексѣю Андреичу сказалъ,—нечего молъ, болѣе, бояться, отъ злодѣевъ не осталось и слѣда.

— Дай-то, Господи,—раздумчиво крестясь и опять раскрывая сундукъ, сказала старуха:—а я, все-таки, подарки твои и твоей свекрови отъ тѣхъ убивцевъ схороню, гдѣ знаю... Да и тебѣ совѣтую, не ровенъ часъ, припрятать, что подороже,—алмазныя серьги,—зачѣмъ ихъ носишь, по всякъ день? колечки, зѐньчугъ, да хоть и Васенькинъ, отъ бабушки, золотой, съ бирюзами, крестикъ. Хоть и ѣхать намъ въ Свйблово, на дорогѣ могутъ отнять.

Марй задумалась отъ этихъ словъ.

— Гдѣ же тутъ спрятать?—спросила она.

— Отдай отцу Василію; онъ Богу служитъ, его не тронутъ, въ церковной оградѣ, полагать надо, и для душегуба святъ человѣкъ.

— Охъ, няня, такъ ли это? впрочемъ, подумаю, — отвѣтила Марй.

Вспомнивъ о Сергѣѣ, она выбрала минуту и рѣшила разспросить его подробнѣе. Но на всѣ ея вопросы, сбрившій

бороду и попрежнему служившій въ домѣ, Сергѣй отвѣчалъ одно: «Что̀ намъ, сударыня, знать! мы люди темные, темныхъ и слушали... мало ли что толкуютъ!» Такъ Марѝ и не добилась отъ него никакихъ разъясненій. Но какъ она ни была убѣждена въ томъ, что никакія опасности въ то время болѣе не грозили Поволжью вообще, а Горкамъ въ особенности, однако, передъ отъѣздомъ въ Свѝблово, нѣкоторыя свои цѣнныя вещи оставила на храненіе отцу Василію.

Выѣздъ хозяевъ въ Красный-Кутъ, а гостьи въ Свиблово назначался и отмѣнялся нѣсколько разъ подъ-рядъ. Все уже оказывалось вынесеннымъ и уложеннымъ; слуги ждали и запряженные экипажи стояли у крыльца, но вдругъ являлась какая-нибудь нежданная преграда,—не удавались пирожки на дорогу, во̀-время не просохло и не было, какъ слѣдуетъ, выглажено все бѣлье дамъ и дѣтей, или кто-либо изъ множества слугъ, на прощанье, оказывался до того пьянъ, что боялись обронить его на пути,—и опять лошади отпрягались, путники, уже одѣтые, снова входили въ комнаты, и отъѣздъ отлагался. Наконецъ, выбрали самый удобный день, — не понедѣльникъ, не среду и не пятницу, но вторникъ, — и рѣшили, уже безъ всякой отмѣны, пуститься въ дорогу въ этотъ день.

Путниковъ, по обычаю, собрались провожать многіе сосѣди. Весь дворъ въ Горкахъ, съ утра, наполнился экипажами. Ранѣе всѣхъ, разумѣется, явился Травкинъ, съ своимъ племянникомъ, Бо̀рей. Пріѣхалъ и Лаптевъ, съ дочерьми и скрипкой. Отслужили напутственный молебенъ. Послѣ завтрака, когда экипажи стояли у крыльца и слуги сносили въ нихъ послѣдніе укладки, ящики, свертки и узлы, Марѝ присѣла за клавикорды, а Серафима, подъ ея игру, спѣла арію изъ Антигоны: «Впередъ, проводникъ, впередъ!»— Сила Ѳомичъ схватилъ изъ передней привезенный имъ футляръ съ віолончелью, Лаптевъ принесъ скрипку, Борисъ взялъ флейту и проводы завершились квинтѐтомъ Буккерини.

Алексѣй приказалъ подать венгерскаго, налилъ бокалы и самъ ихъ разнесъ. Всѣ пили, желая отъѣзжающимъ счастливаго пути и скораго, благополучнаго возвращенія. Пили также за находившихся въ Ракитномъ, Красномъ-Кутѣ и Свибловѣ. Алексѣй вспомнилъ о Москвѣ и предложилъ выпить за здоровье Глѣба. Онъ взглянулъ на Марѝ: у нея слезы стояли въ глазахъ.

— А ну, Сила Ѳомичъ, веселенькую!—обратился онъ къ Травкину, указавъ ему на Марй.

Старикъ не заставилъ долго ждать себя. Онъ подошелъ къ крестнику, оправилъ на немъ коричневый шерстяной камзольчикъ, откинулъ ему кудри за уши, шепнулъ: «Ну, Боря, не осрамись... Варварушка!»—и, шевеля плечами и подмигивая ему и своей втôрѣ, Лаптеву, сталъ пиликать на віолончели нѣчто веселое и подхватывающее. Боря уставилъ руки фертомъ въ бока, вытянулся, сдѣлалъ нѣсколько тихихъ и плавныхъ движеній, живо метнулъ въ воздухъ одною ногою, потомъ другою, поднесъ флейту къ губамъ, проигралъ на ней отвѣтную трель и, взявшись снова подъ бока, ухарски взглянулъ на дядю. Согнувшійся надъ пузатою віолончелью, Травкинъ быстрѣе задвигалъ смычкомъ по струнамъ и, продолжая шевелить плечами, отвернулся въ сторону. Въ комнатѣ послышался звукъ пріятнаго, нѣжнаго, хотя нѣсколько дрожавшаго баритона. Марй, съ удивленіемъ, оглянулась, не зная, чей это голосъ. Пѣлъ старикъ Травкинъ...

«Сударушка, Варвáрушка,
Не гнѣвайся на меня,
Что я не былъ у тебя...»

Боря, подъ это пѣніе, зачастилъ ногами, пронесся волчкомъ въ одинъ конецъ комнаты, потомъ въ другой и, въ самомъ разгарѣ музыки, вновь замирая на мѣстѣ, взглядывалъ на дядю и ждалъ. А дядя, еще ниже сгибаясь надъ віолончелью и подмигивая не только Борѣ и Лаптеву, но и всѣмъ остальнымъ, подхватывалъ:

«Сударь, баринъ, приходи,
Подарочки приноси —
Подарочекъ не простой,
Перстенечекъ золотой».

— Браво, браво!—раздались восторженные возгласы, когда Боря кончилъ.

Изъ коридора и прихожей выглядывали радостныя лица слугъ, шептавшихъ: «ай да молодецъ, барченокъ! вотъ такъ отхваталъ Варвáрушку!»

— Да какой же у васъ и голосъ пріятный,—повоселѣвъ, обратилась Марй къ Травкину, скромно принимавшему общія похвалы себѣ и Борѣ: — ужъ вотъ подарили, и не ожидала!

— Э, да ты многаго еще въ немъ не знаешь,—улыбался Алексѣй:—онъ и самъ лихо пляшетъ.

Всѣ окружили Травкина, прося и его на прощаньѣ протанцовать.

— Нѣтъ ужъ, други мои, нѣтъ, — отговаривался Сила Ѳомичъ, утирая платкомъ лысину и лицо: — не теперь, въ другой разъ, какъ всѣ вернетесь. А вамъ, скажу, пора и ѣхать. Вонъ солнце зашло за облако; еще сберутся тучи, не быть бы грозѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, какъ потемнѣло!—сказала Нинѐтъ, ѣхавшая въ Свиблово, съ Маріи, и сильно боявшаяся грозы:— лошади готовы, ѣдемъ.

Всѣ взглянули на окна. На дворѣ, дѣйствительно, какъ бы померкло.

— А что, не остаться ли намъ до завтра?—вдругъ сказала, посмотрѣвъ на мужа, Серафима.

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричали всѣ: — все уже вынесено и уложено... Легкій день и при томъ сѣренькая, нежаркая погода.

— А ѣхать, дѣйствительно, такъ и ѣхать, — объявилъ, наконецъ, Алексѣй: — что, все готово? — обратился онъ къ слугамъ.

— Все-съ,—отвѣтили тѣ съ порога.

Хозяева и гости сѣли по стульямъ, помолчали и, вставъ и крестясь, начали прощаться. — «Не забыли ли чего?»— «Все взято и вынесено». — Путники вышли на крыльцо и стали снова прощаться.

— Да что же мы,—улыбнулась золовкѣ Серафима:—вѣдь до города намъ всѣмъ одинъ путь.

И дѣйствительно, до Саратова всѣ ѣхали вмѣстѣ. Далѣе ихъ пути расходились. Пока экипажи миновали деревню и выбрались въ поле, грозы не было. Изъ надвинувшихся тучъ упало только нѣсколько капель дождя. Но едва путники, поднявшись въ гору, выѣхали на почтовый трактъ, шедшій по берегу Волги, подулъ свѣжій, порывистый вѣтеръ, на дорогѣ поднялись и закружились столбы пыли, ударилъ громъ, и обильный дождь косымъ ливнемъ зачастилъ и загудѣлъ надъ полями.

— Благодать! счастье! дорогу смочилъ! — весело толковали путники, прячась подъ кузовами каретъ, колясокъ и бричекъ.

— Подвинь-ка ноги, тѣсно,—сказалъ Сергѣй горничной Аннушкѣ, сидя съ нею подъ синимъ холщевымъ зонтомъ, сзади кареты Марі̀.

— Самъ, чортъ, лапища разставилъ, а тоже командуетъ,— сердито огрызнулась Аннушка, видя, что дождь мочитъ ея новое, розовое, тарлатановое платье.

— Не командую... другой надъ нами командиръ!

— Какой это еще другой?

— Не видишь, развѣ, ливня, грозы? Откуда все взялось? царя нашего, батюшку, не уважаютъ... Господь-то и гнѣвается. Въ малѣ Богъ и въ велицей Богъ... Живъ Богъ, жива душа моя... Мало ли еще чему быть!

— Ну, ври, толстомордый, пока не урѣзали языка... Да ты что это весь зонтъ заграбасталъ на себя? давай,—крикнула Аннушка, оттаскивая покрышку зонтика на себя:— мое платье не твоему сукнищу чета, опять же только-что пошиты башмаки.

— Воздастся вамъ за грѣхи, воздастся!—ворчалъ, подъ брызгами дождя, Сергѣй:—Богъ по ны, никто же на ны... о, Господи, всевидецъ, укротитель и судія!

Путники благополучно и въ свое время добрались какъ въ Красный-Кутъ, такъ и въ Свиблово. Они разстались въ Саратовѣ, гдѣ заѣзжали къ знакомому профессору, астроному Ловицу, у котораго отдохнули около часа. Это былъ добродушный, очень мало обрусѣлый нѣмецъ, совершившій путешествіе въ среднюю Азію и въ Гурьевѣ, пять лѣтъ назадъ, наблюдавшій прохожденіе Венеры черезъ сонце.

— Bitte, bitte... уфъ августъ,—сказалъ Ловицъ:—у меня отличне телескопъ, увидите кольца Сатурнъ.

Въ Красномъ-Кутѣ Алексѣй и Серафима были встрѣчены со слезами радости. Крёстная Серафимы не знала, какъ лучше ихъ угостить. Особенно она восхищалась ихъ дѣтьми. Прошло около двухъ недѣль. Алексѣй написалъ обо всемъ въ Свиблово, откуда въ Красный-Кутъ также пришло письмо.

— А наши вояжеры не обошлись безъ приключенія, — сказалъ Алексѣй, прочитавъ на балконѣ въ саду это письмо: — Мари, представьте, сообщаетъ, что ихъ слуга, этотъ-то Сергѣй, едва прибывши въ Свиблово, исчезъ безъ слѣда.

— Куда же онъ пропалъ?—спросила Варвара Ивановна Туровцова, удивленно оглядывая всѣхъ въ лорнетъ.

— Мари́ только и пишетъ, что едва онъ пріѣхалъ, внесъ и распаковалъ вещи, отпросился, будто бы, къ роднымъ, на деревню, и исчезъ!

— Какая, однако, причина? его притѣсняли? обижали, или онъ пилъ?—спросила Туровцова.

— Воли, видно, захотѣлъ, понюхалъ воздуха тамошнихъ степей.

— Да, не даромъ онъ у васъ, какъ я была въ Москвѣ, все священныя книжки читалъ, — замѣтила Варвара Ивановна: — охъ, не люблю я этихъ слугъ-грамотѣевъ; глядитъ въ книжку, едва разбираетъ по складамъ, а у самого мысли далеко, и все дурныя.

— Полноте, maman, — возразила Серафима: — вѣдь сама Мари́ учила его грамотѣ; онъ читалъ все святыя книжки, Богу все хотѣлъ послужить... Будь-ка образованъ нашъ народъ. — ну, хотя бы, какъ наши сосѣди, саратовскіе колонисты... Отъ чего же и всѣ грубыя страсти и преступленія народа?..

— Отъ бѣдности и нравственной тьмы! отозвалась Нинѣтъ.

— Ну, старая пѣсня, Нина Александровна,—съ неудовольствіемъ возразилъ Алексѣй:—вамъ, извините, только бы изучать философовъ, да вольнодумствовать о мнимыхъ бѣдствіяхъ чернаго народа. А чѣмъ онъ у насъ здѣсь, или въ Свиб́ловѣ, стѣсненъ или отягченъ? все у васъ, извините, фантазія!—заключилъ Алексѣй, барабаня пальцемъ по столу и думая, между тѣмъ: «а все ли, однако, у насъ въ деревняхъ такъ благополучно и хорошо?»

Оглавленіе.

XV ТОМА.

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НА ВОЛГѢ.

—«Руби столбы,—заборы сами повалятся!»
Слова Пугачова.

—«Маркизъ Пугачовъ, какъ его зоветъ г. Вольтеръ, мнѣ надѣлалъ много хлопотъ. Послѣ Тамерлана, не было никого, кто бы такъ истреблялъ человѣчество». (*Письма Екатерины II къ барону Гримму и Вольтеру.—1774 г.*).

XVIII.

Отбитый отъ Оренбурга и Татищевой Голицынымъ, Пугачовъ странствовалъ, съ остатками своихъ шаекъ, въ Уральскихъ горахъ, выжигая и грабя башкирскія деревни и рудокопные заводы, забирая на послѣднихъ оружіе, порохъ и деньги и «скопляясь» силами для новыхъ набѣговъ и грабежей. Онъ находился еще въ Башкиріи, когда настала весна 1774 года.

Снѣга въ степяхъ затаяли, вскрылись рѣки и по нимъ, мимо освобожденныхъ отъ самозванца крѣпостей, поплыли тѣла убитыхъ въ послѣднемъ его набѣгѣ на Татищеву. Осиротѣлыя казачки, стоя у береговъ, съ воплями и причитаніями, ловили баграми плывшіе трупы, распознавая въ нихъ своихъ мужей и отцовъ.

Былъ теплый, апрѣльскій день. Пугачовъ задумалъ разгромить и выжечь Саткинскій и Златоустовскій заводы, но еще не рѣшался двинуться туда. Главные изъ его сообщни-

.овъ и помощниковъ, въ послѣднихъ стычкахъ съ Михельсономъ, были взяты въ плѣнъ: Шигаѣвъ и Почиталинъ — въ Сакмарскомъ городкѣ, въ Табынскѣ — Зарубинъ-Чика. Емельянъ подбиралъ себѣ новыхъ. Смѣнившій Зарубина, состоявшій когда-то въ церковныхъ пѣвчихъ, казакъ Иванъ Твороговъ подыскивалъ способнаго грамотѣя, для составленія манифестовъ и указовъ самозванца. Многихъ приводили къ нему. Онъ испытывалъ ихъ въ писарствѣ, и не одобрялъ. Вдругъ ему сообщили, что въ лагерь прибылъ зѣло-грамотный сынъ богатаго заводчика, съ просьбой дозволить ему явиться къ царю. Твороговъ доложилъ Пугачову.

— А! это съ куршавинскихъ рудъ!—сказалъ Емельянъ: слышалъ... тысячники!.. какъ его имя?

— Зовутъ Ѳедоромъ, по прозвищу Прядышевъ.

— Веди его...

Твороговъ послалъ за Прядышевымъ. Подъѣхавшій къ ночи въ обозъ Пугачова, Теодоръ, съ тревогой и любопытствомъ, всматривался въ необычное и странное зрѣлище, встрѣтившее его здѣсь.

Лагерь и обозъ Пугачова, въ то время, были расположены на взгорьѣ, у опушки большого лѣса, невдали отъ казеннаго чугунно-плавильнаго и желѣзнаго завода, наканунѣ только разгромлённаго, ограбленнаго и сожжённаго отрядомъ Пугачова. Съ холма, черезъ рѣчку, въ темнотѣ, виднѣлось еще пламя дымившихся развалинъ литейныхъ, кузницъ, складовъ и другихъ зданій завода и прилегавшихъ къ нему предмѣстьевъ. Нападавшіе, окруживъ заводъ, кинулись ночью безъ выстрѣла на приступъ, съ чекушами, дрекольемъ и пиками, зажгли избы и сараи предмѣстьевъ и стали ломиться въ ворота высокаго деревяннаго частокола, которымъ заводъ изстари охранялся отъ нападеній башкирцевъ и киргизъ. Кучка гарнизонныхъ инвалидовъ, составлявшихъ заводской караулъ, отбила ворота и, съ хлѣбомъ-солью и съ церковнымъ причтомъ во главѣ, покорно вышла навстрѣчу самозванцу. Съ заводской церкви загудѣлъ колокольный набатъ. Солдаты шли безъ оружія. Блѣдный и растерянный священникъ, спотыкаясь и боясь поднять глаза, шелъ съ крестомъ и хоругвями за пѣвчими, возглашавшими самозванцу: «Тебѣ, Бога, хвалимъ». Знамя преклонили передъ Пугачовымъ, церковники и прочіе цѣловали ему руку. Онъ велѣлъ остричь солда-

тамъ косы и объявилъ ихъ казаками. Гарнизонный офицеръ и смотритель завода, отказавшіеся покориться самозванцу, были повѣшены; посаженные ими подъ арестъ, подозрительные рабочіе выпущены на свободу. Побѣдители взломали кладовыя, церковь и погреба, выкатили бочки, съ запасомъ казеннаго вина, и всю ночь, въ обозѣ и у ставокъ начальства, шла непрерывная попойка и гульба, слышались буйные крики и пѣсни

Зарю въ лагерѣ самозванца возглашали пушечными выстрѣлами, а когда у него не оказывалось пушекъ, — барабаннымъ боемъ.

Кое-какъ задремавъ у себя въ саняхъ, подъ полстью Теодоръ былъ разбуженъ страннымъ и рѣзкимъ звукомъ барабана. Онъ раскрылъ глаза. Невдали отъ мѣста, гдѣ стояли его сани, между войлочными кибитками, землянками и коновязями, ходилъ въ нагольномъ тулупѣ и бабьемъ волосникѣ, вмѣсто шапки, огромный и бородатый мужикъ, съ саблей при боку и барабаномъ на привязи, черезъ плечо, будя разоспавшихся и хмельныхъ гулебщиковъ. Разсвѣло. Тамъ и здѣсь, на площадкахъ лагеря и въ обозѣ, у дымившихся костровъ, кипѣли котлы съ кашей, бараньей похлебкой и щербой—ухой изъ мелкой рыбешки.

Проголодавшійся за ночь, среди опасной, наполненной мятежниками дороги, верзило Апрóнька, спутникъ Теодора, поглядывая то на распряженныхъ жеребцовъ, ѣвшихъ въ торбахъ овесъ, то на сновавшую въ обозѣ пеструю челядь, жадно принюхивался къ смѣшанному, вкусному запаху рыбы и баранины, доносившемуся съ ближняго костра.

Лишенный отцомъ, со времени своего побѣга въ Кіевъ, моднаго французскаго кафтана, камзола, башмаковъ съ пряжками и напудренной косы, Прядышевъ и теперь былъ одѣтъ въ простой купеческій, долгополый кафтанъ, въ высокіе сапоги, черный башкирскій полушубокъ, подтянутый поверхъ кафтана зелёнымъ кушакомъ, и въ сѣрой шапкѣ, на остриженныхъ въ скобку волосахъ. Онъ сидѣлъ на облучкѣ саней, слѣдя за суетой обоза и лагеря. Мимо него сновали продавцы хлѣба, связокъ лука, вяленой и сухой рыбы и чесноку. Полупьяные оборванцы, горланя, носили и продавали разную рухлядь изъ остатковъ вчерашняго грабежа: сапоги, зипуны и шапки съ убитыхъ заводскихъ рабочихъ, куски холста, подушки, муку и горшки съ ква-

шеной капустой. Хромой, краснокожій здоровякъ несъ въ рукахъ женскій шелковый робро̀нъ; самъ онъ былъ одѣтъ въ церковную, глазетовую ризу, а поверхъ лисьяго малаха̀я, съ ушами, имѣлъ на головѣ бархатную поповскую камилавку. Толпа, состоявшая почти сплошь изъ раскольниковъ, со смѣхомъ и прибаутками, провожала этого продавца по обозу, а онъ выкрикивалъ: «Вотъ наряды, платье, сама заводчиха носила, на осину у батюшки угодила!» — Лагерь былъ особенно шуменъ выше, на взгорьѣ, гдѣ виднѣлись, невдали одна отъ другой, три большія, войлочныя палатки. У входа въ одну изъ нихъ, съ саблями на-голо, стояли, въ красныхъ чекменяхъ, часовые. Пря̀дышеву сказали, что то была государева ставка; на ней развѣвалось бѣлое шерстяное знамя, съ восьмиконечнымъ, золотымъ, раскольничьимъ крестомъ.

«Государь онъ и вправду, — думалъ Теодоръ, глядя на эту палатку, — по всему, что̀ видно и слышно, должно-быть — государь. Прибѣгалъ это къ намъ на заводъ лазутчикъ, саткинскій пономарь; божился, увѣрялъ, — развѣ пошли бы такъ за другимъ? Не токмо отставные гвардіонцы, — служащій во фронтѣ офицеръ-поручикъ, слышно, призналъ его. А пономарь сказывалъ, что государя укралъ и выпустилъ изъ-подъ караула въ Ропшѣ капитанъ Масловъ; сѣлъ избавленный на коня и поска̀калъ, да въ три дня отъ Питера въ Кіевѣ сталъ, загналъ восемнадцать верховыхъ лошадей и за каждую выплатилъ по сто червонцевъ. Щедрый! А у меня къ нему важное дѣло... Матушка, какъ повидѣла меня изъ саду, въ ту пору, въ черной, срамной работѣ, въ сажѣ, рваной сорочкѣ, да въ посконныхъ портахъ, упала безъ памяти и заболѣла. Тятенька ту-жъ минуту, будто, смиловался, пріодѣлъ меня и отправилъ сюда за горы, въ Курша̀вино. — Ты, говоритъ, Ѳедька, сталъ въ умъ приходить, пора; ѣзжай, будь моимъ главнымъ окомъ на заводѣ; веди себя честно, да боязно, оправишься, буду самъ туда лѣтомъ, и вотъ какъ тебя превозвышу и отличу. — Я сдуру и поѣхалъ! Матушка безъ меня, съ новаго горя, съ разлуки нашей, не долго прожила, въ скорости померла. Какъ узналъ я про то, должно съ горя, опять запилъ, закурилъ. Страшно и вспомнить, какъ пилъ! По задворьямъ валялся, у кабаковъ поднимали, приносили въ контору. Тутъ пожалѣть бы, а отецъ, какъ есть, ожесточился. По-

шли сюда письма, приказы; пишетъ: въ холодной его, дьявола, держать. И держали; да, теперь уже баста. Пускай старый московскіе пожитки, заводъ и весь тамошній капиталъ на свое имя перевелъ; здѣшніе всѣ заводы и руды— матушкины, стало-быть, мои... Царь разсудитъ насъ, отберетъ заводы и велитъ числиться за мной».

— Кто тутъ изъ куршáвинскихъ, — раздался голосъ за спиной Теодора.

Онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ въ тулупѣ и въ волосникѣ, съ саблей у пояса, бородачъ, барабанившій утромъ зарю. Теодоръ всталъ съ саней.

— Ты будешь Прядышевъ?—спросилъ подошедшій.

— Я.

— Какъ тебя величать?

Теодоръ назвалъ себя.

— Ну, иди же, Өедюха, — сказалъ бородачъ: — царь-батюшка, милостивецъ нашъ, жалуетъ тебя, допущаетъ передъ свои очи.

Теодоръ оправилъ на себѣ шапку, подтянулъ поясъ, взялъ съ саней привезенную съ завода соболью шубу, крытую тонкимъ, синимъ сукномъ, и пошелъ за провожатымъ.

— Подарокъ?—спросилъ, глядя на шубу, бородачъ.

— Не прогнѣвить бы... приметъ ли его величество?

— Все приметъ, тащи... а намъ будетъ чтò отъ милости твоей?

Теодоръ вынулъ кису и подалъ провожатому серебряный рубль.

— Дай пару, — сказалъ вполголоса, оглядываясь, бородачъ:—али нѣтъ, обожди, дай три... нужно три монеты!

— Добрый онъ?—спросилъ Теодоръ, подавая опять провожатому изъ кисы.

— Какъ для кого... а осерчаетъ, бѣда! — отвѣтилъ бородачъ, шагая вывернутыми, огромными ногами, въ разорванныхъ, изъ сыромятины, котахъ:—намедни прогнѣвился тутъ на одного попа, что не помянулъ въ церкви новую его царицу, и велѣлъ ему саблей отесать бока, а попадью просто удавилъ. Въ одной тоже крѣпости взялъ въ полонъ толстаго-претолстаго офицера; говоритъ — присягай, — тотъ отказался... онъ съ него живого и снялъ кожу... Мы, братецъ, саломъ съ его туши, какъ онъ еще шевелился,—усмѣхнулся бородачъ:—и раны себѣ мазали... добре заживаютъ!

Ужасъ объялъ Прядышева при этихъ словахъ. Чѣмъ ближе къ палаткамъ, виднѣвшимся съ пригорка, лагерь становился оживленнѣе и шумнѣй. Изъ землянокъ, бревенчатыхъ и войлочныхъ шатровъ то здѣсь, то тамъ выглядывали женскія лица и слышались пискливые женскіе возгласы и смѣхъ.

— Такъ съ вами и бабы,—спросилъ Прядышевъ.

— Не наши, заемныя,—отвѣтилъ, озираясь, провожатый:—балуются парни, да и кто постарше... нехристи-татары, да башкирство примѣръ подаютъ.

— Откуда эти бабы?

— Все жёны и дочки побитыхъ офицеровъ, иныя же и волей сюда пошли.

— Кто у васъ, дядя, нынче главные тутъ возлѣ царя?

Бородачъ остановился.

— Дай-ка еще монету, нужно долгъ отдать!—сказалъ онъ.

Прядышевъ вынулъ и подалъ ему рубль.

— Были тутъ прежде, возлѣ него, все свои, — сказалъ, продолжая идти, провожатый:—да перестрѣляны, либо взяты въ полонъ; теперь, опричь Ивашки Творогова, все чужаки... Вонъ, гляди, у его ставки, бритоголовые татары, Идорка, да Баранка... то наши и первачи.

XIX.

Сказавъ это, провожатый снова остановился, подтянулся и, молча взглянувъ на Прядышева, сталъ идти тише. Его лицо приняло озабоченное и растерянное выраженіе. Они подошли къ окраинѣ холма, на которомъ передъ обширной палаткой, подаренной самозванцу киргизскимъ старшиной Лай-ханомъ, стояли нѣсколько казачьихъ старшинъ и между ними — худой и высокій, какъ шестъ, изуродованный оспой, въ верблюжьемъ армякѣ и сивой калмыцкой шапкѣ, Идорка, и приземистый, на дугообразныхъ ногахъ, толстый и смуглый, съ вырванными ноздрями, Баранка. У перваго за поясомъ торчалъ широкій кинжалъ, второй опирался на длинное персидское ружье, треснувшій прикладъ котораго былъ связанъ бичевкой. Тутъ же, въ сторонѣ, виднѣлась куча какихъ-то вещей и между ними лежалъ связанный по рукамъ и ногамъ, въ офицерской шинели и бараньей шапкѣ, съ подвязанною щекой, среднихъ лѣтъ, плѣнный офицеръ. Его растерянные глаза моляще и испуганно смотрѣли на татаръ, споривших между собой гортанною, рѣзкою рѣчью.

— Руби ему башку, руби! — говорилъ Идорка, сердито топчась на мѣстѣ кривыми ногами: — не хотѣлъ царю давать коня.

— Тебѣ все рубить, дьяволъ, шайтанъ! — отплюнулся, косясь на связаннаго плѣнника, Баранка: — и того мало... сжечь еще развѣ? а почемъ онъ зналъ, кому конь?

— И сжечь, сжечь! — твердилъ осипшимъ отъ злости голосомъ Идорка: — отбивался, а какъ брали, пустилъ ночью коня въ степь... камень ему на шею, да въ воду.

— Сунься-ко самъ!

— И сунусь.

Пола войлочнаго шатра поднялась. Изъ-подъ нея показался плотный и русый, съ окладистою бородой и красивыми сѣрыми глазами, казакъ среднихъ лѣтъ. На немъ былъ подбитый лисьимъ мѣхомъ, канаватный, шелково-узорочный охабень, офицерская треуголка, съ черными перьями, и у пояса кривой ятаганъ. То былъ уцѣлѣвшій изъ разсѣянной военной коллегіи самозванца, бывшій начальникъ его артиллеріи и провіанта, Иванъ Твороговъ. За нимъ вышелъ понурый, сгорбленный старикъ, въ зеленомъ съ позументомъ кафтанѣ поверхъ шубы и съ мѣдною складною иконкой на шеѣ. Въ старикѣ трудно было узнать умётчика Степана Оболяева.

Ерёмкинъ-курица, попрежнему, состоялъ при самозванцѣ, въ санъ котораго онъ слѣпо вѣрилъ. Сопровождая его въ походахъ, онъ возилъ и носилъ за нимъ значекъ съ его штандартомъ и пользовался полнымъ его довѣріемъ и почетомъ. Старый и благочестивый умётчикъ, однако, во многомъ въ послѣднее время извѣрился и на многое изъ того, что̀ видѣлъ, смотрѣлъ съ тайнымъ осужденіемъ и даже со злобой. Особенно ему не нравилось женолюбіе объявившагося у него на умётѣ царя. — «Ну, идетъ супротивъ постылой, ополчившейся на него жены, — разсуждалъ Оболяевъ: — пусть такъ, всякому понятно; обзавелся и повѣнчался съ новою супружницею, изъ простыхъ, и то ничего, на то онъ волёнъ... А зачѣмъ кухонная палатка полна дѣвокъ и бабъ? И хоть бы однѣ боярскія дочки, да жены, — ровня ему; нѣтъ, набралъ всякихъ куховарокъ, да стряпухъ! Какую только на селѣ или въ заводѣ намѣтитъ, ту и въ стряпущую... Дѣвки и бабы ему варятъ ѣсть, подаютъ кушанье и водятъ его подъ-руки на коня и съ коня. Срамъ одинъ и соблазнъ! а скажи слово, — мигомъ удавитъ!»

— Про что, князья, споръ? — спросилъ Ивашко татаръ, выйдя изъ шатра самозванца.

Идорка объяснилъ. Твороговъ взглянулъ на связаннаго плѣнника.

— Жаль тебя,—сказалъ онъ:—попрошу за тебя государя, коли хочешь ему служить... А ты,—спросилъ онъ татарина,—съ какого хаяру лѣзешь не въ свое? тужить, видно, веревка и по тебѣ?

— Да онъ коня не далъ, присягу не исполнялъ,— отвѣтилъ, не унимаясь, Идорка.

Баранка сталъ ему возражать.

— Цыцъ, черти! — прикрикнулъ на нихъ Ивашко: — его величество безпокоите. Коня государю найдемъ... Ты изъ Куршавина?—обернулся онъ къ Прядышеву.

— Такъ точно,—отвѣтилъ Теодоръ, съ поклономъ.

— А это батюшкѣ, видно, царю? — спросилъ Ивашко, глядя на соболью шубу, которую тотъ держалъ въ рукахъ.

— Ему, ваша честь!.. не обезсудьте, удостойте аудіенціи, лицезрѣть его пресвѣтлое величество.

— Обсудимъ, рѣшимъ,—съ важностью сказалъ Ивашко:—а допрежъ того, любезный, слышно, у тебя тройка добрыхъ коней. Правда ли то? чьи кони и хороши-ль?

— Собственные, ваша честь,—не кони, а сущіе львы,—отвѣтилъ, снова кланяясь, Теодоръ:—тутъ у насъ собственный заводъ...

— Доморослые, значитъ?

— Первый сортъ.

— И рѣзвы?

— Дышловый рысистый, а праваго пристяжного ни въ жизнь никому не перескакать.

— Ну, это его величеству, нашему батюшкѣ-милостивцу, почище будетъ твоей шубы, извелись мы въ походахъ лошадьми,—сказалъ Твороговъ:—дорого ли возьмешь?

— Мы съ нашимъ, то-есть, какъ слѣдъ, почтеніемъ, — отвѣтилъ Прядышевъ: — и не токмо шубу, а въ презентъ, коли его царское величество удостоитъ, готовы и жеребцовъ.

— Молодецъ малый!—сказалъ Ивашко, ласково потрепавъ его по плечу:—чай, просьба есть къ царю?

— Великая! не оставьте, ваша милость, — сказалъ Теодоръ:—вѣкъ Бога будемъ молить...

— Ну, Степанъ Максимычъ, — обратился Твороговъ къ

Оболяеву: — веди покамѣстъ купца къ себѣ въ хибарочку, да накорми его съ дороги; государь отдыхаетъ, еще не кушалъ... разберетъ онъ твое дѣло,—сказалъ онъ связанному плѣннику,—и призоветъ къ себѣ господина купца.

Прядышевъ, съ новымъ поклономъ Ивашкѣ, пошелъ за Оболяевымъ. Землянка послѣдняго въ лагерѣ была вырыта за холмомъ, невдали отъ палатки Творогова. Пока Прядышевъ былъ у шатра самозванца, со стороны лѣса подулъ сильный вѣтеръ и сталъ падать снѣгъ. Идя за Оболяевымъ, Теодоръ сквозь снѣгъ разглядѣлъ что-то темное и странное, торчавшее у холма, на что̀ онъ прежде не обратилъ вниманія. Теперь онъ ниже ставки Пугачова увидѣлъ двѣ висѣлицы, изъ которыхъ на одной, раскачиваясь отъ вѣтра, въ мундирѣ, съ краснымъ воротникомъ, висѣлъ лысый, въ бакенбардахъ, очевидно, нѣмецъ, смотритель завода, на другой — полураздѣтый, въ напудренныхъ букляхъ и косѣ, не признавшій въ самозванцѣ царя, красивый, въ ботфортахъ, офицеръ. Шайка самозванца потѣшалась надъ ними и по ихъ кончинѣ: лицо и грудь офицера были изстрѣляны пулями и все его платье было залито кровью; у нѣмца-смотрителя была отсѣчена одна нога, а изъ проколотаго живота висѣли какія-то окровавленныя ленты.—«Внутренности!» съ ужасомъ подумалъ, глядя на казненныхъ, Теодоръ.

Оболяевъ ввелъ его въ свою кибитку. Онъ досталъ изъ торбы краюху яичнаго каравая, печеныхъ яицъ, баклагу съ виномъ и серебряную, чеканенную стопу.

— Господская! — произнесъ онъ, указывая на стопу и наливая въ нее вина:—ну-ка, съ холоду!

— Знатная вещь,—сказалъ Прядышевъ, отпивъ изъ ковша и любуясь имъ:—такія видѣлъ я въ чужихъ краяхъ.

— Нешто ты тамъ былъ?

— Гдѣ только не былъ!

— А штука эта жалованная царями, княжеская,—замѣтилъ Оболяевъ:—у барыни, княгини Звенигородской, взята; а вотъ и часы,—сказалъ онъ, вытаскивая худыми, неповоротливыми пальцами изъ-за пазухи золотые, луковицей, англійскіе часы:—тоже, братецъ, изъ княжескаго дома, Барятинскихъ; его величество, нашъ, значитъ, государь, за супротивность, дворецкаго порѣшилъ; тамъ же взято два пуда серебра, а всякаго добра—и не сосчитать.

Прядышевъ, закусывая, сталъ разсказывать о своемъ пребываніи въ чужихъ краяхъ.

— И тамошнихъ видѣлъ королей?

— Видѣлъ.

— Въ роскоши живутъ?

— Точно въ сказкѣ.

— То же, малый, будетъ и у насъ,—сказалъ Оболяевъ:— батюшка вотъ скопляется пока силами; дастъ Богъ, уберется, — пойдемъ на Уфу, а тамъ и въ первопрестольную. Много ему дѣловъ; вездѣ непорядокъ, народу крайняя бѣда.

— А у меня, дѣдушка, къ царю просьба,—сказалъ, помолчавъ, Прядышевъ:—тятенька обидѣлъ; уговори его величество, защити...

— Что же, мы всякому готовы, спасетъ тебя Господь! въ чемъ твое прошеніе?

Теодоръ началъ излагать свое дѣло. Съ надворья послышались шаги.

— Степанъ Максимовичъ, — раздался голосъ за палаткой:—давай малаго, требуетъ царь.

— Ну, иди,—сказалъ, убирая закуску, Оболяевъ:—Христосъ тебѣ въ помогу.

— Все ли ему говорить?

— Все.

— Не осерчаетъ государь?

— За правду-то! говори, какъ Богу... все повернетъ, все по правдѣ рѣшитъ.

Прядышева подвели къ ставкѣ Пугачова. Ожидавшій его Твороговъ приподнялъ полу шатра и, пропустивъ просителя въ сѣни, самъ остался снаружи. Сѣни отъ внутренней половины шатра отдѣлялись ковромъ. Теодоръ взялся за коверъ и вошелъ.

Въ глубинѣ ставки, увѣшанной тканями и оружіемъ и освѣщенной сверху, сквозь круглую отдушину въ крышѣ, на кучѣ сложенныхъ одна на другую, цвѣтныхъ, татарскихъ подушекъ, на пестрой войлочной кошмѣ, сидѣлъ широкоплечій, съ тонкимъ перехватомъ у пояса, краснолицый и съ виду какъ бы хмельной человѣкъ. На немъ были широкій, очевидно съ чужого плеча, бешметъ голубого штофа, черная мерлушковая шапка и въ накидку, поверхъ бешмета, бѣличій охабень. За поясомъ торчали два пистолета и большой походный ножъ; сбоку на коврѣ лежала кривая сабля.

По чернымъ, пытливымъ, исподлобья на гостя устремленнымъ глазамъ, Прядышевъ угадалъ, что передъ нимъ сидѣлъ объявившій себя царемъ. Гдѣ-то слышался женскій сдержанный смѣхъ, бренчаніе гитары.

— Подойди, стань ближе,—раздался съ подушекъ глухой, хриплый голосъ:—что̀ скажешь?

Прядышевъ поклонился въ землю и положилъ на коверъ принесенную соболью шубу.

— Смилуйся, государь,—сказалъ онъ, стоя на колѣняхъ и не поднимая головы:—не обидь, прими презентъ... позволь бить челомъ и тройкою коней.

— Благодарствую, дѣло говоришь,—отвѣтилъ Пугачовъ:—намъ, рассейскому великому государю, въ нашей нынѣшней скудости и тѣснотѣ, все нужно, а паче — одёжа и добрые кони отъ подданныхъ. Садись, будешь гостемъ... потчую тебя,—прибавилъ самозванецъ, протягивая Прядышеву руку.

Цѣлуя эту руку, Теодоръ съ удивленіемъ увидѣлъ. что передъ государемъ, къ которому онъ явился, на татарской, низенькой скамеечкѣ, стояла простая глиняная миска, съ пахучей рыбной щербо̀й, деревянное блюдо, съ чѣмъ-то бѣлымъ и еще болѣе пахучимъ, и нѣсколько флягъ, съ водками, квасомъ и виномъ.

— Ваше царское величество,—сказалъ, снова кланяясь, Прядышевъ: — окажите божескую милость; обижены мы и разорены въ конецъ.

— Ты съ дороги, бери, закуси.

— Довольны мы вашею милостью, — дозвольте о дѣлѣ сказать.

— Не хочешь ѣсть, выпей,—сказалъ Пугачовъ, наливая и подавая гостю водки:—а мы закусимъ,—не бойся, говори, что̀ надо,—потому, я царь!

Теодоръ, отпивъ изъ рюмки, сталъ разсказывать. Пока онъ говорилъ, Пугачовъ опорожнилъ миску съ щербо̀й, вынулъ изъ-за пояса ножъ, накрошилъ имъ полную тарелку того бѣлаго, что̀ лежало на блюдѣ, истолокъ и размялъ его ручкой ножа, полилъ изъ фляги квасомъ и началъ ѣсть, закусывая хлѣбомъ. Въ палаткѣ распространился острый запахъ чесноку. - - «Неужели его величество такъ-таки и ѣстъ это голякомъ? — удивился, не вѣря своимъ глазамъ, Теодоръ, — или цари и въ самомъ дѣлѣ вкусъ ко всему простому имѣютъ?»

— Такъ, приказчикъ твоего отца и впрямь, — спросилъ, жуя полнымъ ртомъ, Пугачовъ:—вязалъ тебя и въ холодную сажалъ?

— Сажалъ, ваше царское, пресвѣтлое величество,—отвѣтилъ Теодоръ: — и мало того... забралъ заводъ и всѣ руды, какъ есть, — собственность нашей, выходитъ, покойной родительницы, — а тятенька тутъ ровно ни при чемъ-съ. Я тебѣ, говоритъ приказчикъ, покажу, въ рогъ тебя, собачье мясо, согну... Можно ли? вѣдь я, ну, какъ есть, все-таки хозяйскій сынъ!..

— А вотъ мы ему камень на шею, да въ воду,—сказалъ Пугачовъ, кончивъ одну тарелку чесноку и принимаясь крошить себѣ другую:—ты, братъ, намъ хорошихъ вотъ рысачковъ, а ужъ мы тебѣ... то-есть, все...

XX.

«Но что же это? неужели же онъ и по правдѣ царь?»— вдругъ подумалъ Теодоръ, пристальнѣе вглядываясь въ красноражаго, вспотѣвшаго отъ ѣды и водки, почти пьянаго бородача, который едва ворочалъ передъ нимъ языкомъ: — «видѣлъ я у московскихъ баръ гравированные и масляными красками портреты царя Петра Ѳедоровича; тотъ былъ полновиденъ, высокъ, бѣлолицъ и съ свѣтлыми глазами, а этотъ сухощавъ, малъ ростомъ, смуглый и черноглазый... И смотритъ онъ все искоса, да страховито, часто оглядывается, точно боится всего... А эти казачьи ухватки, — грубая, мужицкая рѣчь? Если царь, то какъ онъ, въ бѣдности, гоненіи, одичалъ! а если не царь,—ужли всѣхъ провелъ и обманулъ?»

Пугачовъ, кончивъ трапезу, утерся концомъ скатерти, которою была покрыта скамейка, опять налилъ изъ фляги два стакана, одинъ выпилъ, а другой подалъ гостю.

— Благодарствую,—отказался тотъ, съ поклономъ.

— Пей, коли даю самъ!—сердито крикнулъ самозванецъ.

Прядышевъ выпилъ.

— Грамотенъ ты?—спросилъ его Пугачовъ.

— Грамотенъ, въ пансіонѣ обучался въ Москвѣ.

Пугачовъ помолчалъ.

— Ну, слушай же,—сказалъ онъ:—мы, значитъ, теперича собрались, оружія и пушекъ добыли, сколько надо, войска тоже прибыло вдоволь. Видѣлъ лагерь?

— Видѣлъ.

— Десять тысячъ, нѣтъ, что я?—двадцать, опричь баш-

kировъ и мордвы. Оставайся при насъ, назначаю тебя главнымъ писаремъ. Согласенъ?

Прядышевъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— О заводѣ, о достаткахъ своихъ материнскихъ не печалуйся, все тебѣ будетъ, служи только вѣрою и правдою.

— А съ приказчика, ваше царское величество, взыщете? сколько терпѣлъ отъ него утѣсненія, обидъ!

— Вызовемъ,—одно слово, петля! и не его одного, передавимъ енераловъ! Эй, кто тутъ?—крикнулъ Пугачовъ, хлопнувъ въ ладоши.

Изъ-подъ ковровой занавѣски, съ задней стороны шатра, показалась высокая и худощавая, въ шелковомъ зеленомъ платьѣ и въ кружевномъ чепцѣ, молодая, очевидно не изъ простыхъ, женщина. Ея блѣдное лицо было сумрачно. Впалые глаза глядѣли презрительно и строго.

— Княгинюшка, слушь-ка, подь, скажи Ивану,—обратился къ ней Пугачовъ:—нѣтъ, лучше пошли Дуньку, сама туда не ходи... Пусть Иванъ отрядитъ въ Куршавино за приказчикомъ, доставитъ его нонче же сюда.

Женщина молча скрылась за занавѣсью. — «Княгиня?—подумалъ Теодоръ,—плѣнница? вотъ участь!»

— А ты, ну-ка, еще выпей,—сказалъ Пугачовъ Прядышеву, наливая ему третій стаканъ:—мы сбираемся далѣе... завтра походъ и ты, слышь, съ нами. Согласенъ? цѣлуй крестъ, вотъ мой крестъ.

Пугачовъ вынулъ изъ-за пазухи и подалъ Прядышеву тѣльный крестъ. Теодоръ подумалъ: «царь ли онъ или обманщикъ, не все ли пока одно? лишь бы вырвать пока мое достояніе, а тамъ уйду отъ него!»—и, перекрестясь, поцѣловалъ крестъ.

— Имѣемъ намѣреніе,—продолжалъ, хмелѣя, Пугачовъ:—разорять и бить непокорныхъ, вплоть до Казани, до самой Москвы... И вотъ, ребятушки, слышно, сынъ нашъ, великій князь Павелъ Петровичъ, всталъ за насъ, ведетъ на помощь сорокъ тысячъ, и не нынче, завтра, будетъ здѣсь... Такъ остаешься?

Прядышевъ, раздумывая: «Нѣтъ, Господь съ нимъ, лучше, видно, выждать ночи, да уйти!» — молча поклонился самозванцу. Вошли еще двѣ женщины; одна, въ простой мѣщанской душегрѣйкѣ и съ краснымъ платкомъ на черныхъ волосахъ, была особенно красива. Румяное и полное лицо ея

дышало здоровьемъ, быстрые глаза улыбались. Женщины подняли Пугачова отъ трапезы и подъ-руки провели его въ правый уголъ шатра, гдѣ и опустили на укрытый ковромъ пуховикъ.

— Ну, иди же, Твороговъ отведетъ тебѣ фатеру, — сказалъ Прядышеву Пугачовъ: — назначаю тебя секретаремъ, будешь при нашей главной, военной коллегіи и переводчикомъ для бумагъ.

Прядышевъ, не помня себя отъ видѣннаго и слышаннаго, вышелъ изъ шатра. Хмель отъ выпитыхъ угощеній кружилъ ему голову. Въ глазахъ его рябило. За шатромъ стоялъ Твороговъ и развязанный плѣнникъ. Прядышевъ сообщилъ Ивашкѣ слышанное отъ государя.

— Ну, и ладно,—отвѣчалъ Твороговъ:—на вашъ заводъ, за приказчикомъ, уже послано.

— Куда же мнѣ теперь?—спросилъ Теодоръ.

— А туда же, пока, къ Степану Максимовичу: надо будетъ, позовутъ.

Прядышевъ отправился къ Оболяеву, котораго не засталъ въ землянкѣ; умётчикъ былъ въ обозѣ, на совѣщаніи войсковыхъ старшинъ. Почти не спавшій въ минувшую ночь, Теодоръ прилегъ въ землянкѣ.

«Гдѣ же вольность и права? — разсуждалъ онъ, лежа на ворохѣ сѣна: — думалось, поживу; заводъ-то отберутъ у тятеньки, отдадутъ мнѣ, а самому тутъ велѣно быть, бумаги писать... Собираются въ новый походъ, къ самой Москвѣ... и шляйся теперь съ ними... Будутъ стычки, сраженія, кровь польется, а я не военный; бумагъ тоже писать вовсе не умѣю, — какой я секретарь? Еще напутаю, навру, — взыщутъ, да хорошо, какъ только выбранятъ, а то у нихъ и горшаго примешь... за все у нихъ висѣлица. Какъ бы выждать время, какъ бы отсюда уйти?»

Теодоръ заснулъ и спалъ долго. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что на дворѣ уже темно. Наступила ночь, костры въ лагерѣ едва дымились. Оболяевъ еще не приходилъ; онъ смѣнялъ прежніе и разставлялъ новые караулы, вокругъ лагеря, со стороны лѣса и моста на рѣкѣ. Давно прогремѣлъ заревой барабанъ. Говоръ, шумъ и пѣсни кругомъ затихли; въ темнотѣ слышались только оклики часовыхъ, кое-гдѣ мелькали фонари есауловъ и десятскихъ, обходившихъ дозоромъ лагерь и обозъ, да издали виднѣлось зарево дого-

равшихъ предмѣстьевъ. Укутавшись съ головой въ шубу, Прядышевъ опять заснулъ. Онъ не слышалъ, какъ возвратился умётчикъ, какъ онъ, кряхтя и повторяя: «Спасъ, Спасъ, Пречистая, помилуй и спаси!» — клалъ поклоны, и какъ, наконецъ, помолясь и свернувшись калачомъ, также улегся въ другомъ углу землянки. Теодоръ крѣпко спалъ; ему снился странный сонъ. Онъ мчался на бѣшеной тройкѣ, а рядомъ съ нимъ въ кибиткѣ — похищенная имъ Серафима. Кони неслись безбрежною, снѣговою поляной, а вдали, въ лучахъ солнца, точно вылитыя изъ голубого стекла, горѣли и переливались радугой заоблачныя, Альпійскія горы.—«Смотри, смотри,—шепталъ онъ Серафимѣ, прижимая ее къ себѣ:— снѣгъ кругомъ, вездѣ; какъ блеститъ! но онъ уже таетъ, бѣгутъ и шумятъ ручьи,—то вѣчныя Альпы, за ними Италія... пальмы и розы... туда, дорогая, туда...»

«На сломъ, братцы! на сломъ!» — вдругъ послышались сперва неясные, потомъ болѣе громкіе крики за землянкой. Прядышевъ вскочилъ, протеръ глаза.—«На конь! оружайся! сѣдлай!» — кричали казаки, бѣгая по обозу. Раздался невдали ружейный выстрѣлъ, за нимъ другой. — «Дядя, Степанъ Максимовичъ, дядя, что̀ это?» — вскрикнулъ Теодоръ, увидѣвъ въ сумракѣ чуть брезжившаго разсвѣта согнутую спину Оболяева, который уже всталъ и надъ чѣмъ-то возился, у двери землянки.

— Царицыно войско! штурмъ! сполохъ! — проговорилъ Оболяевъ, съ захваченнымъ ружьемъ, исчезая за дверью:— вонъ, въ углу сабля, бери, выходи.

Прядышевъ подвязалъ къ поясу саблю, одѣлся и выскочилъ наружу. На дворѣ было холодно и сыро. Густой туманъ стлался надъ лагеремъ. Взгорье, съ шатромъ Пугачова и висѣлицей позади, точно плавало поверхъ облаковъ. Въ туманѣ, со стороны рѣки, слышалась учащенная пальба. Ружейные огоньки, кучей и рядами, вспыхивали у рѣки и на мосту. Имъ въ отвѣтъ трещали разрозненные выстрѣлы по сю сторону, въ обозѣ. Слышался плачъ женщинъ, дикій визгъ и гикъ калмыковъ и башкиръ.

Отрядъ самозванца былъ застигнутъ врасплохъ. Полураздѣтые казаки, инородцы и всякій сбродъ, выскакивая изъ землянокъ, кибитокъ и изъ-подъ возовъ, строились въ безпорядкѣ по откосу берега. Имѣвшіе мушкеты и винтовки наскоро заряжали ихъ и стрѣляли, цѣлясь къ мосту и за

рѣку. Остальные, съ чекушами, пиками, саблями и топорами, нестройною толпой тѣснились впереди обоза. Проскакалъ къ мосту на рыжей, худой лошаденкѣ, Ивашко Твороговъ. Становилось свѣтлѣе, туманъ расходился. Съ холма, гдѣ стоялъ наблюдавшій за боемъ Пугачовъ, послышался зычный крикъ: «не выдавай, ребятушки! дружно, дружно!»— Раздался топотъ нѣсколькихъ всадниковъ. Среди лагеря, направляясь къ обозу, показалась конная стража самозванца. За нею, въ сопровожденіи главныхъ есауловъ, Оболяева и Идорки, скакалъ Пугачовъ. Прядышевъ узналъ своихъ сѣрыхъ жеребцовъ: на широкогрудомъ и рословъ кореннике, Соколѣ, сидѣлъ самъ Пугачовъ; на правомъ, долгогривомъ Анпрасѣ—Оболяевъ, на лѣвомъ, въ яблокахъ, Орлѣ—Идорка. Крича и размахивая ятаганомъ, Пугачовъ, еще не проспавшійся отъ вчерашней попойки, красный, какъ изъ бани, твердо сидѣлъ на сѣдлѣ.

«А мнѣ коня? вѣдь я теперь пѣшъ!»—подумалъ Прядышевъ, видя, какъ всѣ эти всадники, спустясь со взгорья, помчались къ мосту, у котораго не переставала гремѣть ружейная перестрѣлка и слышались вопли и стоны раненыхъ и умирающихъ: «лошадей моихъ взяли, а меня забыли, и никому до меня дѣла нѣтъ».—Теодоръ бросился къ обозу, въ надеждѣ купить у кого-нибудь коня.—«Денегъ не пожалѣю, хотя бы плохого достать!»—думалъ онъ. Между саней, телѣгъ и возовъ онъ увидѣлъ метавшихся въ ужасѣ и кричавшихъ безъ толку женщинъ. Два дюжихъ парня запрягали четверню изморенныхъ клячъ въ желтобокій, помѣщичій возокъ. Въ послѣднемъ, тѣснясь и молча посматривая на мостъ, сидѣли прислужницы и спряпухи самозванца. Теодоръ узналъ блѣдную, смуглую княгинюшку, рядомъ съ нею сидѣла полная и румяная молодуха, въ кичкѣ, съ жемчугомъ.

— Да ну же, скорѣе же, дьяволы!—кричала молодуха, поднимавшая наканунѣ государя подъ руки:—да помогъ бы и ты, паренёкъ,—обратилась она къ Теодору:—что такъ-то глазѣть!

Прядышевъ сталъ помогать кучерамъ.

— А что,—спросилъ онъ вполголоса одного изъ возницъ, приправляя постромку пристяжной:—моихъ коней взяли подъ государя; нельзя ли тутъ у васъ присѣсть хоть на облучокъ?

— Лѣзь, — отвѣтилъ, подтягивая послѣднюю подпругу, возница: — ишь ты, Божье попущеніе, дождались чего!

— Кто же это нападаетъ?

— Должно, самъ Михельсонъ, — отвѣтилъ возница, трясущимися руками закрѣпляя вожжи: — пропали наши головушки, не успѣемъ, — порѣшатъ.

— Самъ Михельсонъ?—спросилъ въ ужасѣ Прядышевъ.

— А кто же иной? не енаралъ, чёртъ! — съ неудовольствіемъ отвѣтилъ возница, крестясь и взлѣзая на козлы:— одинъ на тысячи прётъ.

— Ну, что-жъ это, скоро ли? — пищали голоса изъ нагроможденнаго возка: — Дунька, подвинь ноги... а ты, толсторожая, не видишь, держу батюшкино добро.

— Эй вы, други! — крикнулъ возница, хлестнувъ по лошадямъ:—что же, сударь, не садишься? есть мѣсто, вотъ...

Прядышевъ стоялъ неподвижно. Ему было не до того.

XXI.

Изъ-за рѣки, отъ моста, раздался оглушительный пушечный выстрѣлъ. Ядро прогудѣло надъ лагеремъ. Отъ берега мгновенно грянули еще выстрѣлы. Ядра послѣднихъ упали среди обоза. Прядышевъ увидѣлъ батарею, въ нѣсколько пушекъ, направленныхъ на лагерь съ другого бока рѣки. Взводъ конныхъ гусаръ охранялъ пушки. Полный, съ плюмажемъ на треуголкѣ, начальникъ стоялъ у берега, командуя артиллеристами. Мелькали надъ батареей банники, поднимались бѣлые клубы дыма и чаще и чаще, одинъ за другимъ, гремѣли черезъ рѣку оглушительные удары. Полчища самозванца у моста дрогнули и, съ криками, стрѣляя наугадъ, въ безпорядкѣ бросились обратно къ лагерю. Сквозь пушечный и ружейный дымъ было видно, какъ бравый, круглолицый и тучный командиръ вскочилъ на коня и впереди небольшой колонны изъ черныхъ гусаръ и синихъ уланъ, съ саблями и пиками на-перевѣсъ, понесся къ мосту и, подъ прикрытіемъ ядеръ и гранатъ, летѣвшихъ изъ-за рѣки, помчался вслѣдъ за тѣснимою, бѣжавшею къ лѣсу, толпой.— «Кроши ихъ, полосуй!» — кричалъ, поднявъ саблю, командиръ колонны. — «Михельсонъ, Михельсонъ!» — повторяли казаки, на-бѣгу, оглядываясь на него.

Прядышевъ былъ увлеченъ и куда-то притиснутъ бѣжавшими мятежниками. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, съ остатками свиты, обратно проскакалъ на Соколѣ Пугачовъ.

Голубой, штофный бешметъ на немъ былъ разстегнутъ, шапка свалилась съ головы; потное лицо было растерянно. Испуганные глаза устремились къ опушкѣ лѣса, куда въ то время въѣзжалъ возокъ съ его сожительницами и добычей. Идорка, на раненомъ Орлѣ, едва поспѣвалъ за Пугачовымъ. Творогъ скакалъ, окровавленною рукой придерживая насквозь простр҄ѣленную щеку. Сзади всѣхъ ѣхалъ Оболяевъ. Старый умётчикъ былъ раненъ въ грудь. Блѣдный, истекая кровью, онъ, съ значкомъ Пугачова въ рукѣ, чуть держался на сѣдлѣ, склонясь грудью къ шеѣ коня.

Среди бѣгущихъ упала и съ оглушительнымъ трескомъ разорвалась граната. Толпа въ ужасѣ отхлынула и безъ оглядки побѣжала далѣе. На мѣстѣ осталась безобразная куча растерзанныхъ, залитыхъ кровью, тѣлъ. Отброшенный взрывомъ гранаты и натискомъ толпы въ сторону, Прядышевъ увидѣлъ, какъ его правый, бывшій подъ Оболяевымъ, жеребецъ Анпрасъ взвился на дыбы и сбросилъ съ себя сѣдока. Теодоръ поспѣшилъ къ Оболяеву. Конь фыркалъ и рвался, сдерживаемый уздою, обмотанною вкругъ руки старика. — «Дѣдушка, вставай, помогу тебѣ!» — говорилъ Прядышевъ, нагибаясь къ неподвижно-лежавшему умётчику. Оболяевъ не отвѣчалъ. Его глаза были открыты. На шеѣ висѣлъ походный образокъ самозванца; свободная рука прижимала къ вышитой позументами груди остатокъ разорваннаго гранатою штандарта. Кровь струилась изъ плеча. — «Бей ихъ! коли!» — послышались новые крики отъ моста. Къ холму скакала вторая шеренга гусаръ. — «Прости, дѣдушка, не поминай лихомъ!» — сказалъ Прядышевъ, распутавъ узду и вспрыгивая на Анпраса. Конь, почуявъ на себѣ знакомаго сѣдока, помчался вскачь. — «А, старый чёртъ, въ позументахъ! — раздались сзади его крики: — давно тебя, сатану, искали!» — Обскакивая, по пути къ лѣсу, пригорокъ, Прядышевъ оглянулся. Два рослыхъ гусара, поднявъ раненаго Оболяева, прикручивали его къ сѣдлу запасной лошади.

Войско Пугачова было разбито на-голову. Самъ онъ, съ остатками отряда, скрылся въ смежномъ, шедшемъ на десятки верстъ, лѣсу. Убѣдившись, что, измученный непрерывною гоньбою за нимъ, Михельсонъ остановился дать отдыхъ солдатамъ, онъ кое-какъ привелъ въ порядокъ свой отрядъ, перевалилъ съ нимъ, лѣсными дорогами, за Уральскія горы и, присоединяя къ себѣ, обманными листами и

силой, новыя шайки башкиръ и съ разоряемыхъ заводовъ крестьянъ, вышелъ на большую дорогу и потянулся къ Уфѣ.

Лазутчики во-время дали знать объ этомъ Михельсону и тотъ, опередивъ самозванца, встрѣтилъ его 5-го іюня на пути и снова разсѣялъ его скопища. Пугачовъ бросился къ Кунгуру, потомъ къ Екатеринбургу, но, узнавъ, что и тамъ стояли сильные правительственные отряды, вышелъ на красноуфимскую дорогу и направился къ пригороду Осѣ. Прядышева онъ не отпускалъ отъ себя.

Теодоръ былъ при осадѣ и взятіи Осы. Подойдя къ ней 18-го іюня, Пугачовъ послалъ воззваніе къ гарнизону, грозя сжечь пригородъ и предать смерти всѣхъ его защитниковъ, если они ему не сдадутся миромъ. Командиры гарнизона, майоръ Скрипицынъ и капитанъ Смирновъ, не уступали. Самозванецъ, съ старшинами, осмотрѣлъ берега Камы, исправилъ на ней переправы и мосты, подкатилъ къ деревяннымъ стѣнамъ крѣпости, съ подвѣтренной стороны, рядъ возовъ съ сѣномъ, берестой и соломой, и собственноручно ихъ зажегъ. Крѣпость и пригородъ запылали. Сильный вѣтеръ усиливалъ пожаръ. Гарнизонъ отворилъ ворота и сдался. Пугачовъ простилъ офицеровъ. Спасшіеся майоръ и капитанъ, съ младшимъ подпоручикомъ, Минѣевымъ, написали извѣщеніе къ казанскому губернатору, оправдывая себя и предупреждая его, что злодѣй замышляетъ набѣгъ и на Казань. Заготовленное письмо майоръ носилъ при себѣ, ожидая случая переслать его въ Казань. Подпоручикъ выдалъ товарищей самозванцу. Майоръ и капитанъ были повѣшены. Доносчика Пугачовъ, въ награду, произвелъ въ капитаны и отдалъ ему имущество и пожитки казненныхъ. Всѣ въ отрядѣ завидовали новообъявленному государеву любимцу. — «Эка, дьяволъ, успѣлъ! — толковали о немъ въ старшинской избѣ и на базарѣ:—сколько посуды ему досталось, какая коляска и кони! а зубастый, должно, сатана, хоть и изъ молодыхъ!»— «Задастъ онъ вамъ, толоконникамъ... вѣдь, не нашъ братъ,— отвѣчали другіе,— офицерская косточка, дворянинъ!» — Съ любопытствомъ Прядышевъ ожидалъ увидѣть этого офицера, такъ какъ, до казни выданныхъ послѣднимъ товарищей, онъ находился за пригородомъ, въ командѣ Баранки, тушившей горѣвшія предмѣстья и охранявшей обозъ. По прекращеніи пожара, всѣ потянулись въ пригородъ. Прядышевъ вышелъ на базарную площадь. Часть казаковъ чистила и ладила

найденныя въ пригородѣ пушки. Твороговъ изъ казенныхъ амбаровъ раздавалъ обознымъ пекарямъ провіантъ. Согнанные жители грузили изъ амбаровъ на обозныя фуры кули съ мукой, крупой, солью и овсомъ. Толпа зѣвакъ глядѣла на просторный домъ соборнаго протопопа, гдѣ остановился самозванецъ. Вдругъ толпа зашевелилась. На крыльцѣ этого дома показался вертлявый, худой и остриженный въ скобку, по-казацки, въ пѣхотномъ, полиняломъ мундирѣ, курносый офицеръ. — «Новый капитанъ, капитанъ!» — заговорили въ толпѣ, указывая на крыльцо. Прядышевъ взглянулъ на офицера и остолбенѣлъ.

Въ переодѣвшемся подпоручикѣ онъ узналъ офицера Ѳедора Минѣева, который, вслѣдъ за выходомъ изъ кадетскаго корпуса, встрѣчался съ нимъ на разныхъ увеселеніяхъ Москвы, въ театрахъ, на маскарадахъ и холостыхъ попойкахъ. Онъ же, съ другими знакомыми, на одной изъ пирушекъ обсуждалъ съ нимъ увозъ Серафимы Дугановой и приготовилъ для увоза лошадей.—«Да неужели же это онъ самъ, мой тёзка?» — спросилъ себя Прядышевъ, вглядываясь въ знакомые, маленькіе глаза и смуглое, съ выдавшимися скулами, курносое лицо Минѣева, который, съ важною осанкой, гордо шелъ мимо толпы, снимавшей передъ нимъ шапки: «вотъ неожиданность! его, за пьянство и буйство, перевели изъ полка въ гарнизонъ, и вдругъ онъ тутъ!» — Онъ подошелъ къ Минѣеву.

— Ѳедоръ Ильичъ,—сказалъ онъ:—тебя ли вижу? узнаёшь ли меня?

Минѣевъ съ секунду пристально и удивленно всматривался въ лицо Прядышева.

— Какъ не узнать! — произнесъ онъ, отворачиваясь: — первый, по Москвѣ, знаменитый ухарь, угоститель пріятелей и сердцеѣдъ Теодоръ, хоть ты уже не въ пудрѣ, да и я не въ косѣ. Только, батенька, помни, — прибавилъ онъ вполголоса и оглядываясь: — о прошломъ здѣсь, а особливо обо мнѣ, ни гу-гу. Послѣ все узнаешь, вечеромъ, заходи...

Сказавъ это, Минѣевъ снова принялъ важный, начальническій видъ. Небрежно кивая головой кланявшимся ему изъ толпы, онъ отошелъ къ возамъ, на которые грузили провіантъ, и оттуда долго еще раздавались его громкія приказанія, выговоры и крупная брань. — «Изъ молодыхъ, да ранній, — подумалъ о немъ, прислушиваясь къ его воскли-

цаніямъ, Прядышевъ:—впрочемъ, оно тутъ и полезно; хоть и шутъ гороховый, а все-таки способный и знающій, среди здѣшней сутолочи и безпорядковъ».

Въ сумерки Прядышевъ подошелъ къ небольшому дому, который занималъ Минѣевъ, невдали отъ квартиры самозванца. У его воротъ, какъ и у квартиры Пугачова, стояла стража.

— Ну, старый знакомецъ и тёзка, — началъ Минѣевъ, когда Прядышевъ вошелъ къ нему въ комнату:—очень радъ встрѣчѣ, а еще болѣе, что и ты, дружище, какъ слышу, одумался и передался истинному нашему, гонимому государю. Выпьемъ, братъ, на радости! — прибавилъ онъ, указывая гостю на столъ, обильно уставленный питьями и закусками.

— Такъ онъ и въ самомъ дѣлѣ настоящій? — спросилъ Теодоръ и, спохватившись, что сказалъ неладное, прибавилъ: — то-есть, видишь ли, врутъ разное; хотѣлось бы, Ѳедоръ Ильичъ, узнать истину, доподлинный ли онъ, потвоему, государь?

— А ты думалъ какъ? — строго взглянувъ на гостя, спросилъ Минѣевъ: — эхъ ты, простота, Ѳедя, вижу... былъ и есть передъ Господомъ младенецъ.

Минѣевъ всталъ, заперъ дверь на задвижку, прошелся по комнатѣ, ероша свои обрѣзанные въ кружокъ волосы, и сталъ передъ зеркаломъ, висѣвшимъ на стѣнѣ.

— Да какъ же, подумай ты, могъ бы хоть и я присягнуть ему?—сказалъ онъ, глядя въ зеркало и выпячивая грудь:—ну, какъ эти силы, голова, рѣшились бы на этакое даромъ, безъ причины? Вѣдь ему, какъ настоящему прирожденному государю, присягнула уже половина царства. Да здравствуетъ нашъ истинный царь, Петръ Ѳедоровичъ! Пей, братецъ, ура!..

Хозяинъ и гость чокнулись полными стаканами, съ крикомъ ура, выпили и снова повторили.

— Закуси, дружище, — обратился къ гостю Минѣевъ, указывая на миски и блюда: — караси въ сметанѣ, пельмени съ баранинной, уха изъ стерлядей...

— Да это просто балъ,—вскрикнулъ гость, давно въ походахъ питавшійся одними сухарями и солониной: —откуда такая стряпня?

— Поваръ покойнаго здѣшняго майора, — отвѣтилъ Ми-

нѣевъ, уплетая уху:—не покорился майоръ, повѣшенъ, намъ зато такая благодать.

Собесѣдники помолчали.

— Куда же его величество отсюда?—спросилъ Прядышевъ, кончивъ уху и принимаясь за пельмени.

— Въ Казань, дружище, въ Казань! Тамъ цесаревичъ, его высочество, Павелъ Петровичъ, ждетъ спасеннаго отца съ свѣжимъ войскомъ... тридцать, коли не болѣе, тысячъ привелъ и всю, какъ есть, гвардію. Всѣхъ разнесемъ, покоримъ.

Прядышевъ на это поморщился.

— Такъ-то, такъ,—сказалъ онъ, качая головой:—разнести все можно, отчего жъ, только не по мнѣ это, не по душѣ.

— Почему?—нахмурился Минѣевъ.

— Да потому, братъ на брата, свои вѣдь, это подло!

— Какъ подло?—вскрикнулъ и вскочилъ Минѣевъ:—такъ ты, выходитъ, трусишь? На попятный дворъ?.. Да знаешь ли, подлая твоя душа,—шепталъ онъ, напирая, съ кулаками, на гостя:—что если здѣсь замѣтятъ, ну, только догадаются, не сдобровать, слышишь ли, ни тебѣ, ни мнѣ. Мало петли, съ живого кожу сдерутъ.

— Да я ничего, полно, Ѳедоръ Ильичъ, — опомнился Теодоръ:—я только такъ, что свои, молъ,—повторялъ онъ, оправдываясь:—не мое дѣло... мнѣ бы только бумагу на тятенькинъ заводъ.

— Какой заводъ?

Прядышевъ разсказалъ.

— Будетъ тебѣ все, будетъ, вотъ тебѣ Богъ!—объявилъ, указывая на образъ, Минѣевъ:—помоги только намъ и ты.

— Въ чемъ же моя помощь?

— Ты грамотнѣе, ученѣе меня, въ первомъ пансіонѣ обучался, былъ въ чужихъ краяхъ; а нужно половчѣе написать манифестъ въ Казань.

— Да помилуй, я и простыя письма съ трудомъ, едва пишу!

— Вздоръ, братецъ, напишемъ вмѣстѣ! А какъ возьмемъ Казань да Москву, превознесутъ насъ, родной ты мой, вотъ какъ! Орловы нынче въ силѣ и славѣ, а въ то время, дружище, будемъ милы отечеству и мы!

— Такъ дѣйствительно, слушай, не серчай, онъ государь?—спросилъ опять Теодоръ:—ну, для меня скажи, ты вѣришь тому?

— Не вѣрилъ бы, не пошелъ бы, —отвѣтилъ, зѣвнувъ,

Минѣевъ:—простота, вижу, ты, простота. Какъ не понять? веревка тутъ, веревка и тамъ, такъ ужъ лучше, братецъ, вѣрить тому, что̀ самъ видишь, авось выгоритъ. Ну, развѣ самъ не примѣчаешь, какъ къ нему льнутъ и сколько у него войска?

— Ура! — крикнулъ, махнувъ на все рукой, Теодоръ:— счастье, значитъ, выше всего, за нимъ идемъ!

Минѣевъ хотѣлъ еще что̀-то говорить и оглянулся на Пря̀дышева. Тотъ, склонясь на столъ, уже спалъ.

XXII.

Передъ выходомъ изъ Осы на Узы и Малмыжъ, Пугачовъ учинилъ судъ и казнь надъ послѣдними изъ указанныхъ ему непокорныхъ офицеровъ, дворянъ и купцовъ, достояніе которыхъ было взято въ обозъ самозванца. Ихъ повѣсили на базарѣ; нѣкоторыхъ прямо топили въ рѣкѣ, а на выгонѣ устроили еще особую расправу. Захожій изувѣръ, изъ толка бѣгуновъ, гостя въ пригородѣ, встрѣтилъ самозванца на улицѣ, верхомъ на конѣ, разглядѣлъ подслѣповатыми глазами, какъ многіе изъ народа, крестясь, падали передъ новоявленнымъ государемъ на колѣни, не вытерпѣлъ, выхватилъ изъ-за пазухи походный ножъ и, съ крикомъ: «антихристъ, тьфу! бей его, сатану! разсѣйся!»—бросился съ ножомъ на самозванца. Изувѣра схватили. По совѣту Минѣева, въ острастку прочимъ, его привязали на выгонѣ, у оврага, къ столбу и, созвавъ городскихъ подростковъ, объявили, что злодѣй отданъ имъ на разстрѣляніе. Куча безбородыхъ малолѣтковъ бросилась съ отцовскими ружьями на выгонъ. Тѣмъ временемъ Пугачовъ покидалъ Осу. Въ отрядѣ слышали звуки выстрѣловъ и хохотъ потѣшниковъ. Когда же войско проходило невдали отъ оврага, съ дороги увидѣли страшную мишень,—освѣщенный лучами заходящаго солнца, столбъ, на которомъ, въ послѣднихъ судорогахъ, подъ неумѣлою пальбой ребятъ, корчилась и билась длинная, окровавленная фигура казнимаго.

— Что, батенька, отвернулся? — спросилъ съ усмѣшкой, подъѣхавъ къ Теодору, Минѣевъ: — сердце, видно, не мужское, а бабье?

— Ахъ, ужасъ! — отвѣтилъ, смигивая слезы, Пря̀дышевъ:—вѣдь, человѣческая все-таки душа, жизнь вѣдь это, а ты шутишь.

— Полно, баба, ахать, недолго ждать! — сказалъ Ми-

нѣевъ: — все рѣшено; указаны мною средства, пути и все! вѣдь не даромъ я казанецъ, всѣ норы знаю, проведу. Все пока успѣшно... А сколько этого народу со всѣхъ концовъ идетъ, просится въ государево войско! Сегодня опять принято безъ счету и конныхъ, и пѣшихъ. Эхъ вы, купчишки, не военная косточка, гдѣ вамъ понять? А, впрочемъ, Прядышевъ, будетъ хорошо и тебѣ. Какъ возьмемъ Казань, тамъ губернаторская канцелярія, эти всѣ бумаги, законы и все. Государь вспоминалъ еще сегодня, безпремѣнно подпишетъ и выдастъ тебѣ документъ.

Прядышевъ ѣхалъ молча. Не то теперь у него было на умѣ. «Казни, пожары, грабежи и кровь!—думалъ онъ,—и все это на моихъ глазахъ, ко всему я поневолѣ причастенъ. Водятъ, тягаютъ, отъ Урала до Кунгура, назадъ до Красноуфимска и снова вонъ куда. Я имъ бумаги пишу, объявленія, обносился, голодаю... Шубу приняли, коней, сбрую и всѣ деньги забрали, даромъ загубили приказчика, а резону насчетъ наслѣдія ни на алтынъ. Какой онъ и впрямь государь? чеснокъ, да щербу тарелками ѣстъ, пьяница, развратникъ и всѣхъ въ конецъ поитъ... Лучше бы, видно, на заводѣ было сидѣть и ждать. Нѣтъ, кончено, бросить ихъ надо, убѣжать. Виномъ заливаютъ, диктуютъ воззванія, а что иной разъ пишу пьяный, и не сообразишь... И зачѣмъ я тогда, въ Кіевѣ, связался съ цыганами?.. Не споилъ бы, не обобралъ бы Пантюшка, — божество-Серафима была бы моя! проживалъ бы я въ чужихъ краяхъ, а не тутъ, съ мужичьемъ, душегубами! Насолилъ врагу подмётнымъ письмомъ, да что вышло? думалъ — нарвется отъ ревности на лѣкаря, а тотъ пришибетъ его; одначе, не удалось... А красавица? будь силы, будь капиталъ, кажись, опять выкралъ бы, увезъ бы кралю... Исполнитъ царь просьбу, минуты не останусь, убѣгу...»

Мысль о побѣгѣ изъ отряда самозванца не давала Прядышеву покоя. Но какъ уйти? поймаютъ, коротка расправа, петля и на сукъ. Онъ мучительно выжидалъ случая, стычки какой-нибудь, ночного нападенія на заводъ или помѣщичье село, пожара, грабежа, чтобы подъ общую сумятицу и возню отбиться въ сторону, засѣсть въ какой-либо водороинѣ или въ лѣсу и оттуда, когда все смолкнетъ, уйти, куда глаза глядятъ. Не встрѣчалось, однако, ни новыхъ стычекъ, ни пожаровъ.

Путь отъ Осы до Узы и до обоихъ Кильмезе́й былъ пройденъ безъ всякаго отпора и преградъ. Вездѣ самозванца встрѣчали съ хлѣбомъ-солью; сельскіе причты ожидали его у церквей, съ хоругвями, а чернь, выслушавъ отъ него указъ о волѣ, присягала ему, цѣлуя крестъ. Подошли къ Малмы́жу. На утро готовились переправиться черезъ Вятку.

«Ну, тутъ непремѣнно убѣгу!»—рѣшилъ Прядышевъ, съ замираніемъ ожидая ночи. Онъ прилегъ у старшинской палатки и притворился, что спитъ. Солнце давно зашло за прибрежными холмами, но сумерки еще длились, не смѣняясь ночной тьмой.

— Ѳедя, а Ѳедя! Теодоръ!—раздался чей-то голосъ надъ Пря́дышевымъ.

Кто-то теребилъ его за плечо. Онъ поднялъ глаза. Передъ нимъ стоялъ Минѣевъ.

— Что̀ тебѣ?—спросилъ Пря́дышевъ.

— Не знаешь новости?

— Какой?

— Да твоя-то былая дульцинея, эта Дуга̀нова... знаешь ли, гдѣ она?

— Не знаю, говори!—вскрикнулъ, поднявшись на локтѣ, Пря́дышевъ.

— Подъ Казанью, въ имѣніи своей крёстной, этой генеральши Туровцо̀вой, что ли.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Къ намъ, уже вторыя сутки, съ другими присталъ одинъ новобранецъ, изъ барскихъ лакеевъ... и какъ бы ты думалъ, кто? помнишь Сергѣя дуга̀новскаго, московскаго слугу? Начётчикъ еще такой, все святцы читалъ.

— Еще бы не помнить! сколько разъ съ письмами ко мнѣ ходилъ.

— Ну, онъ самый и есть.

— Гдѣ же онъ? гдѣ? неужели здѣсь?

— У Идорки, кухаремъ у артельнаго котла; узналъ меня, сейчасъ и сообщилъ,—вся, говоритъ, дуга̀новская семья гоститъ теперь у Туровцо̀вой, подъ Казанью.

Пря́дышевъ вскочилъ.

— Въ какой сторонѣ артельные котлы?—спросилъ онъ, оглядываясь.

— Иди, дружище, прямо, вонъ видишь, дымъ—у самаго берега.

Прядышевъ пошелъ по указанію.

— А что,—усмѣхнулся Минѣевъ:—теперь уже безъ колебаній пойдемъ на Казань?

Прядышевъ на этотъ вопросъ не оглянулся и ничего не отвѣтилъ.

Красный-Кутъ, имѣніе Варвары Ивановны Туровцовой, крёстной матери Серафимы Дугановой, находился на правомъ берегу Волги, въ пятнадцати верстахъ отъ Казани. Обширная барская усадьба этого села выходила на почтовый сибирскій трактъ. Фруктовый садъ и паркъ упирались въ лѣсную дачу, черезъ которую шла дорога отъ Краснаго-Кута, вдоль Волги, въ Казань. Передъ стариннымъ, деревяннымъ домомъ, съ залой въ два свѣта, въ тридцать оконъ, съ галлереями, виннымъ и рыбнымъ погребами, разстилался зеленый, усаженный кустами, большой дворъ, съ чугунною рѣшеткой и высокими чугунными воротами, на рѣзной перекладинѣ которыхъ красовался бронзовый гербъ владѣлицы, а по ночамъ, для удобства пріѣзжающихъ, постоянно зажигался большой фонарь. На вышкѣ бельведера, надъ которымъ развѣвался флагъ, собственный крѣпостной астрономъ Туровцовой, Антонушка, содержалъ для ея гостей большую зрительную трубу. Видъ отсюда на ближніе холмы и лѣсъ и на синѣющія, чуть видныя въ туманной дали, очертанія Казани былъ живописный и привлекательный. Парадное крыльцо господскаго дома, съ началомъ лѣта, уставлялось магноліями, олеандрами и другими растеніями изъ теплицъ. Здѣсь обыкновенно толпились свои и заѣзжіе слуги, ожидая зова господъ и пересуживая то, что слышали въ домѣ, или о чемъ шли толки на сторонѣ. Кромѣ астронома, у Туровцовой были собственные актеры, музыканты, парикмахеръ, хоръ пѣвчихъ и даже артиллерія, такъ какъ по бокамъ воротъ, на лафетахъ, стояли двѣ мѣдныя пушки.

— Весело у васъ тутъ,—сказалъ молодой и франтоватый, заѣзжій лакей пожилому, въ сѣрой курткѣ, кухонному слугѣ, давшему ему, на ходу, у крыльца потянуть изъ коротенькой, дымящейся трубочки:—и это у васъ часто?

— Почитай, каждый Божій день,—отвѣчалъ тотъ, сплёвывая: — съ пріѣзда этихъ Дугановыхъ, ихней, значитъ, родни, ни сѣсть, ни лечь, — съ утра до поздней ночи у

печки,—завтраки, обѣды, полудники, ужины, не напасемся дровъ. Вы будете, значитъ, изъ Тевкелевки?

— Изъ Сурмыша, дяденька, Пòрозовыхъ.

— А что, паренёкъ, — спросилъ вполголоса кухонный мужикъ, отводя лакея отъ крыльца:—чтò слышно, то-есть, вопче, въ вашей сторонѣ?

— О чемъ спрашиваете?

— Да о тѣхъ же все, о ѣздящихъ тутъ въ степи! Правда ли, сказываютъ, быдто онъ воръ, какъ есть, и быдто вовсе не царь, а только взялъ на себя такое имя?

Франтъ-лакей тоже сплюнулъ и опять затянулся изъ трубочки.

— Намъ какое дѣло!—отвѣтилъ онъ, отставивъ ногу, одѣтую въ голубой плисъ, съ серебрянымъ позументомъ, и вертя ею передъ собой:—мы не баре, холопы,—наше дѣло молчать. Опять же, гдѣ намъ про такое, то-есть, дѣло судить? Оно точно, слышно, быдто именно всякіе люди ѣздятъ въ тутошнихъ мѣстахъ; а воръ ли онъ, заправскій ли государь, про то, дядя, мы не свѣдомы.

— Нѣтъ, слушай, малый; набью тебѣ еще трубочку, покури, — продолжалъ, оглядываясь, кухонный мужикъ: — ты, какъ передъ Богомъ, скажи, правда ли, что онъ, этотъ-то старый, или новый царь, отбираетъ у господъ, ослобоняетъ, то-есть, мужиковъ, и правда ли, быдто, какъ только осерчаетъ, сейчасъ вѣшаетъ не токмо начальство, а и господъ?

— Какъ какіе господа!—съ важностью отвѣтилъ, взглянувъ на старика, лакей:—ваша, чай, поди, живодёрка?

— Что ты, что ты! — въ ужасѣ замахалъ руками старикъ:—нечего Бога гнѣвить, тятенька ихній былъ точно— куда строгъ, а она, сердечная, ничего... Одна бѣда, наѣдутъ гости изъ города, али какъ вотъ ваши, до-поздна сидятъ; кричатъ, гляди, пѣтухи, а имъ ужинъ подавай.. Ну, а какъ ваши? строгоньки, спуску не даютъ?

— Изверги, — усмѣхнулся лакей, кончивъ курить и выбивая о ладонь трубку: — да что! у васъ, дяденька, до пѣтуховъ, а у насъ до солнца; музыка, карты, плясъ... особенно эти карты, ломберъ, али тотъ фараонъ; доиграются инова, на столахъ негдѣ записывать выигрыша, пишутъ на сапогахъ.

— Насчетъ воли этой чтò слышно? будто ни податей, ни барщины больше не отбывать?

— Какъ не слышно! Всякое толкуютъ, да мы на это плевать. У насъ двѣ барышни на выданьѣ; такъ будетъ такой развальяжъ, фейерверки, комедія, изъ Казани ждутъ трубачей... намъ справляютъ новыя ливреи, желтыя... опять же и насчетъ шляпъ...

— Ну, на барынино рожденіе и у насъ будетъ фейверкъ,—отвѣтилъ, уходя и не желая уступить заѣзжему молокососу, старикъ: — а музыка и всякое угощеніе къ намъ выписаны не токмо изъ Казани, изъ Москвы. Да у васъ сколько душъ?

— Триста.

— Ну, а у нашей—три тысячи! Одной прислуги пятьдесятъ человѣкъ, да своя вонъ антиллерія...

Домъ и усадьба Варвары Ивановны Туровцовой, съ пріѣздомъ Серафимы Львовны и ея семьи, наполнились давно небывалымъ здѣсь оживленіемъ. Гости изъ города и окрестныхъ помѣстьевъ съѣзжались сюда чуть не каждый день. За столъ садились по сорока и болѣе человѣкъ. Предпринимались поѣздки въ поле, на берега Волги и въ лѣсъ, гдѣ пили чай, собирали цвѣты и грибы. Устраивались катанья, съ музыкой, въ лодкахъ—по лѣснымъ озерамъ и на большомъ, парусномъ катерѣ—по Волгѣ. Пожилые, по вечерамъ, играли въ карты, молодежь собиралась у клавикордовъ; пѣли, играли въ фанты и танцовали.

XXIII.

Если молодые, заѣзжіе изъ Казани и отдаленныхъ деревень, помѣщики привозили и шопотомъ передавали какуюлибо непріятную вѣсть о новыхъ похожденіяхъ и неистовствахъ Пугачова, вновь, какъ стало слышно, появившагося изъ-за Уральскихъ горъ и бунтовавшаго тамошніе помѣщичьи и казенные заводы, то другіе, пожилые, этимъ слухамъ не придавали особаго значенія и старались имъ не вѣрить.

— Все это бабьи страхи и вздоръ, — разсуждали выросшіе въ давнемъ, глубокомъ мирѣ и тишинѣ старожилы:— ну, гдѣ ему противъ регулярныхъ войскъ! притомъ такая даль, гдѣ-то въ башкирскихъ и киргизскихъ степяхъ... Да въ Казани сколько полковъ—вятскій, владимірскій, томскій, гренадеры, карабинеры, бахмутскіе гусары!

— А какъ злодѣй, все-таки, нагрянетъ сюда?—возражали

робкіе и болѣе впечатлительные вѣстовщики:—вѣдь, у него скопища по десяти, двадцати тысячъ!

— Въ Казань-то, батенька? на этакую крѣпость?—усмѣхались старики, служившіе когда-то въ военныхъ и участвовавшіе въ походахъ съ Минихомъ: — по-вашему, этотъ разбойникъ, казакъ нѣкій,—что ли, герой, Марій-безстрашный, или Цезарь-стратегъ?

— А что же такое Пугачовъ?

— Маркитантишка плюгавый, не больше! пьяница былъ всегда и грубіянъ, какъ и слѣдуетъ мужику, а все его войско — сбродъ каналій, оборванной голытьбы, вотъ и все. Настигни его настоящее войско, произведи, какъ слѣдъ, атаку, съ диверсіей, обходомъ съ фланговъ и прочимъ, не устоять ему и часу. Хорошъ стратегъ, удираетъ въ степь отъ первой правильной пальбы. Трусъ онъ подлый и только измѣной, предательствомъ беретъ!

— Однакоже,—не унимались возражатели:—что ни говорите, а Пугачовъ дерзокъ и смѣлъ; носится на конѣ подъ пулями, передъ нашимъ фронтомъ; топнетъ ногою,—легіоны изъ-подъ земли выходятъ... А какъ мучитъ плѣнныхъ, непокорныхъ ему? Офицеровъ разстрѣливаетъ, священниковъ ребромъ вѣшаетъ на крюкъ, истекающихъ кровью раненыхъ топитъ безъ сожалѣнія въ колодцахъ и прудахъ... дѣтей, невинныхъ младенцевъ, вверхъ ногами вѣшаетъ на глазахъ матерей... а женъ и дѣвицъ беретъ къ себѣ въ поварихи. Это ли не смѣлость? И ужъ если Емелька не римскій герой, то, по правдѣ сказать, сермяжный Аттила, крещёный, для позора народа и нашей вѣры, современный Тамерланъ.

— Эхъ, видно и впрямь, сами вы, господа, храбрецы!— отвѣчали, прижатые къ стѣнѣ, старики: — вѣрите всякому объ этомъ разбойникѣ авантюрьерскому вранью и галиматьѣ. Ужъ и Аттила, и крещёный Тамерланъ! Ну, чего бояться его хоть бы намъ съ вами? Посудите толково... Казань окружена крѣпостью, батареями; въ ней свыше двухсотъ пушекъ. Такъ ли это? нѣтъ, вы скажите, ложь это, или вѣрно?

— Ну, вѣрно. Что же далѣе?

— А если вѣрно, то гдѣ же этой, извините, безпорточной командѣ, этой аравѣ мужиковъ, отважиться хоть бы на осаду, или на штурмъ такой правильной и всѣмъ снабженной крѣпости, когда, во-первыхъ, о ихъ подступѣ всѣ будутъ знать напередъ,—не степная же это, жалкая фортеція,

въ родѣ Озерной,—и, во-вторыхъ, защищаетъ ее, съ достаточнымъ войскомъ, такой опытный генералъ, какъ нашъ губернаторъ фонъ-Брандтъ... Пусть попробуютъ! Притомъ и измѣны намъ не ждать, кругомъ насъ тихо, ни голода, ни мора, ни повѣтрій, а урожай, кстати, какой,—давно не было такого. Такъ-то, государи мои, напрасная тревога... Народъ не глупъ, истязателей между нами нѣтъ, и не изъ чего ему бунтовать.

— Но позвольте, позвольте, — не унимались спорщики-пессимисты:—кому же не извѣстно, что всѣ на свѣтѣ рабы, испоконъ вѣковъ, всегда того только ждали и ждутъ, чтобы освободиться, и для этого готовы хоть растерзать своихъ владѣльцевъ, какъ бы послѣдніе, подобно намъ съ вами, ни были склонны сердцемъ и добры...

— Что вы, что вы! — шептали, въ ужасѣ оглядываясь, старики: — говорите такія слова! затворили бы хотя двери, слуги услышатъ.

— А именно-съ... и нечего затворять дверей. На то подданные мужики и чернь, чтобъ питать ненависть и сокровенную злобу къ власти, къ достатку и къ господамъ. Нѣтъ между нами бездушныхъ истязателей, въ родѣ хотя бы московской, по правдѣ надо сказать, просто безумной Салтычихи; это истина-съ, и наши, да и сосѣдніе дворяне не ославлены еще, благодаря Бога, никакимъ вопіющимъ претекстомъ къ бунту и насиліями надъ крѣпостными. Но такъ всегда было въ мірѣ, такъ и будетъ... рабъ остается рабомъ.

Старики хотѣли возражать.

— Non, non, messieurs, notre peuple n'est pas sûr,—перебивали ихъ спорщики уже по-французски, увидя лакея, входившаго съ чашками чая на подносѣ:—et vous le savez bien, vous mêmes, que le scélérat fera beaucoup de mal, s'il parvient jusqu'à Kazan.

— Mais écoutez donc, Степанъ Романычъ, — перебивали старики, когда лакей удалялся съ чашками:— ну, чѣмъ соблазняютъ хоть бы этотъ народъ? Вы читали воровскіе листы, эти манифесты самозванца?

— Нѣтъ, не случалось.

— Ну, а вотъ я читалъ, губернаторъ привозилъ... Штиль, батюшка, глупый, подлый и чисто мужицкій, какъ и все у этого злодѣя мужицкое и подлое.

— Да что̀ вы толкуете? да вѣдь мужику того только и

нужно! что̀ ему обѣщаетъ Пугачовъ? полную свободу отъ барщины и податей... и ему только этого и надо...

— Я, сударь, самъ подати за своихъ плачу.

— А онъ обѣщаетъ имъ и землю даромъ.

— Да и у меня бери земли, подлецъ, сколько хочешь.

— Бери, однако, съ моего согласія! а тогда мужикъ и самъ возьметъ,—такъ-то-съ!

— Опять же чѣмъ ихъ манитъ этотъ злодѣй? На что̀, говоритъ, церкви и попы? хочешь вѣнчаться, обойди съ дѣвкой вокругъ куста и баста, ты совершилъ бракъ... самокруткой, понимаешь?

— Ну, это вы уже черезчуръ, Иванъ Ильичъ!

— Нѣтъ, не черезчуръ-съ! Эхъ, вы, вольнодумцы, послать бы васъ въ гости къ Шешковскому, посадить бы хотъ одного изъ васъ въ его кресло, съ секретомъ... Былъ это я, намедни, въ полицейской ратушѣ; привели, при мнѣ, пойманнаго подъ городомъ, лазутчика. Связали, стращаютъ, грозятъ плетьми; сказывай, молъ, говорятъ, видѣлъ ты Пугачова? каковъ онъ собой? А лазутчикъ отвѣчаетъ: что же, господа? правду скажу, видѣлъ батюшку-царя, и таковъ-то онъ милостивъ, нищелюбивъ, свѣтлодушенъ и сладкорѣчивъ.

— Задалъ бы я ему это свѣтлодушіе!

— Да и задали... Не будь подстрекателей и мутьяновъ, не совратить нашихъ подданныхъ. Во всемъ нашемъ округѣ не изъ чего бунтовать. Да хоть бы и дерзнули, одинъ нашъ православный герой, Михельсонъ, чего стоитъ? Налетитъ сюда и сразу прекратитъ политическую чуму, неистовство и злое похабство слѣпой и глупой черни. Онъ одинъ справится, возвратитъ и усилитъ символы нашего счастья, сниметъ веревку съ шеи всего россійскаго дворянства.

— Вашими устами медъ бы пить!

На эти и подобные имъ разговоры Алексѣй Андреевичъ Дуга̀новъ наружно не обращалъ никакого вниманія. Внутренно же они тревожили его и смущали, и онъ не разъ, послѣ такой бесѣды, долго бывалъ не въ духѣ.

Стояли превосходные, теплые дни конца іюня. Рабочая пора была въ разгарѣ. Поля кишмя-кишѣли народомъ. Убирали сѣно. Поспѣвала рожь, на славу отцвѣтали проса̀ и гречихи. Былъ обильный пчелиный взятокъ; улья ломались отъ меда, и пчелиницы не успѣвали собирать роевъ. Ожи-

дался незапамятный урожай огородины и плодовыхъ садовъ. Деревенскія околицы, по вечерамъ, оглашались пѣснями возвращавшихся съ поля загорѣлыхъ косарей и убранныхъ цвѣтами и лентами гребчихъ. Довольство радостнаго, трудового народа отражалось и на веселіи господъ.

Въ Туровцовской усадьбѣ, уже болѣе двухъ недѣль, готовились къ празднованію дня рожденія Варвары Ивановны. Въ саду, надъ ближнимъ озеромъ, ставили шесты и размалеванныя декораціи для фейерверка. Изъ Москвы пришли подводы съ винами и заморскою бакалеей, изъ Казани—съ свѣжепросоленною, копченою и вяленою рыбой. Въ Казани же договорили для танцевъ хоръ военныхъ трубачей, а для парадной обѣдни—соборныхъ и архіерейскихъ пѣвчихъ; собственный домашній хоръ долженъ былъ пѣть за столомъ. Изъ Москвы къ церковному служенію доставили новыя богатыя ризы, а каменный, пятиглавый храмъ, еще съ весны, подновлялся живописью и украсился новою утварью, въ томъ числѣ дорогимъ хрустальнымъ паникадиломъ и выписанными съ ярмарки, изъ Астрахани, персидскими и тибетскими коврами. Всѣ любовались отдѣлкою богатаго, стариннаго храма. Домашній священникъ, отецъ Гервасій, надѣвъ новую шелковую, голубую рясу, съ широкими рукавами, чувствовалъ отъ предвкушенія радостей праздничнаго торжества, что онъ не ходитъ, а какъ бы носится, паритъ, на пышныхъ, лазоревыхъ крыльяхъ. Все было уже вполнѣ наготовѣ; свезенъ на конюшни въ кладовыя запасъ сѣна и овса для лошадей ожидаемыхъ посѣтителей, садовый павильонъ, одинъ изъ флигелей и нѣсколько пустыхъ амбаровъ на главномъ дворѣ были очищены, убраны и превращены въ спальныя помѣщенія для гостей. Ранѣе другихъ ожидали Марью Родіоновну, съ Нинѣтъ Ладыженцевою, да Силу Ѳомича Травкина, который вызвался встрѣтить Марі, при ея возвращеніи изъ Свіблова въ Горки, и проводить ее сюда. Время, назначенное для пріѣзда Марі въ Туровцово, давно прошло. Ожидали еще недѣлю и двѣ. Марі не являлась.

«Что бы это значило? — раздумывалъ Алексѣй Андреевичъ,—ужъ не заболѣла ли она? Ни писемъ по почтѣ, ни нарочныхъ. Заболѣла бы — Травкинъ навѣрное бы извѣстилъ!» — Поднимаясь, какъ бы для развлеченія, утромъ и вечеромъ, на вышку бельведера, Алексѣй, не безъ тревоги,

наводилъ зрительную трубу въ ту сторону, гдѣ лежалъ путь отъ Самары, и высматривалъ, не видно ли облака пыли, не катитъ ли издали въ Туровцовку знакомый синій берлинъ Маріи.—«Сюрпризъ хочетъ намъ сдѣлать,—думалъ онъ о свояченицѣ,—нечаянно рѣшила подкатить!»—Но ожиданія Алексѣя оказывались тщетными. Съ самарской дороги онъ невольно обращалъ зрительную трубу на сибирскій трактъ, уходившій въ загадочную даль, раздумывая, все ли тамъ благополучно.

XXIV.

Однажды вечеромъ, въ воскресенье, когда всѣ сидѣли на балконѣ и Серафима вслухъ читала Варварѣ Ивановнѣ недавно полученный изъ Петербурга новый французскій романъ, человѣкъ подалъ Алексѣю Андреевичу нѣсколько писемъ съ почты.

— Отъ Силы Ѳомича,—сказалъ Алексѣй, распечатавъ одинъ изъ конвертовъ.

— Не пишетъ ли чего о Маріи? читайте,—послышались голоса.

Дугановъ пробѣжалъ про себя полученное письмо, соображая, все ли въ немъ можно сообщить слушателямъ. Надъ нѣкоторыми свѣдѣніями онъ-было задумался, но затѣмъ прочелъ письмо вслухъ.

«Досточтимѣйшій Алексѣй Андреевичъ,—писалъ Травкинъ:—сообщаю вамъ горестныя вѣсти, до коихъ довѣдался вчерась, въ Саратовѣ, куда совершилъ краткій вояжъ къ знакомому вамъ, ученому звѣздочету, г. Ловицу. Колецъ Сатурна въ его телескопъ еще не видно,—будутъ зримы, какъ вѣдомо вамъ, токмо въ августѣ. А бывшіе у него гости, толкуя о Сатурнѣ, повели рѣчь и о земной, всѣхъ насъ занимающей, яицкой гидрѣ. Оный ядовитый звѣрь, представьте, покинулъ Магнитную крѣпость, разорилъ и ограбилъ за Ураломъ множество рудныхъ заводовъ и селъ и перешелъ снова, какъ слышно, по сей бокъ тамошнихъ горъ. Упаси насъ, Господи, отъ него и помилуй. Но къ сему и пріятное услышалъ я. Нашъ, всѣми хвалимый, герой Иванъ Иванычъ Михельсонъ, яко истинный патріотъ, неусыпенъ въ гоньбѣ за нимъ. И что за молодецъ! Нынче разбиваетъ изверга здѣсь, завтра наноситъ ему пагубу тамъ, но подъ силу ли, скажите, все то совершать, съ малою горстью храбрыхъ, почти одному? Аки аравійскій вихрь, на

истомленныхъ, казенныхъ лошадкахъ, онъ настигаетъ оборванное скопище; а тѣ нахалы и срамцы развѣ стѣсняются? Въ каждомъ селѣ силою берутъ новыхъ, свѣжихъ коней и, завидя погоню, летятъ далѣе, аки снѣговой ураганъ. Защитительное попеченіе безстрашнаго героя и малой горсти его уланъ, гусаръ и прочихъ при немъ штатныхъ людей, хотя весьма и ободряетъ наши дӯхи и смущенныя сердца, — но остановитъ ли оная горсть злобнаго того яицкаго тигра и всю его звѣрояростную месть? Преградитъ ли она въ конецъ путь его дерзкимъ и пронырливымъ набѣгамъ? Ѳеатръ бунта, увы, видимо расширяется, ростетъ. Ахти-хти, какъ бы отрожденный христіанскою утробою Чингизъ не наскочилъ на насъ, истребляя всѣхъ неповинныхъ, здѣ живущихъ по Волгѣ дворянъ, какъ перебилъ и захватилъ по Яику и инымъ рѣкамъ? Ужли погибнемъ и впрямь, аки ночныя весеннія бабочки, сирѣчь эфемерӣды? Въ сихъ-то тискахъ, почтенный Алексѣй Андреевичъ, не отъ трусости, и не какъ чехвалъ или пустой фанфаронъ, а изъ расположенія, яко другъ вашей семьи, нахожу за нужно сообщить сіи, безъ должныхъ, можетъ быть, коммъ и пунктовъ, предостерегательныя ремарки. Эй, благодѣтель нашъ, берите мѣры, укладывайтесь, уговорите и ея превосходительство, высокочтимую Варвару Ивановну, и — ӯтру-сӯщу, либо во едину изъ тихихъ нощей, уѣзжайте, не откладывая, съ домочадцами и съ добромъ, какое поцѣннѣй, — изъ вашихъ сельскихъ мѣстъ, да не въ Казань, а прямо въ Москву, еще же того лучше въ Питеръ, гдѣ близость самой монархини и столько защиты отъ войскъ. И если бы, прямо изъ Свӣблова, прибыла къ вамъ Марья Родіоновна, съ Ниной Александровной, берите, не медля, и ихъ съ собой. Вѣдь помѣстье, гдѣ нынѣ обрѣтаетесь, на изстари вѣдомой, сиротской и гулевой, сибирской дорогѣ. Ахъ, берегитесь! По ней, того и гляди, нежданно объявится треклятый могильный филинъ. Его пособниковъ-нетопырей, слышно, уже во множествѣ, половили и ощипали; да онъ, дерзостный и ядовитый убійца, еще цѣлъ и, на пагубу неповинныхъ, носится крылатый. И всѣ-то домашніе воры, скрытные злодѣи, видимо, молятся въ сердцѣ: гряди, сѣмо, сынъ геенны, ждемъ, не дождемся тебя!—Эй, спасайтесь, пока есть время, бѣгите, хоть то и тяжело. Не глядите на нерѣшительныхъ; запрягайте коней, спѣшите, памятуя изреченіе: отруби руку по запястье, коли

добра себѣ не хощетъ. О главномъ думайте, — о жизни, а не о мелочахъ. Меня же, малаго, за сіи дерзкія, можетъ-быть, строки не осуждайте. Огненная лава, кровавый потокъ настигаетъ. Не теряйте времени. Остаюсь — Сила Травкинъ».

Это письмо сильно озадачило слушателей.

— Что же, это, однако? — произнесла первая Серафима Львовна:—неужели все это вѣрно, и опасность, даже здѣсь, такъ велика? Да говори же, Alexis, какъ твое мнѣніе?

— Не думаю,—отвѣтилъ Алексѣй Андреевичъ, желая по возможности успокоить взволнованныхъ:—Травкинъ получилъ свѣдѣнія въ Саратовѣ, но оттуда Пугачовъ чуть не за тысячу верстъ; мы ближе, и въ Казани, разумѣется, знаютъ обо всемъ лучше, чѣмъ тамъ, здѣсь же всѣ спокойны.

Поднялись горячіе споры. Одни стояли за немедленное исполненіе совѣта Травкина: «не даромъ старикъ тревожится, онъ желаетъ намъ добра!»—Другіе увѣряли, что все это ложные и преувеличенные слухи, что Сила Ѳомичъ, хотя дѣльный и прозорливый человѣкъ, но уже черезчуръ напуганъ роковою кончиной своего брата на Яикѣ, и что, наконецъ, во всякомъ случаѣ, даромъ бить тревогу и укладываться въ путь, когда подъ-бокомъ укрѣпленная Казань и все уже готово къ празднику, значитъ, не только по-пусту смущать прислугу, но и вообще подавать примѣръ трусости и излишней суеты.

Варвара Ивановна, все это время молча вязавшая, въ очкахъ, какой-то шелковый съ бисеромъ кошелекъ, спокойно выслушала всѣ мнѣнія, поправила спавшую у нея на колѣняхъ, подъ гаруснымъ одѣяльцемъ, крошечную, съ розовымъ бантикомъ на шеѣ, болонку, откинулась въ мягкое кресло, на которомъ обыкновенно сидѣла, придвинула ближе къ глазамъ очки и сквозь нихъ пристально взглянула на спорщиковъ.

— Слушала я васъ, слушала, — сказала она: — и, признаюсь, не мало удивляюсь. О чемъ споры? Дѣло такъ просто. Вы, Alexis, съѣздите въ городъ, повидаетесь съ губернаторомъ и допросите его, отъ моего имени, да построже, толкомъ, чтобъ онъ внялъ, ну, и все узнаете... Есть какая-либо опасность,—нашъ праздникъ можно и отложить; нѣтъ ничего важнаго, — все пойдетъ своимъ чередомъ... Аттила, Чингизъ, Тамерланъ!.. какія, подумаешь, страсти! бунтуетъ

горсть глупыхъ мужиковъ,—и все тутъ. Развѣ у насъ войска мало? Поль Потемкинъ пріѣхалъ, строятъ батареи, даже гимназистовъ вонъ вооружили. Будетъ опасно—скроемся въ крѣпость... а наконецъ, экая невидаль,—ну, уѣдемъ, пожалуй, и въ Москву.

— Но, maman, — начала-было Серафима, видя по лицу Алексѣя, что тотъ не совсѣмъ раздѣлялъ мнѣнія ея крёстной:—пока соберемся въ Казань или въ Москву, все вдругъ можетъ случиться.

— Перестань, ma chère, неподходящія вещи говорить,—недовольно перебила Туровцо̀ва, опять подвигая очки къ глазамъ и черезъ нихъ оглядывая присутствующихъ! — да ты забыла, самъ губернаторъ удостоилъ принять приглашеніе къ намъ и, если бы дѣла здѣшнихъ мѣстъ находились мало-мальски подъ сомнѣніемъ, неужели онъ не прислалъ бы заранѣе отказа и не далъ бы должнаго, по своей обязанности, совѣта и руководства? Поѣзжайте же, Alexis!

Алексѣй Андреевичъ утромъ слѣдующаго дня отправился въ Казань. Проѣзжая паркомъ, потомъ тѣнистою, лѣсною просѣкою, онъ вглядывался въ вершины столѣтнихъ дубовъ, вязовъ и липъ, вѣтви и листья которыхъ были недвижимы въ сонной и пахучей прохладѣ, оглашаемой только стрекотаніемъ кузнечиковъ, и думалъ: «Какъ здѣсь тихо, спокойно! а тамъ на востокѣ? ждать ли оттуда бѣды?»

Въ городѣ, куда онъ пріѣхалъ, было, повидимому, также все спокойно. Стѣны старинной крѣпости были подновлены и на нихъ, кромѣ прежнихъ, установлены новыя пушки изъ арсенала. Со стороны Арскаго Поля, Суконной и другихъ подгородныхъ слободъ, насыпались и вооружались новыя батареи. День стоялъ безоблачный, жаркій. По улицамъ города и крѣпости мирно двигались пѣшеходы, дребезжали пыльныя извозчичьи дрожки и долгуши, раздавались крики разносчиковъ: «блины горячіе!»—«сбитень, сбитенёкъ!»—и на скамеечкахъ у лавокъ, обмахиваясь отъ мухъ, дремали толстые и загорѣлые, изнывающіе отъ жаркой, безвѣтренной погоды, купцы. Торговки, грызя вѣчныя сѣмечки и повторяя, со вздохомъ: «Охъ, тошно, матушки! тошнёхонько, чтой-то!»—также чуть не падали отъ дремоты.

Коляска Дуга̀нова подъѣхала къ губернаторскому дому. Алексѣй Андреевичъ взошелъ на крыльцо, обмахнулъ платкомъ пыль съ сапогъ, оправилъ на себѣ платье и шляпу и

поднялся по парадной лѣстницѣ. Въ прихожей, отъ гарнизоннаго дневальнаго, снявшаго съ него плащъ, онъ узналъ, что губернаторъ, генералъ фонъ-Брандтъ, дома и что никого изъ постороннихъ у него нѣтъ. Войдя въ пріемную, Дугановъ увидѣлъ у окна сѣдого и толстаго губернаторскаго слугу, спавшаго на стулѣ, съ чулкомъ въ рукахъ, который онъ по уроку вязалъ. Алексѣй едва добудился его.

— Ахъ, батюшка, Алексѣй Андреевичъ, это вы-съ! — вскинулся, отирая губы, лакей: — и не примѣтилъ васъ, извините...

— Принимаетъ ли генералъ?

— Васъ-то, батюшка? помилуйте, что вы! по всякъ часъ... пожалуйте-съ! а мы, день-то жаркій, маленечко вздремнули; ихъ превосходительство тоже купались и только-что вернулись съ рѣки.

«Огненная лава, кровавый потокъ настигаетъ! — думалъ Алексѣй, идя за слугой по тихимъ, пустымъ комнатамъ: — а они купаются, ради прохлады, спятъ!»

~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КРОВАВЫЙ МЕТЕОРЪ.

«И, видѣвъ нѣкоего—обидима, способствова и сотвори отмщеніе».
(Дѣянія Апостольскія, VII, 24).

I.

Лакей отворилъ Алексѣю Дугàнову дверь въ губернаторскій кабинетъ.

Генералъ фонъ-Брандтъ, худой и высокій, съ красными отъ недавняго купанья глазами, полулежалъ на мягкой софѣ, просматривая полученныя въ то утро гамбургскія газеты. Онъ былъ въ зеленомъ шелковомъ халатѣ, въ бухарскихъ туфляхъ на босу ногу и въ черной шелковой шапочкѣ, поверхъ мокрыхъ и развившихся послѣ купанья волосъ.

— Ба! кого вижу?—съ удивленіемъ и радостью вскрикнулъ Брандтъ: — милости прошу, дорогой гость, садитесь. Какъ здоровье Варвары Ивановны?

— Отъ нея-то, по ея порученію, я и пріѣхалъ, — отвѣтилъ, усѣвшись, Алексѣй: — скажите, ваше превосходительство, мы получили письма... что̀ слышно о злодѣѣ?.. гдѣ онъ, далеко ли? и нѣтъ ли какой-либо отъ него опасности здѣшнему краю?

— Опасности, гм!..—произнесъ Брандтъ:—да не хотите ли трубочки? вотъ вамъ табакъ, рекомендую—свѣжій.

— Нѣтъ, благодарствую; курилъ дорогою.

— Вы получили, говорите, письма?—продолжалъ Брандтъ:

—а вотъ я ничего и ни отъ кого не получаю; точно сговорились, точно ничего нѣтъ! И если что̀, сказать вамъ, знаю, то единственно отсюда, — указалъ онъ на пачку нѣмецкихъ газетъ.

— Что же говорятъ газеты?

Губернаторъ потеръ себѣ переносицу и, взявъ съ двухъ сторонъ шапочку, передвинулъ ее на лысой головѣ.

— О, эти заграничныя газеты,—отвѣтилъ онъ:—хотя онѣ, знаете, все наше русское осуждаютъ и подчасъ зло острятъ, но говорятъ и правду. По ихъ мнѣнію, мы проиграемъ дѣло, а Пугачова, представьте, эти столь умные и серьезные нѣмцы считаютъ, какъ бы вы думали, кѣмъ?.. братомъ претендентки на престолъ, княжны Таракановой.

— Но какъ ваше мнѣніе о здѣшнемъ народѣ, о краѣ? сладимъ мы съ Пугачовымъ?

— О, въ этомъ будьте спокойны!—отвѣтилъ Брандтъ:—благодаря Бога, здѣсь у насъ все еще пока благополучно. Я еще сегодня дѣлалъ смотръ гарнизону и артиллеріи. Приняты всѣ мѣры и, хотя вначалѣ скудно было въ орудіяхъ, порохѣ и офицерахъ, теперь все то улажено, а если дерзкій самозванецъ осмѣлится явиться передъ нашими стѣнами, мы его не допустимъ и отобьемъ. Одно горе, — сказалъ и остановился Брандтъ, запахиваясь въ халатъ.

— Что̀ именно?—спросилъ Алексѣй.

— Прислали намъ этого Павла Сергѣевича Потемкина. Я буду съ вами откровененъ,—произнесъ Брандтъ:—ну, я васъ спрашиваю, на что̀ онъ мнѣ, и какъ тутъ упражняться съ серьезнымъ дѣломъ, когда тебѣ на шею садятъ этакаго, извините, надутаго чехвала и вреднаго хвастуна? Кузенъ фаворита! да намъ-то, вѣрнымъ слугамъ монархини, на что онъ? Вретъ, похваляется, будто ему дана верхняя надъ всѣми власть. Духъ отбиваетъ... приходится одно—сложить руки и терпѣливо сидѣть, аки... какъ это говорится? аки Іову на гноищѣ...

— Что же здѣсь поручено Павлу Сергѣевичу?—спросилъ Алексѣй.

— А Господь его знаетъ. Инструкцій не показываетъ, вмѣшивается во все, подрывая решпектъ къ истинному владыкѣ края, — вотъ и все его дѣло... Придирчивъ, мелоченъ и грубъ.

— Но почему же все это вышло такъ?—спросилъ Алексѣй.

— Благоговѣніе передъ державствомъ смыкаетъ вѣрнымъ рабамъ уста,—отвѣтилъ, склонивъ голову, Брандтъ:—тутъ я, государь мой, безгласенъ и нѣмъ! но, чтобъ я спустилъ обидчику, потому только, что онъ двоюродный братецъ фаворита? Аттанде-съ! извините... Великая монархиня, по высоко-матерней любви къ подданнымъ, всѣхъ призрѣваетъ и отличаетъ равно... За что же такая власть выскочкамъ и блюдолизамъ двора? Я старше его годами, чиномъ и службой. Обиды такой не прощу.

«Экое горе! и такова судьба всѣхъ нашихъ дѣлъ!—подумалъ, слушая эти жалобы, Дугановъ:—тутъ бы заботиться о единеніи, объ общихъ усиліяхъ для охраны города и края, для истребленія врага, а они не успѣли встрѣтиться, и уже оба чуть не на ножахъ!»

— Какъ же, однако, вы думаете, ваше превосходительство? — спросилъ Алексѣй: — опасность не грозитъ намъ? и вы первый,—можно ли надѣяться, — удостоите ли насъ, по обѣщанію, своимъ заѣздомъ?

— Пока, сударь мой, повторяю,—сказалъ, покраснѣвъ и хмурясь, Брандтъ:—пока я на этомъ мѣстѣ, злодѣй не осмѣлится, не дерзнетъ сюда приступить! Есть слабые духомъ, не скрою отъ васъ, есть трусы, собрались и уже тайно выѣхали изъ города.

— Давно ли?

— По ночамъ, батюшка, украдкой, — горько усмѣхнулся Брандтъ:—но что же это значитъ? ровно ничего, малодушіе и только.

— Такъ что же окончательно сказать Варварѣ Ивановнѣ?—спросилъ Дугановъ, вставая и взявъ шляпу.

— Кланяйтесь ея превосходительству и скажите, пусть будетъ совершенно покойна... Не допущу злодѣя на пушечный выстрѣлъ, самъ выступлю впереди войска и горожанъ, а въ доказательство, что всѣ страхи ложны... изъ первыхъ, да, изъ первыхъ, буду на вашемъ праздникѣ.

Алексѣй поклонился и вышелъ.

— Еще слово, — сказалъ по-нѣмецки Брандтъ, догнавъ его въ залѣ: — если бы, однако, сверхъ ожиданія, злодѣй предпринялъ покушеніе сюда, я дамъ тотчасъ знать, и тогда милости просимъ въ нашу крѣпость. Тутъ увидите, какъ я разнесу и добью злодѣя. Такъ и передайте почтенной Варварѣ Ивановнѣ.

«Передать-то все это я передамъ,—разсуждалъ Алексѣй, ѣдучи обратно, тѣмъ же дремучимъ, спокойнымъ лѣсомъ, изъ Казани:—но дѣло, кажется, дѣйствительно, неладно, и надо, въ виду ихъ несогласій, принять рѣшительныя, безотлагательныя мѣры».

Возвратясь въ Туровцово, Алексѣй успокоилъ, какъ могъ, Варвару Ивановну и остальныхъ домашнихъ. Въ тотъ же вечеръ, однако, когда въ домѣ все затихло, онъ призвалъ къ себѣ своего кучера, спросилъ его, подкованы ли лошади и исправна ли карета, и объявилъ, что надо готовиться, такъ какъ онъ получилъ письмо изъ Горокъ и, вслѣдъ за днемъ рожденія Варвары Ивановны, долженъ ѣхать восвояси.—«И отлично, сударь,—отвѣтилъ кучеръ;—пора! и то лошади томятся, точно отъ домового, по ночамъ корма не ѣдятъ»...

Подъ шумокъ послѣднихъ приготовленій къ празднику, Алексѣй и Серафима, которой мужъ по секрету объяснилъ свое рѣшеніе, уложили свои чемоданы и сундуки.

— Это уже вы и собираетесь?—спросила Варвара Ивановна, заставъ ихъ за укладкой.

— Нельзя, maman,—отвѣтила Серафима:—хлѣбъ у насъ поспѣваетъ; да и Марй безпокоитъ своимъ молчаніемъ. Приготовимся заранѣе; наѣдутъ гости, въ суетѣ при нихъ будетъ не до сборовъ.

— Такъ, такъ,—вздыхая и уходя, сказала старуха.

Слуги и всѣ въ домѣ также знали уже, что Алексѣй и Серафима ѣдутъ, тотчасъ послѣ праздника, и потому никто не удивился, когда къ садовому крыльцу, откуда былъ ходъ на половину Дугановыхъ, подкатили, укрытую бѣлымъ чехломъ, ихъ карету, а для вещей и прислуги фургонъ. Варвара Ивановна старалась быть покойною, но она съ грустью смотрѣла на Серафиму и на ея рѣзвившихся по дому и по саду дѣтей.

«Все это шумно, полно жизни теперь,—думала она,—а скоро всѣ разъѣдутся, домъ опустѣетъ, и опять я останусь одна. Ну, да я готовлю имъ сюрпризъ. Все собиралась къ нимъ въ Горки; теперь, едва уѣдутъ, покачу къ нимъ и сама».

До праздника Варвары Ивановны оставалось не болѣе трехъ-четырехъ дней. Въ это время ждали окончательно

пріѣзда Маріи.—«Не пишетъ, значитъ, ѣдетъ!»—думали всѣ. Но Маріи не ѣхала и не отзывалась.

— Что̀ же это, наконецъ, значитъ?—не вытерпѣвъ, съ тревогой спросила Туровцо̀ва Алексѣя:—ужъ и въ самомъ дѣлѣ, здорова ли Маша?—Написали бы вы къ Травкину или къ Нинѐтъ.

— Писалъ, успокойтесь; думаю, она будетъ не нынче, завтра.

За день до праздника, утромъ, когда въ домѣ еще спали, Алексѣй, по обычаю, поднялся на бельведеръ и съ мыслью: «ну, навѣрное ничего опять не увижу!»—навелъ подзорную трубу на окрестности. На сибирскомъ трактѣ было пустынно и тихо; тамъ лѣниво тянулся какой-то обозъ и чернѣло нѣсколько отдѣльныхъ пѣшеходовъ. Алексѣй навелъ трубу на лѣсную просѣку и сталъ смотрѣть пристальнѣе. По дорогѣ отъ города столбомъ неслась пыль. Среди просѣки онъ увидѣлъ всадника, скакавшаго къ Туровцо̀вскому двору. Миновавъ мостъ черезъ ручей, всадникъ скрылся за садомъ.—«Не съ почты ли?»—подумалъ Алексѣй, вспомнивъ, что съ вечера поговаривали о посылкѣ въ городъ, и сошелъ съ бельведера. Внизу на галлереѣ, соединявшей домъ съ служительскимъ флигелемъ, онъ увидѣлъ своего камердинера Дрона. Постоянно въ пудрѣ, въ сѣромъ ливрейномъ фракѣ и въ башмакахъ, съ стальными пряжками, солидный, важный и плотный Дронъ теперь казался растеряннымъ.

— Что̀ это? нарочный изъ города?—спросилъ его не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ Алексѣй.

Дронъ молча подалъ ему, на подносѣ, нѣсколько писемъ. Отъ крыльца къ конюшнѣ, черезъ дворъ, шелъ, пошатываясь, ѣздовой Сашка, ведя подъ уздцы дымившагося, усталаго коня. Алексѣй въ поданной пачкѣ пакетовъ разглядѣлъ письмо отъ Маріи, вскрылъ его и началъ читать. Письмо было изъ-подъ Самары. Маріи извѣщала, что нежданно возникшіе слухи о приближеніи самозванца и его полчищъ отъ Уральскихъ горъ къ Волгѣ такъ сильно смутили ее и напугали, что она, какъ ей это ни прискорбно, послѣ долгихъ колебаній, рѣшила отмѣнить свою поѣздку въ Туровцо̀во и обратилась съ просьбою къ Травкину—прибыть въ Свиблово и немедленно проводить ее въ Горки, гдѣ она и будетъ ждать возврата Алексѣя и Серафимы.—

«Поздравьте за меня почтенную Варвару Ивановну,—писала Марі́:—а на меня не сѣтуйте. Вы себѣ представить не можете, дорогіе мои, какіе ужасы и страсти разсказываютъ здѣсь о неистовствахъ злодѣя и его изувѣровъ. Казаки-раскольники изъ его войска врываются въ церкви православныхъ, обдираютъ оклады съ образовъ, пьютъ водку изъ причастныхъ чашъ, на дискосахъ ѣдятъ мясо, утираются антиминсами, какъ платками, а въ алтари пускаютъ собакъ и свиней. Недавно гусары, занявъ разоренную мятежниками крѣпость, нашли всѣ образа храма въ пуляхъ изверговъ: злодѣи нарочно разстрѣливали ихъ, причемъ въ уста Спасителя на Распятіи вбили гвоздь. Все это, Серафимочка, пишу тебѣ, прибавляя: охъ, не сидите долго возлѣ Казани; сейчасъ видѣла исправника,—самозванецъ, по слухамъ, повернулъ на Осу, а это вѣдь на пути къ Казани. Уѣзжайте скорѣе, да берите съ собой и крёстную. Молюсь Пресвятой Божіей Матери, защитницѣ праведныхъ. И знайте, если въ Горкахъ не застану васъ, уговорю Силу Ѳомича и, долго не думая, пущусь съ нимъ, на Воронежъ, въ Ракитное. Туда злодѣй, авось, уже не достигнетъ. Господь-вседержитель! въ руцѣ Твои предаюся,—спаси насъ, помилуй и защити».

— Итакъ, Марья Родіоновна не будетъ,—сказалъ Алексѣй, дочитавъ письмо.

— Не здоровы? занемогли?—спросилъ Дронъ, глядя на барина и какъ бы собираясь еще о чемъ-то сказать.

— Нѣтъ, здорова... но вышли такія обстоятельства...

Между прочими письмами Алексѣй разглядѣлъ пакетъ съ почеркомъ Травкина.

— Иди себѣ,—сказалъ онъ Дрону, вскрывая и читая это письмо.

II.

Дронъ отошелъ къ сторонѣ. Письмо Травкина еще болѣе взволновало Алексѣя.

«Вѣчно-незабвенный и высокочтимый благодѣтель мой и дорогой сосѣдъ, Алексѣй Андреевичъ,—писалъ Травкинъ:—на-дняхъ дерзнулъ въ репортиціи своей дать вамъ отъ сердца совѣтъ. Нынѣ паки и паки считаю долгомъ подтвердить его. Эй, не отлагайте! молю, заклинаю, спѣшите.—великое началось шатаніе уже и въ нашемъ народѣ; пошли вездѣ крайне-вредительные толки и колобродства. Черни

мятется на базарахъ, въ кабакахъ и вопитъ:—«это намъ, братцы, свѣтъ открылся, Господь насъ сыскалъ; казаки, башкиры и всякія орды нашему батюшкѣ, новоявленному царю, покорились; намъ ли ему противотвòрничать? Надо милостивцу сдаться, надо пресвѣтлаго встрѣтить, безъ лукавства, криводушія и премѣненія сердцòвъ».—Такъ-то, благодѣтели вы мои, толкуютъ у меня и даже въ Горкахъ. О, ужасъ! о, существо! Да неужели же, вслѣдъ за слѣпцами, вѣрить тому, что злодѣй, оное подлое чудище, не самозванецъ, а во-истину царь? Развѣ могъ онъ,—пытался я говорить заблудшимъ,—сверхъ натуры воскреснуть и вторично объявиться живой? И царь ли онъ,—твердилъ я вашимъ и своимъ крестьянамъ,—когда оскверняетъ храмы, безъ суда вѣшаетъ и бросаетъ въ огонь неповинныхъ священниковъ, благодѣтельныхъ вамъ помѣщиковъ и офицеровъ, а ихъ семьи казнитъ десятками, сотнями! Обижаютъ ли, мучатъ ли васъ, скажите?.. Молчатъ на это омраченные слѣпцы и думаютъ, по всей видимости, злое... До чего мы дождались! И неужели намъ суждено вернуться къ варварской эпохѣ, къ безвременью Стеньки Разина, къ смутамъ, бывшимъ за сто лѣтъ назадъ? Сердце болитъ, а потокъ грабежей, огня, висѣлицъ и крови, по всей видимости, двигается и къ намъ оттолѣ, гдѣ погибъ неповинный мой братъ Павелъ. Его гласомъ снова заклинаю васъ, Алексѣй Андреевичъ, и вашихъ: не слушайте легкомысленныхъ и непрозорливыхъ упорственниковъ, бѣгите, спасайтесь! Азъ же, грѣшный и малый, получивъ вчерашняго числа краткую цидулочку отъ дражайшей и всякой жертвы достойной Марьи Родіоновны, въ ту-жъ минуту, какъ пишу это, уже добылъ почтовыхъ и лечу къ ней, дабы вызволить ее, со чадомъ и съ кузиною, и сюда проводить въ сохранности. И тако, мнѣ шествующу, глаголю и, со слезами, клятвенно восклицаю: бросьте завѣренія хвастуновъ и претендантовъ на знаніе истины, недоступной имъ. Вѣрьте испытанному другу и, хотя бы на крыльяхъ вѣтра, спѣшите въ свой уголъ, а тутъ уже потолкуемъ, кàкъ и чтò далѣе.—*С. Травкинъ*».

— Варвара Ивановна проснулась?—спросилъ Алексѣй, дочитавъ письмо Силы Ѳомича и видя, что Дронъ не уходилъ съ галлереи.

Дронъ не отвѣчалъ. Алексѣй пристально взглянулъ на него. Смущенное лицо слуги озадачило его.

— Что̀ съ тобой?—спросилъ его Алексѣй.

— Огорчительныя письма, видно, изволили получить изъ вашихъ мѣстъ,—сказалъ Дронъ:—да неладныя дѣла, сударь, смѣю доложить, и по здѣшней близости.

— Что̀ такое? говори,—произнесъ, подходя къ нему, Алексѣй.

— Помирать, видно, отецъ родной, всѣмъ намъ,—несмѣло, упавшимъ голосомъ, отвѣтилъ Дронъ.

— Не понимаю, объясни.

Дронъ оглянулся. Руки его дрожали. Полныя щеки тряслись отъ заглушаемыхъ слезъ.

— Злодѣй... Пугачъ,—выговорилъ онъ съ трудомъ:—идетъ къ Казани... по близости уже видѣли... тьмы, то-есть, темъ...

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Сашка, ѣздовой, какъ отдавалъ письма.

Алексѣй взглянулъ къ сторонѣ конюшни. Сашка привязывалъ къ яслямъ лошадь. Толпа дворни окружала его, очевидно, слушая его вѣсти. Алексѣй съ секунду подумалъ.

— Старая барыня одѣлась?—спросилъ онъ:—чай, надѣюсь, готовъ?

— Одѣлись, все приготовлено-съ...

— Ну, Дронушка, ничего; все это, можетъ-быть, еще пустые розсказни и слухи. Иди, не тревожь никого; все узнаемъ и примемъ мѣры.

— Охъ, сударь, не слухи,—сказалъ, покачавъ головою, Дронъ:—Сашка говоритъ, въ городѣ такой переполохъ, суета; толкуютъ, за слободами видимо-невидимо злодѣйскаго войска... по близости гарцуютъ верховые, а дальше валомъ-валитъ пѣхота...

— Повторяю тебѣ, это еще, весьма можетъ быть, вздоръ... Подавай чай и поменьше, пока, объ этомъ говори. Сейчасъ пошлю новаго нарочнаго къ губернатору. Молчи же... понялъ?

— Понялъ-съ.

Алексѣй, оставивъ галлерею, направился къ конюшнѣ.

— Чего собрались?—громко крикнулъ онъ, останавливаясь передъ дворовыми, окружавшими ѣздового:—слушаете дурака?

— Да мы, батюшка, Алексѣй Андреевичъ, ничего,—отвѣчали, разступаясь и снимая шапки, дворовые:—мы только такъ, что̀, молъ, онъ баетъ?

— То-то, ребята, лучше по мѣстамъ!—скомандовалъ Алексѣй:—а чтобъ вамъ доказать, что не все то правда, что̀ сорока носитъ на хвостѣ, ну-ка, Филатъ, да Сысой,—обратился онъ къ своему и туровцо̀вскому кучерамъ:—готовьте лошадей, мы съ Варварой Ивановной сами съѣздимъ вечеромъ въ городъ... никакого Пугачова тамъ нѣтъ.

— Одначе, баринъ, помилуйте,—отозвался-было кухонный мужикъ, въ сѣрой курткѣ:—оно бы, точно, ничего... да вонъ Сашка божится...

— Ты самъ его видѣлъ? самъ?—крикнулъ опять Алексѣй, наступая грудью на Сашку:—ну говори, ракалія, говори при всѣхъ!

— Я, ваша милость, не то, чтобы самъ,—отвѣтилъ, кланяясь, Сашка:—а люди, помилуйте, сказывали.

— То-то люди! самъ гдѣ-нибудь увидѣлъ стадо коровъ, либо свиней... ну, съ пьяныхъ глазъ и струсилъ, небо съ овчинку показалось!

— А и впрямь, ребята, можетъ такъ! молодецъ баринъ!—разсмѣялась, расходясь, толпа:—и взаправду Сашка, можетъ, видѣлъ свиней...

Все общество Алексѣй засталъ въ гостиной. Поздоровавшись съ Варварой Ивановной и съ прочими, онъ подсѣлъ къ Серафимѣ, шепнулъ ей, чтобъ она не выдала того, что̀ услышитъ, и наскоро передалъ ей о полученныхъ извѣстіяхъ.

— Такъ это правда?—спросила, помертвѣвъ, Серафима.

— Болѣе я не сомнѣваюсь, будь готова, сегодня въ ночь мы ѣдемъ,—сказалъ Алексѣй, съ чашкой чая, пересаживаясь къ общему столу.

— Какое чудное утро!—сказалъ онъ, спокойно оглядывая всѣхъ:—не жарко, вѣтерокъ... Вотъ бы всею компаніей проѣхаться въ городъ.

— Quelle idée!—поморщилась Туровцо̀ва:—то разбойниковъ ждутъ, а то вдругъ кататься по лѣсамъ.

— Не пугайтесь, mesdames, никакихъ разбойниковъ; но недурно бы снова справиться. Вонъ Травкинъ опять пишетъ...

— Ахъ, ужъ этотъ вашъ Травкинъ,—вздохнула Туровцо̀ва:—надоѣлъ онъ, какъ горькая рѣдька.

— Получено, однако, письмо и отъ Маріи.

— Что̀ же она, будетъ наконецъ?

Алексѣй помолчалъ.

— Нѣтъ, не будетъ,—сказалъ онъ.

— Почему?

— Боится и всѣмъ совѣтуетъ отсюда уѣзжать.

Туровцо̀ва подняла глаза къ потолку и стала искать въ ридикюлѣ и карманахъ флаконъ съ нюхательнымъ спиртомъ.

— Прочти, что̀ пишетъ Марй,—обратилась къ мужу Серафима, подавая крёстной лежавшій на столѣ флаконъ.

Алексѣй прочелъ вслухъ письмо Марй, потомъ и письмо Травкина. Лица всѣхъ вытянулись и поблѣднѣли.

— А опасности, по-моему, все-таки никакой нѣтъ,—сказалъ Алексѣй:—вы не хотите ѣхать, съѣзжу, пожалуй, снова я одинъ и все разузнаю. Если же хотите окончательно успокоиться, я совѣтовалъ бы, не долго думая, собраться, да всѣмъ на время и переѣхать въ Казань. Это, во-первыхъ, городъ, а не деревня, во-вторыхъ, тамъ и войско, и полиція подъ бокомъ... Бережёнаго Богъ бережетъ, да и губернаторъ почти пріятель.

Всѣ на это промолчали.

— Вы кончили?—спросила Варвара Ивановна, обращаясь къ Алексѣю.

— Кончилъ... это мое искреннее мнѣніе.

— И отлично!—сказала Туровцо̀ва, надѣвъ очки и глядя сквозь нихъ на Алексѣя:—вы, Alexis, можете хитрить и дипломатничать, какъ знаете; скажу прямо, я вашу стратагёму проникла. Не возражайте, вы въ глубинѣ души считаете меня неправою и находите, что отсюда прямо надо бѣжать... А я вамъ отвѣчу: отправляйтесь изъ этихъ мѣстъ, съ Божьей помощью, куда знаете, я же отсюда,—прибавила Варвара Ивановна, оглядывая гостиную:—и вообще изъ этого дома—ни ногой... да, да, ни ногой!

III.

Туровцо̀ва сказала это такъ рѣшительно и съ такимъ достоинствомъ, а высокая, съ зеркалами, бронзами и портретами императорской фамиліи и предковъ, гостиная такъ весело освѣщалась солнцемъ сквозь вѣтви столѣтнихъ деревьевъ, что всѣ невольно подумали: «Да, эта стойкая и властная, подобно гордой львицѣ, хозяйка не покинетъ этого дома и спокойно останется здѣсь».

— И что̀ вы въ самомъ дѣлѣ думаете,—продолжала старуха:—неужели вашъ этотъ Тамерланъ и Чингизъ,—excusez du peu, какъ вы его называете,—осмѣлится, съ своими бунтовщиками, проникнуть сюда и тронетъ меня или васъ?.. А мои-то здѣшніе подданные? Развѣ они выдадутъ меня? Ея величество, для ободренія края, назвала себя казанскою помѣщицей. Она сдѣлала этимъ честь намъ, да скажу прямо—и себѣ самой... Я же изстари, отъ предковъ, здѣсь, въ селѣ, помѣщица, тоже царица... У меня тутъ три тысячи душъ и изъ нихъ чуть не полторы тысячи здоровыхъ и крѣпкихъ хранителей. Я ихъ не тиранила, я заботилась о нихъ, холила и лелѣяла ихъ по всѣ дни. Въ голодъ, сударь, сама толокѐнныя лепешки, да блины изъ лебеды съ ними ѣла, а ихъ дѣтишекъ и женъ отъ цынги въ собственныхъ моихъ хоромахъ лѣчила и кормила... такъ имъ бунтовать, за душегубами идти? Дронушка, а Дронъ!—крикнула Туровцо̀ва, увидя въ залѣ слугу Алексѣя, поливавшаго изъ лейки на окнахъ цвѣты:—иди, разсказывай имъ... да святую правду... Ты не здѣшній, сторонній, говори, что̀ слышалъ?

— Что̀ приказать изволите, ваше превосходительство?—спросилъ Дронъ, остановясь у двери.

— Говори, любятъ меня, почитаютъ мои мужики?

— Какъ не любить свою, то-есть, благодѣтельницу и мать! Одно слово, всѣ ваше превосходительство хвалятъ.

— Слышите? А тѣснила я ихъ? Обижала въ чемъ-нибудь?

— Что̀ вы, матушка, да когда же? Глаза лопни, ничего не слыхалъ какъ есть.

— Ну, а защитятъ они меня, если бы, на случай, эти изверги... ну, вздумали бы придти сюда?

— Животъ, милосердная, положатъ, дубинами всякаго изобьютъ... самому мнѣ, глаза лопни, похвалялись...

— Vous voyez?—съ торжествомъ оглянула всѣхъ Туровцо̀ва:—ну, иди себѣ, Дронъ, благодарю... Филиппычу и другимъ приказчикамъ уже велѣно, а ты моимъ именемъ еще подтверди, чтобы созвали сейчасъ всѣхъ сотскихъ и старостъ и поставили бы, съ вечера, караулы, съ дубинами, а то и съ ружьями,—охотниковъ у насъ не мало,—вокругъ деревни и выселковъ, на дорогѣ и у двора. Понялъ?

— Все, матушка, понялъ,—отвѣтилъ, уходя, Дронъ.

— А вы, господа, какъ знаете,—заключила, вставая, Ту-

ровцова:—завтра я пойду къ обѣднѣ, помолимся, закусимъ, много гостей, въ виду такихъ слуховъ, пожалуй, вправду, и не ждать, — поморщилась старуха: — можете ѣхать, куда угодно,—въ Казань, въ Горки, хоть въ Москву, я же, съ Божьимъ благословеніемъ, останусь здѣсь.

Съ уходомъ Варвары Ивановны, Алексѣй, Серафима и прочіе домочадцы сперва помолчали, потомъ стали толковать: «Неужели же такъ и оставить здѣсь старуху? И что, если ѣздовой Сашка, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ правду?» Передъ обѣдомъ рѣшили снова послать, для болѣе точныхъ развѣдокъ, вѣрнаго нарочнаго въ Казань. Алексѣй, тѣмъ временемъ, на всякій случай, настоялъ на окончательной укладкѣ. Серафима, съ горничной, не только собрала, но и упаковала послѣднія изъ имѣвшихся своихъ и дѣтскихъ вещей. Оставалось только вынести все это въ стоявшіе у крыльца экипажи. Лошади Дугановыхъ, съ обѣда, ѣли кормъ въ хомутахъ.

Обѣдъ и вечерній чай прошли невесело. Всѣ съ видимымъ смущеніемъ, нетерпѣливо ожидали вѣстей изъ города, куда Алексѣй Андреевичъ написалъ обстоятельныя письма не только къ губернатору, но и знакомому полицеймейстеру.— «Разъясните, наконецъ,—спрашивалъ онъ ихъ:—вѣрны ли дошедшіе до насъ слухи, будто злодѣй уже невдали отъ Казани, и не уѣхать ли намъ, для спокойствія, изъ этихъ мѣстъ?»

Солнце склонилось къ закату. Посланный съ письмами «вѣрный развѣдчикъ» еще не возвращался.—«Написали бы вы только губернатору,—вскользь замѣтила за чаемъ Варвара Ивановна Алексѣю:—онъ экспедитивнѣе и отвѣтилъ бы сейчасъ, а полицеймейстеръ порядочный суета, и гдѣ его тамъ найдутъ, въ постоянномъ шныряніи по городу?»—Не менѣе другихъ томясь неизвѣстностью, но скрывая это, Туровцова, ранѣе обыкновеннаго, велѣла подавать ужинъ и, не дождавшись конца его, встала, подъ предлогомъ усталости, простилась со всѣми и ушла къ себѣ.

Стемнѣло. Всѣ въ домѣ и флигеляхъ улеглись. Настала общая тишина. Часы съ музыкой, нѣжнымъ пѣвучимъ звономъ, пробили въ залѣ девять, десять и одиннадцать. Въ окна замолкшаго дома изъ сада глядѣла тихая звѣздная ночь. Караульные, во дворѣ, на деревнѣ и за садомъ, били

въ чугунныя доски. Скоро и они угомонились. Заснула деревня, какъ и барскій дворъ.

Туровцо̀ва не спала. Изъ-за бѣлаго, кисейнаго полога, ей была видна ея просторная, уставленная комодами и канапѐ, опочивальня, съ лампадкой, горѣвшей у образовъ. Передъ окнами чуть шевелились въ темнотѣ верхушки деревьевъ.

«И неужели, наконецъ, это правда?—невольно раздумывала въ постели Туровцо̀ва: — неужели и въ самомъ дѣлѣ надо бросить этотъ уголъ, родное гнѣздо предковъ, и бѣжать, спасаться, отъ кого? — отъ горсти бунтующихъ, подбитыхъ какимъ-то казакомъ, мужиковъ? И этотъ домъ, эти комнаты, мебель, картины и гобелѐни—все нажитое дѣдами и отцами, можетъ достаться разъяренной черни, будетъ разграблено и истреблено? И за что̀?.. Я здѣсь бѣгала дѣвочкой, росла; ставъ законной владѣлицей вотчинъ, я заботилась о подданныхъ, была имъ матерью, праведнымъ судіей, защитницей и другомъ. Неужели же эти самые люди, среди которыхъ я выросла, въ случаѣ нападенія на меня, не станутъ за меня грудью, не защитятъ своей благодѣтельницы и госпожи? Быть не можетъ! Въ дѣтствѣ разсказывали няни, пращуръ нашъ, при Стенькѣ Разинѣ, былъ спасенъ своими подданными... Они спрятали его въ стогѣ сѣна и какъ ни грозилъ имъ Стенька и его клевреты, не выдали его. Пугачовъ принялъ имя покойнаго государя, но у правительства много войска и силы, и злодѣя навѣрное скоро уймутъ. Alexis не понимаетъ сути дѣла, а она такъ проста. Для слѣпой, глупой черни самозванецъ—истинный царь. Чтобы повластвовать, хотя не-надолго, хоть на-коротке̂, онъ истребляетъ главныхъ своихъ противниковъ — офицеровъ, чиновниковъ, духовенство и дворянъ. Говорятъ, народъ исполняетъ его казни; но онъ это дѣлаетъ не потому, что и самъ онъ будто бы кровожаденъ или имѣетъ причину мстить, а потому, что ему это приказываетъ мнимый, для него же настоящій государь. И что́ они толкуютъ? крестьяне вонъ, со слезами, не изъ одного села, везли къ этому извергу своихъ помѣщиковъ и ихъ семьи, говоря: «Вы намъ отцы родные! да что̀ дѣлать, надо слушаться,—приказываетъ самъ царь!»—Ихъ сбиваютъ... Я же проповѣдниковъ, возмутителей къ себѣ не допущу... у меня своя полиція, — не посмѣютъ, буду въ оба смотрѣть... У правительства достаточно

войска: Казань укрѣплена, а губернаторъ клялся, что злодѣй не посмѣетъ сюда. И, разумѣется, онъ, какъ честный, заботливый человѣкъ, извѣститъ, коли что...» Съ этими мыслями Туровцова закрыла глаза и стала дремать.

Что-то неожиданно разбудило ее. Она взглянула по комнатѣ. Поверхъ деревьевъ какъ бы что-то свѣтилось. Сперва старухѣ показалось, что это всходитъ мѣсяцъ; но тутъ же она сообразила и вспомнила, что мѣсяцъ въ это время, надъ садомъ, поднимался нѣсколько лѣвѣе, именно къ сторонѣ гостинаго балкона. «Не начинается ли разсвѣтъ?—подумала она,—нѣтъ, не можетъ быть, съ полчаса назадъ часы явственно прозвонили полночь, и я, помню еще, сама считала ихъ бой». Полоса свѣта надъ деревьями изъ блѣдно-розовой становилась красною и поднималась выше и выше.—«Что же это, однако? не пожаръ ли? — спросила себя Туровцова, спустивъ ноги съ кровати и отыскивая ими на коврикѣ туфли: — надо разбудить прислугу, послать справиться, гдѣ это, у насъ или сосѣдей? Какъ бы къ сторонѣ Волги, у Воейковыхъ, какъ будто, или Ильиныхъ, — село горитъ, или лѣсъ?..»

Туровцова встала, набросила на плечи ночной бѣлый капотъ, оправила на головѣ чепецъ и взяла бронзовый канделябръ, стоявшій на туалетѣ, у ея изголовья. — «Пройду къ Аринушкѣ, — подумала она о главной своей прислугѣ, старой ключницѣ, спавшей въ особой коморкѣ у буфета:— она разумная, не подниметъ, спросонья, лишней тревоги и суеты».—Варвара Ивановна, проходя къ лампадкѣ, чтобы зажечь канделябръ, невольно взглянула на окна. Зарево захватило уже чуть не половину неба. До слуха Туровцовой дошли странные звуки, но не снаружи, а точно кто-либо ходилъ по коридору или въ гостиной.—«Должно быть, проснулась Аринушка, прошла въ дѣвичью»—рѣшила Варвара Ивановна. Но въ это время, какъ бы подъ чьею-то ногой, треснула половица. Звукъ донесся изъ залы.—«Эхъ, такъ и есть, Арина побудила горничныхъ, и зачѣмъ?—подумала старуха: — точно не знаетъ ихъ: еще даромъ разбудятъ и напугаютъ Серафиму и дѣтей!»—Туровцова зажгла свѣчи, накинула себѣ на шею фуляровый платокъ и, съ канделябромъ въ рукахъ, тихо отворила дверь въ гостиную. Она ступила за порогъ и остолбенѣла. Канделябръ чуть не выпалъ изъ ея рукъ.

IV.

По освѣщенной залѣ двигались, съ поклажей, слуги. Ими распоряжался встревоженный Алексѣй. Одѣтая въ дорожный капоръ и мантò, блѣдная Серафима сидѣла у двери гостиной на стулѣ, держа младшаго изъ дѣтей на рукахъ, а двухъ другихъ, также дремавшихъ, — у своихъ колѣнъ. Толстая, подслѣповатая, съ непокрытою сѣдою косичкой, Аринушка стояла поодаль, глядя въ зальныя окна на зарево, полыхавшее надъ садомъ.

— Серафима, да чтó же это? — въ ужасѣ вскрикнула Туровцòва, медленно выступая отъ двери спальни на середину гостиной.

— Ахъ, maman, — отвѣтила Серафима, передавъ дѣтей Аринушкѣ и со слезами припадая къ плечу крёстной:—великое горе! мы все готовили, чтобы вамъ разсказать и предложить... ахъ, родная! Пугачовъ дѣйствительно подступилъ къ Казани и... зажегъ ее. Городъ съ вечера горитъ со всѣхъ сторонъ.

Туровцòва опустила канделябръ на столъ и молча перекрестилась. Ее окружили.

— Кто привезъ это извѣстіе?—спросила она.

— Посланный не возвратился изъ города, онъ либо попался въ плѣнъ или погибъ,—отвѣтилъ Алексѣй:—я передъ вечеромъ посылалъ другого, этотъ даже не доѣхалъ, къ городу уже нѣтъ доступа.

— Тимошка братнинъ впервое ѣздилъ, ой-ой!—захныкала Аринушка: — убили, видно, тамъ, извели!.. Конецъ всѣмъ, конецъ пришелъ.

— Да полно, Арина, не смущай глупостями! — сказалъ Алексѣй, подвигая Туровцòвой кресло:—садитесь, Варвара Ивановна, и прежде всего, ради Бога, успокойтесь.

— И съ чего ты взялъ, что я безпокоюсь? — отвѣтила Туровцòва, оглядываясь и ища въ карманахъ свои очки.

Ей подали ихъ.

— Я ни мало не встревожена,—продолжала Туровцòва:— а только удивлена. Творится чтó-то непонятное. Дарьюшка, Гаша, дайте мнѣ шаль, тутъ что-то свѣжо. А ты, Alexis, говори, чтò это вы затѣяли?

— Ѣхать надо, вотъ чтò!—сказалъ Алексѣй:—мимо насъ съ вечера уже проѣхали Писаревы, Татищевы, Шеншины; дорога вправо и влѣво полна бѣгущими изъ Казани. Мы,

Варвара Ивановна, только ждали конца укладки, чтобы васъ не тревожить даромъ и разбудить, когда все будетъ уложено, и наше, и ваше. Все готово; лошади запряжены, надо ѣхать. Позванъ и священникъ, для напутственнаго молебна.

— Ѣдемъ, chère maman, одѣвайтесь, не медлите, — сказала, плача, Серафима:—долго ли вамъ собраться?

— Служите, мои милые, молебенъ! что же, Господь вамъ поможетъ! — отвѣтила Туровцова, кутаясь въ шаль: — и я охотно помолюсь съ вами, но ѣхать—не поѣду.

— Бабенька, не бросай насъ!—закричали старшія дѣти Серафимы, вырываясь отъ матери и подбѣгая къ старухѣ:— въ нашей каретѣ поѣдемъ; наша просторная, и Филатъ на козлахъ, — будешь намъ говорить сказки, а у насъ варенье и все...

— Спасибо, дорогія, и у меня карета и варенье,—отвѣтила Туровцова, нѣжно обнимая и цѣлуя дѣтей:—ну, можно ли разстаться съ такими прелестными крошками, и есть же еще на свѣтѣ такія наслажденія! Поѣзжайте, дѣти, я подожду и васъ непремѣнно догоню.

— Mais, de grâce, maman, au nom de Dieu, — сказала Серафима, подсѣвъ къ старухѣ и всячески стараясь убѣдить ее не медлить.

— Да у меня дѣла, помилуйте, разсчеты... Я остаюсь, а вы,—что же?—поѣзжайте, съ Богомъ. Все ли у васъ готово? Эй, кто тутъ? Позвать Филипшча... Не простудите только ночью дѣтей. Деньги есть ли у васъ на дорогу? припасли ли мелочи?

— Есть, благодаримъ.

— И куда же это вы рѣшили? въ Горки?

— Нѣтъ, туда уже опасно,— въ Москву.

— На Арзамасъ и Рязань?

— Да, на Рязань.

— Ну, Господь съ вами! помолимся, пойдемъ!

Туровцова вышла со всѣми въ залу.

Отслужили молебенъ. Отецъ Гервасій окропилъ всѣхъ святою водой. Слуги, крестясь, растерянно смотрѣли изъ коридора, буфета и прихожей на отъѣзжавшихъ. Серафима съ чувствомъ склонилась на грудь крестной.

— Благословите, родная, насъ и дѣтей, — сказала она, отирая слезы.

— Господь вамъ да поможетъ, — произнесла Туровцòва, крестя Серафиму, ея мужа и дѣтей: — не сомнѣваюсь, доѣдете благополучно,—а тамъ, даю слово, двинусь и я. Не въ Рязани догоню, увидимся въ Москвѣ. Благодарю за посѣщеніе... Ну, сядемъ же, по обычаю,—заключила Варвара Ивановна, первая сѣвъ на стулъ и кивая Аринушкѣ и прочимъ, чтобъ и тѣ сѣли.

Господа и слуги размѣстились по стульямъ.

— А теперь съ Богомъ!—произнесла, вставая, Туровцòва: — кто васъ провожаетъ изъ нашихъ? безъ нашего собьетесь съ пути.

— Дронъ отлично знаетъ дорогу, — сказалъ Алексѣй:— онъ не разъ отсюда ѣздилъ съ нами въ Москву.

— И отлично, смотри же, Дронъ, въ оба, береги господъ... Кормить будете въ Курмышѣ, — зайди къ воеводѣ и кланяйся; скажи, его подарокъ—чайныя розы—здравствуютъ... повидимся вскорѣ, отблагодарю сама, — а нашимъ, молъ, прошу во всемъ пособить.

Всѣ стали прощаться и медленно вышли на крыльцо. У подъѣзда стояли, съ зажжёнными фонарями, готовые въ путь экипажи. Слуги стали подсаживать въ карету и коляску господъ и дѣтей. Одѣтый по дорожному, у дверецъ кареты, стоялъ, безъ шапки, важный и почтительно нахмуренный Дронъ.

— Отъ Курмыша на Пензу?—спросилъ онъ, обращаясь къ барину:—или прямо, на Москву?

— Поѣдешь, куда велятъ,—отвѣтилъ Алексѣй.

Дронъ молча захлопнулъ дверцу, подтянулъ на себѣ поясъ и взлѣзъ на кòзлы.

— Провизію взяли ли?—спросила его Туровцòва.

— Все взяли, — отвѣтилъ, уже невидимый на козлахъ, Дронъ.

— Ну, съ Богомъ!—объявила Варвара Ивановна, крестя съ крыльца тронувшіеся экипажи.

Гремя колесами и тяжело переваливаясь кузовами, карета шестерней и коляска четверкой медленно выѣхали за ворота. Стукъ рессоръ нѣсколько времени слышался за садомъ. Прогремѣвъ по каменной настилкѣ мельничной запруды, экипажи выѣхали на большую дорогу и затихли.

— Ну, дастъ Господь, доѣдутъ благополучно, — сказала Варвара Ивановна, въ сопровожденіи Филиппыча и Ари-

нушки возвращаясь въ домъ:—ступай, Филиппычъ, осмотри везде ли на местахъ стража?

— А какъ же на завтра?—спросилъ Филиппычъ.

— Скажи священнику, я буду, какъ всегда, къ ранней обедне... Все, что бельно готовить, готовьте. Насчетъ же всего прочаго, призову утромъ и распоряжусь.

Туровцова прошла снова въ спальню. Слуги и служанки, погасивъ въ доме свечи, также разошлись по своимъ угламъ. Въ наставшей тишине слышались только постукиванья въ доски разбуженныхъ Филиппычемъ сторожей. Кухонный мужикъ, въ серой курткe, вышелъ на крыльцо поварни, глядя на яркое зарево, по прежнему стоявшее надъ садомъ.—«О. Господи!—подумалъ онъ,—Царица Небесная! кому конецъ? намъ ли, или господамъ? воля или та же неволя, да еще хуже?»—Надъ садомъ что-то громко бухнуло отъ Казани и гулко пронеслось къ мельнице, по реке. За первымъ звукомъ раздался еще громче и раскатистее второй.—«Палитъ! пушки стреляютъ! — подумалъ, крестясь, мужикъ, — онъ ли бьетъ по городу, его ли гонятъ оттоль?»

Возвратясь въ спальню, Варвара Ивановна оправила лампадку передъ образами, перекрестила комнату, погасила свечи, разделась и легла въ постель. Звуки выстреловъ остановили-было ея вниманіе. — «Наконецъ, догадались,— подумала она, — стреляютъ по злодеямъ, на утро имъ конецъ... А ехать, пожалуй, надо. Все устрою завтра и двинусь. Одной, действительно, неловко въ такой смуте; да могутъ даромъ и напугать».—Часы въ зале прозвонили, съ обычною трелью, два часа, потомъ три... Туровцова более не слышала ихъ колокольчиковъ: она крепко заснула.

Настало утро, день рожденія Варвары Ивановны. Съ первымъ звономъ колокола, она встала, оделась въ лучшее свое платье и, спросивъ у прислуживавшей ей Арины, все ли готово для пріема гостей, съ обычною торжественностью, въ сопровожденіи ключницы и главныхъ горничныхъ, несшихъ надъ нею зонтикъ, а въ рукахъ веръ, платокъ и ея накидку, отправилась къ обедне.

Церковь уже была полна народомъ. Кроме своихъ, туровцовскихъ, пришло немало и чужихъ, окрестныхъ крестьянъ и крестьянокъ, всегда помнившихъ этотъ день и шедшихъ сюда поздравить генеральшу и вкусить ея щедрыхъ угощеній. Туровцова стала на особый новый коврикъ,

слѣва у алтаря; справа, возлѣ клироса, она увидѣла нѣсколько мелкопомѣстныхъ, всегдашнихъ своихъ посѣтителей, изъ сосѣднихъ дворянъ и дворянокъ. Перекрестясь и поклонившись, при входѣ налѣво и направо, Варвара Ивановна мысленно сосчитала прибывшихъ посѣтителей: ихъ съ стоявшимъ впереди, отставнымъ полковникомъ-старикомъ, въ пудрѣ и косѣ, съ подвязанною, раненою рукой, было всего семь человѣкъ. — «Немного! — подумала, вздохнувъ, Туровцова,—ни Щетининыхъ, ни Чоглоковыхъ! хороши!.. но авось еще подъѣдутъ». Старуха, впрочемъ, тутъ же утѣшилась: отецъ Гервасій, въ розово-золотой, глазетовой ризѣ и фіолетовой бархатной камилавкѣ, полученной имъ, благодаря генеральшѣ, служилъ такъ благоговѣйно и чинно, а вновь отдѣланный заботами хозяйки храмъ, благоухая ладаномъ, смирной и живыми розами и левкоями, такъ сіялъ рѣзьбой, обновленною живописью и хрусталемъ паникадилъ, и подданные Варвары Ивановны, въ то же время, такъ усердно молились, крестясь и кланяясь въ клубахъ кадильнаго дыма, что Варвара Ивановна даже прослезилась и, въ умиленіи, прошептала: «Господи! за что же мнѣ, грѣшной и недостойной рабѣ, все радостное сіе?»

Послѣ обѣдни былъ отслуженъ молебенъ, съ водосвятіемъ, и провозглашено, подхваченное хоромъ пѣвчихъ, многолѣтіе строительницѣ и благодѣтельницѣ храма. Отецъ Гервасій, при этомъ, сказалъ краснорѣчивое слово, съ чувствомъ воскликнувъ въ концѣ его: «О, сколь поучительно, братіе, сколь радостно видѣть намъ, что въ оное время, когда міръ земной мятётся и наша бренная персть обуревается, готовая изныть отъ надвигающихся на насъ смертныхъ страховъ и ожиданій,—она, благодѣтельница сей Господней, тихой храмины, спокойно предстоитъ здѣсь, передъ Творцомъ и ближними, во всеоружіи вѣры, благой надежды и неколебимой великости своей души! Помолимся, братіе, за нее!» — Вся церковь молилась, творя земные поклоны.

Варвара Ивановна, отирая слезы и набожно потупясь, тихо вышла изъ церкви, сопровождаемая домочадцами и гостями. Главный барскій дворъ, тѣмъ временемъ, былъ устланъ скатертями и цвѣтными портищами. На нихъ разложили нарѣзанные ломти караваевъ и уставили миски, тарелки и кухвы, съ дымящимися яствами. Народъ усѣлся на доскахъ и на травѣ, вокругъ портищъ и скатертей.

Священникъ благословилъ трапезу. Туровцо̀ва нѣкоторое время, съ параднаго крыльца, смотрѣла въ лорнетъ на обѣдающихъ среди двора, затѣмъ, съ малымъ, общимъ поклономъ, пригласила въ домъ сосѣдей и духовенство. Угостивъ ихъ роскошною закуской и винами и выпивъ сама только небольшую японскую чашечку зеленаго чая, съ бисквитами, она взяла зонтикъ и перчатки и, въ сопровожденіи священника, снова вышла во дворъ.

Нѣсколькимъ стамъ трапезующихъ здѣсь уже были, подъ наблюденіемъ Филиппыча, не по одному разу, поднесены медъ, пиво и разныя водки. Языки у всѣхъ развязались. Веселый, громкій говоръ несся изъ густыхъ рядовъ крестьянъ. Красные отъ вкусной ѣды и обильной выпивки, мужики и бабы, не слушая другъ друга, горланили, размахивая руками; нѣкоторые цѣловались другъ съ другомъ и, поднявъ шапки, затягивали пѣсню:

«Малинушка... распрекрасная... ой, сморо-о-дина...»

Варвара Ивановна, съ лорнетомъ у глазъ, благосклонно подошла къ обѣдающимъ.

— Все ли вамъ, ребята, подано? — спросила она: — довольны ли вы?

— Благодаримъ, матушка... разлюбезная... во̀-какъ, то-есть, благодаримъ!

— А ты, Ульяша, — обратилась съ улыбкой Туровцо̀ва къ одной изъ бабъ, служившей у нея когда-то въ горничныхъ:—ты одна, а гдѣ же твой мужъ?

— Мы, сударыня, ваши, то-есть, подневольныя, — отвѣтила совсѣмъ опьянѣвшая Ульяша, оправляя съѣхавшую съ головы на затылокъ кичку: — одно слово, рабскія рабыни!.. ну, іонъ, — выходитъ, Пётра,—и голодаетъ, потому больше около тваво стада... тѣ бражничаютъ, имъ что̀! а приказные тиранятъ его, да и ты, правду сказать, поѣдомъ ѣшь его, вотъ что̀!

— Что̀ ты, что̀ ты, кува̀лда! — замахали на бабу сосѣди и сосѣдки:—экъ, надрызгалась, чортова глотка, замолчи!

— Почему молчать? намъ тоже съ господами антиресно!

— Ты прости ее, мать-государыня,—сказалъ, поднявшись съ травы и цѣлуя руку баринѣ, худой, какъ шестъ, и блѣдный, недавно умиравшій отъ лихорадки, а теперь также пьяный, лѣсовщикъ Тихонъ:—что̀ бабу слушать,—она одна

сырость и дрянь!.. а мы, то-есть, всѣ за тебя, родимая, какъ одинъ... вотъ какъ, грудью! преположимъ животы!

— Всѣ, всѣ!—оглушительно крикнули ближніе и дальніе изъ рядовъ.

Священникъ нагнулся къ Туровцовой.

— Изволите видѣть, ваше превосходительство, какъ преданъ вамъ народъ,—сказалъ онъ ей, вполголоса, оправляя изъ голубой рясы свои бѣлыя, полныя руки:—еще намедни была у нихъ сходка, — съ дреколіемъ, говорятъ, съ топорами, коли что̀, а мы ужъ своей владѣлицы не выдадимъ.

— Всѣ, матушка милосердная, поголовно всѣ! — продолжали кричать мужики и бабы, поднимаясь отъ скатертей и шумною толпой окружая барыню.

V.

Туровцо̀ва рукой дала знакъ, чтобы помолчали. Отецъ Гервасій тоже махнулъ шляпой, что барыня, молъ, хочетъ имъ говорить. Всѣ мигомъ стихли.

— Вотъ что̀, милые мои, — сказала Варвара Ивановна, принимая отъ глазъ лорнетъ и странно, подслѣповато поэтому глядя на толпу:—вы знаете, слышали, вѣроятно, что злодѣй, именующій себя государемъ, пришелъ и въ наши мѣста... говорятъ, что онъ будто ужѐ и возлѣ Казани.

— Что-жъ, коли его царское величество, значитъ, къ намъ,—начала было писклиwо и развязно въ толпѣ другая баба, изъ сосѣдскихъ.

— Шш! нишкнѝ, колъ-те въ ротъ! — закричали на нее свои и чужіе мужики, отпихивая ее въ задніе ряды.

— Такъ вотъ, если бы этотъ злодѣй Пугачовъ, — продолжала, не обративъ вниманія на дерзкую, Туровцо̀ва:—если бы онъ вздумалъ въ наши мѣста, сюда,—какъ, скажите, поступили бы вы?

Толпа молчала. Одни умильно и жалобно, какъ бы ожидая чего-то трогательнаго, смотрѣли прямо въ ротъ Варварѣ Ивановнѣ; другіе, сопя носомъ и глядя въ землю, вертѣли въ рукахъ шапки.

— Да вы скажите, чада мои,—вмѣшался, крякнувъ, священникъ:—въ случаѣ чего, Боже упаси, будете ли вѣрны, то-есть, своей благодѣтельницѣ, станете ли ее защищать?

— Всѣ, одно слово, всѣ!—дружно крикнула опять толпа:—да какъ ему, окаянному, ироду, посмѣть? да мы его, матушка, шапками! ни въ жизнь, то-есть, не пустимъ сюда.

Туровцова пристально оглянула окружавшихъ ее. Лица всѣхъ были такъ искренни и такъ преданно-добродушно смотрѣли на нее, что она радостно вздохнула.

— Спасибо вамъ, ребята!—сказала она, кланяясь:—дайте имъ еще вина! пейте на здоровье, веселитесь!

Варвара Ивановна спокойно возвратилась въ домъ. Время до обѣда прошло въ бесѣдахъ съ гостями. Нѣкоторые изъ сосѣдей, робко оглядываясь, начали-было говорить, что вотъ отецъ Гервасій вѣрно выразился о тяжкихъ и смутныхъ временахъ, что Казань дѣйствительно, по слухамъ, осаждена, уже второй день, городъ горитъ, и какъ бы непрошенные гости не нагрянули изъ-за Волги и ближе?

— Полноте, государи мои, — возразилъ раненый полковникъ, глянувъ въ садовое окно гостиной, въ которой всѣ сидѣли:—дымъ нонче сталъ куда меньше, пожаръ, по видимости, гасятъ и, можетъ, уже погасили; а нешто злодѣевъ такъ и пустятъ, куда они захотятъ? Прежде всего надо супостатамъ разбить въ баталіи регулярныя наши войска,—чего еще, благодаря Бога, съ нами не случалось,—а потомъ перейти по сю сторону Волги. Гдѣ имъ, сермяжникамъ, взять судовъ, да и кто ихъ пропуститъ?

Всѣ благодарно взглянули на полковника. Пригласили всѣхъ въ столовую. Обѣдъ прошелъ чинно, но нѣсколько натянуто.

— Хоть насъ и мало сегодня,—сказала Туровцова, грустно оглядывая гостей:—пейте, дорогіе, кушайте во здравіе! Филиппычъ, подливай шампанскаго, мальвазіи сюда! полковнику—венгерскаго.

За обѣдомъ пѣли пѣвчіе, а во время тоста за хозяйку, во дворѣ раздались выстрѣлы изъ мѣдныхъ пушекъ, стоявшихъ у воротъ. Послѣ обѣда гости съ хозяйкой гуляли по саду. За вечернимъ чаемъ, на садовомъ балконѣ, Варвару Ивановну вызвали на парадное крыльцо, во дворъ. Сюда собрались старыя и молодыя краснокутскія бабы, съ курами, подситками яицъ, пряжей и отрѣзками холстовъ,—обычными отдариваніями барынѣ за щедрое угощеніе того дня.

— А Ульяша и не пришла?—улыбнулась Туровцова, милостиво принимая подношенія дарительницъ и давая имъ цѣловать свою руку.

— Вѣстимо, родимая, стыдно ей! — скалили зубы еще краснолицыя, отъ обѣденныхъ питій, бабы: — не гнѣвайся на скалдырницу, забудь.

— Она безъ ногъ, въ погребу свекрухи, спитъ! что ей, кобылѣ, станется!—хохотали, утираясь, дарительницы.

Варвара Ивановна сказала нѣсколько словъ стоявшему возлѣ нея Филиппычу. По его знаку, изъ-за угла дома вышли деревенскіе музыканты, съ балалайками и бубнами. Ключникъ съ подвальнымъ, въ то же время, выкатили изъ погреба новые боченки, съ медомъ и пивомъ. Раздалось трѐнканье балалаекъ. Пожилыя бабы взмахнули платками, молодыя взялись подъ бока. Изъ кухни и служительскаго флигеля выскочили парни, и всѣ пустились въ плясъ.

Варвара Ивановна и ея гости долго не сходили съ крыльца, любуясь весельемъ народа, пляски котораго, съ наступленіемъ темноты, смѣнились пѣснями. Когда дворецкій доложилъ, что готовъ ужинъ, Туровцо̀ва провела гостей въ столовую и усадила ихъ, но сама извинилась, что не останется съ ними.—«Стара я стала,—сказала она, откланиваясь:—будьте, какъ дома; что всякому что̀ нужно, требуйте, а я наморилась, простите, уйду!»

Удалясь въ опочивальню, она выслала оттуда горничныхъ и велѣла позвать къ себѣ приказчика.

— Что̀ Филиппычъ?—спросила Туровцо̀ва, когда онъ вошелъ и сталъ у трюмо̀, за которымъ она кончала ночной туалетъ:—есть ли новые слухи о Казани? возвратился ли посланный къ губернатору?

— Посланнаго, сударыня, еще нѣтъ, а пожаръ уменьшается, видно и отсель, мало уже огня.

— Погасили, стало быть?

— Нечему, видно, больше горѣть! — отвѣтилъ, со вздохомъ, Филиппычъ:—нефёдовскіе давеча проѣхали, — сказываютъ, выгорѣли не только слободы, и весь городъ до самаго Кремля.

— Ну, а этотъ... ихній царь, гдѣ онъ? — спросила Туровцо̀ва.

— Тамъ же, слышно, въ лагерѣ, подъ городомъ.

— Ты же отъ себя посылалъ провѣдать?

— Что̀ даромъ-то посылать! Второй и третій гонецъ тамъ же остались.

— Остались? да какъ они смѣли? — спросила, обратясь къ приказчику, Туровцо̀ва:—или ты нестрого приказывалъ?

Филиппычъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Охъ, милостивая, какъ не приказывать? Только нонче,

не во гнѣвъ вамъ будетъ сказано, такое тутъ и кругомъ дѣется, такое... И что̀ у нихъ, вражьихъ сыновъ, на умѣ, не поймешь!

— О чемъ ты это?

— Какъ о чемъ? отъ кабака народа никакъ не отженёшь; вся слобода, почитай, тамъ вторыя сутки, толкуютъ неподобное, орутъ, а подойдешь, какъ воды въ ротъ набрали: ни словечка тебѣ, ни намека.

Туровцо̀ва встала отъ трюмо̀.

— Завтра чтобъ все было готово,—сказала она:—когда выѣду, еще не знаю, но можетъ быть въ скорости... даже и завтра...

— И давно, матушка, пора, — отвѣтилъ Филиппычъ: — мало ли что̀ можетъ выйти! опять же подозрительный человѣкъ нонче наѣзжалъ сюда, — привозилъ какую-то бумагу, будто бы манифестъ... я къ нимъ, грозилъ,—не говорятъ... всѣ—какъ ошалѣли!

— Манифестъ? — встревожилась Туровцо̀ва: — это новости!.. а какъ, полагаешь, далеко ли наши уѣхали за сутки!

— Лошади у Алексѣя Андреевича рѣзвыя, отдохнули... верстъ за сто, пожалуй, коли не болѣе, будутъ ночевать.

— Ну, иди съ Богомъ,—закончила Варвара Ивановна:— обойди только, получше осмотри нашу полицію,—не пьянъ ли кто изъ сторожей? а утромъ по̀зову тебя и все остальное уладимъ.

Приказчикъ, поклонясь въ поясъ, вышелъ. Туровцо̀ва заперла обѣ двери на замокъ, помолилась, раздѣлась, откинула пологъ, погасила свѣчи и легла. — «Манифестъ! да, болѣе нечего медлить, завтра же отдамъ послѣднія приказанія и уѣду»,—мыслила она засыпая: — «подослали таки совратителя, проникъ... по всему видно, дѣйствительно, на время. надо уѣхать, переждать въ иныхъ, болѣе безопасныхъ мѣстахъ».

VI.

Непонятный, странный шумъ разбудилъ Варвару Ивановну. Она открыла глаза. Къ ея удивленію, было уже почти свѣтло. Солнце косыми лучами освѣщало, изъ-за угла галлереи, березу и кусты сирени, росшіе у оконъ. Туровцо̀ва, по примѣтамъ, поняла, что было уже не менѣе пяти-шести часовъ утра. Она отдернула у кровати пологъ, стала обуваться. Странный шумъ усиливался. Послышались воз-

гласы, даже какъ бы крики, сперва у воротъ, возлѣ конюшни или амбара, потомъ ближе. «Филиппычъ на когонибудь сердится, кричитъ, — подумала Туровцо̀ва: — вѣрный слуга, а подчасъ ротозѣй и несносный горланъ!» Шумъ становился громче. Кто-то быстро пробѣжалъ, мимо оконъ, по саду. Раздался крикъ:—«Эй, сюда, ребята, тутъ!»—«Ужъ не пожаръ ли на дворѣ?»—пришло въ голову Варварѣ Ивановнѣ: — «натопили кухню, съ позаранку, видно, и вспыхнуло!»—Она вскочила, на-скоро накинувъ на себя капотъ.

— Арина, Дарьюшка!—крикнула она:—да кто же тутъ? скорѣе, сюда!

Никто въ домѣ не отзывался.—«Что̀ это они, оглохли?»—подумала Туровцо̀ва, съ сердцемъ дергая за шнурокъ звонка.

Не дождавшись никого и на звонокъ, она вышла въ коридоръ и оттуда, мимо столовой, въ дѣвичью. Всѣ комнаты были пусты. Видя въ дѣвичьей, на сундукахъ, неубранныя постели горничныхъ и валявшіеся по полу ихъ платья и башмаки, она снова сказала себѣ: — «да, и впрямь, видно, пожаръ! всѣ, какъ оглашенные, выскочили, забывъ обо мнѣ!» — Варвара Ивановна возвратилась въ спальню, раскрыла комодъ, достала изъ его потайного ящика свертокъ съ болѣе цѣнными изъ золотыхъ и брильянтовыхъ вещей, сунула его и кошелекъ, съ деньгами, въ карманъ капота и, съ облегченною душою, мысля:—«если и впрямь пожаръ, сберегу хоть это!»—поспѣшила къ парадному крыльцу. Минуя прихожую, она взглянула въ окно и отступила. Дворъ, отъ воротъ до кухоннаго флигеля и конторы, былъ полонъ народа. Въ распахнутыхъ зипунахъ, съ шапками на затылкѣ, двигалась, горланила и размахивала руками толпа странныхъ, незнакомыхъ людей. Между ними нѣкоторые были съ дубинами. — «Гдѣ же Филиппычъ, приказные? что это за народъ?» — подумала Туровцо̀ва, ближе подходя къ окну. Экипажей гостей не было уже во дворѣ; гости, очевидно, разъѣхались. Вправо отъ палисадника, сквозь деревья, была видна площадка параднаго крыльца. На ней, держась за перила, осаждаемый напиравшими на него какими-то оборванцами, стоялъ блѣдный, съ растрепанными волосами, Филиппычъ. Онъ растерянно прижималъ руки къ груди и, кому-то низко кланяясь, о чемъ-то говорилъ.—«Что это? передъ кѣмъ онъ?»—удивилась Варвара Ивановна, бе-

рясь за ручку выходныхъ дверей. Она отворила ихъ, ступила въ запертыя сѣни, помедлила и вышла на крыльцо.

Гулъ толпы, стоявшей передъ крыльцомъ, совершенно глушилъ ее. При ея появленіи, голоса понемногу смолкли.

— Что̀ вамъ надо?—громко спросила Туровцо̀ва, разглядѣвъ, въ дальнихъ рядахъ, нѣсколько знакомыхъ мужиковъ своей деревни. Впереди стояли, въ чекменяхъ, какіе-то незнакомые казаки.

Мужики молча попятились. Кое-кто снялъ шапки. Казаки, мрачно потупясь, не двигались съ мѣста.

— Въ чемъ дѣло, Филиппычъ? что̀ это здѣсь за люди?

Приказчикъ молчалъ.

— Если вамъ что̀ нужно, идите въ контору, — продолжала Туровцо̀ва:—а хотѣли меня видѣть, вотъ я...

Спокойный, властительный видъ увѣренной въ себѣ старухи, ея бѣлый, длинный капотъ и сѣдыя букли, подъ высокимъ, съ оборками, чепцомъ, подѣйствовали на всѣхъ. Толпа дрогнула, нѣсколько осѣла назадъ.

— Вы вчера такъ увѣряли меня въ преданности, — начала-было, обращаясь къ своимъ, Туровцо̀ва:—гдѣ же ваши завѣренія, божба?

— Да что̀ на нее смотрѣть! — раздался голосъ изъ заднихъ рядовъ:—колдовка-чортъ! заговоритъ...

Впередъ выступилъ рослый и рыжій, въ красномъ казацкомъ чекменѣ, бородачъ. Гдѣ-то въ толпѣ вертѣлась, размахивая руками, и Ульяна.

— Батюшка. нашъ государь, — сказалъ онъ, ставъ у крыльца:—прислалъ насъ, боярыня, къ тебѣ... Волею покорись; отдавай все, что̀ у тебя есть, — корми, угощай царёво войско.

Туровцо̀ва поняла ужасъ своего положенія. Она взглянула на Филиппыча. Тотъ молча стоялъ, прислонясь къ двери. Въ разныхъ углахъ виднѣлись оттертые отъ дома, испуганные слуги—лакеи, горничныя, пѣвчіе и повара.

Прошло нѣсколько секундъ общаго недоумѣнія. Всѣ глаза были устремлены на Туровцо̀ву. Она, судорожно перебирая ленты чепца, думала:—«Кончено! правы были Серафима и Алексѣй! Да, надо было ѣхать съ ними. Неужели же уступить, отдать этимъ насильникамъ домъ, кладовыя и все? Или слѣдуетъ противиться имъ, попробовать усовѣстить ихъ, уговорить? Не успѣлъ извѣстить губернаторъ, погу-

билъ льстивый нѣмецъ! Перехваченъ, видно, и послѣдній гонецъ!»

За дворомъ, въ это мгновеніе, на церкви, раздался звукъ набата. Ворвавшійся, подъ общій шумъ, на звонарню, отставной, съ вечера выпившій гдѣ-то, солдатъ билъ во всѣ колокола. Отъ деревни ко двору бѣжали остальные, запоздавшіе, туровцовскіе мужики.

— Ну-ка, ребята, впередъ!—объявилъ, взбираясь по ступенькамъ, рыжій казакъ:—бери ее, хрычовку, вяжи!

— Но вы же вчера, вы же... одумайтесь! — вскрикнула изъ всѣхъ силъ Туровцова: — вы христіане... Господь накажетъ!

— Въ Сибирь, въ бѣлую Арапію насъ сошлешь?—визгнулъ чей-то женскій голосъ:—ну, это ужъ погоди!

— Ура! — гаркнули чужіе и свои: — чего на нее глядѣть? ура!

Толпа навалилась на крыльцо. Филиппыча и конторщика сбросили съ площадки, черезъ перила. Испуганная, блѣдная Туровцова исчезла среди сѣрыхъ зипуновъ, чекменей, бараньихъ шапокъ и въ кучу сбившихся плечъ и спинъ. Раздался неистовый женскій вопль. Въ воздухѣ безсильно мелькнули бѣлыя и худыя руки и съ развившеюся, тощею косой, сѣдая голова... Все смѣшалось въ кучу. Верблюжьи кафтаны, сермяги и чекмени, обрушивъ перила, раздѣлились. Часть толпы бросилась къ палисаднику, ограждавшему домъ съ этой стороны. Рвали изъ рукъ въ руки свертокъ, выпавшій изъ кармана старухи. Остальные ломились въ дубовую, кѣмъ-то изнутри снова запертую, огромную дверь сѣней. Дверь затрещала и рухнула. Толпа, колеблясь и напирая другъ на друга, хлынула въ сѣни, оттуда въ прихожую и залу. Черезъ садовый балконъ въ гостиную ввалилась другая толпа. Въ разныхъ концахъ дома слышались отчаянные, молившіе о пощадѣ крики. Здѣсь и тамъ полилась кровь. Падали, съ раздробленными черепами, сбѣжавшіеся послѣдніе защитники барскаго добра. Домъ наполнился трескомъ разбиваемыхъ шкаповъ, комодовъ, бауловъ и сундуковъ! — «Гостей, братцы, забыли!» — раздался голосъ.—«Гдѣ они, брюхатые, развѣ не всѣ убѣгли?»—«Въ погребѣ Митька нашелъ, за бочками!»—«Волоки ихъ сюда! на берёзы!»

Приземистый, въ рысьей шапкѣ на бритой головѣ, скула-

стый, съ узкими глазами, башкирецъ, войдя въ залу, съ размаха ударилъ дубиной по старинному зеркалу, въ рамѣ изъ разноцвѣтнаго хрусталя. Зеркало разлетѣлось вдребезги. Толпа захохотала. Одни ломали штофную, раззолоченную мебель, кресла, диваны, стулья и канапé; другіе тащили изъ кладовыхъ серебряную и фаянсовую посуду, бутылки съ виномъ и ликерами, иконы, подушки, ковры и пуховики. Нѣкоторые на ходу ѣли захваченные въ шкапахъ остатки булокъ, сладкихъ чайныхъ печеній и пирожныхъ.

Въ буфетѣ шла драка за столовый серебряный сервизъ. Въ спальнѣ дѣлили и рвали другъ у друга изъ рукъ платья хозяйки, робро̀ны, мантильи, оконныя занавѣсы и пологъ ея постели. Къ садовому балкону изъ главнаго подвала подкатили бочку старой водки, отбили топоромъ ея дно и всѣ черпали, чѣмъ попало—стаканами, шапками и пригоршнями.—«Еще бочку! волоки̂!»—кричали пьющіе. Косой и тощій псаломщикъ, въ нанковой рясѣ, черной скуфьѣ и съ саблей у пояса, сопровождавшій грабителей изъ Казани, бросился въ залу, сѣлъ за клавикорды и крикнулъ: «Я музыкантъ, ребята, слушай!»—Онъ ударилъ по клавишамъ и пьянымъ хриплымъ голосомъ запѣлъ: «Пей, православные! Исайя, ликуй!» — Съ вышки бельведера толпа, раскачавъ, сбросила на землю, найденнаго тамъ, астронома Антонушку, проглядѣвшаго набѣгъ незванныхъ гостей. — «Колдунъ-вѣдовщикъ!»—кричали, сбрасывая его. Сверху же было видно, какъ казаки съ татарами, окруживъ церковь, ломились въ ея двери, стрѣляя въ окна по спрятавшимся въ ней причетникамъ.

Сквозь оглушительные крики и гамъ грабившей и пившей, подъ звуки набата, толпы, послышались выстрѣлы на улицѣ. Къ воротамъ подскакалъ, стрѣляя на воздухъ, отрядъ новыхъ всадниковъ. Впереди ѣхалъ Идорка; рядомъ съ нимъ Прядышевъ. Идорка съ сѣдла что-то издали кричалъ.

— Казань взята!—ура, Казань!—слышалось во дворѣ.

Прядышевъ соскочилъ съ коня, отдалъ его подручному казаку и бросился къ кучкѣ мужиковъ, обдиравшихъ у конюшни съ поваленнаго и разбитаго въ щепы вѣнскаго дормёза остатки кожи, бронзы и сукна.

— Ты здѣшній?—спросилъ онъ ближайшаго мужика.

— Здѣшніе, туровчане, а тебѣ что?

— Гдѣ ваши господа? гдѣ ихъ родичи, Дуга́новы, коли слышалъ?

— Вонъ тебѣ кого надо!—не оглядываясь, отвѣтилъ спрошенный, отрывая мозолистою, волосатою рукой полоски шелковаго аграманта внутри кузова: — побѣгли.

— Куда?

Мужикъ не отвѣчалъ.

— Да говори же, чортова голова!—крикнулъ Прядышевъ, наступая на него.

Мужикъ оглянулся, увидѣлъ, что передъ спрашивавшимъ его всѣ стояли безъ шапокъ, и тоже снялъ шапку.

— Куда убѣжали Дуга́новы?—повторилъ Прядышевъ.

Мужикъ молча указалъ шапкой на гору, за садъ.

— Это куда же дорога?

— Въ Нижній, родимый, а то и въ Курмышъ.

— Всѣ убѣжали?

Мужикъ почесалъ въ бородѣ.

— Генеральша ваша ушла?—спросилъ Прядышевъ.

— Осталась.

— Гдѣ же она?

Мужикъ молча указалъ на палисадникъ, въ которомъ росло нѣсколько красивыхъ, развѣсистыхъ березъ. На одной изъ нихъ висѣло что-то длинное, бѣлое, какъ бы закинутая на вѣтви, для просушки, простыня. Изъ-подъ складокъ этого бѣлаго и длиннаго виднѣлись вышитыя гарусомъ и бисеромъ туфли, съ высокими, выгибными каблуками. Невдали, на другихъ трехъ березахъ, висѣли найденные въ погребѣ гости хозяйки...

Прядышевъ, отвернувшись и крестясь, пошелъ къ боковой галлереѣ, соединявшей домъ съ кухоннымъ флигелемъ.

— Батюшки, родименькіе, свѣтики! бьютъ! — раздался крикъ изъ конторы, смежной съ флигелемъ.

На конторское крыльцо выскочили нѣсколько казаковъ и башкиръ. Они тащили спрятавшихся на чердакѣ младшаго конторщика, поваренка-подростка, въ фартукѣ и бѣломъ колпакѣ, и кухоннаго, въ сѣрой курткѣ, мужика.

— Говори, гдѣ господскія деньги? — твердилъ старшій изъ казаковъ, нанося удары побѣлѣвшему отъ страха конторщику: — ты записывалъ, ты собиралъ! гдѣ скрыня съ казною? гдѣ холсты, пряжа, мѣха?

— Все было у самой енаральши, у насъ ничего!—вопилъ конторщикъ, вскидывая на окружающихъ молящіе глаза.

— Ну-ка, Гассанъ,—сказалъ казакъ, мигнувъ стоявшему рядомъ съ нимъ башкирцу:—спроси ты его!

Башкирецъ молча поднялъ дубину и ударилъ ею по затылку конторщика. Тотъ, обливаясь кровью, упалъ ничкомъ.

Другіе стали рубить саблями по плечамъ поваренка и кухоннаго мужика. Оба окровавленные хватались за сабли мучителей.

— Стой, изверги, что̀ вы!—крикнулъ, подбѣгая къ крыльцу, Пря̀дышевъ:—не смѣй трогать! за что̀?

— А ты что за сказчикъ?—огрызнулся на него казакъ:—откулича взялся?

— А вотъ откуль, душегубы вы!—бѣшенно крикнулъ Прядышевъ, выхватывая пистолетъ: — не смѣй бить неповинныхъ: батюшкѣ-царю доложу!

— Далеча до него,—презрительно усмѣхнулся казакъ:—былъ, да може весь уже вышелъ,—а тутъ мы всѣ цари!

— Нѣтъ, не далеча, слѣдомъ поспѣваетъ,—объявилъ Пря̀дышевъ.

— И мы скажемъ ему,—подхватили другіе грабители.

— Что̀ скажете? ну, говори, что̀?

— А то же,—добычу дѣлимъ,—не смѣй мѣшать... подступи только.

— И подступлю!—крикнулъ Пря̀дышевъ, цѣлясь изъ пистолета:—вонъ отсюда!

VII.

Казаки одинъ за другимъ удалились. Пря̀дышевъ, шагая черезъ тѣло конторщика и кухоннаго мужика, подошелъ къ поваренку, еле дышавшему въ углу крыльца.

— Гдѣ, скажи,—обратился онъ, нагнувшись, къ нему:—гдѣ родичи вашей госпожи?

— Ой, ой, родимые!—ухватясь за плечи и качаясь, стопалъ окровавленный мальчикъ:—голубчики мои, помираю!

— Куда уѣхали Дуга̀новы? говори, голубчикъ, не бойся, я имъ не врагъ.

— Въ Москву, сердечный, въ Москву.

— Ты правду говоришь?

— Богъ убей, не прими мать сыра земля.

— А, можетъ-быть, они еще въ домѣ, не ушли, заперлись гдѣ въ подвалѣ?

— Ушли, батюшка, ночью ушли. О, милые, смерть!

Изъ дома, со стороны сада, послышался отчаянный женскій крикъ.—«Она, она!—подумалъ Прядышевъ:—мальчикъ уташлъ; ее нашли, терзаютъ!»—Онъ безъ памяти бросился на галлерею.

Крыльцо послѣдней было залито кровью; здѣсь лежала убитая, красивая, съ развившеюся косой, горничная Глаша. Далѣе, на полу галлереи, среди пролитыхъ винъ и водки, валялись окровавленныя, съ отсѣченными головами и руками, тѣла садовника, сѣдого парикмахера и старшихъ музыкантовъ, сбѣжавшихся, при появленіи шайки, защищать барыню. Въ воздухѣ чувствовался тяжелый запахъ водки и свѣжей крови. Въ окно галлереи Пря́дышевъ увидѣлъ кучу казаковъ и мужиковъ, стоявшихъ у входа въ липовую аллею. Они смотрѣли на крайнюю липу, въ вѣтвяхъ которой виднѣлся босой, въ синей рубахѣ, казакъ. Онъ держалъ въ рукахъ веревку, другой конецъ которой двое стоявшихъ внизу привязывали къ шеѣ кричавшей и молившей о пощадѣ, толстой и приземистой, съ сѣдою косичкой, старухи—ключницы Арины.

— Соколики! голубчики!—вопила старуха, ловя и цѣлуя руки и полы кафтановъ своихъ палачей: — ангелы-свѣты! все укажу, бери! душеньку на покаяніе пустите...

— Врешь, чертовка! не говорила—поздно теперь!..

Со двора бритоголовый, безъ шапки, красный отъ хмеля Идорка сюда же со смѣхомъ тащилъ за волосы окровавленнаго, въ разорванной синей рясѣ, отца Гервасія.—«Что̀, и батьку?» — кричали ему навстрѣчу отъ деревьевъ. — «Присягу не принималъ, отказалъ!..» — «На сукъ его, жеребца, на сукъ!»

Пря́дышевъ ухватился за голову, припалъ головой къ окну.—«Треклятые изверги, палачи!—мысленно вскрикнулъ онъ:—вамъ только этого и нужно—крови, убійствъ, грабежей! Не царь онъ, такой же извергъ. Будьте вы прокляты! Прочь отсюда... Но куда? и какъ я спасу безъ нихъ ту, неповинную, и ея семью? Спасти можно только съ ними и черезъ нихъ! Они дѣйствительно здѣсь сила, цари! но куда это тащатъ солому, неужели поджигать?»

За садомъ, отъ мельницы, въ это время послышался конскій топотъ. Пря́дышевъ сквозь деревья увидѣлъ отрядъ уланъ, скакавшихъ, съ саблями и съ пиками на-перевѣсъ.

Впереди отряда, на пѣгомъ, костлявомъ иноходцѣ, рысью ѣхалъ плотный, въ черной венгеркѣ, съ болтавшимися у висковъ гусарскими локонами, командиръ. Прядышевъ узналъ въ немъ грозу Пугачова — Михельсона.

— Ребята, уланы! — самъ Михельсонъ! — крикнулъ онъ толпѣ, вѣшавшей, рядомъ съ ключницей, еще кого-то изъ слугъ.

Толпа разсѣялась вразсыпную по саду, а онъ выскочилъ черезъ окно галлереи во дворъ, подбѣжалъ къ конюшнѣ, отвязалъ своего сѣраго, прыгнулъ на него и, съ крикомъ: «грабятъ!»—прилегъ къ лукѣ сѣдла. Конь, пріученный къ этому сибирскому окрику, понесся стрѣлой. Прядышевъ, подъ пулями, успѣлъ промчаться до конца села, когда уланы влетѣли во дворъ, а съ мельничной плотины грянула поставленная Михельсономъ, на перерѣзъ бѣгущимъ, пушка. Картечь засвистѣла по саду и по прыгавшимъ черезъ заборы и канавы сада, застигнутымъ врасплохъ, грабителямъ.

— Ни одного не выпустить! бей ихъ, вали! — слышался охрипшій голосъ Михельсона.

Проскакавъ полемъ и лѣсомъ верстъ пять, Прядышевъ остановился, на пригоркѣ у Волги, и оглянулся. Со стороны Краснаго-Кута поднимался громадный столбъ дыма. Съ пригорка было видно, что горѣла подожженная грабителями усадьба Туровцовой: домъ былъ уже весь въ пламени; загорались и другія постройки. За Волгой виднѣлись полосы дыма надъ догоравшею Казанью; по рѣкѣ плыли барки, расшивы и лодки съ мятежниками, переходившими на эту сторону. По дорогѣ неслась пыль экипажей съ бѣглецами, спасавшимися въ направленіи къ Москвѣ.

Алексѣй и Серафима, съ дѣтьми, благополучно миновали Свіяжскъ, Цивильскъ и приблизились къ рѣкѣ Сурѣ. Въ двое сутокъ они сдѣлали болѣе полутораста верстъ. Невдали отъ переправы черезъ Суру, ихъ обогналъ посланный въ Москву, отъ казанскаго губернатора, гонецъ. Отъ него Алексѣй на почтовой станціи узналъ, что Казань вся почти сожжена, что изъ трехъ тысячъ ея домовъ истреблено болѣе двухъ тысячъ и что Пугачовъ, отбитый отъ города, перейдя по сю сторону Волги, бросился, въ обходъ Свіяжска, на Чебоксары и чуть ли оттуда не пойдетъ на Москву.—«Такъ сказывали на допросѣ плѣнные,—говорилъ

гонецъ,—меня послали прямымъ трактомъ на Курмышъ».— Алексѣй вздохнулъ свободнѣе. Онъ былъ далеко впереди самозванца и его злодѣевъ.

Лошади Дугановыхъ въ двухсуточной ѣздѣ сильно притомились. Приходилось дать имъ хорошую дневку, либо нанять другихъ лошадей,—но гдѣ? Настигая по дорогѣ множество другихъ, такихъ же, какъ они, бѣглецовъ, путники убѣдились, что въ эти смутные дни не было никакой возможности не только нанять, но даже ни за какія деньги и купить новыхъ, сносныхъ лошадей. Содержатели переполненныхъ постоялыхъ дворовъ неохотно пускали къ себѣ проѣзжихъ, а иные, боясь налета разбойничьихъ шаекъ, бросали свои дворы и прятались, гдѣ попало.

Прошли еще сутки. День клонился къ вечеру. Дорога шла вдоль опушки большого лѣса. Истомленныя лошади, кое-какъ подкормленныя въ какой-то деревенькѣ, едва тащились. Путниковъ, подъ лѣсомъ, стала настигать чья-то бричка. Сидѣвшіе въ ней, очевидно, ѣхали не издалека. Рослыя, сытыя лошади неслись дружно. Зависть взяла кучера дугановской коляски, въ которой ѣхалъ, изнывая отъ жары и пыли, самъ Алексѣй.

— А что, сударь,—сказалъ кучеръ, обращаясь къ Дуганову:—не свернуть ли въ лѣсъ? постояли бы, покормили бы на травкѣ, какъ слѣдъ,—а завтра, то-есть на зорькѣ, и съ Богомъ... Куда не уѣдешь, коли лошадь сыта!

— Да вѣдь до Курмыша не болѣе двѣнадцати верстъ.

— Такъ-то, такъ,—вздохнулъ кучеръ:—а достанемъ ли на постояломъ, не то, чтобы овса, хоть бы сноснаго сѣна? Чѣмъ кормили у этой мордвы? А въ лѣсу, сударь, прохлада, ни этой жары, ни мухъ... трава тоже свѣжая, найдемъ и воды.

Алексѣй взглянулъ на небо. Безоблачная, тихая, прозрачная синева была такъ привлекательна. Солнце, обливая алыми лучами лѣсъ, поля и вербы почтовой дороги, готовилось зайти за дальніе, тонувшіе въ легкомъ туманѣ, холмы. На взгорьѣ, съ котораго спускалась дорога, показалась пыль; послышался прерывистый звукъ колокольчика. Между вербъ обозначалась подъѣзжавшая къ лѣсу почтовая телѣга. На ней, покачиваясь между подушекъ, сидѣлъ, съ подвязанною рукой, красивый, очевидно раненый, офицеръ. Алексѣй, видя, что телѣга, объѣзжая дорожную водороину,

поѣхала шагомъ, всталъ изъ коляски и вышелъ навстрѣчу офицеру.

— Извините, — сказалъ онъ, подходя къ нему, съ приподнятою шляпой: — откуда вы? успокойте насъ... мы изъ-подъ Казани, спѣшимъ въ Москву...

— И я оттуда, — отвѣтилъ, кланяясь, офицеръ: — раненъ на Арскомъ полѣ, въ грудь и руку... Торопитесь!.. отпросился съ эстафетой, да врядъ ли донесетъ Господь... Убиты генералы Нефедовъ и Кудрявцевъ, а сколько отставныхъ!..

— Правда ли, что Пугачовъ уже на этой сторонѣ? и что̀ сталось съ самой Казанью?—спросилъ Алексѣй.

— Слѣдомъ, батюшка, слѣдомъ побѣдители за нами! — безнадежно махнулъ рукой офицеръ:—а Казань—море огня, груда тлѣющихъ развалинъ. Пугачова видѣлъ я лично, — въ красномъ кафтанѣ, на бѣломъ конѣ и съ саблей на-голо, пронесся онъ передъ нашимъ фронтомъ. Солдаты оторопѣли и не стрѣляли. Ужасъ, сударь, ужасъ!

Офицеръ тронулъ за плечо ямщика, чтобы тотъ ѣхалъ далѣе. Тройка понеслась. Алексѣй молча взглянулъ на небо. Ясная синева была также прозрачна и тиха. Жаворонки звенѣли надъ полями. — «Неужели все кончено? — подумалъ Алексѣй, — неужели намъ, счастливымъ донынѣ, неповиннымъ ни въ чемъ, также суждено стать жертвами?»

— Ну, что̀? — спросила его Серафима, когда онъ, стараясь быть спокойнымъ, подошелъ къ каретѣ:—что̀ сказалъ этотъ офицеръ?

— Ничего особеннаго, — отвѣтилъ Алексѣй: — а вотъ кучеръ совѣтуетъ свернуть въ лѣсъ; здѣсь дѣйствительно и покормимъ, и отдохнемъ, лучше всякаго постоялаго.

— Что же, и отлично,—весело сказала Серафима, удерживая радостные возгласы и прыжки дѣтей, заслышавшихъ объ отдыхѣ въ лѣсу.

Экипажи своротили въ лѣсную просѣку; пока было свѣтло, проѣхали еще нѣсколько верстъ. Лѣсная чаща становилась темнѣе, деревья гуще и выше. У перекрестка двухъ дорогъ встрѣтили пѣшаго мужика.

— Чей, дядя, лѣсъ?—спросилъ пѣшехода кучеръ.

— Дёмкиныхъ купцовъ.

— Далече ли отсель до Курмыша?

— Верстъ семь,—да вы не туда ѣдете.

— Знаемъ. А есть ли тутъ по близости жилье?

— Въ лѣсу жилья нѣту, одинъ мельникъ, вона, за лѣсомъ,—указалъ мужикъ вдаль:—а вамъ, родимые, что же?

— Покормить бы лошадокъ, притомилися.

— Бери, милый, влѣво... тутъ тебѣ будетъ вражекъ, а маленечко подальше полявинка... трава богатѣющая и ручей по овражку-то,—попоить лошадей.

Экипажи направились къ овражку, миновали его и остановились на просторной, уютной полянѣ. Кучера распрягли упаренныхъ лошадей и стали ихъ водить. Прислуга, развязавъ разныя укладки и узлы, занялась самоваромъ. Серафима умылась и умыла дѣтей, сняла съ нихъ запыленныя дорожныя платья, одѣла ихъ полегче и пустила бѣгать по травѣ. Вода въ ручьѣ оказалась отличною для чая. Алексѣй, съ Дрономъ и горничною, разостлалъ подъ деревомъ коверъ, уставилъ его дорожною, холодною закуской и, когда принесли сюда же привѣтливо пыхтѣвшій самоваръ, кликнулъ жену и дѣтей.

— Готово, пожалуйте, — сказалъ онъ, разливая въ чашки чай.

— Какъ здѣсь хорошо!—невольно воскликнула Серафима, окидывая счастливымъ взглядомъ поляну, съ распряженными на ней экипажами и радостно фыркавшими на прохладѣ лошадьми: — а какой чудный, душистый воздухъ и какая, точно сказочная, тишина!

— Добраться бы скорѣе до Москвы, — вздохнулъ, какъ бы не слыша словъ жены, Алексѣй.

— Ну, что же, доѣхали сюда,—отвѣтила она:—доѣдемъ и далѣе.

— Да, это правда, Курмышъ — рукой подать, за нимъ Арзамасъ. Переѣдемъ Оку, тогда уже безопасно.

— А какъ-то выбралась maman? — сказала Серафима, намазывая дѣтямъ и мужу масло на хлѣбъ: — вотъ не догнала же, какъ обѣщала сама; пожалуй, до Москвы и не увидимся.

— Отчего же? — возразилъ мужъ:—не въ Курмышѣ, на переправѣ, авось догонитъ еще на Окѣ.

«Сказать ли ей о переходѣ Пугачова черезъ Волгу? — думалъ, между тѣмъ, Алексѣй,—нѣтъ, лучше завтра; пусть не тревожится и получше отдохнетъ!»

VIII.

Сумерки сгустились на полянѣ, хотя надъ деревьями еще виднѣлся свѣтъ. Лошади попаслись на травѣ, ихъ напоили и засыпали имъ въ торбы овса. Вкусившія сочной, свѣжей пищи, лошади дремали, не касаясь овса. Убравъ посуду, стали закусывать слуги. Надъ стемнѣвшими верхушками лѣса проглянули звѣзды. Скоро все небо засвѣтилось ими. Ни единый звукъ не доносился на поляну изъ таинственно-молчавшей окрестной гущины.

— Смотри,—сказала Серафима мужу:—какъ тамъ, вверху, торжественно и ясно, и какъ здѣсь, внизу, тихо и темно; усталыя лошади насытились и не жуютъ больше, спятъ.

— И прибавь, слава Богу, что ни одна изъ нихъ въ этой гоньбѣ не захромала,—замѣтилъ Алексѣй:—натерпѣлись бы мы, страхъ и подумать, не то, что испытать.

Дѣти давно спали въ каретѣ. Серафима еще что-то разсказывала и вдругъ, покачнувшись, смолкла.

— Эге, сударыня, да и ты клюешь носомъ,—улыбнулся Алексѣй:—иди, пора спать.

Онъ провелъ жену къ каретѣ, помогъ ей устроиться тамъ, рядомъ съ дѣтьми, подозвалъ Дрона, обошелъ съ нимъ поляну и остановился у коляски.

— Ну-ка, Дронушка,—сказалъ онъ:—достань здѣсь изъ-подъ сидѣнья ящикъ.

Дронъ исполнилъ приказаніе Дуга́нова.

— Видишь ли, голубчикъ,—произнесъ Алексѣй, отпирая ящикъ и доставая оттуда оружіе: — все можетъ случиться, злодѣи отбиты отъ Казани, но слышно перешли на сю сторону... двинулись къ Чебоксарамъ.

— Это, упаси Господи, слѣдомъ за нами?

— Да, все можетъ случиться, нагрянутъ, пожалуй, и сюда.

— Такъ что же мы стоимъ, сударь? ѣхать бы, хоть по-малу, дальше.

— Нѣтъ ужъ, видишь ли, не такъ еще, думаю, опасно: отдохнутъ лошади, побѣгутъ скорѣй.

— Положимъ, сударь, и у казаковъ кони тоже не желѣзные; одначе, осмѣлюсь доложить, они, слышно, налетаютъ и силой вездѣ свѣжихъ берутъ.

— Это правда, — сказалъ Алексѣй: — потому-то и надо намъ особенно жалѣть своихъ.

— Ироды, сударь, какъ подумаю, сущіе ироды искаріотскіе!—въ негодованіи даже плюнулъ Дронъ.

— Такъ видишь ли, голубчикъ,—продолжалъ Алексѣй:— не хотѣлъ я тревожить барыню, а тебѣ все теперь открою. Плохо, надо быть очень на сторожѣ. А потому вотъ тебѣ, Дронушка, ружье. Кучеру отдай это другое, — вотъ и заряды, а себѣ я оставляю штуцеръ и пистолеты. Хорошо я сдѣлалъ, что купилъ, по случаю, у татарина въ Казани, эти ружья; думалъ въ Горкахъ охотиться осенью на гусей. Ты изстари былъ у покойнаго тестя егеремъ, кучеръ тоже стрѣляетъ, даромъ хоть не отдадимся.

— Оно, сударь, правда,—отвѣтилъ въ раздумьѣ Дронъ:— даромъ что же гибнуть? да какъ помыслишь, эхъ...

— Что же? говори.

— Да, сказываютъ, его, окаяннаго, прости Господи, ни пули, ни бонбы не берутъ.

— Вздоръ, сущій вздоръ! ну, не стыдно ли?—съ досадой возразилъ Алексѣй: — вотъ ужъ вамъ нагородили! не дай только промаха, увидишь, свалится, какъ и всякій. А еще хуще, не вздумай струсить, измѣнить... Ты смотри у меня, на рукахъ у насъ молодая барыня, надо ее беречь,—опять же малыя дѣти.

— Что̀ вы, сударь, батюшка, да можно ли? да я землю буду грызть, разорвись утроба, лопни глаза!.. у самого дѣти...

— То-то, Дронъ, я и не думаю, а великій грѣхъ возьмешь на душу! Иди же, объяви кучеру и всѣмъ; заряжайте ружья и глядите въ оба, а какъ что̀,—слушаться и отъ меня не отставать. Помни одно, мы погибнемъ, не сдобровать и вамъ!

Алексѣй влѣзъ въ коляску, поднялъ ея верхъ, положилъ возлѣ себя заряженный штуцеръ, прилегъ и вскорѣ заснулъ.

Ночь прошла благополучно. Съ восходомъ солнца, путниковъ разбудили птичьи крики. Алексѣй выглянулъ изъ-подъ зонта коляски. Вершины деревьевъ золотились лучами зари. Лѣсъ стоналъ отъ голосовъ пернатаго населенія. Надъ прогалинами, гоняясь за мухами и комарами, кружились ласточки. Черные, желтоносые дрозды, съ рѣзкимъ щелканьемъ, проносились между кустовъ. Зеленыя иволги звуками флейтъ перекликались въ вершинахъ деревьевъ. Стайки дикихъ утокъ спускались къ ручью, но видя на полянѣ людей, съ шумомъ взлётывали и уносились далѣе. Вдругъ въ воздухѣ

потемнѣло. Откуда-то, поднявшись надъ лѣсомъ, съ громкимъ карканьемъ, неслась туча воронъ. «Что это онѣ разорались? — подумалъ Алексѣй, взглянувъ на вершины деревьевъ: — все ли благополучно у лѣса, на дорогѣ? пора запрягать!»

Напившіяся чаю дѣти прыгали по травѣ и собирали цвѣты. Серафима съ горничной кончала укладку вещей.

— Выкупали бы вы, до запряжки, лошадей,—обратился Алексѣй къ кучерамъ.

— Выкупали, сударь, и сами искупались, — отвѣтилъ Дронъ, оправляя на себѣ еще мокрые волосы: — а тутъ, дальше, по ручью, смѣю доложить, есть мельница и при ней на хозяйствѣ мельникъ живетъ. Тамъ для сударыни и дѣтокъ можно бы достать свѣжаго хлѣба и молока.

— Ты откуда это знаешь?

— Шелъ, какъ мы купались тамъ, у вражка, пастухъ-скотарь и сказывалъ.

— Гдѣ же это будетъ, въ какой сторонѣ?

Дронъ указалъ на солнце, къ востоку.

— Не по пути,—отвѣтилъ Алексѣй:—намъ къ Курмышу вотъ куда, а то будетъ крюкъ. Ну-ка, ребята, проворнѣе!

— Все готово,—произнесъ, усаживаясь на козлы, старшій кучеръ.

Всѣ размѣстились и снова выѣхали на почтовый трактъ. Лошади по утренней прохладѣ бѣжали рѣзво и дружно. Скоро стали видны церкви, а тамъ и дома Курмыша. Доносился колокольный звонъ; въ тотъ день былъ праздникъ. Невдали отъ города надо было проѣзжать большое село. Едва экипажи, взбивая пыль, приблизились къ въѣзду въ околицу, ихъ съ шумомъ остановила толпа мужиковъ. Народъ, послѣ обѣдни, уже подгулялъ у кабака. Одни, стоя въ синихъ кумачныхъ рубахахъ и заложивъ руки за поясъ, весело усмѣхались, глядя на подъѣхавшихъ баръ. Другіе, съ красными потными лицами, лѣзли прямо на лошадей, хватаясь за уздечки и постромки. Отъ общаго шума и гама трудно было понять, въ чемъ дѣло.

— Э-эхъ, малинушка-матушка! — плаксиво голосилъ совсѣмъ пьяный, растрепанный мужичонка, въ дырявомъ зипунѣ, ни съ того, ни съ сего кланяясь въ землю передъ экипажами:—милостивые, добрые, кормильцы вы наши!

— Пошелъ прочь! слышишь ли ты? — крикнулъ кучеръ

кареты, стегнувъ по лошадямъ и стараясь прорваться сквозь буяновъ:—еще наѣду, берегись!

— А ты постой, — отозвались изъ толпы: — ишь, какая цаца! говори, что за проѣзжатели?

— Полковникъ изъ Казани.

— Полковникъ, вотъ что! а куда?

— На что вамъ?

— А на то, — всякаго, то-есть, проѣзжателя приказано подозрѣвать.

— А какъ не скажемъ?

— Ну, и ладно,—не скажешь, не поѣдешь,—не велѣно пущать.

— Кто не велѣлъ?

— Батюшка-царь.

— Гдѣ онъ?

— Подходитъ, ждемъ милостивца,—а тутъ енаралъ сидитъ.

«Опоздали!—подумалъ, блѣднѣя, Алексѣй:—дать имъ денегъ, хуже не вышло бы... все отнимутъ, задержатъ самихъ».

— Давно ли генералъ въ Курмышѣ?—спросилъ онъ.

— Эвоси, только туды прошелъ.

— Уходите, родименькіе, — голосилъ, кланяясь, мужичонка: — то-есть, съ глазъ долой!.. мы что? намъ велѣно... отпустишь ихъ, православный народъ?

— Для-че не пустить?—отвѣтили изъ толпы:—не ѣдутъ далѣе, ну, и уходи, значитъ, откулича пришелъ.

Алексѣй велѣлъ ѣхать обратно. Лошади снова рысцой добѣжали до лѣса и остановились.

— А вѣдь отдѣлались недурно,—сказалъ по-французски Алексѣй, подойдя къ женѣ:—могли бы попасть въ большую бѣду.

— Чѣмъ же, однако, все это можетъ кончиться?—спросила Серафима.

— Пустяки, объѣдемъ городъ кругомъ.

— Куда прикажете, сударь?—спросилъ кучеръ, придерживая лошадей, на вспотѣвшіе бока и спины которыхъ жадно бросались слѣпни и оводы.

— Заѣдемъ опять въ лѣсъ,—обратился Алексѣй по-французски къ женѣ:—этотъ набѣгъ на Курмышъ сдѣланъ, очевидно, какою-нибудь ничтожною шайкой... У нихъ всякій головорѣзъ — генералъ. Нечего дѣлать, переждемъ; насъ тутъ не увидятъ; буяны потѣшатся и уйдутъ, тогда и двинемся опять.

Серафима, съ трудомъ удерживая слезы, молча глядѣла на дѣтей. Въ знакъ согласія, она кивнула головой. Алексѣй отдалъ приказаніе кучеру. Экипажи снова свернули въ лѣсъ.

IX.

На этотъ разъ ѣхали недолго. Узкая, сыроватая колея пошла книзу песчанымъ косогоромъ. Лѣсъ порѣдѣлъ. Слѣва тянулись березы и ольхи, справа выглянулъ ручей, у вершины котораго путники ночевали. Здѣсь онъ былъ уже рѣкою, красиво извивавшеюся между отлогихъ, поросшихъ кустами, береговъ. Далѣе стали видны верхушки водяной мельницы и стоявшей возлѣ нея избы. Послышался шумъ бѣгущей по жолобу и падавшей въ омутъ воды. Рабочее колесо стояло неподвижно. Сѣдой, сгорбленный мельникъ, въ бѣлой рубахѣ, сидѣлъ, грѣясь на солнцѣ, у мельничнаго крыльца.

Алексѣй вышелъ изъ коляски.

— Съ праздникомъ, дѣдушка!—сказалъ онъ, подходя къ нему.

Мельникъ снялъ шапку и молча поклонился.

— Мы издалека,—продолжалъ Алексѣй:—нужно въ городъ, а у васъ непокойно, мутятъ мужики. Гдѣ бы намъ тутъ укрыться, переждать.

— Укрыться, родимые?—прошамкалъ мельникъ, оглядывая грузную, запыленную карету, изъ окна которой испуганно смотрѣли глаза блѣдной молодой барыни и весело улыбались лица дѣтей, занятыхъ шумомъ падавшей воды.

— Да, дѣдушка,—обратилась къ мельнику, удерживая дѣтей, Серафима:—нѣтъ ли тутъ по близости спокойнаго пристанища? мы въѣхали въ ближнее село на почтовой дорогѣ, но тамъ народъ буянитъ, не пускаетъ.

Старикъ покачалъ головой.

— Не во-время, кормильцы, ѣдете,—сказалъ онъ, вздохнувъ:—оно точно, сумнительно стало въ нашей сторонѣ, а въ городъ лучше вамъ и вовсе не ѣхать.

— Почему?—спросилъ Алексѣй.

— Нешто не сказывали на селѣ? Это нынче ѣхали съ базару мужики... сказываютъ, поднялся народъ вчера съ вечера и порѣшилъ воеводу и приказныхъ.

— Какъ порѣшилъ?—спросила Серафима.

— Прискакалъ это гонецъ,—шамкалъ мельникъ, не видя, что баринъ дѣлаетъ ему знаки, чтобъ онъ молчалъ:—гово-

ритъ, ждите, ребята, на утро енарала, а слѣдомъ и самого батюшку-царя; ну, народъ возрадовался, приказныхъ связали, всѣхъ потопили, а воеводу, о, Господи!—ввели на колокольню, да сбросили, что ли, оттоль.

Серафима въ ужасѣ закрыла глаза.

— Mon Dieu, mon Dieu! quelle horreur!—вскрикнула она, прижимая къ себѣ дѣтей:—demandez, priez le de nous sauver...

— Это все еще, можетъ-быть, одни слухи,—спокойно сказалъ Алексѣй:—люди испуганы и толкуютъ. У тебя, дѣдушка, негдѣ пріютиться, ты на проѣзжей дорогѣ. Нѣтъ ли тутъ по близости, въ лѣсу, пчельника или лѣсной сторожки.

— Лѣсъ, батюшка, монастырскій, его Богъ бережетъ, а пчелъ монахи нонѣ, по засухѣ, держатъ за Курòй, на лугахъ.

Алексѣй взошелъ на мельничное крыльцо.

— Городъ въ ту сторону?—спросилъ онъ, указывая за рѣку.

— Нѣтъ, кормилецъ, вонъ гдѣ,—указалъ мельникъ лѣвѣе.

— А это же чтò за церковь?

— Монастырь.

— Нельзя ли тамъ укрыться?

— Трудно,—монахи, уже три дня, какъ заперлись, не пускаютъ къ себѣ никого.

— Ну, прощай, дѣдушка,—сказалъ Алексѣй, возвращаясь и садясь въ коляску:—поѣдемъ, авось сами найдемъ себѣ пріютъ.

— Богъ въ помочь, кормильцы! счастливо, миленькіе!

Лошади уже тронулись.

— А слушай-ка, старикъ,—отозвался съ козелъ Дронъ:—нѣтъ ли у тебя свѣжаго хлѣба, барскимъ дѣтямъ, либо крынки молока?

— Ничего нѣту-ти,—шамкалъ, почесываясь и щурясь отъ солнца, дѣдъ:—хозяйка холсты на монастырь понесла, коровёнку зимой еще волки заѣли,—радъ бы, миленькіе, да нѣту-ти!

— И все вретъ скалдырникъ!—ворчалъ, оглядываясь на мельницу, Дронъ:—ужъ народецъ! самъ гладокъ, какъ быкъ, а дѣтямъ жалѣетъ молока...

Не о дѣтяхъ думалъ въ это время Дронъ. Онъ еще съ вечера голодалъ, разсчитывая на лучшую пищу въ городѣ,

а теперь видѣлъ, что опять быть ему и прочимъ слугамъ на однихъ сухаряхъ.

Новое мѣсто въ лѣсу, выбранное Алексѣемъ для остановки, оказалось, какъ и вчерашнее, также укромно и защищено со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ ужъ именно медвѣжій уголъ!—сказала мужу Серафима, оглядывая громадныя деревья, когда экипажи, версты черезъ двѣ отъ мельницы, снова свернули съ проселка въ гущину:—чисто разбойничья глушь.

— Зато никакіе калабрійскіе брави насъ тутъ не найдутъ.

Кучера опять распрягли и пустили на траву лошадей. Снова вынуты узлы съ закуской. Пока принесли воды и ставили самоваръ, дѣти съ горничной собирали цвѣты. Серафима, подъ вуалью отъ комаровъ и мошекъ, чтобы разсѣяться хотя немного, достала изъ кареты книгу и сѣла подъ деревомъ.

— Я тебѣ, Alexis, почитаю вслухъ... хочешь?—обратилась она къ мужу.

— Сдѣлай одолженіе.

Алексѣй опустился на траву. Чтеніе, однако, не клеилось. Комары и мошки кусали Серафиму и сквозь вуаль. Она, то и дѣло, съ досадой, отгоняла ихъ книгой. Алексѣй не слушалъ чтенія. Подошелъ, съ озабоченнымъ видомъ, Дронъ.

— Ну, чай готовъ?—спросилъ Алексѣй.

— Готовъ-то, готовъ, да смѣю доложить о другомъ.

— Что еще?

Дронъ оглянулся.

— Припасы, сударь, повышли,—сказалъ онъ:—вамъ и дѣткамъ будетъ еще до вечера булокъ, сыру, есть и цѣлая жареная курица... ну, а на завтра?..

Алексѣй молчалъ.

— Въ Цивильскѣ, сударь, помните, не во гнѣвъ будетъ вамъ сказано,—продолжалъ Дронъ:—я совѣтовалъ больше брать живности, масла, хлѣба, ну и прочаго.

— Такъ что же?

— Не помирать же, сударь; вамъ маловато, а у насъ, простите, ничего не осталось, кромѣ сухарей.

— Что же дѣлать?—озабоченно спросилъ Алексѣй:—не придумаешь ли чего? безъ овса тоже не быть же лошадямъ.

— Ужъ я, сударь, про все думалъ и самъ съ кучеромъ

говорилъ... пострѣлять бы дичинки, и ружья есть, да боязно,—ну, какъ на выстрѣлы нагрянутъ, найдутъ здѣсь?

— Вотъ что,—сказалъ, вставая, Алексѣй:—зови форрейтора Митьку.

Митька подошелъ.

— Лѣзь, Митя, на березу,—сказалъ ему Алексѣй:—гляди, не видать ли церкви?

Мальчикъ скинулъ армякъ и сапоги и, какъ бѣлка, вскарабкался по вѣтвямъ.

— Видно,—крикнулъ онъ съ вершины дерева.

— Пятиглавая?

— Такъ точно.

— Далеко ли?

— Верстъ пять будетъ.

— Въ какой сторонѣ?

— Эвоси,—крикнулъ сверху мальчикъ, показывая черезъ лѣсъ:—тутъ сбоку и дорога видно туда, вонъ и поворотъ.

— Ну ладно, лѣзь долой. Такъ вотъ что,—обратился Алексѣй къ Дрону, доставая кошелекъ:—вотъ тебѣ деньги, ѣзжай въ монастырь и купи всякихъ припасовъ... ну, муки, тамъ, зелени какой, овса для лошадей, крупъ,—котелокъ хоть небольшой добудь у монаховъ, рыбы свѣжей, а не то и соленой, хоть постнаго масла, да хлѣба готоваго побольше... Скажи, что ты проѣзжій, изъ купцовъ, что ли,—обозъ, молъ, присталъ въ лѣсу, тамъ подводчикамъ нужна, молъ, провизія. Понялъ?

— Какъ не понять! не впервое,—замялся Дронъ:—только въ эвтой-то ливреѣ, опять же въ косѣ... ну, какой я купецъ?

— Такъ развѣ кучера послать?—обратился Алексѣй къ Серафимѣ.

— О, Боже!—вздохнула она:—такую-то простоту?

— И то правда, ему не слѣдъ бросать и лошадей.

— Да я, сударь, коли угодно,—объявилъ Дронъ:—переодѣнусь въ его армякъ, готовъ обрѣзать и косу.

— Зачѣмъ, Андронъ Ильичъ, рѣзать ее?—вмѣшалась слышавшая это горничная:—можно и подъ шапку подвернуть.

— А и то правда,—отвѣтилъ Дронъ:—такъ ѣхать, сударь?

— Съ Богомъ.

X.

Сказано—сдѣлано. Дронъ, въ кучерскомъ армякѣ и съ

подвернутой косой, опросталъ отъ вещей телѣгу, запрягъ въ нее пристяжного изъ коляски и, сунувъ деньги за пазуху, двинулся по направленію къ монастырю. У опушки лѣса, отдѣленная оврагомъ отъ его бѣлыхъ, высокихъ стѣнъ, расположилась небольшая, но, благодаря сосѣдству съ монастырскою святыней, зажиточная деревушка, съ постоялымъ дворомъ и двумя лавченками. Въѣхавши въ ея околицу и увидя эти лавки, Дронъ сердито подумалъ: «Эка, брехунъ-мельникъ! о лавкахъ, старый чортъ, и умолчалъ. Не хотѣлъ пособить этакимъ-то господамъ!»—Примѣтя, что ворота монастыря точно заперты, онъ подъѣхалъ къ одной изъ лавокъ, отыскалъ во дворѣ ея хозяина, купилъ у него муки, два мѣшка овса и крупъ, а дѣтямъ, кстати, фунтъ орѣховъ, и спросилъ лавочника, гдѣ купить хлѣба. Тотъ ему указалъ дворъ пекаря.—«На обитель, дядя, печемъ!»—съ гордостью сказалъ, выпившій для праздника, хлѣбникъ, укладывая въ кулекъ все, что у него осталось отъ утренней продажи.

— А нѣтъ ли хоть постнаго маслица?—спросилъ довольный покупками Дронъ, доставая изъ кошелька деньги.

Хлѣбникъ, съ удивленіемъ, въ рукахъ покупщика разглядѣлъ, между мелочью, нѣсколько золотыхъ монетъ.

— Купцы будете?—спросилъ онъ.

— Да, обозъ тутъ въ лѣсу... работнички проголодались,—небрежно отвѣтилъ Дронъ, подавая для размѣна червонецъ:—всякому давай свѣженькаго.

— Обнаковенно,—согласился хлѣбникъ:—не токма, значитъ, человѣкъ, всякая тварь. Вотъ, дядя, тебѣ сдача.

Дронъ вышелъ, уложилъ кулекъ, и видя, что къ лавкѣ подошли еще два мужика, поспѣшилъ сѣсть въ телѣгу.

— Одначе, землячокъ, стой, обожди,—сказалъ ему съ крыльца хлѣбникъ, переговоривъ съ подошедшими мужиками.

— Что тебѣ, милый человѣкъ?—спросилъ, обернувшись съ телѣги, Дронъ.

— Да вотъ что, любезный, точно ли ты купецъ? Господъ нонѣ велѣно хватать, не пропускать; а у тебя такія, то-есть деньги? Не изъ господскихъ ли ты? могимъ за то отвѣчать.

— Брешете, ребята!—отвѣтилъ Дронъ, хлестнувъ по лошади, и помчался.

— Стой,—закричали ему вослѣдъ:—держи его.

Не обращая вниманія на крики, Дронъ проскакалъ ули-

цу, выѣхалъ за деревню и уже сталъ близиться къ лѣсу. Навстрѣчу ему, изъ-за пригорка, показалась куча парней. Они шли, заломивъ шапки, и, покачиваясь, горланили пѣсню.

— Стой, держи!—громче послышались сзади Дрона крики.

Онъ оглянулся. Отъ деревни за нимъ, крича и размахивая руками, гнались нѣсколько всадниковъ. Пѣшіе, увидя погоню, бросились навстрѣчу Дрона. Его задержали и окружили. Изъ-подъ упавшей шляпы у него обозначилась коса.

— Такъ вотъ ты кто!—пристали къ нему верховые, между которыми Дронъ увидѣлъ и хлѣбника:—признавайся, покупалъ не себѣ, господамъ?

— Знать не знаю ни о какихъ господахъ, лопни глаза.

— Снимай его, ребята, волоки...

— Полноте, православные, за что?

— А вотъ узнаешь... Сказано, не велѣно пропущать господъ; приказъ такой вышелъ—ловить ихъ и преставлять въ городъ начальству. Бей его, ребята!

— Стойте, соколики... отпустите душу на покаяніе.

— Бей, Андрюшка! тащи, Демидъ.

Андрюшка далъ Дрону такого тумака, что не надо было его и тащить, онъ самъ свалился съ телѣги на земь. Дронъ, оглядывая сумрачныя лица окружавшихъ его, подумалъ: «Господи, прости прегрѣшенія! ихъ спасти—погубить, значитъ себя! такъ за что же?»—и разсказалъ всю сущую правду.

— Вона что̀!—толковали озадаченные мужики:—надо, выходитъ, повѣстить стариковъ. Мы, дядя, не то, чтобы какъ,—старались они успокоить Дрона:—мы, какъ передъ Богомъ, всѣ, то-есть, безъ обиды... потому начальство велѣло... а намъ какъ не послушаться, нѣтъ ли, выходитъ, чаво?

— То-то, дѣтушки, не обидьте ни меня, ни ихъ, кланялся мужикамъ Дронъ:—господа у меня добры,—не люди, сказать, ну, ангелы, и дѣтки у нихъ, да и у меня семья, дѣти тоже и внуки.

— Зачѣмъ, дядя, обижать? мы все ладомъ, какъ есть. Гони, Родька, къ Власычу, а ты, Андрюшка, къ Кузьмину; задержали, молъ, барскаго холуя.

Поскакали Родька и Андрюшка. Мужики, балагуря, усѣлись на землѣ вкругъ телѣги. Дронъ, нѣсколько обиженный прозвищемъ холуя, такъ, впрочемъ, былъ доволенъ добрыми завѣреніями крестьянъ — все уладить мирно и безъ обидъ,

что досталъ мѣшечекъ съ орѣхами и угостилъ ими своихъ стражей.

— Откуди вы, по правдѣ?—спрашивали его мужики, щелкая орѣхи.

— Говорю по истинной правдѣ,—произнесъ Дронъ:—мы саратовскіе; подъ Казанью были—у генеральши, первой богачки въ губерніи, и тутъ, значитъ, въ лѣсу, ея родичи.

Возвратились верхами Андрюшка и Родька. Чернобородый. въ новыхъ сапогахъ, Андрюшка засуетился и объявилъ, что барскаго лакея надо прежде всего вести на допросъ къ сотскому. Сѣдой, съ ввалившеюся грудью и въ худыхъ лаптишкахъ, Родька долго вглядывался въ Дрона и объявилъ, что нечего ходить къ сотскому, сотскій съ утра загулялъ, а нужно дать знать прясловцамъ.

— У нихъ, ребята, лучше вѣдомо, — сказалъ онъ, глухо кашляя:—они съ самимъ енараломъ говорили и ужъ,—какъ и что,—обсудятъ.

Ребята поспорили и положили, тѣмъ же Андрюшкѣ и Родькѣ, — ѣхать въ Пряслово. Часа черезъ два, въ лѣсу послышался говоръ множества голосовъ. Между деревьями замелькали сѣрые и черные зипуны. На поляну высыпала толпа мужиковъ, съ вилами, дрекольями и косами. То прибыли Прясловцы.

Впереди всѣхъ, съ дубиной на плечѣ, шелъ невысокаго роста широкоплечій, съ опухшимъ лицомъ, вывернутыми врозь ногами и въ порванной, войлочной шапкѣ, пьяный и, очевидно, отъ давняго запоя, страдавшій желтухой, кузнецъ. Прясловцы окружили Дрона.

— Ну, барскій рабъ, сказывай,—обратился къ нему кузнецъ:—гдѣ твои баре?

Дронъ замялся. Кузнецъ, покосясь на него желтыми бѣлками, съ размаха ударилъ его по уху.

— За что, милый, дерешься?—вскрикнулъ, пошатнувшись, Дронъ:—мы люди смирные, никому никакого зла...

Кузнецъ ударилъ его въ другое ухо. Дронъ упалъ на траву. Кровь сочилась по его лицу.

— Веди, холуишка, указывай! у, пришибу! — свирѣпо крикнулъ кузнецъ, подымая его за шиворотъ.

— Иди! что упираешься? велѣно, значитъ, къ допросу!— орали остальные мужики.

Оторопѣлый Дронъ, обиженно отирая кровь полою каф-

тана, пошелъ впереди галдѣвшей и размахивавшей руками толпы.—«Тише, черти, не ори! выпустишь лисовина и лисятъ!» окрикнулъ товарищей кузнецъ. Всѣ тихо, скучившись, вошли въ лѣсную просѣку.

— У кого, ребята, ножъ?—спросилъ кузнецъ.

Ему подали ножъ.

— Становись къ дереву!—сказалъ кузнецъ помертвѣлому отъ страха Дрону:—нечего ждать; былъ ты барскимъ слугою, будь сразу царскимъ!—и, прижавъ его къ древесному стволу, онъ обрубилъ ему косу до затылка.

Толпа покатилась со смѣху: такъ былъ смѣшонъ остриженный Дронъ.

— Тише, зубоскалы! смирно! — командовалъ, идя далѣе вывернутыми ногами, кузнецъ.

XI.

Ничего не подозрѣвавшій, Алексѣй Андреевичъ, съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія Дрона, прохаживался у экипажей по полянѣ. Кучера у коновязи отъ скуки играли въ карты. Серафима, въ тѣни березъ, вынувъ изъ кареты подарокъ Туровцовой внукамъ, нѣмецкую книжку народныхъ сказокъ, переводила изъ нея дѣтямъ сказку о красной шапочкѣ и о лютомъ волкѣ. Въ то время, когда она дошла до разсказа о дѣвочкѣ, увидѣвшей подъ чепцомъ мнимой бабушки зубастую голову волка, въ гущинѣ лѣса послышался трескъ валежника, какъ бы что-то шло и надвигалось оттуда. Дѣти въ страхѣ прижались къ матери. Серафима взглянула на мужа. Алексѣй Андреевичъ, въ смущеніи, стоя среди поляны, что-то говорилъ подходившему къ нему кучеру.

— Что̀ это? что̀ тамъ?—спросила, роняя книгу, Серафима.

Алексѣй молча махнулъ ей рукой. Переговоривъ съ кучеромъ, онъ поспѣшилъ къ коляскѣ, вынулъ оттуда двухствольный штуцеръ и саблю и подошелъ къ женѣ. Его лицо было блѣдно; губы подергивались судорогой.

— Не бойся, милая, ничего особеннаго! — сказалъ онъ, стараясь быть спокойнымъ: — какіе-то мужики подошли и стоятъ вонъ тамъ, за деревьями, въ гущинѣ... должно быть— пьяные.

— Но что̀ же имъ нужно?

— А вотъ увидимъ,— отвѣтилъ, отходя, Алексѣй:—собирайся, да живо; я велѣлъ запрягать, торопись,—бери дѣтей... не успѣемъ вмѣстѣ,—уѣзжай пока впередъ одна.

— Alexis! mon Dieu! que signifie tout cela? да куда же ты?—говорила Серафима, хватая мужа за руки:—не ходи, они тебя могутъ убить!

Алексѣй обнялъ жену, тихо отстранилъ ее и, перекрестивъ ее и дѣтей, молча пошелъ по полянѣ. Шумъ въ гущинѣ усилился. Послышались отдѣльные голоса. Изъ-за крайнихъ деревьевъ выглянула голова въ разорванной войлочной шапкѣ.

— Не подходи, что̀ тебѣ надо? — крикнулъ, остановясь среди поляны, Алексѣй.

— Для̀-че, ваше благородіе, не подходить? — спросилъ кузнецъ.

— А для того,—я приказываю! дѣтей напугаешь!

— Дѣтей? у насъ приказъ повыше!—отвѣтилъ, взявшись подъ бока и покачиваясь на разставленныхъ, кривыхъ ногахъ, кузнецъ.

Сзади его изъ-за вѣтвей выступили еще нѣсколько мужиковъ, съ дрекольями въ рукахъ.

«Неужели опознали Дрона?—въ ужасѣ думалъ Алексѣй,—гдѣ онъ бѣдный самъ? живъ ли?»

— Кто васъ послалъ сюда? по чьему приказу явились?—спросилъ онъ передовыхъ.

— Отъ батюшки, самого царя, повелѣніе! такъ-то!—отвѣтили мужики.

— Ну, слушай же, не подходи никто! буду стрѣлять! — громко сказалъ Алексѣй, взводя курокъ ружья и оглядываясь на жену и на кучеровъ.

Карета уже была запряжена. Серафима подсаживала туда послѣдняго, меньшаго ребенка. Второй кучеръ возился съ запряжкой коляски.

— Стрѣлять? — усмѣхнулся кузнецъ: — вотъ какъ! руки, баринъ, коротки,—шею, може, свернешь...

Онъ выступилъ ближе изъ-подъ деревьевъ. За нимъ вышли на поляну другіе, посмѣлѣе.

— Эй, уходи, выстрѣлю! — объявилъ, беря на прикладъ ружье и цѣлясь, Дуга́новъ.

— Покоритесь, батюшка, Алексѣй Андреевичъ! вамъ ничего вреднаго не будетъ! — вдругъ послышался изъ толпы знакомый, плаксивый голосъ: — не то... пропадать, видно, и намъ!

Алексѣй опустилъ ружье. Среди мужицкихъ зипуновъ и бородъ, онъ разглядѣлъ растеряннаго, остриженнаго по-мужицки, Дрона.

— Такъ это ты, старый, отцовъ слуга, привелъ ихъ сюда и еще предлагаешь мнѣ сдаться? — вскрикнулъ Алексѣй: — ужли, безсовѣстный, измѣнилъ, продалъ насъ?

— Не продалъ, батюшка, казни́ Господь! — отвѣтилъ, всхлипывая, Дронъ: — убивствомъ грозили... а вѣдь не мы, сударь, одни... и прочіе, посуди, господа, служащіе вонъ офицеры признали, цѣлуютъ крестъ новоявленному государю...

Алексѣй оглянулся. Карета, съ Серафимой и дѣтьми, уже выбралась съ поляны на дорогу. Серафима оттуда махала ему платкомъ. Коляска тоже была запряжена; кучеръ съ горничной бросали туда послѣдніе узлы.

«Прощай, жена! прощайте, дѣти!» — мысленно произнесъ Алексѣй, видя передъ собой болѣе и болѣе надвигавшіяся къ нему, хмурыя и грозныя лица мужиковъ.

— Да что̀, братцы, глядѣть? — визгливо крикнулъ кузнецъ: — бей его, вяжи, ура!

Толпа, размахивая дубинами и косами, бросилась на Алексѣя. Онъ снова поднялъ ружье, приложился и выстрѣлилъ... Нападающіе шарахнулись назадъ, къ деревьямъ; дымъ разсѣялся. «Раненъ ли, убитъ ли кто-нибудь?» — думалъ Алексѣй, взводя курокъ второго ствола.

Поляна опустѣла. У ея окраины валялось на травѣ нѣсколько оброненныхъ шапокъ и дубинъ. Распластавъ руки навзничь, лежалъ убитый выстрѣломъ кузнецъ. По лѣсу шелъ трескъ отъ бѣгущей вразсыпную толпы. Между березъ, невдали отъ дороги, бились испуганныя выстрѣломъ лошади, опрокинувшія коляску, съ кучеромъ и горничною. Алексѣй бросился къ нимъ на помощь. Кучеръ, надавленный кузовомъ коляски, съ трудомъ вылѣзъ изъ-подъ него и когда поднялся, Алексѣй увидѣлъ, что его лицо и руки были въ крови. «Зарѣзали, голубчики, убили!» — ревѣла, припавъ ничкомъ къ травѣ, выброшенная изъ коляски горничная.

— Уходите, сударь, хоть пѣшкомъ, а не то верхомъ! — сказалъ кучеръ, дрожащими руками силясь освободить спутавшихся въ вѣтвяхъ и оборвавшихъ сбрую лошадей: — сами изволите видѣть, можно ли ѣхать? изъ четверни осталась тройка, и лопнула ось...

Онъ указалъ на опрокинутый кузовъ коляски. Отлетѣвшее, съ концомъ задней оси, колесо лежало у ближнихъ кустовъ.

— Барыня, барыня гдѣ? — спросилъ растерявшійся, видѣвшій отъѣздъ жены, Алексѣй.

— Далече уже, видно; Филиппъ тоже, полагать надо, не сдержалъ лошадей,—не свалился бы только со страху фалеторъ съ выносного.

— Куда они поѣхали?

Кучеръ указалъ вправо, къ сторонѣ большой дороги.

— Готово, батюшка, садитесь, да скорѣй!—произнесъ онъ, опроставъ и подводя барину остального пристяжного коня:— еще догоните, успокоите сударыню и дѣтокъ.

— А ты же?

— Намъ что̀!—отвѣтилъ кучеръ, отирая травой раненую руку:—насъ, холопей, не тронутъ; мы имъ нешто нужны?

— Да возьми хоть это,—сказалъ Алексѣй, бросая на траву саблю:—авось пригодится.

— И, батюшка! еще хуже будетъ; своею смертью помремъ! супротивъ такой аравы нешто устоишь?

— Ой, ой, зарѣзали младешеньку, погубили сироту!—выла, припадая къ травѣ, хорошенькая перепуганная горничная.

— Ты, Семенъ, береги Ѳеклушу!—сказалъ Алексѣй, вскидывая перевязь ружья черезъ плечо и взлѣзая на коня:— найдешь знающихъ людей, почини коляску,—вотъ тебѣ деньги,—да спѣши, догоняй... а ее чтобъ не обидѣли!

— Что ей, паскудѣ, станется! не съѣдятъ!—презрительно глянулъ на горничную кучеръ, освобождая изъ сучьевъ запутавшихся дышловыхъ:—а вы, сударь, гоните,—не рано, да и душегубы эти какъ бы не перестрѣли.

Алексѣй поднялъ пристяжного вскачь. Его мучило сознаніе, что Серафима, съ дѣтьми, безъ него должна была теперь особенно тревожиться, кучеръ могъ сбиться съ дороги и, вмѣсто почтоваго тракта, врѣзаться глубже въ лѣсъ. А тутъ еще близились сумерки. Алексѣй, какъ ему показалось, ѣхалъ долго, никого не встрѣтивъ на пути. Но лѣсъ, въ той сторонѣ, куда онъ ѣхалъ, не прекращался и большой дороги, которая, по его мнѣнію, была тутъ недалеко, еще не было видно. «Что̀ бы это значило?» — разсуждалъ онъ, разглядывая извилистую колею и не видя на ней слѣдовъ каретнаго хода: — «или я пропустилъ поворотъ, или попалъ не на тотъ путь?» Сердце Алексѣя сжалось. Въ лѣсу, между тѣмъ, замѣтно становилось темнѣе. Онъ то гналъ лошадь, то замедлялъ ея бѣгъ, давая ей вздохнуть и прислушиваясь, не гремятъ ли гдѣ, невдали, рессоры и не слышенъ ли бѣгъ каретной шестерни? Онъ поднялъ голову;

вверху надъ деревьями было еще свѣтло. Облака золотились отблескомъ зари. Вдругъ Алексѣй замеръ; ему гдѣ-то почудилось фырканье лошадей; послышался стукъ экипажа. Онъ снова погналъ лошадь. Но мелькали деревья, кусты, — онъ убѣждался, что слухъ обманулъ его. Впереди и по сторонамъ все молчало, дорога была пуста. Прошло еще около полчаса. Паръ валилъ съ лошади. Алексѣй не зналъ, что дѣлать. Непривыкшій къ ѣздѣ, безъ сѣдла, на тряской, костлявой упряжной, онъ наконецъ почувствовалъ, что далѣе ѣхать не въ силахъ. «И какая цѣль?» — думалъ онъ, теряясь въ догадкахъ, гдѣ же онъ теперь и куда ѣдетъ: — «сомнѣнія нѣтъ, я очевидно сбился, среди этихъ лѣсныхъ, разбѣгающихся тропинокъ... заморю только даромъ коня; надо остановиться, ждать разсвѣта... А жена, а дѣти?» Онъ въ отчаяніи сжималъ кулаки. А тутъ еще голодъ сталъ напоминать о себѣ. Алексѣй сообразилъ, что съ утра почти ничего не ѣлъ. Въ лѣсу совершенно стемнѣло.

Своротивъ въ чащу деревъ съ дороги, Алексѣй слѣзъ съ лошади, кое-какъ пробрался сквозь вѣтви, привязалъ лошадь за уздечку къ кусту, положилъ ружье на траву и самъ свалился тутъ же. Угнѣздясь у древеснаго пня, онъ прилегъ къ нему головой, но, какъ ни былъ утомленъ, нескоро заснулъ.

XII.

Спалъ онъ, какъ показалось ему, недолго. Его разбудило что-то непріятное и холодное, падавшее ему на лицо. Онъ очнулся, открылъ глаза. Начинался блѣдный, пасмурный разсвѣтъ. Набѣжавшее облако роняло сквозь деревья крупныя, тихія капли дождя. Лошади у куста болѣе не было. Она, вѣроятно, сорвала съ вѣтви уздечку и ушла пастись на привольѣ. Алексѣй вскочилъ, бросился искать ее. Онъ ходилъ долго, промочилъ ноги и самъ промокъ, но не нашелъ лошади. «А ружье?» — вдругъ вспомнилъ онъ и началъ искать то дерево, подъ которымъ провелъ ночь; оглядывался, ходилъ вправо и влѣво, возвращался назадъ, соображалъ, — но тщетно. Алексѣй очутился безъ лошади и безъ ружья. «Теперь все кончено, я безповоротно пропалъ! — рѣшилъ онъ: — первый встрѣчный прохожій увидитъ меня, тотчасъ, по одеждѣ и по всему, признаетъ меня за барина, за дворянина, и безъ жалости выдастъ меня. Побѣгъ нашъ оглашенъ въ окрестности... тамъ на полянѣ убитый мною мужикъ... развязка неминуемая»...

Алексѣй снялъ шляпу, отеръ вспотѣвшее лицо, перекрестился и пошелъ по лѣсу, отыскивая дорогу. Скоро онъ увидѣлъ въ сторонѣ, между деревьевъ, тропинку и свернулъ на нее. Лѣсъ порѣдѣлъ. Тропинка вышла къ рѣкѣ. День прояснился. Облака разошлись. Солнце начинало припекать. Томимый жаждой, Алексѣй напился въ рѣкѣ и пошелъ ея берегомъ. Вдали показалась верхушка какого-то зданія. Алексѣй узналъ мельницу, къ которой онъ подъѣзжалъ вчера утромъ съ семьей.

Серафима, выбравшись изъ лѣса, послѣ нападенія мужиковъ, то и дѣло выглядывала изъ окна на дорогу, не догоняетъ ли ее мужъ? Коляски Алексѣя не было видно.

— Да куда же ты торопишься, Филиппъ?—спросила она кучера:—баринъ насъ такъ не догонитъ.

— Эхъ, матушка, сами-то думайте о себѣ, да о малыхъ дѣтяхъ!—укоризненно отвѣтилъ кучеръ, понукая лошадей:—баринъ-то еще справится, коли что, а ужъ вамъ хоть бы доѣхать до города. Вотъ мы стороной, сударыня, мимо того каторжнаго села... Прежде было бы такъ-то... Да и городъ не далече, вонъ верхушки церквей,—указалъ съ пригорка Филиппъ:—должно, это и есть самый тотъ Курмышъ... объѣхать бы и его... Гони, Митька!—крикнулъ онъ форейтору.

Карета съ почтовой дороги спустилась влѣво на лугъ и понеслась, извилистымъ проселкомъ, между свѣжей черной пахоти и пасущихся по снятымъ покосамъ овецъ и лошадей. Версты черезъ двѣ проселокъ поднялся на новое взгорье. За взгорьемъ оказалась деревушка, дворовъ въ десятокъ. «Объѣхать бы какъ-нибудь и это новое, чортово гнѣздо?»—подумалъ кучеръ, видя съ досадой, что дорога идетъ прямо на этотъ поселокъ. Онъ направилъ лошадей, по лугу, еще лѣвѣе, въ объѣздъ огородовъ и огуменниковъ деревни. Но встрѣтился крутой оврагъ; внизу оврага струился ручей, а мостъ черезъ него былъ разоренъ. Пришлось опять сворачивать. Кучеръ поѣхалъ прямо въ околицу. Карету здѣсь уже замѣтили. Изъ-за плетня крайняго огорода на подъѣзжавшихъ смотрѣла высокая старуха, знаками подзывая кого-то съ грядокъ. Съ улицы въ ближній дворъ, крича, оглядываясь и махая руками, стремглавъ бѣжала куча ребятишекъ. Митька форейторъ, безъ крика: пади!—изъ всѣхъ силъ понукалъ выносныхъ.

Едва карета въѣхала въ деревню, навстрѣчу ей изъ ближнихъ воротъ вышелъ, съ рубанкомъ въ рукѣ, босой, съ бѣльмомъ на глазу, бородатый мужикъ.

— Куда, дядя, ѣдете? — спросилъ онъ, вытаскивая изъ бороды древесныя стружки.

— На богомольѣ были... мы сами курмышскіе, — отвѣтилъ, пошевеливая вожжами, Филиппъ.

— Чьихъ же будете? — недовѣрчиво уставился на него бѣльмомъ бородачъ.

— А вы?

— Мы Синдѣевцы... выселокъ нашъ — Синдѣевка... а я, выходитъ, бондарь.

— Ну, а мы Лаптевыхъ купцовъ... басонщики они, опять же держатъ и винный подрядъ, — придумалъ на удачу кучеръ:—эй, вы, други! не далёчко до дому!—прибавилъ онъ, спокойно ударивъ по лошадямъ.

— Басонщики? Лаптевыхъ?—произнесъ бондарь, загораживая лошадямъ дорогу и хватая подъ уздцы дышловыхъ:—не слыхано что-то такихъ!

Кучеръ оглянулся. Справа и слѣва подходили другіе мужики. Они окружили карету, заглядывая въ окна. Дѣти снова подняли плачъ.

— Что̀ вамъ нужно? — строго спросила Серафима: — видите, дѣти... пугаете... ну, развѣ можно такъ?

— Зачѣмъ пугать? у самихъ, сударыня, ребята, не щенки! — заговорили крестьяне: — а только такихъ дѣло̀въ не попустимъ... нельзя!

— Но какія же, скажите, дѣла?

— Курмышскіе, видишь, басонщики - купцы! а такихъ и не слыхано.

— Кучеръ съ испуга напуталъ... мы дальніе, посторонніе,—оправдывалась Серафима.

— Ужо вотъ повидимъ! начальство разберетъ! въ городъ ихъ! садись, Михеичъ, и ты, Парамонъ... вези ихъ, настаивала толпа, такъ близко наваливаясь къ окнамъ, что въ каретѣ стало трудно дышать.

— Да что же это, о, Господи! — проговорила, заливаясь слезами, Серафима:—Петя, Коля, просите ихъ.

Дѣти, прижимаясь въ страхѣ къ матери, еще болѣе разревѣлись.

— По что, милые голубятки, плачете?—спросилъ, ближе

всѣхъ стоявшій къ окну кареты, подслѣповатый и курносый, въ дырявыхъ лаптишкахъ, старикъ Ермилъ:—дай, батюшка, ручку! дай! — обратился онъ къ плакавшему Петѣ.

Понукаемый матерью, озадаченный Петя протянулъ въ окно пухленькую, мокрую отъ слезъ, руку.

— Ай, да барченокъ! молодецъ распрекрасный! — воскликнулъ Ермилъ, щуря смѣющіеся глаза и цѣлуя руку дитяти:—не бойся, съ матушкой! государь-отъ нашъ милостивый пряничковъ дастъ.

Прочіе мужики, тоже присмирѣвъ, умильно смотрѣли на дитя и на Ермила.

«Что же это, Богъ мой? во снѣ или на яву? — думала Серафима, разглядывая казавшіяся ей теперь добрыми, ласковыми и совершенно искренними лица мужиковъ: — я ошиблась; бояться ихъ нечего... это не тѣ, что грозили, съ дубинами, въ лѣсу!»

— Такъ что-жъ, Парамошка? Михеичъ, лѣзь! — заговорили въ толпѣ:—нечего, братцы, зѣвать! велѣно, ну и вези.

— Да куда лѣзть-то?

— На козлы.

Михеича подталкивали въ спину. Онъ подумалъ, ухватился за колесо, сталъ на его ступицу и, оборвавшись, упалъ. Толпа захохотала. Дѣти также развеселились. Михеичъ снова полѣзъ; добрался до козелъ, усѣлся тамъ и втащилъ за собой Парамона.

— И мнѣ, видно, съ вами! — сказалъ Ермилъ, взлѣзая на запятки.

— Съ Богомъ! счастливаго пути!—заговорили, кланяясь, мужики.

Филиппъ шевельнулъ вожжами.—«Господи, дай намъ благополучно доѣхать!» —шептала, крестясь, Серафима. Карета понеслась, гоня по улицѣ куръ и гусей и поднявъ облако пыли.

— А вѣдь барыню и ребятокъ-то порѣшатъ! — сказалъ бондарь, качая головой вслѣдъ удалявшимся путникамъ.

— Ну, дядя Сысойко, може разсудятъ еще и инако! — возражали, расходясь, мужики: — погрозятъ и отпустятъ.

Карета, свернувъ изъ Синдѣевки, выѣхала снова на большую дорогу. Невдали обозначались берега Суры.

— Гдѣ же мы остановимся? куда насъ везете?—спросила Серафима Львовна проводниковъ.

— Да ты не сумлѣвайся, не бойся, какъ есть ничего,— отвѣтилъ, нагнувшись съ козелъ, Парамонъ: — къ самому енералу преставимъ.

— Онъ праведный, вчерась, слышно, вотъ какъ дѣла разбиралъ!—отозвался съ запятокъ Ермилъ:—у кого что взято— отдадено, а кому, сказывали нонче ребята, такъ и прибавилъ еще отъ казны.

Миновавъ Суру, путники въѣхали въ городъ и приблизились къ площади, полной народа.

— Куда теперь? — спросилъ, оглядываясь на провожатыхъ, кучеръ.

— Вонъ, тесовыя новыя ворота, воеводская фатера, — указалъ рукой Парамонъ.

— Да нѣтъ, въ ратушу держи, — вмѣшался Михеичъ:— туды сказано.

— Знаешь ты много, чортъ! ратушу енералъ увольнилъ, закрылъ.

Карета остановилась у каменнаго, въ одинъ этажъ, воеводскаго дома, передъ крыльцомъ и воротами котораго стояла, съ пиками и шашками, кучка яицкихъ казаковъ и башкиръ. Далѣе толпился народъ.

— Гдѣ изымали?—спросилъ чей-то голосъ:—кто везетъ?

— Синдѣевскіе.

— Красный, видно, звѣрь...

— Иди, доложи.

Серафимѣ указали на крыльцо. Входя на него, она оглянулась: ея проводниковъ уже не было видно. Надвинувшаяся съ площади, горланившая толпа захлестнула ихъ своей волной. Держа младшаго ребенка на рукѣ, она съ двумя другими робко ступила черезъ порогъ сѣней.

Задержанныхъ ввели въ просторную комнату, гдѣ у стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, передъ зерцаломъ сидѣлъ широкоплечій, плотный человѣкъ, съ свѣтло-русою, широкою бородою и голубыми, красивыми глазами. То былъ опередившій самозванца, ближайшій изъ его новыхъ пособниковъ, Ивашко Творого̀въ.

— Ты кто? — спросилъ онъ, оглядывая Серафиму.

Та назвала себя.

— Это твои, что-ль, малюки́? — указалъ онъ на дѣтей, жавшихся къ матери.

— Мои.

Творогòвъ оглянулся на стоявшаго за нимъ, въ синемъ кафтанѣ, молодого казака. Серафима остолбенѣла. Въ казакѣ она узнала того офицера, который, подъ видомъ мнимораненаго подъ Казанью, вчера обогналъ ее и Алексѣя на дорогѣ подъ лѣсомъ.—«Эмиссаръ!—подумала она,—спѣшилъ сюда, на казенныхъ почтовыхъ, бунтовать народъ!»

— Это въ Пря̀словѣ, что ли, васъ остановили вчера? — спросилъ, переговоривъ съ товарищемъ, Творогòвъ.

— Да, мы ѣхали вчера черезъ какое-то село и насъ далѣе оттуда не пустили.

— А по чтò мужъ твой, али онъ тебѣ родичъ какой, отгонялъ давеча въ лѣсу царскихъ дозорцевъ? Только вотъ донесли оттоль верховые.

— То дѣйствительно былъ мой мужъ, — отвѣтила Серафима:—но набѣжали вдругъ крестьяне и чуть не до смерти напугали меня и дѣтей.

— Нѣжныя какія! — усмѣхнулся Творогòвъ: — а дя̀-че было стрѣлять въ народъ? вѣдь убитъ, ни за што, пря̀словскій кузнецъ.

Серафима не чувствовала ногъ подъ собою.

— За то отвѣтишь, съ мужемъ,—объявилъ Творогòвъ:— за убивство—знаешь чтò?

— Скажите на милость, не знаю, какъ васъ звать, — произнесла Серафима:—гдѣ же мой мужъ? живъ ли онъ?

— Найдется, красавица, по-пусту не томись! — отвѣтилъ Творогòвъ.

Онъ далъ знакъ казаку, стоявшему у дверей.

— Кликни конвой, отведи ихъ къ прочимъ, а ты, молодуха, не бойся; завтра ждемъ самого государя, онъ разберетъ твое и всякое дѣло.

Серафима, не кланяясь, молча направилась къ выходу.

— Такъ ты будешь Дуга̀нова? помѣщица? — спросилъ ее во слѣдъ Ивашко.

Серафима, оглянувшись, молча кивнула головой.

— Гдѣ ваша вотчина?

— Возлѣ Саратова.

— Какъ звать?

— Горки.

Творогòвъ записалъ на клочкѣ бумаги ся слова.

— А ѣдете откуль? — спросилъ онъ.

— Изъ-подъ Казани.

— Зачѣмъ тамъ были?

— Въ гостяхъ у моей крёстной.

— Какъ ее звать?

— Вдова генералъ-аншефа, Варвара Ивановна Туровцо̀ва.

Творого̀въ подумалъ, какъ бы что̀-то вспоминая, и сказалъ:

— Такъ, такъ, знамое дѣло... ступай, молодка, отдыхай, завтра все порѣшимъ!

Серафиму, сквозь толпу тѣснившихся, напиравшихъ другъ на друга зѣвакъ, конвойные провели въ сосѣдній, въ два яруса, домъ городской ратуши.—«Сердечная, да съ махонькими ребятками!»—слышался, при ея проходѣ, голосъ бабъ.—«Одна дорога душегубкѣ! всѣ они, дьяволы, одного сада малина!» — отзывались мужскіе голоса.

XIII.

Невысокая и длинная комната второго яруса, куда ввели Дуга̀нову, выходила окнами на площадь и во дворъ. Она была переполнена задержанными въ городѣ и окрестностяхъ дворянами. Здѣсь находилось не менѣе тридцати человѣкъ. Старые и молодые помѣщики, чиновники и отставные офицеры, женщины и дѣти, тихо разговаривая, сидѣли или лежали на скамьяхъ и прямо на полу. Въ сумеркахъ еще можно было разглядѣть ихъ блѣдныя, у нѣкоторыхъ спокойныя, у другихъ испуганныя лица и заплаканные глаза. При входѣ новой арестантки, двое-трое взглянули на нее съ состраданіемъ; прочіе—въ тупомъ отчаяніи даже не повернулись къ ней.

— Послушай, милый,—сказала вполголоса Серафима конвойному казаку, проводившему ее сюда: — тамъ, въ нашей каретѣ, узелокъ, съ закуской... достань, голубчикъ, принеси сюда дѣтямъ.

Казакъ молча вышелъ. Закуски не приносили. Серафима, съ дѣвочкой, заснувшей на ея рукахъ, сѣла къ окну, выходившему на площадь. Петя усѣлся рядомъ съ нею; Коля подошелъ къ окнамъ во дворъ.

— Мама, мама,—сказалъ ей, вполголоса, Коля, подбѣгая отъ оконъ: — смотри, что̀ во дворѣ дѣлаютъ мальчики... да смотри же.

Серафима пошла за Колей, взглянула въ окно. Уличные ребятишки, устроивъ среди двора изъ палокъ висѣлицу, втягивали на нее веревкой за шею связаннаго котёнка. Куча взрослыхъ, надсѣдаясь отъ смѣха, слѣдила за ихъ забавой.

— Комическая репетиція—en petit—грустной и грозной трагедіи — en grand! — тихо проговорилъ кто-то, за спиной Дугановой.

Она оглянулась. Возлѣ нея стоялъ пожилой и высокій, нѣсколько сгорбленный господинъ, съ блѣднымъ и важнымъ лицомъ. Онъ былъ въ сѣромъ суконномъ рединготѣ, но безъ камзола, въ батистовой, тонкой рубахѣ, съ кружевами, и въ однихъ чулкахъ, безъ сапогъ.

— Да, сударыня, — сказалъ онъ, со вздохомъ: — эти маленькіе будущіе Калигулы и Нероны репетируютъ здѣсь, за-просто, въ миніатюрѣ, то, что̀ ихъ родители и близкіе уже продѣлываютъ на площадяхъ, торжественно и въ виду всѣхъ.

Серафима въ ужасѣ отвела ребенка отъ окна.

— Отставной гвардіи капитанъ, Өедоръ Копьёвъ, — сказалъ, идя рядомъ съ нею и вѣжливо̀ кланяясь, пожилой господинъ: — взятъ подъ городомъ, въ собственной усадьбѣ, и, какъ видите, — прошу извинить, — въ чемъ былъ, почти босикомъ... А мой братъ, Петръ Копьёвъ, цивильскій воевода, два дня назадъ, испыталъ въ своемъ городѣ участь той кошки, которую вы видѣли сейчасъ.

Серафима готова была разрыдаться.

— Но за что̀ же все это, за что̀? — спросила она, въ изнеможеніи опускаясь на стулъ:—вѣдь на все есть какія-нибудь основанія... тигръ, крокодилъ нападаютъ отъ голода... а здѣсь?

Копьёвъ, молча разставивъ руки, поднялъ глаза къ потолку.

— За грѣхи наши!—сказалъ онъ:—бѣднымъ и богатымъ одна участь... Нашъ родъ не изъ богатыхъ, а терпимъ тоже... Съ кѣмъ, извините, имѣю честь говорить?

Дуга̀нова назвала себя. Копьёвъ присѣлъ рядомъ съ нею.

— Какъ попали сюда?—спросилъ онъ:—гдѣ вашъ мужъ, родина?

Серафима обо всемъ разсказала.

— Да, ваша исторія, какъ и моя,—какъ и моего брата, одно и то же,—тяжкій сонъ на-яву!—произнесъ Копьёвъ:— а вонъ, сударыня, въ углу, у печки, господинъ, — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ: — видите, въ темно-вишневомъ, бархатномъ кафтанѣ, съ золотыми кистями у петель, завитой, въ серебряной пудрѣ... Это первый въ нашемъ округѣ богачъ и мотъ, князь Сивскій... Охъ, обижалъ же онъ бѣд-

нецкихъ сосѣдей, да какъ! не крестьянъ, — съ ними онъ дружилъ и бражничалъ,—нѣтъ, своего брата, дворянина! У того вонъ, въ суконномъ архалучкѣ, отставного майора Юрлова, — что спитъ, свернулся на полу, — этотъ Сивскій силой вырубилъ послѣдній лѣсъ, скосилъ въ прошломъ году все сѣно, а нынче хлѣбъ; а у этой вонъ барыни, Мàковневой, и у ея брата, Дмитрія, что сидятъ у двери, загналъ скотъ, связалъ и высѣкъ ихъ управителя... Въ службѣ не былъ, грамотѣ не ученъ и не умѣетъ писать... А франтъ, внучатный племянникъ Орловыхъ, — ну, вездѣ терпѣли и вышелъ сухъ изъ воды... Попался обидчикъ, наконецъ, сюда, да чтò! Этакій выйдетъ сухонекъ и здѣсь.

— Чтò, Ѳедоръ Ильичъ, поёшь новой гостьѣ?—отозвался отъ печки мягкій, насмѣшливый голосъ Сивскаго, дремавшаго тамъ и услышавшаго кое-что изъ словъ Копьёва:— раньше тебя не вздернутъ! Извините, сударыня, что вмѣшиваюсь и перебиваю. Онъ, вѣдь, у насъ святоша, даже въ скоромные дни ѣстъ постное... А лучше пусть скажетъ, какъ онъ радовался и предрекалъ, что скоро, молъ, всѣ избавимся отъ бича, вотъ и избавились.

— Донынѣ во хмелю,—шепнулъ Серафимѣ Копьёвъ.

«Боже!—подумала Дугàнова,—въ такомъ мѣстѣ и то перекоряются, ссорятся!»

— Полно вамъ, безстыдники, спорщики, душу всю за день истерзали!—отозвалась изъ дальняго угла старушка, въ черномъ платьѣ и черномъ головномъ платкѣ: — у нея, сердечной, дѣти голодныя, сама она не своя и, чай, тоже голоднёшенька, а они языки чесать, сплётки плести, тьфу! Старуха, вставъ, пригласила Серафиму въ свой уголъ, гдѣ сама сидѣла, съ миловидной дѣвушкой-внучкой, достала изъ какого-то свертка хлѣба, сухой рыбы и пирога, и накормила дѣтей Серафимы, убѣдивъ закусить и ее. Въ комнатѣ стемнѣло. Бывшіе въ ней, знакомые другъ съ другомъ и незнакомые, мало-по-малу затихли.

— Да, тяжкая и главная наша бѣда — общій разладъ и ссоры!—сказала старуха, разостлавъ на полу свой капотъ и мантò внучки и уложивъ на нихъ дѣтей Серафимы:—я, матушка, сама коренная здѣсь въ городѣ дворянка, вдова Наталья Прокофьевна Ульянова. Не любятъ меня за правду здѣшніе, груба, молъ, очень откровенна и зла на языкъ! А уже гдѣ тамъ зла? Истину говорю... Вотъ хоть бы и это

наше тяжкое горе... Развѣ все то, что̀ наступило, случилось бы, если бы, сказать, эти Сивскіе, да хоть бы и Копьёвы, вмѣсто перекоровъ, да тяжбъ, дружно собрались, да объяснили толково своимъ подданнымъ, какъ и что̀, вооружили ихъ и смѣло вышли бы на злодѣевъ? Почему ихъ гонятъ? трусы! а сами злодѣи чуть услышатъ—Муфель, либо графъ Мелли́нъ, и всѣ вразсыпную.

— И что̀ еще удивительно, — проговорила чуть помнившая себя отъ усталости и пережитыхъ тревогъ Серафима:— какъ духовенство не поднимаетъ голоса, не толкуетъ черни?

— Да какое, мать ты моя, духовенство? — съ горечью шептала и вздыхала Ульянова:—какое оно нынче у насъ? попъ и дьяконъ въ селѣ пьяные, дьячокъ неграмотный, читаетъ по наслышкѣ... А была я, съ покойнымъ мужемъ, въ нѣметчинѣ; онъ отъ хворости во̀ды тамошнія пилъ... Ну, тамъ не то, куда! не токма высшіе—всѣ дружны,—чернь, почитай, вся грамотна до одного, а ужъ духовенство... да что̀ и говорить! Я не помѣщица, какъ ты, либо какъ Копьёвъ, да Сивскій, а попала сюда по доносу здѣшнихъ же соборныхъ поповъ, Евдокима да Адріяна.

— За что̀?

— Обнесли, что я мнимаго царя открыто зову Емелькой и воромъ. Да вѣдь онъ воръ—Емелька и есть! Свояченица мавo мужа ему въ Казани, въ тюрьмѣ, и милостыню подавала, знаетъ его. Мнѣ что̀, вдова и сирота, некому жалѣть, въ гробъ давно гляжу... А они, бородачи, хоругви поднимаютъ, сбираются встрѣтить его, съ иконами и звономъ, а его, прости Господи, царицу Устинью на эктеньѣ поминаютъ.

Долго еще говорила Ульянова. Серафима уже не слушала ея. Примостивъ дѣтей ближе къ себѣ, она спала крѣпкимъ, тихимъ сномъ.

Арестованные, спавшіе въ повалку, гдѣ и какъ кто устроился и легъ, были разбужены шумомъ съ надворья. Утро только-что занималось. Подошедшіе къ окнамъ увидѣли, что площадь снова уже полна народомъ. Духовенство, въ облаченіи, съ хоругвями и крестами, стояло на паперти, глядя въ сосѣднюю улицу. Плотники, у церковной ограды, строили какой-то помостъ и по бокамъ его ставили столбы. Сторожа принесли заключеннымъ пищу. Князь Сивскій тщетно уго-

варивалъ ихъ добыть чаю, сахару и самоваръ. Пришелъ сбитеньщикъ; нѣкоторые стали пить сбитень. Сивскій, морщась, подсѣлъ къ нимъ. Серафима, выпросивъ у конвойныхъ кувшинъ воды, умыла и прибрала дѣтей. Прошло нѣсколько часовъ.—«У меня есть деньги,—подумала Серафима,—что, если подкупить стражу, вырваться, уйти?»

Сидѣвшіе у оконъ нежданно крикнули:—«ѣдетъ, ѣдетъ!»— Всѣ всполошились, бросились къ окнамъ. Черезъ головы и спины другихъ, Серафима увидѣла въѣзжавшихъ рысью на площадь запыленныхъ, на тощихъ лошадяхъ, казаковъ. Во главѣ ихъ, на высокомъ, чаломъ конѣ, ѣхалъ, съ саблею въ рукѣ, худой и сильно-загорѣлый, глядѣвшій исподлобья, всадникъ, въ красномъ чекменѣ, въ черной, барашковой шапкѣ на-бекрень и въ наперсномъ, архимандричьемъ крестѣ, съ голубой лентой, на шеѣ.

«Пугачовъ, это Пугачовъ!» — съ ужасомъ твердили арестованные, видя въ окна, какъ, при проѣздѣ этого всадника, у паперти преклонялись хоругви, духовенство осѣняло его крестомъ, а онъ кланялся народу, падавшему передъ нимъ, безъ шапокъ, на колѣни.

— Ваше величество, ваше..! — смѣялся князь Сивскій, кланяясь и прикладывая руку ко лбу, какъ бы къ козырьку:—обрадовалъ отецъ нашъ, спасибо! оживилъ!

— Да полно, князь, паясничать! вотъ скоморохъ, и въ такую минуту!—огрызнулась на него Наталья Прокофьевна: — мало тебя, видно, въ дѣтствѣ сѣкли.

— Бросьте его, бабенька! охота!—шопотомъ остановила Ульянову внучка.

— Вотъ и правда на землѣ!—обиженно сказалъ Сивскій:— я скоморохъ... а что же лучше, не терять ли духа, или отчаяваться и печалить другихъ? Такъ ли я говорю, товарищи по общему горю?

Никто Сивскому не отвѣтилъ. Всѣ молча глядѣли въ окна.

Пугачовъ всталъ съ лошади, взошелъ на паперть и положилъ свою руку на руку Творогова, обмотанную желтымъ шелковымъ платкомъ. Народъ цѣлуя крестъ, протягиваемый священникомъ, тутъ же прикладывался къ рукѣ самозванца.

— Тьфу, богохульники! — не утерпѣвъ, плюнула Ульянова:—и это слуги алтаря! такъ вотъ, кажись, своими руками выщипала бы имъ бороды.

— Не торопись, тетенька, сама присягнешь!—вполголоса сказалъ Сивскій.

— А ужъ это увидимъ, кто первый поподличаетъ,— отрѣзала ему Наталья Прокофьевна, одергивая на головѣ платокъ.

XIV.

Присяга народа самозванцу была кончена. Окруженный приближенными, онъ прошелъ отъ церкви вправо, къ воеводскому дому, въ которомъ опрашивали Серафиму и котораго не было видно изъ ратуши. Толпа повалила туда къ крыльцу. Прошло болѣе часа. Мимо оконъ ратуши въ это время, то и дѣло, сновали пѣшіе и конные посланцы. Казаки провели къ воеводскому дому какого-то, съ связанными руками, хмураго и толстаго старика, очевидно, зажиточнаго купца.

— Мама,—обратился къ Серафимѣ Коля:—а котенокъ все виситъ во дворѣ...

— Не смотри туда, милый,—остановила Колю Серафима, уводя его въ глубину комнаты.

— А посмотри, бабенька, что̀ это?—сказала внучка Ульяновой:—вотъ, вотъ у церкви.

Серафима тоже взглянула на площадь. Ея близорукіе глаза у церковной ограды увидѣли что̀-то тёмное и высокое, чего прежде за народомъ не было видно. То были два столба, съ перекладиной; такіе же два столба виднѣлись далѣе, у деревьевъ ограды.

Сердце Серафимы упало.—«Для кого это?—подумала она,—неужели и здѣсь будутъ казни? Воевода уже смѣненъ; на его мѣстѣ вчера засѣдалъ другой. Неужели смѣнённаго осудятъ, замучаютъ?»—И ей вспомнилось прощаніе съ крёстною, ея поклонъ этому воеводѣ, благодарность за чайныя розы...—Серафима перенеслась мыслью на Волгу, въ Красный Кутъ и Горки.

— Кто здѣсь Ма̀ковневъ? Ма́ковневъ Дмитрій, майоръ?— громко спросилъ казакъ, войдя, съ пикой и въ шапкѣ, къ плѣннымъ.

Всѣ молча и съ тревогой переглянулись. Отдохнувшій за ночь и подкрѣпившійся сбитнемъ, съ булкою, Маковневъ спокойно выступилъ впередъ. Серафима со словъ Ульяновой знала, что его, съ пожилою его сестрой, привезли за двадцать верстъ изъ ихъ деревни, на телѣгѣ, связанныхъ и въ

чемъ утромъ застали: ее — въ капотѣ и ночномъ чепцѣ, его—въ ситцевомъ халатѣ, тѣлеснаго цвѣта, съ пуговками, въ видѣ бомбочекъ, и въ вышитыхъ гарусомъ башмакахъ, на босу ногу. Больная зубами, его сестра всю ночь не спала, сидя съ подвязанною щекой. Онъ, умывшись и закусивъ, смотрѣлъ свѣжо и, для утѣшенія сестры, даже весело.

— Я Маковневъ майоръ!—отвѣтилъ онъ посланному, застегиваясь и оправляя на себѣ волосы.

— Иди, ваше благородіе, требуютъ! — сказалъ казакъ, отворяя дверь.

Маковнева увели. Прочіе арестанты стали разсуждать, зачѣмъ и куда повели майора, о чемъ будутъ его спрашивать и чѣмъ кончится его дѣло. Серафима увидѣла, что нѣкоторые, подъ шумъ разговоровъ, молились, другіе, добывъ отъ стражи клочокъ бумаги, перо и чернилъ, писали, вѣроятно, къ ближнимъ письма. Такъ прошло не менѣе двухъ часовъ.

«А что же дѣлаетъ мнимый царь?»—подумала Серафима. Она освѣдомилась у сторожа.

— Раздавалъ батюшка милостивый деньги, потомъ дѣлилъ всѣмъ вино, теперь обѣдать сѣлъ,—отвѣтилъ сторожъ.

— Куда повели майора?

— Не могимъ знать... должно допроса въ воеводской ждетъ.

Еще прошло съ полчаса. Серафима ощупала на пальцѣ дорогой, съ изумрудомъ, перстень. — «Подкупить ихъ, бѣжать!»—мыслила она, съ дрожью ходя по комнатѣ и поглядывая на дверь, за которою стояла стража.

— Юрловъ Василій! секундъ-майоръ Юрловъ!—объявилъ тотъ же казакъ, снова войдя въ комнату.

Отставной кавалеристъ и страстный охотникъ, Юрловъ былъ схваченъ подъ городомъ, при переправѣ черезъ Суру. Прослышавъ о переправѣ Пугачова черезъ Волгу, онъ затѣялъ бѣжать изъ своего помѣстья въ Москву и для того нарядился мѣщаниномъ, въ поношенную сѣрую поддёвку и въ длинные, смазные сапоги, а для большей неузнаваемости даже по-мужицки остригся, въ скобку. Собственный его пьянчужка егерь, ѣздившій въ Курмышъ за лѣкарствомъ для собакъ, узналъ его и разболталъ о немъ на переправѣ.

— Прощайте, други,—сказалъ Юрловъ, кланяясь и, какъ

ни былъ взволнованъ, стараясь улыбнуться товарищамъ по заключенію: — не поминайте лихомъ. Копьёвъ!.. заберите борзыхъ, коли пришибутъ.

— Полноте, мужайтесь!—успокоивалъ его Копьёвъ:—все это, дастъ Богъ, кончится благополучно.

— Да я и не смущаюсь!—отвѣтилъ Юрловъ: — какъ это сказано? Dieu ne peut, roi ne daigne, Rohan... Сирѣчь Юрловъ—je suis! salut, mesdames et messieurs!

Юрловъ, поклонясь, вышелъ. За нимъ, черезъ нѣкоторое время, потребовали Ульянову.

— Дворянка Наталья Ульянова! — послышался голосъ конвойнаго:—кто здѣсь Ульянова?

Наталья Прокофьевна молча встала. Помолясь въ окно на церковь, она обняла внучку, трижды перекрестила ее, поцѣловала, и когда та, прощаясь съ бабкой, горько заплакала, старуха снова перекрестила её и, цѣлуя, тихо сказала ей, въ утѣшеніе, нѣсколько теплыхъ, ободряющихъ словъ.

— Ну, а теперь вы, Серафима Львовна! честная любящая мать!—обратилась Ульянова къ Дугановой, отводя ее въ сторону:—иду въ отверстый зѣвъ лютаго тигра и, ужъ такъ думаю, меня ему не пощадить. Прости, родная! сохранитъ тебя Господь, побереги Соничку, мою сироту. Да сейчасъ, постылый, дай проститься!—крикнула Наталья Прокофьевна казаку, звавшему ее вторично: — не на радость иду, вернусь ли?

Голосъ старухи дрогнулъ. Слезы побѣжали по ея блѣдному, морщинистому лицу. Серафима обняла ее, поцѣловала въ плечо и стала утѣшать.

— Пощада, прощеніе? нѣтъ, добрая, стой, не говори,— перебила ее старуха: — развѣ не видишь? никто изъ позванныхъ къ злодѣю не возвратился... Сама, разумная, молись; проси у Господа жизни для малыхъ твоихъ дѣтокъ. Не скрою, и твоя участь на волоскѣ, — заключила Ульянова, строго и важно смотря въ глаза Дугáновой: — будь готова, понимаешь, ко всему, хоть и думается мнѣ, за что̀ гибнуть такой красивой, доброй, да молодой? Да, сердечная, жди всего... вонъ, гляди, всѣ прочіе поняли, убиваются... и князь-скоморохъ плачетъ!

Серафима оглянулась. Щеголь Сивскій, ухвативъ себя за волосы, сидѣлъ въ дальнемъ углу, склонясь къ колѣнямъ.

Его плечи тихо вздрагивали отъ заглушенныхъ слезъ. На новый зовъ конвойнаго Ульянова, крестясь и шепча молитву, низко поклонилась всѣмъ и молча вышла за дверь.

«Не возвращаются, точно падаютъ въ пропасть! — въ мучительной тревогѣ думала Серафима, — неужели суждено не возвратиться и этой бѣдной старухѣ? да что же съ ними дѣлаютъ?»—Кто-то, идя по комнатѣ, взглянулъ въ окно на площадь и въ ужасѣ что̀-то вскрикнулъ. Всѣ снова бросились къ окнамъ. Поднялись отчаянные вопли, рыданія.— «Боже мой! что они видятъ тамъ?»—замирая, думала Серафима. Растерянныя, съ обезумѣвшими лицами, женщины, ломая руки и продолжая что-то кричать, метались по комнатѣ. Блѣдный, потерявшійся, какъ всѣ, съ испуганными глазами и развившеюся косой, князь Сивскій, припавъ къ полу, приводилъ въ чувство упавшую въ обморокъ внучку Ульяновой. Серафима вспомнила о висѣлицахъ, стоявшихъ на площади.—«Вотъ о чемъ ужасъ и крики!»—сказала она себѣ и, съ мыслью о перстнѣ, о спасеніи, схвативъ дѣтей, бросилась къ выходу.—«Бѣжать, бѣжать»—мыслила она.

Дверь отворилась. У порога стоялъ тотъ же конвойный.

— Помѣщица Дуганова и капитанъ Копьёвъ! — сказалъ онъ, глядя на плѣнныхъ.

«Кого это онъ зоветъ?»—подумала Серафима, видя, что на нее всѣ смотрятъ. Она не двигалась съ мѣста. Подошелъ сумрачный, сгорбленный Копьёвъ.

— Васъ и меня,—сказалъ онъ тихо, оправляя на себѣ платье.

Серафима бросилась къ дѣтямъ, прижала ихъ къ углу и, заграждая ихъ, обернулась.

— Не смѣйте трогать дѣтей! не отдамъ! уходите!—кричала она, не помня себя.

Конвойный выглянулъ за дверь; оттуда вышло нѣсколько сторожей.

— Возьмите деньги! это кольцо! у насъ много, алмазы!— вопила, дрожа и плача, Серафима:—меня берите, ведите на казнь, оставьте дѣтей.

Сторожа подошли къ Дугановой, отстранили ее, подняли на руки плачущихъ и рвавшихся къ ней дѣтей и понесли ихъ изъ комнаты. Серафима, поддерживаемая Копьёвымъ, послѣдовала за ними.

— Du calme, chére dame, du calme devant ces bri-

gands! — успокоивалъ ее блѣдный, старавшійся идти твердою поступью, Копьёвъ: — on nous rendra la liberté et vous partirez...

Шумъ и говоръ тысячеголовой толпы оглушилъ Серафиму, едва она вышла на площадь. На крыльцѣ воеводскаго дома, куда ее подвели, передъ широко разступившимся народомъ, на стулѣ съ высокою спинкой, опершись руками въ колѣни, сидѣлъ тотъ загорѣлый и бородатый, въ красномъ кафтанѣ, всадникъ, котораго Серафимѣ называли Пугачовымъ. Онъ исподлобья глядѣлъ на подходившихъ новыхъ арестантовъ. Сердце Серафимы сильно билось. Не слыша за собою шаговъ стражи, несшей ея дѣтей, она замедлилась у крыльца и оглянулась. Копьёвъ, слѣдуя за нею, пристально смотрѣлъ на Пугачова и на вооруженныхъ его охранниковъ, стоявшихъ по бокамъ подъѣзда!

— Ты, сударыня, первая! стань ближе, сюда! — услышала Серафима грубый и хриплый голосъ съ крыльца.

Она медленно поднялась на нижнюю, крылечную ступеньку. Дѣтей поставили съ нею рядомъ. Гдѣ-то за народомъ, на углу ближней улицы, Серафима увидѣла свою карету, на козлахъ которой, вмѣсто Филиппа, сидѣлъ, въ лохматой шапкѣ, косоглазый калмыкъ. Пугачовъ, посмотрѣвъ на арестантку, обернулся къ стоявшему за его стуломъ Творогову и тихо ему сказалъ: «А вѣдь красавица какая!» — Твороговъ сталъ ему что-то говорить.

XV.

Прошло нѣсколько минутъ. Видя устремленные на себя глаза смолкшей и какъ бы ждавшей чего-то толпы, Серафима переживала мучительныя мгновенія. Тысячи мыслей, образовъ и воспоминаній проносились передъ нею. «Гдѣ я? неужели, наконецъ, передъ этимъ извергомъ, о которомъ столько говорили и который вездѣ вселялъ столько ужаса? — мыслила она, разглядывая Пугачова, — вотъ онъ, облитый кровью, замучившій десятки, сотни жертвъ, таинственный для многихъ, непонятный и для меня, царь-мужикъ! Онъ взялъ рядъ крѣпостей, осаждалъ Оренбургъ, Казань и теперь идетъ на Москву. Что онъ мнѣ скажетъ, зачѣмъ меня позвалъ?» — Дугановой вспомнились ея дѣтскіе годы, пансіонскія мечты съ Марй, ея свадьба и жизнь въ Горкахъ, пріѣздъ съ мужемъ въ Москву, безумный побѣгъ съ Прядышевымъ и появленіе Глѣба въ Кіевѣ. — «Отчего, вмѣсто

Глѣба, не догналъ насъ тогда Алексѣй?—спрашивала себя Серафима, — зачѣмъ меня простилъ онъ, не убилъ насъ тогда на мѣстѣ?»

— Ты вдовая, али есть и мужъ?—послышался съ крыльца тотъ же хриплый и грубый голосъ.

Дуга̀нова поняла, что ее спрашиваетъ Пугачовъ.

— Замужняя,—отвѣтила она.

— Твои это дѣти?

— Мои, — проговорила Серафима, потупясь и судорожно гладя тонкими, бѣлыми пальцами растрепанныя и вспотѣвшія головки дѣтей.

— Помѣщица! лиходѣйка! — громко, чтобъ всѣ слышали, произнесъ Пугачовъ: — много вы тиранили, пили людской крови, попробуйте нонѣ, какова своя!

Серафима вытянулась, подняла глаза на самозванца.

— Никого наша семья не тиранила, — сказала она:— можетъ-быть, въ другихъ мѣстахъ, хоть не слышала и не знаю... можетъ, другіе люди,—говорила она, спѣша и обрываясь: — наши же дѣды и отцы, мы съ мужемъ, клянусь всѣмъ святымъ, заботились о подданныхъ, кормили ихъ въ голодные годы и всѣмъ жертвовали для нихъ.

— Вотчина подъ Саратовымъ, что ли?—подумавъ, спросилъ самозванецъ, глядя на Творого̀ва: — а есть родичи у тебя въ Малороссіи... на Донцѣ? намъ сказывали о нихъ.

— Золовка тамъ жила, мужнинаго брата жена, — тихо отвѣтила Серафима.

— И нонче она тамъ?

— Не знаю, недавно гостила въ нашей вотчинѣ, на Волгѣ...

— Такъ вы проѣзжіе, дальніе... ладно! Авось и насъ приведетъ Господь въ Саратовъ, сами повидимъ и разспросимъ, — сказалъ Пугачовъ: — а это дѣти твои, наслѣдники? У меня самого, чай, знаешь, тоже сынъ, Павелъ... Смотри же, молодуха, найдется твой мужъ, и коли что да не такъ, не сдобровать тебѣ и съ хозяиномъ. По многимъ изъ вашихъ веревка плачетъ...

— Ейный мужъ, ваше величество, вчера стрѣлялъ по народу,—замѣтилъ Творого̀въ:—двухъ ранилъ, одного убилъ; для-ради примѣра, надёжа-государь, станичники просятъ и ее тожъ, съ прочими...

Серафима вздрогнула, чуть устояла. Она силилась что̀-то сказать и не могла. Кровь стучала ей въ голову.

— Видѣла, красавица, наши качели? — спросилъ, глядя на нее, Пугачовъ.

Серафима молчала.

— Ейнаго мужа, батюшка, ищутъ и вотъ-вотъ найдутъ, — сказалъ Творогòвъ: — а пока судъ да дѣло, вѣдь она въ отвѣтѣ!

Пугачову жаль было молодой и красивой арестантки, но она уже очень смѣло глядѣла на него и не стѣснялась отвѣтомъ.

— Наши подданные всѣ равны передъ нами, — произнесъ самозванецъ, возвышая голосъ: — ослушнику одна доля. Взгляни, сударыня, на висюлю, не опознаешь ли тутъ кого изъ знакомцевъ? — прибавилъ онъ, указывая на церковь.

Въ прогалину между народомъ, у церковной ограды, были видны обѣ висѣлицы. На одной, въ мундирѣ и треуголкѣ, со шпагой, висѣлъ тощій и длинный какой-то канцеляристъ; рядомъ съ нимъ — полный, съ сѣдою бородою, купецъ. На другой висѣлицѣ Серафима разглядѣла нѣчто ужасное. Съ высокой перекладины спускались знакомые ей — халатъ тѣлеснаго цвѣта, съ пуговками, въ видѣ бомбочекъ, сѣрая мѣщанская чуйка и длинное, съ оторочкой, черное платье. Серафима узнала Юрлова, Мàковнева и Ульянову... Она вскрикнула, пошатнулась и безъ чувствъ упала со ступени на руки стоявшаго возлѣ нея Копьёва.

— Жидка на расплату! крупичатая! — слышалось въ толпѣ казаковъ.

— Ну, а ты, братъ крамольника и самъ бунтовщикъ! — обратился самозванецъ къ Копьёву: — оставь-ка барыню, досмотрятъ ее и другіе; брата тваво, за упорство, порѣшили... ну, а ты какъ? признаешь ли меня государемъ?

Копьёвъ стоялъ молча. Его блѣдное лицо стало еще блѣднѣй; глаза были опущены къ землѣ, впалая грудь дышала тяжело.

— Что же молчишь? — спросилъ самозванецъ: — отвѣчай, слушаемъ.

— Боже-Господи, Вседержитель! — проговорилъ Копьёвъ, медленно крестясь на церковь и кланяясь: — поддержи мя, грѣшнаго! укрѣпи милостью Твоею, не попусти...

Пугачовъ махнулъ рукой. Казаки бросились на Копьёва, связали ему руки и повели къ церкви.

— Слѣдующаго! — крикнулъ Пугачовъ, оглядываясь на ратушу, у воротъ которой шла свалка.

Съ крикомъ и гамомъ конвойная стража, одолѣвъ новаго, боровшагося руками и ногами, арестанта, вела его изъ ратуши. Онъ вырвался; его поймали и за волосы тащили къ крыльцу. То былъ князь Сивскій. Темновишневый, бархатный кафтанъ на немъ былъ разорванъ; багровое отъ натуги, искаженное бѣшенствомъ, лицо было окровавлено.

— Каины, изверги! — кричалъ онъ, силясь вырваться:— я потворствовалъ черни, насильничалъ надъ равными себѣ... Господь покаралъ, но я не повиненъ въ человѣческой крови! не мнѣ, а вашему названцу быть на висѣлицѣ, и онъ приметъ казнь... Какой онъ царь? душегубъ, кровопійца и Каинъ, какъ вы всѣ!

— Бей его, души!—крикнулъ съ крыльца Творогòвъ.

Самозванецъ далъ знакъ. Сивскаго потащили къ церкви, рубя его по плечамъ саблями.

— Убрать и эту! — произнесъ Пугачовъ, отворачиваясь и указывая на лежавшую безъ чувствъ Серафиму.

Ее подняли на руки и понесли вслѣдъ за Сивскимъ.

— А этихъ? — спросилъ Творогòвъ, указывая ногой на дѣтей Серафимы, прижатыхъ толпою внизу крыльца.

— Чтò хошь съ ними! хоть удави и ихъ, чертенятъ!— отвѣтилъ самозванецъ, вставая со стула и пристально глядя, черезъ толпу, въ сосѣднюю улицу.

Оттуда къ площади, изъ-за церкви, быстро приближался верховой казакъ. Доѣхавъ до крыльца, въ то время, когда народъ сталъ тѣсниться къ церкви, за новыми обреченными на смерть, казакъ спрыгнулъ съ коня и, подойдя къ Творогòву, чтò-то проговорилъ ему, запыхавшись.

— Въ чемъ дѣло? откуда?—спросилъ самозванецъ.

— Уланы, графъ Меллинъ! — отвѣтилъ, вполголоса, Творогòвъ:—переправились въ бродъ, черезъ Суру̀, у Прясловой, видѣли пастухи...

Пугачовъ молчалъ, пощипывая бороду. Лѣвый глазъ его щурился. — «Неужели перестрѣли? неужели конецъ?»—думалъ онъ.

— Спасайся, государь, чтò же медлишь? — сказалъ Творогòвъ:—аль у всѣхъ у насъ двойные животы?

Пугачовъ опомнился, выступилъ на край крыльца.

— На конь, ребята, оружайся!—зычнымъ голосомъ крикнулъ онъ, глянувъ направо и налѣво: — поздравляю, дѣтушки! идемъ далѣе, на Москву!

Толпа, напиравшая къ церкви, отхлынула назадъ. Одни стояли въ недоумѣніи, другіе бросались изъ стороны въ сторону. Пугачовъ и его приближенные стали садиться на подведенныхъ лошадей. Карета Дугановой, съ выглядывавшею изъ нея женскою свитой самозванца, двинулась по площади и, обогнувъ ближній домъ, скрылась за угломъ, направо. За нею сталъ вытягиваться конный обозъ самозванца. Нагруженные добычей возы и телѣги скрипѣли; въ облакахъ пыли слышались удары кнутовъ и крики погонщиковъ. Выѣзжавшіе изъ сосѣднихъ дворовъ казаки, калмыки и башкиры строились у воеводскаго дома. Почуявшіе бѣду горожане разбѣгались съ площади.

Очнувшись у церковной ограды, брошенная здѣсь конвойными, Серафима увидѣла бѣгство толпы, сквозь которую нѣсколько мужиковъ и мѣщанъ тащили по площади блѣднаго, со связанными руками, Копьёва.

— Да бросьте, не успѣете! сами спасайтесь! — сказалъ кто-то, убѣгая за толпой.

Дуга̀нова поняла, что нѣчто грозное и роковое для мятежниковъ и благодатное для ихъ жертвъ вставало откуда-то, близилось, и что она сама еще, въ это мгновеніе, могла бы спастись. Она собрала послѣднія усилія, встала и бросилась бѣжать...

— Мама! мама!—послышались ей знакомые голоса.

Серафима оглянулась и увидѣла, среди казаковъ и мужиковъ, тащившихъ къ висѣлицѣ Копьёва, своихъ дѣтей, рванулась къ нимъ и ухватилась за рослаго бородача, державшаго младшаго ребенка. Мужикъ съ силой оттолкнулъ ее, такъ что она чуть не упала.

— Что съ ними валандаться?.. долбони ихъ. Терёха! съ барыни починъ!—раздался голосъ сзади Дугановой.

Увѣсистая дубина поднялась и размахнулась въ воздухѣ. Кровь брызнула, деревья у ограды покрылись красными пятнами.

— Скачутъ, скачутъ! — крикнулъ Творогóвъ, еще стоявшій на воеводскомъ крыльцѣ, указывая рукою по другую сторону церкви.

Пугачовъ приподнялся на стременахъ. Черезъ головы народа онъ увидѣлъ двухъ всадниковъ, въѣзжавшихъ слѣва на площадь, сквозь бѣжавшую имъ навстрѣчу толпу.

— Да что̀ вы, черти! — досадливо вскрикнулъ самозва-

нецъ:—то не уланы, а наши—Баранка, да Ѳедька Прядышевъ... эвоси, за оградой. Отбой, братцы, отбой!

Сказавъ это, Пугачовъ взялся за сѣдло, слѣзая съ коня. Но съ правой стороны площади, откуда примчался первый вѣстовщикъ, показался новый верховой «графъ Панинъ»—первый есаулъ самозванца, хромой Овчинниковъ.

— Сполохъ, батюшка, сполохъ! — кричалъ онъ во весь голосъ, махая шапкой: — гренадеры въ городѣ, прошли задворками... стража проглядѣла... уланы!.. спасайся.

Пугачовъ взглянулъ на ближайшихъ изъ сообщниковъ и молча оправилъ на себѣ кафтанъ и оружіе. Его черные глаза смѣло свѣтились.

— За мной, братцы-атаманы! — крикнулъ онъ, стегнувъ изъ всей силы по коню: — наша стёжка не исхожена еще, не изъѣзжена!

Начальство, стража и весь казацкій отрядъ поскакали за самозванцемъ.

— Куда теперича? — спросилъ, ровняясь съ нимъ, при выѣздѣ изъ Курмыша, Творогòвъ.

Самозванецъ молчалъ.

— На Москву, что̀ ли? — спросилъ, догнавъ его, Овчинниковъ, въ силу сдерживая взятаго въ обозѣ, новаго коня.

— Да что, братцы-станичники? нешто не видите? проспали!—сердито отвѣтилъ самозванецъ:—куда на Москву? къ низу, къ Волгѣ ближе, въ Алатырь!

— Ну, а задержанные, рѣшенные?—освѣдомился Творогòвъ:—мало ли взято? нешто такъ и бросить? у одного князя сколько пожитковъ, всякаго добра.

— Баранка-пёсъ разсудитъ, да и Ѳедька маху, чай, не дастъ, коли успѣютъ и не передавятъ дьяволовъ, самихъ!—отвѣтилъ, не оглядываясь, Пугачовъ.

XVI.

Очутившись пѣшкомъ и безъ оружія въ лѣсу, невдали отъ Курмыша, Алексѣй Дугàновъ выбрался съ трудомъ изъ чащи на берегъ рѣки и, увидѣвъ оттуда крышу мельницы, къ которой подъѣзжалъ наканунѣ, ускорилъ шаги.

«Добуду у мельника хоть ломоть хлѣба, — разсуждалъ онъ: — а если удастся, то, укрывшись тамъ, выжду и развѣдаю, какъ быть далѣе».

День становился жарче. Рѣка, сверкавшая на солнцѣ въ серединѣ, у берега манила затишьемъ и прохладой.

«Дай, кстати, выкупаюсь,—пришло въ голову Алексѣю.— освѣжусь здѣсь, пока, на безлюдьѣ, въ тѣни деревьевъ; далѣе, у мельницы, еще кого-нибудь встрѣтишь, будетъ не до того».

Алексѣй, пологимъ берегомъ, спустился къ рѣкѣ, раздѣлся, положилъ возлѣ себя, подъ деревомъ, платье, обувь и шляпу и вошелъ въ воду. Рѣка тихо плескалась о пустынный, зеленый берегъ. Кузнечики звонко стрекотали въ травѣ; ласточки, съ веселымъ пискомъ, рѣяли надъ камышомъ и водой, ловя мошекъ. Желтые и бѣлые мотыльки мелькали между спящими, въ знойной тишинѣ, кустами. Алексѣй, съ наслажденіемъ до-нельзя изморённаго человѣка, нѣсколько разъ погрузился въ прохладную, свѣтлую воду и собирался снова окунуться.

Надъ рѣкой послышался странный звукъ. Какъ бы кто-то ухарски гикнулъ вдали. За этимъ окликомъ въ лѣсной глубинѣ раздались другіе звуки, — ближе и ближе. Явственно сталъ слышенъ конскій бѣгъ, а вскорѣ и голоса нѣсколькихъ всадниковъ, несшихся изъ лѣса къ рѣкѣ. — «Пастухи!— подумалъ-было Алексѣй, — гонятъ табунъ къ водопою...» «Нѣтъ, — рѣшилъ онъ тутъ же, — не пастухи! это погоня за мной, меня ищутъ! надо спасаться!» — Бросившись къ одеждѣ, онъ сообразилъ, что одѣться уже не успѣетъ, схватилъ платье, обувь и шляпу, быстро спряталъ ихъ далѣе, подъ деревья, въ траву, и съ мыслью:—«Тутъ нельзя оставаться, замѣтятъ!» — поплылъ изъ всѣхъ силъ къ противоположному берегу, гдѣ и забился подъ старую, развѣсистую иву, склонившую вѣтви къ водѣ.

Рѣка здѣсь была еще глубже. Алексѣй, не доставъ ея дна, ухватился за толстый ивовый сукъ. На берегу, отъ котораго онъ только что отплылъ, показался небольшой отрядъ вооруженныхъ казаковъ. Истомленныя лошади, тяжело дыша, едва переступали ногами. Потные, запачканные пылью, всадники, въ разстегнутыхъ кафтанахъ и съ шапками на затылкѣ, ѣхали, очевидно, послѣ долгой и быстрой гоньбы, покачиваясь отъ жары и истомы.

— А что, ребята, закусить бы тутъ? — сказалъ ѣхавшій ближе другихъ къ рѣкѣ, бритоголовый, въ татарской тюбетейкѣ, бородачъ.

— Слышь, Ѳедька, — окрикнули казаки всадника, нѣсколько отставшаго отъ нихъ: — Баранка баетъ, закусить,

а ты думалъ купаться. И ладно бы съ похмелья-то... попаслись бы малость и кони. Что̀ говорилъ проводникъ? далеко ли до Курмыша̀?

— Будетъ сперва село, тамъ переправа и городъ, верстъ семь.

— Слѣзай, братцы! дѣдко Устинъ, привалъ! — послышались голоса:—еще успѣемъ. Въ Ядринѣ наложили въ спину, и не донесешь!

Всадники спѣшились, напоили, стреножили и пустили на траву лошадей; отвязавъ съ сѣделъ торбы, они раздѣлись и стали купаться. Первые вошли въ воду бережно, прочіе стали бросаться въ нее съ разбѣга.—«Микишка—пёсъ! не замай!»—кричали одни.—«Ой, Ванька, дьяволъ, ло̀скотно!»—отзывались другіе, барахтаясь другъ съ другомъ у берега и взбивая руками и ногами столбы воды. Спины и плечи у нѣкоторыхъ были въ синякахъ. — «Одначе, нѣмецъ-то на память тебѣ всыпалъ!»—смѣялся красивый, молодой парень, плывя на спинѣ у берега:—«порохъ разстрѣляли царицыны объѣдки... а гнались же, дьяволы!»—«Дна, братцы, нѣту-ти! прощай, Пашу̀тка!»—откликнулся другой парень, съ повязанной, окровавленной головой, выплывъ на серединѣ рѣки и, съ поднятыми руками, ныряя въ глубину: — «вода-то, вода!»—«Вотъ ужъ Ѳедька придумалъ, удружилъ!»—толковали старшіе изъ казаковъ, выйдя на берегъ и, съ пріятною дрожью, отираясь пучками мягкой осоки.—«А у тебя, дѣдко Устинъ, съ нѣмецкой бани-то, индо чернила по брюху съ бороды потекли!»—острила молодежь надъ вымывшимся сѣдымъ есауломъ. — «Вѣничковъ, ребята, нарѣзали бы, да и впрямь попарили бы лысаго!» — крикнулъ съ рѣки парень, нырявшій на дно.

«Боже Господи!—замиралъ, тѣмъ временемъ, у другого берега, подъ ивой, Алексѣй Дуга̀новъ: — что̀, какъ найдутъ мое платье? расположились невдали,—откроютъ и меня».

Казаки, одинъ за другимъ, вышли изъ воды, одѣлись, размѣстились подъ деревьями, развязали торбы и стали ѣсть.—«Устинъ Наумычъ, у тебя въ баклагѣ не высохло?»—спросилъ кто-то.—«Есть, дѣтушки, пейте!»—отвѣтилъ старикъ, подавая боченокъ.—«Графская?»—«Она! первый сортъ, крѣпы̀шъ!» — «А бился пузатый, какъ тянули на рѐлю!»—замѣтилъ первый, выпившій изъ баклаги. Всѣ захохотали.—«Какъ ты, Наумычъ, допросъ ему чинилъ?» — «Да что̀, сколько

уже сказывалъ!»—«Скажи еще!»—«Сняли это съ него часы, кафтанъ и нарядный такой, съ позументомъ камзольчикъ,— говорилъ есаулъ, щурясь на сотрапезниковъ смѣющимися глазами: — ну, и связали его. надѣлю петельку, — а Макаровъ да Ахметка стали на древо и тянутъ. Я велѣлъ маленько ослобонить его и спрашиваю:—«что, ваше графское сіятельство, горька смерть?»—«Охъ, горька, горька!»—плачетъ онъ и хрипитъ... Я кивнулъ, его и вздернули... вотъ отъ него и крѣпышъ!»—Дружный хохотъ казаковъ покрылъ слова старика.

«Найдутъ, откроютъ! — съ приливомъ новаго ужаса, думалъ Алексѣй, держась за дерево, по горло въ водѣ:—кто-нибудь отойдетъ къ сторонѣ и наткнется».

Казаки, закусивъ, увязали снова торбы, улеглись въ повалку подъ деревьями и заснули. Прошло болѣе часу. Алексѣй выглянулъ изъ-подъ ивы. Казаки еще спали. Лошади, фыркая и отмахиваясь головами и хвостами отъ мухъ и шмелей, паслись, разсыпавшись по берегу. На солнце надвинулось облако. Тѣнь застлала рѣку, деревья и лошадей. Бритая, безъ шапки, голова поднялась надъ спящими. сонно оглянула ихъ и снова опустилась подъ дерево. Еще прошло съ полчаса.

— Ну, ребята, вставайте, пора!—раздался голосъ есаула.

Казаки встали, потягиваясь. Дѣдъ Устинъ уже внуздывалъ своего коня.

— А что, Ѳедоръ, еще бы пополоскаться?—сказалъ кто-то:—какъ писалъ Ивашко? гдѣ къ батюшкѣ-царю сборъ?

— Въ Курмышѣ,—отвѣтилъ за писаря Устинъ.

— Да мы мигомъ, еще по малости...

Нѣкоторые снова раздѣлись и бултыхнулись въ воду.

— На конь! ребята, на конь! командовалъ уже строго дѣдъ Устинъ, ходя по берегу, съ писаремъ, походка и лицо котораго Алексѣю показались какъ бы знакомыми.

«Гдѣ я его видѣлъ, гдѣ встрѣчалъ?»—раздумывалъ Алексѣй, едва держась за вѣтви.

Казаки растреножили, снова напоили лошадей, сѣли на нихъ и, двинувшись берегомъ, скрылись въ извилинахъ поросшаго кустами, прибрежнаго проселка. Алексѣй выждалъ, пока затихли звуки копытъ, бережно выплылъ изъ-подъ ивы, оглядѣлся кругомъ и, доплывъ къ берегу, гдѣ оставилъ платье и обувь, началъ одѣваться. Окоченѣлые, сморщенные

отъ воды, пальцы едва ему служили. Все его тѣло намокло и вспухло. Стуча зубами отъ холода, онъ кое-какъ одѣлся и, чтобъ скорѣе согрѣться, быстро пошелъ къ мельницѣ, которую заслонялъ песчаный, поросшій ельникомъ, пригорокъ. Прислушиваясь къ малѣйшему шороху и оглядываясь, Алексѣй поднялся на пригорокъ, миновалъ ельникъ и обмеръ.

Мельница была отъ этого мѣста въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ. Не доходя до нея, по тотъ бокъ рѣки, Алексѣй увидѣлъ худую и пожилую бабу, которой до той минуты онъ не замѣчалъ и которая, полоща тамъ бѣлье, очевидно слѣдила за нимъ съ того берега. Выйдя изъ-за кустовъ, она кому-то махала рукой на мельницу, указывая на Алексѣя и какъ бы говоря:—«Глядите, вотъ онъ!»—У мельничной плотины виднѣлись три всадника, отставшіе отъ прочаго отряда и о чемъ-то до той минуты говорившіе съ мельникомъ. Алексѣй со всѣхъ ногъ бросился съ пригорка въ лѣсъ; но его у мельницы увидѣли. Всадники поскакали за нимъ.

— Не уйдешь, сдавайся!—кричали они.

Алексѣй бѣжалъ, пробираясь сквозь вѣтви и прыгая черезъ валежникъ и кочки. Гущина деревьевъ стала скоро рѣдѣть. Между вѣтвей замелькали широкіе просвѣты, обозначилась поляна, а за нею еще болѣе густой лѣсъ. Всадники настигали Дуга̀нова.—«Не уйдешь, говорятъ тебѣ, верзѝло! не заяцъ!»—слышались ихъ голоса. Алексѣй побѣжалъ по полянѣ. Сзади его раздался выстрѣлъ.—«Миновало!»—съ радостью подумалъ Алексѣй, перемахнувъ черезъ поляну и въ ея концѣ чувствуя, какъ бы что-то вцѣпилось въ его ногу. Онъ сдѣлалъ еще усиліе и покачнулся. Ноги его подкосились; онъ съ размаха упалъ лицомъ въ траву.

— Вяжи его, долговязаго! баринъ и есть... ишь, умаялся, какъ дышитъ! снимай, Петруха, поясъ,—въ торока̀ его!—раздавались надъ нимъ голоса.

Алексѣй лежалъ неподвижно. Въ лѣвой голени онъ ощущалъ нестерпимую боль. Его чулокъ и штиблеты пропитывались сочившеюся изъ ноги кровью.

— Зачѣмъ его вязать? не убѣжитъ, помѣченъ!—сказалъ одинъ изъ всадниковъ: — слѣзай, Микѝшка, бери, и такъ довеземъ.

— Эда̀кого-то борова, а мнѣ пѣшему, что ли? Самъ слѣзай.

— До мельника, покамѣстъ, чортова голова! у него повозка... дичина, видать, не малая; ишь, какова одёжа! ба-

тюшка отблагодаритъ! Тутошніе его ищутъ,—семья его, сказываютъ, ушла отъ нихъ...

XVII.

Казаки подняли Алексѣя, посадили на одну изъ лошадей, а сами, съ лошадьми въ поводу, пошли пѣшкомъ. На всѣ разспросы, кто онъ, откуда и какъ сюда попалъ, Алексѣй не отзывался. Отъ потери крови, онъ едва сидѣлъ, а у мельницы уже не могъ встать съ лошади и едва помнилъ себя. Его сняли и положили подъ плотиной. Сюда, между тѣмъ, на выстрѣлъ въ лѣсу, примчались посланные есауломъ другіе изъ всадниковъ, уѣхавшихъ впередъ, и съ ними писарь.

— Боже Господи, кого вижу! — проговорилъ писарь, нагнувшись и взглянувъ въ лицо Алексѣя.

— Ты его знаешь?—спросили казаки.

— Да, да... еще бы!.. давай, Сидоровъ, ручникъ, нужно ему повязку!—отвѣтилъ писарь:—а ты, старикъ,—обратился онъ къ мельнику:—запрягай повозку, вези арестанта.

— Помилуй, сударь,—взмолился мельникъ:—одна у насъ лошадушка и та еле ходитъ, захромала, уволь!

Сидоровъ дернулъ старика по спинѣ нагайкой. Тотъ заметался, проворно вывелъ изъ закуты сытую и здоровую лошадь и сталъ ее запрягать. Его старуха, указавшая казакамъ барина, принесла, по приказу писаря, ведро воды.

«Неужели это Прядышевъ?—думалъ, видя и слыша все, какъ сквозь сонъ, Алексѣй,—тотъ же голосъ, видъ, остриженъ по-мужицки, казацкая одежда... онъ, онъ!» Алексѣй хотѣлъ къ нему обратиться, сказать: «ты похищалъ мою жену, оскорбилъ насъ, опозорилъ... искупи же свой проступокъ,—видишь, что̀ со мной, спаси меня»... Губы Алексѣя беззвучно шевелились. Полоса густого тумана надвигалась на его глаза. Онъ окончательно потерялъ сознаніе.

«Дуга̀новъ, Алексѣй Андреичъ! вотъ гдѣ свела судьба, гдѣ свидѣлись!—разсуждалъ Пря̀дышевъ, разувъ Алексѣя и обмывая рану на его ногѣ: — думалъ ли я въ Москвѣ? думалъ ли я въ Кіевѣ? Не онъ виноватъ, его своякъ! Не обери меня Пантюшка, да не догони тотъ насъ тогда, въ Кіевѣ, не разстаться бы мнѣ съ Серафимой, не очутиться бы здѣсь! Треклятый проповѣдникъ, сухарь! не попался ты мнѣ послѣ, разсчитался бы я съ тобой!»

— Вези его,—сказалъ Прядышевъ мельнику, когда рана

Алексѣя была перевязана и его уложили на солому, въ телѣгу:—не отставать отъ насъ, въ городъ! разберемъ!

— А намъ, Өедоръ Саввичъ, провожать его? будетъ награда?—спросили казаки, поймавшіе Алексѣя.

Прядышевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сѣлъ на коня и направился отъ мельницы. Пріѣхавшіе съ нимъ казаки послѣдовали за нимъ. «Мужъ здѣсь, значитъ, и жена его не далеко! — мыслилъ Өедоръ: — это ясно... онъ шелъ пѣшій, жену его, съ дѣтьми, полагать надо, задержали... Но гдѣ она, что̀ съ нею? Не иначе, какъ въ городѣ! Тамъ Творого̀въ,—туда ждутъ и царя... Надо спасти ихъ! неужели не успѣю?» Прядышевъ погналъ лошадь; его провожатые едва поспѣвали за нимъ.

Лѣсъ скоро кончился. Вправо обозначилась ограда монастыря, прямо село Пряслово, за нимъ рѣка, за рѣкою виднѣлись церкви Курмыша̀.

— Ты, Өедоръ, выходитъ, знаешь этого барина?—спросилъ Баранка, дожидавшійся Прядышева, у переправы черезъ Суру, и узнавшій здѣсь отъ его провожатыхъ о плѣнникѣ, котораго захватили казаки.

— Знаю.

— Гдѣ видывалъ его?

— Въ Москвѣ.

— Кто онъ?

— Саратовскій помѣщикъ, Дуга̀новъ.

— Богатъ?

Өедоръ сообщилъ, что̀ зналъ объ Алексѣѣ.

— Чья будетъ добыча? — спросилъ Баранка, косясь на старика, есаула и на Прядышева: — за нами считать его!.. рѣшай, на Устина нечего смотрѣть... такъ и объявимъ царю! ребята сказываютъ, у него карета, коляска, сколько добра...

— Бери его и все, что̀ при немъ окажется, — сказалъ Өедоръ:—деньги, имущество, лошадей... одно мое...

— Какой такой кладъ?—удивился Баранка.

— Его хозяйка, жизнь ея?—отвѣтилъ Прядышевъ.

Татаринъ сипло разсмѣялся.

— Смотри, пёсье рыло, не попущу! — сказалъ Өедоръ, придерживая коня: — ты ли ее тронешь, другой ли кто,— какъ собаку, застрѣлю.

У въѣзда въ городъ стояла пугачовская стража. Карауль-

ные казаки, сидя на землѣ, пили изъ привезеннаго боченка водку. Всѣ были уже сильно навеселѣ.

— Здѣсь ли государь?—спросилъ, минуя ихъ, Ѳедоръ.

— Тута.

— Что̀ дѣлаетъ?

— Деньги изъ казначейства забралъ, вино забралъ... и насъ батюшка не забылъ... ну-ка, иди, угостимъ!

— А дворянъ собрано?—спросилъ Баранка.

— Видимо-невидимо, въ ратушу согнали.

— Вѣшали кого?

— Только начали...

Прядышевъ хлестнулъ коня. Всадники поскакали.

— Смотри же, Баранка,—повторилъ Ѳедоръ, въѣзжая въ улицу:—все бери... а ужъ что̀ сказано, голову расшибу.

— Ладно!—усмѣхнулся татаринъ.

Достигнувъ площади, Ѳедоръ увидѣлъ верхи висѣлицъ, съ казненными на нихъ. Размахивая шапкой и во весь голосъ, на свой страхъ, крича: «постой, постой! будетъ отмѣна!»—онъ протискался сквозь бѣгущій навстрѣчу ему народъ и соскочилъ у церкви съ коня. Ближняя висѣлица была переполнена жертвами. У стоявшей поодаль, на которой висѣло двое, еще толпилось нѣсколько горожанъ.

Прядышевъ растолкалъ ихъ, увидѣлъ спущенныя съ висѣличной перекладины чьи-то длинныя, худыя ноги, въ штиблетахъ и чулкахъ безъ сапогъ, и рядомъ съ ними—черное, какъ бы траурное платье, и остановился, глядя на площадку, залитую кровью. Между висѣлицей и церковною оградой, Прядышевъ разглядѣлъ что-то обезображенное, неподвижное. Свернувшись бокомъ и поджавъ руки подъ грудь, виднѣлся, въ темно-вишневомъ бархатномъ кафтанѣ, убитый мужчина. Въ двухъ шагахъ отъ него, раскинувшись на окровавленной травѣ, лежала, съ разбитою головой и въ ужасѣ открытыми глазами, женщина... Трое дѣтей валялись у ея ногъ. Прядышевъ узналъ Серафиму. Ему показалось, что она еще жива и смотритъ на него.

— Спасайте, голубчики! доктора! доктора! — крикнулъ Прядышевъ, припавъ къ Серафимѣ и поднимая ея окровавленную голову: — живыя души, смилуйтесь! неповинна она, даромъ изувѣчили каины-злодѣи!

Никто не отзывался. Стоявшіе возлѣ, заслыша новые откуда-то крики, бросались по сторонамъ. На площадь, рубя

саблями и коля пиками направо и налѣво, влеталъ взводъ уланъ. Навстрѣчу бѣгущимъ мятежникамъ, изъ-за церкви и изъ сосѣдней улицы, грянули залпы гренадеръ. Попавшіе подъ натискъ уланъ и перекрестные выстрѣлы пѣхоты, мятежники кидались въ сосѣдніе дворы и колодцы, лѣзли на крыши, въ погреба.

— А, мошенники! измѣнять, бунтовать?—кричалъ, въѣзжая на площадь худой и рыжій начальникъ отряда, графъ Меллинъ: — поручикъ Суходольскій! — обратился онъ къ адъютанту, отирая вспотѣвшее лицо:—остановите стрѣльбу! будетъ съ нихъ.

Приказавъ трубить отбой, адъютантъ подъѣхалъ къ графу.

— Ваше сіятельство, — сказалъ онъ, взявъ подъ козырекъ:—изволили видѣть?

— Что?—спросилъ графъ.

Суходольскій указалъ за церковь, на висѣлицы.

— Тамъ, ваше сіятельство, очевидно, не всѣ еще погибли,—произнесъ онъ:—вонъ, изволите видѣть, кто-то возится подъ второю висѣлицей,—приводитъ кого-то въ чувство.

— Лѣкаря зовите! что же мы съ вами? коли живъ еще, спасутъ.

— Францъ Карлычъ!—крикнулъ Суходольскій полковому врачу, за шеренгой гренадеръ, на корточкахъ, раскуривавшему трубку.

— Gleich!—отозвался врачъ.

— Что gleich, lieber Трейчке? накуришься еще!—ласково крикнулъ Меллинъ, услыша отвѣтъ врача.

Графъ, позванный медикъ и адъютантъ приблизились къ висѣлицѣ. Медикъ внимательно осмотрѣлъ лежавшія здѣсь тѣла.

— Nun, was meinen sie?—спросилъ, глядя на него, графъ.

— Alle mausetodt!—отвѣтилъ медикъ:—всѣ умерли.

— И эта женщина? — спросилъ графъ, всматриваясь въ лицо Серафимы:—такъ еще молода и красива...

— Fertig!—флегматически отвѣтилъ врачъ:—die Kleinen auch! (готова! дѣти также!).

— А ты кто?—спросилъ графъ Меллинъ, увидѣвъ Прядышева, молча стоявшаго у тѣла Серафимы и ея дѣтей, изъ которыхъ одно, какъ показалось графу, еще какъ бы шевелилось:—родичъ погибшей, или ея палачъ?

Ѳедоръ, отирая слезы, назвалъ себя.

— Вотъ какъ!—удивился и даже отступилъ графъ, оглядывая Прядышева: — наконецъ-то изловленъ! Ну-ка, Суходольскій, связать его, да покрѣпче... приставить къ нему караулъ... Давно сокола слѣдили и ждали!.. вѣдь письмоводецъ Емельки,—обратился графъ къ прочимъ офицерамъ:— своего рода секретарь... переписывалъ бумаги самозванца, а можетъ строчилъ и манифесты!

Приказавъ убрать и схоронить тѣла погибшихъ, Меллинъ освободилъ остальныхъ, запертыхъ въ ратушѣ, далъ краткій отдыхъ отряду и, выйдя за Курмышъ, снова форсированнымъ маршемъ бросился въ догонку за самозванцемъ.

Первые, бѣжавшіе отъ его натиска, пьяные сторожевые казаки наскочили у Пряслова на повозку, въ которой мельникъ везъ Алексѣя. Брошенный конвоемъ, мельникъ связалъ плѣнника по рукамъ и ногамъ. Нестерпимая боль въ скрученной, раненой ногѣ мучила Алексѣя. Онъ поминутно молилъ мельника развязать его. «Полежишь, сударь, и такъ!» — шамкалъ старикъ, сердито шагая лаптями по дорогѣ и что-то обдумывая.

— Куда везешь?— окликнули казаки, встрѣтивъ его у переправы черезъ Суру.

— Къ батюшкѣ государю.

— Былъ, да вышелъ,—никого въ городѣ нѣту-ти.

— Какъ же быть-то? кто уплатитъ за извозъ?

Казаки, смѣясь, тронулись далѣе.

— Да вы постойте, окаянные, — крикнулъ старикъ: — обманъ! заплатите, одна у васъ казна... нешто даромъ трудились, изловили?.. за помѣщика, сказано, — сто рублёвъ, за енерала—тысяча,—а може іонъ енералъ!

— Изволь, — отвѣтили, перемигнувшись и снова возвращаясь къ повозкѣ, казаки: — вынимай барина, ставь его тамъ вонъ, а самъ становись тутъ... Деньги достанемъ, выкупимъ и пустимъ васъ на всѣ стороны. Становись же, да не оглядывайся,—будемъ деньги считать.

Мельникъ развязалъ Алексѣя и бережно ссадилъ его на земь.

— Стань, миленькій, стань здѣсь вотъ, — говорилъ онъ, отводя Алексѣя въ сторону:—таки, видишь, порядки, получимъ выкупъ съ бабой, — а ты, какъ отъѣдутъ, подбери полы, да тоже скорёхонько, съ Богомъ, къ своимъ.

Мельникъ провелъ Дуганова отъ телѣги на берегъ рѣки, а самъ сталъ на дорогѣ, невдали отъ него.

«Боже! скоро ли? какая пытка, какое издѣвательство надъ живымъ человѣкомъ! — думалъ Алексѣй, глядя на Суру, тихо катившую желтобурыя, хмурыя волны; — и за что все это?..»

Раздался ружейный залпъ. Мельникъ, ахнувъ, свалился навзничь. Алексѣй упалъ ничкомъ, раскинувъ руки...

Пьяные казаки, отвязавъ лошадь мельника и снявъ съ Алексѣя кафтанъ, камзолъ и сапоги, ускакали по дорогѣ на Алатырь.

XVIII.

Прочтя полученное черезъ моряка письмо Спесивцева, Глѣбъ Дугáновъ рѣшилъ немедленно воспользоваться давнишнимъ предложеніемъ князя-главнокомандующаго и ѣхать безотлагательно на Волгу къ женѣ.—«Бѣдная! чего она не натерпѣлась! — думалъ онъ теперь, — и въ какое время я, безумный, оставилъ ее одну, съ ребенкомъ? Весь тотъ край въ пламени; шайки злодѣевъ рыскаютъ всюду, сожгли Казань и, если встрѣтятъ сильный отпоръ, по сю сторону Волги, то какъ разъ ринутся внизъ, къ Саратову».

Глѣбъ навѣстилъ Шимкову, узналъ отъ нея, что Марі въ то время должна уже была возвратиться изъ Свиблова въ горки, сказалъ ей, что рѣшился безотлагательно ѣхать туда, и на утро явился къ Волконскому. Домъ князя, съ недавняго времени, окружала усиленная стража; площадь передъ домомъ была уставлена пушками.

Въ Москвѣ толковали объ удивительномъ рѣшеніи государыни Екатерины, — забывъ личную вражду къ графу Петру Ивановичу Панину, котораго въ письмахъ къ князю Волконскому она называла «извѣстнымъ вралемъ» и своимъ «персональнымъ врагомъ»,—назначить его главнокомандующимъ войскъ, отряженныхъ на Волгу, для усмиренія и поимки Пугачова.—«Братъ воспитателя цесаревича ведетъ войско: — толковали въ народѣ:—значитъ, именующій себя царемъ дѣйствительно самозванецъ! противъ настоящаго царя, цесаревича отца, такой вельможа не пошелъ бы».— Волконскій встрѣтилъ Глѣба сочувственно.

— Ну, и отлично, Дугановъ, поѣзжай!—отвѣтилъ онъ на просьбу своего адъютанта объ отпускѣ:—путь къ Саратову еще не загроможденъ; самозванецъ пока вверху, за Сурой. Нынче ночью я получилъ и послалъ государынѣ эстафету. Отбитый отъ Казани, злодѣй двинулся за Чебоксары и

Ядринъ: не оставляетъ, видно, мысли о походѣ на Москву. Да я недреманнымъ окомъ слѣжу за нимъ и къ первопрестольной не допущу его. Отправляйся, съ Богомъ; успѣешь еще проѣхать на Пензу или Тамбовъ.

Глѣбъ поблагодарилъ князя.

— Да что же я?—спохватился Волконскій:—тебѣ, кстати, есть и оказія. Государыня шлетъ изъ Петербурга особую, секретную комиссію, для пріема злодѣя, на случай могущей быть выдачи его отъ сообщниковъ. Члены комиссіи вчера прибыли, послѣ обѣда, и мнѣ, по повелѣнію, вчера же представлялись.

— Куда, извините, ваше сіятельство, посылается комиссія?—спросилъ Глѣбъ.

— Всюду, гдѣ бы ни оказался самозванецъ... Ты—преданный монархинѣ, испытанный подданный, — продолжалъ князь, оглядываясь и понижая голосъ:—тебѣ могу сообщить, по секрету: яицкіе казаки одумались, отрядили къ государынѣ нарочнаго и письменно, за скрѣпой трехсотъ человѣкъ, предложили схватить, заковать злодѣя Емельку и выдать его живымъ въ руки уполномоченныхъ ея величества. Комиссія ѣдетъ черезъ два дня и везетъ съ собой десять тысячъ золотомъ, за выдачу Пугачова. Для охраны пословъ и этой суммы назначенъ конвой. Полагаю, и ты могъ бы ихъ сопровождать.

— Не знаю, какъ благодарить ваше сіятельство, — сказалъ Глѣбъ:—вы такъ милостивы ко мнѣ...

— Очень радъ, очень радъ!

— Но кто, осмѣлюсь освѣдомиться, члены этой комиссіи?—спросилъ Глѣбъ.

Волконскій взялъ со стола знакомый Дуганову портфель, съ секретною перепиской, отперъ его небольшимъ ключикомъ, бывшимъ у него въ денежномъ кошелькѣ, досталъ изъ портфеля распечатанный толстый пакетъ, вынулъ изъ него бумагу и началъ читать.

— Ѣдетъ присланный изъ-подъ Казани отъ бунтовщиковъ яицкій казакъ—Астафій Трифоновъ, весьма способный, бойкій и ловкій, какъ сообщаютъ о немъ, -а провожаютъ его, съ особыми важными полномочіями, капитанъ гвардіи Галаховъ и приданные ему въ помощь отставной секундъ-майоръ Руничъ и нѣсколько гренадеровъ.

Краска румянца залила лицо Глѣба.

— Галаховъ, ваше сіятельство?—спросилъ онъ.

— Да.

— Какъ, извините, его имя и отчество, если сказано въ сообщеніи.

Волконскій снова взглянулъ въ бумагу.

— Александръ, Павловъ сынъ, изъ потомственныхъ дворянъ,—отвѣтилъ онъ:—съ начала яицкихъ смутъ занимался въ особомъ о нихъ тайномъ комитетѣ... а тебѣ что̀? имѣешь знакомцевъ изъ Галаховыхъ?

— Ваше сіятельство,—произнесъ, охваченный сильнымъ волненіемъ, Глѣбъ: — явите божескую милость! пособите къ зачисленію меня, въ какомъ бы то ни было положеніи, въ эту комиссію... Зная хорошо тѣ края, я могъ бы оказать посильную пользу дѣлу и къ своей семьѣ доѣхалъ бы спокойнѣе... Что же до Александра Павловича Галахова, то мы не только, по отцамъ еще, близко знакомы и пріятели, но даже въ Петербургѣ, въ послѣднее время, состоя въ вашей командировкѣ, я у него и квартировалъ.

— Ну, и прекрасно. Найди его и Рӯнича, да нынче же,—они гдѣ-то на Тверской, у родныхъ Рӯнича, — предупреди ихъ, а остальное я устрою.

Глѣбъ бросился на поиски Галахова, сильно обрадовалъ его, познакомился съ Рӯничемъ, и черезъ сутки секретная комиссія, куда Глѣба причислили въ качествѣ квартирьера, выѣхала къ отряду полковника Дрѐвица, въ Муромъ. Здѣсь члены комиссіи узнали, что Пугачовъ, отбитый отъ Курмыша, прошелъ 20-го іюля на Алатырь, бросился къ Саранску и оттуда къ Пензѣ, которую и занялъ 4-го августа. Комиссія поспѣшила въ Пензу, но здѣсь уже не застала самозванца. Повѣсивъ въ Саранскѣ укрывшихся тамъ до трехсотъ человѣкъ, обоего пола и всѣхъ возрастовъ дворянъ, а въ Пензѣ посадивъ воеводой господскаго мужика, на мѣсто сожженнаго живымъ на кострѣ Всеволожскаго,—Пугачовъ 5-го августа вышелъ изъ Пензы, круто повернулъ влѣво и, по слухамъ, двинулся опять къ Волгѣ. У него въ это время насчитывали еще тринадцать пушекъ и до четырехъ тысячъ войска, изъ которыхъ половина была съ ружьями, остальные—съ вилами, чекушами и дубинами.

Жители разграбленной и залитой кровью Пензы, только-что избавившіеся отъ злодѣя, съ ужасомъ разсказывали о замученныхъ имъ жертвахъ. Въ городѣ и уѣздѣ, какъ узнала

комиссія, были убиты, повѣшены и утоплены, съ женами и дѣтьми: — графъ Головкинъ, князь Звенигородскій и генералы Пахомовъ и Синягинъ: послѣднему мятежники живому предварительно распороли брюхо.

— Злодѣю, впрочемъ, недолго насильничать, — сказалъ кто-то, въ присутствіи Глѣба: — онъ попалъ наконецъ въ настоящіе силки, очутился среди трехъ «мыслёте»... Михельсонъ наспѣваетъ за нимъ отъ Арзамаса, Меллінъ гонится по его пятамъ отъ Саранска, а Муфель спѣшитъ наперерѣзъ ему изъ Симбирска.

— Куда же, въ такомъ случаѣ, направится, по-вашему, Пугачовъ?—спросилъ Глѣбъ.

— О, далеко теперь не уйдетъ... раздѣлка ему въ Алатырѣ, или въ Краснослободскѣ, не далѣе!

— И въ этомъ вы убѣждены?

— Такъ увѣряютъ лазутчики: и если только новый ходъ злодѣя не маска и онъ какъ-нибудь ниже не прорвется за Волгу,—ему въ самомъ близкомъ времени—капутъ!

«Ниже! а вѣдь тамъ недалеко и Саратовъ! — думалъ, съ замираніемъ сердца, Глѣбъ, — подъ Саратовымъ Горки, а въ нихъ безпомощная, не ожидающая этого нашествія Марія».

Комиссія поспѣшила выѣхать изъ Пензы. Съ трудомъ, а перѣдко и съ оружіемъ въ рукахъ, добывая и мѣняя, въ разоренныхъ и брошенныхъ жителями селахъ, вольныхъ лошадей, она только около половины августа достигла прибрежій Волги, не видя ни шаекъ Пугачова, ни гнавшихся за нимъ военачальниковъ. Въ Петровскѣ ея члены, къ ужасу Глѣба, узнали, что самозванецъ, ускользнувъ отъ погони, уже побывалъ въ Саратовѣ и четыре дня производилъ тамъ всякаго рода неистовства, но узналъ о близости Муфеля и Михельсона и бросился тѣмъ же правымъ берегомъ Волги, еще ниже, къ Камышину.

Мысли Глѣба не покидали Горокъ.

«Марія несомнѣнно успѣла во-время выѣхать изъ Горокъ,— думалъ онъ, —но куда? чуть не всё Поволжье охвачено смутой. Въ Малороссію, въ Ракитное? нѣтъ, туда далеко и опасно... Медвѣдица, Хопёръ и Донъ, по слухамъ, также не надёжны... Скорѣе всего въ Тамбовъ! — утѣшалъ себя Глѣбъ:—тамошній воевода—однокашникъ по корпусу, а по полковой службѣ, сколько помнится, даже кумъ Травкина... У него Сила Ѳомичъ, провожая моихъ, лучше всего могъ

бы ждать болѣе спокойной поры. Да, всего скорѣе въ Тамбовѣ, дастъ Богъ, найду Мари и сына»...

XIX.

Мари съ сыномъ и съ Нинѐтъ Ладыженцовою, въ сопровожденіи Травкина, возвратилась изъ Свиблова, близъ Самары, въ Горки, въ послѣднихъ числахъ іюля. Не заставъ здѣсь Алексѣя и Серафимы, она долго не знала, что̀ ей дѣлать.

Первою ея мыслью было ѣхать къ свекрови въ Ракитное, или въ Москву. Травкинъ и другіе сосѣди совѣтовали ей то же. Но въ окрестностяхъ Саратова, въ то время, все было такъ спокойно, а самозванецъ, отбитый отъ Казани и, по слухамъ, будто бы повернувшій оттуда къ сѣверу, на Чебоксары и Нижній, былъ такъ далеко, что Мари рѣшилась остаться въ Горкахъ, о чемъ извѣстила и свою пріятельницу Шимкову, звавшую ее въ Москву.

— Оно, дѣйствительно, лучше ожидать здѣсь,—согласился наконецъ и Травкинъ: — Алексѣй Андреевичъ не нынче, завтра, возвратится во-свояси: не станетъ же онъ, какъ ни на есть, медлить, подвергая себя и своихъ опасностямъ. Тогда вкупѣ и постановите, какъ и что̀.

Прошло болѣе недѣли. Алексѣй и Серафима въ Горки не возвращались. Мари стала сильно тревожиться.

— Хоть бы вы, Сила Ѳомичъ, почаще навѣдывались въ Саратовъ, — сказала она Травкину: — тамъ у васъ столько знакомыхъ, — аптекарь Амѐнде, астрономъ Лѐвицъ, его помощникъ Иноходцевъ и чиновники. Они видятъ всякихъ людей, знаютъ многое,—особенно у Амѐнде въ аптекѣ, надо полагать, больше всего собирается новостей. Хоть бы къ Лаптеву съѣздили,—онъ тоже знаетъ многое.

— Былъ я, сударыня, и у Лаптева, и у Амѐнде,—отвѣтилъ Травкинъ:—хоть завтра готовъ съѣздить и къ Егору Иванычу Лѐвицу... Всѣ пока говорятъ въ одинъ голосъ: злодѣйскія скопища, по отбытіи отъ Казани, двинулись сперва къ Нижнему, а потомъ повернули къ Окѣ, то-есть къ Москвѣ... Но ихъ туда, безъ сомнѣнія, не допустятъ.

— Разумѣется, не пустятъ, — вмѣшалась въ разговоръ сидѣвшая тутъ же, за работой, Нинѐтъ.

— Да почемъ ты все это знаешь? почему такъ увѣряешь?— раздраженно спросила Мари:—толковали же всѣ, что злодѣя не пустятъ къ Казани, а онъ пришелъ и выжегъ ее! И

куда теперь судьба занесла нашихъ туровцовскихъ, безъ сомнѣнія, успѣвшихъ бѣжать оттуда, развѣ тоже кто скажетъ и вѣрно рѣшитъ? Боже! когда, наконецъ, этого изверга-самозванца схватятъ и за всѣ его звѣрства казнятъ?

— Тебѣ, chère Marie, опять будетъ непріятно, — глядя въ пяльцы и считая иглой канвовыя петли, возразила Нинѣтъ:—но самозванецъ ли онъ еще? и развѣ, повторяю тебѣ, кто-нибудь навѣрное убѣдился хотя бы въ этомъ?

Марія сильно поблѣднѣла. Судорога сжала ей горло.

— Слушай, Нина, — съ усиліемъ проговорила она, бросивъ на столъ свое вязанье: — ты снова признаёшь самозванца!.. Если ты хоть разъ еще, хоть разъ въ моемъ присутствіи, скажешь это... если позволишь себѣ...

— Да помилуй,—не слушая ея и покраснѣвъ до корней волосъ, продолжала, еще ближе склонясь къ пяльцамъ, Ладыженцева: — Пугачова я вовсе не отрицаю,—это было бы глупо и смѣшно! Но развѣ не можетъ, въ числѣ другихъ слуховъ, оказаться вполнѣ вѣрнымъ и тотъ, о которомъ такъ упорно толкуютъ въ народѣ, что въ отрядѣ, который отъ Оренбурга и Урала ведетъ спасенный чудомъ, истинный государь, Петръ Ѳедоровичъ, находится и этотъ его слуга—донской казакъ Пугачовъ?

— Замолчи ты, безумная, замолчи!—крикнула Марія, затыкая себѣ уши:—не терзай меня, безжалостная, пощади!

— Да въ чемъ щадить?—не унималась, блѣднѣя въ свой чередъ и отстраняясь отъ пялецъ, Нинѣтъ: — пойми, наконецъ, и ты, что не могли же всѣ сразу обезумѣть! Я навѣстила, на прошлой недѣлѣ, въ городѣ, дочерей покойнаго знѣшняго коменданта Унгерна; имъ пишутъ изъ Сарепты, что идущій теперь къ Москвѣ государь вовсе и не прячется. Онъ по пути отъ Ижевскихъ заводовъ къ Казани, въ день Петра и Павла, торжественно, при всемъ народѣ, справлялъ именины свои и сына, цесаревича Павла Петровича... А Пугачова тоже всѣ видятъ у него въ отрядѣ и знаютъ... На вылазкахъ изъ крѣпостей этотъ казакъ нападающимъ на него прямо кричитъ, во всеуслышаніе: зачѣмъ ловить Пугачова и назначать тысячи за его голову? вотъ онъ самъ идетъ къ вамъ, съ батюшкой царемъ!.. И если государь, наслѣдникъ великихъ предковъ и царей, какъ увѣряютъ, идетъ къ своей столицѣ, чтобъ занять ее, въ чемъ я, впрочемъ, сомнѣваюсь, — войска у него мало,—то развѣ

кому оттого будетъ хуже? Не одни философы говорятъ, что правленіе средняго, по дарованіямъ, мужчины неизмѣримо выше правленія даже первой по уму женщины... Est-ce que, ma chère, à ton avis, ce n'est pas vrais?

— Ахъ, оставь меня, ради Бога, уйди!—истерически рыдала Марі, стуча руками по столу.

Травкинъ едва успѣвалъ успокоивать и мирить спорщицъ. Однажды онъ явился съ хутора, особенно оживленный и въ духѣ. Марі и Нинѐтъ по обыкновенію сидѣли, за обычными рукодѣльями, въ нижней столовой.

— Радостныя вѣсти,—сказалъ Сила Ѳомичъ, входя и кланяясь: — вся Волга, наконецъ, скоро отпразднуетъ полную побѣду!

— Откуда вы это узнали?—недовѣрчиво спросила Марі, тоже втайнѣ бывшая въ какомъ-то особомъ, радостномъ возбужденіи.

— Мимо Саратова, Марья Родіоновна, вчера, передъ вечеромъ, проплыли двѣ нижегородскихъ расшѝвы,—отвѣтилъ, обмахиваясь платкомъ, Сила Ѳомичъ: — ихъ узнали по постройкѣ и по другимъ примѣтамъ... Онѣ плыли—безъ единой живой души, но на каждой изъ мачтъ и на реяхъ висѣли казненные казаки... Вороньё кружилось надъ этими гекатòмбами! Такъ эти пловучія висѣлицы и прослѣдовали ниже, въ назиданіе прочимъ мятежникамъ.

— Какой ужасъ!—не утерпѣвъ, вскрикнула Нинѐтъ:—и вы, добрый, человѣколюбивый, радуетесь такому варварству?

— Не понимаю,—сказала, не слушая ея, Марі:—гдѣ вы, Сила Ѳомичъ, тутъ видите освобожденіе Волги отъ злодѣевъ?

— А какъ же? — отвѣтилъ Травкинъ: — заѣзжалъ я къ Лаптеву,—онъ говоритъ, расшѝвы свободно плыли отъ самаго Нижняго и никто на всемъ пути ихъ не остановилъ, не посмѣлъ снять съ нихъ страшнаго груза; ну, и выходитъ, что вся Волга оттуда, — какъ же вы этого не видите?—очищена и свободна отъ бунтовщиковъ.

— Да, пожалуй... ваши соображенія, можетъ-быть, и имѣютъ долю основанія,—нѣсколько разсѣянно сказала Марі, очевидно, думавшая, въ это время, о другомъ.

— Боже мой! казни, смуты, кровь и плывущія висѣлицы! ужасъ!—проговорила, вставъ и судорожно двинувъ плечами, Ладыженцева:—да когда же, о Господи, все это кончится?

Подойдя къ окну, она нѣсколько мгновеній постояла тамъ,

молча глядя на Волгу, мирно катившую свои голубыя, тихія воды, и вышла.

Едва шаги Нинѣтъ затихли за дверью, Марй порывисто вскочила со стула, схватила за руку Травкина, увела его въ свою комнату, заперла дверь на ключъ и вынула изъ кармана письмо.

— Сила Ѳомичъ! дорогой нашъ!—произнесла она, какъ-то вся сіяя и обрываясь въ словахъ:—вы тоже не можете не порадоваться, нашъ другъ!.. Ахъ, я никому еще, даже нянѣ и Нинѣтъ, не сказала, да можетъ и вовсе не скажу... а вамъ, вамъ—все...

— Въ чемъ же, милая, голубушка, дѣло? удостойте, сообщите скорѣй.

Марй хотѣла прочесть письмо и опять сжала его въ рукѣ; строки прыгали въ ея глазахъ.

— Надя Шимкова, вы ее знаете, ну, пріятельница моя... пишетъ изъ Москвы,—сегодня я посылала въ Саратовъ,—привезли... ахъ, не могу! не могу!—произнесла, ухватясь за сердце, Марй:—Надя пишетъ, что Глѣбъ Андреевичъ... прямо такъ и написала... Глѣбушка, представьте, возвратясь изъ Петербурга, получилъ командировку сюда, на Волгу, и будетъ, понимаете ли, не нынче, завтра,—не только по близости, но и здѣсь.

— Что же? если Глѣбъ Андреевичъ, дѣйствительно, командированъ въ приволжскія окольности, то кто же помѣшаетъ ему навѣстить и наши мѣста?—удивленно спросилъ Травкинъ.

— Ахъ, вы не понимаете, не все знаете! онъ узналъ отъ Нади и, ужъ разумѣется, ѣдетъ прямо въ Горки, въ Горки! ко мнѣ!—восторженно вскрикнула Марй:—теперь уже не выпущу его, нѣтъ!—какъ бы тамъ и кого бы ни усмиряли, на Волгѣ и за Волгой... Сегодня же стану собираться и, едва явится онъ, прямо отсюда, съ нимъ, съ Васей... и съ вами, не правда ли,—на югъ, въ Ракитное, къ maman! Туда, къ нашимъ вѣрнымъ малороссамъ, не посмѣютъ явиться никакіе Пугачовы!

Сборы Марья Родіоновна кончила очень скоро. Ликующая Сысоевна, взявъ обратно отъ священника отданныя ему на сбереженіе ея главныя похоронки, объявила, что все въ дорогу готово,—ослабѣвшая въ каретѣ шина была перетя-

нута, расковавшаяся пристяжная подкована, и вымыто, выглажено и уложено все барынино и барчуково бѣлье.

Марй поминутно глядѣла въ окна и съ крыльца, не ѣдетъ ли дорогой гость.—«Такъ онъ одумался? раскаялся?—мыслила она, радостно замирая,—да, да! Надя именно пишетъ о его раскаяніи... Онъ, очевидно, самъ ей на это намекнулъ... Не только ѣдетъ, но и раскаялся... милый, милый!»

— А что же, матушка, насчетъ эвтаго самаго злодѣя? гдѣ, слышно, эвтотъ Пугачъ? — спросила какъ-то свою барыню Сысоевна, сидя на сундукѣ съ дѣтскимъ бѣльемъ и опорожняя, въ прикуску, третью чашу чая.

— Брось ты о немъ думать теперь, — отвѣтила Марй:—чего тебѣ болѣе? Глѣбъ Андреевичъ вотъ-вотъ будетъ, мы немедленно выѣдемъ... вѣдь Ракитное родина твоя...

— Да злодѣй-то нонче гдѣ?—не унималась Сысоевна.

— Къ Окѣ загнали всѣхъ, отъ Нижняго; тамъ, вѣроятно, скоро перехватаютъ ихъ всѣхъ.

XX.

Наступило шестое августа. Марй, въ этотъ день, ждала къ обѣду Травкина.—«Будутъ ваши любимыя блюда—борщъ съ уткою и съ ветчиной, пшеничка къ маслу и жареныя перепёлки,—сказала она, приглашая его лично, наканунѣ:—смотрите же, пріѣзжайте ранѣе; можетъ-быть, подъѣдетъ и другой гость».—«Соблазнительно! благодарствую и всенепремѣнно буду, не опоздаю!» — отвѣтилъ, кланяясь, Травкинъ. Ждали, однако, Силу Ѳомича весьма долго. Наступилъ уже и обѣденный часъ; сосѣда не было. Съ хутора пріѣхалъ нарочный, съ запиской. Марй прочла ее вслухъ.

«Извините, дорогая сосѣдушка, — писалъ Травкинъ:—къ вашей трапезѣ сегодня быть не могу: ѣду, съ Борей, наскорахъ, въ Саратовъ; у него сильно разболѣлись зубы, все медъ лакомка ѣлъ и навредилъ себѣ, надо показать его лѣкарю и взять медикаментовъ; да встрѣтилось и другое, неотлагательное дѣло; возвратясь, обо всемъ доложу».

— Зубы у крестника болятъ, вздоръ какой!—съ неудовольствіемъ сказала, выслушавъ записку, проголодавшаяся Нинѐтъ: — изъ-за такого пустяка скакать въ городъ, быть неаккуратнымъ!

«Дѣло неотлагательное! — подумала Марй, — что̀ же это, однако, за дѣло? даромъ Сила Ѳомичъ не поѣдетъ».

Сердце Марй невольно сжалось. Томимая предчувствіемъ

чего-то необъяснимаго и тяжелаго, она вздохнула и, ничего не отвѣтивъ на замѣчаніе Нинѐтъ, велѣла слугѣ подавать обѣдъ. Сѣли на обычныхъ мѣстахъ за столъ: Нинѐтъ—противъ Марѝ, Вася—на высокомъ стульчикѣ, рядомъ съ нею. Сысоевна служила за Васей; слуга приносилъ и уносилъ кушанье и посуду. — «Пустой приборъ! — подумала Марѝ, глядя на приготовленный и неснятый приборъ Травкина,— хорошій знакъ—будетъ дорогой гость».

День былъ солнечный, теплый, по-лѣтнему, и тихій. Въ раскрытыя окна, какъ въ маѣ или іюнѣ, несся запахъ съ цвѣточныхъ клумбъ; влетали и вылетали, съ веселымъ жужжаніемъ, мухи. Марѝ, послѣ прогулки съ Васей въ саду, сидѣла въ легкомъ, бѣломъ капотѣ и въ кисейной косынкѣ на за-просто убранныхъ волосахъ. Ежедневно пудрившая вычурную, высокую прическу, даже въ деревнѣ, Нинѐтъ была въ цвѣтномъ шелковомъ платьѣ, на фижменахъ, и корсетѣ, удлиннявшемъ и безъ того длинную и узкую ея талію. Послѣ борща подали душистую, сваренную къ маслу, молодую пшеничку-кукурузу. Въ вазахъ на столѣ стояли къ дессерту клубника и только-что поспѣвшіе въ оранжереѣ персики. Вася, грызя сочный и сладкій качанъ пшенички, нетерпѣливо поглядывалъ на ягоды и персики. Онъ сильно загорѣлъ и поправился за лѣто. Его черные, какъ у отца, курчавые волосы длинными локонами падали на бѣлый воротникъ пикейной курточки. — «Глѣбъ не нарадуется на него!»—думала Марѝ, любуясь ребенкомъ.

— Что нынче, развѣ праздникъ?—спросила Нинѐтъ, едва удостоивъ погрызть пшенички и чопорно вытирая салфеткой свои тонкіе, съ длинными, тщательно выхоленными ногтями, пальцы, обмоченные сочнымъ качаномъ.

— Что за вопросъ? разумѣется, праздникъ, Преображеніе Спаса, — произнесла Марѝ: — въ церкви была ранняя обѣдня, я ходила.

— А я, по обыкновенію, проспала,—отвѣтила Нинѐтъ:— спросила же оттого, что съ утра не слышно звуковъ топора; у бани, въ саду, эти дни плотники что́-то мастерили.

— Передбанникъ передѣлываютъ,—отвѣтила Сысоевна: — да что, хоть бы господа скорѣе ѣхали; тутъ, какой уже день, все праздники, да гулянье... Атава поспѣла, сѣять пора, а здѣшніе всѣ,—точно очумѣли,— шепчутся, толкутся у кабака. Не только нынче, и вчера весь день — хоть на-

ромъ покати, никого, почитай, не было на работѣ; а какой же вчера хотя былъ праздникъ? мученицы Нònны и только.

— Ты почемъ это знаешь? вотъ выучила календарь!— усмѣхнулась Ладыженцева.

— Кума у меня въ Ракитномъ Нònна, вотъ чтò! — съ неудовольствiемъ отвѣтила Сысоевна: — а что народъ тутъ куда распущенъ, такъ это вѣрно.

— Что же приказчику не доложишь?—продолжала язвить Нинèтъ:—онъ, кажется, не охотникъ баловать работниковъ...

Сысоевна на это только махнула рукой. Убравъ посуду, послѣ пшенички, слуга пошелъ въ кухню за жаренымъ. Сысоевна унесла тарелку барченка. Прошло нѣсколько минутъ. Ни слуга, ни Сысоевна не возвращались. Марì взглянула на часы, въ длинномъ, до потолка, ящикѣ, стоявшiе въ углу столовой. Прошло еще съ четверть часа.

— Что это? — съ досадой сказала Марì: — ужъ не запраздновалъ ли и поваръ?

— Кухня здѣсь не близкiй свѣтъ,— возразила Ладыженцева:—ну, не поспѣли, можетъ-быть, заказанныя тобой перепёлки.

Часы медленно стучали въ стихшей комнатѣ. Съ птичьяго двора и отъ деревни, бывшей за садомъ, доносились веселые крики пѣтуховъ, дравшихъ горло, благодаря длившемуся вёдру и теплу. Въ окно влетѣлъ мохнатый шмель и, гулко пронесясь вокругъ столовой, снова вылетѣлъ въ садъ. Небесная синева, безъ единаго облачка, привѣтливо глядѣла въ окна, черезъ верхи неподвижно стоявшихъ липъ и тополей.

Въ концѣ дома послышались торопливые шаги. По коридору бѣжало чтò-то тяжелое. Въ дверяхъ столовой показалась растерянная, запыхавшаяся Сысоевна. Съ секунду она не могла произнести ни слова и, опершись плечомъ о притолокъ двери, только безсильно разводила руками.

— Спасайтесь, барыня, свѣтикъ! охъ, скорѣе! — выговорила она, наконецъ, бросившись къ столу и схватывая ребенка на руки.

— Чтò ты, няня? опомнись!—вскрикнула Марì.

— Злодѣи! Пугачъ! должно, самъ, за деревней, въ полѣ... съ большой дороги, сказываютъ, ѣдутъ ко двору... да бѣги же, родимая, бѣги!

Марi обомлѣла. Она хотѣла встать и не могла: ноги не слушались ея. Комната, няня съ Васей, Пинётъ, опрометью бросившаяся въ прихожую, все заколыхалось въ ея глазахъ.

— Господи, Господи!—твердила Марi, ища глазами икону и не видя ея:—спаси насъ, Пречистая, угодники!

— Да бѣги же, сударыня! поздно будетъ! — произнесла няня, схвативъ барыню за руку и таща ее, черезъ балконную дверь, въ садъ.

Силы Марi возвратились. Она не отставала отъ няни. Пробѣжавъ главною аллеей, онѣ своротили вправо, къ рощицѣ акацiй, у которой, на скатѣ пригорка, перестраивалась баня. Здѣсь Сысоевна остановилась у груды досокъ, разныхъ обрубковъ и мелкой щепы. Марi дрожала всѣмъ тѣломъ. Испуганный ребенокъ тихо всхлипывалъ на рукахъ няни.

— Ложись, сударыня, сейчасъ ложись!—сказала Сысоевна:—спрячу тебя здѣсь, не найдутъ.

— А Вася?—спросила, ломая руки, Марi.

— Да ложись же, говорю тебѣ! — понизивъ голосъ, сказала няня:—за него и не бойся... Пробѣгу съ нимъ по задворкамъ, къ Маланьѣ коровницѣ, либо къ попу... Остригу его, переодѣну, назовется поповичемъ, что ли... у Маланьи дитё недавно померло,—рубашку, портишки авось добуду ему!

Сысоевна опустила Васю на-земь, уложила Марi у колоды, прикрыла ее обрѣзками досокъ и засыпала щепками.

— Смотри же, матушка, не ворунись! голоса не подавай!—сказала она, нагнувшись къ Марi:—а Васеньку-свѣтика спрячу такъ, что не найдутъ...

Подхвативъ ребенка, старуха пробѣжала за баню, постояла здѣсь, прислушалась и, спустясь съ пригорка, низомъ сада, направилась къ крестьянскимъ дворамъ.

Едва Сысоевна, чуть помня себя отъ волненiя и усталости, растрепанная, съ упавшимъ на спину головнымъ платкомъ, добѣжала до ближайшаго крестьянскаго огорода и уже занесла ногу на перелазъ плетня, въ барскомъ дому послышались крики. Крестясь и шепча молитву, старуха тихо высунула голову изъ-за плетня, глянула и обмерла. Барскiй дворъ былъ полонъ всадниками. Часть ихъ спѣшилась. Одни окружили домъ, другiе бѣжали въ садъ и на выгонъ, къ церкви. Домъ, очевидно, оказался запертымъ. Не попавъ въ двери, нападавшiе били окна и черезъ нихъ лѣзли въ комнаты.

Сысоевна, собравъ силы, перелѣзла черезъ плетень и, творя молитву и прижимая къ груди Васю, грядками огорода бросилась къ крайнему крестьянскому двору. Въ барской усадьбѣ послышался выстрѣлъ. Съ колокольни раздался набатъ...

Сила Ѳомичъ Травкинъ поспѣшилъ, съ Борей, въ Саратовъ, не вслѣдствіе зубной боли крестника и не по своему личному, какъ онъ писалъ, неотложному дѣлу, а потому, что ѣздившій въ городъ, за солью для овецъ, его ключникъ привезъ извѣстіе, что, по слухамъ въ народѣ, среди охраняющихъ городъ гарнизонныхъ солдатъ и волжскихъ казаковъ явилось колебаніе и что горожане, купцы и чиновники стали грузить на барки и лодки свое имущество и тайкомъ бѣгутъ. Травкинъ завернулъ для развѣдокъ къ аптекарю, но не засталъ его дома и заѣхалъ къ Лѳвицу. Отъ прислуги онъ узналъ, что профессоръ вверху, на антресоляхъ, и по витой, деревянной лѣстницѣ, прошелъ туда. Худой и высокій, безъ парика и въ очкахъ, лысый астрономъ сидѣлъ у раскрытаго окна, глядя въ зрительную трубу. Увидѣвъ Травкина, онъ ласково протянулъ ему руку и указалъ возлѣ себя стулъ.

— Все ли у васъ, Егоръ Иванычъ, благополучно?—спросилъ Сила Ѳомичъ.

— О, вполнѣ. Ссорятся только, по обычаю, начальники.

— Кто такой?

— Комендантъ и присланный уфъ городъ изъ гвардіи поручикъ Державинъ.

— Но какъ же это? — удивился, самъ бывшій въ военной службѣ, Сила Ѳомичъ:—комендантъ—полковникъ; развѣ поручикъ, хотя бы и гвардеецъ, можетъ не покоряться ему? это предосудительно, противно дисциплинѣ.

— И я то же говорю, — сказалъ Лѳвицъ: — но это ужъ русски характеръ: одинъ трактуетъ за дизлокаціонъ войска за городъ, навстрѣчу врага,—если бы тотъ объявился; другой кричитъ — насыпай земляной валъ, впередъ города, до Волги. А какой тутъ валъ, когда округъ города — высоки горъ и съ нихъ легко все разрушайтъ и сжигайтъ... Aber, Gott sei Dank, все то уладится!

Травкинъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Ваши добри сосѣдъ Дугановъ што не возратились изъ вояжъ?—спросилъ Лòвицъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ, вздохнувъ, Травкинъ: — и это просто непостижимо! я сильно, сильно сомнѣваюсь на ихъ счетъ... въ такія попали мѣста!..

— О, зачѣмъ такъ думайтъ? — сказалъ Лòвицъ, раскуривъ трубку и предлагая ее гостю.

— Благодарю,—отозвался Травкинъ.

— Вы въ городъ до вечеръ?—спросилъ Лòвицъ.

— Нѣтъ-съ, ѣду сейчасъ; нельзя, знаете... родственница Дугановыхъ, молодая, милая барыня, — вы ее видѣли, — гоститъ въ ихъ имѣніи, безъ нихъ, и очень безпокоится,— я далъ слово поспѣшить.

— А жаль! ночью это, это... такой видъ на атмосферъ!.. Ваши Дугановъ думали, на обратный путь, взглянуть на кольца Сатурнъ... Теперь этотъ планетъ уфъ лучшемъ видъ... ну, вотъ, какъ серебряне поясòчки округъ голубой шаръ! Оставайтесь, увидите. Когда я были уфъ Гурьевъ и па Венера глядѣлъ...

— Благодарю, не до того теперь, — отвѣтилъ, вставъ и кланяясь, Сила Ѳомичъ.

Провожаемый хозяиномъ, онъ въ раздумьѣ спустился и вышелъ на крыльцо.

XXI.

— Папа, — сказалъ Боря, встревоженно глядя на крёстнаго:—тутъ проскакалъ какой-то верховой и крикнулъ лавочникамъ, Пугачовъ будто бы невдали отъ города...

— Что ты, что ты! — замахалъ, въ ужасѣ, руками на крестника Травкинъ:—опомнись! что̀ ты говоришь!

— Ей-Богу, такъ онъ и объявилъ,—настаивалъ, Боря: — къ Соколовой горѣ, говоритъ, движутся, видны и пушки...

Сила Ѳомичъ взглянулъ на Лòвица, потомъ на улицу. Два сосѣднихъ торговца, булочникъ и гончаръ, торопливо запирали лавки. Лòвицъ отвелъ Травкина въ сѣни.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ, взявъ гостя за руку: — уфъ мой зрительный труба все видно, какъ на ладонь.

Лòвицъ и Травкинъ снова поднялись на антресоли. Астрономъ передвинулъ на подставкѣ трубу, навелъ ее ниже, за городъ, уставилъ стекло къ Волгѣ и развелъ руками.

— Глядѣлъ на атмосферъ, подъ свой носъ не видалъ!— растерянно сказалъ онъ, вставая.

Травкинъ присѣлъ къ трубѣ, взглянулъ въ ея стекло и отшатнулся.—Онъ увидѣлъ нѣчто ужасающее.

Къ окраинамъ города, по московской дорогѣ, надвигалась какая-то лавина. Обширный, конный и пѣшій отрядъ виднѣлся сквозь клубы пыли. Одна его часть тянулась къ Соколовой горѣ, другая близилась прямо къ городу и его предмѣстьямъ. Съ городского вала, по выгону, взвивались разрозненные дымки ружейныхъ выстрѣловъ.

— Не слышно, а видно,—это палятъ отъ города,—сказалъ Травкинъ, наклоняясь къ трубѣ: — ишь, выпалили и идутъ впередъ! благодарить Бога, — нашихъ хоть мало, а кажется, стойко и смѣло стремятся на врага.

Лòвицъ нагнулся къ трубѣ.

— Nein... sie werfen ihre Waffen fort!—произнесъ онъ, всматриваясь въ стекло: —бросятъ свой оружіе... sie übergeben sich... передаютъ себя, бѣгутъ... о, die Verräther! прямо къ злодѣю.

— Прощайте,—сказалъ Травкинъ, бросаясь къ лѣстницѣ.

Онъ быстро спустился внизъ. Лòвицъ догналъ его въ прихожей.

— Послушайте, секундъ одинъ!—вскрикнулъ онъ, остановивъ гостя:—скажите,—вы умный человѣкъ,—что̀ вы намѣренъ дѣлать?

— Я? — удивился Травкинъ: — разумѣется, бѣжать!.. Не будь одна особа, давно не былъ бы здѣсь... а вы?

— О, кто бы ни оказался этотъ проблематичный человѣкъ — Пугачовъ, обманщикъ или царь, — произнесъ Лòвицъ, поднявъ на лобъ очки: — онъ, дѣлая таки умны походы, аттакъ, оцѣнитъ мирна, учёна заслугъ... Надо ему рѣчь о Волга и Донъ...

Травкинъ сбѣжалъ съ крыльца, вскочилъ на таратайку и, молча поклонясь профессору, погналъ савраску вскачь. Къ торговой площади, мимо которой онъ взялъ въ сторону, изъ сосѣднихъ улицъ и переулковъ бѣжалъ народъ. Какой-то купецъ, стоя на телѣгѣ, среди толпы, покрывавшей площадь, что̀-то говорилъ, размахивая руками. Сила Ѳомичъ узналъ въ немъ кума своего, богатаго краснорядца.—«Ура, батюшкѣ-царю! къ нему!» — кричала толпа, не слушая краснорядца.

Мелкіе торговцы уносили съ перекрестковъ лотки съ товарами; купцы запирали лавки. Изъ дворовъ, протискиваясь

между прохожими, выѣзжали нагруженные разнымъ хламомъ возы. Нѣсколько колымагъ и колясокъ, минуя главныя улицы, неслись за городъ.

У опустѣлаго комендантскаго двора Травкинъ увидѣлъ часть гарнизонныхъ солдатъ, и передъ ними нѣсколько офицеровъ и самого коменданта. Растерянный, на себя не похожій, полковникъ Бошнякъ, пряча за лацканъ разстегнутаго мундира скомканное батальонное знамя, оторванное отъ древка, ударялъ себя въ грудь и говорилъ, со слезами, что-то трогательное и возвышенное остатку вѣрнаго гарнизона.

— Вотъ, вотъ герой! надѣется пробиться, съ горстью храбрыхъ!—сказалъ крестнику, смигивая слезы, Травкинъ:—такъ и надо, и надо... Не хочетъ отдавать злодѣямъ войсковой святыни.

— А мы пробьемся?—спросилъ Боря.

— Мужайся, Борисъ! Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ!—отвѣтилъ Сила Ѳомичъ:—да держись, гляди, крѣпче, не выпади на толчкѣ.

Савраска неслась изъ всѣхъ силъ. Травкинъ миновалъ послѣдній переулокъ. Потянулись огороды, за ними монастырская роща; за рощей стало видно послѣднее подгородное зданіе—обширный казенный винный заводъ, и рядомъ съ нимъ—купеческій, канатный.

Едва таратайка въѣхала въ рощу, нѣсколько рабочихъ, шедшихъ съ канатнаго завода, преградили ей дорогу.

— Стой, кто ѣдетъ? — спросили рабочіе, окруживъ таратайку.

— Да вы же здѣшніе, заводскіе! неужели не знаете меня?.. что вамъ надо?—удивился Травкинъ.

— Здѣшніе-то, правда, да не прежніе! — отвѣтили рабочіе:—были царицыны, нынѣ опять царёвы! Ну-ка, вставай, баринъ, да вертай.

Травкинъ ударилъ по савраскѣ. Конь двинулся-было, но его осадили.

— Вязать ихъ, братцы!—крикнули канатчики.

— На что? одинъ старъ, другой дитя, вези и такъ!

Нѣсколько рабочихъ сѣли на облучокъ таратайки и повезли плѣнниковъ обратно въ городъ.

— Да куда же вы? нехристи вы, что ли? — спрашивалъ Сила Ѳомичъ канатчиковъ.

— Ладно! вашего брата велѣно представлять, вышелъ указъ... тамъ разберутъ!

Таратайка въѣхала въ улицу. Мятежники, тѣмъ временемъ уже ворвались въ городъ. Разбивъ въ предмѣстьяхъ нѣсколько постоялыхъ дворовъ и кабаковъ, они перепились и буйными шайками рыскали по улицамъ и площадямъ, грабя лавки, дома и церкви и убивая тѣхъ, кто пытался защищать свое добро. Надвинулась туча, поднялся сильный вѣтеръ. Улицы покрылись тучами пыли, заслонившей дома и заборы. Канатчики, задержавшіе Травкина, едва пробираясь въ пыли и, то и дѣло, наталкиваясь на слѣды грабежа и крови, сами струсили. Они хотѣли уже оставить плѣнныхъ, но потомъ разсудили, не досталось бы имъ, скажутъ еще, что они выпустили господъ за выкупъ.

— Гдѣ батюшка-царь? — спросили они, на перекресткѣ, яицкаго казака, тащившаго на спинѣ изъ лавки огромнаго вяленаго осетра:—куда везти господъ?

— Царь далече; на зимовникѣ Килимова,—отвѣтилъ казакъ:—время не пришло, еще не жалуетъ въ городъ; везите въ лагерь, тамъ скажутъ!

— А гдѣ, милостивый, будетъ это?

— Подъ лѣсомъ, у Алтынной горы,

— Не опасно?

— Вези, коли говорятъ.

Канатчики доставили плѣнниковъ къ Алтынной горѣ. Здѣсь, у юго-западной части города, наскоро располагался, въ это время, подъ начальствомъ Творогова, главный, пѣшій лагерь самозванца, изъ разнаго сброда, вооруженнаго вилами, чекушами, косами и просто дубинами. Лагерь однимъ концомъ упирался въ покрытую лѣсомъ Алтынную гору, другимъ подходилъ къ городскому выгону. На гору мятежники втащили нѣсколько пушекъ и открыли-было изъ нихъ пальбу по городу; но ядра туда не долетали, да и городъ, узнавъ объ измѣнѣ гарнизона, сдался, и пушки, бывшія подъ вѣдѣніемъ Чумакова, замолкли. Въ лагерь тащили съ захваченныхъ на Волгѣ судовъ рыбу, соль, муку и другіе припасы; у горы и по выгону рыли землянки, ставили старшинамъ палатки и разводили костры.

Пугачовъ, съ хромоногимъ своимъ фельдмаршаломъ, Овчинниковымъ, въ это время, съ хутора колониста Килимова, заправлялъ коннымъ отрядомъ. Мелкія шайки верхо-

выхъ, ворвавшись въ городъ, грабили его; болѣе крупныя, разсыпавшись по подгороднимъ окраинамъ, доскакивали до ближнихъ помѣщичьихъ селъ и хуторовъ. Казаки, опустошая барскія усадьбы, убивали или увозили съ собой ихъ владѣльцевъ, приказчиковъ и домочадцевъ.

Травкина и его крестника канатчики подвезли къ наскоро установленнымъ на взгорьѣ, не вдали другъ отъ друга, палаткамъ есауловъ Идорки и Баранки. Здѣсь, въ обозѣ, подъ стражей, уже были и другіе, захваченные въ плѣнъ, — дворяне, чиновники, купцы, нѣсколько причетниковъ и священникъ изъ подгородной слободки, знакомый Травкину. Новыхъ плѣнныхъ приняли и помѣстили среди остальныхъ, безмолвно сидѣвшихъ на землѣ, передъ палатками, у телѣгъ обоза. Ихъ еще не допрашивали. Идорка и Баранка, съ прочими изъ старшихъ, слѣдя съ пригорка за устройствомъ лагеря, закусывали у одной изъ палатокъ. Передъ ними, на разостланной попонѣ, лежали краюхи добытаго въ предмѣстьѣ хлѣба, захваченная у пристани вяленая бѣлорыбица, свѣжая икра и осетровые балыки. Тутъ же стояли раскупоренные ящики съ виномъ. Одинъ уже былъ опорожненъ, къ другому только-что приступили.

Хмель уже замѣтно охватывалъ трапезующихъ. Вѣтеръ сталъ стихать. Отъ палатки неслись веселые возгласы и громкій смѣхъ. Раздавалось трѐнканье балалайки, визгъ чибузги, а кто-то подъ носъ затягивалъ пѣсню.

— Стой, братцы! — сказалъ, покачиваясь, Идорка, остановивъ музыку и глядя на стражу, охранявшую плѣнныхъ: — что морить на жарѣ царскихъ слугъ? порѣшить сперва продово сѣмя, господъ, а стражу отпустить.

— Да погоди, чортъ, успѣешь! — остановилъ его Баранка.

— Нѣтъ, такъ хочу. нельзя! — не унимался Идорка.

— Сядь, говорятъ тебѣ, ямань! оставь ихъ и пей! — возразилъ не менѣе хмельной Баранка.

— Какъ? эвту сволочь? что ты, бачка! опомнись! дьяволовыхъ шишигъ жаль? — спросилъ, приподнимаясь и отталкивая удерживавшихъ его станичниковъ, пьяный Идорка: — да кто же мнѣ помѣшаетъ?

— Я! — отвѣтилъ, блѣднѣя, Баранка: — и не совѣтую тебѣ! чтобъ моя не знала, слышь, и не видала! сунься, еще вдарю!

— Да какъ смѣешь? ты кто тутъ!

— А ты?

— Нѣтъ, ты кто?—настаивалъ Идорка.

— Начальникъ антилеріи, фильцыгмейстеръ, во кто! — отвѣтилъ Баранка.

— Ахъ ты фильцыгъ, пёсъ! право слово, пёсъ! и пушки твои ни къ дьяволу тутъ! а я енеральнаго, значитъ, штапу, царскій охранникъ и надъ всѣми судья... ну, и сужу.

— Не смѣешь, собачье рыло!—огрызнулся Баранка.

— А вотъ увидишь, колъ те въ ротъ, — проговорилъ, весь красный и въ поту, Идорка:—Стрёпетовъ, Шульга!— крикнулъ онъ кухарямъ, сорвавшись съ мѣста: — ходи, бачка, сюда!

Два здоровенныхъ кухаря, снявъ шапки, подошли къ татарину.

XXII.

Опѣшенный отпоромъ царскаго любимца, худого и изуродованнаго оспой Идорки, приземистый, съ рваными ноздрями, Баранка только плюнулъ и отвернулся.

— Это оврагъ?—спросилъ кухарей Идорка, указывая на глубокую и узкую водороину, за палаткой.

— Оврагъ.

— А то вонъ мачта, или брусъ? — указалъ Идорка на длинное сосновое бревно, лежавшее, съ другими брусьями, у водороины.

— Мачта.

— Волоки ее, мости поперекъ прорвы.

Кухари перекинули бревно черезъ оврагъ.

— Давай, душа-человѣкъ, веревокъ.

Веревки были принесены.

— Да брось ты, Махметъ Салтановичъ, — уговаривали Идорку товарищи: — ну, самъ батюшка пріѣдетъ, онъ и рѣшитъ.

— Безъ него разсудимъ! веди брюхомоӧровъ, псовъ! — крикнулъ, разстёгивая залитый виномъ, алый бешметъ, Идорка:—на висюлю ихъ, вяжи шайтановъ!

Онъ опять сѣлъ на земь. Кухари подвели плѣнныхъ къ палаткѣ. Впереди ихъ былъ высокій и полный подгородній священникъ.

— А, отецъ честной!—приподнявъ слегка шапку, усмѣхнулся попу потускнѣлыми отъ хмеля глазами Идорка: —

не хотѣлъ честью выйти, съ хоругвями и крестомъ? наше вамъ-съ!

Священникъ молча пощипывалъ свою бороду.

— А вы, кровопійцы, щеголи-дворянчики! вы что теперь? — продолжалъ, глядя на понурыя лица плѣнныхъ, Идорка: — не покаялись? трусите, скаредные ярыжки, чинушки, да и ты, пузанъ торговецъ,—кто ты?

— Миколаевъ, сударь, — отвѣтилъ, кланяясь въ поясъ, купецъ.

— А еще стриженъ, ай-ай! въ скобку и въ бородѣ! что, живодёры? хо-хо! жаль было свово добра? На царя-то, собачьи дѣти, да на такого-то, сказать, добраго, на монарха?

Идорка смолкъ, искоса поглядывая на растерянныя, блѣдныя лица плѣнныхъ.

— Стрѣпетовъ, Шульга! — крикнулъ онъ: — ну-ка, бачка, народу еще сюда! вяжи имъ, каторжнымъ, петли, да съ колоды-то, съ висюли, по одному, и спускай собачье племя въ прорву...

Кухари, подозвавъ стражу, приблизились къ купцу и стали вязать ему руки.—«Боже милостивый, Боже правый! — шепталъ побѣлѣвшими губами Травкинъ, прижимая къ себѣ дрожавшаго отъ страха Борю, — вразуми ихъ, нехристей, укроти ихъ злобу и ярость къ неповинньмъ... защити, о, Господи, защити!»

Баранка сидѣлъ, покачиваясь и налитыми кровью глазами глядя въ землю.—«Молчитъ, пёсья харя,—думалъ о немъ Идорка, слѣдившій, какъ кухари вязали руки купцу;—смирился, небось! не на того наскочилъ!» — Въ лагерѣ, между обозомъ, въ это мгновеніе, гдѣ-то снова тиликнула балалайка. За нею зазвенѣли бубны. Тихіе, веселые звуки странно прозвучали среди омраченныхъ предстоящею казнью лицъ.

— Стой, Махметъ! — сказалъ вдругъ Баранка Идоркѣ: — что такъ-то, задаромъ, рѣшать хоть бы этихъ псовъ? Повеселили бы малость ребятъ... поплясали бы, что ли? Есть, чай, между ними и плясуны?

Не ожидавшій такой выходки, Идорка подумалъ и усмѣхнулся. Разсмѣялись и остальные изъ станичниковъ.

— Да ты не наперекоръ только? — спросилъ Идорка, опомнясь и недовѣрчиво косясь на товарища.

— Убей Богъ! — отвѣтилъ Баранка: — висюли одно, а пляска другое.

— Ну, и ладно!—рѣшилъ Идорка:—врёшь ты, али нѣтъ, а придумалъ ловко... Якши, ребята, брось ихъ! Ну-ка, честный отче,—сказалъ онъ священнику:—начинай первый хоть ты.

Священникъ вздрогнулъ.

— Пощади! вы тоже, Божьи чада, одумайтесь!—проговорилъ онъ, едва ворочая пересохшимъ отъ страха, путающимся языкомъ:—за что̀ такое надругательство? Вы иной вѣры, ваша здѣсь власть,—таково попущеніе Господне!.. Но по что такая издѣвка? слугамъ ли алтаря, подумайте, въ скоморохи идти, васъ веселить? на то есть иные, хоть бы оный изъ малыхъ сихъ,—указалъ онъ на Борю.

Идорка и Баранка опять заспорили, кому изъ плѣнныхъ начинать плясъ. Они кричали, скрежетали зубами, ворочая бѣлками и бросая шапки объ земь.—«Я заводчикъ тутъ всему!—кричалъ Идорка.—«Нѣтъ, я! моя придумала, а не ты!»—не спускалъ ему Баранка.

— Какъ вамъ, отецъ Игнатій, не грѣшно?—укоризненно шепнулъ Травкинъ священнику:—и что̀ вы вздумали? ужли вамъ не жаль отрока, не жаль, наконецъ, меня, старика?

— Да полно-те, ничего!—отвѣтилъ священникъ:—нешто я спроста? вѣдь не разъ бывалъ въ Горкахъ, видѣлъ, какъ предивно пляшетъ вашъ-отъ соколо̀къ.

— А какъ смѣшается, оборвется?

— Не оборвется,—шепталъ священникъ, не спуская глазъ съ татаръ.

Спорщики смолкли. Идорка взялъ съ земли начатый бурдюгъ вина, потянулъ изъ него, отдохнулъ, еще выпилъ и утерся полой бешмета.

— Такъ-то,—сказалъ онъ Баранкѣ:—прячь морду, не тебѣ тутъ командовать! зови, Стрѐпетовъ, музыку сюда, пусть баранчу̀къ попляшетъ.

Явились три балалайки, чибузга̀ и нѣсколько бубенъ. Музыка заиграла трепака.

— Иди, да иди же, Бо̀ричка!—вполголоса уговаривалъ Травкинъ племянника:—ну, что̀ тебѣ? ободрись, потѣшь ихъ... Не намъ, тебѣ, можетъ-быть, будетъ лучше.

Боря не помнилъ, гдѣ онъ и что̀ съ нимъ. Его ноги подкашивались. Слезы катились по лицу.

— Да выступай же, псёнокъ! что стоишь, какъ пень?—

крикнулъ недовольный медленностью мальчика, Идорка:— или, твое благородіе, не уважишь приказа?

Боря медленно выступилъ изъ среды плѣнныхъ и покачнулся; но, взглянувъ на крёстнаго, онъ опомнился, оправилъ на себѣ одежду и, взявшись подъ бока, плавно, подъ звуки музыки, присѣдая и опять выпрямляясь, пошелъ вкругъ площадки. Казаки впились въ него глазами. Сила Ѳомичъ крестилъ издали Борю. Священникъ тихо шепталъ молитву.

Мальчикъ оживился. Молніей промелькнулъ, въ этотъ мигъ, въ его мысляхъ тихій, лѣтній день въ Горкахъ, проводы Дугáновыхъ въ Казань, и какъ онъ, подъ игру крёстнаго на віолончели, танцовалъ «Варварушку».—«Варварушка, сударушка, не гнѣвайся на меня».—вспоминалъ Боря и, какъ тогда, вдругъ остановился и махнулъ рукой. Еще мигъ. онъ хлопнулъ ногой объ ногу, припрыгнулъ и началъ плясать, но ослабѣвшія отъ страха ноги не выдержали, онъ споткнулся и упалъ, залившись слезами. Толпа громко захохотала. Мальчикъ опомнился. Отирая слезы, онъ вскочилъ, съ разгорѣвшимся лицомъ, снова выпрямился, пустился въ плясъ и такъ разошелся, вертясь по площадкѣ юлой, присѣдая и вскидывая ноги и руки, что только пятки его мелькали.

— Молодцá, молодцà!—кричали, подъ звонъ и гулъ музыки, казаки:—ну-ка, вертунъ, еще! такъ-то! жарь, жарь...

Старшіе, слѣдя за Борей, тоже стали притопывать на мѣстѣ и качаться, а младшіе сорвались и сами пустились въ плясъ.

— Вотъ такъ лихо! жги, вали!—раздался громкій и властный голосъ надъ толпой.

Музыка мгновенно стихла. Всѣ оглянулись. На обрызганномъ пѣной, тяжело дышавшемъ конѣ, сидѣлъ подскакавшій главный начальникъ лагеря, Иванко Творогòвъ. Красный и потный, онъ былъ весь въ пыли. Боря остановился, испуганно разсматривая подъѣхавшаго казака, передъ которымъ прочіе, даже Идорка и Баранка, почтительно и молча сняли шапки. Плѣнные подумали, что передъ ними былъ самъ Пугачовъ.

— Чтò, соколы. тѣшитесь?—спросилъ Иванко.

— Тѣшутся ребята,—отвѣтилъ, кланяясь, Баранка:—съ снаралъ-фильцигместромъ поспорили.

— О чемъ?

— Насчетъ, то-есть, энтихъ самыхъ господъ,—произнесъ Идорка, также кланяясь и указывая на плѣнныхъ.

— Ну, а какі-такі были ваши споры?

— Я говорю,—отвѣтилъ Идорка:—надо ихъ, псовыхъ дѣтей, на рѣли, а Гирей говоритъ, поплясать бы ихъ сперва заставить, повеселить ребятъ... не отслужилъ ли бы кто за грѣхи?

— Ну, и что-жъ, старались?—усмѣхнулся Творого̀въ.

— Преусердно, Иванъ Александровичъ! Не хочешь ли винца?

— Кто же первый? не попъ ли?—спросилъ Творого̀въ, прикладываясь къ поданному бурдюгу̀ и глядя на священника.

— Нѣтъ, пока избавили попа, мальчёнокъ эвтотъ самый постарался,—указалъ Идорка на Борю:—усердствовалъ, то-есть, вотъ какъ...

— Видѣлъ, видѣлъ! отслужилъ, выходитъ, за всѣхъ!—произнесъ Творого̀въ, отдыхая и опять жадно припадая къ бурдюгу̀ съ виномъ.

Ивашкѣ вспомнился его собственный путь отъ Урала до Казани и оттуда на Осу, Курмышъ, Саранскъ и Пензу. Рѣкой огня и крови пронесся онъ, съ Пугачовымъ, по этимъ городамъ.—«Сколько повѣшено, побито дубьёмъ и пострѣляно!—думалъ красавецъ-Ивашко, глядя на новыя жертвы казней, во имя новоявленнаго государя:—и за дѣло вѣдь всѣ удавлены и побиты!.. Не покорялись, не признавали царя!.. Саратовъ сдался безъ боя; знакъ хорошій... Гонятся за нами генералы; а тутъ, видно, ничего не подѣлаютъ. Богатства и всякихъ припасовъ тутъ безъ числа. Нагрузимъ барки, спустимся Волгой въ Астрахань, оттуда въ Каспій, ищи тогда вѣтра въ полѣ... А выше меня, у его величества, нѣтъ никого!»

«Да,—мыслилъ въ то же время Травкинъ, чувствуя, какъ его сердце билось шибко, замирая и падая куда-то безъ слѣда;—вотъ онъ, во-очію, бунтъ низкой черни, стихійный, загадочный и безобразный... Былъ на Божьемъ свѣтѣ Травкинъ, росла былинка, и мигомъ ихъ не станетъ... Рѣшайте, философы,—Юмъ, Аристотель и Кантъ,—что̀ это? все вмѣстѣ и рядомъ, музыка и висѣлицы, смѣхъ и истязанія, пляска и смерть...»

— Ну, коли потѣшилъ паренёкъ молодцовъ, отслужилъ, такъ тому видно и быть!—сказалъ Творого̀въ:—разные, дѣ-

тушки, у нашего царя подданные и разная отъ нихъ служба... Чтò до меня, именемъ его, всѣхъ задержанныхъ хоть бы и отпустить! а ты, Махметъ, и ты, Гирей, за мной!—прибавилъ Ивашко, повернувъ коня:—государя въ городъ просятъ, къ сдачѣ и къ присягѣ... не мало у него тамъ важныхъ дѣловъ... одной казны захвачено двадцать пять тысячъ...

Старшины сѣли на коней.

— Чтò же, одначе, съ плѣнными?—спросилъ, глядя на Баранку, Идорка.

— Да сказано, вѣдь, отслужили, ну, и ладно, пока; всѣхъ полагалъ бы ослобонить! пусть явятся къ батюшкѣ-царю... авось и его величество помилуетъ и вовсе проститъ.

Плѣнные бросились другъ къ другу въ объятія. Боря припалъ со слезами къ крёстному. Священникъ, усиливаясь сказать товарищамъ чтò-то трогательное и сердечное, только молча шевелилъ губами и бровями. Травкинъ, растерянно обнимая и цѣлуя плакавшаго крестника, самъ тихо всхлипывалъ, недоумѣвая въ испугѣ, дѣйствительно ли миновалъ ихъ страшный, занесённый надъ ними, ударъ?

XXIII.

Спрятанная подъ грудой щепокъ, возлѣ бани въ саду, Марья Родіоновна Дугáнова лежала здѣсь долго, ежеминутно ожидая, что злодѣи, разсыпавшись по саду, могутъ отыскать ее и убить. Она въ ужасѣ слышала неистовые крики у дома, гдѣ, какъ она была убѣждена, разбойники навѣрное захватили всю прислугу и неуспѣвшую спрятаться Пинéтъ. Относительно сына Марй всячески старалась успокоить себя. Преданная и такъ любившая Васю Сысоевна, безъ всякаго сомнѣнія, успѣла спрятать его у надежной крестьянки, на деревнѣ, или у священника. Крики то смолкали, то снова усиливались возлѣ дома, во дворѣ. Вскорѣ они послышались и въ саду. Нѣсколько человѣкъ пробѣжало къ оранжереямъ, гдѣ раздался звонъ разбиваемыхъ стеколъ; другіе шныряли по аллеямъ и въ нижнемъ саду, у рѣки. Послышались, наконецъ, голоса и невдали отъ бани.—«Откроютъ, найдутъ!»—думала, замирая, Марй, до слуха которой доносились звуки шаговъ, шелестѣвшихъ по щепкамъ и высохшей травѣ.—«Ушла, хвостатая, ушла!» говорили шедшіе снизу, мимо колодъ и бревенъ, между которыми лежала Марй. «Да ты лучше гляди... почемъ знать? можетъ, она тутъ еще, въ

банѣ...»—«Лазилъ, Микишка,—пуста».—«Ну, такъ въ рощѣ, либо въ саду. За мной, братцы!»—«Полно, ребята... у берега, сказываютъ, лодка была,—нонѣ нѣту-ти. Уплыла, должно, съ попомъ!»—«Это меня ищутъ, меня!»—въ ужасѣ думала Мари̇, усердно шепча молитву и боясь шевельнуться подъ своимъ прикрытіемъ:—«Господи, не дай въ обиду, защити!»

Голоса и крики мало-по-малу стихли. Не зная, длился ли еще день, или насталъ вечеръ, Мари̇ слегка двинула окоченѣвшими членами; доски подвинулись, щепки шевельнулись, но изъ-подъ ихъ груды трудно было что-либо разглядѣть.—«Боже правый и милостивый,—молилась Мари̇:—пусть погибну я, пусть мнѣ не жить, но спаси и охрани Твоею десницей неповиннаго ребенка!»—Мари̇ вспомнились дни въ Ракитномъ, рожденіе сына, пріѣздъ туда мужа, жизнь въ Москвѣ, разрывъ съ мужемъ и поѣздка съ дитятею за Волгу.—«Но Глѣбъ, Глѣбъ,—говорила она себѣ:—онъ долженъ былъ уже выѣхать сюда... навѣрное, послано войско, онъ находится при немъ».—Мари̇ почудился запахъ дыма. Все еще боясь приподняться, она сквозь щепы завидѣла странный какой-то, какъ бы яркокрасный, отблескъ.—«Вечеръ, догораетъ заря!»—подумала она и невольно вздрогнула. Ей послышался трескъ чего-то горѣвшаго. Она быстро раздвинула щепки и приподнялась отъ колоды.

На дворѣ давно была ночь. Зарево пожара освѣщало деревню, дворъ и, изъ-за темнаго, опустѣлаго дома, ближнюю часть сада. На площади, за усадьбой, полыха̀ла, догорая, сельская деревянная церковь, подожженная грабителями. Никто не спасалъ ее. Площадь и улица передъ церковью были пусты.—«Что это? неужели всѣ бросили село?—подумала Мари̇,—или не спасаютъ святыню потому, что сами въ большинствѣ раско̀льники?»

Она гущиной деревьевъ направилась къ рощѣ, откуда ближе была видна деревня.—«Не можетъ быть, чтобъ всѣ ушли до одного,—разсуждала Мари̇,—кого-нибудь увижу изъ крестьянъ и умолю спасти меня».—Не успѣла она приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ когда-то старикъ Корней и его жена, бывшая птичница, Дарья, зарывали подъ кустами свою худобишку, въ сторонѣ послышался шелестъ шаговъ. Мари̇ въ отблескѣ пожара узнала Дарью и, выйдя къ ней, тихо окликнула ее. Старуха такъ испугалась, что нѣсколько секундъ не могла выговорить ни слова.

— Дарья, голубушка, неужели ты не узнала меня?— спросила её Марй.

— Съ нами крестная сила! вотъ напугала, матушка!— отвѣтила Дарья:—а мы ужъ не ждали!.. какъ помиловалъ Господь?

— Сынъ мой Вася, Васюта гдѣ?—спросила Марй, схвативъ Дарью за руки и теребя её.

— Нешто, родимая, онъ оставался здѣсь? мы и не знали.

— При мнѣ Сысоевна унесла его на село.

— Нѣту-ти у насъ, матушка, ни его, ни ея... Мужики поднялись и ушли за царевымъ войскомъ въ городъ, взяли и Корнея, и другихъ стариковъ, о твоемъ же дитяткѣ и слыхомъ не слыхать.

Марй не помнила себя отъ горя.

— Слушай, Дарьюшка,—сказала она:—иди на село, молю тебя,—разспроси у тѣхъ, кто остался, гдѣ няня и гдѣ мой сынъ, дай мнѣ знать, я тебя здѣсь подожду.

— Охъ, матушка, боязно, не узнали бы... еще убьютъ.

— Ты, Дарья, здѣсь, весною, спрятала свое добро; скажи, вѣдь тебѣ было бы жаль, если бы его нашли и ограбили... ну, а я прошу о сынѣ, единственномъ моемъ дитяти,— сказала, плача, Марй.

— Оно, родимая, такъ, что и говорить,—отвѣтила, въ раздумьѣ, Дарья:—да я насчетъ тебя... какъ-бы, то-есть, черезъ меня, глупую, не нашли бы здѣсь и тебя?

— Что же, Дарья, чему быть, того не миновать; сходи, голубушка, узнай, и если няня съ ребенкомъ еще здѣсь, нельзя ли какъ-нибудь увезти насъ отсюда?

— Да ты-то, родимая, какъ спаслась?—сросила, глядя на неё, Дарья.

Марй разсказала о происшедшемъ съ нею. Слушая ее, старуха только крестилась.

— А барышня... Нина Александровна гдѣ?—спросила Марй:—вѣдь она-то именно осталась въ домѣ, не успѣла уйти.

— Никто, сударыня, не знаетъ, что̀ съ нею и гдѣ она. Злодѣи пытали прислугу и насъ, грозили живьемъ въ землю зарыть,—да коли мы не свѣдомы, что же было и говорить?

— Ну, иди, милая, иди!

Дарья молча вышла изъ-за деревьевъ на поляну, осмотрѣлась вокругъ и, сказавъ Марй: «жди, сударыня, что̀ смогу, постараюсь»,—направилась, въ обходъ дома, на деревню.

Марй присѣла подъ деревомъ. Брошенное жителями село молчало во мракѣ, надъ Волгой. Изрѣдка, у опустѣлыхъ дворовъ, раздавался только лай собакъ. Освѣщенныя отблескомъ пожара, дворовыя зданія и вершины сада красными полосами выдѣлялись изъ ночной тьмы. Марй, въ волненіи, вглядывалась въ эту тьму, вслушивалась въ ея малѣйшій звукъ. Ей припоминалась ночь, когда, подъѣзжая къ Волгѣ, она увидѣла огненно-красный, какъ бы кровавый метеоръ, вылетѣвшій ей тогда навстрѣчу изъ-за рѣки.— «Онъ разсыпался съ громомъ,—думала она,—исчезъ, не тронувъ никого... пощадитъ ли насъ теперешняя, грозная бѣда?»

За деревьями, на ближней полянѣ, послышались тихіе шаги. Марй увидѣла Дарью, робко пробиравшуюся къ ней.

— Ну, что̀, Дарьюшка, что̀?—спросила Марй, бросившись къ старухѣ.

— Благодари, матушка, Господа, благодари! сына твоего нянька спрятала дальше.

— Гдѣ? да говори же, говори!

— Ниже тутъ по рѣкѣ, у Петра Ильича... у Волка...

— Лаптева?

— Онъ самый, онъ.

— Какъ же она добралась туда? Ахъ, Дарья, не мучь,— говори сразу все... кто довезъ и когда?

— Сынишка нашей сосѣдки, мнѣ крестникъ, Сидоркой звать.

— Да какъ же онъ довезъ? на телѣгѣ? какъ не боялся?

— На лодкѣ, матушка. И ужъ я ли его не допытывала: сперва не говорилъ отъ страха, — а тутъ и сказалъ... Да что, милая барыня, — ужъ такъ-то ты добра ко всѣмъ, — хочешь, онъ и тебя довезетъ? ихъ лодка и теперь спрятана въ кустахъ, у берега.

Марй бросилась на шею старухѣ.

— Дарья, голубушка, слушай, — шептала она:—все тебѣ и крестнику твоему отдамъ, а теперь вотъ тебѣ пока,—прибавила она, вынимая изъ ушей дорогія серьги: отдай крестнику и скажи, что ничего не пожалѣю.

— Что ты, матушка! да какъ можно! грѣхъ какой... ничего онъ не возьметъ.

— Иди, говорятъ тебѣ, иди,—твердила, въ слезахъ, Марй, сунувъ серьги въ карманъ старухи и понукая ее идти обратно на село.

Дарья, качая головой, удалилась. Прошло болѣе часа Марй съ ужасомъ поглядывала на вершины деревьевъ, надъ которыми становилось какъ бы яснѣе. Очевидно, близился разсвѣтъ.—«Не успѣемъ, о, Господи, не успѣемъ!»—волновалась, ломая руки, Марй.—«Сюда, матушка, сюда!»—прозвучалъ чуть слышный окликъ отъ тропинки, шедшей въ нижній садъ. Марй увидѣла Дарью и, рядомъ съ нею, невысокаго, худого, лѣтъ двѣнадцати, парнишку. Она опрометью кинулась къ нимъ и, по дну лѣсистаго оврага, спустилась съ ними къ Волгѣ.—«Скорѣй, голубчикъ, скорѣй!- шептала Мари, спотыкаясь въ травѣ и цѣпкихъ сучьяхъ:— не увидѣли-бы насъ,—мнѣ гибель, не помилуютъ и тебя!»— «Не бойся, барыня,— отвѣтилъ Сидорка: — не изъ такихъ, чтобъ изловили... духомъ довезу!..» — Парнишка оказался юркимъ и расторопнымъ. Нырнувъ, какъ мышь, въ кусты, онъ повозился тамъ, крикнулъ: «Бабка Романовна, подмоги!»—отвязалъ отъ вѣтви лодку, спустилъ ее, безъ шума, на воду и причалилъ ближе къ берегу. Дарья накинула на плечи Марй свою кофту и прикрыла ей голову своимъ платкомъ.

— Получилъ ты мой подарокъ?—спросила Марй, садясь, при помощи Дарьи, въ лодку.

Сидорка молча взглянулъ на крёстную.

— Отдалъ матери, забрала у него!—отвѣтила старуха:— она тамъ такая, на три ступни скрозь землю видитъ все!

— Вотъ, Дарья, отдай еще и это его матери,—сказала Марй, снявъ съ руки и подавая старухѣ кольцо: — а ты сама... вѣкъ не забуду услуги твоей.

Лодка двинулась отъ берега, миновала отмель и скрылась въ туманѣ, еще покрывавшемъ водную ширь.—«Дай-то имъ, Господи, спаси ее, съ малымъ дитёмъ!—думала Дарья, стоя у берега:—и впрямь, жаль нажитаго, жаль худобишки,— а у нихъ, вѣдь, жизнь берутъ, дѣтей берутъ, а за что?» Лодка медленно двигалась во мглѣ. Туманъ порѣдѣлъ. Въ немъ яснѣе все стало видно. Рыжій и блѣдный, въ веснушкахъ, мальчикъ оказался въ мѣховой, кудлатой шапкѣ и огромныхъ, очевидно, отцовскихъ сапогахъ. Его глаза улыбались. Острый носикъ весело и смѣло глядѣлъ изъ-подъ густыхъ бровей.

— Сидоромъ звать тебя?—спросила Марй.

— Сидорка,—важно отвѣтилъ мальчикъ, налегая на весла, съ которыхъ летѣли пѣнистыя брызги.

— Куда везешь меня?

— Да туда же, сударыня, все къ тому же барину, къ Волку... онъ, сердечный, примаетъ васъ всѣхъ.

— Ты, сказывала Дарья, свезъ туда и Сысоевну съ ребенкомъ?

— А то куда-жъ? Волку что̀! онъ, вѣдь, не боится ничего.

Мари̇̀ готова была кинуться къ парнишкѣ, расцѣловать его рыжіе вихры и пестрое отъ веснушекъ, востроносое и важное личико.

— Кого еще изъ нашихъ принялъ Петръ Ильичъ?

— Не могимъ, барыня, знать.

— Такъ и вправду онъ ничего не боится?

— А для-че ему бояться? сколько у него ружей, собакъ... а живетъ, какъ змѣй-колдунъ, въ лѣсу, на горѣ!

— И ты, дѣйствительно, не знаешь, кого еще укрылъ Петръ Ильичъ? мнѣ можешь все сказать. Не видѣлъ ли ты самъ кого?

— Какъ не видать! Три барышни-нѣмки, зубатыя, да долговязыя, вчерась еще утромъ проѣхали туда изъ города, съ поклажей.

«Дочки коменданта Юнгера!»—подумала Мари̇̀.

— Не знаешь ли, онѣ еще тамъ и теперь?—спросила она.

— Были съ-вечера, на тоняхъ, сказываютъ, барку нанимали подъ свое добро... богачки! по нашему говорятъ.

Мальчикъ замолчалъ. Лодка выплыла изъ тумана. Хмурыя воды Волги подернулись розовымъ отливомъ. Правый берегъ рѣки сталъ близиться, съ окутанными еще въ туманѣ, зелеными холмами, черными водороинами и синѣющими вдали гребнями нагорныхъ, вѣковѣчныхъ дубравъ.

— Вонъ жилье Волка!—произнесъ Сидоръ, указывая на взгорьѣ, въ гущинѣ лѣса, какую-то точку.

Мари̇̀ вглядѣлась и, среди темной зелени, примѣтила небольшую, соломенную крышу лѣсного домика, въ которомъ, какъ она знала, издавна жилъ Лаптевъ, съ двумя дочерьми, Варей и Соней. Онъ никуда почти не ѣздилъ и рѣдко кто посѣщалъ его самого. Потерявъ жену, онъ отказался отъ свѣта, поставилъ своихъ крестьянъ на оброкъ, но и оброка съ нихъ не требовалъ. Его деревенька была въ двухъ верстахъ отъ барской усадьбы, за холмомъ, у рѣки. Лаптевъ

жилъ доходомъ съ аренды отъ рыбныхъ тоней и видѣлъ своихъ крестьянъ только въ то время, когда они являлись къ нему съ какими-либо просьбами. Они, въ волю пользуясь угодьями барина, жили также и рыбными промыслами. Дочки Лаптева обучались въ Саратовѣ, въ пансіонѣ, и только весною возвратились къ отцу.

XXIV.

Путники подплыли къ берегу. Сидорка въ послѣдній разъ взмахнулъ веслами, и лодка плавно въѣхала въ небольшую, скрытую подъ вербами, впадину.

— Пріѣхали,—произнесъ онъ, скидая шапку.

— Ну, спасибо тебѣ, Сидоръ,—сказала Марі, вставъ изъ лодки на песчаную отмель:—не выдавай же насъ, не такъ еще отблагодаримъ.

— Зачѣмъ, барыня, выдавать? будь покойна! — отвѣтилъ Сидорка, отирая полой зипуна вспотѣвшее лицо.

— Куда же идти?

— Стой, провожу тебя, злыя собаки тутъ, а меня знаютъ.

Привязавъ лодку къ вербѣ, Сидорка прошелъ съ веслами въ глубь деревьевъ, спряталъ тамъ весла и повелъ Марі на взгорье. Взойдя туда, онъ остановился.

— Умаялась, сердечная? — спросилъ онъ, видя, что его спутница едва переводила духъ.

— Да, притомилась...

Пока Марі отдыхала, Сидорка оглянулся на рѣку. Сверху по теченію Волги, въ утренней мглѣ, двигалось что-то темное и длинное.

— Барка съ заводскихъ тоней! достали-таки нѣмки, — произнесъ, указывая на рѣку, Сидорка.

Онъ повелъ Марі узкою тропинкой къ дому Петра Ильича. На пути, отъ лѣсной сторожки на нихъ, съ лаемъ, бросилась стая огромныхъ собакъ. Мальчикъ сталъ ихъ отгонять. Изъ сторожки показались какія-то женщины. Марі узнала старшую дочь хозяина и дѣвицъ Юнгеръ.

— И вы здѣсь? спасены? слава Богу! — обратилась къ ней дочь хозяина. Варя:—зайдите, не бойтесь, перебудьте у насъ. Вотъ обрадуется отецъ! онъ защититъ, охранитъ васъ!..

— Мы ждемъ барку, хотите ѣхать съ нами? — сказали дѣвицы Юнгеръ.

— Гдѣ мой ребенокъ? гдѣ няня? — обратилась Марі къ Лаптевой:—его увезли къ вамъ, гдѣ онъ?

— Отецъ отправилъ его въ болѣе безопасное мѣсто.

— Куда? гдѣ они?—вскрикнула Марй.

— Успокойтесь, Марья Родіоновна, отецъ все устроилъ къ лучшему. Сюда еще могутъ навернуться злодѣи,—онъ же отправилъ няню съ вашимъ сыномъ на пасѣку, въ Дубцы.

— Гдѣ это? да говорите же, ради Бога, далеко ли?

— Верстъ пять будетъ, сестра лучше знаетъ, но она у отца... онъ только что всталъ... Соня поитъ его чаемъ, а я вотъ пришла проводить ихъ; онѣ тутъ въ скрытности ночевали.

— И это вѣрно, какъ передъ Богомъ, Вася и няня живы?—спросила Марй.

— Живы, Марья Родіоновна, отецъ все объяснитъ,—онъ съ вечера тоже рѣшилъ ѣхать туда и лошадь ужъ вѣрно готова,—самъ теперь васъ и проводитъ; мѣсто, по его словамъ, таково, что и въ голову никому не прійдетъ, еще глуше нашего, одни дубы столѣтніе, овраги, да холмы.

Марй радостно перекрестилась.

— А не видѣли ли вы, когда шли сюда, барки на рѣкѣ?—спросила старшая изъ дѣвицъ Юнгеръ.

Сидорка, стоявшій поодаль на полянѣ, отвѣтилъ: «эвоси, гляди, уже близко!»

Сестры Юнгеръ засуетились. Свою главную поклажу онѣ отослали изъ города прямо на тоню, гдѣ ее ночью, по договору, и погрузили на барку. Оставалось идти туда имъ самимъ.

— Амáльхенъ, Грѐтхенъ! — восклицала старшая изъ сестеръ, Лòтхенъ: — зовите людей, несите... да идите же, Богъ мой!

Дѣвицы Юнгеръ поблагодарили Варю, простились съ нею и съ Марй и, въ сопровожденіи горничной, жены лѣсничаго и Сидорки, несшихъ ихъ ручныя вещи, направились внизъ къ рѣкѣ.

— А вы, Марья Родіоновна? — отозвалась, обернувшись, Лòтхенъ:—не лучше ли ѣхать также съ нами?

На это Марй молча махнула рукой.

— Войдите же, отдохните, — обратилась къ ней Варя, вводя ее въ сторожку: — закусите, вотъ булка, молоко... Я пошлю къ вамъ Соню, а сама похлопочу о лошадяхъ скорѣй. Отецъ узнаетъ, самъ васъ проводитъ. Да вотъ и Соня...

Вошла младшая Лаптева. Обѣ сестры были въ бѣлыхъ платьяхъ и голубыхъ косынкахъ на русыхъ, высоко-подо-

бранныхъ волосахъ, и, какъ близнецы, были очень похожи другъ на друга.

— Что̀ папа?—спросила Варя.

— Пьетъ чай на крыльцѣ, только что ему подала. Послалъ меня справиться, пришла ли барка и все ли благополучно съ гостьями.

— Все у нихъ готово,—только что ушли... Ну, посиди же съ Марьей Родіоновной, а я позову отца.

— Къ нему пришли мужики.

— Какіе?

— Наши.

— Зачѣмъ?

— По дѣлу какому-то... какъ всегда, видно, съ просьбой.

— Все они выпрашиваютъ только, а помощи отъ нихъ никакой,—сказала съ досадой Варя:—кучеръ дома?

— Видѣла, поилъ вороныхъ.

— Подождите же, Марья Родіоновна, не показывайтесь,—сказала, уходя, Варя: — чуть запрягутъ дрожки, я пришлю ихъ прямо сюда просѣкой, отсюда вы съ отцомъ и уѣдете.

Варя ушла.

— Кушайте, — обратилась къ гостьѣ Соня, наливая ей изъ кувшина въ стаканъ молока и подвигая хлѣбъ: — я и сама голодна, всю ночь возилась, и Спѣшневы ночевали у насъ во флигелѣ, и Крюковы,—уѣхали до зари.

— Вы же съ отцомъ неужели остаетесь здѣсь?—спросила, закусывая, Марія.

— Остаемся.

— И не боитесь?

— Чего же бояться?—отвѣтила Соня, наливая вновь въ стаканы молока: — оно, дѣйствительно, мѣсто глухое,—а ужъ скучное при томъ,—и Боже упаси! — но потому-то оно теперь и безопасно. Во-первыхъ, мы какъ есть въ сторонѣ, ну, совсѣмъ на отшибѣ, а во-вторыхъ, и приманки тутъ для злыхъ людей почти никакой. Отецъ живетъ совсѣмъ просто. Что̀ у него есть? Мука для себя, масло, крупа, овощи, — бери хоть все и безъ грабежа. Да и такъ отецъ раздаетъ просителямъ. Онъ зоветъ себя пустынникомъ, и вправь живетъ философомъ, какъ анахоретъ.

— А ваши крестьяне?

— Ихъ мы почти не видимъ, они давно на оброкѣ, рыбу ловятъ, отецъ лучшія тони имъ отдалъ и смѣется, что они

его обманываютъ. Принесутъ иной разъ пустякъ на нашу долю,—онъ доволенъ, не принесутъ, будто уловъ плохой,—промолчитъ и самъ съ дворовыми сѣть завозитъ. Папу крестьяне такъ и прозвали—не панъ, а родной отецъ.

— Давно вы были въ городѣ?

— Съ выхода изъ пансіона всего два раза,—одинъ разъ въ церкви, а другой, съ Силой Ѳомичемъ, у Лòвица, — въ телескопъ на звѣзды смотрѣли. Да намъ и некогда. Сестра любитъ цвѣты, развела столько въ саду, передъ домомъ, а я люблю голубей и коровъ... Кушайте еще, — это сборъ съ моего хозяйства, — разумѣется, въ Горкахъ, у вашихъ, все это лучше.

Петръ Ильичъ Лаптевъ, въ хлопотахъ о прибѣгшихъ подъ его защиту знакомыхъ, заснулъ уже въ концѣ ночи. Едва стало разсвѣтать, онъ всталъ, навѣдался въ коровникъ, на птичникъ, въ огородъ и къ лошадямъ. — «Готовь вороныхъ въ дрожки, — сказалъ онъ кучеру: — навѣдаюсь въ Дубцы». — Узнавъ, что его дочери еще въ сторожкѣ, съ гостьями, онъ умылся, сдѣлся, усердно помолился въ опочивальнѣ и присѣлъ на дворовомъ крыльцѣ, съ трубкой и съ присланной эму Травкинымъ, недочитанной книгой *Юнговыхъ ночей*.—«Почитаю,—думалъ онъ:—книга успокоительная, особенно теперь...» — Не успѣлъ онъ прочесть двухъ страницъ, Соня явилась съ подносомъ, поздоровалась съ отцомъ, поставила передъ нимъ чайный приборъ, сливки, хлѣбъ и масло, принесла самоваръ и сказала: — «кушайте, папа, а я навѣдаюсь къ нашимъ».—Поговоривъ съ дочкой о гостьяхъ, Петръ Ильичъ, поглядывая въ книгу, принялся за чай. Прошло съ полчаса. Въ воротахъ показалась кучка мужиковъ. Они медленно шли къ крыльцу. То были крестьяне Лаптева. Судя по ихъ лицамъ, они успѣли уже сильно выпить, но всѣ были чинны и смирны. Впереди прочихъ шелъ высокій и худой, съ длинною, бѣлою бородою, подслѣповатый старикъ Ермилъ. Вертя въ рукахъ шапку и щурясь на остальныхъ мужиковъ, онъ произносилъ какія-то слова, которыхъ Лаптевъ въ первую минуту не разобралъ.

— Говори, Ермилъ, толковѣе, чтò вамъ нужно? точно каши ты въ ротъ набралъ.

Толпа придвинулась ближе. Лица у всѣхъ были красны, глаза блуждали.

— Не обидьтесь, батюшка, Петръ Ильичъ, не каша

тутъ, — отвѣтилъ, не глядя на барина, Ермилъ: — а паче того, не сумлевайтесь; какъ передъ Богомъ, мы не причинны, а намъ такой даденъ сказъ, велѣно,—ну, мы, рабы рабскіе, все и сполняй...

— Кто велѣлъ? о чемъ сказъ? — спросилъ, прихлебывая изъ стакана, Лаптевъ.

— Нашъ, значитъ, государь, пресвѣтлѣйшій, выходитъ, Пётра Ѳедоровичъ...

— И тебѣ, Ермилъ, не стыдно это говорить? — сказалъ Лаптевъ, оглядывая прочихъ мужиковъ: — ну, былъ бы ты дитя малое, молокососъ,—куда ни шло, а то бѣлая борода, столько на свѣтѣ прожилъ! Не мы ли съ тобой, двѣнадцать лѣтъ назадъ, служили въ Саратовѣ панихиду по этому самому, тогда умершему, государю? ты у меня былъ за бурмистра, пришелъ манифестъ, а мы съ тобой ѣздили въ городъ.

Ермилъ почесалъ себѣ грудь, переступилъ съ ноги на ногу и глянулъ въ сторону. Прочіе перешептывались, украдкой кивали другъ другу.

— Что-жъ, что служили панихиду?—отвѣтилъ онъ:—значитъ, то была брехня, не умеръ въ тѣ поры царь; онъ живой, сударь, нонѣ въ Саратовѣ стоитъ, примаетъ присягу и новые манифесты шлетъ.

— Хорошо, пусть будетъ по твоему, бывшій царь живъ,— сказалъ, подумавъ, Лаптевъ: — но вы зачѣмъ пришли? что вамъ надо?

Мужики переглянулись.

— Не наша, батюшка, нужда, государева, — отвѣтилъ кто-то:—вышелъ, слышь, такой указъ...

— О чемъ указъ? — спросилъ, теряя терпѣніе, Лаптевъ.

Ермилъ хотѣлъ отвѣтить и промолчалъ. Его костлявые пальцы судорожно перебирали дырявую шапку.

— Да что-жъ, дѣдушка, молчишь? — раздались опять голоса изъ толпы: — міръ положилъ, міръ, ну, и сказывай; іонъ баринъ добрый, разумный, самъ смекнё...

— Видишь, батюшка, Пётра Ильичъ, видишь, родимый,— произнесъ, глядя въ шапку, Ермилъ: — царь объявилъ приказъ—не быть больше дворянамъ, помѣщикамъ, ну, и прочимъ чинамъ, а быть единому, какъ есть, хресьянству и володѣть намъ, хресьянамъ, значитъ, всѣми землями въ царствѣ, водами и всякимъ угодьемъ.

Лаптевъ разсмѣялся.

— Старая сказка!—отвѣтилъ онъ:—а вамъ она, пожалуй, и не въ диковинку; вѣдь вы и такъ всѣмъ у меня, сколько лѣтъ уже, владѣете. Правду ли говорю?

— Оно, сударь, такъ, да только, вѣдь, это по твоей милости, а въ другихъ мѣстахъ и по указу все кончено, — у Борщовыхъ, Голеницыныхъ, Болотиныхъ и Тарскихъ,—царь все то порѣшилъ, а индѣ... и сами мужики.

— Ка́къ мужики?—спросилъ, нахмурясь, Петръ Ильичъ.

— А также, батюшка, сами, значитъ, по-своему... какъ міръ, то-есть, положилъ.

Петръ Ильичъ выбросилъ пепелъ изъ трубки, набилъ ее снова табакомъ и молча сталъ раскуривать. — «Что̀ это они? — разсуждалъ онъ, теряясь въ догадкахъ: — лукавятъ, юлятъ, по обычаю, собираясь выпросить что-либо новое? или у нихъ худшее на умѣ? Нѣтъ, быть не можетъ... Въ началѣ смуты, когда только первыя вѣсти о ней пошли, я спросилъ ихъ на тонѣ: — коли Пугачъ нагрянетъ на насъ, станете ли, ребята, меня оборонять? — Куда ему въ такую берлогу навернуться!—отвѣтили.—Ну, однакоже, вдругъ онъ явится?—Тебя-то, — отвѣтили: — не оборонить? грудью станемъ, ударимъ въ ломы, въ топоры...»

— Такъ какъ же, батюшка, Петръ Ильичъ, на чемъ положеніе твое? — спросилъ, видя молчаніе барина, Ермилъ.

«Не понимаю! — терялся въ догадкахъ Лаптевъ, — неужели, наконецъ, всѣ амбары и кладовыя, къ ихъ удовольствію, надо отворить? или, и въ самомъ дѣлѣ, къ нимъ дошли какіе-либо бунтовскіе листы?»

— Говори прямо, — объявилъ онъ, пересѣвъ ближе къ мужикамъ:—тошно, право, съ вашими обиняками.

— Оно точно, сударь, лучше прямо, — сказалъ Ермилъ, тряхнувъ шапкой: — прочіе, видишь ли, по окольности и дальніе мужички, сполняя, выходитъ, царевъ приказъ, вчера и еще раньше... порѣшили все.

— Что̀ порѣшили?

— Не обидься, батюшка, а оно такъ и сталося... прикончили...

— Что̀ прикончили?

— Своихъ, то-есть, баръ... однихъ, о, Господи, пристрѣлили, другихъ иначе, а мы, видишь, не сполняемъ приказу... не отвѣтить бы, въ конецъ, не лишиться бы живота и всего добра.

Всегда веселый, находчивый Лаптевъ сильно поблѣднѣлъ.

— Такъ вы, ребята, что же это, пришли, чтобъ погубить меня? — спросилъ онъ, превозмогая смущеніе: — при томъ, можетъ, и не меня одного?

Ермилъ обернулся къ толпѣ. Его сѣрые, стальные глаза сверкали ледянымъ блескомъ.

— Какъ рѣшаете, братцы?—спросилъ онъ: — одному барину конецъ, или съ дѣтьми? ну, сказывайте, какъ велитъ міръ.

Мужики молчали. Ермилъ зорко смотрѣлъ на нихъ, ожидая отвѣта. Старый рыбакъ, Михей, худой, чахоточный, съ впалою грудью, неистово закашлялся. У его внука, недавно женившагося красавца, черноглазаго Сашки, тряслись руки и онъ растерянно шевелилъ блѣдными губами.

— Говорите же, братцы, — глухо сказалъ Ермилъ, подъ кашель надрывавшагося Михея: — надо же... о, Господи!

— Вѣстимо, не одному быть въ отвѣтѣ, всѣмъ вмѣстѣ!— послышались голоса изъ толпы.

— Такъ не обезсудь, батюшка, — сказалъ, кланяясь барину, Ермилъ:—мы ужъ такъ тобою довольны, такъ... а что̀ міръ положилъ, такъ тому и быть!

Петръ Ильичъ всталъ. Его руки дрожали; сердце билось сильно, глаза застилалъ туманъ.

— Извольте, ребята, готовъ! — произнесъ онъ, стараясь улыбнуться: — и какъ же теперь, въ дубины или станете стрѣлять?

— Гдѣ намъ, сударь, стрѣлять, — отозвались мужики: — и ружей у насъ нѣту-ти, самъ рѣшай!

— Ну, ладно,—отвѣтилъ Лаптевъ:—вижу, вамъ дѣйствительно приказано, и вы иначе не можете поступить.

— Вѣстимо, батюшка, не можемъ, пожалѣй и насъ!—загалдѣла толпа: — мы твои и ты нашъ... родителямъ твоимъ и тебѣ сколько служили... нешто наша воля на то, подумай?

— Такъ вотъ что̀, я согласенъ, — объявилъ, помолчавъ, Лаптевъ: — съ однимъ только уговоромъ.

— Говори, отецъ, повсегда тебя слушали, исполнимъ твою волю и теперь.

— Горько, ребята, помирать, не такъ ли?

— Что и говорить, — ой какъ смерть не мила!

— Вы же рѣшили кончить не со мной одним, но и съ дочками? такъ, кажется?

— Такъ, сударь, такъ, по приказу.

— Вотъ, въ виду этого самаго, мнѣ и пришло на душу... вѣдь отецъ съ вами говоритъ, не чужой!

— Еще бы, у самихъ дѣти.

— Такъ вотъ именно, по поводу дочекъ и сказъ... Мнѣ хотѣлось бы,—и въ томъ послѣднее мое слово... — начните не съ меня, а съ нихъ! согласны?

— Почему съ нихъ? — удивились все болѣе пьянѣвшіе мужики.

— Да боюсь я, братцы, какъ помру, вѣдь онѣ барышни взрослыя, при томъ красивыя, не обидѣли бы ихъ, послѣ меня, какіе озорники?

— Что̀ ты, батюшка, Господь съ тобой!—заговорили въ толпѣ: — да нешто мы басурмане какіе? крестъ у насъ, да и душа, тоже, чай, хресьянская.

— Не о васъ однихъ говорю; но всякіе людишки нынче шатаются, могутъ и мимо васъ наспѣть... а я, други мои, выростилъ, выхолилъ дѣтей, въ страхѣ Божіемъ, въ правдѣ и во всей чистотѣ.

— Что-же, ребята, какъ полагаете? можно это? — спросилъ Ермилъ.

— Можно, можно! отчего же? согласны!—отвѣтили мужики.

— Спасибо, православные!—сказалъ Петръ Ильичъ, кланяясь:—теперь обождите маленько; пойду кликну дочекъ, а коли нѣтъ ихъ въ домѣ, пошлю за ними.

Лаптевъ вошелъ въ сѣни.

— Не убѣгъ бы, ребята?—отозвались вслѣдъ ему изъ толпы.

— Не уйдетъ, экъ, выдумали!—проговорилъ, надсѣдаясь отъ кашля, Михей:—нешто море какое, не нагнать его въ лѣсу? всѣ тропочки—кахи́! кихи́!—знаемъ.

XXV.

Петръ Ильичъ бросился въ комнату дочекъ, оттуда къ себѣ въ опочивальню. Здѣсь, у завѣшаннаго окна во дворъ, стояла Варя. На ней не было лица. Она слышала весь разговоръ отца съ мужиками.

— Такъ, значитъ, все ты знаешь?—вскрикнулъ, шатаясь, Петръ Ильичъ.

Варя молчала.

— Гдѣ Соня?—спросилъ Лаптевъ.

— Въ сторожкѣ, съ Дуга̀новой.

— И она тутъ?

— На лодкѣ приплыла, ищетъ сына. Я ей сказала гдѣ онъ, и дрожки послала къ ней туда.

— Бѣги же, голубушка, бери её и Сеню, и спасайтесь скорѣй.

Варя медлила. Лаптевъ перекрестилъ и поцѣловалъ дочку.

— Ахъ, папа, неужели эти изверги исполнятъ то, что̀ говорятъ? — спросила, плача, Варя.

— Успокойся, милая, пустяки! но надо принять мѣры съ этими дикарями, лаской образумить ихъ... Одна ласка, доброе слово—все порѣшатъ, успокойся... Господь съ вами, бѣги!

Взглянувъ на образъ, Варя обняла отца, отерла слезы и опрометью бросилась къ сторожкѣ. Лаптевъ постоялъ у окна. Изъ-за занавѣски ему были видны мужики. Одни горланили; другіе, взявшись подъ бока и расшатываясь, поплевывали передъ собой. Петръ Ильичъ упалъ на колѣни передъ кіотомъ и сталъ молиться, кладя земные поклоны. — «Боже, Господи! что̀ же я сдѣлалъ дурного?—шепталъ онъ:—чѣмъ я обидѣлъ ихъ, чѣмъ согрѣшилъ передъ Тобой? не о себѣ молю, о дѣтяхъ...»—Послышался скрипъ крылечной двери.— «Неужели идутъ уже за мной?» —подумалъ Лаптевъ, вставая. Увидя заряженное ружье на стѣнѣ, онъ хотѣлъ снять его, и безнадежно махнулъ рукой.—«Зачѣмъ оно? не поможетъ въ такой толпѣ!»— рѣшилъ онъ и, пошатываясь, направился къ мужикамъ.

— Вотъ и я,—сказалъ онъ, снова выйдя съ трубкой на крыльцо:—послалъ за барышнями, а пока дайте, голубчики, покурить.

— Что же, можно, батюшка, кури!

— А кто, однако, первый изъ васъ, по̀ совѣсти, скажите, собралъ сходъ и рѣшилъ это дѣло? — спросилъ Лаптевъ.

— Всѣ мы, разомъ, всѣ! — отвѣтила, напирая, толпа: — пришелъ вчера такой человѣкъ, отъ царскаго, значитъ, генерала и объявилъ.

— Ну, да ладно, ребята. Сейчасъ придутъ дочки, все кончимъ. А совѣсть, все-таки, надо очистить. Вы вотъ говорите, всѣмъ отъ меня были довольны... а можетъ, и не всѣмъ? говорите теперь прямо уже, безъ утайки... вѣдь скоро конецъ, на томъ свѣтѣ развѣ опять увидимся!

— Оно точно, Петра Ильичъ. коли требуешь, мы, какъ передъ Богомъ, — началъ, выдвинувшись изъ-за прочихъ, приземистый, въ старомъ зипунишкѣ и опоркахъ, мужикъ

Гаврикъ:—ты вотъ берестову бухту отдалъ подъ тоню Тимошкѣ, а чѣмъ онъ лучше хоть бы меня? мы всѣмъ, то-есть, міромъ, тебѣ служили, а Тимошка что? дѣду Ермилу зять, такъ ему, живоглоту, и все подай?

— Брюханы-черти! право, брюханы! — вскрикнулъ, плюнувъ, Ермилъ: — слопать дѣда и всю родню его захотѣли! ты что, паршивецъ, разводишь? по правдѣ говори!

— И скажу.

— Выспись прежде, спозаранку напился,—кричалъ Ермилъ.

— Ну, это ты ребятъ поилъ, а не я, — возразилъ цѣпляющимся языкомъ Гаврикъ.

— А кто сѣти у купца покралъ? за кѣмъ травкинскіе сторожа гнались?

— Не дѣло, дѣдъ, ябедничать, э-эхъ!.. ты лучше о своемъ.

— А что мнѣ? вотъ невидаль!—отбивался Ермилъ:—докажи свое; да не докажешь, лопнешь прежде, вотъ...

Толпа раздѣлилась. Одни налегали на Гаврика, другіе лѣзли на Ермила. Отъ всѣхъ несло водкой, лукомъ и потомъ. Петръ Ильичъ не слушалъ спорщиковъ. До его слуха изъ лѣса донесся чуть слышный стукъ колесъ. Они прозвучали гдѣ-то, за просѣкой, и замерли, отозвавшись далѣе, уже надъ берегомъ. Лаптевъ мысленно перекрестился, а чтобъ скрыть свою радость передъ мужиками, сталъ опять набивать себѣ трубку. — «Уѣхали, голубушки, спаси ихъ Господь! — думалъ онъ, — а со мной будь, что будетъ... Съ Минихомъ, при Ставучанахъ, турокъ билъ, Хотинъ брали, и живъ остался! неужели же, о Господи, погибнуть отъ мужицкой пьяной петли?»

Подъ шумъ и гамъ горланившей и махавшей руками толпы, никто не замѣтилъ, что у высокихъ, раскрытыхъ воротъ, съ рѣзною кровелькой, показался, съ винтовкой за плечами, верховой, огромнаго роста, казакъ. Онъ отъ хмеля едва держался на сѣдлѣ. Мутнымъ взглядомъ окинувъ дворъ и толпу передъ домомъ, онъ медленно подъѣхалъ къ крыльцу. Мужики, завидя его, мгновенно смолкли.—«Новый царскій гонецъ», — испуганно шептали въ толпѣ.

— Это вашъ панъ помѣщикъ, что ли? — спросилъ подъѣхавшій, указывая нагайкой на Лаптева.

— Виноваты, батюшка, онъ самый и есть.

— Виноваты? такъ вотъ вы какъ, нарушители, измѣнники своему царю? вяжи его!—крикнулъ, шатаясь, казакъ:—

меды разводить? бражничать? на осину! съ ихнимъ братомъ у насъ расправа коротка!

Казакъ спустился съ сѣдла и, оступаясь и чуть не падая, полѣзъ на крыльцо. Мужики, нажимая другъ на друга, послѣдовали за нимъ. Судорожно ухватясь за притолокъ двери, блѣдный, растерянный Лаптевъ молча глядѣлъ на ихъ такъ давно ему знакомыя, обычно-добродушныя, теперь дышавшія непонятною злобой и ненавистью лица...

Марья Родіоновна, съ дочерьми Лаптева, благополучно, лѣсомъ, потомъ прибрежною тропинкой, доѣхала до пчельника въ Дубцахъ. Имъ навстрѣчу, у въѣзда въ лѣсную засѣку, встрѣтился старикъ-пчелинецъ. На вопросъ, гдѣ ребенокъ и няня, старикъ, снявъ шапку, отвѣтилъ, что на зарѣ въ лѣсъ наѣхали, въ телѣгахъ, какіе-то незнаемые люди, должно, царевой команды, опрокинули лучшіе ульи, выбрали въ торбы медъ и взяли съ собой няньку и дитя.

— Куда взяли?—вскрикнула, бросаясь къ пчелинцу, Мари.

— Барченка, вишь, схоронилъ, и вѣдьма мамка съ нимъ!— закричали они: — бери ихъ, братцы, волоки туда-жъ!—и поскакали.

Мари безъ чувствъ упала на траву.

— Воды, воды! — закричали дѣвушки.

Пчелинецъ принесъ въ крынкѣ воды. Варя и Соня привели Мари въ сознаніе. Она залилась слезами.

— Боже, не доставало этого!—говорила она, ломая руки:— куда увезли? ахъ! говори же, дѣдушка, говори!

— Должно, въ городъ, — отвѣтилъ старикъ: — всѣхъ господъ, старыхъ и малыхъ, слышно, свозятъ туда.

— Что же ты раньше не далъ знать?

— И меня, сударыня, чуть не убили... Другіе это опять тоже наѣзжали, послѣдніе соты вырѣзали, вездѣ шныряли... насилу спрятался отъ нихъ въ оврагѣ...

«Что же дѣлать теперь? — мучилась догадками Мари, — остаться здѣсь, какая польза? найдутъ... къ Травкину ѣхать, онъ самъ исчезъ... Въ городъ, въ городъ! Всѣмъ овладѣлъ этотъ извергъ, все теперь зависитъ отъ него. Онъ одинъ во власти, одинъ, если смилуется и захочетъ, спасетъ меня, сына, няню и этихъ дѣвушекъ. Звѣрь, лютый тигръ... не спрячешься отъ него. Не нынче, завтра изловятъ клевреты

его, приведутъ къ нему... Такъ лучше попытаться, самой добровольно явиться къ нему!..»

— Далеко ли отсюда до Саратова? — спросила Марі кучера.

— Верстъ восемь.

— Ну, горой будетъ и десять,—замѣтилъ пчелинецъ.

— Нешто берегомъ, въ объѣздъ?—спросилъ дѣда кучеръ.

— А ты думалъ прямо дорогой? попробуй, версты не минешь, изловятъ и коней отберутъ.

— Нашихъ-то вороныхъ? ухну, птицей унесутъ.

Старикъ молча почесалъ въ бородѣ.

— И вправду, дѣдушка, — сказала Марі: — какъ намъ лучше проѣхать?

— На ту, вонъ, сударыня, гору,—отвѣтилъ пчелинецъ:— оттоль низомъ къ Волгѣ, а тамъ, версты черезъ три, круто отъ берега влѣво, тутъ и самый городъ.

— Знаешь? провезешь?—спросила Марі кучера.

— Не безпокойтесь, доставимъ.

— Согласны? — спросила Марі по-французски Варю и Соню.

— Ахъ, ѣдемъ, ѣдемъ, — отвѣтили тѣ, снова усаживая Марі на дрожки.

Кучеръ расправилъ возжи, медленно выбрался изъ гущины старыхъ, дуплистыхъ дубовъ, окружавшихъ пчельникъ, на рѣдколѣсную поляну и пустилъ лошадей рысью. Миновали гору. Дрожки спустились къ рѣкѣ. Дорога пошла берегомъ. Волга на всей ея ширинѣ была пуста; ни паруса, ни челна не виднѣлось на ея водахъ.—«Все замерло, притаилось съ приходомъ чудовища... Счастливицы Юнгеръ, ушли!» — невольно думалось Марі.—«А что-то бѣдный папа? что съ нимъ? — размышляли Варя и Соня, — онъ такой находчивый, его такъ любятъ... но сумѣетъ ли онъ образумить пьяныхъ?»—Невдали, влѣво отъ дрожекъ, обрисовались верхи церквей и зданій Саратова. Дрожки въѣхали въ подгородную, рыбацкую слободу. У крайней избы стояли, съ дубинами, сторожевые казаки.

— Куда ѣдете? — спросили они, заграждая дорогу путницамъ.

— Къ самому государю,—важно отвѣтилъ, придерживая коней, кучеръ.

— Кто такіе?

— Барыня Дуганова, съ прошеніемъ, и барышни Лаптевы.

— Раскрасавицы какія! стой-ка, давай выкупъ.

— Руки коротки! — отвѣтилъ кучеръ, ударивъ по лошадямъ.

Дрожки помчались въ улицу.—«Держи, держи!» — раздались сзади голоса. Изъ ближняго двора двое выскочили верхомъ и нѣкоторое время гнались за дрожками. Вороные не выдали. Дрожки быстро умчались и скрылись въ закоулкахъ и огородахъ предмѣстья.

Улицы и площади города, куда въѣхали путницы, были безлюдны и пусты, какъ и Волга. Ограбленные купцы и дворяне прятались въ разоренныхъ домахъ. Чернь толпилась только у подгородныхъ кабаковъ и на выгонѣ, въ лагерѣ самозванца. На соборной площади, у длиннаго комендантскаго дома, Марй увидѣла ружья въ кòзлахъ и часового. — «Гауптвахта!—подумала она:—здѣсь, значитъ, высшая власть!»—и велѣла подъѣхать туда.

— Кто здѣсь главный изъ начальства? — спросила она часового.

— Енаралъ Панинъ,—отвѣтилъ тотъ, шагая съ ружьемъ.

— Какъ къ нему пройти?

— А тебѣ для-че?

— Съ прошеніемъ къ государю.

Часовой указалъ на крыльцо. Марй съ спутницами вошла въ сѣни, доложила о себѣ и была, съ Варей и Соней, введена къ «Панину». Начальникъ города «Панинъ», то-есть, Ивашко Творогòвъ, встрѣтилъ ихъ, сидя за столомъ, и не предложилъ имъ сѣсть.

— Съ челобитной? — спросилъ онъ, не глядя на пришедшихъ.

— Сына у меня малолѣтняго взяли, единственнаго сына! — проговорила сорвавшимся, молящимъ голосомъ Марй.

— Ну, такъ что-жъ? абы живъ былъ, не иголка, найдется! какъ звать тебя?

— Жена капитана Дуганова, —отвѣтила Марй.

— Дуганова?—спросилъ Ивашко, глядя на нее.

Марй повторила свое имя.

— Откуда родомъ?—спросилъ Ивашко:—гдѣ твоя вотчина, гдѣ мужъ?

— У свекрови вотчина въ Малороссіи, въ изюмскомъ уѣздѣ; своей не имѣемъ; мужъ служитъ въ Москвѣ, а я го-

стила здѣсь, у золовки, съ ребенкомъ, но его тайно отъ меня схватили съ няней и, сказываютъ, увезли сюда.

— А эти кто будутъ? —спросилъ Творогòвъ, указывая на Варю и Соню:—сродственницы твои?

— Сосѣдки золовки моей, Лаптевы; довезли меня изъ жалости сюда, но и сами сироты, безъ матери, при старикѣ-отцѣ... тоже ищутъ защиты. Не откажи, милостивый, помоги.

— Кто твоя золовка?

— Тоже Дугàнова.

— Гдѣ она?

— Съ мужемъ своимъ, братомъ моего, отъѣхала въ гости подъ Казань и, чтò теперь съ ними, не знаетъ никто.

Въ глазахъ Творогòва мелькнулъ огонекъ.

— Ладно!—сказалъ онъ, подумавъ:—идите, васъ не тронутъ; его величество теперь въ лагерѣ, завтра всѣхъ позоветъ и, какъ слѣдуетъ, разсудитъ.

По знаку Творогòва, Дуганову и Лаптевыхъ отвели въ ближній переулокъ, гдѣ три большихъ деревянныхъ дома были заняты арестантами и городскими и дальними просителями изъ дворянъ, ожидавшими на утро допущенія къ самозванцу, у Соколовой горы. Мужчины здѣсь были помѣщены отдѣльно отъ женщинъ. Войдя на женскую половину, Марѝ присѣла, отъ изнеможенія, въ углу на стулъ. Ея спутницъ окружили ихъ знакомыя. Пошли разспросы, какъ онѣ спаслись и попали сюда. При разсказѣ объ отцѣ, Лаптевы расплакались. Ихъ стали утѣшать, говоря, что самозванецъ, нетревожимый въ Саратовѣ никѣмъ, оказался, сверхъ ожиданій, болѣе снисходительнымъ, что безъ его разбора и велѣнія никого не тронутъ, а ихъ отецъ, вдобавокъ, совершенно добрый, никого не обижавшій человѣкъ. Марѝ съ тревогой вслушивалась въ общій говоръ. — «Вася мой, Вася! — думала она,—живъ ли ты и гдѣ тебя искать?»— Изъ сосѣдней комнаты вошла въ это мгновеніе какая-то высокая, исхудалая и какъ бы гдѣ-то видѣнная Дугановою женщина, въ измятомъ платьѣ и съ безпорядочно-взбитыми волосами.

— Машенька, ангелъ! ты ли это?—вскрикнула вошедшая, бросаясь къ Марѝ и, со слезами, обнимая ее.

Марѝ узнала Нинѐтъ Ладыженцеву.

— И ты спасена? какъ я рада! —- съ искреннимъ уча-

стіемъ проговорила Марй, усаживая ее возлѣ собя: — куда ты скрылась и какъ очутилась здѣсь?

— Я убѣжала въ Горкахъ черезъ садъ, лѣсомъ выбралась на дорогу и пустилась къ Травкину: его хуторъ былъ уже разоренъ, усадьба сожжена. Я переночевала въ саду, въ бесѣдкѣ, и утромъ стала думать: что̀ же далѣе? сегодня спрячусь въ одномъ мѣстѣ, завтра въ другомъ, но гдѣ-нибудь откроютъ, схватятъ, и тогда—вѣрная гибель... Я рѣшилась прямо отправиться сюда и вчера, договоривъ подводу сосѣдняго колониста, пріѣхала.

— И я поступила такъ же, — произнесла Марй: — ахъ, Нина! представь себѣ ужасъ. няню и Васю пріютилъ-было Лаптевъ, но ихъ схватили у него, на пасѣкѣ, какіе-то люди и увезли, какъ говорятъ, сюда. И гдѣ они, живы ли, не знаю.

— Что̀ же ты намѣрена дѣлать?

— Просить аудіенціи у этого, какъ его здѣсь всѣ называютъ, царя.

— Да,— отвѣтила Нинѣтъ: — кто бы онъ ни былъ, но здѣсь онъ самодерженъ... А какія событія, Богъ мой, и что̀ открывается!—продолжала, понизивъ голосъ, Ладыженцева: — да нѣтъ, ты не ожидаешь, и могъ ли кто предвидѣть, не только на яву, даже во снѣ!

— Что̀ же именно? говори!

— Ахъ, нѣтъ, не могу, здѣсь не рѣшусь, — отвѣтила, оглядываясь, Нинетъ: —могутъ подслушать... пойдемъ въ другую комнату.

Марй встала. Нинетъ провела ее въ небольшую, окнами во дворъ, горенку, гдѣ лежали узлы, верхнія платья и другія вещи временныхъ постоялицъ этого дома. Въ горенкѣ въ это время не было никого.

— Видишь ли тотъ вонъ домишко? — спросила Нинѣтъ, показывая Марй въ окно на уголъ двора: —я эту ночь спала тамъ; здѣсь съ вечера биткомъ было набито и нѣкоторыхъ переводили туда.

— Ну, и что же?

— Ахъ, не могу? ты не повѣришь... какой странный случай, какое совпаденіе нежданныхъ, невѣроятныхъ событій!

— Говори же, говори!

XXVI.

Ладыженцева молча прошлась по комнатѣ, взглянула за дверь и сѣла возлѣ Марй.

— Прошлую ночь, повторяю, я спала, съ двумя здѣшними мѣщанками, въ томъ вонъ домишкѣ,—начала она:—тамъ же, въ другой, сосѣдней комнатѣ, за запертою дверью, помѣщалась какая-то арестантка, съ дѣтьми. Къ нимъ былъ отдѣльный ходъ, и у ихъ крыльца, какъ было видно изъ нашего крайняго окна, на караулѣ стоялъ часовой. Все было тихо. Мои компаньонки съ вечера добыли черезъ стражу водки, выпили и вскорѣ крѣпко заснули... Я, послѣ всего испытаннаго, особенно, никогда, пока жива, не забуду, какъ мы съ тобой обѣдали и какъ, послѣ возгласа Сысоевны: Пугачовъ! — раздались крики и толпа стала ломиться въ домъ... Вспоминая пережитое, и вчера я долго не могла сомкнуть глазъ. И вдругъ слышу,—это было уже незадолго до разсвѣта,—въ комнатѣ сосѣдки-арестантки, сперва тихо, потомъ явственнѣе послышались два голоса, — женскій и мужской. Мужчина вошелъ туда, очевидно, съ другого крыльца. Но какъ его пропустилъ часовой?—удивлялась я. Долго не могла я разобрать, о чемъ говорятъ. Но бесѣдовавшіе заспорили. Я лежала головой къ печи, за которою въ смежную комнату была, какъ я убѣдилась потомъ, для вентиляціи, продѣлана отдушина; проходившій воздухъ покачивалъ неплотно-припертою заслонкой. Въ эту отдушину я неожиданно услышала необычныя вещи... Арестантка, съ плачемъ, стала укорять пришедшаго къ ней человѣка.—Какой ты мнѣ мужъ, а дѣтямъ отецъ?—говорила она, возвышая голосъ:—коли вовсе отказываешься, не признаешь ни меня за жену, ни ребятъ за своихъ дѣтей?—Слушай, Дмитріевна,—проговорилъ на это вошедшій:—всѣ пристали, начали просить, чтобъ я принялъ званіе и все... ну, я и принялъ... Обожди, слушай,—на Донъ двинемся, Донъ поднимемъ, а оттуда въ Туречину, либо въ Персію... Озолочу васъ всѣхъ, милліоны будутъ у насъ...—Не надо мнѣ твоихъ мильонъ мильоновъ, — живи лучше по-божески! — ишь вѣдь ты какимъ собакой сталъ, не приступишься къ дьяволу!—Молчи, дура, растяпа!—прохрипѣлъ мужской голосъ:—и попомни одно, — помѣшаешь въ чемъ, заикнешься кому, хоть словомъ, выдашь меня,—вотъ те крестъ святой,—своеручно при всѣхъ голову срублю!—Арестантка смолкла, потомъ будто тихо зарыдала. Вошедшій сказалъ вполголоса еще нѣсколько словъ, которыхъ я уже не разслышала, и прекратилъ разговоръ. Скрипнула наружная дверь. Я по-

няла, что посѣтитель уходитъ, бросилась къ окну и стала глядѣть въ него, изъ-за притолка. Въ это время уже начался разсвѣтъ. Я разглядѣла мужчину, медленно шедшаго въ двухъ шагахъ мимо окна, и замерла отъ изумленія... Какъ ты думаешь, кого я узнала въ томъ человѣкѣ?

— Не догадываюсь... но для чего ты все это говоришь?

Ладыженцева схватила Марі за руку.

— Помнишь, близъ Ракитнаго, въ Кабаньемъ,—спросила она, задыхаясь:—помнишь, у тамошняго крестьянина Коровки проживалъ больной ногами казакъ Ивановъ и мы еще съ тобой лѣчили его?

— Помню... ну?

Нинетъ нагнулась къ Марі.

— Не догадываешься?—спросила она:—это и былъ тотъ самый казакъ Ивановъ, — тотъ же видъ, походка, тѣ же глаза и борода,—только разряженный, въ бархатномъ кафтанѣ и въ шапкѣ изъ золотой парчи.

— Что же удивительнаго?—сказала Марі:—онъ, какъ и прочіе казаки, присталъ къ самозванцу, разбогатѣлъ, разумѣется, на грабежѣ, могъ возвыситься въ этой шайкѣ и отказывается теперь отъ семьи... Это такъ просто у нихъ...

— Да арестантка-то эта, арестантка! — прошептала Нинетъ, сжимая руку Марі:—утромъ спрашиваю у сторожей, кто подъ карауломъ въ сосѣдней комнатѣ? Отвѣчаютъ,—жена, съ дѣтьми, казака Пугачова, вѣрнаго слуги нашего истиннаго батюшки-царя... Пугачова, молъ, убили за помощь государю въ Питерѣ, царь нашелъ его жену въ Казани и содержитъ ее, съ дѣтьми, въ память вѣрнаго слуги, при себѣ. Поняла ты теперь?

— Ничего, извини, не понимаю.

Нинетъ всплеснула руками.

— Какъ же ты не понимаешь? Ну, эта арестантка — кто? сторожа говорятъ, жена Пугачова... Прошлою ночью кто къ ней приходилъ?—ея мужъ, который именуетъ себя царемъ... Ясно теперь? ну, ясно?.. Что намъ за дѣло, какія тамъ у нихъ отношенія и женился ли онъ на ней, во время своихъ бѣдственныхъ странствій, или такъ держитъ ее при себѣ, будто бы въ память услугъ ея мужа,—этого я не знаю и знать не хочу. Но я довѣдалась, убѣдилась въ одномъ,—если только не обманули меня глаза,—приходившій

ночью къ этой женщинѣ человѣкъ былъ когда-то нашимъ паціентомъ, казакомъ Ивановымъ, а теперь онъ—царь!

— Что же ты хочешь этимъ сказать?—спросила Марі.

— А то, что теперь мы навѣрное спасены. У мужика Коровки, по сосѣдству съ нами, въ бѣдности и нищетѣ, проживалъ истинный царь.

— Но ты же сама говоришь, что ночной посѣтитель грозилъ смертью той женщинѣ, если она обмолвится, выдастъ его обманъ...

— Еще бы! онъ не желаетъ, чтобъ узнали о ихъ связи... вѣдь у него жива въ Петербургѣ жена—царица.

— Нина! ну, что ты говоришь? да этотъ самозванецъ зимой, подъ Яикомъ, женился уже открыто на другой.

— Ложь это все, злые слухи, — возлѣ насъ, повторяю, проживалъ истинный царь. И я завтра, если только допустятъ меня къ нему, напомню ему наше вниманіе и заботы о немъ.

— Не совѣтую!—отвѣтила, подумавъ, Марі:—впрочемъ, что же я? можешь поступать, относительно себя, какъ хочешь,—меня же не впутывай, прошу... И не только прошу, заклинаю, требую—ни однимъ словомъ, ни взглядомъ, не намекни обо мнѣ...

— Да почему же?—удивилась Нинетъ.

— Не могу тебѣ этого объяснить, но какое-то неодолимое предчувствіе тяготитъ меня... Ахъ, Нина, будь осторожна съ этимъ роковымъ человѣкомъ... Царь ли онъ,—какъ ты вѣчно увѣряла и теперь говоришь,—или самозванецъ,—какъ я убѣждена, — но берегись... Онъ половину Россіи залилъ кровью, и что еще ты сама слышала ночью? вѣдь женѣ, матери собственныхъ дѣтей, за одно слово, грозилъ онъ голову отсѣчь!

— Мнѣ не отсѣчетъ, кто бы онъ ни былъ! Вспомни сказочную дѣвушку, какъ она вынула занозу изъ лапы льва, и что изъ того вышло... одна благодарность заставитъ его снизойти къ намъ и насъ охранять.

— Ну, я все тебѣ сказала... Спасай, родная, себя; помоги тебѣ Господь... меня же отъ его благодарности, — за вынутую занозу,—лучше избавь.

Нинетъ, нахмурясь, молчала.

— И о себѣ лучше не говори,—просто проси его... дай мнѣ въ этомъ слово... даешь?

— Подумаю!—отвѣтила, пожавъ плечами, Нинѣтъ.

На другой день просители и арестанты не были допущены къ самозванцу. На вопросы истомленныхъ напрасными ожиданіями, почему ихъ не зовутъ къ Соколовой-горѣ, имъ отвѣчали, что царь-батюшка осматриваетъ войска и дѣлитъ запасы хлѣба. Въ дѣйствительности — Пугачовъ на радости, что такъ удачно занялъ Саратовъ, два дня подъ-рядъ пьянствовалъ, и его прятали отъ глазъ народа.

Было утро десятаго августа. Погода стояла тихая, теплая, чисто лѣтняя. На небѣ ни облачка. Лагерь мятежниковъ передвинулся ближе къ Волгѣ, обогнувъ собой Соколову-гору, на склонѣ которой, впереди очищенныхъ, подъ свиту самозванца, зданій канатнаго завода, виднѣлась большая, бѣлая палатка Пугачова. Невдали отъ этой палатки стояла другая, поменьше, для старшинъ и приближенныхъ самозванца, а рядомъ съ нею третья, такъ-называемая—канцелярія. Съ разровненной и усыпанной пескомъ площадки, передъ этими палатками, былъ виденъ весь городъ, съ его слободами, и оба лагеря: пѣшій—вправо, конный—влѣво.

Невдали отъ ставки самозванца стояло духовенство, для приведенія къ присягѣ все еще подвозимыхъ и приводимыхъ изъ окрестностей помѣщиковъ, офицеровъ, чиновниковъ и купцовъ. Въ заводскомъ дворѣ, подъ стражей, виднѣлись ожидавшіе рѣшенія своей участи арестанты, а впереди крайней заводской избы, подъ ея тѣнью, стояли, сидѣли на заваленкѣ и полулежали на травѣ нѣсколько городскихъ и сосѣднихъ дамъ и дѣвицъ, которымъ Пугачовъ назначилъ явиться къ себѣ. Входную дверь въ его палатку оберегалъ, съ саблями на-голо, въ красныхъ кафтанахъ, караулъ изъ яицкихъ казаковъ, при барабанщикѣ и трубачѣ. Бывшіе во дворѣ и у избы съ нетерпѣніемъ ожидали, скоро ли откроются полы этой палатки и начнется обѣщанный пріемъ.

Изъ другого, бокового входа въ палатку вышелъ нахмуренный Творогòвъ. Медленно сложивъ бумагу, бывшую въ его рукѣ, онъ направился въ старшинскую ставку, гдѣ на кошмѣ сидѣлъ Ѳедоръ Чумаковъ. Послѣдній что-то диктовалъ новому секретарю самозванца, Дубровскому, приспособившему свое писаніе на перевернутомъ, пустомъ боченкѣ.

— Кончилъ? — спросилъ Ивашко, нетерпѣливо глянувъ на Чумакова.

— Кончаю,—отвѣтилъ тотъ.

Твороговъ подождалъ, пока Дубровскій, дописавъ бумагу, забралъ чернильницу и перо и вышелъ.

— Ну, Ѳедоръ Ѳедотовичъ,—сказалъ, опустясь на кошму, Ивашко: — ухлопались мы, нечего сказать! ни впередъ теперь, ни назадъ.

— Что такое?—спросилъ, зѣвнувъ послѣ ночной попойки, Чумаковъ.

— А то, что царь-то нашъ, — думалъ ли ты такое? — сдается мнѣ теперь, какъ передъ Богомъ,—не царь, а просто мужикъ.

Чумаковъ привскочилъ на мѣстѣ.

— Какъ? что ты, Иванъ, сказалъ? опомнись! спьяну мало ли что покажется.

— Не спьяну, а ты слушай только, не перебивай.

Твороговъ всталъ, бережно выглянулъ изъ палатки и снова присѣлъ возлѣ Чумакова.

— Давно, братъ Ѳедоръ, примѣчалъ я и догадывался,— началъ онъ вполголоса, останавливаясь и прислушиваясь къ двери:—что нашъ явленный-то царь не грамотенъ и, какъ есть, въ письмѣ и чтеніи несвѣдущъ... Еще первый его писарь, Почиталинъ, во хмелю, разъ проговорился мнѣ, будто государь тайно сулилъ ему алмазный, дорогой перстень и, подъ смертною клятвою, заставлялъ по ночамъ—водить его рукой, обучая, какъ надо подписываться... «По-царски, молъ, писать умѣю, но срокъ еще не пришелъ оказать мою монаршую руку, — такъ поучи по-вашему писать, по-простому»... Я тогда промолчалъ, а Почиталинъ вскорѣ попался въ плѣнъ. Ну, а теперь скажу—и впрямь, нашъ-то явленный оказался, какъ есть, неучъ, въ грамотѣ слѣпъ...

Слова государева любимца сильно озадачили Чумакова.

— Какъ же ты довѣдался о томъ?—спросилъ онъ, глядя на разсказчика и думая: — «Ужъ не подосланъ ли ты, не пытаешь ли, съ умысломъ, чтобъ погубить?»

— Узналъ я, другъ ты мой, вовсе, какъ есть, случайно. Написалъ съ моихъ словъ Дубровскій заказанную мнѣ вотъ эту самую грамоту къ донскому войску,—что, молъ, вѣрные мои донцы, встрѣтьте меня вѣрою и правдой, поддержите, иду къ вамъ,—ну, и прочее... Я взялъ ту грамоту, прошелъ это сейчасъ къ нему и говорю: «подпишите, ваше величество». Онъ взялъ ее, держитъ, вижу, передъ собой, вверхъ

ногами, и будто читаетъ... А ты, Өедоръ Өедотовичъ, знаешь, я былъ въ пѣвчихъ и, хоть малость, а грамотѣ знаю, — пишу неладно, каракулями, читать же гораздъ... Что за оказія?—подумалъ я и жду, что будетъ далѣе. А онъ отдалъ мнѣ бумагу и говоритъ:—пусть за меня подпишется Дубровскій; не время еще мою руку народу казать! — А я ему— прочитай хоть, батюшка, ладно ли все написано? — Взялъ онъ опять бумагу, также вверхъ концомъ, и говоритъ, съ сердцемъ:—эхъ, дьяволы, какъ это у васъ писаря плохо пишутъ! ничего не разобрать, — прочти самъ...—Тутъ только все мнѣ и объяснилось. Дубровскій плохо пишетъ? да онъ, братецъ, не писарь,—кудесникъ, нижетъ тебѣ слова кругло, да четко, ну,—какъ жемчугъ,—лучше печатной книги разберешь.

Чумаковъ слушалъ все это молча.

— Что скажешь на мои слова?—спросилъ Творогòвъ:— какъ намъ быть?

— А ты какъ бы рѣшилъ?—отвѣтилъ Чумаковъ.

«Ишь, чортъ, виляетъ, прямо не говоритъ! — подумалъ Творогòвъ,—ну, ладно, сдашься и ты!»

— Что же, Өедоръ Өедотовичъ, — отвѣтилъ онъ:—наше дѣло, самъ видишь теперь, такъ плохо, такъ плохо, что не угадаешь, какъ дальше быть!

— Дай время, надумаемъ, — сказалъ, вставая, Чумаковъ:—я тоже, сказать тебѣ, давно въ сомнѣніи; а что дѣлать, лучше обождемъ... Кто теперь у царя? скоро ли станетъ принимать?

— Скоро, рядится теперь,—презрительно усмѣхнулся Творогòвъ:—потребовалъ отъ Мясникова орденъ, ленту и платье съ повѣшенныхъ вчера князей Баратаева и Шахматова. Не въ духѣ, съ похмелья, — да и пилъ же чортъ! на что глотка у Баранки, и того перепилъ. Спрашивалъ тоже, кто просители.

— Кого потребуетъ прежде?

— Разумѣется, бабъ... сколько ихъ!

— Что же, видно, красивыхъ опять принасъ ему Мясниковъ?

— Всякія есть, — сердито отвѣтилъ Творогòвъ: — да что ему? абы были новыя... баловникъ-дьяволъ,—не боится ни совѣсти, ни стороннихъ, совсѣмъ осатанѣлъ...

Раздался звукъ барабана. Отрядъ конныхъ казаковъ, подъ

предводительствомъ Овчинникова, отдѣлясь отъ лагеря, поднялся въ гору и выстроился рядомъ съ пѣшею охраной, возлѣ палатки самозванца.

— Не вѣритъ нашему караулу,—замѣтилъ Ивашко, указывая Чумакову на подошедшій отрядъ:—позвалъ конныхъ.

Чумаковъ и Творогóвъ прошли къ государевой палаткѣ и стали у ея входа. Пòлы палатки распахнулись. Выглянувшій изъ-подъ нихъ Мясниковъ позвалъ Творогòва къ самозванцу. Черезъ минуту Ивашко вышелъ оттуда, взялъ съ собой двухъ казаковъ и направился въ заводскій дворъ къ арестованнымъ.

— Гдѣ тутъ барышни Юнгеръ? — спросилъ онъ, входя, мимо стражи, въ ворота.

Изъ толпы арестантовъ вышли, едва ступая ногами, съ заплаканными, обезображенными отъ страха лицами, дочери бывшаго саратовскаго коменданта. Онѣ робко оправляли на себѣ платья и прическу.

— Васъ перехватили на баркѣ? — спросилъ Ивашко.

— Да, господинъ, мы сироты, бѣдныя дворянки, отецъ умеръ, нашу мать убили, а всѣ наши вещи, деньги и все отняли сегодня бурлаки.

— Зачѣмъ было бѣжать?

— Ахъ, защитите, господинъ, не дайте погибнуть.

— Идите, — отвѣтилъ Творогòвъ, подводя плѣнницъ къ палаткѣ.

Дѣвушки вошли въ нее. Марѝ, съ Нинéтъ и другими просительницами, стоя у заводской избы, съ замираніемъ сердца слѣдила за всѣмъ, чтò происходило у палатки самозванца. Эта огромная, изъ бѣлой, шелковой ткани, палатка, съ золотою бахромой по швамъ и съ алымъ, плисовымъ верхомъ, поражала своею красотой. Надъ нею развѣвался бѣлый шерстяной флагъ, съ нашитымъ на него осьмиконечнымъ, раскольничьимъ крестомъ, изъ золотого галуна. Палатка,какъ толковали у избы, была взята въ усадьбѣ пригородной вотчины казненнаго богача, князя Баратаева. Глядя на нее, Марѝ, съ содроганіемъ соображала, куда изъ ея дверей пойдутъ позванныя къ самозванцу сестры Юнгеръ,—обратно ли, въ заводскій дворъ, или къ ближнему холму? За послѣднимъ, какъ толковали у избы, были устроены висѣлицы, гдѣ, подъ надзоромъ самозванцевыхъ камергеровъ-палачей, Ефима Давилина и Проньки Мертвецова, въ предыдущіе

дни вѣшали и иными способами казнили не мало жертвъ.

Полы палатки приподнялись. На площадкѣ снова показались сестры Юнгеръ. Идя обратно къ прочимъ арестованнымъ, онѣ едва сознавали себя отъ волненія и, отирая слезы, издали радостно восклицали знакомымъ: «помилованы! въ Царицынъ велѣно! простилъ!»

За дѣвицами Юнгеръ были позваны дворяне Рахманиновъ и Быковъ, за ними офицеры гарнизоннаго батальона Астафьевъ и Мосоловъ. Всѣхъ четырехъ казаки отъ палатки увели за холмъ, гдѣ черезъ мгновеніе раздался залпъ ружей. Услыша эти выстрѣлы, Марй чуть не упала въ обморокъ. Она оглянулась на Нинѐтъ. Ладыженцеву, въ это время, позвали къ самозванцу. Она твердою поступью направлялась къ его палаткѣ.—«Сдержитъ ли Нина слово? не проговорится ли о себѣ и обо мнѣ?»—съ замираніемъ сердца думала Мари, провожая ее глазами.

Ладыженцева вошла въ ставку Пугачова. Въ углубленіи, противъ двери, она увидѣла нѣсколько возвышенный надъ поломъ помостъ, крытый алымъ ковромъ. На немъ стояло большое, съ высокою рѣзною спинкой, обитое желтымъ сафьяномъ кресло, взятое изъ разоренной и сожженной усадьбы князя Шахматова, какъ и висѣвшіе на стѣнахъ, по бокамъ кресла, въ золоченыхъ рамахъ, портреты: слѣва — императрицы Елйзаветы Петровны, справа — цесаревича Павла Петровича. На креслѣ, въ мѣшковатомъ сѣромъ фракѣ, съ голубою лентой черезъ плечо и со звѣздой на груди, сидѣлъ, въ синихъ казацкихъ шароварахъ и въ треуголкѣ, сильно-загорѣлый, бородатый человѣкъ. У его пояса былъ морской кортикъ, въ рукѣ зрительная трубка.

— Подойди ближе,—послышался голосъ съ возвышенія:— не бойся, говори, кто ты и что̀ тебѣ нужно?

XXVII.

Нинѐтъ взглянула на говорившаго и едва совладѣла съ собой, чтобы двинуться отъ порога.—«Онъ, именно онъ!— пронеслось въ ея мысляхъ, — тотъ же голосъ, тѣ же глаза и весь видъ, — тотъ самый, кто нѣкогда проживалъ, подъ именемъ казака Иванова, въ Кабаньемъ... Да, это царь!— говорила себѣ, съ радостною дрожью, Нинѐтъ, разглядывая нахмуренное лицо и невыспавшіеся, устремленные на нее, глаза самозванца: — онъ не прогнѣвается! за что̀ быть не-

милости? такая заслуга... все онъ сдѣлаетъ, за помощь ему, въ годину бѣдствій, все!»

— О чемъ твоя челобитная? говори! — повторилъ Пугачовъ:—какъ твое прозвище?

— Ладыженцева.

— Откуда? зачѣмъ явилась къ намъ?

«Время смутное, много всѣмъ по-нѣволѣ обидъ,—защити меня и другихъ сиротъ-дворянокъ!» — хотѣла сказать Нинѣтъ и промолчала. Изъ глубины ея души рвались иныя слова.

— Ваше величество,—вдругъ произнесла она:—не казните, милуйте... узнаёте ли меня?

Самозванецъ, нагнувшись съ кресла, ближе взглянулъ на просительницу.

— Видѣлъ будто, а гдѣ—не упомню,—отвѣтилъ онъ:—говори, что̀ надоть?

— Вы, государь, были больны, раны на ногахъ... въ Малороссіи... вспомните, въ изюмскомъ уѣздѣ... въ селѣ Кабаньемъ.

Въ сонныхъ глазахъ Пугачова какъ бы что-то зажглось.

— И мнѣ, вашей вѣрноподданной,—продолжала Нинѣтъ:—выпало счастье лѣчить и вылѣчить ваше величество; я тогда гостила, по сосѣдству, у родныхъ.

Лицо самозванца покрылось красными пятнами; лѣвый глазъ его задергала судорога.—«Что̀ это она? куда мѣтитъ?—подумалъ онъ, разглядывая просительницу:—узнала во мнѣ бывшаго бродягу, мужика?.. выкупа, что ли, захотѣла? Ихъ тогда было двѣ... Кажись, и вторая была съ просьбой!»

— Вы, государь, въ то время, разумѣется, скрывались отъ враговъ,—проговорила Нинѣтъ:—не время было явиться... но теперь вы снова въ силѣ и власти, народъ васъ призналъ...

— Скрывался я, точно, въ эвти самые годы,—произнесъ Пугачовъ:—и гдѣ только, въ какихъ странахъ и у какихъ народовъ не бывалъ, отъ земли потерянный, подлинный я самъ, на престолъ опять всхожу,—только не помню что-то ни Кабаньяго, ни тебя.

Нинѣтъ ожидала такого возраженія.—«Не диво, что онъ забылъ,—столько испыталъ, бѣдный, съ тѣхъ поръ!»—подумала она.

— А это, ваше величество, помните?—сказала она, сры-

вая съ шеи и подавая самозванцу крестикъ: — вашъ даръ, святыня отъ Ченстоховской Божьей Матери?

— Такъ, такъ, теперича вспомнилъ! — отвѣтилъ Пугачовъ, взявъ и разсматривая крестикъ: — и точно вѣдь выпало тебѣ счастье! Не всякому приводится своему царю, въ бѣдности его и нищетѣ, пособлять. Думала ли моя тётка,— или мой сынъ, — продолжалъ онъ, указывая на портреты императрицы Елизаветы и цесаревича Павла: — думали ли они, что я, великій, значитъ, русскій царь, испытаю такія лютыя горести? Проси, что̀ тебѣ нужно...

— Дайте, государь, охрану свою намъ, беззащитнымъ, вѣрноподданнымъ вашимъ дворянкамъ,—многихъ, простите, обижаютъ казаки. Страшно жить, ждешь всего...

— Ладно, будетъ исполнено. Еще что̀?

— Здѣсь тоже наши родные и ближніе; у иныхъ забрали все имущество, у другихъ—даже дѣтей. О послѣднемъ сами они, коли будетъ милость ваша, скажутъ...

— Ну, иди себѣ, все прикажу! — нетерпѣливо отвѣтилъ Пугачовъ:—эй, кто тутъ?—крикнулъ онъ.

Вошелъ Творого̀въ.

— Откинь занавѣску, душно,—сказалъ самозванецъ.

Творого̀въ открылъ двери.

— Счастья и благоденствія вашему величеству! много лѣтъ царствовать!—произнесла, дѣлая форменный реверансъ и уходя, Нинѐтъ.

Она слышала, какъ за ея спиной было произнесено имя Дуга̀новой.

— Мужайся,—шепнула она, подойдя у избы къ Маріи:— сейчасъ позовутъ тебя... о, если бы ты знала, какъ онъ великодушенъ и добръ... и ты еще сомнѣвалась!

— Дай-то, Господи...

— Иди смѣло, увидишь, все подготовлено, хотя о тебѣ не сказано ни слова.

Марья Родіоновна, не помня ни себя, ни окружающаго, черезъ силу приблизилась къ палаткѣ Пугачова и вошла въ нее. — «Онъ самозванецъ, убійца столькихъ неповинныхъ жертвъ, — думала она, цѣпенѣя отъ ужаса: — и въ рукахъ этого изверга судьба моего ребенка! Что̀ я ему скажу, какъ буду просить?»

— Ближе стань,—послышался хриплый голосъ съ кресла: — да говори скорѣе, что̀ надоть? всѣ вы тянете, а

у меня дѣловъ не ваши одни, и никто того понять не могитъ...

Марй ступила, шатаясь, отъ порога и безпомощно опустилась на колѣни. Слезы кипѣли въ ея горлѣ; языкъ отказывался служить.

— Что же скажешь? говори!—повторилъ Пугачовъ.

Марй подняла глаза и остолбенѣла. Она въ самозванцѣ, дѣйствительно, узнала постояльца Коровки; Емельянъ сразу узналъ ее. Они нѣсколько секундъ молча смотрѣли другъ на друга. Марй пришла въ себя.

— О помощи молю, о спасенiи дитяти, — сказала она, протянувъ руки;—ребенка моего, единственнаго сына, схватили твои дозорцы, и — гдѣ онъ, куда его дѣли—невѣдомо никому.

— Гдѣ взяли твово сына?

— На пасѣкѣ, у сосѣда, въ лѣсу.

— Прятала его тамѣ? зачѣмъ?

— Какъ не прятать! набѣжали казаки, ограбили усадьбу, гдѣ мы жили у родныхъ, церковь сожгли, — нянька, безъ моего вѣдома, увезла ребенка въ лѣсъ.

— Кто ты, какъ прозываешься?—спросилъ Пугачовъ, не показывая вида, что узналъ просительницу.

«Не призналъ меня, и отлично! — подумала Марй, — еще недовольнымъ могъ бы остаться, что видѣла его простымъ, какъ есть мужикомъ...»

Она назвала себя.

— Дуга́нова? — спросилъ Пугачовъ:—прозвище какъ бы знакомое,—не имѣла ли сродственниковъ возлѣ Казани?

— Братъ моего мужа, съ женой и съ дѣтьми, уѣхалъ туда въ гости... въ ихъ селѣ я, съ сыномъ, ждала ихъ возврата.

Да! — разсуждалъ, вглядываясь въ просительницу, Пугачовъ, — не та рыжая, долговязая и зубастая, что хвасталась тутъ, а она,—эта писанная красавица,—первая въ то время сжалилась надъ больнымъ, пропадавшимъ отъ ранъ, сермяжникомъ, осмотрѣла меня и прислала травъ и ту, рыжую, лѣчить меня... Но почему не признается она, какъ та!»—И онъ продолжалъ вглядываться въ Марй. Ему вспомнился изюмскiй уѣздъ, жизнь въ Кабаньемъ, у казака Коровки, раны на ногахъ, отъ долгихъ скитанiй въ пустынной степи, и эта сердобольная, ласковая барыня, вылѣчившая его въ то тяжелое время.

— Кто твой мужъ? и гдѣ онъ?—спросилъ Пугачовъ.

— Въ Москвѣ служитъ, былъ съ порученіемъ въ Петербургѣ.

— Чѣмъ служитъ?

— Адъютантомъ московскаго главнокомандующаго.

— Видѣла ли ты меня когда-нибудь прежде? — спросилъ самозванецъ:—встань, не бойся, говори правду.

Сердце Мари сильно билось. Холодъ пробѣгалъ у нея съ головы до пятъ. Она медленно встала.

— Нѣтъ, не имѣла случая, не видѣла! — отвѣтила она побѣлѣвшими губами.

— Смотри получше, подумай, вспомни!—повторилъ, вглядываясь въ просительницу, самозванецъ.

— Не помню... не видѣла!—твердо выговорила Мари.

«Врётъ! полагаю, помнитъ, даже, пожалуй, признала меня, только боится, — подумалъ Пугачовъ, — языкъ на привязи держитъ, — надѣяться можно, не разгласитъ, какъ та... а красавица какая... волосы, глаза!»

Онъ хлопнулъ въ ладоши. Вошли Творогòвъ и Мясниковъ.

— Дать эвтой барынѣ, отъ нашей монаршей милости, охрану! тебѣ приказъ, — сказалъ Емельянъ Мясникову: — помѣстить ее, слышь, въ лучшемъ городскомъ домѣ, хоть у Бошняка въ палатахъ; самъ ее навѣщу... да, главное, оповѣстить въ лагерѣ и въ городѣ, — ребенка, сына ейнаго, какіе-то озорники, завистцы нашего покоя, взяли у нея.

— И съ няней Сысоевной,—перебила Мари:—звать дитя Васей... Василіемъ Глѣбычемъ, по отцу!

— Розыскать, слышьте вы, Василія Глѣбыча и съ няней Сысоевной,—объявилъ Пугачовъ: — и возвратить ей немедленно, не дольше нонѣшняго вечера, а мнѣ донести... Еще, барыня, не попросишь ли чего?

— Освободи, сударь, знакомцевъ, сосѣдей моихъ родныхъ,—отца и дѣвицъ Лаптевыхъ и Травкина съ сыномъ.

— Эвто старика-то, съ сыномъ-плясуномъ, что ты говорилъ?—спросилъ самозванецъ Творогòва.

— Такъ точно, батюшка,—отвѣтилъ, кланяясь, Иванко.

— Освободить и ихъ!—рѣшилъ Пугачовъ:—дать имъ мою коляску, — ту голубую, на лесорахъ, — пусть ѣдутъ, подъ охраной; а я нонче заѣду, барыня, къ тебѣ... не попляшетъ ли эвтотъ паренекъ и намъ?

Мари, поклонясь, направилась къ выходу.

— Да строго, Иванъ Александровичъ, подтверди, — сказалъ самозванецъ Творогову: — не найдутъ, псовы дѣти, ея ребёнка, головы порублю...

Что было дальше съ Марѝ, какъ позвали Травкина съ Борей и дѣвицъ Лаптевыхъ, какъ подали имъ коляску и, усадивъ всѣхъ пятерыхъ, повезли черезъ лагерь въ городъ, она уже не помнила. Пришла она въ сознаніе, передъ вечеромъ, когда въ отведенномъ имъ помѣщеніи ей послышались вдругъ веселые, сдержанные возгласы и къ ней, какъ буря, влетѣли обѣ Лаптевы. — «Ангелъ, душечка! Марья Родіоновна! — кричали онѣ, на бѣгу: — посмотрите, кто въ передней!» — Марѝ, оступаясь, бросилась въ прихожую. Тамъ за дверью, отирая радостныя слёзы, стояла Сысоевна. Возлѣ нея шевелилось что-то смѣющееся и махавшее руками. То былъ остриженный, въ чужомъ платьѣ, Вася. Марѝ вскрикнула и, подхвативъ его, осыпала поцѣлуями.— «Гдѣ вы были, гдѣ?»—спрашивала она.—«У татарина какого-то, Баранки, либо, какъ его, дьявола, Овечки!»—отвѣтила Сысоевна. — «Кто нашелъ, освободилъ?» — «Енаралъ ихній, Панинъ, что-ли... по указу».

По отъѣздѣ Дугановой, Лаптевыхъ и Травкиныхъ съ Соколовой-горы, къ Пугачову привели другихъ просителей. Пока онъ рѣшалъ ихъ участь, у палатки появился высокій, лысый и сгорбленный старикъ, въ ученомъ академическомъ мундирѣ, съ серебрянымъ шитьемъ. Держа треуголку подъ мышкой, онъ что-то бормоталъ, разводя руками, и съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на палатку, къ которой протискался.

— Кто это?—спросилъ о немъ Творогова Чумаковъ

— Ученый звѣздочетъ, Ловицъ.

— Зачѣмъ явился?

— Хвалебное слово хочетъ сказать государю, — да подождетъ,—пусть для почета, подъ конецъ.

Изъ палатки вышли два купца и аптекарь Аменде. Купцы удалились, сіяя довольствомъ; блѣднаго, еле шагавшаго, аптекаря окружили стражей и повели къ холму.

— Черти нѣмцы, имъ все давай! — съ гнѣвомъ сказалъ Пугачовъ, показываясь изъ палатки: — не смѣй, молъ, ходить, въ ихъ Сарепту, не трогай ихъ провизіи и лошадей! а самъ, бѣлобрысый пёсъ, сколькихъ, чай, переморилъ аптекой... Ну, будетъ! обѣдать пойдемъ.

Сопровождаемый приближенными, самозванецъ прошелъ въ старшинскую палатку, гдѣ, пока онъ чинилъ судъ и расправу, было все приготовлено для трапезы. Пугачовъ сѣлъ на кошму. Творогòвъ, Чумаковъ и Овсянниковъ, стоя, прислуживали за государевымъ обѣдомъ. Емельянъ не столько ѣлъ, сколько пилъ, поднося и своимъ прислужникамъ. Начали донскимъ перешли къ сантуринскому, а кончили ромомъ.

— Пейте-други-станичники, — говорилъ Пугачовъ, наливая стаканы:—пополнили мы тутъ нашу казну,—двадцать пять тысячъ рублёвъ, муки и всякихъ припасовъ погрузили на суда,—въ Астрахани поживимся еще болѣе... Всѣхъ надѣлю, всѣхъ озолочу! поддержите только, братцы, свово государя до конца.

Изъ-за трапезы Емельянъ всталъ уже совсѣмъ пьяный. Продолжать разборъ дѣлъ въ своей палаткѣ онъ отказался.— «Душно, братцы,—сказалъ онъ, отираясь:—на дворѣ маненечко какъ бы вольготнѣй!» — Кресло для него поставили снаружи, у входа въ палатку. Оттертый карауломъ отъ государевой ставки, Лòвицъ, ожидая, черезъ кого бы доложить о себѣ, видѣлъ, какъ къ самозванцу подводили остальныхъ арестантовъ и какъ вершилась ихъ участь. Едва сидѣвшій въ креслѣ, Пугачовъ, покачиваясь и, то и дѣло, отирая налившееся кровью лицо, почти не слушалъ того, чтò ему говорили, а, въ видѣ рѣшенія дѣла, только махалъ вправо или влѣво платкомъ. По знаку вправо—арестантовъ и просителей отпускали на свободу, влѣво—немедленно уводили къ холму. — «Куда же это, однако, ихъ уводятъ?— раздумывалъ Лòвицъ, не подозрѣвавшій рокового значенія холма.

Всѣ арестованные и просители были, наконецъ, выслушаны.

— Годе, шабашъ!—сказалъ, вставая и направляясь опять въ палатку, Пугачовъ.

— Тутъ, батюшка, ваше величество, еще одинъ человѣкъ,—началъ-было Творогòвъ.

— Годе, опосля! — отвѣтилъ, не оглядываясь, самозванецъ:—другія у насъ дѣла...

Поддерживаемый подъ руки Мясниковымъ и Чумаковымъ, онъ прошелъ въ дальнее отдѣленіе палатки, опустился, не раздѣваясь, на сложенныя здѣсь подушки, протянулся и почти мгновенно заснулъ.

Марі, съ Сысоевной, Лаптевыми и Травкинымъ, едва сталъ близиться вечеръ, начала въ тревогѣ выглядывать въ окна, не ѣдитъ ли обѣщавшій навѣстить ее страшный гость.

— А у меня, дорогая Марья Родіоновна, и лошади, и экипажъ готовы, — шепнулъ Сила Ѳомичъ: — едва сбудемъ онаго лютаго звѣря,—беру всѣхъ васъ и везу въ ночь, да знаете ли куда?

— Не знаю...

— Прямо въ Москву, — надежнѣе будетъ, благо даютъ конвой.

Пугачовъ не явился въ городъ къ Дугàновой. Смерклось, а онъ всё еще спалъ. Къ нему быстро вошелъ и едва добудился его Чумаковъ.

— Вставайте, ваше величество, — сказалъ онъ, теребя его:—уходить надо, царицыны войска по близу.

— Откуда знаешь? врешь!—крикнулъ Пугачовъ, вскакивая и ища близъ себя оружія.

— Лазутчики донесли.

— Давай ихъ сюда; бей тревогу! поднимай лагерь... чекмень, шашку... коня!

Были введены лазутчики — дьячокъ и перебѣжчикъ-солдатъ. Пока самозванецъ разспрашивалъ ихъ, Чумаковъ подавалъ ему дорожное платье. Емельянъ переодѣлся. Чумаковъ видѣлъ, какъ дрожали руки царя и какъ бѣгали по сторонамъ его красные отъ сна, свѣтившіеся испугомъ и злобой глаза.

— Три дня были покойны, — сказалъ, по выходѣ лазутчиковъ, навѣшивая къ поясу шашку, Пугачовъ:—думалъ и долѣе... такъ нѣтъ! опять, дьяволы, гонятъ, опять грозятъ и тѣснятъ... Муфель да Меллѝнъ, — а гдѣ-жъ Михельсонъ? отсталъ?.. ну, да ужъ живыми, Ѳедотычъ, не сдадимся, на потѣху свою не возьмутъ.

Емельянъ распахнулъ полы палатки и бодро вышелъ наружу. Конный казачій отрядъ, стоявшій передъ палаткой, преклонялъ знамя; пѣшая охрана взяла ружья на караулъ. Съ площади было видно, что лагерь уже зашевелился. Гремѣли барабаны. Скакали съ приказаніями вѣстовые. Въ обозѣ снимались тяжести и запрягались воловые и конные возы. Пугачову подвели осѣдланнаго, соловаго коня. Потрепавъ по шеѣ любимаго, не разъ въ послѣднее время вы-

ручавшаго его иноходца, Емельянъ взялся за луку сѣдла и только что занесъ ногу въ стремя, сзади его раздалась иноземная рѣчь.

— Eure Majestät, unser grosser Kaiser und Wohlthäter!— напыщенно и громко началъ кто-то, пробившійся къ нему въ общей суетѣ.

Пугачовъ оглянулся. Въ двухъ шагахъ отъ него, высоко поднявъ въ рукѣ треуголку съ серебрянымъ шитьемъ, стоялъ и восторженно что-то говорилъ ему по-нѣмецки высокій и лысый, въ мундирномъ кафтанѣ, старикъ. Искренно считая самозванца за императора Петра третьяго, питомца ученаго нѣмца Штеллина,—Ловицъ въ отборныхъ нѣмецкихъ выраженіяхъ излагалъ радость не только свою и города Саратова, но и всей юной русской науки, что пресвѣтлый государь, внукъ Петра Великаго, удостоилъ этотъ дальній, глухой и дикій край своимъ высокимъ посѣщеніемъ, и съ особымъ удареніемъ твердилъ:—Ich habe, Eure Majestät... «Я, ваше величество, видѣлъ дальнія звѣзды, планеты и кометы! но выше и свѣтлѣе ихъ всѣхъ — великій россійскій государь Петръ Ѳедоровичъ... vale imperator! радуйся, покровитель искусствъ, торговли и безсмертныхъ наукъ... hoch, hoch!»

XXVIII.

— Что это онъ, нѣмецкая колбаса, торочитъ тутъ?— вполголоса спросилъ Пугачовъ, обратясь къ окружавшимъ его пособникамъ;—знаю ихніе иноземные языки, да галдитъ онъ несуразно; не все поймешь.

— О звѣздахъ, видно, — отвѣтилъ съ поклономъ Творогòвъ:—я давеча еще докладывалъ... изъ Питера онъ, сказываютъ, насланъ сюда для науки,—промѣрщикъ и звѣздочётъ.

— Что же ему, дьяволу, нужно? — спросилъ, садясь на коня, Емельянъ.

Творогòвъ молчалъ.

— Звѣздочётъ говоришь ты?—произнесъ Пугачовъ, глядя на Ловица, пораженнага такимъ обращеніемъ съ нимъ.

— Такъ точно, царь-батюшка,—отвѣтилъ Творогòвъ.

Емельянъ оправился на сѣдлѣ.

— Ну, и придвинь его, Иванъ, поближе къ звѣздамъ... подвѣсь!—сказалъ, удаляясь съ площади, самозванецъ.

Творогòвъ поклонился.

— Да кстати,—произнесъ, уже отъѣхавъ и подозвавъ его къ себѣ, Пугачовъ:—тутъ еще была эта рыжая, высокая

барышня, сухожилая такая... изъ просительницъ, помнишь?.. еще съ длинными, какъ у бѣлки, зубами.

— Ладыженцева?—спросилъ Твороговъ.

— Она самая...

— Простить изволилъ ты ее, батюшка, и охрану отрядилъ,—твоей милости она помощь гдѣ-то оказала.

— Откуда знаешь?

— Сама радовалась она, выйдя отъ тебя,—призналъ, говоритъ, его величество...

— Ну, Иванъ, такъ вотъ что!—сказалъ самозванецъ:—раздумалъ я... гдѣ эта барышня теперь?

— У попа въ слободкѣ ждетъ, — вонъ его жильё, подъ вербами, о чемъ-то еще хотѣла твою милость просить.

Пугачовъ глянулъ на пѣшіе и конные свои полки, шедшіе въ облакахъ пыли къ городу.

— Надумалъ я иное, — произнесъ онъ, въ силу сдерживая коня, горячившагося отъ звуковъ барабановъ и трубъ:—оно, вишь, спокойнѣе будетъ... Пока поднимется весь обозъ, пошли за этою рыжею и на своихъ глазахъ удави ее...

Вечеромъ, десятаго августа, полчища Пугачова, обогнувъ Саратовъ, потянулись въ низовья Волги къ Царицыну. У самозванца, въ это время, по слухамъ, было еще до пяти тысячъ снабженнаго оружіемъ, доброконнаго войска, болѣе двадцати пушекъ, огромный, нагруженный добычею и съѣстными припасами обозъ, въ нѣсколько сотъ конныхъ и воловыхъ подводъ, и до десяти тысячъ разнаго безоружнаго сброда, крючниковъ, рыбаковъ и окрестныхъ, помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ. Самъ Пугачовъ, съ полкомъ яицкихъ и волжскихъ казаковъ, калмыковъ и татаръ, ѣхалъ впереди отряда. За нимъ, въ коляскѣ и бричкѣ, слѣдовали его жена съ дѣтьми и прислужницы изъ плѣнныхъ офицерскихъ и помѣщичьихъ женъ и дочерей. Въ нѣсколькихъ верстахъ за Саратовомъ, у помѣщичьей усадьбы, самозванецъ услышалъ шумъ и крики впереди себя. Подъѣхавъ къ шумѣвшимъ, онъ увидѣлъ окровавленныхъ главныхъ своихъ есауловъ—Баранку и Идорку. Татары заспорили изъ-за какой-то лошади и бросились другъ на друга, съ ножами. Зачинщикомъ оказался Идорка. — «А, чортъ рябой! не утихомирился? баста теперь!» — крикнулъ Пугачовъ и велѣлъ вздернуть Идорку на ворота усадьбы.—«Чей дворъ?»—

спросилъ онъ. — «Дугановыхъ,» — отвѣтили ему. Пугачовъ долго разсматривалъ разоренную, съ погорѣлою церковью, усадьбу Горокъ, ѣдучи мимо нея.

Травкинъ сдержалъ слово, данное имъ спасенной Марй. Едва полчища самозванца прошли черезъ городъ и, въ наставшихъ сумеркахъ, улеглись тучи пыли, поднятыя въ предмѣстьяхъ пушками и подводами мятежниковъ, Сила Ѳомичъ вошелъ въ комнату Марй.

— Не досталъ я роскошнаго и удобнаго экипажа, подобнаго вашему берлйну,— сказалъ онъ ей: — но идемте,— готовъ преобширнѣйшій макарьевскій тарантасъ, — та же, почитай, коляска. Протопопъ, отецъ Илларій, уступилъ по своей цѣнѣ. Лошадей до ближней смѣны добылъ у кума краснорядца.

— А конвой? — спросила Марй, все еще въ страхѣ и тревогѣ, не встрѣтилась бы въ дорогѣ какая-либо роковая случайность.

— Конвой? да зачѣмъ же онъ теперь?—улыбнулся Травкинъ: — ѣхать намъ на сѣверъ, а лютый аспидъ, съ своею оравой, ретируется вѣдь на югъ... До Москвы теперь—скатертью дорога... Ѣдемъ, ѣдемъ! Молодцы Муфель и Меллйнъ наспѣваютъ, за ними спѣшитъ Михельсонъ; злодѣи отъ нихъ и бѣгутъ. Не ночью, къ утру, встрѣтимъ, авось, и наши аванпосты.

— Но если, вмѣсто своихъ, вдругъ наткнемся на какую-либо отсталую шайку? — спросила Марй, боясь и думать о возможности спасенія.

— Какъ?—удивился Травкинъ: — вы полагаете, что кто-либо изъ этой сволочи остался, припоздалъ, когда вотъ-вотъ наскочатъ наши крылатые герои? Плохо же вы знаете эту чернь! да она такъ теперь, сломя голову, бѣжитъ, что за городомъ обрушила два моста и бросаетъ по пути пушки и тяжести. Сейчасъ понамарь воротился изъ лѣсу и сказывалъ.

Марй осѣнила себя и ребенка крестомъ, со слезами простилась съ Варей и Соней Лаптевыми, которыхъ пригласилъ подъ свой кровъ тотъ же протопопъ Илларій, бодро вышла во дворъ, гдѣ уже были готовы лошади, и сѣла, съ няней и Васей, въ тарантасъ.

— Да чья же, сударыня,—и не довѣдалась я,— на тебѣ

кофта и чей платокъ?—спросила ее Сысоевна, когда суетившийся по двору съ фонаремъ Травкинъ, разглядывая, удобно ли все уложено, посвѣтилъ въ тарантасъ.

— Дарьи птичницы... она дала мнѣ, какъ я садилась въ лодку.

— Бѣдная ты, горемычная! — проговорила, всхлипнувъ, Сысоевна: — нѣтъ Глѣба Андреича! вотъ повидѣлъ бы онъ, чего ты не натерпѣлась!

— Ничего, милая барыня, съ Богомъ! — сказалъ Сила Ѳомичъ, взлѣзая на козлы, гдѣ уже сидѣлъ его крестникъ Боря:—лишь бы Господь помогъ, а о прочемъ не безпокойтесь... Далъ намъ кумъ на дорогу не токмо провизіи,— теплой покрыши для ночи, дубленокъ, полстей.

Тарантасъ выѣхалъ изъ воротъ, миновалъ опустѣлую Московскую и другія улицы, выбрался на выгонъ, гдѣ еще такъ недавно стоялъ шумный лагерь самозванца, и понесся къ Медвѣдицѣ, по пути на Аткарскъ и Тамбовъ. — «Сказать ли ей о судьбѣ кузины ея?—раздумывалъ дорогою Травкинъ,—да, наказана бѣдная философка!»—И, наклонясь съ козелъ, онъ сперва намеками, потомъ прямо передалъ Мари, что самозванецъ не пощадилъ Ладыженцевой и что, по словамъ отца Илларія, передъ своимъ уходомъ, велѣлъ казнить ее. Услыша рыданія Мари, Сила Ѳомичъ промолчалъ объ участи другихъ знакомыхъ.

Передовые отряды Муфеля и Меллина встрѣтились путникамъ верстахъ въ десяти за городомъ. Едва тарантасъ выбрался изъ лѣса, окружавшаго городъ со стороны Соколовой и Алтынной горъ, и, миновавъ овраги и водороины, спадавшіе къ Волгѣ, поднялся на ровную, гладкую степь, впереди послышался конскій топотъ. Увидѣвъ, при свѣтѣ мѣсяца, пыль, летѣвшую по дорогѣ, путники свернули въ сторону. Мимо нихъ, къ опушкѣ лѣса, понеслись шеренги улановъ и гусаръ. Скакавшіе вразсыпную всадники, съ разбѣга, натыкались на тарантасъ.

— А, черти! кто тутъ? — кричали черные отъ пыли солдаты, осаживая коней и снова уносясь далѣе.

— Свои, братцы, свои!—кричалъ Травкинъ, стоя на козлахъ и размахивая шляпой: — Саратовъ очищенъ! слышите ли, Саратовъ! злодѣи бѣжали внизъ.

— Ура! — откликались скакавшіе всадники, слыша ра-

достную вѣсть: — ура! — гремѣло по ближнимъ и дальнимъ ихъ рядамъ.

Къ тарантасу подъѣхалъ, въ гусарскомъ доломанѣ и ментикѣ, худой и черный, какъ жукъ, полковникъ Муфель. Вѣжливо поклонясь дамамъ, онъ сталъ разспрашивать о бѣгствѣ самозванца.

— Отъ васъ первыхъ слышу радостную вѣсть,—сказалъ онъ Травкину:—скоро, скоро злодѣю конецъ.

— А гдѣ, позвольте узнать, другой нашъ герой, Иванъ Иванычъ Михельсонъ?—спросилъ Сила Ѳомичъ.

— Его-то мы и ждали это время,—отвѣтилъ Муфель: — безъ него не рѣшались двигаться къ Саратову, а теперь онъ невдали; подъ тою вонъ горой, встрѣтите вы пѣхоту графа Меллина, а далѣе, если вашъ путь на Аткарскъ...

— Да, да, къ Медвѣдицѣ, на Аткарскъ, — сказалъ Сила Ѳомичъ.

— Въ такомъ случаѣ, — произнесъ, откланиваясь, Муфель:—за Широкимъ-буеракомъ вы увидите и Ивана Иваныча.

Въ станицѣ Широкій-буеракъ путникамъ предстояла смѣна лошадей. Задержанные на дорогѣ конницей Муфеля и далѣе, подъ горой, мушкатерами и обозомъ графа Меллина, они доѣхали до станицы уже на разсвѣтѣ. Вася крѣпко спалъ на рукахъ усталой матери. Боря на козлахъ и Сысоевна въ тарантасѣ, истомившись за ночь, такъ сильно покачивались, что едва, въ неодолимой дремотѣ, не падали изъ экипажа. Одинъ Сила Ѳомичъ бодрствовалъ. Остановясь у околицы, онъ ввелъ всѣхъ въ ближайшую избу, наносилъ туда, съ хозяйкой-старухой, сѣна и, уложивъ всѣхъ спать, бросился отыскивать свѣжихъ лошадей. Большая часть жителей станицы, послѣ прохода здѣсь Пугачова, была въ бѣгахъ. Оставшіеся говорили, что они стары и хворы, и на всѣ просьбы, съ предложеніемъ щедрой платы, отвѣчали отказомъ.

— Гдѣ намъ, батюшка, взять тебѣ коней?—отвѣчали они, толпясь у воротъ и, съ тупымъ любопытствомъ, разглядывая барина, уцѣлѣвшаго отъ общаго погрома: — все заграбилъ и забралъ антихристъ.

— Да можетъ лошади угнаны у васъ, для охраны, на дальніе луга или въ лѣсъ? — спрашивалъ, не ожидавшій отказа, Сила Ѳомичъ.

— Что ты, милъ-человѣкъ, полно!—возражали, кланяясь,

мужики:—не токмо лошадушки, послѣдняго телка не оставили лиходѣи, порѣзали на жратву, до малаго, тебѣ, курчёнка и порося.

— Ничего, слышьте, ребята, не пожалѣю, — твердилъ Травкинъ, соображая, что въ карманѣ у него полный кошель золота, ссуженнаго тѣмъ же кумомъ-краснорядцемъ:— ну, не хотите отдать въ наймы, продайте! что̀ возьмете за тройку?

— Ахъ-ахъ, батюшка, родимый ты нашъ! и не думай, ну, не безпокойся! татары мы, что ли, аль супостаты тебѣ? нешто можно грабить! мы съ радостью, только, прости, нѣту-ти ни одного коня.

— А чьи, вонъ тамъ, внизу, пасутся? — спросилъ Сила Ѳомичъ, указывая съ холма на берегъ рѣки.

— Клещовски, сударь, убей Богъ, чужіе.

— Ну, сходите, наймите или купите для насъ.

— Гдѣ намъ, свѣтикъ! стары мы, убоги, хворы, куда по горамъ ходить?

— Нечего, видно, дѣлать, ступай хотя ты, — обратился Травкинъ къ кучеру протопопа:— да не скупись, помни, а главное—не возвращайся безъ лошадей; иначе, что же это, такъ намъ и сидѣть?

— Оно точно, батюшка, Сила Ѳомичъ, — сказалъ, почесываясь, кучеръ: — кому, значитъ, пріятно? а какъ не добуду и я?

— Ну, тогда не прогнѣвайся, — вспылилъ Травкинъ: — тогда... просто не отпущу тебя, какъ знаешь, а задержу... покормимъ и двинемся далѣе. Сказано—до перемѣны, ну, и отпущу тебя, какъ найдемъ, чѣмъ перемѣнить.

Кучеръ съ неудовольствіемъ отпрягъ лошадей, поставилъ ихъ подъ навѣсъ къ корму и, покачивая головой, отправился внизъ къ берегу. Сила Ѳомичъ присѣлъ въ тарантасъ и задумался. Глаза его слипались; одолѣвалъ сонъ. «До этой Клещовки, — разсуждалъ онъ: — будетъ, пожалуй, не меньше трехъ-четырехъ верстъ; вонъ гдѣ виднѣются ея мельницы. Пройдетъ часа два, а то и больше, пока онъ разыщетъ тамъ хозяевъ, да сладитъ съ ними. Впрочемъ, оно и кстати, наши выспятся вдоволь, отдохнутъ. А пережито, пережито, Боже! Всѣ вѣдь на волосокъ были отъ лютой, позорной смерти. Бѣдняжки же Лаптевы остались, въ ожиданіи—ѣхать къ отцу, и не знаютъ о его участи. А

достойнаго Петра Ильича, ужасъ и подумать, своими глазами видѣлъ ѣхавшій мимо его двора понамарь... собственные подданные повѣсили бѣдняка на воротахъ его двора! А Тарскій, Быковъ?» Задумавшись о роковой, страшной кончинѣ стараго знакомца и сосѣда, Лаптева, Сила Ѳомичъ склонился на кузовъ тарантаса. Надвинувъ ниже на лобъ отъ солнца шляпу, онъ вспомнилъ, какъ еще недавно онъ, съ Петромъ Ильичемъ, на проводахъ хозяевъ изъ Горокъ въ Туровцово, игралъ плясовую на віолончели, а тотъ на скрипкѣ. Прошептавъ со вздохомъ: «миръ праху твоему, добрый человѣкъ и истинный анахоретъ!» онъ крѣпко заснулъ. Спалъ онъ, какъ показалось ему, очень долго. Очнувшись отъ какихъ-то странныхъ и рѣзкихъ криковъ, онъ оправилъ съѣхавшую на носъ шляпу и растерянно взглянулъ на небо.

Солнце стояло высоко и сильно пекло. Было, вѣроятно, уже далеко за полдень. Лошади, доѣвъ кормъ, дремали подъ навѣсомъ. Возвратившійся, ни съ чѣмъ, кучеръ мирно спалъ, раскинувшись на попонѣ, возлѣ ясель, въ холодкѣ.

«Да что же это? и онъ не успѣлъ?—подумалъ Травкинъ, вылѣзая изъ Тарантаса, — неужели ни мольбы, ни деньги не въ силахъ уже намъ помочь?» Онъ направился подъ навѣсъ, къ кучеру.

До его слуха снова донеслись взрывы криковъ. Черезъ улицу, у противоположнаго двора, Травкинъ увидѣлъ, средняго роста, въ дорожной шинели, плечистаго офицера, съ нагайкой въ рукѣ. Сзади его виднѣлись, въ гвардейскихъ шапкахъ, двое рослыхъ солдатъ-гренадеровъ, а передъ нимъ, опершись на палки, стояли тѣ же станичные, въ капелюхахъ и драныхъ зипунишкахъ, — старики, которыхъ такъ неудачно Сила Ѳомичъ утромъ упрашивалъ о лошадяхъ.

— Такъ вы говорите, что у васъ точно нѣтъ коней для смѣны? — визгливымъ, обрывавшимся отъ гнѣва, голосомъ выкрикивалъ офицеръ.

— Нѣту-ти, ваше благородіе... послѣднюю, то-есть тёлку, все—до курятки, ёнъ, лѣшій, забралъ.

— Ахъ, вы бестіи, бородачи! вотъ вы какіе!—крикнулъ, взмахнувъ нагайкой, офицеръ:—такъ вотъ вы какъ? передъ вами говоритъ посланный ея величества, а вы... ни тёлки, ни коня?

Мужики сняли шапки.

— На колѣни, ракалія!

Всѣ упали на колѣни.

— Дибулинъ, Кузнецовъ! — скомандовалъ офицеръ: — тесаки наголо! становись сбоку и жди приказа... не дадутъ, — голову сѣки!.. Такъ у васъ, и вправду, нѣтъ для смѣны, подъ комиссію, коней?

Мужики, склонивъ головы, молчали.

— Ни тройки, ни пары? — кричалъ офицеръ: — ни одного даже, чтобъ въ городъ послать?

— Есть, милостивый, есть, не гнѣвайся, прости! — взмолились, кланяясь въ землю, мужики: — по клѣтямъ попрятаны, загнаны въ камыши! не опомнишься, батюшка, будутъ! Сколько тебѣ? Терёха, Евдокимъ, бѣги... у Прокла тоже кобылёнка, у Са̀вчихи меренóкъ.

— Духомъ, черти! двѣ тройки, да добрыхъ.

— Будутъ, соколикъ, будутъ.

Убогіе и хворые съ виду, старики прытко пустились по улицѣ. Травкинъ вышелъ за ворота. — «Ай, да молодчикъ! — мыслилъ онъ объ офицерѣ, — для себя досталъ, добудетъ, пожалуй, какъ попрошу, и намъ». Сила Ѳомичъ оправилъ на себѣ одежду, даже смахнулъ платкомъ пыль съ сапоговъ, крякнулъ и, наскоро обдумывая должное привѣтствіе, съ приподнятою шляпой въ рукѣ, направился черезъ улицу къ офицеру. Тотъ, отдавая приказанія солдатамъ, не слышалъ его шаговъ.

— Такихъ-то царевыхъ слугъ, такихъ смѣлыхъ патріотовъ и нужно намъ! — началъ Сила Ѳомичъ: — въ нихъ надежда и спасеніе страны...

Офицеръ обернулся на его голосъ. Травкинъ взглянулъ и замеръ въ изумленіи, остолбенѣлъ. Передъ нимъ былъ — Глѣбъ Андреевичъ Дуга̀новъ.

— Сила Ѳомичъ! родной вы мой! какими судьбами? — вскрикнулъ Глѣбъ, обнимая его: — вы живы, невредимы? какъ я счастливъ, радъ!

Травкинъ едва стоялъ на ногахъ.

— Да говорите же, добрый нашъ, какимъ чудомъ спасены? какъ очутились здѣсь? — спрашивалъ Дуга́новъ, видя, что старикъ глядитъ куда-то въ сторону: — а вашъ Боря, здоровъ ли, гдѣ онъ?

— Тамъ, охъ, тамъ... за этимъ тыномъ, то-есть, извините, заборомъ, — проговорилъ сиплымъ, упавшимъ отъ ра-

дости голосомъ Травкинъ, тыча рукой черезъ улицу:— онъ здоровъ, благодарю сердечно-съ, и, можетъ-быть, что я, навѣрное обрадуется...

— Крестникъ вашъ, говорите вы, тоже здѣсь? куда же вы направляетесь? Саратовъ, дѣйствительно, очищенъ?

— Да нѣтъ, помилуйте, не о томъ-съ,—перебилъ, путаясь пересохшимъ языкомъ, Травкинъ: — Саратовъ, положимъ, точно свободенъ и злодѣй бѣжитъ внизъ... Но можно ли о такомъ, относительно иныхъ лицъ, постороннемъ и неподходящемъ предметѣ? и что такое крестникъ, или хоть бы всѣ Борисы на свѣтѣ! одна моя несообразность и безсиліе въ такой, по истинѣ, важный моментъ...

XXIX.

Травкинъ отеръ пылавшее свое лицо. Глѣбъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на старика.

— Нѣтъ, благодѣтель, защитникъ невинныхъ и слабыхъ! нѣтъ, не могу! — вскрикнулъ Сила Ѳомичъ, снявъ и опять надѣвъ на себя шляпу:—не здѣсь, среди улицы и въ пыли,— въ иномъ, такъ сказать, святомъ уединеніи и вдали отъ чужихъ, недостойныхъ глазъ...

Онъ ухватилъ Глѣба за руку, крѣпко стиснулъ ее и, торжественно-загадочно поглядѣвъ ему въ глаза, потащилъ его къ воротамъ, изъ которыхъ вышелъ.—«Куда это онъ и что затѣялъ? — думалъ Глѣбъ, идя за Травкинымъ, — Мари и Вася, очевидно, благополучны, спасены, и онъ собирается сообщить о нихъ»...

Травкинъ и Глѣбъ, войдя въ сосѣдній дворъ, приблизились къ стоявшей тамъ избѣ. Въ окнѣ избы мелькнула и скрылась какая-то тѣнь. Сила Ѳомичъ взошелъ на крыльцо, отворилъ дверь въ сѣни и знакомъ предложилъ Дуганову идти впередъ. Едва Глѣбъ ступилъ въ сѣни, справа растворилась другая дверь. Что-то знакомое, несбыточное и сказочно-дорогое предстало и замерло на порогѣ.

— Глѣбъ! Глѣбушка! ахъ, да ты ли это? — послышался плачущій и вмѣстѣ блаженно-смѣющійся голосъ Мари.

Она съ безумно-порывистыми, горячими поцѣлуями повисла на груди растеряннаго и плачущаго отъ радости мужа.

— Ну, представь, сейчасъ... не повѣришь,—во снѣ, ну, какъ живого, видѣла тебя!— говорила Мари, увлекая мужа въ избу:—и свѣтлый ты, свѣтлый такой, какъ теперь.

— А Вася? гдѣ онъ? здоровъ ли?

— Вотъ онъ, вотъ!—смѣялась и плакала Мари́, указывая мужу на улыбавшагося большими глазами, краснаго отъ сна, ребенка, пившаго молоко на колѣняхъ няни.

— Съ благополучнымъ, сударь, возвратомъ! — сказала, вставъ съ лавки и кланяясь, Сысоевна:—ужъ ждали-ждали,— принесъ Господь!

Вася сталъ лепетать что-то, морща брови и повторяя: бумъ, бумъ.

— Это онъ о пушкахъ, что въ лагерѣ палили, подъ городомъ,—объяснилъ Боря.

— Нѣтъ, ты лучше самъ скажи, какъ пляскою спасъ отъ гибели столько близкихъ,—сказала ему Мари́.

— Увольте, матушка, до того ли вамъ теперь? — возразилъ Травкинъ, кивая крестнику: — бери картузъ, Боря, иди сюда,—дѣло есть...

Онъ увелъ мальчика на крыльцо. Няня съ Васей ушла черезъ сѣни къ хозяйкѣ. Глѣбъ посадилъ Мари́ на лавку, рядомъ съ собой, взялъ ея руки и долго смотрѣлъ ей въ глаза.

— Не сто́ю я тебя, Маша!—сказалъ онъ съ чувствомъ:— вотъ гдѣ увидѣлись!.. Прости меня, прости, — я кругомъ передъ тобой виноватъ...

— Что ты, Глѣбушка, полно, ну, можно ли? да я и въ мысляхъ на тебя никогда...

— Нѣтъ, нѣтъ, я былъ неправъ, грубъ и жестокъ!— твердилъ Глѣбъ: — и если намъ еще суждено счастье, если ты не разлюбила, прости, позабудь!

Онъ опустился возлѣ Мари́ на колѣни, обхватилъ ее, припалъ къ ней головой. Его плечи судорожно двигались; слышались заглушенныя рыданія.

— Если тебѣ, милый, дорогой, нужно мое извиненіе,— сказала Мари́, положивъ ему руки на голову и сама плача:— Господь тебя проститъ! прости меня и ты!

Двѣ телѣги у двора, черезъ улицу, давно были запряжены, и давно неслись оттуда звуки колокольчиковъ и бубенцовъ. Товарищи Глѣба, съ снисходительнымъ терпѣніемъ поглядывая на избу, гдѣ онъ сидѣлъ съ женой, разговаривали на заваленкѣ съ Травкинымъ. На ихъ разсказы объ ужасахъ въ Пензѣ, Курмышѣ, Казани и иныхъ городахъ, Сила Ѳомичъ имъ передавалъ о звѣрствахъ мятежниковъ въ Саратовѣ и его окрестностяхъ.

Глѣбъ, въ бесѣдѣ съ Марі, завелъ рѣчь о томъ же. Передавъ ей слышанную въ Пензѣ вѣсть о гибели Туровцовой, въ разгромленной мятежниками ея усадьбѣ, подъ Казанью, — Глѣбъ упомянулъ о братѣ и Серафимѣ и остановился.

— Ну, что жъ ты замолчалъ? — спросила, глядя на него, Марі: — гдѣ они? спасены, надѣюсь? ты знаешь о нихъ?

— Готовься услышать нѣчто ужасное, вопіющее, — сказалъ Глѣбъ, мысленно подбирая слова: — въ Петровскѣ только вчера офицеръ изъ отряда Меллина сообщилъ мнѣ слышанное отъ захваченнаго въ Курмышѣ слуги нашихъ, очевидно, Дрона... братъ Алёша, Серафима и ихъ дѣти настигнуты, представь, въ томъ городѣ злодѣями...

— Ну, ну? и что же съ ними?

Глѣбъ молча склонилъ голову. Марі, глядя на образъ, крестилась.

— Они въ плѣну? — спросила она: — живы?

— Воля Божья... будемъ молиться за нихъ...

— Убиты, погибли?

— Покойники, кромѣ одного ребенка...

Марі съ рыданьями упала на руки мужа.

— Бѣдный Алёша, бѣдный! а Серафима? ужасъ! — твердила она: — думали ль мы всѣ, прощаясь съ ними? а Лаптевъ! знаешь о немъ? Да, Богъ мой, что же я! главнаго и не сказала... Знаешь ли, что съ Нинетѣ?

— Не знаю.

— Она и Лаптевъ... нѣтъ, не могу...

Марі задыхалась.

— Оба... погибли, оба, — проговорила она: — я молила бѣдняжку Нину... не послушала она меня... вѣдь ты знаешь, кто этотъ Пугачовъ? помнишь казака въ Кабаньемъ? ну, больного, помнишь?

Марі разсказала о гибели Ладыженцовой и Лаптева. Глѣбъ слушалъ ее понуривъ голову. Опять послышались колокольчики.

— Неужели пора? — сказалъ Глѣбъ, взглянувъ въ окно и тихо вставая: — да и вамъ запрягли лошадей, — поѣзжай съ Богомъ! путь до Москвы вполнѣ теперь безопасенъ. Кончу свое дѣло, возьмемъ Пугачова, — не сомнѣваюсь въ томъ, — съ какимъ наслажденіемъ вернусь опять въ нашъ уголъ. Черный годъ смѣнится свѣтлымъ...

Глѣбъ медлилъ, не уходилъ. Явился Травкинъ,—извѣстить, что Галаховъ рѣшилъ послать впередъ Ру́нича, съ гренадерами, а самъ подождетъ Глѣба Андреевича. Дуга́новъ просилъ благодарить его и еще остался съ женой. Руничъ уѣхалъ. Прошло болѣе часа. Глѣбъ и Мари́ продолжали говорить, строили планы, какъ они снова увидятся въ Москвѣ, какъ заживутъ въ своемъ уютномъ гнѣздѣ, навѣстятъ Ракитное. У окна показался Травкинъ.

— Александръ Павловичъ совѣтуетъ, — сказалъ онъ, постучавъ въ окно:—можетъ-быть, останетесь, подъѣдете послѣ?

Мари́ встала, обхватила мужа и замерла. Слезы давили ей горло.

— Въ самомъ дѣлѣ, останься, — развѣ нельзя? — спросила она...

— Совѣстно, видишь, ждутъ товарищи; скоро вечеръ.

— Благослови же меня, благослови сына!—сказала Мари́, отворяя дверь въ сѣни:—Сысоевна, неси Васю.

Глѣбъ перекрестилъ дитя и жену, осыпалъ ихъ поцѣлуями и вышелъ. Онъ представилъ Галахова женѣ. Разговоръ длился еще нѣсколько минутъ.

— Ну, ѣдемъ!—сказалъ Глѣбъ.

Колокольчики и бубенцы зазвенѣли. Тройки понеслись.

— Пиши же чаще!—кричала Мари́, сквозь слезы, глядя на отъѣзжавшаго мужа и издали крестя его.

Глѣбъ въ силу сдерживалъ слезы.

По выходѣ изъ занятаго и ограбленнаго Саратова, Пугачовъ взялъ Камышинъ и Дубовку, выжегъ окрестности Царицына, разорилъ Сарепту и бросился въ низовья Волги, къ Черному Яру. Отрядъ Михельсона, опередивъ Муфеля и Меллина, гнался за нимъ по пятамъ. Члены комиссіи, посланной для пріема самозванца, слѣдуя въ нѣсколькихъ дняхъ разстоянія за Михельсономъ, съ каждымъ днемъ убѣждались, что увѣренія ѣхавшаго съ ними Долгополова о готовности казаковъ выдать Пугачова — ложь, что, напротивъ, къ самозванцу ежедневно пристаютъ новыя полчища и что его сообщники, въ виду смѣлаго его упорства и новыхъ побѣдъ, очевидно, расположены защищать его во что бы то ни стало.

— Ну, Астафій Трифонычъ, гдѣ же твой Емелька?—спрашивалъ Галаховъ Долгополова:—что-то не выдаютъ его казаки, а самъ онъ, оказывается, и ухомъ не ведетъ.

— Подождемъ, увидимъ,—отвѣчалъ Долгополовъ.

Въ Дубовкѣ имъ сказали, что движеніе Пугачова къ Сарептѣ—только отводъ глазъ, что оттуда онъ предположилъ повернуть вправо, къ близкому колѣну Дона, послалъ уже гонцовъ съ воззваніями къ донскимъ казакамъ, и что, занявъ Донъ, онъ окончательно двинется на Москву.—«Царь Иванъ Грозный подъ Казанью семь лѣтъ стоялъ,—будто бы похвалялся онъ: — а у меня она въ три часа пепломъ покрылась, — то же будетъ и съ Питеромъ! Божественныя книги указываютъ,—быть мнѣ на престолѣ опять!»—Ѣхавшія въ отрядѣ самозванца, его жена и дѣти сильно изнывали отъ жары и пыли. Онъ издали слѣдилъ за ними, посылая имъ въ коляску освѣжиться арбузовъ и дынь. Въ Сарептѣ нашли лавку съ пряниками. Самозванецъ послалъ дѣтямъ узелъ позолоченныхъ рыбокъ и коньковъ, говоря: «Жаль мнѣ дѣтей вѣрнаго моего слуги Пугачова; дайте имъ полакомиться».

На разсвѣтѣ 24-го августа отрядъ Михельсона нагналъ самозванца, на берегу Волги, у рыбнаго Сальникова завода. Узнавъ отъ развѣдчиковъ о наступленіи, Пугачовъ поднялъ лагерь, установилъ на склонѣ холма длинный рядъ пушекъ, а ниже, впереди ихъ, пѣшіе полки, и готовился двинуть ихъ, подъ прикрытіемъ общей пальбы, съ цѣлью — раздавить наступающихъ. Впереди послѣднихъ ѣхалъ, отдавая окончательныя приказанія, Михельсонъ. Дувшій отъ Волги рѣзкій вѣтеръ, играя его гусарскими, длинными локонами, заплетенными на вискахъ, въ видѣ косичекъ, несъ навстрѣчу улановъ и гусаръ облака пыли. Михельсонъ не замѣчалъ ни вѣтра, ни пыли. Его открытое, круглое лицо было весело; быстрые, голубые глаза, изъ-подъ надвинутой на лобъ шляпы, зорко вглядывались въ полчища мятежниковъ.

— Нечего ихъ, подлыхъ собакъ, ждать! — сказалъ онъ, видя, что его отрядъ готовъ и только ждалъ его приказа:— ну-ка, чугуевцы! донцы-молодцы! за бороды ихъ, сермяжниковъ, впередъ!

Онъ далъ шпоры коню. Рыжій, горбоносый кубанецъ, съ подтянутыми ребрами, пройдя рысью, помчался вскачь. Уланы, гусары и малороссійскіе казаки слѣва, драгуны и донскіе казаки справа неслись возлѣ него. На холмѣ поднялись клубы дыма. Грянулъ залпъ пушекъ. Черезъ головы

нападающихъ звонко прогудѣло нѣсколько ядеръ, упавшихъ за пѣхотой и наспѣвавшей въ облакахъ пыли кавалеріей.

— Въ середину ихъ! бей прямо въ середину!—кричалъ, размахивая саблей, Михельсонъ: — на-двое ихъ, ребята, пополамъ!

Несшіеся всадники врѣзались въ средину пѣшихъ мятежниковъ. Съ обѣихъ сторонъ загремѣли ружейные выстрѣлы, свистѣли пули. Два улана и нѣсколько драгунъ повалились съ коней. Всадники рубили и кололи направо и налѣво. Невдали отъ нападавшихъ донцовъ, на пригоркѣ, среди мятежниковъ, виднѣлся, въ красномъ чекменѣ, плечистый, съ бородою, всадникъ. Донцы узнали Пугачова.

— А, Емельянъ Иванычъ! здорово!—кричали они, цѣлясь въ него и стрѣляя на скаку:—къ намъ, Емеля! твоей хаты у насъ въ станицѣ уже чортъ-мà, сожгли... выстроимъ новый острòжокъ!

Мятежники дрогнули, бросились бѣжать. Пугачовъ помутившимся взглядомъ окидывалъ бѣгущихъ. Онъ хриплымъ голосомъ молилъ биться, грозилъ — никто не слушалъ его. Сквозь порѣдѣвшіе ряды, къ холму помчался рослый, лихой донецъ-зимовѐецъ, односелецъ Емельки, въ бѣлой, распахнутой на груди, рубахѣ и съ шапкой на затылкѣ. Обскакивая бѣгущихъ, съ арканомъ въ голой, волосатой рукѣ, онъ усмѣхнулся, мѣтя съ коня накинуть петлю на Пугачова. Стоявшій за самозванцомъ, бывшій дугàновскій слуга, Сергѣй, увидѣлъ его, прицѣлился изъ винтовки и выстрѣлилъ почти въ упоръ. Казакъ съ арканомъ грохнулся наземь съ сѣдла.—«Ура!»—кричали драгуны и уланы, обхватывая пригорокъ, гдѣ стоялъ Пугачовъ.—«Ура!»—гремѣли, надвигаясь за ними, со штыками на-перевѣсъ, мушкатеры. Пугачовъ съ силой стегнулъ нагайкой коня и, заслоненный горстью охранниковъ, бросился вскачь къ глубокому и длинному оврагу, куда скрывались остатки разбитыхъ его полковъ. Раненая подъ нимъ въ ногу лошадь слегка прихрамывала.

— Лови его, лови! стрѣляй!—кричалъ Михельсонъ, указывая съ холма на оврагъ.

Мушкатеры дали залпъ изъ ружей. Трое изъ охранниковъ самозванца, въ томъ числѣ, Овчинниковъ и Сергѣй, повалились съ коней. Донскіе и волжскіе казаки оцѣпили въ это время обозъ самозванца и, задержавъ его коляску съ дѣтьми

и казной, грабили добычу. Нѣкоторые изъ нихъ понеслись-было къ оврагу, но, истомленныя шестимѣсячною гоньбой за мятежниками, лошади не могли догнать бѣглецовъ. Пугачовъ оврагомъ доскакалъ до ближняго лѣса, перевязалъ ногу коня и, съ послѣдними изъ сообщниковъ, скрылся въ лѣсной трущобѣ.

Комиссія, послѣ длиннаго и утомительнаго перегона, не доѣзжая Царицына, остановилась въ станицѣ, надъ Волгой, перемѣнить лошадей. Былъ конецъ августа. Погода стояла знойная, безвѣтренная. Нагорныя, выжженныя солнцемъ, степи праваго берега Волги разстилались желтыми пустырями. Дневная жара и сушь къ ночи смѣнялись холодомъ и сыростью.

Близился вечеръ. Члены комиссіи сидѣли у амбара, на выгонѣ станицы, изъ табуновъ которой ожидали свѣжихъ лошадей. Посланный туда гренадеръ Дибулинъ возвратился съ извѣстіемъ, что въ станицѣ толкуютъ, будто Пугачовъ гдѣ-то, ниже Сарепты, въ конецъ разбитъ, бросилъ войско и обозъ и, съ главными пособниками, едва спасся, переплывая за Волгу.

— Слышали мы такія басни!—сказалъ, зѣвнувъ на это, Галаховъ:—а вотъ мы лучше покуримъ; дай-ка, Трифонычъ, огня.

Онъ закурилъ трубку. Руничъ и Долгополовъ съ нимъ заспорили. Амбаръ, у котораго они толковали, стоялъ на высокомъ бугрѣ, надъ рѣкой. Полулежа, съ прочими, въ его тѣни, Глѣбъ прислушивался къ говору собесѣдниковъ и—соображая, гдѣ въ это время могла быть Марія, доѣхала ли она до Аткарска, перебралась ли за Медвѣдицу и скоро ли кончатся его собственныя скитанія,—поглядывалъ на низменный, лѣвый берегъ Волги, мирно катившей синія, сверкавшія на солнцѣ, воды. Вдругъ онъ приподнялся на локтѣ. На противоположномъ берегу рѣки онъ примѣтилъ нѣсколько всадниковъ, показавшихся изъ-за зеленой уймы камышей. Поодаль за ними заклубился и сталъ близиться къ берегу столбъ пыли.

— Смотрите, господа, смотрите,—вскричалъ Глѣбъ:—что это за конница?

Всѣ вскочили, стали глядѣть. Изъ-подъ пыли видиѣлись новые всадники. Они прыткою рысью неслись, въ обходъ

прибрежнаго озера, направляясь вверхъ противъ теченія рѣки. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ за ними, ѣхалъ, пригнувшись къ соловому, слегка хромавшему иноходцу, одинокій, съ ружьемъ за спиною, всадникъ. За нимъ слѣдовало небольшое прикрытіе, съ вьючными лошадьми.

— Прячьтесь, прячьтесь! — крикнулъ Долгополовъ, въ страхѣ убѣгая за амбаръ: — Боже-Господи! вѣдь это самъ Пугачовъ!

Всѣ послѣдовали за нимъ.

— Да почемъ же ты, однако, думаешь, что это онъ?— спросилъ, глядя за рѣку, Галаховъ.

— Ахъ, не выставляйтесь... Бога ради!—жалобно молилъ блѣдный, какъ полотно, Долгополовъ:—развѣ не видите? его посадка, всѣ ухватки и... соловой конь. При немъ всегда зрительная трубка... и такъ мы врѣзались вонъ впередъ войска... разглядитъ, пропали мы... перевѣшаетъ до одного!

— Пустяки!—сказалъ Глѣбъ, оставшись:—что̀ онъ сдѣлаетъ намъ?

Прочіе, зайдя за амбаръ, молча слѣдили оттуда за всадниками. Миновавъ озеро и камыши, послѣдніе выбрались на песчаный пригорокъ, поѣхали шибче и скрылись вдали.

— Что же, Александръ Павловичъ, — обратился Глѣбъ къ Галахову:—какъ все это объяснить? что если и въ самомъ дѣлѣ мы только-что, воочію, видѣли самого злодѣя и онъ дѣйствительно разбитъ?

— Увы,—отвѣтилъ въ раздумьѣ Галаховъ:—слышали мы то же въ Пензѣ и Саратовѣ; наши странствія, полагаю, нескоро еще кончатся; если злодѣй и понесъ какое-либо новое, частное пораженіе, что̀ же изъ того? видите сами, онъ уже на той сторонѣ и не одинъ.

XXX.

Отъ станицы послышались звуки колесъ. По гладкому выгону, къ амбару, мчались двѣ телѣги тройками.

— Добрыхъ коней раздобыли, — сказалъ Галаховъ:— съ такими къ ночи будемъ въ Царицынѣ.

Телѣги приближались. На передней стоялъ второй изъ посланныхъ въ станицу гренадеровъ, Максимовъ. Держась за ямщика, онъ размахивалъ шапкой и издали еще кричалъ:—«побѣда, радость, ура!» — Гренадеръ спрыгнулъ съ телѣги. Всѣ окружили его.

— Говори, говори!—сказалъ ему Галаховъ.

— Отъ генерала Михельсона, ваше высокоблагородіе, только-что проскакалъ черезъ станицу гонецъ.

— Ну, и что-жъ?

— Онъ мѣнялъ въ расправѣ коня, изъ нашихъ лучшаго взялъ.

— И отлично.

— Такъ вашей милости приказалъ доложить, — злодѣй Емелька, у Сальниковой ватаги, на голову, то-есть, въ конецъ разбитъ.

— Стой, повтори,—произнесъ Галаховъ:—у Сальниковой-ватаги, въ конецъ? гдѣ это?

— Не могимъ знать, — сказывалъ, въ степи гдѣ-то, невдали отъ Чернаго-Яра. Бились четыре часа; положено немало главныхъ начальниковъ злодѣя и между ними, должно, его фельдмаршалъ Овчинниковъ. — а отнято двадцать-пять пушекъ, весь обозъ, съ добычей, коляска, съ дочками и казною Емельки, — и божился гонецъ — больше десяти тысячъ плѣнныхъ... Коляска, ваше высокоблагородіе, какъ бѣжалъ злодѣй, опрокинулась на косогорѣ, донцы и захватили, а женка и сынъ Емельки ускакали за ними верхами.

Всѣ молча сняли шляпы и перекрестились.

— Слава Тебѣ, Господи, слава! поздравляю! — сказалъ Глѣбъ Галахову: — теперь не скажете больше, что наши странствія нескоро еще кончатся?

— А это? — спросилъ Галаховъ, указывая на синѣющіе пустыри за Волгой:—кто изловитъ бѣглецовъ. тамъ, въ этой дикой, родной имъ, степи? Недалеко солёныя озера, а оттуда рукой подать — лѣса и камыши пустынныхъ Узеней... ищи тогда вѣтра въ полѣ, гонись!

— Осмѣлюсь еще доложить, запамятовалъ,—сказалъ, вытянувшись и весело глядя въ глаза Галахову, гренадеръ:— гонецъ тоже, значитъ, сказывалъ, — въ Царицынѣ ждутъ новаго всѣмъ здѣшнимъ корпусамъ командира.

— Кого, кого?—спросили офицеры.

— На простой тележкѣ, одинъ, говоритъ, какъ перстъ, проскакалъ черезъ Сарепту.

— Да кто проскакалъ?

— Изъ Турціи прямо... генералъ-поручикъ Суворовъ... и всѣмъ начальникамъ велѣно сдать ему команду.

Галаховъ вторично снялъ шляпу и склонилъ голову.

— Теперь и я скажу,—произнесъ онъ, глядя на Рунича

и Глѣба:—залитую кровью, донскую лисицу; пожалуй, нынѣ и вскорѣ закапканитъ этотъ ловецъ... Ну, Астафій Трифонычъ,—улыбнулся Галаховъ Долгополову:—готовься и ты; живымъ ли, мертвымъ ли, а скоро повидишь теперь былого своего знакомца и земляка.

Долгополовъ, нахмурясь и какъ бы не слыша обращенныхъ къ нему словъ, молча глядѣлъ на пустынный, лѣвый берегъ рѣки.

Комиссія прибыла въ Царицынъ ночью. Узнавъ тутъ же, что Суворовъ уже въ городѣ, ея члены рѣшили пораньше представиться ему.

«Итакъ, я увижу того, къ которому такъ стремился, о которомъ столько думалъ,—разсуждалъ Глѣбъ, подходя къ небольшой, бѣлой мазанкѣ, на краю города, въ которой помѣщался вновь прибывшій, главный командиръ края,—комиссіи, очевидно, нечего болѣе дѣлать; этотъ самъ возьметъ злодѣя,—будетъ неустанная погоня, молодецкія лихія стычки. Не бросить ли театръ бунта и эту, уже ненужную для дѣла, комиссію? не поспѣшить ли въ Москву обратно къ Маріи? Нѣтъ! надо до конца отслужить дѣлу! Попрошусь въ дѣйствующій, передовой отрядъ».

Передъ избой стояло нѣсколько офицеровъ. Тихо перешептываясь другъ съ другомъ, они почтительно поглядывали на окна избы, у крыльца которой солдаты держали подъ уздцы осѣдланныхъ лошадей. Галаховъ приказалъ доложить о себѣ и былъ позванъ къ Суворову. Глѣбъ успѣлъ сказать пріятелю о своемъ желаніи перейти въ дѣйствующій корпусъ и просилъ замолвить за него слово. Галаховъ недолго оставался въ избѣ. Въ сѣняхъ послышался громкій, какъ бы сердитый, голосъ. На крыльцо быстро вышелъ, въ запыленной треуголкѣ и въ потертомъ, сильно полинявшемъ на солнцѣ, темнозеленомъ мундирѣ, невысокій, худощавый человѣкъ. Поведя передъ собой краснымъ отъ загара носомъ, странно выдѣлявшимся среди бѣлыхъ, выбритыхъ послѣ долгаго перерыва щокъ, вышедшій взглянулъ на стоявшихъ у крыльца и улыбнулся. Глѣбъ сразу узналъ Суворова, за которымъ стоялъ плотный полковникъ.—«Михельсонъ!»—подумалъ Глѣбъ, глядя на него.

— Такъ вотъ, Иванъ Иванычъ, и прочіе герои!—произнесъ Суворовъ, указывая Михельсону на остальныхъ чле-

новъ комиссіи:—молодцы! явились живьёмъ взять Емельку, да не удается все... Что же, помилуй Богъ, попробуемъ!.. Курочка по зернышку клюетъ... Но одинъ изъ васъ просится въ дѣйствующій отрядъ... кто именно?

Глѣбъ молча поклонился.

— Дугановъ?—спросилъ, глядя на него, Суворовъ:—очень радъ,—зналъ твоего отца; у него было двое сыновей,—гдѣ твой братъ?

Глѣбъ разсказалъ о гибели Алексѣя и его семьи въ Курмышѣ. Суворовъ внимательно слушалъ его, посматривая на лагерь, виднѣвшійся невдали, у огородовъ, откуда неслись веселыя солдатскія пѣсни: — «Всѣ мужья до женъ добры, накупили имъ тафты... въ бисеръ низанную — плеть насвистанную»—выводилъ запѣвало. Хоръ громко подхватывалъ.

— Знаешь о нихъ?—спросилъ Суворовъ Михельсона.

— О комъ?

— Слышалъ объ участи родныхъ ему страдальцевъ? — указалъ Суворовъ на Глѣба.

— Какъ же, ваше превосходительство, своими глазами видѣлъ убитыхъ... уцѣлѣлъ, кажется, только младшій ребенокъ,—отвѣтилъ Михельсонъ.

— Мученики! святые страдальцы! и сколько ихъ... сотни, тысячи неизвѣстныхъ!

— И что еще прискорбно, — замѣтилъ Михельсонъ: — въ шайкѣ изверговъ, ограбившихъ и залившихъ кровью Курмышъ, оказались, какъ помню, собственные слуги господъ Дугановыхъ, — старикъ камердинеръ, важный такой толстякъ, и молодой, грамотный лакей... Старику, кромѣ прочаго, я на память обрѣзалъ уши, а молодой успѣлъ изъ-подъ стражи бѣжать и, по слухамъ, кажется, и теперь при самозванцѣ.

«Дронъ камердинеръ... неужели измѣнилъ? — подумалъ Глѣбъ,—а молодой? жена писала Шимковой о бѣгствѣ Сергѣя, —неужели нашъ Сергѣй?»

— Такъ желаешь въ дѣйствующіе? — спросилъ Суворовъ Глѣба.

— Удостойте, ваше превосходительство.

— Да, понимаю тебя и твои чувства... не удерживаю, иди къ тѣмъ вонъ, — указалъ Суворовъ на лагерь; — слышалъ? не унываютъ лихачи, точно дома, въ хороводахъ... Ты, слышалъ я, встрѣтился на пути съ женой, очень

радъ... Такъ и она побывала въ когтяхъ донской кошки? разскажи...

Глѣбъ передалъ о плѣнѣ и спасеніи Mapiѝ.

— Дай ему, Иванычъ, поработать, — сказалъ Суворовъ, указывая Михельсону на Глѣба.

— Отъ души радъ, — отвѣтилъ Михельсонъ, протягивая руку Дуганову.

Суворовъ опять указалъ на лагерь.

— И съ такою горстью, помилуй Богъ,—сказалъ онъ:— разбито пятнадцати-тысячное скопище. Безсмертное дѣло! Летѣлъ я сюда прямо съ Дуная, дорожилъ часомъ, минутой, а когда не давали лошадей, не стыдно сказать, принималъ, для успѣха, даже злодѣйское имя; билъ турокъ, янычаръ, а ужъ Емельку и подавно догонимъ и разобьемъ... Ѣдемъ, Иванъ Иванычъ, ѣдемъ!

Вскочивъ на коня, Суворовъ понесся къ лагерю. Михельсонъ и свита послѣдовали за нимъ.

Причисленный къ одному изъ передовыхъ отрядовъ, посланныхъ въ погоню за самозванцемъ, Глѣбъ съ каждою посылкой на почту писалъ женѣ съ похода. Онъ сообщалъ ей, какъ, разбитый у Сальниковой-ватаги, Пугачовъ переправился черезъ Волгу на рыбачьей лодкѣ, а его сообщники прямо вплавь, подвязавъ къ хвостамъ лошадей плоты изъ тальника, съ уложенными на нихъ ружьями и одеждой, и какъ самозванецъ, спасаясь отъ налетѣвшихъ на него командъ Суворова, бросился сперва къ елтоновскимъ озерамъ, а оттуда, по слухамъ, въ болота и камыши Узенѣй, съ цѣлью перебраться къ черня̀мъ и пескамъ у Каспійскаго моря и скрыться у дружественныхъ ему хановъ въ Персіи. — «Задуманный планъ злодѣю не удался, — писалъ Дугановъ женѣ:—его главные пособники,—Творогѡвъ и Чумаковъ,—измученные безполезнымъ скитаніемъ и голодомъ, поняли, что ихъ дѣло потеряно и, уговоривъ другихъ, рѣшили мнимаго государя связать, при удобномъ случаѣ, и отвезти для выдачи законнымъ властямъ въ Яицкъ. Этотъ случай скоро представился. Сегодня, въ степи, намъ встрѣтился верховой киргизъ: онъ клялся, что вчера, на привалѣ, на Узеня̀хъ, гдѣ раскольничьи старцы-монахи поднесли Пугачову освѣжиться арбузовъ и «бу̀квы», степной здѣшней рѣпы, казаки-заговорщики выманили у него по-

ходный ножъ, какъ бы для того, чтобъ разрѣзать огромный арбузъ. Одинъ изъ нихъ крикнулъ: «Ты не государь, а Емелька! вяжите его, братцы!» — а прочіе схватили его, сняли съ него шашку и стали вязать ему руки. — «Какъ смѣете такъ поступать съ государемъ?» — крикнулъ Пугачовъ. — «Нѣтъ, братъ, теперь уже не обманешь! — отвѣтили ему казаки: — полно проливать безвинную кровь!» — И представь, самозванецъ до того растерялся, что заплакалъ, божился, что не уйдетъ, и молилъ, чтобъ его не вязали. Но едва посадили его на лошадь, онъ изъ всѣхъ силъ погналъ ее и ускакалъ. Его догнали, сбили тупыми концами копій съ сѣдла и, со скрученными за спину руками, вновь посадили на другую, тощую лошадь. Арестанта, по слухамъ, повезли на Бударинскій форпостъ, взятіемъ котораго, осенью минувшаго года, начались всѣ злодѣйства Пугачова, а оттуда препровождаютъ въ Яицкъ, куда изъ всѣхъ силъ скачемъ, по этимъ пустынямъ, и мы».

«Радуйся, милая, дорогая Маша, — писалъ женѣ, отъ 15-го сентября, Дугановъ: — мы въ Яицкѣ и сюда же сегодня прибылъ нашъ главный начальникъ, генералъ-аншефъ Суворовъ. Онъ тотчасъ принялъ въ свое распоряженіе злодѣя, выданнаго капитану Маврину. Я сосчиталъ, — Пугачовъ свирѣпствовалъ почти ровно годъ, поднялъ знамя бунта 18-го сентября прошлаго года, а выданъ и закованъ въ кандалы нынѣшняго 15-го сентября, описавъ истребительный кругъ злодѣяній и крови — отъ Яика за Уралъ, къ Казани и Курмышу, а оттуда — черезъ Пензу, Саратовъ и Царицынъ — къ Черному-Яру и Узенямъ, — болѣе чѣмъ въ двѣ тысячи верстъ. И странное совпаденіе: при обыскѣ нашли у него кошель, съ золотою, серебряною монетой, и какъ думаешь, что̀ оказалось, среди послѣдней? Медаль, выбитая, двѣнадцать лѣтъ назадъ, на погребеніе того самаго, покойнаго государя Петра III, имя коего онъ, невѣжда-злодѣй, столь дерзостно принялъ на себя. А нашъ Астафій Трифоновъ бѣжалъ отъ Галахова и Рунича на одномъ изъ ночлеговъ, увезя съ собой и деньги, присланныя за выдачу злодѣя... Для препровожденія Пугачова къ главнокомандующему графу Панину въ Симбирскъ, по приказу Суворова, сооружается особая, на четырехъ колесахъ, деревянная, какъ бы звѣриная клѣтка и формируется конвой, изъ двухъ ротъ пѣхоты, съ конною казачьей эскортою

и двумя пушками. При этомъ конвоѣ, въ числѣ другихъ офицеровъ, назначенъ шествовать и я».

Въ началѣ октября Марі получила отъ Глѣба письмо, изъ Симбирска, гдѣ онъ, передавая о привозѣ и представленіи самозванца графу Панину, описалъ, какъ Пугачовъ, увидѣвъ графа, упалъ передъ нимъ на колѣни и на его вопросъ: «Какъ ты, извергъ, дерзнулъ назваться царемъ Россіи?» — оторопѣлымъ, но яснымъ голосомъ, при всѣхъ, отвѣтилъ: «Виноватъ передъ Богомъ, государыней и министрами».

Въ теченіе октября, Марі получила еще нѣсколько писемъ отъ Глѣба. Въ нихъ онъ, передавая подробности о шествіи съ арестованнымъ самозванцемъ, сообщилъ, между прочимъ, что на всѣхъ «растахахъ» ихъ встрѣчали особыя гарнизонныя команды, заготовленныя княземъ Волконскимъ, для охраны злодѣя отъ разъяреннаго противъ него чернаго народа. — «Вѣришь ли, Машенька, — писалъ Глѣбъ: — не только на всемъ пути отъ черни, но даже отъ колодниковъ, недавнихъ пособниковъ изверга, изловленныхъ въ разныхъ мѣстахъ и, какъ и онъ, сгоняемыхъ на разборъ дѣла въ Москву, нѣтъ намъ отбоя. Всѣ рвутся взглянуть на страшилище Россіи, громогласно клянутъ его и, распалясь, грозятъ и готовы, если бъ не охрана, разорвать его на части. И еще вообрази, что̀ я узналъ давеча въ Рязани... ты не ожидаешь... Извѣстный намъ обоимъ, сосланный отцомъ на заводъ, но оттуда скрывшійся, Ѳедоръ Пря̀дышевъ, уличенный въ измѣнѣ и нахожденіи въ шайкахъ Пугачова, былъ арестованъ въ Курмышѣ; но, очевидно, подкупилъ гарнизонную стражу, подъ конвоемъ коей пересылался, въ партіи прочихъ колодниковъ, въ Москву, и на-дняхъ, по выходѣ изъ Рязани, бѣжалъ, какъ слышно, съ деньгами и добытымъ оружіемъ. Бѣдный рязанскій воевода въ го̀рѣ, боится отвѣта. Впрочемъ, его утѣшаютъ, что этому арестанту долго не быть на волѣ, такъ какъ и родитель Пря̀дышева не дерзнетъ укрывать такого преступника, и самъ онъ, по наклонности своей, убѣжавъ, начнетъ, вѣроятно, прежде всего тѣмъ, что гдѣ-нибудь не выдержитъ, запьетъ, а потому, безъ особаго труда, и выдастъ себя».

Второго ноября Марі получила, наконецъ, письмо мужа изъ недалекой Коломны и, въ радостныхъ слезахъ, бросилась на шею гостившей у нея Шимковой.

— Ахъ, Надя, ахъ, мой другъ! — вскрикнула она, едва владѣя собой: — представь, Глѣбъ... уже въ Коломнѣ... пишетъ, вотъ письмо!.. послѣ завтра онъ будетъ въ Москвѣ. Ѣдемъ, голубушка, завтра навстрѣчу.

— Но насъ не допустятъ.

— Какъ, да онъ изъ главныхъ при стражѣ. Ѣдешь? у меня и шубка новая, и капоръ...

— Ѣдемъ.

Москва заволновалась, въ ожиданіи привоза Пугачова. Улицы, площади и паперти церквей были полны народа. Всѣ разспрашивали другъ друга, собирались идти навстрѣчу проклинаемаго въ церквахъ злодѣя. Множество пѣшаго люда, богатыхъ крытыхъ возковъ, колымагъ на полозьяхъ, простыхъ кибитокъ и пошевней потянулось изъ Рогожской заставы, по рязанскому тракту, къ Брònницамъ.

XXXI.

Около полудня, третьяго ноября, къ постоялому двору, на окраинѣ Брònницъ, съѣхался рядъ экипажей, тройками, четвернями и шестёрками. Невдали, противъ постоялаго, виднѣлся, окруженный частоколомъ, острогъ; въ переулкѣ, за дворомъ постоялаго, былъ кабакъ. Съѣхавшіеся изъ Москвы любопытные не сводили глазъ съ воротъ острога,— стража котораго, съ минуты на минуту, ожидала прибытія Пугачова, — и не слышали пьяныхъ возгласовъ и пѣсенъ, несшихся изъ кабака.

— Чтой-то, братецъ, у васъ неприличіе какое?—вполголоса спросилъ сòймоновскій кучеръ, указывая съ козелъ подошедшему мѣщанину на переулокъ.

— Іоська кабатчикъ менинникъ,—отвѣтилъ мѣщанинъ:— блаженнаго пресвитера Іосифа нонѣ, а у Іоськи дочь просватана,—съ утра онъ и угощаетъ.

Кучеръ сталъ высматривать городскихъ знакомцевъ. Экипажи и лошади Нелèдинскихъ, Вязмитиновыхъ, Архаровыхъ и другихъ были здѣсь; Дугановскихъ еще не было видно. Изъ улицъ показалось нѣсколько бѣгущихъ мальчишекъ. За ними, отдѣльными кучами, слѣдовали взрослые. Повалила вскорѣ сплошная толпа. Всѣ, оглядываясь, спѣшили къ острогу. Махальный на сосѣдней полицейской каланчѣ далъ знакъ. Выстроенные у острога солдаты, по командѣ офицера, вытянулись, взявъ ружья на плечо. Изъ-за невысокихъ, съ черепичными и соломенными кровлями, домиковъ, показа-

лась просторная рогожаная, побѣлѣвшая отъ инея, кибитка, справа и слѣва окруженная казаками. За нею, въ сопровожденіи пѣхотнаго отряда, двигались на колесахъ двѣ мѣдныя пушки.—«Пугачовъ! Пугачовъ!»—пронеслось въ толпѣ народа, запрудившаго площадь передъ острогомъ. Всѣ ближе надвинулись къ послѣднему. Туда же, кое-какъ пробираясь между толпой, подъѣхали и экипажи, а за ними протиснулись и гости именинника-кабатчика.

— Такъ вотъ онъ, вотъ,— толковали въ народѣ:—Мать-Пресвята Богородица! Іисусе! и такой плюгавый, отрёпанный, съ бородёнкой, объявился царемъ! Почешетъ тебѣ, паскуднику, спину-то и рёбра катъ!

— Только-то? спину, да рёбра? ну, братъ, за таки убивства, да за пролитіе тысячей крови, нешто, помирятся на томъ?

— Кончилось мужичье царство! — разсуждали, въ то же время, въ колымагахъ и возкахъ: — алчному тигру не властвовать, не пить больше крови... А, смотрите, нашъ-то Дугàновъ, Глѣбъ Андреичъ...

— Гдѣ онъ? гдѣ?

— Да вонъ, у кибитки, слѣдитъ, какъ изверга высаживаютъ казаки...

— Почему онъ тутъ?

— Развѣ не слышали? онъ и Повалошвèйковскій причислены къ отряду Галахова... узнаетъ ли?. хорошо бы подозвать его, разспросить.

Началъ падать снѣгъ. Пугачовъ медленно вылѣзъ изъ кибитки, отряхнулся, искоса, какъ подстрѣленный волкъ, глянулъ на народъ и баръ, смотрѣвшихъ на него, и, звеня ручными и ножными кандалами, пошелъ, среди конвоя, въ ворота острожнаго двора. Въ переднемъ ряду любопытныхъ, въ это время, стоялъ протискавшійся сквозь толпу, рослый и плотный, въ старомъ тулупѣ и мѣховой шапкѣ, съ опухшимъ и потемнѣлымъ лицомъ, пьяный прохожій. Его налитые кровью глаза впивались въ Дугàнова. То былъ бѣжавшій изъ-подъ стражи и направлявшійся къ отцу Ѳедоръ Прядышевъ. Онъ узналъ Глѣба.—«Такъ вотъ, гдѣ встрѣтились!— думалъ онъ, охваченный дрожью, вглядываясь въ Дугàнова,— ты счастливъ, въ почётѣ,—да какомъ!—самозванца на судъ и казнь везешь! А я? не укрыться, видно, измѣннику—бродягѣ, вездѣ найдутъ... одна судьба, одинъ конецъ!»—Обрывки пережитаго проносились въ его хмельной головѣ. Смутно

вспомнился ему спектакль у Соймоновыхъ, бѣгство съ Серафимой, пріѣздъ въ Кіевъ, цыгане. Луша, попойки, прибытіе отца съ Глѣбомъ, высылка за Уралъ и гибель Серафимы въ Курмышѣ... Снѣгъ падалъ, осыпая ему лицо. Мрачные, дикіе помыслы пронизывали его холодомъ и жаромъ. Что-то безобразное, подавляющее росло и поднималось въ его душѣ. И въ то мгновеніе, когда, нежданно-окликнутый знакомымъ голосомъ, Глѣбъ оглянулся, увидѣлъ передъ собой Прядышева, на секунду, удивленный этой встрѣчей, остановился и, съ радостною улыбкой, бросился на зовъ къ чьему-то подъѣхавшему возку,—Прядышеву показалось, что Глѣбъ, примѣтивъ его, спѣшитъ его арестовать. Онъ рванулся изъ толпы, выхватилъ изъ-за пазухи пистолетъ, взвелъ курокъ и прицѣлился. Раздался выстрѣлъ.

— Ай-ай! держи его, держи!—послышались крики!—убили...

— Кого?

— Офицера... гляди! на смерть, видно! упалъ, сердечный...

Дымъ отъ выстрѣла разсѣялся. Схваченнаго Прядышева окружилъ народъ. Шапка съ него свалилась, тулупъ былъ разорванъ.—«Кушаки, ребята! вяжи его!»—кричали одни.—«На судъ! на разборъ самозванцева-то приспѣшника!» —кричали другіе. — «Сами, православные, разберемъ! бей окаянника! въ смерть его, пса!» — Толпа навалилась на схваченнаго. Мелькали дубины и кулаки; летѣли клочки тулупа. Освирѣпѣлая толпа мяла и терзала безпомощно-хрипѣвшую жертву.

Галаховъ, Руничъ и Повалошвейковскій бросились къ упавшему Дуганову.

— Что съ тобой, голубчикъ, Глѣбъ Андреичъ?—спросилъ Галаховъ, нагнувшись къ нему и растёгивая на его груди окровавленный мундиръ:—ты раненъ? гдѣ?

Глѣбъ не отвѣчалъ. Его большіе, черные глаза спокойно и кротко смотрѣли съ блѣднаго, неподвижнаго лица, какъ бы говоря: «что съ вами? изъ-за чего тревога и смущеніе? развѣ не видите? я счастливъ, счастливъ вполнѣ».

— Пустите, пустите!—раздался вопль среди экипажей.

Толпа разступилась. На площадкѣ показалась молодая, блѣдная женщина, въ голубой атласной шубкѣ и собольемъ капорѣ. Она подбѣжала къ столпившимся офицерамъ, вскрикнула: «Глѣбушка, Глѣбъ!»—и, рыдая, припала къ простертому на снѣгу Дуганову.

— Кто это?—тихо спросилъ Галаховъ даму, помогавшую ему и товарищамъ его приподнять и привести въ чувство упавшую.

— Боже мой! жена его, жена!—отвѣтила дама:—но онъ, скажите, живъ ли?

— Успокойтесь, живъ, но сильно раненъ,—отвѣтилъ Галаховъ:—а того, тулупника, очевидно, порѣшили.

Четвертаго ноября, 1774 года, Пугачова торжественно ввезли въ Москву, на монетный дворъ; десятаго января его казнили, за Москвой рѣкой, на Болотѣ.

Гостившій у Дугановыхъ и ухаживавшій за больнымъ еще Глѣбомъ, Травкинъ присутствовалъ при этой казни. Благодаря служебнымъ связямъ Глѣба, Силѣ Ѳомичу удалось помѣститься у самаго эшафота. Онъ видѣлъ, какъ самозванецъ, ѣдучи по улицамъ, переполненнымъ народомъ, на высокомъ помостѣ, устроенномъ поверхъ саней, держалъ въ исхудалыхъ рукахъ большую, горящую свѣчу желтаго воска, таявшаго отъ вѣтра и обливавшаго ему судорожно-стиснутыя руки. Травкинъ видѣлъ, какъ Пугачовъ, взведенный на эшафотъ, молча выслушалъ приговоръ къ четвертованію и «съ торопленнымъ видомъ» сталъ кланяться на всѣ стороны, громко повторяя: «Прости, народъ православный! отпусти— въ чемъ согрѣшилъ передъ тобой! отслужу, отслужу!..»

— «Въ чемъ это онъ, извергъ, надѣется отслужить? — удивился Травкинъ: — неужели и вправду, какъ увѣряли, полагаетъ, что такого небывалаго злодѣя могли бы простить и дать ему загладить его вины, на иномъ, хотя бы ратномъ поприщѣ?» — Травкину вспомнился лагерь самозванца подъ Саратовымъ, висѣлица надъ оврагомъ и пляска его крестника передъ пьяными душегубцами. Онъ не спускалъ глазъ съ эшафота. Также пристально вглядывался въ самозванца и одинъ изъ осужденныхъ съ нимъ преступниковъ, стоявшихъ на сосѣднемъ эшафотѣ. То былъ взятый въ плѣнъ, послѣ сраженія, приговоренный къ кнуту и вырѣзанію ноздрей, старый умётчикъ Оболяевъ, онъ же и Ерёмкинъ-курица. Бывшій хоругвеносецъ самозванца, съ трепетомъ глядя теперь на скованнаго Емельку, вспоминалъ дни, когда Пугачовъ, проживая у него на умётѣ, нежданно объявилъ себя царемъ и, увлекая другихъ, такихъ же, какъ онъ, Оболяевъ, слѣпцовъ, пронесся по Заволжью потокомъ крови и пожа-

ровъ. Пугачовъ, быстро подхваченный въ это мгновеніе палачами, снявшими съ него бѣлый бараній тулупъ и кандалы и рвавшими рукава его шелковаго малиноваго полукафтана, сталъ-было изъ всѣхъ силъ упираться, но вдругъ, какъ бы понявъ весь ужасъ неизбѣжной, надвигавшейся надъ нимъ развязки, безпомощно всплеснулъ руками и, какъ чурбанъ, опрокинулся навзничь. По площади пронесся смутный гулъ...

На высокомъ столбѣ эшафота показалась воткнутая на желѣзную спицу, отрубленная, растрёпанная и облитая кровью, голова Пугачова.

— Вотъ тебѣ и корона, вотъ тебѣ и престолъ! — толковали въ многотысячной толпѣ, тѣснившейся къ эшафоту:— тоже царемъ, сиволапый, захотѣлъ быть! сказывали — тузъ, богатырь... куда! бородка жидёхонька и весь-то, ну, харчевникъ плюгавый,— одно слово—мелкота...

«Да, — разсуждалъ Травкинъ, ѣдучи съ казни, — мелкота!.. а какихъ дѣлъ натворилъ! сколько пролилъ крови, грозилъ двумъ столицамъ, да и имъ ли только грозилъ?»

Въ Москвѣ говорили, что рана Дуганова не заживетъ, что онъ безнадеженъ, и одно время носилась даже упорная молва, что онъ скончался. Благодаря неустаннымъ заботамъ Марі, онъ остался живъ, выздоровѣлъ и, съ наступившимъ лѣтомъ, уѣхалъ на родину въ Малороссію.

Весной, передъ отъѣздомъ съ мужемъ въ деревню, Марі неожиданно получила письмо отъ Спесивцева. Это письмо было помѣчено 15-мъ февраля 1775 года. Находясь, для излѣченія, въ Италіи, онъ писалъ ей, что на-дняхъ, отъ заѣзжаго москвича, онъ случайно узналъ печальную вѣсть о роковомъ событіи съ Глѣбомъ Андреевичемъ и о его нежданной кончинѣ. Спесивцевъ спрашивалъ, вѣренъ ли этотъ ужасный слухъ, скорбѣлъ о потерѣ Марьи Родіоновны и просилъ простить ему то, что невольно рвалось высказаться изъ его сердца.—«Я когда-то былъ на волоскѣ отъ смерти,— писалъ онъ Дугановой:—и теперь еще далеко я не Голіафъ, едва какъ видите, вожу перомъ; попрежнему, кашель и кашель... но все превозмогаетъ и, смѣло надѣюсь, превозможетъ великая и могучая сила природы. А когда, среди этой чудной, южной весны, среди вновь зацвѣтающихъ розъ, сирени и геліотроповъ (сравните съ ними снѣга и морозы родного февраля, въ Москвѣ!), воскресшій безумецъ снова

примчится къ вамъ, о чемъ онъ только и мечтаетъ на чужбинѣ, и рѣшится, наконецъ, сказать вамъ то, что̀ давно таилось въ его душѣ и о чемъ онъ не дерзалъ вамъ донынѣ даже намекнуть,—неужели вы не повѣрите ему, отвернетесь отъ него? Нѣтъ, вы пожалѣете его, протянете руку обожающему васъ безумцу».

Лѣтомъ, уже въ деревнѣ, Дуганова, разбирая на балконѣ свои бумаги и какъ бы нечаянно вспомнивъ объ этомъ письмѣ, дала его прочесть Глѣбу, сидѣвшему здѣсь, съ кипой новыхъ, привезенныхъ съ почты, листовъ *Московскихъ Вѣдомостей.*

— И что̀ же ты отвѣчала ему на это?—спросилъ Глѣбъ, прочтя письмо и помѣту на немъ.

Его голосъ слегка дрожалъ; въ глазахъ, устремленныхъ на жену, мелькнуло томительное недоумѣніе и какъ бы испугъ. Марья Родіоновна замѣтила это. Она вынула изъ шкатулки и подала мужу другое письмо, съ черною каймой. Въ ней незнакомый ей человѣкъ, на французскомъ языкѣ, по обѣщанію, данному имъ, какъ онъ выразился «сосѣду по загородной виллѣ»—русскому врачу Спесивцеву,—извѣщалъ ее, что названный Спесивцевъ,—20-го февраля того же 1775 года, къ сожалѣнію всѣхъ, знавшихъ его, скончался близъ Палермо, на виллѣ «Fortuna dolce».

— Бѣднякъ прожилъ, послѣ своего письма, всего пять дней!—сказалъ, покачавъ головою, Глѣбъ:—жаждалъ такъ жизни, стремился на родину.

— Зато, пожалуй, и счастливъ... умеръ въ надеждѣ,—не дождавшись моего отвѣта!—произнесла, съ затаеннымъ вздохомъ, пряча письма, Марі̀.

Въ деревнѣ Глѣбъ Андреевичъ окончательно оправился, по совѣту матери вышелъ въ отставку, съѣздилъ въ Курмышъ за осиротѣлымъ сыномъ Алексѣя, Колей, и принялъ опеку надъ нимъ и надъ его имѣніемъ.

Въ заботахъ о воспитаніи сына и племянника, Глѣбъ и Марі̀ прожили въ Малороссіи тихо и счастливо длинный рядъ годовъ.

По смерти матери, Глѣбъ занялся устройствомъ Ракитнаго, развелъ новый плодовый садъ, увеличилъ запашку, вырылъ нѣсколько прудовъ въ степи, выписывалъ хозяйственные журналы и служилъ по выборамъ. Онъ держалъ себя

со всѣми чинно, но ласково, былъ всегда чисто, со вкусомъ одѣтъ и тщательно выбритъ. Глядя на него и на Марiи, посторонніе говорили: «Вотъ голубки эти Дугановы! входятъ въ преклонныя лѣта, а, кажись, влюблены донынѣ другъ въ друга, какъ юноши, не наглядятся одинъ на другого». — Случались, впрочемъ, иногда вспышки былого, забытаго недуга. Глѣбъ ни съ того, ни съ сего, дома или въ гостяхъ, среди знакомыхъ, добродушно оказывавшихъ Марiи знаки душевнаго почтенія, вдругъ чувствовалъ приступы обуревавшей его ревности. Онъ мгновенно блѣднѣлъ, лицо его подергивалось судорогами и въ глазахъ сверкалъ зловѣщій огонекъ. Но это длилось не долго. Онъ выпивалъ залпомъ, какъ бы отъ жажды, стаканъ-другой холодной воды, и когда былъ въ гостяхъ — немедленно уѣзжалъ, увозя съ собой подъ какимъ-либо предлогомъ и жену, а если былъ дома — садился на коня и, какъ безумный, скакалъ по полямъ. За столомъ, у вечерняго чая, все проходило и забывалось. — «Ахъ, Маша, какъ я счастливъ, — говорилъ онъ тогда, цѣлуя руку жены и глядя на сына: — такая ты добрая у меня, прощающая!»

Прошло двадцать-пять лѣтъ. Сыновья Глѣба и Алексѣя Дугановыхъ, Василій и Николай, выйдя изъ кадетскаго корпуса, давно находились на службѣ, въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ. Ракитнымъ завѣдывалъ, какъ всегда, самъ Глѣбъ, Горками — крестный сынъ престарѣлаго, еле уже двигавшаго ноги, но еще бодраго душою, Силы Ѳомича, — Борисъ Травкинъ, прозванный съ Пугачовщины «плясуномъ». Въ 1799 году, двоюроднымъ братьямъ привелось, съ арміей фельдмаршала Суворова, совершить походъ въ Италію, гдѣ оба они участвовали въ знаменитыхъ битвахъ, при Трѐбіи и Нòви, противъ «корсиканскаго Пугачова», какъ Глѣбъ называлъ Наполеона. Возвращаясь изъ похода, съ наградами за отличіе, одинъ — орденомъ, другой — чиномъ, они рѣшили, сюрпризомъ, заѣхать въ изюмскій уѣздъ, въ Ракитное, гдѣ попрежнему, безвыѣздно, мирно и счастливо жили Глѣбъ Андреевичъ и Марья Родіоновна и куда, какъ братья знали изъ писемъ, они, около того времени, ждали изъ Москвы Шимкову, а изъ Горокъ — Травкина, съ крестникомъ — плясуномъ.

Едва, со стороны деревни, послышался звукъ ихъ коло-

кольчика, надъ столѣтними, дуплистыми ракитами и липами сада, поднялась, съ крикомъ, исполинская стая воронъ и грачей.

— Точно нашего Суворова на смотру армія привѣтствуетъ!—сказалъ Василій Дугановъ брату, съ улыбкой глядя на крылатыя полчища, горланившія въ небесной синевѣ.

— А вонъ, смотри, вонъ!—произнесъ Николай Дугановъ, указывая изъ-за деревьевъ на домъ, къ которому они мчались.

Тамъ, на обветшаломъ крыльцѣ, виднѣлся загорѣлый и сѣдоусый, какъ всегда, прифранченный, въ бѣломъ, пикейномъ рединготѣ, Глѣбъ Андреевичъ,— рядомъ съ нимъ, въ палевой косынкѣ на сѣдыхъ волосахъ, Марья Родіоновна, съ крошкой крестницей, Ѳимочкой, дочерью Бориса Травкина, а возлѣ нихъ—Шимкова и махавшій платкомъ Сила Ѳомичъ. Всѣ они сидѣли передъ тѣмъ у стола, гдѣ Марья Родіоновна кончала мѣтки на бѣльѣ, заготовленномъ для сына и племянника, а Глѣбъ читалъ газеты, поданныя ему старымъ Дрономъ, которому господами было разрѣшено постоянно ходить въ особой плисовой шапочкѣ, съ наушниками, вслѣдствіе потери ушей, отрѣзанныхъ у него «на память» въ Курмышѣ Михельсономъ.

Радостныя слезы текли по красивому еще лицу былой Маріи. Облокотясь на руку мужа и глядя на подъѣзжавшихъ путниковъ, она счастливо улыбалась. Не помнила Марья Родіоновна, въ эти мгновенія, ни чернаго пугачовскаго года, ни другихъ бѣдъ и горестей, пережитыхъ ею. Ей вспоминалось одно, что въ это мгновеніе она была вполнѣ и безконечно счастлива.—«А если,—мысленно говорила она себѣ: — если этому счастью, какъ всему на свѣтѣ, суждено когда-нибудь кончиться,—Ты, Господи, охранялъ рабу Свою... приду подъ охрану Твою, прими тогда съ миромъ!»

1887 г.

Оглавленіе

XVI тома.